

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855862 8

ВЪСТЪЖЪ ЕВРОПѢ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.
ЛІТЕРАТУРЪ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-Я. — МАРТЪ, 1874.

I.—НОЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ.—I-II.—П. А. Кулиша.	Стр. 5
II.—ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ.—Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть третья и послѣдняя.— Г. П. Данилевскаго	86
III.—СОВСТВЕННЫЙ РОМАНЪ ЛИТЕРАТОРА.—Lettres à une inconnue, par Pr. Mérimée.—А. Н—а	170
IV.—В. Г. БѢЛИНСКІЙ.—Опытъ біографіи. — I. Дѣтство и юношескіе годы.—А. Н. Цыпина	205
V.—КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО. — Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.— XIII-XXI.—А. Э.	231
VI.—ХРОНИКА.—НАШИ НЕОТВЕРЖЕННЫЕ ДОЛГИ.—Ил. Иг. Кауфмана	295
VII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Государственная роспись на 1874 г. — Отчетъ контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ. — Голодъ въ Самарской гу- берніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ	334
VIII.—ОБЪЯСНЕНІЕ, по поводу „Отвѣтовъ“ на вопросы объ операціяхъ Государствен- наго Банка.—А. А. Головачова	355
IX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Выборы въ германскій рейхстагъ.—Открытіе сессіи.—Военный законъ. — Рѣчь Рихтера.—Рѣчь Мольте. — Предложеніе Тейтша.—Выборы въ Великобританію.—Пораженіе Гладстона.—Новое пра- вительство въ Англіи	377
X.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.—Политическая неурядица и ли- тературныя новости: романъ В. Гюго.—П.	398
XI.—ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БРИТИКА.—Письма въ Редакцію по поводу „Замѣча- ній“ и вопросовъ проф. Сѣченова.—I.—К. Д. Кавелина	411
XII.—НЕКРОЛОГЪ. — М. А. Максимовичъ. — Его литературное и общественное значеніе.—М. Драгоманова	442
XIII.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.— II.—Уставъ Саратовскаго Общества вспоможенія недостаточнымъ лю- дямъ, стремящимся къ высшему образованію	454
XIV.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Объявленіе о подпискѣ на журн. „Вѣстникъ Европы“ въ 1874 г., и объ особомъ изданіи
той же редакціею „Года“, истор.-полит. обозрѣній 1872—73 гг., см. ниже.

Объявленіе о новомъ изданіи: «Русская Библіотека», первая книга которой
содержитъ избранія сочиненія А. С. Пушкина—см. въ отдѣлѣ
объявленій стр. VIII.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1874-мъ году.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, въ 1874-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к.—въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просить подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно въ редакцію „Вѣстника Европы“—въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20—* для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Г. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. Θ. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію—*49 руб.*; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества—*20 руб.*; во Францію и Данію—*21 руб.*; Англію, Швецію, Испанію,

Португалию, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—23 руб.; въ Италію и Японію—24 руб.; въ Америку—25 руб.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книги редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи его нумера, редакція отвѣчаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція поворно просить, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, въ которой допускается раздача журналовъ и газетъ, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и затѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемена адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т.е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просить сообщать предъ выѣздомъ свой новый адрессъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ то же время извѣстить редакцію о переменѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просить, на основаніи нижепомѣщенного распоряженія Почтоваго Департамента, сообщать въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ, никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первою почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желающіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

„Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности удовлетворять жалобы подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо нумера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ просить редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ напечатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо нумера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т.е. не позже какъ по полученіи слѣдующаго нумера, подобно тому, какъ это установлено для заявленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ“.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ
ПРОДАЖУ:

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 г.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Томъ I—въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Стр. 568. Съ приложе-
ніемъ документовъ и трехъ каталоговъ книгъ русскихъ и ино-
странныхъ за 1873 годъ.

Программа изданія:

ГОДЪ, историко-политическое обозрѣніе имѣетъ цѣлью соби-
рать и приводить въ систему важнѣйшія данныя изъ области по-
литической и общественной жизни ближайшаго періода времени,
группируя ихъ по государствамъ современнаго историческаго міра.
Хронологическимъ предѣломъ обозрѣнія избирается октябрь мѣсяцъ
предыдущаго и настоящаго года; временемъ выхода въ свѣтъ —
декабрь. Въ приложеніи помѣщается полный или извлеченный текстъ
болѣе примѣчательныхъ историческихъ документовъ и каталогъ за
текущій годъ, русской, французской, нѣмецкой и англійской лите-
ратуры, расположенные по предметамъ и въ алфавитномъ порядкѣ.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ТОМА:

Часть первая: РОССИЯ (1—226 стр.):

Отъ редакціи „Вѣстника Европы“.

- I. Статистическій обзоръ.
- II. Хронологическій обзоръ.
- III. Финансы: Государственная роспись на 1873 г. — Отчетъ контроля за 1871 г. — Военная и морская сметы за 1874 г.
- IV. Акцизно-питейное дѣло: Возвышеніе виннаго акциза и пошлины. — Новое росписаніе питейно-патентнаго сбора. — Правила о раздробительной продажѣ вина въ Петербургѣ. — Вопросъ объ отиженіи обязательной крѣпости вина въ продажѣ.
- V. Война съ Хивомъ.
- VI. Воинская повинность и преобразование арміи.

VII. Железныя дороги, почта и телеграфы.

VIII. Земство: Законъ о земскихъ хозяйствахъ. — Земскіе сборы за трехлѣтіе.

IX. Уголовная статистика за 1872 г.

X. Сельское хозяйство и положеніе крестьянъ.

XI. Крестьянскій судъ.

XII. Духовное вѣдомство: Отчетъ по духовному вѣдомству за 1871 г. — Гражданскія права раскольниковъ. — Бюджетъ специальныхъ средствъ духовнаго вѣдомства на 1873 годъ.

XIII. Преобразование духовнаго суда.

XIV. Бюджетъ Петербурга на 1873 г.

Часть вторая: ЗАПАДЪ (227—568 стр.):

- I. Германія.
 - 1) Германская имперія.
 - 2) Пруссія.
 - 3) Отдѣльныя государства германской имперіи.
- II. Австро-Венгрія.
- III. Турція и ея вассальныя государства въ Европѣ.
- IV. Греція.
- V. Швеція и Норвегія.

VI. Данія.

VII. Нидерланды.

VIII. Бельгія.

IX. Франція.

X. Швейцарія.

XI. Италія.

XII. Португалія.

XIII. Испанія.

XIV. Великобританія и Ирландія.

XV. Соединенные американскіе Штаты.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- I. Официальное объясненіе къ тексту договора съ Хивомъ (12-го августа 1873 г.).
- II. Условія мира Россіи съ Хивомъ.
- III. Протоколъ о правѣ русскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью въ Турціи.
- IV. Правила для разрѣшенія постройки желѣзныхъ дорогъ.

V. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно положенія о петербургскомъ градоначальствѣ.

VI. Извлеченіе изъ отчета Государственнаго Контроля по исполненію росписи за 1872 годъ.

КАТАЛОГИ книгъ за 1873 годъ: I. Русская литература. II. Французская литература. III. Нѣмецкая и англійская литература.

ЦѢНА:

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстника Европы“, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Баунова (Невск. пр., 30.) и въ Конторѣ Типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 2 л., 7.) — 3 рубля, съ пересылкою 3 р. 50 к.

НВ. Подписчики „Вѣстника Европы“ прилагаютъ къ подписной цѣнѣ на журналъ только 2 рубля и платятъ: 1) подписчики безъ доставки — 17 р. 50 к.; 2) съ доставкой — 18 р.; 3) съ пересылкою въ губерніи и за границу — 19 рублей.

Редакція „Вѣстника Европы“.

С.-Петербургъ. — Декабрь, 1873.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

9146

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

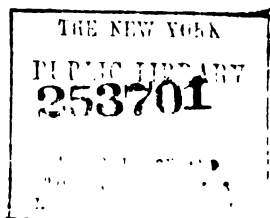
Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казанск. моста,
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

17

ПОЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

I.

Развитіе сельскаго хозяйства въ старой Польшѣ. — Стѣсненіе рабочаго класса. — Колонизація пустынныхъ мѣстностей. — Движеніе колонизаціи къ Днѣпру, Бугу, Днѣстру. — Плодородіе новозаселенныхъ земель. — Крупные землевладѣльцы.

Когда юго-западная Русь вошла въ составъ польско-литовской политической системы, она представляла безпорядочное собраніе пустошей, оставшихся послѣ татарскаго разгрома ея защитниковъ и послѣ татарскаго господства надъ остатками ея населенія. Задача дѣйствительнаго владѣнія и пользованія малолюдными, или вовсе безлюдными, землями, естественно, была и задачей сплошнаго заселенія этихъ земель. Но общаго плана колонизаціи окраинъ государства Польша тогда еще не имѣла. Онъ образовался въ шляхетской средѣ мало-по-малу, подъ влияніемъ частныхъ интересовъ отдѣльныхъ домовъ и ихъ приверженцевъ.

Уступивъ крестоносцамъ Поморье, Польша заперла-было себѣ выходъ водянымъ путемъ въ западную Европу. Только во второй половинѣ XV вѣка удалось ей наконецъ подчинить себѣ крестоносцевъ и открыть свободный доступъ водою въ Балтійское море. Съ этого собственно времени начинается то движеніе въ экономическомъ ея развитіи, которое дало полякамъ возможность владѣть пустынными окраинами государства въ качествѣ хозяевъ, а не такъ, какъ владѣли ими татары и ихъ басмаки. Промыш-

ленная дѣятельность всей равнины Вислы быстро оживилась. Панскія имѣнія, пользовавшіяся привилегіями, стали приносить неслыханные до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выросли въ короткое время; малыя хозяйства превращались въ обширныя, а накопленіе богатствъ способствовало распространенію въ панскомъ обществѣ образованности. Это общество, въ силу своихъ наслѣдственныхъ понятій, смотрѣло на городскую торговлю съ пренебреженіемъ, и только изъ земли считало для себя неунимательнымъ извлекать доходы. Превосходство богатства, образованности, политическихъ правъ—все было обращено на увеличеніе производительности панскихъ имѣній. Съ ущербомъ для промышленности городской, стало въ Польшѣ процвѣтать сельское хозяйство. Изъ отдаленныхъ странъ Европы—Франціи, Фландріи, Англіи, Шотландіи, Ирландіи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Германіи—въ Данцигскій и другіе порты приходило по пяти тысячъ кораблей за хлѣбомъ, деревомъ для постройки судовъ, поташомъ, льномъ, пенькою, шерстью, шкурами, воскомъ. Десятки тысячъ воловъ и многочисленные табуны лошадей отправлялись ежегодно въ Германію, Богемію, Моравію. Одного хлѣба отпускалось за границу каждый годъ на 9 милліоновъ талеровъ. И все это производилось большими хозяйствами, которыя еще въ XV вѣкѣ начали быстро выростать на счетъ малыхъ.

На изготовленіе такой массы продуктовъ требовалось множество рукъ, а между тѣмъ число свободныхъ работниковъ, заинтересованныхъ выгодами сельской жизни, не соответствовало страсти къ земледѣлію, овладѣвшей богатыми и просвѣщенными панамъ. Поэтому, въ законодательныхъ шляхетскихъ собраніяхъ изыскивались мѣры, стѣснявшія рабочій классъ общества въ пользу землевладѣльцевъ. Мало-по-малу чиншная система хозяйства уступила мѣсто системѣ панщины, и положеніе земледѣльческаго населенія вообще ухудшилось до такой степени, что уже въ половинѣ XVI вѣка польскіе писатели начали предостерегать общество о грозившей ему отсюда опасности. Съ одной стороны, легкость приобрѣтенія малыхъ имѣній богатыми помѣщиками, съ другой, все большее и большее дробленіе наслѣдственныхъ земель въ рукахъ мелкопомѣстной шляхты—увеличивали классъ привилегированныхъ, но необразованныхъ людей, именно такъ-называемую «заговную» шляхту, которая вмѣсто того, чтобы составлять на сеймахъ противовѣсъ магнатамъ, дѣлалась безсознательнымъ орудіемъ ихъ частной и общей политики. Что касается до простолюдиновъ, то они еще въ концѣ XIV вѣка начали по закону терять право свободного перехода съ мѣста на мѣсто; потомъ

имъ запрещено во время жнивѣ отправляться за границу, а наковецъ, не позволялось ходить на заработки даже въ польскіе города. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было обѣдненіе крестьянъ и повсемѣстное бѣгство ихъ изъ панскихъ имѣній. Колонизаторы пустынныхъ мѣстностей пользовались такимъ положеніемъ вещей и переманивали въ себѣ рабочій классъ обѣщаніемъ льготъ, а отъ строгости закона защищались политическимъ своимъ значеніемъ и надворными дружинами. Такимъ образомъ, общественный строй Польскаго государства подчинился силѣ сравнительно немногихъ лицъ, и начался порядокъ вещей, основанный на такъ-называемомъ въ польской исторіи «можновладствѣ» (вельможествѣ).

Всѣ эти явленія общественной польской жизни повторялись, въ своей послѣдовательности, на польской Руси, которая окаймляла коренную Польшу съ юго-востока. По мѣрѣ того, какъ воинственная часть польскаго общества успѣвала въ преслѣдованіи татаръ, потомковъ первоначальныхъ опустошителей Руси и Польши, она открывала просторъ для польской цивилизаціи, со всѣми ея достоинствами и недостатками. На пространствѣ отъ Карпатъ до рѣки Нарева прибывали новоустроенные повѣты и воеводства. Вскорѣ по основаніи въ Галиціи Русскаго воеводства, въ 1462 году появилось воеводство Белзское, въ восточной части того же края. Тогда же населеніе русскаго берега Вислы у Сандомира увеличилось до такой степени, что надобно было, около 1471 года, заложить тамъ новое воеводство, Люблинское. Спустя немного времени, въ землѣ исчезнувшихъ ятвяговъ появилось воеводство Подляское. Въ 1563 году, «по причинѣ стущенія рыцарской людности» въ землѣ Галицкой, признано было нужнымъ установить въ Галичѣ другой сеймичъ для Русскаго воеводства, а черезъ четыре года, по той же самой причинѣ, южная оконечность Волыни получила отдѣльное устройство, подъ названіемъ воеводства Брацлавскаго.

Страхъ татарскихъ набѣговъ стущалъ хутора и села сперва у такихъ мѣстъ, которыя представляли больше защиты и убѣжища во время внезапной опасности. По этой причинѣ прежде всего дѣлались людными окрестности укрѣпленныхъ городовъ, каковы были: Баръ, Брацлавъ, Винница, Кіевъ. Но потомъ всего больше начала привлекать къ себѣ богатая травами черноземная мѣстность, лежавшая широкою пустынею ниже Канева и Бѣлой-Церкви, отъ Сулы и Днѣпра до Буга и далеко еще за Бугъ, — мѣстность, которую успѣли отстоять противъ половцевъ древніе русичи, и которую теперь потомкамъ ихъ приходилось отстаивать противъ татаръ. Сюда спѣшили изъ глубины внутреннихъ

областей предприимчивые люди искать новаго счастья. Знатные паны выпрашивали себѣ здѣсь у короля обширныя украинскія старобства; мелкая шляхта добивалась должностей второстепеннаго, «не-городового» старосты, управлявшаго, подъ именемъ дозорцы, королевскимъ имѣніемъ, безъ права суда и расправы; простолюдиновъ манила льгота отъ всякихъ платежей и повинностей, которую основатели новыхъ «осадъ» давали поселенцамъ на много лѣтъ впередъ. Плодородіе земли украинской вознаграждало труды каждаго. Молва прославила эту землю, какъ обѣтованную, а современные польскіе публицисты печатали, для распространенія между сеймующими панами, брошюры о томъ, какъ слѣдовало бы распорядиться этимъ краемъ, для извлеченія изъ него наибольшихъ выгодъ. Одни совѣтовали завести на лѣвой сторонѣ Днѣпра рыцарскую школу, для которой образцомъ предполагалось избрать нѣмецкихъ крестоносцевъ; другіе находили удобнымъ раздѣлить всю порожнюю землю на Украинѣ между убогою шляхтою, и пророчили, что этимъ способомъ здѣсь образуется новая Рѣчь Посполитая, такъ какъ порожней земли считалось тогда въ Украинѣ больше, нежели вся Великая и Малая Польша, взятая вмѣстѣ. «Дивное дѣло», толковали паны на сеймахъ, «что лузитанцы и голландцы овладѣли антиподами и Новымъ Свѣтомъ, а мы до сихъ поръ не въ состояніи совершенно заселить такого близкаго и плодоноснаго края, который такъ легко намъ занять. Мы знаемъ этотъ край меньше, нежели голландцы Индію» ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, не только польскимъ государственнымъ людямъ, но и московскимъ думнымъ дьякамъ не было тогда извѣстно, гдѣ оканчивается земля одного государства, и гдѣ начинается—другого. Поляки сознавались, что украинскія пустыни «еще не присоединены къ ихъ государству опредѣленными границами и не составляютъ ничьей собственности»; а царь Theodore, въ 1592 году, называлъ «своимъ путивльскимъ рубежомъ» берега рѣки Сулы, гдѣ князь Вишневецкій заложилъ тогда, на старомъ пепелищѣ, городъ Лубны, уничтоженный нѣкогда татарскимъ нашествіемъ. Когда мысль о заселеніи украинскихъ «пустынь» начала занимать умы знатныхъ пановъ, никто не умѣлъ опредѣлить границъ, до которыхъ эти пустыни простирались, и даже самое положеніе жалованныхъ панамъ земель обозначалось

¹⁾ Весьма рѣдкая брошюра: „O nowych osadach i słobodach ukraiennych zdanie i rozząddek“, безъ означенія года и имени автора. По печати и правописанію, относится къ концу XVII вѣка.

въ актахъ весьма неясно. Въ 1590 году, князю Александру Вишневецкому, черкасскому старостѣ, пожалована «пустыня рѣки Сулы за Черкасами». Въ слѣдующемъ году, князь Николай Рожинскій получилъ во владѣніе «пустыню урочища надъ рѣками Сквирою, Раставицею, Упавою, Олыпанкою и Каменицею». Сеймовымъ постановленіемъ 1609 года, Валентію Александру Калиновскому отдана «извѣстная пустыня Умань, во всемъ объемѣ своихъ урочищъ».

Мысль, положенная въ основаніе такихъ, можно сказать, фантастическихъ пожалованій, выражена въ сеймовомъ постановленіи 1590 года, которое, отъ имени короля, гласитъ слѣдующее: «Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ лежащихъ впускъ нашихъ владѣній на украинскомъ пограничьи за Бѣлою-Церковью. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью-Посполитою».

Легко вообразить, какъ послѣ этого заслуженные и незаслуженные люди принялись добиваться въ Украинѣ—или пожизненныхъ владѣній въ королевскихъ имѣніяхъ, или урочищъ для заложенія наслѣдственныхъ волостей, или арендъ въ новыхъ старостахъ.

Заводя новыя и новыя осады, пань нуждались въ рабочемъ народѣ и привлекали его къ себѣ разными заманчивыми средствами. На ярмаркахъ, въ корчмахъ и въ другихъ многолюдныхъ сборищахъ, панскіе агенты объявляли, что въ такомъ-то мѣстѣ основана слобода, и что, кто захочетъ въ ней поселиться, тотъ на столько-то лѣтъ будетъ свободенъ отъ всякихъ податей и повинностей въ пользу землевладѣльца. Соперничая одинъ съ другимъ въ предоставленіи новымъ поселенцамъ льготъ, пань доводили льготное время до двадцати, иногда до тридцати лѣтъ. Чтобы судить, до какой степени такая льгота была заманчива, надобно вспомнить, что въ глубинѣ королевства только въ XIII вѣкѣ, послѣ татарскаго нашествія, зазывались поселенцы съ обѣщаніемъ 30-лѣтней вольности, да и то въ лѣсахъ; на заросляхъ общалось только 12 лѣтъ воли, а на поляхъ 8. По истеченіи льготнаго срока, поселяне обязывались платить извѣстныя подати и отбывать нѣкоторыя повинности; но о панщинѣ на Украинѣ не было рѣчи. Кромѣ того, заохочивали народъ къ заселе-

нiю новыхъ мѣстъ надеждою избѣжать отвѣтственности за проступки, сдѣланные въ другихъ мѣстахъ; а нѣкоторые прямо обѣщали защищать своихъ поселянъ, отъ преслѣдованiя закона, каковы бы ни были ихъ преступленiя. Не только люди темные, но и такіе, какъ Янъ Замойскій, не считали для себя унижительнымъ прибѣгать къ этому способу для заселенiя своихъ украинскихъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ «экзорбитанцій, сдѣланныхъ Яномъ Замойскимъ», 36-ю экзорбитанціею помѣщено то, что онъ, зазывая къ себѣ на слободы народъ по мѣстечкамъ, «населялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодаямъ, которые убивали отца, мать, родного брата, или пана, давалъ онъ у себя безопасное пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать ихъ законами» ¹⁾.

Здѣсь надо вспомнить, что сельское хозяйство въ Польшѣ, къ концу XVI вѣка, окончательно перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное, что система чиншевого дохода съ имѣній окончательно замѣнилась тѣмъ панщиною, и что, вслѣдствіе принужденій къ работѣ со стороны владѣльцевъ и ихъ приващиковъ, усилились, болѣе нежели когда-либо, побѣги крестьянъ отъ помѣщиковъ. Что касается до Литвы, то Герберштейнъ говоритъ, что тамъ народъ, со временъ Витовта, находился въ полномъ распоряженіи панскихъ урядниковъ и доведенъ до крайней бѣдности; а Михалонъ Литвинъ, въ сочиненіи, писанномъ для Сигизмунда-Августа, сравниваетъ порабощеніе литовскихъ простолюдиновъ съ татарскою неволею, и упрекаетъ пановъ литовскихъ въ томъ, что они своихъ людей мучаютъ, уродуютъ и убиваютъ безъ суда. Всѣ эти обстоятельства содѣйствовали движенію народонаселенiя отъ береговъ Вислы и Нѣмана въ юговосточныя пустыни, которыя, подъ конецъ XVI вѣка, сдѣлались болѣе или менѣе безопасными, благодаря вожнствственности пограничныхъ жителей.

Такимъ образомъ, колонизаторы пространствъ, лежащихъ между Сулой, Днѣпромъ и Днѣстромъ, не имѣли недостатка въ поселенiяхъ. Слухи о плодородіи украинской почвы привлекали сюда хозяевъ, которые умѣли извлекать большіе доходы даже изъ

¹⁾ Въ этомъ и другихъ мѣстахъ своей монографіи, авторъ заимствовалъ свѣдѣнія о колонизаціи польской Руси изъ неоконченнаго сочиненiя покойнаго Шайнохи: „Dwa lata dziejów naszycъ“, которое грѣшитъ игнорированіемъ русскаго элемента въ экономическомъ и политическомъ движеніи на древней русскои территоріи въ XVI и XVII вѣкѣ, но къ статистическимъ и топографическимъ даннымъ относится съ надлежащимъ вниманіемъ.

песчаныхъ равнинъ недавно заселеннаго Подлясья. Здѣсь они находили неисчерпаемый источникъ обогащенія. То, что писано современниками объ этой землѣ, «текущей молокомъ и медомъ», представляется нынѣ невѣроятнымъ. Опалинскій говорить, что всякое зерно, брошенное въ землю, взрыхленную деревянной сохой, давало урожай баснословный; а Ржончинскій приводитъ одинъ случай, что изъ посѣва 50 корцевъ собрано жита 1500 копѣ. Травы были такъ высоки, что огромные вола скрывались въ нихъ почти по самыя рога; а плугъ, оставленный на полѣ, въ нѣсколько дней покрывался густою растительностію. По свидѣтельству того же писателя, плодородіе земли, душистость злаковъ и обиліе цвѣтовъ до такой степени благоприятствуютъ въ Украинѣ пчеловодству, что пчелы водятся не только въ лѣсахъ и деревьяхъ, но по берегамъ рѣкъ и даже просто въ землѣ; что тамъ поселяне истребляютъ скитающіеся рои пчелъ для защиты отъ нихъ роевъ осѣдлыхъ, и что образовавшіеся случайно въ землѣ ямы часто бываютъ наполнены медомъ, такъ что огромные медвѣди, попавшись до него, околѣваютъ отъ обжорства. Въ окрестностяхъ Подольскаго Каменца Ржончинскій зналъ пасичника, у котораго 12 ульевъ дали въ одно лѣто 100 роевъ, изъ которыхъ 40 было сохранено, а остальные побиты, ради меду; а Опалинскій, говоря о обиліи пасиекъ въ Червоной Руси, упоминаетъ объ одномъ землевладѣльцѣ, который собиралъ ежегодно по тысячѣ бочекъ медовой десятины. Подобнымъ образомъ, по словамъ Опалинскаго, одинъ изъ крупныхъ украинскихъ землевладѣльцевъ собралъ за одинъ разъ 10 тысячъ воловъ десятины со стадъ; а когда семилѣтній сборъ поволощины замѣненъ былъ ежегоднымъ, ему каждый годъ приходилось по тысячѣ воловъ съ его имѣній.

Польскіе паны, видя богатства своихъ украинскихъ собратьевъ въ короткое время удвоенными, утроенными, удесятеренными, принялись работать надъ колонизаціею пустынь съ какою-то лихорадочною поспѣшностію. Чѣмъ больше было опасности со стороны татарскихъ набѣговъ, тѣмъ болѣею настойчивостію отличались и сами колонизаторы, и привлеченные ими поселяне. Съ своей стороны татары, направляемые турками, противодействовали заселенію степныхъ мѣстъ, черезъ которыя они привыкли проходить внутри края безъ всякой задержки. Набѣги ихъ сдѣлались чаще и опустошительнѣе. За каждымъ разомъ вводили они въ революцію тысячи новыхъ поселенцевъ. Но на мѣсто исчезнувшихъ жителей, на пепелищахъ ихъ осадъ, являлись новые выходцы изъ внутреннихъ областей, и этапъ одво и то же село возобновлялось по нѣскольку разъ. Движеніе извнутри государства къ

украинскимъ пустынямъ было такъ велико, что, по словамъ одного изъ современныхъ наблюдателей, «многолюдныя нѣкогда земли, мѣстечки и села срединныхъ областей совсѣмъ дѣлались пусты, а необитаемыя нѣкогда пространства украинныя наполнялись жителями, къ неисчислимому вреду ихъ прежнихъ помѣщиковъ».

Начало XVII-го вѣка было временемъ, когда экономическое богатство внутреннихъ польскихъ провинцій, достигнувъ размѣровъ, никогда уже не повторявшихся, начало клониться къ упадку. Объединеніе крестьянъ уменьшило производительность городской промышленности, а упадокъ городовъ отразился на внутренней торговлѣ. Богатые люди получали необходимыя для нихъ издѣлія отъ иноземныхъ купцовъ, которыхъ множество сновало по всей Польшѣ, а мѣстныя произведенія отправлялись за-границу въ сыромъ видѣ. Ремесленные цехи, которыхъ прежде насчитывалось до двадцати и болѣе во многихъ городахъ, исчезали съ каждымъ годомъ; городскія улицы пустѣли; каменные зданія чаще и чаще превращались въ развалины; городскіе ремесленники такъ же, какъ и сельскіе хлѣборобы, оставляли старую Польшу и стремились на ея окраины. Приливъ жителей въ новыхъ поселеніяхъ, несмотря на татарскіе набѣги, былъ такъ ощутителенъ, что вокругъ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ ежегодно прибывало по семи новыхъ селъ; а одинъ землемѣръ, именно инженеръ Бопланъ, могъ въ короткое время заложить въ имѣніяхъ короннаго гетмана Конецпольскаго 50 большихъ слободъ, изъ которыхъ, во время его 17-ти-лѣтняго пребыванія въ польской службѣ, образовалось до 1,000 селъ. «Лишь только увидѣли богатѣйшіе магнаты», говоритъ современнѣйшій лѣтописецъ Пясецкій, «что Украина будетъ защищена,—немедленно вывели туда безчисленныя колоніи и устроили въ удобнѣйшихъ мѣстахъ укрѣпленія. Прежде за Киевомъ, Баромъ и Брацлавомъ лежали пустыни, въ которыхъ водились одни дикіе звѣри; въ короткое время онѣ наполнились многолюдными селами и городами».

Но въ эти города и села, подъ приманкою льготныхъ лѣтъ и прославленной украинской вольности, вносился тотъ же духъ вельможества, который въ глубинѣ государства, подъ-конецъ XVI-го вѣка, соединилъ почти всѣ свободныя солтыства въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а мелкія шляхетскія имѣнія обременилъ разорительными повинностями. Напрасно на сеймахъ появлялись брошюры о раздѣленіи украинскихъ пустынь на малыя хозяйства. Государственный порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ Рѣчи-Посполитой привелъ къ тому, что здѣсь, вмѣсто drob-

нихъ участіевъ, образовались такъ-называемыя «волости», то-есть огромныя панскія имѣнія, заключающія въ себѣ по нѣскольку «клучей», или по нѣскольку десятковъ селъ и мѣстечекъ. И такихъ волостей у каждаго украинскаго магната было по нѣскольку. Кромѣ того, многіе изъ нихъ владѣли тремя, четырьмя, пятью и болѣе староствами, съ которыхъ, подъ разными предлогами, платили въ королевскую казну весьма немного, а часто и совсѣмъ ничего не платили. Таковъ именно былъ въ числѣ прочихъ князь Константинъ Острожскій, который, владѣя четырьмя обширными староствами, на сеймѣ 1575 года выпрашивалъ денегъ на починку кievскаго замка, къ соблазну пановъ, сравнительно небогатыхъ¹⁾. Кромѣ старостинскихъ городовъ и селъ, кромѣ другихъ имѣній князей Острожскихъ, въ одномъ майоратѣ, принадлежавшемъ этому дому, считалось 80 городовъ и мѣстечекъ, и 2760 селъ. По смерти князя Януша Острожскаго въ 1620 году, оказалось у него въ наличности 600,000 червонцевъ, 400,000 битыхъ талеровъ, на 29 милліоновъ злотыхъ разной монеты и 30 бочекъ люманнаго серебра; сверхъ того, 50 цуговъ, 700 верховыхъ лошадей, 4000 кобылицъ, безчисленное множество рогатаго скота и овецъ. Такъ какъ Янушъ Острожскій умеръ бездѣтнымъ, то его майоратъ наслѣдовалъ князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, и безъ того чрезвычайно богатый. Теперь его владѣнія обнимали такія громадныя пространства, что впослѣдствіи половина народа, сражавшагося подъ знаменами Богдана Хмельницкаго, считалась его подданными. Наслѣдники пресѣкшагося тогда же рода князей Збаражскихъ, князья Вишневецкіе владѣли на одной лѣвой сторонѣ Днѣпра десятками городовъ и мѣстечекъ съ тысячею селъ, а принадлежавшія имъ съ правой стороны имѣнія тянулись широкою полоскою отъ Днѣпра черезъ воеводства кievское, волынское, русское и сендомирское. На побережьяхъ нижняго Днѣстра живописнѣйшими и плодороднѣйшими пространствами, какія гдѣ-либо принадлежали Польшѣ, владѣли почти исключительно Потоцкіе и Конецпольскіе. Эти послѣдніе захватили въ свои руки столько староствъ и вотчинныхъ имѣній, что, путешествуя изъ своего родного гнѣзда, Конецполя, въ воеводство сѣрадзское, въ недавно основанное Новое Конецполе, на степяхъ прибутской Украины, они могли, отъ конца до конца

¹⁾ Въ 1597 году король Сигизмундъ III-й требовалъ отъ него со всѣхъ его земель подымнаго, котораго онъ не платилъ со времени присоединенія волынскаго воеводства къ коронѣ и котораго накопилось за нимъ 4,000 копъ литовскихъ грошей (Рукоп. Императорской Публ. Библиот., отдѣлъ польскій, № 228, fol. IV).

государства, каждый ночлегъ проводить подъ собственнымъ кровомъ. На однихъ «татарскихъ шляхахъ» принадлежало имъ, передъ восстаніемъ Хмельницкаго, 170 городовъ и 740 селъ. Владѣнія Потоцкихъ также были очень обширны. Кромѣ нѣжинскаго староства на восточной сторонѣ Днѣпра, кромѣ Кременчуга, Потова и другихъ урочищъ, заселенныхъ въ ихъ пользу по Днѣпру, все Поднѣстріе такъ густо было занято ихъ владѣніями, что наднѣстрянскую шляхту называли въ Польшѣ «хлѣбоѣдцами Потоцкихъ». Вдоль всего Подолья широко разселились Калиновскіе, которымъ достались также многія имѣнія вокругъ Чернигова и Новгорода-Сѣверскаго, послѣ того, какъ Сѣверскій край былъ примѣжеванъ отъ Московскаго царства къ Польшѣ. Не менѣе обширныя владѣнія принадлежали также въ разныхъ мѣстахъ кіевскаго и волынскаго воеводства древнему роду князей Рожинскихъ, а по пресѣченіи этого рода, перешли къ Замойскимъ, Любомирскимъ и Даниловичамъ. Такимъ образомъ, кіевская, волынская, брацлавская и подольская Украина, а равно и Заднѣпріе, какъ называлась у поляковъ лѣвая сторона Днѣпра, мало-по-малу очутились въ рукахъ у нѣсколькихъ магнатовъ, которые имѣли тамъ собственныя вѣрности, артиллерію, войско, и которые, по отношенію къ своимъ «подданнымъ», то-есть жителямъ вотчинныхъ владѣній, пользовались *помскимъ* или *княжескимъ* правомъ, а по отношенію къ населенію владѣній помѣстныхъ, то-есть королевичицъ или старостъ, назывались «королевскими руками» (*brachia regalia*). Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, князья Острожскіе, происходили отъ варяго-русскихъ и литовско-русскихъ князей. Короли жаловали имъ не только населенныя крестьянами земли, какъ панамъ, но и право надъ боярами, имѣвшими собственныя села, какъ государямъ. «Дали есмо», пишетъ Сигизмундъ I-й въ грамотѣ князю Константину Ивановичу Острожскому, «и вѣчно даровали и записали замокъ Степанъ съ мѣстомъ и зъ ихъ бояры, и зъ слугами путными, и зъ менцаны, и зъ данники, людьми тяглыми, зъ селы боярскими, зо всимъ правомъ и панствомъ и власностью, ничегу на насъ и на наши наслѣдники не оставляючи».

Не иначе и разумѣли себя владѣльцы громаднхъ королевичицъ и вотчинъ украинскихъ, какъ государями, уже по одному тому, что многіе изъ нихъ были богаче короля. Они не подписывались въ письменныхъ сношеніяхъ съ королемъ *подданными*, какъ прочая шляхта, а только «вѣрными совѣтниками». Они соперничали съ королями въ постройкѣ замковъ и городовъ, которымъ давали такія вольности, что старые королевскіе города,

никъ, напиримѣрь, Луцкъ, по словамъ самихъ королей, «пустѣли». Они заключали отдѣльные договоры съ крымскимъ ханомъ и совершенно отдѣльные мирные трактаты съ казаками. Они были до того самостоятельны, что заграничные льстецы величали польскихъ государей *королями королей*, что было похоже на прозію, а украинскій народъ и польская шляхта, съ досадою, прозвали магнатовъ *королями*.

• Въ старой Польшѣ вельможество, превращая государство въ независимыя панскія владѣнія, не встрѣчало препятствій ни въ массѣ мелкопомѣстной шляхты, ни въ мѣщанахъ, ни — всего меньше — въ хлопахъ. Колонизація русскихъ пустынь во имя магнатовъ и ихъ кліентовъ совершалась, до нѣкотораго времени, также невозбранно. Но когда новая Польша, устроенная на русской территоріи и населенная почти исключительно народомъ русскимъ, превзошла размѣрами, обиліемъ произведеній земли и количествомъ жителей метрополию польскаго, или, что все равно, панскаго права,—это право, кодифицированное сеймовыми постановленіями, пришло здѣсь въ столкновение съ пренебреженнымъ правомъ народной массы, и борьба между ними повлекла за собой рядъ событій, которыя мало-по-малу не только уничтожили всѣ плоды дѣятельности пановъ-колонизаторовъ, но и самую коллибель вельможества лишили прежней уютности.

II.

Появленіе казачества.—Мирныя отношенія славянскихъ кочевниковъ къ монгольскимъ. — Перемѣна въ политической жизни татаръ. — Русскія поселенія отодвинулись передъ ними. — Казаки прикрываютъ колонизацію сторожевыми линіями. — Казаки прикрываютъ рыбный и звѣринный промыслы вооруженными походами на днѣпровскій Низъ. — Казаки въ мѣщанскомъ быту.

Ратоборцами непризнаваемаго панамъ права народной массы явились люди, которые въ началѣ были необходимыми орудіями для успѣховъ колонизаціи украинскихъ пустынь, а потомъ очутились внѣ закона и стали въ упоръ всѣмъ стремленіямъ шляхты,—именно украинскіе казаки.

Это всѣмъ знакомое имя понимается многими такъ различно, что необходимо прослѣдить появленіе его въ историческихъ источникахъ, прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію о напрасныхъ усиліяхъ пановъ-колонизаторовъ образовать изъ южной Руси новую Польшу.

Слово *казакъ* значило сперва то же самое, что вольный до-

бычникъ, пожалуй, даже — грабитель и разбойникъ, вообще же на сѣверѣ и югѣ Московскаго царства, въ Польшѣ и Татаріи, человекъ бездомный и безземельный.

Когда южныя области варяжскихъ князей, послѣ татарскаго нашествія, залегли пустынями, въ виду этихъ пустынь расположился кочевой монгольскій міръ. Степи, отдѣлившія поселенія славянскія отъ поселеній монгольскихъ, сперва не принадлежали никому. Татары смотрѣли на нихъ, какъ на естественную охрану своихъ кочевьевъ отъ покушеній со стороны данниковъ. Для русскаго міра онѣ долго были какъ-бы моремъ, въ которое выходитъ никто не отваживался. Но когда съ одной и съ другой стороны явилась потребность выдвинуться за предѣлы постоянныхъ займищъ, у татаръ и у русскихъ образовались товарищества предприимчивыхъ людей, которые находили возможность держаться въ безлюдной степи, вдаль отъ отеческихъ куреней своихъ. Такія товарищества имѣли видъ отдѣльной орды, которая въ спокойное время терялась между населеніемъ, послушнымъ общему управленію края, а во время войны или вольнаго похода на рыбные и звѣринные промыслы, устраивала избирательное начальство и дѣйствовала такъ или иначе въ интересахъ своей корпорации. Эти полувоенные, полупромышленныя сборища извѣстны издавна у татаръ подъ именемъ казаковъ; у русскихъ же и поляковъ казачество, по письменнымъ извѣстіямъ, появилось одновременно, въ разныхъ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ, не раньше XVI-го вѣка.

Польскіе лѣтописцы знали четыре татарскія орды, изъ которыхъ у каждой былъ свой ханъ, именно: заволжскую, астраханскую, казанскую и перекопскую. Къ этимъ четыремъ ордамъ иногда причисляютъ они и пятую — казацкую. Орда казацкая не признавала надъ собой власти никакого хана и, кочуя въ разныхъ мѣстахъ, считалась во всей Татарщинѣ самымъ отважнымъ народомъ. Со временъ московскаго великаго князя Іоанна III-го, въ русскихъ лѣтописяхъ упоминаются азовскіе татарскіе казаки, какъ злые разбойники. Они выдѣлялись изъ ослабѣвшей въ это время Золотой-орды, какъ самостоятельный народецъ, самый подвижной и самый смѣлый между татарами. Раскинувшись по степи между Крымомъ и московской Украиной, азовскіе казаки жили разбоемъ, иногда нападали небольшими купами на пограничные города, но въ особенности были вредны для сношеній между Крымомъ и Московскимъ государствомъ. «Поле не чисто отъ азовскихъ казаковъ», доносили послы князю московскому, поджидая въ Украинѣ безопаснаго проѣзда въ Крымъ, какъ у

моря погоды. Василій Іоаннович домогався отъ султана, щобъ онъ запретилъ азовскимъ и бѣлгородскимъ казакамъ помогать Литвѣ противъ русскихъ; но подобныя домогательства были напрасны уже по одному тому, что казаки никогда не жили на одномъ и томъ же мѣстѣ. Когда русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобъ ему дали провожатыхъ изъ Азова, ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ азовскихъ казаковъ.

До послѣдняго времени существованія Крымскаго ханства, казаками у татаръ назывался особый отдѣлъ войска, состоявшій изъ улановъ, князей и казаковъ. У московскихъ великихъ и удѣльныхъ князей также были служивые татары-казаки, которыхъ они употребляли для степныхъ дѣлъ, то какъ провожатыхъ, то какъ наѣздивиковъ. Въ Перекопѣ, Бѣлгородѣ на Днѣстрѣ и вообще въ тамошнемъ Черноморьѣ издавна были извѣстны войны, называвшіеся казаками. Въ 1492 году Менгли-Гирей писалъ къ великому князю московскому Іоанну III-му, что войско его, возвращаясь изъ-подъ Кіева съ добычею, встрѣтилось на степи съ «ордынскими казаками» и было ими ограблено. Король Сигизмундъ I-й, въ 1510 году, предостерегалъ пограничныхъ своихъ пановъ оружнымъ листомъ о татарскомъ набѣгѣ, прибавляя, что опасность еще не велика, потому что идутъ одни перекопскіе казаки, да немного бѣлгородцевъ. Въ 1516 году крымскій ханъ Магомѣтъ-Гирей оправдывался передъ Сигизмундомъ въ набѣгѣ бѣлгородскихъ казаковъ тѣмъ, что они не слушаются его приказаній, и выбрали себѣ предводителемъ враждебнаго ему царевича Алыча. Наконецъ, по документу 1560 года, бѣлгородскіе казаки, безъ вѣдома мѣстнаго санджака, нападали на украинскіе замки тѣмъ же обычаемъ, какимъ украинскіе казаки хаживали на пограничныя замки турецко-татарскіе. По соглашенію съ крымскимъ ханомъ, король Сигизмундъ-Августъ зазывалъ этихъ казаковъ къ себѣ на службу одновременно съ казаками русскими, проживавшими въ низовьяхъ Днѣпра и посылалъ имъ сукно, что дѣлалось и для казаковъ днѣпровскихъ.

Въ русскихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о казакахъ рязанскихъ, такъ какъ юго-восточная рязанская Украина болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. На границахъ литовскихъ, въ княженіе Василя, упоминаются казаки смоленскіе. Король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на литовскія владѣнія. Потомъ появились казаки путивльскіе и наконецъ—донскіе. Послѣдніе, въ сѣверной Руси, соотвѣтствовали, по своему удаленію отъ

населенныхъ мѣстъ, южно-русскимъ казакамъ, низовымъ или запорожскимъ.

Въ первыя, до-историческія времена южно-русскаго казачества, пастушеская жизнь въ «дикихъ поляхъ» была, какъ видно, развита у татаръ сильнѣе, нежели у русскихъ. Днѣпровскіе казаки позаимствовались отъ своихъ сосѣдей нѣсколькими терминами и навсегда усвоили ихъ своему быту. У татаръ, также, какъ и у днѣпровскихъ казаковъ, *чабанъ* значило пастухъ овецъ. Расторопнѣйшій изъ пастуховъ дѣлался у татаръ начальникомъ чабановъ своднаго стада и назывался *одаманъ*. Это — казацкое *отаманъ*. Сводное же стадо составляли десять соединенныхъ стадъ, въ каждомъ по тысячѣ овецъ, и называлось такое стадо *кочмъ*. Отсюда очевидно произошло казацкое слово *коши*, означавшее становище, сборное мѣсто, лагерь ¹⁾. Наконецъ, самая манера носить чубы, прозванные «оселедцами», позаимствована казаками отъ татаръ (если не вспоминать о чубѣ Святославовомъ), у которыхъ воинственная молодежь, царьки и мурзы, не брили своей головы, какъ прочіе, а оставляли на макушкѣ чубы и закручивали ихъ вокругъ уха.

Въ политической жизни крымскихъ татаръ былъ періодъ мирныхъ промысловъ, способствовавшій сближенію ихъ съ сосѣдями. Періодъ этотъ предшествовалъ паденію Цареграда и распространенію турецкаго владычества вокругъ Чернаго моря. Истощивъ свои силы во внутреннихъ раздорахъ, татары обратились въ то состояніе, изъ котораго вывели ихъ предводители, вдохновленные мыслью объ опустошеніи всего не-монгольскаго. Пастушество сдѣлалось для татаръ идеаломъ счастливой жизни. Въ гонимомъ бурями убоищѣ населенія татарскомъ явилась потребность отдыха, который оно и нашло въ богатыхъ растительностію степныхъ мѣстностяхъ по-надъ Азовскимъ и Чернымъ морями и по берегамъ нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра. Если когда-либо, то преимущественно въ этотъ періодъ времени могло произойти сближеніе славянскихъ бочевниковъ съ монгольскими, когда и со стороны крымскаго хана, и со стороны молдавскаго господаря дѣла съ литовско-русскимъ княжествомъ и польскимъ королевствомъ были приведены въ спокойное состояніе.

У крымскихъ татаръ сохранилось преданіе, что литовскій выходецъ, по имени Гирей, воспиталъ одного изъ потомковъ Чингиза, тайно отъ враждовавшихъ между собою царьковъ, и что, когда этотъ питомецъ литвина Гирея (можетъ быть, литовскаго

¹⁾ Хартахай, *Историч. судьбы крымскихъ татаръ*.

русины ¹⁾ былъ избранъ татарами на ханство, — онъ, въ благодарность къ Гирею, соединилъ свое имя съ его именемъ, и за-вѣщалъ своимъ потомкамъ дѣлать то же самое. Этимъ способомъ началась династія хановъ Гиреевъ. Первый изъ нихъ, Девлетъ-Гирей, названный впоследствии, за путешествіе въ Мекку, Хаджи ²⁾ Девлетъ-Гиреемъ, старался приучить татаръ къ осѣдлой жизни, къ мирнымъ занятіямъ, ремесламъ и торговлѣ. Его царствованіе, продолжавшееся 39 лѣтъ, было временемъ дружескихъ отношеній къ Россіи и мирнаго союза съ Польшею. Дѣйствуя на смягченіе татарскихъ нравовъ посредствомъ распространенія въ Крыму магометанства на мѣсто язычества, онъ въ то же время отличался вѣротерпимостію ко всѣмъ исповѣданіямъ, доходившею до величайшей кротости, и дѣлалъ вспоможеніе даже христіанскимъ монастырямъ. При такомъ настроеніи хана, сношенія между ордою монгольской съ одной — и ордою славянской съ другой стороны ограничивались торговыми сдѣлками: воевать имъ было не за что.

Со вступленіемъ на ханство Менгли-Гирея, одного изъ восьми его сыновей, дѣла въ Крыму приняли противоположный ходъ. Этотъ ханъ возбуждалъ въ татарахъ дикій, воинственный духъ и безпрестанно водилъ ихъ въ русскія области за добычею. Поэтому кровавыя ссоры между татарами и русскими казаками могли начаться только въ концѣ XV вѣка.

Въ 1453 году турки завоевали Цареградъ. Черезъ 22 года Менгли-Гирей помогъ имъ овладѣть генуэзскимъ городомъ Кафою и уничтожить въ Крыму генуэзскую колонию. Рѣзня, произведенная татарами въ Кафѣ, и мусульманскій фанатизмъ, привитый турками татарамъ, вмѣстѣ съ повсемѣстными слухами о страданіяхъ христіанъ подъ игомъ невѣрныхъ, наступавшихъ на Европу съ востока, должны были поселить въ южно-русскихъ казакахъ враждебное чувство къ сосѣдямъ; а набѣги татаръ на кievскую, брацлавскую и подольскую Украину, начавшіеся съ воцареніемъ Менгли-Гирея, возбудили въ нихъ жажду мести къ невѣрнымъ. Если къ этому примѣшать еще сосѣдскія ссоры за пастбища, за стада, за звѣринныя гоны и рыбныя уходы, то въ днѣпровскихъ и днѣстровскихъ пустыняхъ должна была начаться постоянная борьба между выходцами изъ европейскихъ и выходцами изъ азіатскихъ поселеній.

Съ водвореніемъ турокъ въ греческой имперіи, понадобились

¹⁾ Гиря въ украинскомъ языкѣ значить стриженная голова.

²⁾ Хаджи значить богомолецъ.

имъ толпы невольниковъ и невольницъ для служенія ихъ азіатской роскоши и пѣгѣ. Убогіе татары, находя поставку плѣнниковъ богатымъ туркамъ весьма выгодною, обратили набѣги въ постоянный промыселъ, и вывозили въ Крымъ изъ Червонной Руси, Польши и литовской Украины сотни и тысячи захваченныхъ врасплохъ людей. Съ каждымъ годомъ этотъ промыселъ принималъ болѣе широкіе размѣры, такъ что, по сказанію Михалона Литвина, относящемуся къ половинѣ XVI вѣка, корабли, приходившіе въ Крымъ изъ-за моря съ оружіемъ, одеждами и лошадьми, отплывали обратно, нагруженные невольниками. Это обстоятельство измѣнило не только отношенія между монгольскимъ и славянскимъ міромъ, но и самыя границы между ними.

До подчиненія султану крымскаго юрта, граница между владѣніями литовскими и землями, принадлежавшими перекопскимъ, очаковскимъ и бѣлгородскимъ татарамъ, а далѣе — молдавскому господарю, шла такимъ образомъ. Начинаясь Литва отъ рѣчки Морахвы, впадающей въ Днѣстръ. Отсюда шла граница срединою Днѣстра мимо Тягини (Бендеръ) къ устью Днѣстра и къ морю. Далѣе шла она днѣпровскимъ Лиманомъ мимо Очакова, который стоялъ на литовской землѣ, и только въ 1492 году былъ отстроенъ крымцами на старомъ городищѣ; потомъ входила въ устье Днѣстра и шла ложемъ рѣки до острова Тавани. У Тавани были перевозы, съ которыхъ половина дохода принадлежала литовскому великому князю, а другая — крымскому хану. Начиная отъ Тавани, Днѣпръ принадлежалъ уже весь Литвѣ; граница поворачивала къ юго-востоку до Овечей-Воды, потомъ шла вверхъ по теченію этой рѣчки и по верховьямъ рѣкъ Самары и Оргея до Донца, а отъ Донца по Тихую Сосну, гдѣ литовскія владѣнія прикасались къ московскимъ. На эти границы послѣдній кievскій князь Симеонъ Одельковичъ послалъ своего черкасскаго намѣстника Свиридова, и тотъ, разѣзжая по всему рубежу, обозначалъ предѣлы земли литовской отъ земли татарской, Бѣлгородчины и владѣній волошскихъ.

Въ устьѣ Днѣстра, повыше моря, по направленію къ городу Тягинѣ, на лѣвомъ берегу, находился встарину литовско-русскій портъ Кочубей (нынѣ Одесса), откуда доставлялся хлѣбъ въ незавоеванную еще турками Грецію. Длугошъ, современникъ Владислава Ягелла, подъ 1415 годомъ, говорить, что въ этомъ году прибыли цареградскіе послы къ Ягеллу съ просьбою о вспоможеніи хлѣбомъ ихъ столицѣ, тѣснимой турками, и что Ягелло назначилъ имъ въ Кочубей мѣсто, куда для нихъ будетъ сплавленъ хлѣбъ. Невдалекѣ отъ Бѣлгорода и Очакова лежали зай-

мища русских пановъ: Бучацкихъ, Язловецкихъ и Оѣнявскихъ. Сохранились акты граничныхъ споровъ между панами Язловецкими и королемъ Владиславомъ III о правѣ собственности на какія-то морскія насыпи. Еще король Сигизмундъ I договаривался съ султаномъ Солиманомъ, чтобы жители Бѣлгорода, лежащаго на противоположномъ берегу Днѣстра, платили въ его казну ежегодную дань за пользованіе пастбищами восточнаго берега. Но уже и въ то время обладаніе черноморскимъ берегомъ сдѣлалось для литовско-польскаго правительства темнымъ преданіемъ, такъ что оно за справкою о бывшихъ границахъ со стороны татаръ обратилось къ кievскимъ, каневскимъ и черкасскимъ старожиламъ; а спустя немного времени, королевскій ревизоръ пограничныхъ замковъ, Михалонъ Литвинъ, въ своемъ докладѣ королю Сигизмунду-Августу, смѣшалъ таванскіе перевозки на Днѣпрѣ съ древними развалинами на рѣкѣ Бугѣ, которыя были прозваны Витовтовою банею и въ которыхъ будто бы жили откупщики великаго княжества литовскаго, взимавшіе съ купцовъ пошлину. Но послѣ паденія Цареграда быстро отхлынуло промышленное населеніе русское къ сѣверо-западу. Торговля русскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто торговлѣ русскими плѣнниками. Плодоносное междурѣчье нижняго Днѣпра, Буга, Днѣстра превратилось въ такую дикую пустыню, что во времена Стефана Баторія войско Самуила Зборовскаго, свитаясь вдоль Буга и Ингула, умирало съ голоду, а въ концѣ XVI вѣка казацкій гетманъ Наливайко писалъ къ Сигизмунду III, будто бы въ этой пустынѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ.

Утвердясь въ Царыградѣ, турки подчинили крымское ханство верховной власти своего султана, который владѣлъ Кафою, главнымъ рынкомъ тогдашняго Крыма, и содержалъ въ Козловѣ (Евпаторіи) гарнизонъ турецкій. По договору 1478 года, заключенному между султаномъ и ханомъ Менгли-Гиреемъ, султанъ, какъ верховный государь Крымскаго юрта, могъ вести хана съ его народомъ на войну, давая ему содержаніе; самъ же ханъ не имѣлъ права начинать войну и заключать миръ. Направляя орду то въ одну, то въ другую сторону, султаны скоро отвѣснили отъ Чернаго моря прежнихъ поселенцевъ и сдѣлали бѣлгородскія и очаковскія побережья путемъ сообщенія между Крымомъ и задунайскою Турціею. Вслѣдъ затѣмъ, подчинивъ своему господству Молдавію и Валахію, они распространили свои владѣнія до Днѣстра. Сынъ Казимира Ягеллона, Альбрехтъ, сражался съ ними уже въ собственныхъ предѣлахъ; внукъ Казимира, Людовикъ венгерскій, палъ въ битвѣ съ турками подѣ

Могачемъ; а внука Казимира, Изабелла Запольская, отдала султану Солиману своего малолѣтнаго сына въ опеку съ половиною Венгріи. Вслѣдъ за осадою Вѣны, войска Солимана готовы были проложить себѣ путь къ завоеванію остальной Европы. Ужаснувшись турецкаго могущества, польское правительство согласилось на всѣ статьи мирнаго договора съ Турціей и, обѣщая платить ежегодную дань татарамъ, отказалось отъ устьевъ Днѣстра и Днѣпра.

Татарскіе набѣги во времена Менгли-Гирея были такъ опустошительны, что въ началѣ XVI-го вѣка Украина польскаго государства обозначалась пограничными крѣпостями Бускомъ и Галичемъ, а Баръ, Хмельникъ и Винница считались опасными форпостами, въ которыхъ могли держаться только отважнѣйшіе воины. Даже въ концѣ XVI-го вѣка польскій географъ Сарницкій писалъ, что замокъ Баръ построенъ при самомъ входѣ въ Татарію ¹⁾; а турки и въ 1617 году не переставали утверждать, будто-бы замки: Бершадъ, Корсунъ, Бѣлая-Церковь, Каневъ, Черкасы и Чигиринъ стоятъ на землѣ, принадлежащей султану. Впослѣдствіи сторожевая линія выдвинулась въ степи до Брацлава, который съ одной стороны посылалъ свои разѣзды въ Подольскому Каменцу, а съ другой въ Бѣлой-Церкви. Бѣлоцерковскіе разѣзды встрѣчались къ западу съ брацлавскими, а къ востоку съ киевскими. По эту черту, до конца XVI-го вѣка, простиралась Украина, то-есть пограничная область Польско-Литовскаго государства; по эту черту обрабатывались тогда поля и видѣлись между нихъ селы и хутора, съ пасиками, охраняемые сторожевыми могилами. На могилахъ стояли замковыя команды, готовые подать условный знакъ, что татарскіе загоны близко. Мѣстами, на нихъ висѣли такъ-называемые королевскіе *дзвоны*; мѣстами зажигались бочки, облитыя смолою. Далѣе, тянулись къ Перекопу, на нѣсколько дней пути, необозримыя степи, или такъ-называемыя дикія поля, по которымъ бродили никѣмъ не тревожимыя стада сернь, оленей, сугаковъ, дикихъ лошадей, буйволовъ. Словомъ, къ востоку отъ русскихъ подвижныхъ поселеній лежало тогда море степей, на которомъ лишь изрѣдка можно было встрѣтить слѣды былой человѣческой жизни.

Черезъ это степное море переправлялись татары въ Украину, которая не всегда могла защищаться отъ нихъ своими укрѣпленными мѣстами. Въ 1482 году, ханъ Менгли-Гирей сжегъ и за-полонилъ весь Кіевъ, разграбилъ и Печерскій монастырь. Той

¹⁾ Bar, arx munitissima... in ipso aditu Scythiae excitata.

же участи должны были ожидать и послѣдніе замки на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкасы. Только неусыпная бдительность сторожевыхъ постовъ спасала ихъ отъ внезапнаго набѣга, а мужество русскихъ пограничныхъ дружинъ заставляло татаръ пробираться на добычу украдею.

При такомъ положеніи края, днѣпровскій Низъ, богатый рыбами и звѣрями, былъ доступенъ однимъ промышленникамъ-воинамъ, которыхъ мы и встрѣчаемъ въ современныхъ актахъ подъ именемъ казаковъ. Предпримчивые люди съ верхняго Днѣпра и «съ другихъ сторонъ» хаживали въ тѣ времена водою на Низъ, къ Черкасамъ и далѣе. Со всего, что тамъ добывали, они были обязаны давать кievскому воеводѣ десятую часть; а когда сверху или снизу привозили въ Кіевъ просольную, вялую или свѣжую рыбу, то отъ бочки соленой рыбы воеводскій урядникъ, называвшійся осмникомъ, бралъ на городъ (то-есть на воеводскій замокъ) по шести грошей, а со свѣжей—десятую часть. Эти промышленники называются въ актѣ 1499 года казаками и различаются отъ купцовъ, которые, прїѣзжая въ Кіевъ, становились, такъ же какъ и казаки, на подворьяхъ у мѣщанъ. Прїѣзжіе въ Кіевъ народъ предавался, вмѣстѣ съ мѣщанами, буйному разврату. Привычка «дѣлать непочестныя рѣчи съ бѣлыми головами» (женщинами) вкоренилась тогда въ Кіевѣ до такой степени, что пеня за это составляла одну изъ главныхъ статей дохода митрополита и воеводы. Но пеня за непочестныя рѣчи съ такъ-называемыхъ гостей, которыми въ тѣ времена были турки, татары и армяне, превышала взысканіе съ христіанъ въ 12 разъ.

Что казакъ былъ прежде всего отважный воинъ-добычникъ, это видно изъ появленія казаковъ славянскихъ въ противудѣйствіе разбоямъ казаковъ монгольскихъ. Что онъ былъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такимъ же степнымъ чабаномъ, какъ и татаринъ, объ этомъ можно заключить изъ приведенныхъ выше кочевыхъ терминовъ, усвоенныхъ казацкому быту. Что, наконецъ, казаки, подобно древнимъ варяго-руссамъ, занимались торговлею въ перемежу съ войною, доказываютъ ихъ промышленные походы на Низъ, недоступный во времена Менгли-Гирея ни для кого, кромѣ людей военныхъ.

Въ польскихъ лѣтописяхъ извѣстіе о казакахъ-воинахъ встрѣчается впервые подъ 1508 годомъ. Децій, оканчивающій свои сказанія 1516 годомъ, упоминаетъ о «славномъ русскомъ воинѣ Полюсѣ», который, въ одно время съ княземъ Острожскимъ, побилъ татарскіе загоны, опустошившіе литовскую Русь. Бѣльскій называетъ этого Полюса «Русакомъ, славнымъ казакомъ», а

Стрыйковский—«русскимъ славнымъ казакомъ и рыцаремъ». Въ позднѣйшихъ польскихъ лѣтописяхъ сохранилось преданіе, которое показываетъ, что старосты сторожевыхъ королевскихъ замковъ дѣлали набѣги въ татарскіе улусы такъ точно, какъ татары на украинскіе города и села. У тогдашнихъ пограничниковъ это называлось *ходить съ казаки*.

«Въ 1516 году», рассказываетъ Гваньинъ, «Ментли-Гирей, воспользовавшись войною короля Сигизмунда съ московскимъ царемъ, сдѣлалъ набѣгъ на украинскія земли, хотя получалъ подарки отъ обоихъ государей. Видя тогда наши, что татары ругаются надъ ними, не хотѣли больше вѣрить ихъ клятвѣ и начали содержать больше служилыхъ людей на пограничьи. Нѣсколько сотъ воиновъ, подъ предводительствомъ хмельницкаго старосты, Предислава Лянцворонскаго, пошли въ казаки подъ Бѣлгородъ, заняли турецкія и татарскія стада и погнали домой; а когда татары и турки, догнавши ихъ у Овидіева озера, дали имъ битву, наши ихъ побѣдили и съ добычею возвратились къ своимъ. Съ того-то времени», продолжаетъ лѣтописецъ, «начались у насъ казаки, которые потомъ, что далѣе, то все больше успѣвая въ военномъ ремеслѣ, отплачивали татарамъ тѣмъ самымъ, что наши терпѣли отъ татаръ».

Выраженіе *ходить съ казаки* показываетъ, что казачество существовало сперва независимо отъ пограничной стражи, которою предводительствовали старосты. Они только приспособили свои средства къ обычаямъ казацкимъ, усвоили эти обычаи своей дружинѣ. Тѣмъ не менѣе походы ихъ на татаръ способствовали развитію казачества, какъ силы, противодѣйствовавшей азіатскому хищничеству. Упомянутый Гваньиномъ Предиславъ Лянцворонскій происходилъ отъ древняго литовскаго рода Збигневоу. Нѣсколько братьевъ его занимали важныя должности въ государствѣ. Онъ много путешествовалъ по Европѣ, изучая военное искусство, къ которому было направлено все тогдашнее образованіе; былъ въ Палестинѣ, и въ заключеніе пройденной имъ школы, приобрѣлъ опытность въ отраженіи татарскихъ набѣговъ подъ руководствомъ знаменитаго короннаго гетмана Константина Ивановича Острожскаго. Такова была личность, вокругъ которой собирались казаки и пограничные старосты для совмѣстнаго отраженія азіатскихъ наѣздниковъ.

Польскіе лѣтописцы вспоминаютъ о нѣсколькихъ удачныхъ походахъ Лянцворонскаго на казацкій манеръ, и съ его именемъ постоянно соединяютъ другое громкое въ то время имя Остапа Дашковича, старосты черкаскаго и каневскаго. Дашко-

вѣтъ у лѣтописцевъ прослыть простолюдиномъ, возвышеннымъ, за воинскія способности, до званія королевскаго старосты; но это опровергается родственными его связями съ панскими домами. Сестра Дашковича, Милохна, была замужемъ сперва за Борисомъ Тишкевичемъ, а потомъ за кievскимъ воеводою Немиричемъ. Сверхъ того, извѣстно, что у него были наслѣдственные по отцу и матери села на рѣчкѣ Раставицѣ, подъ кievскимъ замкомъ и воицѣ Путивля. Въ 1503 году Дашковичъ вступилъ въ службу къ московскому царю, и когда польскій король требовалъ его выдачи, царь отвѣчалъ, что Дашковичъ у короля былъ «мѣтной» (знатный) человекъ, что онъ бывалъ отъ короля во многихъ мѣстахъ на Украинѣ воеводою и, по старому обычаю, перешелъ на службу отъ одного государя къ другому. Служба Дашковича у московскаго царя продолжалась лѣтъ пять, но въ чемъ именно она состояла, неизвѣстно. По ходатайству князя Острожскаго, король опять принялъ его къ себѣ и вѣрилъ ему два украинскіе замка, Каневъ и Черкасы. Впослѣдствіи онъ получилъ въ пожизненное владѣніе еще три замка внутри литовской Украины, именно: Кричевъ, Чечерскъ и Пропойскъ.

Каневъ и Черкасы были тогда крайними сборными пунктами для днѣпровскихъ казаковъ. Татары, идучи на добычу, держались отъ нихъ какъ можно подальше. Когда ханъ шелъ на Москву въ помощь польскому королю, онъ просилъ короля удержать черкасскихъ и каневскихъ казаковъ отъ нападенія на его войско. Иногда онъ жаловался королю, что днѣпровскіе казаки ходятъ подъ его улусы вмѣстѣ съ казаками путивльскими, и обо всемъ, что здѣсь узнать, сообщаютъ въ Москву; что въ Черкасахъ королевскій староста держитъ на вѣстахъ путивльскихъ казаковъ, и что, лишь только татары двинутся въ походъ, въ Москвѣ ужъ объ этомъ знаютъ. Очевидно, что такой пограничный староста, какъ Дашковичъ, могъ дѣйствовать почти такъ же самостоятельно, какъ удѣльный князь. Каждый изъ троицъ сосѣднихъ государей одинаково нуждался въ его усердіи; для каждаго онъ могъ быть одинаково опасенъ. Въ разгаръ войнъ съ московскимъ царемъ, Дашковичъ оставляетъ короля и служить его непріятелю; но лишь только вздумалъ вернуться въ родной край, король ввѣряетъ ему два важные пограничные замка. Въ 1592 году, сражаясь на Днѣпрѣ съ татарами, Дашковичъ былъ захваченъ ими въ плѣнъ, но и тутъ его щадили, какъ знаменитаго воина. Воспользовавшись междоусобною войною въ Ордѣ, онъ ускользнулъ изъ плѣна и возвратился въ Черкасы невредимъ. Дружескія связи его съ Лянцекоронскимъ, а также съ вин-

нищимъ и брацлавскимъ старостами, давали ему возможность предпринимать удачные походы въ самую глубь татарщины. Въ 1531 году Лянцворонскій умеръ; Дашковичъ одинъ выдержалъ напоръ татарской силы на пограничья. У короля между тѣмъ шли переговоры съ ханомъ о вѣчномъ мирѣ. Король, чрезъ своего посла Оникія Горностаю, предлагалъ платить хану 7500 червонцевъ и на столько же присылать сукна за всякій годъ, въ который татары оставятъ его владѣнія въ покоѣ. Ханъ постоянно увѣрялъ короля въ своей дружбѣ, а татары между тѣмъ вторгались въ польскія владѣнія. Видя все это, Дашковичъ продолжалъ свое дѣло по старому. Казаки его промышляли рыбою и звѣриною ловлею по Днѣпру до самыхъ Пороговъ, или—что все равно—воевали съ татарами въ ихъ займищахъ. Когда татары шли на Московское царство, казаки отрѣзывали у нихъ отъ главнаго войска слабыя отряды; когда татары возвращались въ свои улусы,—добыча попадала въ казакіи руки. Жалобы хана не имѣли никакихъ послѣдствій. Наконецъ, ханъ объявилъ королю, что, несмотря на ихъ дружескія отношенія, пойдетъ на Черкасы и Каневъ войною. Дѣйствительно, въ 1532 году, Саибъ-Гирей осадилъ Черкасы. По сказанію Бѣльскаго, въ татарскомъ войскѣ было 1500 янычаръ и 50 пушекъ. Но Дашковичъ тринадцать дней отражалъ приступы съ такимъ успѣхомъ, что наконецъ ханъ былъ вынужденъ примириться. Подружась за трапезою съ Дашковичемъ, Саибъ-Гирей отправилъ къ королю на Пѣтровскій сеймъ посольство. вмѣстѣ съ ханскими послами отправился и Дашковичъ въ Пѣтровъ. У него созрѣлъ планъ защиты Украины посредствомъ устройства на Днѣпрѣ постоянной стражи въ 2000 человекъ, которая бы, разъѣзжая на челнахъ—чайкахъ, не давала татарамъ переправляться на правую сторону. Сверхъ того, надобно было содержать конный отрядъ въ нѣсколько сотенъ, для снабженія защитниковъ Днѣпра пищею.

На сеймѣ приняли Дашковича съ большими похвалами и осыпали подарками. Планъ его всѣмъ понравился. Были предположенія о постройкѣ на днѣпровскихъ островахъ крѣпостей и объ основаніи за Порогами рыцарской школы; но тѣмъ дѣло и кончилось. Дашковичъ послѣ того еще воевалъ противъ татаръ, потомъ вмѣстѣ съ татарами опустошалъ Московскую землю, въ отмщеніе за Литву; въ 1535 году онъ умеръ, бездѣтнымъ, какъ и Лянцворонскій,—можетъ быть, даже и неженатымъ. Его родовыя села и движимое имущество, характеризующее казакій бытъ: деньги, золото, серебро, драгоценныя вещи, одежды, лошади съ збруей и оружіемъ, рогатый скотъ, овцы, свиньи и

пасики въ Черкасахъ и Каневѣ, достались въ наслѣдство его сестрѣ и племянницѣ.

Проектъ Остапа Дашковича объ устройствѣ на Днѣпрѣ постоянной стражи показываетъ, что опыты въ этомъ родѣ были уже дѣлаемы. Недоставало только помощи со стороны правительства, безъ которой не прочны были за Порогами займища черкасскихъ и каневскихъ казаковъ. Изъ актовъ того времени мы знаемъ, что ближайшіе къ Черкасамъ бобровые гоны, рыболовные озера и другіе «уходы» принадлежали искони кievскому Пустынскому монастырю Св. Николы. Остапъ Дашковичъ, по вступленіи на старобство, спрашивалъ черкасскихъ старожилонъ: бояръ, мѣщанъ и казаковъ, по какія именно урочища представлено Никольскому монастырю исключительно пользоваться правомъ звѣриной и рыбной ловли, и, по своей обязанности, утвердилъ за никольскими старцами это право, отстраняя отъ него казаковъ. Хотя казаки, по своему обычаю, вступались въ монастырскіе уходы и жилились добычею на счетъ никольскихъ старцевъ, но далеко не удовлетворяли своихъ нуждъ,—тѣмъ болѣе, что старцы выпросили у короля подтвердительную грамоту. Казаки, вмѣстѣ съ мѣщанами, искали себѣ независимыхъ угодій въ низовьяхъ Днѣпра и, по праву перваго займа, владѣли сообща Звонецкимъ порогомъ, то-есть всѣмъ прилежающимъ въ нему урочищемъ. Ссоры мѣщанъ и казаковъ съ преемниками Дашковича, оставившія слѣдъ свой въ современныхъ актахъ, даютъ понять, что одна и та же нужда въ средствахъ къ существованію дѣлала изъ казаковъ мѣщанъ и изъ мѣщанъ казаковъ, то-есть—или собирала ихъ въ городъ подъ послушаніе старосты, или гнала въ днѣпровскія пустыни для вольной добычи. Въ 1537 году, вскорѣ по смерти Дашковича, черкасцы и каневцы взбунтовались противъ своего старосты Василія Типкевича. Причина бунта осталась неразъясненною, но можно догадываться изъ позднѣйшей жалобы черкасцевъ на другаго старосту, Яна Пенька, что дѣло шло здѣсь о спорныхъ доходахъ и о предѣлахъ старостинской власти. Янъ Пенько хотѣлъ заставить мѣщанъ и посполство стеречь замокъ, который до тѣхъ поръ охраняли особые «башники». По королевскому повелѣнію, кievскій воевода Андрей Немировичъ, королевскій «дворный гетманъ», вниавши въ дѣло на мѣстѣ, удовлетворилъ обѣ стороны такъ, какъ онѣ сами на то согласились,—именно: мѣщане и все посполство, а также черкасскія вдовы, княжескіе и панскіе люди и духовенство, обязались давать старостѣ по два гроша съ каждаго человека, который кормится собственнымъ хлѣбомъ, а староста

долженъ на эти деньги нанимать замковую сторожу. На мѣщанахъ лежала обязанность отбывать сторожу только на урочищѣ Свирнѣ да у Остроговыхъ воротъ, но и то только лѣтомъ. Сверхъ того, по старому обычаю, мѣщане обязаны были содержать полевую и водяную сторожу, а также переѣзжать татарскіе шляхи вмѣстѣ съ старостинскими «служебниками».

Изъ этого видно, что на Украинѣ, не только замковой гарнизонъ, но и всѣ жившіе возлѣ замка участвовали въ его защитѣ. Мѣщане городовъ, лежавшихъ внутри края, были жители мирные; мѣщане «замковаго присуду», на пограничѣ, были воины. Прежній, до-татарскій порядокъ вещей въ юго-восточной Руси измѣнился мало; на старыхъ обычаяхъ строилось новое казачество. Въ то же самое время, вокругъ старосты формировался здѣсь привилегированный классъ, родъ пограничной шляхты. Одни изъ мѣщанъ выпрашивали, то-есть покупали у самого короля, другіе у его дворнаго гетмана, кievскаго воеводы, такъ-называемые «вызволенные листы», которые освобождали ихъ отъ общихъ съ мѣщанами повинностей и обязывали только нести конную службу при старостѣ да, по старинному обычаю, поддерживать въ порядкѣ замковыя укрѣпленія и давать на замковую сторожу каждый годъ по грошу и по четверти жита. Выходитъ, что эти зажиточные люди имѣли земледѣльческое хозяйство (роскошь на татарскомъ пограничѣ), и потому изъ мѣщанскихъ «послужниковъ» они дѣлались служебниками старостинскими, наравнѣ съ пріѣзжими слугами, которыхъ старосты привлекали на пограничье, предоставляя имъ разныя льготы. За исключеніемъ этихъ избранныхъ, всѣ прочіе мѣщане относились къ старостѣ, какъ подданные къ пану. Онъ заставлялъ ихъ косить сѣно и доставлять въ замокъ дрова; не позволялъ имъ возить медъ въ Кіевъ, а скупалъ самъ по установленной однажды навсегда цѣнѣ; съ бобровыхъ гоновъ на Днѣпрѣ бралъ цѣлую половину; безъ дозволенія старосты, не могли они ѣздить и ходить въ рыбные и бобровые уходы, не имѣли права продавать рыбу и промышлять какими бы то ни было «добычами»; половину, а иногда все имущество безсемейнаго казака послѣ его смерти, или—что было все равно—когда его возьмутъ татары, бралъ на себя староста, съ тѣмъ, чтобы цѣнныя вещи передать королю; наконецъ, увеличивалъ обычную съ мѣщанъ и казаковъ подать, коладу на рождественскихъ святкахъ, до произвольной цифры. Все вмѣстѣ обнаруживаетъ, что казацкую службу отбывали на пограничѣ сперва всѣ вообще замковые мѣщане; но старосты нашли необходимымъ окружать себя пріѣзжими людьми

и богатѣйшими изъ мѣщанъ, чтобы держать остальныхъ въ рукахъ. По смыслу разбирательства, сдѣланнаго кievскимъ воеводою въ Черкасахъ, высшій классъ населенія этой столицы днѣпровскаго казачества составляли старостинскіе слуги, подъ руководствомъ которыхъ мѣщане переѣзжали татарскіе шляхи, и въ составъ которыхъ входили бывшіе мѣщанскіе «потужники», выпросившіе себѣ у короля вывольенные листы; второй классъ составляли собственно мѣщане, а третій—такъ-называемое посполство, въ томъ числѣ и казаки, то-есть люди, жившіе исключительно добычею и заработкомъ, люди большею частью безсемейные и неосѣдлые. Прочіе мѣщане только ходили въ казаки, то-есть бывали иногда казаками по роду занятій. Гонимые нуждою и увлекаемые жаждой вольности, казаки, наперекоръ расчетамъ старосты, уходили въ днѣпровскія низовья, а оттуда иногда переходили въ Московскую землю на службу царю, съ которыми воевалъ польскій король. Когда наступала зима, низовые добычники не смѣли показаться въ Черкасы, боясь королевскаго старосты; а старостѣ между тѣмъ былъ нуженъ боевой народъ. Чтобы привлечь своевольныхъ добычниковъ на зимовлю, онъ обѣщалъ бывало не смѣшивать ихъ съ тѣми, которые ушли въ Московщину, и въ доказательство посылалъ за Пороги охранную королевскую грамоту, или такъ-называемый «глейтовый листъ», какъ это случилось въ 1540 году.

Таково было положеніе Черкасъ во времена первыхъ извѣстныхъ намъ казацкихъ походовъ, послѣ которыхъ для высшихъ классовъ украинскаго населенія ходить въ казаки и даже называться казаками сдѣлалось дѣломъ почетнымъ. Надобно думать, что промышленное казачество, привлекаемое торговыми интересами въ Кіевъ, усвоивало себѣ военные обычаи въ Черкасахъ. Этотъ городъ отличался боевымъ характеромъ издавна. Когда Менгли-Гирей на приморскомъ городищѣ, принадлежавшемъ Литвѣ, основалъ, въ 1492 году, замокъ Очаковъ, изъ Черкасъ предпринять былъ противъ этого замка походъ. Черкасцы, съ помощію Менгли-Гиреева брата, взяли Очаковъ приступомъ и разрушили до основанія. Прежде нежели Запорожскій Низъ, сдѣлавшись постояннымъ пристанищемъ для казаковъ, далъ имъ новое названіе—*Низовцы*, днѣпровскіе казаки, въ отличіе отъ сѣверскихъ и донскихъ, назывались у сосѣдней Московской Руси *Черкасами*. Это названіе распространилось впослѣдствіи на весь южно-русскій народъ, хотя преимущественно выражало понятіе о людяхъ военныхъ. И дѣйствительно, городъ Черкасы, до временъ Хмельницкаго, былъ наиболѣе оказаченный городъ изъ всѣхъ городовъ

южнорусскихъ. По люстраціи 1622 года, мѣщанскихъ домовъ было въ немъ только 120, а казацкихъ болѣе тысячи.

Выше уже сказано, что послѣ паденія Греческаго царства, поддержанное турками хищничество татаръ отгѣснило русское населеніе отъ устьевъ Днѣпра къ сѣверо-западу. Это значить—къ западному Бугу и къ верховьямъ Днѣстра. Кіевъ едва держался на старомъ своемъ пепелищѣ и оставался иногда совершенно безлюднымъ. Васильковъ стоялъ до 1586 года пустымъ городищемъ. Бѣлая-Церковь, Каневъ и Черкасы были сборными пунктами для смѣльчаковъ, которыми предводительствовали королевскіе старосты. Населеніе края вообще состояло изъ хуторовъ и пасикъ, которые появлялись и исчезали по мѣрѣ большей или меньшей безопасности со стороны Крыма и нижняго Днѣстра, занятаго ногайцами и турками. Польское правительство не признавало за собой довольно силы, чтобы устроить прочную защиту восточныхъ своихъ земель, и пришлось къ убѣжденію въ необходимости откупаться отъ Орды ежегодною данью ¹⁾. Но обитатели пограничныхъ русскихъ областей далеко не были ограждены этою данью отъ татарскихъ вторженій. Не всѣ татары повиновались ханамъ, да и сами ханы не очень ревностно удерживали свой кочевой народъ отъ набѣговъ. Пограничные старосты безпрестанно имѣли дѣло съ хищниками, а отразивъ ихъ, въ свою очередь нападали на татарскія кочевья. Всего лучше объяснено это въ реляціи, представленной, въ 1550 году, краковскому сейму Бернардомъ Претвичемъ, старостою новоустроенной крѣпости Бара.

Три орды кочевали тогда въ виду Польши у Чернаго моря, независимо отъ крымцевъ: болѣе отдаленная—въ Добруджѣ, двѣ ближайшія — при устьяхъ Буга и Днѣстра. Подъ стѣнами крѣпостей Очакова, Бѣлгорода и Килии расположены были поселенія турецкихъ купцовъ. Эти купцы снабжали татаръ лошадьми и оружіемъ для вторженія въ Украину, съ тѣмъ, чтобы добычу дѣлить пополамъ; а многіе турки и сами хаживали съ татарами на добычу. Турецкое правительство извлекало изъ этой добычи свою пользу: на таможенныхъ отъ уведеннаго изъ Украины скота

¹⁾ По Вѣльскому и Стрийковскому, король Сигизмундъ I заплатилъ татарамъ *jurgelt* въ первый разъ въ 1511 году, съ условіемъ, чтобы они, въ числѣ 30,000, ежегодно воевали противъ его враговъ, только бы не противъ турокъ. Татары называли этотъ *jurgelt*, *харачемъ* (данью), и, вмѣсто подчиненности польскому королю, въ слѣдующемъ же, 1512 году вторглись въ его владѣнія. Хотя князь Константинъ Ивановичъ Острожскій разбилъ многочисленную Орду у Вишнева надъ рѣчкою Горынью, но тѣмъ не менѣе Сигизмундъ I продолжалъ платить татарамъ дань.

и плѣнниковъ шла въ казну извѣстная плата. Поэтому турецкія власти смотрѣли сквозь пальцы на нарушеніе договорныхъ статей съ Польшею. Приведемъ болѣе важныя мѣста изъ сеймовой рѣчи и реляціи Претвича.

Когда панъ Краковскій (Янъ Тарновскій) принялъ должность короннаго гетмана, немедленно отправился онъ на пограничье и объѣхалъ всѣ украинныя замки и замочки. Не только на границѣ вокругъ этихъ замковъ, но и около Львова, къ Люблину и Перемышлю, видѣлъ онъ пустыни, которыхъ надѣлали татары и которыя теперь заселились, какъ около Львова, такъ и на самой границѣ, гдѣ много лѣтъ было безлюдье. Опустошеніе этой земли происходило оттого, что одна коронная стража стояла тамъ, гдѣ нынѣ Баръ, а другая тамъ, гдѣ воевода Белзскій (Синявскій) построилъ на Синеполѣ замокъ. Пока сторожевыя роты успѣвали дать знать о татарскомъ набѣгѣ въ замки и гетманамъ, татары, въ однѣ сутки, оставляли стражу въ 30 миляхъ позади себя и безопасно являлись подъ самымъ Опатовымъ. Они захватывали у костеловъ рывданы съ панскими семействами, полонили простой народъ и исчезали съ своей добычею. Теперь (продолжаетъ Претвичъ) начали мы держать стражу въ 20-ти и болѣе миляхъ дальше прежнихъ сторожевыхъ мѣстъ. Народъ, узнавши заблаговременно, что идутъ татары, имѣетъ время объѣзжаться въ замки. Такимъ образомъ пустыни начали населяться, и населяются до сихъ поръ. Между тѣмъ наши гетманы два раза разбили наголову бѣлгородскихъ, очаковскихъ, добруджскихъ и килійскихъ татаръ, которые собирались ордою до тысячи человекъ, — одинъ разъ у Зѣнькова, въ другой — около Бара. Съ того времени татары начали малыми купами прокрадываться мимо нашихъ сторожекъ: чаще всего по 200 по 300, а то и по 50, 60, по 40 по 30 даже и по 10 человекъ, потому что трудно открытъ слѣды небольшой купы. Онѣ ходятъ каждая особнякомъ, а звѣря въ степяхъ вездѣ много, именно: дивихъ коней, зубровъ, оленей, которыхъ слѣды трудно различить отъ татарскихъ. Этимъ способомъ татары набѣгали разъ двадцать въ годъ и уводили множество плѣнниковъ изъ Украины. При такихъ обстоятельствахъ, пограничные воеводы снаряжали легкіе отряды, человекъ въ 200 или 300 изъ отважнѣйшихъ людей и посылали ихъ въ догонку за татарами. Эти отряды скакали по степямъ ночью, несмотря ни на какую темноту, а днемъ залегали въ какой-нибудь балѣ (долинѣ), укрываясь такимъ образомъ отъ наблюденій татарскихъ сторожевыхъ разъѣздовъ. Иногда они отбивали у татаръ добычу, иногда заграждали имъ путь въ польскія пограничныя поселенія.

Такой способъ войны, по словамъ Претвича, назывался *залежаньемъ на полѣ* или *казакованьемъ*. Отъ Галича до Черкасъ раскинуты были сборные пунеты казацкихъ дружинъ. Съ каждымъ почти годомъ они мѣняли свои становища, то выдвигаясь въ безлюдье, то подаваясь назадъ, къ тогдашней Украинѣ польскаго государства. Татары вторгались въ эту Украину тремя полосами, на которыхъ были удобныя переправы и которыя назывались *татарскими шляхами*. Самый сѣверный шляхъ, проходившій мимо Черкасъ, Корсуня, Кіева, Луцка, Сокаля ко Львову, назывался *Чернымъ*; средній—изъ Очакова черезъ степныя рѣчки: Саврань, Кодыму, Кучмань и мимо Бара также ко Львову, назывался *Кучманскимъ*; южный—по берегамъ Буга мимо Збѣнькова, черезъ Покутье и Бучать, назывался *Волошскимъ* или *Покутскимъ*. Между этими-то шляхами, подъ прикрытіемъ казацкихъ стояногъ и разѣздовъ, усиливались утвердиться вольныя поселенія, служившія казакамъ пристанищами и пополнявшія ихъ дружины. По нѣскольку разъ приходилось этимъ поселеніямъ исчезать безъ остатка. *Выбрать село*, то-есть заполонить всѣхъ жителей, было тогда для татаръ дѣломъ обыкновеннымъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ набѣга, снова на пепелищахъ появлялись кое-какъ слѣпленные хаты, и снова у жителей начиналась борьба съ хищниками за свое существованіе. Изъ реляціи Претвича видно, что замки: Ровъ, Ольчидаевъ и Жванъ, были разорены въ его время волошскимъ господаремъ, а окружавшее ихъ населеніе переведено за Днѣстръ; когда же, на мѣсто стараго Рова, устроенъ былъ крѣпкій замокъ Баръ, вокругъ него снова появились хутора, и многіе изъ загнанныхъ въ Волощину вернулись на старыя свои займища. Такъ было по всей пограничной линіи, которая въ началѣ появленія казачества едва держалась между Галичемъ и Кіевомъ, а при Хмельницкомъ выдвинулась далеко на востокъ, за рѣку Ворсклу.

Но заселеніе украинскихъ пустынь, такъ же какъ и развитіе казачества, совершалось, можно сказать, противъ воли правительства. Реляціи Претвича была не чтò иное, какъ оправданіе въ набѣздахъ, которые казаки дѣлали на татарскіе улусы. Съ одной стороны, онъ доказывалъ необходимость, съ другой — пользу казачества; но жалобы татарскаго хана все-таки заставили короля, въ 1552 году, удалить Претвича изъ Барскаго старобства на старобство Терембовльское. Король былъ убѣжденъ, что татары оставили бы его владѣнія въ повоѣ, еслибы старостинскіе служебники и казаки пограничныхъ замковъ: Кіева, Канева, Черкасъ, Бѣлой-Церкви, Брацлава и Винницы, не ходили въ поле под-

стерегать Орду и не угоняли татарскихъ стадъ. Еще и въ 1560 году настаивалъ онъ, чтобы пограничные старосты отнюдь не посылали своихъ служебниковъ и казаковъ на полевую службу. Между тѣмъ сила вещей брала свое. Казаки, тѣснимые нѣкоторыми старостами, находили по себѣ предводителей, которые, служа королю, давали полный просторъ своему разгулу.

Мы видѣли, что Дашкевичъ переходилъ отъ одного государя къ другому; что онъ имѣлъ родовыя села подъ Путивлемъ, принадлежавшія царю московскому; что онъ соединялъ вокругъ себя казаковъ двухъ сосѣднихъ Украинъ, и служилъ въ одно и то же время двумъ государямъ. По его слѣдамъ пошелъ князь Дмитрій Вишневецкій, сдѣлавшійся черкасскимъ и каневскимъ старостою около 1550 года. Когда король Сигизмундъ-Августъ отказалъ ему въ какомъ-то пожалованіи, онъ грозилъ, что перейдетъ на службу къ турецкому султану, или къ московскому царю; и дѣйствительно, въ 1553 году, простясь въ родномъ Вишневецѣ съ двумя братьями, пустился онъ степями въ туреччину, въ сопровожденіи преданныхъ ему казаковъ ¹⁾. Король безпокоился о томъ, что турки приобрѣтутъ въ Вишневецкомъ отличнаго полководца, и постарался опять привлечь его къ себѣ. Весною 1554 года, Вишневецкій получилъ королевскій охранный листъ и снова явился на Днѣпрѣ. Владѣя Черкасами и Каневомъ, онъ построилъ ниже Пороговъ, на островѣ Хортицѣ, крѣпость и, подобно Дашкевичу, дѣйствовалъ противъ татаръ и турокъ соединенными силами московскихъ и польскихъ казаковъ. Въ 1556 году, путивльскіе казаки, подъ предводительствомъ дѣяка Ржевскаго, пришли на рѣку Псѣль, построили суда и поплыли Днѣпромъ подъ польскіе улусы. На Днѣпрѣ къ нимъ присоединились 300 каневскихъ казаковъ изъ дружины Вишневецкаго. Они вмѣстѣ разорили Очаковъ, побили татаръ и турокъ, и пошли обратно вверхъ по Днѣпру. Турки пустились за ними въ погоню, но казаки засѣли въ камышахъ и отразили нападеніе. У Исламъ-Керменя настигли казаковъ крымскіе татары всею своею ордою. Казаки укрѣпились на днѣпровскомъ островѣ, шесть дней перестрѣливались изъ пицалей съ ордою, ночью отогнали у татаръ конскіе табуны, переправили сперва на островъ, потомъ на западный берегъ Днѣпра, и возвратились благополучно восвояси. Въ томъ же году князь Вишневецкій взялъ приступомъ Исламъ-

¹⁾ Сигизмундъ-Августъ, отъ 15-го іюня 1553 года, писалъ о немъ къ Радзивилу Черному: „А ziechał ze wszystką rotą swą, to jest z tym swym wszystkim kozactwem a chłopsstwem, które około siebie bawiel“.

Кермёнъ, людей побилъ, а пушки перевезъ въ свой хортицкій замокъ. Въ январѣ 1557 года ханъ пришелъ къ Хортицѣ со всѣми своими силами, штурмовалъ замокъ 24 дня, но принужденъ былъ отступить съ большимъ урономъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять осадилъ Вишневецкаго на Хортицѣ, и уже вмѣстѣ съ турками. Вишневецкій долго выдерживалъ осаду; наконецъ, когда казаки съѣли своихъ коней, поплылъ къ Черкасамъ, а въ ноябрѣ того же года переѣхалъ на службу въ московское государство, гдѣ получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостями и селами, да въ другихъ областяхъ нѣсколько сель. Царь Іоаннъ Грозный посылалъ его на Днѣпръ, гдѣ у него были старые пріятель казаки, готовые воевать противъ невѣрныхъ въ пользу царя московскаго такъ же усердно, какъ и въ пользу короля польскаго. Потомъ князь Вишневецкій былъ посланъ, вмѣстѣ съ московскими воеводами, въ помощь черкасамъ, которые въ то время воевали противъ крымцевъ. Оттуда, осенью 1561 года, Вишневецкій пришелъ съ окружавшими его казаками на Днѣпръ и, остановясь въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицею и Черкасами, выпросилъ у короля Сигизмунда-Августа такъ-называемый глейтоватый или охранный листъ, по которому пріѣхалъ въ Краковъ. Здѣсь онъ вошелъ въ сношенія съ польскимъ магнатомъ Ляснымъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотиномъ и надѣялся совсѣмъ присоединить Молдавію къ владѣніямъ польскаго короля. Ляскій предложилъ ему господство молдавское. Вишневецкій, въ 1564 году, съ четырьмя тысячами казаковъ, явился на берегахъ Днѣстра. Въ это время въ Молдавіи между господаремъ Яковомъ Василидомъ, иначе Ираклидомъ, и бояриномъ Томзою шла борьба за господарскую булаву. Томза успѣлъ вооружить молдаванъ противъ Якова и уже осадилъ его въ сучавскомъ его дворцѣ, когда казаки явились оспаривать у него господство въ пользу своего гетмана. Томза отправилъ къ Вишневецкому избранныхъ бояръ объявить, что онъ принялъ на себя господарскую власть только временно, и что молдаване желаютъ имѣть своимъ господаремъ храбраго предводителя казаковъ. Вишневецкій повѣрилъ и пошелъ съ казаками къ Сучавѣ; но Томза встрѣтилъ его на пути по-непріятельски, одолѣлъ его войско превосходствомъ силъ, захватилъ въ плѣнъ самого Вишневецкаго и отправилъ въ Цареградъ.

Много было примѣровъ, что турки, заставивъ своихъ плѣнниковъ принять магометанство, пріобрѣтали въ нихъ самыхъ ревностныхъ охранителей интересовъ оттоманской имперіи. Домогались они отступничества и отъ князя Вишневецкаго, но напали

въ немъ непоколебимую твердость. Вишневецкій былъ казненъ въ Цареградѣ мучительною смертію. Его сбросили съ башни на желѣзные крючья; онъ зацѣпился ребромъ, повисъ на крюкѣ и трое сутокъ оставался живымъ. Сохранилось преданіе, что, находясь въ такомъ положеніи, Вишневецкій продолжалъ славить Христа и проклинать Магомета; наконецъ вывелъ мусульманъ изъ терпѣнія и былъ убитъ стрѣлой изъ лука.

Украинскіе кобзари воспѣли князя Вишневецкаго подъ именемъ казака Байды, и пѣсня о немъ дожила въ устахъ народа до нашего времени ¹⁾. Въ этой пѣснѣ султанъ предлагаетъ казаку Байдѣ въ замужество свою дочь и господство надъ всей Украиной, если онъ приметъ магометанство. Байда осыпаетъ ругательствами султана и его вѣру. За это его вѣшаютъ ребромъ на крюкѣ. Байда велитъ своему оруженосцу подать себѣ лукъ со стрѣлами и, вися на крюкѣ, побиваетъ султана, его жену и дочку. Легенда о трагической кончинѣ Вишневецкаго, съ варіаціями, повторяется у многихъ современныхъ писателей. По одной версіи, Вишневецкій, провисѣвъ двое сутокъ, велѣлъ подать себѣ лукъ со стрѣлами и началъ избивать проходящихъ мимо турокъ. Султанъ Солиманъ пожелалъ видѣть столь необыкновеннаго вѣтязя, и Вишневецкій обезсиленными руками направилъ въ него послѣднюю стрѣлу. Тогда султанъ велѣлъ добить Вишневецкаго. Турки разрѣзали на кусочки и съѣли его сердце, чтобы получить его мужество.

II. Кулишъ.

¹⁾ Существовали народныя пѣсни и о Дашковичѣ, но извѣстный Зоріанъ Ходековскій захватилъ изъ устъ народа только отрывки ихъ, о чемъ сохранилось преданіе; см. въ Tygodniku ilustrowanym, 1862, стр. 63.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

XXVII.

Въ Москвѣ.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ. — Было начало осени 1871 года. Погода стояла теплая и свѣтлая. Къ небольшому двухэтажному домику, на Никитскомъ бульварѣ въ Москвѣ, едва стало смеркаться, подошелъ, съ портфелемъ подъ мышкой, озабоченный человекъ. Онъ дернулъ за звонокъ, спросилъ слугу, не заѣзжалъ ли кто-нибудь безъ него, и вошелъ въ дверь, на которой была прибита мѣдная досочка съ надписью: «Ходатай по дѣламъ». Поднявшись на крыльцо, этотъ господинъ прошелъ въ небольшой, уютный кабинетъ, бросилъ портфель на этажерку, взялъ съ рабочаго стола пачку нераспечатанныхъ писемъ, подошелъ къ окну, сѣлъ въ кресло и задумался.

— «Одно и то же, размышлялъ онъ: старая, вѣчная пѣсня... Тѣхъ грабятъ чужіе, эти жалуются на своихъ; тѣ ищутъ потеряннаго, эти—новой прибыли; въ томъ мѣстѣ требуютъ приданнаго, въ этомъ—развода; тѣхъ обидѣли, эти сами обижаютъ... Труда не мало. А время бѣжить и бѣжить...»

Человекъ, разсуждавшій такимъ образомъ, былъ Антонъ

*) См. выше: январь, 115; февраль, 589 стр.

Львовичъ Ветлугинъ. Но какъ онъ измѣнился: сухое и строгое лицо его стало еще суше и строже. Сѣдина пробивалась въ бородѣ и волосахъ. Глаза были также свѣтлы, но въ нихъ отражалась преждевременная усталость. Руки были блѣдны и худы; движенія угловаты.

Онъ прочелъ нѣкоторые изъ писемъ и, не распечатывая остальныхъ, просидѣлъ въ креслѣ до поры, пока на дворѣ окончательно стемнѣло. Фонарей на улицѣ еще не зажигали. Ызды почти не было слышно. Комнаты мало-по-малу утонули въ потемкахъ и тишинѣ. Изъ маленькой пріемной, съ старой мебелью, потертымъ ковромъ и кучами газетъ и книгъ по окнамъ и столамъ, слышался мѣрный стукъ часового маятника. Одно изъ оконъ кабинета, уставленного книжными шкапами, этажерками и картонками съ дѣлами, выходило въ небольшой садъ. Надъ вершинами стемнѣвшихъ деревьевъ и надъ крышей сосѣдняго дома еще мерцала блѣдная полоска зари. Скоро и она погасла.

— «Пора зажигать лампу! пора за работу!» подумалъ, рѣшившись встать, Ветлугинъ: «надо приготовить дѣло въ завтрашней защитѣ; надо справиться съ судебнымъ уставомъ; а сколько писемъ писать...»

Но лампа не зажигалась, судебный уставъ не раскрывался, рука не бралась за перо. Ветлугинъ сидѣлъ, глядѣлъ на уголокъ рабочаго стола, прислушивался къ стуку маятника въ гостиной, къ шагамъ прохожихъ за окномъ, и размышлялъ... Гдѣ были его мысли? И какими судьбами онъ очутился на жительствѣ въ Москвѣ?

Разставшись, три года назадъ, съ отцомъ, Ветлугинъ возвратился за Уралъ. Туда его звали дѣла его хозяевъ. А эти дѣла въ то время приняли весьма дурной оборотъ. Первоистатейные московскіе купцы, на деньги которыхъ хозяева Ветлугина вели торговлю, въ томъ году совершенно неожиданно прекратили свои платежи. Стала носиться молва, что это банкротство, грозившее окончательнымъ разореніемъ нѣсколькимъ второстепеннымъ торговымъ домамъ, было умышенное.

Ветлугинъ съ довѣренностью отъ хозяевъ уѣхалъ въ Москву и повелъ переговоры съ ихъ компаньонами. Но на первыхъ же порахъ онъ убѣдился, что мировая невозможна, и рѣшился начать формальный процессъ. Много вытерпѣлъ онъ съ этимъ процессомъ: не разгибая спины, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ надъ подборомъ необходимыхъ бумагъ и изученіемъ подходящихъ законовъ; совѣтовался съ опытными юристами, писалъ и подавалъ прошенія, разъясненія, и съ утра до вечера ѣздилъ по старымъ

и новымъ присутственнымъ мѣстамъ. Весь этотъ трудъ Ветлугинъ несъ, живя въ тѣсной конурѣ отдаленнаго подворья, и зачастую нуждался въ рублѣ.

Начавъ искъ противъ московскихъ тузовъ, Ветлугинъ наткнулся на цѣлый рядъ такихъ же точно процессовъ. Дѣло это тянулось около двухъ лѣтъ и кончилось побѣдой для Ветлугина. Онъ выигралъ его во всѣхъ инстанціяхъ, вызвалъ въ расчету съ противниками своихъ хозяевъ, но ѣхать съ ними обратно за Уралъ отказался.

— Я, господа, вашъ слуга по прежнему, сказалъ онъ: но Москвы не оставляю. Ко мнѣ стали обращаться другіе, и мнѣ удалось имъ пособить также, какъ и вамъ. Дѣлъ теперь у меня, сверхъ ожиданія, столько, что не оберешься. Записываюсь окончательно въ адвокаты...

— Охъ, баринъ, берегись, говорили на это его хозяева: дѣло берешь трудное; съ нимъ либо рыбку ѣсть, либо на мель сѣсть.

— Не боюсь, господа, отвѣчалъ Ветлугинъ: время для судовъ настало иное. И комаръ лошадь свалить, коли волею пособить...

Ветлугинъ какъ рѣшилъ, такъ и сдѣлать: сталъ заниматься хожденіемъ по дѣламъ и на этомъ поприщѣ оказался далеко не изъ послѣднихъ. Имя его, впрочемъ, рѣдко попадалось на столбахъ газетъ, отводящихъ мѣсто судебнымъ извѣстіямъ, и не было связано ни съ однимъ изъ тѣхъ, болѣе или менѣе громкихъ и знаменитыхъ, уголовныхъ процессовъ, которые за послѣдніе годы надѣляли столько шума въ столичныхъ и губернскихъ судебныхъ округахъ. Произошло это, вѣроятно, потому, что Ветлугинъ бралъ на себя ходатайство и публичную защиту только по такимъ дѣламъ, которыя онъ завѣдомо считалъ совершенно чистыми.

Въ первый годъ своего пребыванія въ Москвѣ, Ветлугинъ, для лучшаго ознакомленія съ судебнымъ міромъ, занялся въ качествѣ помощника при конторѣ одного изъ адвокатовъ по гражданскимъ дѣламъ. Въ срединѣ второго года московской жизни, онъ открылъ собственную адвокатскую контору, а въ началѣ третьяго года у него было уже столько дѣлъ, что онъ не зналъ, какъ съ ними справиться. Не всѣ процессы Ветлугинъ, какъ водится, выигрывалъ, за то ни по одному онъ не вызывалъ уворизнъ и проклатій своихъ довѣрителей. Значительную долю заработковъ онъ удѣлялъ на уплату отцовскихъ долговъ и отъ души обрадовался, когда ему удалось, частью на собственный заработокъ, частью займомъ, погасить послѣднее изъ обязательствъ, выданныхъ имъ за долги отца.

Это случилось въ концѣ третьяго года его пребыванія въ Москвѣ.

Ветлугинъ въ это время жилъ уже безъ тѣхъ лишеній, какія привелось ему испытать въ началѣ его переезда въ Москву, хотя его обстановка и теперь была далеко не такъ щеголевата, какъ у значительной доли его модныхъ товарищей по ремеслу.

Былъ у Ветлугина, для справокъ и переписки съ довѣрителями, и секретарь. Это мѣсто занялъ у него бывшій его учитель, а потомъ пріятель и товарищъ по университету, — Аввакумъ Андреевичъ Столешниковъ.

Столешниковъ былъ изъ тѣхъ смертныхъ, происхожденіе которыхъ даже для близкихъ къ нимъ людей остается иногда всю жизнь загадкой. При появленіи его въ университетъ, на вопросъ товарищей, откуда онъ и кто его родители, Столешниковъ отвѣчалъ, что обыватель онъ Голодалкиной волости, села Обнищухина, а что состоянія у его отца — тараканъ да жуколица, крестъ да пуговица, мѣшокъ да ряднѣ... Между студентами онъ былъ коноводомъ всѣхъ недовольныхъ, шумѣлъ и горячился на сходахъ и слылъ за человѣка съ сильной волей, отважнаго и стойкаго, вообще бойца за правду. Учился онъ усердно, хотя не выдержалъ выпускного экзамена, единственно впрочемъ потому, что не имѣлъ приличнаго платья и почти не посѣщалъ въ послѣдніе полгода лекцій одного изъ самыхъ строгихъ профессоровъ. Ветлугинъ, на котораго Столешниковъ съ перваго же знакомства произвелъ глубокое впечатлѣніе, былъ лѣтъ на пять, на шесть моложе своего пріятеля. Университетская исторія, бросивъ Ветлугина за Уралъ, и Столешникова, одновременно съ нимъ, точно вѣтромъ сдула съ лица земли. Арестовали его, по поводу той же исторіи и еще изъ-за какихъ-то заграничныхъ воззваній, въ квартирѣ знакомаго ему фортепьяннаго подмастерья. Онъ исчезъ изъ университета и, какъ говорится, пера не оставилъ. Зналъ о немъ кое-что только Ветлугинъ. Они были въ перепискѣ и дружба ихъ въ долговременной разлукѣ не ослабѣвала. Попавъ на житье въ Архангельскъ, Столешниковъ терпѣлъ страшную бѣдность, голодалъ и, водясь съ чернымъ народомъ и съ мелкимъ чиновничествомъ, жилъ изъ милости сперва у какого-то оставленнаго за старостью отъ службы канцеляриста, а потомъ въ сырой землянкѣ у разстриги-попа, гдѣ заболѣлъ тифомъ и чуть не умеръ. Онъ не покидалъ любимаго своего занятія — чтенія, и то-и-дѣло умудрялся попадаться въ проступкахъ противъ мѣст-

ныхъ предрѣжащихъ властей. За неуваженіе къ распоряженіямъ полиціи, онъ не разъ былъ отводимъ въ участокъ и сажаемъ подъ арестъ, а однажды былъ призванъ для внушеній, за смѣлыя и необдуманныя рѣчи, къ самому губернатору. Послѣдній, послѣ продолжительныхъ распеканій и наставленій, сказалъ ему слѣдующее: «Послушайте, Столешниковъ. За васъ меня просятъ. Но ваше положеніе измѣнится, и вы отсюда уѣдете только тогда, если окончательно и навсегда оставите вашу неумѣренную и ни къ чему неведущую, завирательную болтовню, и станете заниматься не баклушами, а какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ, ну, напримѣръ, хоть бы службой... Но если бы вы, паче чаянія, уѣхали отсюда не перемѣня права, то вѣрьте мнѣ, старому воробью, опять гдѣ-нибудь попадетесь: отъ своего хвоста не уйдешь...»

Въ маѣ 1868 года, Столешникову разрѣшили оставить мѣсто его ссылки. Онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ въ какой-то купеческой семьѣ жила учительницей одна дальняя его родственница. При помощи ея, и онъ на первыхъ порахъ принялся давать уроки. Малый онъ съ виду былъ степенный, даже внушалъ къ себѣ своимъ большимъ ростомъ, басистымъ голосомъ и длинною рыжею бородой, нѣкоторое невольное уваженіе. Труду онъ отдавался, особенно вначалѣ, со всѣмъ пыломъ, имѣлъ крайне доброе сердце, трусилъ женщинъ и страстно любилъ дѣтей. А потому, въ качествѣ учителя и при помощи старушки-родственницы, нечаявшей въ немъ души,—ему такъ повезло, что вскорѣ онъ не только приобрѣлъ множество выгодныхъ уроковъ, но и завелъ обширный кругъ знакомства, особенно между учащеюся молодежью. Часы, свободные отъ учительскихъ занятій, онъ посвящалъ посѣщенію публичныхъ лекцій и диспутовъ, сѣздамъ педагоговъ и засѣданіямъ различныхъ благотворительныхъ и воспитательныхъ комитетовъ. Голова его горѣла. Съ языка не сходили слова объ общемъ благѣ. Онъ опять ожилъ, переродился, не чувствовалъ подъ собой земли и, разумѣется, вскорѣ забылъ и свое недавнее пребываніе на сѣверѣ, и свои тяжкія невзгоды.

Ветлугинъ какъ обѣщалъ Столешникову въ письмѣ, такъ и сдѣлалъ: едва пріѣхалъ въ Москву, тотчасъ пустился его отыскивать. Онъ его засталъ на полномъ ходу его педагогической и ораторской дѣятельности. Жилъ въ это время Аввакумъ Андреичъ, въ качествѣ репетитора двухъ гимназистовъ, сыновъ какого-то торговаго туза, въ Плетешкахъ, у денисовскихъ банъ. Отсюда онъ ежедневно и большею частію пѣшкомъ дѣлалъ невѣроятные концы на другіе уроки: сегодня шелъ на Патріаршіе пруды,

завтра на Арбатъ или на Волхонку; послѣ завтра къ Спасу въ Оливкахъ, и въ тотъ же день иной разъ посѣждалъ еще на за-сѣданіе какого-нибудь благотворительнаго комитета въ Лефѣртову или къ Пожрову въ Лѣвшинѣ.

Оба пріятеля, при встрѣчѣ послѣ столь долгой разлуки, до того обрадовались другъ другу, что на первое время почти не разставались. Ветлугинъ болѣе недѣли прожилъ въ тѣсной, учительской каморѣ Столешникова, чтобы только досыта наговориться съ бывшимъ другомъ и наглядѣться на него. Столешниковъ плѣнялъ и тѣшилъ его: несмотря на признаки довольства, добытаго учительскимъ усиленнымъ трудомъ, онъ по прежнему ходилъ нечесанный, въ старомъ потертомъ пальто, съ большою, какъ у древнихъ ревнителей благочестія, бородой и въ невыразимо-скрипучихъ и рѣдко-чищенныхъ сапогахъ. Онъ безпрестанно курилъ какія-то вѣрчайшія, бурныя папиросы, увѣряя, что табакъ достается за невѣроятнo-дешевую цѣну — по знакомству, первой масти и безъ бандеролей. Мнѣніи о всемъ онъ держался, какъ и во время оно, совершенно крайнихъ. Съ Ветлугинымъ, съ первыхъ же дней ихъ новой встрѣчи, онъ сталъ спорить обо всемъ. Ветлугинъ отъ такого разговорнаго задора и споровъ съ пріятелемъ, сначала было даже сильно опѣшилъ. «Ужъ не отсталъ ли я отъ движенія общества за эти годы?» думалъ онъ: «не устарѣлъ ли я, наконецъ? Сколько пылу, сколько беззащитныхъ и чистыхъ вѣрованій въ этой душѣ! О! хоть бы капелька этихъ надеждъ и вѣрованій мнѣ...» Онъ съ особымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за Столешниковымъ и за диспутами, которые иной разъ поднимались въ его комнатѣ, насквозь прокуренной вѣрчайшимъ безбандерольнымъ табакомъ.

Проберется бывало Ветлугинъ къ пріятелю и остановится на порогѣ. Въ дыму папиросъ и сигаръ, по стульямъ и по дивану, видѣются разгорѣвшіяся лица его гостей, а самъ Столешниковъ, понурясь, сидитъ на постели, глядитъ себѣ подъ ноги и сурово ораторствуетъ. Рѣчи его, въ подобные часы, отзывались вдохновенною смѣлостью. Онъ забывалъ, что находится въ Москвѣ, въ Плетенкахъ, у денисовскихъ бань. Задачи педагогическія отодвигались назадъ. Впередъ выступали инныя, болѣе, какъ онъ выражался, широкія и насущныя задачи.

И когда Ветлугинъ, вышнываясь въ слова Столешникова, старался допытаться, какими же средствами онъ и его пріятель располагаютъ для выполненія своихъ задачъ, Аввакумъ Андреичъ восклицалъ: «О! успокойся, мирный скворецъ! Не воображай себѣ насъ безумцами, идущими въ воду, не спросясь броду...

Есть у насъ уже и осязательныя начинанія... Мы основываемъ свой печатный органъ,—приобрѣтаемъ въ пользованіе на правахъ аренды одну здѣшнюю газету... Но этого мало: мы на дняхъ покупаемъ типографію... Будемъ на складчину печатать дешевыя книги для народа... Да погоди-же, не вскакивай и слушай далѣе... Ты отсталъ отъ того времени, когда мы съ тобой изучали „Ueber die Freiheit des Willens“ великаго Артура Шопенгауэра,—а я ему вѣренъ... И помани ты мое слово, не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ по нашимъ слѣдамъ двинутся новыя дѣльцы...

— Все это такъ,—скрѣпя сердце, говорилъ иногда глазъ на глазъ своему другу Веллутинъ:—но я замѣчаю, Аввакумъ, что ты начинаешь отставать отъ уроковъ... Ты же самъ передалъ мнѣ на дняхъ жалобу своихъ хозяевъ на то, что ты оставляешь безъ вниманія ихъ дѣтей.

— Э! объ этомъ я думаю менѣ всего, отвѣчалъ Столешниковъ: надо же кому-нибудь дѣйствовать. Погляди получше вокругъ себя. Неужели не видишь? Чтѣ передъ нашими глазами? Чтѣ? Совершенно уснувшее общество... Да и самъ-то ты о чемъ мнѣ писалъ, окунувшись на-короткѣ хоть бы въ благодатную жизнь твоей родины? А? Неужели забылъ? Ну, а я такъ помню... Отвѣчай: отчего погибъ въ вашей губернской трущобѣ этотъ бѣднякъ, этотъ вашъ земскій дѣятель—Милунчиковъ? И отчего торжествуетъ опять-таки хоть бы этотъ прощелыга, нашъ Ключковъ? Да, наконецъ, отчего... пошла въ монастырь... и эта... ну, не буду, не буду, Антонъ! молчу!.. Такъ подумай, дружище, получше, и тогда ты не скажешь: по силамъ ли я беру на себя мои новыя труды?

XXVIII.

Отъ своего хвоста не уйдешь.

Заботы объ общемъ благѣ вскорѣ печально отозвались на Столешниковѣ. Не прошло и полутода, какъ онъ лишился большинства своихъ уроковъ. «Что-же? оборвалось на учительствѣ, вывезетъ литература!» подумалъ онъ. Но оказалось иное. Типографію, основанную по мысли Столешникова нѣкимъ благотворительнымъ дамскимъ комитетомъ, для печатанія дешевыхъ учебниковъ для сельскихъ школъ,—за несоблюденіе какихъ-то важныхъ формальностей,—опечатали, а потомъ и закрыли. Это до такой сте-

пени озадачило Аввакума Андренча, что онъ совершенно потерялся: лишился сна и аппетита, сталъ бросаться въ встрѣчному и поперечному съ жалобами, написать нѣсколько ѣдкихъ обличительныхъ статей, и болѣе мѣсяца не имѣлъ присутствія духа явиться на глаза въ Ветлугину. Но одна бѣда, какъ всегда случается, вела за собою другую. Случилось новое горе. Въ одинъ сквернѣйшій, октябрьскій день, послѣ трехъ неожиданныхъ и почти послѣдовательныхъ предостереженій, закрыли и ту преобразованную, по мысли Столешникова, и не лишенную простодушной злости газету, которую, съ такими усиліями и съ такими пылкими упованіями на лучшій ходъ дѣла, удалось взять въ аренду одному изъ зажиточныхъ москвичей. Раздраженіе Столешникова при этомъ достигло крайнихъ предѣловъ...

Во-первыхъ, объ этомъ онъ извѣстилъ Ветлугина не лично, а почему-то объемистымъ и полнымъ отчаянія письмомъ, по городской почтѣ; затѣмъ въ тотъ же день онъ ему назначилъ депешей свиданіе въ аллеѣ на Чистыхъ-Прудахъ. Являсь туда и ходя съ нимъ взадъ и впередъ, подъ намокшими отъ холоднаго дождя деревьями, онъ говорилъ о своемъ горѣ битый часъ и все-таки не успѣлъ, какъ бы того желалъ, излить другу всю горечь и злобу наболѣвшей души. Онъ жаловался на притѣсненія свыше, на трусость и измѣну товарищей. Наворачивая, отливня и бури, на затылокъ воротникъ пальто, онъ увѣрялъ, что напрасно мѣшаютъ дурнымъ народа; что ихъ дѣло не умереть, а будетъ развиваться, во что бы то ни стало, хотя бы нынѣшніе сподвижники этого дѣла погибли всѣ до единого. Утаптывая мокрую дорожку бульвара и едва сдерживая, подъ порывами пронзительнаго вѣтра, шляпу и какой-то совершенно неправдоподобный зонтикъ, онъ озирался по сторонамъ тусклыми, помутившимися глазами и, крѣпко сжимая въ холодныхъ, костлявыхъ рукахъ дрожавшія отъ скорби и жалости къ нему руки Ветлугина, кричалъ ему на ухо: «Не сдавайся, и я не сдамся! все принесемъ въ жертву чести и общаго долга! все...»

Буря не унималась. Вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ. Дождь нансось, крупными каплями, хлесталъ по зонтику и по синимъ пріятелей. Небо было сѣро и пасмурно. Зловѣщія облака низко неслись надъ кровлями потемнѣвшихъ домовъ.

— Слушай, Ветлугинъ! сказалъ на прощанье Столешниковъ: вотъ три недѣли я не сплю въ сутки болѣе трехъ-четырехъ часовъ. Видишь, какъ я обносился и похудѣлъ... Охъ, братъ, совѣстно сказать... я давно питаюсь чуть не подавніемъ... Но я не унываю и надѣюсь, наше дѣло не погибнетъ... Слушай, братъ

Антонъ!.. Дай мнѣ въ займы,—погоди, не вынимай бумажника, сочту, сколько именно? — дай мнѣ пятьдесятъ, нѣтъ! сто цѣлковыхъ... Такъ видишь ли, у меня созрѣлъ такой планъ, такой,—ну, да увидишь тогда... На-дняхъ у насъ явились новые, неожиданные пособники, да какіе! львы... До поры—никому, даже тебѣ, ни слова, молчу... Я нарочно на время скроюсь, такъ сказать, ступуюсь, но вскорѣ ты обо мнѣ услышишь... О, ты услышишь, и тогда рѣшишь, былъ ли я правъ? Прощай!

— Эй, Аввакумъ, лучше обожди. Вотъ тебѣ деньги; но послушай меня, дай пройти этимъ невздамъ, дай выясниться дѣлу. Лучше успокойся и хоть на время перейди жить ко мнѣ.

— Ни за что, ни за что, кричалъ изъ-подъ зонтика Столешниковъ: ты сталъ адвокатомъ, слѣдовательно, другомъ собственниковъ. И ты насъ не понимаешь, да и не можешь понять... Не я къ тебѣ, а ты ко мнѣ, любезный другъ, явишься съ поклономъ и съ повинной головой. И если мы, обладатели будущаго, пощадимъ тебя, то развѣ за то, что ты теперь мало на что пригодный инвалидъ, хотя былъ когда-то тоже ретивымъ служакой... Прощай, до новаго свиданія, при иномъ порядкѣ вещей,—у порога жилища, на которомъ будетъ написано: гражданская свобода и восстановление правъ человѣчества...

Снабженный пособіемъ Ветлугина, Столешниковъ исчезъ изъ Москвы.

Слухи о немъ замолкли. Даже его родственница ума не могла приложить, куда онъ дѣлся и увѣряла, что-либо его вагономъ гдѣ-нибудь раздавило, либо онъ ушелъ за-границу.

А между тѣмъ, черезъ полгода послѣ его исчезновенія, стали ходить слухи о смутахъ въ средѣ молодежи, о стычкахъ школьниковъ съ полиціей, о какихъ-то подметныхъ письмахъ и арестахъ,—то въ той губерніи, то въ этой, а наконецъ, и объ открытіи нѣкоей цѣлой подпольной организаціи. Сердце Ветлугина, что ни день, стало обливаться кровью. Онъ съ тайнымъ трепетомъ обращался къ каждому газетному листку, всякій разъ боясь, въ извѣстіяхъ о заварившейся кашѣ, натолкнуться на дорогое для него имя неугомоннаго и сердечно-любимаго имъ товарища.

«Гдѣ-то онъ теперь?» размышлялъ Антонъ Львовичъ: «въ какихъ мѣстахъ и въ какихъ слояхъ носится въ эти смутные, неприглядные дни, достойный лучшей участи, бѣднякъ Аввакумъ? Попался ли онъ, нераскаянный боецъ, въ какой-нибудь невѣроятной передрыгъ и сидитъ нынѣ гдѣ-нибудь подъ арестомъ, или его нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ? Что значить его молчаніе и отчего онъ не подаетъ о себѣ вѣсти?»

Прошло болѣе года. — Подхѣхалъ какъ-то поздно вечеромъ къ своей квартирѣ Ветлугинъ и увидѣлъ, на выступѣ крыльца, высокаго, согнутаго, и какъ-бы дремлющаго отъ сильной усталости господина, въ смятой фуражкѣ, забрызганной грязью одеждѣ и обуви и съ дорожнымъ, какъ у богомольцевъ, мѣшкомъ черезъ плечо. Поднявшись на крыльцо, Ветлугинъ невольно его разбудилъ. Незнакомецъ всталъ, протянулъ руки... Антонъ Львовичъ остолебенѣлъ: передъ нимъ стоялъ Столешниковъ.

Нѣсколько мгновений они молча глядѣли другъ на друга.

— Аввакумъ! Ты ли это?..

— Я самый и есть...

Пріатели обнялись. Ветлугинъ потащилъ Столешникова къ себѣ, усадилъ его, раздѣлъ, далъ ему умыться, облекъ его въ собственное чистое бѣлье, въ халатъ и въ туфли, накормилъ его, наполнилъ чаемъ и сталъ спрашивать.

— Ахъ, ты безпутный, столько времени не писалъ... Гдѣ же ты странствовалъ и откуда явился?

— Съ той стороны...

— Съ какой?

Столешниковъ пальцемъ показалъ за спину.

— Понимаешь? сказалъ онъ: да что и толковать.. Отъ своего хвоста, какъ видишь, не ушелъ... Или нѣтъ, врутъ дьяволы, подлецы! на зло имъ ушелъ... ну, да!.. спасся и въ зубы имъ не дался.

— Какъ спасся? Отъ кого? Развѣ ты въ чемъ-нибудь попался? Расскажи...

— Эхъ, братъ, тяжело и рассказывать. Попасться-то я дѣйствительно попался, на первыхъ же порахъ, да передѣтый ушелъ. А когда окончательно все подготовилось, въ самую что ни на есть роковую пору, ну, словомъ, понимаешь ли, когда наконецъ и мнѣ выпадала честная доля дѣйствовать, тутъ, какъ нарочно, неожиданная судьба, роковое стеченіе обстоятельствъ... и умчали меня въ таръ-тарары...

— То-то, я нигдѣ не встрѣчалъ твоего имени.

— И мудрено было встрѣтить. Меня тамъ не было...

— Гдѣ же ты находился въ этихъ передрагахъ?

— На родинѣ былъ... у родителей, — отвернувшись, мрачно отвѣтилъ Аввакумъ Андреичъ.

— Какъ? развѣ у тебя и родители есть?

— Еще бы... Смѣшной вопросъ!.. Мать старуха при смерти въ то время была, ну; и захотѣла меня повидать; а отецъ и написалъ... Нельзя же, я поѣхалъ туда, да тамъ всю эту бурю,

больше двухъ мѣсяцевъ, и пробылъ. Ну, разумѣется, все и пропустилъ,—все пролетѣло мимо, и я, какъ видишь, цѣль...

Столешниковъ, ероша бороду, сердито смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

— Да и отлично, что ты уцѣлѣлъ. Ахъ, ты чудакъ, чудакъ... Еще жалѣеть. Но кто же твой отецъ? я право, извини, до сихъ поръ и не зналъ...

— Что извиняться! уныло отвѣтилъ Столешниковъ: срамъ и сказать... И ты этого, сдѣлай милость, не отерывай никому... Мой родитель изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и жилъ онъ постоянно управляющимъ то на винныхъ, то на лѣсныхъ заводахъ у разныхъ помѣщиковъ; ну, а съ недавняго времени не то, поворъ и сказать!—становымъ въ родномъ уѣздѣ служить... можетъ быть даже... и взятки беретъ! Самъ не видѣлъ, но спорить противъ того не буду!—опять отвернувшись и какъ-то дико улыбаясь, добавилъ Столешниковъ.

— Матушка же твоя, надѣюсь, выздоровѣла?

— Умерла, еще мрачнѣе отвѣтилъ Столешниковъ: умерла на моихъ рукахъ.

Пріятели замолчали. Имъ было тяжело смотрѣть другъ на друга. Ветлугинъ вспомнилъ о «жилищѣ гражданской свободы» у порога котораго Столешниковъ надѣялся съ нимъ встрѣтиться.

— Однако, братъ,, у тебя уже и нѣкоторое благосостояніе? съ напускною усмѣшкой, замѣтилъ Аввакумъ Андрейчъ, озираясь по сторонамъ: мягкая мебель, просторныя комнаты, даже зеркала и цвѣты... Ахъ, ты эстетикъ, эстетикъ. Былъ добродѣтельнымъ скворцомъ, имъ и умрешь. Не понимаю, какъ можно допускать у себя такой избытокъ, когда столько неимущихъ, приниженныхъ и гонимыхъ гибнетъ въ подвалахъ, не только безъ зеркалъ и цвѣтовъ, но даже безъ куска насущнаго хлѣба... Постепеновецъ! пайныка! лежебока...

— Ну, перестань браниться, успокойся,—улыбнулся Ветлугинъ: нѣтъ худа безъ добра... Я счастливъ уже и тѣмъ, что могу наконецъ хоть бы тебѣ предложить опять раздѣлить со мной этотъ уголъ. Вѣдь ты, Аввакумъ, теперь тоже изъ числа неимущихъ... А отказываться не имѣешь права уже потому, что и я когда-то пользовался твоимъ гостепріимствомъ. Такъ идетъ? идетъ? Ты согласишься? Мы станемъ жить вмѣстѣ... А чтобы тебѣ не тяжело было дѣлить со мной все, что я имѣю, будемъ вмѣстѣ трудиться. И ты увидишь, что моя адвокатская работа ничуть не ниже тѣхъ задачъ, о которыхъ мы съ тобой мечтали въ оны дни...

Столешниковъ искоса и робко взглянулъ на пріятеля. Ему показалось, что онъ ослышался.

— Какъ? Что ты сказалъ? спросилъ онъ, поглядывая на Ветлугина: ты мнѣ предлагаешь у себя занятія, зовешь меня къ себѣ, послѣ всего, что было со мной, и не боишься... отласки?

— Я нуждаюсь въ добромъ помощникѣ,—ласково и искренно отвѣтилъ Ветлугинъ: и если ты, Аввакумъ, хочешь, если подаришь меня своими услугами, это мѣсто за тобой и на какихъ хочешь условіяхъ.

— Нѣтъ, братъ, что-то странно, не могу! да! подумать!—нерѣшительно отвѣтилъ Столешниковъ, взглядывая то на свои жилистыя въ туфляхъ ноги, то на свои загорѣлыя, потрескавшіяся отъ дороги руки: у тебя, чай, народъ не такой, какъ я, бываетъ, надо приубраться, одѣжой обзавестись—надо приличное обхожденіе; ну, а я—ты знаешь... не изъ бѣлоручекъ...

Пріятели поспорили, но скоро поладили.

Столешниковъ, въ качествѣ помощника, поселился у Ветлугина. И хотя, по прежнему, родъ жизни онъ велъ нѣсколько странный и подь-часъ даже дикій, по недѣлямъ не позволялъ зимой топить въ своей печкѣ, спалъ не раздѣваясь, отказывался отъ вина, бѣды на извозчикахъ и даже отъ ситарь, но за работу принялся усердно, а въ свободные отъ занятій дни, съ утра до вечера, не выходилъ изъ своей комнаты, шагаль тамъ взадъ и впередъ, либо, заунывнымъ басомъ напѣвая бурлацкія пѣсни, писалъ какія-то замѣтки, рвалъ ихъ, снова писалъ и опять разрывалъ въ мелкіе клочки.

— Въ чемъ наше спасеніе? спросилъ онъ однажды Ветлугина.

— Въ насъ самихъ...

— Какъ такъ? даже привскочилъ Столешниковъ.

— Очень просто. Надо, чтобы всякъ изъ насъ и всѣ мы вмѣстѣ были готовы каждый мигъ встрѣтить лучшія времена. Надо, чтобъ обновленное будущее застигло насъ способными къ воспріятію его. Иначе это будущее станетъ такою же мертворожденною попыткой, какъ и многое бывшее у насъ... Согласись, еще далеко до увѣнчанія общественнаго зданія...

— Далеко? Что же мы-то въ немъ за припасы? спросилъ, усмѣхаясь, Столешниковъ.

— Мы свай... отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Свай только? даже не кирпичи? Иначе—мы свайные люди?

— Именно. Развѣ не почтенное дѣло быть вогнаннымъ по мазовку въ землю, въ сознаніи, что надъ тобою, на твоихъ плечахъ, со временемъ возведется счастье родины? Если бы не росли тѣ дубы да сосны, что болѣе полтора вѣковъ назаванъ завова-

въ трясину подъ петровскія постройки, не было бы у насъ ни родного намъ съ тобою университета, ни академій.

— Свайные люди! не могъ успокоиться Столешниковъ: будущее счастье!.. Но гдѣ-же отрада для настоящаго?

— Въ семьѣ,—тихо отвѣтилъ Ветлутинъ.

Столешниковъ подумалъ: «Ужъ не затѣялъ ли онъ жениться на какой-нибудь купчихѣ? Такъ нѣтъ... сколько ни смотрю, ничего подобнаго не видно...»

— Такъ, по-твоему, отрада — только въ семьѣ? въ порѣ? спросилъ Столешниковъ: вотъ какъ! значить, вездѣ отбой? Значить, воли не удалось быть орлами, то всѣмъ, подобно тебѣ, стать трудолюбивыми, зерноядными сиворцами? Не ожидать я этого отъ тебя.

— Кстати, впрочемъ, какъ поживаетъ твой отецъ? спросилъ онъ, перегибая, чтобы замѣть тяжелый разговоръ.

— Помаленьку... Сталъ, впрочемъ, въ послѣднее время, что-то ужъ часто похварывать.

— Лѣта подошли... Пора...

Настало молчаніе. Маятникъ уныло отыгрывался изъ гостиной.

— Расскажи, что вообще новаго на твоей родинѣ? спросилъ Столешниковъ: пишетъ ли тебѣ оттуда, какъ бывъ его, Фокинъ, что ли?

— Какъ же; я съ нимъ въ постоянной перепискѣ. Онъ, какъ ты знаешь, три года назадъ женился на дочери Вечерѣвскаго священника, на Фросинькѣ, и имѣетъ отъ нея двухъ близнецовъ дѣтей. Да, я отъ души радъ, что онъ устроился, а главное—поселился въ одномъ городѣ съ моимъ отцомъ.

— Такъ и онъ туда перѣхалъ?

— Да, онъ служить кассиромъ въ одномъ изъ тамошнихъ банковъ; а жена его прослушала курсъ въ школѣ акушеровъ, основанной тамъ, какъ ты знаешь, по мысли покойнаго Милунчикова, и удачно практикуетъ по окрестнымъ волостямъ. Талищевъ болѣе не предводителемъ; сыновья-же его не унываютъ: гусарь, отбывъ арестъ за дуэль съ Милунчиковымъ, жуируетъ; не отстаютъ отъ него и Николушка—говорять, очень успѣшно выдаетъ векселя, и отецъ его уже не мало за него заплатилъ—дѣла ихъ вообще пошатнулись...

— Ну, а старикъ Вечерѣвъ?

— Онъ все еще въ помѣшательствѣ.

— На чьихъ-же рукахъ?

— Подъ вѣдѣніемъ своего опекуна, Ключкова.

— Ну, а сей великій мужъ?

— О, онъ, говорятъ, блаженствуетъ, — помочилъ носъ въ крупныхъ прибыляхъ на разныхъ спекуляціяхъ и теперь, слышно, чортъ ему не братъ.

— Ахъ ты, Петъка треклятый, — не выдержишь, кривнуль Столешниковъ: свинчатка себялюбивая!

— Да, братецъ, онъ на второе трехлѣтіе избранъ въ предсѣдателя уѣздной управы и по прежнему, вообще, въ почетъ и въ ходу... Да и что ему! теперь такіе-то только люди и торжествуютъ. Какъ тараканы выползаютъ изъ щелей и засиживаютъ недавно еще чистыя стѣны... На дняхъ, представъ, я читалъ въ газетахъ его рѣчь, произнесенную имъ по случаю проѣзда черезъ тѣ мѣста какого-то сановника... Ужъ чего тамъ этотъ Худоаръ-Ханъ ни наплелъ: выражалъ желаніе, чтобъ Россія была русскою, чтобъ царствовалъ вездѣ порядокъ, а въ сердцахъ каждаго — неуносительность, неупустительность и, еще кажется, чувствительность, — чтобъ всѣ сидѣли подъ своими смоковницами и прочее... «Юрисдикція» у него, правда, исчезла. За то явилось новое слово: цѣлесообразность... Все у него должно быть цѣлесообразно: нужны деньги, — о развитіи силъ страны нечего думать, а увеличивай только подати и дѣло въ шляпѣ; нужны солдаты, — бери съ тысячи хоть по сту человѣкъ... Мы на все, говорить, готовы, — а потому и подносимъ хлѣбъ-соль... Это онъ запѣлъ, разумѣется, какъ все свое состояніе, по слухамъ, обратилъ въ капиталъ, и въ капиталъ что-то очень круглый и крупный...

— Ну, а дочь Вечерѣева? негромко и какъ-бы нехотя, спустя нѣсколько минутъ, спросилъ Столешниковъ.

Ветлугинъ въ это время перебиралъ бумаги на столѣ.

— Дочь Вечерѣева? спросилъ онъ, повидимому, совершенно спокойно.

— Ну, да... ты меня извини — я не изъ пустого любопытства... Вчужѣ жалъ ее...

— Помилуй, я охотно, — отвѣтилъ, закуривая сигару, Ветлугинъ: но что тебѣ о ней сказать? Она по прежнему въ монастырѣ и не думаетъ изъ него выходить.

— Не думаетъ?

— А разумѣется... Изъ-за чего ей выходить? Тамъ стараются всячески ее удержать... Да что ты, чудаекъ, тажъ на меня смотришь? Развѣ узналъ о ней что-нибудь особенное?

— Я?.. ничего!.. Такъ просто, вспомнилась она мнѣ, я и спросилъ! — отвѣтилъ, искоса взглядываясь въ Антона Львовича, Столешниковъ.

Не какъ онъ ни глядѣлъ, ничего не прочелъ въ лицѣ Вет-

лугина. Послѣдній, при словахъ объ Аглаѣ, и бровью не повелъ. Онъ сидѣлъ совершенно спокойно и съ виду былъ даже въ духѣ: съ улыбкой смотрѣлъ на своего собесѣдника и мысленно радовался, что его пріятель, за это время жизни у него, не только оправился, пободрѣлъ и сталъ спокойнѣе, но даже, сверхъ всякаго чаянія, начиналъ оказывать нѣкоторое вниманіе къ своей одеждѣ и къ личной своей судьбѣ. Адвокатскими дѣлами, въ качествѣ помощника Ветлугина, онъ занимался до того усердно, что послѣдній сталъ даже стѣсняться въ порученіяхъ ему.

— Такъ твой отецъ похварываетъ? спросилъ Столешниковъ своего пріятеля.

— Да...

— Откуда ты это знаешь?

— Самъ онъ объ этомъ мнѣ не писалъ, но я это знаю отъ Фокина. Впрочемъ, что-то и Фокинъ, въ послѣднее время, не очень-то отзывается на мои вопросы объ отцѣ, и я нѣсколько теряюсь въ догадкахъ, что бы это значило? Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, не имѣю отъ него писемъ.

— Не удивляйся, другъ Антонъ. Видно и онъ также зерноядной птицей сталъ, скворцомъ тамъ или дятломъ. Долбить себѣ носомъ по мирнымъ дупламъ, усердно ищетъ червячковъ для дѣтокъ, да для супружницы; а о другихъ у него, надо полагать, и помысловъ нѣтъ.

— Ну, я этого не думаю.

— А я такъ думаю и весьма, возразилъ Столешниковъ: займешься собственной норою, вѣрь мнѣ, объ остальномъ вольномъ свѣтѣ, какъ разъ, и забудешь.

XXIX.

Опустѣлая усадьба.

Итакъ, поздно вечеромъ, въ началѣ осени 1871 года, Антонъ Львовичъ Ветлугинъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и тщетно собирался приняться за обычную работу. Мысли его были далеко, а именно на родинѣ, откуда до него, въ послѣднее время, доходило весьма мало вѣстей.

Наконецъ, онъ всталъ, зажегъ лампу, взглянулъ на часы, увидѣлъ, что скоро полночь, протянулъ руку къ коробѣ съ бумагами и тутъ только разглядѣлъ, что на столѣ лежало еще одно, имъ незамѣченное, а потому нераспечатанное письмо. Онъ

но дочерку угадалъ, отъ кого оно, дрогнувшею рукой распечатать его и сталъ читать. Письмо было отъ Фокина.

«Не гнѣвайтесь на меня, многоуважаемый Антонъ Львовичъ, писалъ Фокинъ: причина нѣкоторой остановки въ моей перепискѣ съ вами произошла оттого, что моя жена, любезная и несравненная моя Фросинька, снова за это время готовилась къ родамъ, и недавно—благополучно подарила мнѣ третьяго сына. Но что же я говорю о себѣ? Знаю, что вы не того ждете отъ меня...

«Вашъ отецъ—можетъ ли быть милѣе и достойнѣе человѣкъ?—богѣ и богѣ заставляетъ меня задумываться. Съ виду онъ какъ-будто и ничего: считаетъ даже себя совершенно благополучнымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вы (это онъ мнѣ сообщил по секрету) уплатили его послѣдніе долги и, казалось бы, окончательно обезпечили ему тихую и безмятежную жизнь. Онъ, по прежнему, возится съ садомъ, огородомъ и съ птицами. Одна изъ послѣднихъ, а именно каменный дроздъ (*Petrocincla saxatilis*), по милости какъ-то забравшейся въ клѣтку, знакомой вамъ, бѣлой вошки, ослѣплъ на оба глаза. Сколько ни хлопоталъ Левъ Саввичъ о восстановленіи его зрѣнія, ничто не помогло: дроздъ остался навсегда слѣпцомъ-Велисаріемъ. Но, представьте,—заботами вашего отца,—онъ доведенъ до того, что началъ пѣть по прежнему, и посторонній человѣкъ даже не догадается, что онъ слѣпой.

«Словомъ, съ виду вашъ батюшка какъ-будто и ничего: все у него кажется хорошо и благополучно. Онъ разговорчивъ, ласковъ и, разумѣется, не нахвалится вами; читаетъ высылаемыя на его имя книги и журналы, навѣщаетъ старыхъ друзей. А между тѣмъ, странное и казалось бы необъяснимое дѣло, онъ видимо и съ каждымъ днемъ хирѣетъ. Вы меня извините, — но я буду говорить совершенно откровенно, тѣмъ болѣе, что вы меня объ этомъ и просили...

«Сперва я думалъ, что онъ чѣмъ-нибудь боленъ. Вслѣдствіе того, я попытался послать къ нему, по вашему наставленію, одного изъ лучшихъ здѣшнихъ врачей. Тотъ осмотрѣлъ его, совершилъ надъ нимъ аускультацию и всякую перлюстрацію, и объявилъ мнѣ, что Левъ Саввичъ, по его мнѣнію, не боленъ ровно ничѣмъ. А когда я спросилъ медика: надеженъ ли вашъ отецъ? онъ отвѣтилъ: поручиться ни за что нельзя, — и опредѣлилъ причину постепеннаго упадка его силъ—отсутствіемъ, какъ онъ выразился, болѣе энергическаго импульса, а вслѣдствіе того, замѣтнымъ нарушеніемъ кровообращенія, дыханія, питанія и проч. Вспомня вашъ совѣтъ, я на-дняхъ, какъ-бы отъ себя, сказалъ

Льву Саввичу: не съѣздить ли ему къ вамъ, а не то, не переѣхать ли и вовсе на житье съ вами въ Москву? что тамъ-де и для умственной дѣятельности больше пищи, и круговоръ столичный шире. Но онъ и слушать не захотѣлъ. — «Сынъ у меня занятой, работающій человѣкъ», сказалъ онъ: «и стѣснять его собою я не хочу». — А посему, если бы вы меня, Антонъ Львовичъ, спросили, что же вамъ въ такомъ случаѣ предпринять, я бы вамъ посовѣтовалъ одно: сами прѣзжайте и взгляните на отца... Три года разлуки — тяжелы хоть бы и не для стараго человѣка. Вашъ прѣздъ если окончателно и не спасетъ его отъ медленнаго угасанія, то хоть на время его оживить...»

Ветлугинъ дочиталъ послѣднія строки, уронилъ письмо на столъ, склонился на руки головой, задумался и, когда очнулся, часы пробили три часа ночи.

— «Если вашъ прѣздъ окончателно его и не спасетъ, то хоть на время оживить», размышлялъ онъ, глядя на портретъ отца, висѣвшій надъ столомъ: «бѣднякъ, бѣднякъ! А я-то былъ за него покоенъ. Нѣтъ, такъ оставлять его нельзя... На-дняхъ же надо ѣхать къ стариву. А тамъ, при свиданіи, мы вмѣстѣ придумаемъ, какъ устроить его на будущее время.»

Сборы Ветлугина не были велики.

Благодаря чугункѣ, соединившей за эти годы его родной городъ съ Москвой, онъ могъ доѣхать къ отцу съ небольшимъ въ сутки. А потому защиту ближайшихъ къ слушанію дѣлъ онъ передовѣрилъ товарищу по профессіи, а контору и текущую переписку поручилъ Столешникову, уложилъ въ дорожный мѣшокъ небольшой запасъ бѣлья, газетъ и сигаръ, и безотлагателно выѣхалъ.

Погода въ день его выѣзда стояла пасмурная и холодная. Накрапывалъ дождь.

Выѣхалъ Ветлугинъ вскорѣ послѣ обѣда. Сперва онъ читалъ и бесѣдовалъ кое-съ-кѣмъ изъ сосѣдей по вагону; но вскорѣ заснулъ. На утро вагонъ, гдѣ онъ сидѣлъ, почти опустѣлъ. Отъ скуки онъ опять принялся за газеты. Чтеніе, однако, не шло на умъ. Онъ сталъ курить и глядѣть въ окно. Скоро и это надобно. Нехотя онъ выходилъ къ завтраку и къ обѣду. Къ вечеру вагонъ опять наполнился. Гдѣ-то пассажиры пересаживались въ другіе вагоны. Дождь усилился и безъ умолку, мелкими каплями, хлесталъ въ окна. Дорога шла сперва гѣсистыми холмами а потомъ потянулись обнаженные, почти безжизненные равнины. Звенѣли желѣзные мосты, мель-

кали станціи, телеграфныя столбы и будки. Паровозъ пыхтѣлъ и разстигалъ облака дыма и пара. Проезжіе отваливали и опять приваливали. Кто-то ночью заспорилъ съ сосѣдомъ, потомъ сталъ препираться съ кондукторомъ. Кто-то тонкимъ, жалобнымъ голосомъ разсказывалъ о надежѣ свѣта, о неурожаѣ хлѣба, о конокрадствѣ и поджогахъ окрестныхъ селъ. Какіе-то господа изъ военныхъ играли на чемоданѣ въ карты. А паровозъ гремѣлъ, пыхтѣлъ, свистѣлъ и въ непроглядной тѣмѣ сыпалъ вороха вертѣвшихся и медленно-гасшихъ искръ. Ветлугинъ задремалъ на мысли: «Такъ блеснула и такъ же угасла и скрылась Аглая...»

Утро слѣдующаго дня было также пасмурно, но сухо. Въ воздухѣ потеплѣло.

Ветлугинъ проснулся. Поѣздъ, послѣ обычной стоянки, медленно отъѣзжалъ въ это время отъ какой-то станціи.

— Гдѣ мы? спросилъ Ветлугинъ проходившаго черезъ вагонъ кондуктора.

— Красный-Кутъ.

Что-то знакомое, далекое, забытое страстно мелькнуло и замерло въ его мысляхъ.

«Красный-Кутъ!» мыслилъ онъ: «ужъ не тотъ ли это монастырь, куда поступила Аглая?»

Онъ бросился къ окну, опустил стекла и, съ шибко забившимся сердцемъ, направо и налево сталъ высматривать знакомую картину: не мелькнетъ ли гдѣ въ сторонѣ высокой, обрывистый берегъ рѣки, сплошной лѣсъ по гребню издали-синѣющей горы, крыши вѣлій и золотыя церковныя главы надъ бѣлокаменной, монастырской стѣной? Ничего этого не было видно. Ветлугинъ снова отошелъ отъ окна.

Поѣздъ выбрался изъ цѣпи невысокихъ, зеленѣющихъ холмовъ, и несся по гладкому, изрѣзанному черными пахатами полю. Ни деревни, ни горы, ни лѣсистаго оврага. Кое-гдѣ только виднѣлись потемнѣвшіе отъ вѣтра стоги; вдали, по проселку, тащились возы; да съ молодыхъ озимей, отъ свиста и грохота набѣгавшаго паровоза, взлетали стаи галокъ и грачей.

Черезъ полчаса поѣздъ опять началъ уменьшать ходъ. Очевидно, приближалась другая станція. Вправо отъ дороги еще танулась прежняя гладкая равнина. Съ лѣвой же стороны открылся довольно крутой, обвѣванный въ рѣкѣ востокъ. Ветлугинъ опять подбѣлъ къ окну и, пользуясь тихимъ ходомъ поѣзда, въ разсѣянности началъ разглядывать картину чьей-то деревенской красивой и, какъ казалось, заброшенной усадьбы.

Прямо противъ холма, по гребню котораго двигался поѣздъ,

за небольшой рѣкой, обрисовался старый, обширный садъ, за садомъ бѣлый, двухъэтажный домъ, а за домомъ церковь. Правѣе, по берегу той же рѣки, обозначились избы села.

Ветлугинъ глядѣлъ на эту картину и то, что представилось ему въ это мгновеніе, казалось сномъ...

— Станція, крикнулъ кондукторъ на площадѣ.

— Какая? спросилъ Ветлугинъ.

— Дубки.

Ветлугинъ выскочилъ изъ вагона.

— Долго ли стоять здѣсь поѣздъ? спросилъ онъ сторожа, бывшаго у звонка.

— Пять минутъ...

Ветлугинъ узналъ, что до города остается всего три станціи, разспросилъ, когда въ тотъ день опять идетъ туда поѣздъ, бросился въ вагонъ, взялъ дорожный мѣшокъ и когда раздался послѣдній звонокъ, — онъ уже былъ въ полѣ.

«Куда-жъ это я иду и зачѣмъ?» самъ себя спросилъ Ветлугинъ, по небольшой тропинкѣ, отъ станціи спускаясь къ рѣкѣ: «вотъ садъ, домъ, а вонъ и крыльцо, съ котораго когда-то былъ видѣнъ этотъ самый, тогда еще пустынный воегоръ... Ставни въ домѣ наглухо закрыты, значитъ, никто въ немъ, по прежнему, не живетъ»...

Ветлугинъ миновалъ лугъ, подошелъ къ рѣкѣ и не сразу, въ высокихъ, пожелтѣвшихъ отъ осени камышахъ, отыскалъ мѣсто, гдѣ на другой берегъ были перекинуты тѣ двѣ жердочки, по которымъ, въ первое утро его пріѣзда въ Дубки, прибѣжали къ купальнѣ Фросинья и Аглая...

Ветлугинъ прошелъ въ садъ, миновалъ знакомыя прибрежныя вербы и остановился. Купальни уже не было, и мѣсто, гдѣ она стояла, можно было узнать только по нѣсколькимъ, торчавшимъ изъ воды столбамъ.

«Гдѣ же бесѣдка, въ которой я тогда гостилъ?» размышлялъ Ветлугинъ: «она была не вдали отъ купальни».

Онъ пошелъ влѣво. Бесѣдка, по прежнему, стояла за липами. Но онъ ее не узналъ, такъ она обветшала и потемнѣла. Штукатурка на ней потрескалась и кое-гдѣ обвалилась. Окна были съ выбитыми стеклами; наружная дверь не заперта. Ветлугинъ ступилъ на крыльцо, вошелъ въ сѣни и взялся за знакомую дверную скобу. Сердце его сжалось.

Здѣсь онъ провелъ столько отрадныхъ и вмѣстѣ столько мучительныхъ часовъ. Здѣсь нѣкогда, между картинъ, изображавшихъ охоту въ горахъ Шотландіи, висѣлъ портретъ Аглаи; ря-

домъ была молеельня, съ кіотомъ и съ постоянно-теплившейся лампадой.

Ни охотничьихъ картинъ, ни портрета, ни молеельни въ настоящее время здѣсь уже не было. Бесѣдка была пуста. Подъ потолкомъ лѣпились гнѣзда ласточекъ. Воздухъ свободно проникалъ въ разбитыя окна. Полъ, какъ ковромъ, былъ устланъ листьями сосѣднихъ деревъ.

Ветлугинъ постоялъ, вышелъ опять на крыльцо и углубился въ садъ, убранный послѣдними цвѣтами осени... Яблони стояли сизыя, клены и липы золотыя, рябины красныя. Разноцвѣтный листъ, въ тишинѣ, медленно сыпался съ деревъ... Пахло мхомъ и древесной корой. Паутина бѣлыми, длинными нитями неслась по воздуху, цѣпляясь за травы и за кусты.

Садъ былъ до того запущенъ, что Антонъ Львовичъ, на первыхъ порахъ, съ трудомъ распознавалъ нѣсколько дорожекъ, когда-то расчищенныхъ и усыпанныхъ пескомъ.

Никѣмъ не сдержанныя вѣтви на привольи раскидывались во всѣ стороны. Древесный молодникъ и высокія, разнообразныя травы дружно глушили поляны и просвѣты аллей. Это былъ не садъ, а дикій, полузаглохшій лѣсъ.

«Чудеса!» мыслилъ Ветлугинъ: «какъ мало нужно для разрушенія усилій человѣка! Прошло какихъ-нибудь три года, и какъ все здѣсь заустѣло... Отъ потраченныхъ когда-то усердныхъ трудовъ не сохранилось почти ни слѣда!.. Чтѣ же, за это время, случилось съ самимъ человѣкомъ, съ хозяиномъ этого сада и съ его судьбой?»

Ветлугинъ направился къ дому Кирилы Григорыча, причемъ каждый шагъ ему пришлось дѣлать съ немалымъ трудомъ. Колочія травы цѣплялись за его платье, вѣтви сбивали фуражку съ его головы. Въ одномъ мѣстѣ онъ въ силу пробился сквозь огромныя, пожелтѣлыя лопухи. Въ другомъ ему преградила дорогу поляна, заросшая сѣдымъ, съ красными шишками, релейникомъ.

Въ знакомыхъ ракетахъ, гдѣ была землянка Лукашки, онъ спугнулъ зайца. Вислоухій русакъ, заслыша его шаги, сдѣлалъ нѣсколько неуклюжихъ, лѣнивыхъ прыжковъ, присѣлъ на полянкѣ, поводитъ ушами и, не спѣша, тѣмъ же ковыляющими прыжками направился въ сосѣдніе кусты. Ветлугинъ пошелъ во дворъ. Пестрый вальдшнепъ съ шумомъ вырвался изъ-подъ его ногъ и, беззвучно мелькая между деревъ, пронесся въ надрѣчный березнякъ. Ветлугину померещились чьи-то шаги... Онъ оглянулся, — по невысокой травѣ, у корней молодого осинни-

ка, суетливо разгребая влажную листву, топталась стайка дикихъ куропатокъ. Передняя завидѣла Ветлугина и присѣла; за нею, наставя головки, присѣли и другія. Еще мгновенье, стайка взвилась и, звеня крыльями, перелетѣла за ручей, въ другую такую же разноцвѣтную и пустынную часть сада...

Деревья рѣдѣли. Ветлугинъ вышелъ на поляну передъ домомъ. Вотъ балконъ, а вотъ и старая липа у окна Аглаи. Но ни скамьи, ни навѣса на крыльцѣ, ни цвѣтовъ на полянѣ не было. Бурьянъ, въ перемежку съ какимъ-то бойкимъ, кустарнымъ молодникомъ, густо застилалъ эту поляну.

Ветлугинъ присѣлъ на балконѣ. Ему вспомнились бесѣды съ Аглаей; вспомнилась и та тяжелая, послѣдняя ночь, когда онъ, возвратясь сюда и не найдя въ опустѣломъ домѣ никого, вышелъ на балконъ и съ рыданьемъ бросился на скамью. Тишина вокругъ дома и въ саду была и теперь такая же, какъ тогда.

— «Куда же и къ кому мнѣ теперь идти?» размышлялъ Ветлугинъ: «и зачѣмъ нескромными и бесполезными разспросами нарушать этотъ покой и эту общую тишину? Чтѣ мнѣ могутъ сказать? И знаетъ ли могильщикъ то, чтѣ скрыто въ нѣдрахъ могилы? А домъ этотъ теперь — та же могила... Думала-ль въ тѣ часы Аглая и думала ли я самъ, что когда-нибудь, какъ въ это мгновенье, я одинокимъ, случайнымъ пришельцемъ — буду стоять здѣсь, у двери этого, нѣкогда полного жизни дома, тщетно ожидая, что онъ снова проснется и снова оживетъ? Гдѣ-то бѣднякъ Вечерѣевъ и какъ ему живется подъ охраной столь заботливаго опекуна? Уже живъ ли онъ? Да и жива ли сама Аглая?»

Въ воздухѣ, надъ Ветлугинымъ, слышались серебристые звуки. Точно кто-нибудь, по близости, тронулъ струнный инструментъ, или вѣтромъ съ поля занесло чью-либо далекую пѣсню. Антонъ Львовичъ поднялъ голову...

Въ небѣ надъ садомъ танулась чуть видная вереница дикихъ журавлей.

XXX.

Просители.

Ветлугинъ сошелъ съ балкона.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, глядя на улетающихъ журавлей, чуть замѣтной тропинкой, межъ кустовъ, пробиралась отъ двора босоногая дѣвочка. Въ рукахъ у нея было лукошко. На видъ ей было лѣтъ девять-десять.

— Вамъ, дяденька, кого?—закидывая за уши русые волосы, обратилась дѣвочка къ Ветлугину?

— Священника, отца Адриана хотѣлъ бы я повидать, если онъ дома.

— Нѣту-ти. Третій день, какъ уѣхалъ. И изба его заперта.

— Куда же онъ уѣхалъ?

— Въ городъ, къ дочкѣ.

— Дѣдъ Лукашка живъ?

— Померъ.

— Кто же у васъ за домомъ тутъ смотреть?

— Егоровна...

— Веди же меня къ ней,—сказалъ Ветлугинъ.

Худенькая, блѣдная Егоровна до того обрадовалась Ветлугину, что выронила заступъ, съ которымъ копалась на грядкѣ у своего жилья, и долго не знала, какъ и о чемъ съ нимъ заговорить. Сапоги ея были оборваны, черный каленкорный шугайчикъ на плечахъ обносился, а робкіе добрые глаза смотрѣли испуганно.

— Ну, какъ же вамъ тутъ живетъ? спросилъ ее Ветлугинъ.

— Плохо, сударь; совсѣмъ насъ разорилъ опеунъ. Былъ у насъ прежде и хлѣбъ, и скотинка — а теперь на семь дворовъ одинъ топоръ... А тутъ дѣти. Хвороба на нихъ пошла. Я троешку похоронила, какъ мужъ померъ; одна Пашутка осталась. Никтокуда ни совѣту, ни привѣту нѣтъ.

Долго жаловалась Егоровна.

— Можешь ли, милая, отпереть и показать мнѣ барскій домъ? спросилъ Ветлугинъ: хочется старое жилье вашихъ господъ посмотреть.

— Что же, отчего нельзя? можно.

Егоровна захватила ключи, при помощи дочки раскрыла кое-гдѣ ставни, отомкнула переднія сѣни и ввела гостя въ домъ.

Здѣсь все было на мѣстѣ. Только спертый, отыщавшійся погребомъ, воздухъ напоминалъ, что тутъ давно никто не жилъ; да пыль густымъ слоемъ лежала по полу, по мебели и рамамъ портретовъ и картинъ.

— Гдѣ же, милая, теперь вашъ старый баринъ? спросилъ Ветлугинъ, проходя съ Егоровной изъ залы въ гостинную.

— На рукахъ Франца Карлыча, лѣкаря, живетъ.

— А изъ прислуги кто къ нему приставленъ? Вѣрно, Филать?

— Когда бы Филать Иванычъ! Онъ бы его, сердечнаго, вотъ какъ жалѣлъ и доглядалъ... А то опекунъ выжилъ и Филию, а приставилъ, какъ есть, посторонняго, изъ тамошнихъ, что ли, фершаловъ. Ну, какая постороннему человѣку нужда съ умалишеннымъ возиться? Фершалъ же, притомъ, понятное дѣло, день-деньской по другимъ больнымъ занятъ и препоручилъ нашего барина своей супружницѣ; а та, сказываютъ, сдала его на руки сыну, парнишѣ лѣтъ двѣнадцати... Ну, и слышимъ мы, сударь, что этотъ парнишка Кирилу Григорыча сильно обижаетъ; дразнить тамъ его и ему грубить, а не то—запретъ его, сорванецъ, въ комнату, да и уйдетъ съ другими мальчишками въ бабьи на улицу играть...

Ветлугинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Что же вы не жалуетесь? спросилъ онъ.

— Кому?

— А хоть бы старой барынѣ...

— Богъ прибралъ,—отвѣтила, крестясь на образъ, Егоровна: еще въ запрошлую осень, на Покрова, она—голубушка наша—въ монастырѣ и померла...

Ветлугинъ задумался.—«А что же вы не жалуетесь вашей барышнѣ?» хотѣлъ онъ спросить. Но слова его не слушались.

— Барышня неоднократно навѣщала отца, да онъ ее сердечную не узнаетъ! прибавила Егоровна.

Ветлугинъ молча прошелъ изъ гостинной въ библіотеку. Здѣсь также все было по старому: шкафы съ книгами, кресло, на которомъ три года назадъ, при первомъ появленіи Ветлугина, сидѣла Ульяна Андреевна; свамеечка возлѣ кресла, столъ и высокіе, старинные подсвѣчники на столѣ. Прибавились только два объемистыхъ, наглухо заволоженныхъ, ящика.

— Что это? спросилъ, указывая на нихъ, Ветлугинъ.

— А это, сударь, Кирило Григорычъ, еще до своей бо-

лѣани, выписать изъ Петербурга какія-то книги. Только не удалось ему, сердечному, ихъ читать; книги привезли, какъ ужъ онъ ума лишился...

— Ну, а опекунъ видѣлъ эти книги? спросилъ Ветлугинъ.

— Показывала я ихъ опекуну; только тотъ толкнулъ ихъ этакъ-то ногою по ящику, да всего и проговорилъ: «и охота была старику выписывать эту дрянъ?» Вонъ и слѣдъ отъ его сапога видѣнь; тогда еще грязно было на дворѣ. А при господахъ на цыпочкахъ тутъ ходилъ, барина дяденькой звалъ, денегъ у него все просилъ, какъ еще не повздорились...

— Дурной же видно человѣкъ вашъ опекунъ, сказалъ Ветлугинъ, чувствуя, какъ краска бросилась ему въ лицо: не бережетъ чужого достоянія. А эти книги мнѣ хорошо извѣстны; ихъ Кирило Григорьевъ выписалъ по моему совѣту. Да! жалъ, отъ души жалъ старика... Какъ все здѣсь безъ него пошатнулось и опустѣло...

— Отъ бѣды, батюшка-баринъ, ни на какомъ конѣ не уйти... А опекунъ одно толкуетъ, какъ найдеть сюда: не смѣйте барышню тревожить ничѣмъ. О чемъ нужно, ко мнѣ, говорить, обращайтесь... Аки змѣй, драконъ лютый, такъ и рыскаетъ тутъ на всѣхъ...

— Ну, прощай же, Егоровна,—сказалъ, выходя опять въ садъ, Ветлугинъ.

— Куда же это, сударь, вы изволите путь держать? спросила Егоровна.

— Отца-старика ѣду навѣстить.

— А сами гдѣ нынче изволите жить?

— Въ Москвѣ.

— Служите?

— По судейскимъ дѣламъ хлопочу...

Егоровна стала вертѣть въ рукахъ платокъ. Ей пришла на умъ счастливая мысль.

— Какъ же вы, сударь, такъ-то, не закусивши, ѣхать отселева хотите? засуегила она.

— Спасибо, голубушка, не могу. Доберусь засвѣтло до станціи и тамъ перекушу. Видишь сама, разгуливается вѣтеръ; дождь опять собирается, буря заходить...

— Ну, батюшка-баринъ, а вы ужъ меня, старуху, извините. Далеко ли тутъ до станціи? Рукой всего подать. У меня же хранится господскій самоваръ; да найдемъ чаю и сахару,—къ дядьку Пашутка сбѣгаетъ. Милости просимъ не отказать; хоть стаканчикъ на дорогу откушайте.

Ветлугинъ взглянулъ на часы и согласился. Егоровна про-

вела его къ своей камнѣѣ, а сама у ея порога принялась вздывать самоваръ.

Каменка представляла небольшую, довольно опрятную комнату. Два окна ея были почти вровень съ землей. За печью были примощены нары для спанья. Подъ образами стоялъ столъ; вдоль оконъ тянулася скамья. Ветлугинъ снялъ пальто и присѣлъ на скамью.

На дворѣ начинало темнѣть. Ветлугинъ поднялъ глаза на стѣну, между оконъ, и невольно привсталъ. Рядомъ съ крошечнымъ зеркальцемъ, здѣсь висѣлъ тотъ самый портретъ Аглаи, которымъ онъ когда-то такъ любовался въ бесѣдѣ. Ветлугинъ снялъ его, поднесъ къ окну, долго смотрѣлъ на него и со вздохомъ опять повѣсилъ на стѣнѣ. Глядя на него, онъ и не замѣтилъ, какъ вошла Егоровна, какъ она и чай ему подавала и что чѣмъ-то снова, съ причитаньями и со слезами, ему рассказывала...

Съ надворья послышались голоса. Ветлугинъ глянулъ въ окно. У крыльца толпилась куча крестьянъ.

— Что это? спросилъ Егоровну Ветлугинъ.

— Здѣшніе старики къ вашей милости, съ поклономъ и съ просьбой, пришли; не откажите, выдѣте къ нимъ...

Ветлугинъ вышелъ. Дымчатая, влочюватая тучи со всѣхъ сторонъ надвинулись надъ потемнѣвшимъ садомъ. Порывистый вѣтеръ, качая деревья, врывался на садовыя поляны и столбами кружилъ по нимъ засохшую листву.

— Что вамъ, братцы? спросилъ, отвѣчая поклономъ на поклоны крестьянъ, Ветлугинъ.

— Къ тебѣ, кормилецъ, пришли. Какъ, значить, слышавшіе про твою милость, что ты хлопочешь по судамъ. Не откажи, помоги и намъ на нашемъ сиротствѣ.

— Что же у васъ за дѣло?

— Очень терпимъ отъ здѣшняго опекуна... Не человѣкъ онъ, сударь, иродъ треклятый, душегубъ...

— Но что же я, господа, могу для васъ сдѣлать? Я дѣйствительно хлопочу по судамъ. Но для вашихъ дѣлъ съ властями есть особая власть. Къ нимъ обратитесь.

Крестьяне, однакоже, и слушать не хотѣли возраженій Ветлугина. — «Ты насъ разбери и защити», говорили они, выкладывая передъ нимъ цѣлый ворохъ своихъ обидъ и огорченій.

— Перво-на-перво наши господа, — говорили они: намъ, а не другимъ, отдавали въ наймы лишніе земли; а опекуны дѣлать роздали ихъ всѣ, на нѣсколько лѣтъ, заходящимъ гуртовщикамъ... Потомъ и сюда погляди, каково оно: прежде мы поль-

зовались и лугами, и лѣсомъ, и рыбной ловлей; а нонѣ и это все отдано чужимъ... Ну, гдѣ же правда? Была намъ разсрочка и въ отбывеѣ надѣльной повинности, и подѣ казенны подати раздавали намъ на отработокъ деньги. Опекунъ же, чтобъ ему не легко на томъ свѣтѣ дышалось, и это отмѣнилъ. Обѣдняли мнѣ, кормилецъ, совсѣмъ. А штрафами насъ эти опекунскіе приказные ужъ такъ-то разоряютъ, что не токма коровенѣй, али тамъ овцѣ, курицѣ за межу нынче выдти нельзя... Ужъ коли твоей милости чего нельзя, то хоша прошеніе отъ насъ, куда слѣдъ напиши. Прежде-таки писывалъ за насъ эти просьбы батюшка, отецъ Адріанъ; а таперича и ему пути заказаны. Опекунъ наемднн ему такъ пригрозилъ, что коли, говорить, батюшка, ты не уймешься, такъ я и архіерея на тебя подниму. Я, молю, съ нимъ свой человекъ...

— Хорошо, отвѣтилъ Ветлугинъ: я найду, кого за васъ попросить. А теперь прощайте... Ёхать мнѣ пора.

— Счастливаго пути, кормилецъ!

Ветлугинъ отправился къ станціи. Вѣтеръ не умолкалъ и до того шумѣлъ по саду и стучалъ запертыми ставнями и дверьми, что казалось хотѣлъ разрушить и домъ и садъ. При видѣ мгновенно склонявшихся древесныхъ вѣтвей и вершинъ, казалось, откуда-то налетали злые, крылатые духи и желѣзными когтями рвали съ оголенныхъ деревьевъ послѣдніе, поблѣвшіе листы.

Ветлугинъ взобрался на гору, сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ, когда на дворѣ уже стояла непроглядная темнота.

На ближайшей станціи къ поѣзду подвалило нѣсколько новыхъ пассажировъ. Эти господа очевидно были между собою знакомы и находились въ отличномъ расположеніи духа. Не смотря на другихъ пассажировъ, они громко разговаривали, шутили и смѣялись.

Ветлугинъ не обратилъ-было на нихъ никакого вниманія. Но, когда одинъ изъ этихъ проѣзжихъ, бывшій очевидно душой и вожакомъ остальныхъ; заговорилъ о какой-то исторіи въ средѣ мѣстной молодежи и, неблагоклонно отзываясь о слабости новаго начальника губерніи, выразился: «Нѣтъ, тетенька, будь я губернаторомъ, я бы ихъ пробралъ!» — Ветлугинъ приподнялся изъ своего угла и, черезъ спинку скамьи, при свѣтѣ фонаря, въ господинѣ, недовольномъ властями, узналъ стараго своего знакомаго, Ключкова.

Петръ Ивановичъ за это время, впрочемъ, нѣсколько измѣнился. Для большей представительности и благоприличія, онъ сбрилъ усы, но за то отпустилъ длинные, дипломатическіе бакены

и до того возмужалъ и раздобрьлѣ, что напоминалъ, если не штатскаго генерала, то банкира. На немъ была щегольская, на сибирскихъ кунцахъ, шубка и боярская, соболиная шапочка. Онъ говорилъ еще круглѣе и полновѣснѣе, держалъ себя еще степеннѣе и осмотрительнѣе, а на шутки собесѣдниковъ посмѣивался ровнымъ, ласковымъ, но вмѣстѣ и внушительнымъ баскомъ.

— Да!—вдругъ сказалъ онъ, обращаясь къ кому-то изъ собесѣдниковъ: на счетъ акцій-то, на счетъ бракованныхъ... Ты, Романъ Павлычъ, вѣроятно помнишь, какъ, четыре года назадъ, я выразился Іосифу Димитричу, что не умру безъ того, чтобы не нажить пятисотъ тысячъ... Помнишь?..

— Помню, помню, отозвался Раша Талищевъ.

— Ну, такъ поздравь... Мои учредительскіе пай проданы—я вчера получилъ депешу—и эти пятьсотъ тысячъ я уже нажилъ...

— Значить, держи носъ по вѣтру? воскликнули и подобострастно захихикалъ Талищевъ.

— Именно, именно, отвѣтилъ, снисходительно улыбаясь, Ключковъ.

Когда поѣздъ, приблизясь къ городу, остановился и публика засуетилась у выходныхъ дверей, Талищевъ снова обратился къ Ключкову:

— Петръ Ивановичъ, это твоя коляска?

— Моя.

— Не подвезешь ли меня?

— А тебѣ куда?

— Я тутъ по близости, десять шаговъ...

— Садись.

Талищеву было вовсе не по пути. Но онъ подобострастно прыгнулъ въ коляску, лишь бы проѣхаться рядомъ съ Ключковымъ. А Петръ Ивановичъ рассялся на упругихъ подушкахъ и, запахиваясь кунцами, кривнулъ остальнымъ собесѣдникамъ:

— Господа, смотрите же, въ клубъ; сегодня суббота. Экономъ прислалъ мнѣ на встрѣчу депешу, что получена невѣроятной величины лососина и притомъ живая... не пропустите...

Ключковъ, какъ оказалось, не только — вмѣсто Осипъ Димитричъ—говорилъ Іосифъ Димитричъ, но былъ уже сластунъ и объѣдало, и послѣднее качество ставилъ себѣ въ особую заслугу.

XXXI.

Счастливый пірокъ.

Проѣзжая мимо квартиры Фокиныхъ и видя въ ихъ окнахъ свѣтъ, Ветлугинъ подумалъ: «Заѣду я къ нимъ: родитель, пожалуй, уже спитъ. Посижу у нихъ, разспрошу о старикѣ и переночую въ гостинницѣ, а къ отцу лучше отправлюсь по-утру».

Быль десятый часъ, когда Ветлугинъ вошелъ въ незапертыя сѣни и въ переднюю Фокиныхъ. Изъ-за двери направо, по всей вѣроятности въ небольшой залъ, неслись веселые дѣтскіе голоса; казалось, за этой дверью помѣщалась обширная и шумная дѣтская школа. Ветлугинъ остановился и нѣкоторое время не рѣшался туда войти.

Нѣсколько голосовъ напѣвали какую-то пѣсню. Ей вторилъ смѣхъ, звонъ погремушекъ, дробь барабана и пискъ оглушительной игрушечной дудки. «Да тише вы, тише! тише!» какъ-бы въ отчаяньи раздавался чей-то голосъ, тщетно пытаясь унять непокорное полчище рѣзвыхъ весельчаковъ.

Антонъ Львовичъ отворилъ дверь, но, вмѣсто школьной залы, очутился въ спальнѣ хозяевъ. Шумъ, оглушившій его, производили двое хозяйскихъ дѣтей, веселые и пузатые мальчуганы-близнецы, Ганя и Дана. Первый изъ нихъ, а именно Ганя, толстощекий и бѣлый, какъ пряничный генералъ, сидя верхомъ на игрушечномъ конѣ, дудѣлъ въ дудку и изъ всѣхъ силъ билъ кулакомъ въ барабанъ. Второй, кудравый и черноглазый, какъ жукъ, Дана, въ отцовскомъ жилетѣ и въ матушкиномъ чепцѣ, сидѣлъ на полу, кричалъ и размахивалъ какой-то востяной, съ бубенчиками, погремушкой. Сама Фросинька, въ блузѣ и платѣ на небрежно причесанныхъ волосахъ, держала третьего мальчика, новорожденного Вовика. Вовикъ только-что проснулся и также слегка брыкался и кричалъ. Она его распеленала, подбормила грудью и, показывая и осыпая его поцѣлуями, напѣвала пѣсню, отчего и не замѣтила, какъ вошелъ нежданный гость.

— Антонъ Львовичъ! Какими судьбами! Миша, Миша, сюда! закраснѣвшись, съ кривомъ бросилась въ сосѣднюю комнату Фросинька.

За дверью налѣво слышались тяжелые и торопливые шаги. Кто-то въ попыткахъ двинулъ стуломъ и уронилъ книгу.

Ветлугинъ думалъ обратиться вспять.

На порогъ маленькаго, полусвѣщеннаго кабинета, показался

совершенно квадратный, безъ галстука, съ полуобнаженной мохнатой грудью и въ широчайшемъ сѣромъ пиджакѣ, русобородый, невысокій и добродушный господинъ. Глаза его улыбались, руки несмѣло и ласково были протянуты впередъ.

— Представьте, я васъ едва узналъ! здравствуйте! сказалъ Ветлугинъ, пожимая руку Фокина.

— А вы-то, какъ подарили! глазамъ не вѣрится! наконецъ-то! сюда же, сюда, во мнѣ! засуетился Фокинъ, вводя гостя въ кабинетъ: что это? саквояжъ съ вами? Угадываю... значить, у отца еще не были?.. И отлично... Ночуйте у насъ...

— Нѣтъ, благодарю, я къ вамъ на минуту; какъ здоровье отца?

— О, мы васъ не пустимъ. Отецъ здоровъ... Утромъ пойдемъ къ нему вмѣстѣ, — а теперь и его только потревожите, и сами не заснете до утра.

Дѣлать нечего, Ветлугинъ размыслилъ и сказалъ, что остается.

— Но гдѣ же вы меня положите? не лучше ли я пойду въ гостинницу?

— Слышишь, Фросинья, гдѣ мы его положимъ? въ гостинницу хочеть! вотъ они, столичные-то,—Фавры!

— Полноте, Антонъ Львовичъ, обратилась къ Ветлугину подоспѣвшая хозяйка: вы такой рѣдкій гость; а у насъ и кабинетъ этотъ свободенъ и угольная еще есть.

Фросинья пустилась хлопотать.

Она и въ спальню бѣгала, и съ кухаркой шепталась, и ключами гремѣла, и чуть не плакала отъ радости. Черезъ полчаса, на ярко освѣщенномъ и уставленномъ всякою снѣдью столѣ кабинета, пыхтѣлъ самоваръ. Приодѣтая и раскраснѣвшаяся отъ суеты и удовольствія Фросинья, съ великими усиліями и даже угрозами, уложила дѣтей спать. Новорожденный скоро затихъ. За то близнецы долго еще не унимались, оглашая спальню смѣхомъ и криками, и то-и-дѣло просовывая краснощекія веселыя головки въ переднюю. Разъ, въ порывѣ неудержимаго любопытства и задора, они даже выскочили въ однѣхъ рубашонкахъ и босикомъ въ кабинетъ.

— Радуюсь вашему счастью, сказалъ Фокинымъ Ветлугинъ, когда все кругомъ утомилось и затихло: радуюсь и сердечно васъ поздравляю...

— Но, вѣроятно, не завидуете? улыбнулся, поглядывая на жену, Фокинъ.

— Нѣтъ... и завидую... отъ всей души...

— Что же? зачѣмъ дѣло стало? Мало ли на родинѣ не-

вѣсть? Приглядитесь-ка, да и сватайтесь. А ужъ какъ отца-старика этимъ утѣшили бы, да и съ нами, можетъ, въ такомъ случаѣ не разстались бы...

— Не по коню кормь! отвѣтилъ со вздохомъ Ветлугинъ и заговорилъ о другомъ.

Фросинька влажными, искренно-сочувствующими глазами молча глядѣла на него, невольно переносясь мыслями за три года назадъ.—«Боже мой, Боже»! думала она: «да неужели же все это на самомъ дѣлѣ случилось? И можно ли повѣрить, можно ли допустить, чтобы теперь передо мной сидѣлъ тотъ самый Антонъ Львовичъ, который тогда, въ тѣ золотые дни, неожиданно-негаданно явился въ Дубкахъ и такъ-было увлекъ Аглаю? Куда дѣлась эта, навѣвъ улетѣвшая пора? Куда дѣлись ихъ грѣзы, свиданія, клятвы, любовь? И неужели, наконецъ, не сонъ и то, что Аглая, бѣдная Аглая, до сихъ поръ томится въ монастырѣ?»

Фросинька плохо спала эту ночь. Не очень спокойно провела ее на новомъ мѣстѣ и Ветлугинъ.

Давно невиданныя картины чужого, тихаго и полного счастья убаюкивали и вмѣстѣ раздражали его. Передъ нимъ, въ темнотѣ, не уходя отъ него, какъ живые, стояли волшебные и свѣтлые образы семейныхъ радостей, мерцали ласковые и теплые ихъ лучи. Что-то благоуханное, кроткое и нѣжное носилось и вѣяло надъ нимъ. Онъ прислушивался къ возгласамъ ребятшекъ, смѣявшихся и бредившихъ во-сѣмь, и къ шопоту матери, осторожно унимавшей ихъ. Дѣтскій смѣхъ казался ему не смѣхомъ, а шелестомъ ручья, гдѣ-то бѣжавшаго въ затишнѣ деревъ. Дѣтскіе возгласы напоминали жуужаніе пчелъ по берегу этого ручья. Близнецы, Ганя и Даня, тащили его туда, въ сочную зелень спящихъ дубравъ, боролись съ нимъ, прятались отъ него и опять съ нимъ барахтались, теребя его за носъ и за бороду. А крохотный Вовикъ сидѣлъ у него на плечѣ и Ветлугинъ, придерживая его за голенькія полныя ножки, бѣгалъ съ нимъ гдѣ-то по ярко-освѣщеннымъ дорожкамъ и лужкамъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ не отдамъ этого карапузика, не отдамъ!» твердилъ Ветлугинъ, крѣпко ухватясь за простыню и не замѣчая, что никакого карапузика у него не было и что передъ нимъ, заливаясь хохотомъ и тщетно пытаясь его разбудить, давно, въ пунцовомъ, брачномъ халатѣ, стоялъ Фокинъ.

Ветлугинъ глянулъ во всѣ глаза и вскочилъ.

На дворѣ было ясное теплое утро. Комната была залита свѣтомъ, падавшимъ сквозь зелень стоявшихъ по окнамъ цвѣ-

товъ. Ветлугинъ одѣлся, напился чаю, поблагодарилъ хозяевъ за угощеніе и за ночлегъ, взялъ извозчика и съ Фокинымъ отправился къ отцу.

— Нѣтъ, сказали Фокинъ, когда они подъѣхали къ калиткѣ: идите сами; не хочу мѣшать вашему свиданію. Зайду позвонѣ; а не то, вы съ нимъ къ намъ пожалуйста вечеромъ, условитесь.

Отца Ветлугинъ засталъ еще въ спальнѣ, за утреннимъ кормленіемъ его пернатыхъ и четвероногихъ друзей. Старикъ сидѣлъ на постели, въ красной фуфайкѣ и въ бѣломъ вязаномъ колпакѣ. Передъ нимъ, ожидая обычной подачи, на заднихъ лапкахъ стояла вновь добытая собачка Шарикъ. На скамеечкѣ, мурлыча и шевеля хвостомъ, сидѣла бѣлая кошка—Машка. Въ окно заглядывалъ новый, ручной журавль. А на закраинѣ чайнаго столика, временно вынутый изъ кѣтки, нахохлившись, сидѣлъ слѣпой каменный дроздъ. Размоченный бѣлый хлѣбъ, крышка молока и остатки жаренаго помѣщались здѣсь же на столѣ.

Антонъ Львовичъ вошелъ въ то время, какъ Левъ Саввичъ до-сыта накормилъ дрозда и, отливъ въ тарелку молока, только-что собирался подать его Шарикъ.

— Ахъ, ахъ! вскрикнулъ старикъ, завидя на порогѣ сына: ахъ, да что же это? что?..

Онъ хотѣлъ приподняться, хотѣлъ что-то сказать, но только развелъ руками, и, отмахиваясь ими, молча опустился на постель.

Антонъ Львовичъ смотрѣлъ на отца и не вѣрилъ глазамъ: такъ онъ снова перемѣнился за эти годы.

— Антонуша! Антоша! да ты ли это, въ самомъ дѣлѣ? вскрикнулъ, наконецъ, заливаясь радостными слезами, старикъ.

Онъ привсталъ, крѣпко обнялъ сына, цѣлуя, посадилъ его возлѣ себя, сдалъ на руки вбѣжавшей съ новыми возгласами и слезами Власьевѣ кормленіе своихъ друзей и, стараясь быть какъ можно бодрѣе, принялся одѣваться.

Передъ Антономъ Львовичемъ, въ поношенной фуфайкѣ и въ сбившемся на затылокъ колпакѣ, суетливо топтался не прежній, жаждавшій трудиться, хотя помятый годами человекъ, а совершенно ослабѣвшій и упавшій духомъ старикъ. Съ погасшими глазами, улыбкой безъ жизни и съ выдавшимися еще болѣе лопатками плечъ, Левъ Саввичъ дрожащими невѣрными руками хватался то за одну вещь, то за другую, въ разсѣянности дер-

жалъ передъ собой подтяжки, запонки или шейный платокъ, и не зналъ, что съ ними дѣлать. Власьева поспѣшила въ нему на выручку. Она ему дала умыться, одѣла его, застегнула и объявила, что поданъ самоваръ. Отецъ съ сыномъ перешли въ залъ.

— Ну, какъ же ты поживаешь и что твои адвокатскіе успѣхи? спросилъ Левъ Саввичъ сына: слышалъ, слышалъ; не мало изъ вашей братіи подають надежды. А сперва было-чуть не всѣ кинулись на это поприще, какъ на золотоносную росыпь... Такъ ты доволенъ занятіями?

— Доволенъ.

— Дѣло по тебѣ?

— По мнѣ.

— Отрадно наполняетъ твою жизнь?

— Не могу пожаловаться.

Левъ Саввичъ обмочилъ кусокъ хлѣба въ чай, хотѣлъ его поднести ко рту и задумался.

— Пріятно слышать, сказалъ онъ: новая дорожка; и, пока она не заросла быліемъ да терніемъ, иди по ней смѣло. Ну, а намъ, педагогамъ, наставникамъ юнаго человѣчества, видно, зубы на полку класть.

— Какъ такъ? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Все кончено, Антонушка, все! какъ-то безнадежно-насмѣшливо поморщился Левъ Саввичъ: мы, учителя стараго зачала, свое отжили, стали ненужнымъ хламомъ, а потому и долой насъ со свѣта, бесполезныхъ, долой... Другимъ мѣсто, лучшимъ насъ... такъ-то! Все новыя системы изобрѣтають...

— Дѣло, о которомъ вы заговорили, — нахмуясь, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: настолько же важно и сложно, какъ вопросъ о совѣсти, о вѣрѣ... Легко его касаться нѣтъ пользы. Такіе вопросы по очереди всплываютъ въ человѣчествѣ, глубоко и порой страшно потрясая общество. Но они лучше всего рѣшаются въ жилищахъ, въ нѣдрахъ семействъ. Тамъ имъ подводятся оцѣнка; тамъ они принимаются или отбѣняются. Время—лучшій судія...

— Такъ ты проповѣдуешь о сидѣннѣ, сложа руки, о ожиданіи у моря погоды? спасибо тебѣ... А знаешь ли ты пословицу?

— Какую?

— Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ.

— Я не отвергаю частныхъ усилій.

— А! договорился-таки, договорился! такъ слушай же! по-

нижая голосъ и дергая сына за руку, сказалъ старикъ: помнишь мои мечты объ общеобразовательной школѣ? Помнишь? Чѣмъ кончилась тогда эта затѣя? чѣмъ? разлетѣлась дымомъ... Ну, а если бы она не разлетѣлась, я бы посмотрѣлъ, какъ легко далась бы нашимъ противникамъ съ нами борьба...

Вечеръ отецъ съ сыномъ провели у Фокиныхъ. Левъ Саввичъ возился съ дѣтьми. Ганя и Даня сперва носили и навладывали ему на колѣни свои игрушки, потомъ прятались отъ него, а его заставляли искать себя подъ стульями и диванами; наконецъ, запрягли его въ повозочку и до того, погоняя его, смѣялись и опять шумѣли, что Фросинька выбилась изъ силъ и заперла ихъ, а съ ними и Льва Саввича въ угольную, откуда, впрочемъ, шумъ и гамъ неслись еще въ большей степени.

— Премилая семья, чистѣйшая Аркадія! — сказалъ, уходя отъ Фокиныхъ и утирая лысину, старикъ: не разстался бы съ ними. Счастливый мірокъ... Какъ видишь, у нихъ только и отдыхаю.

— Позвольте узнать, — спросилъ сынъ: сколько потребовалось бы денегъ для устройства школы, подобной той, о которой вы когда-то думали?

Старикъ остановился. Они шли въ это время глухимъ переулкомъ.

— Станный вопросъ, — сказалъ Левъ Саввичъ: зачѣмъ тебѣ нужно это знать?

— Да такъ я спросилъ. О дѣтяхъ Фокина вы заговорили, — мнѣ и вспомнились ваши мечты о воспитаніи.

Левъ Саввичъ поглядѣлъ себѣ подъ ноги, двинулся далѣе и, приложивъ пальцы къ губамъ, нерѣшительно отвѣтилъ:

— Какъ тебѣ сказать? Да не мало; тысячи дѣй, а не то и болѣе потребуется на первое время. Все зависитъ оттого, какъ вести дѣло: самому или съ товарищемъ.

— Ну, положимъ, вы сами повели бы это дѣло. Есть ли у васъ помощники, есть ли надежные дѣльцы, чтобъ устроить и двинуть такое предпріятіе?

— Э! свиснулъ и головой покачалъ Левъ Саввичъ: о чемъ ты спрашиваешь! Есть ли знающіе и дѣльные люди? Да кабы только на нашу ниву да слетѣла бы такая благодѣтельная фея... А о пособникахъ, другъ ты мой, я и думать не буду...

Болѣе двухъ недѣль, въ этотъ пріѣздъ, прожилъ Антонъ Львовичъ у отца и не замѣтилъ, какъ мелькнуло это время. Объ Аглаѣ ни съ отцомъ, ни съ Фросинькой онъ заговорить не

рѣшался. Кое-что о ней узналъ онъ только вскользь отъ Власьевны. Но эти вѣсти были далеко не утѣшительны. — «Живетъ Аглая Кириловна безвыѣздно въ Красномъ-Кутѣ, говорила Власьевна: и ужъ такъ-то примѣрно, такъ примѣрно, что хоть бы и не такой молоденькой, да богатой. Барыня Фокина намеренно ѣздила къ ней, такъ индо чуть не плакала, сказывая мнѣ... Стоить, говорить, вечерѣвская барышня на клиросѣ, — какъ свѣча негасимая теплится, молится... А ужъ блѣдна, да худая, — ну, въ гробъ краше кладутъ».

Въ эти дни Антону Львовичу довелось побывать въ засѣданіяхъ окружнаго суда и послушать двухъ знаменитостей изъ мѣстныхъ товарищей по профессіи. Одинъ изъ нихъ, защищая какого-то мѣщанина отъ обвиненій въ кражѣ тулупа и объясняя значеніе косвенныхъ уликъ, ссылался не только на Бентама, Стерки и Вильяма Уильза, но даже на какое-то девятое, филадельфійское или бостонское изданіе трактата объ уликахъ американца Симона Гринлея.

По пути изъ суда Антонъ Львовичъ посѣтилъ и земское собраніе. Но и оно оставило въ немъ не лучшее впечатлѣніе. Онъ забрался на хоры и сѣлъ, съ упорною рѣшимостью пробыть тамъ до конца засѣданія. Терпѣнія, однако, у него не хватило. Болѣе часа онъ просидѣть тамъ не могъ.

Пренія собранія велись до того вяло и непроходимо-скучно, что сами гласные дремали, а предсѣдатель, какой-то отставной, съ краснымъ носомъ, генералъ, и прямо заснулъ.

— Каковъ нашъ парламентъ! сказалъ, подсаживаясь къ нему на хоры, Фокинъ: подумаешь, столпы отечества! А у каждаго ноетъ мысль: батюшка, Сидоръ Ѳеодоровичъ, когда же отпустишь насъ водочки выпить, да кулебяку клубную уплести?

— Всѣми дѣлами земства, продолжалъ Фокинъ: успѣшно и мирно заправляетъ у насъ секретарь губернской управы, нѣкій Агафоновъ, бывшій что-то долго секретаремъ закрытаго нынѣ приказа общественнаго призрѣнія. Онъ знаетъ всѣ ходы и выходы, и всѣ имъ тутъ довольны, а онъ ужъ и пуще того—второй домъ строить.

Случился какой-то праздникъ.

Возвращаясь отъ Фокиныхъ домой, Ветлугинъ у подъѣзда красиваго, новенькаго дома, замѣтилъ особую суету. Щегольскія кареты, коляски и пролѣтки то-и-дѣло высаживали у крыльца этого дома разныхъ чиновныхъ, торговыхъ и иныхъ тузовъ.

— Кто здѣсь живетъ? спросилъ Ветлугинъ одного изъ кучеровъ.

Кучеръ презрительно смѣрилъ его глазами и, вынувъ изъ рта трубку, нехотя отвѣтилъ:

— Извѣстно кто... Петръ Ивановичъ Ключковъ...

— Что-же это у него за сѣздъ?

Кучеръ на это уже ничего не сказалъ. Отвѣтилъ за него невзрачный и оборванный мужичёнка, дровосѣкъ сосѣдняго двора, подъ надзоромъ сердитаго и мрачнаго городового, за какую-то провинность, подметавшій цѣлую улицу.

— Вы про этотъ домъ? спросилъ онъ, косясь на плечи городового.

— Да, отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Рожденіе грахва Ключковскаго, сказалъ мужикъ: краснокутска игуменья, значить, купецство и самъ архирей теперича у нихъ сіятельства чай пьютъ.

«Вотъ оно, что значать пятьсотъ тысячъ!» подумалъ Ветлугинъ: «ужъ и графомъ его величаютъ.»

XXXII.

Тепличка.

Передъ отъѣздомъ отъ отца, Ветлугинъ сходилъ въ одну изъ банкирскихъ конторъ, куда по переводу изъ Москвы Столешниковъ выслалъ ему занятія у кого-то изъ довѣрителей деньги.

— Гдѣ отецъ? спросилъ онъ Власьевну, возвратясь домой.

— Гдѣ? извѣстно—въ теплицѣ... цвѣты какіе-то затѣялъ еще съ утра пересаживать.

Антонъ Львовичъ вошелъ въ тепличку.

— Что это вы, папенька? спросилъ онъ: къ зимѣ готовитесь?

— Да, дружокъ, кое-что въ новую землю переносу. То вонъ гіацинты, нарцисы; а это—японская лилія; диво, братецъ, а не цвѣтокъ. Пять цѣлковыхъ нѣмцу въ Гагѣ заплатилъ, по почтѣ выписалъ.

— Я къ вамъ съ одной просьбой,—сказалъ, нѣсколько помолчавъ, сынъ.

— Съ какою? спросилъ, не переставая по локти возиться въ черной, какъ пухъ, рыхлой землѣ, отецъ.

— Оставьте эти мѣста и перѣзжайте жить со мной въ Москву.

— Это на какомъ основаніи? — сморщивъ брови, спросилъ старикъ.

— Видите-ли... Что такъ-то жить намъ все порознь? Право... Вспомните, въ ожиданіи успѣха отъ затѣянной вами конторы, я былъ когда-то готовъ поселиться въ этихъ мѣстахъ и работать вмѣстѣ съ вами. Контора не осуществилась. За то мнѣ удалось устроиться въ Москвѣ. Отчего бы вамъ теперь не жить и... не трудиться вмѣстѣ со мной? Повѣрьте, рядомъ съ моими занятіями, и вы могли бы предпринять какое-нибудь почтенное дѣло по душѣ...

— Напримѣръ? съ горькой усмѣшкой, спросилъ старикъ.

— Ну, вы бы могли заняться изданіемъ учебниковъ, пристроиться при какомъ-нибудь ученомъ учрежденіи, а не то и самимъ основать хоть-бы контору нотариуса... Послѣднее занятіе даже было бы какъ разъ по васъ. Вы добраго, честнаго нрава, строго-образованы, трудолюбивы и точны въ словахъ и дѣлахъ. Нотариальная контора, съ человѣкомъ, подобнымъ вамъ, во главѣ,—была бы находкой, кладомъ для всѣхъ.

Левъ Саввичъ отставилъ цвѣточный горшокъ.

Покашливая и крехтя, онъ пересѣлъ на выступъ изразцовой печурки, устроенный въ углу теплицы, а сына усадилъ на скамеечку, на которой самъ передъ тѣмъ сидѣлъ, и, отирая платкомъ землю съ рукъ и съ колѣнъ, съ нескрываемою досадою, сказалъ:

— Послушай, Антонъ... Ты видно мало меня знаешь... Я никогда, слышишь-ли?—никогда не оставлю этого города и этого угла... (Онъ указалъ пальцемъ на разохшійся, запачканный пескомъ и перегноемъ, полъ теплички)... И ты, я тебя прошу, не возобновляй болѣе этого разговора... Я здѣсь состарѣлся... Каждый годъ, мѣсяцъ и часъ, каждое мгновеніе моей жизни связаны съ судьбами этихъ мѣстъ. Это первое... Во-вторыхъ—скажу откровенно—я не хочу тебя собой стѣснять.

— Но чѣмъ же, чѣмъ стѣснять? Что у васъ за нужды, которыя бы мнѣ трудно было удовлетворить? Годы ваши подходятъ такіе, гдѣ нуженъ глазъ и глазъ...

— Не повѣду я отсюда, сказалъ тебѣ, и отъ слова своего не отступлюсь...

Левъ Саввичъ замолчалъ.

Руки его безсильно упали на колѣни. Лицо приняло суровое, полное безнадежной тоски, выраженіе.

— Въ такомъ случаѣ, у меня другая въ вамъ, папенька,

просьба,—тихо и несмѣло подвигаясь къ отцу, сказалъ Антонъ Львовичъ.

— Говори! не глядя на сына, сухо отозвался старикъ.

— Ваша рѣшимость остаться здѣсь, вѣрьте, понятна мнѣ и дорога. Нельзя ее не цѣнить и не уважать... И я самъ бы... Ну, да что тутъ... О вашемъ переездѣ ко мнѣ я заговорилъ единственно потому, что насъ съ вами на свѣтѣ только двое... Притомъ же, трудъ вмѣстѣ... я думалъ, я хотѣлъ... И это еще можетъ осуществиться, по крайней мѣрѣ, я не теряю надежды...

Голосъ Антона Львовича дрогнулъ и оборвался.

— Словомъ, сказалъ онъ, подавляя слезы: вотъ, папенька, деньги... Но это еще не все, не все... Я вамъ вскорѣ еще выплю, къ новому году выплю или весной... Прошу принять это... И такъ какъ вы рѣшились остаться здѣсь, то теперь же и приступайте къ открытію задуманной вами общеобразовательной школы...

Левъ Саввичъ взглянулъ на сына и денегъ не взялъ. Но въ лицѣ Антона Львовича, въ это мгновеніе, выразилась такая любовь къ отцу и такая молба о согласіи на его просьбу, что старикъ молча склонился къ сыну, припалъ головой на его плечо, и только тихія, горячія слезы, хлынувшія изъ глазъ отца, показывали, съ какимъ восторгомъ онъ принялъ неожиданный и такъ встати предложенный ему подарокъ.

— Ну, Антонущка, проговорилъ онъ, наконецъ, придя въ себя и громко, неестественно сморкаясь: спасибо тебѣ! Вотъ одолжилъ... Я теперь дважды родился: одинъ разъ, — тамъ давно, шестьдесятъ, что-ли, лѣтъ назадъ,—а другой разъ сегодня... Да, вотъ такъ сынъ у меня... да... Теперь ты, мой другъ, увидишь, что и какъ я сдѣлаю на этотъ капиталъ... А эта лилія надолго мнѣ будетъ дорога. Съ нею будутъ связаны лучшія мои о тебѣ воспоминанія...

Левъ Саввичъ всталъ, бережно отставилъ къ сторонѣ пересаженный цвѣтокъ, еще разъ вѣрно обнявъ сына и, повеселѣвшими глазами глядя вокругъ себя, бодро вышелъ съ нимъ изъ теплички.

Черезъ два дня у Льва Саввича былъ званый вечеръ.

Въ ярко-освѣщенномъ кабинетѣ сидѣли: кое-кто изъ духовенства (въ томъ числѣ, разминувшійся съ Антономъ Львовичемъ и опять пріѣхавшій въ городъ отецъ Адріанъ), два-три сосѣднихъ домовладѣльца изъ купцовъ, Фожины и нѣсколько молодыхъ представителей мѣстнаго учебнаго міра.

Послѣ долгихъ преній и споровъ, на этомъ вечерѣ былъ об-
суженъ и всѣми одобренъ составленный Львомъ Саввичемъ планъ
начальной школы для приходящихъ бѣдныхъ дѣтей.

Антонъ Львовичъ, по просьбѣ отца, отсрочилъ свой отъѣздъ.

Разрѣшеніе на открытіе школы было получено не безъ за-
трудненій. Антонъ Львовичъ для этого ѣздилъ къ инспектору
училищъ, къ полиціймейстеру и къ губернатору. Сносились для
того почему-то депешами съ начальникомъ учебнаго округа и
даже съ Петербургомъ.

. Для школы въ ближней улицѣ было нанято опрятное, теплое,
хотя и незатѣйливое помѣщеніе. «Храмина созидается, храмина!»
радостно шептала Левъ Саввичъ сыну, возясь съ покупкой мебели,
книгъ и прочаго.

Антонъ Львовичъ не раскаялся, что остался такъ долго у
отца. Онъ имѣлъ удовольствіе присутствовать не только при осно-
ваніи, но и при самомъ открытіи школы.

Левъ Саввичъ былъ на верху блаженства и положительно ногъ
подъ собою не чувствовалъ.

Буда дѣлалъ его старческая слабость, куда дѣлся пасмурный,
ворчливый и угнетенный видъ. Онъ помолодѣлъ на десять-пятнад-
цать лѣтъ, ходилъ бодро, говорилъ съ жаромъ, суетился, ѣздилъ къ
учителямъ, по начальству и въ лавки. Та же была обстановка въ
домѣ, тѣ же стѣны, мебель, но другой человѣкъ жилъ теперь
здѣсь, и будто все для него дышало и звучало новымъ.

— Увидишь, Антонушка, увидишь, — твердилъ онъ: одна-
другая такая школа, и общество одумается, выйдетъ на настоя-
щій путь... А ты еще сомнѣвался, глядя на меня!..

Устроивъ отца, Ветлугинъ, наконецъ, себѣ связалъ, что ему
богѣе здѣсь дѣлать нечего и черезъ день, черезъ два, рѣшилъ
обратно ѣхать въ Москву.

Наканунѣ отъѣзда, онъ обѣдалъ у Фокиныхъ.

— Вы магъ, сказала ему, въ концѣ обѣда, Афросинья Адриа-
новна: вашего отца положительно теперь не узнать.

— Магъ-то онъ, магъ, перебилъ жену Фокинъ: только от-
чего бы и самому Антону Львовичу не перенести сюда хоть бы
и своей адвокатской дѣятельности?

— Что же, я не теряю надежды! — отвѣтилъ Ветлугинъ, оки-
дывая радостнымъ взоромъ счастливыя, разгорѣвшіяся лица хо-
зяевъ и миловидныя рожицы ѣхавшихъ тутъ же, верхами на
стульяхъ, въ Москву, ихъ дѣтей: что и говорить... Ужъ какъ
хотѣлось бы пожить съ отцомъ, на закатѣ его дней... Да и
вообще здѣшній край... родина... Подыскивайте мнѣ дѣло. Попа-

дется въ этихъ мѣстахъ подходящий процессъ, давайте знать, — я охотно возьмусь за него. А тамъ, смотря по ходу дѣлъ, и всѣмъ, можетъ быть, разобью здѣсь свою палатку...

«А объ Аглаѣ и не вспоминаеть!» взглядывая на Ветлугина, подумала Фросинька: «неужели онъ ее забылъ?»

Фокину принесли изъ банка бумаги. Онъ извинился и ушелъ съ ними въ угольную.

— Афросинья Адриановна, тихо сказалъ, подсаживаясь ближе къ Фросинькѣ, Ветлугинъ: скажите, какъ поживаетъ?.. вы ее видѣли... какъ вы ее нашли?..

Фросинька обомлѣла. Широко раскрывъ изумленные, кротко-вопрошающіе глаза, она нѣсколько секундъ не могла проронить ни слова.

— Вы объ Аглаѣ? наконецъ проговорила она: такъ вы о ней помните, вамъ она по прежнему дорога?

— Фросинька, голубушка! милая! — не выдержавъ и совершенно забывъ, съ кѣмъ говорить, вскрикнувъ и двинулся къ ней Ветлугинъ: убейте меня, растерзайте, только скажите, увижу ли я ее и выйдетъ ли она когда-нибудь изъ монастыря?

— Что вы, что вы, успокойтесь! отшатнулась отъ него въ уголъ дивана Фросинька: какъ ей теперь выйти? Это невозможно... ее не выпустятъ...

— Ну, побѣждайте къ ней, просите ее, молитесь, — пусть отдастъ все, что имѣетъ, монастырю, коли въ ней нуждаются! пусть только броситъ его и возвращается въ свѣтъ.

— Жаль мнѣ васъ, Антонъ Львовичъ; но повторяю, этому не бывать...

— Да отчего же? Развѣ души въ ней нѣтъ? Вѣдь гибнетъ она... Голубушка, Афросинья Адриановна... Извините, извините меня — я самъ не помню, что говорю... Я безумецъ...

Ветлугинъ еще хотѣлъ что-то сказать, но ухватился за голову, закрылъ лицо руками и молча выбѣжалъ изъ квартиры Фокиныхъ.

Вечеромъ онъ прислалъ Афросинькѣ Адриановнѣ письмо, извиняясь, что, подъ вліяніемъ предстоящей разлуки съ отцомъ, наговорилъ ей много лишняго, а отцу объявилъ, что утроемъ омончательно уѣзжаетъ.

У Льва Саввича, въ началѣ того вечера, было нужное засѣданіе въ кругу его товарищей-педагоговъ. Антонъ Львовичъ тѣмъ временемъ принялся укладываться въ дорогу. Левъ Саввичъ изъ засѣданія предполагалъ возвратиться къ чаю, но опоздалъ и, войдя

къ сыну на вышку, засталъ его уже въ постели. Сынъ было всталъ.

— Нѣтъ, Антонушка, лучше спи, — сказалъ старикъ, посидѣвъ у кровати сына: поговоримъ на прощаньи, завтра по-утру... Я велю Власевнѣ разбудить себя пораньше, — этакъ въ семь, а не то въ шесть часовъ. Поѣздъ отходить въ восемь. Напою тебя чаемъ и провожу на станцію. А теперь что-то разболѣлись старыя кости. Надо имъ дать отдохнуть.

— Вѣрно васъ опять чѣмъ-нибудь потревожили?

— Ничуть, ничуть; я теперь закаленная броня, боецъ.

Левъ Саввичъ спустился въ кабинетъ. Но пренія въ педагогическомъ кружкѣ, вѣроятно, были очень тревожны и близки сердцу старика, такъ какъ не прошло и получаса, наружная, крылечная дверь опять тихо скрипнула, отомкнутая калитка стукнула въ темнотѣ и за воротами раздался голосъ Власевны, звавшей извощика.

Старыя кости, видно, не вытерпѣли: закаленный боецъ сообразилъ, что выспится и въ другой разъ, и тайкомъ отъ сына снова уѣхать на засѣданіе педагогическаго кружка.

Новое разставанье съ отцомъ и съ роднымъ краемъ сильно заботило Ветлугина.

«Всѣ счастливы по-своему, всѣ полны отрадной хлопотни, надеждъ на близкое или далекое счастье» думалъ онъ, облокотясь о подушку и вслушиваясь въ шумъ и гулъ городскихъ улицъ: «одинъ я все еще на распутьи; одинъ я не имѣю твердой почвы подъ ногами... Тѣ же тщетныя усилія, колоды и сухость одинокихъ, ни съ однимъ горячимъ, близкимъ и любящимъ сердцемъ не раздѣленныхъ заботъ...»

Въ мысляхъ Ветлугина роились впечатлѣнія пережитаго, картины прежнихъ и теперешнихъ Дубовъ, образы Аглаи, Столешникова, Фокиныхъ и ихъ дѣтей.

«Да», повторялъ самъ себѣ Антонъ Львовичъ: «всѣ заняты по душѣ, всѣ копошатся, тащутъ пылинки, воображая ихъ бревнами... Одинъ я все еще — кимвалъ бряцающій, мѣдъ звѣнющая... Умру, — что пользы было въ моемъ существованіи? Милліоны Ветлугиныхъ, милліоны мошекъ рождаются и умираютъ безъ слѣда. А другіе — не Ветлугины? Чѣмъ они похвалятся?.. Нирвана, Нирвана — угасаніе, примиреніе всѣхъ и всего въ небытіи...»

Что-то робкое, молящее о жизни, о надеждахъ на жизнь, тихо прильнуло къ груди, къ сердцу Ветлугина. Онъ невольно вздрогнулъ, повелъ передъ собою руками. Никого... Мертвая тишина!.. Только слышно, какъ сердце мѣрно бьется въ груди.

Ветлугинъ всталъ, зажегъ лампу, взглянулъ на часы, взять перо и сѣлъ писать.

Первыя попытки ему не удавались. Онъ начиналъ и опять разрывалъ написанное. Прошло болѣе часа. Онъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Отворилъ форточку. Свѣтлое, звѣздное небо широко раскидывалось надъ стихшимъ городомъ. «Гдѣ-то она?» чуть слышно прошептала Ветлугинъ, глядя въ окно... На него повѣяло чѣмъ-то нѣжнымъ, опьяняющимъ, душистымъ... Онъ оглянулся: на столѣ стоялъ, незамѣченный имъ до того, горшокъ съ цвѣткомъ. Лилія, пересаженная Львомъ Саввичемъ, пышно разцвѣла за эти дни, и старикъ съ вечера перенесъ ее въ комнату сына. Ветлугину вспомнилась ночь на станціи, бесѣдка въ саду Дубковъ... Онъ опять сѣлъ, уронилъ голову на знакомый съ дѣтства, гимназическій столикъ, пробылъ въ полузабытій съ четверть часа, схватилъ перо и, съ горькой усмѣшкой сказавъ себѣ: «Да! я любилъ эту странную дѣвушку, я вѣрилъ ей!» написалъ слѣдующее письмо:

«Аглая Кириловна! По всей вѣроятности, вы удивитесь, можетъ быть, останетесь даже недовольны, увидѣвъ, кто къ вамъ пишетъ это письмо? Что дѣлать... Иногда люди поступаютъ вопреки собственнымъ убѣжденіямъ и желаніямъ. Я же, сверхъ того, дѣйствую такъ теперь еще и подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, совершенно случайныхъ и даже постороннихъ обстоятельствъ. Итакъ, къ дѣлу.—Три года назадъ мы съ вами встрѣтились и разстались навсегда. Я думалъ, что въ жизни мнѣ уже не представится случая съ вами говорить. Вышло иначе. Въ прошломъ мѣсяцѣ я прибылъ въ этой край, съ цѣлью провѣдать своего отца; но—каюсь—не утерпѣлъ и мимоѣздомъ заглянулъ въ Дубки. Не скрою отъ васъ: я вспоминалъ васъ тамъ на каждомъ шагѣ, вспоминалъ и—простите за откровенность—неволью осуждалъ. Чѣмъ были вы до выбора печальнаго жребія и чѣмъ стали теперь?.. До мгновенія, въ которое вы окончательно и безповоротнo рѣшились выполнить, такъ рано и такъ опрометчиво, данный вами обѣтъ,—ваша совѣсть, ваши помыслы и всѣ ваши поступки были чисты, безъ упрека и безъ грѣха. Теперь вы грѣшница, мало того—вы теперь почти преступница... О! не бросайте этого письма, если оно васъ огорчитъ, прочтите его до конца и не старайтесь объяснить моихъ словъ безуміемъ, дерзостью или недостойнымъ желаніемъ васъ обидѣть. Противъ той, кого я такъ искренно и такъ сильно когда-то любилъ, не будешь ни дерзокъ, ни мстителемъ, ни золь. Я могу вамъ сказать только правду, вылить передъ вами всю свою душу...

«Аглая Кириловна! Оглянитесь на себя и оцѣните, взвѣсьте

все, что вы сдѣлали за это время. Вашъ отецъ, до вашего поступленія въ монастырь, былъ по-своему спокоенъ и счастливъ. Онъ отрадно и тихо доживалъ мирный вѣкъ въ устроенномъ имъ, мирномъ углу. Вашъ поступокъ — смѣло выговариваю эти страшныя слова! — свелъ его съ ума, выгналъ изъ родного гнѣзда и, вдобавокъ ко всему, отдалъ его, больного и безсильнаго въ немощи старика, въ руки — кого же? — его недоброжелателя, скажу богѣе, его врага... Это ли тотъ высокій, нравственный подвигъ, которымъ вы мечтали заслужить искупленіе несуществовавшихъ тогда вашихъ грѣховъ?..

«Далѣе — ваша собственная жизнь... Не знаю, нашли ли вы, въ вашемъ тихомъ и запертомъ отъ вѣяній міра пристанищѣ, тотъ невозмутимый, тотъ душевный покой, котораго ищутъ всѣ, мечтающіе о подобныхъ мѣстахъ? Не стану спорить и о томъ, что обыденный, простой и скромный, мірской трудъ и простыя, житейскія заботы о близкихъ къ намъ и о ихъ насущныхъ, кровныхъ нуждахъ, по-моему, во сто кратъ выше иной, хотя бы самой искренней, молитвы о тѣхъ же близкихъ. Убѣжденія могутъ быть разныя... Но я не могу не передать вамъ, Аглая Кирilloвна, того, что я своими глазами увидѣлъ и своими ушами услышалъ въ дорогомъ мнѣ, по воспоминаніямъ, имѣніи вашего больного и всѣми, — боюсь прибавить, — даже и вами, забытаго отца.

«До вашего поступленія въ монастырь, имѣніе вашего отца, если не было въ особенно-цвѣтущемъ положеніи, то не было и разорено... Ваши бывше крестьяне, по разнымъ причинамъ, если не видѣли полнаго обезпеченія тѣхъ или другихъ своихъ нуждъ, то не были и бездушно угнетаемы. Теперь ваше имѣніе — знаете ли вы это? — пустыня... Домъ и нѣкогда такъ взлелѣанный вашимъ отцомъ садъ — могила... Ваши бывше крестьяне обдѣлили. Скажу богѣе: они теперь почти нищіе. Вы, можетъ быть, не повѣрите, — но у нихъ нѣтъ къ наступающей зимѣ ни дровъ, ни сносной одежды, ни хлѣба дѣтямъ, ни корма для уцѣлѣвшаго отъ падежей скота. Договорю ли остальное?.. Вашъ опекунъ довелъ ихъ всевозможными притѣсненіями до того, что они, — случайно проѣдая о моемъ пребываніи въ Дубкахъ и о моемъ адвокатскомъ ремеслѣ, — явились ко мнѣ въ вашей усадьбѣ, съ просьбою взять ихъ защиту — противъ кого же? — противъ васъ... Я далъ имъ слово ходатайствовать за нихъ и выполняю этимъ письмомъ свое обѣщаніе... Это ли та награда, которую вы думали заслужить принятымъ на себя, никому не дорогимъ и нѣмъ не оцѣненнымъ, подвигомъ?

«Такимъ образомъ, вы нехотя нравственно убили отца, при-

вели въ запустѣніе вашъ родной уголь и погубили собственную молодую жизнь. Кончаю еще однимъ и послѣднимъ, горькимъ признаніемъ... Судьба, вѣроятно, имѣла глубоко-разумные виды, если насъ съ вами—я ли это говорю?—въ-время тогда развела... Мы, надо думать, не были бы счастливы другъ другомъ, по разности нашихъ нравовъ и убѣжденій. Оно правда, жизнь для васъ и для меня—не наслажденіе, а подвигъ. Но я стою за подвигъ—во имя правъ и потребностей самой жизни. Вы же нанли подвигъ тамъ, гдѣ, по-моему, жизнь кончается и начинается царство смерти...

«Прощайте и не поминайте меня лихомъ. Простите меня великодушно за эти слова. Я долженъ былъ ихъ сказать и, еслибы ихъ не сказалъ, я не былъ бы достоинъ того вниманія, которымъ вы когда-то меня дарили». *Примиска.* «Еще хотѣлось мнѣ вамъ сказать нѣсколько словъ... Но для чего? Не все ли равно?.. Ахъ, Аглая, Аглая!.. Неужели?.. Нѣтъ, довольно... Прощайте. — А. Ветлугинъ».

Антонъ Львовичъ выѣхалъ, какъ и рѣшилъ, на другой же день. Провожали его отецъ и Фоины. Письмо въ Аглаю онъ думалъ переслать по почтѣ. Но, боясь, чтобы оно не пропало, онъ передалъ его на прощаньи Фросинѣ, съ просьбою переслать его при случаѣ въ монастырь.

— Однако, загостился ты у своего Цинцинната! ворчалъ, встрѣчая Ветлугина на московской станціи, Столешниковъ: уѣхалъ на недѣлю, а пробылъ тамъ мѣсяцъ...

— Особого ничего не случилось безъ меня; изъ-за чего же было торопиться?

— Какъ не случилось? Сколько выгодныхъ предложеній пропущено! Сколько блестящихъ рѣчей за тебя другіе сказали... Вонъ отъ одной, что Птицынъ произнесъ, до сихъ поръ газеты, какъ въ чадѣ...

— Пусть ихъ въ чадѣ. На нашу долю еще станеть.

— Ну, а выгоды, выгоды? На-дняхъ одно дѣло предлагали, да какое! Я чуть волосъ не рвалъ съ досады, что тебя не было здѣсь. Потомъ съ родины тебя обогнала депеша...

— Отъ кого?

— Фокинъ телеграфируетъ... Двѣ нѣкія дѣвицы, какъ бишь ихъ?.. Да! Ченшины... Дѣло о злоупотребленіяхъ опеки, разорившей огромное имѣніе ихъ малолѣтняго племянника. И Фокинъ непремѣнно совѣтуетъ тебѣ взять этотъ процессъ...

— Но противъ кого дѣло?

— О! ты не ожидаешь... звѣрь выслѣженъ красный... Представь — противъ Петра Ивановича Клочкова...

Ветлугина бросило въ холодъ и дрожь.

«Ужъ не о другѣ ли Вечерѣева, Ченшинѣ, идетъ дѣло?» подумалъ онъ.

XXXIII.

Тихое пристанище.

Часть высокой каменной стѣны, окружавшей церковь и кельи общежительнаго Краснокутскаго монастыря, одной стороною примыкала къ проѣзжей, нагорной дорогѣ, а другою къ оврагу, по которому съ шумомъ весной сбѣгали воды и за которымъ начинался сплошной, вѣнчавшій обительскую гору лѣсъ.

На площадкѣ, внутри стѣны и нѣсколько поодаль отъ другихъ домиковъ, была построена каменная, въ одинъ ярусъ, просторная и подъ желѣзомъ келья Ульяны Андреевны Вечерѣевой. Много труда и заботъ положила Ульяна Андреевна на построение этого, уютнаго и снабженнаго всякими удобствами, жилища. Здѣсь она думала, въ мирѣ, тишинѣ и молитвахъ, съ ненаглядною своею Алинкой, прожить долгіе годы, дожидаться принятія дочерью «послѣдованія малыя схимы», то-есть, окончательнаго пострига, а тамъ—можетъ быть—и счастья, увидѣть Аглаю во главѣ обители, преемницей матери-игуменьи Измарагды.

Келью, три года назадъ, начали строить въ іюнѣ и кончили въ одно лѣто. Къ зимѣ Ульяна Андреевна уже поселилась въ ней, на своемъ собственномъ хозяйствѣ. Какъ игуменья, такъ и всѣ монахини наперерывъ старались угождать барынѣ и барышнѣ Вечерѣевымъ. Въ свободные часы, навѣщая ихъ и работая, или бесѣдуя съ ними, онѣ предупреждали малѣйшія ихъ желанія и не могли достаточно налюбоваться чистотой, опрятностью и убранствомъ ихъ небольшихъ, теплыхъ и свѣтлыхъ комнатъ.

«Сейчасъ видно барыню знатную, негордую и щедрую!» говорили объ Ульянѣ Андреевнѣ заходящимъ богомольцамъ внимательныя инокини: «въ одно лѣто сударыня поставила экой домъ-отъ, и ничего на него, какъ есть, не пожалѣла... Цвѣтовъ изъ своихъ теплицъ навезла, мебели изъ деревенскаго дома, ковровъ, посуды и всякаго добра... Всю дочкину пчелу также сюда перевела—шутка-ли, до пол-тысячи колодокъ... Образницу въ своей спальнѣ устроила такую, что хоть бы въ часовнѣ ей быть не

стыдно... Въ обительскую казну вкладъ за себя и за дочку, по своимъ достаткамъ, вызвалась внести... А помрутъ, и домъ ихній и все навезенное сюда добро на обитель же, общають, останется...» — Богомольцы, встаясь и вздыхая, въ умиленіи поглядывали на новенькую вечерѣвскую келью и разносили о ея обительницахъ хвалебныя вѣсти.

Поселясь съ матерью въ монастырѣ, Аглая мало-по-малу стала привыкать къ тяжелому, принятому на себя, новому роду жизни. Образы прошлаго незамѣтно поблѣднѣли, ушли въ темную даль. Душевная рана стала заживать. Строгіе, внутри себя глядѣвшіе глаза — внимательнѣе и привѣтливѣе начали смотреть на окружающее. Только лицо ея подернулось желтизной и стало какъ-бы еще холоднѣе, осунулось и точно окаменѣло. Ни улыбки, ни упрека, ни малѣйшаго раздраженія не было видно на этомъ лицѣ. Одна твердая, спокойная и непреклонная рѣшимость выражалась на немъ. Безъ ропота и безъ мысли объ утомленіи, несмотря на слабость здоровья, отставала Аглая раннія утреннія и позднія ночныя бдѣнія: эктеніи съ каизмами, сѣдальными, поліелеемъ и катавассіями, литургіи съ антифонами, тропарями и кондаками, и вечерни съ пареміями и канонарханіемъ подобныхъ, самогласныхъ и богородичныхъ стихиръ.

Какъ рѣдкая не только изъ новоначальныхъ, но и давнишнихъ бѣлицъ, Аглая безпрекословно выполняла всѣ обительскіе уставы и послушанія: была уважительна къ старшимъ, ласкова и внимательна къ младшимъ. Идя зачѣмъ-либо къ матери игуменѣ, она съ покорностію творила иконамъ, а потомъ и ей положенные поклоны, становилась у порога и, съ опущенными глазами, молча ожидала ея наставленій и приказаній.

Всѣ монастырскія власти, мать-игуменья и мать-казначей, мать-регентъ и мать-секретарь, съ соборными старицами, клирошанками и всякими обительскими подручницами, не знали, какъ нахвалиться Аглаей. — «Это не малосхимница, а великосхимница!» говорили объ Аглаѣ въ Красномъ-Кутѣ.

Собираясь къ Ульянѣ Андреевнѣ, утромъ въ праздники, или въ будніе вечера «посумерничать», да въ тихой бесѣдѣ испытъ дорогого и душистаго, барынинаго чайку, съ изюмомъ и мягкими, тминными булочками, а не то и съ винцомъ, — суровыя и постныя инокини, мало-по-малу оживляясь, откидывали съ сѣдыхъ лбовъ воскрылія камилавокъ — «платъ, еже имать покрывало, сирѣчь племъ надежды спасенія» — и утирая платочками вспотѣвшія и раскраснѣвшіяся лица, добрыми отзывами объ Аглаѣ утѣшали нѣжное сердце Ульяны Андреевны.

— Вотъ, сударыня - матушка, говорили онѣ, перебирая кипарисовыя, терновыя и янтарныя четки и большимъ мѣрнымъ крестомъ крестясь на богатую, серебромъ и золотомъ, въ опочивальнѣ Ульяны Андреевны, горѣвшую образницу: дочь-отъ у тебя всей нашей обители краса... Ни съ кѣмъ-то она, душевная, не спорить, и ни съ кѣмъ-то не сварится. Послушлива къ старшимъ, не завистлива, не смутьяна и не злоязычна, — а ужъ кротка, кротка!—и о красѣ своей ничуть не думаетъ...

— Ну, гдѣ ужъ тамъ красота? неохотно отрещивалась Ульяна Андреевна.

— Ахъ, нѣтъ! Не говори, матушка, не говори! хороша она, ахъ, какъ хороша... На молитву-ли станетъ, канонъ-ли Богородицѣ читаетъ, аки негасимая свѣща по покойнику, стоитъ, не оглянется. Въ руководѣльной, али за трапезой,—словъ ея не слышать, точно воробышка подъ дождемъ — непогодою, нахохлясь, сидитъ, перынькомъ не поведетъ... А какъ въ писаніи притомъ начитана, увѣ намъ, увѣ, да и полно!—даромъ, что молода.

— Много благодарны за похвалы, не стоить Аглаюшка!—съ притворнымъ смиреніемъ, кланялась Ульяна Андреевна.

— А голосъ-отъ каковъ у твоей дочери! не унимались инокини: запоетъ на клиросѣ херувимскую ли тебѣ, «свѣте-тихій» ли—«да исправится молитва моя» заведетъ, такъ куда тебѣ и мать Флавіяна,—весь хоръ, какъ есть, соловушкой покрывается... Да вотъ еще: демѣственному, старо-греческому пѣнію обучена... И гдѣ ты, матушка, выхолила, выростила ее такимъ херувимчикомъ, въ какой тихости, да святости, середь грѣшнаго міра, такъ ее воспитала?

— У матушки Сусанны въ обители первый наказъ намъ дали! отвѣчала Вечерѣва.

— То-то, видно, что Богомъ хранимая тамъ обитель,—продолжали старицы: у насъ не то... Вонъ, и старше твоей дочушки, дѣвки наши — Варварушка, да Лушенька, а куда имъ! Міръ обучалъ... хи-хи, да ха-ха!.. барабаны въ головѣ... Намеднись матушка-игуменья ужъ ихъ, пучеглазыхъ-то, за нескромныя рѣчи, да за пересмѣшки, начала, начала, на поклоны обѣихъ чернохвостницъ, за трапезой, при всѣхъ, въ который разъ ставила, стыдила... А твоя... точно манатейная... Ну, да что и говорить!.. Ужъ и грѣхъ-то любоваться земною красой, человѣчью персть при жизни возносить, — вотъ какой грѣхъ... А не утерпишь, не отгонишь искушенія, на твою-то, сударыня, касатку, на бѣлую лебедь—Аглаюшку гляючи... Ангелъ херувимскій, да и того ей мало...

— Помогите вамъ Господь, Мать-Царица небесная, за ваши привѣты, да за ласки! заключала эти отзѣвы Ульяна Андреевна: Аглая у меня дочь, надо правду сказать, добрая и покорная... Одного боюсь, матери, одного: слаба она что-то становится здоровѣемъ; да и я вотъ сама, по грѣхамъ моимъ, все хвораю, хилѣю... Охъ, не долго мнѣ прожить съ нею; не долго радоваться на нее. А ужъ чтобъ дожить того счастья, какъ она совсѣмъ Христовою невѣстой станетъ, такъ я и не думаю. Сподобится же она этой божеской милости, и я за нею тутъ навѣки остануся...

— Молись, матушка-сударыня, молись; Господь праведныя молитвы услышитъ и сподобитъ тебя дожидаться всего, чего ты себѣ и ей желаешь...

Такъ толковали сердобольныя инокини съ Ульяной Андреевной.

Но не сбылись ихъ утѣшенія. Ульяна Андреевна, перейдя въ новопостроенную келью, прожила въ ней зиму, весну и лѣто, а осенью, въ началѣ второго года своего пребыванія въ этомъ монастырѣ, простудилась подъ дождемъ и вѣтромъ, на похоронахъ игуменьиной тетки, глухой ключницы, старицы Платониды, заболѣла горячкой и, несмотря на всѣ старанія дочери, окрестныхъ врачей и всей обители, умерла...

Безропотная твердость и преданность волѣ Провидѣнія, съ каими дочь вынесла эту роковую, неожиданную для всѣхъ потерю, еще болѣе возвысили Аглаю въ глазахъ цѣлаго монастыря. Здоровье ея, начинавшее слабѣть и безъ того, было теперь въ конецъ потрясено. Тѣмъ не менѣе она не упала духомъ, не сломилась. Блѣдная, съ выпрамлиненнымъ станомъ и крѣпко, въ похолодѣвшихъ рукахъ, сжимая поминальную свѣчу, Аглая—молча и безъ слезъ—выстояла послѣднія, погребальныя молитвы. Не спуская глазъ съ изможденнаго болѣзною, суроваго и какъ-бы кому-то, даже изъ за-могильнаго міра, грозившаго лица покойной матери, она думала про себя: «Боже, какое горе, какой страшный ударъ! Но, вѣроятно, такъ надо; на то воля свыше...»

Дождавшись мгновенія, когда носильщики, при блескѣ свѣтъ, въ ладонномъ куреніи, собирались наглухо заколотить крышку чернаго гроба, Аглая тихо подошла къ усоншей родительницѣ, положила передъ нею послѣдніе, прощальныя поклоны, обняла ее, вынула изъ кармана ножницы, захватила у себя рукой крупную косму пышныхъ, отроставшихъ волосъ, отрѣзала ее, положила на грудь матери, прошептала: «Видишь, видишь, родная? я...» хотѣла еще что-то сказать, но пошатнулась и безъ чувствъ упала на руки подоспѣвшихъ къ погребальному амвону монахинь.

Смерть матери не нарушила ничѣмъ обычнаго вниманія и

добрыхъ отношеній къ Аглаѣ обитательницъ Краснаго-Кута. Напротивъ, ласки игуменьи и остальныхъ инокинь къ ней, послѣ этого печальнаго событія, даже усилились, хотя она сама этого и не замѣчала. Да и не до наблюденій ей было теперь, въ полнѣйшій новаго, неисходнаго горя, жизненной порѣ...

Вслѣдъ за похоронами матери, она сама такъ занемогла, что прохворала всю осень и часть зимы и окончательно оправилась только къ веснѣ третьяго года своего пребыванія въ монастырѣ.

Жила Аглая въ той-же, построенной матерью, кельѣ. Прислуживала ей, по выбору игуменьи, то-есть убирала ее и ея комнаты, немолдыхъ лѣтъ, бѣлица—изъ монастырскихъ чернорабочихъ. Эта служба была до крайности хлопотлива и добра, но въ высшей степени безпамятна и даже глупа. Для особой же охраны и для поддержанія въ Аглаѣ рѣшимости навсегда посвятить себя монастырю, вмѣстѣ съ нею, заботами матери Измарагды, была поселена одна изъ старѣйшихъ и смиреннѣйшихъ инокинь, особо чтимая за чистоту нрава, но страдавшая удущемъ, мать Асенефа. Заходили, впрочемъ, навѣщать Аглаю, хотя урывками, за дѣломъ или въ праздники, и нѣкоторые изъ послушницъ, въ томъ числѣ внучка матери Асенефы, Варварушка, и та самая Лушенька, которая когда-то отъ нея и отъ покойницы ея матери отнесла Ветлугину извѣстныя, отвѣтныя письма. Обѣ эти бѣлицы, Лушенька и Варварушка, были, какъ и Аглая, клярошанками, то-есть состояли въ хорѣ, а потому никому и не было въ удивленіе, что, переписывая ноты или разучивая новые канты, онѣ заходили къ Аглаѣ и порой по-долгу просиживали у нея.

Съ первымъ весеннимъ тепломъ силы Аглаи стали понемногу, но замѣтно восстанавливаться.

«Что такъ-то сидѣть, въ заперти?» разъ въ ясный мартовскій день, подумала она: «пойду, разомнусь».

Благословясь у матушки-игуменьи, она, какъ пчела, вынутая изъдушнаго погребя, несмѣлою поступью, пошатываясь, направилась въ безлистный и еще пустынный садъ, а оттуда въ рукодѣльную. Бѣлицы, давно не видѣвшія ее и, по обыкновенію, работавшія въ ту пору—кто восковые цѣфты, а кто фольговья ризы на образа—встрѣтили ее ласковою, веселою улыбкой.

— Экъ, глазыньки-то у барышни подтянуло, туманомъ заволокло! говорили, приглядываясь къ ней, молодыя послушницы: а бѣлы ручки захудали, щоки осунулись, плечики—что у малаго ребенка—запали...

Аглая улыбалась на ласки сестеръ, силилась и съ своей стороны сказать имъ доброе слово, пыталась и сама взяться за общую работу. Но еще силъ не хватало, кружилась голова и работа падала изъ рукъ.

«Весеннимъ воздухомъ, что-ли, пахнуло на меня?» подумала она и, не спѣша, возвратилась къ себѣ въ келью.

«Добрѣя онѣ какія!» разсуждала она, останавливаясь на крыльцѣ: «но всѣ ли онѣ добрыя? Можетъ быть и не всѣ... Да мнѣ-то какое дѣло? Но отчего же онѣ такъ ласкаются ко мнѣ, берегутъ меня, услуживаютъ мнѣ на расхвать?»

Тутъ только, невольно для нея и необъяснимо почему, вспомнилось Аглаѣ, что когда она, сутки назадъ, впервые послѣ болѣзни, вошла въ игуменѣ и, сотворивъ напередъ уставной поклонъ, подошла къ ея благословенію, въ строгихъ и до того времени всегда къ ней внимательныхъ глазахъ игуменѣ блеснулъ какой-то странный и будто враждебный къ ней огонекъ... «Мнѣ такъ показалось!» подумала она тогда, тѣмъ болѣе, что мать Измарагда, вслѣдъ затѣмъ, какъ-бы одумалась и приняла ее отми́нно-радужно и тепло.

На лицахъ двухъ-трехъ старицъ, подъ надзоромъ которыхъ въ руководѣльной въ то утро работали обительскія послушницы, Аглая также примѣтила нѣкую особую, дотошъ невиданную ея черту. Эти лица будто говорили: «Да, вотъ она, богатенькая!.. Какъ ее встрѣчаютъ и величаютъ... Посмотримъ, однако, долго-ли будутъ тебя пестовать, да чествовать?..»

И протянулось это дѣйствительно не долго.

При жизни матери, Аглая не знала, какъ отдѣлаться отъ общихъ, охотно-предлагавшихся ей услугъ Ей и шубку на плечи, при выходѣ отъ матушки Измарагды или съ церковной службы, накидывали; и теплыя сапожки надѣвали ей на ноги, во время великопостнаго, всемошного стоянія на холодномъ, церковномъ полу. Она видѣла эту заботливость и это вниманіе, и они ее не тяготили. Теперь было не то. Правда, хилой и слабой Аглаѣ приносили особо-изготовленные кушанья; по два раза на день Лушенька и Варварушка забѣгали къ ней отъ игуменѣ узнать о ея здоровьи; дворовыя служки усыпали у ея крыльца пескомъ, — и пушистый игуменъинъ коврикъ не разъ подстился ей въ церкви на клиросѣ. Но во всемъ этомъ, невѣдомо ей самой — почему, сказывалось что-то подозрительное и неискреннее. — «Да вѣдь онѣ охотно-же все это дѣлаютъ!» упрекала она себя: «не онѣ, а я, не благодарная, гордая, неискренна...» — И Аглая давала себѣ клятву: быть еще добрѣе и достойнѣе расточаемыхъ ей ласкъ.

— Ты, матушка-барышня, въ сорочкѣ видно родилась, — говорила ей ея сожительница, мать Асенефа: тобою здѣсь не надыхнутся, на тебя не наглядятся! —

И въ самомъ дѣлѣ: суровая купеческая вдова мать Анеія несла ей крынку свѣжаго, густого молока отъ игумьиной коровы; зубастая и всѣхъ бранившая, новая ключница, старица Еликонида несла лукошко грибовъ, кѣмъ-то подаренныхъ настоятельныхъ, или миску яицъ изъ-подъ собственныхъ Еликонидиныхъ хохлатокъ. Аглая щедро всѣхъ отдаривала; но тѣ отъ подарковъ ея отказывались.

«Что за притча!» думала она и не находила разгадки своимъ сомнѣніямъ.

— Отчего онѣ ничего отъ меня не берутъ? спросила она какъ-то свою прислужницу.

— Сама заказала!.. матушка игуменя! — простодушно отвѣтила работница.

— Но отчего же? развѣ я зачумленная какая?

— Махонькаго не возьмутъ, больше гляди стапшутъ! — во весь ротъ осклабясь, сболтнула глупышъ-работница.

«Искушеніе! искушеніе!» творя крестныя знаменія, шептала Аглая: «вѣрно, такъ слѣдуетъ меня смущать... Надо покориться, надо терпѣть...» Она клала земные поклоны, усердно молилась и старалась не думать о томъ, что видѣла и слышала.

Дни шли за днями. Силы Аглаи возстановлялись. Она по-прежнему опять вошла въ отправленіе положенныхъ уставовъ и обрядовъ. Но прежнее спокойствіе къ ней уже не возвращалось. Вопреки собственному желанію, она съ каждымъ днемъ пристальнѣе вглядывалась въ окружающее. «Да что-же это значить?» безпрестанно спрашивала она себя: «Господи! дай мнѣ силу поборотъ мои сомнѣнія, мои грѣшныя мечты!..» — Сомнѣнія и странныя, дикія грѣзы то-и-дѣло приходили ей на умъ.

Стоя на клиросѣ или, поочереды, за трапезой, читая вслухъ положенный канонъ, она пугливо вглядывалась по сторонамъ, тихо крестилась и старалась сообразить, гдѣ она и что съ нею?... Да неужели она, въ самомъ дѣлѣ, находится въ этомъ монастырѣ? И неужели все то, что говорилось, читалось и дѣлалось въ немъ, исполнялось по обѣту Господа, для врачеванія и спасенія души?..

«Царство мое не отъ міра сего...» раздавались въ ухахъ Аглаи слова Спасителя. А между тѣмъ эта, огражденная каменной стѣной, суровая и строгая обитель, это «тихое пристанище» неумолчныхъ молитвъ, покаянія и поста, какъ убѣдилась Аглая,

былъ тотъ же міръ, то же поприще соблазновъ и всякой житейской суеты. Она глядѣла вокругъ себя и глазамъ своимъ не вѣрила; прислушивалась къ будничному говору и къ толкотнѣ обители, и не вѣрила своимъ ушамъ.

«Что пришла еси и чего ищешь здѣсь?» спрашивалъ, въ присутствіи Аглаи, вновь принимаемыхъ инокинъ постригающій духовникъ. — «Житія смиреннаго и постнаго, спасенія отъ міра и грѣховъ его ищу!» отвѣчали постригаемые черницы. Выходило же наоборотъ. Препоясавшія свои чресла силою высшей истины, во умерщвленіе грѣшной плоти, служили той же плоти, какъ и остальные міряне. Давшія тяжкій обѣтъ «злопострадати за Христа» и, какъ оныя древніе подвижники, «алкати, жаждали и нагствовать, до послѣдняго часа, во имя Его», — сытно ѣли, сладко пили и одѣвались не только въ теплыя, но даже и въ изысканныя одежды, не хуже прочихъ мірянъ.

Чтобъ не видѣть этого, Аглая, въ свободные часы, чаще и чаще запиралась въ своей кельѣ и молилась, либо читала вслухъ старицѣ Асенефѣ «Письма святогорца» или сказанія о подвигахъ Антонія великаго и Θεодосія Печерскаго. Но та же хвораая, вѣчно-кашляющая мать Асенефа выслушаетъ ее, подопретъ лицо кулачкомъ и, зѣвнувъ, начинаетъ жаловаться на оскудѣніе достатковъ и доходовъ монастырской казны. — «Миновали красныя годы! вымерли знатныя печальницы, да вкладчицы нашей честной обители!» причитываетъ, перебирая четки, старая Асенефа: «была генеральша Асавулова, да купчиха Караулова... Каждый годъ покойная настоятельница, мать Назарета, да по началу и нонѣшняя игуменья, получали въ даръ отъ нихъ то деньги, то цѣлыя обозы со всякими припасами, съ хлѣбомъ, съ рыбою и съ бакалеей. А теперь, какъ померли тѣ радѣльницы, оскудѣла наша трапеза, божьими сиротами мы стали... Ни ухи со сняточками, да съ малосольной бѣлужинкой, ни зернистой икры, ни пироговъ съ вязигой, да съ осетровыми молоками... Ахти, хти!.. надоѣли, барышня, алады да грибки, охъ, надоѣли! когда-бъ рыбки намъ, али балычковъ!»

— Да вѣдь ты грѣшныя мысли мыслишь, говорила на это своей сожительницѣ Аглая: развѣ такъ жили отшельники въ старину? Ты-жъ сама говорила мнѣ, какъ ихъ тѣло, отъ глада, молитвы и труда бдѣннаго, просвѣтило во тьмѣ... .

— То, сударыня, было вона когда. Мы не египетски и не ливійски пустынники... До Харитонія Фарранскаго, да до Макарія Александрійскаго намъ далеко... А попрекать тебѣ меня,

старуху, и не слѣдовало бы. Вотъ что! Одно грѣхъ, а другое и стыдно. Я и сама, раба, знаю, какъ и что...

Разъ, былъ уже апрѣль на дворѣ—Аглая отворила окно въ садъ, съ цѣлю подышать свѣжимъ воздухомъ. А, на заваленѣ, не вдали отъ ея спальни, сидѣли и не примѣтили ее двѣ строгія «манатейныя старицы», мать Евстоія и мать Эмерентіана. Онѣ спорили въ это время о томъ, сколько денегъ, въ послѣднюю дѣлежку, изъ кружекъ досталось на долю каждой изъ нихъ. И въ окно, противъ воли Аглаи, стали отчетливо долетать задорныя слова неподатливыхъ въ спорѣ старицъ.

— Я-жъ тебѣ говорю, что такъ! увѣрила, сердясь, мать Евстоія.

— А я говорю, вовсе не такъ! перебивала ее мать Эмерентіана.

— Да ты, матушка, опалѣла, что-ли? сверкая злыми, бѣгавшими глазами, восклицала первая: вотъ я-те, грабительку, на весь міръ обнесу...

— Не я опалѣла, а ты! задвигавшись по заваленѣ и размахивая рукавами рясы, не отступала вторая: ты съ хриstopродавицей, съ прежней-то игуменьей, святымъ духомъ, что горохомъ, привыкла торговать. Оттого всѣ у тебя и грабительки, да утайщицы монастырской казны...

— Что? что?..

— А то, что ты будь довольна часовеннымъ, да колодезнымъ сборомъ, а лапцѣ своихъ въ соборныя кружки не суй... Рыло не чисто... Была бы я игуменьей, задала бы тебѣ на орѣхи-то...

— И, матушка, — заключила Евстоія: не всякъ игумень, кто звонокъ, какъ бубень... И чортъ на старости въ монахи пошелъ, да, слышь, не приняли...

«Боже мой, Боже! я-ли это слышу? съ нами вѣстная сила! искушеніе!» крестясь и въ ужасѣ закрывая окно, шептала Аглая.

Искушеніе!... Но оно повторялось на каждомъ шагѣ, и во всемъ и всюду смущало и преслѣдовало Аглаю.

Сидѣла-ли она за трапезой и въ свой чередъ слушала чтеніе очередныхъ монахинь, отъ аналоя раздавались слова покаянія и отчужденія отъ грѣховъ, а сидѣвшія близъ нея бѣлицы весело шушукались, пересуживая старую и кровную распрю матери-казначей съ продавицей свѣтъ, матерью Проклой, или рассказывая о смѣхотворной схваткѣ и даже объ обоюдномъ тасканіи за во-

лосы старшей садовницы, старицы Маевсимиллы и ея помощницы, румяной и деблоей бѣлицы Параньки.

Послѣ обѣда Аглая читала вслухъ матери Асенефѣ изреченія суровыхъ подвижниковъ, вѣщавшихъ своимъ ученикамъ: «Прощедшій съ женою поприще едино, отлучается на семь дней». А едва Асенефа, крестясь, зѣвая и охая, уходила на лежанку, въ свою боковушку, — къ Аглаѣ врывались Варварушка и Лушенъка. Внося въ пахнувшія ладономъ комнаты запахъ свѣжаго весенняго вечера и ликованіе дышащихъ молодостью, румяныхъ лицъ, — вѣтренныя зубоскалки затагивали унылую пѣсню:

«Не спасибо те, игумну тебѣ,
«Не спасибо те, безсовѣстному,
«Молодешеньку въ монашенъки постригъ,
«Зеленешеньку посхиинилъ мене...»

— Полно вамъ, полно! останавливала ихъ, покашливая изъ-за перегородки, Асенефа, — цыцъ вамъ, оглашенные!

Но веселыя бѣлицы не унимались. Онѣ рассказывали Аглаѣ соблазнительный случай съ кѣмъ-то изъ мірянъ, посѣтившихъ къ послѣднее время монастырь, или о только-что перехваченномъ любовномъ письмѣ нѣкоей тихой и вѣчно-молчаливой послушницы Софьюшки.

— А еще инокинями, непутныя, зоветесь! стыдила ихъ изъ-за перегородки Асенефа: вотъ я матушкѣ Измарагдѣ расскажу.

— Пошла дѣвка въ монастырь, охъ! да много холостыхъ! вздыхала, уходя отъ Аглаи, рѣвая и бойкая внучка той-же Асенефы: а вы, бауныка, лучше молчите... курятинку ѣли въ Богородичномъ...

«Нѣтъ, этого быть не можетъ!» говорила себѣ Аглая: «онѣ шутятъ, клепятъ на себя... Такъ невозможно... А если не шутятъ?»

Зашла какъ-то Аглая въ прачешную.

Тамъ въ это время, въ большихъ плетеныхъ корзинахъ, лежало вымытое и только-что выглаженное бѣлье щеголявшихъ одѣяніемъ, еще не старыхъ и нѣкогда красивыхъ, матери-казначей и матери-регента. Цѣлые вороха тонкихъ, голландскихъ сорочекъ, обшитыхъ кружевами кофтъ, батистовыхъ платковъ и узорныхъ утиральниковъ красовались на столахъ, среди суетившихся и охавшихъ съ горячими утюгами, монастырскихъ прачекъ.

«Я новопоставленная, еще не совсѣмъ монахиня, да, наконецъ, имѣю и богатаго отца!» изумлялась Аглая: «а онѣ? онѣ, давшія обѣтъ опоясыванія вервиемъ и ношенія власяницы? Что же

это, въ самомъ дѣлѣ? И имѣю ли я право ихъ осуждать? Могутъ ли и смѣю ли видѣть то, чего нельзя не видѣть? И какъ забыть примѣръ мученицы Евгеніи, не принявшей принесенныхъ ей въ даръ на обитель серебряныхъ сосудовъ?»

Не мало Аглаю смущала и нѣкая полковница Молокитина, въ монашествѣ Агрипина. Высокая, худая, со впалыми щеками и плечами, страстная и блѣдная тридцатилѣтняя вдовушка, Молокитина безъ умолку бредила о любви. Молилась она по-русски, любовныя грѣзы и сны рассказывала по-французски. Встрѣтитъ гдѣ-нибудь Аглаю, или зайдетъ къ ней, поправить ей прическу, одежду, страстно сожметъ ей руки и начинаетъ шептать жалобы. Чаще всего Агрипинѣ снился странный, глубоко волновавшій ее сонъ о какихъ-то пѣтухахъ. — «Придутъ это они, ма-шеръ», шептала она: «придутъ пятеро и смотрятъ съ порога... Въ яркихъ перьяхъ, огромные, и съ такими хвостами и глазами... Что вамъ нужно? молю ихъ: *que voulez-vous?*—А они смотрятъ и не отходятъ всю ночь, пока изною въ страхъ и въ тоскѣ...»

Томимая сомнѣніями и печалью за слабый, грѣшный міръ, Аглая долго противилась искусу прямого обвиненія. — «То другія», разсуждала она: «не игумены, не мать Измарагда! Мало ли какія вольности могутъ тайкомъ позволить себѣ лица подначальныя, вторныя? Она одна на высотѣ обѣта, одна, какъ перлъ, недосыгаемо блистаетъ въ этой средѣ...» — Аглая вѣрила въ правдивую и гордую правомъ настоятельницу, горячо любила ее и чтילה. Но скоро и въ ней, строгой и гордой, она сильно разочаровалась.

Мать Аглаи успѣла сдержать только часть обѣщаній, данныхъ монастырю. На деньги, вырученныя отъ продажи ея приданой вотчины, с. Пряхина, она выстроила келью. Сверхъ того, по условію съ опекуномъ мужнинаго имѣнія, она обязалась ежегодно, на жизнь свою и дочери, вносить опредѣленную помощь и отъ доходовъ съ Дубковъ, что до ея смерти и выполнялось. Но, едва она умерла, Ключковъ сообщилъ игуменѣ, что дѣла имъ опекаемыхъ пошатнулись, что доходовъ почти нѣтъ и что всѣ они тратятся на леченіе и на приличное содержаніе Кирилы Григорыча. Условныя пособія высылатъ онъ пересталъ, а если и высылалъ, такъ небольшими частями, да и то, когда ему вдумалось.

Аглаѣ этого не сообщали, зная, что, пока живъ ея отецъ, она здѣсь не при чемъ. Отъ нея, по возможности, даже скрывали безнадежное и тяжелое положеніе, въ которомъ находился Кирило Григорычъ. Боялись, чтобъ она и остальныхъ средствъ,

высылаемыхъ опекой въ монастырь, не обратила на его излеченіе. — «Я теперь круглая сирота, размышляла она: что съ того, что живъ отецъ?.. Онъ, бѣдный, пока тотъ же покойникъ... Его оберегаютъ, лечатъ. Опекунъ пишетъ, что онъ ни въ чемъ не нуждается, что скоро поправится... И слава Богу... а я?» — Слезы душили Аглаю. — «Я дикая, неласковая и застѣнчивая, — кому я мила и дорога?.. Что, если меня разлюбить и игуменья? О! какъ я порочна и полна грѣховъ... Боже! дай мнѣ силы сохранить къ себѣ расположеніе этой высокой, этой достойной женщины!»

Какъ-то, въ концѣ апрѣля, вышла Аглая въ садъ. Ей хотѣлось взглянуть на выставленныхъ изъ погреба своихъ пчелъ. Сюда, на грядки огорода, была выслана гурьба обрадованныхъ теплу бѣлицъ. Надзиравшая за ними инокиня, мать Ангелина, прикрывъ отъ вѣтерка и солнца платочкомъ лицо, спала подъ заборомъ. Работницы также отдыхали. Сидя подъ гудѣвшею отъ пчелъ и только-что расцвѣтшею яблоней и не примѣтивъ появленія Аглаи, онѣ судачили о томъ-о-семъ, и, между прочимъ, почему такъ скучна съ недавняго времени матушка-игуменья?

— Какъ ей не печалиться, говорила одна изъ бѣлицъ, расчесывая у себя на волѣнныхъ густые, русые волосы другой: приняли эту барышню-бѣлоручку, ждали отъ нея богатаго взноса въ обительскую казну, а та затесалась сюда, да и ухомъ не ведетъ...

— Что ты, что ты! остановила раскашницу Варварушка.

— Какъ что? давеча мать игуменья твоей же старой — что отрѣзала? Долго ли, говорить, ты съ нею возжаться будешь? Пора и честь ей знать, — скажи, чтобъ вносила вкладъ...

«А! такъ вотъ что!... подумала, прячась въ калитку и сгорая отъ стыда, Аглая: вотъ разгадка ихъ ласкъ и вниманія. Завтра же пошлю за Ключковымъ и потребую отъ него присылки вклада».

Ключковъ по зову пріѣхалъ, наставлялъ Аглаю съ три короба любезностей, снова утѣшилъ ее на счетъ отца, но въ деньгахъ отказалъ. «Вы, сеструнька, отреклись отъ міра, да и имѣніе не ваше, а вашего отца, — говорилъ Петръ Ивановичъ; опека не признаетъ подобнаго расхода! Да и что я отвѣчу Кирилѣ Григорычу, какъ онъ дастъ Богъ придетъ въ себя? Будьте вы на моемъ мѣстѣ, и вы бы такъ поступили...»

«Хорошо же, рѣшила Аглая: пусть меня осуждаютъ, пусть на меня клеветуютъ! Я не поддамся и другимъ покажу приѣбрь». Она такъ и поступила, — строго блюла всѣ монастырскіе уставы и, рядомъ съ послѣдними службами, не отставала отъ

общихъ обительскихъ работъ: лѣпила восковые цвѣты, переписывала крестьянамъ молитвы, кроила, гладила, пила и даже, подчасъ, какъ послѣднія послушницы, носила въ келью игуменъ воду и дрова.

XXXIV.

Искушеніа.

Въ прежнее время Аглая рада была въ свободное время подѣсть къ окошку, или къ растопленной печи и помечтать о прошломъ, о быломъ. Теперь не то. Отрадныя, тихія грѣзы перестали ее посѣщать. Она была не покойна. Да и гдѣ быть душевной тишинѣ? Къ Аглаѣ чаще и чаще начали доходить пересуды о ней самой. Досужіе языки, не стѣсняясь, распускали про нее разные слухи.

То говорили, будто она свѣтскія книги, какой-то романъ «Любовь мертвеца» читаетъ. Старица Асенефа, вѣроятно, по порученію игуменъ, въ отсутствіе ея, перерыла у ней всѣ шкафы, комоды и сундуки. А сама мать Измарагда, затрапезой, прочла всѣмъ послушницамъ, по этому случаю, строгое и назидательное внушеніе.

Потомъ кто-то пустилъ молву, что барышня Вечерѣва помадится и держитъ у себя, тайкомъ въ шкатулкѣ, дорогія притиранія и духи. Новый рядъ иносказательныхъ насмѣшекъ и новый, обидный и бросившій ее въ горькія слезы, обыскъ.

«Надо терпѣть, терпѣть! надо все, даже несправедливыя нападки, безропотно и твердо переносить! Мать-царица небесная, укрѣпи меня!» говорила себѣ Аглая, съ удвоенною силою влады поклонны и ожидая, что вотъ-вотъ, впереди, для нея настанетъ нѣкое свѣтозарное утѣшеніе, и она будетъ вознаграждена за все...

Она старалась молиться. Это было ея единственнымъ утѣшеніемъ. Но и молитвенный жаръ вскорѣ сталъ ее покидать. Запершись въ спальнѣ, она, блѣдная, съ исхудалымъ лицомъ и съ заплаканными, покраснѣвшими отъ слезъ глазами, задерживала занавѣсы окна, зажигала передъ кіотомъ лампаду, опускалась на колѣни и шептала, шептала усердныя, неотступныя, отчаянныя молитвы.

Но что это?

Стучать въ наружную дверь. Видно мать Асенефа возвратилась отъ внучки изъ общихъ келій. Надо ей отпирать. Нѣтъ,

это не Асенефа. Прикрывшись платкомъ, съ надвора въбѣгаетъ къ ней, дышащая здоровьемъ и силой, статная Лушенька. Что съ ней, быстроюю и пылкою? И что она, непутная, шепчетъ, бросаясь къ Аглаѣ на шею? Смѣется ли, плачетъ ли она? Горе или радость свою хочетъ ей излить?

— А ты, барышня, опять за слезами да за молитвой? раскраснѣвшись, затуманенными, страстными глазами, вскрикнула полногрудая Лушенька: брось милая, брось! а ты отдохни... Али и вправду, сударушка, страха ради іудейска, извести себя такъ-то, безъ толку, хочешь? Спихватился монахъ, а нѣ смерть въ головахъ...

— Говори, Лушенька, что тебѣ надо? нетерпѣливо, но дружески, запирая двери, спросила ее Аглая.

— Какъ что?... Нешто не въ примѣту, не видишь?... Весна проходить, маю скоро конецъ. Мать-Царица Господня! Весело таково... Изъ саду бы не выпла... Въ лѣсу дѣвки деревенски, парни пѣсни поютъ. Обозы на ярмонокъ, день-деньской, подъ горою идутъ—за воротами гомонъ подводчиковъ,—бубенцы звенятъ. А мы тутъ-то сиднемъ сидимъ, въ заперти вянемъ... Эхъ, дѣвка! Ышь съ голоду, люби съ молоду; любить не люблю, отказать не могу... Слушай, барышня: убѣжимъ..

— Куда? въ ужасъ спросила Аглая.

— Жизнь распроклятая! скука анаемская! ахъ, да и скука же, скука!—волотась головой о столъ и заливаясь слезами, вскрикнула Лушенька: что глядишь? Нешто не знаю, не помню, какъ твой-то ясный соколъ сюда налеталъ, какъ отъ него я тебѣ записку носила?

— Какой советъ? что ты говоришь? не стыдно ли тебѣ!

— Мнѣ стыдно? мнѣ? сверкая блуждающими глазами, продолжала Лушенька: охъ! коли бы у меня въ мошнѣ да деньги, ни на что бы, кажись, я не поглядѣла. Ушла бы, какъ есть, въ слободку, наняла бы повозку у мужика, да и уѣхала бы къ нему...

— Къ кому?—мертвѣя отъ ужаса, спросила Аглая.

— Не къ тому, не къ твоему, не бойся! Къ чиновнику Суркову... Что глядишь? Нешто не знаешь? Милъ да любъ, такъ и будетъ мнѣ другъ, вотъ что... Любашихъ, барышня, и Богъ любить... А ужъ красавецъ-то какой!... Видѣхъ его, сатану, али молнію, съ небесъ спадша, видѣхъ! да лобжетъ мя, яво опали меня солнце! — въ забытѣи шептала безумная Лушенька: только нѣтъ! видно, онъ обидчикъ... Божился, лоботрясъ треклятый!... Какъ только, говорить, получу мѣсто въ конторѣ, такъ и приѣду,

и тебя, говорить, Луша, возьму... Что-жъ ты, анаема, не ѣдешь? Что-жъ, иродова душа твоя, вѣсточки о себѣ не подаетъ? Лучше со львомъ али съ тигромъ жить, чѣмъ съ совратителемъ души... Ахъ, смерть-тоска!... Топнѣхонько, барышня, топнѣхонько... Изныло сердце, истомили горячія слезы... И прости ты меня, сударыня, за мои глупыя слова, да за искушеніе... А не сказать про то, не облегчить души, такъ лучше камень на шею, да въ воду...

Лушенька, однако, не утопилась.

Въ теплую и тихую, полную душистой мглы, іюньскую ночь, она неожиданно для всѣхъ исчезла изъ монастыря. Чиновникъ ли сдержалъ слово и за нею тайкомъ наѣзжалъ изъ города; сама ли она, списавшись съ нимъ, сбѣжала къ нему, — только, не долго до рассвѣта, въ оврагъ по взгорью мелькнула какая-то тѣнь, по камнямъ подъ обительской горой чуть слышно прогремѣли чьи-то колеса и шибко прозвучали копыта рѣввыхъ лошадей. Игуменьиной келейницы, Лушеньки, въ обители не стало.

На утро бросились ее искать. Весь монастырь поднялся на ноги. Шарили по кельямъ, сараямъ, въ церкви и въ окрестномъ лѣсу. «Вѣрно, провальемъ ушла!» рѣшили въ обители, найдя кухонную лѣстницу за садомъ у монастырской стѣны. Смятенію игуменьи не было предѣловъ. Но вскорѣ матери Измарагдѣ суждено было испытать новую бѣду.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Лушеньки, въ городѣ, въ какомъ-то трактирѣ, вышла исторія съ двумя расоформными прислужницами, ходившими неразлучно по градамъ и весямъ для сбора на обитель. Въ монастырѣ передавали шепотомъ, что ихъ накрыли — страхъ и сказать! — въ иноческомъ одѣяніи, въ винной гульбѣ съ гусарами... А черезъ мѣсяцъ, неизвѣстно куда, исчезла молчаливая и тихая Софьюшка, о перехваченной любовной перепискѣ которой, передъ тѣмъ, толковали цѣлые полгода и отсутствія которой, на первыхъ порахъ, болѣе сутокъ, даже и не замѣтили. Монастырскія прачки, спустясь къ рѣкѣ, полоскать бѣлье, нашли у берега ея всплывшее тѣло. Софьюшка утопилась... Вѣрно такъ на роду ужъ ей было написано: при прежней игуменьѣ случилось несчастье и съ ея матерью. Ту, вмѣстѣ съ другою монахиней, съ которою мать Софьюшки возвращалась съ поѣздки за сборами по добрымъ людямъ, какіе-то бродяги въ лѣсу ограбили и зарѣзали...

Всѣ эти случаи навели такой переполохъ и такую огласку на обитель, что власти ея растерялись. Сперва щеголиха мать-казначей, за-просто парой, въ телѣжкѣ, а потомъ и сама мать Измарагда, въ скромной кибитчонкѣ монастырскаго попа, ѣздили

въ губернской городъ, гдѣ объяснялись и отписывались и, какъ было слышно, едва-едва успѣли отвратить отъ обители сильный гнѣвъ грознаго и неослабнаго во взысканіяхъ начальства. Даже въ газетахъ что-то печаталось объ этомъ монастырѣ. А секретарь консисторіи, на вопросъ своей жены: «Отчего ты, Игнаша, такъ долго держишь матушку Измарагду? Пора и честь знать! сколько она, сердечная, намъ перетаскала?» — отвѣтилъ: «Держу? ну, пусть еще Бога милосерднаго благодарить... Другой бы и паллій, и парамандъ, и клубучецъ съ нея, за эти всѣ дѣла-то, 'станулъ бы...»

Слушая тревожные толки матери Асенефы и другихъ инокинь объ этихъ происшествіяхъ, Аглая старалась скорѣе забыть объ этомъ и думать о другомъ. И никогда, ни прежде, ни послѣ, такъ горячо и такъ долго она не молилась, какъ въ тѣ дни, когда обитель ходенемъ ходила отъ неожиданныхъ, падавшихъ на нее золь и бѣдъ.

Молилась...

Но развѣ это были тѣ, давнишнія, такъ освѣжавшія и такъ поднимавшія ея душу молитвы? Чтѣ выражали теперь онѣ для нее? Кладя несчетные земные поклоны, и по нѣскольку мгновеній не отрываясь отъ полу и лежа на немъ крестомъ, она старалась взывать къ Богу о терпѣніи, о силахъ и твердости въ поднятыхъ ею, отшельническихъ трудахъ, — а ей вспоминался онъ... онъ, далекій, несравненный, правдивый и когда-то ею такъ желанный...

Она вставала, выпрямлялась, устремляла испуганные, отчаянные взоры на ярео-горѣвшіе, въ богатомъ кіотѣ, лики святителей, — а оттуда, изъ серебра и золота, сквозъ стекло, на нее смотрѣли ея ласковые, просящіе любви и отвѣта глаза, рисовалось ея, обрамленное темнорусой бородкой, загорѣлое и мужественное лицо... Она шептала канонъ святителю Антонію отъ навожденія нечистыхъ помысловъ, отъ искушеній сатаны, — а ей сами собой припоминались стихи поэта:

«Святимъ захочетъ ли молиться,

«А сердце молится ему».

Ему и ему... Аглая гнала отъ себя набѣгавшія, страстные воспоминанія и соблазнительныя, щемившія душу картины минувшаго, — изнемогала, боролась, томилась. Она клялась отречься отъ жизни, отъ души своей, а въ травѣ кишѣли муравьи, букашки, въ воздухѣ стонъ и звонъ стояли отъ птичьихъ криковъ

и пчелъ. И никому, ни одной душѣ она не отрывала своихъ помысловъ, въ гордомъ одиночествѣ молча и безропотно переноса непрестанныя, терзавшія ее муки. Въ бессонныя, темныя ночи, въ слезахъ и въ безумной, отчаянной тоскѣ, она ломала руки, зарывала голову въ подушку и, тихо восклицая: «искупеніе! искупеніе! Боже, отжени его отъ меня!» на нѣсколько мгновеній забывалась чуткимъ, тревожнымъ сномъ.

Неотвязчивыя, палившія душу, дорогія черты уходили далеко... Но опять, точно звукъ трубы, раздавалось въ ея ушахъ: «встань и смотри...» Она вставала, въ томленіи и въ бреду, раскрывала испуганные, лихорадочно-блуждавшіе глаза, устремляла ихъ въ темноту, и тѣ же страстные грѣзы, тѣ же обаятельно-жгучія мечты проносились передъ нею, волновали, мучили и чаровали ее...

Она припоминала имена угодниковъ Божьихъ, мученицъ Оиванду и Евфразію, свое дѣтство, бабушку Сусанну, совѣты матери, — ничто не помогало... Закрывала глаза, но опять...

«Во мракѣ ночи—

«Передъ нею прямо онъ сверкалъ,

«Неотразимый, какъ кинжалъ...»

— «Попрошусь у игуменьи въ Парасковѣевъ скитъ; наши собираются туда», говорила себѣ Аглая. — А между тѣмъ, чтобы хоть нѣсколько избавиться отъ неотступныхъ, мутившихъ ея голову помысловъ, она давала себѣ слово, въ наказаніе и ободреніе себя, не пропускать ни одной церковной службы и ежедневно, безъ ропота, до изнеможенія силъ, выстаивала всѣ раннія и позднія обительскія служенія. При молитвенныхъ возгласахъ «о сущихъ въ морѣ и далече» она старалась вспоминать не Ветлугина, а какую-нибудь изъ монахинь, странствовавшихъ въ то время за сборами на монастырь. Наконецъ, въ этомъ же третьемъ году своего пребыванія въ монастырѣ, Аглая, кромѣ великаго поста, говѣла еще въ петровки и въ спасовки, и готовилась снова говѣть осекою, въ филипповки.

Старица Асенефа ума не могла приложить, откуда у этой худенькой, блѣдной и неподатливой на слова, ея сожительницы набиралось столько подвижническаго рвенія? «Коли капиталомъ немного отъ барышни Вечерѣвой проживится наша обитель, говорила о ней игуменѣ Асенефа: такъ примѣромъ своимъ она заверстаешь... Глядячи на нее, и другимъ, матушка, по неволѣ, завидно будетъ; молода и такъ угодна Богу...»

Измарагду, впрочемъ, это не очень утѣшало.

Прошло лѣто и наступила новая осень. Кончилась вторая недѣля филипповокъ.

Особенно усердно молясь, простояла эти недѣли Аглая передъ чтимою иконою Покрова, на правомъ клиросѣ, и уже собиралась, улучивъ время, сходить къ матери Измарагдѣ и, сотворивъ передъ нею уставной поклонъ, испросить у нея благословеніе на приступъ къ новому, добровольно принятому подвигу гонимія. Съ началомъ осени, Аглая стала какъ-то бодрѣе, лучше спала и вообще чувствовала себя нѣсколько спокойнѣе и легче... Онъ... Да! къ радости ея, — онъ уже болѣе мѣсяца не вспоминался ей ни на яву, ни во снѣ. Взглядывая иной разъ въ зеркало, она нехотя разсматривала свое исхудалое, вытянувшееся и, казалось ей, окончательно некрасивое лицо, на сухіе и строгіе глаза и была рада, что она подурнѣла. «Ну, теперь, если бы онъ и увидалъ какъ-нибудь меня», думала она: «то навѣрное бы отвернулся...»

Было ясное, еще безснѣжное, съ легкимъ морозцемъ ноябрьское утро. Пробыло шесть часовъ. Мать-казначей только-что возвратилась съ покупками изъ города. Инокини и бѣлицы, выйдя отъ заутрени, оживленно гурьбой окружали ея подводу и наперерывъ разспрашивали ее о городскихъ новостяхъ.

— А къ тебѣ, матушка Максимилла, да еще къ барышнѣ Вечерѣвой, письма изъ города, сказала мать-казначей: гдѣ-ста она? Барыня Фокина, что ли, къ ней пишетъ... сама отдала письмо...

— Да вонъ она, указывая на Аглаю, отвѣтила одна изъ бѣлицъ.

«Какъ я рада, какъ рада», подумала Аглая: «больше двухъ мѣсяцевъ Фросинька молчала... Какъ-то имъ живется?»

Она распечатала письмо и чуть его не выронила. Все спуталось и закружилось передъ Аглаей: мать-казначей, Варварушка, мать Асенефа и Максимилла, ярко освѣщенный уголокъ церкви, келья игуменьи и лица прочихъ инокинь и бѣлицъ, стоявшихъ въ углу двора.

Боясь оглянуться, какъ бы кто не замѣтилъ быстрой перемены въ ея лицѣ, она выдержала себя, нѣсколько мгновеній молча простояла въ толпѣ, опустила письмо въ карманъ рясы и не слыша подъ собою ногъ, сперва тихо, а потомъ, за угломъ церкви, почти бѣгомъ пустилась въ свою келью.

«Рука не Фросиньки, не ея...» пронеслось въ помутившейся головѣ Аглаи: «его, безумнаго, рука! его!.. я узнала!..»

Она страшно испугалась и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалась. Асенефы въ это время не было въ ея кельѣ. Ветхая старица

«стомаха ради», еще стояла вмѣстѣ съ другими, у подводы матери-казначей, любуясь кузовками да кадочками, ящичками да корзинками, со всякою навезенною на потребу обитали съѣдью. Аглая наскоро, дрожащими руками, нагнула на крылечную дверь желѣзный крюкъ, обѣжала всѣ комнаты, удостовѣрилась, что дѣйствительно въ то время въ ея кельѣ не было ни души, вошла въ спальню, сбросила влобукъ и, ухватясь за сильно-забившееся сердце, сѣла на постель.

Нѣсколько мгновений Аглая была недвижима. Вглянувъ на кюль, она снова раскрыла письмо, безъ остановки, жадно-бѣгавшими глазами прочла первыя строки, остановилась, перевела дыханіе и до конца прочла то самое письмо, которое не задолго передъ тѣмъ написалъ и переслалъ ей черезъ Фокину Ветлугинъ.

«Какъ!...» вскрикнула она, дочитавъ и опять, въ другой и въ третій разъ, принимаясь читать это письмо: — «онъ рѣшился, осмѣлился обратиться ко мнѣ съ такими уворизнами, ко мнѣ, его забывшей и навсегда отказавшейся отъ него? Какое разчитанное, какое глубокое и недостойное его оскорбленіе!»

Аглая плакала, ломала руки, падала головой на столъ и въ отчаяніи повторяла: «Боже мой, Боже! да за что же такіа испытанія? за что эта новая, неожиданная казнь?»

Богѣе часа просидѣла въ слезахъ Аглая. Старица Асенефа не возвращалась. И ни къ кому, въ эти мгновенья, Аглая не чувствовала такой ненависти, какъ къ Ветлугину; и никто ей, въ это же время, не казался такъ дорогъ, какъ тотъ же, такъ безпощадно осуждавшій ее, Ветлугинъ...

«Гдѣ-то онъ теперь, укоряющій, ненаглядный, далекій?» склоняясь головой на руки, размышляла Аглая: «и зачѣмъ я о немъ, безумная, думаю? Зачѣмъ вызываю въ памяти то, что было и давно прошло? О, какъ я порочна и сколько во мнѣ пагубной, грѣшной суеты! Онъ вспомнилъ меня, не забылъ... Боже! одинъ человѣкъ на свѣтѣ, одинъ меня полюбилъ и могъ спасти, и тотъ теперь отрекся отъ меня... Иначе и быть не могло... Такому человѣку, какъ онъ, любить и въ то же время не уважать невозможно...»

«Да, невозможно!» громко повторяла, вскакивая, Аглая: «но что же дѣлать? Писать ему отвѣтъ? но что писать? Что я ему, ничтожная, жалкая, скажу?...»

Съ пылающимъ взоромъ и съ похолодѣлыми, за спину заложеными руками, она то принималась ходить по комнатамъ, то сяди-

лась къ окну, упорно глядѣла на грады бѣлыхъ, недалекихъ снѣгомъ и зимой дышавшихъ облаковъ. — «Все кончено, все!» тихо повторяла она, озаменѣвшимъ взоромъ вглядываясь въ очертанія дворовыхъ тропинокъ: «неужели я никогда его болѣе не увижу? И что значать слова въ его припискѣ: ахъ, Аглая, Аглая!.. Что онъ хотѣлъ ими сказать?» Эти слова жгучимъ звономъ немолчно отдавались въ ея ушахъ.

Прежде, въ часы раздумья, заменутая въ себя, Аглая хотѣла Лушеньку иной разъ по душѣ отъ тоски слушала. Теперь и той близъ нея не было... И не чаяла Аглая, не гадала, чтобы у ней стало силъ долѣе вынести то, что она теперь испытывала. Старалась она опять думать о дѣтствѣ, объ отцѣ, о первой жизни въ скитѣ у бабушки Сусанны, о дружбѣ съ Фросинькой... Мысли не слушались ея... Онъ и онъ былъ одинъ теперь передъ ея глазами.

Такъ прошла недѣля и другая. Аглая рѣшилась вызвать Ключкова на откровенныя объясненія. «Ко мнѣ доходятъ невѣроятныя, печальныя слухи о моемъ отцѣ», написала она ему: «меня извѣщаютъ и о не совсѣмъ утѣшительномъ положеніи нашего имѣнія. Не откажите меня навѣстить и успокоить по поводу этого всего. До объясненій съ вами я воздержусь отъ мѣръ, которыя иначе должна бы принять». Написала Аглая и къ Фросинькѣ, съ которой въ послѣдніе мѣсяцы не переписывалась. Ни отъ Ключкова, ни отъ Фокиной отвѣта не было.

На дворѣ, между тѣмъ, стало дружно и безъ перерыва морозить. Въ воздухѣ, точно пухъ или бѣлые яблонные лепестки, замелькали первыя, лохматая порошинки снѣга. Сильнѣе и сильнѣе, густымъ ворохомъ, посыпались они. Забѣлѣли крыши келлій. Забѣлѣли дворъ и садъ.

На утро нельзя уже было узнать ни красноглинистой, въ обрывахъ, монастырской горы, ни свѣтлыхъ, какъ зеркало, у ея подножія извивовъ рѣки, ни синихъ лѣсовъ, ни бѣлопесчаныхъ холмовъ, вправо и влѣво бѣгущихъ въ туманную даль. Воды замерзли.

Снѣжный саванъ покрылъ рѣку, горы, лѣса и луга. Еще день, сорвался и завылъ по горѣ и по низамъ вѣтеръ. Поднялась мятель, и злая вьюга запорошила, сугробами занесла послѣднія дороги и тропинки къ монастырю...

XXXV.

Первый лучъ.

Была особенно злая и долгая мятель. Думали, что ей и конца не будетъ. Но вотъ она затихла, погода прояснилась, и монастырская прислуга принялась за рытье проходовъ въ церкви и по всему обительскому двору. Аглая сидѣла подъ окномъ своей кельи и соображала, что ей дѣлать, такъ какъ ея сожительница, мать-Асенефа, и безъ того постоянно страдавшая одышкой, сходявъ на тоню подъ гору за рыбой, сильно простудилась и вторую недѣлю не вставала съ койки въ монастырской больницѣ.

На дворѣ темнѣло.

Подъ заунывный церковный колоколъ, по узенькимъ дорожкамъ, то здѣсь, то тамъ, мелькали черныя мантии, шапочки и клобуки инокинь. Обитель собиралась къ вечерни. «Надо и мнѣ идти», подумала Аглая.

Въ это время, по прорытой въ снѣгу тропинкѣ, показалась отъ воротъ, съ котомкой за плечами и съ палкой въ рукахъ, преклонныхъ лѣтъ, худенькая женщина. Въ стоптанныхъ валенкахъ и въ старой шубейкѣ, она шла, поглядывая по сторонамъ и отъ холода, а также отъ сильной усталости, едва передвигала ногами.— «Вѣрно нищая; сестры отъ трапезной ко мнѣ послали», сказала себѣ Аглая и поспѣшила отпереть наружную дверь. Воспешная поклонилась и, охая, отвиннула съ головы намерзшій платокъ.

— Кормилица, голубушка! вскрикнула Аглая, бросаясь на шею Егоровнѣ и осыпая ее поцѣлуями: вотъ не ожидала. Сюда, ко мнѣ, въ спальню. Раздѣвайся, садись. Ахъ, роденькая, милая! Какъ я рада!

Она засуетилась.

— Къ лежанкѣ, сюда. Вотъ и дрова. Растопимъ печку, поставимъ самоваръ. Постой: булка у меня есть, молоко, медъ... Не хочешь ли? Да садись же, рассказывай. Я и къ вечерни не пойду. Откуда ты? Какъ меня вспомнила и какъ доплелась? Ахъ, какъ я рада, рада...

— Какъ вспомнила! ты лучше, матушка, скажи, какъ забыла насъ?

— Ну, раздѣвайся, раздѣвайся.

Егоровна, покрхтывая, раздѣлась, перекрестилась на образъ, присѣла на знакомый ей съ дѣтства барышникъ сундучокъ, и,

пока Аглая хлопотала съ закуской и съ чаемъ, принялась растапливать печь.

— Какъ доплелася! ужъ и подлинно Богъ по грѣхамъ терпитъ! говорила Егоровна, подсовывая поленья въ ярко-запылавшій огонекъ: ужъ и была-жъ непогода, рѣзала—жгла. Совсѣмъ, думала, не дойду. Охъ, ноженьки разломило, костоньки ноютъ... Спрашиваешь, откуда я? Лучше я не спрашивай. Не одной мнѣ, а и всѣмъ намъ теперь, вотъ какъ плохо. Некому насъ, барышня, пожалѣть и некуда намъ, сиротамъ, голову приклонить.

— Что слышно объ отцѣ? спросила Аглая.

— Была я, матушка, у него намереніи. Люди направили. Думала о нашихъ нуждушкахъ сердечному доложить. Куда! совсѣмъ онъ жалкій. Нивого, какъ есть, не узнаешь и ничего, точно дитя малое, не смыслить. А ужъ въ какомъ забросѣ, да несмотрѣньѣ, такъ важись, лучше бы ему сразу помереть, чѣмъ такъ-то жить...

Острые ножи отъ этихъ словъ вонзались въ сердце Аглаи. «Правъ Ветлугинъ», думала она: «и во всемъ этомъ я, одна я виновата. Бѣдный отецъ, бѣдный!»

— Скажи, кормилица, гдѣ ты теперь живешь? спросила Аглая.

— Гдѣ живу? По милости матушки твоей,—царство ей небесное,—хоть померъ мой мужъ, въ каменкѣ, какъ и прежде, до этой поры проживала. А нынче, противъ зимы, выгналъ меня треклятый, прости Господи, опекунъ.

— За что?

— Осерчалъ вишь ли, какъ я смѣла этого-то барина, коли помнишь,—Ветлугина, пускать въ усадьбу?

Аглая поблѣднѣла.

— Почему же опекунъ узналъ о его заѣздѣ къ намъ? не поднимая глазъ, спросила она кормилицу.

— Какъ ему не узнать! Да онъ, аспидова душа, подъ землей на три аршина наскрозъ все видитъ. Не безъ того, и изъ крестьянъ можетъ кто съ дуру сболтнуть, что съ этимъ же бариномъ видѣлись. Со свѣту, сказалъ опекунъ, сгоню, кто хоть слово отнынѣ пронесетъ къ господамъ.

— Ты же, кормилица, не грѣхъ ли тебѣ, ни разу ко мнѣ не навѣдалась?

— Была бы, матушка-барышня, какъ не быть! Мужъ хворалъ, померъ, дѣти тоже болѣли, умирали. Писала я къ тебѣ сколько разъ, да знать письма не доходили.

— Писала письма? Неужели? всплеснула руками Аглая.

— Вотъ-те Христось, не лгу.

Аглая задумалась. Многое стало ей теперь понятно. Новыя мысли и предположенія заронились въ ея головѣ.

— Ну, кормилица-голубушка, сказала она въ тотъ же вечеръ: вотъ мое рѣшеніе... Оставайся здѣсь; я тебя отсюда болѣе не отпущу.

— Какъ не пустишь? что ты!

— Тебѣ негдѣ жить; живи у меня.

— Да какъ же такъ? здѣсь святость, монастырь; нешто я черница?

— Ничего, милая. Не все святые живутъ и въ монастырѣ.

— А дочку Пашутку куда же я дѣну?

— Гдѣ она теперь у тебя?

— У племянника, у Филата Иваныча, пристроила я ее пока до весны.

— У Филата? Да развѣ онъ не въ городѣ при отцѣ?

— Былъ при старомъ баринѣ, только и его давно выжилъ Ключевъ.

— Чѣмъ же занимается теперь Филатъ?

— На чугунѣхъ лѣтось буфетъ держалъ съ товарищемъ, да проторговались; а нынче постоянный снялъ въ Крючкахъ.

— Это недалеко отъ насъ?

— Именно такъ. До чугунки тамъ, коли помнишь, станція была почтовая.

Чуть не всю ночь на пролетъ проговорила Аглая съ Егоровной. А на утро она, неспѣша, одѣлась, выстояла раннее служеніе, пошла къ игуменѣ и, поклонясь ей, объявила свою просьбу и желаніе, чтобы, впредь до выздоровленія матери Асенефы, съ ней благословили и дозволили жить ея кормилицѣ. Мать Измарагда сперва было озадачилась. Сѣрые ясные глаза ея сверкнули досадою и гнѣвомъ, что такъ или иначе обходили ея виды на будущее. Она собралась уже дать сильный и стойкій отпоръ. Но въ сдвинутыхъ бровяхъ и въ потупленныхъ взорахъ Аглаи Измарагда прочла такую неожиданную рѣшимость и твердость, что, помолчавъ, объявила ей полное свое согласіе. А тутъ встрѣтилось еще обстоятельство. У Асенефы вскорѣ обозначились признаки воспаленія легкихъ. Она протанула недѣли двѣ и скончалась. Послѣ ея похоронъ, Аглая выпросила у игуменьи позволеніе взять къ себѣ и дочь кормилицы, Пашу.

— Зачѣмъ она тебѣ? спросила Измарагда.

— Буду учить ее грамотѣ; и мать не станетъ свучать.

Передъ рождественскими святками Егоровна наняла подводу, чтобы ѣхать къ племяннику за своими вещами и за дочкой.

— Ахъ, я и забыла, родненькая, сказать тебѣ еще слово, обратилась къ ней при прощаньи Аглая.

— Что, лапушка-сударыня? приказывай.

— Если окажется мѣсто у тебя на саниахъ, не забудь поискать въ домѣ и привезти ящикъ съ бѣльемъ покойницы матушки. Какъ умерла она, я тебѣ же его переслала.

— Помню, помню,—въ кладовой стоитъ. На что тебѣ это бѣлье?

— Дѣтямъ Фросиньки за зиму перешьемъ; пусть носятъ.

— И вправду. Только какъ-бы опекунъ не увидѣлъ, да шей мнѣ не навостылялъ.

— Скажи, что я приказала. Да вотъ тебѣ на всякій случай и записка къ прикащику.

Желаніе Аглаи было исполнено.

Кормилица дня черезъ два привезла свои вещи и дочку, а съ ними и увѣсистый, наглухо заколоченный ящикъ. На вопросъ монахинь: что это?—она отвѣтила: барышнина бѣлье. Когда ящикъ внесли въ келью Аглаи и Егоровна, управясь, его вскрыла, въ немъ оказались книги...

— Что это? спросила озадаченная Аглая.

— Ахъ я, глупая, ахъ я курья слѣпота! причитывала Егоровна: и гдѣ глаза мои были? Опекунъ, знать, велѣлъ выкинуть безъ меня питерскія книги, что въ домѣ эти годы стояли. А я ихъ замѣстъ бѣлья, прости, на санки-то и свалила...

— Какія питерскія книги? спросила Аглая.

— Ну, что для стараго барина этотъ же Веллутинъ, что ли, тогда выписалъ. Племянникъ пріѣдетъ, отошлемъ назадъ.

— Нѣтъ, вспыхнувъ, рѣшила Аглая: не надо ихъ отсылать, пусть здѣсь останутся. Я можетъ что-нибудь... отъ скуки... изъ нихъ читаю.

— Что ты, что ты! замахала на нее рукой Егоровна: еще итуменья увидить, осерчаетъ.

— Спрашивать итуменьи на это я не стану! сама знаю, что буду читать! гордо качнувъ головой, отвѣтила Аглая: я не безголовая какая, а отцовскія книги не ересь.

«Да! вонъ она кровь Вечерѣвыхъ!» радостно подумала Егоровна, глядя на свою барышню: «ишь губу-то вздула! Даромъ что клобучекъ на волосахъ, не всякому смерду наступить на ногу позволить...»

Такъ какъ Егоровна съ Пашей и за барышней своей и за

ея вельей стала смотрѣть, то Аглая вскорѣ объявила игуменьѣ, что ей особой монастырской прислужницы не нужно. Мать Измарагда подумала: «Кума пѣша, куму легче», и охотно согласилась на новую просьбу Аглаи.

Въ свободные отъ службъ и отъ посѣщенія общей руководѣльной часы, Аглая теперь не скучала. У нея было два занятія: она учила Пашу грамотѣ и читала привезенныя книги. Сперва это чтеніе шло урывками. А потомъ Аглая его почти уже не покидала. Заперевъ наружную дверь на засовъ, она садилась Егоровну или Пашу на-сторожѣ, а сама брала какую-либо изъ книгъ и читала-читала до изнеможенія силъ. Иной разъ утро заставало ее за чтеніемъ. Большую часть выписанныхъ когда-то по совѣту Ветлугина книгъ она прочла одну за другой, и новый міръ незамѣтно сталъ открываться передъ ней. Особенно поразили ее переводы нѣкоторыхъ изъ драмъ Шекспира, «Исповѣдь» Руссо и «Донъ-Жуанъ» Байрона.

Послѣдняя повѣсть взволновала и совершенно поглотила Аглаю. Мѣсто, гдѣ Донъ-Жуанъ, переодѣтый въ женское платье, по волѣ Гюльбеи, попадаетъ въ гаремъ, до того ее увлекло, что она спать не могла. Ей слышались слова султанши: «О, чужестранецъ, зналъ ли ты любовь?»—Сцена Донъ-Жуана съ Дуду бросила ее въ жаръ и холодъ. «Въ гаремѣ ночь, лампы стали гаснуть,— и вдругъ Дуду въ постели закричала...» — Аглая захлопнула книгу, въ страхѣ задудала свѣчу и до зари, не сомкнувъ глазъ, лежала какъ въ лихорадкѣ.

Она и Егоровнѣ читала вслухъ нѣкоторые изъ книгъ.

— И это все было? спрашивала кормилица Аглаю, когда та поясняла ей содержаніе прочитаннаго.

— Было, голубушка-кормилица, было! обнимая и цѣлуя Егоровну, отвѣчала Аглая: ты не понимаешь!

— Да гдѣ-жъ именно было? въ какомъ царствѣ-государствѣ?

— На свѣтѣ, кормилица, тамъ, гдѣ настоящая жизнь и гдѣ намъ съ тобою, видно, никогда уже не бывать...

— Ну, красавица, это ты напрасно! Мало ли чего не бываетъ! Нешто ты въ кабалу имъ себя отдала, али некому за тебя и заступиться? Напиши къ барынѣ Фокиной, ли къ отцу Адріану, ли меня къ нимъ пошли: духомъ все обдѣлаемъ.

— Никого я просить не стану и никто мнѣ не указъ! Одна совѣсть людямъ законъ... И противъ совѣсти я во вѣки не пойду, чтó бы со мною ни случилось.

Дни шли за днями.

Вплоть до великаго поста, Аглая не отрывалась отъ приве-

зенныхъ книгъ. Великія созданія геніевъ продолжали ее потрясать до глубины души. Лишая ее спокойствія, пищи и сна, они какъ-бы твердили ей въ уши: «Да что же съ тобой? Или ты не сознаешь, не видишь, куда ты попала? Вѣдь ты заживо погребена, на цѣпь прикована и замурована въ стѣнѣ... Вглянись вокругъ себя: за этою стѣной люди живутъ, съ ихъ скорбями и радостями, съ ихъ нуждами, тревогами и борьбой за жизнь, за счастье. И во всемъ—даже въ этихъ тревогахъ и въ этой борьбѣ—для нихъ отрада, такъ какъ все это—кровь отъ ихъ крови и плоть отъ плоти ихъ. А въ чемъ твоя жизнь? И гдѣ твое счастье? Было ли оно когда-нибудь и возвратится ли вновь? Кто его скосилъ, растопталъ и развѣялъ по вѣтру, какъ прахъ? Опомнись... Онъ говорилъ тебѣ: жизнь—трудный подвигъ, но подвигъ—во имя близкихъ намъ, рука объ руку съ ними, а не вдали отъ нихъ... Брось же свою преждевременную могилу, становись въ ряды бойцовъ за жизнь, за правду и добро...» — «Ахъ, Аглая, Аглая!» днемъ и ночью звучали ей слова приписки Ветлугина.

Она падала на постель, по цѣлымъ часамъ не отрывая отъ подушки лица. Садилась къ окну, пристальнымъ взоромъ вглядывалась въ прорытыя въ сугробахъ дорожки, и думала-думала, не мелькнетъ ли изъ-за монастырской стѣны тотъ, кого она столько лѣтъ не видѣла?.. Гдѣ семейныя радости, жизнь вдвоемъ? Гдѣ пріютъ тихаго счастья и любви?..

Дорожки были пусты... Что ни день, ихъ заносило новыми бурями и мятелями, да въ урочные часы, точно могильныя тѣни, по нимъ мелькали черныя мантии, шапочки и клобуки шедшихъ въ церковь и изъ церкви инокинь.

Однажды,—это было въ концѣ марта,—Аглая, послѣ тревожной и полной раздумья, бессонной ночи, встала до зари.

Не будя кормилицы, она умылась, одѣлась, помолилась, написала какое-то письмо, и со свѣчей подошла къ постели Егоровны.

— Ты не спишь? тихо и особенно ласково спросила она.

— Давно, ласточка моя, не сплю. Давно думаю, на твою-то гляючи суету... Что съ тобой? Или опять забрала тоска? Или ты, соволикъ, разнемоглась?

— Вотъ что, милая,—глядя на свѣчу и стараясь быть какъ можно спокойнѣе, начала Аглая: надо всему этому положить конецъ.

Егоровна привсталла.

Странный блескъ глазъ и озабоченность блѣднаго, измученнаго безсонницей лица Аглаи удивили ее.

— Что же ты, родная, думаешь дѣлать? приказывай! вскидывая на плечи платокъ и моргая недоумѣвающими глазами, сказала кормилица.

— Вотъ что, по прежнему глядя на свѣчу, твердымъ голосомъ отвѣтила Аглая: сегодня же, послѣ заутрени, я обо всемъ постараюсь переговорить съ матушкой-игуменьей... Ты же, кормилица, найми подводу и поѣзжай вотъ съ этимъ моимъ письмомъ въ Дубки. Если приващигъ не дастъ тебѣ по моей просьбѣ денегъ, то вотъ возьми это (Аглая сняла съ шеи небольшой, обдѣланный алмазами, крестикъ) — поѣзжай къ Фокинымъ... Это благословеніе отца. Заложь его... Ну, словомъ, достань денегъ и пріѣзжай сюда съ Филатомъ. Скажи ему, что онъ мнѣ нуженъ. Я съ нимъ хочу навѣстить отца, а можетъ быть, проѣду и въ Дубки.

— Все будетъ, матушка барышня, исполнено. Душу за тебя отдадимъ! не помня себя отъ радости, отвѣтила Егоровна.

Аглая объяснилась съ Измарагдой. Та ей не противорѣчила. «Вѣрно, одумалась, рассуждала игуменья: о деньгахъ ѣдетъ хлопотать.»

Черезъ недѣлю настала дружная оттепель. Снѣгъ еще не вездѣ растаялъ, но холмы и поля кое-гдѣ уже обнажились, рѣка поспѣвала и вздулась. Лѣса изъ черныхъ стали сизые.

Было туманное, теплое утро.

У крыльца кельи Аглаи стояла, запряженная четверней, старая деревенская карета. Филать, въ барашковой шапкѣ, въ чуйкѣ и въ высокихъ поверхъ брюкъ сапогахъ, суетился, таская на плечахъ и прилаживая чемоданы и всякіе узлы. На запяткахъ возсѣдала, въ новыхъ ботахъ, обверченная платками, Папа. Двѣ-три монахини у подъѣзда разговаривали съ выбившеюся изъ силъ и также носившею разные укладки, Егоровной. Аглаи здѣсь не было. Она сидѣла на чаѣ у игуменьи.

— Что же, Аглая Кириловна, на долго ли думаешь насъ покинуть? ласково и вѣжливо спросила мать Измарагда, опрокидывая на блюдечко большую, съ изображеніемъ Аѳонской горы, чашку и съ нѣкоторой тревогой поглядывая на опустившую глаза и спокойно сидѣвшую передъ нею Аглаю.

— Какъ вамъ сказать, матушка?.. Навѣщу отца; переговорю съ нимъ и съ докторами; съѣзжу въ деревню, потолкую съ приващникомъ о дѣлахъ.

— Вотъ какъ! и о дѣлахъ? Что же, сударыня; дѣловъ зем-

ныхъ никогда не слѣдъ вовсе бросать. Пришельцы и переселенцы въ свѣтѣ есмы... Только, мать моя, не лишнее ли это тебѣ? Что о мірѣ великіе учителя пишутъ? Ефремъ Суринъ, Максимъ исповѣдникъ, Авва Дорофей и иные? Ты еще, смотри, какъ молода!.. Не все примѣтишь. Жизнь, сказано въ писаніяхъ, — море страстное, студъ и идолослуженіе... Еще обмануть... А у васъ, при томъ, есть и опекуны... Его же какъ обойдешь?

— Предводитель пишетъ, что этотъ опекунъ сколько мѣсяцевъ въ безвѣстной отлучкѣ по собственнымъ дѣламъ; а потому и предлагаетъ мнѣ подать прошеніе о назначеніи другого опекуна...

Не ожидавшая такой новости, игуменья измѣнилась въ лицѣ, но удержала свое спокойствіе.

— Вотъ какъ! я про то не слышала! сказала игуменья: когда же ты получила отъ предводителя это письмо? продолжала она, тихо перебирая чотки.

— На-дняхъ.

— А мнѣ и не сообщила?

Аглая на это ничего не отвѣтила. Игуменья продолжала:

— Ну, какъ же ты думаешь съ этимъ теперь быть? на что рѣшаешься? Заранѣ скажу: опека, да и всякія дѣла, вещь не шуточная... Берегись лести людской. Берегись соплетеній міра. Какъ хочешь, а судьба отца! ты уже не ребенокъ... Да и имѣніе у васъ, скажу тебѣ прямо, большое... Первое—не совѣтую, зря, всякому вѣрить. А второе: скорѣе возвращайся и обо всемъ мнѣ сообщи... Я дамъ тебѣ тогда совѣтъ... Такъ ли?

— Что же, матушка, заранѣ говорить? отвѣтила Аглая: посмотрю, съ знающими людьми потолкую, подумаю; дѣло само и укажетъ, какъ быть. Черезъ недѣлю-другую, надѣюсь воротиться къ вамъ...

— Знающіе люди! гордость одна! судорожно одергивая воскрылія камилавки, сказала Измарагда: злохудожники! бѣсовская суета... А, впрочемъ, поѣзжай!.. Ты уже не ребенокъ... Мать пресвятая Богородица тебѣ попутницей! Да озаритъ она тебя, свѣтоносная, свыше...

Принявъ благословеніе игуменьи, Аглая сотворила передъ нею уставный поклонъ, простилась и вышла. Не садясь въ карету, она сходила на обительское кладбище, помолилась на могилѣ матери, еще разъ, какъ-бы зачѣмъ забытымъ, возвратилась въ опустѣлыя, съ занавѣшенными окнами и задернутымъ кіотомъ, комнаты и сѣла съ Егоровной въ карету. Низко кланялись ей высыпающія на крыльца и къ окнамъ инокини и бѣлицы. Веселой Варварушки только не было видно. Осиротѣвъ со смертью

Асенефы, она долго тосковала, плакала и выпросилась у игумена, съ другой монахиней постарше, въ сборщицы на обитель.

Аглая въ тотъ же день, еще засвѣтло, пріѣхала въ уѣздный городъ и, не входя на постоялый, отправилась къ отцу. Къ величайшему ея огорченію, старикъ не только по прежнему ее не узналъ, но даже принялъ ее еще съ большимъ неудовольствіемъ и даже враждебно. Онъ закричалъ на нее: «Оставь меня, оставь! мы садовники!» Когда-жъ Аглая вздумала поцѣловать у него руку, онъ дико посмотрѣлъ на нее, спрятался за шкафъ и съ крикомъ: «Монашка, черничка! чернохвостница!.. въ монастырь иди! дорожка сеатертью»! — скрылся за дверями...

Больше недѣли провела Аглая въ городѣ. Положеніе, въ которомъ она застала отца, дѣйствительно ее ужаснуло. Долго она толковала съ медикомъ, съ предводителемъ и другими властями; списалась и свидѣлась съ Фокиной; на счетъ же сдачи опеки другому попросила пріостановиться. — Съ шибко-забывшимся отъ разныхъ ощущеній сердцемъ, въѣхала она наконецъ въ ворота запустѣлой усадьбы Дубковъ.

Двѣ комнаты въ домѣ, — спальня матери и библіотека, — были для нея Филатомъ заблаговременно очищены и протоплены. Новый прикащикъ, выписанный Аглаей по выбору и по совѣту Фокиныхъ, принялъ имѣніе также еще до пріѣзда Аглаи. Она вошла въ домъ. Не раздѣваясь, прошла по всѣмъ комнатамъ, выслушала соображенія прикащика объ имѣніи, отдала нѣсколько, нетерпящихъ отлагательства, приказаній и пошла къ священнику. Тамъ она пила чай. Передъ вечеромъ съ отцомъ Адріаномъ поспѣвала нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ ей крестьянъ, разспрашивала о ихъ надобностяхъ, записывала имена болѣе нуждающихся и больныхъ, а по пути осмотрѣла садъ. Стало уже темнѣть, когда Филатъ ей доложилъ, что подано кушанье. За обѣдомъ она почти ни къ чему не касалась; спать легла рано.

— Не нужно ли тебѣ чего? можетъ, поужинала бы? спрашивала ее, располагаясь рядомъ съ ея комнатой и гордая новымъ своимъ назначеніемъ при барышнѣ, Егоровна.

— Нѣтъ, милая, ничего болѣе мнѣ не нужно, — съ своей давно нематой деревенской постели, изъ темноты отвѣтила Аглая: разбуди меня пораньше. А теперь, голубушка-кормилица, мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо... будто я вновь на свѣтъ на-родилась...

На утро отецъ Адріанъ, съ намоченной квасомъ косичкой

и съ утиральникомъ въ рукахъ, только-что умылся, вышелъ по обычаю на крыльцо, взглянулъ на выгонъ, на церковь, на рѣку и на еще безлистный, тонувшій въ бѣломъ туманѣ, вечерѣвскій садъ,—и подумалъ: «Ну, дай же ей, Господи Боже, силы! дай, чтобъ она, аки лучъ солнца, пробудила и оживила эти ей родныя мѣста... Суета суеты! Изъ чего люди бѣгаютъ отъ своего счастья?...»

Отецъ Адрианъ перекрестился, еще постоялъ и поглядѣлъ вокругъ себя. Онъ уже хотѣлъ идти обратно въ сѣни, какъ со стороны сада послышалось нѣсколько голосовъ. Точно кто-нибудь охотился съ гонцами, или людное общество шло вдоль рѣки... «Вѣрно гости у Аглаи Кириловны!» подумалъ священникъ; но, прислушавшись къ голосамъ, самъ себѣ сказалъ: «Нѣтъ, не гости... Вонъ Ѳедькинъ голосъ, Апронькинъ... Парамошка Кочетъ имъ отливается... Чтѣ за притча?»

Отецъ Адрианъ вѣско́ро накиннулъ теплую рясу, взялъ шляпу и трость и, шлепая калошами по непросохшей еще землѣ, отправился къ саду. Канава опросталась отъ воды, и онъ черезъ нее перелѣзъ. Но не прошелъ священникъ и сотни шаговъ, какъ вправо и влево между деревьями, съ заступами, лопатами и метлами, увидѣлъ десятка два-три вечерѣвскихъ крестьянъ. Священникъ остановился. «Чтѣ это они?» разсуждалъ онъ, глядя издали.

Одни изъ крестьянъ расчищали заглохшія дорожки, другіе на лужайкахъ и полянахъ рубили не къ мѣсту выросшія молодники, третьи вывозили на тачкахъ и на телегахъ сгребаемый въ кучи валежникъ, сухія листья и всякій соръ. — «Насилу-то дождались мы нашей ласточки отлетной, нашей голубушки!» заговорили крестьяне, увидѣвъ священника: «вотъ ужъ, батюшка, праздникъ! вотъ обнова, спаси ее Господь!»

Отецъ Адрианъ степенно и ласково побесѣдовалъ съ крестьянами, даже заступъ бралъ и лѣнливому Парамошѣ Кочету показывалъ, какъ слѣдуетъ работать. Потомъ онъ направился къ бесѣдкѣ, къ теплицамъ и въ паркъ. Вездѣ кипѣла усиленная работа...

А солнце поднималось выше и выше, и парило сквозъ туманъ и росу, чуть не по-лѣтнему, сыпало яркими лучами. Къ обѣду Филать въ фартукъ и безъ сюртука, стуча молоткомъ, раскрылъ балконныя двери, а къ вечеру выставилъ и настежъ распахнулъ въ домъ всѣ окна. Отецъ Адрианъ издали видѣлъ, какъ хлопотала и распоряжалась Аглая, какъ она переходила изъ одной провѣтриваемой комнаты въ другую, появлялась съ

Егоровной и съ Филатомъ то на балконѣ, то у раскрытыхъ оконъ. «Пусть ее хлопочетъ; хорошее дѣло она затѣяла; не буду ей мѣшать!»! думалъ, прогуливаясь по саду и скусывая съ вѣтвей душистыя липкія почки, священникъ: «шутка ли, отецъ какъ боленъ! кому же, какъ не ей, и позаботиться о его добрѣ?»

Не прошло двухъ недѣль, вечерѣвской усадьбы нельзя было и узнать.

XXXVI.

Пробужденіе.

Домъ былъ оправленъ и подновленъ. Садъ также вскорѣ пришелъ въ прежній видъ.

Благодаря наставшему теплу, Филатъ закупилъ и навезъ изъ сосѣднихъ владѣльческихъ теплицъ цѣлыя возы экзотическихъ цвѣтовъ и кустарниковъ. Балконъ, при помощи Егоровны, убрала сама Аглая. Сюда, подъ парусинный навѣсъ, былъ принесенъ тотъ самый плетеный диванчикъ, на которомъ когда-то такъ любилъ посиживать Кирило Григорычъ. А пока все это устраивалось, Аглая не знала покоя. Она за всѣмъ слѣдила, всѣмъ руководила и была впереди во всей этой суетѣ, вознѣ и общихъ хлопотахъ, въ домѣ и въ саду. Слова письма Ветлугина: «Ахъ, Аглая, Аглая!»! преслѣдовали ее и здѣсь.

А весна съ каждымъ днемъ становилась ближе и ближе.

Давно прошумѣли первые снѣговые ручьи. Рѣка вскрылась, вышла изъ береговъ и далеко затопила прибрежныя нивы и луга. Бѣлая, ноздреватая льдины, съ вучами зимняго сора, оторванными мостовинами и съ громко-каркающими грачами и галками, неслись по бурнымъ ликующимъ водамъ. Воздухъ былъ пропитанъ яркимъ раздражающимъ блескомъ солнца, журчаніемъ и грохотомъ бѣгущихъ по скатамъ и въ оврагахъ ручьевъ. Стало просыхать.

Обнаженные отъ снѣга и воды поля подернулись первою красноватою травкой. Поднимая слой истѣвшихъ листьевъ, выткнулись головки первыхъ цвѣтовъ. Потянулись стаи перелетныхъ птицъ. Отозвались жаворонки. Цапля мѣрнымъ шагомъ, высматривая играющую голубыми спинами, рѣзвую рыбу, пошла по берегу рѣки. Щелкнулъ въ безлистомъ еще вишенникѣ первый соловей. За нимъ другой и третій. Солнце, воды и соловьи будто отзывались на мысли Аглаи, будто также кричали ей: «Ахъ, Аглая, Аглая»!..

За дружными теплыми днями настали теплыя, безъ вѣтра и заморозковъ ночи. Полная луна плыла въ свѣтоварной вышнѣй.

Аглаѣ давно была пора возвратиться въ монастырь. Но она медлила. Ей не хотѣлось разставаться съ этими, столько отрады напоминавшими ей, мѣстами. Здѣсь, въ этомъ воздухѣ и на этомъ просторѣ, царилъ когда-то ея счастье. Радужныя грѣзы о немъ носились за Аглаей, манили ее, порхали у ея изголовья.

Въ комнатахъ все, до послѣдней вещицы, было разставлено на прежнихъ мѣстахъ. Въ кабинетѣ Кирилы Григорыча всѣ бумаги, книги и бездѣлушки были разложены такъ, какъ онѣ всегда здѣсь прежде лежали.

— Все кончено, все привела я въ порядокъ! — послѣ долгихъ хлопотъ, сказала Филату Аглая: теперь пора бы ужъ мнѣ отправляться и обратно.

— Эхъ, барышня, барышня! вздохнулъ на это Филатъ: давно собирался я вамъ доложить, да не смѣлъ.

— Что, Филатушка? говори.

— А то, барышня, что ужъ лучше бы вы и совсѣмъ отъ насъ не уѣзжали. Эхъ, милая вы наша, золотая! Бросьте-ка монастырь. Изъ-за чего вамъ тамъ жить? Помолитесь бы цѣлителью Пантелеймону... Знаете ли, покойный-то дѣдъ Лукашка?..

— Что же онъ?

— Передъ смертью, — царство ему небесное, — совсѣмъ онъ какъ малый ребенокъ сталъ, — у Апроньки-пастуха за дѣтми смотрѣлъ, да какъ заснулъ въ саду у него подъ яблонью, такъ и не просыпался... Онъ совѣтывалъ: у кого, говорить, душа болитъ, молебень святому Пантелеймону слѣдуетъ отправить. Я какъ проторговался на буфетѣ при чугункѣ, помолился цѣлителью, — съ той самой минуты ни въ ротъ-съ.

— Такъ что же ты хотѣлъ сказать?

— Да все насчетъ вашего тятеньки. Помолитесь бы вы, не спасетъ ли Господь тятеньки? не признаетъ ли онъ васъ?

— Спасибо за совѣтъ. Я вотъ что рѣшила. Послѣ завтра, или нѣтъ, — не успѣю... Ну, дня черезъ три-четыре, — надо тутъ еще кое-что по хозяйству уладить съ приващникомъ. Такъ я сперва поѣду въ монастырь. Надо туда навѣдаться. Тамъ, я думаю, ждутъ меня и, ужъ Богъ знаетъ, чего только обо мнѣ не наплели... А потомъ...

— Эхъ, барышня! да вамъ-то что до черницъ! — нахмутивъ кустоватыя брови, даже рукой махнулъ Филатъ: принимали имѣние; принимайте, сударыня, и всѣ дѣла. Кажется, вотъ бы какъ всѣ

мы вамъ служили... Скажите только, я и всѣ остальные вещи ваши отсюда перевезу...

— Нельзя, голубчикъ Филать, нельзя... Что ты! Боже меня сохрани и помилуй объ этомъ и думать... А ты лучше слушай, что я скажу. Я въ волясѣ поѣду въ монастырь, а ты отправляйся къ папенькѣ. Возьми на всякій случай карету. Отвезешь мое письмо къ доктору и съ нимъ обо всемъ переговори. Передай ему, голубчикъ, мою просьбу—отпустить папеньку сюда хоть на недѣлку. Не все ли одно отцу жить подъ охраною здѣсь, что и въ городѣ? Приговори себѣ на случай въ помощь фельдшера. И какъ только докторъ позволитъ, готовься привезти папеньку сюда. Напишешь мнѣ, и я его здѣсь встрѣчу... Тутъ воздухъ, просторъ и всякія удобства... Онъ же, бѣдненькій, хоть и не помнить себя, а все-таки, Филать, — ну, понимаешь... дома! понимаешь? въ своемъ родномъ гнѣздѣ! Это не то, что на чужихъ рукахъ... А мы, скажи доктору, все приготовимъ папенькѣ, все... чтобъ онъ положился на насъ и не беспокоился...

Слезы не дали Аглаѣ говорить.

— Все, сударыня, сдѣлаемъ... Какъ намъ не понимать! исполнено будетъ все и въ акуратъ-съ! отвѣтилъ Филать.

Но и у него опять зашевелились брови и, дрогнувъ, нѣсколько на бокъ скривилась нижняя губа. Онъ сердито, будто грозя кому, глянулъ въ уголъ гостиной, гдѣ на ручкѣ кресла лежало вѣтъ-то забытое чайное полотенце, и, громко покашливая и смаргивая непрошенныя слезы, странно пискливо сказалъ: «въ акуратъ-съ! это какъ же можно!»—еще повопался надъ чѣмъ-то и съ форсомъ быстро вышелъ въ садъ.

Филать шелъ и самъ не зная, куда и зачѣмъ идетъ. Онъ одѣргивалъ сертукъ, размахивалъ руками и что-то угрюмо и рѣшительно обдумывалъ.

Аглая уѣхала въ монастырь не черезъ два дня, а еще черезъ двѣ недѣли. Силъ у нея не хватало ранѣе разстаться съ роднымъ угломъ. Да и разныя новыя хлопоты по имѣнію, отрывка крестьянамъ полей и луговъ, задержали ее. Во многомъ ей помогать совѣтами отецъ Адрианъ. Въ день отъѣзда Аглаи, Филать съ ея письмомъ отправился въ городъ къ уѣздному врачу, Милунчикову второму, который три года назадъ, благодаря прохвтамъ Ключкова, чуть-было не пострадалъ за мнимыя сношенія съ эмиграціей. Онъ охотно согласился выполнить просьбу Аглаи, далъ всѣ необходимыя наставленія Филату и прибавилъ, что, по его

и нѣбнію, такая прогулка Кирилы Григорьича въ деревню и нѣкоторый отдыхъ на просторѣ и свѣжемъ весеннемъ воздухѣ не только не повредятъ здоровью больного, но могутъ въ будущемъ принести ему немалую пользу.

Былъ поздній въ первыхъ числахъ мая вечеръ. Карета, на козлахъ которой возсѣдали фельдшеръ и озабоченный, до глубины души взволнованный Филатъ, подвезла Кирилу Григорьевича къ деревенскому, столько лѣтъ сиротѣвшему безъ него дому.

Вечерѣвъ не только при выѣздѣ изъ города, но и всю дорогу, сверхъ обыкновенія, былъ совершенно спокоенъ и тихъ. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, зачѣмъ его приодѣли, зачѣмъ вывели изъ городской, такъ примелькавшейся ему квартиры, для какой надобности усадили въ карету и куда повезли? Онъ озабоченно только пошарилъ у себя въ карманахъ, съ нимъ ли его сигарочница, молча взялъ лубочный сборникъ пѣсенъ, который онъ ежедневно, въ теченіе этихъ лѣтъ, держалъ въ рукахъ, дѣлая видъ, что читаетъ. Онъ и теперь, усѣвшись въ уголокъ кареты, вперилъ пристальный взоръ въ раскрытый вверхъ ногами пѣсенникъ, и такъ сидѣлъ вплоть до деревни, лишь изрѣдка сердито взглядывая то на спину дремавшего на козлахъ фельдшера, то въ окна—на зеленѣющіе холмы и поля.

Кирилу Григорьевича бережно высадили изъ кареты, ввели въ переднюю и помогли ему дойти до кабинета. Здѣсь его умыли, накормили ужиномъ, раздѣли и уложили въ постель. Прикащикъ и кое-кто изъ прежнихъ дворовыхъ, съ любопытствомъ и жалостью, заглядывали на больного. Фельдшеръ посоветовалъ Филату лечь спать у двери кабинета, а самъ ушелъ ужинать и ночевать къ прикащику. Здѣсь было рѣшено утромъ пораньше съ нарочнымъ извѣстить Аглаю Кирилловну о благополучномъ прибытіи ея родителя. И если бы ей самой теперь же нельзя было пожаловать, то спросить, какъ имъ быть далѣе, такъ какъ баринъ прибылъ въ деревню ранѣе ея.

Филатъ постлалъ у порога кабинета свою чуйку, помолился вслухъ, легъ и свернулся калачомъ. Но онъ долго не спалъ, прислушиваясь въ потемкахъ, не будетъ ли о чемъ говорить во снѣ баринъ. Баринъ, однако, какъ легъ, разъ только тихо прошепталъ: «О, Боже, Господи Боже!» вздохнулъ, повернулся къ стѣнѣ и крѣпко заснулъ.

Солнце давно взошло, а Кирило Григорьичъ все еще спалъ. Наконецъ, уже въ десятомъ часу, онъ очнулся, раскрылъ глаза и долго неподвижно лежалъ, глядя по сторонамъ и какъ-бы

сообразая, гдѣ онъ? и неужели онъ опять въ своемъ старомъ деревенскомъ гнѣздѣ?

Да, кажется, онъ снова у себя дома...

Два знакомыхъ окна полузакрыты красными шелковыми занавѣсками. Солнечные лучи, дробясь по кресламъ, письменному столу и дивану, освѣщаютъ зеленый, съ желтыми и синими разводами, коверъ. На каминѣ, держа другъ друга за руки, стоятъ знакомые гипсовые Шиллеръ и Гёте, и на второмъ изъ нихъ, точно со вчерашняго дня, накинута бѣлая вязаная ермолка. На стѣнѣ Наполеонъ, на конѣ, подъ Ватерлоо. На стулѣ у кровати сѣрый фланелевый халатъ. На коврѣ старыя, стоптанныя туфли... А это кто на постели? Онъ самъ, Кирило Григорьичъ... Вотъ его ноги, руки... но какъ онѣ пожелтѣли, захудали! Онъ съ презрѣніемъ отвернулся и вздохнулъ.

Вечерѣвъ медленно всталъ. Твердя: «Господи Боже! какъ поводно!» онъ накинулъ на плечи халатъ, вздѣлъ на ноги туфли, а на голову ермолку, и бережно отворивъ дверь, вышелъ въ залъ.

Филатъ не дождался пробужденія барина. Онъ ушелъ хлопотать для него о чаѣ и о завтракѣ, а на свое мѣсто, у двери кабинета, посадилъ Пашутку. Дѣвочка также, вѣроятно, соскучилась. Она, какъ сидѣла въ углу, обхвативъ колѣни худенькими рученками, такъ и заснула. Кирило Григорьичъ сурово постоялъ передъ ней, потрогалъ ее по носу, сердито фыркнулъ: «Вотъ, вотъ... босая и нечесаная!..» и пошелъ къ двери въ гостиную. Мысли его опять стали путаться. Онъ глядѣлъ вокругъ по залу и не понималъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Рояль, портреты щеголей въ лентахъ, щеголихи въ пудрѣ. «Зачѣмъ это?» спросилъ онъ себя: «тамъ еще комната,—спальня жены. Она спитъ... А здѣсь корабль... или балконъ?.. Да! корабль... Нечесаная, босая! корабельный юнга! Срамники!» громко произнесъ онъ и, сердито качая головой, направился далѣе.

Изъ гостиной онъ вышелъ на балконъ. Заслоня рукой отъ свѣта глаза, посмотрѣлъ на поляну, на взгорье и садъ, и боязливо опять отступилъ къ порогу. Онъ не узналъ мѣстности... Зеленое пустынное взгорье за рѣкой ожило. По гребню его тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ и сторожевыхъ будокъ, и ясно была видна ювонькая, въ швейцарскомъ вкусѣ, станція. Рабочій поѣздъ собирался дѣлать маневры. Бѣлый дымокъ взлетывалъ надъ трубой пытѣвшаго паровоза. «Проспалъ! пора билеты брать!» засуетился Вечерѣвъ, изъ-подъ наставленной руки глядя на солнце: «одиннадцать! знатно выпался!» Бережно придерживая полы халата,

онъ сошелъ на поляну, поглядѣлъ на цвѣтники и быстро утлубился въ садъ.

Ничего не подозрѣвавшій Филать, часа черезъ два, сказалъ себѣ: «Однако, пора будить барина; самоваръ потухъ опять». Онъ потихоньку отворилъ дверь, заглянулъ въ кабинетъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что барина тамъ уже не было. «Гдѣ же онъ? гдѣ?» — Филать напустился на разбуженную Пашутку. Та протирала глаза и сама, послѣ сладкаго сна, не понимала, гдѣ она и что съ ней.

«Баринъ, видно, задумалъ купаться, пошелъ къ рѣкѣ и утонулъ!» пробѣжало въ головѣ Филата. Онъ безъ памяти кинулся на поиски Кирилы Григорыча, заглядывалъ во всѣ закоулки, въ бесѣдку, въ купальню и даже подъ мосты и, наконецъ, послѣ долгихъ стараній, нашелъ его въ паркѣ. Кирило Григорычъ весьма смиренно сидѣлъ на каменной скамьѣ, бросая наломанные вѣтки въ омутъ, прорытый послѣдними водопадами у свята крутизны.

— А? что? что? заторопился Вечерѣвъ, испуганно приподнимаясь на встрѣчу Филата: барыня встала? гости? зовешь?

— Въ комнату, сударь, пожалуйста... Чай пора пить... а барыня, Ульяна Андреевна, — царство ей небесное! — давно померла...

— А! бр... бриться, вотъ!.. бриться надо! растерянно хватаясь за полы халата, заговорилъ Вечерѣвъ.

Привычно-услужливымъ, плывущимъ шагомъ, подошелъ Филать къ старику, бережно, точно ставаятъ, полный до верху, взялъ его подъ руку и повелъ въ домъ.

— Бр... бриться надо... вотъ! сердито указывая на столъ, фыркнулъ Кирило Григорычъ въ кабинетъ: что же воды? а?

— Воды, сударь, не долго принести, — отвѣтилъ, вздыхая, Филать: только ужъ лучше я самъ васъ побрѣю... Вонъ у васъ какъ ручки дрожать...

— Самъ!.. закричалъ и затопалъ ногами Вечерѣвъ: самъ!..

«Отчего не принести?» подумалъ Филать: «побалую его... Не зарѣжется же онъ при мнѣ, такъ-то, въ одинъ махъ... На то у меня глаза...» Онъ, съ вывертомъ, въ одной рукѣ принесъ ставаятъ горячей воды, а въ другой полотенцо и началъ точить бритвы.

— Самъ! повторилъ Вечерѣвъ: самъ! а ты стой на кра... на краулъ! и смотри...

Филать подаль барину, мыльницу, щеточку и бритвы. Ему

и забавно было съ старикомъ и жутко. «Ну, какъ махнетъ по горлу, какъ зарѣжется!» пробѣгало въ его головѣ.

Кирило Григорычъ удивилъ Филата. Не торопясь и точно соображая, что онъ дѣлаетъ, Вечерѣевъ выбрилъ себѣ обѣ щеки, бороду и усы, вымылъ щеточку, самъ умылся и причесался, и, какъ-бы вспомнивъ еще нѣчто неизбежное, тревожно и упорно сталъ всматриваться въ уголъ, гдѣ стоялъ платяной шкафъ. «А, понимаю! одѣться хочеть...» подумалъ Филатъ. Онъ досталъ изъ шкафа и подаль барину черный, еще новый скортукъ.

— Ннѣ... ннѣ! обиженно, какъ малый ребенокъ, закричалъ и отвернулся въ сторону старикъ: бѣ... бѣлый гдѣ?

«Вотъ память!» нагибаясь снова къ шкафу, удивился Филатъ.

Онъ вынулъ изъ ящика слежавшуюся, въ складкахъ, пижамную пару, встряхнулъ ее и съ усердіемъ помогъ барину одѣться.

Кирило Григорычъ успокоился. Напившись чаю, онъ поставилъ передъ письменнымъ столомъ, порылся въ бумагахъ, взялъ съ этажерки первую попавшуюся книгу, вышелъ на балконтъ, усѣлся на диванѣ, закурилъ сигару и принялся читать. Такъ онъ просидѣлъ здѣсь до обѣда.

XXXVII.

С о л о в ѣ и.

— Мнѣ, какъ значить, по моей препорціи, тутъ уже достаточно быть!—объявилъ, важничая передъ Филатомъ и прикащикомъ, краснощекий и толстый фельдшеръ Мосейтъ: ставьте на мое мѣсто-съ другого... Я его, выходить, сюда предоставилъ, и моя препорція, какъ есть, потому кончена-съ... А вы тѣмъ временемъ приготовьте мнѣ тройку, тарантасъ и благодарность...

— Благодарность, Иванъ Мосейтъ, вамъ не забудется; не такіе мы люди! уговаривалъ фельдшера прикащикъ: только вы ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, обождите. Мы дали знать барышнѣ; не нынче,—завтра, она пріѣдетъ и все какъ быть тому должно порѣшить.

— Сколько-жѣ чего прочаго намъ будетъ? трунилъ развязный медикъ: тыща, али мелльонъ?

— Ну, мелльонъ—не мелльонъ, да и не тыща; а на счетъ всего прочаго будьте притомъ вполне благонадежны... Вотъ и Филатъ Иванычъ поручится. Барышня завтра безпремѣнно будетъ.

— Будеть—подтвердилъ и Филать.

Мосейчъ остался. Да и нельзя ему, впрочемъ, было не остаться. Онъ уже намѣтилъ глазомъ на улицѣ нѣсколько смазливыхъ дѣвокъ и бабъ, густо намазливъ масломъ вихорь и виски и, выпустивъ поверхъ мундирнаго ворота воротнички рубахи, не спѣша, съ тросточкой, отправился на село.

Обѣдалъ Вечерѣевъ съ особымъ и нескрываемымъ удовольствіемъ. Онъ выпилъ не только рюмку стараго, отысканнаго Филатомъ въ подвалѣ венгерскаго, но и чашку кофе, съ густыми сливками. «Сливы... братецъ, сливочки! хорошо!» весело ухмылялся старикъ, подмигивая стоявшему за его стуломъ Филату.

А послѣ обѣда Кирило Григорьичъ, какъ заснулъ съ книгой въ кабинетѣ, такъ и вечеръ наступилъ, совсѣмъ стемнѣло и мѣсяцъ вырѣзался надъ садомъ, а онъ все спалъ—тихо и такъ спокійно, будто никогда отсюда и не выѣзжалъ.

Глядя на барина, и Филать, послѣ добраго угощенья у прикащика, хотя и далъ себѣ слово не пить и сторожить Кирилу Григорьича въ оба, такъ сладко и крѣпко соснулъ на стулѣ у входа въ кабинетъ, что когда пробудился, на дворѣ было уже совершенно темно.

Онъ досталъ изъ жилета спичку, зажегъ ее, осторожно отворилъ дверь въ кабинетъ,—и еще болѣе испугался, чѣмъ утромъ: баринова постель опять была пуста. «Что за навожденіе!» подумалъ Филать, «и самъ теперь караулилъ, да не досмотрѣлъ... Пропали наши головы! гдѣ его теперь искать?» Онъ обошелъ всѣ комнаты, заглянулъ на крыльцо, во дворъ и на балконъ и со всѣхъ ногъ бросился опять въ садъ.

Кирило Григорьичъ проснулся передъ тѣмъ около часа. Не замѣтивъ Филата, спавшаго у дверей, онъ, при лунномъ свѣтѣ, заливавшемъ окна комнатъ, прошелъ въ библіотеку, оттуда въ корридоръ, постоялъ передъ дверью въ комнату покойной жены, вышелъ на цыпочкахъ на балконъ и сѣлъ на его ступенькахъ.

— Соловы!.. прошепталъ Кирило Григорьичъ, съ забившимся сердцемъ, вслушиваясь въ звуки, то здѣсь, то тамъ рокотавшіе въ стемнѣвшемъ саду: соловьи!—повторилъ онъ, робко вглядываясь въ сумрачныя просѣки аллеи.

Душистый свѣжій воздухъ ночи живительной волной хлынулъ въ грудь старика. Что-то какъ-бы охватило его, нѣжно обняло и стало баюкать... Онъ склонилъ голову на колѣни и тихо заплакалъ...

— Ге...Гендель! зашепталъ онъ, въ сладкомъ ужасѣ, идя на встрѣчу соловьиныхъ голосовъ: мистификація! мистификація...

Онъ миновалъ одну дорожку, другую, забрался въ глубину сада, прошелъ въ паркъ и опять возвратился на балконъ. Лицо его было блѣдно, встревожено. Въ глазахъ свѣтился странный огонь. Онъ бережно, точно ожидая чего-то рокового и неизбежнаго, вошелъ въ залъ, заглянулъ во всѣ его углы, постоялъ передъ роялемъ, вынесъ изъ кабинета длинный, китообразный ящикъ, вынулъ оттуда виолончель, сѣлъ съ нимъ подъ хорами, тронулъ его смычкомъ и, сердито и важно покачавъ головой, началъ его строить.

Прошло еще нѣсколько мгновений...

Не найдя барина въ саду, Филать рѣшился снова поискать его въ домѣ. Запыхавшись, вбѣжалъ онъ на балконъ, взялся за ручку двери въ гостиную и остолебѣлъ: изъ залы раздавались звуки музыки.

Волосы шевельнулись на головѣ Филата. — «Что, какъ это домовою?» подумалъ онъ, творя крестныя знаменія и чуть держась на ногахъ. Музыка не прекращалась. Филать вошелъ въ гостиную, опять перекрестился и заглянулъ въ залъ.

Тамъ подъ хорами, освѣщенный луной, въ бѣлой пикейной парѣ, сидѣлъ Кирило Григорычъ. Ухвативъ худыми когѣнями виолончель, онъ робкою, дрожащей отъ волненія рукой, водилъ по струнамъ и диео, сурово глядѣлъ передъ собой, не замѣчая крупныхъ, бѣжавшихъ по его лицу слезъ. Онъ игралъ любимую, торжественную и мрачную кантату Генделя...

Филать не зналъ, что ему дѣлать: слушать ли, не мѣшая барину? провалиться ли отъ страха сквозь землю? звать ли кого на помощь?

Въ это мгновеніе со двора ясно послышался стукъ колесъ и легкое погромыхиванье экипажа. Филать, чтобы не испугать барина и встрѣтить пріѣзжаго, выскочилъ на балконъ и черезъ садъ опростомѣю бросился къ дворовому крыльцу. Но онъ опоздалъ...

Кто-то уже вошелъ въ переднюю, прислушался, тронулъ ручку двери въ залъ и, не отворяя ее, остановился.

Дверь скрипнула...

Кирило Григорычъ пересталъ играть. Онъ смутно слышалъ шелестъ чьихъ-то, сперва робкихъ, потомъ торопливыхъ шаговъ. Что-то дорогое, забытое, точно нѣкій неземной духъ, въ сверкающемъ, какъ показалось Вечерѣву, облакѣ и съ протянутыми впередъ руками, выступило на порогъ прихожей, стремительно подбѣжало къ старику, склонилось къ его ногамъ и съ глухими, порывистыми рыданіями, страстно обхватило его когѣни.

— Аглая, Аличка! ты ли это? надорваннымъ, радостнымъ голосомъ, всхлипывая, вскрикнулъ старикъ.

Онъ всталъ, приподнялъ дочь, прижалъ её къ груди, не выпуская изъ объятій и пристально вглядываясь въ нее, прошепталъ: «Нѣтъ, не хорошо видно! сюда, сюда!» и, взявъ ее за руку, вѣжно увлекъ на балконъ.

— Такъ, такъ!—проговорилъ онъ, осыпая ее поцѣлуями и усаживая на ступенькахъ рядомъ съ собой: теперь вижу, это ты! моя! моя дорогая...

Аглая обезумѣла отъ восторга. Отецъ теперь ее узналъ. Она глядѣла на него и не имѣла силъ выговорить слово.

— Такъ это тебя, плутовка, тебя принесъ сюда этотъ... огненный, крылатый вонъ?—спросилъ старикъ, еще крѣпче притискивая къ груди дрожавшую въ его объятіяхъ Аглаю: смотри! смотри: вонъ онъ, вонъ, мечетъ пламя, мечетъ!—продолжалъ онъ, морщинистой, вострявой рукой указывая на тѣмное взгорье, поверхъ котораго, въ то время, свистя, гремя и разсыпая въ небѣ вороха блестящихъ искръ, тянулся желѣзно-дорожный поѣздъ...

На утро, въ Дубки, на двойной подставѣ лошадей, былъ вызванъ докторъ Милунчиковъ. А черезъ день, эстафетами и телеграммами, Аглая изъ губернскаго города пригласила еще нѣсколько лучшихъ врачей. Былъ составленъ консилиумъ.

Медики освидѣтельствовали Кирилу Григорыча, разспросили о всѣхъ подробностяхъ его болѣзни и леченія и объявили Аглаѣ, что хотя ея отецъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его пріѣздъ въ деревню, и пришелъ въ себя, но это еще не все. Ему слѣдовало предпринять новый, продолжительный и нелегкій способъ леченія.

— Берегите его, какъ зеницу ока, — сказали Аглаѣ врачи: что-нибудь навѣрное рѣшить нельзя. Но, при вашихъ усиліяхъ, онъ можетъ значительно поправиться.

— Что же для этого надо сдѣлать? спросила Аглая.

— Везите его въ теплые края, напримѣръ, въ Швейцарію или въ Италію.

— На долго-ли?

— Этого опредѣлить нельзя. Можетъ случиться, что способъ леченія потребуетъ и постоянного тамъ пребыванія вашего отца.

Аглая задумалась.

— Но можно ли надѣяться, можно ли предполагать, спросила она: чтобы отецъ могъ выздороветь окончательно?

— По словамъ Эскироля, — отвѣтилъ Аглаѣ Милунчиковъ: слѣдуетъ, какъ можно болѣе, стараться объ удлинненіи свѣтлыхъ промежутковъ въ состояніи ума душевно-больныхъ. У вашего отца явился такой промежутокъ. Онъ васъ узналъ, радъ вамъ, незамѣтно возвращается къ прежнимъ занятіямъ. Вамъ остается быть его охраной. Берегите его, не дайте безслѣдно погибнуть тому, чего вы теперь дождались. Временный лучъ свѣта можетъ снова и навсегда угаснуть...

Врачи еще потолковали и развѣхались.

Въ помѣщеніи прикащика шли инныя разсужденія.

— Это я его, господа, вылечилъ, — утверждалъ нѣсколько подгулявшій на прощаньи фельдшеръ Мосейчъ: такъ было и съ другимъ баринномъ, въ одномъ полку. Помѣшался онъ, сказать, на томъ, что быдто проглотилъ семь воровъ съ сѣномъ, и все ждалъ, быдто ему лопнуть. Ну, я догадался, да этакъ сказать, подъ вечеръ и посадилъ его у окна, надъ воротами, а со двора велѣлъ выѣзжать зараньше приготовленнымъ возомъ съ сѣномъ. Считаю этотъ баринъ, считалъ, да какъ вдохнѣтъ: слава тебѣ Господи! говорить, — маленечко точно ослобонился...

XXXVIII.

Н е п о г р ѣ ш и н ы е.

По возвращеніи въ Москву, Ветлугинъ не очень охотно принимался за прерваннѣя адвокатскія дѣла.

Столешниковъ передалъ ему содержаніе полученныхъ въ его отсутствіе бумагъ и торопилъ скорѣе браться за предлагаемый ему процессъ Ченшиныхъ противъ Клочкова.

— Дѣло о растратѣ большого капитала! горячился, уговаривая его, Столешниковъ: а ты медлишь... Ну, подумай, — этикіе процессы выпадаютъ рѣдко. Другой ухватился бы обѣими руками... Какой волею идти въ тенѣта... Петля проклятый... Сколько потрудиться можно! сколько негодяевъ упечь въ тюрьму, а можетъ быть и въ каторгу... Какія рѣчи, наконецъ, можно произнести...

Ветлугинъ слушалъ товарища, разспрашивалъ о тѣхъ или другихъ, выяснившихся изъ переписки, частностяхъ дѣла, браться же за него еще не рѣшался.

— Да ты только подумай, убѣждалъ его Столешниковъ: дѣло противъ Клочкова! противъ господчика анаемскаго, котораго

давно пора разоблачить... А потомъ—сколько уголовщины, сколько навѣрное замѣшано другихъ подобныхъ тузовъ... Поддѣлка счетовъ, купленные свидѣтели,—да какіе!

— Вотъ потому именно, что противъ Ключкова, отвѣчалъ Ветлугинъ: я и боюсь, какъ бы не вдаться въ крайности, какъ бы не увлечься лично къ нему ненавистью и не проглядѣть изъ-за нея главной сути дѣла... А потомъ—что у тебя за страсть къ громкимъ уголовнымъ процессамъ? Неужели ты не замѣчалъ, что большинство ихъ у насъ кончается вообще ничѣмъ?

Ветлугинъ медлитъ съ принятіемъ предложеннаго ему процесса и еще по одной причинѣ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Москву, онъ получилъ отъ своихъ бывшихъ хозяевъ-сибиряковъ, около двухъ лѣтъ почти не вспоминавшихъ его, такое дружеское письмо, что поневолѣ задумался и съ недоумѣніемъ сталъ поглядывать вокругъ себя. На него повѣяло иными, давно-забытыми впечатлѣніями, Востокомъ, Сырь-Дарьей.

— «Ужъ не бросить ли Москву и ея развитіе, толкующіе воду кружки, адвокатуру, слугъ спячки, слугъ Ваала, словомъ, все? разсуждалъ Ветлугинъ: и не возвратиться ли въ когда-то излюбленные, суровыя и дикія, но полныя первобытной красоты мѣста?»

«Первѣе всего всенижающе» — писали Ветлугину его сибирскіе пріатели: «посылаемъ вамъ, досточтимый нами, названный братецъ, Антонъ Львовичъ, наше сугубое почитаніе и усерднѣйшій поклонъ. Молимся, да пошлѣтъ вамъ Христосъ Господь много лѣтъ жизни и всякое, по твоимъ добрымъ дѣламъ, счастье. О себѣ скажемъ на-перво: не по грѣхамъ нашимъ попускаетъ намъ Господь. А дѣла наши, опять-таки, благодаря вамъ, таковы, что вошли въ кунпанію съ Суждальцевыми и уже полъ-ста верблюдовъ посылаемъ съ товарами въ Калганъ. Вернутся эти съ барышемъ, готовимъ же и еще полъ-ста, а то и болѣе. Эй, Антонъ Львовичъ, батюшка! брось Москву и переѣзжай къ намъ же опять. Съ Китайцемъ тихо. Бухарецъ по низамъ тоже потишалъ; потишалъ же и Коканецъ. Таперича, абы товаръ, рвутъ на расхватъ. Прохоровски ситцы, съ аленькими капидонцами, да съ древомъ ланбарданъ, куды супротивъ аглицкихъ имъ, азіатамъ, по душѣ! Больно ходки. Молчановски платки, съ драконами, да съ цукетцами, ходки-жа и не настачишься.—Братецъ Василей онамедни опять пришѣлъ съ низовъ, отъ Яркеня, отъ Небесныхъ горъ. Что за климаты, сказываетъ, что за теплынь тамотею и всяка табѣ росеешь. Три ночи спать не давалъ, тѣ мѣста хвалючи... Брешетъ, былъ отъ аглицкой Индіи не боля, что отъ Танбова до

Москвы. Ай, мѣста, сказываетъ, мѣста!... Али лѣсовъ табѣ, али всякаго жита. Травы, брешеть, ростомъ по горбъ верблюжій. А горны-студены воды, а воздухъ, хоть-бы и въ раю. Стонетъ жолтенька китайска голубица. Олени тожъ, фазаны, козы дикія, а напрымѣръ даже львы. Есть, гдѣ нажить, а есть, гдѣ и поохотиться: это хоть-бы и твоему благородію. Народъ, сказываетъ, добръющій, тихой такой. Высыплетъ это, аки стадо овецъ, изъ своихъ мазанокъ, глазѣть, шупаетъ-те за руки, за платья,—а товаръ ты ему только подавай. Вѣришь-ли, верблюдамъ наши молодцы чайны листья въ тѣхъ лѣсахъ въ кормъ давали. Эй, баринъ, пріѣзжай. Подождемъ вашего отвѣта до весны. Соглашися, новый караванъ, въ сто, а не то и въ два ста верблюдовъ, прямо подъ твое начало отдадимъ. Не выберешься къ веснѣ, пріѣзжай на лѣто, или хоша къ осени. И тому будемъ, передъ Богомъ, вотъ какъ рады.—Савва Утеннѣ.»

Взволновало это письмо Ветлугина.

День и ночь думалъ онъ о немъ и, чтобы не смущать окончательно Столешникова, не сообщилъ ему его содержанія.

Все теперь стало въ Москвѣ казаться Ветлугину бѣднымъ, ничтожнымъ, блѣднымъ и даже какъ-бы чужимъ. Душа его рвалась къ дикимъ, пустыннымъ мѣстамъ, къ простымъ и неразвитымъ, отважнымъ товарищамъ его недавняго прошлаго.

— «Отца я устроилъ, думалъ онъ: съ родиною, съ нею, также все кончилъ. Что-же меня здѣсь еще привязываетъ? Кому и чему я особенно пригоденъ? Говоруновъ... ихъ не мало и безъ меня!.. Да что выходитъ изъ ихъ словъ? Негромкаго же, обыкновеннаго, но прочнаго и настоящаго дѣла, мнѣ нѣтъ здѣсь по душѣ... Кончено!.. Сдамъ дѣла Столешникову. Это будетъ по немъ. Не даромъ у него проявилось такое рвеніе къ судамъ, а въ особенности къ произнесенію защитительныхъ рѣчей. И говорить онъ, надо отдать ему справедливость, весьма складно, а подѣ-часъ даже и откровенно зло... Пусть тѣшится...»

Не такъ объ этомъ предметѣ разсуждалъ Столешниковъ.

Видя, что Ветлугинъ, по возвращеніи отъ отца, замѣтно охлаждѣлъ къ своему ремеслу, Аввакумъ Андреичъ не могъ придти въ себя отъ досады и удивленія: метался, дулся, спорилъ, или, бѣшено и безъ всякаго уже удержу, ругался.

— Да ты что, наконецъ, думаешь о себѣ? восклицалъ Столешниковъ: ты крайнихъ мнѣній человѣкъ, такъ тебя и по головкѣ гладить?

— Я этого не прошу. Да и съ чего ты взялъ, что я крайнихъ мнѣній человѣкъ?

— Не то, не то! погоди и не горячись! — не слушая его, запальчиво кричалъ Столешниковъ: я тебя, братецъ, давно оцѣнилъ. Знаешь ли ты себѣ цѣну? а? знаешь-ли? Ты баба, свайка — или, какъ самъ же ты выразился, свайный человѣкъ... Ты измѣняешь своему долгу, совѣсти, призванію; начинаешь мириться съ средой... И ты полагаешь, послѣ этого, что я смолчу? Эхъ, братъ, не ожидалъ я отъ тебя... да что!...

Аввакумъ отвернулся и неуклюже вытеръ рукавомъ слезу.

— Если ты на себя одного, сказалъ онъ: не хочешь брать дѣла Ченшиныхъ противъ Ключкова... пусти туда меня... ужъ я бы, вѣрь, не сплеховалъ...

— «А что, въ самомъ дѣлѣ, пушу я въ этотъ процессъ Столешникова!» подумалъ Ветлугинъ: «малый онъ честный, въ дѣлѣ понаторѣлъ и не ударить лицомъ въ грязь.»

— Хорошо, сказалъ онъ: одному мнѣ съ этимъ сложнымъ дѣломъ не управиться. Если ты такъ добръ и самъ вызываешься, я охотно беру тебя въ долю...

Столешниковъ не вѣрилъ тому, что услышалъ.

— Какъ? обрадовался онъ и весь просіялъ: такъ ты не шутишь? ты въ самомъ дѣлѣ?

— Вовсе не шучу. Завтра же, если пошло на то, возьму довѣренность отъ наслѣдницъ Ченшиныхъ. А ты побѣжай на мѣсто, собирай справки, разспрашивай свидѣтелей, выслѣди, изучи все по документамъ и привози данныя для начатія дѣла. Я составлю заявленіе прокурору, а когда утверждать обвинительный актъ и дѣло назначится къ слушанію въ судѣ, я, коли пожелаешь, охотно устрою тебѣ и возможность раздѣленія со мной защиты на судѣ, предоставляю участіе въ судоговореніи, въ рѣчахъ...

— Что же? или одинъ робѣешь? съ удивленіемъ покосился Аввакумъ на пріятеля.

— Нѣтъ, не робѣю. А ужъ ты слышалъ отъ меня: я не чувствую особаго призванія къ искусству твоего бога, Демосѣена.

Восторгу Столешникова не было предѣловъ.

Онъ, со всѣмъ усердіемъ и съ безграничной вѣрой въ успѣхъ, взялся за дѣло, которому корреспонденты газетъ и всѣ, знавшіе о немъ на мѣстѣ, пророчили славу одного изъ любопытнѣйшихъ уголовныхъ процессовъ.

Наслѣдницы дѣвицы Ченшины вручили Ветлугину довѣренность и возвратились въ Петербургъ, гдѣ одна изъ нихъ служила при телеграфѣ, а другая была учительницей въ женской

гимназіи. Столешниковъ, снабженный наставленіями и письмами Ветлугина, уѣхалъ изъ Москвы.

Это было въ концѣ декабря 1871 года.

Вплоть до весны 1872 года, Аввакумъ Андреичъ лишь изрѣдка подавалъ о себѣ вѣсти, безъ устали и втихомолку работая надъ собраніемъ предварительныхъ справокъ. Въ концѣ апрѣля онъ возвратился въ Москву. Въ началѣ мая Ветлугинъ составилъ прошеніе на имя прокурорскаго надзора. Искъ противъ Ключкова былъ начатъ. Слѣдствіе было поручено судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, который весьма удачно спросилъ первыхъ указанныхъ ему свидѣтелей. Уликъ по дѣлу открылось не мало. Въ началѣ іюня Столешниковъ опять уѣхалъ на родину Ветлугина, такъ какъ въ это время слѣдователь сталъ готовить дѣло къ отсылкѣ на разсмотрѣніе и рѣшеніе прокурорскаго надзора.

Усердно слѣдя за ходомъ слѣдствія, Столешниковъ нигдѣ, кромѣ Льва Саввича, да семьи Фокиныхъ, не показывался, держалъ себя осторожно и трепеталъ за малѣйшіе недосмотры въ разслѣдованіи дѣла. Какъ онъ ни хлопоталъ о соблюденіи тайны, дѣло это, однако, стало получать общую извѣстность. Въ газетахъ начали появляться о немъ сперва краткіе намеки, а вскорѣ и цѣлыя статьи. Ветлугинъ читалъ ихъ и, невольно подозрѣвая въ ихъ сочинительствѣ нетерпѣливаго и не въ мѣру горячаго Столешникова, писалъ ему изъ Москвы строгія и назидательныя внушенія. Столешниковъ, въ отвѣтъ ему, клялся всѣми богами, что онъ тутъ ни при чемъ,—и, еще болѣе замыкаясь въ себя, старался быть осторожнымъ и сдержаннымъ.

Такъ прошло время до начала іюля.

На возобновившіяся съ лѣтомъ письма сибирскихъ друзей, Ветлугинъ отвѣчалъ одно: «Подождите, господа; дайте покончить главнѣйшія изъ довѣренныхъ мнѣ дѣлъ, и тогда ждите. Полагаю, что выѣду къ вамъ никакъ не далѣе наступающей осени.»

Объ отъѣздѣ Аглаи изъ монастыря и о счастливой переменѣ въ состояніи здоровья ея отца, Антона Львовича никто не извѣщалъ. Это было условлено между Львомъ Саввичемъ и Фокиными, въ тѣхъ видахъ, чтобы Антонъ Львовичъ попусту не тратилъ своихъ чувствъ тамъ, гдѣ, по ихъ убѣжденію, не могло быть успѣха. Съ Столешникова, въ этомъ случаѣ, было взято слово молчать, и онъ это слово выполнялъ охотно.

Странная, между тѣмъ, и совершенно необъяснимая вѣсть дошла въ послѣднее время до свѣдѣнія Ветлугина.

Въ одномъ изъ писемъ къ Антону Львовичу, Фокинъ, толкуя о томъ, о семъ—о Левѣ Саввичѣ, о своихъ дѣлахъ и вообще о мѣстныхъ новостяхъ, обмолвился, между прочимъ, слѣдующими словами: «Все бы хорошо, только я сильно скучаю отъ продолжительнаго отсутствія моей жены.»

— «Что за странность! гдѣ же это его жена?» подумалъ Антонъ Львовичъ.

Мысли Ветлугина невольно опять улетѣли туда, гдѣ были отецъ Адрианъ, монастырь, она... Онъ сталъ спрашивать пріѣзжихъ съ родины, но еще болѣе запутался въ догадкахъ: одни говорили, что старикъ Вечерѣвъ умеръ, другіе, что онъ окончательно выздоровѣлъ, но что его дочь сильно заболѣла и онъ ее куда-то увезъ. Какъ всегда, плелись всякія небылицы.

Вслѣдствіе того, первыми-же словами, въ ближайшемъ письмѣ Ветлугина къ отцу, была просьба о разъясненіи непонятныхъ словъ Фокина. Левъ Саввичъ увидѣлъ, что долѣе скрывать извѣстія объ отбѣздѣ Аглаи изъ монастыря было излишне. Онъ отвѣтилъ, что,—за нескончаемыми хлопотами со школою, которую въ первые же мѣсяцы ея существованія за что-то чуть не закрыли,—онъ давно не видѣлся съ Фокинымъ, а, навѣстивъ его, узналъ слѣдующее.

«Доктора» — писалъ сыну Левъ Саввичъ: «посоветовали Аглаѣ Кириловнѣ везти ея отца въ болѣе теплые края. Она охотно на это согласилась. Въ сопровожденіи кормилицы, уѣзднаго врача Милунчикова — (очень хвалятъ молодого человѣка: онъ первый помогъ и Ченшинымъ въ раскрытіи продѣлокъ Ключкова)—и отпущенной мужемъ Афросиньи Адриановны Фокиной, — Аглая, въ концѣ минувшей весны, оставила здѣшнія мѣста и повезла Кирилу Григорьевича за границу. Были они на югѣ Франціи, были, кажется, и въ Италіи. Теперь, съ половины іюля, живутъ гдѣ-то въ Швейцаріи. Старикъ Вечерѣвъ, какъ говорятъ, окончательно пришелъ въ себя и начинаетъ замѣтно оправляться: гуляетъ, читаетъ. Его изрѣдка возятъ въ концерты и даже въ театры (послѣдніе, впрочемъ, онъ посѣщаетъ—въ сопровожденіи Фокиной, а не своей дочери). Вспомнилъ онъ и прежнее любимое занятіе—иногда играетъ на виолончели. Страдалъ онъ, правда, въ началѣ нѣкоторымъ отсутствіемъ памяти; но теперь, по словамъ Фокиной, и это прошло. Ай-да медицина. Вотъ ей и не вѣрь. Я и самъ думаю прибѣгнуть къ врачамъ: три зуба только сохранились; хочу вставить новые. Кстати о нашихъ

друзьяхъ. Фокинъ сначала охотно отпустилъ въ такой дальнѣй путь свою жену. А теперь тоскуетъ, проситъ ее, чтобы она скорѣе возвращалась, и жалуется, что ничего не подѣлаетъ съ дѣтскими. Знакомые тебѣ близнецы—Ганя и Даня—не слушаютъ его и рѣшительно не даютъ ему покоя. На-дняхъ, представь, они изрѣзали въ клочки забытую Фокинымъ, счетную банковую книгу; устроили изъ ея обрѣзковъ костѣрь, гдѣ-то достали спичекъ и зажгли его. Банковья дѣла, впрочемъ, у насъ идутъ такъ, что и всѣ бы ихъ книги слѣдовало пожечь. Но при этомъ чуть не сгорѣла квартира Фокина, а съ нею и все его добро. Онъ мнѣ самъ это все со страхомъ и презабавно рассказывалъ, и усердно кланяется тебѣ.»

— «Такъ вотъ гдѣ теперь Аглая! подумалъ Ветлугинъ: отчего-же мнѣ объ этомъ, въ свое время, никто не сообщилъ? Ужъ не больна-ли сама Аглая?»

Антонъ Львовичъ въ тотъ-же день написалъ Фокину, умоляя его объяснить ему подробно все происшедшее въ семействѣ Вечерѣвыхъ. Фокинъ на это письмо не отвѣчалъ ему болѣе недѣли. Наконецъ онъ прислалъ пространнѣйшій отвѣтъ. Въ подтвержденіе же своихъ словъ, приложилъ и нѣкоторые изъ писемъ жены, прося Ветлугина возвратить ихъ, по прочтеніи того, что въ нихъ было очеркнуто карандашемъ.

Фокинъ писалъ слѣдующее:

«Тысячу разъ извиняюсь, передъ вами, многоуважаемый Антонъ Львовичъ, что оставлялъ васъ такъ долго въ невѣдѣніи всего, что произошло, за это время, въ семействѣ Вечерѣвыхъ. Но, если вы узнаете причину моего на этотъ счетъ молчанія, то—нѣтъ сомнѣнія—хотя отчасти меня оправдаете. Письмо мое будетъ обширно. За то я въ немъ изложу все до мелочей.

«Дѣло въ томъ, что Аглая Кириловна, увезя своего отца за-границу, дѣйствительно сдѣлала доброе дѣло. Отецъ, вѣроятно, будетъ обязанъ ей своимъ окончательнымъ выздоровленіемъ. Что же касается до нея самой, то здѣсь рѣчь другая. Я всегда опасался, что въ чужихъ краяхъ она можетъ подвергнуться тѣмъ же роковымъ влияніямъ, которыя чуть не безвозвратно погубили ее въ Россіи. Это-то обстоятельство и было причиной тому, что я не спѣшилъ васъ увѣдомлять объ оставленіи Аглаей Кириловной монастыря и объ отъѣздѣ ея изъ нашихъ мѣстъ. Я ждалъ вѣстей отъ жены. Но эти вѣсти таковы, что васъ порадовать не могутъ... Кому же охота прибавлять уважаемымъ людямъ новую горечь къ старой?

«Начну съ того, что мнѣ сообщила жена, съ третьяго же,

если даже не со второго своего письма. Странники наши въ то время оставили Біарицъ и, по преподанному имъ плану парижскихъ докторовъ, для развлеченія больного, черезъ Марсель, моремъ уѣхали въ Италію. Какъ Германію, такъ и Францію, Аглая Кириловна проѣхала почти равнодушно. Съ вашего позволенія я вдамся здѣсь въ небольшой разборъ ея душевныхъ впечатлѣній. Въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ, она останавливалась, для совѣщаній съ знаменитыми психіатрами, но не прочь была и отъ нѣкоторыхъ развлеченій: каталась съ моею женою, посѣщала картинныя галлерей, музеи, окрестности. Парижъ ей не понравился. Шумъ его, блескъ и суета раздражали ее. Она съѣздила только въ церкви Богоматери и Св. Евстафія, да на могилу епископа, разстрѣляннаго въ послѣднюю осаду Парижа, и болѣе ни на что не хотѣла и взглянуть. За то, съ первымъ шагомъ на почву Италіи, она точно переродилась. Римъ произвелъ на нее сильное и глубокое впечатлѣніе. Она, съ отцомъ и съ моею женою, а потомъ и сама, въ сопровожденіи Егоровны и комиссіонера, стала усердно посѣщать храмы и развалины вѣчнаго города. Базилика Петра, недоконченный соборъ Павла и церкви нѣкоторыхъ изъ монастырей поразили ее своимъ величіемъ и красотой. Изъ Ватикана она не выходила по цѣлымъ утратамъ, просиживая передъ произведеніями Рафаэля, Тиціана и да-Винчи. Жена пишетъ, что католическое богослуженіе, съ искусной, артистической игрой на исполинскихъ органахъ, серебряными трубами оглашающихъ своды римскихъ храмовъ, потрясло Аглаю Кириловну до глубины души.—«Боже мой», шептала она моею женою, вся умиленная и взволнованная: «слышишь, Фросинья, слышишь? Развѣ это похоже,—прости Господи,—на гѣніе тамъ, въ нашихъ въ церквахъ?...» Во время одного изъ такихъ служеній, въ уединенной церкви монастыря обсервантовъ или босоногихъ кармелитовъ, Аглая Кириловна была особенно поражена... Проповѣди служившаго патера, гѣніе ли оборванныхъ, косматыхъ обсервантовъ, мрачный ли хоралъ, въ клубахъ кадила дима, исполненный на органѣ какимъ-то замѣчательнымъ, случайно приглашеннымъ въ эту церковь артистомъ, или собственное настроеніе Аглаи такъ подѣйствовали на нее... Только она, сперва порывисто, шопотомъ, что-то всё восклицала, похолодѣвшими руками хватаясь за руки моею жены. Потомъ стала рыдать и, наконецъ, почти безъ памяти, въ обморокъ, была увезена женою моею изъ этой церкви домой. Римъ и на Кирилу Григорыча произвелъ глубокое впечатлѣніе. У него даже возвратились было припадки бессонницы и тоски. Милунчиковъ настоялъ на вы-

вѣдѣ Вечерѣвыхъ изъ Рима. Это нѣсколько успокоило и поправило Аглаю Кириловну. А жизнь въ Швейцаріи могла бы и окончательно пророчить ей успокоеніе и излеченіе. Но, къ сожалѣнію, и тамъ Аглаю Кириловну встрѣтили впечатлѣнія, далеко не утѣшительнаго свойства.

«А именно, едва они поселились на берегу Женевского озера, сперва въ Лозаннѣ, потомъ въ Монтрѣ, какъ откуда ни взялись у нихъ знакомства и съ католическими монахинями и съ католическими аббатами. Монахиня моя жена и Милунчиковъ успѣли кое-какъ вначалѣ же сплавить. За то одинъ аббатъ, какой-то перъ Жакъ, пріѣхавъ за ними по слѣдамъ изъ самаго Рима, поселился не только въ томъ же Монтрѣ, но и въ ближайшемъ къ нимъ пансіонѣ Лебеда. Съ первыхъ же дней перъ Жакъ началъ носить Кирилъ Григорьичу ноты для виолончеля, а Аглаѣ Кириловнѣ духовныя католическія книги. Потомъ сталъ онъ у нихъ по вечерамъ играть на флейтѣ, а передъ завтракомъ съ Кириломъ Григорьичемъ садился за шахматы; приносилъ имъ и читалъ Штофельсовъ «Новый апокалипсисъ», «Исторію одной души» аббата Женуда, «Страданія сестры Эммерихъ» и пр. и пр. Не преминулъ онъ ознакомить своихъ новыхъ друзей и съ современными гоненіями на ватиканскій престолъ, равно какъ и съ послѣдними аллоуціями святого отца. Словомъ, этотъ аббатъ вскорѣ у Вечерѣвыхъ сталъ почти домашнимъ человѣкомъ. Явной опасности отъ него жена моя еще не видѣть. Но она пишетъ, что чуть не всякій день совѣтуетъ Аглаѣ Кириловнѣ устранить посѣщенія назойливаго аббата; а въ послѣдній разъ даже объявила, что если та еѣ не послушаетъ, жена моя броситъ ихъ и уѣдетъ обратно въ Россію. Докторъ Милунчиковъ поступилъ энергичнѣе. Открыто разсорясь съ аббатомъ, въ какомъ-то спорѣ о Россіи, онъ сдалъ Кирилу Григорьича на руки другому, мѣстному врачу—(усердному и честному, какъ пишетъ жена, нѣмцу Фоссу)—а самъ посѣщилъ въ наши мѣста, куда благополучно и прибылъ уже болѣе двухъ недѣль назадъ».

Ветлугинъ съ большимъ вниманіемъ дочиталъ письмо Фокина и наскоро сталъ просматривать отмѣченныя послѣднимъ мѣста въ письмахъ его жены.

Эти отрывки состояли въ слѣдующемъ:

«10 (22) іюля. *Монтрѣ. Pension Suisse.*—Сегодня вечеромъ опять сидѣлъ у насъ этотъ французикъ, перъ Жакъ, раздущенный, въ батистовыхъ маншетахъ и бѣлѣйшемъ воротничкѣ. Глядя на голубыя горы и заходящее солнце, онъ сперва толковалъ о

паденіи челоуѣчества вообще и о новомъ искупленіи его молитвами Ватиканскаго Намѣстника Христа, въ особенности. Потомъ перешелъ къ обрисовкѣ, какъ онъ выражался, созданной изъ плача, вздоховъ и любви, неземной личности самого Спасителя. Говорилъ онъ плавно, вкрадчиво, краснорѣчиво. Глаза его горѣли. «Не чувствуете ли вы», тихо и грустно обратился блѣдный аббатъ къ Аглаѣ, сидѣвшей съ работой въ полу-освѣщенномъ углу: «не чувствуете ли вы на себѣ,—когда остаетесь однѣ въ пустомъ, молчаливомъ храмѣ,—грѣющихъ лучей божественныхъ глазъ Христа»? Тутъ, полузакрывъ черные, лучистые глаза, онъ вздохнулъ и началъ сперва робко, потомъ огненными, смѣлыми красками объяснять вліяніе на челоуѣческое сердце образа Спасителя. «Вотъ — блѣдныя, нѣжныя руки, которыя вѣчно бы я цѣловалъ», — говорилъ перъ Жакъ, робко простирая передъ собой красивыя, почти женской бѣлизны, въ тончайшемъ батистѣ, раздвоенныя руки. «Вотъ — кроткій, задумчивый, изможденный невыразимыми страданіями, но полный вѣчной, всепобѣждающей красоты, ликъ, который обожать и передъ которымъ въ трепетѣ благоговѣть я готовъ день и ночь», груднымъ, страстнымъ голосомъ шепталъ онъ, вглядываясь въ лицо потрясенной и безмолвно-внимавшей ему Аглаи. — Можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе этотъ аббатъ произвелъ сегодня на нее, да отчасти и на всѣхъ насъ»...

«15 (27) іюля. Отецъ Жакъ вчера былъ у насъ снова. Кирило Григорычъ игралъ на віолончели; аббатъ, по обыкновенію, вторилъ ему на флейтѣ. Потомъ всѣ мы катались на лодкѣ по озеру. Аббатъ, со слезами на глазахъ, рассказывалъ о злодѣяхъ, ведущихъ войну противъ бѣднаго «нищаго», противъ «Ватиканскаго плѣнника», и представъ — ни съ того, ни съ сего — началъ увѣрять, что католичество — тоже православіе... Какъ я ни слаба въ догматахъ, но я вспомнила уроки батюшки и рѣзко ему возразила. Тогда онъ передалъ извѣстіе о патерѣ Гіацинтѣ, который, какъ ты знаешь, всенародно объявилъ о своемъ вступленіи въ бракъ съ любимою женщиной. «У васъ сказалъ онъ: изстари для духовенства допускаются браки; то же вскорѣ будетъ и у насъ. Мы въ недалекомъ будущемъ сольемся съ вами во всемъ. Вѣдь русскіе — это французы Востока»... — Перейдя къ сравненію монастырскихъ уставовъ русскихъ и католическихъ, отецъ Жакъ, впрочемъ, отдалъ предпочтеніе послѣднимъ, такъ какъ они содѣйствуютъ образованію народа. «Переѣзжайте на зиму снова въ Римъ», — сказалъ онъ на прощаньи Кирилѣ Григорычу: «я тоже буду тамъ зимовать и покажу вамъ,

сколько наши монастыри трудятся на пользу просвѣщенія всѣхъ и каждого».

«18 (30) іюля. Вчера почти весь день Аглая не выходила изъ своей комнаты. Сегодня утромъ я вошла къ ней невзначай и застала ее за чтеніемъ, принесенныхъ аббатомъ, послѣднихъ брошюръ извѣстнаго мистика и спирита Аллана Кардека. Оказывается, что перъ-Жакъ не только аббатъ, но еще спиритъ и духовидецъ. Это меня взорвало. Я спросила Аглаю, зачѣмъ ей подобныя книги и неужели ее занимаетъ все эта непроходимая и обидная—для всякаго неглупаго человѣка—чепуха? Она отложила брошюры, молча подошла къ окну и долго смотрѣла на горы и на озеро. Потомъ также молча она вышла въ общую комнату, гдѣ въ это время Кирило Григорьичъ доигрывалъ партію въ шахматы съ аббатомъ. Я пошла вслѣдъ за Аглаей. Рядомъ съ аббатомъ, сидѣлъ еще какой-то «непогрѣшимый» свѣтскій, длинный и молчаливый, съ тусклыми, безжизненными глазами. Это былъ мосье Серизьё, какъ я узнала потомъ, изгнанный изъ Германіи іезуитъ. Насъ начинаютъ, по чѣму-то незримоу распоряженію, окружать, точно изъ-подъ земли растущія, фигуры разныхъ мистическихъ проходимцевъ. Аглая иногда, кажется, и понимаетъ ихъ намеки и подходы. Два дня назадъ она даже нервно расхохоталась, вспомнивъ, въ разговорѣ со мной, одно изъ таинственныхъ и вѣстѣ поплыхъ признаній перъ-Жака о томъ, что въ домѣ его матери, гдѣ-то въ Перигѣ, на его глазахъ, плясали кастрюли и до потолка поднимался кухонный столъ. По его словамъ, онъ зачастую слышитъ голоса духовъ. А недавно, ночью, здѣсь уже, въ Монтрѣ, сама собой будто бы въ его комнатѣ заиграла его флейта и кто-то, въ бѣлой мантіи, въ потьмахъ, подошелъ къ его столу, развернулъ всегда лежащее у его изголовья евангеліе; и на утро онъ, перъ-Жакъ, увидѣлъ, что эта книга была раскрыта на изреченіи Спасителя: «Оставь отца твоего и мать твою, и гради вслѣдъ за мною». — «Шарлатанство! богохульники!» шептала, вспоминая эти откровенности аббата, Аглая. — Иной же разъ, послѣ подобныхъ бесѣдъ съ перъ-Жакомъ, она кажется совершенно какъ-бы внѣ себя: тоскуетъ, плачетъ, не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ по цѣлымъ ночамъ, и все пишетъ, тутъ же разрывая въ клочки, какія-то письма. Аглая меня рѣшительно не слушаетъ и, кажется, болѣе мнѣ уже не довѣряетъ ни въ чемъ... Вѣришь ли, обидно и горько на нихъ и смотрѣть. Кирило Григорьичъ сталъ опять похварывать. Несмотря на совѣты доктора Фосса (старушка его мать тоже у насъ бываетъ)

онъ, вмѣсто прогулокъ, — болѣе сидитъ съ отцомъ Жакомъ и слушаетъ его разсказы. Аббатъ у насъ уже сдѣлалъ нѣсколько опытовъ съ верченіемъ столовъ; а на-дняхъ обѣщаль привести нѣкоего третьяго «непогрѣшимаго» — духовидца, мосье Луи, у котораго въ потьмахъ по воздуху будетъ летать играющая гитара и всѣ на своихъ лицахъ ощутятъ какъ-бы прикосновеніе мягкихъ, благоуханныхъ волосъ или нѣжныхъ, неземныхъ перстовъ... и пр. и пр.»

— «Кончена исторія!.. подведенъ жизненный итогъ!» — съ горечью сказалъ себѣ, дочитавъ эти отрывки, Ветлугинъ: «нѣтъ! въ Самаркандѣ, въ Кульджу! на родинѣ вѣроятно мнѣ ужъ нечего болѣе дѣлать... Скорѣе бы, скорѣе легло время... Не нынче, завтра, отъ Аввакума должно подойти окончательное, рѣшительное извѣстіе. Съѣзжу, повончу дѣло... И тогда — прощай, милая родина».

XXXIX.

Масличная вѣтвь.

Ветлугинъ возвратилъ Фокину письма его жены, съ мыслью поскорѣе забыть обо всемъ, что, между тѣмъ, противъ его воли снова начало его томить и волновать. Дѣла свои Ветлугинъ подготавливалъ такъ, чтобы черезъ мѣсяцъ — черезъ два — имѣть возможность уѣхать за Уралъ.

Черезъ недѣлю послѣ отсылки писемъ Фокину, Ветлугинъ получилъ отъ него телеграмму. Послѣдній извѣщалъ, что его жена пользуясь возвращеніемъ на родину одной московской дамы, оставила Швейцарію и, проѣздомъ домой, скоро будетъ въ Москвѣ. Фокинъ сообщилъ Антону Львовичу адресъ, прося отыскать Афросинью Адріановну и, въ случаѣ надобности, оказать ей содѣйствіе въ благополучной отправкѣ домой.

Въ назначенный Фокинымъ срокъ, Ветлугинъ отправился по указанному адресу. Афросинья Адріановна была уже въ Москвѣ.

Небольшой деревянный домикъ, куда она въ то утро пріѣхала съ знакомой дамой, былъ гдѣ-то, въ глухомъ и узкомъ переулкѣ, возлѣ Сухаревой башни.

Ветлугинъ освѣдомился о ней. — «Пожалуйте», сказала румяная, рябая стряпуха, что-то полоскавшая въ корытѣ на крыльцѣ. Изъ полуосвѣщенной, заставленной всякимъ хламомъ прихожей, Ветлугинъ вошелъ въ крошечную и опрятную коморку, очевидно

принадлежавшую бѣдной пшвѣ. По деревянному, некрашенному столу были разбросаны обрѣзки холста и ситца. Здѣсь же помѣщалась сильно-потертая, ручная швейная машина. Надъ окномъ висѣла клѣтка съ снигиремъ. У печурки были разставлены утюги. За дверью въ сосѣднюю комнату раздавались оживленные, радостные голоса. Дверь отворилась. Оттуда вышла Фокина.

— Вы какими судьбами? всплеснувъ руками, вскрикнула она. Ветлугинъ объяснилъ ей причину своего пріѣзда.

— Какъ же я рада! садитесь. Вотъ неожиданность. Я только что пріѣхала.

— Съ кѣмъ вы это? спросилъ Ветлугинъ, усаживаясь у окна.

— Исторія поучительная и любопытная.

— Вы пріѣхали съ больною дамой?

— Сейчасъ чуть не разревѣлась... Охъ, и теперь слезы просятся. Представьте, три здѣшнихъ бѣднѣйшихъ квартирантки, вдова цвѣточника Братцева и двѣ дѣвицы, — гувернантка и швея, — Кучеровы, сложились на послѣднія, скопленные ими деньжонки, даже заложили кое-что изъ вещей, и отправили за границу свою, заболѣвшую одышкой и водяной, старушку-мать. И, можете вообразить, эта старушка, благодаря имъ, провела годъ въ Ниццѣ и годъ въ Швейцаріи; лѣчилась у лучшихъ докторовъ и теперь возвратилась со мною совсѣмъ здоровая. Довольно сказать, что мы съ нею отъ вокзала дошли сюда пѣшкомъ, такъ какъ ни у нея, ни у меня... ну... словомъ не было вовсе поклажи... Восторгу этихъ милѣйшихъ особъ нѣтъ предѣловъ... Я вотъ это все время тутъ на нихъ любовалась... Ахъ, отчего у меня нѣтъ такой же маленькой, доброй старушки-матери! Вѣрите ли, Антонъ Львовичъ, личико, какъ у дитяти, — кроткое, ласковое, а сама при этомъ смотреть такъ строго и важно... Ну, совсѣмъ, какъ святая, — бѣленькая, сухенькая, вся съ комочекъ, — а проворна, какъ мышь... И ужъ какъ она рада, что оправилась и возвратилась! И тѣ память потеряли, — сидятъ, да все глядятъ на нее, задаютъ смѣшные вопросы о чужихъ краяхъ; а она такъ тихо и по порядку все рассказываетъ... И главное — кто же? бѣднѣйшіе люди, — гувернантка, цвѣточница, швея... Вотъ примѣръ! вотъ утѣшительное явленіе...

Фокина прижала платокъ къ лицу.

— Ну, а?.. началъ и остановился Ветлугинъ: а наши? какъ здоровье... что съ Аглаей?

Фокина взглянула на него. Съ обвѣтреннымъ лицомъ и раскраснѣвшимися отъ волненія и отъ слезъ глазами, она напомнила

Ветлугину ту Фросиньку, которая когда-то, въ роковое утро, провожала его изъ Дубковъ.

— Такъ вы все еще не забыли, вспоминаете? — кутаясь въ синий, дорожный платокъ, спросила она: ахъ, дорого бы я дала, чтобы вы теперь, хотя на одинъ мигъ, повидались съ Аглаей. Можетъ быть... Да нѣтъ! отчего вы тогда, въ бытность у насъ, годъ назадъ, не съѣздили въ монастырь, не попытались вновь помянуть на Аглаю? Отчего?..

— Скажите, — перебилъ, не отвѣчая на вопросъ Фокиной, Ветлугинъ: что съ нею? Мнѣ писалъ вашъ мужъ; онъ сообщилъ и содержаніе нѣкоторыхъ изъ вашихъ писемъ...

Фокина потупилась.

— Слѣдовательно, вы все знаете, отвѣтила она: охъ, тяжело и вспоминать. Скажу вамъ, Антонъ Львовичъ, одно; да нѣтъ... Отвѣтите мнѣ прежде: писалъ вамъ мужъ объ аббатѣ, объ отцѣ Жакѣ?

— Писалъ.

— Ну-съ, мои опасенія сбылись. Этотъ аббатъ оказался ловкимъ пройдохой. Онъ разыгралъ съ Вечерьевыми невѣроятную штуку...

— Въ чемъ дѣло?

— А вотъ въ чемъ... При посредствѣ судившагося за кражу, бѣглаго зуава Луи и іезуита Серизьё, онъ, подъ благовиднымъ предлогомъ помощи какой-то духовно-учебной корпораціи въ Римѣ, выманилъ у Кирилы Григорьича форменное обязательство на весьма крупную сумму. Да-съ! Ни я, ни Аглая ничего этого не знали. Отецъ Жакъ клялся, что это обязательство ему нужно лишь для кредита и что деньги по немъ онъ будетъ ждать не менѣе трехъ лѣтъ. Между тѣмъ, документъ этотъ онъ продалъ другому, подставному лицу, а это лицо немедленно предъявило его во взысканію. Кирилъ Григорьичу грозятъ большія непріятности. Съ него взяли подписку о невыѣздѣ. Всѣ вещи Вечеревыхъ описаны и находятся подъ запрещеніемъ. Аглая увидѣла свою оплошность. Она простить себѣ не можетъ, что подобныя личности проникли въ общество ея отца.

— Вы же, Афросинья Адриановна, почему ихъ оставили?

— Аглая нѣсколько дней плакала, наконецъ придумала, чтобы я ѣхала домой и приготовила все къ продажѣ ихъ послѣдняго лѣса. Иначе имъ трудно раздѣлаться по иску съ Кирилы Григорьича.

— Бѣдная Аглая Кириловна, какъ мнѣ ее жаль! сказалъ Ветлугинъ: но скажите, что ея настроеніе теперь? Въ чемъ ея

помыслы о будущемъ и ждать ли она чего-нибудь отъ жизни, отъ себя?

— Вы знаете, Антонъ Львовичъ, какъ я ее люблю, отвѣтила Фокина: а, между тѣмъ, я могу вамъ дать одинъ совѣтъ—забудьте ее... Этотъ урокъ — Боже мой! другая бы... Или я ее не понимаю, или она не достойна ни вашихъ чувствъ, ни вашей памяти о ней... Люди, люди!..

Фросинья еще хотѣла что-то сказать, но не договорила. Она закрыла руками лицо, упала головой на окно, и только судорожное движеніе полныхъ плечъ ея, покрытыхъ синимъ дорожнымъ платкомъ, показывало, что она сильно и неудержимо рыдала.

Былъ жаркій, несмотря на начало августа, даже душный день.

Ветлугинъ, утомленный хлопотами по дѣлу, которое онъ въ то утро защищалъ въ судѣ, возвратился домой голодный и разсодованный. Припоминая судебныя пренія, свою строго-обдуманную рѣчь и злые и мѣткія нападки противника, изъ-за которыхъ онъ это пустое въ сущности дѣло чуть не проигралъ, — Антонъ Львовичъ нехотя пообедалъ и легъ отдохнуть. Ему не спалось. Онъ повалъ слугу, спросилъ чаю, взялъ пачку новыхъ газетъ, сѣлъ съ сигарой у раскрытаго окна и сталъ читать.

Вечерѣло. Прошелъ небольшой дождь.

Ближнія улицы затихали; дальнія еще отзывались шумомъ городской ѣзды. Съ бульвара потянуло свѣжестью и запахомъ омытыхъ дождемъ деревь. Ветлугинъ пробѣжалъ одну газету — другую, и перенесся мыслями на родину.

— «Что-то отецъ?» разсуждалъ онъ: «какъ его школа? Да что это молчить, уже столько дней, и Столешниковъ?» Объ Аглаѣ въ послѣднее время Ветлугинъ старался не думать. Ея образъ въ мысляхъ его начиналъ погасать, какъ дорогое, но далеко и невозвратно улетѣвшее сновидѣніе.

Въ прихожей раздался звонокъ.

Слуга подаль Антону Львовичу два письма. Почеркъ на одномъ изъ нихъ Ветлугинъ узналъ сразу: то было письмо отъ Столешникова. Аввакумъ Андреичъ извѣщалъ, что его хлопотамъ, кажется, суждено скорѣ утѣниться полнымъ успѣхомъ. Слѣдствіе по дѣлу Ключкова было кончено. Злоупотребленія опеки подтверждались цѣлымъ рядомъ важныхъ свидѣтельскихъ показаній. И если самъ Ключковъ былъ еще пока на свободѣ, за то всѣ его товарищи, уланъ Подсыпанинъ, братъ послѣднѣго, онъ

керъ Мотя, какой-то мѣщанинъ Очювъ и младшій сынъ Талищева, Николушка, слѣдователемъ были уже арестованы. «Если все пойдетъ такъ, какъ шло до сихъ поръ» — писалъ Столешниковъ: «то публичное засѣданіе по этому дѣлу будетъ назначено, вѣроятно, въ концѣ августа и никакъ не далѣе начала сентября». Столешниковъ совѣтовалъ Ветлугину самому поспѣшить на мѣсто и, не теряя времени, настоять на арестованіи Ключкова, такъ какъ иначе, находясь на свободѣ, Ключковъ можетъ сильно повредить слѣдствію, въ чемъ отчасти уже и успѣваетъ: снова подкупилъ одного изъ важныхъ свидѣтелей, играетъ въ клубѣ въ карты съ прокуроромъ и другими властями, и пр. и пр.

— «Странно», сказалъ себѣ Ветлугинъ, дочитавъ письмо Столешникова: «положимъ, Ключковъ еще въ началѣ слѣдствія долженъ былъ выйти въ отставку изъ управы и далъ подписку о невыѣздѣ изъ губерніи и о явѣ къ суду. Но вѣдь онъ коноводъ всего дѣла; какъ же его до сихъ поръ не арестовали?»

Краска бросилась въ лицо Ветлугина.

— «Я въ этомъ виноватъ!» прибавилъ мысленно Ветлугинъ: «нельзя было такой важный шагъ возлагать на одного Столешникова. Надо немедленно туда ѣхать. Ключковъ дѣйствительно можетъ сильно напортить. Или лично противъ него такъ мало уликъ?..»

Съ этими мыслями Ветлугинъ взглянулъ на другое письмо. Штемпель и марка на послѣднемъ были заграничные.

— «Отъ кого бы это?» не вскрывая письма, старался припомнить Ветлугинъ: «кто изъ моихъ довѣрителей, или ихъ родственниковъ теперь въ чужихъ краяхъ? Ченшины?.. Но онѣ въ Петербургѣ, и я на дняхъ еще получалъ оттуда ихъ письмо...»

Антонъ Львовичъ снова взглянулъ на штемпель. На почтовомъ конвертѣ, нѣсколько неясно, было оттиснуто слово: Montreux.

Письмо дрогнуло въ рукѣ Ветлугина.

— «Отъ Кирилы Григорыча!» мелькнуло въ его головѣ: «онъ вѣроятно обращается, по старой памяти, ко мнѣ, прося моего совѣта или иной, болѣе существенной помощи, по его дѣлу съ аббатомъ. А можетъ быть и кто другой, видя безпомощное положеніе Вечерѣвыхъ, пишетъ ко мнѣ, напримѣръ, Егоровна... Она же встаетъ разъ ко мнѣ ужъ и обращалась. Наконецъ, съ Кириломъ Григорычемъ могло случиться несчастье. Что, если онъ умеръ? Могъ повториться ударъ. Въ такомъ случаѣ, Аглая — нѣтъ сомнѣнія — окончательно подпадетъ вліянію разныхъ аббатовъ... А тамъ, съ благословенія папы, поступить въ какой-либо, извѣстный особой строгостью уставомъ, католическій монастырь;

отцовскія земли, воды и лѣса продать и все, вмѣстѣ съ собой, принесть, въ видѣ лепты, Ватиканскому нищему...»

Ветлугинъ вскрылъ письмо.

Сперва нѣсколько разсѣянно, потомъ внимательнѣе онъ прочелъ первыя строки, протеръ глаза и кинулся ближе къ окну. Онъ взглянулъ на подпись въ концѣ послѣдней страницы, ухватился за сердце и, чуть не вскрикнувъ, опрокинулся на спинку стула. Что-то давно подавленное, глубоко-спрятанное на днѣ души мгновенно пробудилось и зазвучало.

Письмо было отъ Аглаи.

— Она ли это? она ли, дорогая, далекая? подумалъ Ветлугинъ, помутившимся, радостнымъ взоромъ вглядываясь въ бѣгавшія передъ нимъ строки письма: да! она!.. ея почеркъ!.. Но что со мной? не вижу ничего...

Онъ бросился въ кабинетъ, заперъ дверь на ключъ, распахнулъ окно, выходившее въ садъ и, при яркихъ, послѣднихъ лучахъ зари, прочелъ слѣдующія строки:

«Швейцарія. Монтрё, ²/₁₄ августа. Вы, Антонъ Львовичъ, по всей вѣроятности, сильно удивитесь, увидѣвъ, откуда и кто вамъ пишетъ это письмо? Я не хочу быть предъ вами въ долгу. Около года назадъ, вы мнѣ высказали въ письмѣ столько горькой, поражающей и дорогой правды... Тогда я вамъ не могла и не рѣшалась отвѣчать. Я была въ то время тамъ, за чертой, въ другомъ, особомъ мірѣ, — откуда — клянусь вамъ — я никогда не надѣялась возвратиться. А между тѣмъ, вы видите, я возвратилась... И всѣмъ этимъ я обязана вамъ, вамъ однимъ, незабвенный, далекий и — позвольте такъ выразиться — дорогой мой другъ. Вы меня вспомнили въ такую пору, когда я менѣе всего могла рассчитывать на вашу память и — скажу прямо — на ваше снисхожденіе. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ горячую, безпредѣльную благодарность, какъ за ваши тогдашнія напоминанія, такъ и за ваши горькія, но безцѣнные для меня укоры. Отнынѣ, — клянусь вамъ — хотя вы имѣете полное право мнѣ болѣе не вѣрить, — пока я буду жить, мыслить и чувствовать, во мнѣ никогда не умретъ благодарность въ вамъ за все и, прежде всего, за то, что вы дали мнѣ возможность спасти моего отца. До вашего письма, я не могла даже подозревать того положенія, въ которомъ онъ находился. Теперь отецъ возвращенъ въ жизни и, благодаря Бога, скоро вѣроятно будетъ внѣ всякой опасности. Когда онъ узналъ, кому онъ этимъ обязанъ, — я ему это недавно сказала, — восторгу его не было предѣловъ. Потомъ, я вамъ признательна и за себя. Съ моихъ

глазъ окончательно упала завѣса, изъ-за которой мнѣ все казалось въ иномъ, не настоящемъ свѣтѣ. Но обо мнѣ лично рѣчь впереди. Да и станете ли вы теперь слушать подобныя рѣчи? Если судьбѣ угодно, чтобъ мы когда-нибудь, — о чемъ, впрочемъ, я не смѣю и думать, — снова съ вами встрѣтились, и если бы вы, при этомъ, захотѣли меня выслушать, я бы вамъ объяснила всѣ тѣ невыразимыя, душевныя муки и всю ту нравственную пытку, которыя я выдержала въ эти годы. Я искала въ монастырѣ высшей истины и ее тамъ не нашла. И я убѣждена, вы не осудите, — можетъ быть даже простите меня, — какъ за мои ошибки, такъ и за тѣ огорченія, которыя я могла невольно вамъ причинить. Вотъ, добрый и дорогой мой другъ, все что было у меня на душѣ и что я теперь хотѣла вамъ передать. Времени нашего возврата въ Россію опредѣлить еще нельзя. Зимовать мы, во всякомъ случаѣ, вѣроятно, останемся въ Ниццѣ или въ Неаполѣ. Если мои письма вамъ не наскучатъ и вы расположены на нихъ хотя изрѣдка отвѣчать, пишите: это будетъ лучшимъ и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ, вдали отъ родины. — Аглая».

Въ концѣ письма, какъ видно, прибавленная, спустя нѣкоторое время, другимъ, болѣе торопливымъ и вмѣстѣ несмысленнымъ почеркомъ, была сдѣлана слѣдующая приписка:

«P. S. Не имѣю силъ не сказать вамъ еще нѣсколько словъ... Что со мной? сама не знаю... Одно слово вашего *того* письма — вѣчно передо мной. Я долго колебалась, прежде чѣмъ рѣшилась отправить къ вамъ эти строки. Въ нихъ не все сказано... Сердце мое слишкомъ полно въ это мгновеніе... Я васъ просила тогда, при моемъ отъѣздѣ въ монастырь, забыть меня. Но я тамъ же писала: до васъ я не любила никого и, если бы когда-нибудь оставила монастырь, я, не задумавшись, вышла бы только за васъ... Другъ мой! Я теперь свободна. Пріѣзжай... Твоя навсегда. — Аглая».

Ветлугинъ вскочилъ и опять бросился къ окну. Не помня себя, онъ еще разъ прочелъ письмо и приписку къ нему. Мысли отказывались ему служить.

На дворѣ стемнѣло. Ясно было только поверхъ сосѣднихъ, еще освѣщенныхъ домовъ.

Невыразимая, тихая, давно-небывалая радость осыпала душу Ветлугина, и все въ немъ заговорило, просіяло. Онъ закрылъ глаза. Золотой міръ улетѣвшихъ картинъ не отходилъ теперь отъ него, звалъ и манилъ его въ чудную даль.

Онъ схватилъ шляпу и выбѣжалъ на опустѣлый, покрывавшійся ночными тѣнями бульваръ.

— Извозчикъ! крикнулъ онъ случайно-подвернувшемуся лихачу.

— Куда вашей милости?

— Ступай...

Лихачъ покотилъ. Съ громомъ пролетѣлъ рѣзвый, сѣрый съ подпалинами рысакъ одну улицу, другую, понесся переулками, чуть не задѣлъ кого-то и, фыркая, выскочилъ на обширную, застроенную лавочниками площадь.

— Да куда же вамъ, сударь? обернулся, приподнимая шапку, лихачъ.

— Куда хочешь...

Лихачъ понесся опять.

«Шутникъ», подумалъ извозчикъ, косясь на барина: «а можетъ выпивши...»

Въ тотъ же вечеръ Ветлугинъ попалъ въ какой-то ярко-освѣщенный трактиръ. Гремѣлъ органъ. Половые, въ бѣлыхъ рубашкахъ, сновали, ухарски размахивая тарелками. Ветлугину тоже что-то подавали. Его узналъ и подсѣлъ къ нему одинъ изъ его довѣрителей. Послѣднй былъ заяка. «Досто-чти-чтимый, Ан-Антонъ Львовичъ, рассказывалъ ему свое дѣло довѣритель: пред-пред-представьте... подлецы-то...» Ветлугинъ, улыбаясь, слушалъ его, слушалъ и вдругъ вскочилъ. Онъ черезъ столъ обнялъ его, расцѣловалъ въ озабоченное, потѣшно-изумленное лицо, и со словами: «извините меня, вы совершенно правы! притомъ вы отличный человѣкъ!» бросилъ половому деньги и выскочилъ на улицу.

Какъ въ ту же ночь Ветлугинъ очутился на дворцовой площадкѣ въ Кремлѣ, онъ тоже не могъ себя объяснить.

Полный мѣсяцъ высоко плылъ въ ясномъ, звѣздномъ небѣ, голубымъ, таинственнымъ блескомъ пронизывая мерцающую даль. Безчисленныя главы церквей, стѣны домовъ, чуть видныя въ туманной мглѣ окрестныя холмы и лѣса, яркіе просвѣты улицъ, съ вереницами фонарныхъ огоньковъ, и темный изгибъ рѣки, съ изрѣдка-гремѣвшими отъ ѣзды мостами, — все это казалось Ветлугину чѣмъ-то сказочнымъ. На Спасской башнѣ прозвонили часы.

«Одно слово моего письма какъ отозвалось въ ея душѣ!» размышлялъ Ветлугинъ: «а я сомнѣвался въ силѣ человѣческаго слова... Всѣ наши дѣла иногда не стоятъ одной мысли, брошен-

ной во-время въ міръ... Дорогая, далекая! Сколько ты страдала! Сколько вынесла...»

Ветлугинъ опустилъ руку въ карманъ. Онъ боялся, съ нимъ ли письмо Аглаи, и не сонъ ли было это письмо?

Долго стоялъ, опершись о перилы площадки, Ветлугинъ. Ночь затихала надъ городомъ. Мглистая даль мерцала въ лунныхъ лучахъ. Тамъ, за этой далью, была дорога на родину Ветлугина. Тамъ онъ узналъ первое счастье, узналъ ее...

Въ три часа ночи Ветлугинъ возвратился къ себѣ, зажегъ лампу, сѣлъ къ столу и написалъ отвѣтъ Аглаѣ:

«Ты поймешь, съ какимъ восторгомъ я прочелъ твое письмо. Боюсь теперь одного: стою ли я этого счастья, стою ли тебя? Если бы не одно дѣло, связанное съ судьбою другихъ, я, ни минуты не медля, полетѣлъ бы къ тебѣ. Душа моя полна. Много хочется тебѣ сказать. Но — будемъ терпѣливы. Подождемъ, чтобы съ нашимъ счастьемъ слилось и счастье тѣхъ, чьи радости составляютъ наше лучшее утѣшеніе. На моихъ рукахъ важный процессъ, и я съ минуты на минуту жду, что меня вызовутъ на родину. Дѣло трудное. Противникъ силенъ. Не хочу упоминать, въ эти мгновенія, его темнаго имени. О, если-бъ ты знала, съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать минуты, когда явлюсь въ Монтрѣ и переступлю твой порогъ. Я разсуждаю, самъ себѣ даю совѣты, но не ручаюсь: хватитъ ли у меня силъ вытерпѣть, — не запереть на ключъ контору и не полетѣть къ тебѣ? Жди во всякомъ случаѣ депеши. Твой — А. В.»

Утромъ Ветлугинъ самъ отвезъ это письмо на почту. Черезъ день онъ послалъ телеграмму Столешникову, съ вызовомъ его въ Москву. А когда Аввакумъ Андреевъ пріѣхалъ и сообщилъ, что докладъ по дѣлу черезъ недѣлю, черезъ двѣ будетъ готовъ, онъ ему передовѣрилъ всѣ свои дѣла и, — не посылая депеши, — выѣхалъ въ Москвы.

XL.

Опять на родинѣ.

Вмѣсто двухъ-трехъ дней, Ветлугинъ жилъ въ родной губерніи третью недѣлю и, какъ это его ни огорчало, все еще не видѣлъ особенно благоприятнаго исхода въ дѣлѣ съ Ключевымъ.

Большинство свидѣтельскихъ показаній клонилось къ обвиненію второстепенныхъ подсудимыхъ, почти не касаясь главнаго изъ нихъ. Вслѣдствіе того, Ключковъ былъ на свободѣ и, какъ казалось, совершенно спокойно и смѣло ждалъ близкой развязки дѣла. Ни-чуть не измѣнивъ образа жизни, онъ будто сталъ еще беззаботнѣе и веселѣе: посѣщалъ знакомыхъ, театръ, клубъ, игралъ въ карты и сыпалъ деньгами. Комнаты его, съ утра до ночи, были полны разнымъ дѣловымъ людомъ: предпринимателями новыхъ банковыхъ и торговыхъ оборотовъ, газоваго освѣщенія, водопроводовъ и даже асфальтовыхъ тротуаровъ и мостовыхъ. Нѣсколько разъ Петръ Ивановичъ, какъ-бы случайно, промчался въ коляскѣ, на чистокровныхъ рысакахъ, мимо дома Льва Саввича, гдѣ, какъ всѣ въ городѣ знали, жилъ въ это время его противникъ по дѣлу.

Въ арестѣ Ключкова Антону Львовичу было отказано. Ветлугинъ пропустилъ время: въ ту пору въ городѣ уже пріѣхалъ главный защитникъ Ключкова. Это былъ одинъ изъ первыхъ столичныхъ адвокатовъ, извѣстный какъ своимъ краснорѣчіемъ, такъ и тѣмъ, что брался за всякое дѣло, насколько бы неприглядно съ виду оно ни было. «Адвокатъ тотъ же врачъ, а врачъ развѣ имѣетъ право разбирать, къ кому изъ больныхъ ему идти, или не идти?» говорилъ этотъ адвокатъ. Онъ забывалъ, впрочемъ, въ этомъ случаѣ, главное правило врачей. А именно, прежде чѣмъ идти на зовъ кліентовъ, онъ обыкновенно выговаривалъ впередъ, — и при томъ письменнымъ условіемъ — за свою помощь такіе куши, о какихъ рѣде кто изъ врачей и во снѣ грезилъ.

До дня судебного разбирательства по дѣлу оставалось не болѣе недѣли. «Уѣзжать нельзя, — рѣшилъ Ветлугинъ, опасно!... Пробуду здѣсь, покончу съ защитой и тогда уѣду, не связанный ничѣмъ». Ему совѣтовали побывать у прокурора, у председателя суда. Онъ не былъ ни у кого. Изрѣдка навѣщалъ только Фокиныхъ, а остальное время проводилъ съ отцомъ. Аглаѣ онъ не давалъ знать о своихъ предположеніяхъ касательно выѣзда, чтобъ еще болѣе обрадовать ее неожиданностью свиданія.

Клочковъ эти дни не дремалъ.

Его защитникъ, подъ благовидными предлогами, объѣздилъ не только всѣхъ крупныхъ представителей суда, но посѣтилъ губернатора, вице-губернатора, предводителя и даже полиціймейстера. Онъ ежедневно обѣдалъ въ клубѣ, нѣсколько разъ появлялся на гуляньяхъ и настоялъ передъ судомъ о вызовѣ множества вліятельныхъ и извѣстныхъ связями и богатствомъ лицъ. Эти господа приняли на себя благосклонный трудъ свидѣтельствовать передъ присяжными засѣдателями о добропорядочности, честности, человеколюбіи и прочихъ гражданскихъ доблестяхъ Петра Ивановича, въ томъ числѣ даже о его уваженіи и любви къ наукамъ и искусствамъ. Были подъ рукой, къ сроку доклада, пущены, отъ лица какъ-бы случайныхъ корреспондентовъ, и весьма ловкія сообщенія въ нѣкоторыя изъ столичныхъ газетъ. Въ этихъ статьяхъ Клочковъ выставлялся неповинной жертвой неблагонадежныхъ пройдохъ. Упоминались низкія, противуобщественныя страсти, зависть черни къ высшимъ сословіямъ и даже интернаціоналка. Привезены были и собственные, нарочно подготовленные защитникомъ, стенографы—для записыванія преній, въ тѣхъ именно краскахъ и съ тѣми оттѣнками, какія было угодно приписать этому дѣлу со стороны усердной защиты. Для избраннаго же общества Клочковымъ даны были два вечера, на которыхъ были условлены нѣкоторыя особы со стороны гражданъ дѣйствія: составленіе на всякій случай адреса отъ города, овація на судѣ и послѣ суда и проч.

Все, казалось, шло хорошо. Друзья Клочкова не унывали.

Одинъ Клочковъ былъ не совсѣмъ спокоенъ. Что-то зловѣщее, темное и безобразное, мимо его воли, вставало и шевелилось въ его душѣ. Его грызъ внутренній, невидимый ни для кого, злой и неутомонный червь. Тяжелое, ѣдкое и неисходное сомнѣніе день и ночь терзало его. Тревожнымъ взоромъ всматривался онъ вдаль и не видалъ тамъ ничего утѣшительнаго.

— «Что, какъ?» думалъ онъ, замирая наединѣ и несмѣлыми, торопливыми шагами принимаясь ходить взадъ и впередъ по кабинету: «что, какъ оборвется? Что тогда?.. И гдѣ этотъ дьявольскій, черновой набросокъ? Гдѣ эта распроклятая, забытая мною бумага? Неужели она цѣла и я ее не уничтожилъ?»

Запершись на ключъ, Петръ Ивановичъ до того шагалъ по комнатѣ, что лампа звенѣла на столѣ и статуэтка Бисмарка чуть не падала, колыхаясь на книжномъ шкафѣ.

— «И кому могъ понадобится этотъ обрывокъ? куда—сто тысячъ чертей бы тебѣ въ глотку!—куда я его запропастилъ? Разорвалъ

ли я его, засунулъ ли куда-нибудь? Вотъ и презрѣнiе къ бумажному хламу до чего довело... Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть! Этой бумаги у меня нѣтъ... Слѣдователь, въ мое отсутствiе, шнырялъ здѣсь вездѣ, обнюхалъ и осмотрѣлъ всякую щель и всякую пылинку. Въ печахъ, въ трубахъ, даже подъ обоями онъ искалъ и ничего не нашелъ. Все, что я вспомнилъ, уничтожено заблаговременно и со вниманiемъ. Но объ этомъ обрывекъ я забылъ, и онъ долженъ быть цѣлъ, не истребленъ. Гдѣ онъ? И что, если эта бумага попадетъ въ руки суда? А, тѣтенка? какова штука?.. О! скорѣе лети, распроклятое время! Скорѣе отбыть судебное слѣдствiе, выслушать глупыя, обвинительныя рѣчи, видѣть ослиныя рожи присяжныхъ... Митрохинцы, просившiе по улицамъ милостыню, гдѣ вы? Идите судить Петра Ивановича Ключкова...»

Бумага, такъ волновавшая Петра Ивановича, была хорошо памятный ему, собственноручный, черновой набросокъ одного изъ срочныхъ его отчетовъ по опеку надъ имѣнiемъ Ченшинныхъ. Этотъ набросокъ ловко составленныхъ, но, разумѣется, вымышленныхъ цифръ былъ имъ, въ концѣ минувшаго отчетнаго года, посланъ по почтѣ управителю Ченшинскихъ имѣнiй. Послѣднiй, однако, тогда же его извѣстилъ, что имъ былъ полученъ пустой конвертъ. Ключковъ въ то время не обратилъ какъ-то на это должнаго вниманiя. Теперь же это обстоятельство бросало его въ холодъ и въ жаръ. Либо состряпанный имъ набросокъ въ ту пору кѣмъ-нибудь изъ конверта былъ вынутъ, либо самъ Петръ Ивановичъ, по разсѣянности, забылъ его туда вложить. Но куда-жъ онъ дѣлся? И какъ это случилось? Столько разъ онъ пересылалъ, такимъ же способомъ состряпанные, черновые наброски, и бывшiй съ нимъ въ стачкѣ управитель постоянно, по минованiи надобности, возвращалъ ему ихъ для истребленiя.

Подозрѣвать управителя?

Но самъ же этотъ управитель былъ не только привлеченъ къ слѣдствию и къ суду, а даже арестованъ и, сидя въ острогѣ, всячески выгораживалъ изъ дѣла какъ себя, такъ — въ равной степени — и Ключкова. Снести же съ нимъ объ этомъ, для болѣе точныхъ развѣдокъ, не было уже теперь никакой возможности.

Петръ Ивановичъ, скрѣпя сердце, до послѣднихъ мелочей пересматрѣлъ и прочелъ всю свою переписку, справлялся на почтѣ и подсылалъ довѣренное лицо къ женѣ Ченшинскаго управителя. Это лицо у послѣдней также перерыло весь бабiй хламъ, лазило на крышу и въ колодезь, даже срывало половицы и ночью кое-гдѣ впадало землю. Желаемая бумага не отыскалась.

Толки въ городѣ, передъ докладомъ дѣла Ключкова, дошли до сильной степени напряженія. Ветлугина, разумѣется, въ вышнихъ слояхъ осуждали. «Начать такое вопіющее, несправедливое дѣло!» говорили о немъ мѣстные тузы: «да кто же послѣ этого изъ насъ безопасенъ?» Сочувствовали Ветлугину пока немногіе изъ горожанъ. За два, за три дня до доклада дѣла (такъ это было нарочно устроено), изъ столицъ стали подходить газеты, со статьями, писанными рукой друзей Ключкова. Въ одной изъ этихъ статей объ Антонѣ Львовичѣ вскользь говорилось, какъ о человѣкѣ во всякомъ случаѣ недобронадѣжномъ, вслѣдствіе того, что онъ, за свой образъ мыслей, былъ посылаемъ нѣкогда прогуляться за Уралъ. Въ другой намекалось на то, что и его отецъ когда-то, за опасныя мнѣнія, былъ принужденъ оставить мѣсто учителя гимназій. Въ концѣ же концовъ друзья Петра Ивановича постарались Антону Львовичу нанести ударъ еще и съ той стороны, откуда онъ менѣе всего могъ этого ожидать.

Предсѣдатель училищнаго совѣта, въ угоду нѣкоторымъ изъ вліятельнѣйшихъ тузовъ, придрался къ неловкому отвѣту изъ закона Божія одного изъ учениковъ школы Льва Саввича. Не успѣлъ Левъ Саввичъ дать объясненій, какъ инспекція, черезъ подлежащее начальство, сдѣлала ему строгій выговоръ, да встати при этомъ отрѣшила и лучшаго изъ учителей школы, а именно—преподавателя математики, Коробякина. А когда Левъ Саввичъ гдѣ-то позволилъ себѣ выразиться, что такъ нельзя, что это насиліе и незаконно, ему замѣтили, что если дѣла въ его училищѣ пойдутъ и далѣе, какъ шли до сихъ поръ, то оно, безъ замедленія, будетъ и вовсе закрыто.

Левъ Саввичъ этими передрагами былъ глубоко взволнованъ и огорченъ.

— Какъ? меня подозрѣвать въ сѣяніи плевелъ? говорилъ онъ: о, я имъ покажу, какъ меня трогать! Къ начальнику учебнаго округа, въ департаментъ, къ министру напишу... И если не возьмутъ назадъ несправедливаго выговора мнѣ, я сниму выѣзку со школы и самъ ее, безъ нихъ, закрою... Пусть бѣдные мальчишки и дѣвочки, вмѣсто занятій грамотой, шляются—по колѣни въ грязи—по улицамъ, отцамъ водею изъ кабаковъ таскаютъ, воруютъ. Пусть эти дѣти переполняютъ пріюты несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и всякихъ извращенныхъ шелопаевъ. Довольно терпѣть! Ъду къ инспектору училищъ... Власьева, кликни извозчика...

— Полноте, папенька, оставьте,—успокаивалъ отца Антонъ Львовичъ: охота вамъ такъ волноваться отъ всякихъ кляузъ?..

Дѣлайте свое дѣло честно и тихо, и вѣрьте, все перемелется, мука будетъ...

— Какъ? и ты за этихъ слѣпорожденныхъ? Коребякина, лучшаго моего учителя, надежду юныхъ педагоговъ, отрѣшили, а я, сложа руки, буду все это сносить? Нѣтъ, путишь...

— Жаль Коребякина, что и говорить! но онъ молодъ и не пропадетъ... На мѣсто его явятся другіе... А вы у меня... у всѣхъ... одинъ...

— Нѣтъ, закрываю школу! Не уважаютъ моихъ трудовъ,— столько лѣтъ я о ней мечталъ и хлопоталъ,—спекулянтъ изъ-за нея чуть не сдѣлся... А какой-нибудь северный, выгнанный изъ старыхъ канцелярскихъ трущобъ, секретариха подsunулъ обо мнѣ лживый докладъ, и его подписали?.. Не надо школы... Кабакъ на ея мѣстѣ устрою; за прилавкомъ самъ подлюю снѣданной стану торговать.. Или кафе-шантанъ заведу, гдѣ наемныя, безстыдныя дѣвицы канканъ будутъ танцовать... Вду...

— Да погодите же, куда вы? скоро ночь! Инспекторъ живетъ на дачѣ, за городомъ. Дорога идетъ лѣсомъ... Отложите поѣзду на завтра... выслушайте хоть слово...

Но Левъ Саввичъ былъ неумолимъ.

Онъ схватилъ шляпу, объявилъ, что возвратится еще засвѣтло, къ чаю, и уѣхалъ.

Засвѣтло, однако же, Левъ Саввичъ домой не возвратился. Стемнѣло.

Антонъ Львовичъ поднялся на вышку. Его тревожило это долгое отсутствие отца. Но онъ успокоился, сообразивъ, что смежно съ дачей инспектора училищъ былъ и загородный домишко одного изъ сослуживцевъ отца по гимназіи. Левъ Саввичъ, въ случаѣ запозданія, могъ найти у этого товарища теплый пріютъ. А потому, не дожидаясь отца къ чаю, Ветлугинъ принялся за окончательную проверку данныхъ для судебной рѣчи. Это навело его на цѣлый рядъ тяжелыхъ и грустныхъ мыслей, какъ о дѣлѣ, занимавшемъ его теперь, такъ и о той печальной общественной средѣ, въ которой оно возникло и созрѣло. Собираясь онъ писать и нѣкоторыя письма, въ томъ числѣ къ своимъ довѣрительницамъ Ченшинымъ, закидывавшимъ его кучей вопросовъ по процессу.

Вечеръ былъ уже на исходѣ.

Прошло девять часовъ. Ветлугинъ сидѣлъ передъ столомъ, заваленнымъ грудой дѣловыхъ бумагъ. Изрѣдка взглядывалъ онъ на полки съ книгами, на портретъ Ломоносова, висѣвшій на

стѣнѣ, прислушивался къ свисту машины на желѣзнодорожной станціи, къ гулу уличной ѣзды.

— «Вотъ и поѣздъ курьерскій придетъ», — размышлялъ онъ: «значитъ, скоро ужъ и десять часовъ. Надо сказать Власьевнѣ, чтобъ ложилась спать. Отецъ навѣрное остался ночевать на дачѣ у пріятеля. Такая темь... Да и мнѣ пора. Завтра свиданіе со вновь-подѣхавшими свидѣтелями. Какаѣ-то купчиха Лутошникова съ сестрой тоже искала видѣть меня съ утра; противъ мужа искъ за невѣрность затѣваетъ...»

Ветлугинъ взялъ лампу и хотѣлъ уже спуститься внизъ, какъ на лѣстницѣ послышались знакомые шаги. На порогѣ показалось недовольное и заспанное лицо Власьевны.

— Тамъ къ тебѣ какія-то двѣ принцесы пришли! — сказала она, зѣвая въ руку: времени, вишь, днемъ мало; но ночамъ еще шилохвостницы ходятъ...

— Кто такія? Лутошниковы?

— Каки Лутошниковы?

— Да что утромъ спрашивали? съ сестрой приходила...

— Не знаю. Должно, не онѣ.

— Такъ вѣрно къ отцу. Спроси, не на счетъ ли школы?

— Экъ, зарядить! говорятъ, что къ тебѣ. Одна съ виду барыня, а другая такъ быдто никомка, али горничная. Шутъ ихъ разберетъ! — опять зѣвая, сердито добавила Власьева.

— Такъ вотъ что: скажи имъ, няня, что меня дома нѣтъ, чтобъ завтра пришли.

— Ну, ужъ этого нельзя. Пальто твое и шляпа въ передней; онѣ увидѣли, и я сказала, что ты дома. Опять же онѣ говорятъ — безпремѣнно нужно тебя видѣть.

«Ужъ не Ченшины ли подѣхали?» пришло въ голову Ветлугину.

— Въ такомъ случаѣ, няня, проси, — сказалъ онъ: только не надолго; скажи, очень молъ занять и усталъ. Введи ихъ и ступай спать. Я и самъ за ними дверь затворю. Есть въ залѣ лампа?

— А ты думаешь, такъ-то ихъ держу, въ потьмахъ? разумѣется, зажгла! — спускаясь съ лѣстницы, ворчала Власьева.

Она передала посѣлительницамъ отвѣтъ барина и отправилась восвояси. Спустя нѣсколько минутъ по ея уходѣ, оставилъ вышку и Ветлугинъ.

Недоумѣвая, кто бы могъ его спрашивать въ такую пору, онъ пріостановился и изъ прохода подъ лѣстницей заглянулъ въ залъ. Въ полу-освѣщенной прихожей, съ дорожнымъ мѣшкомъ

въ рукахъ, сидѣла, закутанная платкомъ, какая-то старушка. Не видя ея спутницы, Ветлугинъ вошелъ въ залъ и взглянулъ передъ собой...

Съ дивана, стоявшаго вправо, у двери въ кабинетъ, на встрѣчу Ветлугину встала и робко ступила нѣсколько шаговъ сухощавая, стройная особа, въ темномъ пальто и съ вуалью на лицѣ... Изъ-подъ шляпки падали пряди густыхъ, недлинныхъ волосъ. Сквозь сѣтку вуаля глядѣли черные, какъ-бы усталые глаза...

«А! младшая изъ Ченшиныхъ!» подумалъ Ветлугинъ. — Но устремленные на него ласковые, ожидающіе глаза говорили другое...

Что-то близкое, дорогое, съ упрекомъ и съ мольбой, крѣтко смотрѣло этими глазами.

— Вы меня не ждали? — тихо спросила, не двигаясь съ мѣста, стройная особа...

XLI.

Г о с т ь я.

— Аглая!.. васъ-ли?.. тебя-ли вижу? — обезумѣвъ отъ радости, вскрикнулъ Ветлугинъ.

Онъ бросился къ Аглаѣ.

— Какими судьбами? какъ и когда ты пріѣхала?

— Какъ видишь, прямо съ желѣзной дороги. Поѣздъ только что пришелъ...

— Но съ кѣмъ ты? гдѣ твой отецъ? здоровъ ли онъ? да садись же, садись.

Аглая сѣла на стулъ.

— Охъ, дай опомниться, сказала она: видишь-ли... Отецъ, слава Богу, совершенно оправился... Но у насъ встрѣтилось одно непріятное дѣло. Впрочемъ, пустяки... Сверхъ того, надо было побывать въ имѣніи. Сперва было мы все поручили Фокиной. Но гдѣ же ей возиться съ подобными дѣлами? Вотъ я... то-есть, отецъ и посоветовалъ... Я рѣшилась сама съѣздить въ имѣніе и, не успѣвъ о томъ предупредить Фокиныхъ, съѣздила...

— Съ кѣмъ?

— Съ Егоровной... съ ней и къ тебѣ теперь заѣхала...

Комната, лампа, дверь въ кабинетъ, дверь въ корридоръ — все заколыхалось въ глазахъ Ветлугина.

— Милая! дорогая! вотъ подарила! вотъ не ожидалъ! вскрик-

нуль онъ, сжимая и цѣлуя блѣдныя, худыя руки Аглаи: и я считала мгновенья, и я... Но ты меня предупредила...

— Еще до деревни хотѣла я тебя извѣстить въ Москву. Да узнала, что ты здѣсь — о тебѣ всѣ говорятъ... толкуютъ о процессѣ... Я покончила съ хлопотами — и вотъ...

— Нѣтъ, это невозможно! это сонъ! повторялъ Ветлугинъ: да скинь же вуаль, пальто... Какъ ты поправилась, возмужала, даже будто подросла!.. А глаза, глаза... тѣ же...

Аглая покраснѣла, отвернувшись.

— Разсказывай, слушаю! жадно вглядываясь въ пылавшее отъ дороги, смущенное лицо Аглаи, продолжалъ Ветлугинъ: сюда, къ столу.

Они пересѣли на диванъ, заговорили о прошломъ, — о страданіяхъ и сомнѣніяхъ другъ друга, — перешли къ надеждамъ на будущее. Восторгу ихъ обоихъ не было конца.

— Но позволь, у меня къ тебѣ и дѣло есть, — отстраняясь отъ объятій Ветлугина, сказала Аглая.

— Никакихъ дѣлъ мнѣ теперь не нужно, повторялъ онъ: и я знать ничего, кромѣ тебя, теперь не хочу...

— То, что я скажу тебѣ, касается не тебя одного. Будешь слушать?

— Говори, — не спуская глазъ съ Аглаи, нехотя согласился Ветлугинъ.

— По пути въ деревню, на желѣзной дорогѣ, нѣсколько разъ при мнѣ произносили твое имя. Тебя хвалили... Можешь себѣ представить, какъ это отозвалось во мнѣ! Шли толки о предстоящемъ процессѣ противъ Ключкова... Тутъ только я поняла намекъ въ твоемъ письмѣ о трудномъ дѣлѣ, которое тебя заботило. Я сознавала, сколько тебя огорчало опасеніе за счастливый исходъ дѣла. Эта мысль не выходила у меня изъ головы. Тутъ я и вспомнила твое выраженіе: — помнишь, еще тогда, у насъ? — одинъ человѣкъ не сможетъ, смогутъ двое... И все я думала, какъ бы и чѣмъ тебѣ помочь... Вотъ, подготавливая въ деревнѣ купчую на лѣсъ, я стала разсматривать съ прикащикомъ бумаги и случайно наткнулась на два черновыхъ наброска... Оба они писаны рукой Ключкова... Я его руку знаю хорошо, — памятна мнѣ она...

Аглая изъ кармана пальто достала связку бумагъ, и, съ дорожной торопливостью, стала ихъ раскладывать по столу.

— Это счета, письма, черновыя прошеній; а на этихъ двухъ надписи прежняго нашего прикащика — видишь? «присланны по ошибкѣ — отправить обратно...» Прикащикъ тотъ разсчитанъ — и

бумаги остались не отправленными. Такъ какъ въ нихъ упоминается имѣніе Ченшинныхъ, то я и подумала, не пригодятся ли онѣ тебѣ?

Ветлугинъ сталъ наскоро пробѣгать поданныя ему бумаги.

— Что, годятся? годятся?—лихорадочно-горѣвшимъ взоромъ, заглядывая въ лицо Ветлугину, допрашивала Аглая.

— Глазамъ своимъ не вѣрю! вскрикнулъ Ветлугинъ: не только годятся, въ нихъ теперь весь мой успѣхъ, вся побѣда...

— Что-же въ нихъ?—облокотясь головой на руки, съ тою-же напряженностью, допрашивала Аглая: я неученая; мнѣ такъ представилось... Съ отцомъ Адрианомъ я совѣтовалась, и онъ одобрилъ мысль объ отдачѣ этихъ набросковъ тебѣ.

Просмотрѣвъ бумаги, Ветлугинъ главные изъ нихъ отложилъ къ сторонѣ и, съ замирающимъ сердцемъ, обернулся къ Аглаѣ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ такою любовью, съ такою ласковою улыбкой, что Аглая снова вспыхнула и невольно опустила глаза.

— Ты хочешь знать, что въ этихъ бумагахъ? спросилъ Ветлугинъ: это черновой разговоръ Ключкова съ его пособниками, — вѣрная, наконецъ, нить къ обличенію его подложныхъ опекунскихъ отчетовъ. То-же, вѣроятно, производилъ этотъ примѣрный опекунъ и съ вашими имѣніями... Привезя эти бумаги мнѣ, ты поступила, какъ лучший, вѣрный другъ... болѣе того, какъ...

Ветлугинъ не договорилъ.

Онъ еще крѣпче прижалъ Аглаю къ своей, восторгомъ и счастьемъ дышавшей, груди. И не было, казалось ему, на свѣтѣ въ эти мгновенія ни его, ни Аглаи. Вокругъ него царили радость и блескъ безграничнаго, полнаго счастья.

— Ты помогла мнѣ, шепталъ онъ, осыпая поцѣлуями руки Аглаи: ты помогла, какъ та, которую я полюбилъ съ первой встрѣчи и которой не могъ разлюбить и не разлюблю никогда...

— Мы не разстанемся болѣе, не правда-ли? дѣтски-ласковыми, любящими глазами глядя на Ветлугина, спросила Аглая.

— Что ты сказала? что за вопросъ?

— Не удивляйся, продолжала Аглая: теперь и я боюсь за тебя, за мое счастье, жизнь! Боже мой! Не во снѣ ли все это? Не ошибаемся ли мы?.. Береги меня... Я же стану молиться, чтобы Господь далъ мнѣ силы быть тебя достойной, помогать тебѣ въ достиженіи успѣха въ твоихъ трудахъ... Когда у тебя довлѣдъ по дѣлу?

— Теперь онъ, вѣроятно, будетъ отсроченъ. Бумаги эти передадутъ къ свѣдѣнію подсудимымъ.

— Но какъ, однако, ты рассчитываешь, когда состоится судъ?

— Черезъ недѣлю, можетъ быть и черезъ двѣ.

— А черезъ день послѣ того, мы всѣ—слышишь-ли?—всѣ опять поѣдемъ въ Дубки: ты, я, твой отецъ и Фросинька съ мужемъ. Согласенъ?

— А ты будешь ли согласна исполнить одну мою просьбу?

— Какую?

— Разрѣшить мнѣ снестись съ отцомъ Адріаномъ.

— О чемъ?

— Чтобы онъ принялъ всѣ нужныя мѣры...

— Къ чему?

— Чтобы немедленно, по нашемъ приѣздѣ, насъ обвинять...

Аглая вздохнула и съ улыбкой, какъ во время оно, молча положила обѣ руки на плечи Ветлугина.

— Еще не все,—сказалъ Антонъ Львовичъ: ты когда-то желала знать согласіе моего отца. Не увѣдомить ли и Кирилу Григорыча?

— О! давай бумаги и перо, отвѣтила Аглая: пошлемъ ему сейчасъ телеграмму.

— А твоя игуменья? шутилъ Ветлугинъ: я теперь законникъ... Знаешь ли ты изреченіе изъ Номоканона?.. «Монахъ или монахиня, аще придутъ во общеніе брака, да отлучатся...»

— Я не настоящая монахиня, а расофорная! отвѣтила Аглая: да хоть бы и постриглась, такъ я-бы не посмотрѣла ни на кого...

Депеша въ Монтрѣ была написана. Ветлугинъ взглянулъ на часы—была полночь.

Онъ вспомнилъ о Егоровнѣ.

— Ну, милая, сказалъ онъ, разбудивъ кормилицу Аглаю: гдѣ думаете съ барышней пока остановиться?

— У Фокиныхъ господъ, ваше благородіе,—кланяясь, отвѣтила Егоровна: гдѣ-же и лучше? почитай, что свои... Да и не пора-ли, барышня? чай уже спать—не достучишься.

— Да, кормилица, пора, сказала Аглая: сходи, кликни извожика.

— Что вы, что вы! безъ закуски не пушу! остановилъ ихъ Ветлугинъ: нельзя такъ съ дороги. А чтобы Афросинья Адриановна не легла спать, пошлемъ за нею, и она, безъ сомнѣнія, явится сюда немедленно.

— Нѣтъ, нѣтъ! засуетилась, глядя на знаки, дѣлаемые Егоровной, Аглая: какъ можно беспокоить Фросиньку! Лучше я въ ней поѣду...

Но Ветлугинъ не согласился такъ скоро отпустить дорогую

гостью. Онъ вбѣжалъ во дворъ и сталъ стучаться въ кухонную дверь къ Власьевнѣ.

— Кто тамъ, лѣшій? сердито крикнула, бывшая уже въ постели, Власьева.

— Самоваръ, голубушка, няня! самоваръ! пріѣхали, милая, пріѣхали!

— Да кто пріѣхалъ? и чего ты кричишь, какъ оглашенный? допрашивала, не отпирая двери, Власьева.

— Невѣста моя пріѣхала, — шепнулъ съвозъ двери Ветлугинъ.

— Господи Ісусе Христе! — говорила себѣ Власьева, летя на извозницѣ къ Фокинымъ и вкрестясь большимъ крестомъ: и вѣзправду вѣдъ прилетѣла лебедочка... Да какая смиренная, тихая, да ласковая! а ужъ статная какая, королева — да и все! красавица писаная... Пошли имъ, Господи, пошли!..

Левъ Саввичъ, вопреки ожиданіямъ сына, ночевать на датѣ у своего пріятеля не остался.

Сердитый отъ неудачнаго заѣзда къ властямъ (онъ по пути побывалъ и у предсѣдателя училищнаго совѣта), измученный ночью ѣздой по тряской дорогѣ напрямикъ, — Левъ Саввичъ подъѣхалъ къ своимъ воротамъ, вошелъ въ калитку, увидѣлъ свѣтъ въ нижнихъ окнахъ дома и, брюзгливо качая головой, пошелъ къ крыльцу.

— Этотъ Антонъ изъ рукъ отбился съ своею добротой! ворчалъ онъ, невѣрными шагами взбираясь на ступеньки: далеко за полночь; люди вездѣ спятъ; а онъ все еще съ просителями возится... И какой съ того толкъ? Кромѣ общихъ пересудъ, веривъ и вкось, ничего, кажется, не выйдетъ. Вонъ, инспекторъ-то, какъ о немъ отзывался! Вы, говоритъ, мутьяны здѣсь оба... задастъ вашему сыну Ключковъ, какъ его оправдаютъ присяжные...

Съ такими мыслями, Левъ Саввичъ вошелъ въ прихожую, снялъ шляпу и пальто, отворилъ дверь въ залъ и нѣсколько мгновеній разбѣяннымъ, сердитымъ взглядомъ прищуривался къ тому, что увидѣлъ передъ собой.

Вокругъ стола, уставленнаго чайнымъ приборомъ, закуской и даже бутылками съ виномъ, сидѣли, весело разговаривая и не замѣчая его появленія, нѣсколько лицъ: Антонъ Львовичъ, Фокина, какая-то, повидимому изъ прислуги, старушка, повязанная платкомъ, и совсѣмъ раскрасѣвшаяся нянька Власьева.

«Что за чепуха?» — презрительно скрививъ ротъ, подумалъ Левъ Саввичъ: «Антонюшка чай распиваетъ съ горничными...»

Но то, что вслѣдъ затѣмъ разглядѣлъ съ порога Левъ Саввичъ, еще болѣе озадачило его.

По другой сторонѣ стола, нѣсколько заслоненная пыхтѣвшимъ самоваромъ, сидѣла сухошавая, стройная особа. Она была молода и очень красива: большіе черные глаза, строгія губы, гордое и блѣдное, обрамленное пышными волосами лицо. Антонъ Львовичъ, нагнувшись, что-то ей нѣжно говорилъ, и въ его рукѣ была рука этой особы.

Приходъ Льва Саввича первая замѣтила Власьева.

— Баринъ!—въ испугѣ шепнула она, вскакивая и въ попыткахъ почему-то хватаясь за самоваръ.

За нею встали и отошли къ сторонѣ Егоровна и Фокина.

— Папенъка... началъ, подходя къ отцу и какъ-то растерянно, а вмѣстѣ торжественно-радостно глядя на него, Антонъ Львовичъ: позвольте вамъ представить... мою...

«Мою?... кто это?» съ прежней суровостью, хмура брови, подумалъ Левъ Саввичъ.

Онъ чопорно и важно, склонивъ голову на бокъ, ступилъ два шага впередъ...

Красивая и стройная, гордо-державшая себя молодая особа, обѣ руку съ Антономъ Львовичемъ, молча подошла къ старику.

Льву Саввичу какъ-бы шепталъ кто-то въ ухо: «Коли она его, такъ и твоя, твоя!...»

Старикъ оглянулся. Точно ожидая чьей-либо опоры, онъ поднѣлъ на дѣвушку растерянно-мигавшіе глаза. И вдругъ замѣтилъ, что и она также пугливо, съ простой и несмѣлой улыбкой, будто ожидая отъ него какой-либо милости, любящими глазами покорно смотрѣла на него.

— Ахъ, да что-же?... что это?... залепеталъ Левъ Саввичъ, чувствуя, какъ слезы сдавили ему горло: Антонущка!.. да неужели-же это?...

Онъ не договорилъ. Что-то прелестное и робкое, шурша шелковымъ платьемъ, торопливо склонилось къ нему.

— Такъ это вы?.. Аглая Кириловна?.. радостно всхлипывая и дрожащими руками нѣжно обнимая голову Аглаи, вскрикнулъ старикъ: Богъ васъ благословить, Богъ... а вы, а я...

Слезы не дали Льву Саввичу договорить. Ноги его подкосились. Онъ присѣлъ на край дивана. Фросинья и обѣ старухи, стоя поодаль у окна, также утирали глаза.

— За мной, за мной! сказалъ, вставая, Левъ Саввичъ.

Онъ провелъ сына и Аглаю къ себѣ въ спальню, снялъ со стѣны образъ, которымъ онъ и его покойная жена были когда-

то напутствованы въ церковь, спросилъ Аглаю и сына: «любите другъ друга?» и, прибавивъ опять: «охъ, да что-же я!» еще съ большимъ чувствомъ благословилъ жениха и невесту. Образокъ Аглаи, висѣвшій эти годы у его изголовья, онъ надѣлъ на себя. — «Съ нимъ, съ твоимъ — ему благословеніемъ, — сказалъ Левъ Саввичъ Аглаѣ: я не разстанусь никогда! Тебѣ я уступаю сына, а ты... уступи мнѣ то, чѣмъ ты вымолила себѣ и ему это счастье...»

Быль второй часть ночи.

Аглая, въ сопровожденіи Фокиной, Антона Львовича, Егоровны и Власьевны, пешей впереди всѣхъ съ фонаремъ, отправилась пѣшкомъ къ Фресинькѣ.

Улицы были пусты. Мѣсяцъ еще не заходилъ. Свѣтлая августовская ночь была тиха и тепла. Общество шло весело. Вспоминали прошлое. Говорили о будущемъ.

Возвращаясь съ Власьевной домой, Антонъ Львовичъ зашелъ на телеграфъ и отправилъ депешу Аглаи къ Кирилѣ Григорьичу. Въ этой депешѣ дочь извѣщала отца о данномъ ею словѣ, просила его согласія и благословенія, и, приглашая отъ себя и отъ жениха на свадьбу, прибавляла, что они готовы ждать его сколько бы онъ того ни пожелалъ.

Черезъ полторы недѣли, въ окружномъ судѣ, начались засѣданія по ключковскому дѣлу.

Самъ Ключковъ, вслѣдствіе новыхъ, отерывшихся противъ него уликъ, былъ арестованъ и, съ другими подсудимыми, содержался въ губернскомъ, имъ же съ подрада когда-то построенномъ острогѣ. Зала суда не могла вмѣстить всѣхъ любопытныхъ, желавшихъ слушать это дѣло. Раздавались особые, впускные билеты. Вся губернская, служебная и неслужебная знать, въ томъ числѣ какой-то заѣзжій высшій сановникъ, командиръ военного округа, губернаторъ, предводитель, предсѣдатель управы и городской голова, присутствовали при этомъ. Судебное слѣдствіе тянулось два дня. На третій приступили къ преніямъ сторонъ. Прокуроръ былъ находчивъ, но чересчуръ придирчивъ и вообще болѣе боекъ, чѣмъ спокоенъ и сдержанъ. Защитники подсудимыхъ, и въ томъ числѣ развязный адвокатъ Ключкова, произнесли столь блистательныя и полныя ѣдваго остроумія рѣчи, что публика, несмотря на звонокъ предсѣдателя и пожиманія плечами въ первыхъ рядахъ зрителей, нѣсколько разъ оглашала судебный залъ громкими рукоплесканіями. Престарѣлый сановникъ, нагнувшись къ

уху губернатора, прошамкалъ: «Вотъ краснорѣчіе... Передъ Богомъ,—Тѣра я слышалъ въ сорокъ восьмомъ—ни въ подметки-съ, ни въ подметки-съ...»

Адвокаты гражданскихъ истцовъ,—подѣхавшій изъ Москвы Столешниковъ и Ветлугинъ,—не оправдали ожиданій большинства слушателей. Столешниковъ, въ ночь передъ засѣданіемъ, видѣлъ сонъ, будто Ключковъ убѣжалъ изъ острога и онъ его догонялъ, съ губернаторскимъ полномочіемъ, по тремъ желѣзнымъ дорогамъ., — догонялъ и не догналъ... На судѣ Столешниковъ просто срѣзаясь—вышелъ, что-то тихо промямлилъ, немилосердно ероша бороду, озирался по сторонамъ, замолчалъ и ушелъ.

Ветлугинъ также сначала не понравился публикѣ. Въ немъ ждали видѣть молодцоватаго, съ картинными движеніями оратора, изъ устъ котораго должно было вылиться нѣчто въ родѣ огненной, пересыпанной дерзкими и смѣлыми намеками, рѣчи Цицерона противъ Катилины. Предполагали, что этотъ плебей, сынъ бывшаго учителя гимназіи, не преминетъ швырнуть въ глаза высшему мѣстному обществу цѣлый градъ безопадныхъ укорижень, ѣдкихъ сближеній и тонкихъ, какъ убійственный ядъ, сравненій, напоминаній и разоблаченій. Вышло другое...

Съ адвокатской скамьи, во фракъ и въ бѣломъ галстухѣ, поднялся ничуть не картинный, простой и скромный на видъ, болѣе средняго, чѣмъ высокаго роста, господинъ, съ небольшою темнорусой бородкой и значительно-порѣдѣвшими, съ просѣдью, волосами.

— Кто это?—*qui est ça?*—кто *сей?*—послышалось со скамей зрителей. — Лорнеты, бинокли и пенснѣ обратились къ мѣсту оратора.

— *Самъ!*—многозначительно улыбаясь, шепнулъ предводитель сановнику.

— Тотъ, что въ *этихъ* дѣлахъ... за Ураломъ?

— *Самъ!* повторилъ, кивая головой, предводитель.

Предсѣдатель суда переглянулся съ прокуроромъ, прокуроръ съ губернаторомъ. Стенографы обмакнули перья въ чернилицы и приготовились писать. Ветлугинъ сказалъ: «Господа судьи и господа присяжные засѣдатели!» остановился, бросилъ робкій взглядъ вокругъ себя, увидѣлъ сотни впившихся въ него глазъ,—презрительную и наглуую улыбку Ключкова, блѣдное лицо старика Талищева, чьи-то круглые, какъ у теленка глаза, чей-то плаксиво сложившійся, широкій и сочный ротъ,—оправился и сталъ говорить.

Говорилъ Ветлугинъ тольковъ, но въ обобщенія и въ личности не вдавался. Вопреки ожиданіямъ предсѣдателя суда, первыя

мгновенія не спускавшаго глазъ съ колокольчика, онъ удерживался нападать — какъ на высшее общество, въ средѣ котораго возникло и развилось это дѣло, такъ и на прошлую, частную жизнь подсудимыхъ. Изрѣдка перелистывая лежавшія передъ нимъ выписки изъ слѣдствія, Ветлугинъ излагалъ дѣло такъ спокойно и сдержанно, какъ-бы никого, кромѣ членовъ суда и присяжныхъ, передъ нимъ и не было. Разсуждалъ онъ, повидимому, о чистѣйшихъ мелочахъ: о спутанныхъ и затемненныхъ невѣрными выводами цифрахъ, о подчисткахъ, вымысленныхъ итогахъ и перемаранныхъ, по личному стовору, черновыхъ наброскахъ. Рѣчь Ветлугина, сухо-дѣловая и безпрестанно, какъ за кусты репейника, цѣплявшаяся за ненужные, по мнѣнію многихъ, путы,— за конторскіе счета, книги и проекты хозяйственныхъ донесеній,—стала не на шутку утомлять слушателей.

— Что это онъ за меледу разводитъ? а какая снотворность! точно дьячокъ читаетъ!—шептали, позѣвывая, въ переднихъ рядахъ.

Стали покашливать, сморкаться и нетерпѣливо переминаться и на остальныхъ скамьяхъ.

— Sublime! Лихачъ-каналья! насмѣшливо шурясь на Ветлугина, думалъ про себя, охорашиваясь, Ключковъ.

— Ой, провалится онъ бѣдный! не утерпѣлъ въ полголоса шепнуть Коребякину и Левъ Саввичъ, сидѣвшій на послѣдней скамьѣ.

Ветлугинъ говорилъ болѣе часа.

Но странное дѣло... Чѣмъ далѣе онъ развивалъ доказательства, тѣмъ всѣ становились внимательнѣе. Съ середины его рѣчи, въ залѣ наступила мертвая тишина. На переднихъ, какъ и на заднихъ скамьяхъ, не раздавалось уже ни злыхъ насмѣшекъ надъ ораторомъ, ни громкаго кашля, ни сморканья. Всѣ, точно по мановенію волшебника, вабыли и запальчивую, грубо-формальную рѣчь щепетильнаго и сухого прокурора, и пламенные, полныя живыхъ и остроумныхъ выходовъ, прерываемыя громомъ рукоплесканій, рѣчи защитниковъ подсудимыхъ.

Въ головѣ слушателей вдругъ, и незамѣтно для нихъ самихъ, засѣла грозная, точно съ неба упавшая мысль...

Всѣ почувствовали себя какъ-бы спутанными и связанными по рукамъ и по ногамъ тѣми самыми цифрами, отчетами и итогами, о которыхъ такъ распространялся Ветлугинъ. И это сознаніе, прежде всего, сказалось въ самомъ Ключковѣ.

Онъ былъ подавленъ, ошеломленъ. Улыбка еще блуждала на его лицѣ. Но это лицо стало изъ-синя зелено. Глаза трусливо

впивались то въ судей, то въ оратора, то въ присяжныхъ. На публику Петръ Ивановичъ уже не смотрѣлъ.

Ветлугинъ вончилъ также скромно, какъ началъ. Онъ сѣлъ, смутно оглядываясь и какъ-бы соображая, онъ ли это говорилъ? Щеки его горѣли. Глаза застилалъ туманъ.

Пренія прекратились. Предсѣдатель объединилъ ихъ въ заключительной рѣчи, объяснилъ и оцѣнилъ. Присяжные удалились для совѣщаній и постановки окончательнаго приговора.

— Что съ тобой? обратился къ Ключкову, на скамьѣ подсудимыхъ, красный какъ ракъ, Николушка Талищевъ: на тебѣ лица нѣтъ... стыдно! мужайся...

— Да,—съ дрожаніемъ нижней челюсти и какъ-то дрянно-растерянно улыбаясь, отвѣтилъ Ключковъ: зарѣзалъ этотъ шельмецъ Ветлугинъ, зарѣзалъ и пикнуть, кажется, не далъ... Готовъ, Коля, да и ты, Петръ Ивановичъ, пяточки... Чуть ли не по Владиміркѣ пойдемъ!

— Ну, а твоя пословица—держи носъ по вѣтру? спросилъ Николушка.

Ключковъ не отвѣчалъ. Онъ не спускалъ глазъ съ дверей, куда ушли присяжные, и думалъ: «Выдибай, Митрохинцы, да Самохинцы! выдибай! Водкой залью, какъ оправдаете... Тридцать новыхъ кабаковъ на свой счетъ устрою въ вашихъ волостяхъ...»

Присяжные вышли.

Предсѣдатель объявилъ ихъ рѣшеніе. Всѣ подсудимые, за исключеніемъ сына Талищева, Николушки, которому испрашивалось помилованіе, признаны виновными. Искъ гражданской стороны найденъ подлежащимъ удовлетворенію.

Ветлугинъ все это выслушалъ. Но того, что произошло вслѣдъ затѣмъ, онъ почти не сознавалъ.

Помнилъ онъ смутный гулъ смѣшанныхъ и взволнованныхъ голосовъ, восклицанія и суету вокругъ кого-то изъ зрителей, кому въ то время сдѣлалось дурно—(это былъ старикъ Талищевъ). Помнилъ надменные и холодно-презрительные взгляды, устремленные на него изъ переднихъ рядовъ. Чьи-то искреннія и тропливыя поздравленія онъ слышалъ, причемъ кто-то теплою, мягкою рукой крѣпко сжималъ и дергалъ его руку, и чей-то срывавшійся голосъ шепталъ ему одобряющія, ласковыя слова.

— Скорѣе, скорѣе отсюда! говорилъ ему, съ раскраснѣвшимся, измученнымъ лицомъ, Левъ Саввичъ: ты такъ объяснялъ имъ, Антонушка... такъ! Извини, это не пустозвонство... Ты разсѣкалъ, по ниточкамъ разсѣкалъ, какъ хирургъ... О! ты, Антоша, великъ и я никогда, до конца моихъ дней, не забуду того, что

сегодня ты далъ мнѣ выслушать и испытать... Нынѣшніе вѣнки—
влюква, да вѣники... Нѣтъ цѣнителей...

XLII.

Возвратъ.

Былъ рѣдкій по времени, теплый и тихій день, одинъ изъ
тѣхъ дней, которыми, какъ-бы случайно, дарить природу осень—
въ половинѣ сентября.

На небѣ не было ни облачка. Солнце грѣло точно въ маѣ.
Благодаря теплу и двумъ-тремъ небольшимъ, передъ тѣмъ вы-
павшимъ дождямъ, равнины и лѣса смотрѣли также не по
осеннему.

Крѣпкій и свѣжій листъ еще держался на кое-гдѣ только
пожелтѣвшихъ деревьяхъ и кустахъ. Травы на лугахъ и ска-
тахъ холмовъ были зелены. То здѣсь, то тамъ высказывали по-
слѣдніе осенніе цвѣты, на прощаньи пышно убирая пустѣющія
послѣ лѣтней роскоши поля.

Все улыбалось и блестяло въ чистомъ, ясномъ воздухѣ. Все
глядѣло весело, бодро и празднично. Выводки чаекъ, подорож-
никовъ и скворцовъ, скучиваясь въ рѣзвыя, шумныя стайки,
перепархивали по жнивьямъ и готовились къ отлету за дальнія моря.
По бокамъ глухихъ, вкруторѣбрыхъ овраговъ, отыскивая прятав-
шихся на зиму звѣрковъ, въ тернахъ и бурьянѣ рыскали мо-
лодые лисицы. Вылинявшій, захудалый волкъ изъ лѣсу погля-
дывалъ на стада еще пасшихся въ полѣ овецъ...

По гладкому, зеленому взгорью, между сверкающихъ, въ яс-
номъ, какъ-бы хрустальномъ воздухѣ, холмовъ и долинъ, мчался
железно-дорожный поѣздъ. Онъ остановился у небольшой станціи.

Былъ полдень.

На площадке изъ вагона вышло и далѣе не поѣхало не-
большое, веселое общество: двѣ молодыхъ дамы и трое мужчинъ.
Свѣжій полевой воздухъ, блескъ и ширь зеленого простора,
точно въ распахнутыя настежь окна, повѣяли на вышедшихъ
изъ вагона горожанъ.

Раздался звонокъ. Поѣздъ тронулся далѣе.

— А гдѣ же экипажъ? спросила одна изъ дамъ.

— Вотъ еще... мы и пѣшкомъ! отвѣтила другая: развѣ да-
леко? рукой подать... Пойдемъ прямо, лугомъ.

— Но рѣка? какъ мы черезъ нее? спросила первая.

— Видно и забыли жердочки? спросилъ старшій изъ мужчинъ: все знаю, все...

Это сказалъ Левъ Саввичъ. Онъ подаль руку Аглаѣ и пошелъ съ нею впередъ. Антонъ Львовичъ подаль руку Фросинѣ. Фокинъ, переваливаясь съ ноги на ногу и поглядывая, гдѣ же вызванная по телеграфу коляска, лѣнливо шелъ сзади всѣхъ. Скоро они спустились въ рѣку.

Егоровна и Власьева остались на площадеѣ. Сидя на чемоданахъ и сундукахъ, онѣ также высматривали подводу. Филать нѣсколько замѣшкался. Ни коляска, ни подвода еще не показывались отъ усадьбы.

— Вотъ пентюхъ, вотъ копунъ!—нетерпѣливо вертясь, ворчала Егоровна: лопни глаза, говоритъ, коли теперь пью; святи-тель Пантелей, говоритъ, помоги... Вотъ-те и помоги...

— Успѣемъ, матушка, что сердать! утѣшала Власьева: а вы скажите, это ихній что-ли домъ?

— Ихній...

— Ахъ, какой превосходный и даже притомъ помѣстительный!—наставивъ ладонь въ глаза, съ вѣжливымъ умиле-ніемъ, восклицала Власьева: а куда же это господа наши идутъ? остановились у воды... Нешто тамъ у васъ мостъ?

— Досточки, милая, досточки, — такъ и ходимъ по нимъ... У насъ по простотѣ...

— Ишь, ишь! точно стрекозы, барыньки-то наши запрыгали... Ахъ, да гляди, сватьюшка... И онъ-то, и старикъ-отъ нашъ, за ними тоже заковылялъ...

— Еще бы. На радостяхъ...

— Вона, перешли... На томъ уже берегу. А то у васъ садъ?

— Садъ.

— Какой важнѣющій! Яблоковъ, полагать надо, грушъ... предположительно, какъ роща...

— И, сватьюшка! Такіе ли еще бываютъ сады?..

— А какіе?

— Да вотъ мы съ барышней, съ Аглаей Кириловной, въ римской Италиі, гдѣ самъ папа римскій проживаетъ, пошли въ одинъ садъ.

— Ну, и что-жъ?

— Такъ тамъ, милая ты моя, на деревьяхъ—ни яблокъ, ни грушъ, а одни тебѣ апельсины, да лимоны.

— Что ты!

— Право не лгу. Рви прямо съ вѣтки и ѣшь...

— А-ахъ! даже руками развела Власьева: и папу римскаго, сватьяшка, видѣла?

— Охъ, согрѣшила, милая, — видѣла... Съ барышней въ ихней главной киркѣ три разъ была...

— Какой же онъ изъ себя такой папа?

— Свѣтитса, милая, свѣтитса...

— А-ахъ! закрывая глаза, удивлялась Власьева: худъ, значитъ?

— Полненькій, сватьяшка, полненькій... А кожа вотъ, какъ у бабы тебѣ бѣлая... Ручки этакъ-то на животикѣ держитъ, и бритый, — ни бороды, ни усовъ... Да еще... только ужъ и не знаю, какъ и сказать...

— Что-жъ такое? замирая отъ страху, допытывала Власьева.

— Охъ, и не спрашивай... Въ женскомъ, сватьяшка, платьѣ, въ женской юбкѣ, какъ есть, непутящій ходитъ: бѣлый тебѣ подолъ, башмачки, а на груди така перелиночка...

Подъѣхалъ въ коляскѣ Филать. Брови его были заботливо сдвинуты, но самъ онъ, подбодрившись для храбрости рюмочкой, ухмылялся.

— Ты, тѣтушка, солдатка? спросилъ онъ, черезъ плечо поглядывая на полный станъ и румяныя щоки прифрантившейся Власьевны.

— Солдатка была... а тебѣ, пучеглазый, что?

— Вдова?

— Вдова...

— Ну, я такъ... ничего, — на счетъ, значить, моего почтенія! — подсаживая въ коляску обѣихъ нянюшекъ, шаркнулъ ногой Филать.

Вещи были отправлены на подводѣ. Коляска спустилась къ рѣкѣ, выбралась на ту сторону и выгономъ бойко ввѣтила во дворъ. У воротъ она обогнала двухъ лицъ. То были священникъ, отецъ Адрианъ, и заѣхавшій къ нему для переговоровъ о близкомъ днѣ вѣнчанія братъ его, дьяконъ сосѣдней деревни, Софроній. Они шли для привѣтствія Аглаи Кириловны и ея жениха, и для совершенія, по ея заказу, молебна о здравіи вновь помолвленныхъ. Пѣвчіе, собранные отцомъ Софроніемъ по ближнимъ мѣстечкамъ, стояли уже на-готовѣ въ передней. Въ залѣ, передъ стариннымъ, итальянской живописи изображеніемъ Богоматери, былъ накрытъ столъ, горѣла восковая свѣча и знакомый Антону Львовичу дьячекъ, кланяясь, улыбаясь и поглаживая сидую косичку, держалъ на-готовѣ кадило.

Молебень начался. Пѣвчіе пѣли довольно сносно. Отецъ Адріанъ слова молитвъ произносилъ съ чувствомъ. Похожій на брата и сильно напоминавшій Лаокоона, чернокудрявый дьяконъ Софроній, въ возглашеніи многолѣтія властямъ и предстоящимъ, затмилъ своимъ басомъ славу соборнаго протодьякона. Лица всѣхъ и толпившейся въ корридорѣ прислуги были умилены и растроганы.

«Всѣ ложь, всѣ призраки и сонъ,—кромѣ этой вѣчной смѣны жизни и смерти, горя и счастья!..» думалъ Антонъ Львовичъ, стоя возлѣ Аглаи: «она — мое счастье, и я буду жить только для нея...»

«Жизнь—вотъ истина, и въ ней одной великъ дающій людямъ душу, мысли и сердце!» думала въ тѣ же мгновенія, стоя возлѣ Антона Львовича, Аглая.

Сѣли за столъ. Филать былъ въ полнѣйшемъ нарядѣ: въ новомъ фракѣ, бѣломъ галстухѣ и въ бѣлыхъ же, вязаныхъ перчаткахъ. Изъ кармана его, какъ-бы случайно высунувшись, выглядывалъ кончикъ краснаго, фуляроваго платка. Егоровна угощала Власьевну особо, въ дѣвичьей. Уголь крашенаго стола былъ застланъ салфеткой. Пашутка подавала и принимала тарелки, а Власьева, въ чепцѣ съ зелеными лентами, сидѣла на сундукѣ и, вѣжливо потрогивая вилокъ подносимыя кушанья, все думала о словахъ, сказанныхъ ей Филатомъ.

— Молодой-отъ, соколъ-отъ нашъ каковъ! шептали, тѣсняясь въ корридорѣ другъ изъ-за дружки, любопытныя дворовыя и деревенскія бабы: какового-же онъ званія, тетушка Егоровна, или каково будетъ чина?

— Штатскій полковникъ! проговорилъ, неся какое-то блюдо, Филать.

— Нѣтъ, бери выше, потому изъ судящихъ! — врала, не помнившая ногъ подъ собой, Егоровна.

— А она-то, голубушка, она! шептали сквозь слезы бабы: глядимъ на нее и думаемъ,—Владычица, она-ли?

— А ужъ любить-то она его, любить! закрывая глаза, вздыхала Егоровна.

— Ой-ли? подхватывали бабы, жадно вглядываясь въ свѣтлыя, радостныя лица помолвленныхъ.

Гдѣ-то хлопнула пробка.

Плывя на мягкихъ, вѣжливыхъ ножкахъ и салфеткой тщетно сдвигивая шипѣвшее и бурчавшее горло бутылки, явился Филать. За нимъ, съ бокалами на подносѣ, Егоровна. Лицо Филата было торжественно-степенно. Онъ, хмурясь, глянулъ къ сто-

рогъ жениха и невѣсты, торопливыми, дрожащими руками разлилъ въ бокалы шампанское и, еще съ большею важною, сталъ его разносить веруъ стола.

Прежде всего пили за здоровье помолвленныхъ, потомъ за ихъ родителей. Левъ Саввичъ провозгласилъ, полный сердечной тѣлоты, привѣтъ въ честь отсутствующаго отца невѣсты и хозяйки дома, Кирилы Григорьевича. Фокинъ сказалъ нѣсколько искреннихъ и задушевныхъ словъ въ честь родителя жениха, котораго онъ, за эти годы, успѣлъ близко узнать и оцѣнить, и дружбой котораго особенно дорожилъ.

Всталъ и отецъ Адрианъ.

Онъ кракнулъ, лѣвою рукою придерживая рукавъ правой, попросилъ у всѣхъ извиненія, что не мастеръ говорить, и совершенно неожиданно произнесъ, построенную по всѣмъ правиламъ классическаго остроловія, рѣчь—въ честь настоящей хозяйки дома, Аглаи Кириловны. Въ этой рѣчи упоминались и вновь зацвѣтшій, пышный „вертоградъ Давида“, и воскресшая въ блескѣ новой жизни „лѣпокудрая и благоуханная лилія долины Энгади“ и даже „ликуй, добромъсленная, во Сіонѣ“...

Послѣ обѣда всѣ разошлись по своимъ угламъ: Аглая, съ женой дьякона, въ свои верхнія, дѣвическія комнаты; Фокины въ библиотечку; отецъ Адрианъ съ братомъ во свояси; а Антонъ Львовичъ съ отцомъ въ бесѣдку, гдѣ они избрали себѣ помѣщеніе до дня свадьбы.

Вечерѣло.

Аглая взяла лейку и стала, по-старинѣ, на полянѣ и на балконѣ, поливать любимые отцовскіе цвѣты. Къ ней подошелъ Антонъ Львовичъ. Онъ взялъ ее подъ руку, обнялъ и прошелъ съ нею нѣсколько шаговъ.

- Я къ тебѣ съ просьбой, сказала Аглая.
- О чемъ?
- Увидишь. Дашь ли слово исполнить?
- Охотно.

Аглая молча повела Антона Львовича береговою дорожкой. Вскорѣ они углубились въ садъ.

Было тихо. Только крики гусей радавались съ выгона, по рѣкѣ неслись величальные пѣсни дѣвокъ и парней, да рѣзвые сюрцы шумными стадами, точно ворохъ гречи между скирдѣ, перекидывались поверхъ деревь.

Аглая прошла съ Антономъ Львовичемъ къ полянѣ, гдѣ была могила ея брата. Липы вокругъ этого мѣста разрослись. Площадка была усыпана пескомъ; края ея усажены цвѣтами.

— Его нѣтъ на свѣтѣ, сказала Аглая, садясь у могилы на скамью: а, глядя на тебя, кажется, что онъ не умиралъ. Помнишь, мнѣ все мерещился бѣлый мальчикъ?.. Не правда ли, ты простишь меня, простишь, наконецъ, и ту, которая чуть-было навсегда не разлучила меня съ тобой?

— Полно, мой другъ! сказалъ Антонъ Львовичъ: никогда не были такъ истинны слова поэта — «нѣтъ правыхъ, и нѣтъ виноватыхъ!» какъ въ этомъ случаѣ съ тобой.

— Ты слишкомъ добръ, отвѣтила Аглая: не стою я тебя... Развѣ... Да нѣтъ, что!.. это такъ ясно... Ты, всепрощающій, хочешь успокоить меня, когда все мнѣ служить только укоромъ за прошлое...

Антонъ Львовичъ крѣпко обнялъ Аглаю.

— Идя въ монастырь, сказалъ онъ: ты была только вѣрна себѣ... Ты искала истины, отвѣта на свои сомнѣнiя... Ошибка состояла въ томъ, что ты искала выхода тамъ, гдѣ его нѣтъ? Да и ты ли одна? Горькій опытъ,—и въ немъ твоя заслуга и сила—вынесенный тобой, пригодится намъ въ будущемъ, какъ и превратности моей, не очень веселой, но искренно мною чтимой молодости.

XLIII.

На берегу.

Свадьба была назначена черезъ недѣлю. Ждали только Кирилы Григорыча, за которымъ давно за-границу уѣхалъ докторъ Милунчиковъ.

Столешниковъ также былъ во временной отлучкѣ. На него Антонъ Львовичъ и Аглая возложили странное, хотя весьма ему польстившее порученiе. Онъ поѣхалъ, съ письмомъ Аглаи, къ игуменѣ, въ Краснокутскій монастырь.

Вмигъ дѣла Ключкова значительно улучшилъ денежные средства Аввакума Андреича. Ветаугинъ весь свой заработокъ уступилъ ему. Тотъ, помня свою судебную рѣчь, было замаялся. Но Антонъ Львовичъ доказалъ, что весь тяжелый, предварительный трудъ лежалъ на одномъ Аввакумѣ Андреичѣ, и тотъ уступилъ.

Столешниковъ въ Красный-Кутъ отправился черезъ день по выѣздѣ изъ города Аглаи и ея гостей. Онъ успѣлъ запастись новой, щеголеватой одеждой, часами, хорошими сигарами, подровнялъ бороду, причесался и даже надушился.

Выѣхалъ онъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, чтобы, повончавъ съ порученіемъ, поспѣть въ Дубки къ обѣду. Его удивило необычное множество путниковъ, наполнявшихъ этотъ поѣздъ. На промежуточныхъ станціяхъ еще подсаживались. Многие, за немѣннѣемъ мѣсты, даже стояли.

— Куда это ѣдутъ? спросилъ онъ сосѣда-лавочника.

— Въ Красный-Кутъ, батюшка, къ явленной... Нешто вы не здѣшніе? Тамъ нынче храмовой праздникъ..

На обительской станціи была такая давка и тѣснота, что Столешниковъ едва протолкался къ выходу. Монастырь отъ этого мѣста былъ еще въ двухъ верстахъ.

— Да вы куда? спросилъ Аввакума тотъ же лавочникъ: въ обитель? лошадку ищете? Напрасно; не найдете таперича.... куда! Экъ вальма валять... Поспѣете къ повдней и пѣшкомъ.

— Per pedes apostolorum! брякнулъ басомъ кто-то изъ толпы.

Нечего дѣлать. Закуривъ Столешниковъ сигару и пошелъ «по хожденію апостоловъ». Дорога шла лѣсомъ и горами. Коегдѣ, въ тѣни просѣкъ и въ водомоинахъ, было сыро, и богомольцы, обгоняя другъ друга, усердно мѣсили ногами грязь.

— «Зналъ бы, ни за что бы не поѣхалъ!» разсуждалъ, въ тонкихъ лаковыхъ сапожкахъ шагая по скользкой, липкой глинтѣ, Столешниковъ: «съ кѣмъ наши-то возятся! Съ какою-то игуменьей... Мало того, что отдали монастырю новую, каменную келью и всю пчелу. Еще отъ денегъ, вырученныхъ за лѣсъ, кажется, хотѣтъ поднести въ презентъ этимъ святошамъ... Пакетъ что-то претолстущій... Эхъ вы, дятлы смиренныя, дятлы!.. Вотъ, говорятъ, русскіе герои и героини никогда почти не сходятся для мирнаго и сладкаго житія... Всѣ побасенки о нихъ — съ горькимъ концомъ... Эта, изволите ли видѣть, съ веселымъ... Лютеръ женился на монашенкѣ, — ну, и этотъ туда-же... Искатели истины! Недавній отрицатель и монахиня въ законный бракъ вступаютъ... Что-то выйдетъ изъ этого союза? Будутъ, разумѣется, дѣти, то-есть опять дятлы... И за ними... да неужели же за ними, что ли, будущее?..»

— Ну, а я бы тебѣ, ваше благородіе, лучше совѣтовалъ бы, какъ есть, не курить, обратился къ Столешникову, снявшій сапоги и босикомъ обходившій лужицы, лавочникъ: эвось ужъ и

обитель... Какъ бы-те, братецъ, за озорство, не навостыляли тутъ шеи...

Столешниковъ увидѣлъ мрачныя лица обгонявшихъ его по взгорью богомольцевъ и съ досадою бросилъ сигару.

У воротъ монастыря онъ оберъ кое-какъ ноги, оправился и спросилъ: «Гдѣ игуменья?» — «У ранней», отвѣтили ему, «Скоро-ли кончится служба?» — «Должно скоро». — Онъ походилъ за оградой, посидѣлъ на горѣ и черезъ часъ возвратился въ обитель. «Кончилась ранняя?» спросилъ онъ. «Кончилась, идетъ поздняя». Столешниковъ сталъ прохаживаться по двору.

Площадь передъ соборомъ была полна молещичевъ. Одни, крестясь, входили въ храмъ; другіе выходили оттуда. Мѣщане, солдаты, мужики — всѣ были безъ шапокъ. Бабы, съ грудными дѣтьми, дѣвки, ребятишки — жались у келій и у воротъ. Изъ церковныхъ, высокихъ дверей несло стройное пѣніе. Ладономъ пахло оттуда. Слышалось тѣньканье кошельковыхъ звонковъ. Нищіе, юродивые, калѣки толпились у палерти. Съ вывихнутыми членами, въ рубищахъ, слѣпые, босые и съ зияющими ранами, они шли и ползли по ступенямъ, крестясь и устремляя молящія взоры на встрѣчу горѣвшей свѣчами внутренности храма, и головами падали во прахъ.

Столешниковъ, сторонясь отъ нихъ, также вошелъ въ церковь.

Его охватила духота спертаго, полного запахомъ свѣчей и лампадъ, воздуха. Кадильный дымъ, пересѣкаемый наискось лучами солнца, клубами медленно поднимался подъ темный куполь. «Станешь добръ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ миръ приносить», возглаголютъ дьяконъ. — «Милость мира, жертву хваленія», раздавались, въ отвѣтъ на это, стройные женскіе голоса на одномъ клиросѣ.... «Примите, ядите... пійте отъ нея вси...» слышались слова священника изъ алтаря. «Твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся», добавлялъ онъ торжественно вслухъ народу. «Тебе поемъ, тебе благословимъ, тебе благодаримъ, Господи», подхватывали десятки нѣжныхъ, бархатныхъ голосовъ на другомъ клиросѣ. Кучи русскихъ, черныхъ, лысыхъ и сѣдыхъ головъ быстро склонялись въ кадильномъ дыму. Простыя и добрыя, загорѣлыя, худыя и хмурыя лица, съ напряженнымъ ожиданіемъ, молитвой и тоской, устремлялись къ строгому, потемнѣлому лику выставленной среди храма явленной иконы... «Господи!.. Владычица!.. Спасе!.. услышь и помилуй!» неся молящій шепотъ тысячи устъ...

— «Гдѣ я? что это? что съ ними?» думалъ, растерянно оглядываясь, Столешниковъ. Пѣніе клира, блескъ свѣчей, черныя ман-

тін и клобуки инокинѣ и земные поклоны и пеюють молебщикоу — все это слилось въ немъ въ одно чувство: онъ былъ подавленъ, смущенъ и вмѣстѣ какъ-бы стоялъ гдѣ-то на недоступной высотѣ. Голова его кружилась.

— Вамъ, сударь, игуменью? склоняясь къ его уху, спросилъ дорожный сосѣдъ: вонъ она, пречестная... Аки львица, съ жезломъ стойтъ...

Столешниковъ взглянулъ передъ собой.

Вправо, у особаго придѣла, полуосвѣщенная солнцемъ, на возвышенномъ мѣстѣ, за рѣшеткой, стояла мать Измарагда. Въ одной ея рукѣ были чотки, въ другой настоятельскій, высокій посохъ. Черная мантия крупными складками спадала вокругъ ея стройнаго, бодрого стана. Черный бархатный, съ воскрыльями, клобукъ красиво отгнѣялъ ея бѣлое, полное, съ большими сѣрыми глазами, усиками и гордо-очерченными губами, лицо. То была дѣйствительно львица: взоръ ея былъ спокоенъ. Но чувствовалось, — поведетъ она густою, черною бровью, двинетъ калиновымъ посохомъ, — и громы и молніи полетятъ изъ ея гордосложенныхъ губъ.

«Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ духа небснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную» — раздавалось съ клиросовъ. Народъ сталъ сильно толпиться у явленной иконы. Столешниковъ былъ смѣять, придавленъ и, какъ ничтожная былинка, оттертъ къ сторонѣ. Видѣлъ онъ новую страшную давку, привалъ и отвалъ народной волны. Видѣлъ, какъ нѣсколько инокинъ торопливо протолкались къ игуменьѣ, раболобно приняли ее подъ руки и торжественно и бережно повели изъ церкви. Измарагда шествовала тихо и важно, кланялась на обѣ стороны, среди раступившейся толпы, и ни на кого не глядѣла. — «Меня не замѣтила!» подумалъ Столешниковъ: «вѣрно обо мнѣ ей не сказали...»

— Доложите настоятелициѣ, что я съ письмомъ отъ Вечерней! — какъ-то особенно подбодрясь, сказалъ Аввакумъ Андреевичъ у входа къ игуменьѣ.

Его попросили подождать и ввели на верхъ въ какую-то, кипарисомъ и перцомъ, какъ показалось ему, пахнущую горенку.

Все здѣсь было уютно и чисто: бѣлые чахлы на мебели, бѣлая простилка на ярко-навощенномъ полу, лаковый поставецъ съ книгами, иконы въ углу. Ни звука не доходило сюда. Только лампы мигали у образовъ, да жѣрно стучало собственное сердце Столешникова. Четверть часа ждалъ онъ, полчаса. Никто не появлялся, никто о немъ не вспоминалъ.

— «Что же это?» разсуждалъ онъ: «сизу, какъ въ гробу... И ѣсть уже хочется... А имъ и дѣла нѣтъ до меня. Гдѣ они? чѣмъ заняты? И что дѣлаетъ, куда стремится эта странная, особая, непонятная мнѣ сила, — сила столькожъ народовъ, странъ и вѣвовъ?»

Дверь на-лѣво растворилась.

Въ той же мантии, съ тѣмъ же посохомъ и съ тѣмъ же выраженіемъ строгаго, бѣлаго лица, на порогѣ явилась мать Измарагда.

— Письмо отъ Аглаи Кириловны, сударь? спокойно и вѣжливо спросила она.

«Огоршупу ее, скажу, что за мужъ та выходить!» подумалъ Столешниковъ, подавая паветъ. — Игуменья вскрыла и стала читать письмо. Кромѣ письма въ паветѣ оказался, на крупную сумму, банковый билетъ. Игуменья будто его не замѣтила.

— Новый храмъ, съ Божьей помощью, мы затѣяли, — вздохнула, указывая гостю кресло и сама садясь, Измарагда: Аглаѣ Кириловнѣ не угодно участвовать въ построеніи... На пріютъ немощнымъ, да на школу она жертвуетъ.. Благодарны мы и за то...

Измарагда замолчала. — «Спрячетъ ли она въ карманъ билетъ?» думалъ, глядя на нее, Столешниковъ: «или не спрячетъ?»

— А какъ здоровье Аглаи Кириловны? спросила, небрежно кладя на столъ письмо и билетъ, игуменья.

— Завтра ея свадьба, — рѣзко отвѣтилъ Столешниковъ.

Измарагда и глазомъ не повела.

— Что же, Господь ей помощи, — глянувъ на образъ и тихо перебирая четки, сказала игуменья: жизнь человѣка не себѣ, но Богу. И въ семьѣ, сударь, можно спастись, лишь бы молитвы... Нестроеніе въ мірѣ, смуты и соблазнъ... Стефанъ Махрицкій, Меоодій Пѣсношскій, Нилъ Столбенскій — сколько богоносныхъ, святыхъ отецъ прежде въ мірѣ жили... А сподобилъ Господь, сошли на стезю спасенія... Такъ-то и мы, грѣшныя, такъ-то слѣпыя и плотоугодныя...

Какъ вадильный дымъ, возносился и таялъ голосъ игуменьи. Раздались чуть слышныя шаги. Вошла съ подносомъ келейница. Мать Измарагда подала Столешникову просвиру. — «Это, сударь, нашъ поклонъ и привѣтъ Аглаѣ Кириловнѣ», сказала Измарагда: «будемъ за нее молиться, будемъ Господа просить... А ты потрапезовать съ нами не желаешь ли?»

Столешниковъ отъ трапезы отказался.

«Сила! да какая, еще сила!» раздумывалъ онъ, ѣдучи, на вечернемъ поѣздѣ, въ Дубки.

Аглая и Ветлугинъ представлялись ему теперь нѣсколько въ иномъ свѣтѣ. На пути онъ услышалъ разговоръ о Ветлугинѣ, и этотъ разговоръ очень его занялъ.

— Ну, Антонъ Львовичъ, поздравляю, — сказалъ Столешниковъ, когда подали лампы и общество стало собираться въ залу, къ чайному столу: тебѣ предстоитъ выборъ въ уѣздный училищный совѣтъ, а не то и въ управу...

— Слышалъ, отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Поприме почтенное, продолжалъ Аввакумъ: сколько ты разныхъ злоупотребленій разгромишь и выведешь на свѣжую воду... Вонъ, посредникъ Антифѣевъ какія статьи печатаетъ о здѣшнихъ явленіяхъ... страсти!..

— Знаешь, — перебилъ пріятеля Ветлугинъ: мнѣ эта служба, еслибъ она дѣйствительно выпала мнѣ на долю, представляется совсѣмъ иначе.

— А какъ?

— А вотъ видишь ли. У Антифѣева волостныя власти разворовали весь мірской хлѣбъ и съ молотка продаютъ увольненія отъ рекрутчины, а онъ статьи пишетъ. Я бы не писалъ, а сѣлъ бы въ телегу, да понемногу лично и объѣхалъ бы всѣ триста или тамъ пятьсотъ гатей, плотинъ и мостовъ на проселкахъ нашего уѣзда, — да изучилъ бы всѣ овраги и провалы на дорогахъ, — изъ сельскихъ швонъ бы не выходилъ — дѣла всякаго не мало... А въ концѣ года что-нибудь путное и предложилъ бы собранію...

— «Колпакъ и размазня»! рѣшилъ, слушая Антона Львовича, Столешниковъ: «одно доброе дѣло на своемъ вѣку сдѣлать, ушкѣ Ключкова... Да и то, не будь я, — чорта бы съ два порѣшилъ онъ это дѣло такъ гладко...»

Когда всѣ усѣлись къ чаю, значительно выпившій Филатъ, покачиваясь, подаль Аглаѣ на подносѣ, присланное начальникомъ станціи, заграничное письмо. — «Съ поѣздомъ давече пришло», пояснилъ Филатъ. Аглая прочла это письмо и, отирая радостныя слезы, передала его жениху.

«Отъ Кирилы Григорыча!» пронеслось у всѣхъ въ головѣ. Общество на нѣсколько мгновеній смолкло...

Антонъ Львовичъ подселъ къ лампѣ и сталъ про себя читать письмо. Кирило Григорычъ подтверждалъ въ немъ, переданное уже по телеграфу, свое согласіе на бракъ Аглаи съ избраннымъ ею женихомъ. Онъ поздравлялъ ихъ отъ всей души и, говоря, что, съ первой-же встрѣчи съ Антономъ Львовичемъ, онъ крѣпко его полюбилъ и считалъ какъ-бы за сына, сожалѣлъ, что пріѣхать къ свадьбѣ не можетъ. — «Докторъ Фоссъ не пускаетъ,» — писалъ Вечерневъ: «говорить, что всякая тревога и сильная радость мнѣ еще вредна. Надо подождать. Я съ нимъ сѣзидилъ въ Женеву и не только тамъ совершилъ, но уже и выслалъ, черезъ посольство, на твое имя, Аглая, формальную дарственную запись на всё мое имѣніе. Послѣ происшествія съ аббатомъ, я уже не довѣряю ни себѣ, ни своей способности распорядиться хозяйственными дѣлами. Оставаясь же на нѣкоторое время въ Швейцаріи, я надѣюсь, что вы, мои друзья, съ весны меня навѣстите и дадите мнѣ лично насладиться вашимъ обоимъ счастьемъ. Квартиры не переменяю. Найдете меня все тамъ же, на берегу озера, въ Монтрѣ, — въ «Швейцарскомъ пансіонѣ». Но если бы, паче чаянія, мнѣ и окончательно предписали остаться здѣсь, я роптать не буду. Не тебѣ, Алинька, быть въ монастырѣ, а скорѣе мнѣ. Ты молода и много еще можешь принести пользы и счастья себѣ и другимъ. Только мой монастырь будетъ въ иномъ родѣ... Вотъ осудила бы мать Измарагда, еслибъ узнала, что я называю монастыремъ... Видѣ на озеро и на голубыя горы, виолончель, книги и журналы (надѣюсь, будете высылать мнѣ и русскія), банкетная выпивочка (это мнѣ скоро уже общаются), стаканъ рейнскаго Liebfrauen-Milch, изрѣдка бесѣды съ новымъ другомъ моимъ, докторомъ Милунчиновымъ, — онъ остается въ Женевѣ — хочетъ изучать душевныя болѣзни, — вотъ мое затворничество. На него я выговариваю себѣ, мои друзья, отъ васъ немного (въ письмѣ названа весьма скромная цифра). Экстренныхъ расходовъ у меня не будетъ. Развѣ на покупку цвѣтовъ, для которыхъ содержательница пансіона, въ видѣ особаго исключенія, уступаетъ мнѣ еще и уголь въ своемъ верхнемъ, виноградномъ саду. Да пришлите мой переводъ Мильтона — я нашелъ новыя комментаріи на этого поэта и займусь ими...»

Антонъ Львовичъ прочелъ собесѣдникамъ это письмо. Всѣ заговорили о Кирилѣ Григорычѣ и о былыхъ временахъ Дубовъ. Лампы ярко освѣщали залъ и ряды фамиліальныхъ портретовъ, ласково смотрѣвшихъ теперь изъ потемнѣлыхъ рамъ на все общество. Дверь на балконъ была открыта.

Столешниковъ развернулъ губернскія вѣдомости, также привезенныя съ почты. Вдругъ онъ измѣнился въ лицѣ и судорожно скомкалъ газету...

— Что съ тобой? спросилъ его Антонъ Львовичъ.

— Представь, — испуганно и растерянно озираясь, отвѣтилъ Столешниковъ: пишутъ, что прокуроръ нашелъ какія-то не-правильности въ разбирательствѣ процесса Ключкова и подалъ протестъ, — рѣшеніе присяжныхъ, вѣроятно, будетъ отменено...

Эту вѣсть и Антонъ Львовичъ встрѣтилъ равнодушно. Пальцы рукъ его дрогнули. Краска бросилась ему въ лицо. Онъ взялъ газету.

— Мошнѣй тряхнулъ Петрайка, — басомъ шепнулъ брату дьяконъ Софроній.

— Я не теряю надежды! — пробѣжавъ замѣтку, сказалъ Антонъ Львовичъ: судъ помѣряется съ Ключковымъ и передъ другими присяжными.

— О, разумѣется, подхватилъ Столешниковъ: я ему теперь покажу... Все выясню предъ судомъ...

Храбрость Аввакума Андреича, однако, вскорѣ погасла. Онъ смолкъ и совсѣмъ отпѣшилъ.

Стали накрывать ужинъ. Общая дружеская бесѣда возобновилась. Отецъ Адріанъ прохаживался по залѣ, разговаривая съ дочерью о внучатахъ. Отецъ Софроній доказывалъ Фокину возможность лицепріятія со стороны прокурора. Антонъ Львовичъ, не выпуская изъ рукъ похолодѣвшей руки Столешникова, старался его утѣшить надеждой на новый бой съ Ключковымъ. Но, ободряя упавшаго духомъ пріятеля, Ветлугинъ самъ чувствовалъ, что его слова не совсѣмъ искренни и что въ нихъ звучала какая-то фальшивая нота.

Аглая слушала Антона Львовича и не спускала съ него глазъ. — «Ну, есть ли хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ лучше его?» думала она: «и въ силахъ ли я его осчастливить? О, еслибы я могла быть его достойной!»

Замѣтивъ отсутствіе Льва Саввича, она незамѣтно встала и вышла въ гостиную, а оттуда на балконъ. Старикъ Ветлугинъ давно здѣсь стоялъ, наслаждаясь тишиной и свѣжестью ясной ночи.

— Что вы смотрите? спросила Аглая, подходя къ нему.

— Любуюсь звѣздами... Чудная ночь... и сколько ихъ!.. Тамъ всегда бываетъ въ свѣтлыя, сентябрьскія ночи... Вонъ сыплются, мерцаютъ, и будто падаютъ въ этотъ голубой туманъ... Мириады звѣздъ!.. Но я ищу между ними одну... ты ее знаешь...

Аглая не дала договорить Льву Саввичу. Она его обняла.

— Папенька, вы не откажете мнѣ? спросила она.

— Въ чемъ?

— Не покидайте насъ, оставайтесь жить съ нами! Вамъ у насъ будетъ хорошо... Библіотека, садъ, цвѣты...

— Нѣтъ, милая, нѣтъ, дорогая,—сказалъ Левъ Саввичъ: всякому свое... У меня на рукахъ школа,—росточекъ только пустила, далеко еще до плода. Надо её сберечь и дать ей окрѣпнуть. А вотъ, если сыну дѣйствительно удастся работать по земству и въ съ нимъ успѣете устроить твердую поддержку моей школѣ, я вамъ буду очень благодаренъ.

Левъ Саввичъ не договорилъ. Много мыслей роилось въ его головѣ. Ласково обнимая Аглаю, онъ продолжалъ смотрѣть въ ясное, звѣздное небо и, не замѣчая подошедшаго къ нему сына, разсуждалъ: «И меня несли сердитыя, тѣмныя волны... роковой валъ подхватывалъ... И меня къ тихой пристани привела та далекая, — эта чистая и свѣтлая звѣзда.»

Вскорѣ послѣ свадьбы, Ветлугинъ дѣйствительно былъ избранъ въ члены училищнаго совѣта, а вслѣдъ затѣмъ и въ члены уѣздной управы. Служба, однако, ему не повезла. Послѣ ряда стычекъ съ новымъ предводителемъ, оставшимъ пятидесятилѣтнимъ, но малограмотнымъ поручикомъ, вездѣ и во всемъ видѣвшимъ козни, крамолу и чуть не близкое пришествіе антихриста, онъ взялъ отпускъ, и черезъ два мѣсяца вышелъ въ отставку. Ключевъ незадолго передъ тѣмъ судился вторично и, благодаря усиліямъ своего адвоката, былъ оправданъ. Столешниковъ собирався возобновить противъ него искъ съ другой стороны, а именно—за растрату имущества Вечерѣвыхъ. Школа Льва Саввича, при пособіи невѣстки и кое-кого изъ горожанъ, процвѣтала.

Былъ августъ 1873 года.

На Вѣнской всемірной выставкѣ, въ отдѣлѣ «Искусствъ» прогуливались двое русскихъ. То были Ветлугинъ и Аглая. Они особенно долго стояли передъ картиной Глѣза «Комедія человѣческихъ глупостей». Глядя на изображеніе пытокъ и казней въ библейскія, средневѣковыя и позднѣйшія времена, Ветлугинъ сказалъ: «Вѣчная смѣна людскихъ заблужденій... Чтѣ вчера было закономъ, утѣшеніемъ и гордостью человѣчества, то сегодня отвергнуто, осуждено, отдано огню и мечу... Но жизнь не останавливается. Она идетъ впередъ... И какъ бы ни угнетали, какъ бы

ни преслѣдовали человѣка за его стремленія къ общему благу, къ торжеству истины на землѣ,—этихъ стремленій не истребить ничѣмъ...»

За спиной Ветлугина послышались голоса. Онъ оглянулся. Въ сопровожденіи переводчика и двухъ вѣнскихъ тузовъ,—толстаго, съ краснымъ лицомъ, банкира и тщедушнаго, въ парикѣ и съ ленточкой въ петлицѣ, журналиста,—шелъ Клочковъ. — «Excellenz, Excellenz!» вертѣсь передъ Клочковымъ и указывая ему на картину Реньо «Судъ въ Марокко» —картавилъ журналистъ: «da ist nun eine Celebrität für ihre Palais, Excellenz!...» —Глаза Клочкова, однако, намѣтили другую картину, а именно: французское изображеніе роскошной, обнаженной женщины. Онъ сказалъ переводчику: «Вотъ, батюшка, штука, такъ мое почтеніе! за эту я бы не пожалѣлъ ничего!» и скрылся въ разноязычной толпѣ, жадно тѣснившейся передъ лишенной одеждъ красавицей.

Григорій Данилевскій.

СОБСТВЕННЫЙ РОМАНЪ ЛИТЕРАТОРА

Lettres à une inconnue, par Prosper Mérimée de l'Académie Française. Paris, Michel Lévy frères, éditeurs. 1874.

Прошло болѣе трехъ лѣтъ, какъ умеръ одинъ изъ извѣстныхъ писателей Франціи, и только недавно открылось, что онъ велъ въ теченіи почти тридцати лѣтъ переписку съ дамой, имя которой остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Было высказано много догадокъ по этому поводу; быть можетъ, это просто мемуары, которымъ авторъ сообщилъ оригинальную форму воображаемой переписки, съ цѣлью замѣнить однообразие монолога постоянною бесѣдою съ какимъ-то отсутствующимъ лицомъ. Во всякомъ случаѣ, интересъ переписки Меримэ зависитъ вовсе не отъ личности его неизвѣстнаго корреспондента: эта переписка весьма характеристична сама по себѣ, и она займетъ видное мѣсто въ числѣ литературныхъ памятниковъ для изученія эпохи и общества второй имперіи.

Просперъ Меримэ родился въ самыхъ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія: онъ былъ ровесникомъ Пушкина — тремя-четырьмя годами моложе его.

Кончивъ свое юридическое образованіе, онъ поступилъ въ сословіе адвокатовъ, но не велъ процессовъ, а перешелъ на государственную службу и занимался археологіей и литературой. Въ 1834 г. онъ назначенъ инспекторомъ историческихъ памятниковъ во Франціи и совершилъ нѣсколько археологическихъ поѣз-

докъ, отчетъ о которыхъ представилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій ¹⁾. Въ 1844 г. его выбрали въ члены французской академіи на мѣсто Ноддѣ, а въ 1853 г. сдѣлали сенаторомъ. Вотъ вся его карьера. Въ то же самое время Меримэ былъ близокъ ко двору, постоянно сопровождалъ императора и императрицу въ Фонтенблô, въ Компіенъ и въ Біаррицъ. Былъ слухъ, что онъ состоялъ въ морганатическомъ бракѣ съ матерью императрицы Евгеніи, графиней Монтихо. Въ его перепискѣ находится, потому, много интересныхъ эскизовъ придворныхъ увеселеній и распущенности нравовъ высшаго общества второй имперіи, но послѣднихъ немного; онъ вообще предпочитаетъ не распространяться объ этомъ щекотливомъ вопросѣ и отдѣливается законическимъ заявленіемъ: «У насъ здѣсь одна скандальная исторія смѣняется другой, еще болѣе скандальной... Все это весьма поучительно и заставляетъ опасаться, что близко свѣтопреставленіе...»

Свою литературную репутацію Меримэ составилъ повѣстями, критическими статьями и историческими и правоописательными очерками и романами. Для насъ, русскихъ, Меримэ имѣлъ особый интересъ, какъ французъ, хорошо знавшій русскій языкъ, интересовавшійся нашей литературой, и печатавшій критическія статьи о Пушкинѣ и Тургеневѣ. Меримэ даже написалъ нѣсколько произведеній, героями которыхъ являются Петръ Великій, Іоаннъ Дмитрій, Стенька Разинъ, княжна Тараканова.

Вотъ какъ онъ отзывался о Пушкинѣ и И. С. Тургеневѣ:

«... Я увожу съ собой новое изданіе сочиненій Пушкина и обѣщаю написать о немъ статью. Я читаю его лирическія стихотворенія и нахожу между ними много великолѣпнаго, совершенно въ моемъ вкусѣ, то-есть греческое по правдѣ и простотѣ. Есть, однако, довольно игривыя стихотворенія, которыя мнѣ бы хотѣлось перевести, потому что въ этомъ родѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ мнѣ кажется превосходенъ по точности и ясности...»

«... Рекомендую вамъ въ „*Revue des deux Mondes*“ романъ г. Тургенева, корректуру котораго мнѣ должны доставить и который прочитанъ мною по-русски. Онъ называется «*Отцы и Дети*». Въ немъ проведена параллель между поколѣніемъ, сходящимъ со сцены, и поколѣніемъ, вступающимъ въ жизнь. Въ немъ есть герой, представитель новаго поколѣнія, социалистъ, матеріалистъ и реалистъ, но весьма умный и интересный чело-

¹⁾ „Voyage dans le midi de la France“ (1835), „Voyage dans l'ouest de la France“ (1836), „Voyage en Auvergne et dans le Limousin“ (1838) и „Notices sur les peintures de l'église de St. Savin“ (1845).

вѣтъ. Это весьма оригинальный характеръ, который вамъ понравится, надѣюсь. Этотъ романъ произвелъ большую сенсацию въ Россіи, и противъ автора сильно возставали, обвиняя его въ безбожїи и безнравственности. По моему мнѣнію, наилучшее доказательство успѣха то, когда сочиненіе вызываетъ подобную бурю въ публикѣ...»

По поводу романа И. С. Тургенева «Дымъ», Меримѣ рассказываетъ слѣдующую забавную исторію:

«Существуетъ на свѣтѣ князь Августинъ Голицынъ, который перешелъ въ католицизмъ и не очень силенъ въ русскомъ языкѣ. Онъ перевелъ романъ г. Тургенева «Дымъ», который печатается въ „Correspondant“, клерикальномъ органѣ. Мнѣ поручили просмотрѣть корректуру. Между тѣмъ въ этомъ романѣ есть вещи довольно смѣлыя, которыя приводятъ въ отчаяніе князя Голицына; такъ, напримѣръ, о ужасъ! есть русская княгиня, занимающаяся любовью съ отягчающимъ обстоятельствомъ супружеской невѣрности. Онъ пропускаетъ мѣста, особенно коробящія его, а я ихъ восстанавливаю по подлиннику. Князь весьма щекотливъ, какъ вы увидите. Знатная дама позволяетъ себѣ придти на свиданіе съ своимъ любовникомъ въ отель, въ Баденѣ. Она входитъ въ его комнату, и на этомъ глава кончается. Слѣдующая начинается такими словами въ русскомъ оригиналѣ: «Два часа спустя, Литвиновъ сидѣлъ одинъ на своемъ диванѣ». Неокатоликъ перевелъ: «*Часъ* спустя, Литвиновъ былъ въ своей *комнатѣ*». Какъ видите, это гораздо нравственнѣе, и сократить время на одинъ часъ, значитъ ослабить на половину грѣхъ. Затѣмъ, комната—вмѣсто дивана; это гораздо добродѣтельнѣе: диванъ можетъ служить для предосудительныхъ цѣлей. Но я, непреклонный на счетъ возложенныхъ на меня обязанностей, восстановилъ «два часа» и «диванъ»: однако главы, гдѣ это находится, не появились въ „Correspondant“ за нынѣшній мѣсяцъ. Полагаю, что почтенные люди, редактирующіе его, подвергли ихъ безусловной цензурѣ. Это меня очень забавляетъ. Если романъ будетъ печататься дальше, то они найдутъ прекрасную сцену, гдѣ героиня рветъ кружево; это гораздо рискованнѣе дивана. Я жду ихъ на этомъ...»

Вотъ и другой анекдотъ, не менѣе забавный и довольно характеристичный въ своемъ родѣ. Когда Меримѣ писалъ статью о Пушкинѣ, у него не оказалось сочиненій послѣдняго подъ руками. Но выслушаемъ его самого: «...всего курьезнѣе, что я написалъ статью, не имѣя Пушкина при себѣ. Приведенные мною стихи я выучилъ наизусть въ ту эпоху, когда я бредилъ всѣмъ русскимъ. Здѣсь

много русскихъ, и я поручилъ одному изъ своихъ друзей доставить для меня томъ отдѣльныхъ стихотвореній въ русской колоннѣ. Онъ обратился къ очень хорошенькой женщинѣ, которая вмѣсто стиховъ прислала мнѣ огромный кусокъ рыбы, пойманной въ Волгѣ и двухъ птицъ изъ того же края; все это было сварено въ нѣсколькихъ метрахъ отъ полюса. Но оно было довольно вкусно. Рыба должно быть была величиной пять-шесть футовъ, судя по тому куску, который мнѣ прислали... Конечно, прислать съѣстного вмѣсто стиховъ, не значитъ подать камень вмѣсто хлѣба, и быть можетъ нѣкоторые отечественные гастрономы найдутъ совсѣмъ противное... Но все же, согласитесь, это довольно оригинально. А еще говорятъ, что русскія дамы не хозяйки! Это ли еще не *хозяйственность*. Въ Парижѣ съ своей провизіей забралась...

Какъ человекъ весьма образованный — Меримэ зналъ семь языковъ и ихъ литературу: итальянскій, греческій, латинскій, англійскій, испанскій, русскій и нѣмецкій, и, кромѣ того, понималъ нѣсколько испанскихъ нарѣчій — но, тѣмъ не менѣе, онъ всю жизнь оставался дилеттантомъ и переходилъ отъ одного занятія къ другому, не останавливаясь ни на какой спеціальности. Въ концѣ жизни онъ заинтересовался филологіей и занимался изученіемъ сравнительной грамматики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ знатокъ въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи, и самъ прекрасно рисовалъ акварелью.

Но дилеттантизмъ наложилъ на него свою неизгладимую печать, и его переписка ¹⁾, весьма живо рисуящая его какъ человека, производитъ отчасти странное впечатлѣніе. Читается она съ живѣйшимъ интересомъ. Въ ней яркими блестками разсыпаны остроумныя и мѣткія замѣчанія, оригинальныя мысли, высказываются благородныя чувства, читатель вообще видитъ, что имѣетъ дѣло съ очень умнымъ, даровитымъ и образованнымъ человекомъ... и совсѣмъ тѣмъ, въ концѣ-концовъ, ощущаетъ какую-то пустоту и неудовлетворенность. Самой симпатичной чертой въ этихъ письмахъ и въ ихъ авторѣ является его прочная привязанность къ «незнакомѣ», начавшаяся съ любви и кончившаяся дружбой. Но какъ одностороненъ и зачастую мелокъ авторъ въ своихъ политическихъ взглядахъ, какимъ индифферентизмомъ и холодомъ вѣетъ отъ его сужденій о самыхъ крупныхъ

¹⁾ Счетомъ 332 письма.

политическихъ событіяхъ! Съ какимъ страннымъ въ такомъ высокообразованномъ человѣкѣ глумленіемъ и дѣтской враждой относится онъ, напримѣръ, къ Гарибальди и къ освобожденію Италіи, причѣмъ у него вырывается слѣдующій бездушный возгласъ: «какое намъ дѣло до свободы какой-то оравы печниковъ и музыкантовъ!»

Онъ, впрочемъ, удѣляетъ политикѣ сравнительно мало мѣста и какъ-бы съ нѣкотораго рода безразличностью спѣшитъ пройти мимо... «Политика, которую я перестаю совсѣмъ понимать, не можетъ служить для меня пріятнымъ развлеченіемъ», пишетъ онъ въ 1870 г. «Мнѣ кажется, что мы идемъ къ революціи худшей, чѣмъ та, которую мы пережили вмѣстѣ довольно весело (!) двадцать лѣтъ тому назадъ». И затѣмъ прибавляетъ: «я бы желалъ, чтобы представленіе нѣсколько отсрочилось, чтобы не присутствовать на немъ»!

Право, это восклицаніе образованнѣйшаго европейца невольно приводитъ на память возгласъ дикой Кабанихи, радующейся, что ее не будетъ на свѣтѣ, когда люди станутъ ѣздить на огненномъ змѣѣ.

Скептикъ и мизантропъ, Меримэ всю жизнь провелъ безстрастнымъ наблюдателемъ. Онъ много путешествовалъ, былъ два раза въ Греціи и на Востокѣ, нѣсколько разъ посѣтилъ Англію, Испанію и другія страны, вездѣ наблюдалъ нравы, какъ высшего общества, такъ и самыхъ низменныхъ слоевъ. «Я неоднократно», говоритъ онъ, «ѣдалъ изъ одной миски съ людьми, на которыхъ англичанинъ не захотѣлъ бы взглянуть, изъ боязни осквернить свое око. Я пивалъ изъ одной фляжки съ каторжниками». Онъ водился съ гитанами и торреадорами, бесѣдовалъ много съ крестьянами и крестьянками и занималъ ихъ своими разсказами. Онъ искалъ безыскусственныхъ и цѣльныхъ типовъ «изъ безпредѣльнаго любопытства познакомиться со всѣми разновидностями человѣческой породы». Но всегда и вездѣ оставался любопытнымъ и равнодушнымъ, порою даже бездушнымъ зрителемъ. «Съ женщинами въ Тиролѣ обращаются, по моему мнѣнію, такъ, какъ онѣ того заслуживаютъ. Ихъ привязываютъ къ телѣгамъ и онѣ успѣшно везутъ на себѣ большія тяжести. Онѣ показались мнѣ весьма безобразными, съ огромными ногами...» Это, конечно, не болѣе какъ *бутада*, но она весьма характеристична, потому что то же отношеніе, хотя менѣе рѣзко выраженное, проскользываетъ во многихъ мѣстахъ переписки; авторъ, который, рассчитывая на посмертное изданіе этихъ писемъ несомнѣнно, — по сло-

вамъ Лун-Блана, сказаннымъ о m-me Роланъ, — *a fait toilette pour la postérité.*

Доказательство того, что онъ непременно рассчитывалъ на посмертное изданіе своихъ писемъ, находимъ въ одномъ изъ нихъ, гдѣ онъ говоритъ, по поводу одного изъ своихъ историческихъ сочиненій, что не стоило изъ-за него ѣздить нюхать пыль испанскихъ архивовъ, и выражаетъ надежду, что его будущій биографъ отдастъ должную дань честности этого признанія.

Интересную характеристику Проспера Меримэ даетъ Тэнъ:

«Я встрѣчался не разъ съ Меримэ въ свѣтѣ. Это былъ высокій, прямой, блѣдный человѣкъ, смахивавшій, за исключеніемъ улыбки, на англичанина; по крайней мѣрѣ онъ отличался тѣми холодными церемонными манерами, которыя впередъ исключаютъ всякую фамильярность. Въ немъ на первый же взглядъ бросались въ глаза флегма естественная или напускная, самообладаніе, сила воли и сдержанность. При церемонныхъ отношеніяхъ фізіономія его пребывала особенно безстрастной. Но даже въ интимномъ кружкѣ и когда онъ рассказывалъ забавный анекдотъ, голосъ его оставался ровнымъ, спокойнымъ; онъ никогда не возвышалъ его, никогда не горячился; онъ передавалъ самыя уморительныя подробности въ приличныхъ выраженіяхъ, тономъ человѣка, который проситъ чашку чаю. Чувствительность свою онъ обуздывалъ съ такимъ совершенствомъ, что казалось ее вовсе у него не было. Надо сказать и то, что дрессировка началась спозаранку. Десяти или одиннадцати лѣтъ онъ въ чемъ-то провинился; его строго пожурили и выслали изъ гостиной. Въ слезахъ, въ смущеніи, онъ затворилъ за собою дверь, но вдругъ услышалъ смѣхъ; кто-то сказалъ: «бѣдный ребенокъ! онъ думаетъ, что мы очень разсердились!» — Мысль о томъ, что онъ въ дуракахъ, возмutilа его, и онъ далъ себѣ слово обуздывать такую унижительную чувствительность и сдержалъ его. *Mémoire à soi-même* (не забывай быть на сторожѣ) — стало его девизомъ.

«Избѣгать откровенности, увлеченія, энтузіазма, никогда и ничему не предаваться вполне, постоянно держать себя на уздѣ, не давать себя обманывать ни другимъ, ни самому себѣ, дѣйствовать и писать, какъ-бы въ вѣчномъ присутствіи равнодушнаго и насмѣшливаго зрителя, быть самымъ этимъ зрителемъ — вотъ самая рѣзкая черта, укоренившаяся въ его характерѣ и отразившаяся на всѣхъ сторонахъ его жизни, произведеній и таланта.

«Онъ жилъ, какъ аматёръ: рано приобрѣта нѣкоторое довольство, Меримэ затѣмъ получилъ покойную и выгодную должность

инспектора надъ историческими памятниками, наконецъ, мѣсто въ сенатѣ и положеніе при дворѣ. По отношенію къ историческимъ памятникамъ онъ былъ компетентнымъ, дѣтельнымъ и полезнымъ человекомъ; въ сенатѣ онъ велъ себя настолько порядочно, что всего чаще отсутствовалъ или молчалъ; при дворѣ отличался независимостью и откровенностью сужденій.

«Путешествовать, изучать, наблюдать, проходить зрителемъ мимо людей и вещей—вотъ въ чемъ состояло его занятіе. Оффиціальныя узы не особенно стѣсняли его. Къ тому же, таковой умный человѣкъ заставляетъ себя уважать *quand même*; его иронія прибавляетъ наилучшую броню. Такимъ образомъ, въ немъ жило два лица: одно, находясь въ обществѣ, прилично отправляло обязательныя и условныя церемоніи; другое—стояло возлѣ перваго и съ насмѣшливымъ или смиреннымъ видомъ наблюдало за нимъ».

Письма Меримэ къ «Незнакомкѣ» принадлежать двумъ періодамъ. Первый, когда онъ влюбленъ въ нее и постоянно ссорится съ нею, упрекаетъ ее въ холодности, эгоизмѣ, чопорности и проч. Второй періодъ, когда влюбленность смѣняется дружбой, которая и не ослабѣваетъ до самой смерти Меримэ.

О «Незнакомкѣ» можно сказать только, что она англичанка, принадлежала къ высшему обществу и пользовалась нѣкоторой независимостью, благодаря наслѣдству, полученному отъ бузена. Она любила путешествія, природу, музеи и памятники искусства. Меримэ занимается ея образованіемъ, направляетъ ея чтенія, внушаетъ ей любовь къ изученію языковъ и даже греческаго.

Знакомство ихъ, сколько можно судить по намекамъ, завязалось не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Долгое время какія-то неизвѣстныя соображенія препятствовали «Незнакомкѣ» вести открытое знакомство съ Меримэ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они видались украдкой, въ музеяхъ, въ картинныхъ галлерейхъ, совершали таинственныя прогулки по окрестностямъ Парижа. Впрочемъ, свиданія эти происходили весьма рѣдко, и Меримэ высчитываетъ, что въ теченіе шести лѣтъ они видѣлись шесть или семь разъ, и если сосчитать всѣ минуты, которыя они провели вмѣстѣ, то въ результатѣ получится всего какихъ-нибудь три или четыре часа. Насколько можно понять, родственныя отношенія удерживали «Незнакомку» во Франціи, гдѣ она проводила одну часть времени въ Парижѣ, а другую въ провинціи.

Въ ту эпоху, когда завязалась эта переписка, пріятельница Меримэ была очень хороша собой, съ великолѣпными черными глазами, о которыхъ онъ неоднократно упоминаетъ въ письмахъ, съ чудными волосами, аристократическими ручками и таліей сильфиды. Что касается ея отношеній къ Меримэ, то легко догадаться, что она не была влюблена въ него, и это обстоятельство вызывало безконечныя препирательства и ссоры.

Кривизъ длился три года, съ 1841 г., къ которому относятся его первыя письма, не помѣченные никакимъ числомъ, и по 1843 г. Послѣ того характеръ переписки совершенно измѣняется, и она продолжается въ неизмѣнно дружескомъ, подчасъ нѣжномъ, но постоянно спокойномъ и ровномъ тонѣ. Меримэ захватилъ начало нѣмецкаго погрома, постигшаго его родину. Въ послѣднихъ письмахъ его звучитъ грустная нота, вызываемая предчувствіемъ, что разыгравшаяся буря кончится торжествомъ республики, которая, по мнѣнію Меримэ, есть не что иное, какъ *организованный безпорядокъ*.

Вотъ письма изъ перваго періода:

Парижъ, четвергъ.

Я получилъ *in due time* ваше письмо. Все въ васъ таинственно, и однѣ и тѣ же причины заставляютъ васъ дѣйствовать противно тому, какъ поступили бы всѣ остальные смертные. Вы ѣдете въ деревню—прекрасно... Это значить, что у васъ будетъ много досуга писать, потому что въ деревнѣ дни тянутся медленно, и бездѣйствіе поощряетъ писать письма. Въ то же самое время, такъ какъ бдительность и тревога вашего дракона лишится узды, налагаемой правильными городскими занятіями, то васъ ожидаетъ больше разспросовъ въ случаѣ, если вы получите письмо. Къ тому же, въ деревнѣ письмо составляетъ событіе. Не тутъ-то было: вы не можете писать, но за то можете получать письма сколько душѣ угодно. Я начинаю привыкать къ вашимъ фокусамъ и ничему больше не удивляюсь. Впрочемъ, прошу васъ, пощадите меня и не слишкомъ злоупотребляйте несчастной склонностью, которую я приобрѣлъ, самъ не зная какъ, находить прекраснымъ все, что идетъ отъ васъ.

Мнѣ помнится, что я былъ слишкомъ откровененъ въ послѣднемъ письмѣ, говоря вамъ о своемъ характерѣ. Одинъ старый дипломатъ, пріятель мой, человѣкъ очень тонкій, часто говорилъ мнѣ: «никогда не отвыкайте дурно о самомъ себѣ. Друзья

ваши достаточно наговорять про васъ дурного». Я начинаю бояться, чтобы вы не приняли буквально всего, что я насквозь вамъ о себѣ худого. Представьте, что моя величайшая добродѣтель—это скромность; я довожу ее до крайности и трепещу, какъ бы это не повредило мнѣ въ вашемъ мнѣніи. Въ другой разъ, когда на меня найдетъ вдохновеніе, я съ точностью перечислю всѣ свои добродѣтели. Списокъ будетъ длинный. Сегодня я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ и не рискую пускаться въ эту «безконечную прогрессію».

Угадайте, попробуйте, гдѣ я былъ въ субботу вечеромъ, и что я дѣлалъ въ полночь. Я находился на площадкѣ одной изъ башенъ *Notre-Dame* и пилъ апельсиновый лимонадъ въ обществѣ четырехъ друзей и дивной луны, съ придачей огромной совы, хлопавшей крыльями вокругъ насъ.

Парижъ, въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно красивъ при лунномъ свѣтѣ и въ этотъ часъ ночи. Онъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ городовъ, о которыхъ говорится въ «*Тысяча и одна ночь*», и гдѣ всѣ жители погружены въ очарованный сонъ. Парижане вообще ложатся спать въ полночь, что очень глупо съ ихъ стороны. Наша *party* была довольно любопытна: она состояла изъ представителей четырехъ націй, изъ которыхъ каждый думаетъ по-своему. Скучно было то, что нѣкоторые изъ насъ, въ присутствіи луны и совы, сочли нужнымъ настроить себя на поэтическій ладъ и наговорить общихъ мѣстъ. Впрочемъ, мало-по-малу всѣ принялись говорить вздоръ.

Не знаю, отчего и въ силу какой связи идей, этотъ поэтический вечеръ напомнилъ мнѣ другой, отнюдь не поэтический. Я былъ на балу, даваемомъ молодыми людьми, моими пріятелями, и на который были приглашены всѣ оперныя фигурантки. Эти женщины, по большей части, глупы; но я замѣтилъ, насколько онѣ выше по деликатности чувствъ мужчинъ того же класса. Только одинъ недостатокъ отдѣляетъ ихъ отъ остальныхъ женщинъ: бѣдность. Объ эти рапсодіи, вѣроятно, очень возмутятъ васъ. Потому спѣшу кончить, что мнѣ слѣдовало сдѣлать гораздо раньше.

Прощайте. Не сердитесь за малолестный портретъ, который я набросалъ вамъ о самомъ себѣ.

Парижъ.

Остеровенность и правда рѣдко ведутъ къ добру съ женщинами; онѣ почти всегда ведутъ къ злу. Вотъ вы теперь смотрите на меня, какъ на Сарданапала, потому что я былъ на балу съ

оперными фигурантами. Вы меня упрекаете за этотъ вечеръ, какъ за какое-нибудь преступленіе, и ставите въ особенную вину, что я хорошо отзывался объ этихъ бѣдныхъ дѣвочкахъ. Повторяю, сдѣлайте ихъ богатыми, и у нихъ останутся только ихъ добрыя качества. Но аристократія возвела неодолимыя преграды между различными классами общества, дабы нельзя было видѣть, насколько то, что происходитъ по одну сторону преграды, похоже на то, что дѣлается по другую сторону. Мнѣ хочется разсказать вамъ одну исторію ихъ оперныхъ нравовъ, которую я узналъ въ этомъ, столь развращенномъ, обществѣ. Въ одномъ домѣ улицы Сент-Оноре жила-была бѣдная женщина, никогда не выходившая изъ маленькой комнаты подъ крышей, которую она нанимала за три франка въ мѣсяцъ. У ней была дочь двѣнадцати лѣтъ, очень приличная на видъ, скромная, которая ни съ кѣмъ не разговаривала. Эта дѣвочка уходила изъ дому три раза въ недѣлю послѣ полудня и возвращалась домой одна въ полночь. Довзались, что она была фигуранткой въ оперѣ. Однажды она сошла къ привратницѣ и попросила зажженную свѣчу. Ей дали. Привратница, дивясь, что она не возвращается, вошла на ея чердакъ и нашла женщину мертвой, а дѣвочку занятой сожженіемъ огромной кипы писемъ, которыя она вынимала изъ большого чемодана. Она сказала: «моя мать умерла нынѣшней ночью и поручила мнѣ сжечь всѣ ея письма, не читая ихъ». Эта дѣвочка никогда не знала настоящаго имени своей матери. Она осталась теперь одинокой въ мірѣ; единственный ресурсъ ея представлять коршуновъ, обезьянъ и чертей въ оперѣ.

Послѣднимъ совѣтомъ ея матери было оставаться фигуранткой и вести себя хорошо. Она очень скромна, набожна и неохотно разсказываетъ свою исторію. Скажите на милость: развѣ этой дѣвочкѣ не приносить больше чести жизнь, которую она ведетъ, чѣмъ вамъ, пользующейся необыкновеннымъ счастьемъ жить въ избранной средѣ и надѣленной такой утонченной натурой, что для меня эта натура резюмируетъ отчасти цѣлую цивилизацію? Надо вамъ сказать правду. Я выношу дурное общество лишь съ большими промежутками и вслѣдствіе непреодолимаго любопытства ознакомиться со всѣми разновидностями человѣческой породы. Я никогда не рѣшаюсь водиться съ дурной мужской компаніей. Въ ней есть что-то отвратительное, особенно у насъ, потому что въ Испаніи я постоянно водился съ погонщиками муловъ и торреадорами. Я часто ѣдалъ изъ одной миски съ людьми, на которыхъ англичанинъ не рѣшился бы взглянуть

изъ боязни осквернить свое око. Я пивалъ изъ одной фляжки съ каторжникомъ. Надо сказать и то, что другой фляжки не было и что нельзя не пить, когда пить хочется. Не заключайте изъ этого, что я питаю пристрастіе въ сволочи. Я просто люблю наблюдать другіе нравы, другія лица, слушать другую рѣчь. Идеи всегда остаются однѣ и тѣ же, если оставить въ сторонѣ все условное, и мнѣ сдается, что *savoir-vivre* можно найти не въ однихъ лишь салонахъ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Все это арабская грамота для васъ, и я не знаю, зачѣмъ я вамъ это говорю.

Парижъ.

Ваша упрёки меня очень забавляютъ. Право, я въ милости у волшебницъ. Я часто спрашиваю себя, чтó я такое для васъ и чтó вы такое для меня? На первый вопросъ я не могу отвѣтить; что касается второго, то мнѣ кажется, что я люблю васъ, какъ любилъ бы четырнадцатилѣтнюю племянницу свою, которую бы воспитывалъ. Что касается вашего нравственнаго родственника, который такъ дурно обо мнѣ отзывался, то онъ напоминаетъ мнѣ Твакома, который вѣчно толкуетъ: «*Can any virtue exist without religion?*» Читали ли вы *Tom Jones*, книгу такую безнравственную, какъ всѣ мои вмѣстѣ взятая. Если вамъ запретили ее читать, то вы, конечно, ее прочли. Какое курьезное воспитаніе дается вамъ въ Англіи! Къ чему оно служить? Безъ усталости и безъ роздыха читаютъ молодой дѣвушкѣ мораль, а въ результатъ выходитъ, что эта молодая дѣвушка какъ разъ пожелала познакомиться съ тѣмъ безнравственнымъ человекомъ, къ которому ей старались внушить отвращеніе. Что за чудная исторія о змѣѣ! Я бы желалъ, чтобы леди М... прочтала это письмо. Къ счастью, она упала бы въ обморокъ на десятой строчкѣ...

Я изучаю васъ съ живѣйшимъ любопытствомъ. У меня есть свои теоріи на счетъ всякихъ бездѣлицъ, перчатокъ, ботинокъ, пряжекъ и проч., и я придаю болѣе значеніе всему этому, такъ какъ открылъ, что существуетъ извѣстное отношеніе между характеромъ женщинъ и канризомъ (или, лучше сказать, связью идей и разсужденіемъ), заставляющими ихъ выбрать ту или другую матерію. Такъ, напр., я доказалъ міру, что женщина, которая носить голубыя платья, — кокетка и прикидывается чувствительной. Доказывать это легко, но длинно.»

Mariquita de mi alma (такъ началъ бы я письмо, если бы мы были въ Гренадѣ), я получилъ ваше письмо въ одну изъ тѣхъ грустныхъ минутъ, когда на жизнь смотришь сквозь черное стекло. Такъ какъ ваше посланіе не изъ любезныхъ (извините за откровенность), то оно не мало усилило мое худое настроеніе. Я хотѣлъ отвѣчать вамъ въ субботу немедленно и сухо. Немедля потому, что вы сдѣлали мнѣ косвенный упрекъ, и сухо, потому что былъ возбужденъ на васъ. Мнѣ помѣшали, и это не позволило мнѣ вамъ написать. Благодарите Бога, потому что сегодня погода хороша; расположеніе духа прояснилось у меня настолько, что я намѣренъ писать вамъ исключительно въ конфектномъ и сладостномъ стилѣ. Итакъ, я не стану журить васъ за многое множество, что въ вашемъ послѣднемъ письмѣ меня шокировало и что я согласенъ позабыть. Одно мѣсто въ вашемъ письмѣ заставило меня хохотать, какъ блаженнаго, въ теченіи добрыхъ десяти минутъ. Вы мнѣ говорите *short and sweet*: «любовь моя общана»,—безъ приготовленій, которыя могли бы ослабить этотъ ударъ обухомъ по головѣ. Вы говорите, что отдали всю свою жизнь такъ, какъ еслибы сказали: «я приглашена на этотъ контрдансъ». Прекрасно. Какъ оказывается, я съ тобою употребилъ свое время, споря съ вами о любви, бракѣ и о всемъ прочемъ. Вы еще находитесь въ той порѣ, когда вѣрятъ или увѣряютъ, что стоить только сказать дѣвушкѣ: «любите этого господина», то она такъ вотъ его и полюбитъ. Росписались ли въ своемъ обѣщаніи у нотариуса, или только занесли его на бумагу съ виньеткой? Когда я былъ школьникъ, то получилъ отъ одной портнихи билетикъ, украшенный двумя пламенѣющими сердцами, проткнутыми стрѣлой, и при этомъ нѣжное объясненіе. Мой учитель началъ съ того, что отобралъ у меня билетикъ и меня посадилъ въ карцеръ. Затѣмъ предметъ этой зарождавшейся страсти утѣшился съ учителемъ. Нѣтъ ничего коварнѣе обязательствъ для тѣхъ, въ пользу которыхъ они подписываются. Знаете ли,—еслибы любовь ваша была общана, то я серьезно подумать бы, что вамъ невозможно теперь не полюбить меня? Какъ же вамъ не полюбить меня, — меня, которому вы не давали никакихъ обѣщаній, когда, въ силу закона природы, человѣкъ не терпитъ всего, что похоже на обязательство? Словомъ, будь я менѣе скромный, я вывелъ бы такое заключеніе, что вы кому-то обѣщали свою любовь и отдадите ее мнѣ, которому вы ничего не обѣщали...

25-го сентября.

Я рѣшился. Я не уѣду изъ Парижа въ октябрѣ, въ надеждѣ, что вы туда вернетесь. Вы увидите со мной или нѣтъ, это какъ вамъ будетъ угодно. Вы мнѣ говорите о какихъ-то особыхъ причинахъ, которыя мѣшаютъ вамъ видаться со мной. Я уважаю секреты и не освѣдомляюсь о вашихъ мотивахъ. Только прошу васъ сказать мнѣ *really trully*, есть ли они у васъ въ дѣйствительности. Не ребячество ли это съ вашей стороны? Быть можетъ, вамъ напѣли на мой счетъ, и вы еще находитесь подъ этимъ впечатлѣніемъ. Вы напрасно стали бы меня бояться. Ваше врожденное благоразуміе, вѣроятно, играетъ большую роль въ нежеланіи видѣться со мной. Успокойтесь, я не влюблюсь въ васъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это могло бы случиться; теперь я слишкомъ *старъ* и былъ слишкомъ несчастливъ. Я не могъ бы больше влюбиться, потому что мои иллюзіи доставили мнѣ многіе *desengaños* въ любви... Вы помните мою мораль: *«любовь все оправдываетъ, но надо быть вполне увереннымъ, что любишь»*. Будьте увѣрены, что это правило строже, чѣмъ всѣ правила вашихъ чопорныхъ друзей. Выводъ: я былъ бы радъ васъ видѣть. Быть можетъ, вы приобрѣли бы истиннаго друга, а я, быть можетъ, нашелъ бы въ васъ то, чего давно ищу: женщину, въ которую я не былъ бы влюбленъ и которой могъ довѣрять. Мы, вѣроятно, оба выиграемъ отъ ближайшаго знакомства. Поступайте, впрочемъ, такъ, какъ вамъ внушаетъ ваша крайняя осмотрительность...

Знаете ли, что вы иногда бываете очень любезны? Я говорю это не затѣмъ, чтобы сдѣлать вамъ упрекъ подъ видомъ холоднаго комплимента; но я желалъ бы почаще получать отъ васъ такія письма, какъ послѣднее. Къ несчастію, вы не всегда бываете такъ милостивы ко мнѣ... Но, право, я испытываю страшную досаду, когда подумаю, что вы будете присутствовать на этой церемоніи. На меня ничто не наводитъ такой грусти, какъ свадьба. Турки, торгующіе женщиной и рассматривающіе ее какъ какую-нибудь жирную овцу, — лучше насъ, наводящихъ лицемѣрный лоскъ, увѣ! весьма прозрачный на этотъ гнусный торгъ. Я часто спрашивалъ себя, что бы я нашелъ сказать женщинѣ въ первую брачную ночь — и не нашелъ бы ничего лучшаго, какъ похвалить ея ночной чепчикъ. Къ счастью, такого стараго воробья, какъ я, на мякинѣ не проведешь. Роль женщины гораздо

легче, чѣмъ роль мужчины. Въ такой день она копируетъ «Ифигенію» Расина; но если она мало-мальски наблюдательна, то насмотрится курьёзовъ!..

Если вы не хотите видѣть меня въ Лондонѣ, то отъ этого надо отказаться; но я хочу видѣть выборы. Я вскорѣ нагоню васъ въ Парижѣ, гдѣ случай сближаетъ насъ, хотя ваша воля насъ упорно разлучаетъ. Всѣ ваши резоны вздорны и не стоютъ опроверженія. Вы смѣтаете, когда такъ мило увѣряете, что боитесь меня. Вы знаете, что я дурень и очень капризнаго нрава, всегда расбѣянъ и часто задоренъ и золъ, когда боленъ. Неужели все это не успокоительно?—Вы никогда въ меня не влюбитесь, будьте спокойны. Утѣшительныя предсказанія ваши не могутъ осуществиться... Въ васъ много ангельскаго и демоническаго, но послѣдняго больше. Вы зовете меня искусителемъ. Попробуйте сказать, что это имя не пристало вамъ гораздо больше, чѣмъ мнѣ. Развѣ вы не закинули удочку мнѣ, бѣдной маленькой рыбкѣ; и теперь, когда держите меня на крючкѣ, вы заставляете прыгать между небомъ и землею, до тѣхъ поръ пока вамъ не заблагоразсудится оборвать, и тогда я останусь съ крючкомъ въ глоткѣ и не найду для себя рыбака....

Леди М... возвѣстила мнѣ вчера вечеромъ, что вы выходите замужъ. Когда такъ, сожгите мои письма, я сожгу ваши—и прощайте. Я уже вамъ говорилъ о своихъ принципахъ. Они не позволяютъ мнѣ продолжать знакомство съ дамой, которую я знавалъ дѣвицей, ни со вдовой, которую я знавалъ замужней женщиной. Я замѣтилъ, что когда общественное положеніе женщины измѣняется, то отношенія тоже всегда измѣняются, и къ худшему. Словомъ, умно или глупо, но я не терплю, когда мои друзья выходятъ замужъ. Слѣдовательно, если вы выходите замужъ, забудемъ другъ друга. Умоляю васъ, не прибѣгайте къ вашимъ обычнымъ уловкамъ и отвѣчайте мнѣ откровенно.

Увѣряю васъ, что съ 28-го сентября я испытывалъ однѣ только горести и непріятности всякаго рода. Ваше замужество новый ударъ, обрушивающійся на мою голову... Вотъ когда мнѣ хочется заволотъ солнце, какъ говорятъ андалузцы ¹⁾...

¹⁾ Судя по всему, это былъ невѣрный слухъ или дѣло разстроилось, но пріятельница Меринэ сосѣдѣ не вышла замужъ.

Мой милый другъ-женщина!

Мы становимся очень нѣжны. Вы мнѣ говорите: «*Amigo de mi alma*», что очень мило въ женскихъ устахъ...

Пишите мнѣ побольше и наскжите много пріятныхъ вещей? Отчего ваше нездоровье? Нѣтъ ли у васъ непріятностей или сердечнаго горя? въ вашемъ послѣднемъ письмѣ есть нѣсколько таинственныхъ фразъ, которыя, повидимому, на это намекаютъ. Но, между нами, я не думаю, чтобы у васъ былъ органъ именуемый сердцемъ. У васъ могутъ быть головныя горести и головныя радости, но органъ, именуемый сердцемъ, развивается лишь въ 25-ти годамъ подъ 46 гр. широты. Вы хмурите ваши прекрасныя черныя брови и говорите: «Дерзкій! сомнѣвается, чтобы у меня было сердце!» потому что теперь это въ модѣ. Съ тѣхъ поръ какъ насочиняли столько страстныхъ, или выдаваемыхъ за таковыя, романовъ и поэмъ, всѣ женщины претендуютъ на то, что у нихъ есть сердце. Подождите немного. Когда у васъ проснется сердце по настоящему, вы не то запоете. Вы пожалѣете о томъ счастливомъ времени, когда вы жили только головой, и увидите, что горести, испытываемыя вами теперь, просто булабочныя улоны, въ сравненіи съ ударами кинжала, которые посыпятся на васъ, когда наступитъ пора страстей...

Лондонъ, 10-го декабря.

Скажите мнѣ, ради Бога, «если только вы отъ Бога», *querida Mariquita*, отчего вы не отвѣчали на мое письмо? Ваше предпослѣднее посланіе и въ особенности *schizzo*, сопровождавшее его, привели меня въ такое *flutter*, что то, что я вамъ говорилъ, лишено здраваго смысла. Теперь, когда я спокойнѣе и нѣсколько дней пребыванія въ Лондонѣ освѣжили мой мозгъ, я попытаюсь разсуждать съ вами. Почему вы не хотите меня видѣть? Никто изъ окружающихъ васъ меня не знаетъ и мой визитъ былъ бы весьма простъ. Вашъ главный мотивъ, кажется, боязнь сдѣлать что-нибудь *improper*, какъ здѣсь говорятъ... Но развѣ фактъ самъ по себѣ *improper*? Нѣтъ, онъ очень простъ. Вы заранѣе знаете, что я васъ не съѣмъ. Итакъ, фактъ *improper* — если только онъ *improper* — въ глазахъ свѣта. Замѣьте мимоходомъ, что это слово *switz* дѣлаетъ насъ несчастными съ того дня, какъ насъ облачаютъ въ неудобное платье, потому что свѣтъ того требуетъ, и такъ до самой смерти.... Если нашей перепискѣ суждено продолжаться, безъ того, чтобы мы съ вами видались, то она становится самой нелѣпой вещью въ мірѣ. Предоставляю вамъ поразмыслить надъ этимъ...

Парижъ, суббота, 14-го мая 1842 г.

Говоря откровенно,—а вы знаете, что я не могу исправиться отъ этого недостатка,—признаюсь вамъ, я нашелъ, что вы очень похорошѣли физически, но нравственно нисколько; у васъ прекрасный цвѣтъ лица и великолѣпные волосы, на которые я больше глядѣлъ, чѣмъ на вашу чепчикъ, который вѣроятно того заслуживалъ, потому что вы повидимому разсердились, что я его не сумѣлъ оцѣнить. Но я никогда не умѣлъ отличить каленкора отъ кружевъ. У васъ по прежнему такія сифиды и хотя я пресыщенъ черными глазами, но никогда не видывалъ такихъ большихъ ни въ Константинополѣ, ни въ Смирнѣ.

Теперь обратимся къ обратной сторонѣ медали. Вы остались ребенкомъ во многихъ вещахъ и стали вдобавокъ лицемеркой. Вы не умѣете скрывать своихъ первыхъ движеній, но надѣетесь поправить это различными мелкими приѣмами. Чтѣ вы отъ этого выигрываете? Помните великое и прекрасное правило Джонатана Свифта: *That a lie is too good a thing to be lavished about!* Далеко вы уйдете, нечего сказать, съ великодушной идеей отнюдь не баловать себя. Черезъ нѣсколько лѣтъ вы почувствуете себя такой же счастливой, какъ траппистъ, который, бичевавъ себя неоднократно, открылъ бы въ одинъ прекрасный день, что рай не существуетъ....

Вы думаете, что у васъ есть гордость,—мнѣ очень жаль; но у васъ есть только маленькое тщеславіе, вполне достойное ханжи. Въ настоящее время мода ходить слушать проповѣди. — Не ходите ли и вы? Только этого вамъ и не доставало... Ахъ! великая новость. Первый изъ сорока академиковъ, который умирать, будетъ причиной, что я сдѣлаю тридцать-девять визитовъ; я сдѣлаю ихъ такъ неловко, какъ только можно и, безъ сомнѣнія, наживу тридцать-девять враговъ. Было бы слишкомъ долго объяснять вамъ, откуда взялся этотъ припадокъ честолюбія...

Авиньонъ, 20-го іюля 1842 г.

... Я очень жалѣю, что вы читаете Гомера въ переводѣ Попе. Прочитайте переводъ Дюга-Монбеля, это единственный сносный. Если бы у васъ хватило мужества пренебречь насмѣшками и нашелся бы досугъ, то вы вооружились бы греческой грамматикой Планша и лексикономъ его же. Вы бы просматривали грамматику на сонъ грядущій. Это бы возымѣло свое дѣйствіе. Черезъ два мѣсяца васъ бы забавляло искать въ греческомъ текстѣ слова, переведенныя довольно близко Монбелемъ; еще два мѣсяца

спустя, вы бы стали догадываться по неуклюжести фразы, что греческій оригиналъ говорить не то, что показываетъ переводчикъ. Черезъ годъ вы бы читали Гомера, какъ вы разбираете какую-нибудь арію съ аккомпаниментомъ; арія — это греческій текстъ, аккомпаниментъ — переводъ. Весьма возможно, что это возбудило бы въ васъ охоту серьезно изучить греческій языкъ и вы могли бы читать дивныя вещи. Но я воображаю, что у васъ нѣтъ нарядовъ, ни людей, передъ которыми ими щеголять. Все въ Гомерѣ замѣчательно. Эпитеты, кажущіеся такими странными, когда они переведены на французскій языкъ, очаровательны своей точностью. Помню я, что онъ называетъ море *мурмурнымъ*, и я никакъ не могъ понять этого слова. Но въ прошедшемъ году, я находился въ небольшой лодкѣ въ Лепантскомъ заливѣ и плыть въ Дельфы. Солнце садилось. Какъ скоро оно закатилось, море окрасилось минутъ на десять великолѣпнымъ темно-фіолетовымъ цвѣтомъ. Для этого необходимы воздухъ, море и солнце Греціи. Надо полагать, что вы никогда не сдѣлаетесь такимъ артистомъ, чтобы съ удовольствіемъ признать въ Гомерѣ великаго живописца.

Парижъ, 27-го августа 1842.

Когда я возвращался сюда, со мной было приключеніе, немного раздосадовавшее меня, показавъ мнѣ, какого рода репутаціей я пользуюсь у соотечественниковъ. Слушайте. Я укладывался въ Авиньонѣ и готовился къ отъѣзду въ Парижъ съ мальпостомъ, какъ вдругъ вошли двѣ почтенныя фигуры, объявившихъ себя членами муниципальнаго совѣта. Я ожидалъ, что они заговорятъ со мной о какой-нибудь церкви, а они торжественно и пространно объяснили мнѣ, что пришли поручить моей честности и добродѣтели одну даму, которой предстояло ѣхать вмѣстѣ со мной. Я имъ отвѣчалъ, что буду очень честенъ и очень добродѣтеленъ, но очень не радъ дамскому обществу, потому что мнѣ нельзя будетъ курить дорогой. Когда прибылъ мальпостъ, я нашелъ въ немъ высокую и хорошенъкую женщину, которая объявила, что больна и не надѣется доѣхать живой до Парижа. Наступилъ нашъ *tête-à-tête*. Я былъ такъ вѣжливъ и любезенъ, какъ только могу, оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи. Моя спутница мило говорила, безъ марсельскаго акцента, оказалась ярой бонапартисткой, большой энтузіасткой, вѣровала въ безсмертіе души, но въ катехизисъ не очень-то, и вообще видѣла вещи въ розовомъ цвѣтѣ. Я чувствовалъ, что она меня побаивается. Въ Сент-Этьеннѣ двухмѣстную бричку смѣнила четырех-

мѣстная карета. Всѣ четыре мѣста остались въ нашемъ распоряженіи и, слѣдовательно, намъ предстояло еще цѣлыя сутки провести въ *tête-à-tête*, кромѣ проведенныхъ уже полутора сутокъ. Но хотя мы много болтали, я никакъ не могъ составить себѣ какое-нибудь мнѣніе о своей сосѣдкѣ, кромѣ того, что она должно быть замужняя женщина и принадлежать къ хорошему обществу. Для краткости скажу, что въ Муленѣ къ намъ подсѣли двое довольно пасмурныхъ спутниковъ, и мы пріѣхали въ Парижъ, гдѣ моя таинственная женщина бросилась въ объятія весьма безобразнаго мужчины, ея отца должно быть. Я раскланялся съ ней и собирался взять извозчика, какъ вдругъ моя незнакомка сказала мнѣ разстроганнымъ голосомъ, оставивъ отца въ нѣсколькихъ шагахъ: «*Monsieur*, меня до глубины души трогаетъ почтеніе, съ какимъ вы ко мнѣ относились. Я не въ силахъ выразить вамъ всю мою благодарность. Никогда я не забуду счастье, которымъ наслаждалась, путешествуя съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ». Я привожу ея слова буквально. Но слово «знаменитый» объяснило мнѣ любопытство муниципальных совѣтниковъ и страхъ дамы. Очевидно, что они увидѣли мое имя въ почтовой книгѣ, и дама, читавшая мои произведенія, ожидала, что я проглочу ее живьемъ; это мнѣніе, очень неосновательное, раздѣляется многими изъ моихъ читательницъ. Какъ это вамъ пришло въ голову со мной познакомиться? Это обстоятельство разстроило меня на два дня, а затѣмъ я примирился съ своей судьбой. Чтѣ всего удивительнѣе въ моей жизни, такъ это то, что, сдѣлавшись большимъ сорванцомъ, я жилъ цѣлыхъ два года на счетъ своей прежней доброй славы, а обратившись въ весьма нравственнаго человѣка, продолжаю слыть за сорванца.

Парижъ, 24-го октября 1842.

Вы спрашиваете, существуютъ ли греческіе романы. Безъ сомнѣнія, но весьма скучные по-моему. Вы можете, разумѣется, достать *Θεοгенъ и Хариклея*, который такъ нравился покойному Расину. Попробуйте одолѣть его. Есть еще *Дафнисъ и Хлоя*, переведенный Курье. Это вещь претенціозно-наивная и не особенно нравственная. Наконецъ, есть чудесная повѣсть, но безнравственная и очень безнравственная: это «*Осемъ Луція*», переведенная тоже Курье. Никто не похваляется, что читалъ его, но это *chef-d'oeuvre*. Рѣшайте теперь сами,—я умываю руки. Бѣда греховъ въ томъ, что ихъ понятія о пристойномъ и даже нравственномъ весьма отличались отъ нашихъ. Въ ихъ литературѣ попадаетъ много вещей, которыя бы могли васъ шокировать и

даже оскорбить, если бы вы ихъ понимали. Послѣ Гомера вы можете спокойно читать трагиковъ, которые васъ займутъ и вамъ понравятся, потому что въ васъ живетъ любовь къ прекрасному, то *καλόν*, чувство, которое было въ высшей степени развито у грековъ, и которое мы, *happy few*, заимствовали отъ нихъ. Если у васъ хватитъ мужества читать исторію, васъ восхитятъ Геродотъ, Поливій и Ксенофонтъ. Геродотъ приводитъ меня въ восторгъ. Я ничего не знаю занимательнѣе. Начните съ «*Анабазиса*» или «*Отступление десяти тысячъ*»; возьмите карту Азии и прослѣдите за этими десятью тысячами бездѣльниковъ въ ихъ путешествіи; это гигантскій Фруассаръ. Затѣмъ вы прочтите Геродота, наконецъ Поливія и Фукидиду; два послѣднихъ весьма серьезны. Достаньте также Теокрита и прочитайте «*Сиранузлянки*». Рекомендую вамъ также Луціана, который изъ грековъ всѣхъ умнѣе, или, лучше сказать, умъ котораго всего болѣе подходитъ къ нашему; но онъ большой сорванецъ, и я трепещу. Вотъ три страницы греческаго. Что касается произношенія, то если хотите, я пришлю вамъ страницу, писанную моею рукою, которую я приготовилъ для васъ; она укажетъ вамъ наилучшее произношеніе, то-есть произношеніе новѣйшихъ грековъ. Произношеніе, принятое въ школахъ, легче, но негѣпно...

Парижъ, 3-го января 1843.

Нѣсколько дней тому назадъ я обѣдалъ съ Рашелью у одного академика. Ей хотѣли представить Беранже. Было пропасть великихъ людей. Рашель пріѣхала поздно, и мнѣ не понравилось, какъ она вошла. Мужчины наговорили ей столько глупостей, а женщины столько ихъ надѣлали, при видѣ ея, что я не вышелъ изъ своего угла. Къ тому же я не говорилъ съ ней около года. Послѣ обѣда Беранже съ своимъ обычнымъ здравымъ смысломъ и добросовѣстностью сказалъ ей, что она напрасно растрчиваетъ свой талантъ по салонамъ, что для нея должна существовать только одна публика Французскаго-театра и проч.

M-me, Рашель, казалось очень одобрила правоученіе и чтобы показать, что она имъ воспользовалась, разыграла первый актъ *Эсхиры*. Надо было кому-нибудь давать ей реплику, и она заставила одного академика, разыгрывавшаго роль чичисбея, поднести мнѣ съ торжествомъ Расина. Я же грубо отвѣтилъ, что ничего не смыслю въ стихахъ и что въ этомъ салонѣ находятся люди, которые, будучи специалистами этого дѣла, лучше моего сужаютъ прочесть ихъ. Гюго отговорился слабостью глазъ, другой чѣмъ-то другимъ. Хозяинъ дома пожертвовалъ собой. Пред-

ставьте себя Рашель въ черномъ платьѣ, между фортепіано и чайнымъ столомъ, съ дверью за спиной, налаживающую свое лицо по театральному. Перемѣна, совершавшаяся у насъ на глазахъ, была очень забавна и великолѣпна; это длилось около двухъ минутъ, затѣмъ она начала:—

Est-ce toi, chère Elise?...

Наперсница, посреди реплики, уронила свои очки и книгу; десять минутъ проходятъ пока она отыскиваетъ свою страницу и свои глаза. Публика видитъ, что Эсэиръ бѣсится. Она продолжаетъ. Дверь сзади открывается: входитъ слуга. Ему дѣлаютъ знакъ удалиться. Онъ обращается въ бѣгство, но ему никакъ не удается притворить за собою дверь. Эта дверь, сдвинутая съ мѣста, качается, сопровождая слово Рашели мелодичнымъ и весьма забавнымъ скрипомъ. Такъ какъ этому не было конца, то m-elle Рашель приложила руку къ сердцу и упала въ обморокъ, но какъ особа, привыкшая умирать на сценѣ, дала время подоспѣть помощи. Во время интермедіи, Гюго и Тьеръ сдѣлились изъ-за Расина. Гюго говорилъ, что Расинъ человѣкъ мелкаго ума, а Корнель высокаго. «Вы говорите такъ», отвѣчалъ Тьеръ, «потому что вы человѣкъ высокаго ума; вы Корнель (Гюго скромно поводитъ головой) нашей эпохи, Расиномъ которой является Казимиръ Делавинъ». Предоставляю вамъ судить, насколько скромность была у мѣста. Между тѣмъ обморокъ проходитъ и актъ оканчивается, но *fiascheggando*. Лицо, коротко знающее m-lle Рашель, замѣтило: «Какъ она должно быть ругалась сегодня вечеромъ, уходя!» Это замѣчаніе навело меня на размышленія. Вотъ моя исторія; не выдайте меня академикамъ — это все, о чемъ я васъ прошу.

Парижъ, понедѣльникъ, сентябрь 1843.

Мы разстались въ послѣдній разъ недовольные другъ другомъ. Мы были неправы оба, потому что обвинять слѣдуетъ одни лишь обстоятельства. Всего лучше было бы намъ подолѣе не видѣться. Очевидно, что мы не можемъ теперь пользоваться обществомъ другъ друга безъ того, чтобы не ссориться жестоко. Оба мы желаемъ невозможнаго: вы, чтобы я превратился въ статую; я, чтобы вы перестали быть ею. Каждое новое доказательство этой невозможности, въ которой въ сущности мы никогда и не сомнѣвались, жестоко дѣйствуетъ на насъ обоихъ. Что касается меня, то я сожалѣю о горѣ, которое могъ вамъ причинить. Я слишкомъ часто поддаюсь внушеніямъ бессмысленнаго гнѣва. Также разумно было бы сердиться на то, что ледъ холоденъ. Я

надѣюсь, что вы теперь мнѣ простите; гнѣва во мнѣ не осталось и слѣда, только большая грусть. Она была бы не такъ сильна, еслибы мы разстались иначе. Прощайте, такъ какъ мы можемъ оставаться друзьями лишь вдали одинъ отъ другого. Когда мы оба состарѣмся, то, быть можетъ, съ удовольствіемъ возобновимъ знакомство. Пока, въ бѣдѣ или радости, вспоминайте о мнѣ. Я просилъ васъ объ этомъ много лѣтъ тому назадъ. Тогда намъ и въ голову не приходило ссориться.

Прощайте еще разъ, пока у меня есть мужество.

Слѣдующія письма, второго періода, носятъ на себѣ другой уже характеръ.

Парижъ, четвергъ, 6-ю сентября 1843.

Когда мы увидимся? Я въ настоящее время занимаюсь самымъ низкимъ и самымъ скучнымъ ремесломъ: хлопочу о принятіи меня въ *Académie des inscriptions*. Я натапливаю на самыя потѣшныя сцены, зачастую готовъ смѣяться надъ самимъ собой, и сдерживаю смѣхъ только изъ опасенія шокировать серьезныхъ академиковъ, которыхъ посѣщаю.

Но какое скверное ремесло просителя! Видали ли вы когда-нибудь, какъ собаки входятъ въ нору барсука? Когда у нихъ есть какая-нибудь опытность, то онѣ корчатъ страшныя рожи, входя туда, потому что барсука непріятно посѣщать. Я всегда вспоминаю о барсукѣ, когда звоню у двери академика и вижу себя *in the mind's eye* вполне сходнымъ съ вышеупомянутой собакой. Меня, однако, еще не кусали. Но я натапливался на забавныя встрѣчи. Прощайте».

Суббота, 26-ю февраля 1848 г. 1).

Я полагаю, что вамъ теперь нѣсколько лучше. Я не понимаю, почему вы такъ беспокоитесь о своемъ братѣ. Не тревожьтесь, что не получаете извѣстій. Худыя скоро доходятъ.

Я начинаю привыкать къ странности положенія и къ странной фигурѣ побѣдителей, которые, что еще страннѣй, ведутъ себя джентльменами. Теперь проявляется сильное стремленіе къ порядку. Если это продлится, то я стану рѣшительнымъ республиканцемъ. Единственное неудобство, которое я усматриваю въ новомъ порядкѣ вещей, это то, что для меня не совсѣмъ ясно,

1) Эта записка писана по-англійски, а не по-французски.

какимъ способомъ я буду зарабатывать свой хлѣбъ, и еще то, что я не могу васъ видѣть.

Я надѣюсь, однако, что кареты будутъ скоро снова ходить.

Парижъ, среда, 15-го мая 1848.

Все обошлось благополучно, потому что они такъ глупы, что не смотря на всѣ ошибки собранія, оно оказалось умнѣ ихъ. Нѣтъ ни убитыхъ, ни раненыхъ, все спокойно. Національная гвардія и народъ прекрасно настроены. Руководители возстанія всѣ захвачены, и столько войска, что до поры до времени нечего бояться. Я надѣюсь, что мы увидимся въ субботу. Въ концѣ-концовъ все обошлось къ лучшему. Я присутствовалъ при весьма драматичныхъ сценахъ, которыя меня очень заинтересовали и которыя я вамъ перескажу.

27-го іюня 1848.

Я вернулся къ себѣ сегодня утромъ, послѣ небольшой четырехдневной рекогносцировки, въ теченіи которой не подвергался никакой опасности, но успѣлъ узрѣть всѣ ужасы настоящаго времени и настоящей страны. Печаль, которую я испытываю, подавляется сознаниемъ тупоумія нашей націи. Она не имѣетъ себѣ равной. Я не знаю, удастся ли когда-нибудь вывести ее изъ дикаго варварства, которое ей такъ по сердцу. Я надѣюсь, что вашъ братъ здоровъ. Я не думаю, чтобы его легіонъ участвовалъ въ серьезной схваткѣ. Но мы устали до смерти и не спали въ теченіе четырехъ дней. Не вѣрьте тому, что газеты говорятъ о трупахъ, разрушеніяхъ и проч. Я обозрѣвалъ третью дня Сент-Антуанскую улицу: стекла въ окнахъ побиты пушками и много попорчено переднихъ фасадовъ лавокъ; но вообще погромъ не такъ великъ, какъ я предполагалъ и какъ говорили. Вотъ что я видѣлъ наиболѣе любопытнаго. Я спѣшу пересказать вамъ это, чтобы пойти спать: 1-е, тюрьма *la Force* въ теченіе нѣсколькихъ часовъ охранялась національной гвардіей и была окружена инсургентами. Они сказали національной гвардіи: «не стрѣляйте въ насъ и мы въ васъ не будемъ стрѣлять. Сторожите заключенныхъ»; 2-е, я входилъ въ домъ, выходящій на уголъ Бастильской площади, чтобы поглядѣть на сраженіе; его только что отбили отъ инсурентовъ. Я спросилъ у обитателей: «много ли у васъ награбили»?—«Ничего не украли». Прибавьте къ этому, что я отвелъ въ *Abbaye* женщину, которая отрѣзывала головы мобилимъ кухоннымъ ножомъ, и мужчину, у котораго обѣ руки были въ крови, потому что онъ разрѣзалъ животъ раненому и

вымыть руки въ ранѣ. Понимаете-ли вы хоть сколько-нибудь эту великую націю? Вѣрно то, что мы идемъ ко всѣмъ чертамъ!

Когда вы возвращаетесь? Мы не будемъ драться по крайней мѣрѣ недѣль шесть.

Парижъ, суббота, 5-ю августа 1848 г.

«.....Генералъ Кавеньякъ сказалъ: «Меня убьютъ, и меня замѣнятъ Ламорисьеръ, затѣмъ Бедо; затѣмъ явится герцогъ д'Или, который все смететъ». Не находите ли вы, что въ этихъ словахъ есть нѣчто пророческое? Вмѣшательству въ итальянскія дѣла никто не вѣритъ. Республика будетъ немного трусливѣе, чѣмъ монархія. Только возможно, что сдѣлаютъ видъ, будто намѣрены вмѣшаться, въ надеждѣ добиться проволоочки, конгресса и протоколовъ. Одинъ изъ моихъ друзей, пріѣхавшій изъ Италіи, былъ ограбленъ римскими волонтерами, которые находятъ, что съ путешественниками легче справиться, чѣмъ съ кроатами. Онъ увѣряетъ, что итальянцевъ невозможно заставить драться, за исключеніемъ пьемонтцевъ, которые не могутъ всюду поспѣть...

Лондонъ, 1-ю іюня 1850..

Если я вамъ не писалъ раньше, такъ это потому, что мнѣ приходилось дѣлать по десяти верстъ въ день, а поэтому я не могъ присѣсть за столъ безъ того, чтобы немедленно не заснуть.

Я не стану распространяться о моихъ впечатлѣніяхъ; скажу только, что рѣшительно англичане индивидуально глупы, а въ массѣ изумительный народъ. Все, чего можно достигъ съ помощью денегъ, здраваго смысла и терпѣнія, все это имъ дается; но въ искусствахъ они смыслятъ столько же, сколько моя коша...

Раболизмъ бѣдныхъ людей дико для нашихъ демократическихъ идей. Ежедневно мы видимъ новое доказательство этого раболѣпства. Весь вопросъ въ томъ: не чувствуютъ ли они себя счастливѣе...

Салисбюри, суббота 15-ю іюня 1850.

Я начинаю находить, что съ меня довольно пребыванія въ здѣшней странѣ. Мнѣ надѣли перпендикулярная архитектура и такія же перпендикулярныя манеры туземцевъ. Я провелъ два дня въ Кембриджѣ и въ Оксфордѣ у *достопочтенныхъ*, и въ концѣ-концовъ предпочитаю капуциновъ. Я особенно раздраженъ противъ Оксфорда. Одинъ *fellow* имѣлъ дерзость пригласить меня обѣдать. На большомъ серебрянномъ блюдѣ лежала рыба въ че-

тире дюйма, а на другомъ баранья котлетка. Все это сервировано великолепно, а картофель подали на деревянномъ, рѣзномъ блюдѣ. Но никогда не былъ я такъ голоденъ. Это результатъ лѣтѣмѣрія этихъ людей. Они любятъ щегольнуть передъ иностранцами своей умѣренностью и, благодаря *luncheon* ¹⁾, обходятся безъ обѣда. Вѣтеръ дуетъ чертовскій, а холодъ стоитъ собачій. Если бы не было свѣтло въ восемь часовъ вечера, то можно было бы подумать, что на дворѣ декабрь. Это не мѣшаетъ всѣмъ женщинамъ выходить съ раскрытыми зонтиками. Я попался въ просакъ. Сунулъ полъ-кроны господину въ черномъ, показывавшему мнѣ соборъ, и затѣмъ спросилъ у него адресъ одного джентльмена, къ которому у меня было письмо отъ декана. Оказалось, что письмо адресовано къ нему. Онъ сворчилъ очень глупую рожу, да и я тоже, но оставилъ деньги у себя...

Дворецъ Фонтенбло, 20-го мая 1858 г.

.....Я очень раздосадованъ и чуть было не отравился опиумомъ. Кромѣ того, я сочинялъ стихи въ честь нидерландскаго величества, разыгрывалъ шарады и *made a fool of myself*. Вотъ почему я почти совсѣмъ одурѣлъ. Что сказать вамъ о жизни, которую мы здѣсь ведемъ? Вчера мы затравили оленя, обѣдали на травѣ; на-дняхъ дождь промочилъ насъ до костей, и у меня сдѣлался насморкъ. Каждый день мы наѣдаемся до отвала, и я еле живъ. Судьба не создала меня царедворцемъ. Я бы желалъ прогуляться съ вами пѣшкомъ въ этомъ прекрасномъ лѣсу и поболтать о чудесномъ. У меня такъ болитъ голова, что глаза слипаются. Я немного вздремлю въ ожиданіи рокового часа, когда придется явиться во всеоружіи, то-есть натянуть парадные штаны...

Компъенскій замокъ, 24-го ноября 1858.

Рѣшительно самъ сатана противъ меня. Я пробуду здѣсь до 2-го или 3-го декабря. Мнѣ хочется повѣситься, когда я вижу, съ какою покорностью вы подчиняетесь судьбѣ. Въ этой добродѣтели мнѣ отказано, и я бѣжусь. Я было мечталъ, не смотря ни на что, провести нѣсколько часовъ въ Парижѣ; нѣтъ ничего легче, какъ пропустить завтракъ и прогулку. Обѣдъ—вотъ что составляетъ камень преткновенія, и старые царедворцы сворчили такую зловѣщую мину, когда я объявилъ о своемъ намѣреніи отобѣдать у лэди ***, что пришлось отказаться отъ этой мысли. Мы ведемъ здѣсь жизнь убійственную для нервовъ и мозга. Изъ жарко на-

¹⁾ Второй завтракъ.

топленныхъ вѣднать отправляемся въ лѣсъ въ отерытомъ шаробалѣ. Тутъ 7 градусовъ мороза. Вернувшись домой, мы опять переносимъ тропическій жаръ. Не понимаю, какъ женщины это выносятъ. Я не сплю и не ѣмъ, и всѣ ночи напролетъ думаю о Сентъ-Клу и о Версали...

Вторникъ вечеромъ, 1-го мая 1860.

....Балъ въ отелѣ Альбъ былъ великолѣпнѣе. Костюмы очень хороши; было много хорошенекъ и вѣкъ щеголялъ дерзостью. 1-е) Женщины были нахальнѣйшимъ образомъ обнажены и сверху и снизу. По этому случаю мнѣ пришлось увидать во время вальса довольно много хорошенекъ ногъ и много подвязокъ. 2-е) Кринолинъ выходитъ изъ моды. Повѣрьте, что черезъ два года будутъ носить короткія платья, и женщины, надѣленные отъ природы хорошимъ сложеніемъ, будутъ отличаться отъ тѣхъ, у которыхъ все искусственное. Англичанки были невѣроятны. Дочь лорда ***, прелестная дѣвушка, была костюмирована нимфой-дриадой или чѣмъ-то миеологическимъ, и если бы не трико, то вся грудь ея была бы открыта. Это мнѣ показалось почти такъ же отчаянно, какъ и декольтѣ матери, обнаженной по поясъ. Балетъ «*Элементы*» исполнялся шестнадцатью женщинами, довольно хорошенекими, въ короткихъ юбкахъ и накрытыхъ брилліантами. Наяды были напудрены серебряной пудрой, которая, падая на плечи, напоминала капли воды. Саламандры были напудрены золотой пудрой. Принцесса Матильда была негритянкой и окрашена въ довольно темный коричневый цвѣтъ; костюмъ ея былъ черезъ-чуръ близокъ къ природѣ.

Въ самый разгаръ бала одно домино поцѣловало m-lle S..., которая заорала на всю залу. Столовая, окруженная галлереей, прислуга въ костюмахъ пажей XVI-го вѣка и электрическое освѣщеніе напоминали пиръ Валтасара на картинѣ Роутона. Сколько бы императоръ ни мѣнялъ домино, его узнавали за версту. Императрица была въ бѣломъ бурнусѣ и полумаскѣ, которыя ее вовсе не замаскировывали. Было много домино и по большей части очень глупыхъ. Герцогъ *** прогуливался деревомъ, которое было скопировано довольно удачно. Я нахожу, что послѣ приключенія его жены такая костюмировка слишкомъ рискованна. Если вы не знаете этой исторіи, то вотъ она въ двухъ словахъ: его жена отправилась къ Балсту и купила уборъ въ шестьдесятъ тысячъ франковъ, говоря, что возвратитъ его завтра, если онъ ей не понравится. Она не возвратила ни денегъ, ни убора. Балстъ потребовалъ свои брилліанты, ему отвѣ-

чали, что они отправлены въ Португалію и въ концѣ-концовъ ихъ обрѣли въ *Mont-de-Piété*, откуда герцогиня *** выкупила ихъ за пятнадцать тысячъ франковъ.

Это дѣлаетъ честь нашему времени и женщинамъ! Другой скандалъ: на балѣ г. Ализра одна жена была испирана *black and blue* мужемъ, съ не менѣе разуграшеннымъ лбомъ, чѣмъ г. ***, но болѣе свирѣпымъ. Жена закричала и упала въ обморокъ, вышла общая живая картина! Ревнивца не выбросили за окошко, что было бы всего разумнѣе. Прощайте.

Парижъ, 21-го марта 1861 г.

Дорогой другъ, благодарю васъ за ваше письмо. Со времени моего возвращенія въ Парижъ я нахожусь въ состояніи полнѣйшаго одуренія. Во-первыхъ, наше засѣданіе въ сенатѣ, гдѣ, могу сказать, какъ г. Журденъ, я опьянѣлъ отъ глупости. Всѣ стремились разразиться рѣчами, душившими ихъ. Примѣръ оказался столь заразителенъ, что я тоже произнесъ спичъ, какъ ни въ чемъ не бывало и безъ подготовки, точно Робертъ Гуденъ. Я ужасно трусилъ, но превозмогъ страхъ, говоря себѣ, что нахожусь въ присутствіи двухсотъ болвановъ и что не стоить волноваться. Всего милѣе, что г. Валевскій, которому я желалъ доставить хорошій бюджетъ, оскорбился похвалой, съ какою я отозвался объ его предшественникѣ, и храбро объявилъ, что вотируетъ противъ моего предложенія. Тролонъ, возлѣ котораго я сидѣлъ, шепотомъ выразилъ мнѣ свое соболѣзнованіе, на что я отвѣчалъ, что нельзя заставить пить министра, который не ощущаетъ жажды. Это немедленно передали г. Валевскому, который съ тѣхъ поръ косится на меня; но это мнѣ не мѣшаетъ идти своей дорогой.

Другая скука заключается въ парадныхъ обѣдахъ официальныхъ и неофициальныхъ, съ вѣчными *turbot* филе, омаромъ и проч. и одной и той же скучной компаніей.

Но всего скучнѣе — католицизмъ. Вы не можете себѣ представить, до какого неистовства доходятъ католики. За всякую бездѣлицу вамъ готовы выпарапать глаза; на примѣръ, если вы не закатываете ихъ, когда вамъ говорятъ о святомъ мученикѣ, и въ особенности, если вы спросите совсѣмъ наивно, какъ это случилось со мной, кто приѣлъ мученическій вѣнецъ.

Я нажилъ новыя хлопоты, выразивъ изумленіе, что неаполитанская королева снялась, на фотографическомъ портретѣ, въ сапогахъ. Страсть преувеличенно выражаться и глупость превосходить все, что вы можете вообразить.

Недавно одна дама спрашивает меня: видѣлъ ли я австрійскую императрицу? Я сказалъ, что нахожу ее очень хорошенкой. — Ахъ! она идеально хороша! — «Нѣтъ, у ней милонидное личико, болѣе симпатичное, быть можетъ, чѣмъ правильное лицо.» — Ахъ! *monsieur*, это сама красота! Слезы навертываются на глазахъ отъ восторга! Вотъ современное общество. Поэтому я бѣгаю его, какъ чумы. Чтò стало съ французскимъ обществомъ близкаго времени!

Послѣдняя скука, но колоссальная, это *Тантмейсеръ*. Одни говорятъ, что представленіе его въ Парижѣ было однимъ изъ тайныхъ условій Виллафранкескаго договора; другіе, что намъ прислали Вагнера, чтобы принудить насъ восхищаться Берлиозомъ. Дѣло въ томъ, что это необычайно. Мнѣ кажется, что я могъ бы завтра же написать нѣчто подобное, вдохновившись прижками моей вишки по клавишамъ. Представленіе было курьёзное. Благородная Меттернихъ старалась изъ всѣхъ силъ показать, что она понимаетъ, и вызывать аплодисменты, которыхъ никакъ не могла добиться. Всѣ зѣвали; но прежде всего дѣлали видъ, что понимаютъ эту неразрѣшимую загадку. Подъ ложей *м-ше* Меттернихъ толковали, что австрійцы мстятъ за Сольферино. Говорили еще, что во время речитативовъ всѣ скучаютъ, и *qu'on se tienne aux airs*. Постарайтесь понять. Я воображаю, что ваша арабская музыка послужила бы прекрасной подготовкой для этого адскаго шума. Фіаско громадное! Оберъ говорить, что это музыка Берлиоза, безъ мелодій.

Парижъ, 2-го апрѣля 1861 г.

Не знаю, есть ли у васъ въ *** такіе же ярые католики, какъ у насъ въ Парижѣ. Дѣло въ томъ, что салоны становятся нестерпимы. Не только старія ханжи стали кислы, какъ уксусъ, но и всѣ экс-волтеріанцы политической оппозиціи превратились въ папистовъ. Меня утѣшаетъ только то, что нѣкоторые изъ нихъ считаютъ себя обязанными ходить въ обѣднѣ, а это имъ, конечно, очень скучно. Мой старинный профессоръ, г. Кузенъ, который въ былое время не иначе называлъ папу, какъ римскимъ епископомъ, обратился теперь на путь истинный и не пропускаетъ ни одной обѣдни. Говорятъ даже, что г. Тьеръ становится ханжей, но мнѣ трудно этому вѣрить, потому что у меня къ нему слабость...

Дворецъ Фонтенбло, 29-го июня 1861 г.

Милый другъ, я получилъ вортъ-сигаръ, который прелестенъ даже для меня, только-что видѣннаго подаренъ сіамскихъ посланниковъ. Наши письма разминовались. Жизнь моя здѣсь такъ наполнена пустяками, что мнѣ некогда писать. Ну, да всѣ мы уѣзжаемъ отсюда сегодня вечеромъ и я буду въ Парижѣ, когда вы получите это письмо. У насъ во вторникъ происходила довольно бурлескная церемонія, словно выхваченная изъ *Bourgeois gentilhomme*. Забавнѣйшее зрѣлище въ мірѣ представляли два десятка черномазыхъ людей, очень похожихъ на обезьянъ, одѣтыхъ въ золотую парчу, въ бѣлыхъ чулкахъ и лакированныхъ башмакахъ, съ саблѣй на боку, распростертыя на полу и ползущіе на четверенькахъ вдоль галлерей Генриха II, причемъ носъ каждого приходился въ уровень... со спиной того, кто былъ впереди него. Если вы видали на Новомъ мосту вывѣску: *Au bonjour des chiens*, то можете составить себѣ понятіе объ этой сценѣ. Первому посланнику приходилось особенно тяжело. На немъ была войлочная шляпа вышитая золотомъ, которая плясала у него на головѣ при каждомъ движеніи и, сверхъ того, онъ держалъ въ рукахъ филигранный золотой кубокъ, содержащій два яичива, гдѣ находились письма отъ ихъ сіамскихъ величествъ. Письма лежали въ шелковыхъ съ золотомъ кошелькахъ и все это было весьма нязно. Когда письма были поданы и посольству пришлось отступать назадъ, то въ его рядахъ произошло смятеніе. Спины переднихъ рядовъ ударились о лица заднихъ, сабли хлестали по глазамъ членовъ второго ряда, который слѣпнулъ третій рядъ. Казалось, какъ-будто рой жуковъ бился на коврѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ выдумалъ эту прекрасную церемонію и потребовалъ, чтобы посланники двигались ползкомъ. Азіатовъ считаютъ болѣе наивными, чѣмъ они суть въ дѣйствительности, и я увѣренъ, что эти послѣдніе были бы очень довольны, еслибы имъ позволили идти. Къ тому же весь эффектъ пропалъ даромъ, потому что императоръ потерялъ, наконецъ, терпѣніе, всталъ, поднялъ съ полу жуковъ и заговорилъ съ однимъ изъ нихъ по-англійски. Императрица поцѣловала маленькую обезьянку, которую они привели съ собой и которая, какъ говорятъ, сынъ одного изъ посланниковъ. Онъ бѣгалъ на четверенькахъ, точно маленькая крыса, и казался очень смѣшленнымъ. Свѣтскій повелитель Сіама прислалъ императору свой портретъ и портретъ своей жены, которая очень безобразна. Но что бы васъ восхитило, такъ это разнообразіе и красота матерій, привезенныхъ ими. Онѣ сдѣланы

изъ золота и серебра, которые образуютъ такую легкую ткань, что она прозрачна и похожа на легкіе облачка, появляющіяся при солнечномъ закатѣ. Они поднесли императору панталоны, низъ которыхъ вышитъ маленькими эмалевыми украшениями—золотыми, красными и зелеными, и куртку изъ золотой парчи, мягкой, какъ фуляръ, съ дивными рисунками изъ золота же. Путевицы изъ филиграноваго золота съ маленькими брилліантвыми и изумрудами. У нихъ есть красное и бѣлое золото и комбинація обоихъ цвѣтовъ удивительнаго эффекта. Словомъ, я ничего не видывалъ изящнѣе и вышѣ съ тѣмъ великолѣпнѣе. Всего поразительнѣе во вкусахъ этихъ диварей то, что нѣтъ ничего рѣзкаго въ ихъ матеріяхъ, даромъ что они употребляютъ только яркіе шелка, золото и серебро. Все это чудесно комбинируется и производитъ самое гармоническое впечатлѣніе.

Прощайте, милый другъ, я думаю отправиться въ Лондонъ, по дѣлу, на всемірную выставку. Это будетъ около 8-го или 10-го іюля...

Каннъ, 6 января 1862.

Я пользуюсь здѣсь обществомъ и сосѣдствомъ г. Кузена, который пріѣхалъ сюда лечиться отъ воспаленія въ гортани и болятъ, какъ вриная сорока, ѣсть, какъ людоедъ, и удивляется, что онъ не излечивается подъ этимъ прекраснымъ небомъ, которое видитъ впервые. Онъ, впрочемъ, очень забавенъ, потому что имѣетъ свойство щеголять остроуміемъ со всѣми. Я думаю, что находясь наединѣ съ своимъ слугою, онъ бесѣдуетъ съ нимъ, какъ съ самой кокетливой герцогиней изъ орлеанскихъ или легитимистовъ. Чистокровные каннейцы никакъ не могутъ опомниться, и вы можете себѣ представить, какъ они таращатъ глаза, когда имъ говорятъ, что этотъ человѣкъ, разсуждающій обо всемъ, переводчикъ Платона и любовникъ м-ше де-Лонгвилль. Единственный его недостатокъ заключается въ томъ, что онъ говоритъ безъ умолку. Философу-эклектику слѣдовало бы позаимствоваться доброй стороною секты перипатетиковъ...

Парижъ, 20 мая 1863.

... Мы развлекаемся здѣсь тѣмъ, что творить м-ше *** или что ей приписываетъ молва. Одно достоверно, что она совсѣмъ съ ума спятила. Она бьетъ свою прислугу, надѣляетъ ее кощенинами и пинками и амуруется съ нѣсколькими кокетками въразъ. Она доводитъ англичанку до того, что пить *brandy and water*, то-есть гораздо больше первой, чѣмъ второй. Недавно предста-

шла президенту Тролону одного изъ своихъ кокодесовъ, говоря: «Г-нъ президентъ, я привезла къ вамъ моего *darling*». Тролонъ отбѣчалъ, что очень радъ познакомиться съ г-мъ Дарлингомъ. Впрочемъ, если все, что мнѣ повѣствуютъ о нравахъ львицы текущаго года, справедливо, то можно опасаться, что близко свѣтопреставленіе. Я не смѣю говорить вамъ всего, что творится въ Парижѣ представителями и представительницами поколѣнія, которое насъ похоронитъ!

Дворецъ Фонтенбло, четверг, 2 іюля 1863.

Милый другъ, я желалъ бы раньше отбѣчать на ваше письмо, которое мнѣ доставило большое удовольствіе; но здѣсь рѣшительно не успѣваешь ничего дѣлать и дни проходятъ съ изумительной быстротой, хотя не понимаешь, какъ это случается. Великое и главнѣйшее занятіе—пить, ѣсть и спать. Первые двѣ вещи мнѣ удаются, а послѣдняя плохо...

Третьяго дня привезли сюда нѣсколько очень большихъ ящиковъ отъ его величества Тю-Дюка, императора Кохинхинскаго. Ихъ открыли на одномъ изъ дворовъ. Въ большихъ ящикахъ находились другіе, поменьше, разрисованные краснымъ и золотомъ и покрытые тараханами. Открыли первый ящикъ, въ немъ лежали два слоновыхъ клыка, совсѣмъ пожелтѣвшихъ, и два клыка носорога, кромѣ того, заплеснѣвшая корица. Все это издавало непостижимый запахъ испорченнаго масла и тухлой рыбы. Въ другомъ ящикѣ было много кусковъ матерій, весьма узкихъ, похожихъ на газъ разныхъ гадеихъ цвѣтовъ, болѣе или менѣе грязныхъ и къ тому же подгнившихъ. Возвѣщали о присылкѣ золотыхъ медалей, но ихъ не было и, по всей вѣроятности, онѣ остались въ Кохинхинѣ. Изъ чего слѣдуетъ, что великій императоръ Тю-Дюкъ—мошенникъ...

Парижъ, 30 августа 1863.

... У меня есть весьма любопытная книга, которою я васъ ссужу, если вы будете со мной милы и любезны. Это отчетъ, составленный нѣкимъ болваномъ объ одномъ процессѣ XVII вѣка. Монахиня, изъ королевской фамиліи, *faceva all'amore* съ однимъ миланскимъ дворяниномъ, и такъ какъ были другія монахини, которымъ это не нравилось, она ихъ убивала, и ей помогала любовникъ. Это весьма поучительно и интересно со стороны нравовъ.

Прочитайте *Une Saison à Paris*, par M-me де ***.

Это весьма отравенная особа, которой очень желательно

было *понравиться* его величеству и которая высказала ему это на одномъ балѣ въ такихъ категорическихъ и ясныхъ выраженіяхъ, что только вы одинъ во всемъ мірѣ не поняли бы ее. Онъ былъ такъ огорошенъ этимъ, что вначалѣ не нашелся отвѣчать, и только три дня спустя позволилъ себя, говорить, взять приступомъ. Я представляю себѣ, что ны креститесь и корчите одну изъ тѣхъ испуганныхъ минъ, которая мнѣ такъ знакома.

Читали ли вы «*Vie de Jésus*», Ренана? Вѣроятно, нѣтъ. Мелкая и вмѣстѣ съ тѣмъ крупная книга. Она бьетъ словно топоромъ въ зданіе католицизма. Автора такъ ужасаетъ смѣлость, съ какою онъ отрицаетъ божество, что онъ расплывается въ гимнахъ восторга и поклоненія, и у него не хватаетъ философскаго смысла, чтобы обсудить свое ученіе. Со всѣмъ тѣмъ это интересно, и если вы еще не читали, то прочтете съ удовольствіемъ.

Компъенскій замокъ, 16-го ноября 1863 г.

Милый другъ, со времени моего пріѣзда сюда, я велъ безпокойную жизнь импресарио. Я былъ авторомъ, актеромъ и режиссеромъ. Мы съ успѣхомъ разыграли пьесу, слегка безнравственную, содержаніе которой я вамъ перескажу по возвращеніи. У насъ былъ великолѣпный фейерверкъ, хотя одна женщина, желавшая поглядѣть поближе на ракеты, была убита на мѣстѣ... Какъ глупо большинство женщинъ нашего времени! Никогда еще, думаю, такихъ не видывали. Вы расскажете мнѣ, каковы онѣ въ провинціи; если онѣ тамъ хуже, чѣмъ въ Парижѣ, то ужъ и не знаю, въ какую пустыню бѣжать. У насъ тутъ есть М-ле *** красивая дѣвка пяти футъ четырехъ дюймовъ ростомъ, отличающаяся миловидностью гризетки и развязностью помола съ растѣнчивостью, которая подчасъ бываетъ очень забавна. Кто-то высказалъ опасеніе, что вторая половина шарады не будетъ соответствовать первой (которой я авторъ):—„Ничего, сойдетъ“, замѣтила она; «мы покажемъ ноги въ балетѣ и это имъ замѣнить все.

NB.—Ноги у ней, точно двѣ дудки, и вовсе не аристократическія ступни.

Прощайте милый другъ...

London, British Museum, 23-го августа 1865 г.

....Я нахожусь здѣсь уже около шести недѣль. Я еще захватилъ нѣсколько дней сезона, присутствовалъ на нѣсколькихъ утомительныхъ обѣдахъ, на двухъ или трехъ раутахъ. Мнѣ показалось, что лордъ Пальмерстонъ сильно состарѣлся, не смотря

на успѣхъ его выборовъ, и мнѣ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы онъ былъ въ состояніи совершить будущую кампанію. Его отставка повлечетъ, конечно, за собой знатный кризисъ. Я провелъ три дня у его вѣроятнаго наслѣдника, м-ра Гладстона; общество его меня не веселило, но интересовало, потому что я всегда любилъ наблюдать разновидности человѣческой породы. Здѣсь, онѣ такъ отличаются отъ нашихъ, что трудно понять, какимъ образомъ въ десяти-часовомъ разстояніи здѣшніе двуногіе такъ мало похожи на парижскихъ. М-ръ Гладстонъ показался мнѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гениальнымъ человѣкомъ, въ другихъ—ребенкомъ.

Въ немъ есть черты ребенка, государственнаго человѣка и безумца. У него гостило пять или шесть декановъ, и каждое утро гости замка угощались общей молитвой. Я не захватилъ воскресенья. Это должно быть нѣчто ужасное...

Парижъ, 13-го октября 1865 г.

...Я отлично провелъ время въ Біаррицѣ. Насъ посѣтили король и королева Португаліи. Король—нѣмецкій студентъ, очень застѣнчивый, королева очаровательна. Она очень похожа на принцессу Клотильду, но *en beau*; это—изданіе исправленное. Бѣлѣе и нѣжнѣ цвѣтъ лица рѣдко встрѣтишь въ самой Англіи. Правда, что у ней волосы красные, но темнаго оттѣнка, который теперь въ модѣ. Она очень пріятлива и ласкова. Съ ними было нѣсколько каррикатуръ мужского и женскаго пола, которыхъ, казалось, набрали изъ лавки древностей.

Императоръ представилъ меня королю, который поглядѣлъ на меня большими, круглыми и изумленными глазами, которые чуть было не разсмѣшили меня. Другое лицо, г. Бисмаркъ, больше понравился мнѣ. Это высокій нѣмецъ, очень вѣжливый и отнюдь не наивный. Онъ кажется совсѣмъ лишень *Gemüth*, но необыкновенно уменъ. Онъ очаровалъ меня. Онъ привезъ жену, у которой самыя большія ноги по ту сторону Рейна, и дочь, которая идетъ по стопамъ матери...

Каннъ, 16-го декабря 1867 г.

...Меня очень пугаетъ политика; въ общемъ тонѣ газетъ и ораторовъ сказывается нѣчто такое, что напоминаетъ мнѣ 1848 г. Проскакиваетъ какое-то странное раздраженіе, безъ всякой видной причины. Всѣ нервы натянуты. Тьеръ, проведя всю жизнь въ политической борьбѣ, волнуется, потому что какой-то мар-

сельскій адвокат говорить плоскости, заслуживающія только улыбки.

Всего хуже, что г. Руэръ, желающій *outherod Herod*, ¹⁾ проносить самое антиполитическое слово, отъ котораго министру слѣдовало бы воздерживаться. Я недоволенъ всѣми, начиная съ Гарибальди, который не выполняетъ своего ремесла. Удалиться на Капреру, послѣ того какъ подставилъ подъ пули съ сотню дураковъ, кажется мнѣ верхомъ позора для революціонной сволочи и англійскихъ *noblemen*, принявшихъ это животное за нѣчто лучшее, чѣмъ простая картонная бука.

Что сказать вамъ о политикѣ г. Оливье и *tutti quanti*? Сколько бы они ни изощрялись во фразахъ и какъ бы ни увѣряли, что глубоко убѣждены, они мнѣ представляются второстепенными актерами, подражающими первымъ ролямъ, но такъ, что никого не вводятъ въ заблужденіе. Мы съ каждымъ днемъ мельчаемъ. Одинъ только г. Бисмаркъ великій человѣкъ. *A propos*, правда ли, что онъ истратилъ свои секретные фонды? Я считаю подкупъ газетъ дѣломъ весьма вѣроятнымъ. Но такъ какъ г. Бисмаркъ не пошлетъ росписокъ г. де-Кервегену, то надо полагать, что эти господа съ честію выпутаются.

Парижъ, среда вечеромъ, 5 августа 1869 г.

.... Я обѣдалъ нѣсколько дней тому назадъ съ невинной Изабеллой. Я нашелъ ее лучше, чѣмъ ожидалъ. Мужъ, маленький человѣчекъ, очень вѣжливый господинъ, наговорилъ мнѣ много комплиментовъ, и довольно ловко. Принцъ Астурійскій очень милъ и на видъ смышленъ... Онъ напоминаетъ инфантовъ, эпоху Веласкеца. Я очень скучаю и вся эта исторія съ *senatus-consulte* неприятна. Наше заведеніе собираются открыть для публики, что мнѣ очень не нравится..... ²⁾

Каннъ, 10 февраля 1870.

... Итакъ, у васъ былъ бунтъ, такой же глупый, какъ и его герой ³⁾, послужившій поводомъ къ нему; мы представляемъ печальное зрѣлище, благодаря тому, какъ пользуемся свободой и парламентскимъ режимомъ. Невозможно не удивляться по истинѣ смѣшной дерзости, съ какою въ палату вносятся и поддер-

¹⁾ Англійское выраженіе: „презволить Прода въ жестокости,“ то-есть тягаться въ глупости съ своими противниками.

²⁾ Засѣданія сената должны были сдѣлаться публичными.

³⁾ Викторъ Нуаръ.

живаются самыя дикіе *spropoziti*, которыхъ никто не осмѣлился бы высказать въ салонѣ. Это представительное правленіе является мало забавной комедіей; всѣ лгутъ съ нахальствомъ и тѣмъ не менѣе попадаютъ на удочку перваго ловкаго фразера. Есть люди, которые находятъ, что Кремль краснорѣчивъ, а Рошфоръ— великій гражданинъ.— Въ 1848 г. люди были, конечно, достаточно глупы, но теперь стали еще глупѣе....

Каннз, 15 мая 1870 г.

.... Политическія дразги, о которыхъ вы говорите, смущали и тотъ скромный уголокъ земли, гдѣ я, проживаю. Я вдоволь наглядѣлся здѣсь на то, какъ люди невѣжественны и глупы. Я убѣжденъ, что немногіе избиратели знали, что дѣлали. Красные, на сторонѣ которыхъ здѣсь большинство, убѣдили глупцовъ, которые еще многочисленнѣе, что дѣло идетъ о новомъ налогѣ. Какъ бы то ни было, а результатъ хорошъ ¹⁾. «Отрѣзано хорошо, теперь остается шить», какъ говорила Катерина Медичи Генриху III. Къ несчастію, я не вижу вовсе въ здѣшней странѣ людей, которые бы умѣли обращаться съ иглой....

Парижъ, 18 іюля 1870 г.

.... Я полагаю, нужно обладать желѣзнымъ здоровьемъ и особенно крѣпкими нервами для того, чтобы событія, происходящія на глазахъ, не особенно глубоко задѣвали. Мнѣ нечего говорить вамъ о томъ, что я чувствую. Я принадлежу къ тѣмъ, которые думали, что это обстоятельство неизбежно ²⁾. Быть можетъ, можно было бы отсрочить взрывъ, но невозможно было вполне устранить его. Здѣсь война популярнѣе, чѣмъ когда-либо, даже между буржуа. Хвастовства очень много, что, конечно, очень худо; но рекруты набираются и деньги жертвуются, что самое важное. Военные высказываютъ много увѣренности, но когда подумаешь, что будущее зависитъ отъ какого-нибудь ядра или пули, то трудно раздѣлять эту увѣренность....

Парижъ, вторникъ, 9-го августа 1870 г.

Милый другъ, я думаю что вы хорошо сдѣлаете, если не приѣдете въ Парижъ въ настоящую минуту; я боюсь, чтобы въ непродолжительномъ времени не разыгрались здѣсь печальныя сцены. Только и видишь, что людей, упавшихъ духомъ или пья-

¹⁾ Голосованіе въѣстнаго плебисцита.

²⁾ Война съ Пруссіей.

лицъ, распѣвающихъ *Марселезу*. Повсюду царствуетъ большой безпорядокъ. Армія была и есть превосходна, но, кажется, что у насъ нѣтъ генераловъ. Дѣло еще можно поправить. Но для этого требуется почти чудо...

Парижъ, 29-го августа 1870 г.

Милый другъ, благодарю за письмо. Я все еще очень нездоровъ и очень нервнъ. Да и нельзя иначе; я вижу все въ черномъ цвѣтѣ. Но съ нѣкоторыхъ поръ дѣла, однако, нѣсколько улучшились. Военные не унываютъ. Солдаты и гвардіи-мобили хорошо дерутся; кажется, что армія маршала Базена творить чудеса, хотя ей постоянно приходится драться одному противъ троихъ. Въ настоящую минуту, завтра, а быть можетъ и сегодня ждутъ новаго, большого сраженія. Последнія битвы были ужасны. Пруссакіи ведутъ войну съ громаднымъ превосходствомъ силъ. До сихъ поръ успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ, но кажется, что подъ Мецомъ бойня была такъ велика, что это навело ихъ на размышленія. Говорятъ, что берлинскія дѣвицы линились всѣхъ своихъ вальсеровъ. Еслибы намъ удалось отбѣснить остальныхъ въ границѣ или похоронить ихъ у себя, что было бы лучше, мы все-таки не были бы избавлены отъ всѣхъ золъ. Эта ужасная рѣзня,—не слѣдуетъ убаюкивать себя,—есть только прологъ къ трагедіи, исходъ которой извѣстенъ одному дьяволу. Націю нельзя безнаказанно встраивать такъ, какъ встраивали нашу. Невозможно, чтобы наша побѣда, какъ и наше пораженіе, не привела въ результатъ къ революціи. Вся кровь, которая тепла и будетъ еще течъ, послужитъ на пользу республикѣ, то-есть организованнаго безпорядка.

Каннъ, 23-го сентября 1870 г.

Милый другъ, я очень боленъ, такъ боленъ, что мнѣ очень тяжело писать. Есть маленькое улучшеніе. Я вамъ скоро напишу, надѣюсь, болѣе подробно. Велите взять у меня въ Парижѣ «Письма М-ше де-Севинье» и Шекспира. Я долженъ былъ бы отослать ихъ къ вамъ, но уѣхалъ.

Прощайте, обнимаю васъ.

Этими нѣсколькими строками заключается переписка Меримэ. Онъ писалъ за два часа до смерти.

А. Н—л.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

Опытъ біографіи.

Защитники и любители добраго стараго времени не разъ жаловались, особенно въ послѣднее время, что мы вообще мало знаемъ прошедшее нашей литературы, скоро забываемъ и мало дорожимъ ея преданіями. Это замѣчаніе, вообще говоря, довольно справедливо, — но за то очень несправедливы другія соображенія, которыми оно обыкновенно сопровождается. «Неуваженіе къ преданіямъ» стало теперь ходячей обвинительной фразой людей изъ прежнихъ литературныхъ поколѣній (и изъ новѣйшихъ учениковъ въ извѣстномъ лагерѣ) противъ новыхъ поколѣній, и они теперь продолжаютъ повторять ее, хотя не разъ было указано, что эти самые люди всего меньше имѣютъ право поднимать такія обвиненія: что сдѣлали они сами для сохраненія тѣхъ преданій, о неуваженіи къ которымъ они говорятъ? Гдѣ сами они сберегли память событій, жизнеописанія лицъ, которыхъ они были современниками, сподвижниками, друзьями? Что сдѣлали они для біографіи Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, не говоря о другихъ, также стоявшихъ памяти писателяхъ? Они преспокойно молчали, когда люди другого поколѣнія предпринимали трудную работу мозаичнаго собранія біографическихъ фактовъ, соединяли разбросанные кусочки рукописей и комментировали ихъ — чуть не такимъ же способомъ, какъ ученые комментируютъ древнихъ авторовъ. И вдругъ оказывалось, напр., лѣтъ черезъ тридцать, и больше, послѣ смерти Пушкина, что у нихъ отыскивались его письма, которыя были бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для біографовъ и которыя лежали гдѣ-то подъ спудомъ.

Такимъ образомъ, защитники добраго стараго времени были первые виноваты, что преданія ихъ времени были мало извѣстны. Были, однако, и другія причины, которыя мѣшали сохраненію преданій. Самыя любопытныя и важныя исторически, изъ этихъ преданій, конечно, тѣ, которыя относятся къ наиболѣе яркимъ личностямъ литературы, и въ ихъ біографіи особенный интересъ представляли бы черты ихъ самобытнаго характера, ихъ критическихъ, преобразующихъ взглядовъ и отношеній къ обществу: — но къ сожалѣнію, многое изъ этого рода фактовъ, и крупныхъ, и мелкихъ, бывало недоступно для литературы. Если сама литература была связана въ этомъ отношеніи, если исторія общества была для нея возможна только съ подобными умолчаніями и исключеніями, то нѣтъ ничего удивительнаго, что «преданія» не появлялись въ литературѣ: біографическій отдѣлъ нашей исторіи литературы дѣйствительно до сихъ поръ оставался очень скуднымъ.

Но если понимать «преданіе» какъ память не о мелкихъ анекдотахъ, но о цѣлой дѣятельности писателя, объ ея исторической важности и смыслѣ, — то, быть можетъ, забвеніе преданій, на которое жалуются приверженцы добраго стараго времени, не было лишено своего основанія. Общество, и за нимъ литература, очень помнили, напримѣръ, главнѣйшихъ, руководящихъ писателей новаго періода, — но имъ не трудно было забыть такіа второстепенныя анекдотическія частности, которыя и не имѣли особенной исторической цѣнности. Приверженцы старины могутъ сокрушаться объ этомъ, но въ обществѣ, начинающемъ себя понимать, есть свой историческій инстинктъ, который указываетъ ему въ прошедшихъ дѣятеляхъ истинную заслугу и реставрируетъ ее, при первомъ удобномъ случаѣ, во всемъ ея значеніи, еслибы какія-нибудь особыя неблагопріятныя условія препятствовали ея непосредственному признанію и заявленію.

Такъ было съ Бѣлинскимъ. Когда онъ умеръ, внѣшнія условія были столь неблагопріятны для литературы вообще и относительно его въ частности, что едва возможно было сказать о немъ нѣсколько словъ въ сухомъ некрологѣ. Годы прошли въ этомъ невольномъ молчаніи; но едва повѣяло въ жизни болѣе свѣжимъ воздухомъ, и литература нѣсколько освободилась отъ лежавшихъ на ней путъ, воспоминаніе о Бѣлинскомъ было однимъ изъ первыхъ и самыхъ задушевныхъ ея словъ. Несмотря на то, что наступала иная пора общественной жизни, сильно занявшая умы, и для литературы начинался новый періодъ, съ новыми увлекающими интересами и задачами, какихъ еще никогда не выпада-

ло на ее долю; несмотря на то, что интересы чисто литературные, эстетические, которые занимали такъ много мѣста въ трудахъ Бѣлинскаго, теперь отступили на второй планъ, — несмотря на все это, воспоминаніе о Бѣлинскомъ было и въ самомъ обществѣ принято съ теплымъ сочувствіемъ: сочиненія Бѣлинскаго, вновь изданныя, опять перечитывались, — и разошлись въ обширномъ числѣ экземпляровъ.

Въ то же время стали появляться и біографическія воспоминанія о Бѣлинскомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ воспоминаній, принадлежавшихъ его друзьямъ и людямъ къ нему близкимъ, личность Бѣлинскаго была изображаема болѣе или менѣе рельефно съ различныхъ сторонъ; — но до сихъ поръ еще не было полной его біографіи. Всего ближе можно было бы ожидать ея отъ его друзей. Но въ первое время по его смерти, эта задача была немислима: имя Бѣлинскаго было имя неудобное; уваженіе къ нему казалось признакомъ злонамѣренности; отношенія съ нимъ становились вопросомъ самосохраненія, и около этого времени, къ сожалѣнію, погибло не мало его переписки — брошенной въ огонь... Впослѣдствіи, отчасти, повидимому, другіе интересы заслонили для друзей Бѣлинскаго прошедшее, — иные совсѣмъ забыли это прошедшее и перестали цѣнить его; — отчасти могли устранить ихъ отъ этой задачи и другія соображенія, трудность разрѣшать вопросы личныхъ отношеній, съ которыми связывается біографія Бѣлинскаго, и т. п. Кромѣ того, эта біографическая задача остается до сихъ поръ трудной по соображеніямъ болѣе общаго характера. Время и дѣятельность Бѣлинскаго во многихъ случаяхъ очень тѣсно касаются извѣстнаго порядка идей, для котораго — въ условіяхъ нашей литературы — еще не наступила пора исторіи, или пора совершенно свободной критики и изложенія... Такъ или иначе, біографіи Бѣлинскаго не было до сихъ поръ написано. Указанія выше воспоминанія его друзей и лицъ, его знавшихъ, доставляютъ цѣнныя подробности, но далеки отъ біографической полноты: біографу предстоитъ дополнить пробѣлы другими свидѣніями, собрать и разработать разсыянную по рукамъ переписку Бѣлинскаго и т. п., — чтобы воспроизвести личность писателя въ послѣдовательномъ развитіи его характера и взглядовъ, подѣ многоразличными вліяніями общественной среды и подѣ властью тѣхъ идеаловъ, проповѣдь которыхъ наполняла его литературную дѣятельность и дала, наконецъ, этой дѣятельности широкое общественное значеніе.

Предпринимая настоящій трудъ, мы не думаемъ сдѣлать что-либо полное и законченное, и хорошо видимъ всѣ трудности пред-

лежащей задачи: и неполноту хотя довольно обширнаго, но еще недостаточнаго матеріала, которымъ имѣемъ возможность пользоваться; и упомянутую выше трудность, происходящую отъ близости времени, которое многими чертами еще слишкомъ родственно настоящему; и трудность излагать многія личные отношенія, которыя еще не могутъ быть разсказаны вполне, и отчасти не могли быть пока и опредѣлены съ достаточною точностью. Тѣмъ не менѣе, этотъ трудъ былъ для насъ привлекателенъ и казался необходимымъ: подводя итогъ тому, что было сдѣлано до сихъ поръ для біографіи Бѣлинскаго, и представляя новыя данныя по матеріаламъ, вновь нами собраннымъ, мы считаемъ свой трудъ предварительной разработкой матеріала, которая можетъ вызвать новыя воспоминанія тѣхъ, кому памятно описываемое время, вызвать поправки и дополненія. Это была бы исходная точка для настоящей, болѣе полной и всесторонней біографіи.

Особенной помощью въ этомъ трудѣ,—безъ которой въ сущности онъ не могъ бы и состояться,—послужило для насъ то сочувствіе, съ которымъ встрѣтили его современники той эпохи, живущіе съ нами друзья Бѣлинскаго, люди, его знавшіе или владѣющіе его рукописями: отъ однихъ изъ этихъ лицъ мы получили довольно значительное количество сохранившейся переписки Бѣлинскаго, остающейся неизданною и простирающейся отъ тридцатыхъ годовъ до послѣдняго года его жизни; другіе передали намъ свои личные воспоминанія... Приносимъ этимъ лицамъ нашу, самую искреннюю благодарность; полный списокъ собраннаго нами матеріала, съ указаніемъ лицъ, его сообщившихъ, мы помѣстимъ въ концѣ. Были и исключенія,—намъ пріятно сказать, что ихъ было мало ¹⁾).

Мы излагали въ другомъ мѣстѣ нашу взглядъ на историческое значеніе дѣятельности Бѣлинскаго и не будемъ здѣсь повторять его. Не будемъ также впередъ опредѣлять его личный характеръ, который выясняется изъ самыхъ фактовъ біографіи и собственныхъ выраженій Бѣлинскаго. Замѣтимъ одно, что Бѣлинскій служилъ вообще въ высшей степени характеристическимъ представителемъ извѣстной стороны своего времени, извѣстныхъ требованій общественнаго развитія. Отъ природы это былъ человѣкъ, богато одаренный мыслью и чувствомъ, и нравственною

¹⁾ Такъ какъ мы не имѣли возможности обратиться ко всѣмъ лицамъ, могущимъ имѣть письма Бѣлинскаго или другія біографическія данныя о немъ, то просимъ вообще владѣющихъ подобными матеріалами, сообщить намъ эти матеріалы, хотя бы на короткое время,—адресуя въ редакцію „Вѣстника Европы“. За ихъ сохранность мы ругаемся.

энергіей; повидимому, трудно представить себѣ обстановку жизни, болѣе подавляющую, воспитаніе, болѣе предоставленное случаю и неблагопріятное для развитія этихъ дарованій;—и тѣмъ не менѣе, Бѣлинскій, почти юноша, не богатый свѣдѣніями и всегда чуждый ученой дисциплины, съ перваго твердаго шага въ литературѣ открываетъ новый періодъ литературнаго сознанія и занимаетъ господствующее положеніе въ русской критикѣ. Это было одно изъ тѣхъ любопытныхъ явленій, гдѣ историческій процессъ выдвигаетъ своихъ дѣателей какою-то, будто стихійною силою, и гдѣ вслѣдствіе того самая дѣятельность лица получаетъ значеніе историческаго факта и прочнаго безповоротнаго пріобрѣтенія. Такимъ образомъ, изученіе Бѣлинскаго становится изученіемъ цѣлаго литературнаго періода. Его дѣятельность критическая совпадаетъ, до удивительной параллельности, съ господствующими явленіями самой художественной литературы: Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ были писатели, которыхъ онъ привѣтствовалъ съ восторгомъ, и съ которыми кончалось его скептическое отношеніе къ русской литературѣ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ поэтическая литература его времени переходила отъ общаго гуманистическаго содержанія и выработки формальной къ содержанію чисто національно-общественному, самая критика оставляла теоретическія отвѣченности чистаго искусства для разработки общественнаго содержанія литературы. Эта послѣдняя точка зрѣнія, поставленная Бѣлинскимъ, подвергавшаяся столькимъ нареканіямъ со стороны послѣдователей искусства для искусства, была совершенно послѣдовательнымъ выводомъ и въ его личномъ развитіи, и въ развитіи самой литературы того времени: мы не увидимъ въ ней ничего исключительнаго, если сблизимъ ее съ тѣми идеями, которыя въ концѣ того періода становились общей мыслью лучшихъ людей, стоявшихъ тогда во главѣ нашей образованности.

I.

ДѢТСТВО И ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ.

В. Г. Бѣлинскій былъ родомъ изъ Пензенской губерніи. Фамилія его писалась собственно «Бѣлынский»: такъ подписывался постоянно его отецъ, мать и братъ въ письмахъ къ В. Г., которыя мы имѣли въ рукахъ; самъ Бѣлинскій уже издавна писалъ ее въ смягченной имъ формѣ. Вѣроятно по складу этой фамиліи, составилось предположеніе, что отецъ Бѣлинскаго былъ уроженцемъ Польши или западныхъ губерній: такъ говорилъ о немъ смотритель училища, гдѣ обучался В. Г.; но, прибавлялъ онъ, — «сынъ его Виссаріонъ родился въ нашихъ степяхъ, въ нашей вѣрѣ и былъ вполнѣ русскимъ» ¹⁾. Эти показанія, однако, несправедливы. Бѣлинскій не родился въ пензенскихъ степяхъ, но былъ изъ пензенскаго рода, и былъ «вполнѣ русскимъ» и по своимъ предкамъ. Фамилія его происходила ²⁾ отъ села *Бѣлыни*, въ Нижнеомовскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Отецъ Виссаріона, Григорій Никифоровичъ, былъ сынъ священника этого села, такъ что Виссаріонъ былъ самаго несомнѣннаго русскаго происхожденія. Тамъ же, въ Пензенской губерніи, жила старая родня этого семейства. За дѣдомъ Бѣлинскаго, предки ихъ фамиліи теряются. Григорій Никифоровичъ «Бѣлынский» первоначальное воспитаніе получилъ, кажется, въ пензенской семинаріи, гдѣ, вѣроятно, была дана ему эта фамилія, по извѣстному старинному обычаю именовать вступающихъ семинаристовъ, не имѣющихъ особаго прозвища, по мѣстностямъ или селамъ, гдѣ они родились, если не по какимъ-нибудь другимъ примѣтамъ. Изъ семинаріи Г. Н. Бѣлынский поступилъ въ медицинскую академію, въ казенные студенты, и кончивши курсъ съ званіемъ лекаря, былъ опредѣленъ въ 1809 году на службу въ Балтійскій флотъ. Во время пре-

¹⁾ Разсказъ Лажечникова (Моск. Вѣстн. 1859), повторенный и другими.

²⁾ Такъ объясняется въ краткой біографической запискѣ о дѣтствѣ Б., составленной нѣсколько лѣтъ назадъ его близкимъ родственникомъ, Д. П. Н., и которой мы слѣдуемъ и дальше въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Относительно фамиліи, одинъ изъ земляковъ Бѣлинскаго замѣчаетъ, что въ Пензѣ онъ еще не измѣнялъ фамиліи отца и всѣ его звали Бѣлынскимъ. „Но, неизвѣстно почему, по приѣздѣ въ Москву, Бѣлынский съ большою горячностью и настойчивостью сталъ требовать, чтобъ его называли Бѣлинскій, а не Бѣлынский,—я настоялъ на своемъ!“ (Воспоминаніе о Б. Н. Иванисова 2-го, Моск. Вѣдомости 1861, № 185).

быванія въ Кропшгадтѣ, Бѣлинскій женился на дочери какого-то флотскаго офицера, Марьѣ Ивановнѣ. Флотскій экипажъ, въ которомъ находился на службѣ Бѣлинскій, стоялъ въ Свеаборгѣ, и здѣсь, въ 1810 году, въ февралѣ ¹⁾, родился у него первый сынъ Виссаріонъ, и заочнымъ восприемникомъ его былъ вел. кн. Константинъ Павловичъ. Впослѣдствіи, именно въ 1816 году, отецъ Бѣлинскаго перешелъ на службу въ родной край; въ званіи штабъ-лекаря, онъ назначенъ былъ въ уѣздный городъ Чембаръ городскимъ и уѣзднымъ врачомъ. Къ тому времени, когда Виссаріонъ учился въ школѣ, семья увеличилась: къ ней прибавилось еще два сына (Константинъ и Никаноръ) и дочь (Александра).

О домашней жизни, въ которой вырасталъ Бѣлинскій, мы имѣемъ отзѣвы не вполне сходные въ частностяхъ, но сходные въ общемъ неблагоприятномъ впечатлѣніи. По рассказамъ, какіе слышалъ на мѣстѣ и передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лажечниковъ,—домашняя обстановка, окружавшая Бѣлинскаго, была самая безотрадная и подавляющая. «Общество, которое дитя встрѣчало у отца, были городскіе чиновники, большею частію, члены полиціи, съ которыми уѣздный лекарь имѣлъ дѣло по своей должности (отъ которой ничего не наживалъ). Общество это видѣлъ онъ на распаху, часто за ерофѣичемъ и пуншемъ, слышалъ рѣчи, обращающія болѣе всего около частныхъ интересовъ, приправленныя цинизмомъ взяточничества и мелкихъ продѣлокъ, видѣлъ во очію неправду и черноту, не замаскированныя боязнью гласности, не закрашенныя лоскомъ образованности, видѣлъ и купленное за ведерку крестное цѣлованіе понятыхъ и свидѣтельствованіе разнаго рода побоевъ и пр. и пр... Душа его, въ которую пала съ малолѣтства искра Божія, не могла не возмущаться при слушаніи этихъ рѣчей, при видѣ разнаго рода отвратительныхъ сценъ. Съ раннихъ лѣтъ накупѣла въ ней непамять къ обскурантизму, ко всякой неправдѣ, ко всему ложному... Оттого-то его убѣжденія перешли въ его плоть и кровь, слились съ его жизнію... Прибавьте къ безотрадному зрѣлищу гнилого общества, которое окружало его въ малолѣтствѣ, домашнее горе, бѣдность, нужды, вѣчно его преслѣдовавшія, вѣчную борьбу съ ними, и вы поймете, отчего произведенія его иногда переполнялись желчью, отчего въ откровенной бесѣдѣ съ нимъ, изъ наболѣвшей груди

¹⁾ Такъ въ запискѣ Д. П. Н. По Бѣлинскій, кажется, считалъ иначе время своего рожденія. Въ мартѣ 1846 г., онъ пишетъ къ В. П. Боткину: „Мая 30-го, а по нашему, по басурманскому, іюня 11-го, стукнетъ мнѣ 36 лѣтъ“.

его вырывались грозно-обличительныя рѣчи, которыя, казалось, душили его...»

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ послѣднихъ словахъ вѣрно передано то общее дѣйствіе, какое эта жизнь должна была оказать на складъ характера Бѣлинскаго. Изъ другихъ свѣдѣній мы узнаемъ подробности, которыя отчасти смягчаютъ приведенную картину, но въ концѣ концовъ остается тотъ же результатъ, — что въ обстановкѣ дѣтства и первой юности Бѣлинскаго было слишкомъ мало отраднаго и слишкомъ много тяжелаго, непріязненнаго, болѣзненно раздражающаго.

По разсказу Д. П. И., матеріальныя средства семейства были въ среднемъ уровнѣ уѣздной жизни. У Бѣлинскихъ былъ свой, довольно просторный, домикъ съ обычными хозяйственными принадлежностями; прислуга состояла изъ семи крѣпостныхъ дворовыхъ людей. Но жалованье уѣзднаго лекаря было очень небольшое; а практика въ уѣздѣ, кажется, довольно значительная, мало вознаграждалась деньгами, а всего чаще присылкой въ большіе праздники разной провизіи, причѣмъ особенной щедростью отличалась г-жа Владыкина, родная племянница Бѣлинскаго-отца, бывшая замужемъ за богатымъ помѣщикомъ. Подъ конецъ средства семьи стали, повидимому, еще уменьшаться, какъ вообще стали разстроиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чембарскимъ обществомъ. Д. П. И. объясняетъ это самымъ его характеромъ. Это былъ, по своему, все-таки нѣсколько образованный человекъ и могъ стоять выше малограмотнаго уѣзднаго люда. Отъ многихъ предразсудковъ онъ былъ свободенъ, и склонный къ насмѣпливости, онъ не стѣснялся высказывать свои мнѣнія, которыя иногда казались слишкомъ рѣзкими. Въ религіозныхъ предметахъ, Григ. Ник., какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Аммоса Федоровича, и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло его въ безбожьи, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера, — съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Экартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Недовѣрчивый и подозрительный, Григ. Ник., повидимому, былъ порядочно упоренъ и не обнаруживалъ желанія подчиняться сосѣдскимъ причудамъ; онъ неохотно брался за леченіе, обнаруживалъ притворство, гдѣ оно было, и кончилось тѣмъ, что помѣщичья публика стала избѣгать его; больные ѣздили лечиться въ сосѣдній Сердобскъ или въ извѣстное въ томъ краѣ богатое село Зубриловку; — практика почти совсѣмъ прекратилась съ появленіемъ бродившихъ тогда съ походными аптеками венгерцевъ (такъ-называемыхъ цыцарцевъ или цесарцевъ) и съ водвореніемъ въ го-

родѣ егерскаго полка. Бывали случаи, что онъ отказывался давать помощь и тамъ, гдѣ она была дѣйствительно необходима. Изъ писемъ, которыя Виссаріонъ получалъ впослѣдствіи изъ дому, видно, что отецъ до того простиралъ свою недовѣрчивость, или его отношенія съ помѣщичьимъ сосѣдствомъ были наконецъ до того странны и враждебны, что онъ не ѣздилъ по приглашеніямъ изъ опасенія, что его собираются убить или совершить надъ нимъ насиліе. Въ послѣдніе годы онъ задумалъ совсѣмъ бросить службу въ Чембарѣ и переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто.

Обращаемся опять къ рассказамъ Д. П. И.,—свидѣтеля, который не можетъ быть обойденъ, какъ землякъ, близкій родственникъ и одинъ изъ первыхъ друзей Виссаріона (которому приходился племянникомъ). Д. П. И., говоря объ отцѣ Бѣлинскаго, вообще, кажется, старается выставлять лучшія его стороны. По его словамъ, Виссаріонъ былъ любимымъ сыномъ отца, — какъ это и могло быть, при всѣхъ странностяхъ ихъ отношеній. «Съ самой ранней поры даровитаго ребенка, отецъ не могъ не отличить и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ рассказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, и мало по малу раскрывалась между ними живая симпатія, сохранившаяся навсегда и благотворительно дѣйствовавшая на обоихъ въ рѣзкихъ случаяхъ жизни. Виссаріонъ Григ. и лицомъ болѣе всѣхъ дѣтей походилъ на отца, и одинъ только ростъ наслѣдовалъ отъ матери». Мать была женщина, какъ говорятъ, очень добрая, но вмѣстѣ раздражительная или даже сварливая; ея образованіе ограничивалось посредственнымъ знаніемъ грамоты. Вся забота ея заключалась въ томъ, чтобы прилично одѣть и, особливо, сытно накормить дѣтей: когда Виссаріонъ жилъ въ Москвѣ, она еще снабжала его теплыми фуфайками и копчеными гусями, посылаемыми съ «оказіей». Приобрѣтенная дома страсть къ жирной, неудобоваримой пищѣ, какъ говорятъ, усиливала у Виссаріона золотушное расположеніе и была причиной постоянныхъ болѣзней желудка, и вообще вредно подѣйствовала на его здоровье.

Отношенія самихъ родителей, кажется, издавна были далеко не мирныя. Различіе характеровъ и понятій, хозяйственные нужды, на которыя у отца не доставало денегъ, подавали поводъ къ раздорамъ, которые вовсе не были назидательны для дѣтей; мать не умѣла сдерживать своей раздражительности, отецъ или молчалъ на ея брань или отвѣчалъ шутками, которыхъ она не могла ни понять, ни вынести, или раздражался самъ и тогда начинались

настоящія бури, отъ которыхъ домашніе буквально бѣжали изъ дому. «У жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссаріонъ Григ. принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ своею лихою ма-чихою», — рассказываетъ очевидецъ, изображая домашній бытъ этого семейства. «Не радостно она встрѣтила его въ родной семьѣ, и дѣтство его, эта веселая, беззаботная пора, было исполнено тревогъ и огорченій столько же, сколько и позднѣйшіе возрасты, и надобно было имѣть ему много воли, много любви, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы съ роковыми случайностями».

Мы возвратимся дальше къ этимъ домашнимъ отношеніямъ, которыя не переставали тяготѣть надъ Бѣлинскимъ и волновать его и тогда, когда онъ уже покинулъ — и навсегда — родной кровъ, столько для него непріютный.

Свое ученіе Бѣлинскій началъ не дома. Въ Чембарѣ до пятидесятихъ годовъ существовала привилегированная учительница русской грамоты, дочь мѣстнаго чиновника, нѣкая Ципровская. Такія учительницы бывали нерѣдки у насъ еще съ восемнадцатаго столѣтія и до очень недавняго времени; учительство, конечно, только первоначальное, составляло обыкновенно ихъ исключительную профессію и средство существованія, и приносило не малую пользу, когда въ провинціальныхъ захолустьяхъ не было ни достаточныхъ школьныхъ средствъ обученія, ни достаточно охоты и умѣнья къ этому въ семьяхъ. Ципровская обучила первой грамотѣ пѣлмъ поколѣнія. Выучившись у нея чтенію и письму, Бѣлинскій, кажется, продолжалъ нѣсколько учиться и дома, гдѣ отецъ началъ учить его по-латыни. Болѣе правильныя занятія начались для Бѣлинскаго съ открытіемъ въ Чембарѣ уѣзднаго училища. На первое время весь педагогическій штатъ заведенія состоялъ изъ одного смотрителя (Абрама Григ. Грекова), который былъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ: этотъ смотритель былъ, — какъ говорить Д. П. И., поступившій въ училище въ одно время съ Бѣлинскимъ, — человекъ добрый и кроткій. Вскорѣ прибавились новые учителя — одинъ, для закона божія, соборный священникъ; другой для русскаго языка — сынъ другого соборнаго священника, исключенный изъ семинаріи (Василій Рубашевскій). Этотъ послѣдній, — по разсказу Д. П. И., — «былъ страстный любитель наказаній, розогъ, которыя онъ употреблялъ иногда въ видѣ ласки, наказывая ими сквозь платье, ради личной потѣхи, совершенно невиннаго и прилежнаго мальчика; отодравши его немилосердо, старался потомъ успокоить поцѣлуями и щекоткою. Когда родители выговаривали учителю за эти выходы, онъ изви-

нася будущемою пользою, плѣнившись, вѣроятно, системою спартавскаго воспитанія или обычаями своей бурсы. Благородное негодование на этотъ вандализмъ Виссаріона возбудило энергическіе жалобы къ смотрителю со стороны Григорія Никиф... Надобно замѣтить, что Виссаріонъ никогда не былъ предметомъ этихъ дикихъ любезностей бурсака-учителя и вмѣшался въ дѣло не столько по участію къ товарищамъ, которые были моложе его классомъ, но потому что находилъ подобные поступки возмутительными». Преподаваніе въ училищѣ совершалось въ духѣ патріархальной простоты. Учители не затруднялись оставлять учениковъ на произволъ судьбы, отправляясь домой для жертвоприношеній Бахусу, а ученики, въ лѣтнее время, иногда цѣлымъ училищемъ уходили купаться.

Здѣсь, въ этомъ уѣздномъ училищѣ, видѣлъ ВѢлинскаго извѣстный Лажечниковъ, бывшій тогда директоромъ училищъ пензенской губерніи (съ конца 1820 года). Вотъ его разсказъ объ этой встрѣчѣ съ мальчикомъ ВѢлинскимъ, который уже тогда бросился ему въ глаза особенной независимостью своей манеры и живостью ума и характера.

«Въ 1823 году,» — разсказываетъ Лажечниковъ, — «ревисовалъ я чембарское училище. Новый домъ былъ только-что для него отстроенъ. (Въ этомъ ли домѣ, или во вновь построенномъ послѣ бывшаго пожара, не знаю хорошо, жилъ нѣсколько времени блаженный памяти императоръ Николай Павловичъ, по случаю болѣзни своей отъ паденія изъ экипажа на пути близъ Чембара). Во время дѣлаемаго мною экзамена, выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего, я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частію, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Грековъ) не конфузился, что его уче-

никъ говорить не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго зрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотою пріѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписанъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учать бѣдняковъ съ малолѣтства».

Въ августѣ 1825 года Бѣлинскій перешелъ изъ чѣмбарскаго училища въ пензенскую гимназію. Въ январѣ 1829 года, въ гимназическихъ вѣдомостяхъ о Бѣлинскомъ было отмѣчено, что за нехождение въ классъ не рекомендуется, а въ февралѣ того же года онъ былъ вычеркнутъ изъ списковъ, съ отмѣтой: «за нехождение въ классъ» ¹⁾.

Можно себѣ представить, что причиной «нехожденія» и навлеченнаго имъ исключенія изъ гимназіи не была простая лѣность ученика, который еще въ уѣздномъ училищѣ удивлялъ серьезностью своихъ понятій и свѣтлымъ умомъ. Виновата была прежде всего сама гимназія. Картина этой гимназіи, нарисованная Лажечниковымъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ, — картина, въ тѣ времена далеко не исключительная, — представляетъ учебную ея дѣятельность въ очень неблестящемъ видѣ. Преподаваніе велось по домашнему, спустя рукава. Первая сцена, которую вновь пріѣхавшій директоръ встрѣтилъ въ гимназіи (незадолго передъ вступленіемъ туда Бѣлинскаго), было — «погребеніе kota мышами», какъ объяснили ученики: они всей ватагой выносили на рукахъ изъ класса учителя словесности, — можно догадаться, въ какомъ положеніи. Эта сцена давала понятіе объ остальныхъ порядкахъ. Правда, въ тому времени, когда вступилъ въ гимназію Бѣлинскій, составъ учителей нѣсколько поправился, но и въ его время преподаваніе хромало. Напримѣръ, въ томъ предметѣ, который уже

¹⁾ Его гимназическія отмѣтки, въ 3-мъ классѣ, были: изъ алгебры и геометріи 2, изъ исторіи, статистики и географіи 4, изъ латинскаго языка 2, изъ естественной исторіи 4, изъ русской словесности и славянскаго языка 4, во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ отмѣчено, что не учился. — Высшій балъ былъ въ то время 4.

съ этихъ поръ привлекалъ къ себѣ всѣ интересы БѢлинскаго, въ русской словесности:—

«На мѣсто кота, котораго погребли мыши, поступилъ шюляръ и педантъ въ высшей степени. Онъ твердо зазубрилъ всѣ возможныя реторики, русскія и латинскія, и даже вздумалъ-было преподавать одну изъ нихъ по іезуитскому руководству Лежая ¹⁾. Большею частію забивалъ онъ учениковъ хитрыми упражненіями на фигурахъ и тропяхъ, какъ будто училъ выдѣлывать изъ словъ разные фокусы. Разумѣется, по тогдашнему, онъ училъ и «изобрѣтать» по извѣстнымъ вопросамъ: кто, что и т. д. БѢлинскій былъ долго подъ фѣрулой его, какъ учителя русской словесности и исправлявшаго, нѣкоторое время, по старшинству, должность директора училищъ, но, съ врожденной ему энергіей, не поддался ей. Вѣроятно, съ того времени реторика ему и опротивѣла».

Но въ гимназій нашелся, однако, человѣкъ, непохожій на этихъ педагоговъ. Это былъ учитель естественной исторіи, М. М. Поповъ, «кладъ для гимназій», по словамъ Лажечникова, человѣкъ—съ любовью къ наукѣ, особенно къ литературѣ, съ свѣтлымъ умомъ и основательнымъ образованіемъ соединявшій теплое сердце и поэтическую душу. Его вліяніе и сочувствіе, какъ говорятъ, въ особенности помогли БѢлинскому, въ этой скудной образованіемъ средѣ, воспитать свою любовь къ литературѣ, съ которой было связано все его нравственное существованіе.

Впослѣдствіи Поповъ оставилъ учебную службу и Пензу, перѣхалъ въ Петербургъ, и до конца сохранилъ къ БѢлинскому самыя дружескія отношенія,—какъ ни далеко развела ихъ судьба на жизненномъ поприщѣ: во время петербургской жизни БѢлинскаго, Поповъ былъ уже чиновный человѣкъ (онъ служилъ въ III отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи).

Разсказъ М. М. Попова и показанія сверстника БѢлинскаго ²⁾, дополняютъ наши свѣдѣнія о гимназическомъ ученіи БѢлинскаго и его тогдашней нравственной фizioноміи.

«Въ гимназій, по возрасту и возмужалости, БѢлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи: онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его, между

¹⁾ Этотъ „Лежай“ (т. е. Лежа) вѣстѣ съ не менѣе знаменитымъ Бургіемъ до очень недавняго времени господствовали безраздѣльно въ семинарскомъ преподаваніи реторики: ихъ руководства могутъ служить образчикомъ сухой и безжизненной схоластики.

²⁾ Моск. Вѣстникъ, 1869; Моск. Вѣдом. 1861, № 135.

хорошенькими личиками другихъ дѣтей, казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембарь; но не помню, чтобы отецъ его прѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто-нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу».

Впечатлѣніе М. М. Попова объ отсутствіи женскаго призора было очень справедливо, но онъ, кажется, все-таки не имѣлъ точнаго представленія о заброшенности мальчика. По словамъ очевидца и сверстника Бѣлинскаго, Иванисова, это была настоящая нищета. «Въ Пензѣ,—говоритъ онъ,—Бѣлинскій жилъ въ большой бѣдности; зимой, ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки». Тотъ же свидѣтель рассказываетъ, что литературныя познанія Бѣлинскаго были тогда (т.-е. конечно въ первые гимназическіе годы) очень ограничены: «онъ спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова и восхищался романами Радклифъ. Изъ дома моего отца Бѣлинскій впервые получилъ, для чтенія, романы Вальтеръ Скотта, на русскомъ языкѣ, и произведенія лучшихъ нашихъ писателей». Романами Радклифъ Бѣлинскій тогда въ особенности восхищался.

Съ тѣхъ же поръ, и при такихъ же скудныхъ средствахъ проявлялась впервые и другая страсть Бѣлинскаго которая въ послѣдствіи развилась до такого поглощающаго увлеченія—театръ. «Онъ страстно любилъ театральныя зрѣлища,—рассказываетъ Иванисовъ,—и часто посѣщалъ пензенскій театръ, который содержалъ тогда помѣщикъ Гладковъ. Актеры и актрисы были—его крѣпостные люди, большею частью пьяницы. Помню, что лучшія изъ этихъ дѣйствующихъ лицъ были извѣстны подъ именами *Гришки*, *Данилки* и *Мишки*. Гришка *Сулеймановъ* былъ трагическій актеръ и часто отличался въ роли *Димитрія Самозванца* (Сумарокова), возглашая:

Ступай душа во адъ, я буду вѣчно плѣнна!
О, еслибы со мной погнѣла вся вселенна!»

Возвращаемся къ разсказу Попова о гимназіи.

«... Впрочемъ, зачѣмъ перечислять учителей? Нѣкоторые изъ

нихъ были ученые люди, съ познаніями, да умъ Бѣлинскаго-то мало выносилъ познаній изъ школьнаго ученія. Къ математикѣ онъ не чувствовалъ никакой склонности; иностранные языки, географія, грамматика и все, что передавалось по системѣ заучиванія, не шли ему въ голову: онъ не былъ отличнымъ ученикомъ, и въ одномъ, которомъ-то, классѣ просидѣлъ два года ¹⁾.

«Надобно, однакожь, сказать, что Бѣлинскій, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ западало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназій. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей,—онъ изъ послѣднихъ; а поговорите съ нимъ дома, по дружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Учителя словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами (но мы видѣли сейчасъ, каковы и бывали эти учителя), но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы».

Въ то время, когда Бѣлинскій былъ въ гимназій, всѣхъ классовъ было четыре. М. М. Поповъ преподавалъ, какъ мы замѣтили, естественную исторію, которая начиналась въ 3-мъ классѣ, такъ что Бѣлинскій учился у него только въ двухъ высшихъ классахъ, но Поповъ зналъ его и раньше, потому что Бѣлинскій былъ друженъ съ своимъ товарищемъ, племянникомъ Попова, и иногда бывалъ въ его домѣ. «Онъ бралъ у меня книги и журналы,—разсказываетъ Поповъ,—пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросъ за вопросомъ... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ-нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ».

Дѣло въ томъ, что и учитель, и ученикъ, оба были страстные любители литературы. Одинъ забывалъ о предметѣ своего преподаванія, другой забывалъ обо всѣхъ, и они толковали только о литературѣ. «Домашнія бесѣды наши,—разсказываетъ Поповъ,—продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназій. Дома мы толковали о словесности; въ гим-

¹⁾ Лажечниковъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Бѣлинскій, еще будучи въ гимназій, составилъ русскую грамматику, что, не удовлетворяясь школьными учебниками, онъ тогда уже не подчинялся авторитетамъ и хотѣлъ работать самостоятельно.

назиі онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ, еще молодымъ въ то время, учителемъ сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологій, ботаники или ориктогнозій и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона натуралиста я переходилъ къ Бюффону писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растений къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковского... А герборизація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдемъ до засѣки, что позади городского гулянья, или до рощей, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаеъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодые сердца».

Наставникъ Бѣлинскаго такъ опредѣляетъ тогдашнюю ступень литературныхъ вкусовъ и увлеченій Бѣлинскаго (за послѣдніе годы его гимназическаго ученья). «Тогда Бѣлинскій, по лѣтамъ своимъ, еще не могъ отрѣшиться отъ обаянія первыхъ Пушкинскихъ поэмъ и мелкихъ стиховъ. Непривѣтно встрѣтилъ онъ сцену: «Келья въ Чудовомъ монастырѣ»¹⁾. Онъ и въ то время не скоро подавался на чужое мнѣніе. Когда я объяснилъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возрастаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте, подумаю; дайте, еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ съ страшной увѣренностью: «совершенно справедливо!»

Журналистика наша въ двадцатыхъ годахъ выходила изъ дѣтства. Полевой передавалъ по Телеграфу идеи запада, все, что являлось тамъ новаго въ области философіи, исторіи, литературы и критики. Надоумко смотрѣлъ изъ подлѣбья, но глубже

¹⁾ Въ первый разъ, эта сцена появилась въ „Моск. Вѣстникѣ“ 1827 г. О впечатлѣніи этого перваго образчика „Бориса Годунова“ на публику, см. Анненкова, Матер., 1-е изд. 144.

Полевого, и знакомилъ русскихъ съ германскою философіею. Оба они снимали маски съ старыхъ и новыхъ нашихъ писателей и приучали судить о нихъ, не покоряясь авторитетамъ. БѢлинскій читалъ съ жадностью тогдашніе журналы и всасывалъ въ себя духъ Полевого и Надеждина».

По выходѣ изъ гимназій, БѢлинскій вѣроятно воротился въ Чембарь и безъ сомнѣнія уже задумалъ въ это время о поѣздѣ въ Москву и поступленіи въ университетъ. Въ бумагахъ, уцѣлѣвшихъ послѣ него, сохранилось нѣсколько писемъ къ нему отъ гимназическихъ товарищей, за время до отъѣзда его въ университетъ и первое время московской жизни. Здѣсь рѣчь идетъ отчасти о гимназій, о которой поминается не съ особеннымъ сочувствіемъ, — но гораздо больше говорится въ письмахъ о литературѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ, пріятель БѢлинскаго, «называетъ его «маленькимъ философомъ, оригиналомъ, большимъ дружищею», и съ большимъ раздраженіемъ говоритъ о гимназій, повидимому, въ свое время несносной и для БѢлинскаго не меньше, чѣмъ для автора письма. Другой корреспондентъ въ особенности интересуется литературой. Друзья пересылались книгами (изъ Пензы въ Чембарь, и обратно), сообщали другъ другу литературныя новости, какія имъ случалось узнавать, переписывали въ письмахъ цѣлыя длинныя стихотворенія, когда нельзя было послать книгъ; иной разъ, литературная новость (напр. новый отрывокъ изъ «Полтавы»), получалась также переписанной, изъ Москвы, и затѣмъ черезъ Пензу шла въ другомъ письмѣ въ Чембарь... Такая же литературная корреспонденція велась у БѢлинскаго съ его родственникомъ Д. П. И. (который былъ ему ровесникомъ или немного моложе), который былъ однимъ изъ его ближайшихъ тогдашнихъ пріятелей. Рядомъ съ этимъ, начинались уже и собственныя литературныя попытки, — и, конечно, въ стихахъ. Въ началѣ 1830 года, когда БѢлинскій былъ уже въ Москвѣ, Д. П. И., остававшійся еще въ Пензѣ, передаетъ ему усиленную просьбу М. М. Попова о присылкѣ стиховъ крупныхъ или мелкихъ, «только отличныхъ», своего сочиненія: стихи были нужны Попову для альманаха, который онъ собирался тогда издать вмѣстѣ съ Лажечниковымъ.

Эти стихотворенія БѢлинскаго, не увидѣвшія свѣта (мы упомянемъ дальше объ единственномъ, кажется, напечатанномъ около того времени стихотвореніи БѢлинскаго), какъ и слѣдуетъ ожидать, очень скоро потеряли цѣну для самого автора; но въ то время онъ придавалъ имъ большое значеніе, по крайней мѣрѣ много хлопоталъ о нихъ.

Узнавши отъ своего родственника о порученіи М. М. Попова—просить его стиховъ, Бѣлинскій пишетъ къ Попову письмо, гдѣ самъ подшучиваетъ надъ своей повзѣй, хотя ему очень тяжело было убѣдиться, что онъ не рожденъ быть поэтомъ ¹⁾.

Въ одной рецензій («Молва», 1835 г.) онъ вспоминаетъ эту пору своихъ литературныхъ занятій, мечтаній и замысловъ. По поводу одного плохого собранія стихотвореній онъ говоритъ, что оно напомнило ему «невинное, золотое время дѣтства», и рассказываетъ: «еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ...; я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марыну Рошу», и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковского, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума». Стихи онъ тогда писалъ «въ чисто-классическомъ и совершенно чувствительномъ родѣ»: «съ романтическимъ я познакомился уже тогда, какъ во мнѣ совсѣмъ прошло стихотворное неистовство». Въ другомъ мѣстѣ онъ вспоминаетъ, что зналъ когда-то наизусть

¹⁾ „Въ чрезвычайное затрудненіе привело меня письмо моего родственника—говоритъ Бѣлинскій въ этомъ письмѣ къ Попову (отъ 30-го апрѣля 1830 г.): ...„мнѣ, что вы еще меня не забыли, что вы еще также ко мнѣ благосклонны, какъ и прежде; ваше желаніе, котораго я, несмотря на пламенное усердіе, не могу исполнить,—все это привело меня въ необыкновенное состояніе радости, горести и замѣшательства. Бывши во второмъ классѣ гимназій, я писалъ стихи и *почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковского*; но времена переимѣнились. Вы знаете, что въ жизни юноши всякій часъ важенъ: чему онъ вѣрилъ вчера, надъ тѣмъ смѣется завтра. Я увидѣлъ, что не рожденъ быть стихотворцемъ и, не хотя идти наперекоръ природѣ, давно уже оставилъ писать стихи. Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ *движенія необыкновенныя*, душа часто бываетъ полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ умѣ рождаются мысли высокія, благородныя — хочу ихъ выразить стихами—и не могу! Тщетно трудясь, съ досадою бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и, при всемъ томъ, не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Рвѣна мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями; выраженія не улаживаются въ стопы, и я намеренъ принужденнымъ приняться за смиренную прозу...“

знаменитую трагедію Сумарокова «Димитрій Самозванецъ», и т. д. ¹⁾).

Такимъ образомъ, чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ въ БѢлинскомъ сказывалось влеченіе, которое, развиваясь, превратилось въ страсть, наполнившую всю его жизнь. Такъ глубоко въ его натурѣ коренилось это стремленіе къ прекрасному и доброму, потому что его любовь къ литературѣ была именно выраженіемъ этого стремленія, для котораго онъ преимущественно, почти исключительно здѣсь находилъ пищу. БѢлинскій не былъ, что называется, «воспитанъ» на какомъ-нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что только попадалось подъ руку; изъ приведенной цитаты видно, что уже съ той поры ему знакома была не только новая, но и старая литература русская восемнадцатаго вѣка, и вовсе не только какъ предметъ любопытства, но и восхищенія,—напр., «Димитрій Самозванецъ» Сумарокова. Можетъ показаться, что это отсутствіе выбора, это чтеніе безъ разбора, хорошаго и плохого, истинно-поэтическаго и натыкнуто-фальшиваго, не были хорошимъ воспитаніемъ для чувства и вкуса: но справедливо замѣчено было однимъ изъ позднѣйшихъ критиковъ БѢлинскаго, что если въ этомъ чтеніи не было чего-либо безусловно вреднаго (а его трудно предположить въ старой литературѣ), то отсутствіе выбора для юноши съ такими инстинктами прекраснаго, какъ БѢлинскій, не могло представить никакой опасности: БѢлинскій вносилъ въ свое чтеніе всю свою страсть и все теплое чувство; въ самыхъ нескладныхъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, потому что и въ нихъ умѣлъ отыскать и почувствовать проблески истиннаго чувства и настоящей поэзіи. Для юноши недаровитаго и чтеніе Шекспира или Гёте останется бесплодно: для одаренной натуры БѢлинскаго, довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя идеальныя стремленія. Кромѣ того: какова бы ни была литература, которую перечитывалъ БѢлинскій въ дѣтскіе и юношескіе годы; это была литература того общества, которому онъ самъ принадлежалъ, которому онъ долженъ былъ нѣкогда служить; и для его «воспитанія» не осталось безъ значенія то обстоятельство, что именно и только *эта* литература была ему тогда доступна: въ своемъ чтеніи онъ такъ сказать пережилъ ее, и тѣмъ опредѣленнѣе и ярче было потомъ его представленіе объ ея историческомъ развитіи. Отсутствіе выбора въ чтеніи нисколько

¹⁾ Сочин. I, 436—437, 478.

не повредило и его эстетическому пониманію. Неразвитый дѣтскій вкусъ удовлетворялся и грубоватыми произведеніями XVIII-го вѣка; мало-по-малу этотъ вкусъ развивался и становился строже и требовательнѣе, и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ уже свои опредѣленные предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны. Словомъ, Бѣлинскій сумѣлъ оріентироваться въ той массѣ чтенія, которую онъ одолѣвалъ, и тѣмъ сильнѣе привязывался къ литературѣ, чѣмъ больше ему пришлось обойти окольных путей, чтобы придти къ пониманію истинно-поэтическаго и истинно-изящнаго.

Съ этихъ поръ въ характерѣ Бѣлинскаго выдается и та черта, которая навсегда осталась его яркой особенностью; это — страстное увлеченіе, съ какимъ онъ отдавался тому, что считалъ истиной, крайнее упорство, съ какимъ онъ защищалъ эту истину или отыскивалъ ее; то «стремительное домогательство истины», которое въ другую пору поразило И. С. Тургенева, при первомъ знакомствѣ съ Бѣлинскимъ. Онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ не по самолюбію (хотя у него было не мало самолюбія), а потому, что въ данную минуту считалъ эти мнѣнія справедливыми; но въ то же время онъ и не успокоивался на принятыхъ мнѣніяхъ, а разсматривалъ новыхъ фактовъ, новыхъ точекъ зрѣнія, испытывалъ ихъ у людей, имѣвшихъ тѣ свѣдѣнія, которыхъ ему не доставало. Такъ выспрашивалъ онъ теперь своего учителя о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ и Байронѣ; такъ впоследствии онъ выспрашивалъ другихъ о нѣмецкой философіи и т. д. и т. д. И послѣ, какъ теперь, онъ не обходился безъ посредниковъ, чтобы познакомиться съ интересовавшими его предметами; но какъ часто понималъ онъ узнанное имъ несравненно глубже самихъ посредниковъ, какъ полно проникался онъ добытыми идеями, обращая ихъ въ живое и многозначительное содержаніе.

Раннее знакомство съ литературой, въ самыхъ различныхъ ея образчикахъ, имѣло и ту выгоду, что послужило Бѣлинскому прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ изученій предмета. Онъ уже владѣлъ большимъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній, когда началъ впоследствии знакомиться съ теоретическими вопросами литературы, и онъ тѣмъ больше усваивалъ себѣ этотъ запасъ, что въ юношескомъ чтеніи увлекался такими вещами, которыя позднѣе оставили бы его совершенно холоднымъ и безучастнымъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что къ началу своего критическаго поприща онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ русской послѣ-петровской литературы.

Интересъ къ литературѣ, т.-е. интересъ къ поэтическому, изящному, былъ у Бѣлинскаго такимъ господствующимъ, что поглощать всю его умственную энергію и работу; уже съ этихъ поръ въ Бѣлинскомъ обнаруживалась та неохота къ сухимъ и точнымъ изученіямъ, которая отличала его и до конца. Онъ плохо интересовался и занимался математикой, онъ плохо занимался языками, изученіе которыхъ отталкивало его сухостью правилъ, поддающихся только памяти — впоследствии, онъ успѣлъ нѣсколько овладѣть только французскимъ языкомъ, такъ что въ состояніи былъ читать книги, но нѣмецкій такъ и не дался ему до конца. Оттого и «нехождение въ классъ» въ гимназіи, и «нерадѣніе» въ университетѣ. Это вовсе не была, конечно, лѣнь, ни умственная, ни физическая: напротивъ, онъ былъ чрезвычайно дѣтеленъ въ томъ, что его занимало — въ гимназіи онъ списывалъ кипы тетрадей произведеніями нравившихся ему писателей; впоследствии, онъ постоянно работалъ до изнеможенія. Нѣтъ спора, что его односторонность очень вредила ему, ограничивая кругъ его свѣдѣній, въ чемъ его такъ часто упрекали; но и эта односторонность исходила изъ самой природы: — его умъ и его душа искали живого содержанія, которое разрѣшало бы волновавшіе его нравственные вопросы, питало бы его потребности изящнаго, и эта жажда идеаловъ и нравственнаго знанія была такъ сильна, что онъ весь свой трудъ отдавалъ литературнымъ изученіямъ. Самыя стремленія его носили поэтической складъ — оттого онъ и искалъ поэтическихъ образовъ и картинъ; отрасли знанія, не касавшіяся прямо вопросовъ жизни и нравственности, не привлекали его.

Но что давало стремленіямъ Бѣлинскаго особенную силу, это былъ его личный нравственный характеръ, которому жизнь съ самаго начала дала суровую школу. Бѣлинскій тѣмъ сильнѣе увлекался поэтическими идеалами и гуманными нравственными понятіями, какихъ онъ искалъ въ литературѣ, что ближайшая дѣйствительность его жизни слишкомъ мало отвѣчала инстинктамъ его природы. Мы указывали отчасти эту дѣйствительность, обстановку его юношеской жизни, — и возвратимся къ ней, чтобы покончить съ этой стороной его біографіи.

Нѣкоторый новый матеріалъ для этого представляетъ бывшая у насъ въ рукахъ переписка съ Бѣлинскимъ его отца, матери, брата, и родственной имъ семьи И.

Домашнія отношенія Бѣлинскаго были несомнѣнно крайне тягостны и вслѣдствіе того раздора, въ которомъ жили его родители, и по его личнымъ натянутымъ отношеніямъ къ отцу. Мы

видѣли, что Д. П. И., въ своей замѣткѣ, старается нѣсколько оправдать Бѣлинскаго-отца и вообще изображаетъ его въ довольно благопріятномъ свѣтѣ. Въ названной перепискѣ, мы находимъ одно письмо Д. П. И. отъ сентября 1834, гдѣ онъ рассказываетъ Бѣлинскому, — который кажется съ самаго отъѣзда въ университетъ никогда уже не бывалъ на родинѣ, — о домашнемъ бытѣ его семьи, и, между прочимъ, старается разъяснить Бѣлинскому характеръ его отца, который онъ самъ теперь сталъ понимать и который повидимому не былъ достаточно ясенъ для сына. Самъ Д. П. И. имѣлъ предубѣжденіе противъ Бѣлинскаго-отца, но теперь, когда онъ видѣлъ его ближе и могъ судить вѣрнѣе, его предубѣжденія разсѣявались. «Его бесѣды со мною», пишетъ Д. П. И., «отчасти можно назвать исповѣдью души его и между шутками я много для меня тайнаго развѣдалъ въ его характерѣ. На первый разъ скажу тебѣ, что дѣдушка ¹⁾ человекъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями, но убитый мелочною жизнію въ Чембарѣ, заброшенный въ дикій бурьянъ, въ кругъ людей, между которыми тщетно ты будешь искать слѣдовъ истиннаго человѣчества. Я часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его ²⁾, которые восхищали меня и въ минуту разсѣвали всѣ мои противъ него предубѣжденія».

Какъ бы то ни было, Бѣлинскій самъ впоследствии говорилъ, что не вынесъ изъ своей семьи никакого пріятнаго воспоминанія. Одинъ изъ его современниковъ, близко его знавшій, рассказываетъ, что однажды, когда Бѣлинскому было лѣтъ десять или одиннадцать, отецъ его, возвратившись съ попойки, сталъ безъ всякаго основанія бранить сына. Ребенокъ оправдывался; взбѣшенный отецъ ударилъ его и повалилъ на землю. Мальчикъ всталъ пересозданнымъ: оскорбленіе и глубокая несправедливость запали ему въ душу, — онъ навсегда сохранилъ какой-то ужасъ и ненависть къ необузданному семейному произволу. Съ этихъ тяжелыхъ опытовъ, въ его любящей и страстной натурѣ естественно развились потомъ и ненависть ко всякому насилию и оскорбленію человѣческаго достоинства... Впоследствии, отношенія съ отцомъ, кажется, до конца остались холодны, — хотя, быть можетъ, его родственникъ былъ не совсѣмъ неправъ, когда старался показать Бѣлинскому лучшія, хотя и невидныя стороны въ характерѣ его

¹⁾ Такъ приходился отецъ Бѣлинскаго писавшему.

²⁾ Въ другомъ мѣстѣ Д. П. И. упоминаетъ, напр., объ его сострадательности и готовности на помощь бѣднякамъ.

отца: дѣйствительно, нѣкоторыя черты какъ будто смягчаютъ отталкивающее впечатлѣніе этихъ отношеній.

По отъѣздѣ въ Москву, Бѣлинскій постоянно, хотя не совсемъ правильно, переписывался съ домашними. Мать и старшій изъ оставшихся дома братьевъ, и родственная семья И., съ любовью слѣдили за московской жизнью Виссаріона, подробно извѣщали его о чебоарскихъ новостяхъ, о старыхъ знакомыхъ, которые его продолжали интересоватъ; письма отца—коротки и сухи, хотя иногда не безъ грубо выраженнаго чувства. Виссаріона извѣщали—тайкомъ отъ отца—и о домашнихъ событіяхъ. Старшій изъ братьевъ началъ тогда, —въ началѣ тридцатыхъ годовъ,—службу мелкимъ убаднымъ чиновникомъ; другой (впослѣдствіи поселившійся у Бѣлинскаго въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ) былъ ютеранный, крайне испорченный мальчикъ. Письма матери и старшаго изъ братьевъ изображаютъ жизнь въ семействѣ по истинѣ невыносимую. Уже вскорѣ появляются въ письмахъ извѣстія о жертвоприношеніяхъ Бахусу, которыми отецъ больше и больше предавался; въ этомъ состояніи онъ преслѣдовалъ домашнихъ грубыми шутками, на которыя мать отвѣчала едва ли не сторицею, и попреками второму сыну въ тунеядствѣ; младшій былъ до послѣдней степени избалованъ отцомъ, и ему предоставлено было грубое, до возмутительности, обращеніе съ матерью, не имѣвшей надъ нимъ никакой власти.

Въ письмахъ изъ дому и отъ родныхъ, Бѣлинскій получалъ свѣдѣнія объ этомъ бытѣ своей семьи, нерѣдко въ выраженіяхъ, столь же возмутительныхъ, какъ и изображаемые ими предметы. Эти корреспонденціи, иногда писанныя, очевидно, безъ вѣдома отца, должны были вновь растравлять то тягостное чувство, которое и безъ того осталось отъ прежней жизни дома. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ до такой степени отличаются наивной до цинизма откровенностью или раздраженіемъ, что чтеніе ихъ могло быть для Бѣлинскаго только пыткой. Мы не имѣли въ рукахъ отвѣтныхъ писемъ Бѣлинскаго ¹⁾, и можемъ судить о нихъ только по нѣкоторымъ упоминаніямъ въ письмахъ изъ дому, которыя нѣсколько выясняютъ положеніе, принятое Бѣлинскимъ. При всѣхъ холодныхъ отношеніяхъ къ отцу, при всемъ недовольствѣ отца разными неудачами, постигавшими Бѣлинскаго въ московской жизни, Виссаріонъ становится авторитетомъ семьи, и вмѣшиваетъ

¹⁾ Они сохранялись у его брата Константина, и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ нихъ изложены были въ „Моск. Вѣд.“ 1859, № 293; но тамъ не было извлечено ничего относительно этихъ домашнихъ отношеній Бѣлинскаго.

ся, наконецъ, въ домашнюю распрю съ своимъ укоромъ и осужденіемъ: нѣкоторыхъ изъ его писемъ домашніе не рѣшались показывать отцу, — но опасенія отцовскаго гнѣва, повидимому, не остановили Бѣлинскаго. Въ письмѣ къ Бѣлинскому 1834 г. (откуда выше приведена выписка) Д. П. И. рассказываетъ, какъ очевидно, о томъ, какъ происходило чтеніе одного изъ подобныхъ писемъ Виссаріона: семья и родные были въ полномъ сборѣ; отецъ спокойно выслушалъ упреки и призналъ ихъ справедливыми; только одно выраженіе письма («мстить рабъ») считалъ онъ для себя обиднымъ и много разъ повторялъ его, какъ особенно его поразившее. Для объясненія этихъ словъ замѣтимъ, что у Бѣлинскихъ была семья дворовыхъ, — вѣроятно, по дворянству матери; отецъ получилъ дворянство по чину коллежскаго ассессора въ 1831 году¹⁾. Изъ этой дворни, отецъ преслѣдовалъ какую-то женщину, и Бѣлинскій, вѣроятно, очень сильно защищалъ ее отъ этого преслѣдованія, — потому что слова его долго не выходили у отца изъ головы. Можно думать, что если Бѣлинскій-отецъ въ состояніи былъ выслушать обвиненія сына и не подумалъ отказать ему въ правѣ таковаго обвиненія, — характеръ его могъ дѣйствительно имѣть тѣ черты, какія приписываетъ ему Д. П. И.; но положеніе Бѣлинскаго относительно семьи не было отъ того лучше...

Мать его умерла въ августѣ 1834; отецъ — кажется, въ іюлѣ слѣдующаго года. Передъ тѣмъ отецъ передалъ на руки Бѣлинскому его меньшого брата Никанора, — такъ испорченнаго жизнью дома, что его потомъ ничто уже не могло исправить... Нѣсколько лѣтъ спустя, Бѣлинскій, въ письмѣ къ Боткину, вспоминаетъ безотрадное прошлое своей домашней жизни: «Имѣть отца и мать для того, чтобы смерть ихъ считать моимъ освобожденіемъ, слѣдовательно, не утратою, а скорѣе пріобрѣтеніемъ, хотя и горестнымъ; имѣть брата и сестру, чтобы не понимать, почему и для чего они мнѣ братъ и сестра, и еще брата, чтобы быть привязаннымъ къ нему какимъ-то чувствомъ состраданія — все это не слышимомъ утѣшительно»...²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельства домашней жизни наложили свою печать на характеръ Бѣлинскаго. По его перепискѣ того времени видно, что это былъ живой, страстный юноша, привле-

¹⁾ Д. П. И. между прочимъ писалъ къ Бѣлинскому въ августѣ 1831 года изъ Чебары: «...»Домашніе твои всѣ живы и здоровы; въ вашемъ домѣ обула всѣхъ одна только болѣзнь, похожая на холеру, и болѣе всѣхъ страждетъ твой папенька: она известна мнѣ подъ именемъ *тиксаласіе дворянства*: съ чиномъ коллежскаго ассессора водворилась у васъ въ домѣ».

²⁾ Письмо отъ 16-го дек., 1839.

кавшій къ себѣ и ранней серьезностью, и вмѣстѣ веселымъ нравомъ; онъ былъ душой ближайшаго кружка своихъ знакомыхъ. Но ему рано пришлось испытать ту обратную сторону жизни, которая въ натурахъ менѣе глубокихъ такъ легко можетъ подавить идеальные порывы юности. БѢлинскій не поддался этому испытанію; онъ вступилъ въ борьбу и сберегъ свою поэзію и нравственный идеализмъ, — но борьба оставила на немъ слѣды на всю его жизнь. Здѣсь былъ источникъ той сосредоточенности и того чувства человѣческаго достоинства, которыя отличали его еще мальчикомъ, и здѣсь же, конечно, было первое начало его нервной раздражительности, того страстнаго негодованія противъ всякой несправедливости, которыя вспыхивали въ немъ даже по такимъ поводамъ, гдѣ другіе не находили бы никакой причины волноваться. Отсюда развилась его странная боязнь людей, которая заставляла его робѣть и мѣшаться съ незнакомыми людьми, въ новомъ для него обществѣ. Мы увидимъ дальше удивительные примѣры этой боязни — въ его собственномъ описаніи, гдѣ онъ проклинаетъ ее какъ настоящую болѣзнь, овладѣвающую имъ противъ его собственной воли. Не зная съ дѣтства покоя для своего внутренняго чувства, почти не имѣя съ кѣмъ раздѣлить его, онъ сосредоточивался, уходилъ въ себя; сдержанное чувство кипѣло внутри его, и вырывалось при первомъ поводѣ. Впослѣдствіи, это состояніе волненія стало для него почти потребностью: для него былъ скученъ обыкновенный спокойный, прозаическій разговоръ, — онъ оживлялся только въ спорѣ, въ опроверженіи, въ обличеніи ¹⁾; чтó приходилось ему по душѣ, — приводило его въ восторгъ: первое проявленіе его чувства была обыкновенно крайность. Позднѣйшая жизнь его также не лишена была своихъ тревогъ; но онъ сильно волновалъ БѢлинскаго и потому, что отъ природы страстное чувство его уже пріобрѣло особенную, почти болѣзненную воспримчивость...

Въ началѣ 1829 года, БѢлинскій покинулъ гимназію и сталъ собираться въ университетъ. Дѣло было нелегко, потому что отецъ, по ограниченности своихъ средствъ, не могъ содержать его въ университетѣ. БѢлинскій поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, И. Н. В., съ рекомендательными

¹⁾ „БѢлинскій былъ задорный спорщикъ, — замѣчаетъ Ивановъ, знавшій БѢлинскаго въ его первую пору: — въ Москвѣ, къ кому бы я ни пришелъ изъ общихъ намъ знакомыхъ, непремѣнно заставлялъ БѢлинскаго за жаркимъ споромъ...“

письмами къ какому-то генералу Дурасову (отъ одной пензенской помѣщицы) и къ Лажечникову (отъ своего учителя М. М. Попова). Августа 31-го, онъ явился къ ректору университета Двигубскому, который на первый разъ отказалъ допустить его къ экзамену, такъ какъ у Бѣлинскаго не было съ собой метрическаго свидѣтельства. Онъ получилъ эту бумагу только въ началѣ сентября: 12-го онъ подалъ просьбу, черезъ недѣлю, 19-го, держалъ экзамень, а 21-го сентября получилъ табель, т.-е. былъ зачисленъ студентомъ ¹⁾). Лица, къ которымъ Бѣлинскій имѣлъ рекомендаціи, хлопотали о немъ, но поступленіе въ университетъ состоялось независимо отъ этого; рекомендація Попова только сблизила Бѣлинскаго съ Лажечниковымъ, который жилъ тогда нѣсколько времени въ Москвѣ ²⁾).

Съ поступленіемъ въ университетъ начинается новый періодъ жизни Бѣлинскаго: онъ сближается съ новыми людьми, его давнишніе интересы находятъ себѣ богатую пищу, и онъ уже дѣлаетъ первыя попытки вступить на литературное поприще.

А. Пыпинъ.

¹⁾ „Москов. Вѣдом.“ 1859, № 293.

²⁾ „Онъ (Лажечниковъ) принялъ меня очень ласково, — пишетъ Бѣлинскій къ М. М. Попову, — и, исполняя ваше желаніе, просилъ обо мнѣ нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ, но просьбъ его и намѣреніе оказать мнѣ одолженіе не имѣли успѣха, ибо я, по стеченію нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ, не могъ ими пользоваться... Хотя моему поступленію въ университетъ я никому не обязанъ, однако навсегда останусь благодарнымъ вамъ и И. И.“ (Письмо отъ апрѣля 1880).

КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО

НОВЫЙ АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

„Taken at the flood“, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c. &c. &c.

ГЛАВА XIII *).

Незванная гостя.

Въ то время, какъ баронетъ любезничалъ въ гостинной викаріата и прикидывался, будто принимаетъ простой медоѣзъ м-ра Ванворта за тонкій шато-марго, предлюбопытная сцена происходила въ пріемной шеольнаго дома—сцена видѣвшаяся, по своей драматичности, изъ обычнаго строя жизни м-ра Керью, установленнаго имъ со времени его переселенія въ Гедингемъ.

Наступила уже темная, беззвѣздная ночь, когда шеольный учитель опустилъ штору и усѣлся за маленькій столикъ читать газету при свѣтѣ двухъ свѣчей, изъ которыхъ вторая зажигалась лишь на время этого чтенія. При незначительности содержанія м-ра Керью, довольно важнымъ вопросомъ было: горитъ ли у него одна свѣча или двѣ; и поэтому, когда онъ складывалъ и клалъ въ сторону свою газету, Сильвія была обязана тушить вторую свѣчу.

Интересъ къ чтенію газетъ нѣсколько удивлялъ въ человѣкѣ, чуждавшемся людскаго общества, какъ м-ръ Керью. Онъ мало

*) См. выше: янв. 331; февр. 763 стр.

интересовался книгами вообще, хотя прочелъ ихъ много въ извѣстную пору своей жизни. Но газетами онъ просто упивался, слѣдя за карьерой общественныхъ дѣятелей, въ особенности же изъ коммерческаго міра, и тщательно отмѣчая каждый шагъ ихъ на пути житейскихъ успѣховъ. Сильвіи часто случалось замѣчать, какъ онъ откладывалъ номеръ газеты въ сторону съ раздражающимъ душу вздохомъ, который можно лишь сравнить со вздохами, вырывавшимися у грѣшниковъ въ преисподней, при видѣ удаляющихся свѣтлыхъ призраковъ Данта и Виргилія, по исчезновеніи которыхъ все снова погружалось во мракъ. Несмотря на его долгое пребываніе въ этомъ мирномъ уединеніи, у него, очевидно, сохранились нѣкоторыя стремленія, и въ груди его все еще тлѣлъ неугасимый огонь страстей. Иногда онъ давалъ волю своему раздраженію и награждалъ Сильвію безконечною проповѣдью о превратностяхъ судьбы и непрочности благъ земныхъ. Но онъ разсматривалъ этотъ вопросъ не съ религіозной точки зрѣнія, и не въ упованіи на загробную жизнь совѣтовалъ онъ дочери искать утѣшенія. Онъ смотрѣлъ на предметъ съ чисто-внѣшней стороны, и поучалъ ее, что жизнь человѣческая есть сплетеніе противорѣчій, гдѣ остаются въ выигрышѣ лишь тѣ немногіе предприимчивые люди, которые идутъ на проломъ. Эти избранники и господствуютъ надъ всеобщимъ хаосомъ, и одни пользуются благами жизни. Для массы же—жизнь представляетъ безнадежную путаницу.

Сильвія внимательно слушала и соглашалась съ проповѣдникомъ. Она всегда была готова обвинять множество вещей, обрекшій ее носить полинялыя платья и шляпы домашняго издѣлія. Она не вполнѣ сознавала, чья тутъ вина: судьбы или общества, но чувствовала тутъ что-то неладное, и жизнь казалась ей неразрѣшимой загадкой.

Въ этотъ вечеръ, однакожъ, м-ръ Керью былъ необыкновенно оживленъ и, опуская стору, насвистывалъ итальянскую мелодію—память тѣхъ дней, когда онъ посѣщалъ оперу.

— Спѣла бы ты мнѣ пѣсенку, Сильвія, сказалъ онъ, пока я выкурю другую трубочку.

Дѣвушка повиновалась и сѣла за фортепіано, но такъ какъ мысли ея летѣли вслѣдъ за Эдмондомъ Стенденомъ, то изъ своего скуднаго репертуара она выбрала самую грустную мелодію. «По всей вѣроятности, въ эту пору, бѣдный путникъ находится въ Соутгемптонѣ», думала она, «и блуждаетъ по освѣщеннымъ улицамъ незнакомаго города, печальный и одинокій, тоскуя обо мнѣ».

И такъ заплѣла она печальную пѣсенку сэра Вальтеръ-Скотта, положенную на грустную мелодію:

The heath this night must be my bed
The bracken curtain for my head,
My lullaby the warder's trade,
Far, far from love and thee, Mary.
To-morrow eve, more stilly laid,
My couch may be my bloody plaid,
My vesper-song, thy wail, sweet maid.
It will not waken me, Mary ¹⁾.

М-ръ Керью не обратилъ большого вниманія на пѣсню. Пріятный, грустный напѣвъ ласкалъ его слухъ, въ то время какъ онъ, покуривая, былъ погруженъ въ свои мечты, преисполненныя самыхъ сладкихъ надеждъ.

Онъ говорилъ себѣ, что его дочь одержала блистательную побѣду. По всей очевидности, сэръ Обри Перріамъ былъ сильно пораженъ ея замѣчательной красотой. Нѣкоторые взгляды и интонація его голоса не оставляли въ томъ сомнѣнія. Къ тому же, какъ объяснить появленіе баронета у нихъ въ тотъ вечеръ? Минимый интересъ къ постройкѣ новой школы былъ самымъ пустымъ предлогомъ. Ясно, что сэръ Обри пріѣхалъ, чтобъ увидѣть Сильвію, и ни для чего иного.

Конечно, восхищеніе сэра Обри могло ни къ чему не повести. Да и по всей вѣроятности оно ни къ чему не поведетъ. Какъ допустить предположеніе, чтобы человѣкъ съ состояніемъ и высокимъ общественнымъ положеніемъ, прожившій въ одиночествѣ до пятидесяти или шестидесяти лѣтъ, и сумѣвшій обойти всѣ ловушки, которыя, вѣроятно, разставлялись на пути его жизни, увлекся сельской красавицей!

— «Люди бываютъ обыкновенно рабами того общества, въ которомъ живутъ, и нельзя ожидать, чтобъ этотъ человѣкъ нашелъ смѣлость поставить на своемъ, раздумывая про себя м-ръ Керью. Сколько бы онъ ни любовался моею дочерью, у него хватить стойкости отвернуться отъ насъ во-время и позабыть ее».

Сильвія рассказала отцу о маленькомъ эпизодѣ во фруктовомъ саду; о томъ, какъ она во время игры въ жмурки поймала сэра Обри

¹⁾ «Степь нынѣшней ночью будетъ мнѣ постелью, напоротники — покрываломъ, зеленѣлою пѣсню — шаги ночного сторожа, вдали отъ тебя и твоей любви, Мэри. Завтра же вечеромъ, я буду спать еще непробудимѣ, кроватный плащъ послужитъ мнѣ бѣгъ можетъ вѣсто постели, вечерней пѣсню будетъ твой стонъ, но онъ не пробудитъ меня, Мэри».

Перриамъ, и какъ потомъ онъ поцѣловалъ ея руку, какъ истый рыцарь старой шеклы. Вѣрность Эдмонду нисколько не мѣшала ей быть польщенной такимъ поклоненіемъ передъ ея красотой. Между тѣмъ она строго бы осудила Эдмонда, еслибы онъ осмѣлился къѣмъ-либо любоваться, кромѣ нея.

Но въ этотъ вечеръ, во время пѣнія, ея мысли невольно переходили отъ Эдмонда къ баронету, и она недоумѣвала: «зачѣмъ онъ пріѣзжалъ къ нимъ сегодня, и не замѣтилъ ли кто изъ постороннихъ восхищенный взоръ его, когда онъ говорилъ съ ней. Бѣдный Эдмондъ! Если бы онъ былъ владѣльцемъ Перриамъ-Плэса, вмѣсто того, чтобъ находиться въ зависимости отъ калприза такой тиранической матери!»

— Послушай, Сильвія, сказалъ отецъ, докуривая трубку: у меня былъ сегодня откровенный разговоръ съ твоимъ возлюбленнымъ м-ромъ Стенденомъ. Ты, должно быть, повела свои дѣла еще хитрѣе, чѣмъ большинство женщинъ, потому что я могъ оставаться въ невѣдѣніи до самой послѣдней минуты.

— Что толку было говорить, папѣ, равнодушно отвѣчала дѣвушка, когда я была заранѣе увѣрена, что вы будете противъ насъ. Къ тому же мы еще очень недавно дали другъ другу слово.

— Дали другъ другу слово! воскликнулъ шкѣльный учитель презрительно. Неужели ты серьезно собираешься выйти замужъ за этого нищаго?

— Конечно, я выйду замужъ за м-ра Стендена, съ твердостью отвѣчала Сильвія.

Она смотрѣла прямо отцу въ лицо: онъ видѣлъ вызовъ въ этомъ взглядѣ.

— Я полагалъ, что ты довольно натерпѣлась отъ бѣдности.

— Онъ будетъ для меня работать, возразила она, не спуская пристальнаго взгляда съ отца. Отецъ понялъ намекъ.

— Развѣ онъ сдѣлалъ какія-нибудь попытки спасти тебя отъ мрачной обстановки бѣдности?

— Эдмондъ станетъ самъ работать для меня, повторила дѣвушка. Отчего ему не устроить своихъ дѣлъ? Онъ молодъ и энергиченъ, и не будетъ сидѣть сложа руки, мирясь съ нищетой, какъ какой-нибудь жалкій волпакъ, надъ которымъ смѣется каждый лѣнивый мальчишка.

— Я не умѣю спорить съ бабами! презрительно воскликнулъ м-ръ Керью. Въ нихъ такая бездна глупости, что умъ человѣческій не можетъ унизиться до ихъ пониманія. Выходи замужъ за Эдмонда Стендена, если тебѣ угодно. Разгласи по всему Геддингему, что вы помолвлены; и если ты прозѣваешь самую бле-

стигую будущность, какую только может пожелать себѣ дѣвушка, и впоследствии будешь съ мужемъ умирать съ голоду, то вини себя одну.

— Блестящую будущность!—повторила дѣвушка съ горькой усмѣшкой: какую блестящую будущность могу я ожидать здесь?

Она презрительнымъ взглядомъ окинула свою бѣдную обстановку и неприятно расхохоталась.

— А что бы ты отвѣтила на предложеніе сдѣлаться хозяйкой Перріамъ-Плэса?

Дѣвушка снова засмѣялась, но на этотъ разъ меньше горечи слышалось въ ея смѣхѣ.

— Бѣдный папѣ! сказала она съ состраданіемъ: можно ли быть настолько неразумнымъ, чтобъ придавать значеніе пустой любезности сэра Обри?

— Великія событія возникали изъ малыхъ причинъ, поучительно отвѣчалъ ей отецъ. Но если ты выйдешь замужъ за Эдмонда, то закроешь себѣ двери счастья навсегда.

Сильвія нетерпѣливо вздохнула.

— Пожалуйста не набивайте мнѣ голову такими глупостями, папѣ. Это положительно сжущаетъ мое спокойствіе. Стать госпожей Перріамъ-Плэса! Какъ бы да не такъ! и это потому, что пожилой джентльменъ сказалъ мнѣ одинъ или два комплименты. Слыхать ли кто такую нелѣпость?

М-ръ Керью ничего не отвѣтилъ, и снова принялся за чтеніе газетъ. Сильвія перерыла свою рабочую корзинку, но не принималась за работу. Безразсудныя рѣчи отца очень взволновали ее. Она опять вздохнула, но глубже прежняго.

— Вы не знаете, папѣ, какъ добръ Эдмондъ, сказала она съ любовью въ голосѣ: вы не знаете, какъ нѣжно, какъ искренно онъ любитъ меня.

— Но я знаю, что у него нѣтъ ни единого шиллинга вѣрнаго дохода, отвѣчалъ отецъ: довольно съ меня и этого, чтобъ знать, годится ли этотъ человѣкъ въ мужа моей дочери.

— Желала бы и я, чтобъ онъ былъ богаче. Но вѣдь можетъ же м-съ Стенденъ когда-нибудь смягчиться, произнесла задумчиво Сильвія. Онъ такъ добръ, смѣлъ и искрененъ; и съ такой готовностью рѣшается пожертвовать своимъ наслѣдствомъ ради меня, какъ будто дѣло шло о завядшемъ цвѣтѣ.

— Что служить яснымъ доказательствомъ, что онъ набитый дуракъ, возразилъ отецъ, и что онъ никогда не будетъ имѣть никакого успѣха въ жизни.

— И это неопровержная истина, папѣ? Однакожь, если бы

умные люди всегда пользовались успѣхомъ, то вамъ слѣдовало бы достигъ лучшаго положенія.

— Я не претендую на умъ. Въ свое время я тоже былъ дуракомъ,—да и за это меня крутомъ одурачили... Послушай, прибавилъ онъ, встрепенувшись. Что это такое?

Послышался тихій стукъ въ наружную дверь, и это въ такую пору, когда посѣтителѣ въ школьномъ домѣ были рѣдкостью. Небольшіе голландскіе часы въ кухнѣ пробили десять, часъ довольно поздній въ Гедингемѣ, время, когда мѣстные обыватели ложились спать, если у нихъ не собирались гости. Самые записные кутилы въ Гедингемѣ вставали изъ-за стола въ одиннадцать часовъ, и черезъ четверть часа сонъ смыкалъ ихъ очи.

У нервныхъ темпераментовъ всякая неожиданность, будь то хоть легкій стукъ въ наружную дверь, производитъ испугъ, а въ этотъ вечеръ нервы м-ра Керью были нѣсколько напряжены. Сознаніе, что баронетъ заинтересовался его дочерью, при всей своей призрачности, взволновало его.

Онъ подошелъ къ двери и осторожно отворилъ ее, какъ будто ожидая встрѣтиться лицомъ къ лицу съ ночнымъ воровъ въ маскѣ и съ фонаремъ въ рукѣ, или же съ современнымъ гарротеромъ. Но фигура, представшая передъ нимъ, никакъ не могла навести ужаса; то была чрезвычайно худощавая женщина, одѣтая въ платье, которое, несмотря на окружающій ее мракъ, казалось опрятнымъ, хотя сильно поношеннымъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ не особенно привѣтливо.

Ему отвѣтилъ такой тихій голосъ, что Сильвія, изъ всѣхъ силъ напрягавшая слухъ свой, услышала лишь неясный шопотъ. Хотя она не разслышала ничего опредѣленнаго, но поведение отца испугало ее. Онъ вздрогнулъ, отскочилъ назадъ съ подавленнымъ восклицаніемъ, потомъ опять нагнулся впередъ, какъ-бы желая разглядѣть лицо несвоевременной посѣлительницы.

— Подождите съ минутку, пробормоталъ онъ, и потомъ обратился къ дочери, проговорилъ поспѣшно:

— Иди наверхъ въ свою комнату, Сильвія, и оставайся тамъ, пока я не позову тебя. Мнѣ нужно переговорить съ этой особой.

Сильвія взглянула на него, какъ-бы собираясь спросить о чемъ-то.

— Сказано тебѣ, иди. Я позову тебя, когда ты мнѣ будешь нужна.

Сильвія повиновалась безпрекословно. Она захватила съ собою одну свѣчу, оставивъ комнату слабо-освѣщенною другою.

М-ръ Керью впустилъ въ этотъ полумракъ незнакомку, но

пріемъ его не выражалъ искреннаго гостепріимства, а скорѣе ту принужденность, съ какою человѣкъ впускаетъ въ себя исполнителя закона, являющагося лишить его свободы.

ГЛАВА XIV.

Загубленная жизнь.

Женщина вошла, нерешимъ, испуганнымъ взоромъ ожидая эту слабо-освѣщенную пріемную, будто опасаясь, не попалъ ли она въ западню, которая поглотитъ ее навѣки. Она осмотрѣла комнату съ любопытствомъ—съ удивленіемъ—и затѣмъ перенесла взглядъ свой на школьнаго учителя.

— Да, проговорилъ онъ, въ отвѣтъ на ея взглядъ. Пережѣна большая, не правда ли? Здѣсь нѣтъ роскоши, нечѣмъ польстить женскому тщеславію или гордости.

— Да, обстановка здѣсь очень бѣдна, нерѣшительно отвѣчала женщина, но я давно привыкла къ бѣдности.

Потомъ съ чувствомъ поглядѣла ему прямо въ лицо и сказала:

— Неужели у васъ не найдется ни одного добраго слова для меня, Карфордъ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки?

— Пожалуйста, не произносите этого имени, сказалъ онъ сердито. Здѣсь я извѣстенъ подъ именемъ Джемса Керью. Вы могли выслѣдить меня здѣсь только подъ этимъ именемъ.

— Не говорите, Джемсъ, что я выслѣживала васъ. Я никогда бы васъ не обезпечила, еслибъ было хоть одно существо въ мірѣ, къ кому я могла обратиться въ моемъ безвыходномъ положеніи.

— А что, развѣ вы ихъ всѣхъ обобрали, всѣхъ разорили, тѣхъ франтовъ и поклонниковъ, которые только и клялись, что хорошенькой м-съ Карфордъ?

— Мнѣ нужно такъ немного, Джемсъ, умоляла бѣдная женщина, не отвѣчая на насмѣшки. Я прошу такой бездѣлицы.

— Я этому очень радъ, воскликнулъ м-ръ Керью, моя обстановка не можетъ возбуждать блестящихъ надеждъ. Неужели, сударыня, вамъ нужно объяснять, что все, чего я могъ добиться за все это время: это—куска хлѣба для себя и моего ребенка? Достаточно взглянуть, какъ я живу, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Онъ оглянулъ комнату съ невыразимымъ презрѣніемъ, между

тѣмъ какъ женщина вглядывалась въ него своими впалыми, грустными глазами.

— Эта комната — дворецъ, Джемсъ, въ сравненіи съ тѣми трущобами, въ которыхъ я жила, сказала она въ отвѣтъ.

Она нерѣшительно, какъ-бы сомнѣваясь, не будутъ ли оспаривать ея право сидѣть въ этой комнатѣ, сѣла у стола, гдѣ мерцаніе единственной свѣчи озарило ея увядшее лицо.

Одного бѣлаго взгляда достаточно было, чтобы убѣдиться, что лицо это было нѣкогда очень красиво. Большіе каріе глаза, казавшіеся еще больше отъ худобы щекъ, не взирая на мрачное выраженіе, не вполнѣ еще утратили свой блескъ. Ни годы, ни горе не могли измѣнить нѣжныхъ очертаній лица, и совсѣмъ тѣмъ на немъ лежала печать изнеможенія и окончательнаго разрушенія. Никогда больше не заиграетъ краска или жизнь въ лицѣ этой увядшей красавицы. Для человѣка, выдаваго ее во цвѣтъ лѣтъ, эта женщина могла показаться привидѣніемъ. Школьный учитель нѣсколько минутъ задумчиво вглядывался въ нее, потомъ отвернулся со вздохомъ. Такое разрушеніе тяжелѣе смерти.

Да! она когда-то была очень хороша собой! и лицо ея было поразительно похоже на другое лицо, цвѣтущее молодостью и красой. Эти глаза напоминали глаза Сильвіи, но только Сильвіи старухи. Эти нѣжныя черты лица были созданы по ея образу и подобию. Но ослѣпительный цвѣтъ лица, придававшій Сильвіи такое сходство съ картинами Тиціана, былъ навѣки утраченъ. Лицо этой женщины было блѣдно и совсѣмъ безцвѣтно. Волосы, въ безпорядкѣ падавшіе на ея строго очерченный лобъ, такъ же выцвѣли, какъ и поблекшія щеки. Если когда-нибудь призракъ красоты блуждалъ по землѣ, то онъ олицетворялся въ этой женщинѣ. То было привидѣніе, словно говорившее молодости и красотѣ: смотрите, какъ мимолетны ваши чары!

Самая одежда этой женщины повѣствовала о загубленной жизни.

Имятое сѣрое шелковое платье, протертое по швамъ, запятнанное и засаленное отъ времени, — жалкій оборванный шали, бывшей когда-то черною кружевною, но теперь походившей цвѣтомъ на траву Гайдъ-Парка въ концѣ жаркаго лѣта; шляпа, сшитая изъ обрѣзковъ, выброшенныхъ портнихой, перчатки — послѣдняя уступка цивилизаціи, ссѣвшіяся подъ вліяніемъ непогоды до того, что едва покрывали исхудалыя пальцы — все это свидѣтельствовало объ изысканной нищетѣ, достигшей своихъ крайнихъ предѣловъ.

— Какимъ образомъ вы отыскиали меня? спросилъ м-ръ

Керью, послѣ молчанія, во время котораго бѣдная женщина пристально и съ надеждою глядѣла ему въ лицо.

— М-ръ Майльсъ, кассиръ, однажды встрѣтился со мною въ Голборнѣ, и, видя мою бѣдность, спросилъ меня, почему я не обращаюсь къ вамъ. Онъ одинъ разъ увидалъ васъ здѣсь въ церкви, когда прїѣзжали на недѣлю въ здѣшнія мѣста для рыбной ловли. Онъ мнѣ говорилъ, что вы, повидимому, порядочно здѣсь устроились, и могли бы помочь мнѣ немного. Это случилось ровно три года тому назадъ. Но я не хотѣла прибѣгать къ вамъ, Джемсъ. Я знала, что не имѣю на то права. Я ждала, пока голодъ не заставилъ меня придти сюда.

— Голодъ! воскликнулъ школьный учитель. Если у васъ хватило денегъ на поѣздку сюда, то вы еще далеки отъ голодной смерти.

— На это требовалось лишь нѣсколько шиллинговъ. Я прїѣхала въ Монкгеймтонъ на дешевомъ поѣздѣ. Я заняла полъ-соверена у моей квартирной хозяйки—доброй души, которая очень ко мнѣ снисходительна.

— Ваша прїятельница сдѣлала бы гораздо лучше, если бы приберегла деньги. Я не могу дать вамъ даже и десяти шиллинговъ. Боже милостивый! неужели нѣтъ во всей вселенной такого отдаленнаго уголка, гдѣ бы человѣкъ могъ скрыться отъ глазъ людскихъ? Подумаешь,—этотъ негодяй Майльсъ выслѣдилъ меня даже здѣсь!

— Онъ говорилъ о васъ съ большимъ участіемъ, Джемсъ.

— Чортъ поberi его участіе! Какое право имѣлъ онъ проносить мое имя? А вамъ еще менѣе, чѣмъ кому-нибудь, имѣлъ онъ право называть меня!

— О, я знаю, что я не имѣла никакого права обращаться къ вамъ, сказала женщина съ уничиженной поворностью. Нѣтъ состраданія, нѣтъ прощенія, по крайней мѣрѣ на землѣ — для жены, которая разъ оскорбила своего мужа.

— Разъ оскорбила! воскликнулъ Джемсъ Керью съ глубокой горечью. Разъ оскорбила! Да вся жизнь ваша была лишь длиннымъ рядомъ оскорбленій для меня. Еслибъ дѣло шло только о вашей супружеской невѣрности,—есть люди, философія которыхъ настолько велика, что простирается до прощенія! Я не говорю вамъ, чтобъ я принадлежалъ къ ихъ числу; но очень возможно, что еслибы все ваше преступленіе заключалось только въ бѣгствѣ съ этимъ негодяемъ, я бы могъ со временемъ отнестись къ вамъ снисходительнѣе.

Говорять, что черви топорщатся, когда на нихъ наступишь.

Внезапный огонь вспыхнулъ въ потухшихъ глазахъ м-съ Карфордъ; на губахъ ея выразилось глубочайшее презрѣніе.

— Мое преступленіе выручило васъ изъ бѣды, Джемсъ, сказала она спокойно. Если бы не это—вы сидѣли бы въ тюрьмѣ за мошенничество.

— Если бы не это! м-ру Моубре неловко было подвергаться преслѣдованію мужа обольщенной имъ женщины, мотовство которой было причиной его преступленія.

— Мое мотовство! О Джемсъ, не будьте ко мнѣ несправедливы. Кто изъ насъ больше предавался тщеславію и роскоши, кто гордился своимъ хлѣбосольствомъ и былъ доволенъ жизнью лишь тогда, когда она представлялась непрерывнымъ праздникомъ? Кто былъ членомъ подлужины влюбовъ, когда достаточно было бы и одного? Кто присутствовалъ на всѣхъ скачкахъ, выигрывалъ и проигрывалъ деньги съ такой быстротой, что ошеломленная голова теряла счетъ выигрышамъ и проигрышамъ? Вы говорите о моемъ мотовствѣ! Что значить счетъ портнихи въ сравненіи съ пари въ таттерсалѣ, или цѣна случайной ложи въ оперу въ сравненіи съ неудачей на скачкахъ въ Кроуфордсѣ? И какъ могла я предполагать, что мы живемъ выше средствъ своихъ, когда я видѣла, что вы ни въ чемъ не отказываете себѣ для удовлетворенія своихъ фантазій. Я знала только, что вы директоръ большого торговаго дома, и знала, что вы получаете очень большое жалованье, и занимаете важную должность, которая перешла къ вамъ отъ отца. Вѣдь я была совсѣмъ неопытной дѣвочкой, когда вы женились на мнѣ, и не знала жизни. Неужели вы думаете, что я была бы такъ беззаботна, еслибы вы мнѣ открыли правду? еслибы вы только были откровенны и сознались, что мы стоимъ на краю гибели; что вы поддѣляли отчеты торговаго дома, и жили въ постоянномъ страхѣ, что все откроется?

— Сознаться вамъ!? воскликнулъ презрительно мужъ; сознаться передъ куклой, которая только и жила нарядами и своей красотой? Могъ ли искать я сердца у записной щеголихи? Нѣтъ, я предпочелъ довѣриться случайности, чѣмъ такой женѣ, какъ вы. Я думалъ, что я выпутаюсь изъ затруднительнаго положенія. Недочетъ былъ значительный, но одинъ крупный выигрышъ на скачкахъ могъ поправить все дѣло. Я не терялъ надежды, стою на краю пропасти, пока въ одинъ прекрасный день не появился въ контору и не встрѣтилъ незнакомое лицо, ревизующее мои книги; возвратясь нѣсколькими часами позже домой, я открылъ, что жена моя бѣжала съ моимъ принципомъ.

— Это преступное дѣйствіе спасло васъ отъ каторги, сказала женщина.

— Цѣною моего безчестія, отвѣчалъ школьный учитель. Въ ту же ночь я получилъ письмо отъ измѣнника—почетнаго гостя въ моемъ домѣ—невинной жертвы моего обмана, какъ я полагаю, извѣщающаго меня, что я давно заподозрѣнъ въ поддѣлкѣ документовъ, которая теперь доказана съ математическою точностью по провѣркѣ книгъ. Письмо его, краткое и безъ подписи, увѣдомляло меня далѣе, что торговый домъ избавить меня отъ судебного преслѣдованія, съ условіемъ, чтобъ я удалился изъ коммерческаго міра, и отказался отъ всякихъ попытокъ получить кредитъ или занятія въ самомъ Лондонѣ. О женѣ, похищенной у меня, негодая, писавшій это письмо, не говорилъ ни слова.

Наступило глубокое молчаніе—Джемсъ Керью умолялъ, утомившись отъ сильнаго гнѣва, который онъ старался сдерживать во все время разговора.

— Чтѣ мнѣ оставалось дѣлать? Смиренно перенести свое безчестіе или преслѣдовать подлеца, похитившаго у меня жену? Еслибы я преслѣдовалъ его, еслибы я потребовалъ возстановленія чести оскорбленнаго супруга, онъ могъ уличить меня въ подлогъ. Я поддѣлалъ его подпись на счетахъ изъ корыстныхъ цѣлей. Онъ могъ выдать меня, какъ поддѣлывателя чужихъ подписей. Я задерживалъ суммы, которыя должны были поступить къ нему. Онъ могъ обвинять меня въ воровствѣ. Напрасно сталъ бы я оправдываться желаніемъ пополнить растроченныя деньги при первой возможности—преступленіе было совершено.

Онъ опять умолялъ, запыхавшись, и отеръ капли пота со лба своего. Воспоминаніе объ этихъ дняхъ будило прежнія страсти.

— Я страшился участи преступника. Но я былъ человѣкъ, а не червякъ. Итакъ, я послѣдовалъ за вами и вашимъ оболстателемъ, — и послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ васъ въ Люцернѣ. Какъ могли такіа преступныя души совершать величіе природы! Моубрэ поступилъ благороднѣе, чѣмъ я отъ него ожидалъ. Мы дрались, и я ранилъ его. Оставивъ его на рукахъ лакея, въ маленькой рошѣ, отстоявшей въ какихъ-нибудь пятистахъ шагахъ отъ гостинницы, въ которой нашелъ васъ обоихъ, я возвратился въ Англію, блуждалъ нѣкоторое время безцѣльно, таская съ собой Сильвію, постоянно ожидая, что меня арестуютъ, и, наконецъ, добрался сюда безъ гроша. Я засталъ мѣсто школьнаго учителя незанятымъ; попросился на это мѣсто и въ непродолжительномъ времени получилъ его, безъ всякой рекомендаціи,

благодаря манерамъ, которыя понравились моимъ покровителямъ. Вотъ и вся моя исторія. Ваша, безъ сомнѣнія, отличается болѣе-шимъ разнообразіемъ.

— Ее разнообразили только печаль и раскаяніе, Джемсъ, отвѣчала жена, съ тяжелымъ вздохомъ. — Я не была такъ преступна, я не такъ глубоко пала, какъ вы думаете. Тяжесть моего грѣха обрушилась на меня со всею силою. Я тосковала по моему ребенку. Я чувствовала угрызенія совѣсти за свой позоръ. Горе сдѣлало меня скучной собесѣдницей, и наступилъ тотъ день, когда я прочитала уныніе на лицѣ, которое до сихъ поръ только улыбалось мнѣ. Тогда я поняла, что наступилъ конецъ. Моя жертва никому не принесла счастья: ни мнѣ, ни человѣку, который все еще увѣрялъ меня въ своей любви. Мы еще проскитались по континенту, пока это ему не надоѣло, и онъ сталъ поговаривать о возвращеніи въ Англію. Мнѣ до смерти надоѣли шумные, чужіе города, но мысль о возвращеніи на родину приводила меня въ ужасъ. Придется встрѣчать знакомыхъ, которымъ исторія моя извѣстна. Я высказала ему свои опасенія, и онъ въ первый разъ отвѣтилъ мнѣ съ усмѣшкой: «Вамъ нечего бояться быть узнанной вашими друзьями; вы забываете, какъ вы измѣнились». Черезъ нѣсколько времени я взглянула на себя въ зеркало, и увидѣла, что онъ былъ правъ. Красота моя исчезла.

— Вскорѣ послѣ этого открытія, любовникъ вашъ бросилъ васъ, я полагаю, сказалъ м-ръ Берью.

— Нѣтъ, этотъ послѣдній поворотъ миновалъ меня. Я сама его покинула. Я чувствовала, что цѣпь наша стала слишкомъ тяжела, и совѣсть, которую могло заглушать лишь сознаніе его любви, проснулась во мнѣ со всѣми своими мученіями. Я врядъ ли бы нашла въ себѣ столько мужества, чтобъ повѣдать свою печальную повѣсть пастырю нашей вѣры, но я знавала добраго старика-священника, служившаго обѣдню въ небольшой часовнѣ въ Тиролѣ, гдѣ мы путешествовали, и лицо этого старца обѣщало состраданіе. Я пошла къ нему и все ему рассказала. Онъ далъ мнѣ почувствовать, что если я хочу заслужить отпущеніе грѣховъ своихъ, то прежде всего должна покинуть грѣховную стезю. Я ему сказала, что теперь нахожусь безъ гроша, и желала бы отправиться въ одинъ изъ большихъ городовъ Германіи, гдѣ могла бы получить мѣсто гувернантки, или компаньонки въ путешествующемъ семействѣ; словомъ, мѣсто, гдѣ пригодилось бы мое знаніе иностранныхъ языковъ. Добрый старикъ ссудилъ меня нѣсколькими фунтами стерлинговъ, которыхъ хватило на проѣздъ въ Лейпцигъ и на первое время, пока я осмотрѣлась тамъ.

Сначала судьба казалось благопріятствовала мнѣ, и я подумала, что небо отпустило мнѣ грѣхи мои. Я получила мѣсто въ одной школѣ, гдѣ должна была учить языкамъ англійскому, французскому и итальянскому. Содержаніе было небольшое, но я всего болѣе нуждалась въ пристанищѣ. Изъ моего небольшого жалованья мнѣ удалось уплатить долгъ свой доброму священнику и одѣться по-приличію. Я пробыла въ школѣ три года и заслужила довѣріе начальства своею добросовѣстностью; все шло хорошо, до той несчастной минуты, когда одна изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ, не разъ дѣлившая со мною ложу въ оперѣ и многія другія развлечения, и завидовавшая моимъ брилліантамъ и кружевамъ, привела новую ученицу въ школу. Она увидала меня, узнала во мнѣ призракъ своей прежней знакомой, и рассказала директору мою исторію — безъ прикрасъ. Въ тотъ же день мнѣ было отказано отъ мѣста, и я должна была снова начинать свою трудовую жизнь, безъ рекомендаціи и безъ помощи друга. Нечего утомлять васъ омончаніемъ моей исторіи, у меня и силъ не хватитъ передать ее. Довольно того, что я пережила ее. Я вращалась въ самыхъ низменныхъ сферахъ, то въ качествѣ учительницы въ бѣднѣйшихъ кварталахъ, то танцевала въ кордебалетѣ маленькаго театра въ Сити-Родъ, то ходила на поденную работу за плату пятнадцати пенсовъ въ день, какъ портниха, — но хотя я часто бывала близко къ голодной смерти, однако никогда не обращалась за помощью къ Орасу Моубрэ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я прочелъ объ его женьтибѣ, сказалъ Джемсъ Кэрю: онъ сдѣлалъ выгодную партію, которая должна была удвоить его состояніе. Я полагаю, теперь онъ уже милліонеръ.

— М-ръ Майльсъ говорилъ мнѣ, что онъ очень разбогатѣлъ, отвѣчала бѣдная женщина, со вздохомъ. И онъ видимо былъ удивленъ, увидавъ меня въ лохмотьяхъ.

— И не повѣрилъ вашему раскаянію, замѣтилъ мужъ ея съ циническимъ смѣхомъ. Въ здѣшнемъ мірѣ совсѣмъ не вѣрятъ въ раскаяніе.

— Джемсъ, проговорила она, съ мольбою въ голосѣ, не дадите ли вы мнѣ чего-нибудь поѣсть. Я въ изнеможеніи отъ голода. Во весь день нынче я съѣла всего одинъ сухарь, цѣною въ пенни.

— Извольте, я васъ накормлю. А вы и не справляйтесь о дочери — какая же вы странная мать!

— Я бы не желала, чтобы она видѣла меня, отвѣчала она содрогаясь. Богъ видитъ, какъ изнываетъ мое сердце при мысли

о ней, но я не хотѣла бы встрѣтиться съ нею въ этихъ лохмотьяхъ.

— Не хотѣли бы? воскликнулъ школьный учитель: въ такомъ случаѣ вы не должны здѣсь оставаться. Домъ этотъ не настолько великъ, чтобъ можно было въ немъ скрываться. Это не то, что было въ нашемъ изящномъ гнѣздышкѣ, въ Кильборнѣ, съ его гостинными, будуарами, кабинетами и куральными. Если вы хотите поѣсть чего-нибудь, то Сильвіи придется прислуживать вамъ.

— Не говорите ей, кто я такая, сказала мать, дрожа всѣмъ тѣломъ, и обращая испуганный взглядъ по направленію къ двери.

— Она ничего не узнаетъ, если не подслушивала у двери, что не лишено вѣроятія.

Онъ отворилъ дверь, ведущую въ кухню и повалъ Сильвію. Лѣстница примыкала къ этой комнатѣ, и услышавъ зовъ отца, Сильвія, взволнованная, сошла внизъ. Но весьма возможно было, что за минуту передъ тѣмъ она неслышно взбѣжала на лѣстницу своею легкою поступью.

Молодая дѣвушка казалась блѣдна и встревожена, но не промолвила ни слова.

— Здѣсь сидитъ проголодавшаяся скиталица, сказалъ ей отецъ: принеси ей поужинать, что у тебя найдется.

Сильвія открыла маленькій буфетъ и вынула изъ него остоверъ курицы, остатки сала, нѣсколько холодныхъ картофелинъ и краюшку хлѣба. Она покрыла подносъ салфеткой и разстала на немъ эти яства съ свойственной ей аккуратностью, — несмотря на то, что руки ея слегка дрожали при исполненіи этой обязанности. Потомъ, съ подносомъ въ рукахъ, вошла въ пріемную.

Она обмѣнялась взглядомъ съ путницей, и на лицахъ обѣихъ женщинъ выразился испугъ: такъ живые люди смотрятъ на привидѣніе. И дѣйствительно, каждая видѣла привидѣніе въ другой. Одной представилась тѣнь прошлаго, другой — будущаго.

— Вотъ, чѣмъ я была, подумала мать.

— Вотъ, чѣмъ я могу быть, сказала себѣ дочь.

Сильвія поставила подносъ передъ путешественницей, все время не спуская съ нея сдержанно-любопытнаго взгляда. Это блѣдное, изнуренное лицо, съ его мертвеннымъ, блѣднымъ цвѣтомъ, имѣло такое страшное сходство съ ея собственнымъ. Она узнавала въ ней свои собственные черты, но только утратившія свою красу. «Неужели, — размышляла она, — красота такъ много зависить отъ свѣжести лица и молодости, что съ годами черты утрачиваютъ свою прелесть?»

При этомъ ей вспомнилось ея сивое, пожилое лицо м-съ Стенденъ, съ ея спокойнымъ выраженіемъ, ясными, блестящими глазами и съ сохранившеюся свѣжестью щекъ.

— «Не время разрушаетъ красоту, а заботы, подумала она; избави меня Богъ отъ такой жизни, какая выпала на долю моей матери». Она все подслушала. Любопытство ея было возбуждено поведеніемъ отца, и она приняла мѣры, чтобы узнать причину его волненія. Она слышала все до послѣдняго слова, такъ какъ двери неплотно затворялись въ этомъ старомъ домѣ, и голоса доносились до нея такъ же явственно, какъ если бы она находилась въ одной комнатѣ съ разговаривающими. Пораженная ужасомъ, съ болью въ сердцѣ, выслушала она рассказъ о позорѣ своей матери, о безчестіи отца, и хотя почувствовала трепетное состраданіе къ слабой грѣшницѣ, но всего болѣе ей стало жалъ самое себя. Вѣдь по ихъ винѣ она была лишена всѣхъ правъ, принадлежавшихъ ей по рожденію. Для нея результатомъ ошибокъ ея родителей была молодость, полная лишеній. Они начали жизнь свою въ довольствѣ, и по собственной преступной волѣ свернули съ этого мирнаго пути на тернистыя тропинки, гдѣ шипы и иглы изранили ея невинное тѣло. Они воспользовались краткимъ мигомъ счастья, и сорвали цвѣты наслажденій въ юдоли грѣха; между тѣмъ какъ ей выпалъ тяжелый путь искупленія. Она начала жизнь, подавленная тяжестью ихъ преступленій.

Мать смотрѣла на нее съ сокрушеннымъ взоромъ. Своими потухшими глазами она пожирала ея юную красоту; выраженіе глубокой любви мелькало въ каждомъ взглядѣ ея, между тѣмъ какъ страхъ сковывалъ эти дрожащія губы. Никогда еще грѣшница не чувствовала такъ сильно всей тяжести своего грѣха. Цѣлые годы раскаянія и печали показались ей ничтожными въ сравненіи съ этою минутой. Бѣглая жена смотрѣла на покинутое ею дитя, и страдала за свою вину такъ же мучительно, какъ если бы все это было только наканунѣ.

— Какъ могла я покинуть ея, раздумывала она: не все-ли равно, что Джемсъ былъ жестокъ и несправедливъ ко мнѣ, а *тотъ* влялся мнѣ въ любви; вѣдь у меня оставался ребенокъ! Я должна была бы искать опоры въ этомъ утѣшеніи, и поставить его священной преградой между своей слабостью и соблазномъ.

— Вы говорили, что сильно проголодались, сказалъ м-ръ Керью: такъ и принимались бы поскорѣе за ужинъ. Вѣдь уже поздно.

Она, повидимому, и не замѣтила, что передъ нею поставлена пища, глаза ея слѣдили за Сильвіей и болѣе ничего не видали,

или быть можетъ она мысленно погрузилась въ прошлое, которое являлось фантастическимъ фономъ для этой живой картины. Она пробормотала извиненіе, и начала ѣсть, сначала медленно, разсѣянно, потомъ съ страшною жадностью. Курица, довольно общипанная, такъ какъ уже подавалась къ двумъ обѣдамъ м-ра Керью, пришлась ей по вкусу. Холодный картофель, сало, домашній хлѣбъ были роскошью для того, кому изобиліе было давно неизвѣстно. Она ѣла, какъ человѣкъ знакомый съ голодомъ. Искреннія сожалѣнія, клятвы въ раскаяніи, не пробудили состраданія въ м-рѣ Керью, но положительный голодъ тронулъ даже его черствое сердце. Въ отдаленныя, полу-забытыя времена онъ любилъ эту женщину—конечно, не съ самоотверженною, всепоглощающею преданностью, но ровно настолько, насколько былъ способенъ къ этому чувству—и въ немъ проснулась жалость при видѣ ея безпомощности.

Онъ открылъ шкафъ и досталъ изъ него бутылку клерета—самаго простого—въ пятнадцать пенсовъ бутылка—налилъ въ рюмку и подаль ей. Это было первымъ знакомъ вниманія, которое онъ ей оказывалъ, и она взглянула на него съ униженной благодарностью: такъ смотреть собака, которую хозяинъ избилъ за ея проказы, и потомъ снова приласкалъ.

— Какъ вы добры, Джемсъ, прошептала она, отпивъ немного этого незатѣйливаго напитка: я не пила вина съ тѣхъ поръ, какъ была въ больницѣ.

— Въ больницѣ!—по какой причинѣ?

— Меня сбилъ съ ногъ вѣкъ, и оказался переломъ руки. Меня препроводили въ казенную больницу, гдѣ я пробыла шесть недѣль. Это было для меня самымъ счастливымъ временемъ—послѣ возвращенія моего изъ Германіи.

— Бѣдная! воскликнулъ м-ръ Керью, со стономъ. Кончайте свой ужинъ.

Сильвія медлила уходить, ее притягивало къ себѣ это мертвенное лицо. Ее не тянуло броситься на шею этой внезапно-открытой матери; она замѣтила, какъ изношены и засалены ея отрѣзня, и едва-ли рѣшилась бы прикоснуться къ нимъ: привычка къ внѣшней опрятности и брезгливость укоренились въ ней. Она не ощущала никакой привязанности къ матери, но мало-помалу глубокая жалость закрадывалась въ ея душу. Она подошла къ отцу, и шепнула ему на ухо:

— Куда мы положимъ ее спать, папъ?

Вопросъ озадачилъ его. Онъ сомнительно посмотрѣлъ на гостью. Ужъ не намѣревалась ли она сѣсть ему на шею, и не

былъ ли этотъ поздній прїѣздъ предѣленнымъ планомъ, чтобъ навязать ему свое присутствіе до конца дней его. Если онъ, изъ чувства христіанскаго состраданія, дастъ ей ночлегъ на эту ночь, то согласится ли она уйти завтра утромъ? Вѣдь она его законная жена, никакой формальный процессъ не лишаетъ ее права на кровъ и пропитаніе въ домѣ мужа. Она могла требовать себѣ пристанища и пропитанія, еслибы этого захотѣла, и ему трудно было бы оспаривать ея права, невозможно отрицать ихъ безъ скандала, что было бы равносильно погибели.

Онъ посмотрѣлъ на нее въ нерѣшительности. Она доставляла ему много причинъ къ неудовольствію въ минувшія времена; но ея заблужденія коренились въ тщеславіи и неразсчетливости, но не въ лицемеріи или лукавствѣ. Однакожь, она въ концѣ-концовъ обманула его; она замышляла свое бѣгство втихомолку. Онъ никакъ не могъ допустить не предѣльнаго бѣгства даже въ такой легкомысленной и беззаботной женщинѣ, какою была она. И потомъ, бѣдность порождаетъ пороки, несвойственные характеру отъ рожденія, бѣдность научаетъ хитрости, убиваетъ чувство собственнаго достоинства. Всѣ честныя побужденія превращаются въ прахъ подъ давленіемъ этого тяжелаго жернова. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждалъ Джемсъ Керью. По его мнѣнію, женщина, прошедшая чрезъ такую долговременную школу лишеній, становится опасною.

Сильвія тихо подошла къ окну и подняла уголокъ шторы, чтобъ посмотрѣть на дворъ. Небо все заволокло, и шелъ беззвучный, лѣтній дождь. Она снова подошла къ отцу и шепнула ему потихоньку:

— Позвольте ей переночевать въ моей комнатѣ, папѣ, я могу спать здѣсь на диванѣ. Нельзя же вамъ ее выгнать въ такую ночь; къ тому же она кажется больной.

— Пусть она останется, отвѣчалъ м-ръ Керью. — Если она окажется поползновеніе поселиться здѣсь, то я знаю, какъ отъ нея отдѣлаться, сказалъ онъ самому себѣ: она меня не поддѣнетъ.

Такимъ образомъ было рѣшено, что скиталица проведетъ эту единственную ночь въ швольномъ домѣ. М-ръ Керью взялъ на себя трудъ объяснить потомъ характеръ предлагаемаго гостепріимства. Нигдѣ болѣе, во всемъ Гедингемѣ, не могла бы она найти себѣ ночлега, такъ какъ это добродѣтельное селеніе давно погрузилось въ непробудный сонъ, и питало невыразимое отвращеніе къ бродягамъ.

ГЛАВА XV.

„...Удѣлъ назначенъ намъ неравный!..“

Сильвія привела путешественницу наверхъ въ свою комнату — это былъ простой чердачокъ подъ такой же покатою крышей, какъ у игрушечнаго Ноева ковчега. Меблировка была самая бѣдная, но молодая дѣвушка, со свойственнымъ ей тщеславіемъ, придавала и ей нѣкоторую грацію и изящество. Такою воображенію нашему представляется комнатка Гретхенъ, украшенная съ тою же дѣвическою безыскусственностью. Бѣлоснѣжныя канифасныя занавѣси и пологъ у кровати были кокетливо перевязаны зелеными ленточками; неуклюжее старое бюро орѣховаго дерева было натерто воскомъ до того, что могло замѣнить зеркало; на ея туалетикѣ стояла фарфоровая ваза съ цвѣтами, наполнявшими атмосферу нѣжнымъ благоуханіемъ свѣжей лаванды и прянымъ запахомъ гвоздики; пустыя полки были выскоблены до безукоризненной бѣлизны, а продолговатый обрѣзокъ полинялаго ковра, посланнаго передъ ея узкой кроватью, былъ тщательно обшитъ дешевой шерстяной бахромой. Стремленіе молодой дѣвушки къ изяществу проявлялось въ каждой бездѣлицѣ.

М-съ Карфордъ окинула комнату тѣмъ грустнымъ взоромъ, полнымъ мольбы, съ какимъ она смотрѣла на Сильвію. «Достойная обстановка для невинной юности», подумала она. Какъ давно ей, грѣшницѣ, не доводилось входить въ такой храмъ чистоты и невинности. На всей этой деревенской коморкѣ лежалъ чарующій отпечатокъ, отъ котораго она казалась ей прелестнѣе богатѣйшихъ хоромъ, видѣнныхъ ею въ теченіе ея богатой перемѣнами жизни, начиная отъ роскоши полированного дерева и зеркалъ въ ихъ виллѣ въ Кильбёрнѣ и кончая эффектнымъ великолѣпнѣмъ гостинницъ на континентѣ. А послѣ чердаковъ, въ которыхъ она находила себѣ пріютъ въ послѣдніе годы, какъ мила казалась ей эта скромная комнатка! Правда, что по внѣшнему виду и размѣрамъ она едвали была лучше чердаковъ въ окрестностяхъ Голборна, или на окраинахъ Сити-Родъ, но чистота ея, изящество, благоуханіе цвѣтовъ и деревенскій здоровый воздухъ, отличали ее отъ первыхъ, какъ рай отъ ада.

— Какая хорошенькая комнатка, нерѣшительно проговорила она.

— 'Хорошенькая! воскликнула Сильвія съ презрѣніемъ: это

просто жалкій чуланчик, но я стараюсь держать его, насколько могу, прилично.

— Ахъ, вы не знаете, что такое лондонскія комнаты!

— Нѣтъ, но я полагала, что въ Лондонѣ все прелестно. Я постоянно слышу похвалы ему.

— Можеть быть, вы слыхали отъ тѣхъ, кому не приходилось бродить по его улицамъ безъ гроша. Какъ ужасны эти нескончаемыя каменные мостовыя, раскаленные іюльскимъ солнцемъ! Какая африканская степь можетъ быть хуже нихъ? Да, миссъ Керью, существуютъ два Лондона—одинъ на западѣ, олицетвореніе рая для богатыхъ, другой, расположенный въ востоку, сѣверу и югу, постоянно разрастающійся, представляетъ настоящий адъ для бѣдняковъ.

— Спокойной ночи, проговорила Сильвія коротко, но довольно привѣтливо.

Она не могла побѣдить трепетнаго ужаса, наводимого на нее этой женщиной; она не могла признать своей матери подъ этой кучей лохмотьевъ.

Когда Сильвія сошла внизъ, бѣдная скиталица упала на колѣни около ея кровати, схоронивъ свое изнуренное лицо въ ея бѣломъ одѣялѣ, плача и рыдая отъ наплыва мучительныхъ впечатлѣній.

— О дочь моя, дочь моя, шептала она: пусть красота твоя дастъ тебѣ больше счастья, чѣмъ дала его мнѣ моя красота. Да сохранить и помилуетъ тебя Господь отъ печалей житейскихъ. Пусть пошлетъ онъ тебѣ самую скромную долю, лишь бы она оградила тебя отъ соблазновъ.

М-съ Карфордъ не обладала тонкимъ пониманіемъ человѣческаго характера, и не соображала, что есть такіе безпощадные темпераменты, которые носятъ въ себѣ врожденную склонность къ соблазну. Соблазнъ, который ожидалъ Сильвію Керью, былъ недюжиннаго свойства, и обуславливался ея собственнымъ изворотливымъ умомъ.

Наступило свѣжее ясное утро. Дрозды весело трещали свои привѣтствія восходящему солнцу; звонкій голосъ пѣтуха ясно раздавался со двора фермы; пѣснь жаворонка неслась изъ-подъ небесъ, куда онъ высоко поднялся надъ обширными нивами зрѣющихъ хлѣбовъ. Сильвія тоже обрадовалась утру, потому что ночь не принесла ей желаемого покоя.

Она проворочалась безъ сна на диванѣ, который могъ вполне замѣнить удобную постель, раздумывая о женщинѣ, отдыхав-

шей наверху; при мысли о ней, тоска такъ сильно грызла ее сердце, что ей показалось, никакія радости въ будущемъ не могутъ изгладить эту накипѣвшую горечь. И это ее мать! Она вздрагивала, произнося эти слова даже про себя.

И это ее мать, такъ глубоко павшая, преступная и въ такой нищетѣ! Нравственный круговоръ Сильвіи былъ не настолько широкъ, чтобы она могла въ этой самой нищетѣ, результатъ долголѣтнихъ лишеній, усмотрѣть всю искренность ее раскаянія; что эта мать, въ лохмотьяхъ и безпомощная, была истиннымъ типомъ современной Магдалины, — женщины, искупившей грѣхъ свои горькимъ страданіемъ и получившей право прямо глядѣть на свѣтъ Божій, со смиреніемъ, но не въ безнадежномъ отчаяніи. Сильвія только и понимала, что мать ее пала. По ее понятіямъ, бѣдность была внѣшнимъ символомъ паденія.

Ну, могла ли она признать матерью эту опозоренную личность передъ своими знакомыми, а тѣмъ болѣе передъ Эдмондомъ Стенденомъ? Она закрыла руками лицо свое, содрогаясь отъ одной этой мысли. Необходимо, во что бы то ни стало, избѣгнуть этого ужаснаго, глубокаго униженія! Она и не останавливалась на соображеніи, какъ жестоко, со стороны дочери, отвергать мать свою — что это грѣхъ, равный отверженію самого Бога. Она только размышляла о томъ, какъ бы предотвратить разглашеніе о существованіи этой женщины; и тутъ она почувствовала все свое безсиліе. Если м-съ Карфордъ пойдетъ по Геддингему рассказывать свою несчастную исторію, кто опровергнетъ ее, кто усомнится въ ее правахъ?

— Еслибы я была богата, думала Сильвія, горько вздыхая, я дала бы ей денегъ, и она могла бы удалиться и спокойно жить гдѣ-нибудь, никогда болѣе насъ не тревожа. Но я безпомощна, потому что у меня нѣтъ ни гроша, и видно такою останусь весь свой вѣкъ.

Она вспомнила разговоръ Эдмонда Стендена объ ихъ будущности, его мечты, полныя надеждъ; и съ проницательностью, выработанной въ школѣ нужды и лишеній, сознала всю призрачность основаній, на которыхъ онъ строилъ свой замокъ. Клодъ Мельнотъ, рисовавшій фантастическіе замки на берегу итальянскихъ озеръ, былъ сознательнымъ обманщикомъ, между тѣмъ какъ бѣдный Эдмондъ, который такъ довѣрчиво основывалъ свою будущую семейную жизнь на неизвѣстномъ доходѣ, обманывалъ самого себя, и описываемая имъ загородная вилла едва ли имѣла болѣе прочное основаніе, чѣмъ мраморныя кровли Клода Мельнота.

— Неужели я когда-нибудь падѣ такъ же низко, какъ она, ужасалась про себя Сильвія, вспоминая печальную личность, которую она видѣла наканунѣ. Мысль, что подобное разрушеніе возможно даже для нея, наполняло грустью ея молодую душу. Она стала разбирать мечты своего жениха съ точки зрѣнія холоднаго здраваго разсудка.

Любовь видить все въ розовомъ цвѣтѣ, все ей кажется прекраснымъ, какъ ландышъ при яркомъ освѣщеніи лѣтнаго утра, или при золотистомъ отблескѣ солнечнаго заката. Здравому же разсудку картина представляется съ рѣзко-очерченными линіями, выступающими на пасмурномъ зимнемъ небѣ.

Разберемъ серьезно, въ чемъ заключались надежды Эдмонда. Безъ всякой коммерческой или финансовой подготовки, онъ надѣялся получить мѣсто въ банкѣ, съ жалованьемъ въ четыреста или пятьсотъ фунтовъ въ годъ, въ силу авторитета имени своего покойнаго отца. Положимъ, что ему будетъ отказано въ этомъ мѣстѣ, или что онъ займетъ его на нѣкоторое время. Обольщенные кажущеюся надеждой на успѣхъ они заживутъ вмѣстѣ, но вдругъ въ одинъ злосчастный день онъ потеряетъ свое мѣсто въ банкѣ, по причинѣ ли неспособности, болѣзни или просто неудачѣ.

Перспектива эта была очень неутѣшительна. Вообще выборъ занятій для м-ра Стенденъ не представлялъ особенно обширнаго поля. При всей его молодости онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы выступить на ученое поприще, а чтобы имѣть успѣхъ въ какой-либо профессіи, человѣкъ въ наше время долженъ обладать или выходящимъ изъ ряда вонъ талантомъ, или же имѣть сильныя связи. Друзей въ этомъ смыслѣ у Эдмонда не было, кромѣ важныхъ родственниковъ его матери, де-Боссиניевъ, жившихъ въ полуразвалившемся замкѣ гдѣ-то далеко въ западномъ Корнвалісѣ, и слава которыхъ не шла далѣе ближайшаго къ нимъ почтоваго города. Онъ, конечно, не глупъ, но по уму онъ представляетъ собою не болѣе, какъ середку на половинѣ. Онъ довольно много читалъ на своемъ вѣку, могъ хорошо говорить, имѣлъ несомнѣнную склонность къ умственнымъ занятіямъ, но до сихъ поръ не проявлялъ гениальности, какъ какой-нибудь Тёрлау, Блумфильдъ или Пэджетъ.

Сильвія поворотилась на своемъ безсонномъ ложѣ и вздохнула; ей казалось, что она теперь еще сильнѣе ненавидитъ м-са Стенденъ, чѣмъ прежде. Эдмондъ рожденъ быть провинціальнымъ джентльменомъ новѣйшей школы; интеллигентнымъ филантропомъ, полезнымъ членомъ общинныхъ собраній и судебныхъ

засѣданій, и въ зрѣлыя лѣтахъ занять мѣсто въ парламентѣ.

Такое было его призваніе: если же мечты не сбудутся, что ждать его впереди? потерявъ подъ собою почву, онъ уподобится былинкѣ, колеблемой вѣтромъ. А Сильвія не имѣла ни малѣйшаго желанія связывать свою судьбу съ человѣкомъ, положеніе котораго было такъ неопредѣленно.

— Но я слишкомъ люблю его, чтобъ отъ него отказаться, говорила она себѣ, безпокойно вертя головой на горячей подушкѣ. Я никакъ, никакъ не могу отъ него отказаться. Но я почти желаю, чтобы онъ самъ увидалъ безразсудность нашего брака и самъ отказался бы отъ меня.

Вчера вечеромъ, до прихода этой несчастной незнакомки, она смотрѣла на отца своего, какъ на неумолимаго тирана. Сегодня онъ казался ей только практичнымъ человѣкомъ. Очень понятно, что его опытному уму бракъ этотъ представлялся неразумнымъ до глупости.

— И какъ непослѣдователенъ бѣдный Эдмондъ, подумала она. Третьяго дня еще онъ стоялъ на томъ, чтобъ въ будущее же воскресенье сдѣлать церковное оглашеніе, а вчера онъ преспокойно толковалъ о томъ, чтобы отложить нашу свадьбу еще на годъ.

Изъ этого можно усмотрѣть, что миссъ Керью дала себѣ трудъ подслушать разговоръ, такъ близко касавшійся ея интересовъ.

ГЛАВА XVI.

„...Ребенокъ! Уже хитрость вѣдаетъ она, уже измѣнять научена...“

Сильвія встала раньше шести часовъ, отворила настежъ окна и двери, чтобъ впустить въ пріемную свѣтъ этого яснаго дня и свѣжій утренній воздухъ. Она одѣвалась въ маленькой кухонкѣ, гдѣ подъ краномъ было вдоволь холодной ключевой воды—этого лучшаго косметика для юной красоты. Потомъ, надѣвши чистое ситцевое платье—вымытое и выглаженное ея собственными руками,—она вымела, стерла пыль въ пріемной, развела огонь въ кухнѣ, накрыла столъ къ завтраку, сорвала нѣсколько вновь распустившихся цвѣтовъ, чтобъ украсить столъ, сварила яицъ и заварила чай.

Незванная гостя сошла внизъ въ то время, какъ Сильвія была занята этими приготовленіями. При дневномъ свѣтѣ, кото-

рый вообще не благопріятствует изнуреннымъ лицамъ и поношенной одеждѣ, м-съ Карфордъ казалась еще старше и худѣ, чѣмъ вчера, но она постаралась одѣться въ эти лохмотья и полинялыя тряпки съ такой аккуратностью, что это придавало имъ нѣкоторую респектабельность. Она воспользовалась большимъ кувшиномъ холодной воды, стоявшимъ въ комнатѣ Сильвіи, чтобы уничтожить слѣды путешествія, дорожной пыли и сажки, налетѣвшей отъ локомотива. Волосы ея, каштановый цвѣтъ которыхъ сѣднѣлся сѣдиною, гладко спускались на увядшій лобъ. Прежде чѣмъ лечь спать, еще съ вечера, она выстирала тряпку, замѣнявшую ей воротничекъ, и вмѣсто глаженія положила его подъ большую библію Сильвіи, подаренную ей добрымъ викаріемъ. Она прочла главу изъ священной книги передъ отходомъ ко сну, быть можетъ, съ болѣе глубокимъ чувствомъ, чѣмъ ее читала ее беззаботная обладательница.

Сильвія замѣтила тщетную попытку придать себѣ приличный видъ, но не могла не сознаться, что тѣмъ не менѣе, эта бѣдная женщина была похожа на нищую. Она видала женщинъ въ рабочемъ домѣ, которыя были одѣты лучше. Она мысленно перебравъ весь свой скудный гардеробъ, соображая, не можетъ ли она удѣлить хоть одно платьѣ этому безпомощному созданію; но у нея было ихъ такъ мало, и онѣ всѣ были ей такъ необходимы, даже старыя, потому что, нося ихъ, она сберегала новыя.

— Надѣюсь, что вы хорошо выспались, сказала она, въ отвѣтъ на робкій привѣтъ путешественницы.

— Благодарю васъ, миссъ Кэрю, я спала недурно. Но я не могу крѣпко спать и въ самой лучшей обстановкѣ; я вижу все такіе тяжелые сны.

— Неужели? холодно процѣдила сквозь зубы Сильвія.

Она боялась выказать сочувствіе, которое могло быть принято за поощреніе. А въ глубинѣ ея безповойной души все раздалось вопрошающій голосъ: когда же она уйдетъ?

— Мнѣ снятся все дорогіе для меня мертвецы—или тѣ, которые умерли для меня—такъ какъ, въ сущности, они всѣ въ живыхъ. Они посѣщаютъ меня во снѣ, и бываютъ даже добры ко мнѣ. А отъ этихъ сновъ становится еще тяжелѣе, потому что я знаю, какъ они живы. И я твержу себѣ: это не болѣе, какъ сонъ,—онъ разсѣется, какъ дымъ!

Сильвія слегка вдохнула, принялась рѣзать хлѣбъ и намазывать на него масло съ дѣловымъ видомъ, какъ-бы желая положить конецъ сентиментальнымъ изліяніямъ своей собесѣдницы.

— У кого изъ насъ хватило бы силы переносить всѣ жи-

тейскія невзгоды, еслибы насъ не поддерживало сознаніе, что есть лучший міръ, гдѣ мы получимъ возмездіе за всѣ перенесенныя нами страданія, гдѣ намъ, наученнымъ горькимъ опытомъ, можно будетъ начать новую жизнь. Но на небесахъ есть—должна быть лучшая жизнь! Спаситель насъ не обманывалъ! Эта темная загадка будетъ разрѣшена на небѣ.

М-съ Карфордъ подняла къ ясному лѣтнему небу глаза свои, которыя блеснули прежней красотой. Она стояла у отворенной въ садъ двери, жадно вдыхая свѣжій утренній воздухъ. Сильвія раскаялась въ своей неосторожности, что оставила дверь эту настежь: кто-нибудь, пожалуй, мимоходомъ увидитъ эту незнакомку, и, движимый любопытствомъ, наведетъ о ней справки.

— Вы бы лучше отошли отъ двери, сказала она: утро такое прохладное. Пожалуйста, садитесь завтракать. Нечего дожидаться папаши, онъ всегда опаздываетъ.

М-съ Карфордъ поняла причину этого учтиваго приглашенія.

— Вы боитесь, чтобы кто-нибудь не увидалъ меня здѣсь, проговорила она, отходя отъ двери.

— О! нѣтъ, отвѣчала Сильвія, краснѣя: совсѣмъ не въ томъ дѣло, но въ Гедингемѣ такъ любятъ сплетничать.

М-съ Карфордъ вздохнула и сѣла на указанное ей мѣсто. Сильвія поневолѣ должна была занять стулъ передъ чайникомъ, такъ что онѣ очутились другъ противъ друга, въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени, памятнаго только одной изъ нихъ.

Ей припомнилась изящно убранная дѣтская въ подгородной виллѣ, и миленькая двухлѣтняя дѣвчонка, одѣтая въ бѣлое кисейное платье, опоясанная голубой лентой, и сидящая на высокомъ стулѣ, разливая воображаемый чай изъ игрушечнаго чайника. Картина, представившаяся теперь ея глазамъ, удивительно напомнила ей призрачную картину прошлаго.

— Неудобно ли вамъ молока и сахара? учтиво спросила Сильвія.

— Кому—мнѣ?

Бѣдная женщина съ минуту глядѣла на нее растеряннымъ взглядомъ, и потомъ залилась слезами,—первыми слезами, которыя она пролила въ присутствіи обитателей этого дома, со времени своего прихода, не считая тѣхъ, втайнѣ пролитыхъ слезъ, видѣнныхъ лишь одними ангелами, охраняющими раскаявшихся грѣшниковъ.

Сильвія пришла въ большое смущеніе, но не тронулась съ мѣста.

— Пожалуйста, перестаньте плавать, сказала она, вѣдь слезами ничему не поможешь.

М-съ Карфордъ тихо, молча, отерла глаза. Она быстро взглянула въ лицо сидящей противъ нея дѣвушки, и ея безучастіе больно кольнуло ее.

— Но вѣдь она ничего не знаетъ, подумала она: съ какой стати ей жалѣть меня?

Наканунѣ она ѣла очень жадно, но по утоленіи перваго голода, аппетитъ ея пропалъ. Она теперь выпила чашку чая, съѣла самый маленькій кусочекъ хлѣба и отказалась отъ яйца, предложеннаго ей Сильвией.

Онѣ сидѣли и молчали, пока, наконецъ, стукъ маятника у стѣнныхъ часовъ сталъ производить на обѣихъ томительное впечатлѣніе. М-съ Карфордъ обратила грустный взоръ свой къ открытой двери, изъ-за которой виднѣлся пестрый цвѣтничокъ, оваренный яркимъ утреннимъ солнцемъ, и жуужали пчелы, чиркали птички: все придавало такой счастливый, веселый видъ этой картинѣ. За садикомъ виднѣлась темная тисовая изгородь и могильные памятники; къ нимъ-то неудержимо влекло взоры путницы. О! чтó бы дала она, чтобы успокоиться въ прохладной тѣни этихъ тисовъ и кипарисовъ до вѣчнойны міра, чтобы проснуться обновленнымъ существомъ въ новомъ мірѣ!

— Какой у васъ хорошенькій садикъ, нервно проговорила она, съ цѣлью прервать томительное молчаніе.

— Вы находите его хорошенькимъ? А я такъ просто его ненавижу за его однообразіе. Изъ году въ годъ все тѣ же штобъ-розы, все тѣ же испанскіе бобы, разбѣгающіеся по всѣмъ дорожкамъ и вьющіеся по стволамъ грушевыхъ деревьевъ; тѣ же розы, даже, я полагаю, все тѣ же клещани, сказала нетерпѣливо Сильвія. Вонъ въ викариатѣ постоянно дѣлаются улучшенія: то сажаютъ папоротники, то цѣлыя куртины розъ, то устраиваютъ крытыя бесѣдки. Но вѣдь у нихъ пропасть денегъ и они могутъ дѣлать все, что имъ вздумается.

— Неужели, вы думаете, что все счастье въ деньгахъ? спросила м-съ Карфордъ.

— А вы полагаете, что кто-нибудь бываетъ счастливъ безъ нихъ? въ свою очередь спросила Сильвія.

— Нѣтъ, бѣдность безъ сомнѣнія тяжело отзывается на человѣкѣ, но я видала горе, отъ котораго не спасало никакое богатство. Когда бы я могла надѣяться, что Богъ внимлетъ моей молитвѣ, я бы просила у него ниспослать одному нѣжно-люби-

мому мною существу довольство скромной долей, счастье безвѣстной жизни.

Сильвія не слушала ея. Она задавала себѣ неразрѣшимый вопросъ: «Когда же она уйдетъ»? Ожиданіе становилось мучительно. Мэри Питеръ или Алиса Кукъ могли неожиданно забѣжать къ ней, и какъ объяснить она имъ присутствіе этой посѣтительницы въ лохмотьяхъ?

Она почувствовала облегченіе, заслышавъ шаги отца на лѣстницѣ. Онъ, конечно, уладитъ всѣ недоразумѣнія; когда нужно, онъ умѣлъ быть рѣшительнымъ.

Онъ вошелъ въ комнату, слегка кивнулъ головой м-съ Карфордъ, и занялъ свое мѣсто за столомъ. Дочь прислуживала ему, намазала масла на его поджаренный хлѣбъ, налила ему чаю и положила у тарелки его нумеръ мѣстной газеты.

— Спасибо, Сильвія; ты можешь идти въ садъ, пока я переговорю съ этой дамой. Ей нуженъ мой совѣтъ относительно... относительно... ея дальнѣйшаго путешествія.

Сильвія повиновалась, радуясь случаю убѣжать изъ этой удручающей атмосферы. Изъ саду она прошла на кладбище, на то самое мѣсто, гдѣ вчера въ жаркое полуденное время она рассталась со своимъ женихомъ. Здѣсь прижималъ онъ ее къ своему любящему сердцу, здѣсь заставлялъ онъ ее поклясться въ вѣчной любви.

Развѣ она не сдержитъ своей клятвы?

— Вчера еще я и не подозрѣвала, какъ трудно жить на свѣтѣ, думала она съ удивленіемъ. Время протекшее со вчерашняго дня принесло ей много необычайнаго.—Я и тогда не была счастлива, но все же я не знала, что у меня такая несчастная мать, которую мнѣ и признать-то стыдно.

Она опустила на могилу, на которой сидѣла вчера послѣ разлуки съ Эдмондомъ, и сначала судорожно зарыдала, а потомъ глубоко вздохнула.

Легкій порошокъ платья раздался вблизи ея, и маленькая ручка, обтянутая перчаткой, нѣжно опустилась на ея руку.

— А я именно шла повидаться съ вами, миссъ Керью, проговорилъ пріятный голосъ.—Я понимаю, какъ вы должны тосковать безъ Эдмонда. Сильвія выпрямилась моментально и взглянула въ лицо говорившей. То была миссъ Рочдель, которая направлялась къ школьному дому, какъ разъ въ ту минуту, какъ Сильвія въ отчаяніи опустила на могилу. Эта неподдѣльная печаль такъ тронула ея сердце, что она сочла своимъ долгомъ утѣшить молодую дѣвушку въ отсутствіи Эдмонда.

— «Она должно быть очень любить его, что такъ сильно горюетъ», размышляла миссъ Рочдель. «А я-то считала ее пустой и легкомысленной».

— Благодарю васъ за участіе, вы очень добры, проговорила запинаясь Сильвія, ломая себѣ голову, какъ бы помѣшпуть встрѣчѣ миссъ Рочдель съ ихъ опасною гостьей. — Право, я не ожидала, что вы станете безпокоиться изъ-за меня.

— Почему вы находите неестественнымъ, чтобы я интересовалась вами, спросила Эсэри. — Вѣдь мы съ Эдмондомъ росли вмѣстѣ, какъ братъ съ сестрой. Какъ могу я не интересоваться его будущей женой?

Медленно, съ разстановкой, проговорила она эти слова, какъ будто ей самой было странно ихъ слышать.

— Я думала, что вы всѣ противъ меня, холодно сказала Сильвія.

— Никто не возстаетъ теперь противъ васъ. Сначала м-съ Стенденъ противилась этому браку, потому, видите ли, что она совсѣмъ не знала васъ; теперь же она, кажется, съ этимъ примирилась.

— Какое же тутъ примиреніе, когда она хочетъ лишить сына наслѣдства! воскликнула Сильвія, въ негодованіи.

— Кто можетъ предвидѣть будущее? Со временемъ она можетъ полюбить васъ. Развѣ она откажетъ вамъ въ любви своей, если вы будете доброй женой ея сыну?

— А чѣмъ же прикажете намъ жить, пока она не смиляется? спросила Сильвія.

— Эдмондъ сдумаетъ самъ заработать средства къ своему существованію. Есть что-то особенно благородное въ томъ, когда человѣкъ самъ пробиваетъ себѣ дорогу; а я убѣждена, что Эдмондъ способенъ добиться успѣха безъ помощи отцовскаго состоянія.

— Какое благородное презрѣніе къ деньгамъ питаете вы, богатые люди, сказала Сильвія.

Тотъ молодой дѣвушки сильно не понравился Эсэри. Печаль ея тронула доброе сердце миссъ Рочдель, но цинизмъ Сильвіи отталкивалъ ее.

— Я бы желала быть вашимъ другомъ, если могу, сдержанно сказала она. Когда вы будете замужемъ за Эдмондомъ, вѣдь мы будемъ то же, что сестры, такъ какъ я считаю Эдмонда за брата.

— «Конечно, оно такъ и слѣдуетъ», подумала Сильвія, однакожь не спѣшила отвѣчать на пріятельность миссъ Рочдель, и

не сразу повѣрила искренности ея словъ. «Что за неудобное время выбрала она для своего посѣщенія»!

— Я пришла сказать вамъ, что Эдмондъ благополучно добрался до Лондона, сказала Эсэиръ, какъ будто дѣло шло о путешествіи въ Камчатку или Каиръ. — Сегодня утромъ, тетуська получила отъ него нѣсколько строкъ, писанныхъ съ Ватерлооской станціи. Какъ ни кратко его письмо, но въ немъ онъ упоминаетъ и о васъ.

— Неужели? вскрикнула Сильвія, оживляясь и награждая миссъ Рочдель первой улыбкой. — Милый Эдмондъ! нѣжно проговорила она.

— Всего одна строчка: «Будьте добры къ моей Сильвіи».

— Къ его Сильвіи! Да! я ея Сильвія, отвѣчала дѣвушка, съ легкимъ проявленіемъ чувства.

Въ эту минуту она забыла, что ея женихъ могъ ей доставить только то существованіе, какое ведетъ труженикъ, работающій изъ-за куска хлѣба. На минуту она забыла мрачный призракъ возможной будущности, который навѣялъ ей образъ м-съ Карфордъ.

— Мы знали другъ друга всего какихъ-нибудь три мѣсяца, и однаеожъ для насъ весь міръ заключается въ насъ самихъ, прибавила она съ чувствомъ. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ, что Эдмондъ умеръ, то для меня это было бы равносильно тому, что наступилъ конецъ міру. *Мой міръ* рухнулъ бы съ нимъ. Не правда ли, какъ это странно?

— Въ этомъ заключается великая тайна любви, спокойно отвѣчала Эсэиръ. Вотъ мы съ Эдмондомъ прожили вмѣстѣ четырнадцать лѣтъ, и никогда мысль о такой любви, какъ вы говорите, не приходила намъ въ голову.

— Да какъ же можно влюбиться въ человѣка, котораго видѣлъ каждый день съ дѣтства, воскликнула Сильвія. — Любовь должна быть зарей новой жизни, а не продолженіемъ старой. Я никогда не предполагала, что люблю красивые ландшафты, до тѣхъ поръ, пока однажды отецъ не свозилъ меня въ Фэрли. Когда я съ этой высоты взглянула на картину, никогда еще мною не виданную, я почувствовала восторгъ, похожій на любовь человѣческую. Я отъ многихъ слыхала о красотахъ нашей мѣстности, но она была мнѣ слишкомъ знакома, чтобъ меня поражала ея прелесть.

— Такъ мы будемъ съ вами друзьями, Сильвія, спросила миссъ Рочдель, съ заискивающею нѣжностью.

— Если вамъ угодно, отвѣчала та, довольно равнодушно. Но

я сомнѣваюсь, чтобы вамъ было удобно посѣщать нашъ домъ, гдѣ такъ ужасно шумятъ несносные мальчишки.

— Но вѣдь я люблю дѣтей, несмотря на ихъ неугомонность. Такъ вы позволите мнѣ приходить къ вамъ иногда, провести съ вами часокъ-другой, если вамъ взгрустнется.

— Иногда—конечно, когда вамъ вздумается. Я всегда буду рада васъ видѣть, отвѣчала Сильвія, отъ души желая, чтобы миссъ Рочдель не вздумалось сегодня же пройти въ школьный домъ. Несносная посѣтительница едвали уже ушла, какія бы рѣшительныя мѣры ни принималъ м-ръ Керью.

— Я—я не приглашаю васъ сегодня же зайти со мною домой, сказала она, стараясь казаться равнодушной, потому что теперь уже начался классъ. Слышите? вы отсюда можете разслышать выкрикиваніе мальчишекъ,—и дѣйствительно, провзвительные голоса доносились въ тихомъ воздухѣ,—но когда бы вы ни вздумали посѣтить меня, я буду очень рада васъ видѣть.

— Такъ я буду приходить къ вамъ разъ въ недѣлю, во все время отсутствія Эдмонда, и изрѣдка стану приносить вамъ новыя книги изъ библіотеки клуба. Вы вѣроятно любите чтеніе, прибавила молодая дѣвушка, безсознательно принявъ тонъ превосходства.

Она смотрѣла на Сильвію, какъ на личность низшаго происхожденія, которая, быть можетъ, нѣсколько опередила другихъ дѣвушекъ одинаковаго съ нею общественнаго положенія.

— Да, отвѣчала Сильвія, книги составляютъ единственное утѣшеніе, когда живешь въ такой глуши, какъ здѣсь. Я особенно люблю читать нѣмецкія книги, когда случается достать ихъ. Онѣ наводятъ на размышленія.

Миссъ Рочдель взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Вы читаете по-нѣмецки? спросила она.

— Да, я самоучкой научилась французскому и нѣмецкому языкамъ, когда мнѣ еще не было пятнадцати лѣтъ. Конечно, папѣ помогать мнѣ, но очень немного.

— Это дѣлаетъ вамъ большую честь, сказала Эсэиръ.

— Я это сдѣлала вовсе не ради похвалъ, небрежно отвѣчала Сильвія.—Мнѣ просто хотѣлось въ оригиналѣ познакомиться съ сочиненіями, о которыхъ я читала въ другихъ книгахъ—Гёте, Шиллера, Виктора Гюго, и такъ далѣе. Я не желала чувствовать себя исключенною изъ міра, который они создали.

Эсэиръ была поражена. Она прошла медленнымъ академическимъ шагомъ чрезъ всѣ премудрости грамматики на трехъ европейскихъ языкахъ, прочла Сильвію Пеллико по-итальянски,

нѣсколько слащавыхъ нѣмецкихъ повѣстунекъ, изъ разряда ба-сенъ, приспособленныхъ къ пониманію шестилѣтнихъ дѣтей. Она могла говорить по-французски, строго придерживаясь грамматическихъ правилъ, и съ монегемптонскимъ акцентомъ, позаимствованнымъ ею отъ французско-швейцарской гувернантки; что же касается чтенія Гёте или Шиллера, то за исключеніемъ тѣхъ го-меопатическихъ дозъ, которыя отпускаются въ избранныхъ хресто-матіяхъ, миссъ Рочдель и во снѣ не мечтала о такой премудрости.

Она не могла подавить легкаго вздоха, въ которомъ можно было бы подмѣтить легкую зависть, если бы чувство это могло найти доступъ въ такую безкорыстную душу.

— «Какую пріятную собесѣдницу долженъ находить въ ней Эдмондъ», подумала она, «и какою глупою кажусь я въ сравненіи съ нею».

— Я могу вамъ принести нѣкоторыя книги изъ бібліотеки Эдмонда, сказала она ласково. — Конечно, онъ за это не разсердится. Теперь, однакожь, прощайте. Я прибѣжала къ вамъ прямо изъ-за завтрака, именно съ цѣлью сообщить вамъ о его благополучномъ пріѣздѣ, но въ другой разъ я приду послѣ обѣда, когда вы посвободитѣ.

Она крѣпко пожала руку Сильвіи и ушла. Дѣвушка глазами слѣдила за нею, пока она шла по узкой тропинкѣ.

Какъ свѣжо и нарядно было ея кисейное платье абрикосоваго цвѣта, ея черная шелковая кофточка, полотняный воротничокъ и широкіе маншеты, застегнутыя массивными золотыми запонками, и изящная шляпа изъ коричневой соломы, съ граціозно-ниспадающимъ перомъ. Сильвія слѣдила за нею со вздохомъ.

— Буду ли я когда-нибудь въ состояніи одѣваться такъ же хорошо, какъ она, подумала дѣвушка. Какъ ни просты всѣ эти вещи, но они должны стоить большихъ денегъ.

ГЛАВА XVII.

„Прости на вѣчную разлуку“.

Пока Сильвія сидѣла на кладбищѣ, м-ръ и м-съ Карфордъ, Керью—тожь, вели дружескіе переговоры въ пріемной школьнаго дома.

— Итакъ, душа моя, сказала школьный учитель своей женѣ, сидѣвшей противъ него съ опущенными глазами: я полагаю, теперь для васъ вполне выяснилось положеніе дѣлъ здѣсь,

и вы должны сознаться, что злой гений вашъ не могъ внушить вамъ худшей мысли, какъ обратиться за помощью ко мнѣ. Вчера, ночью, было бы положительно безчеловѣчно выгнать васъ изъ дому, и поэтому я предоставилъ вамъ спальню вашей дочери. Но вашъ собственный здравый смыслъ долженъ указать вамъ, что занимать ее двѣ ночи сряду будетъ ужъ неловко. Вѣдь вы не желаете открывать вашего родства съ Сильвией. Я вполне одобряю деликатность и сдержанность вашу, которыя къ тому же весьма естественны при существующихъ обстоятельствахъ. Когда семнадцать лѣтъ тому назадъ вы бросили вашего ребенка, то этимъ самымъ дѣйствіемъ вы отказались отъ права называть ее дочерью. Теперь было бы бесполезно говорить: я мать твоя! Она можетъ отвѣтить вамъ строгимъ евангельскимъ изреченіемъ: я никогда не знала тебя!

— Это вѣрно, воскликнула скиталица съ судорожнымъ рыданіемъ.

— При такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ скорѣе вы покинете этотъ домъ и эту мѣстность—тѣмъ лучше. Изъ моихъ скудныхъ средствъ—весь мой доходъ не достигаетъ одного фунта стерлинговъ въ недѣлю—я дамъ вамъ совершенъ, котораго вамъ хватитъ на обратный путь и уплату ссуды вашей квартирной хозяйкѣ. Во всякомъ случаѣ, вы не будете въ худшемъ положеніи, чѣмъ вы были до вашей безразсудной поѣздки.

— И нисколько не въ лучшемъ. О, Джемсъ, жалобно умоляла м-съ Карфордъ: развѣ вы ничего болѣе не можете для меня сдѣлать? Позвольте мнѣ остаться здѣсь, и быть вашей служанкой, вашимъ батракомъ безъ всякой платы. Я могу спать въ сѣняхъ, вообще не дорого обойдусь вамъ, и никогда никто не узнаетъ отъ меня существующей между нами связи.

— Будьте благоразумны, душа моя! сказалъ м-ръ Керью. Для меня было бы такъ же удобно держать слюна вмѣсто прислуги; и вздумай я обзавестись экономкой, гедингемскіе языки не будутъ знать покоя. Здѣсь каждому извѣстно, что моего жалованья едва хватаетъ на то, чтобы прокормить себя и дочь. Касательно же предложенія вашего, быть моимъ батракомъ и спать въ сѣняхъ, отвѣчу вамъ, что на этихъ выгодныхъ условіяхъ вы, конечно, могли бы устроиться и въ обширнѣйшій Лондонъ. Напрасно вы утруждали себя поѣздкой въ Гедингемъ, для пріисканія себѣ такого мѣста.

— У меня мало силы, Джемсъ. Я пробовала ходить на подѣнную черную работу, но мною оставались недовольны, находя, что я не могу много наработать, и не ловко берусь за

дѣло. Наконецъ, догадывались, что я обѣдѣвшая барыня, и это обращалось противъ меня.

— Все это очень печально, воскликнулъ м-ръ Керью, со вздохомъ, въ которомъ слышалось и сожалѣніе, и нетерпѣніе. Для васъ остается теперь только одно средство.

— Какое же? съ живостью спросила его жена.

— Обратиться къ м-ру Моубрэ. Пусть онъ вамъ назначить небольшую пенсію, которая не дала бы вамъ умереть съ голоду.

— Нѣтъ, Джемсъ, отвѣчала она съ достоинствомъ. Я никогда этого не сдѣлаю. Пусть постигнетъ меня худшее, я съумѣю умереть съ голода. Это составитъ всего пять или шесть дней страданій и—замѣтку въ газетахъ.

Она взяла со стола свертокъ, положенный мужемъ.

— Мнѣ жаль лишать васъ и этого, Джемсъ, но вѣдь вамъ самимъ было бы непріятно, еслибъ я осталась бродить въ этой мѣстности. Съ этимъ я доѣду до Лондона—этой бездонной пропасти, поглощающей такъ много печалей!

Она заранѣе принесла сверху свою шляпу и платокъ, предвидя свой скорый отъѣздъ. Она надѣла ихъ на себя слабыми, дрожащими руками, и готова была опять пуститься въ путь.

— Прощайте, Джемсъ, произнесла она, протягивая ему руку.

Онъ неохотно взялъ ее, и такъ же неохотно пожалъ.

— Скажите, что вы прощаете меня, Джемсъ. Мы теперь оба ближе къ могилѣ, чѣмъ когда я оскорбила васъ.

— Легко сказать: прости! Но, мы оба грѣшны. Я не имѣю права быть слишкомъ строгимъ. Что васъ понудило покинуть меня тогда?

— Его любовь, отвѣчала она: вы никогда меня такъ не любили. Еслибъ вы знали, какъ онъ относился ко мнѣ въ тѣ тяжелыя для меня времена, пока, наконецъ, раскаяніе мое не истощило его терпѣнія. Я думаю, что онъ остался бы мнѣ вѣренъ до самаго конца, несмотря на то, что я ему надѣла. Но я благодарю Бога, давшего мнѣ силы покинуть его, чтобы пройти тернистый путь искупленія. Не легко было этотъ путь для меня, но я никогда не рассказывалась, что избрала его, въ то именно время, когда жизнь еще улыбалась мнѣ.

— Фальшивой улыбкой, прибавилъ м-ръ Керью. Ну да, вы были еще глупымъ ребенкомъ, когда я женился на васъ, и я долженъ былъ лучше смотрѣть за вами. Мы оба достаточно испортили себѣ жизнь. Прощайте.

Такъ расстались эти супруги, встрѣтившіеся послѣ семнадца-

тигѣтней разлуки. Прошлое казалось имъ какимъ-то кошмаромъ, страннымъ, неяснымъ, дикимъ.

У садовой калитки м-съ Карфордъ встрѣтилась съ Сильвіей.

— Вы уже уходите? спросила дѣвушка, глядя на нее съ любопытствомъ.

— Да.

— Совсѣмъ?

Женщина невольно усмѣхнулась насмѣшкѣ, звучавшей въ этомъ вопросѣ.

— Навсегда, отвѣтила она. Въ домѣ вашего отца не находится уголка для меня. Я только просила крова и пропитанія, но онъ не могъ мнѣ дать и этого.

— Вѣдь мы такъ бѣдны, сказала Сильвія. Вы не повѣрите, до чего мы бѣдны; мы стараемся придать всему приличный видъ, чтобъ нищета наша не бросалась всякому въ глаза. Но мнѣ право жалъ, что папѣ ничѣмъ не можетъ помочь вамъ.

— Мнѣ тоже это тяжело, милая моя, отвѣчала женщина, нѣжно глядя на нее: мнѣ очень бы хотѣлось пожить около васъ, будь то даже въ ближайшемъ рабочемъ домѣ.

Этотъ отгѣнокъ нѣжности смущалъ Сильвію.

— Мнѣ очень жалъ васъ, повторила Сильвія, и если когда-нибудь я буду въ лучшемъ положеніи, чтѣ очень сомнительно, я постараюсь помочь вамъ. Не можете ли вы мнѣ дать адресъ, куда я могла бы написать вамъ, въ случаѣ у меня заведутся лишнія деньги.

— Какъ вы добры, воскликнула м-съ Карфордъ: у меня есть знакомая квартирная хозяйка, очень сострадательная душа, которая охотно доставитъ мнѣ письмо, даже если я и не буду жить у нея; потому что неизвѣстно, долго ли она позволитъ мнѣ жить въ комнатѣ, за которую я рѣдко въ состояніи заплатить въ-время. Вотъ, милая барышня, ея адресъ.

Она подала Сильвіи старый конвертъ, съ надписью: «м-съ Вуде, Бель-Алэ, Феттеръ-Лэнъ, для передачи м-съ Карфордъ».

— Меня не столько радуетъ обѣщаніе вашей помощи, проговорила она, глубоко тронутая, сколько доброе чувство, внушившее вамъ эту мысль. Прощайте, моя дорогая. Я опять иду въ тотъ міръ, который такъ жестокъ къ бѣднымъ и слабымъ. Едва ли намъ суждено еще когда-нибудь встрѣтиться. Позвольте мнѣ поцѣловать васъ на прощанье.

Сильвія покорно приняла этотъ поцѣлуй, даже съ своей стороны поцѣловала мать, и та, благословляя ее среди рыданій, удалилась.

ГЛАВА XVIII.

Перриамъ - Плэсъ.

Перриамъ-Плэсъ былъ построенъ нѣкимъ Годфри Перриамомъ въ царствованіе королевы Анны, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ теченіе многихъ столѣтій возвышался древній Перриамъ-Плэсъ — такъ какъ родъ Перриамовъ существовалъ въ странѣ съ незапамятныхъ временъ. Когда этотъ новый замокъ отстроился, Монкемptonъ уже посылалъ своего представителя въ парламентъ; а свободные и независимые избиратели, въ числѣ двадцати семи, были какъ-бы рабами или вассалами сэра Годфри Перриама. Онъ платилъ за ихъ вѣрность лично самъ, или тотъ кандидатъ, за котораго ихъ заставляли подавать голоса, и никто не помышлялъ о томъ, чтобы вотировать наперекоръ сэру Годфри.

Долгое время теперешнее красное кирпичное зданіе называлось «новымъ»; но съ годами его красноватые тоны смягчились. Магноліи, посаженныя напротивъ южнаго фасада, разрослись широко и высоко; весь замокъ съ теченіемъ времени созрѣлъ, какъ плодъ на шпалерѣ.

Перриамъ-Плэсъ состоялъ изъ главнаго корпуса, съ красивымъ фронтономъ, и двухъ массивныхъ флигелей. Лѣпныя гирлянды украшали каменные фризъ, тѣ же гирлянды въ уменьшенномъ размѣрѣ видѣлись надъ дверьми и окнами. Передъ домомъ раскидывался прекрасный лугъ, осыненный съ одной стороны группою кедровъ, а съ другой исполинскими клѣнами. Налѣво отъ дома были разбиты цвѣтники, образецъ стариннаго садоводства, не тронутый нововведеніями Броуновъ позднѣйшихъ временъ. Направо были огороды, которые изобиловали обыкновенными овощами, но не могли похвастаться блестящими теплицами для фруктовъ, ананасовъ и винограда — все ограничивалось двумя-тремя парниками, гдѣ доморощенный огородникъ выгонялъ огурцы въ обычную для нихъ пору. Но отсутствіе теплицъ не было ощутительно въ такомъ климатѣ, при которомъ зеленый горошекъ можетъ расти до ноября и гдѣ громадныя сливы и чудные персики, безъ особенныхъ заботъ, висѣваютъ на шпалерахъ стѣнъ. Перриамъ-Плэсъ нисколько не измѣнился за послѣднія сто лѣтъ. Войдя въ прохладныя, вымощенныя камнемъ, сѣни и очутясь среди старомодной обстановки, можно было вообразить, что время нисколько не ушло впередъ и остановилось на томъ числѣ, которое было выставлено на стѣнныхъ ча-

сахъ, на циферблатѣ которыхъ, какъ на заглавномъ листѣ старинной книги, красовались неуклюжими римскими цифрами годъ и число, когда они были сдѣланы. Перриамы держались основного принципа—не тратить денегъ, если можно съ достоинствомъ уклониться отъ расходовъ. Они не были скрягами или негостеприимными хозяевами; они жили какъ приличествуетъ джентльменамъ: раздавали милостыни и пособия, какъ и слѣдуетъ провинціальнымъ владѣльцамъ, хорошо ѣли и хорошо кормили свою прислугу, держали отличныхъ лошадей, но никогда не сорили деньгами попустому. Искусство вообще было у нихъ въ загонѣ. Ни одна картина—кромѣ фамильныхъ портретовъ—никогда не украшала стѣнъ Перриамъ. Нѣсколько литографій—Оксфордъ, Болингброкъ, Попе, Гарриксъ, великій лордъ Чатамъ и докторъ Джонсонъ оживляли дубовыя панели малой столовой, и эти эстампы были новѣйшими въ домѣ. Перриамы наследовали своимъ отцамъ, переходили одинъ за другимъ въ вѣчность, но ни одинъ изъ нихъ никогда и ничего не прибавилъ, ни украсилъ въ домѣ. Предметами, которыми довольствовались предки, удовлетворяли и потомковъ. Они были крайніе консерваторы—противились всякимъ нововведеніямъ и избѣгали всякихъ излишнихъ денежныхъ расходовъ. Если Перриамская экономка, заботясь о величіи дома, отваживалась намекнуть на какое-нибудь измѣненіе въ сервировкѣ стола, или упоминала, что то или другое теперь въ большой модѣ въ Лондонѣ, то получала леденящій отвѣтъ отъ своего хозяина.

— Мода! восклицалъ сэръ Обри. — Что мнѣ за дѣло до моды! Неужели вы воображаете, что меня интересуеъ вся эта нововозобрѣтенная мишура, выдуманная для разжившихся маклеровъ и манчестерскихъ бумаго-прядильныхъ царьковъ? Въ чемъ же имъ и выказать себя, какъ не въ мотовствѣ! Пусть столъ мой будетъ накрытъ точно такъ, какъ при посѣщеніи моего прапрадѣда лордомъ Болингброккомъ.

«Лордъ Болингброкъ» всегда зажималъ ротъ экономкѣ. Онъ былъ почти живою личностью въ Перриамѣ. Лучшая изъ запасныхъ спаленъ все еще называлась комнатою Болингброка. Блестящій Сент-Джонъ почивалъ въ ней, когда за-ново отстроеному Перриамъ-Плэсу было не болѣе года. Одному Богу извѣстны планы, наполнявшіе его дѣятельную голову, когда она покоилась на этихъ подушкахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ опять на короткое время посѣтилъ Перриамъ совершенно разочарованнымъ человѣкомъ; его блестящую нѣкогда жизнь не озаряло теперь никакое сіяніе, кромѣ вѣрной женской любви.

Мебель въ Перриамѣ была старинная, тяжелая, но не лишенная красоты; болѣе современная часть ея принадлежала къ знаменитой школѣ Чиппендэля — единственной оригинальной и артистической мебели, когда-либо произведенной Англіей. Наявныя пембровскія, столы на камышевыхъ ножкахъ, буфеты съ мѣдными ручками и на мѣдныхъ ножкахъ, съ изображеніемъ когтей, держащихъ шаръ; удобныя кресла съ лирообразными спинками, вырѣзанными съ такою отчетливостью и вѣрностью, какъ будто рѣзчикомъ была сама природа; вся эта мебель отличалась легкостью формъ, а въ прочности могла поспорить съ Эддистонскимъ маякомъ, и при всей простотѣ своей не лишена была изящества, чуждаго цвѣтистой орнаментаціи и раззолоченнаго безвкусія школы Лудовика XIV. Драпировки принадлежали къ той же эпохѣ, какъ вышеупомянутыя стулья и столы, но время не смягчило ихъ тоны, какъ у дерева; занавѣсы изъ индійской парчи, не уступавшія нѣкогда яркостью красокъ перьямъ тропическихъ птицъ, все еще украшали гостиную, и несмотря на то, что полиняли, были во сто-кратъ красивѣе современныхъ фабричныхъ произведеній. Мало орнаментовъ было въ этой просторной гостиной, въ семь высокихъ оконъ и съ глубокимъ фонаремъ, выходящимъ въ садъ. Двѣ громадныя, богато раззолоченныя вазы изъ Уорстерскаго фарфора возвышались на столѣ изъ флорентинскаго мрамора, который стоялъ между окнами въ фонарикѣ; и этотъ столъ стоялъ тутъ во дни лорда Болингброка. Двѣ другихъ огромныхъ вазы въ восточномъ вкусѣ украшали противоположный конецъ комнаты, и стояли по обѣ стороны широкаго камина. На высокомъ мраморномъ каминѣ, въ афинскомъ вкусѣ, не стояло ничего, кромѣ часовъ и двухъ бронзовыхъ канделябровъ на пьедесталахъ изъ чернаго мрамора, представлявшаго рѣзкій контрастъ съ бѣлизною мраморной доски, на которой они стояли.

Никакіе современные пустячки не имѣли доступа въ эту чопорную гостиную. Ни Дэвенпортъ, ни *dos-à-dos*, ни центральная оттоманка не нарушали ея суровой простоты. Не было тутъ ни жардиньерки съ растеніями, ни акварія, которые заявляли бы о присутствіи и вкусахъ женщины. Ни фотографическіе альбомы, ни стереоскопы не доставляли развлеченія праздному посѣтителю. Любая комора образцовой тюрьмы могла бы поспорить съ этой гостиной скудностью развлеченій для празднаго ума. Любитель архитектуры могъ найти чѣмъ полюбоваться въ карнизахъ трехъ футъ глубины, съ ихъ разнообразной лин-

ной работой; но, за исключеніемъ архитектурныхъ красотъ, комната эта была лишена всякаго интереса.

Однакожь для мыслителя она представляла нѣкоторую прелесть, именно своимъ спокойствіемъ. Этотъ отпечатокъ старины говорилъ о давно прошедшихъ дняхъ, когда міръ на полтора столѣтія былъ моложе. Настоящій владѣлецъ Перріама очень гордился своей гостиной, или салономъ, какъ религіозно величали эту комнату. Ни за какія блага въ мірѣ онъ не согласился бы хоть что-нибудь измѣнить въ этомъ скудно-омеблированномъ святилищѣ. Этимъ разумнымъ консерватизмомъ онъ вмѣстѣ заявлялъ о своемъ благоговѣніи къ памяти предковъ, и сберегалъ свои деньги.

— Завести фотографическій альбомъ! воскликнулъ онъ, когда какой-то легкомысленный посѣтитель внушалъ ему мысль украсить одинъ изъ Чиппендальскихъ столовъ этимъ ресурсомъ для скучающихъ гостей.

— Во времена Болингброка не было еще и въ поминѣ фотографическихъ альбомовъ, а тогдашнее общество было гораздо блестяще, чѣмъ теперешнее. Кто желаетъ развлечь себя, тотъ пусть почитаетъ Попа. Вонъ въ томъ шкафу лежитъ прекрасное изданіе его сочиненій.

При этомъ баронетъ торжественно указывалъ на маленький книжный шкафчикъ, таившійся по одной стѣнѣ его салона. Тутъ, за рѣшеткою изъ мѣдныхъ прутьевъ, были тщательно выстроены всѣ тѣ авторы, репутація которыхъ съ каждымъ днемъ возрастаетъ среди поколѣнія, болѣею частью и не читавшаго ихъ — Попа, Прайоръ, Гэ, Свифтъ, Ст. Джонъ, Аддисонъ и Стиль. Сэръ Обри совсѣмъ забывалъ то обстоятельство, что ключъ отъ этой сокровищницы былъ затерянъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, и что пыль съ книгъ сметалась метелочкой изъ перьевъ, которая проходила между прутьевъ мѣдной рѣшетки.

На восточной сторонѣ дома находилось помѣщеніе сэра Обри — просторная мрачная спальня, уборная — обширнѣе нынѣшнихъ спаленъ, кабинетъ — не больше чуланчика. А на западномъ концѣ дома, сообщаясь узкимъ корридоромъ, съ покоями баронета и обращенныя на огородъ, расположены были комнаты, которыя въ теченіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, безъ малѣйшей въ нихъ перемѣны, занималъ братъ сэра Обри, Мордредъ Перріамъ. Это древне-саксонское имя было почти единственнымъ наслѣдствомъ, доставшимся м-ру Перріаму отъ его древняго рода, такъ какъ самое помѣстье переходило въ наслѣдство старшему въ родѣ, и еслибы не случайный доходъ въ двѣсти фунтовъ въ годъ, до-

ставшійся ему съ материнской стороны, Мордредъ Перриамъ былъ бы въ полнѣйшей зависимости отъ брата. Но при настоящихъ обстоятельствахъ м-ръ Перриамъ жилъ съ братомъ на всемъ готовомъ. Онъ употреблялъ большую часть своего дохода на свою библіотеку,—самый разнообразный сбродъ подержанныхъ книгъ, безъ системы скупаемыхъ имъ у провинціальныхъ книгопродавцевъ, съ которыми м-ръ Перриамъ велъ нескончаемую переписку. Это были такіе экземпляры, отъ которыхъ пришли бы въ восторгъ Мартинъ Скриблерсъ или Домини-Сампсонъ, но которые едвали могли возбудить зависть современнаго библіофила, кожаные коричневые переплеты, старинныя изданія, между которыми наименѣе плодovitые авторы обыкновенно доходили до сорока томовъ; странная старинная бумага и шрифтъ, и при этомъ ни одного полнаго собранія, все разрозненныя; авторы, имена которыхъ сохранились только въ «Денсіадѣ» и мимолетная популярность которыхъ не оставила по себѣ и слѣда. Англійскія, французскія, римскія, нѣмецкія посредственности громоздились на полкахъ этого буквоѣда, и чтобы отыскать настоящаго классика среди этого безпорядочнаго хаоса, пришлось бы провозиться полъ-дня.

М-ръ Перриамъ нѣсколько разъ покушался составить каталогъ, работалъ надъ нимъ съ необычайнымъ усердіемъ, бѣгая взадъ и впередъ отъ письменнаго стола къ полкамъ съ изумительнымъ терпѣніемъ, но каталогъ его всегда приводилъ къ путаницѣ. Онъ постоянно покупалъ книги, и необходимость дополнять каталогъ вновь приобретаемыми изданіями была не по силамъ его нѣсколько слабой головѣ. Летучихъ листовъ и дополненій накопилось у него въ такомъ множествѣ, что онъ терялъ нить, и съ отчаянія бросилъ свою задачу. Въ концѣ-концовъ вѣдь онъ зналъ всѣ свои книги, онъ могъ перечестъ на память всѣ ихъ заглавія, хотя, быть можетъ, зачастую и не зналъ ихъ содержанія. Онъ обыкновенно воображалъ, что мучимъ неудержимымъ желаніемъ прочестъ того или другаго автора, и не могъ успокоиться, пока не приобреталъ его. Но, поставивъ желаннаго автора на полку, онъ этимъ, повидимому, удовлетворялся. Когда его ученые друзья упоминали имя какаго-нибудь автора, м-ръ Перриамъ обыкновенно восклицалъ: «А! онъ есть у меня!» Онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобы сказать: «я читалъ его». Комнаты, предоставленныя м-ру Перриаму, были высоки и просторны, какъ и во всемъ домѣ. Но, несмотря на ихъ величину, книги его совершенно завалили ихъ. Отъ пола до потолка, подъ окнами, надъ каминомъ, всюду, куда можно было при-

тянуть полку, тянулись безконечные ряды коричневыхъ томовъ, среди которыхъ рѣдко попадались полинялые красные ярлыки новѣйшихъ изданій. М-ръ Перриамъ не могъ позволить себѣ роскошныхъ переплетовъ ни изъ тисненной замши, ни изъ пахучей русской кожи. Но, при всей его бѣдности, у него былъ источникъ утѣшенія. Онъ дошелъ самоучкой до искусства класть заплату на старыя переплеты и раскрашивать пятнышками, или крапинками или подъ мраморъ почернѣвшіе отъ пыли обрѣзы, и онъ никогда не казался такъ безмятежно счастливъ, какъ когда сидѣлъ передъ своимъ рабочимъ столомъ, наклеивая, прилаживая, всячески исправляя растрепанные книги, при помощи баночки съ клеемъ, нѣсколькихъ обрѣзковъ опойки, кусочка алой краски, большихъ ножницъ и неистощимаго запаса терпѣнія. Въ глубинѣ души м-ръ Перриамъ сознавалъ, что еслибы можно было начать жизнь съизнова, то онъ пожелалъ бы быть переплетчикомъ. Библиотека м-ра Перриама выходила окнами на огородъ. То была просторная комната съ выступомъ, подобнымъ тому, которымъ на противоположной сторонѣ дома заканчивалась гостиная. Въ тѣ дни, когда еще водились дѣти въ Перриамѣ, эта комната служила дѣтской. Непосредственно надъ нею была спальня м-ра Перриама, а рядомъ съ ней крошечная уборная, изъ которой былъ ходъ черезъ темный корридорчикъ въ спальную сэра Обри. Несмотря на разницу въ привычкахъ, братья были искренно привязаны другъ къ другу и любили жить по близости другъ отъ друга. Лакей сэра Обри спалъ въ уборной своего хозяина, но м-ръ Перриамъ не держалъ для себя прислуги. Онъ считалъ это роскошью или помѣхой, отъ которой настойчиво отдѣлывался. Да и весь его гардеробъ не доставилъ бы ни занятій, ни выгоды его лакею. Онъ обыкновенно заводился одной переменной платя, которую изнашивалъ до невозможности, и тогда дарилъ подручному садовнику, глухому старiku, который всю осень вывозилъ на тачкѣ сухой листъ изъ сада и уезжалъ лужайки и песчаные дорожки въ остальное время года. Этотъ старый садовникъ блуждалъ по саду, какъ тѣнь или двойникъ м-ра Перриама. Когда бывали посѣтители въ домъ, м-ръ Перриамъ рѣдко показывался. Если же у сэра Обри не было гостей, братья обѣдали вмѣстѣ; въ его отсутствіе м-ръ Перриамъ всегда обѣдалъ въ своей собственной берлогѣ, переворачивая во время ѣды листы какого-нибудь новаго приобрѣтенія. Онъ читалъ далеко не быстро, и въ продолженіе трехъ лѣтъ прокорпѣлъ надъ стариннымъ эзекіилярномъ Данта, напрягая свои бѣдные мозги надъ комментаріями, которые только затемняли текстъ.

Онъ гулялъ не иначе, какъ по огороду. Ему нравились эти прямыя четверугольники, засаженные кореньями и травами, служащими для приправы кушанья, прямыя узкія дорожки, соединенныя шпалерами земляничныя гряды, невозмутимый порядокъ и тишина этого уголка; но выше всего цѣнилъ онъ то обстоятельство, что никакой случайный посѣтитель Перріама не застигнетъ его тутъ врасплохъ. Лѣтомъ, по утрамъ, онъ приносилъ съ собою книги, и читалъ, медленно шагая по дорожкамъ, или, случалось, въ жаркій полуденный часъ дремалъ надъ открытой книгой, сидя въ бесѣдѣ у рыбнаго прудка. Зимой же, ради здоровья, онъ для моціона бѣгалъ взадъ и впередъ между пустыми грядами. Дальше огорода не шло его знакомство съ внѣшнимъ міромъ, да ни о чемъ болѣе онъ и не заботился, пока существовала возможность поддерживать сношенія съ книгопродавцами, при удобномъ посредничествѣ почты. Такъ протекала его мирная, безвредная жизнь, и если никто не могъ сказать, что Мордредъ Перріамъ оказалъ ему какую-либо услугу, то навѣрное никто не могъ обвинить его въ причиненіи кому-либо вреда.

ГЛАВА XIX.

„...Любовь одна веселѣе жизни хладной...“

Сэръ Обри съ братомъ обѣдали вдвоемъ подъ вечеръ того дня, когда м-съ Карфордъ покинула школьный домъ, чтобъ снова вернуться въ омутъ жизни. Столовая въ Перріамѣ выходила окнами на сѣверо-западъ, и изъ нихъ открывался великолѣпный видъ солнечнаго заката; можно было любоваться, какъ яркое свѣтило заходило за горизонтъ, безъ риска быть ослѣпленнымъ его утасаживающими лучами.

Было уже восемь часовъ вечера, начинало смеркаться; но сэръ Обри любилъ сумерки. Они были пріятны и вмѣстѣ съ тѣмъ экономичны, а баронетъ никогда не забывалъ, какой крупный чекъ выдавалъ онъ ежегодно монкемптонскому свѣчному торговцу. Ему говорили о дешевизнѣ и яркости газоваго освѣщенія, но сама королева Анна не могла упорнѣе, чѣмъ сэръ Обри, возставать противъ этого яркаго свѣта, еслибы онъ былъ подвергнутъ ея благосклонному вниманію. Газъ въ Перріамѣ! Слыханное ли это дѣло, чтобъ газовыя трубы обезображивали эти древніе хрустальные канделябры, переливавшіеся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги! «Священная тѣнь моего великаго предка!»

воскликнулъ сэръ Обри, «какой готѣ или вандалѣ могъ посовѣтовать такое поруганіе?»

Сэръ Обри и братъ его сидѣли въ сумеркахъ, разговаривая, или скорѣе же говорилъ одинъ Мордредъ, а сэръ Обри дѣлалъ только видъ, что слушаетъ. Безобидная болтовня буквѣда, по поводу его послѣдней покупки у бристоляскаго книгопродавца, не требовала большого умственного напряженія со стороны слушателя. Время отъ времени сэръ Обри издавалъ неясное одобрительное мычаніе, и это вполне удовлетворяло говорившаго.

Въ сущности, мысли сэра Обри были нѣсколько въ разбродѣ въ продолженіе обѣденнаго церемоніала, а теперь онъ сидѣлъ въ задумчивой позѣ передъ своимъ нетронутымъ стаканомъ клерета, вперивши взоры въ темную поверхность полированного стола изъ краснаго дерева, какъ-бы разглядывая представлявшіяся ему въ немъ видѣнія.

Но не о вновь приобрѣтенномъ его братомъ двѣнадцати-томномъ изданіи Чаттертона мечталъ онъ, а о прелестномъ личикѣ, которое видѣлъ вчера вечеромъ въ саду гедингемскаго школьнаго дома.

— Мордредъ, внезапно воскликнулъ онъ, тебѣ никогда не приходило въ голову, почему я не женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ м-ръ Перриамъ, никогда. Но я полагаю, что причина этому ясна для самаго глупаго человѣка. Ты не могъ никогда забыть бѣдной Гуниверы.

— Забыть ее? Нѣтъ; этому никогда и не бывать. Но если-бы въ мои зрѣлыя лѣта человѣкъ могъ почувствовать романтическую любовь—любовь поэта, скорѣе чѣмъ свѣтскаго человѣка... какъ ты полагаешь, обязанъ онъ растоптать этотъ цвѣтокъ за то, что онъ такъ поздно распустился!

— Ужъ не хочешь ли ты этимъ сказать, что ты влюбился? въ испугѣ спросилъ Мордредъ.

— Я видѣлъ лично настолько прелестное, что оно могло бы очаровать святого или отшельника... могло бы воспламенить самое холодное сердце, замороженное временемъ. Я не говорю, чтобы я влюбился. Это было бы слишкомъ безумно въ мои годы. Но я чувствую въ себѣ способность, которую давно считалъ угасшею,—способность влюбиться.

Мордредъ Перриамъ ухватился руками за голову, и началъ въ отчаяніи ерошить свои рѣдкіе сѣдые волосы. Онъ думалъ, что его братъ сходитъ съ ума.

— Бѣдная Гунивера, произнесъ онъ вполголоса, какъ будто тѣнь этой аристократки была оскорблена безуміемъ сэра Обри; если-бы она дожила до этого дня!

— Еслибъ она осталась въ живыхъ, я могъ быть бы счастливымъ отцомъ многихъ дѣтей, отвѣчалъ сэръ Перриамъ; а при настоящихъ обстоятельствахъ помѣстье наше должно перейти къ Ланслоту Перриаму, когда мы оба сойдемъ въ могилу и ляжемъ рядомъ съ нашими предками.

— Это ужъ очень тяжело, сказалъ м-ръ Перриамъ, который оказался способенъ оцѣнить вопросъ съ этой практической стороны. Когда-бъ ты могъ найти теперь особу, достойную леди Гуниверы, равную ей по общественному положенію, союзомъ съ которой ты могъ бы гордиться...

Сэръ Обри вздохнулъ и сидѣлъ молча. Главною цѣлью его женитьбы должна бы быть забота о наслѣдникѣ. Ну, какъ встрѣтится онъ въ будущей жизни съ этимъ наслѣдникомъ, если этотъ послѣдній не сдумаетъ назвать своего дѣда съ материнской стороны. Ахъ! если бы для генеалогическихъ цѣлей дѣти могли обходиться безъ дѣдовъ по матери! Онъ опять вздохнулъ съ возрастающею грустью.

— Въ мои годы, любезный Мордредъ, смѣшно человѣку надѣяться на бракъ съ герцогиней. Я никогда болѣе не встрѣчу второй Гуниверы. Вторая жена лорда Болингброка была французенка. Онъ послѣдовалъ влеченію сердца, скорѣе чѣмъ разсчету.

— Болингброкъ женился на племянницѣ мадамъ де-Ментенонъ, на вдовѣ маркиза.

— Это вѣрно, но все же онъ женился по любви, сказалъ сэръ Обри нетерпѣливо. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ человѣку слѣдуетъ жениться по любви, если только ему приходится жениться вообще. Ему уже и безъ того не долго пользоваться счастьемъ. Въ двадцать лѣтъ, юноша можетъ, соображаясь со своими разсчетами, жениться безъ любви. Молодость, лишенная семейныхъ радостей, можетъ вознаградиться житейскими успѣхами въ зрѣлыхъ годахъ. Въ мои же годы, человѣку не остается уже иныхъ желаній—кромя счастья.

М-ръ Перриамъ глядѣлъ на брата въ безпомощномъ изумленіи, не будучи въ силахъ разрѣшить, было ли слышанное имъ абстрактной философійей—или безуміемъ стараго эгоиста?

— А я полагалъ, что ты вполне доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, мягко сказалъ его братъ. У тебя есть Перриамъ для лѣтней резиденціи, а на зиму антресоль въ предмѣстіи Сент-Оноре — квартирка удобная, и не слишкомъ дорогая. Когда тебѣ надоѣстъ жить въ Перриамѣ, ты ѣдешь въ Парижъ. Парижъ надоѣлъ—возвращаешься въ Перриамъ. У тебя есть и

тутъ и тамъ и сапоги, и туфли, и щетки, и гребни, и платья въ изобиліи; не нужно ни укладываться, ни хлопотать, а твой здѣшній лакей служить тебѣ тамъ и поваромъ и главной прислугой. Что можетъ быть удобнѣе, если ужъ приходится развѣзжать?

— А пустота жизни, а однообразіе ея? сказалъ сэръ Обри. Главное дѣло въ томъ, продолжалъ онъ дѣловымъ тономъ, что за эти послѣдніе годы я пришелъ къ сознанію, что обязанъ жениться. Если я и уклонялся отъ этой обязанности, предпочитая покой и безмятежность холостой жизни, то сознаю теперь себя виновнымъ въ нравственной трусости. Тяжело подумать, что Перриамъ перейдетъ въ совершенно чужія руки.

— Орасу Перриамъ—накрахмаленному франту изъ военнаго министерства, сказалъ Мордредъ. Да, такого огорода, какъ здѣшній, не найдешь во всей западной Англіи! прибавилъ онъ со вздохомъ. Еслибъ ты могъ найти подходящую партію,—я не говорю, именно дочь герцога—но подходящую партію,—дѣвушку хорошей древней фамиліи, гербъ которой Перриамы не постыдились бы включить въ свой гербъ.

Мордредъ пѣлъ ту пѣсню, которую привыкъ слышать изъ устъ своего старшаго брата, и очень былъ удивленъ, найдя баронета равнодушнымъ, и даже относящимся свысока къ вопросу о происхожденіи будущей леди Перриамъ.

— Что же касается фамиліи, отвѣчалъ онъ, то Перриамы должны быть, какъ Бурбоны, настолько велики, чтобы дѣти ихъ считались знатными, не взирая на происхожденіе матери. Сыновья Людовика XIV всѣ были принцами. Современемъ и мой сынъ будетъ сэръ Обри Перриамъ, и не былъ бы ничѣмъ болѣе, если бы матерью его была бѣдная Гунивера.

Мордредъ поспѣшилъ согласиться съ братомъ. Онъ рѣдко пускался въ споры, если они не касались чисто литературныхъ вопросовъ, въ родѣ: почему изгнанъ былъ Овидій, или отчего сошелъ съ ума Тассо; кто скрывался подъ «Желѣзной маской», или кто былъ авторомъ писемъ Юніуса?

— Но, можетъ быть, молодая дѣвушка, понравившаяся тебѣ, принадлежитъ къ хорошей фамиліи нашего графства, сказалъ Мордредъ.

Онъ никакъ не могъ предположить, чтобъ братъ его удостоилъ своего выбора личность, по происхожденію своему ниже дворянскихъ фамилій графства.

Сэръ Обри вздрогнулъ. Онъ всегда былъ ревностнымъ проповѣдникомъ генеалогическихъ догматовъ, жрецомъ своей касты.

Чѣмъ могъ онъ объяснить свое отреченіе отъ божества, неизбежное при поклоненіи дочери сельскаго учителя?

— Я, конечно, видѣлъ особу, которая мнѣ понравилась,—отвѣчалъ онъ, съ замѣчательною застѣнчивостію, съ юношескою почти стыдливостію, сопровождавшею эту позднюю любовь,—очень хорошенькую, очень любезную молодую дѣвушку, вообще восхитительную,—дѣвица, любовью которой долженъ гордиться всякій человѣкъ. Но она не особенно извѣстной фамиліи, или, если ея отецъ и принадлежитъ къ древнему и почтенному роду,—что вовсе не лишено вѣроятности, такъ какъ имя онъ носить королевское, но находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и занимаетъ не особенно высокое положеніе въ свѣтѣ.

— Онъ, можетъ быть, священникъ? нерѣшительно проговорилъ Мордредъ.

— Нѣтъ, онъ не изъ духовнаго званія.

— Господи! воскликнулъ Мордредъ, съ испуганнымъ видомъ, не хочешь ли ты сказать, что онъ изъ купечества?

— Нѣтъ, онъ не торгуетъ.

М-ръ Перриамъ вздохнулъ свободнѣе.

— Я радъ этому, сказалъ онъ. Я живу въ такомъ отчужденіи отъ свѣта, что это могло бы казаться невозможнымъ для меня, но мнѣ было бы положительно непріятно, если бы такое пятно легло на наше имя. Настоящій случай былъ бы опубликованъ въ „Burke's Landed Gentry“, да и безъ того никто бы не забылъ его.

— Не тревожься такими мелочами, любезный Мордредъ, возразилъ сэръ Обри,—быть можетъ, все, о чемъ я толковалъ теперь, не болѣе, какъ праздныя мечты.

— Нѣтъ, тебѣ бы надо жениться, сказалъ Мордредъ, думая о своемъ огородѣ.

Онъ завидовалъ наслѣднику, который получить во владѣніе эти чистенькія дорожки, тянущіяся вдоль градъ, окаймленныхъ букомъ, гдѣ узкая полоска неприхотливыхъ цвѣтовъ, левкоевъ, анютиныхъ глазокъ, резеды или настурцій заслоняли брокколи, или лукъ, которые росли за этой чертой. Милый, старый огородъ, съ его красными глиняными горшками, накрывающими морскую капусту! Что можетъ сравниться съ пріятнымъ травянистымъ запахомъ, которымъ пропитана атмосфера деревенскихъ огородовъ!

— Увы! сказалъ сэръ Обри, вздыхая, я никогда не женюсь иначе, какъ по любви!

М-ръ Перриамъ одобрительно улыбнулся ему черезъ широкій

блестящій столъ; но въ глубинѣ души онъ былъ пораженъ изумленіемъ. Всякая любовь человѣческая, за исключеніемъ его тихой привязанности къ Обри, испарилась изъ сердца его за послѣдніа тридцать лѣтъ. Дѣйствительно, въ этомъ спокойномъ темпераментѣ никогда не было достаточно теплоты, чтобы поддерживать пламя любви. Онъ смотрѣлъ на женщинъ, какъ на особую породу людей, безъ сомнѣнія, полезную въ своемъ униженномъ состояніи, но отъ которой мудрецъ долженъ сторониться подалѣе. На женитбу м-ръ Перриамъ смотрѣлъ, какъ на печальную необходимость для старшихъ сыновей. Младшіе отпрыски благородныхъ родовъ, болѣе счастливые, могли ускользать отъ мученій супружескаго ада. М-ръ Перриамъ находилъ почти невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ обременялъ себя женой, не будучи вынужденнымъ къ такому самопожертвованію наслѣдственными соображеніями. Жена, которая, чего добраго, стала бы таскать съ собой его библиотеки разрозненные томы книгъ, чтобы потомъ сунуть ихъ куда понало, или рыться въ его бумагахъ! Нѣтъ, онъ благодарилъ судьбу, опредѣлившую ему быть младшимъ въ родѣ.

— «По любви, думалъ про себя Обри, только по любви! Какъ Мордредъ и весь свѣтъ стали бы смѣяться надо мной, еслибы я позволилъ себѣ этотъ безумный поступокъ. Влюбиться пятидесяти-семи лѣтъ отъ роду, и въ дѣвочку, которая по возрасту своему могла бы быть моею внучею! Это, дѣйствительно, чистое сумасшествіе. Однако, если допустить возможность глубокой привязанности въ человѣкѣ моихъ лѣтъ, то она должна быть возможной и для меня. Я не растрчивалъ запаса своихъ чувствъ на мимолетныя страсти. Жизнь моя была чужда увлеченій, которыя сушатъ сердца иныхъ людей. Несмотря на позднее проявленіе чувства, я вполне способенъ искренно любить и привлечь къ себѣ вѣрное сердце, если у меня хватитъ на это рѣшимости. Довѣрюсь ли я влеченію моей прихоти и положусь ли на красоту этихъ глазъ и устъ, обѣщающихъ столько невинности и искренности?»

Дворецкій вошелъ въ столовую, чтобы зажечь свѣчи въ высожхъ серебрянныхъ канделябрахъ псевдо-классическаго рисунка.

— Прикажите Моргану осѣдлатъ мнѣ Сплинтера, сказалъ сэръ Обри: я хочу проѣхаться верхомъ.

— Такъ поздно, Обри? воскликнулъ Мордредъ, любившій мирно проводить вечера въ обществѣ брата.

Ему было всегда пріятно распространяться по поводу своего послѣдняго пріобрѣтенія съ человѣкомъ изъ своей среды; если же подъ-часъ Обри и не слушалъ его, то Мордредъ былъ такъ

поглощенъ собственными разсужденіями, что не замѣчалъ невнимательности брата.

— Я люблю кататься въ сумерки, отвѣчалъ баронетъ, а и вчера вернулся домой около десяти часовъ.

— Да, сказалъ Мордредъ, вздыхая. — Я радъ буду наступленію зимы, когда мы возвратимся снова къ старымъ порядкамъ — затопимъ пожарче каминъ въ салонѣ, и опять станемъ съ тобой посиживать у камельба въ длинные зимніе вечера.

— Это довольно скучно, протянулъ сэръ Обри, тѣвая.

— Скучно, когда мы пользуемся обществомъ другъ друга?

— Да, это все прекрасно. Но развѣ ты думаешь, что для такихъ двухъ стариковъ, какъ мы съ тобой, красивое молодое личико не оживило бы картины — невинная, веселая дѣвушка, которая была бы моей женой, и годилась бы намъ обоимъ въ дочери, звонкій голосокъ которой наполнялъ бы музыкой этотъ старый домъ? Настоящая жизнь наша довольно монотонна; не кажется ли тебѣ, что рисуемая мною перемѣна сдѣлаетъ насъ счастливѣе? А, Мордредъ?

— Перемѣны, нарушающія спокойствіе, въ погонѣ за счастьемъ, часто оканчиваются разочарованіемъ, отвѣчалъ м-ръ Перриамъ, съ поучительностью Солона. — Рѣчь эта не могла быть пріятна сэру Обри, и онъ разсердился на брата... что бывало очень рѣдко, такъ какъ онъ съ покровительственной мягкостью относился къ своему младшему брату, странности котораго граничили съ слабоуміемъ.

— Сплинтеръ у подѣзда, сэръ Обри, доложилъ дворецкій, — и сэръ Обри, не говоря больше ни слова Мордреду, уѣхалъ.

— Ахъ! вздохнулъ братъ его, глядя вслѣдъ всаднику и лошади, которые скрылись въ вечернемъ полумракѣ: вотъ что значить допустить мысль о женщинѣ. Онъ уже измѣнился ко мнѣ!

Сэръ Обри выбралъ кратчайшій путь къ Гедингему.

Эта прогулка верхомъ въ такую позднюю пору была, конечно, дикой фантазіей — но запахъ боярышника былъ такъ душистъ, воздухъ такъ мягокъ, а легкій вѣтерокъ, дувшій съ отдаленнаго моря, разносилъ въ воздухъ свѣжій ароматъ скошенной травы. Въ сущности, не было никакой разумной причины, почему бы сельскому жителю предпочесть одинокую дремоту въ любимомъ креслѣ пріятному наслажденію вечернимъ ландшафтомъ. Но едва ли сэръ Обри обращалъ вниманіе на окружающій его ландшафтъ. Мысли его летѣли быстрѣе Сплинтера, и опередивъ его, остановились на Сильвіи Керью. Онъ никакъ не могъ придумать предлога для своего поздняго появленія въ школьномъ домѣ. Въ те-

ченіе всего дня онъ противился влеченію, манившему его туда, и вдругъ теперь, вечеромъ, послѣ безплодной борьбы съ увлеченіемъ, не устоялъ передъ своей фантазіей.

Какой же предлогъ изобрѣтеть онъ для нарушенія уединенія школьнаго учителя? Онъ, всемогущій владѣлецъ всей мѣстности, сталъ положительно вступилъ передъ этимъ вопросомъ. Миссъ Керью не была картиной, висящей на стѣнѣ публичной галлерей, очаровательныя черты которой выставлены на показъ постороннимъ людямъ. Какъ ни стоялъ онъ высоко въ обществѣ сравнительно съ ними, но все же существовали нѣкоторыя приличія, которыхъ онъ не считалъ себя въ правѣ нарушать.

Оставивъ свою лошадь въ гостинницѣ, онъ пошелъ по направленію къ школьному дому. Огонекъ свѣтился въ пріемной, но дверь была заперта. Онъ рассчитывалъ застать м-ра Керью курящимъ трубочку въ открытыхъ дверяхъ, по вчерашнему.

Постучаться въ дверь казалось ему дѣломъ очень серьезнымъ, которое могло принудить его къ весьма рѣшительному шагу впоследствии.

Въ сомнѣніи онъ оглянулся кругомъ. Несмотря на раннее время, не видно было ни души. Тусклые огоньки мелькали кое-гдѣ въ окнахъ домиковъ. Дѣтскіе голоса замолкли. Гедингемскій день пришелъ къ концу. Сэръ Обри подумалъ, что время дѣйствительно очень позднее.

Онъ вынулъ часы изъ кармана; было еще настолько свѣтло, что онъ различилъ стрѣлки на бѣломъ циферблатѣ. Безъ четверти девять! Нѣтъ, положительно слишкомъ поздно для визита. Все равно, онъ удовлетворилъ свою фантазію этой вечерней прогулкой; ему болѣе ничего не остается, какъ вернуться домой.

Но... чу! что тамъ такое? Какая-то бѣлая движущаяся тѣнь мелькала подъ темными деревьями кладбища. Женское платье—высокая и стройная фигура дѣвушки, одѣтой въ бѣломъ. Два раза уже видѣлъ онъ Сильвію въ бѣломъ платьѣ.

Не она ли это?

Онъ обошелъ кругомъ къ калиткѣ, которая вела на кладбище, и вошелъ въ этотъ мирный пріютъ тѣней, мрачная тишина котораго напоминала о глубокомъ покоѣ тѣхъ, кто лежалъ въ этихъ могилахъ. Онъ медленно подвигался, оглядываясь кругомъ, какъ-бы разглядывая памятники, и черезъ нѣсколько минутъ достигъ предмета своихъ поисковъ.

Это была не кто иная, какъ Сильвія. Онъ нашелъ ее сидящей на низкой могилѣ, въ задумчивой позѣ: голова ея лежала

на сложенныхъ рукахъ, которыми она облокотилась на другой памятникъ, стоящій выше той могилы, на которой она сидѣла.

— «Какое прелестное изображеніе раздумья, подумалъ сэръ Обри. Однакожь, о чемъ можетъ она такъ глубоко задумываться?»

Мечтательница встрепенулась при звукѣ приближающихся шаговъ. Сильвія подняла голову и взглянула на него, едва узнавая его въ этой густой тѣни.

— Добрый вечеръ! миссъ Керью. Я, вѣжета, прервалъ пріятныя мечты?

— Нѣтъ, сэръ Обри, мысли мои были очень грустныя. Я благодарна случаю, который ихъ разсѣялъ.

— Чтѣ можетъ молодость и красота имѣть общаго съ печалью? Дѣвушка не нашла, что отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Полагаю, что въ жизни каждаго есть свои заботы. Теперь же я задумалась надъ чужимъ горемъ.

— Я такъ и думалъ. Молодость и невинность не знаютъ собственныхъ заботъ. Пожалуйста, миссъ Керью, помните, что если вамъ понадобится другъ, то я къ вашимъ услугамъ. Какъ владѣлецъ этой мѣстности, я принимаю живѣйшее участіе во всемъ касающемся Гедингема, прибавилъ онъ, чтобъ его дружескія увѣренія не показались странными молодой дѣвушкѣ.

Это вступленіе тотчасъ придало всей рѣчи официальный тонъ.

— «Чтѣ бы ему дать мнѣ денегъ, которыя я могла бы послать м-съ Карфордъ, подумала Сильвія, такъ какъ воспоминаніе о вчерашней посѣтительницѣ не покидало ее во весь день;—но я не могу унизиться до просьбы. Да и безъ сомнѣнія, это не болѣе, какъ пустая учтивость съ его стороны.»

— Вашъ батюшка дома, полагаю? спросилъ баронетъ.

— Дома, сэръ Обри.

— Мнѣ бы хотѣлось заглянуть къ нему на минутку, чтобъ переговорить о новомъ школьномъ домѣ, если только вы увѣрены, что онъ теперь не занятъ.

— Я навѣрное это знаю. Онъ обыкновенно по вечерамъ читаетъ только газеты. Ваше посѣщеніе будетъ для него очень пріятно.

ГЛАВА XX.

„Прекрасна какъ ангелъ небесный,—какъ демонъ коварна...“

Хотя баронетъ и предложилъ навѣстить м-ра Керью, однако не торопился покинуть тѣмный уголокъ на старомъ кладбищѣ. Сегодня ему впервые довелось встрѣтиться съ Сильвией наединѣ, и онъ не хотѣлъ упустить такого удобнаго случая. Ему хотѣлось разузнать кое-что изъ прошлой жизни дѣвушки, которая завладѣла его сердцемъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться. Ея отецъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ держать языкъ за зубами, если только это нужно; но прелестными устами молодой дѣвушки необходимо должна вѣщать сама истина.

— Какъ красива эта старая церковь, сказала сэръ Обри, словно мысли его были заняты археологическими. — Вы, полагаю, давно уже живете въ Гедингемѣ, миссъ Керью? продолжалъ онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей.

— Съ тѣхъ поръ, какъ только себя помню... Всю мою жизнь.

— Значитъ, вы родились здѣсь.

— Нѣтъ.

Къ счастью для Сильвии темнота скрыла краску стыда, разлившуюся у ней по лицу. Она даже не знала, гдѣ собственно родилась: отецъ ея не любилъ говорить о прошломъ. Что ей отвѣчать сэрю Обри, если тотъ вздумаетъ расспрашивать объ ея родинѣ?

— У вашего батюшки, сколько я замѣтилъ, акцентъ вовсе не провинціальны, продолжалъ сэръ Обри, стараясь придать своему допросу чисто свѣтскую форму. Онъ, должно быть, лондонскій уроженецъ.

— Онъ прѣхалъ сюда изъ Лондона.

— Однако фамилія Керью происходитъ изъ западныхъ провинцій.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Сильвия растерянно; затѣмъ, сообразивъ, что нѣкоторая доля откровенности лучше выручитъ ее, чѣмъ упорная сдержанность, прибавила:

— Мой отецъ началъ свою карьеру при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, какъ мнѣ кажется, и не любитъ говорить о прошломъ. Я знаю только, что мы живемъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ только я себя помню и безъ всякихъ перемѣнъ. Такая жизнь довольно монотонна.

Эта жалоба показалась сэру Обри нѣсколько ребяческой. Онъ по собственной охотѣ велъ однообразную жизнь въ послѣднія тридцать лѣтъ, переѣзжая съ точностью заведенныхъ часовъ изъ Перріамскаго замка въ предмѣстье Сентъ-Оноре и живя въ Парижѣ почти такъ же уединенно, какъ и въ Перріамѣ.

— Прекрасное дитя, сказалъ онъ съ важнымъ видомъ: юность охотно увлекается беспокойными фантазіями. Когда вы будете постарше, то поймете, что нѣтъ счастливѣе жизни, текущей ровно и безмятежно среди знакомой обстановки.

Сильвія вздохнула, но не стала спорить съ сэромъ Обри. Она только подумала, что владѣй она той силой, какую придавало ему богатство, она не стала бы владѣть однообразное существованіе. Ея юный, честолюбивый умъ жаждалъ разнообразія. Сильвія Керью обладала въ значительной степени тѣмъ качествомъ, которое крайне пагубно для сердца, но весьма способствуетъ развитію ума. Она была честолюбива, и честолюбіе, развившееся въ одиночествѣ и питавшееся мечтами, лежало въ основѣ ея страстнаго желанія переменъ.

— Вы, во всякомъ случаѣ, можете похвалиться своимъ счастьемъ, что живете въ такомъ прелестномъ мѣстѣ, какъ Гедингемъ, произнесъ баронетъ.

— Развѣ оно въ самомъ дѣлѣ такъ красиво? Вы видѣли Дунай, Шварцвальдъ... Гарцъ... Тироль... Альпы... Римъ... Венецію... и тѣмъ не менѣе находите Гедингемъ красивымъ!

Она безъ запинки произнесла имена рѣки, лѣса, горъ и городовъ. Они вертѣлись у ней на языкѣ; такъ страстно хотѣлось бы ей увидѣть ихъ.

— Да, проговорилъ сэръ Обри, съ небрежной томностью, которая была не безъ пріятности. Я совершилъ обязательное путешествіе. Во дни моей молодости это было утомительнымъ дѣломъ. Путешественника ожидалъ нескончаемый рядъ плохихъ гостинницъ, допотопныя почтовые кареты, пыль и худыя дороги, и... гмъ... насѣкомые, которыхъ приличіе не позволяетъ мнѣ назвать. Въ мое время считалось необходимымъ, чтобы джентльменъ совершилъ путешествіе по Европѣ. Въ настоящее время путешествуютъ вульгарные люди. На Риги ведетъ желѣзная дорога, а Мон-Бланъ сталъ незначительнымъ холмомъ для современныхъ любителей лазать по горамъ.

Сильвія вздохнула. Она начинала сознавать, что родилась слишкомъ поздно. Міръ сталъ, такъ сказать, вульгаренъ и вся слава земли испарилась, какъ дымъ.

— Угодно вамъ идти теперь къ папѣ, сэръ Обри? спросила она, вставая съ могилы.

— Если вы будете такъ добры провести меня къ нему.

Сэръ Обри сознавалъ, что развѣдано имъ очень немного. Конечно, пріятно было услышать, что отецъ женщины, которую онъ любилъ, знавалъ лучшія времена; однако, такъ какъ викарій говорилъ ему то же самое, то онъ немного вынесъ изъ разговора съ Сильвией. Она была по виду похожа на леди, думалось ему, хотя и не обладала тѣми свѣтскими манерами, которыя ему пріятно было бы видѣть въ будущей леди Перриамъ. Ея рѣчь отличалась откровенностью и непринужденностью, какія можно встрѣтить лишь въ людяхъ, не вышколенныхъ свѣтскимъ воспитаніемъ. Всѣ красавицы, которыми до сихъ поръ восхищался сэръ Обри, отличались граціозной томностью, изящной медлительностью въ движеніяхъ. Эта же дѣвушка производила такое впечатлѣніе, какъ будто въ жилахъ ея текла ртуть. Но за то она была милѣе всѣхъ красавицъ, какихъ онъ когда-либо встрѣчалъ въ свѣтѣ; въ самой энергіи ея движеній, въ которой не было ничего грубого или отталкивающаго, — въ ея живости была такая своеобразная, невинная прелесть. А эти каріе глаза, которые она теперь устремляла на него... эта матовая бѣлизна ея чуднаго лица! Гдѣ, кромѣ какъ въ итальянскихъ картинахъ, могъ онъ найти другую такую красавицу?

Онъ послѣдовалъ за нею по узкой тропинкѣ и вошелъ черезъ калитку въ садъ, гдѣ кусты лаванды сѣрѣли, облитые сіяніемъ звѣздъ.

— Папѣ, сказала Сильвія, входя въ пріемную: сэръ Обри Перриамъ желаетъ переговорить съ вами о шеолѣ.

М-ръ Керью отложилъ въ сторону свою трубку и послѣшню всталъ на встрѣчу важному гостю.

Да! цѣлая пропасть отдѣляла этого гостя отъ злополучной посѣтительницы, явившейся въ прошедшую ночь. Школьный учитель сильнѣе былъ тронутъ этой неожиданной честью, чѣмъ этого можно было ожидать отъ человѣка съ его темпераментомъ, но сумѣлъ скрыть свое волненіе и встрѣтилъ сэра Обри такъ спокойно, какъ будто принимать у себя баронетовъ было для него привычнымъ дѣломъ.

Совсѣмъ тѣмъ сердце его исполнилось чувства торжества.

— Зачѣмъ ему приходится сюда, какъ не затѣмъ, чтобы видѣться съ нею? спрашивалъ онъ самого себя; — а если человѣкъ въ его годы влюбится, то влюбится безъ памяти. Будь онъ молодой человѣкъ, я бы не придавалъ особаго значенія его посѣ-

щеніямъ. Но съ ея стороны такой образъ дѣйствій весьма знаменателенъ.»

Баронетъ заговорилъ о школѣ и сумѣлъ придать дѣловой характеръ своему визиту. Дѣйствительно ли новая школа необходима для Гедингема, или это просто капризъ викарія? И исполнѣ ли удовлетворительно настоящее мѣстоположеніе для школы, или можно избрать лучшее? И находятъ ли эта мысль сочувствіе среди Гедингемскаго населенія? Прежде чѣмъ обѣщать свою помощь, сэръ Обри желалъ удостовѣриться во всемъ этомъ.

Всѣ эти вопросы были повидимому исполнѣ естественны со стороны мѣстнаго землевладѣльца. Но Джемсъ Керью усмотрѣлъ въ нихъ одинъ пустой предлогъ и замѣтилъ, что глаза баронета невольно обращались въ ту сторону, гдѣ сидѣла Сильвія, спиной къ открытому огню, причемъ ночной вѣтерокъ тихо игралъ ея волосами.

— Вы, миссъ Керью, охотница до книгъ, какъ я вижу, сказала сэръ Обри, поглядывая на углубленіе въ стѣнѣ близъ камина, гдѣ висѣли три небольшихъ крашенныхъ полки, убранныя голубыми лентами. Эти голубые лоскутки объяснили баронету, кому принадлежать книги.

— Да, отвѣчалъ отецъ, не безъ гордости, она прилежитѣ, чѣмъ большая часть дѣвушекъ ея возраста, и самоучкой научилась французскому и нѣмецкому языкамъ... да, кажется, знаетъ немного по-латыни, въ чемъ я ей помогать.

Онъ зачастую ворчалъ на любознательныя наклонности дочери, жалуясь, не совсѣмъ справедливо, что Сильвія неглижируетъ его комфортомъ изъ-за того, чтобы сидѣть за книгами. Но сегодня вечеромъ онъ находилъ, что эти наклонности заслуживаютъ похвалы.

Сэръ Обри подошелъ къ полкамъ и поглядѣлъ на книги. Тутъ были: *Вертеръ* въ оригиналѣ, *Евгенія Грандэ* и *Фаустъ* тоже въ оригиналѣ; *Жирондисты* Ламартина, *Оды и Баллады* Виктора Гюго, и съ дюжину другихъ въ этомъ родѣ. Всѣ принадлежали къ классическимъ сочиненіямъ.

Сэръ Обри взялъ наудачу одну изъ книгъ. То былъ «*Вертеръ*». Онъ раскрылъ книгу и на первой страницѣ увидѣлъ нѣчто, поразившее его такъ, какъ будто рука его коснулась змѣи:

Сильвіи

Отъ Эдмонда

Въ память воскресенья, 4-го апрѣля.

Въ этотъ день Эдмондъ Стенденъ впервые увидѣлъ Сильвію въ церкви.

— Отъ Эдмонда, проговорилъ сэръ Обри, глядя на надпись. — Это вашъ братъ или кузенъ, полагаю.

— У ней нѣтъ ни братьевъ, ни кузеновъ, отвѣчалъ м-ръ Керью, бросая свирѣпый взглядъ на дочь.

Эти самыя книги стояли надъ его головой въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ, а онъ и не потрудился взглянуть на нихъ.

— Должно быть какой-нибудь сельскій поклонникъ, сказалъ баронетъ, спокойно, хотя сердце его сжалось отъ ревности.

Въ то время какъ онъ обсуждалъ съ самимъ собой: оскорбить или не оскорблять боговъ-покровителей Перриамской фамилии неравнымъ бракомъ, эта дѣвушка, чего добраго, уже была обручена съ какимъ-нибудь деревенскимъ олухомъ, мечты котораго не шли дальше онтукатуренной избы и бесѣдки изъ испанскихъ бобовъ.

М-ръ Керью, усмотрѣвъ подводный камень, о который могли разбиться его тайныя мечты, быстро сообразилъ, послѣ минутнаго раздумья, что откровенность всего выгоднѣе въ настоящемъ случаѣ. Въ концѣ-концовъ его дочь могла только выиграть, если онъ сообщитъ, что человѣкъ, выше стоящій, чѣмъ она, по своему общественному положенію, добивался ея руки.

Возможно было, что баронетъ отличается тѣмъ ревнивымъ нравомъ, который заставляетъ человѣка отказываться отъ преслѣдованія любимѣйшей мечты, если только онъ узнаетъ, что у него есть соперникъ. Но, къ счастью, такіе узкіе и исключительные характеры попадаются весьма рѣдко. Кромѣ того, м-ръ Керью сообразилъ, что ухаживаніе м-ра Стендена за его дочерью врядъ ли укрылось отъ деревенскихъ сплетниковъ и, по всей вѣроятности, дойдетъ до ушей сэра Обри.

Да, несомнѣнно, что откровенность будетъ самой вѣрной тактикой.

— М-ру Стендену врядъ ли бы понравилось, еслибы онъ узналъ, что его называютъ сельскимъ поклонникомъ.

— Стенденъ! какъ, сынъ банкира?

— Да. Онъ имѣлъ несчастіе влюбиться въ мою неразумную дочку, а она была такъ безразсудна, что до нѣкоторой степени обвадела его. Но теперь все это покончено. Юный джентльменъ былъ у меня вчера утромъ съ предложеніемъ и я рѣшительно отклонилъ его исканія.

— Вы отказали ему? спросилъ баронетъ.

— Безусловно. Вы какъ будто удивлены, сэръ Обри. Вы находите, что сынъ банкира былъ бы весьма хорошей партіей для дочери приходскаго школьнаго учителя. И я съ вами согласился бы, не будь тутъ особаго обстоятельства. Женившись на моей дочери, онъ поступилъ бы вопреки желанію своей матери. А хотя я и человекъ бѣдный, но ставлю честь выше личныхъ интересовъ. Я не потерплю, чтобы дочь моя вступила въ семью, гдѣ ей не рады.

Все это звучало очень благородно, тѣмъ болѣе, что изъ словъ м-ра Керью нельзя было узнать о томъ, что м-съ Стенденъ могла лишиться сына наслѣдства.

— Я вполне сочувствую вамъ, сэръ, произнесъ баронетъ, украдкой взглядывая на Сильвію, чтобы видѣть, принимаетъ ли она этотъ предметъ близко къ сердцу.

Лицо, наклоненное надъ работой, ничего ему не сказало. Онъ видѣлъ только красивый молодой лобъ, опущенныя вѣки съ каштановыми рѣсницами. Поза выражала безмятежный покой. Страсть врядъ ли волновала сердце, бывшее въ этой спокойной груди.

Обсудивъ со всѣхъ сторонъ любимую задачу викарія, сэръ Обри не находилъ больше предлога оставаться. Однако онъ медлил уходить, толкуя о селеніи и его окрестностяхъ, стараясь выяснить себѣ, какаго рода человекъ былъ м-ръ Керью. Человекъ образованный—это прежде всего, и человекъ, враждавшійся нѣкогда въ хорошемъ обществѣ. Честь присутствія сэра Обри, повидимому, вовсе не ослѣпляла его.

Небольшіе голландскіе часы пробили десять, и сэръ Обри всталъ, вздрогнувъ, какъ виноватый.

— Создатель! какъ я засидѣлся; прошу васъ извинить меня, сказалъ онъ: эти лѣтніе вечера могутъ ввести въ заблужденіе.

— Пожалуйста не извиняйтесь, сэръ Обри, въ томъ, что засидѣлись. Вечеръ единственное время, когда я свободенъ и могу принять гостя.

— Значить, я могу навѣдаться снова какъ-нибудь вечеромъ и узнать какъ подвигается дѣло? спросилъ сэръ Обри, совершенно игнорируя тотъ фактъ, что ничего серьезнаго не могло случиться раньше двухъ лѣтъ.

— Я буду весьма польщенъ вашимъ посѣщеніемъ, сэръ Обри.

— Вы очень добры, отвѣчалъ баронетъ, и затѣмъ прибавилъ съ нѣкоторой запинкой: если какъ-нибудь вамъ вздумается, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, привести миссъ Керью осмотрѣть

Перриамъ, — если только она его еще не видала, — то я съ радостью покажу вамъ домъ и сады. Въ нихъ нѣтъ никакихъ затѣй, никакихъ вздорныхъ выдумокъ, которыя въ модѣ въ настоящее время, но сады велики, а домъ хорошо построенъ. Быть можетъ, вы найдете, что ихъ стоить осмотрѣть.

— Мы съ радостью придемъ, сэръ Обри. Ни я, ни моя дочь, мы еще не видали Перриамъ-Плэса.

— Почему бы въ такомъ случаѣ не назначить дня? Можете вы придти завтра.

— Мы никуда не отозваны, сказалъ м-ръ Керью съ своей нѣсколько горькой улыбкой.

— Ну, такъ условимся на завтра. Я буду ждать васъ въ девять часовъ и вы можете сообщить мнѣ, если вамъ придетъ въ голову какая-нибудь новая мысль на счетъ школы. Не прислать ли мнѣ экипажъ за вами?

— Вы слишкомъ добры, сэръ Обри. Нѣтъ, благодарю васъ; мы лучше придемъ пѣшкомъ въ Перриамъ. Пріятно будетъ прогуляться по полямъ.

— Пусть такъ. Мой братъ и я, мы вамъ покажемъ домъ и сады. Не лучше ли вамъ придти въ половинѣ восьмого. Послѣ девяти часовъ, пожалуй, будетъ слишкомъ темно, сказалъ сэръ Обри серьезно.

Такая перестановка времени заставитъ его раньше отобѣдать, а это обстоятельство весьма важно для джентльмена, привыкшаго къ аккуратной жизни.

— Мы придемъ въ половинѣ восьмого, сэръ Обри, если это для васъ удобнѣе, отвѣчалъ школьный учитель.

— Благодарю васъ, прощайте. Прощайте, миссъ Керью. Не смѣйтесь надъ старомодными обычаями въ Перриамѣ. Говорятъ, что мы отстаемъ на полвѣка. Но Перриамы были торіями съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали называться Перриамами. Доброй ночи!

И нѣжно пожавъ руку Сильвіи, сэръ Обри ушелъ.

М-ръ Керью проводилъ его до садовой калитки съ церемонной вѣжливостью. Онъ умѣлъ провести тонкую грань, отдѣляющую уваженіе, должное лэндлорду, и подобострастіе раболѣпнаго ума. Онъ остановился у калитки и наблюдалъ за изящной, стройной фигурой, пока та не скрылась въ полумракѣ лѣтней ночи. Затѣмъ медленно вернулся въ пріемную.

Сильвія отложила въ сторону свою работу. Она сидѣла въ небрежной позѣ, уставивъ глаза въ полъ, и казалась погруженной въ глубокую думу.

М-ръ Керью съ любопытствомъ поглядѣлъ на нее, запирая дверь, и медлительно проговорилъ:

«There is a tide in the affairs of men,
«Which, taken at the flood, leads on to fortune!»¹⁾

И этимъ ограничились всѣ комментаріи по поводу визита сэра Обри.

ГЛАВА XXI.

„Ахъ! чувство женское легко!..“

На слѣдующій день утренняя почта принесла Сильвіи письмо отъ Эдмонда Стендена, письмо, написанное изъ Сууттемптона въ ночь до отхода почтового парохода изъ этого порта. То было первое письмо, полученное ею отъ ея милаго. Въ Гедингемѣ имъ легко было видѣться, а потому не было никакой надобности въ перепискѣ. И ей сладко было получить это первое любовное письмо, хотя въ сладости примѣшивалась нѣкоторая горечь. Столько препятствій заграждало тотъ путь, который они обѣщали другъ другу пройти рука объ руку. Сильвія пролила нѣсколько слезъ надъ этимъ письмомъ и поцѣловала бумагу, въ которой прикасалась рука ея милаго. Въ самомъ дѣлѣ, то было письмо, которымъ бы могла гордиться всякая женщина... письмо, дышавшее такой честной и искренней любовью, какую когда-либо внушала женщина; мужественное письмо, въ которомъ молодой человѣкъ довѣрчиво, хотя и не беззаботно говорилъ о той борьбѣ, какую онъ готовился выдержать, чтобы завоевать себѣ домашній очагъ.

«Я уже началъ готовиться къ битвѣ, дорогая», писалъ онъ, «и стараюсь пополнить недостатки образованія, имѣвшаго въ виду скорѣе литературныя, чѣмъ коммерческія цѣли. Я запасся нѣсколькими лучшими сочиненіями о финансовыхъ и банкирскихъ оборотахъ, когда проѣзжалъ черезъ Лондонъ, и намѣренъ основательно изучить ихъ во время дороги. Я надѣюсь, что образу изъ себя хорошаго банкира, по крайней мѣрѣ въ теоріи, къ тому времени какъ вернусь въ Англію, такъ что могу явиться къ директорамъ Монегемптонскаго банка съ двойной рекомендаціей: отцовскаго имени и моихъ собственныхъ познаній».

¹⁾ „Въ человѣческихъ дѣлахъ есть свой приливъ; воспользуешься имъ, онъ къ счастью приведетъ...“ Шекспиръ: „Юлій Цезарь“. Это изреченіе послужило темой для заглавія романа, которое мы замѣнили равнозначущей русской пословицей.

Это были единственные дѣловыя строчки письма. Остальное было наполнено разсужденіями о розовой будущности, о райскомъ блаженствѣ, которое довѣрчивая юность склонна искать на землѣ. Но каждое слово этого письма отозвалось въ сердцѣ Сильвіи. Она такъ глубоко вѣрила ей. Ни тѣни сомнѣнія не высказывалось въ этомъ письмѣ. Оно было написано женщиной, въ которую авторъ письма вѣрилъ, какъ въ самого себя.

— Я была бы самой низкой изъ женщинъ, если бы обманула такую привязанность, подумала Сильвія, со вздохомъ пряча драгоценное письмо. И совсѣмъ тѣмъ я не предвижу счастливаго исхода для нашей любви.

Въ ея воображеніи рисовался иной путь, который не грозилъ опасностями, а, напротивъ, казался усыпаннымъ розами. Но только геній супружеской любви не освѣщаль своимъ факеломъ этого пути. На немъ росли розы житейскаго благополучія—розы людскаго почета и уваженія, витали слова великой побѣды. Но любовь отворачивала лицо отъ этого зрѣлища, и вѣщала:—здѣсь мнѣ нѣтъ мѣста!

— Нѣтъ, сказала Сильвія, я не могу измѣнить ему.

Въ несчастію, когда женщина говоритъ самой себѣ, что она не можетъ обмануть, то это вѣрный знакъ, что она замышляетъ измѣну.

М-ръ Керью былъ особенно вѣжливъ съ дочерью весь этотъ день. Въ тонѣ, съ какимъ онъ говорилъ съ ней, звучала новая нота, которой Сильвія дивилась. Она не знала, что эта неприличная любезность относилась къ будущей леди Перриамъ.

— Не нужно ли тебѣ новой шляпки или еще чего-нибудь, чтобы прилично одѣться на сегодняшній вечеръ? спросилъ онъ, когда наступилъ полуденный отдыхъ и школьники ушли домой обѣдать.

— Мнѣ нужно кучу вещей, папá, отвѣчала дѣвушка поспѣшно. Но если вы дадите мнѣ фунтъ, то этого будетъ достаточно.

— Фунтъ! вскричалъ м-ръ Керью: ты, кажется, воображаешь, что я купаюсь въ золотѣ? Вотъ тебѣ поль-соверена. Намъ трудно будетъ дотануть до жалованья, но ужъ какъ-нибудь перебьемся.

— Благодарю васъ, папá, поль-соверена все же лучше, чѣмъ ничего.

— Смотри, будь какъ можно милѣе сегодня вечеромъ.

— Зачѣмъ, папа? неужели вы полагаете, что два такихъ старыхъ джентльмена, какъ сэръ Обри и м-ръ Перриамъ, обращать вниманіе на мою наружность?

— Сэръ Обри—джентльменъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Прошу не называть его старикомъ.

Когда начались послѣобѣденные уроки и м-ръ Керью снова погрузился въ свои обязательныя занятія, Сильвія открыла свой портфель, взяла конвертъ и написала на немъ слѣдующій адресъ: «Миссисъ Вуде, для передачи миссисъ Карфордъ, Белль-Алле, Феттеръ-Лэнтъ».

Она написала только одну строку на листѣ бумаги:

«Посылаю небольшое пособіе... это все, что у меня есть».

Ни подписи и ни слова болѣе. Въ этотъ листокъ бумаги она завернула полъ-соверена и старательно запечатала конвертъ. Сдѣлавъ это, она пошла въ почтовую контору и сдала свое письмо.

— Я посылаю своей кормилицѣ свои небольшія карманныя деньги, сказала она м-ру Проссеру, аптекарю, въ поясненіе своего необыкновеннаго поступка. Деревенскіе жители обязаны объяснять свое поведеніе, если оно нѣсколько уклоняется отъ обычной колен.

Быть можетъ, этотъ самоотверженный поступокъ былъ первымъ добрымъ дѣломъ Сильвіи. Быть можетъ, также судьба рѣшила, что онъ будетъ и послѣднимъ.

Она слабо вздохнула, опуская письмо въ ящикъ; ей представился въ эту минуту монкгемптонскій магазинъ галантерейныхъ товаровъ и промелькнула мысль о лентахъ, которыя она могла бы купить на эти десять шиллинговъ и нѣсколько освѣжить ими простенькое кисейное платье, которое ей предстояло выгладить въ вечеру. Опрятность была единственная роскошь, которую могла позволять себѣ миссъ Керью, да и тутъ она не могла рассчитывать на чужую помощь.

Совсѣмъ тѣмъ, когда наступила половина седьмого и Сильвія вышла одѣтая, чтобы идти въ Перриамъ, то оказалось, что никакой ленты не требуется для того, чтобы рельефнѣе выставить ея красоту, главная прелесть которой заключалась въ ея идеальности. То не была дюжинная чувственная красота бездушнаго созданія, но измѣнчивая прелесть существа мыслящаго. Пытливый глазъ опытнаго фізіономиста, быть можетъ, нашелъ бы въ ней отсутствіе той еще болѣе возвышенной прелести, которая сообщается благородствомъ натуры; но опытные фізіономисты, въ счастію, встрѣчаются рѣдко, и всякій, кто ни глядѣлъ на Сильвію, видѣлъ, по болѣе части, что она одарена красотой и умомъ, и считалъ, что она не можетъ не быть добра.

М-ръ Керью показался своей дочери совсѣмъ новымъ чело-

вѣкомъ въ то время, какъ они проходили по полямъ порою мимо краснаго клевера, порою мимо пшеницы, ожидавшей серпа, то мимо рощи, въ которой птицы чиркали въ темной листвѣ дуба и вяза. Онъ разговаривалъ съ удивительною веселостію, хвалилъ изящную вѣншность и манеры сэра Обри и замѣтилъ вскользь, что нѣтъ положенія въ здѣшнемъ мірѣ пріятнѣе положенія помѣщика, владѣющаго незаложеннымъ имѣніемъ; напиралъ на богатство Перриамовъ, на ихъ спокойный образъ жизни, благодаря которому капиталъ ихъ долженъ былъ расти изъ года въ годъ, подобно кошке снѣга, который катится съ горы.

Сильвія слушала и вздыхала съ сожалѣніемъ, и думала о томъ дорогомъ письмѣ, которое было заперто у ней въ портфель.

— «Я бы желала, чтобы Эдмондъ вовсе не любилъ меня», думала она, размышляя объ авторѣ письма въ то время, какъ нѣкогда учитель говорилъ о сэрѣ Обри. «Мы оба были бы счастливы».

Перриамъ былъ построенъ въ долинѣ, по обычаю нашихъ дѣдовъ, искавшихъ защиты отъ рѣзкихъ вѣтровъ предпочтительнѣе передъ живописностію возвышеннаго мѣстоположенія, и никогда не строившихъ своихъ жилищъ на возвышенностяхъ иначе, какъ ради наступательныхъ или оборонительныхъ цѣлей. Вокругъ Перриамскаго замка раскидывались плодороднѣйшіе луга во всей мѣстности,—луга, поросшіе такими богатыми деревьями, что трудно было сказать, гдѣ собственно кончается паркъ и начинается ферма. Между тѣмъ, настоящій паркъ не былъ великъ, но заимствовалъ свое величіе отъ длинной аллеи, усаженной двойнымъ рядомъ деревьевъ, въ которой высокіе старыя вязы отходили на задній планъ, оставляя впереди мѣсто для пихтъ, считавшихся красивѣйшими въ цѣлой Англіи. Величественная каменная арка съ домикомъ для привратника вела въ эту аллею.

М-ръ Керью и его дочь прошли въ Перриамъ не черезъ главный входъ. На окраинѣ парка стояла въ лощинкѣ маленькая старинная церковь, обнесенная ветхою каменною стѣной, въ расщелинахъ которой обильно росъ папоротникъ и къ которой вела узкая тропинка съ рогатой; пройдя въ нее, гуляющіе вступали прямо въ паркъ. Возвышенная терраса итальянскаго сада почти приходилась въ уровень со стѣной, за которой были схоронены члены Перриамской фамиліи, покоившейся въ узкомъ склепѣ, не содержащемъ въ себѣ никого, кромѣ Перриамовъ. Такъ какъ садъ значительно возвышался надъ кладбищемъ, то сэръ Обри имѣлъ то преимущество, что могъ видѣть своихъ опочившихъ предковъ съ

возвышенія, — зрѣлище, наводившее на размышленія въ Горациевскомъ вкусѣ: о мимолетности жизни и измѣнчивости всѣхъ вещей вообще.

Маленькая церковь, находившаяся въ числѣ службъ Перриамскаго замка, и кладбище, исключительно присвоенное для Перриамовъ, внушили Сильвіи такое сознаніе о величій Перриамовъ, какого не могло бы внушить все золото Ротшильда. Семейныя отличія, происходящія отъ долгаго пребыванія въ одной и той же мѣстности, родословное древо, пустившее глубокіе корни, выросшее на извѣстной почвѣ и процвѣтающее съ незапамятныхъ временъ — этого рода знатность представляется особенно ослѣпительной для разночинцевъ. Но Сильвіи, которой ничего не было извѣстно о прошломъ ея отца, кромѣ его безчестія, знатное происхожденіе сара Обри производило чарующее дѣйствіе, и самъ сэръ Обри, который на огородѣ казался только пожилымъ, вѣжливымъ джентльменомъ, представлялся ей теперь какимъ-то принцемъ.

Школьный учитель и его дочь перешли черезъ лужайку и вступили въ аллею въ какихъ-нибудь ста ярдахъ отъ дома. Сильвія доселѣ еще не видывала вблизи этого величественнаго зданія. До сихъ поръ она видала его издали, величественнымъ и мрачнымъ, возвышавшимся поодаль отъ вязы и буковъ парка, кедровъ и кленовъ луга, на площадкѣ, частію усыпанной пескомъ, частію выложенной дерномъ и разбитой въ итальянскомъ вкусѣ, съ Фавномъ и Дріадой, Паномъ и Сиреной, ослаблявшихъ на своихъ пьедесталахъ по угламъ дорожекъ.

Входная дверь была открыта, но м-ръ Керью изъ церемонности позвонилъ, и его звонъ былъ настолько оглушительнъ, что могъ бы пробудить сонное царство спящей царевны. Не успѣвъ онъ позвонить, какъ увидѣлъ джентльмена, проходившаго по сѣнямъ въ костюмѣ нѣсколько старомоднаго покроя.

— Здравствуйте, сэръ Обри, сказалъ онъ. Какъ видите, мы аккуратны.

Сильвія дернула отца за рукавъ.

— Какъ вы недогадливы, шептала она, между тѣмъ какъ джентльменъ стоялъ, улыбаясь механически и съ смущеннымъ видомъ.

Быстрый женскій глазъ сразу замѣтилъ разницу въ костюмѣ и осанкѣ двухъ братьевъ. Лицомъ они были настолько похожи другъ на друга, что въ полумракѣ, царствовавшемъ въ сѣняхъ, школьный учитель легко могъ принять одного брата за другого.

— Извините, пробормоталъ Мордредъ Перриамъ: вы прини-

маете меня за брата. Говорять, что мы очень похожи между собой. Войдите, прошу васъ. Сэръ Обри васъ ждетъ.

Въ этотъ моментъ сэръ Обри отворилъ дверь столовой и поздоровался съ гостями. Да, между обоими братьями существовала большая разница, но она заключалась главнымъ образомъ въ костюмъ и осанкѣ. Старшій братъ такъ тщательно одѣвался и такъ заботился о своей наружности, какъ какой-нибудь французскій марезъ прошедшаго столѣтїя, между тѣмъ какъ смятїе воротнички рубашки Мордредъ Перриамъ, каленворовое жабо, потертая черная ленточка *pinse-nez*, нанковый жилетъ, скрутокъ шоколаднаго цвѣта, небрежно стриженные волосы и щетинистые брови говорили о равнодушіи буквѣда къ требованіямъ моды и къ своей наружности. Даже самый скрутокъ шоколаднаго цвѣта былъ надѣтъ изъ уваженія къ брату. М-ръ Перриамъ былъ всего счастливѣе, когда облачался въ халатъ, ставшій для него дорогимъ отъ долгаго употребленія.

— Какъ вы поживаете? закричалъ сэръ Обри. Какъ вы добры, что пожаловали. Мой братъ, м-ръ Перриамъ,—миссъ Керью, м-ръ Керью,—м-ръ Перриамъ. Не напиться ли намъ чаю, прежде чѣмъ пустимся осматривать сады? Быть можетъ, такъ будетъ лучше. Миссъ Керью слѣдуетъ освѣжиться послѣ прогулки, а дамы вообще любятъ чай. Сады мы успѣемъ осмотрѣть и послѣ чаю. Вы не увидите у меня никакихъ чудесъ садоводства. Я предлагаю вырощать рѣдкія растенія сумасшедшимъ старымъ барынямъ, которымъ некуда дѣвать своихъ денегъ. Перриамъ остался бы все тѣмъ же Перриамомъ, еслибы я растратилъ цѣлое состояніе на орхидеи.

М-ръ Керью пробормоталъ, что согласенъ съ мнѣніемъ сэра Обри, которое, повидимому, не допускало возраженій, и сэръ Обри повелъ гостей въ салонъ, гдѣ ихъ ждалъ чайный приборъ на овальномъ столѣ, въ полукруглой нишѣ или альковѣ въ концѣ комнаты. Фарфоръ былъ индійскій, а серебряные подносъ и самоваръ служили образцами той знаменитой эпохи, которая до сихъ поръ поръ высоко цѣнится знатоками ювелирнаго искусства. Нѣсколько сухихъ бисквитовъ въ серебряной корзинкѣ и блюдо съ ранними сливами, снятыми со шпалеръ, обращенныхъ на югъ, составляли довольно скудное угощеніе; но школьный учитель явился въ Перриамъ не за тѣмъ, чтобы ѣсть и пить, и потягивалъ чай изъ фарфоровой чашки, пунцовой съ золотомъ, съ крайнимъ удовольствіемъ. Баронетъ усадилъ Сильвію за столъ съ церемонной просьбой разлить чай.

— Когда мы одни съ братомъ, то я самъ наливаю чай, ска-

заль онъ: но гораздо естественнѣе и пріятнѣе, чтобы этимъ занималась леди.

Сильвія улыбулась. Она испытывала почти дѣтское удовольствіе, распоряжаясь этими великолѣпными чашками, этимъ стариннымъ чайникомъ и любопытнымъ античнымъ самоваромъ на четырехъ высокихъ и тонкихъ ножкахъ. Никогда еще, до настоящаго вечера, она не разливала чай изъ серебрянаго чайника; никогда еще до сегодняшняго вечера не притрогивалась къ такому дорогому фарфору. Къ тому же всѣ эти вещи отличались своеобразной прелестью, которая ставила ихъ гораздо выше дюжиннаго великолѣпія тѣхъ вещей, которыя украшали выставки на окнахъ магазиновъ въ Монегемптонѣ. У нихъ была двойная прелесть — древности и рѣдкости.

Они не торопились кончать эту скромную трапезу, а между тѣмъ сумерки ступали надъ лугомъ, освѣщенномъ кадрами; дворецкій никогда не спѣшившій вносить лампы и свѣчи, оставлялъ наслаждаться сумерками. Сэръ Обри не торопился разсвѣять чары, тяготѣвшія надъ нимъ. Онъ сидѣлъ возлѣ Сильвіи, наблюдая за ея бѣлыми ручьями, которыя ловко и граціозно перебирали чайный приборъ. Почему бы ей не наливать всегда чай, если она того пожелаетъ. Кто смѣетъ требовать отчета въ его дѣйствіяхъ. Онъ былъ полнымъ господиномъ своей жизни и своихъ поступковъ. Только судьба могла помѣшать ему устроить свое счастье на собственный ладъ.

Размышляя объ этомъ, сэръ Обри хранилъ глубокое молчаніе, которое не рѣшался нарушить никто изъ членовъ этого маленькаго собранія. Они чувствовали себя его вассалами, даже самъ Мордредъ; и если властелинъ молчалъ, то кто изъ приближенныхъ осмѣлится говорить? Къ тому же эта тишина шла къ лѣтнимъ сумеркамъ и величественному мраку просторной комнаты.

Быстрые глаза Сильвіи вглядывались въ окружающее, не взирая на сумерки. Да, эта комната была такъ велика, какъ гедингемская церковь. Высокій потолокъ, рѣзной карнизъ производили на нее впечатлѣніе невыразимаго величія. Ей припоминалась пріемная школьнаго дома съ ея низкимъ потолкомъ, который поддерживался тяжелой опутатуренной балкой, и въ ней два заржавленныхъ желѣзныхъ крюка, вырвать которые не нашлось, повидимому, достаточно сильной руки, указывали на то мѣсто, гдѣ прежнія, грубѣйшія поколѣнія имѣли обыкновеніе вѣшать свое сало, прокопченное на домашнемъ очагѣ. Какой контрастъ между этими двумя комнатами! Здѣсь коверъ былъ такъ мягокъ, какъ дернъ на лугу приходскаго дома, такъ толстъ, что заглу-

шаль всѣ шаги, даже самые тяжелые. Громадная комната, свободная от картинъ, зеркалъ и всякаго рода мишуры представлялась почти грозной въ полумракѣ. Египетскій храмъ не могъ быть величественнѣе.

— Идемъ, сказали Обри, пробуждаясь отъ задумчивости. Хотя теперь уже недостаточно свѣтло, чтобы можно было хорошо осматривать сады; но вы должны прійхать въ другой разъ и снова осмотрѣть ихъ. Да, продолжалъ онъ, съ отчаянной смѣлостью, вы должны прійхать и отобѣдать съ нами какъ-нибудь на будущей недѣлѣ.

Сэръ Обри замѣтилъ, не взирая на сумракъ, что у его брата вырвалось движеніе удивленія. Движеніе это было весьма незначительное и совсѣмъ невольное; его можно было сравнить съ тѣмъ движеніемъ, которое вырывается у нѣкоторыхъ людей, когда сверкнетъ молнія,—но сэръ Обри понялъ его смыслъ. Онъ зналъ, что большая разница заключается въ томъ, чтобы пригласить школьнаго учителя и его дочь на чай, съ покровительственнымъ видомъ, приличнымъ владѣльцу замка, и пригласить ихъ на обѣдъ, какъ будто родныхъ.

— Что скажетъ общество? подумалъ Мордредъ въ безмолвномъ ужасѣ.

Самъ онъ видалъ очень мало людей, и въ своемъ уединеніи весьма мало заботился о томъ, что о немъ думаетъ общество. Но у него было весьма опредѣленное понятіе на счетъ того, что брать его обязанъ уважать людское мнѣніе, и при выборѣ жены,—еслибы только ему вообще вздумалось жениться,—согласоваться съ тѣмъ, чего отъ него ожидало общество. Сэръ Обри былъ нѣкогда помолвленъ на дочери герцога, и общество врядъ ли проститъ ему неравный бракъ.

Но сэръ Обри порѣшилъ съ мнѣніемъ общества, въ которому вдругъ сталъ относиться равнодушно.

— «Въ сущности человѣку слѣдуетъ жить въ свое собственное удовольствіе», думалось ему. «Неужели же я изберу какую-нибудь кислую дѣву ради герба ея батюшки? Въ мои годы человѣкъ обязанъ пользоваться жизнью».

Они пошли въ садъ, такъ какъ это входило въ программу, и потому должно было быть приведено въ исполненіе. Здѣсь, въ прохладныхъ сумеркахъ, сэръ Обри провелъ своихъ посѣтителей по прямымъ дорожкамъ итальянскаго сада, къ той обширной террасѣ, съ высоты которой они увидѣли перриамскую церковь, пріютившуюся въ зеленой ложинѣ и могилы Перриамовъ, сѣрѣвшія на темно-зеленомъ фонѣ деревьевъ. Отъ этой полускры-

той отъ глазъ маленькой церкви и кладбища вѣяло такимъ миромъ и тишиной. Здѣсь самая смерть представлялась мирной дремотой; ни городской шумъ, ни свистъ паровоза не могъ потревожить тихаго покоя!

М-ръ Керью невольно цитировалъ Горація. М-ръ Перриамъ, обрадовавшись удобному случаю, завелъ длинный разговоръ о венеціанскомъ изданіи Горація, которое онъ приобрѣлъ отъ одного книгопродавца въ Глазго и считалъ необыкновенно выгоднымъ приобретениемъ, такъ какъ въ немъ недоставало всего одного тома. Увлечшись разговоромъ, м-ръ Перриамъ взялъ школьнаго учителя подъ руку и началъ прохаживаться съ нимъ взадъ и впередъ по террасѣ; не подозрѣвая въ невинности души той бѣды, которую наклиналъ такимъ поведеніемъ, онъ оставилъ сэра Обри и Сильвію наединѣ другъ съ другомъ.

Звѣзды сверкали на ясномъ лѣтнемъ небѣ, и лицо дѣвушки при этомъ серебристомъ освѣщеніи казалось божественно прекраснымъ, потому что всѣ прекрасныя вещи кажутся еще прекраснѣе при свѣтѣ луны и звѣздъ. То было лицо одной изъ юныхъ мадоннъ Рафаэля, ясно-задумчивое, съ сосредоточенной улыбкой на раздвинутыхъ губахъ; казалось, что эти глубокіе, темные глаза видѣли нѣчто другое, а не окружающій ландшафтъ, какую-то иную прекрасную картину, открывавшуюся передъ ея духовными очами. Сэръ Обри созерцалъ лицо дѣвушки въ безмолвномъ восхищеніи, въ то время, какъ она стояла прислонясь къ вазѣ, возвышавшейся въ углу балюстрады. Развѣ могла такая красавица не быть доброй? спрашивалъ онъ себя, почти не сомнѣваясь въ отвѣтѣ. Ему казалось, что такое физическое совершенство необходимо связано съ душевной красотой.

И въ самомъ дѣлѣ, возможно, что въ душѣ, обитавшей въ этомъ очаровательномъ тѣлѣ, существовали нѣкогда всѣ задатки доброты, которые нуждались лишь въ развитіи. Иныя натуры развиваются сами собой, какъ вонъ тотъ кедръ, напримѣръ; другія же—паразитныя растенія, требуютъ заботливаго ухода со стороны садовника.

А. Э.

НАШИ НЕОТВЕРЖДЕННЫЕ ДОЛГИ

Общественное вниманіе снова возвратилось въ послѣднее время къ вопросамъ, касающимся нашего денежнаго обращенія. И это, конечно, совершенно естественно. Напѣ государственный бюджетъ и государственный кредитъ сдѣлали въ послѣднее время значительные успѣхи. Страна скоро покрылась большою желѣзно-дорожною сѣтью, успѣшно вліяющею на производительныя силы. Такая же большая сѣть банковыхъ установленій (числомъ свыше 700) распространяетъ полезную силу кредита на всѣ слои населенія. Ассоціаціонное начало получило также обширное примѣненіе. Что же удивительнаго, если послѣ нѣсколькихъ лѣтъ несомнѣннаго экономическаго прогресса, общественное вниманіе стало озабочиваться и такою стороною нашей экономической жизни, которая во всѣ эти годы или оставалась совершенно внѣ прогресса, или только страдательно могла на себѣ *отражать* одни чужіе успѣхи? Если равновѣсіе въ нашемъ бюджетѣ возстановлено,—если для своихъ надобностей правительству уже не приходится обращаться къ займамъ,—если мы даже могли видѣть сокращеніе нашего государственнаго долга и процентовъ, по долгу уплачиваемыхъ,—то развѣ не самъ собою навязывается общественному сознанію фактъ отсутствія у насъ нормальной денежной системы? Нельзя же думать, чтобъ общественное мнѣніе могло примириться съ мыслью, будто нормальная денежная система — для насъ лишняя вещь. Во всякомъ случаѣ, она по крайней мѣрѣ столь же важна, сколько желѣзныя дороги, банки и т. д.

Историческій опытъ съ своей стороны тоже свидѣтельствуетъ, что всегда финансовое управленіе, добившееся возстановленія равно-

вѣсія въ бюджетѣ, если ему дорого было развитіе страны, не успокоивалось на этомъ результатѣ. Для всякаго финансоваго управленія въ подобномъ случаѣ возникалъ вопросъ или объ усовершенствованіи податной системы, или объ уменьшеніи тягостей отъ того бремени, которое для народнаго хозяйства представляютъ государственные долги.

Наше народное хозяйство одинаково нуждается какъ въ податной реформѣ, такъ и въ бумажно-денежной. Конечно, очень трудно опредѣлить, какая изъ этихъ двухъ реформъ болѣе важна. Но съ точки зрѣнія строго-финансовой намъ кажется, что на первомъ планѣ стоять тѣ требованія, которыя предъявляются *неотвержденными* государственными долгами.

Недостатковъ у нашей податной системы очень много. Она тягостна своею неравномѣрностью для населенія. Она неудобна для финансоваго управленія своею крайнею напряженностью. Она врядъ ли не достигла уже крайнихъ предѣловъ способности удовлетворять своему назначенію. Но *пока* она все-таки еще удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней финансовымъ управленіемъ. Она даетъ требуемыя отъ нея средства и даетъ ихъ въ достаточной мѣрѣ. Она не порождаетъ государственнаго дефицита.

Но неотвержденные долги именно такой дефицитъ только и представляютъ, — дефицитъ, который *временно* лишь покрытъ, который ожидаетъ, чтобъ съ нимъ покончили счеты, и тягость котораго не распределена долями между финансовыми періодами, принужденными выносить его *во всей его цѣлости*.

Только установленіемъ порядка въ неотвержденныхъ долгахъ окончательно устраняются тѣ ненормальныя вліянія, которыя оказываются дефицитами на государственномъ хозяйствѣ. Поэтому, если правительство нѣсколько лѣтъ сосредоточивало свои заботы на устраненіи дефицитовъ, то финансовая послѣдовательность отъ него требуетъ, чтобъ оно довело свое дѣло до его настоящаго конца. Вотъ почему мы полагаемъ, что надлежащій моментъ, когда правительство можетъ сосредоточить всѣ свои заботы на радикальной податной реформѣ, настанетъ лишь тогда, когда оно совершенно устроитъ систему своихъ неотвержденныхъ долговъ.

Наши неотвержденные долги составляютъ сумму свыше 900 мил. руб. Они состоятъ изъ 566 мил. безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ, изъ 216 милліоновъ по билетамъ казначейства (серіямъ) и изъ 120 мил. долга казначейства государственному банку по ликвидаціи старыхъ кредитныхъ установленій. Изъ означенныхъ 906 мил., около 400 мил. унаслѣдованы отъ предъидущаго царствованія и 500 мил. возникли въ нынѣшнее царствованіе. Почти двѣ трети

всего нашего неотвержденного долга приходится на кредитные билеты, а послѣдняя треть — на серіи и долгъ ликвидаціи.

Несомнѣнно, что регулированіе колоссальнаго долга въ 900 мил. рублей — задача нелегкая. Но, къ счастью, эта задача складывается изъ нѣсколькихъ частей, достаточно разнородныхъ, чтобы допустить постепенность въ ея разрѣшеніи.

Тѣсная связь, соединяющая различныя части нашего неотвержденного долга, не принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ явленій нашей финансовой жизни. Тѣмъ не менѣе она весьма осязательная.

Что касается серій, то ихъ значеніе для нашего неотвержденного долга обуславливается, главнымъ образомъ, двумя причинами. Уже съ самаго ихъ учрежденія въ нихъ введено было противорѣчіе: онѣ сразу и *срочный* долгъ, который правительство обязывается погасить лишь чрезъ восемь лѣтъ по ихъ выпускѣ, и *безсрочный* долгъ, который правительство обязалось погасить во всякое данное время, принимая ихъ постоянно въ платежи. Срочность билетовъ казначейства, такимъ образомъ, фиктивна. На самомъ дѣлѣ серіи представляютъ нѣчто въ родѣ вклада на текущій счетъ, дѣлаемаго владѣльцемъ серій въ государственномъ казначействѣ. По этому текущему счету казначейство уплачиваетъ $4\frac{1}{2}\%$. Сколько дѣйствительно поступаетъ серій въ казначейство платежами, мы точно не знаемъ. Изъ отчета государственнаго контроля за 1872 годъ (Прилож., стр. 76) видно, что казначейство выручило отъ продажи поступившихъ въ платежи серій около 7 мил. руб.; а изъ „Ежегодника министерства финансовъ“ (IV, 176) мы узнаемъ, что къ 1-му января 1873 года въ кассахъ казначейства имѣлось серій свыше 345,000 билетовъ, т.-е. на $17\frac{1}{4}$ мил. рублей. Замѣтимъ, что эти $17\frac{1}{4}$ мил. составляютъ около трети (32%) кассы министерства финансовъ, имѣвшейся въ Россіи къ 1-му января 1873 г. въ размѣрѣ 53 мил. рублей средствами, поступившими въ платежи государственному казначейству. Врядъ ли казначейству выгодно имѣть одну треть своей кассы въ собственныхъ обязательствахъ. На всю свою сумму серій, находящіяся въ кассѣ казначейства, дѣлаютъ ее фиктивною. А между тѣмъ ихъ назначеніе прямо противоположнаго свойства. И это намъ открываетъ другую причину, по которой серіи имѣютъ важное значеніе для регулированія нашего неотвержденного долга. Онѣ служатъ такой надобности, которая совсѣмъ не ими должна удовлетворяться. Напротивъ, та именно надобность, которой по своему назначенію неотверженный долгъ долженъ удовлетворять (временное доставленіе оборотнаго капитала государственному казначейству) удовлетворяется

не серіями, а государственнымъ банкомъ изъ его текущихъ счетовъ и иныхъ вкладовъ, а также изъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ.

По первоначальной мысли творца серій, графа Канкрина, онѣ должны были „во всѣхъ случаяхъ“ представлять не что иное, какъ способъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ“. На самомъ дѣлѣ, однако, серіи представляли такой способъ далеко не „во всѣхъ случаяхъ“. Совершенно напротивъ: онѣ выпускались для покрѣтїя дефицитовъ. Во всей своей массѣ онѣ и по настоящее время совсѣмъ не служатъ „способомъ ускореннаго полученія государственныхъ доходовъ.“ Такимъ способомъ служить, какъ сказано, позавимствованїя у государственнаго банка. Но серіи своимъ существованїемъ сильно затрудняютъ именно эти позавимствованїя. Ибо чрезъ посредство серій казначейство само себѣ дѣлаетъ вредную конкуренцію. Владѣльцамъ свободныхъ средствъ казначейство разъ предлагаетъ чрезъ государственный банкъ три процента по текущимъ счетамъ у него, и другой разъ $4\frac{1}{2}\%$ чрезъ посредство серій. Еслибъ свободныя средства не привлекались серіями, онѣ шли бы въ банки, а слѣдовательно и въ государственный.

Государственное казначейство не можетъ обойтись безъ какого-либо способа „для ускореннаго полученія доходовъ“. И балансы государственнаго банка, и отчеты государственнаго контроля это доказываютъ весьма краснорѣчивыми цифрами. Но въ настоящее время у казначейства отрѣзавъ путь къ самому нормальному изъ способовъ для ускореннаго поступленія государственныхъ доходовъ, именно оттого, что нашъ неотвержденный долгъ нерегулированъ сообразно требованїямъ текущей жизни, опыта практическаго и науки.

Независимо отъ всего этого, серіи представляютъ еще препятствїе, преграждающее путь всякой попыткѣ къ преобразованію нашей денежной системы. Громадный безпроцентный долгъ правительства по кредитнымъ билетамъ уже одною своею величиною дѣлаетъ невозможными такія мѣры, которыя разомъ съ нимъ покончили бы счеты. Но плодотворность постепенныхъ мѣръ къ сокращенію бумажно-денежнаго долга всегда должна парализоваться серіями. Ибо послѣднія представляютъ источникъ, изъ котораго всегда можетъ наполняться пустота, еслибъ таковая образовалась отъ мѣръ для сжатїя бумажно-денежнаго обращенїя.

Еще менѣе серіи оставляютъ простора въ томъ случаѣ, когда преобразование бумажно-денежной системы предполагается съ оставленїемъ на первыхъ порахъ извѣстной части долга непокрытою (découvert). На всю сумму серій эта часть долга, оставляемая непокрытою, должна быть уменьшена, или, иными словами, настолько же задача восстановленїя валюты затрудняется.

Значение другой составной части нашего неотверженного долга, долга ликвидации, выступает не менее явственно, когда возникает рѣчь о регулированіи. Долгъ ликвидациі представляетъ сумму около 120 милл. рублей, изъ коихъ однако, кажется, не всѣ должны быть поставлены въ счетъ старымъ кредитнымъ установленіямъ. Мы высказываемъ это нерѣшительно въ виду отсутствія достаточно полныхъ и ясныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Но изъ балансовъ государственнаго банка за 1867 годъ можно заключить, что около 30 милл. изъ долга ликвидациі должны быть отнесены на счетъ расходовъ банка за счетъ казначейства до того года (изъ этихъ 30 милл. свыше 20 милл. за прекращенную тогда заграничную вексельную операцію ¹⁾). Какъ бы то ни было, но 120 милл. представляютъ сумму, которую казначейство имѣетъ въ своемъ распоряженіи, только благодаря давленію, производимому для этого на нашъ денежный рынокъ государственнымъ банкомъ. Эту сумму государственный банкъ позаимствовалъ изъ средствъ, полученныхъ имъ съ денежнаго рынка, и когда послѣдній усиливаетъ свои обратныя требованія, государственный банкъ можетъ выручать себя только новыми выпусками кредитныхъ билетовъ.

Вслѣдствіе долга ликвидациі, государственный банкъ имѣетъ двѣ трети своихъ активовъ въ иммобилизованномъ видѣ. Дѣйствія государственнаго банка оттого въ самой значительной своей долѣ почти совершенно парализованы. Его доходность понижена до наименьшаго уровня. Его услуги государственному казначейству для антиципаціи текущихъ доходовъ поставлены въ ненормальныя условія. Ибо и для этой антиципаціи государственный банкъ лишенъ средствъ. Въ самой большой долѣ, поэтому, государственный банкъ можетъ оказать и свое содѣйствіе при антиципаціи только при помощи выпусковъ „свѣжихъ“ кредитныхъ билетовъ.

Само собою разумѣется, что нашему денежному рынку не особенно легко выносить особую тяжесть, лежащую на немъ оттого, что государственному банку во всякое данное время нужны 120 милл. для ликвидациі, независимо отъ тѣхъ средствъ, которыя ему нужны для временныхъ воспособленій торговлѣ и промышленности, а равно казначейству. Ликвидациа конкурируетъ на денежномъ рынкѣ съ торгово-промышленнымъ міромъ и съ казначействомъ, и только затрудняетъ удовлетвореніе ихъ совершенно законныхъ нуждъ.

Нужно ли доказывать, что такая роль ликвидациі на нашемъ де-

¹⁾ Срав. въ особенности балансы отъ 25-го сентября и 2-го октября 1867 года въ нашей „Статистикѣ русскихъ банковъ“. I, 220—221 и 228—229.

нежномъ рынкѣ представляетъ явленіе, ненормальное во всѣхъ отношеніяхъ?

А между тѣмъ эта роль мѣшаетъ не только текущимъ нуждамъ торгово-промышленнаго міра и казначейства, она парализуетъ и всякую попытку правительства обратиться къ денежному рынку помимо текущихъ нуждъ. Напомнимъ здѣсь только фактъ затруднительности, сопровождавшій консолидацію части кредитныхъ билетовъ, которые были употреблены на покупку драгоцѣнныхъ металловъ для усиленія размѣннаго фонда. Эта затруднительность была причиною, по которой пришлось оставить единственно - безвредный путь усиленія размѣннаго фонда и пойти по болѣе скользкому пути выпусковъ, предоставленныхъ собственной судьбѣ.

Государственный банкъ долженъ напряженно на себѣ чувствовать всякую попытку правительства отвлечь отъ денежнаго рынка какую-либо сумму свободныхъ средствъ. Онъ прежде всѣхъ страдаетъ отъ всякаго усиленнаго спроса на денежномъ рынкѣ. Мѣры, къ которымъ онъ принужденъ прибѣгать, парализуютъ, если не совершенно, то въ самой значительной долѣ, возможность изъять изъ обращенія какую-либо часть кредитныхъ билетовъ. Какъ только усиливается спросъ на деньги, этотъ спросъ долженъ сказаться на кассѣ государственнаго банка. А въ этой кассѣ двѣ трети активовъ неудобореализуемы. Онъ не можетъ оказывать сильнаго противодѣйствія давленію, на него производимому извнѣ. Ибо главное средство для этого—реализація активовъ и возвышеніе дисконта—находится несполнѣ въ его власти.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ правительству невозможно ни съ какаго конца вѣяться за дѣло регулированія неотвержденнаго долга, чтобы оно само не почувствовало немедленно, что на всѣхъ остальныхъ концахъ происходятъ явленія, совершенно парализующія благія намѣренія.

Такое состояніе всего нашего неотвержденнаго долга имѣетъ особенно существенное значеніе для возстановленія порядка въ нашемъ денежномъ обращеніи.

При тѣсной связи, соединяющей различныя части нашего неотвержденнаго долга, всякія попытки возстановить правильную денежную систему въ странѣ должны потерпѣть неизбѣжное крушеніе, если для нихъ напередъ не будетъ подготовлена прочная почва цѣлымъ рядомъ предварительныхъ мѣръ.

Въ послѣднія шесть лѣтъ, государственный банкъ сосредоточилъ свои заботы на одной такой мѣрѣ, на усиленіи размѣннаго фонда покупкою драгоцѣнныхъ металловъ за специально-выпускаемые для того кредитные билеты.

Покупки драгоценных металлов государственным банкомъ вызвали о себѣ въ недавнее время очень противоположныя сужденія. Одними покупки совершенно осуждались, другіе ихъ превозносили. Одни находили ихъ вредными, другіе приписывали имъ благотворныя послѣдствія. Но, къ сожалѣнію, не было такой оцѣнки ихъ, которая основывалась бы на изученіи дѣйствительныхъ фактовъ, а не вращалась въ области гадательныхъ и произвольныхъ умозаключеній. А между тѣмъ 6 1/2 лѣтъ представляютъ періодъ, достаточно продолжительный, чтобы о финансовой операціи, въ теченіи ея производившейся, уже стало возможно сужденіе не на основаніи догадокъ, а на основаніи фактовъ.

Главнымъ образомъ, операція усиленія размѣннаго фонда возбуждала споръ двумя своими сторонами: своимъ соотношеніемъ съ вексельными курсами и соотношеніемъ съ цѣнами товаровъ и услугъ. Такъ какъ операція покупокъ драгоценныхъ металловъ связана была съ выпусками кредитныхъ билетовъ, то ея противники приписывали ей стремленіе вызывать и усиливать дороговизну. Защитники ея, напротивъ, указывали на вексельные курсы, какъ на доказательство, что усиленіе размѣннаго фонда вызвало одни только благотворныя послѣдствія: возвышеніе и прочность цѣнности кредитныхъ билетовъ. Публика отъ этого спора могла только приходить въ недоумѣніе. Ибо весьма простое соображеніе показывало, что если за 100 рублей кредитными билетами можно получить золота и серебра (или все равно, иностранныхъ векселей) на 85 рублей, то очевидно, что раньше или позже это должно повліять на возможность получать и всякихъ иныхъ товаровъ по крайней мѣрѣ на 85 рублей металлическихъ. Ибо если русскіе товары вздорожаютъ сильнѣе, чѣмъ въ пропорціи 15 на сто, то выгоднѣе станетъ покупать товары иностранные. Привозъ усилится и заграничная конкуренція понизитъ товарныя цѣны на внутреннихъ рынкахъ до того уровня, у котораго цѣнность кредитныхъ билетовъ, выраженная въ товарахъ, сравняется съ цѣнностью кредитныхъ билетовъ, выражаемою вексельнымъ курсомъ. Другими словами, простое соображеніе показывало, что если вексельные курсы и товарныя цѣны могутъ расходиться въ своихъ показаніяхъ, какъ велика цѣнность кредитныхъ билетовъ, то расходиться они могутъ только временно. Раньше или позже должно наступить уравненіе обоего рода показаній. Но кредитные билеты у насъ обращаются не со вчерашняго дня. Они имѣли уже достаточно времени, чтобы между различными показаніями объ ихъ цѣнности установилось единогласіе. Какимъ же образомъ объ этомъ возможенъ былъ споръ?

Отвѣтъ очень простъ. Съ одной стороны, справки у фактовъ о

вексельномъ курсѣ дѣлались ненадлежащій образъ. Съ другой—при толкованіи фактовъ опускались нѣкоторые изъ нихъ, весьма существенные.

Констатируемъ прежде всего факты. Въ исторіи нашего вексельнаго курса рѣзко должно различать два періода. Во-первыхъ, *пятилѣтіе* 1858—1862 года, и во-вторыхъ, *десятилѣтіе* 1864—1873 годовъ¹⁾. Въ первое пятилѣтіе средній трехмѣсячный курсъ на Лондонъ былъ 35 пенсовъ за рубль; во второе десятилѣтіе средній курсъ былъ 32 пенса. Это значитъ, что диважіо кредитныхъ билетовъ, простиравшееся въ 1858—1862 гг. только до 9%, въ послѣднее десятилѣтіе больше чѣмъ удвоилось, простираясь свыше 19%.

Слѣдовательно, именно тотъ, кто придаетъ значеніе вліянію вексельнаго курса на цѣнность кредитныхъ билетовъ въ ихъ покупной силѣ на товарныхъ рынкахъ внутри страны, долженъ признать слѣдующее. Если до 1862 года депрессіація кредитныхъ билетовъ должна была отразиться на цѣнахъ товаровъ, порождая дороговизну, то она съ удвоенною силою должна была стремиться къ тому же послѣдствію въ послѣднее десятилѣтіе.

Въ этомъ взглядѣ нашъ еще болѣе убѣждаетъ подробное разсмотрѣніе движенія вексельныхъ курсовъ въ десятилѣтіе 1864—1873 годовъ. Если мы разобьемъ это десятилѣтіе на три періода, изъ двухъ четырехлѣтій и одного двухлѣтія, то окажется, что въ 1864—1867 годахъ средній вексельный курсъ былъ $31\frac{17}{32}$, въ 1868—1871 годахъ онъ былъ $31\frac{17}{64}$, наконецъ, въ 1872—1873 годахъ— $32\frac{19}{32}$. То-есть, въ теченіи *восьми лѣтъ* изъ десяти, протекшихъ до текущаго года, диважіо стояло на высотѣ 21%, и только въ послѣдніе два года оно понизилось до 17%. Если первые четыре года десятилѣтія 1864—1873 представляютъ еще недостаточно продолжительный періодъ, чтобы въ теченіи его могла проявить свое вліяніе вдвое усилившаяся депрессіація, то въ слѣдующіе четыре года послѣдовалъ періодъ, совершенно благоприятствовавшій стремленіямъ депрессіаціи къ увеличенію дороговизны въ странѣ.

Вліяніе, которое государственный банкъ въ состояніи былъ оказывать на нашъ вексельный курсъ, обуславливается природою его операціи покупки золота и серебра за выпускаемые для того кредитные билеты.

Государственный банкъ покупалъ приносимое ему золото²⁾ по

¹⁾ Мы устранили изъ разсмотрѣнія 1863 годъ, котораго средній вексельный курсъ ($36\frac{13}{32}$ п.) былъ результатомъ спеціальныхъ мѣропріятій; но 1862 годъ мы оставили, потому что на его средній курсъ означенныя мѣропріятія имѣли еще мало вліянія.

²⁾ Съ 21-го января текущаго года государственный банкъ покупаетъ золото и серебро по пониженнымъ цѣнамъ (золото по 4 р. 18 к. за золотникъ).

4 р. 27 к. за чистый золотникъ. Такого чистаго золота въ англійской унціи золота, обмененно продаваемаго на рынкѣ, заключается $6\frac{2}{3}$ золотника. Рыночная цѣна унціи золота обмененно очень мало колеблется между 67 шилл. 9 пенс., 67 ш. 10 п. и 67 ш. $10\frac{1}{2}$ п. Слѣдовательно, объявленіе государственнаго банка означало, что онъ платитъ за 67 ш. 10 п. (беремъ среднюю цѣну) 4 р. 27 к. $\times 6\frac{2}{3}$, или 28 руб. 48 коп. Другими словами, это значить, что государственный банкъ давалъ кредитный рубль всякому, кто ему приносилъ чистаго золота на $32\frac{3}{4}$ пенса. Понятно въ такомъ случаѣ, что никто уже не могъ требовать, чтобы за кредитный рубль ему дали больше, чѣмъ $32\frac{3}{4}$ п. Ниже 16% ¹⁾ дизажію на кредитные билеты оттого опуститься не могло. Какъ бы ни развивались производительныя силы нашего народнаго хозяйства, какъ бы ихъ прогрессивныя успѣхи ни содѣйствовали возвышенію цѣнности кредитныхъ билетовъ, какъ бы ни увеличивался нашъ отпускъ, какія бы чудеса ни производили наши желѣзныя дороги, банки, акціонерная и личная предпримчивость, — все это должно было останавливаться предъ цифрою дизажію въ 16%. Столкнувшись съ этою цифрою, всѣ наши успѣхи должны были потерпѣть крушеніе. •

Наши иностранные векселя на Лондонъ — трехмѣсячныя, то-есть, по нимъ можно получить наличное золото только черезъ три мѣсяца. Немедленно они даютъ золото лишь тогда, когда они подвергаются досрочному учету. Слѣдовательно, обмененный нашъ иностранный вексель на Лондонъ имѣетъ большій предѣлъ для возвышенія своей цѣны, вслѣдствіе прибавленія соотвѣтствующихъ ему трехмѣсячныхъ процентовъ и расходовъ на пересылку золота изъ Лондона въ Петербургъ. Эти добавочные расходы, смотря по высотѣ дисконта въ Лондонѣ, могутъ доходить до $1\frac{1}{2}\%$ или 2% . При нормальномъ состояніи дисконта въ Лондонѣ нашъ *трехмѣсячный* вексельный курсъ не могъ подняться выше $33\frac{1}{4}$.

Несомнѣнно, конечно, что установленіемъ твердаго предѣла въ $16\frac{1}{2}\%$, ниже котораго дизажію не могло опускаться, государственный банкъ устранилъ возможность всѣхъ только тѣхъ колебаній, которыя заключены въ предѣлахъ между нулемъ и $16\frac{1}{2}$. Но начиная отъ $16\frac{1}{2}$, государственный банкъ представлялъ дизажію полную возможность колебаться хотя бы до безконечности.

Каждый разъ, когда колебанія курса влекли дизажію выше $16\frac{1}{2}\%$, государственный банкъ бывалъ и остается совершенно безсиленъ имъ противодействовать. Вотъ почему не отъ него зависѣло и зави-

¹⁾ На такой высотѣ стоитъ дизажію кредитныхъ билетовъ, когда за рубль можно получить лишь $32\frac{3}{4}$ пенса.

суть, какъ далеко возвышается дежажіо отъ ухудшенія вексельнаго курса. Заходить ли дежажіо до 30% или до 40%, государственный банкъ одинаково пассивно только могъ и можетъ относиться къ этому факту.

Говорятъ, что госуд. банкъ мѣшалъ слишкомъ сильному пониженію вексельнаго курса именно оттого, что онъ мѣшалъ вексельному курсу слишкомъ высоко подниматься. Но государственный банкъ препятствовалъ вексельному курсу только тогда, когда онъ стремился перейти чрезъ 33¹/₄. До того однако, какъ курсъ успѣлъ достигнуть этой высоты, онъ могъ въ одно время стоять на 33, въ другое на 30. Слѣдовательно, если даже допустить примѣненіе физическаго закона, что сила паденія зависитъ отъ высоты, то госуд. банкъ не могъ мѣшать вексельному курсу упасть глубже съ высоты 33, чѣмъ съ высоты 30. Старательно просматривая статистическія данныя о нашемъ вексельномъ курсѣ, мы никакъ не въ состояніи были открыть какую-либо причинную зависимость между силою паденія нашего вексельнаго курса и высотой, съ которой происходило паденіе. Въ 1866 году произошло самое замѣчательное паденіе нашего вексельнаго курса. Но этому паденію предшествовали почти два года, въ теченіи которыхъ вексельный курсъ не достигалъ 32 п. Слѣдовательно, онъ упалъ съ весьма незначительной высоты, а между тѣмъ глубина паденія была такая, которая ни до того, ни потомъ не повторилась. Въ состояніи ли кто-либо утверждать, будто теперь для насъ стало невозможно такое глубокое паденіе вексельнаго курса? Совершенно не въ состояніи, ибо ничто не мѣшаетъ курсу подниматься до 31, а уже съ этой высоты курсъ можетъ упасть до 25, какъ доказываетъ опытъ 1866 года. Въ 1870 году, несмотря на войну, курсъ уже не упалъ такъ глубоко, какъ въ 1866 году. Но при чемъ тутъ былъ государственный банкъ? Его собственные отчеты даютъ на это ясный и неотразимый отвѣтъ. Въ 1867 году онъ покупалъ (съ августа) драгоцѣнныхъ металловъ среднимъ числомъ каждый мѣсяцъ на 4.490,000, въ 1868 году—на 4.852,000, въ 1869 году—уже только на 1.081,000, а въ 1870 году даже лишь на 476,000. Уже въ 1869 году государственный банкъ приобрѣлъ драгоцѣнныхъ металловъ въ 4¹/₂ раза меньше, чѣмъ въ 1868 году, и слѣдовательно въ той же мѣрѣ ослабѣло его вліяніе на вексельный курсъ. Но въ 1870 году его вліяніе на вексельный курсъ было еще *еще слабѣе*, чѣмъ въ 1869 году, ибо тогда драгоцѣнныхъ металловъ имъ приобретено въ 2¹/₃ раза меньше, чѣмъ въ 1869 году. Высота вексельнаго курса въ 1870 году была для государственнаго банка фактомъ, по отношенію къ которому онъ долженъ былъ оставаться пассивнымъ, какъ ко всякой высотѣ вексельнаго курса, если она была ниже 33¹/₄.

Всѣ движенія и колебанія нашего вексельнаго курса, вплоть до достиженія ими предѣла въ $33\frac{1}{4}$ пенса, находились совершенно внѣ всякихъ вліяній государственнаго банка. *Какъ бы ни было значительно или незначительно поправленіе нашего курса, оно во всякомъ случаѣ вліянію операций госуд. банка приписываемо быть не можетъ.* Одно время утверждали, что государственный банкъ своими покупками поддерживаетъ отпускъ нашихъ товаровъ за границу. Но это и имѣло лишь тотъ смыслъ, что покупки поддерживаютъ отпускъ *черезъ ухудшеніе вексельнаго курса.* Ибо ухудшеніе вексельнаго курса на пенсъ, т.-е. приблизительно на 4%, можетъ увеличивать выручку экспортера пшеницы, напримѣръ, на полрубля съ каждой четверти. Если государственный банкъ мѣшалъ вексельному курсу подняться съ $33\frac{1}{4}$ до $34\frac{1}{4}$, то въ теченіе времени, когда такое возвышеніе могло бы произойти, экспортеры выигрывали на каждой сотнѣ тысячъ четвертей пшеницы лишніе 50,000 рублей и это, конечно, могло быть для нихъ стимуломъ къ увеличенію количества четвертей пшеницы, ими отправляемыхъ за границу. Но именно тогда, когда отпускъ подѣ вліяніемъ операций госуд. банка могъ увеличиваться, *увеличеніе отпуска теряло способность поправлять нашъ вексельный курсъ,* т.-е. оно теряло свой интересъ для народнаго хозяйства и имѣло значеніе только для частныхъ интересовъ экспортеровъ. Даже тогда, когда государственный банкъ поддерживалъ отпускъ, онъ его поддерживалъ не ради той пользы, которая могла бы проистекать для государства, а ради частной цѣли—увеличенія размѣннаго фонда.

Высота нашего вексельнаго курса зависить отъ количества предлагаемыхъ къ продажѣ и спрашиваемыхъ иностранныхъ векселей и отъ высоты, какъ нашего, такъ и заграничнаго дисконта. До тѣхъ поръ, пока эти основныя причины обуславливаютъ высоту вексельнаго курса, при которой покупатель векселя немедленно (т.-е. по учетѣ) можетъ получить лишь 30, 31, 32, $32\frac{1}{2}$, никто не дастъ государственному банку за его кредитный рубль $32\frac{3}{4}$ п. (а съ 21-го января текущаго года $33\frac{1}{3}$ пенса). Слѣдовательно, несомнѣнно, что въ видахъ усиленія своего размѣннаго фонда государственный банкъ заинтересованъ въ увеличеніи отпуска и соотвѣтственномъ расширеніи *предложенія* иностранныхъ векселей, улучшающемъ нашъ курсъ. Госуд. банку было нужно, чтобъ за кредитный рубль *всякій, кромѣ него,* могъ немедленно получить больше, чѣмъ $33\frac{1}{2}$ пенса (теперь $33\frac{1}{3}$ п.); ибо только тогда и для него существовала надежда, что ему возможно будетъ появиться на рынкѣ покупателемъ. *Но государственный банкъ совершенно мишень былъ всякихъ средствъ, чтобъ довести вексельный курсъ до той высоты, при которой становилось возможнымъ усиленіе его размѣннаго фонда.* Онъ совершенно стра-

детально долженъ былъ относиться къ объему нашего отпуска до тѣхъ поръ, пока этотъ отпускъ еще не доводилъ курса до возможности давать за кредитный рубль больше, чѣмъ $32\frac{1}{2}$ п. Только *послѣ* того, какъ отпускъ нашъ, *помимо* вліяній на него государственнаго банка, нѣкоторое время былъ достаточно благопріятенъ, и для государственнаго банка становилось вѣроятною возможность усиленія размѣннаго фонда, а съ нею дѣятельное вліяніе на отпускъ и вексельный курсъ. Для своихъ дѣятельныхъ вліяній государственный банкъ всегда предполагалъ почву предварительно заготовленную для него вѣтшинами, посторонними вліяніями, т.-е. успѣхами народнаго хозяйства. Еслибъ такихъ успѣховъ наше народное хозяйство не дѣлало,—еслибъ нашъ отпускъ самъ не въ состояніи былъ и безъ вліяній госуд. банка поправлять вексельный курсъ,—тогда государственный банкъ не въ состояніи былъ бы и помышлять объ усиленіи размѣннаго фонда.

Когда подъ вліяніемъ свободныхъ успѣховъ народнаго хозяйства короткій вексельный курсъ начиналъ оказывать стремленіе переходить чрезъ предѣлъ $32\frac{3}{4}$ пенсовъ, тогда для государственнаго банка наставала пора *пользоваться успѣхами народнаго хозяйства для усиленія своего размѣннаго фонда*. И такое пользованіе для госуд. банка становилось возможно, благодаря единственно тому, что онъ порождалъ искусственный антагонизмъ между своими собственными интересами и интересами народнаго хозяйства. Когда успѣхи отпуска доводили короткій курсъ до $32\frac{3}{4}$ или трехмѣсячный до $33\frac{1}{3}$, тогда возникала дилемма: или народное хозяйство выиграетъ и вексельный курсъ будетъ продолжать возвышаться, поднимая и цѣнность кредитнаго рубля,—или же государственный банкъ воспользуется успѣхами отпуска для усиленія размѣннаго фонда, но тогда народное хозяйство должно отказаться отъ полезныхъ вліяній дальнѣйшаго развитія отпуска.

Слѣдующіе факты наглядно показываютъ, до какой степени государственный банкъ ставился въ полнѣйшую и страдательную зависимость отъ того, какъ складывались вексельные курсы помимо его вліяній. Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ 1867 года вексельный курсъ среднимъ числомъ стоялъ на 33 и госуд. банкъ могъ купить драгоцѣнныхъ металловъ на $22\frac{1}{2}$ милл. рублей. Въ 1868 году курсъ опять благопріятно стоялъ среднимъ числомъ на $32\frac{27}{32}$, и госуд. банкъ опять могъ купить много золота и серебра, именно до 60 милліоновъ. Въ 1869 году курсъ стоялъ уже на средней высотѣ ниже, именно на $30\frac{7}{8}$, и госуд. банкъ купилъ уже металловъ только около 13 милл. Въ 1870 году средняя высота курса еще ниже ($29\frac{11}{16}$), и госуд. банкъ приобрѣлъ металловъ не болѣе 6 милл. Въ

1871 году вексельный курсъ поправляется (сред. $31^{31/32}$), и опять госуд. банкъ можетъ увеличить свои покупки до 29 милл. Въ 1872 году курсъ еще болѣе поправляется ($32^{3/4}$), и госуд. банкъ еще болѣе усиливаетъ покупки (до 39 милл.).

Подводя итогъ нашимъ разсужденіямъ, мы получаемъ слѣдующій выводъ. Соотношеніе между операціей усиленія размѣннаго фонда и вексельныхъ курсовъ не можетъ быть признаваемо такимъ, которое способно было оказывать благотворныя вліянія на нашъ вексельный курсъ съ точки зрѣнія государства или интересовъ народнаго хозяйства. Менѣе всего ему можетъ быть приписываемо благотворное вліяніе на *возвышеніе* нашего вексельнаго курса.

Мы должны теперь перейти къ другой сторонѣ дѣла и разобрать вопросъ, дѣйствительно ли *увеличеніе количества* обращающихся у насъ *кредитныхъ билетовъ* не оказывало никакого вліянія на вексельный курсъ? Если наше предыдущее изложеніе показываетъ, что операціямъ усиленія размѣннаго фонда невозможно приписывать *благотворныхъ* вліяній на цѣнность кредитныхъ билетовъ, — то остается еще вопросъ о *среднихъ* вліяніяхъ новыхъ выпусковъ.

Недостаточное знакомство съ относящимися сюда фактами не мало мѣшало правильности взглядовъ, которые у насъ высказывались въ литературѣ и обществѣ. Прежде всего требуютъ исправленія ходячія *цифры* о размѣрахъ нашего денежнаго обращенія и объ его колебаніяхъ изъ года въ годъ. Затѣмъ у насъ о количествѣ обращающихся кредитныхъ билетовъ судятъ по даннымъ, относящимся къ 1-му января года, тогда какъ дѣйствительное значеніе имѣютъ только *средніе выводы изъ достаточно большого числа наблюденій* надъ размѣрами денежнаго обращенія въ теченіи цѣлаго года. Среднее количество кредитныхъ билетовъ ¹⁾, которое у насъ постоянно находилось въ обращеніи въ 1862 году, составляло 720,6 милл. рублей. Въ 1863 это среднее количество уменьшилось на 21,6 милл., а въ 1864 году на 46,6 милл. Слѣдовательно, въ 1864 году у насъ среднимъ числомъ обращалось кредитныхъ билетовъ на $65\frac{1}{2}$ милл. меньше, чѣмъ въ 1862 году. Въ 1865 году среднее денежное обращеніе наше возросло на $11\frac{1}{3}$ милл.; въ 1866 году на $25\frac{1}{3}$ милл., и въ 1867 году на $10\frac{2}{5}$ милл., то-есть сравнительно съ 1864 года въ три года денежное обращеніе возросло на 47 милл. А такъ какъ въ 1864 году оно

¹⁾ Сообщаемые нами средніе выводы исчислены на основаніи *недѣльныхъ* показаній о каждомъ годѣ, слѣдовательно, каждая приводимая годичная цифра—выводъ изъ 52 данныхъ для постоянной части нашего денежнаго обращенія и 52 данныхъ для его временной части. Для 1867 — 68 годовъ приняты во вниманіе и кредитные билеты, особо тогда выпущенные подъ обезпеченіе серій.

сравнительно съ 1862 годомъ уменьшилось на $68\frac{1}{2}$ милл., то и послѣ увеличенія въ трехлѣтіе 1865—1867 гг. денежное обращеніе все еще было меньше въ 1867 году сравнительно съ 1862 годомъ на $21\frac{1}{2}$ милл. Въ слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе 1868—1872 годовъ среднее денежное обращеніе увеличивалось прогрессивно и постепенно на 19,1, 4,6, 9,1, 21,2 и 14,2 милл. рублей; всего на 58,2 милл. Если вычесть изъ этихъ 58,2 вышепоказанные $21\frac{1}{2}$ милл., то окажется, что на одиннадцатый годъ послѣ 1862 года у насъ средняя циркуляція увеличилась противъ своей первоначальной цифры всего на $46\frac{2}{3}$ милл. руб. Среднее количество обращающихся у насъ кредитныхъ билетовъ въ теченіи періода 1865—1872 годовъ составляло 742 милл. А въ этой цифрѣ $46\frac{2}{3}$ милл. составляютъ $6\frac{1}{3}\%$. Если, однако, сравнить денежное обращеніе 1872 года съ денежнымъ обращеніемъ 1864 года, то возростаніе простирается до 16% въ восемь лѣтъ. Разсчетъ процентнаго увеличенія нашей циркуляціи изъ года въ годъ въ девятилѣтіе 1865—1873 гг. даетъ слѣдующія цифры (по порядку отдѣльныхъ годовъ): 1,7%, 3,8%, 1,5%, 2,8%, 0,6%, 1,2%, 2,9%, 1,9%, 1,4%; средняя изъ этихъ цифръ $2\frac{1}{2}\%$. Должно при этомъ обратить вниманіе на важное обстоятельство: въ первые четыре года (1865—1868) среднее годичное увеличеніе циркуляціи было 2,45%, а въ послѣдніе пять лѣтъ (1869—1873)—только 1,60%.

Извѣстно, что увеличеніе денежнаго обращенія нуждается во времени болѣе или менѣе продолжительномъ, для того, чтобы оно могло отразиться на цѣнности денегъ, на вексельныхъ курсахъ и товарныхъ цѣнахъ. Сразу вліяніе наростанія циркуляціи никогда не сказывается. Вслѣдствіе того медленность и постепенность въ наростаніи циркуляціи всегда задерживаетъ и скорость, съ которою его вліянія могутъ проявиться. Это бываетъ даже тогда, когда наростаніе происходитъ въ значительныхъ размѣрахъ. Въ еще болѣе степени, однако, парализуется скорость вліянія увеличенія денежнаго обращенія, когда къ медленности и постепенности прибавляется еще и сравнительная незначительность размѣра наростанія. Размѣръ наростанія въ $2\frac{1}{2}\%$ ежегодно нельзя признать особенно значительнымъ. Просмотрѣвъ вышеприведенныя данныя о годичномъ наростаніи нашей циркуляціи въ восьмилѣтіе 1865—1872 г., читатели замѣтятъ, что годы болѣе сильнаго наростанія стоятъ между годами сравнительно менѣе сильнаго наростанія, и что отдѣльные годы далеко не поддерживаютъ другъ друга одинаковою интенсивностью своихъ стремленій вліять на цѣнность кредитнаго рубля.

Попытка возстановить размѣръ въ $186\frac{2}{3}$ г. уменьшила нашу циркуляцію на $9\frac{1}{2}\%$. Это не помѣшало вексельному курсу вдвое ухудшиться. Тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что еслибъ сокращенію

циркуляціи дано было время, чтобъ произвести свое дѣйствіе, оно отразилось бы и на вексельномъ курсѣ. Но въ 1865, 1866 и 1867 г. циркуляція снова была увеличена на $6\frac{1}{3}\%$. Другими словами, это значило, что глубокому паденію вексельнаго курса послѣ попытки 1862—63 г. не признано было возможнымъ оказать хотя бы только пассивное противодѣйствіе.

Съ 1864 года въ нашемъ денежномъ обращеніи рѣзко обособляются двѣ его составныя части; изъ этихъ частей одна — *постоянная*, которая уменьшается только въ силу особаго закона, а другая — *временная*, въ своихъ колебаніяхъ контролируемая собственною административною властью государственнаго банка. Временная часть циркуляціи нашей состоитъ изъ такихъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ выпускъ рассчитанъ на обязательства, долженствующія быть оплаченными въ теченіе непродолжительнаго времени. Эти кредитные билеты предназначены, слѣдовательно, къ тому, чтобъ только на короткій періодъ увеличивать собою нашу циркуляцію. Уже въ 1864 году ихъ обращалось въ теченіе года среднимъ числомъ около 15 милл. Въ 1865 году ихъ обращалось только 11 милл.; но за то постоянная часть циркуляціи возросла съ средней годичной цыфры въ $642\frac{2}{3}$ милл. до 652 милл. Такимъ образомъ, перемиѣна сводится на то, что изъ вышеозначенныхъ 15 милл. выдѣлено было около 10 милл. и эти десять милліоновъ были присоединены къ постоянной части циркуляціи. Къ оставшимся же 5 милл. временныхъ кредитныхъ билетовъ присоединено было еще 6 милл. такихъ же. Въ 1866 году среднимъ числомъ въ теченіе года этихъ временныхъ кредитныхъ билетовъ обращалось уже около 38 милл. рублей. Какъ извѣстно, этотъ выпускъ находится въ связи съ облегченіями, которыя желательно было доставить скорости реализаціи втораго внутренняго займа съ выигрышами. Въ первые семь мѣсяцевъ 1867 года временныхъ кредитныхъ билетовъ обращалось уже среднимъ числомъ 44 милл. „Временные“ кредитные билеты такимъ образомъ совсѣмъ не были временными, и потому они не могли не давить на цѣнность всей массы нашего денежнаго обращенія. Понятно отсюда, отчего вексельный курсъ не могъ оправиться отъ своего глубокаго паденія въ 1864 году и отчего въ 1866 году кредитные билеты оказались способными потерять половину своей цѣнности.

Какъ бы то ни было, но къ тому моменту, когда государственный банкъ приступилъ къ своей операціи усиленія разнѣннаго фонда, онъ засталъ два „временныхъ“ факта: во-первыхъ, значительную сумму кредитныхъ билетовъ, которые обѣщали скоро исчезнуть изъ обращенія, и, во-вторыхъ, низкое состояніе вексельнаго курса, ко-

торое поддерживалось „временною“ причиною и, слѣдовательно, способно было внушить надежду на возможность поправленія.

Эти-то два факта, государственный банкъ совершенно лишилъ ихъ временнаго характера. И только поэтому его операція усиленія размѣннаго фонда не оказала *всѣмъ видимою* вліянія на нашъ вексельный курсъ и цѣнность кредитныхъ билетовъ. То-есть билеты, которые прежде только временно находились въ обращеніи, государственный банкъ навсегда оставилъ въ обращеніи, усиливъ за нихъ свой размѣнный фондъ. Онъ, такимъ образомъ, на первыхъ порахъ могъ усилить свой размѣнный фондъ, не подвергая никакой перемѣнѣ *фактическаго* денежнаго обращенія. Перемѣна произошла только въ активахъ, которыми выпущенные билеты покрывались. Прежде эти активы заключались въ обязательствахъ казначейства и лицъ, получавшихъ ссуды подъ выигрышные билеты; потомъ же, когда эти обязательства были оплачены, ихъ мѣсто заняли драгоценные металлы, на которые увеличился размѣнный фондъ.

Въ той мѣрѣ, въ какой государственный банкъ не произвелъ перемѣны (въ первое время операціи покупки) въ общей суммѣ нашего денежнаго обращенія, ему не пришлось оказать *видимаго* вліянія на нашъ вексельный курсъ. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла нельзя не признать, что сильно ошибаются, когда утверждаютъ, будто усиленіе размѣннаго фонда не оказало дурнаго вліянія на нашъ вексельный курсъ. Это дурное вліяніе только не было достаточно осязательно, чтобъ оно всѣмъ бросилось въ глаза. Оно заключалось въ томъ, что низкое состояніе вексельнаго курса, которое имѣло только временную причину, было увѣковѣчено операціею усиленія размѣннаго фонда въ томъ видѣ, какъ она была ведена государственнымъ банкомъ. Если вексельные курсы не оправившись отъ своего паденія подъ тяжестью временнаго увеличенія циркуляціи, то они потомъ уже не могли поправиться оттого, что увеличеніе было лишено своего временнаго характера.

Вліяніе, предпринятой въ 1870—71 г., консолидаціи части кредитныхъ билетовъ, употребленныхъ для поддержанія размѣннаго фонда, также было парализовано „временными“ кредитными билетами. И эти кредитные билеты, какъ и ихъ предшественники, на первыхъ порахъ могли имѣть только временное значеніе и для вексельнаго курса. Но это ихъ значеніе потомъ превратилось и превращается въ постоянное и прочное.

Въ 1873 и 1872 годахъ нашъ вексельный курсъ поправился и диважію кредитныхъ билетовъ понизилось на 4%. Эти-то четыре процента представляютъ все, что нашъ экономическій прогрессъ послѣдняго десятилѣтія сдѣлалъ для возвышенія цѣнности кредит-

ныхъ билетовъ. А между тѣмъ такихъ десятилѣтій въ нашей экономической исторіи можно насчитать очень и очень немного. И развѣ одного такого факта, что когда наши успѣхи уже добились возможности повліять и на валюту, они могли повліять лишь на четыре процента: развѣ этого факта недостаточно для убѣжденія, что нашъ экономическій прогрессъ въ своихъ вліяніяхъ именно на валюту *что-то* долженъ былъ парализоваться? А это „что-то“, развѣ оно несомнѣнно существовало, не могло быть ничѣмъ инымъ, кромѣ непрерывнаго увеличенія циркуляціи неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ: другую причину трудно подыскать.

Но мало того, что наша валюта очень мало могла поправиться подъ вліяніемъ нашихъ успѣховъ. Гдѣ гарантія, что 4⁰/₀, на которые валюта поправилась въ послѣдніе два года, имѣютъ прочное, а не временное только значеніе? Гдѣ гарантія, что мы за одинъ день не потеряемъ и того незначительнаго приобрѣтенія, которое мы теперь имѣемъ? Наша циркуляція, какъ выше показано, нарастала медленно, и это *отсрочило* для нарастанія возможность проявить свои послѣдствія. Допустимъ даже, что до сихъ поръ ни одна часть изъ тѣхъ кредитныхъ билетовъ, которые выпущены и уполостоянены въ обращеніи съ августа 1867 года, не успѣла еще проявить своихъ послѣдствій. Но раньше или позже, она вѣдь должна неизбѣжно начать проявленіе своихъ послѣдствій ¹⁾.

Насколько возможно себѣ составить убѣжденіе на основаніи изученія дѣйствительныхъ фактовъ, а не на основаніи произвольныхъ догадокъ и предположеній, должно признавать, что въ образѣ дѣйствій государственнаго банка при операціи усиленія размѣннаго фонда усматривается полное сознаніе вреда для цѣнности кредитныхъ билетовъ отъ усиленнаго ихъ увеличенія. Государственный банкъ поэтому стремился достигнуть своей цѣли, т.-е. усилить размѣнный фондъ, увеличивая выпуски кредитныхъ билетовъ весьма осторожно

¹⁾ Если принять среднюю постоянную часть нашего денежнаго обращенія августа 1867 года за 100, то для послѣдующаго шестилѣтія получаются слѣдующія относительныя цифры, выражающія сравнительную среднюю высоту постоянной части обращенія: 105.2, 109.2, 109.2, 109.2, 114.2, 118.2. Для 1869 года, 1870 и 1871 годовъ мы имѣемъ цифры, показывающія, что въ среднемъ выводѣ циркуляція въ своей постоянной части не измѣнялась. Происходило это отчасти оттого, что въ 1870 г. государственнымъ банкомъ мало было приобрѣтено драгоцѣнныхъ металловъ, отчасти отъ консолидаціи 1870—71 г., отчасти, наконецъ, оттого, что покупки 1871 года были сдѣланы „временными“ кредитными билетами. Вслѣдствіе того въ 1872 году и замѣчается сразу сильное увеличеніе постоянной части. Это объясняетъ намъ, отчего операція покупокъ золота и серебра не помѣшала поправленію вексельнаго курса въ 1872 и 1873 годахъ на 4⁰/₀. То-же указываетъ намъ пользу, которую принесла консолидація 1870—71 г., и указываетъ на случайность, которую до известной степени должно признавать даже въ незначительномъ поправленіи нашего курса.

и только при самой крайней надобности. Выпускамъ билетовъ, и въ особенности ихъ устояиванію въ обращеніи, государственный банкъ всегда предпосылалъ попытки обойтись „другими“ средствами. Но по совершенно понятной причинѣ всѣ эти попытки могли имѣть лишь временное значеніе. Всѣ онѣ доказывали лишь одно: что выпуски кредитныхъ билетовъ не представляютъ надлежащаго ресурса для усиленія размѣннаго фонда и весьма охотно были бы избѣгнуты и государственнымъ банкомъ.

Во всякой бумажно-денежной странѣ производительнымъ силамъ народнаго хозяйства приходится вести борьбу съ стремленіями неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ къ обезцѣненію. Результатомъ этой борьбы и является или возвышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, и, слѣдовательно—повращеніе вексельнаго курса, или же обратное, обезцѣненіе бумажныхъ денегъ и ухудшеніе вексельнаго курса. Въ послѣдніе годы четыре важнѣйшія бумажно-денежныя страны, — Франція, Соединенные-Штаты, Австрія и Россія, — представили очень много чрезвычайно осязательныхъ явленій, показывающихъ, какъ успешно можетъ идти вышеозначенная борьба. Во Франціи производительныя силы народнаго хозяйства почти совершенно парализовали силу своего врага. Въ Соединенныхъ-Штатахъ и въ Австріи развитіе производительныхъ силъ низвело дизажіо до 6—10%. Только у насъ противо-дѣйствіе экономическаго прогресса должно было оказаться безсильнымъ, понизивъ дизажіо до 17%. Но если въ Австріи цѣнность бумажныхъ денегъ успѣла выйти изъ такого хронически-дурнаго состоянія, въ какомъ наши кредитные билеты никогда не находимся, — если въ Австріи дизажіо съ 1870 года понизилось съ 20% до 6—8%, — тогда какъ у насъ пониженіе послѣдовало только съ 21% до 17%, — то это совсѣмъ не доказываетъ, что развитіе нашихъ силъ шло значительно медленнѣе и слабѣе. Въ Австріи и въ Соединенныхъ-Штатахъ экономическому прогрессу страны приходилось бороться съ врагомъ, *котораго силы оставались одни и тѣ же*, тогда какъ силы народнаго хозяйства нарастали. Понятно, поэтому, что чѣмъ болѣе нарастали производительныя силы страны, тѣмъ слабѣе становился врагъ, съ которымъ онѣ должны были бороться. Но у насъ народному хозяйству приходится вести свою борьбу съ врагомъ, *который самъ растетъ*. Намъ приходится налечиваться отъ болѣзни, которая идетъ прогрессивно усиливаясь. Что же удивительнаго, если наши силы менѣе успѣваютъ?

Мы не раздѣляемъ убѣжденій тѣхъ, которые усматриваютъ въ усиленіи размѣннаго фонда и во „временныхъ“ выпускахъ двѣ операціи, которыя по своей природѣ, какъ и когда бы онѣ ни производились, во всякомъ случаѣ раньше или позже должны вліять

дурно на цѣнность нашихъ кредитныхъ билетовъ. Мы полагаемъ, напротивъ, что какъ одна, такъ и другая операція, обѣ могли быть обставлены такъ, чтобъ вредъ отъ нихъ парализовался и чтобъ онѣ приносили только пользу. Но мы должны признать, что при теперешней обстановкѣ означенныхъ двухъ операцій возможная польза ихъ парализуется вредомъ ихъ, которому не оказываютъ никакого противодѣйствія.

Вліянія „временныхъ выпусковъ“ зависятъ отъ того, дѣйствительно-ли они — *временные*. Нельзя отвергать, что кредитные билеты, выпущенные подъ обязательство, уплата по которому въ короткій срокъ вѣ всякаго сомнѣнія, на цѣнность кредитныхъ билетовъ могутъ повліять только такъ же точно, какъ на нее вліяютъ влады на текущіе счета. Слѣдовательно, прежде всего качество вліяній „временно“ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ должны были бы зависеть отъ качествъ портфеля госуд. банка. Если въ этомъ портфель нѣтъ массы векселей такихъ лицъ, которыя давно уже были бы объявлены несостоятельными, еслибъ имъ не возобновляли векселей и не предоставлялись различныя льготы, — то кредитные билеты, выпущенные подъ хорошій портфель, могли бы и не возбуждать опасеній. Правда, кредитные билеты — неразмѣнные знаки. Но размѣнность фактически и не бываетъ нужною до тѣхъ поръ, пока обязательства, подъ которыми кредитные знаки выпущены, не возбуждаютъ опасеній въ своей удобореализуемости и пока у *банковаго учрежденія въ кассѣ имѣется достаточный запасъ свободныхъ средствъ на случай, еслибъ таковыя отъ него потребовались*. Но здѣсь-то мы и встрѣчаемся съ первымъ „камнемъ преткновенія“, препятствующимъ, чтобъ „временные“ кредитные билеты играли роль безопасныхъ кредитныхъ знаковъ. У *нашего государственнаго банка почти нѣтъ кассы или у него болѣею частью имѣется только фиктивная касса*. Объяснимъ это.

Касса представляетъ всегда остатокъ свободныхъ денежныхъ средствъ, которымъ не найдено употребленія. Она всегда представляетъ свободный капиталъ. Но ни государственный, ни какой бы то ни было иной банкъ капиталовъ создавать не въ состояніи. Банкъ можетъ имѣть только тѣ капиталы, которые ему довѣрили. Въ кассѣ у всякаго банка лежатъ всегда остатки отъ капиталовъ, довѣренныхъ банку посторонними лицами и не употребленныхъ банкомъ ни на что. Слѣдовательно, касса прежде всего зависитъ отъ того, израсходовалъ-ли банкъ все, что онъ получилъ отъ своихъ довѣрителей, или не все.

Но нашъ государственный банкъ давнымъ давно уже израсходовалъ самую большую часть тѣхъ капиталовъ, которые онъ получилъ отъ своихъ довѣрителей. И мало того, что онъ ихъ израсходовалъ. Онъ

поставленъ былъ въ необходимость такъ ихъ израсходовать, что когда довѣрители у него сильнѣе требуютъ обратно свои средства, то онъ можетъ помочь себѣ только выпусками кредитныхъ билетовъ.

Было бы неумѣстно излагать здѣсь подробно, какъ и почему государственный банкъ дошелъ до своего теперешняго состоянія. Это будетъ нами сдѣлано въ другомъ мѣстѣ. Теперь намъ важно было указать лишь на фактъ, что въ кассѣ у государственнаго банка могутъ находиться не такіе кредитные билеты, которые представляютъ излишки отъ свободныхъ средствъ, а такіе кредитные билеты, которые свидѣтельствуютъ о недостаткѣ свободныхъ средствъ. Но такіе кредитные билеты могутъ образовать лишь фиктивную кассу.

Если у кредитнаго установленія нѣтъ настоящей кассы изъ дѣйствительно свободныхъ средствъ, то оно лишено уже способности такъ распредѣлять кредитъ между различными періодами времени, чтобъ устранена была возможность пертурбацій въ цѣнахъ товаровъ (сюда-же причисляя и акціи съ облигаціями) и въ самой цѣнности денежныхъ средствъ.

Еслибъ государственный банкъ представлялъ такое кредитное установленіе, которое всѣ свои средства употребило и употребляетъ на одни только торгово-промышленныя цѣли, тогда онъ могъ бы „временно“ выпускать и кредитные знаки безъ вреда для нашихъ бумажныхъ денегъ. Тогда его „временные“ выпуски были бы тождественные съ банковыми билетами, которые выпускаются въ Соединенныхъ-Штатахъ національными банками (the national banks), а въ Австріи австрійскимъ національнымъ банкомъ. Но нашъ государственный банкъ находится въ положеніи, существенно различномъ отъ того, въ которомъ находятся означенные заграничные банки, выпускающіе новые кредитные знаки, хотя въ странѣ обращаются бумажныя деньги. Нашъ государственный банкъ израсходовалъ три четверти всей суммы капиталовъ, полученныхъ имъ отъ публики, на цѣли, которыя съ торговлею и промышленностью ничего общаго не имѣютъ. Онъ израсходовалъ свои средства такъ, что совсѣмъ не можетъ ихъ получить обратно. Вотъ почему, когда въ настоящее время государственный банкъ „временно“ выпускаетъ новые кредитные билеты, то это означаетъ, что онъ, возвращая своимъ довѣрителямъ полученные отъ нихъ капиталы, долженъ на постороннія государственныя цѣли употребить уже не капиталы, полученные отъ довѣрителей, а новые кредитные билеты. Временный характеръ нововыпускаемые кредитные билеты имѣютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой условно только временнымъ считаютъ обратное востребованіе капиталовъ, переданныхъ было госуд. банку. На самомъ же дѣлѣ „временные“ выпуски совсѣмъ не „временные“. Еслибъ госу-

государственный банкъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность, тогда это стало бы и для всѣхъ осязательнымъ. Теперь же это наружнымъ образомъ прикрывается періодически возобновляющаяся притокомъ капиталовъ въ госуд. банку. Пока эти капиталы не требуются обратно, госуд. банкъ можетъ изъ нихъ погашать „временные“ кредитные билеты. Но какъ только они опять становятся нужными торговлѣ и промышленности, „временные“ кредитные билеты опять должны появиться.

Еслибъ между государственнымъ банкомъ и государственнымъ казначействомъ установились болѣе нормальныя отношенія, тогда для перваго стали бы возможными и „временные“ выпуски кредитныхъ билетовъ. И тогда они могли бы быть совершенно безвредными для цѣнности нашей валюты. Но въ настоящее время, намъ кажется, что только по недоразумѣнію можно говорить о дѣйствительно „временныхъ“ выпускахъ.

Неизлишнимъ будетъ здѣсь, говоря о временныхъ выпускахъ, упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, которое до извѣстной степени служило причиной, отчего увеличеніе нашей циркуляціи не такъ скоро отразилось видимымъ образомъ на цѣнности кредитныхъ билетовъ. Подобно тому, какъ государственный банкъ употребилъ капиталы, полученные имъ отъ довѣрителей, на надобности государственнаго казначейства, онъ и на покупку драгоценныхъ металловъ употреблялъ не кредитные билеты, нарочно для покупокъ выпускаемые въ то время, когда вексельный курсъ благопріятенъ. Весьма вѣроятно, что еслибъ покупки производило само государственное казначейство, употребляя кредитные билеты, выпускаемые какъ разъ тогда, когда вексельные курсы поправляются, то поправление очень скоро было бы парализовано, и казначейству не много металловъ удалось бы купить. Можно думать, что и госуд. банку далеко не такъ удалась бы операція усиленія размѣннаго фонда, еслибъ онъ не воспользовался своею ролью банковаго учрежденія и своимъ значеніемъ на нашемъ денежномъ рынкѣ. Дѣло въ томъ, что капиталы, которые публикою довѣрены государственному банку, представляютъ нашъ запасный фондъ, пускаемый въ ходъ уже послѣ того, какъ всѣ остальные ресурсы истощились. Пока кто-либо еще имѣетъ другія средства, онъ не трогаетъ тѣхъ, которые переданы госуд. банку. Ясно, что тѣмъ болѣе вѣское значеніе средства, довѣренныя госуд. банку, должны получать на нашемъ денежномъ рынкѣ именно въ то время, когда всѣ остальные ресурсы торгово-промышленной публики начинаютъ истощаться. Денежный рынокъ долженъ становиться все туже и туже, по мѣрѣ того какъ приближается необходимость обратиться къ послѣднему запасу, т. е.

къ государственному банку. Одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда подобная необходимость возникаетъ, повторяется именно тогда, когда нашъ вексельный курсъ поправляется. Экспортерамъ нужны деньги для уплатъ по производимымъ ими закупкамъ товаровъ, отправляемымъ за-границу. Чѣмъ болѣе экспортерамъ нужны деньги, тѣмъ дешевле они готовы продавать свои иностранные векселя, свои франки и пенсы, то-есть тѣмъ болѣе поправляется нашъ вексельный курсъ и возвышается цѣнность нашего кредитнаго рубля. И вотъ въ это время, когда взоры всѣхъ обращены къ послѣднему ресурсу, къ государственному банку, послѣдній по объясненной выше причинѣ долженъ выпустить „временные“ кредитные билеты ¹⁾. Но еслибъ эти кредитные билеты госуд. банкъ всѣ передалъ торгово-промышленной публикѣ, тогда ему нечѣмъ было-бы покупать драгоценные металлы. Или же онъ тогда для покупокъ долженъ былъ бы выпускать *особые* билеты, которые, конечно, уже не были бы временными. Но еслибъ госуд. банкъ такъ усилилъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, то тугость на денежномъ рынкѣ исчезла бы, а съ нею и готовность экспортеровъ дешевле продавать пенсы и возможность для государственнаго банка покупать эти пенсы. Ясно, слѣдовательно, что для удачи своихъ покупокъ, государственный банкъ не только не долженъ препятствовать тугости на нашемъ денежномъ рынкѣ, но еще по возможности долженъ ее удерживать и усиливать. Вотъ для этой-то цѣли и употреблялся слѣдующій способъ. Государственный банкъ покупалъ на средства, заимствуемыя изъ того же фонда, который представляетъ послѣдній ресурсъ для торгово-промышленной публики. Своими собственными позаймствованиями госуд. банкъ уменьшалъ послѣдній ресурсъ, и такимъ образомъ тугость денежнаго рынка сама собою усиливалась, т.-е. покупки могли идти безпрепятственно. Вотъ факты, въ которыхъ это выразилось. Если мы соберемъ данныя о цѣнѣ, по которой у государственнаго банка можно было получать деньги въ теченіе 11-лѣтняго періода, съ 1862 по 1872 г. включительно, и если мы эти 11 лѣтъ разобьемъ на двѣ части, до августа 1867, когда начались покупки, и отъ августа 1867 г. до конца 1872, то сравненіе частей обнаружитъ намъ слѣдующіе выводы. До начала періода покупокъ изъ 290 недѣль, на время, когда петербургскій дисконтъ госуд. банка стоялъ 8%, приходилось всего 13 недѣль; со времени же производства покупокъ на общую сумму 282 недѣль такихъ недѣль съ 8% дисконтомъ приходится 96. Далѣе, въ первую часть періода было 10 недѣль съ 7¹/₂% дисконтомъ, во

¹⁾ Въ это же время усиливается спросъ государственнаго казначейства для антиципаций его текущихъ доходовъ.

вторую часть совсѣмъ не было такого дисконта. Недѣль съ дисконтомъ въ 7% было почти одинаковое число до и послѣ начала операций покупокъ: ихъ прежде было 48, послѣ—44. Съ 6 $\frac{1}{2}$ % дисконтомъ въ первый періодъ было 17 недѣль, во второй уже только 11. Съ дисконтомъ въ 6% было въ первый періодъ 80 недѣль, во второй 62 недѣли; съ дисконтомъ въ 5 $\frac{1}{2}$ %—86 недѣль до покупокъ и только 39 недѣль послѣ покупокъ; съ 5% дисконтомъ 36 недѣль до покупокъ и 15 недѣль послѣ покупокъ. За то послѣ начала операций покупокъ было 15 недѣль съ дисконтомъ въ 4 $\frac{1}{2}$ %, тогда какъ до того подобнаго дисконта не было. Окончательный результатъ: если раздѣлить дисконты на три категоріи, дорогой 7%, 7 $\frac{1}{2}$ % и 8%, умѣренный въ 6 $\frac{1}{2}$, 6%, и дешевый въ 5 $\frac{1}{2}$, 5 и 4 $\frac{1}{2}$ %,—то до операции покупокъ дорогой дисконтъ продолжался 71 недѣлю, а при операции—140 недѣль; умѣренный же дисконтъ до операции продолжался 97 недѣль, а при операции—только 73 недѣли; дешевый дисконтъ до операции, продолжавшійся 122 недѣли, при операции сумѣлъ продержаться только 69 недѣль. Такъ какъ общее число недѣль до и послѣ начала операции взятое, почти одинаковое (290 недѣль до и 282 недѣли послѣ начала), то относительныя цифры здѣсь излишни.

Итакъ, операція усиленія размѣннаго фонда была связана не только съ тѣмъ, что для дизайю кредитныхъ билетовъ была поставлена весьма высокая граница, о которую должны были разбиться всѣ плодотворныя вліянія нашего экономическаго прогресса. Она была еще связана съ тѣмъ, что на нашъ денежный рынокъ,—который находился въ путахъ уже оттого, что весьма значительная часть его свободныхъ капиталовъ была государственнымъ банкомъ иммобилизована,—была наброшена новая тяжесть.

Въ настоящее время совершенно измѣнились всѣ тѣ условія, которыя могли имѣться въ виду въ ту пору, когда впервые приступлено было къ операціи покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ. Отпускъ нашъ ожилъ. Въ нашихъ финансахъ произошелъ радикальный переворотъ. И при этихъ благоприятныхъ объективныхъ условіяхъ нашей народно и государственно-хозяйственной жизни, субъективныя условія не улучшались параллельно тоже, но даже пошли назадъ. Ибо, во-первыхъ, регрессомъ нельзя не признавать тѣ взгляды, подъ вліяніемъ которыхъ на нашъ денежный рынокъ наброшена новая тяжесть. Во-вторыхъ, регрессы представляютъ упостоянившіеся „временныя“ выпуски, которые на самомъ дѣлѣ и не могутъ въ настоящее время быть временными. Наконецъ, въ-третьихъ, весьма важный регрессъ мы усматриваемъ въ томъ, что мысль о консолидированіи „свѣжихъ“ кредитныхъ билетовъ, прибавляемыхъ періодически къ

прежней массѣ, совершенно заброшена, какъ излишняя и будто бы невозможная.

Консолидація, извлекая изъ обращенія „новые“ или „свѣжіе“ кредитные билеты, на которые увеличивается наше денежное обращеніе отъ усиленія размѣннаго фонда, имѣетъ то хорошее, что она парализуетъ стремленія „новыхъ“ кредитныхъ билетовъ обезцѣнивать старые. При этомъ денежный рынокъ остается при своихъ прежнихъ средствахъ. У него ничего не берутъ, чѣмъ онъ обладалъ, и его освобождаютъ только отъ навязанныхъ ему денежныхъ знаковъ. Правительству приходится брать съ денежнаго рынка только то, что безъ него совсѣмъ на рынкѣ и не существовало бы, что оно само бросило на денежный рынокъ. Конечно, и при консолидаціи можно еще много дѣлать возраженій противъ покупокъ драгоценныхъ металловъ ново-выпускаемыми кредитными билетами. И если эти возраженія были не особенно сильны въ періодъ, когда государственный банкъ еще только начиналъ свои покупки, когда наши финансы не отличались цвѣтущимъ состояніемъ,—то они много приобрѣли въ силѣ послѣ того, какъ финансы нашего правительства поправились. Если государственный банкъ покупаетъ золото и серебро, уплачивая 16⁰/₀-ный или 14⁰/₀-ный лажъ,—то это значитъ, что тѣ 5⁰/₀-ныя государственныя облигаціи, которыми раньше или позже правительство разсчитается со своими кредиторами по бумажно-денежному долгу, дадутъ нашему правительству на 16—14⁰/₀ менѣе. Конечно, и эти будущія облигаціи придется выпускать ниже пари. Предполагая, что ихъ можно будетъ выпустить даже по 95⁰/₀, ихъ дѣйствительному выпускному курсу,—въ который они обойдутся *народному* хозяйству,—тогда должно будетъ считать въ 95—16 или 14=79⁰/₀ или 81⁰/₀. Несомнѣнно, что въ настоящее время производить операцію, которая такъ дорого должна въ концѣ-концовъ обойтись *народному* хозяйству, нѣсколько (да позволено будетъ выраженіе) *обидно* и для нашихъ финансовъ, и для нашихъ производительныхъ силъ въ ихъ современномъ состояніи. Но даже если примириться съ этимъ фактомъ,—если даже признать, что иначе, какъ операціе противодѣйствія возвышенію вексельнаго курса, размѣнный фондъ не можетъ быть усиленъ,—основное и единственное условіе, при которомъ означенная операція могла быть допущена, должно было бы быть дано въ дѣятельномъ стремленіи консолидировать новые кредитные билеты, на которые усиленіе увеличиваетъ наше обращеніе. Между тѣмъ, именно это условіе совершенно устранено въ послѣдніе годы, какъ излишнее и невозможное.

Что, однако, это условіе не излишнее, кажется, не нужно было бы долго и доказывать. Ибо именно его отсутствіе и заставляетъ

при защитѣ операціи усиленія разнѣннаго фонда прибѣгать къ такимъ доводамъ, которые по меньшей мѣрѣ проблематическаго свойства. Отсутствие консолидаціи принуждаетъ дѣлать изъ новыхъ выпусковъ какое-то благодѣяніе, оказываемое народному хозяйству, тогда какъ на дѣлѣ народному хозяйству только расширяется тяжелая задача, на немъ лежащая: вмѣсто того, чтобы поддерживать цѣнность одной массы кредитныхъ билетовъ, на народное хозяйство возлагается забота о поддержаніи еще увеличенной массы.

Невозможность консолидаціи доказываютъ тѣмъ, что, во-первыхъ, народное хозяйство *нуждается* въ тѣхъ кредитныхъ билетахъ, на которые увеличивается денежное обращеніе отъ покупокъ золота и серебра, и что—во-вторыхъ—для консолидаціи государственному же банку придется первому дать средства, которыя у него совсѣмъ не свободны.

Что касается *потребности* народнаго хозяйства въ увеличеніи массы кредитныхъ билетовъ, то эта потребность долгое время не принадлежала къ числу получившихъ признаніе отъ нашего финансового управленія. Совершенно напротивъ, наше финансовое управленіе раздѣляло взгляды тѣхъ, которые объясняютъ эту „потребность“ только неумѣніемъ разбирать факты народно-хозяйственной жизни. Въ особенности объ этой „потребности“ трудно говорить въ настоящее время, послѣ развитія у насъ банковаго дѣла и операціи вкладовъ на текущіе счета съ чеками.

Но оставимъ даже въ сторонѣ эту „теоретическую“ сторону дѣла. Съ практической точки зрѣнія, повидимому, за невозможность или затруднительность консолидаціи говоритъ высота нашихъ учетно-ссудныхъ процентовъ и то обстоятельство, что нашъ денежный рынокъ будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе отъ всякой попытки на консолидацію. По крайней мѣрѣ на такой точкѣ зрѣнія только и можетъ основываться отрицаніе возможности консолидаціи.

Выше, однако, уже была указана одна изъ причинъ высоты нашего дисконта. Болѣе же важная причина заключается въ томъ, что у насъ каждая сотня рублей въ кредитныхъ билетахъ представляетъ сравнительно меньшее количество тѣхъ производительныхъ силъ, которыя въ капиталахъ являются только накопленными. Сколько бы ни увеличилась или уменьшилась масса обращающихся у насъ кредитныхъ билетовъ, отъ одного этого означенныя производительныя силы въ ихъ накопленномъ видѣ не возрастутъ и не упадутъ.

Но, говорятъ, консолидація невозможна или затруднительна, потому что свободныхъ *кредитныхъ билетовъ* совсѣмъ не существуетъ. При первомъ объявленіи о консолидаціи окажется, что публика по-

требуетъ тѣ кредитные билеты, которые она держитъ въ банкахъ, а между ними и въ государственномъ. Въ банкахъ же вообще, а еще болѣе въ государственномъ, совсѣмъ нѣтъ свободныхъ кредитныхъ билетовъ. Въ массахъ имѣется только то, что нужно для непосредственныхъ надобностей или про запасъ на всякій случай. Излишковъ нѣтъ.

Если это справедливо, то это тѣмъ болѣе доказываетъ настоятельную и неотложную потребность въ консолидаціи. Если дѣйствительно наша потребность въ *орудіяхъ обращенія* сильно расширилась, то значитъ, у насъ сильно увеличилась масса капиталовъ, которая должна быть приводима въ движеніе означенными орудіями. Но разъ у насъ имѣются реальныя, осязательныя капиталы, консолидація, вѣдь, не уничтожаетъ ихъ. Она только очищаетъ мѣсто для *орудій обращенія*, болѣе соответствующихъ своему назначенію, чѣмъ обезцѣненные кредитные билеты.

Если у насъ сильно увеличилась масса нашихъ капиталовъ, то значитъ, увеличилась та наша сила, которою цѣнность кредитныхъ билетовъ могла бы быть поднята, еслибъ ей не мѣшали. А между тѣмъ этой-то силѣ и оказываютъ противодѣйствіе, когда увеличеніемъ массы кредитныхъ билетовъ ей каждый разъ все болѣе и болѣе дѣлаютъ трудную задачу—поддерживать и возвышать цѣнность кредитныхъ билетовъ. Если наша потребность въ орудіяхъ обращенія растетъ, то народному хозяйству должно быть дано то, что дѣйствительно удовлетворяетъ потребности. Если потребность—здоровая, то и удовлетворяться она должна предметомъ здоровымъ, а не такимъ, отъ котораго она должна становиться нездоровою, болѣзненною. То-есть, если у насъ существуетъ усиленная потребность въ орудіяхъ обращенія, то удовлетворяться она должна не „временными“ кредитными билетами, которые обезцѣнены сами и угрожаютъ обезцѣнить остальную массу билетовъ, а кредитными знаками, *разными на ходячія законныя платежныя средства*.

Консолидація кредитныхъ билетовъ, на которые увеличивается наше денежное обращеніе, затруднительна не потому, что кредитные билеты удовлетворяютъ народной потребности, а потому, что *государственный банкъ безъ нихъ не можетъ разсчитаться съ своими вѣрителями*. Это мы допускаемъ; но это доказываетъ только, что пораженному во многихъ мѣстахъ государственному банку трудно приступить къ леченію отъ одной изъ его болѣзней, чтобъ не почувствовать немедленно и тѣмъ напряженнѣе всѣ остальные свои болѣзни. Вотъ почему отрицаніе консолидаціи имѣетъ только то значеніе, что имъ косвенно выражается требованіе болѣе радикаль-

наго леченія, — что нѣтъ выражается косвенно мысль о невозможности для государственнаго банка лечиться только отъ одной болѣзни.

Мы не станемъ отвергать полезности болѣе радикальнаго леченія, но мы думаемъ, что постепенность совсѣмъ не препятствуетъ радикальности. Последняя можетъ заключаться только въ томъ, чтобъ основная мысль реформы охватывала всю совокупность нашихъ неотверженныхъ долговъ, и чтобъ регулированіе *всей* этой совокупности было окончательною цѣлью реформы. Постепенность же должна выразиться въ послѣдовательномъ рядѣ мѣропріятій, которыя одно за другимъ переходили бы къ разрѣшенію различныхъ частей обширной задачи.

Мѣропріятія должны быть такъ расположены, чтобъ предшествующія всегда содѣйствовали успѣху послѣдующихъ, т.-е. они должны быть объединены общою мыслью и другъ другу соподчинены, какъ соподчинены другъ другу всегда бываютъ составные элементы одной и той же задачи. Ни одна изъ подготовительныхъ мѣръ для регулированія нашего неотверженнаго долга не должна заслонять собою другихъ.

Усиленіе разнѣннаго фонда можетъ быть рассматриваемо какъ одна изъ этихъ подготовительныхъ мѣръ. Но усиленіе очень долго стоитъ такъ одиноко и защищалось такими доводами, что менѣе всего выступало достаточно ясно его значеніе въ ряду другихъ мѣръ, одинаково съ нимъ подготовительныхъ. Значеніе другихъ мѣръ, однородныхъ съ усиленіемъ разнѣннаго фонда, имѣло какъ-бы совершенно подавляющее.

Намъ кажется, что этому прежде всего долженъ былъ бы быть положенъ конецъ. И это могло бы быть сдѣлано приостановленіемъ операціи усиленія разнѣннаго фонда и переходомъ отъ нея къ другимъ частямъ задачи, подлежащей разрѣшенію.

Несомнѣнно, что существуютъ интересы, которые будутъ имѣть поводъ жаловаться, если государственный банкъ приостановитъ свои покупки драгоцѣнныхъ металловъ. Но эти интересы далеко не тождественны съ интересами общественной и государственной пользы. Одно только имѣетъ существованіе, поэтому, совсѣмъ не доказываетъ, что покупки драгоцѣнныхъ металловъ государственнымъ банкомъ, независимо отъ своего непосредственнаго и спеціальнаго назначенія, имѣютъ еще какое-то другое, болѣе высокое назначеніе.

Прежде всего необходимо принять во вниманіе, что когда наше финансовое управленіе рѣшилось на операцію покупокъ, то оно имѣло въ виду именно одно только укрѣпленіе разнѣннаго фонда. Это укрѣпленіе считали приготовительною мѣрою для возстановленія валюты. Ради возстановленія примирились съ противодѣйствіемъ воз-

выпущенію вексельнаго курса. Но на это рѣшились только временно. И иначе, какъ временно, на операцію покупокъ не могли рѣшиться. Ибо какой же интересъ существуетъ для того, чтобъ вѣчно держать вексельный курсъ на низкомъ уровнѣ? Нельзя же думать въ самомъ дѣлѣ, будто наше финансовое управленіе имѣло и имѣетъ недоброе намѣреніе нарочно долгое время насильственно держать курсъ на низкомъ уровнѣ, чтобъ потомъ имѣть однимъ поводомъ больше для девальвации. Низкій уровень вексельнаго курса (высокій даже) — неудобство, съ которымъ на время народное хозяйство можетъ примириться, но, конечно, только ради приобретаемой за то возможности возстановить валюту, то-есть, совершенно устранить даже. Теперь у государственнаго банка на 217 милл. р. золота и серебра при 792 милл. кредитныхъ билетовъ; пропорція металла къ билетамъ такая, какъ 1 къ $3\frac{2}{3}$. Если операція покупки не представляетъ сама по себѣ никакихъ опасностей для цѣнности кредитныхъ билетовъ, тогда весьма выгодно, чтобъ государственный банкъ выпустилъ еще на триста миллионновъ кредитныхъ билетовъ и увеличилъ свой металлическій фондъ до 534 милл. Тогда пропорція металла къ билетамъ будетъ почти какъ 1 къ 2. Или выгодно, чтобъ банкъ удвоилъ теперешнюю массу кредитныхъ билетовъ до суммы 1584 милл. руб., а металлическій фондъ довелъ до 1009 милл.; ибо тогда пропорція будетъ, какъ 1 къ $1\frac{1}{2}$. Но именно эти колоссальныя цифры съ одной стороны, и слишкомъ благоприятные результаты съ другой — и показываютъ наглядно, что разъ операція покупки не ограничивается извѣстными предѣлами, она превращается въ *пуфъ*. Именно приведенныя цифры и убѣждаютъ, что операція покупки металловъ можетъ быть ведена успѣшно только до тѣхъ поръ, пока ея собственныя вредныя вліянія парализуются противоѣдѣствіемъ со стороны прогресса производительности силъ народнаго хозяйства. Но разъ операція начинаетъ принимать колоссальныя размѣры, ея вредныя тенденціи становятся непреодолимыми.

Ни государственный банкъ, ни вообще наше финансовое управленіе, задаваясь намѣреніемъ усилить размѣнный фондъ, ничѣмъ не выражали еще другого намѣренія — способствовать какому-либо иному интересамъ, кромѣ интересовъ нашей валюты. Да оно и понятно. Какое дѣло государственному банку до интересовъ той или иной отдѣльной отрасли нашей торговли? Или какимъ образомъ такой крупный народно-хозяйственный интересъ, каковъ несомнѣнно интересъ валюты, могъ бы быть поставленъ нашимъ финансовымъ управленіемъ въ зависимость отъ выгодъ отдѣльной группы предпринимателей?

Говорятъ, что отъ прекращенія государственнымъ банкомъ поку-

ножъ золота и серебра сильно пострадаютъ интересы нашего экспорта. Посмотримъ!

Предметы нашего экспорта двоякіе: товары и цѣнныя бумаги. Что касается *товаровъ*, то устраненіе покупокъ можетъ для нихъ оказаться невыгоднымъ, какъ отъ прочнаго, такъ и отъ временнаго улучшенія вексельнаго курса. Улучшеніе вексельнаго курса есть пониженіе лажа; слѣдовательно, оно уменьшаетъ выручку экспортера на размѣръ пониженія лажа. Если пониженіе временное, то оно подвержено колебаніямъ, которыя предвидѣть иногда трудно или совершенно невозможно. Понятно, что оно тогда можетъ совершенно разрушить расчеты экспортера и довести его до разоренія. Если же поправленіе курса и пониженіе лажа не только временное, а прочное, то оно тогда совершенно лишаетъ экспортера известной части его выручки. А эта часть можетъ быть весьма важна для его способности являться на заграничныхъ рынкахъ конкурентомъ экспортеровъ другихъ странъ. — Для экспорта *цѣнныхъ бумагъ* известный наименьшій уровень лажа тоже имѣетъ значеніе. Ибо уровнемъ лажа между прочимъ опредѣляется цѣна бумаги. Чѣмъ лажъ ниже, тѣмъ бумага обходится дороже ея заграничному покупателю, тѣмъ менѣе выгоды она представляетъ заграничнымъ капиталистамъ, какъ номинанте, тѣмъ для нихъ выгоднѣе продавать бумагу. Изъ этого можно было бы заключать, что поправленіе курса повлечетъ за собою не только уменьшеніе сбыта нашихъ бумагъ на заграничныхъ биржахъ, но и сильный наплывъ ихъ нѣ-за границы для реализаціи на нашихъ русскихъ биржахъ.

Таковы доводы, повидимому говорящіе за сохраненіе теперешняго порядка отношеній государственнаго банка къ вексельнымъ курсамъ. Разобрать ихъ тѣмъ болѣе необходимо, что имъ придавали государственное значеніе.

Начнемъ съ вреда колебаній лажа для экспорта товаровъ и съ пользы, которую покупки драгоценныхъ металловъ приносятъ, такъ-называемую, *фиксацию* курса. Мы уже выше видѣли, что если разсуждать строго, то покупки совсѣмъ не фиксируютъ курса. Покупки, мѣняя возвышенію курса, устраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ высотъ курса и лажа, которыя иначе были бы возможны. Такое устраненіе, однако, не тождественно ни съ фиксациею курса и лажа, ни съ устраненіемъ ихъ колебаній. Теперь лажъ не можетъ опуститься ниже 16%. Онъ не можетъ равняться ни 15%, ни 14%, ни 13% и т. д. вплоть до нуля %. Конечно, экспортеръ, съ точки зрѣнія своихъ частныхъ (эгоистическихъ) интересовъ, имѣетъ основанія утверждать, что для него безразлично, колеблется ли лажъ между 25% и 16% или между 16% и 10%, лишь бы не было колебаній между 10% и

25%. Колебанія вредны и для всего народнаго хозяйства, и чѣмъ меньше предѣлы, въ которыхъ они происходятъ, тѣмъ выгоднѣе для всѣхъ интересовъ. Но *все* (а не только эгоистическіе) интересы выигрываютъ лишь тогда, когда *причины* обширныхъ колебаній устранены, а не тогда, когда устранены одни только *симптомы* обширныхъ колебаній. Разъ причины большого объема колебаній остаются нетронутыми, интересы народнаго хозяйства продолжаютъ по прежнему страдать. А отъ устраненія симптомовъ выигрываютъ только извѣстныя категоріи частныхъ интересовъ, которымъ обезпечивается на *счетъ остальныхъ интересовъ* опредѣленная прибыль. Сверхъ того, имъ обезпечивается возможность менѣе озабочиваться послѣдствіями, пронтекающими отъ того, что основныя причины обширныхъ колебаній оставлены нетронутыми. Конечно, экспортеръ выигрываетъ, если онъ увѣренъ, что различныя высоты лажа, начиная отъ нуля и до 16%, невозможны. Но всѣ остальные члены народнаго хозяйства отъ этого не только не выигрываютъ, но еще теряютъ. Ибо то улучшение въ ихъ положеніи, которое произошло бы отъ пониженія лажа, у нихъ отнимается. Причины пониженія лажа не парализуются. Да ихъ никакая сила и не въ состояніи парализовать. Но послѣдствія этихъ причинъ искусственно дѣлаются ресурсомъ для эгоистическихъ выгодъ. Экспортеры начинаютъ получать рядъ прибылей каждый разъ, когда причины, понижающія лажъ, желали бы *оидимымъ образомъ* оказать свое вліяніе. Этому видимому вліянію ихъ препятствуютъ; и оттого оказывается *невидимое* только ихъ вліяніе: возвышеніе прибылей частныхъ категорій предпринимателей. Еслибъ колебаніямъ лажа предоставлена была свобода, предпринимчивости приходилось бы дѣлательно озабочиваться предусмотрѣніемъ ихъ. Предпринимчивость должна была бы принимать противъ нихъ мѣры и на основаніи собственной инициативы уравнивать спросъ и предложеніе векселей въ различныя времена, чтобъ колебанія курса были наименѣе значительныя. Теперь же экспортеры живутъ одною заботою меньше. Они могутъ меньше бояться колебаній. Но вѣдь это *подарокъ*, который имъ дѣлается на счетъ остальныхъ членовъ народнаго хозяйства. И этотъ подарокъ — чѣмъ болѣе дорогой, чѣмъ больше основаній у народнаго хозяйства дорожить своимъ прогрессомъ. Наконецъ, всякому подарку раньше или позже должны быть поставлены предѣлы.

Итакъ, операція покупки драгоцѣнныхъ металловъ, если она и фиксируетъ вексельный курсъ, то только во внѣшнихъ симптомахъ его колебаній и только въ эгоистическихъ интересахъ. Съ точки же зрѣнія интересовъ народнаго хозяйства операція покупки металловъ совсѣмъ не фиксируетъ курса.

Совершенно иного рода доводъ является предъ нами, когда говорить, что мы потеряемъ способность конкурировать въ отпускѣ хлѣба съ Америкой, если низкій курсъ не поддержитъ нашихъ экспортеровъ. Это значить, что нашъ экспортъ нуждается въ покровительственной пошлинѣ, которую ему и доставляетъ высокій лажъ. Несомнѣнно, конечно, что когда приходится соперничать на заграничномъ рынкѣ, то большое значеніе получаетъ всякое средство, могущее оказать помощь въ борьбѣ съ соперникомъ. Значеніе подобного средства можетъ получить и высокій лажъ. Но спрашивается въ такомъ случаѣ, какой интересъ имѣется въ экспортѣ, если онъ иначе не можетъ держаться, какъ путемъ поощренія, убивающаго самое главное значеніе экспорта, его значеніе для вексельнаго курса? Если мы не можемъ сбывать нашихъ зерновыхъ продуктовъ иначе, какъ съ потерей тѣхъ выгодъ, которыя заграничный сбытъ долженъ былъ бы доставить нашему вексельному курсу, то это значить, что заграничный сбытъ начинаетъ терять одно изъ своихъ преимуществъ *предъ сбытомъ на внутреннихъ рынкахъ*. И вдругъ мы стали бы искусственно создавать такое преимущество, для котораго въ дѣйствительности почва потеряна! Нельзя спорить противъ того, что всякій выигрышъ экспортера на лажѣ побуждаетъ его болѣе вывозить за границу. Но какой же у насъ существуетъ интересъ *искусственно дѣлать нашъ хлѣбъ болѣе дешевымъ для заграничнаго потребителя, чѣмъ для внутренняго*? Не для того же мы станемъ это дѣлать, чтобъ экспортеръ имѣлъ возможность лишнее заработать!

Нельзя, однако, упускать изъ виду еще и слѣдующихъ обстоятельствъ. Поощряемый искусственно-высокимъ лажемъ, отпускъ снимаетъ предложеніе на внутреннихъ рынкахъ и, порождая на нихъ возвышеніе цѣнъ, начинаетъ самъ парализовать свои тенденціи. Подобно всякой покровительственной пошлинѣ, и та, которая дается въ искусственно-высокомъ лажѣ, чрезъ извѣстное время становится недостаточною, если она не стала излишнею.

Но значеніе высокаго лажа, какъ основанія для способности конкурировать на заграничныхъ рынкахъ, парализуется, сверхъ того, еще и подъ вліяніемъ увеличенія денежнаго обращенія новыми кредитными билетами. По мѣрѣ того, какъ цѣны на внутреннихъ рынкахъ начинаютъ подвергаться вліянію лажа, долгое время стоявшаго на высокомъ уровнѣ, и вліянію увеличенной массы кредитныхъ билетовъ, долгое время остававшихся въ обращеніи, — становится все болѣе и болѣе фивитивнымъ поощреніе, доставляемое отпуску искусственною поддержкою лажа на высокомъ уровнѣ.

Въ теченіе 6½ послѣднихъ лѣтъ размѣнный фондъ усилился на 160 милл. рублей. Такое усиленіе могло произойти, или благодаря

естественному развитію нашего отпуска въ послѣдніе годы, или только благодаря искусственному поощренію нашего отпуска. Въ первомъ случаѣ у народнаго хозяйства отрѣзана была часть *предложенія* иностранныхъ векселей, которые иначе явились бы на рынкѣ и своимъ давленіемъ на вексельный курсъ понизили бы лажъ. Среднимъ числомъ въ годъ у насъ могло бы появляться на 25 милл. руб. больше векселей; а эта сумма очень близко подходитъ къ средней ежемѣсячной нашей потребности въ иностранныхъ векселяхъ. Если же усиленіе размѣннаго фонда произошло, только благодаря поощренію отпуска, то и тогда совершенно достаточно жертвы въ 30 милл., въ которую по наименьшему разсчету обошлось поощреніе отпуска и усиленіе размѣннаго фонда.

Такимъ образомъ, рассматривая съ точки зрѣнія товарнаго экспорта операцію покупки драгоцѣнныхъ металловъ, мы приходимъ къ заключенію, что она широкаго и общаго государственнаго значенія лишена, что ея значеніе можетъ быть только подчиненное. Поощряя отпускъ, она вызываетъ такое его усиленіе, отъ котораго выигрываетъ не народное хозяйство, а одинъ только размѣнный фондъ. Расходы усиленія послѣдняго и представляютъ жертвы народнаго хозяйства на поощреніе отпуска. Но означенные расходы не могутъ рости безгранично. Сама природа размѣннаго фонда и назначеніе его ставятъ ясныя предѣлы расходамъ его усиленія.

Остается еще разсмотрѣть тѣ вліянія, которыми прекращеніе покупокъ драгоцѣнныхъ металловъ, повидимому, можетъ отразиться на нашей фондовой биржѣ.

Несомнѣнно, что всякое улучшеніе нашего вексельнаго курса дѣлаетъ доходность нашихъ бумагъ менѣе высокою для заграничнаго капиталиста. Но развѣ улучшенія въ положеніи должника не должны естественно всегда имѣть своимъ послѣдствіемъ—удешевленіе цѣны, по которой онъ достаетъ для себя капиталъ на денежномъ рынкѣ? При чемъ же окажутся и успѣхи нашихъ бюджетовъ государственныхъ, и желѣзнодорожныя постройки, и успѣхи нашей торгово-промышленной жизни, если мы вѣчно должны будемъ уплачивать за капиталы, получаемые нами изъ за-границы, все одну и ту же цѣну? Если на заграничныхъ биржахъ курсы нашихъ бумагъ идутъ въ гору, то развѣ это не доказываетъ, что, и помимо нашей инициативы, нашими бумагамъ готовы довѣрять капиталы за болѣе низкую цѣну? Если наши новыя подписки за-границею сопровождаются блестящими успѣхами и если выпускные курсы новыхъ нашихъ бумагъ могутъ быть прогрессивно возвышаемы, то развѣ это не доказываетъ, что цѣна свободнаго капитала на всемірномъ денежномъ рынкѣ для насъ понизилась?

Одно только то, что доходность наших бумаг от поправления вексельного курса несколько понизится для заграничного капиталиста, еще же должно вовсе необходимо влечь за собою усиленный обратный приток к намъ бумагъ изъ за-границы. Ибо наши бумаги все еще останутся при достаточно высокой доходности, чтобы привлекать заграничные капиталы. Для обратного притока необходимо, чтобы довѣріе къ нашимъ бумагамъ ослабло. Необходимо, чтобы заграничные капиталисты обрадовались представляющемуся, при улучшеніи вексельного курса, благоприятному случаю хорошо реализовать бумагу, къ которой довѣріе не велико, и успѣлиши воспользоваться случаемъ. Но въ рукахъ у нашего правительства нѣются всѣ средства для того, чтобы поставить внѣ случайностей качества довѣрія, вносимаго къ нашимъ бумагамъ.

Можно признавать, что за-границею во всякое данное время существуетъ у спекуляціи извѣстное количество нашихъ бумагъ, находящихся въ положеніи неотверженныхъ (*papier flottant, schwebendes Papier*) и стремящихся всегда отразиться на нашей биржѣ подвліяніемъ перенѣтъ въ вексельномъ курсѣ. Эти-то бумаги или за-граничная спекуляція по собственной инициативѣ бросаетъ на нашъ рынокъ, если улучшившійся вексельный курсъ обѣщаетъ нѣкоторыя выгоды, или же ихъ призываетъ на наши биржи инициатива нашихъ собственниковъ капиталовъ, получающихъ возможность дешевле покупать, благодаря чему же улучшенію въ вексельномъ курсѣ. Но какъ бы то ни было, весьма важно не терять изъ виду, что если улучшение вексельного курса и влечетъ за собою наплывъ бумагъ на наши биржи, то этотъ наплывъ самъ представляетъ коррективъ, противодействующій ненормальности во вліяніяхъ вексельного курса, когда онъ поправляется. Наплывъ бумагъ изъ за-границы влечетъ за собою необходимость увеличенныхъ заграничныхъ платежей и, слѣдовательно, давленіе на вексельный курсъ по направленію внизъ. Конечно, отъ предусмотрительности заграничныхъ продавцовъ или нашихъ отечественныхъ покупателей въ весьма сильной мѣрѣ зависитъ, какъ низко опустится цѣна приплывшихъ бумагъ и до какой степени ухудшится вексельный курсъ отъ увеличенія платежей за-границу. Но вѣдь сильное паденіе курса бумагъ также невыгодно для ихъ продавцовъ, какъ слишкомъ сильное паденіе вексельнаго курса невыгодно для ихъ покупателей.

Не забудемъ, что если въ настоящее время мы оказываемся совершенно беззащитными, когда сильный приливъ бумагъ изъ за-границы начинаетъ губельно угрожать нашему вексельному курсу, то это въ самой значительной мѣрѣ происходитъ оттого, что у государственнаго банка парализована его способность противодейство-

вать слишкомъ сильному упаву нашихъ свободныхъ средствъ за-границу. Еслибъ у государственнаго банка не было такой колоссальной массы иммобилизованныхъ активовъ,—еслибъ таковыхъ онъ имѣлъ на 100 миллионѣвъ рублей меньше и вмѣсто нихъ обладалъ бы свободнымъ портфелемъ на такую же сумму,—тогда весьма простое временное регулированіе учетно-ссудныхъ процентовъ давало бы ему достаточную возможность — оказывать надлежащее противоѣдствіе сильному приплыву нашихъ бумагъ изъ-за-границы. Уже въ настоящее время регулированіе учетно-ссудныхъ процентовъ (въ особенности осенью) даетъ государственному банку возможность пользоваться благоприятнымъ вексельнымъ курсомъ для усиленія своего размѣннаго фонда. Легко себѣ въ такомъ случаѣ представить, какую силу на пользу народнаго хозяйства государственный банкъ могъ бы приобрести, еслибъ онъ могъ стать свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ.

Такимъ образомъ и разсмотрѣніе условий нашей фондовой биржи приводитъ насъ къ тому же заключенію. Не удержаніе операцій усиленія размѣннаго фонда покупками драгоцѣнныхъ металловъ намъ въ настоящее время нужно. Совершенно напротивъ. Намъ нужно расширеніе свободы дѣйствій. Необходимо, чтобъ государственный банкъ получилъ возможность *все* свои средства отъ вкладовъ и текущихъ счетовъ употреблять на одни только торгово-промышленныя цѣли. Тогда намъ возможно будетъ меньше бояться и вліяній всякихъ случайностей на нашъ вексельный курсъ.

Къ этой-то цѣли должны были бы стремиться новыя подготовительныя мѣры, которымъ усиленіе размѣннаго фонда должно было бы уступить мѣсто.

Если дѣйствительно мы переживаемъ теперь эпоху, когда наша потребность въ орудіяхъ обращенія еще только начинаетъ обозначать свои предѣлы, то тѣмъ сильнѣе наша потребность въ циркуляціонномъ механизмѣ, достаточно упругомъ, чтобъ онъ могъ свободно приспособляться къ потребностямъ. Намъ нужно денежное обращеніе, которое способно было бы расширяться и сокращаться не по указаніямъ канцелярій, а смотря по надобностямъ и средствамъ торгово-промышленной жизни, сообразно условіямъ производительности нашихъ силъ и соотвѣтственно перемѣнамъ, происходящимъ на всемірномъ денежномъ рынкѣ.

Насколько подобной цѣли могутъ способствовать подготовительныя мѣры для регулированія нашихъ неутвержденныхъ долговъ, эти мѣры у насъ должны быть двоякія. Во-первыхъ, онѣ должны клониться къ тому, чтобъ вывести государственный банкъ изъ его теперешняго безвыходнаго положенія. Во-вторыхъ, онѣ должны со-

дѣйствовать возможности появленія у насъ безупречныхъ нормальныхъ денежныхъ знаменъ.

Тѣ средства, которыя государственный банкъ расходуетъ на усиленіе разнѣннаго фонда, онъ долженъ направить на усиленіе *своей кассы*. Государственный банкъ главнымъ образомъ оперируетъ, какъ вкладной (депозитный) банкъ. Поэтому, прежде чѣмъ можетъ зайти рѣчь о роли государственнаго банка въ качествѣ эмиссіоннаго учрежденія, должна быть устроена на прочныхъ основаніяхъ состоятельность его въ качествѣ вкладнаго банка. Если теперешнее ненормальное положеніе заключается въ томъ, что государственный банкъ, израсходовавъ свои средства иммобилизирующимъ ихъ образомъ, потерялъ свою кассу или обладаетъ только фиктивной кассою ¹⁾, то восстановленіе нормальности должно заключаться въ томъ, чтобы государственному банку дана была возможность *реализмовать свои активы* и получить средства для дѣйствительной кассы.

Реализація неподвижныхъ активовъ государственнаго банка, то-есть консолидированіе долга ликвидаціи, конечно, будетъ стоить расходовъ. Но эти расходы, какъ замѣчено, не представляютъ новаго бремени для государственнаго казначейства, если на нихъ будутъ обращены средства, теперь употребляемыя на усиленіе разнѣннаго фонда. Мало того: въ настоящее время эти средства все-таки составляютъ бремя для казначейства. Напротивъ, если они будутъ обращены на эмансипацію государственнаго банка, то они освободятъ казначейство отъ лишняго бремени. Общая масса тягостей, лежащихъ на казначействѣ, увеличиваемая операціею усиленія разнѣннаго фонда, уменьшится отъ поставленія государственнаго банка въ болѣе нормальныя условія. Ибо, получивъ обратно свои средства въ свободномъ видѣ, государственный банкъ въ состояніи будетъ ихъ затратить не изъ 3%, которыми приходится обременять счетъ казначейства, а изъ 7% или 6%, которые будутъ уплачиваться непосредственно производительною предпринимчивостію. Прибыли государственнаго банка перестанутъ быть фиктивными и получатъ значеніе реального ресурса, способнаго облегчать казначейство, а не вводящаго его въ расходы. Вмѣстѣ съ тѣмъ торгово-промышленный міръ освободится отъ тя-

¹⁾ Чтобы наши слова о *фиктивности* кассы государственнаго банка не показались преувеличеніемъ, обращаемъ вниманіе на то, что и управленіе банка считаетъ его кассу фиктивною. Иначе оно не вычитывало бы кассы ежемѣсячно изъ общей массы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе. Англійскій банкъ такихъ вычетовъ не производитъ и считаетъ находящуюся въ обращеніи всю массу билетовъ, имъ выпущенныхъ, хотя бы половина ихъ оставалась у него въ оборотной кассѣ. Англійскій банкъ поступаетъ такъ потому, что онъ не считаетъ фиктивною свою кассу.

желаго конкурента на денежномъ рынкѣ. Государственное казначейство получить возможность выйти изъ совершенно несоотвѣтствующей ему роли непрерывнаго тяготѣнія надъ денежнымъ рынкомъ. Наконецъ, государственный банкъ получить въ свое распоряженіе достаточно обширный портфель обязательствъ производительной предпріимчивости, который ему доставитъ полную возможность регулировать не только нашъ внутренній денежный рынокъ, но и взаимоотношеніе послѣдняго съ заграничными денежными рынками. Государственный банкъ вступить, наконецъ, въ ту роль, которая одна только ему и соотвѣтствуетъ. И врядъ ли возможно сомнѣніе въ томъ, что польза, которую государственный банкъ въ состояніи будетъ приносить торговлѣ и промышленности, когда онъ станетъ свободнымъ, будетъ значительно больше той, которую усиленіе размѣннаго фонда ему теперь даетъ возможность приносить ограниченному кругу интересовъ экспортеровъ и банкировъ.

Способовъ мобилизованія неподвижныхъ активовъ государственнаго банка находится достаточно количество въ его собственной власти. Простѣйшій представлялся бы путемъ реализаціи извѣстнаго количества 5% билетовъ, предпринятой въ ту часть года, когда процентные текущіе счета государственнаго банка прогрессивно нарастаютъ. Непрерывно усиливающийся спросъ на банковые билеты въ связи съ крупнымъ наростаніемъ текущихъ счетовъ, какъ у государственнаго, такъ и у частныхъ банковъ, могли бы ручаться за то, что реализація будетъ имѣть успѣхъ. Такъ такъ вмѣстѣ съ реализаціею будетъ идти уменьшеніе неподвижныхъ активовъ, то государственный банкъ *въ этомъ случаѣ* не будетъ самъ дѣлать себѣ конкуренціи и не воспрепятствуетъ самъ своему успѣху. Иное, конечно, произошло бы, еслибъ государственному банку приходилось реализировать облигаціи для извлеченія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія. Тогда неподвижные активы дѣлали бы необходимымъ для успѣха реализаціи особый выпускъ временныхъ кредитныхъ билетовъ. Но при уменьшеніи неподвижныхъ активовъ временный выпускъ становится излишнимъ. И если бы къ нему даже прибѣгли, то развѣ только для ускоренія окончательно консолидированія всего дома ликвидациіи. Ибо временный выпускъ въ такомъ случаѣ дѣйствительно усилилъ бы одну только кассу и далъ бы возможность равную сумму списать со счета неподвижныхъ активовъ. Затѣмъ, усиленіе кассы только облегчило бы рынку принятіе облигацій, консолидирующихъ остаточную часть неподвижныхъ активовъ.

Единственный вопросъ, остающійся, повидимому, открытымъ въ случаѣ удачнаго конца отстаиваемой нами операціи (въ сущности только завершающей банковую реформу 1860 года), заключается въ

размѣръ оборотныхъ средствъ, которые останутся тогда въ распоряженіи государственнаго банка. Можетъ казаться, что съ окончательнымъ устраненіемъ иммобилизованныхъ активовъ изъ баланса государственнаго банка исчезнетъ и соответственная сумма оборотныхъ средствъ, представляющая теперь въ пассивахъ баланса только долгъ, который собственно и подлежитъ консолидаціи.

До извѣстной степени дѣйствительно должно признать, что часть вкладовъ (срочныхъ, безсрочныхъ и на текущіе счѣты) исчезнетъ изъ баланса государственнаго банка и послужитъ на консолидацію. Но уже одно то, что государственный банкъ прекратитъ операцію усиленія разнѣннаго фонда, высвободитъ ему значительную массу оборотныхъ средствъ. Всѣ тѣ милліоны, на которые регулярно ежегодно возрастаютъ текущіе счѣты, тоже представятъ прибавленіе къ оборотнымъ средствамъ банка.

Но, главнымъ образомъ, для увеличенія оборотныхъ средствъ государственнаго банка должны были бы служить спеціальныя двѣ мѣры, изъ коихъ одна касается серій, а другая — эмиссіонной операціи.

Когда заходить рѣчь о серіяхъ, то единственнымъ доводомъ, который можетъ быть приведенъ и обыкновенно приводится въ ихъ защиту, служить указаніе на то, что наша публика къ нимъ привыкла. Несомнѣнно, конечно, что бумага, приноровившаяся ко вкусамъ публики, обладаетъ большимъ достоинствомъ, но только въ томъ случаѣ, если она удовлетворяетъ своему назначенію. Но серіи своему назначенію совсѣмъ не удовлетворяютъ. Онѣ принадлежатъ къ тому разряду предметовъ, которые болѣе свѣтять, чѣмъ грѣютъ. Но въ финансовой области подобныя *objets de luxe* вредны. Еслибъ казначейство могло обходиться безъ услугъ государственнаго банка, если бы ему не нужно было располагать особымъ ресурсомъ для антиципации текущихъ государственныхъ доходовъ, — тогда понятно было бы и индифферентное отношеніе къ серіямъ. Но государственное казначейство не въ состояніи обходиться безъ услугъ государственнаго банка. Ему настоятельно нуженъ особый спеціальныя ресурсы, антиципирующий текущіе доходы. Ясно въ такомъ случаѣ, что или серіи должны быть преобразованы, или онѣ совсѣмъ должны исчезнуть, чтобы очистить мѣсто чему-либо, болѣе соответствующему ихъ цѣли.

Консолидація серій представляется тѣмъ болѣе естественною необходимостью, что онѣ и теперь представляютъ бремя для казначейства. Это бремя пришлось бы увеличить на 1½—2 милл. рублей только. И подобная мѣра опять имѣла бы большое значеніе по свободѣ, которую она предоставила бы правительству и денежному рынку. Правительству открылся бы просторъ въ такой области, въ которой оно теперь совершенно связано. Денежный же рынокъ освободился

бы отъ тѣхъ „удобствъ“ серій, которыя на самомъ дѣлѣ представляютъ одни только стѣсненія. Ибо для денежнаго рынка серіи прежде всего неудобны тѣмъ, что онѣ касаются на всякій капиталъ и одинаково представляютъ достаточно долгосрочное и совершенно краткосрочное помѣщеніе. Съ долгосрочными помѣщеніями серіи конкурируютъ, потому что онѣ наименѣе долгосрочны. Въ то же время онѣ—опасный конкурентъ для краткосрочныхъ помѣщеній своимъ сравнительно высокимъ процентомъ. При консолидаціи ликвидационнаго долга и серій государственный банкъ могъ бы совсѣмъ уже не платить процентовъ по текущимъ счетамъ. Это сдѣлало бы менѣе дорогими позаймствованія казначейства у банка. Въ то же время частныя банки были бы въ свою очередь поставлены въ возможность устроить болѣе нормально свои отношенія къ неопредѣленно-свободнымъ капиталамъ по вкладамъ на текущіе счета. Частныя банки могли бы значительно менѣе расходоваться на эти капиталы. Черезъ это для нихъ усилилась бы возможность держать въ своихъ кассахъ болѣе крупныя суммы капиталовъ. А болѣе высокія кассы частныхъ банковъ не замедлили бы отразиться на увеличеніи текущихъ счетовъ государственнаго банка.

Должно признать, однако, что врядъ ли оборотныя средства государственнаго банка усилятся въ потребной мѣрѣ и врядъ ли изъ него будетъ сдѣлано учрежденіе, достаточно снабженное силами и средствами для подготовленія возможности возстановленія валюты,—если на помощь не будетъ взята эмиссіонная операція.

Государственный банкъ ведетъ ее непрерывно и въ настоящее время. Но онъ ее ведетъ, такъ сказать, втихомолку, несмотря на то, что она вошла въ его обыденную практику вотъ уже двѣнадцать лѣтъ. Этому долженъ былъ бы быть положенъ конецъ.

Если уже въ настоящее время наше денежное обращеніе страдаетъ изъ составныхъ частей, существенно другъ отъ друга различныхъ, то законодательство не можетъ игнорировать подобнаго факта и должно себя поставить къ факту въ болѣе опредѣленное и ясное отношеніе. Мы полагаемъ, поэтому, что одна изъ неотложнѣйшихъ нашихъ потребностей заключается въ законодательствѣ, которое основано было бы не на стремленіяхъ и неудачныхъ покушеніяхъ сразу однимъ ударомъ разрѣшать труднѣйшія задачи, а на изслѣдованіи дѣйствительныхъ фактовъ, и было бы сообразно съ ихъ природою. Официальное изслѣдованіе фактовъ, касающихся нашего денежнаго обращенія, помимо того свѣта, которое оно могло бы бросить на область, въ настоящее время покрытую мракомъ, должно было прежде всего установить на прочныхъ основаніяхъ ту часть

нашего денежного обращения, которая стоит въ предѣловъ безпроцентнаго долга казначейства за кредитные билеты.

Если взять наше денежное обращеніе въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда его составъ выясняется всего рельефнѣе, то оно намъ представится состоящимъ: изъ 566 милл., которые суть безпроцентный долгъ, изъ 200 слишкомъ миллионѣвъ, совершенно покрытыхъ цѣнностями размѣннаго фонда, и изъ нѣсколькихъ десятковъ миллионѣвъ, тоже совершенно удовлетворительно покрытыхъ краткосрочными обязательствами предпримчивости или казначейства по антиципации его текущихъ доходовъ. Само собою очевидно, что первая составная часть не имѣетъ ничего общаго со второю и третьею. Вслѣдствіе того могла и должна была бы быть оборвана та связь, которая неестественно соединяетъ нормальное съ патологическимъ. Несомнѣнно, что, и при отдѣленіи и болѣе независимомъ поставленіи другъ относительно друга здоровой и больной части нашего денежнаго обращенія, послѣдняя не перестанетъ неблагоприятно вліять на первую. Но независимо отъ опыта Франціи, Австріи и Соединенныхъ-Штатовъ, нашъ собственный опытъ изъ практики государственнаго банка весьма убѣдительно доказываетъ, что и въ бумажно-денежной странѣ эмиссіонная операція можетъ быть ведена такъ, чтобъ больная часть денежнаго обращенія менѣе заразительно вліяла на здоровую.

Но отдѣленіе больной части денежнаго обращенія отъ здоровой имѣетъ еще и другое важное значеніе. Оно даетъ возможность для того, чтобъ подготовить учрежденіе, которое было бы внутренне способно приступить къ леченію больного члена. И сверхъ того, оно даетъ возможность исподволь упрочивать въ денежномъ обращеніи такіе элементы, которые значительно облегчаютъ леченіе (содѣйствуя устраненію болей, сопряженныхъ съ леченіемъ) и которыхъ развитіе обезпечиваетъ почву для опоры въ послѣдующихъ мѣропріятіяхъ.

Въ настоящее время, всякая рѣшимость приступить къ радикальнымъ мѣрамъ для восстановленія порядка въ нашемъ денежномъ обращеніи должна неизбѣжно потерпѣть крушеніе, встрѣтившись съ препятствіями, представляемыми положеніемъ государственнаго банка. Вотъ почему на улучшеніе этого положенія должны быть направлены заботы прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ радикальнымъ мѣрамъ.

И. Кауфманъ.

С.-Петербургъ, январь.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1874.

Государственная роспись на 1874 г.—Отчетъ контроля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ.—Голодь въ Самарской губерніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненнымъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Государственная роспись на 1874 годъ опредѣляетъ: обыкновенныхъ доходовъ—514.367,915 р.; оборотныхъ поступленій—19.184,979 р.; специальныхъ ресурсовъ на желѣзныя дороги и порты—6.298,762 р.; всего *доходовъ* = 539,851,656 руб. — Обыкновенныхъ расходовъ предвидится: 507.200,095 р.; на недоборъ въ податяхъ полагается—4 милл. р., и затѣмъ, съ присоединеніемъ оборотныхъ расходовъ и строительныхъ расходовъ изъ специальныхъ ресурсовъ, общій итогъ всѣхъ *расходовъ* = 536.683,836 р.; то-есть: на 3.167,820 р. меньше предвидимой суммы всѣхъ доходовъ. — Извѣстно, что доходы наши съ 1869 года ежегодно превышали предвидѣнія росписи на суммы отъ 29 до 38 милл. руб. Зависѣло это отъ того, что министерство финансовъ опредѣляло въ бюджетахъ сумму доходовъ слишкомъ осторожно, то-есть, назначало ее ниже даже дѣйствительнаго поступленія предшествовавшаго года, хотя очень хорошо знало, что поступленіе въ каждомъ слѣдующемъ году бывало миллионовъ почти на 20 выше предшествовавшаго. Мы уже не разъ замѣчали при обсужденіи бюджетовъ, что цѣлью такого предвзятаго пониженія ожидаемой суммы доходовъ было—устранить изъ бюджета такое превышеніе доходовъ предъ расходами, которое, несмотря на свою значительность, не имѣло бы положительнаго значенія, такъ какъ противъ него слѣдовало бы выставить тутъ же, что расходовъ будетъ на такую же сумму, т.-е. миллионовъ на 30, произведено сверхъ смѣты.

Въ новой росписи сохраненъ тотъ же пріемъ крайне низкаго показанія суммы доходовъ; надо еще замѣтить, что на этотъ разъ осторожность принята еще большая, чѣмъ прежде, такъ какъ сумма

обыкновенныхъ доходовъ 1874 г. по росписи возвышена противъ бюджетной суммы 1873 г. только на 19 милл. 148 т. р., между тѣмъ какъ бюджетъ 1873 г. допускалъ возвышеніе тѣхъ же доходовъ противъ росписи 1872 года на 24½ милл. р. Издержки взиманія не показаны и въ новой росписи, такъ что исключеніе ихъ изъ росписей, въ сожалѣнію, слѣдуетъ считать окончательнымъ.

Предусматриваемое превышеніе доходовъ 1874 г. предъ расходами составляетъ, собственно говоря, 7.167,820 р. и окончательно исчисляется въ 3.167,820 р. только потому, что 4 милл. р. отчислено на недоборъ въ податяхъ. Такое значительное превышеніе доходовъ предъ расходами и составляетъ самую характеристическую черту бюджета 1874 г. Докладъ министра финансовъ замѣчаетъ, что предстоящіе расходы по введенію всеобщей воинской повинности, введенію новыхъ судебныхъ учреждений въ разныхъ мѣстностяхъ, и увеличеніе съ будущаго, 1875 года, бюджета военного министерства еще на 5 милл. р., „дѣлаютъ ожидаемое превышеніе лишь необходимымъ запасомъ“. Съ другой стороны, отчетъ государственнаго контроля по дѣйствительному исполненію росписи 1872 года представляетъ также весьма благопріятныя данныя: въ общемъ итогѣ въ счетъ этой росписи произведено было расходовъ на 501.894,252 р., а на покрытіе ихъ поступило 523.057,195 р. обыкновенныхъ доходовъ, да еще обращены свободные остатки отъ прежнихъ лѣтъ въ 4.564,096 р., такъ что средствъ собрано за 1872 г. на 25.727,039 р. болѣе, чѣмъ произведено было расходовъ, и за отчисленіемъ изъ этой суммы 20½ милл. р. на расходы по той же росписи, еще не выполненные, и 706 т. р. на удовлетвореніе расходовъ прежняго времени, образуется совершенно свободный остатокъ отъ исполненія росписи 1872 г. въ—4.487,764 р. Къ благопріятному отчету за 1872 г. и благопріятнымъ видамъ на 1874 г. слѣдуетъ еще присоединить и утѣшительныя свѣдѣнія о ходѣ исполненія росписи 1873 года. По свѣдѣтельству доклада министра финансовъ, исполненіе этой росписи, насколько можно было судить по свѣдѣніямъ, доходившимъ до ноября, давало основаніе предполагать также превышеніе доходовъ противъ смѣтныхъ предположеній. Расходы 1873 года покрывались по указанное время поступившими доходами. При этомъ замѣчалось весьма утѣшительное обстоятельство: значительное уменьшеніе въ 1873 году суммы сверхсмѣтныхъ ассигнованій; уменьшеніе ихъ въ 1873 г. противъ 1872 года составляло свыше 10 милл. р., несмотря на чрезвычайную потребность, представленную расходами на хивинскую экспедицію.

Никогда еще ежегодные отчеты по какому-либо вѣдомству не представляли такъ наглядно постоянного преуспѣянія, какъ наши

государственные росписи и контрольные отчеты за послѣдніе годы. Существенныя черты этихъ ежегодныхъ документовъ: постоянное возрастаніе суммы доходовъ, огромное превышеніе поступления противъ предположенія, наличность свободныхъ остатковъ, постепенное уменьшеніе дефицитовъ, наконецъ, замѣна ихъ въ росписяхъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ рядомъ излишкомъ доходовъ предъ расходами, достигающимъ на нынѣшній разъ уже почтенной цифры, — трехъ слишкомъ миллионѣвъ рублей, — все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ картину тѣмъ болѣе блестящую, что въ совокупности приведенныхъ чертъ видится не случайное, счастливое совпаденіе, но сознательное движеніе впередъ, успѣхъ, впередъ обдуманнѣйшій и затѣмъ достигнутый. Но указанныя сейчасъ данныя, какъ они ни утѣшительны сами по себѣ, еще не замыкаютъ собою всей перспективы нашего экономическаго прогресса за послѣдніе годы. Къ нимъ необходимо добавить еще весьма существенные факты: достигая столь благопріятныхъ результатовъ собственно въ финансовомъ отношеніи, какъ-то: повышенія суммы обыкновенныхъ доходовъ на 100 милл. рублей въ теченіе всего пяти лѣтъ, и осуществленія значительнаго излишка доходовъ предъ расходами, страна въ то же время и изъ тѣхъ же платежныхъ средствъ оказала такое пособіе желѣзнодорожному строителству, что Россія покрылась сѣтью въ 25 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, и, при гарантіи того же государственнаго казначейства, предоставила въ собственность миллионамъ душъ крестьянъ ихъ усадебную осѣдлость и обрабатываемыя ими поля. Независимо отъ такихъ чрезвычайныхъ усилій казначейства, главный кредиторъ его, государственный банкъ, нашелъ еще средство довести до 226 милл. рублей свой наличный металлическій запасъ. Въ сравненіи съ этою блестящей лицевой стороною, и если не смотрѣть на оборотную сторону, — которую, впрочемъ, вѣдомство финансовъ вовсе не скрываетъ и которая видна отчасти уже изъ тѣхъ же документовъ — могли бы показаться блѣдными даже результаты Гладстонова хозяйства, съ его ежегодными излишками доходовъ миллионѣвъ на 30 рублей, но безъ всякихъ приобрѣтеній, кромѣ ежегоднаго уменьшенія на какой-нибудь гривенникъ въ рублѣ налоговъ на такіе предметы, какъ чай и сахаръ.

Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы въ обществѣ картина нашихъ финансовыхъ и экономическихъ успѣховъ производила что-либо похожее на живую радость. Даже извѣстіе объ излишкѣ доходовъ въ 3 милл., предположенномъ на текущій годъ, не произвело въ обществѣ сколько-нибудь замѣтнаго впечатлѣнія. Что касается печати, то она относится къ утѣшительнымъ цифрамъ съ нѣкоторою робостью и даже пессимизмомъ, которыхъ нельзя оставлять безъ вни-

манія, такъ какъ эти примѣты обнаруживаютъ, что общество, хотя ему и показываются наглядно неоспоримые успѣхи его финансовыхъ силъ, все-таки не имѣетъ увѣренности въ прочности или безусловности такихъ успѣховъ, а потому если и любитъся ими, то какъ-бы не совсѣмъ охотно.

Едва ли и можетъ быть иначе при той сложности финансовыхъ оборотовъ государства, какая обуславливается съ одной стороны солидарностью государственнаго банка съ казначействомъ, а съ другой непосредственной связью съ обыкновенными ресурсами казначейства—чрезвычайныхъ ресурсовъ желѣзнодорожнаго фонда. Такая солидарность и связь обуславливаютъ сложность, при которой общее дѣйствительное положеніе недостаточно ясно для общества. Такъ, напримѣръ, оно въ послѣдніе годы, встрѣчая въ росписяхъ излишекъ доходовъ и въ послѣднемъ контрольномъ отчетѣ излишекъ дѣйствительнаго поступленія противъ суммы произведенныхъ расходовъ, въ то же время видитъ, что сумма бумажнаго долга, т.-е., капиталъ кредитныхъ билетовъ постоянно возрастаетъ, и достигла къ 1-му января текущаго года цифры 792¹/₄ милл. рубл., увеличась противъ цифры 1867 г. почти на 150 милл. р. Контрольныя данныя свидѣлствуютъ обществу, что въ теченіе послѣдняго пятилѣтія погашено государственныхъ долговъ болѣе чѣмъ на 67¹/₂ милл. р., а между тѣмъ ежегодно заключается новый значительный заемъ, то-есть, производится новый выпускъ такъ-называемыхъ консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ: въ 1870 г. былъ такой выпускъ на 12 милл. фунт. стерл., въ 1871 г. опять на такую же сумму, въ 1872 г. третій выпускъ уже на 15 милл. фунтовъ, а въ ноябрѣ 1873 г. четвертый выпускъ опять на 15 милл. фунт.; наконецъ, еще по выкупной операціи выдается въ годъ по 10 милл. рублей выкупными свидѣтельствами. Противорѣчіе между сопоставленными сейчасъ фактами отчасти только кажущееся. Извѣстно, что каждый изъ приведенныхъ выпусковъ или займовъ имѣетъ свое специальное назначеніе и свое обезпеченіе въ спеціальному возврату: одновременно съ капиталомъ внутренняго безпроцентнаго долга растутъ наличность металлическаго фонда; суммы, реализуемыя выпусками желѣзнодорожныхъ облигацій, идутъ на ссуды компаніямъ и обезпечиваются ихъ долгами казнѣ, наконецъ ссуды владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ по выкупной операціи обезпечиваются соответственнымъ долгомъ крестьянъ казнѣ. Но сложность этихъ операцій, идущихъ вмѣстѣ съ собственно административнымъ хозяйствомъ, такова, что она неизбѣжно влечетъ за собою нѣкоторую неясность и неувѣренность во мнѣніи общества. И несмотря на точность и обиліе публикуемыхъ у насъ финансовыхъ документовъ: росписи, кон-

трольного отчета по ея исполненію, рѣчи министра финансовъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, балансовъ государственнаго банка, вѣдомостей о ходѣ выкупной операціи, — неясность продолжаетъ держаться во мнѣніи общества, какъ относительно прихода-расходования суммъ въ предѣлахъ отдѣльнаго финансоваго года, такъ и относительно всего хода финансоваго хозяйства въ его связи съ общимъ экономическимъ положеніемъ страны.

Въ первомъ отношеніи, то-есть въ примѣненіи къ приходу-расходованію въ предѣлахъ отдѣльнаго года, неясность поддерживается, во-первыхъ, существованіемъ весьма значительной суммы расходовъ сверхсметныхъ, а также и авансовыхъ. Первые производятъ то, что окончательныя цифры контрольных отчетовъ отстоятъ весьма далеко, то-есть милліоновъ почти на 80-ть, отъ предвидѣній росписи. Вторые, то-есть авансовые расходы, не только тѣ, которые испрашиваются ежегодно по росписямъ на заготовленіе припасовъ и матеріаловъ, но и на строительные расходы, которые производятся въ счетъ будущей сметы безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, даютъ возможность расходовать изъ наличныхъ суммъ такіа средства, которыя имѣютъ еще поступить впослѣдствіи. А въ наличныхъ суммахъ не можетъ быть никогда недостатка именно при солидарности банка съ государственнымъ казначействомъ и при нахожденіи въ его же распоряженіи чрезвычайныхъ средствъ желѣзнодорожнаго фонда, составляемаго займами. Когда существуетъ, въ видѣ нормальнаго условія, тотъ фактъ, что банкъ можетъ въ любое время выпустить изъ своихъ запасовъ или отпечатать вновь неопредѣленное количество бумажныхъ денегъ для приобрѣтенія металловъ для подкрѣпленія металлическаго фонда, не можетъ быть увѣренности, что банкъ не сдѣлаетъ того же для удовлетворенія всякой иной потребности, хотя бы, напримѣръ, для устраненія денежнаго кризиса. Когда въ рукахъ казначейства состоитъ въ данное время болѣе 200 милл. рублей, находящихся у иностранныхъ банкировъ (къ 1-му января 1872 г. реализованныхъ суммъ желѣзнодорожныхъ облигацій у нихъ состояло $50\frac{3}{4}$ милл. р., къ 1-му января 1873 г. состояло $128\frac{1}{4}$ милл. рублей, да въ ноябрѣ 1873 г. послѣдовалъ новый (14-й) выпускъ на 15 милл. фунтовъ, т.-е. 100 милл. рублей), и когда изъ самыхъ отчетовъ контроля видно, что изъ суммъ желѣзнодорожнаго фонда производились нѣкоторые расходы въ счетъ общихъ потребностей государственнаго казначейства, изъ котораго послѣ и возмѣщались, то, очевидно, въ наличныхъ средствахъ для удовлетворенія любого сверхсметнаго или авансоваго расхода, никогда не можетъ быть недостатка и для окончательнаго покрытія такого расхода достаточно занести его въ слѣдующую роспись. Желѣзнодорожный фондъ, по

самому свойству тѣхъ предпріятій, для которыхъ онъ предназначенъ, обладаетъ крайней растяжимостью въ способѣ, какъ его реализація, такъ и его расходованіе. Мы видимъ, что отъ каждаго отдѣльнаго выпуска были остатки въ то время, когда дѣлался новый выпускъ. Расходование же этого фонда на окончательное, спеціальное его назначеніе, само собою разумѣется, производится по мѣрѣ надобности и по усмотрѣнію министерства финансовъ, безъ всякаго отношенія къ предѣламъ росписей. Образованіе компаніи и производство постройки представляютъ періодъ, не имѣющій ничего общаго съ предѣлами бюджетнаго года. Съ другой стороны, и въ самомъ способѣ производства ссуды желѣзнодорожному обществу или предпринимателю можетъ быть, по усмотрѣнію, допускаема бѣльшая или меньшая льгота: можетъ быть выдана вся ссуда, или бѣльшая часть ея вдругъ, или же ссуда можетъ быть выдаваема по равнымъ частямъ, соотвѣтственно ходу работъ. Спрашивается, какое впечатлѣніе можетъ производить на публику излишекъ доходовъ въ какіе-нибудь 3 милл. р., при такихъ постороннихъ бюджету операціяхъ казначейства и банка, среди которыхъ такая сумма, какъ три милліона рублей, представляется незначительной, такъ сказать, теряется. Отъ однихъ, притомъ весьма некрупныхъ колебаній курса, наличность нашего желѣзнодорожнаго фонда измѣнила свою цифру въ рубляхъ почти на милліонъ рублей! Одинъ вопросъ о томъ или иномъ курсѣ ежегоднаго выпуска консолидированныхъ облигацій можетъ составить разницу болѣе чѣмъ въ 3 милл. рублей, такъ что казна можетъ безъ всякаго новаго расхода лишиться такой суммы или вдругъ приобрести ее. А что же значать 3 милл. р. въ сравненіи съ тѣми 200 милл. желѣзнодорожнаго фонда и съ неограниченнымъ бумажнымъ обращеніемъ банка, при помощи которыхъ легко произвести вдвое болѣе сверхсѣтныхъ расходовъ, чѣмъ сколько ихъ производится обыкновенно?

Понятно, что безъ строгаго ограниченія чрезвычайныхъ ресурсовъ, то-есть средствъ желѣзнодорожнаго фонда и операцій банка отъ собственно административнаго, бюджетнаго хозяйства, — расходование ежегодныхъ бюджетныхъ суммъ не можетъ получить полной ясности. Такая ясность могла бы быть достигнута только при совершенномъ раздѣленіи кассъ бюджетнаго расходования и хозяйства желѣзнодорожнаго и банковаго. Еслибы въ государственномъ казначействѣ было сосредоточено исключительно одно бюджетное хозяйство, то-есть поступленіе обыкновенныхъ доходовъ и исполненіе расходовъ росписи; еслибы предѣлъ бумажнаго обращенія банка былъ ограниченъ закономъ и, наконецъ, еслибы для завѣдыванія оборотами желѣзнодорожнаго фонда и для ревизіи банковыхъ операцій

учреждены были особыя мѣста смѣшаннаго состава, то-есть изъ лицъ административныхъ и изъ депутатовъ отъ биржевыхъ комитетовъ и столичныхъ думъ (примѣромъ можетъ служить присутствіе депутатовъ здѣшняго биржевого комитета и здѣшней думы при тиражахъ внутреннихъ займовъ),—въ такомъ случаѣ, можно бы надѣяться, что собственно бюджетное, административное хозяйство выдѣлилось бы съ достаточной ясностью.

Мы говорили доселѣ о недостаткѣ такой полной опредѣленности и ясности для общества въ примѣненіи къ приходу-расходуванію въ предѣлахъ отдѣльнаго года. Переходимъ теперь, во-вторыхъ, къ представленію общества относительно всего хода финансоваго хозяйства въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ его связи съ общимъ экономическимъ положеніемъ страны. Существуетъ мнѣніе, что финансовое положеніе государства можетъ быть независимо отъ общаго экономическаго положенія страны; что положеніе финансовъ можетъ даже быть блестящимъ, несмотря на экономическій упадокъ страны. Допустимъ, что подобная независимость возможна до извѣстной степени, и, конечно—только, до извѣстнаго времени. Но общество тѣмъ не менѣе имѣетъ полное право призывать себѣ примѣты общаго экономическаго положенія на помощь для провѣрки собственно финансоваго положенія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы общее экономическое положеніе страны видимо и постоянно улучшалось; еслибы замѣтно было значительное развитіе производительности и торговли вообще, промышленности мануфактурной и сельско-хозяйственнаго производства; еслибы заработки возвышались не вслѣдствіе вздорожанія продовольственныхъ продуктовъ или увеличенія бумажнаго обращенія, но вслѣдствіе прилива значительныхъ капиталовъ ко всѣмъ отраслямъ производительности, причемъ цѣны на нѣкоторые предметы потребленія не только не возвышались бы, но еще падали именно вслѣдствіе усиленія производительности, — несомнѣнно, хотимъ мы сказать, что будь у насъ на лицо такія примѣты общаго экономическаго поправленія, успѣха, то общество живѣе, съ бѣльшимъ участіемъ, относилось бы къ тѣмъ успѣхамъ собственно финансоваго хозяйства, которые ему представляются въ отчетахъ и росписяхъ. Даже и при отсутствіи достаточнаго разграниченія между обыкновеннымъ, чрезвычайнымъ и банковымъ хозяйствомъ государства, даже при отсутствіи полной ясности, общество съ восторгомъ принимало бы свидѣтельство о поправленіи финансоваго положенія, потому что находило бы подтвержденіе этому факту въ общемъ положеніи тѣхъ силъ страны, которыя служатъ источникомъ и государственнымъ доходамъ и государственному кредиту.

Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы начертанной сейчасъ

идеальной экономической картинѣ соотвѣтствовала у насъ экономическая дѣйствительность. Единственная промышленность, которая въ теченіи послѣднихъ лѣтъ сдѣлала въ Россіи огромные успѣхи и привлекла къ себѣ обильные капиталы,—это промышленность банковая. До тѣхъ поръ, пока на развитіи производства и внутренней торговли не скажется, какая польза извлечена была ими изъ такой доступности кредита, мы еще не можемъ придавать большого значенія развитію операцій поземельныхъ коммерческихъ банковъ, которая пока и представляется только простымъ перекладываніемъ денегъ изъ однихъ кармановъ въ другіе; причемъ вся громадная, повидимому, сила частныхъ банковъ представляется въ значительной степени призрачною, такъ какъ всѣ расчеты ихъ производятся на бумажные деньги и обороты ихъ опираются, въ концѣ-концовъ, на тотъ же государственный банкъ. Въ области заводской производительности замѣтные успѣхи сдѣланы только немногими отраслями, въ особенности свеклосахарнымъ производствомъ и разными видами обработки желѣза, причемъ относительно этой послѣдней отрасли нужно еще оговориться, что казенные горные заводы успѣли, а частные механическіе заводы держатся главнымъ образомъ правительственными заказами, то-есть существуютъ на счетъ бюджета. Производительность сельско-хозяйственная въ общемъ скорѣе упала, чѣмъ поправилась. Значительные успѣхи сдѣлала отпускная торговля, но и эти успѣхи только отчасти свидѣтельствуютъ объ улучшеніи нашихъ внутреннихъ условій, а именно настолько, насколько усиленіе отпуска зависѣло отъ облегченія сбыта нашихъ продуктовъ умноженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Само собою разумѣется, что когда особые успѣховъ въ развитіи производительности страны не замѣчается, то усиленіе отпуска должно главнымъ образомъ объясняться обстоятельствами побочными: облегченіе сбыта лучшими сообщеніями должно въ будущемъ усилить производительность, но пока это еще не произошло, одно облегченіе сбыта только поднимаетъ цѣны на продукты, причемъ оказываются и благопріятныя и неблагопріятныя послѣдствія. Усиленіе отпуска за-границу касалось почти исключительно сырыхъ продуктовъ, главнымъ образомъ зернового хлѣба, что за послѣдніе годы объяснялось отчасти войною 1870—71 года и неурожаемъ въ Европѣ за 1872 годъ. Вывозъ по многимъ статьямъ, напр. сала, пеньки, и др. значительно упалъ. Итакъ, совокупность экономического положенія страны вовсе не такова, чтобы общество могло быть склонно выводить изъ него, какъ необходимое послѣдствіе, улучшеніе финансовъ, прочнымъ основаніемъ которому можетъ служить во всякомъ случаѣ только развитіе экономическихъ силъ страны.

Что касается тѣхъ операций, въ которыхъ государственный кредитъ участвуетъ не только съ финансовою, но и съ общемою экономическою цѣлью, то какъ ни благотворны онѣ, однако въ результатахъ ихъ доселѣ также оказываются рядомъ съ утѣшительными явленіями нѣкоторыя далеко не благопріятныя данныя. Такъ, выкупная операція, которая доселѣ уже дала поземельный надѣлъ, въ 24 милл. десятинъ, 6 милліонамъ 835¹/₂ тысячамъ душъ крестьянъ, по принципу своему представляетъ безспорно великое, истинно-благотворное явленіе, и для осуществленія его государство увеличило доселѣ сумму своихъ внутреннихъ срочныхъ долговъ на 353 милл. рублей. Объ этомъ, конечно, никто не пожалѣетъ и никто не скажетъ, что употребленіе государственнаго кредита на такую цѣль не было рационально. Но несоразмѣрность оцѣнокъ земли, принятыхъ въ весьма значительной полостѣ государства, съ дѣйствительною доходностью той земли, и тягость выкупныхъ платежей, которая мѣстами клонитъ крестьянское хозяйство къ полному упадку, представляетъ столь важную оборотную сторону выкупной операціи, что ее и въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она доселѣ утверждена, нельзя еще признать поставленною прочно, такъ какъ слишкомъ очевидна необходимость облегченія этой тягости на весьма значительномъ пространствѣ имперіи.

Воспособленіе со стороны государственнаго кредита желѣзно-дорожному строителству представляетъ также безспорно-раціональное употребленіе кредита. Ссуды желѣзно-дорожнымъ обществамъ настолько же увеличили цифру нашихъ срочныхъ долговъ, внутреннихъ и вѣнскихъ, но и это напряженіе кредита сдѣлано съ производительною цѣлью: безъ освобожденія земледѣльческаго труда и безъ проведенія желѣзныхъ дорогъ нельзя было и ожидать развитія производительности. Но и положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла представляетъ не вполне утѣшительныя черты. Правда, доходность по многимъ линіямъ поднимается, но все дѣло, въ совокупности, еще долго будетъ требовать отъ государства не только напряженія кредита, но и прямыхъ жертвъ, въ видѣ приплаты изъ казны обществамъ по гарантіи дохода. Изъ контрольнаго отчета за 1872 годъ видно, что изъ 17-ти линій, эксплуатація которыхъ производилась не менѣе трехъ полныхъ лѣтъ, только три въ теченіе всего этого періода не требовали приплаты гарантіи. Линіи эти—рижско-динабургская, потергофская и курско-кѣвская. Въ общей же сложности приплата изъ казны по гарантіи за три послѣдніе года постоянно возрастала; она составляла 10 м. 140 т. р. за 1870 г.; 13 м. 812 т. р. за 1871 г.; и 15 м. 280 т. р. за 1872 г. Послѣдній отчетный годъ (1872) былъ вообще особенно неблагопріятенъ для доходности нашихъ желѣзныхъ дорогъ. По росписи 1872 г. на уплату гарантіи было назна-

чено всего 7 милл. р., а потребовалось, какъ уже сказано, болѣе тѣмъ вдвое, именно отъ $15\frac{1}{4}$ до $15\frac{1}{3}$ милл. руб.

Относительно операций государственнаго банка, который также дѣйствуетъ кредитомъ государства, преобладающею чертою представляется накопленіе огромнаго металлическаго фонда, составляющаго къ 1-му января 1874 г. болѣе 226 милл. рублей. Но такъ какъ такое накопленіе нисколько не представляетъ результатъ сбереженій, а производится просто посредствомъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, то и оно не представляетъ ничего утѣшительнаго. Какъ уже сказано было выше, цифра кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, составляла къ 1-му января 1874 года 792,262,463 руб., то-есть гораздо выше когда-либо бывшей у насъ, со времени преобразованія монетной системы, и почти на 150 милл. рублей выше цифры, бывшей въ 1867 году. Металлическій резервъ доселѣ не оказываетъ еще никакого дѣйствія, между тѣмъ какъ увеличеніе количества бумажныхъ денегъ во всякомъ случаѣ оказываетъ вредное экономическое вліяніе, каково бы ни было разногласіе относительно размѣровъ такого вліянія этой операціи. Самъ защитникъ операций государственнаго банка указывалъ главной цѣлью образованія металлическаго фонда „возможность радикальныхъ мѣръ къ улучшенію денежной системы“. Но радикальной мѣрой къ улучшенію денежной системы представляется восстановленіе размѣна, и самъ авторъ говоритъ, что надо было „озаботиться собираніемъ средствъ“ для достиженія той цѣли, которая не могла быть достигнута въ 1862—63 годахъ изъ недостатку средствъ, т.-е. говорить именно о восстановленіи размѣна. Но размѣнъ пока не восстановленъ, и сомнительно, чтобы возможность его восстановленія скоро представилась: до сихъ поръ металлическій фондъ остается безъ всякаго дѣйствія, а между тѣмъ масса кредитныхъ денегъ, выпущенныхъ для его накопленія, безспорно тяготеетъ на рынкѣ. Нашъ рынокъ вообще малоподвиженъ и очень выносливъ, въ томъ смыслѣ, что на немъ не скоро происходитъ паника. Въ дѣлѣ кредита, какъ частнаго, такъ и государственнаго, не малую роль играетъ и нравственный элементъ, какъ то признаетъ и наука. Свойства національнаго характера и степень довѣрія къ правительству вообще составляютъ здѣсь весьма важное условіе. У насъ не скоро наступаетъ паника, которая выражается всекимъ лажемъ, то-есть сильнымъ надеженіемъ ~~цѣны~~ ассигнацій; но за то паденіе ихъ ~~цѣности~~ *цѣности* прежде всего и выражается у насъ задержаніемъ предметовъ потребленія. Это обстоятельство унущено изъ виду защитникомъ государственнаго банка. Онъ даже прямо утверждаетъ, и долженъ утверждать это для своей цѣли, что „паденіе ~~цѣности~~ *цѣности* бумажно-денежной единицы въ раз-

мѣрѣ, превышающемъ величину лажа, составляетъ крайне-исключительное явленіе и что, по общему правилу, первая величина всегда менѣе второй*. Онѣ должны утверждать это для того, чтобы затѣмъ цифрою нынѣшняго лажа, сравнительно небольшого, доказывать, что и цѣнность нашихъ бумажныхъ денегъ не могла упасть отъ выпусковъ ихъ за послѣдніе годы (съ 1868 г.). Но приведенное защитникомъ правило было бы неоспоримо только тогда, еслибы не было обязательнаго курса. При существованіи же его, естественное отношеніе факторовъ нарушается, и паденіе цѣнности бумажныхъ денегъ выражается именно въ общей дороговизнѣ и въ исчезновеніи звонкой монеты. Цѣны на продукты могутъ возрасти въ $1\frac{1}{2}$ раза въ то время, какъ лажъ будетъ составлять всего 15 или 20%. Значительное увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія было у насъ три раза: въ первыя двадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія, когда количество ассигнацій съ $260\frac{1}{2}$ милл. рублей (въ 1804 г.) возвысилось до 836 милл. р. (въ 1817 г.); въ эпоху восточной войны, когда оно увеличилось съ $333\frac{1}{2}$ милл. руб. (въ 1853 г.) до $735\frac{1}{4}$ милл. руб. (въ 1857 г.); наконецъ, въ послѣднія 7 лѣтъ, когда оно возрасло, въ гораздо меньшемъ, впрочемъ, размѣрѣ, съ $649\frac{1}{2}$ милл. р. (въ 1867 г.) до $792\frac{1}{4}$ милл. р. (въ 1874 г.). Въ первую изъ этихъ эпохъ, цѣна кредитнаго рубля упала, наконецъ, до того, что металлическій рубль стоилъ одно время на ассигнаціи 4 р. 18 к. Это уже было послѣдствіе паники, вынужденной баснословными выпусками ассигнацій, не имѣвшими никакого отношенія ни къ тогдашнимъ платежнымъ средствамъ государства, ни къ существовавшимъ въ то время потребностямъ рынка. Но скоро ли произошла эта паника, скоро ли лажъ поднялся въ соотвѣтствіе съ неестественнымъ напряженіемъ кредита? Нѣтъ, очень не скоро. Въ 1804 году ассигнацій было на $260\frac{1}{2}$ м. р. и металлическій рубль стоилъ на ассигнаціи 1 р. 26 к. Всего чрезъ четыре года, въ 1808 году, ассигнацій было въ обращеніи уже на $477\frac{1}{2}$ милл. руб., т.е. сумма ихъ была не далека отъ удвоенія, а между тѣмъ металлическій рубль стоилъ всего 1 р. 36 к., то-есть вздорожалъ всего на 10 копѣекъ! Если слѣдовать аргументаціи защитника государственнаго банка, то надо будетъ сказать, что такъ какъ въ 1808 году въ сравненіи съ 1804 годомъ, ~~цѣна~~ ассигнацій, выражаемая лажемъ, упала всего на 10 коп., то цѣнность ихъ въ то время понизилась еще менѣе, чѣмъ на 10 к. А между тѣмъ количество ихъ почти удвоилось и, очевидно, было уже въ совершенномъ несоотвѣтствіи съ платежными силами государства: $477\frac{1}{2}$ милл. р. ассигнацій превышали тройную сложность всѣхъ доходовъ государства, которыхъ итогъ въ 1806 году былъ всего $133\frac{1}{2}$ милл. р. Это было все равно, какъ еслибы въ настоящее время, по сравненію съ

цифру доходовъ, находилось въ обращеніи болѣе 1,500 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Ясное дѣло, что *цѣнность* бумажныхъ денегъ въ 1808 г. противъ 1804 г. должна была упасть гораздо болѣе, чѣмъ упала ихъ *цѣна*, т.-е. понизиться не на $\frac{1}{12}$ часть, но быть можетъ именно въ $1\frac{1}{2}$ раза. Въ чѣмъ же пониженіе это сказывалось? — Во вздорожаніи продуктовъ. Вторая эпоха сильнаго и быстраго вздорожанія у насъ послѣдовала именно за восточной войной, то-есть совпала опять съ огромнымъ увеличеніемъ (на 400 милл. р. съ 1853 до 1857 г.) бумажно-денежнаго обращенія. Послѣ этого, нѣтъ ли основанія предполагать, что и нынѣшнее, весьма замѣтное вздорожаніе зависитъ оттого, что съ 1867 г. цифра бумажно-денежнаго обращенія вновь стала возрастать? Правда, въ теченіи послѣднихъ 7 лѣтъ она возрасла не въ такой мѣрѣ, какъ въ 4-лѣтіе восточной войны, не на 400, а только на 143 милл. р. Но этого было все-таки достаточно для того, чтобы общее вздорожаніе, начавшееся въ эпоху крымской войны, вмѣсто того, чтобы прекратиться, продолжалось. Защитникъ государственнаго банка въ одномъ мѣстѣ самъ объясняетъ одинъ неблагоприятный для его аргументаціи фактъ, ссылаясь, что онъ зависѣлъ отъ громаднаго увеличенія бумажно-денежнаго обращенія во время восточной войны, а не отъ выпусковъ, бывшихъ съ 1867 года. Но въ томъ-то все и дѣло, что уже и въ 1867 году бумажныхъ денегъ въ обращеніи было слишкомъ много, количество ихъ и тогда обременяло рынокъ, а стало быть всякое значительное увеличеніе ихъ должно было дѣйствовать вредно, должно было поддерживать вздорожаніе, которое въ теченіи послѣднихъ лѣтъ двадцати, дѣйствительно, и шло все выше и выше.

Авторъ статьи въ защиту операций банка, между прочимъ, ссылается, кромѣ внутренняго лажа, еще и на курсовыя таблицы, которыя свидѣлствуютъ, что курсъ повысился, несмотря на новыя выпуски ассигнацій. Но валютный курсъ зависитъ и отъ другихъ элементовъ, кромѣ цѣнности монетной единицы,—весьма сильно зависитъ отъ баланса внѣшней торговли. Изъ тѣхъ же таблицъ видно, что курсъ нашъ въ 1873 г. сравнительно съ 1868 годомъ все-таки упалъ, несмотря на постоянное, весьма значительное возрастаніе отпуска. Безъ этого послѣдняго обстоятельства, онъ несомнѣнно упалъ бы еще больше. Впрочемъ, значеніе валютнаго курса для опредѣленія цѣнности внутренней бумажно-денежной единицы мы можемъ устранить прямо тѣмъ фактомъ, что въ 1857 году, когда у насъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ выпущено было вновь бумажекъ на 400 милл. р., курсъ нашъ былъ лучше нынѣшняго, былъ на пари; и внутренній лажъ въ то время не былъ высокъ: всего около 10%.

Резюмируемъ нашу мысль: при обязательномъ внутреннемъ курсѣ

бумажныхъ денегъ, и при особыхъ свойствахъ нашего рынка, обусловливаемыхъ отчасти и нравственнымъ элементомъ, паденіе *цѣны* бумажныхъ денегъ, выражающееся высокимъ лажемъ, не слѣдуетъ равномерно и постепенно за умноженіемъ ихъ количества и паденіемъ дѣйствительной ихъ цѣнности. У насъ, какъ показали примѣры 1809 года, паденіе цѣны ассигнацій можетъ явиться только внезапно, вслѣдствіе паники, вынужденной самыми крайними мѣрами; тогда цѣна ихъ должна упасть вдругъ, лажъ долженъ съ какихъ-нибудь 30% подняться вдругъ до 124% (въ 1809 г.), до 300% (въ 1810 г.) и такъ далѣе. Такая паника наступаетъ не скоро, далеко не такъ скоро, какъ она наступила бы за границей. Тамъ достаточно было бы одного прекращенія размѣна, чтобы паника произошла, и чтобы лажъ поднялся дѣйствительно выше, чѣмъ насколько упала истинная цѣнность бумажныхъ денегъ, какъ то принимаетъ г. Иващенко въ своей статьѣ. Но у насъ такъ еще мала активная сила рынка и такъ велико довѣріе къ правительству, что паника наступаетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Будь такая паника теперь, и нѣтъ сомнѣнія, что цѣна бумажныхъ денегъ упала бы можетъ быть на все разстояніе между итогомъ бумажнаго обращенія и итогомъ металлическаго фонда, то-есть бумажный рубль обратился бы въ 30 копѣекъ (металл. фондъ составляетъ менѣе трети бумажнаго обращенія), какъ было въ 1810 году. Но ничего похожаго на такую панику нѣтъ, нѣтъ и правильнаго повышенія лажа, тѣмъ болѣе, что звонкихъ денегъ высокой пробы нѣтъ въ обращеніи. Въ случаѣ паники, онѣ быть можетъ явились бы именно въ частномъ обращеніи по высокому лажу, и, конечно, перестали бы притекать въ банкъ по его будто бы „регулирующему“ курсу. Но вмѣсто того, при производствѣ всѣхъ расчетовъ въ частномъ быту на бумажныя деньги и при твердомъ довѣріи къ правительству, общество номинально принимаетъ кредитныя билеты по цѣнѣ гораздо высшей ихъ цѣнности. Оно разсуждаетъ такъ: „кому же и вѣрить, если не казні; вѣдь если думать, что лопнуть бумажки, такъ надо думать, что лопнуть и фонды, а за ними лопнуть и всѣ частныя бумаги, и произойдетъ банкротство всего фидуціарнаго обращенія“. И это вполнѣ справедливо, по самому характеру всего нашего государственнаго и частнаго кредита. Общество справедливо убѣждено, что бумажки „не лопнуть“, что теперь не будетъ допущено крайности, допущенной въ первое десятилѣтіе нынѣшняго вѣка, а такъ какъ мѣновыя знаки необходимы, то общество и продолжаетъ принимать бумажки, хотя бы по той „регулирующей“ цѣнѣ, какую признаетъ за ними банкъ. Въ виду такого согласія всего русскаго народа, и въ Берлинѣ наши сторублевые билеты держатся въ цѣнѣ близкой къ этой же „регули-

рующей" цѣнѣ. Но съ другой стороны, такъ какъ количество бумажныхъ денегъ не соотвѣтствуетъ обезпеченію ихъ, цѣнность ихъ не поддерживается равномѣрно, и сумма ихъ превышаетъ потребности рынка, то неизбежная реакція все-таки происходитъ, происходятъ ненормальныя явленія, вызываемыя тѣмъ, что пицевареніе рынка, если можно такъ выразиться, слишкомъ обременено. Главное изъ этихъ явленій, въ которомъ реакція сказывается, и есть фактъ, что дороговизна продолжаетъ возрастать; цѣнность бумажныхъ денегъ падаетъ и тѣмъ самымъ бремя ихъ какъ-бы облегчается. И это явленіе будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будутъ продолжаться выпуски бумажныхъ денегъ. Лажъ на серебро и на золото, которыя не требуются для обращенія, не великъ; но лажъ великъ на хлѣбъ, на кормы, на мясо, на землю, на дрова—которыя для обращенія требуются. Ссылка г. Иващенко на фактъ, что фабричныя продукты не возрастаютъ въ цѣнѣ въ равномѣрномъ размѣрѣ, какъ жизненные продукты, не можетъ опровергнуть факта общаго вздорожанія. Главное указаніе все-таки даетъ цѣна хлѣба, и если какія-либо произведенія не слѣдуютъ за повышеніемъ цѣны, то мы всегда вправѣ допустить особыя, спеціальныя причины, задерживающія ихъ равномѣрное вздорожаніе. Еще менѣе возможно согласиться съ тѣмъ аргументомъ г. Иващенко, что „отпускъ нашъ неизбежно упалъ бы и даже вовсе прекратился, еслибъ цѣна вывозимыхъ предметовъ на внутреннихъ рынкахъ возросла въ столь значительномъ размѣрѣ; прямымъ послѣдствіемъ этого было бы паденіе вексельнаго курса еще въ болѣешемъ размѣрѣ“ и т. д. Г. Иващенко въ своей статьѣ ссылается на экономическую науку; но здѣсь онъ уже разсуждаетъ прямо наперекоръ наукѣ. Развѣ цѣна предметовъ на внутреннихъ рынкахъ возрастаетъ на звонкія деньги? Нѣтъ, въ томъ и суть, что она возрастаетъ на деньги бумажныя, когда ихъ слишкомъ много. А какое же дѣло до этой цѣны иностранному купцу, который приобретаетъ ихъ на звонкія деньги? Истина эта слишкомъ очевидна; но для выраженія ея вмѣстѣ съ неоспоримымъ вліяніемъ увеличенія бумажно-денежнаго обращенія на вздорожаніе вообще—мы позволимъ себѣ привести слѣдующія строки Милля (Осн. пол. экон. Т. II, отд. XXII, § 3, о послѣдствіяхъ увеличенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ): „Когда, наконецъ, количество неразмѣнныхъ бумагъ (вытѣснивъ звонкія деньги изъ обращенія) сдѣлается больше, чѣмъ замѣненное имъ количество денегъ, тогда начнутъ возрастать цѣны всѣхъ предметовъ; предметы, которые на звонкія деньги стоили 5 фунт. стерл., будутъ продаваться по 6 или болѣе фунтовъ. Но это возрастаніе цѣны нисколько не побудитъ къ увеличенію привоза товаровъ изъ-за границы и не уменьшитъ отпуска. Дѣло въ томъ, что

привозъ и отпускъ регулируются цѣнами товаровъ, исчисленными на деньги металлическія, а не бумажныя, и цѣнность тѣхъ и другихъ денегъ можетъ быть одинакова только тогда, если существуетъ размѣнъ".

Въ пользу тезиса г. Иващенко мы можемъ допустить только слѣдующую оговорку: правда, что на вздорожаніе продуктовъ могли имѣть вліяніе еще и другія причины, кромѣ увеличенія количества бумажныхъ денегъ, и именно: облегченіе сбыта за-границу проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и умноженіе населенія, при весьма слабомъ развитіи производительности. Но все-таки такой фактъ, какъ увеличеніе бумажнаго обращенія въ теченіи всего 7-ми лѣтъ, т.-е. именно съ 1867 года, на почти 150 милл. руб., когда ихъ количество и прежде¹ было уже чрезмѣрно — представляетъ неоспоримо главный и самый убѣдительный факторъ общаго вздорожанія. Реакція и будетъ идти далѣе этимъ же путемъ до извѣстнаго предѣла, а металлическій фондъ будетъ оставаться по прежнему безъ всякаго экономическаго вліянія, какъ будто бы его вовсе не было. Если первоначальная цѣль его поддержанія была такова, какъ ее даетъ уразумѣть защитникъ государственнаго банка, именно: приготовленіе болѣе значительныхъ средствъ для восстановленія размѣна когда-либо, со временемъ, то мы охотно согласимся, что мысль эта могла показаться завлекательною: для усиленія фонда на металлическій рубль требовалось выпустить въ обращеніе только 1¹/₂ рубля бумажными деньгами, между тѣмъ какъ сумма металлическаго фонда могла бы гарантировать впослѣдствіи тройное бумажное обращеніе. Но при данныхъ обстоятельствахъ, то-есть при непомѣрномъ количествѣ бумажныхъ денегъ, бывшемъ въ обращеніи еще ранѣе 1868 г. и при исчезновеніи изъ него всей звонкой монеты, мысль эта представляла только парадоксъ. Положимъ, что, образовавъ фондъ въ 250 милл. руб., можно было бы гарантировать имъ обращеніе въ 750 милл. р., восстановивъ размѣнъ. Но дѣло въ томъ, что восстановить размѣнъ можно было бы только при такомъ условіи внутренняго денежнаго рынка, еслибы на немъ еще находилось достаточное количество звонкой монеты. Еслибы, напротивъ, въ обращеніи было 250 милл. руб. звонкой монеты, а бумажныхъ денегъ 450 милл. р., въ такомъ случаѣ понятно, что одной трети второй цифры, а именно всего 150 милл. р. звонкою монетою, лежащихъ въ банковомъ фондѣ, могло бы быть достаточно для обезпеченія всего бумажнаго обращенія, т.-е. 450 милл., при существованіи размѣна. Но когда этого нѣтъ, когда звонкихъ денегъ въ обращеніи вовсе не находится, то напрасно думали бы фондомъ въ одну треть бумажнаго обращенія обезпечить это обращеніе. При такихъ обстоятельствахъ открытіе размѣна, то-есть восстановленіе въ обращеніи двоякой единицы,

прежде всего вызвало бы въ обращеніе огромную массу звонкой монеты, хотя не для полнаго, но для нѣкотораго уравновѣшенія бумажныхъ денегъ. Слишкомъ очевидно, что когда бумажныхъ денегъ 792 милл. руб., то при открытіи размѣна публика немедленно истощила бы весь металлическій запасъ банка въ 226 слишкомъ милліоновъ (считая и облигаціи), и все-таки еще рынокъ не удовлетворилъ бы своей потребности хоть нѣсколько уравновѣсить количество тѣхъ и другихъ мѣновыхъ знаковъ. А затѣмъ, когда произошла бы такая ликвидація, чѣмъ же банкъ обезпечивалъ бы оставшуюся массу 566 милл. рублей бумажныхъ денегъ? Ясно, что повторилась бы исторія 1862—63 года, что банкъ былъ бы вынужденъ прекратить размѣнъ еще гораздо ранѣе, чѣмъ внутренній рынокъ удовлетворился бы звонкой монетой. Въ дѣйствительности же прекращеніе размѣна наступило бы тѣмъ скорѣе, что золото и серебро, выпущенныя изъ размѣннаго фонда банка, не довѣряли бы продолжительности размѣна и не вступали бы на внутреннее обращеніе, но скрывались бы или бѣжали бы за-границу.

Возстановленіе размѣна при такихъ условіяхъ, безъ выкупа части кредитныхъ билетовъ процентными фондами, есть мечта, которая осуществиться не можетъ. И мечта эта будетъ, разумѣется, тѣмъ мечтательнѣе, чѣмъ больше будетъ выпускаться новыхъ бумажныхъ денегъ, хотя бы даже росъ равномѣрно съ ними металлическій „неразмѣнный“ фондъ. Чѣмъ выше будетъ безотносительный эскап между итогомъ бумаги и фонда, тѣмъ невозможнѣе будетъ возстановленіе размѣна, а между тѣмъ тѣмъ ближе будетъ уже опасеніе паники, которая и показала бы, какъ ничтожно для поддержанія цѣнности бумажныхъ денегъ то средство, которое банкъ называетъ „регулирующимъ курсомъ“, т.-е. покупка металловъ на бумажки съ небольшою приплатой.

Изъ всего сказаннаго само собой вытекаетъ заключеніе, что продолженіе выпусковъ бумажныхъ денегъ, хотя бы оно обращалось на усиленіе металлическаго фонда, есть не что иное, какъ поддержаніе коренной ошибки, подрывающей экономическое положеніе страны. Мы считаемъ обязанностью печати разъяснять этотъ вопросъ безъ всякихъ недомолвокъ, потому что всего вреднѣе здѣсь было бы именно самообольщеніе мечтами. Никакія ухищренія, въ родѣ „регулирующаго курса“, не способны измѣнить очевиднаго вреда отъ умноженія не подлежащихъ платежу кредитныхъ бумагъ. Что касается металлическаго фонда, то единственное реальное значеніе, какое онъ можетъ имѣть, окажется только въ случаѣ войны, то-есть тогда, когда надо будетъ его расходовать. Но при чемъ же останется тогда та

операція, которая состояла въ увеличеніи массы бумажныхъ денегъ въ соразмѣрности съ возростаніемъ металлическаго фонда?

На недоборъ въ податяхъ въ бюджетѣ 1874 г. положена сумма въ 4 милл. руб., между тѣмъ какъ въ предшествовавшемъ году на недоборъ числился только 1 милл. руб. Такое увеличеніе недобора предусматривается въ виду неурожая, оказавшагося въ 1873 г. въ восточной полосѣ имперіи, котораго послѣдствія, по справедливому замѣчанію доклада министра финансовъ, „неизбѣжно отражаются прежде всего на поступленіи прямыхъ налоговъ, и затѣмъ послѣдовательно ослабляютъ и другіе источники государственныхъ доходовъ“. Страшное бѣдствіе, постигшее нѣкоторые уѣзды Самарской губерніи, настоящій голодъ, въ значительной, хотя и меньшей степени, отразилось и на другихъ мѣстностяхъ, не только сосѣднихъ съ первыми, но и отдаленныхъ, какъ, напр., въ части Херсонской и въ Олонецкой губерніи. Въ разностороннихъ жалобахъ, какія были высказаны по этому поводу въ печати, по внимательномъ сопоставленіи ихъ, оказывается невѣрнымъ только одно стремленіе взвалить всю вину на одну какую-либо сторону или на одно какое-либо обстоятельство. Одни жаловались только на высоту налоговъ, другіе на недостаточность общаго по имперіи продовольственнаго капитала, въ которомъ вѣсто 18 милл. руб. состояли на лицо всего 5-ть, а 12 милл. числились въ долгахъ; третьи обвиняли во всемъ нераспорядительность земства и народное пьянство; четвертые выставляли болѣе всего на видъ несвоевременную строгость губернской администраціи по взысканію недоимокъ въ податяхъ; объясняли, что сама эта администрація не вѣрила въ приближеніе голода, сообщала лѣтомъ о благопріятныхъ видахъ на урожай, наконецъ задерживала губернское собраніе земства, предположенное въ октябрѣ, и т. д. Одна извѣстная московская газета приплела тутъ къ голоду даже нигилизмъ, „изгнанный изъ столицъ и пріютившійся въ провинціальныя города“.

Безпристрастное сличеніе всѣхъ этихъ жалобъ и обвиненій заставляетъ признать, что всѣ они справедливы именно какъ *жалобы*, и что всѣ они несостоятельны въ смыслѣ *оправданія* заинтересованныхъ сторонъ. Въ самарскомъ голодѣ, по нашему убѣжденію, отразились всѣ неблагопріятныя стороны нашего общаго экономическаго мѣстиво-административнаго и нравственнаго быта. Въ настоящее время мы имѣемъ офиціальный отзывъ объ общемъ положеніи пораженныхъ голодомъ мѣстностей, представленный лицомъ, специально посланнымъ отъ правительства для ознакомленія съ положеніемъ Самарской губерніи. Въ рапортѣ генерала Яфимовича сказано, что бѣдствіе „при всей своей жестокости, не имѣло, однако же, для насе-

женія прискорбныхъ послѣдствій, какимъ можно было опасаться“. Такое удостовѣреніе, очевидно, выражаетъ одну вполнѣ понятную мысль, что послѣдствія могли бы быть еще хуже, но само по себѣ бѣдствіе— жестоко. Затѣмъ въ рапортѣ указываются и самыя тѣ прискорбныя результаты, какіе могли быть, но которыхъ, къ счастью, доселѣ не обнаружено, а именно: до настоящаго времени нѣтъ повальныхъ болѣзней, хотя смертность, вѣроятно, и усилилась; не было *достоверныхъ* свѣдѣній о случаяхъ голодной смерти; наконецъ, хотя число нуждающихся „въ пособіи на продовольствіе“ постоянно возрастаетъ и *будетъ* еще возрастать, но можно имѣть увѣренность, что оказанная уже помощь устранить нужду въ продовольствіи.

Несомнѣнно, что все это могло быть еще хуже, могла быть и голодная смерть, и эпидеміи, которыя, впрочемъ, не появляются такъ скоро, и объ отсутствіи которыхъ самъ рапортъ говоритъ только условно: „до настоящаго времени не было извѣстій“. Рапортъ говоритъ еще, что, „новидимому, самое трудное время уже миновало“, но онъ же признаетъ, что „число нуждающихся постоянно возрастаетъ по мѣрѣ истощенія своихъ средствъ“. Итакъ, хотя бѣдствіе могло быть еще хуже, но достаточно остановиться на томъ выраженіи рапорта, которымъ бѣдствіе и въ нынѣшнихъ его размѣрахъ признается „жестокимъ“.

Въ этомъ частномъ бѣдствіи прежде всего отражается вліяніе общее, то направленіе, какое принимаютъ наши экономическія условія: производительность въ совокупности возрастаетъ весьма медленно, едва въ уровень съ ростомъ населенія, а между тѣмъ налоги сильно возрасли. Увеличеніе производительности предполагаетъ улучшеніе обработки, хотя не въ переходѣ къ другой системѣ хозяйства, но въ поддержаніи почвы удобреніемъ, т.-е. въ умноженіи скота. Но это требовало бы нѣкотораго усилія со стороны крестьянъ, немислимаго безъ сбереженій. Сбереженій же, съ одной стороны, трудно ожидать при высотѣ налоговъ съ выкупными платежами, съ другой стороны, при несомнѣнномъ развитіи пьянства, наконецъ, при преобладаніи раздѣловъ. Итакъ, крестьяне въ Самарской губерніи продолжаютъ истощать почву, которая годъ отъ году слабѣетъ. Изъ свѣдѣній комиссіи сельскаго хозяйства видно постоянное оскудѣніе производительной силы почвы въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія. Преобладающій посѣвъ тамъ яровой; вотъ отношеніе сбора ярового къ посѣву въ тысячахъ четвертей:

Въ 1851 г.	посѣяно	1,662	собрано	8,338
„ 1856 „	„	1,705	„	5,881
„ 1861 „	„	1,679	„	7,464
„ 1866 „	„	1,645	„	6,306
„ 1871 „	„	2,439	„	6,262

Послѣдній изъ этихъ годовъ былъ уже неурожайный. Правда, неурожай бывали и прежде. Но разница въ томъ, что то, что прежде было дѣломъ исключительныхъ случаевъ, постепенно становится фактомъ необходимости, естественнымъ результатомъ всего хода обработки. При уменьшеніи силы земли, при отсутствіи сбереженій и невозможности поправить почву, неурожай совершенно разоряетъ крестьянъ и влечетъ за собой роковымъ образомъ новые неурожаи. Нынешній неурожай въ Самарской губерніи является уже третьимъ въ ряду, изъ году въ годъ.

Въ отсутствіи сбереженій, въ невозможности умножить скотъ и даже въ уменьшеніи его, отчасти виновата, конечно, неразвитость крестьянъ, частотъ семейныхъ раздѣловъ и пьянство. Но нѣтъ сомнѣнія, что главную роль играетъ при этомъ все-таки высота налоговъ. Тягость ихъ такова, что уже ея одной совершенно достаточно объясняется невозможность какихъ-либо сбереженій. По показанію самарскаго землевладѣльца А. Н. Аксакова, „земля въ этой губерніи, даже въ южныхъ, самыхъ богатыхъ по доходности уѣздахъ, цѣнится такъ мало, что въ 1870 году, по окончаніи девятилѣтняго обязательнаго срока пользованія землею, обнаружилось въ этой губерніи всеобщее движеніе крестьянъ къ выселенію, съ отказомъ отъ надѣла и усадебной осѣдлости“. Тотъ же землевладѣлецъ рассказываетъ, что въ его имѣніи, въ Николаевскомъ уѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе пораженныхъ нынѣ неурожаемъ, крестьяне, бывшіе на оброкѣ, соглашались было на выкупъ по добровольному соглашенію, но какъ только наступилъ срокъ обязательному пользованію, отказались отъ заключенія такого договора, и изъ 200 душъ одной деревни, 150 отказались отъ надѣла и перечислились частью въ казенныя имѣнія, частью въ мѣщане. Въ другомъ имѣніи, въ Бугульминскомъ уѣздѣ, тотъ же землевладѣлецъ предлагалъ крестьянамъ такіа условія выкупа, что они пріобрѣли бы окончательно въ собственность свою землю по 18 р. за десятину, съ разсрочкою платежа на 10-ть лѣтъ; но крестьяне предпочитали выселиться и остались на мѣстѣ только тогда, когда землевладѣлецъ подарилъ имъ четвертую часть надѣла.

Несмотря на такую дѣйствительную малостойкость земли, каковы налоги въ Самарской губерніи? Объ этомъ мы узнаемъ изъ показанія другого самарскаго землевладѣльца Л. Б. Тургенева. Рѣчь идетъ о Ставропольскомъ уѣздѣ: „на надѣлъ приходится (съ выкупными платежами) отъ 20-ти до 24 рублей, т.-е. 6 рублей на десятину. Между тѣмъ, десятина даетъ 6 р. только при сдачѣ подъ рожь, подъ яровое же—4 р., значитъ, можно считать 3 р. съ небольшимъ на кругъ. Положимъ, крестьянинъ получить 15 р. съ десятины при собствен-

ной обработкѣ; но вѣдь ему еще нужно прокормиться и одѣться. Неурожай окончательно подвешиваетъ крестьянина. Въ доказательство того, что ему действительно очень тяжело, а платежи действительно сильны, я сдѣлаю одно практическое замѣчаніе: прежде у насъ кабалы не было, она представляла историческое преданіе; теперь же является кабала, и кабальется года на 2—3 впередъ; это—умаслѣннѣе явленіе“.

О какихъ же сбереженіяхъ можетъ быть рѣчь при подобныхъ обстоятельствахъ? А безъ поддержанія почвы, она должна истощаться болѣе и болѣе.

Усиленіе нашего отпуску за-границу, которое относится главнымъ образомъ къ отпуску хлѣба, при такихъ обстоятельствахъ, само не можетъ служить подспорьемъ крестьянскому хозяйству. Когда производительность въ данной мѣстности уменьшается, то возвышеніе цѣны на продукты увеличеніемъ вывоза можетъ поддержать прежнее *status quo* только при достаточномъ количествѣ у крестьянъ хлѣба для сбыта. Но за то, при наступленіи неурожая, вывозъ является даже неблагоприятнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ увеличиваетъ цѣну на такой продуктъ, который крестьянамъ приходится уже не продавать, но повунать. И замѣчательно, что нынѣ въ наиболѣе бѣдственномъ положеніи оказывается населеніе такихъ мѣстностей, которыя наиболѣе отпускаютъ хлѣба за-границу: таковы приволжскіе уѣзды Самарской губерніи и Херсонская губернія.

Что касается пререкательствъ, возникшихъ въ нечати относительно дѣйствій мѣстной администраціи и земства Самарской губерніи, то и здѣсь, повидимому, основательны только обоюдныя жалобы, но не оправданія которой-либо стороны. Недостатокъ распорядительности земства достаточно удостовѣряется тѣмъ фактомъ, что мы доселѣ еще не имѣемъ и приблизительнаго понятія о размѣрахъ голода, о числѣ нуждающихся. Но и непредусмотрительность мѣстной администраціи доказывается, какъ сообщеніемъ въ теченіи лѣта въ официальной газетѣ благоприятныхъ видовъ на урожай, такъ и усиленные всматриваніемъ недоимокъ. Все, что могли сказать защитники администраціи въ объясненіе этихъ фактовъ, сводилось къ тому, что свѣдѣнія о видахъ на урожай, „вѣсны или невѣсны“ они были, доставлялись чрезъ губернатора „обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ“ („Моск. Вѣд. № 3-й“), а всматриваніе недоимокъ производилось не по собственной инициативѣ губернатора, но по настоянію казенной палаты. Неудовлетворительность такого объясненія слишкомъ очевидна. Ваваливать всю вину на земство невозможно до тѣхъ поръ, пока земство находится въ подчиненіи у мѣстной администраціи, даже от-

носительно созванія своихъ собраний, не говоря уже о томъ, что оно лишено всякой возможности контролировать расходование хлѣбныхъ запасовъ сельскими обществами, которые дѣйствуютъ въ этомъ совершенно самостоятельно и допускаютъ большія злоупотребленія. Учрежденіе, находящееся подъ опекой, не можетъ нести на себя всю отвѣтственность: часть ея должна necessarily падать и на того, кто контролируетъ дѣйствія этого учрежденія. Ограниченное въ своихъ правахъ и по отношенію къ администраціи, и по отношенію къ сельскимъ обществамъ, земство въ дѣлѣ народнаго продовольствія не можетъ отвѣчать за все. Позволительно даже сказать, что въ отзывѣ генерала Яфимовича какъ-бы внесена газетная поемника, такъ какъ онъ счелъ нужнымъ только похвалить мѣстную администрацію, и только упрекнуть земство. Порученіе, съ какими оны были посланы—раздать пособие нуждающимся отъ монаршихъ щедротъ, должно было бы поставить его отзывъ о нѣгнѣшнемъ положеніи дѣлъ выше безплодной въ настоящее время поемники. Утѣшительно видѣть, что въ Херсонской губерніи усилія администраціи и земства въ облегченіи бѣдствія направляются въ своей цѣли дружно. Но нельзя не замѣтить, что въ числѣ поученій, какими обильно нѣгнѣнное бѣдствіе, представляется необходимость дать болѣе самостоятельности, болѣе простора земству въ той скромной области мѣстнаго ховнйства, какая указана ему закономъ. Необходимость пересмотра разбѣровъ выкупныхъ платежей въ той обширной полосѣ, гдѣ они приближаются къ суммѣ самого дохода съ земель, даже ее превышаютъ, представляетъ другой практическій урокъ, вторымъ необходимо воспользоваться для устранения постепеннаго упадка крестьянскаго хозяйства въ цѣлой трети европейской Россіи.

Височайшее повелѣніе 9-го января 1874 г. о дарованіи нѣкоторыхъ облегченій лицамъ, подвергшимся по 1-е января 1871 г. обвиненіямъ въ государственныя преступленія, если они не совершили послѣ того какихъ-либо новыхъ преступленій и не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ,—было опубликовано въ то время, когда предшествующее наше внутреннее обозрѣніе было уже окончено наборомъ. Повелѣніемъ тѣмъ даровано возвращеніе нѣкоторыхъ правъ въ соотвѣтствіи къ пяти категоріямъ: лишеннымъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію правъ и преимуществъ возвращаются прежнія личныя права состоянія, съ распространеніемъ ихъ и на дѣтей, родившихся послѣ осужденія, съ дозволеніемъ тѣмъ изъ этихъ лицъ, которыя находятся въ Сибири, переселяться во внутреннія губерніи, и освобожденіемъ отъ надзора полиціи тѣхъ лицъ, которыя находятся въ европейской Россіи. Освобожденнымъ уже доселѣ

отъ надзора полиціи предоставляется право поступать на государственную службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено жить, а тѣмъ изъ освобожденныхъ уже доселѣ отъ полицейскаго надзора, которыхъ были только удалены съ мѣста жительства безъ лишенія правъ, дозволяется возвратиться на родину. Высочайшая милость эта явлена въ ознаменованіе бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, Герцогини Эдинбургской.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ПО ПОВОДУ ОТВѢТОВЪ НА ВОПРОСЫ ОБЪ ОПЕРАЦІЯХЪ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

Въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“ напечатана статья г. Иващенко: „Отвѣты на вопросы объ операціяхъ государственнаго банка“. Это—отвѣтъ на нашу статью, помѣщенную въ июльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ и въ брошюрѣ: „Вопросы государственнаго хозяйства“. Содержаніе этого „отвѣта“ указываетъ, что авторъ пользовался официальными данными и, конечно, это не могло быть сдѣлано безъ согласія и разрѣшенія управленія государственнаго банка. Не можемъ не выразить нашу глубокую благодарность управленію за то вниманіе, которое оно обратило на нашу замѣтку. Въ такомъ образѣ дѣйствій мы видимъ просвѣщенный взглядъ и серьезное отношеніе къ дѣлу. Позволяемъ себѣ думать, что управленіе государственнаго банка выполнѣ оцѣнило ту искренность убѣжденій, съ которой были высказаны наши замѣтки, если оно не оставило ихъ безъ вниманія. Всякое общественное учрежденіе только тогда можетъ держать высоко свое знамя, когда оно не облекается въ мантию непогрѣшимости, обращается съ должнымъ вниманіемъ къ мнѣніямъ, высказываемымъ въ печати, и помогаетъ обществу въ разрѣшеніи трудныхъ вопросовъ государственной жизни. Можно расходиться въ мнѣніяхъ съ управленіемъ государственнаго банка, но нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ въ подобному образу дѣйствій. Мы тѣмъ болѣе его цѣнимъ, что русская печать не избалована въ этомъ отношеніи и часто принуждена блуждать въ дебряхъ догадокъ

и предположеній, за отсутствіемъ не только официальныхъ, но даже и полуофициальныхъ разъясненій. Если намъ скажутъ, что статья г. Иващенко не имѣетъ вовсе официального характера, то мы захѣтимъ, что во всемъ ея содержаніи видна санкція управленія государственнаго банка, и этого для насъ довольно. Пожелаемъ, читатель, чтобы статья г-на Иващенко сдѣлалась прекраснымъ прецедентомъ и въ другихъ случаяхъ. Много бы уничтожилось недоразумѣній и много бы явилось полезныхъ результатовъ, если бы правительственныя учрежденія находили нужнымъ обращаться къ печатному слову, какъ къ средству знакомить общество съ мотивами своихъ дѣйствій.

Вниманіе, оказанное нашимъ мнѣніемъ, обязываетъ насъ вновь высказать съ тою же искренностію тѣ соображенія, которыя вызваны были въ насъ чтеніемъ данныхъ намъ разъясненій и сдѣланныхъ возраженій. Статья г. Иващенко раздѣлена на два отдѣла: въ первомъ представляются разъясненія бухгалтерскихъ счетовъ банка, во второмъ возраженія на наши замѣчанія противъ эмиссіонной операціи кредитныхъ билетовъ и покупки золота. Мы будемъ слѣдовать тому же порядку. Выставляя нѣкоторые неясности балансовъ государственнаго банка, какъ можетъ припомнить читатель, мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что эти неясности могутъ разъясниться; напротивъ, мы были вполне убѣждены, что ключъ къ нимъ есть, но только въ рукахъ лицъ знакомыхъ не съ *бухгалтеріей вообще*, а съ *бухгалтеріей государственнаго банка*. Самъ г. Иващенко говоритъ, что въ его счетоводствѣ есть *особенность*, вслѣдствіе которой по переводной операціи въ банкѣ ведется особый счетъ. Еслибъ этого не было, то (какъ замѣчаетъ г. Иващенко въ одномъ изъ примѣчаній) въ балансѣ банка къ 1-му мая цифры должны бы измѣниться, т.-е., что въ напечатанномъ балансѣ къ 1-му мая показаны не тѣ цифры, которыя были въ дѣйствительности, а тѣ, которыя образовались вслѣдствіе принятаго банкомъ порядка счетоводства. Но вѣдь мы только это и утверждали, и г. Иващенко вполне подтверждаетъ наши слова. Мы останавливаемся на этомъ обстоятельстве потому, что принятый государственнымъ банкомъ порядокъ счетоводства составляетъ его въ общемъ балансѣ банка, конторъ и отдѣленій вводить счеты свои съ конторами, тогда какъ въ этомъ итогѣ балансовъ всѣхъ подвѣдомственныхъ банку учреждений должны значиться одни счеты его съ правительствомъ и публикой, внутренніе же счеты отдѣльныхъ учреждений здѣсь совершенно лишніе. Но при существующемъ порядкѣ исключить этихъ счетовъ нельзя, такъ какъ безъ нихъ произойдетъ дефицитъ. Между тѣмъ, измѣнивши этотъ порядокъ и прибавивши къ балансу счетъ цѣнностей, находящихся въ пути, можно всегда свести балансъ, который, не затемняя дѣло

взаимными счетами между учреждениями государственного банка, не поведетъ и къ недоразумѣніямъ въ публикѣ.

Что касается остальныхъ разъясненій, то мы очень благодарны г. Иващенко за принятый имъ на себя трудъ, и наши читатели, конечно, не носѣтуютъ на насъ, что мы предложили эти вопросы, такъ какъ теперь категорически разъяснена причина увеличенія счетовъ по долгамъ помѣщиковъ прежнихъ кредитныхъ учреждений и причины разницы счетовъ банка и выкупного учрежденія. При этомъ мы должны замѣтить, что въ балансахъ банка, еще задолго до появленія статьи г. Иващенко, мы замѣтили существенное измѣненіе, а именно: цифра представленныхъ въ погашеніе выкупныхъ процентныхъ бумагъ была выдѣлена въ особый счетъ, что и разъяснило нѣкоторые наши недоразумѣнія.

Мы очень сожалѣемъ, что г. Иващенко не взялъ на себя труда разъяснить, хотя бы отчасти, причину неясности номенклатуры нѣкоторыхъ счетовъ государственного банка, на которую мы указывали. Такъ, напримѣръ, счетъ въ активѣ коммерческихъ операций: долгъ государственного казначейства по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ учреждений, и счетъ съ государственнымъ банкомъ въ пассивѣ ликвидаціи кредитныхъ учреждений. Для лицъ, не посвященныхъ въ тайны бухгалтеріи, никогда не придетъ въ голову, что эти два счета выражаютъ капиталъ, затраченный банкомъ на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учреждений изъ суммъ, вѣренныхъ банку по акладамъ и текущимъ счетамъ. Такая неясность срываетъ отъ публики дѣйствительное значеніе оборотовъ государственного банка. Между тѣмъ, еслибы эти счета были озаглавлены 1) въ активѣ коммерческихъ операций: *„Расходы банка на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учреждений“*; а 2) въ пассивѣ ликвидаціи: *„Позаимствованіе изъ суммъ коммерческихъ операций на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учреждений“*, — тогда бы эти заголовки соотвѣтствовали дѣйствительному характеру этихъ счетовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вводили бы никого въ заблужденіе. Тогда было бы ясно, что государственный банкъ не оказываетъ никакого содѣйствія промышленности, а напротивъ, беретъ у промышленности около 120 милл. рублей на уплату долговъ прежнихъ кредитныхъ учреждений, и что весь *raison d'être* государственного банка заключается именно въ этой операціи, такъ какъ кредитъ, отырываемый банкомъ частной промышленности, ничтоженъ въ сравненіи не только съ его балансомъ, но и съ приведенной цифрой.

Переходимъ ко второму отдѣлу статьи, въ которомъ авторъ оснашиваетъ наши мысли о вредѣ выпуска кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на звеную монету. Авторъ утверждаетъ, что статья наша

есть извлеченіе изъ известнаго сочиненія Вагнера „Die russische Papierwährung“. Смѣемъ увѣрить г. Иващенко, что это сочиненіе намъ было вовсе неизвѣстно, и о переводѣ этой книги г. Бунге мы до сихъ поръ не имѣли никакого понятія, и очень благодарны г. Иващенко за его сообщеніе. Мы постараемся ознакомиться основательно съ этой книгой, такъ какъ имена, и автора, и переводчика, говорятъ многое въ ея пользу. Впрочемъ, къ какимъ бы заключеніямъ ни приходилъ г. переводчикъ, въ особенности если этотъ переводъ сдѣланъ давно, врядъ ли онъ въ состояніи оспорить значеніе фактовъ въ настоящее время. Операция выпуска бумажныхъ денегъ получила въ послѣднее время такое развитіе и повлекла за собой такія грустныя послѣдствія, которыхъ, конечно, г. Вагнеръ, издавшій свою книгу, какъ видно изъ каталоговъ, въ 1868 году, и не могъ предвидѣть, тѣмъ болѣе, что исторія бумажно-денежнаго обращенія не представляетъ ни одной попытки, которая бы производилась этимъ путемъ и при тѣхъ же обстоятельствахъ. Очень естественно, что мы, живя въ 1873 году и имѣя въ виду гораздо болѣе фактовъ, нежели могъ ихъ имѣть г. Вагнеръ въ 1868 году, когда операция покупки золота государственнымъ банкомъ едва началась, можемъ идти въ нашихъ выводахъ гораздо далѣе г. Вагнера. Вѣроятно и г. Вагнеръ пошелъ бы далѣе, если бы писалъ въ настоящее время. Но возвратимся къ сущности вопроса.

Г. Иващенко утверждаетъ, что нашъ аргументъ дороговизны могъ бы имѣть значеніе только тогда, еслибъ намъ удалось доказать, что дороговизна составляетъ не частное возвышеніе цѣнъ на какой-либо предметъ, а явленіе общее. Не знаемъ, какое впечатлѣніе сдѣлало подобное возраженіе на васъ, читатель, но намъ оно показалось очень страннымъ. Неужели же въ Россіи можно отрицать фактъ всеобщей дороговизны? Неужели нужно въ подтвержденіе этого факта приводить таблицы цѣнъ всѣхъ возможныхъ предметовъ потребленія за нѣсколько лѣтъ? Нѣтъ, подобная аргументація могла бы наскучить всякому читателю, и онъ былъ бы вправѣ сказать намъ: „для чего вы надѣдаете мнѣ съ таблицами, для доказательства такой ходячей истины, которую мало-мальски наблюдательный человѣкъ знаетъ твердо по своему карману“. Въ виду полной очевидности такого факта, мы не считаемъ нужнымъ ее доказывать и убѣждены вполне, что читатель гораздо скорѣе согласится съ нами, нежели съ г. Иващенко, утверждающимъ, что возвышеніе цѣнъ есть частный случай и, слѣдовательно, не зависитъ отъ дешевизны денегъ. Въ подтвержденіе своей мысли, авторъ указываетъ на исключеніе, допущенное нами по отношенію къ цѣнѣ на мануфактурныя произведенія. Но, во-первыхъ, мы только допустили возможность подобнаго исключенія

въ виду особенныхъ свойствъ этого рода произведеній и, во-вторыхъ, отнюдь не безусловно. Если авторъ могъ это замѣчаніе истолковать въ пользу своей мысли, то изъ этого можно заключить, что мы недостаточно ясно выразились и считаемъ необходимымъ разъяснить сказанное нами.

Г-ну Иващенко, конечно, извѣстно, что никакое экономическое явленіе не зависитъ отъ одной причины, а всегда есть послѣдствіе многихъ неодинаковыхъ силъ, дѣйствующихъ одновременно и въ разныхъ направленіяхъ, и что одна и та же сила, дѣйствуя на два какіе-либо предмета, вызываетъ въ нихъ неодинаковыя явленія, встрѣчающіяся съ другими, содѣйствующими или противодействующими силами. Эта сложность причинности явленій въ экономической жизни обуславливаетъ трудность разрѣшенія экономическихъ вопросовъ. На этомъ основаніи, если мы замѣчаемъ въ ряду извѣстныхъ явленій нѣкоторые исключенія, то мы не можемъ и не должны отрицать существованія извѣстнаго закона, дѣйствию котораго подчиняется большинство явленій. Прилагая эти общія положенія къ разбираемому вопросу, мы видимъ, что цѣны на предметы потребления, не считая стоимости производства, устанавливаются подъ вліяніемъ *двухъ главныхъ условий*. Во-первыхъ, подъ вліяніемъ количества денежныхъ знаковъ, какъ мѣрила цѣнности, въ виду того, что въ цѣнѣ выражается отношеніе между всею суммою товаровъ, подлежащихъ обмѣну, и количествомъ денежныхъ знаковъ; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ спроса и предложенія на каждый товаръ отдѣльно. Оба эти условія имѣютъ вліяніе на цѣны, и могутъ быть случаи, когда они измѣняются въ одномъ направленіи и имѣютъ слѣдствіемъ повышение или пониженіе цѣнъ; могутъ быть случаи, когда одно условіе измѣняется, а другое остается безъ перемѣны; также можетъ быть случай, когда одно условіе измѣняется въ одномъ направленіи, а другое въ другомъ, т.-е. одно можетъ дѣйствовать на повышение или пониженіе цѣнъ, а другое наоборотъ; наконецъ, самое измѣненіе условій можетъ быть не въ одинаковой степени. Отсюда рядъ безчисленныхъ комбинацій, вліяющихъ на состояніе цѣнъ, но изъ этого нельзя выводить заключенія, что увеличеніе или уменьшеніе денежныхъ знаковъ не вліяетъ на цѣны, если на нѣкоторые предметы цѣны не измѣнились. Здѣсь, слѣдовательно, одно условіе было парализовано другимъ и ничего болѣе. На этомъ основаніи мы утверждаемъ, что невозможно представить себѣ такого случая, чтобы даже удвоенное количество денежныхъ знаковъ могло повліять непосредственно на возвышеніе всѣхъ безъ исключенія предметовъ потребления. Напротивъ, очень легко можетъ быть, что уменьшеніе спроса, увеличеніе предложенія или удешевленіе стоимости производства, а

чаще всего дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ, оставляетъ цѣны на нѣкоторые предметы безъ всякой перемѣны, несмотря на то, что увеличеніе денежныхъ знаковъ возвышаетъ цѣну всѣхъ остальныхъ. Стало быть, возвышенія цѣнъ безусловно всѣхъ вообще предметовъ никогда не можетъ быть, вслѣдствіе разнообразія обуславливающихъ ихъ причинъ.

Изъ этого можно вывести только одно заключеніе, что еслибы не было увеличенія денежныхъ знаковъ, то цѣны, оставшіяся безъ перемѣны, должны были понизиться, но такъ какъ этого не случилось, то увеличеніе денежныхъ знаковъ имѣло вліяніе и здѣсь, что и выразилось въ косности цѣнъ, по другимъ условіямъ должноствовавшихъ понизиться. Неужели г. Иващенко будетъ возражать противъ этихъ очевидныхъ истинъ и все-таки будетъ настаивать, что дороговизна не есть у насъ явленіе общее, потому что нѣкоторые предметы не повысились въ цѣнѣ? Но вѣдь тогда, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо утверждать, что количество денежныхъ знаковъ вовсе не имѣетъ никакого вліянія на цѣны, чего однакожъ г. Иващенко не говоритъ, и чего, конечно, нельзя доказать послѣ всѣхъ фактовъ, которые намъ представляетъ исторія денежнаго обращенія, начиная съ открытія Америки и вплоть до настоящей минуты. Онъ только упрекаетъ насъ, что мы не представили доказательствъ, что всѣ предметы потребленія возвысились въ цѣнѣ. Но мы, кажется, ясно доказали, что подобнаго случая не можетъ быть ни при какихъ обстоятельствахъ. Для насъ довольно и того, что большинство предметовъ купли и продажи возвысилось въ цѣнѣ, и притомъ возвысилось настолько, что оно не можетъ быть объяснено ни возрастающимъ населеніемъ, ни развитіемъ благосостоянія массъ (которое едва ли увеличилось). Ко всему нами сказанному мы прибавимъ, что увеличеніе количества денежныхъ знаковъ имѣетъ наибольшее вліяніе на задорожаніе тѣхъ предметовъ, предложеніе которыхъ ограничено извѣстнымъ предѣломъ и не можетъ быть быстро увеличено, вслѣдствіе естественныхъ условій производства, между тѣмъ какъ спросъ можетъ быть ограниченъ съ величайшими лишеніями. Сюда относятся прежде всего предметы, служащіе въ пищу человѣку и затѣмъ сырые продукты вообще. Наименьшее же вліяніе испытываютъ тѣ предметы, производство которыхъ можетъ быть увеличено сообразно потребностямъ, а самыя потребности могутъ быть ограничены безъ особыхъ затрудненій. Мануфактурные товары принадлежатъ именно къ этой послѣдней категоріи, а потому мы, въ нашей статьѣ объ операціяхъ государственнаго банка, и указали на нихъ, какъ на такіе предметы, на которыхъ всего меньше отразилась дороговизна денегъ. Но здѣсь мы имѣли въ виду то

обстоятельство, что товары эти постоянно понижаются въ цѣнѣ, вследствие постоянного увеличенія производства и уменьшенія его стоимости, и что здѣсь возможность цѣнъ равносильна ихъ повышенію. Надѣемся, что, послѣ всего сказаннаго, г. Иващенко не будетъ утверждать, что мы не доказали общаго повышенія цѣнъ, а слѣдовательно, и логической связи этого явленія съ увеличеніемъ количества кредитныхъ билетовъ. Если же наши доводы покажутся г. Иващенко неубѣдительными; то мы, съ своей стороны, въ опроверженіи ихъ попросимъ его доказать, что цѣны на большинство предметовъ купли и въ особенности на жизненные потребности не возросли съ 1866 года, а если и возрасли, то отъ другихъ причинъ и какихъ именно. Безъ этого доказательства утвержденіе его, что дороговизна не имѣетъ логической связи съ операціями банка, будетъ чисто голословнымъ.

Далѣе, г. Иващенко утверждаетъ, что мы употребили несостоятельный приемъ аргументаціи, т.-е. не доказавъ, что дороговизна есть явленіе всеобщее, мы указывали на систему единства кассы, устройство банковъ и улучшение путей сообщенія, какъ на такіе обстоятельства, которыя могли уменьшить потребность въ денежныхъ знакахъ, и что такимъ образомъ мы доказывали не самый фактъ, а только возможность его въ томъ случаѣ, еслибъ дѣйствовали только эти факторы, которые нами указаны. Изъ этого мы заключаемъ, что или мы не ясно выразились, или г. Иващенко не вполне уяснилъ себѣ нашу мысль. Повторяемъ, мы не считали нужнымъ прилагать таблицы движенія цѣнъ на всѣ предметы потребленія съ 1866 по 1873 годъ (да и вѣдь ли какая-нибудь редакція согласится напечатать ихъ въ небольшой журнальной статьѣ); мы считали фактъ всеобщей дороговизны вполне очевиднымъ и не требующимъ никакихъ доказательствъ. Что же касается тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли уменьшить потребность въ орудіяхъ обмѣна, освобождая послѣднія отъ безполезнаго храненія ихъ въ различныхъ кассахъ, то, указывая на нихъ, мы желали этимъ характеризовать лишь то время, въ которое банкъ производилъ рассматриваемыя нами операціи. Увеличеніе количества кредитныхъ билетовъ при отсутствіи размына мы считаемъ мѣрою положительно и безусловно вредною по своей сущности, хотя бы оно производилось и въ обмѣнъ на звонкую монету, даже при отсутствіи указанныхъ нами обстоятельствъ, такъ какъ она увеличиваетъ безъ всякой необходимости количество денежныхъ знаковъ на рынкѣ и производитъ положительную пертурбацію во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Стало быть, на обстоятельства, уменьшавшія потребность денежныхъ знаковъ, мы указывали вовсе не для доказательства самаго вреда подобной мѣры, а только

въ доказательство усиленной степени его. Мы думаемъ, что вредныя послѣдствія покупки золота въ обмѣнъ на новыя выпуски кредитныхъ билетовъ далеко не имѣли бы такого значенія, еслибы операція эта не совпадала со введеніемъ единства массы и съ устроитвомъ частныхъ банковъ. На этомъ основаніи и въ виду такого значенія нашей аргументаціи, она является неоправданою и, слѣдовательно, вполне цѣлесообразною; возраженіе же, сдѣланное противъ нея—вполнѣ несостоятельно. Г. Иващенко говоритъ, что мы игнорируемъ факторы, вліяніе на цѣнность кредитнаго рубля въ направленіи противоположномъ, въ которыхъ относитъ исчезновеніе изъ обращенія звонкой монеты, лишеніе билетовъ на безсрочныя вклады государственныхъ кредитныхъ учреждений способности обращаться въ качествѣ денежныхъ знаковъ, и переходъ отъ натуральныхъ хозяйствъ къ денежнымъ. Здѣсь уже мы терпемся въ догадкахъ, какъ могло произойти такое смѣненіе двухъ періодовъ времени, совершенно различныхъ между собою. Мы говорили о времени съ 1867 по 1873 годъ, а г. Иващенко указываетъ на такіе факторы, которые могли имѣть значеніе, и два изъ нихъ дѣйствительно имѣли его—одинъ въ пятидесятыхъ годахъ,—другой въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Исчезновеніе звонкой монеты изъ обращенія совершилось во время крымской войны, и мы ее съ тѣхъ поръ не видимъ. Поэтому, обстоятельство это могло имѣть вліяніе, какъ факторъ, къ поддержанію цѣнности кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ то время, но не имѣть никакого отношенія къ настоящему времени. Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному могъ способствовать поглощенію значительной массы денежныхъ знаковъ и повліять на цѣнность кредитнаго рубля также не теперь, а въ началѣ прошлаго десятилѣтія. Дѣйствительно, освобожденіе крестьянъ не допустило тогда окончательнаго паденія нашей монетной единицы. Но это могло повліять на цѣнность кредитнаго рубля прежнихъ выпусковъ и не имѣть никакого значенія теперь, такъ какъ до 1867 г. всѣ хозяйства уже были переведены изъ натуральныхъ въ денежные. Наконецъ, третій факторъ также принадлежитъ къ мѣрамъ пятидесятыхъ годовъ, но даже и тогда онъ не имѣлъ почти никакого значенія. Билеты прежнихъ кредитныхъ учреждений на безсрочныя вклады на практикѣ никогда не имѣли характера денежныхъ знаковъ, хотя и была полная возможность этихъ бумагамъ обращаться въ видѣ денежныхъ знаковъ. Не знаемъ, помнитъ ли это время г. Иващенко, но мы его помнимъ очень хорошо. Занимаясь въ то время торговыми оборотами, мы были хорошо знакомы со взглядами тогдашняго купечества на всякія кредитныя бумаги. Намъ не разъ случалось слышать отзывы торгующихъ лицъ о томъ, что торговому

лицу не подобаетъ вносить свои деньги въ банкъ. „Какой это купецъ“, говаривали они, „если кладетъ деньги въ ломбардъ“. Это было до известной степени укоромъ торговому человѣку и признакомъ, что онъ хочетъ объявить себя несостоятельнымъ. Это былъ взглядъ огромнаго большинства русскаго купечества. Можно назвать подобныя понятія дикими, но существованіе ихъ отвергать нельзя, и г. Иващенко можетъ справиться объ этихъ понятіяхъ, такъ какъ дѣтели тогдашняго времени еще не вымерли. Если и были въ этомъ отношеніи исключенія, то развѣ только здѣсь, въ Петербургѣ, и то очень мало. Вслѣдствіе такихъ понятій билеты на безсрочные вклады не только не имѣли характера денежныхъ знаковъ, но ихъ было трудно развѣивать въ частныхъ рукахъ. Не далѣе, какъ въ концѣ 1868 г., мы лично были въ большомъ затрудненіи въ Твери, въ городѣ лежащемъ между двухъ столицъ и на желѣзной дорогѣ, когда намъ пришлось развѣивать такой билетъ въ 700 р. сер. Мы очень хорошо помнимъ, что искали нѣсколько дней этой возможности и, не найдя ее, принуждены были послать нарочнаго въ Москву для предьявленія его въ оренбургскій совѣтъ. Если таково было положеніе дѣлъ въ губернскомъ городѣ между двухъ столицъ, то въ другихъ городахъ было еще менѣе для этого шансовъ, и утверждать, что эти билеты имѣли характеръ денежныхъ знаковъ, положительно невозможно.

Итакъ, факторовъ, поддерживавшихъ цѣнность кредитнаго рубля и указанныхъ нашимъ антагонистомъ во время операціи покупки золота, т.-е. съ 1867 по 1878 годъ, вовсе не существовало и, слѣдовательно, возраженія, сдѣланныя намъ до сихъ поръ, исчезаютъ, *яко дымъ отъ лица оня*.

Затѣмъ мы переходимъ къ самому капитальному возраженію г. Иващенко (по крайней мѣрѣ, разбираемая нами статья придаетъ ему такое значеніе), это—къ таблицамъ вексельнаго курса и лажа. Посмотримъ, что же онъ доказываютъ. Начать съ того, что курсъ представляетъ повышеніе съ небольшимъ на одинъ пенсъ, и то противъ 1865 г., а не противъ 1867 года; и нѣтъ ничего мудренаго, что это повышеніе можетъ измѣниться въ пониженіе при первыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для нашей отпускной торговли. Между тѣмъ обстоятельства нашего рынка были слѣдующія: нашъ торговый балансъ по ввозу и вывозу представляетъ за все пятилѣтіе до 1878 г. почти равные итоги, а движеніе капиталовъ на русскій рынокъ было за это время громадное. Вспомнимъ только главные черты этого движенія: облигацій николаевской желѣзной дороги выпущено на 180 милл. Консолидированныхъ займовъ произведено на 387 милл. Частными банками выпущено акцій и вкладныхъ листовъ по менѣ-

шей мѣръ на 250 милл. руб. Компаниями желѣзныхъ дорогъ вышущено акцій по крайней мѣрѣ на 100 милл. руб., всего получимъ 867 милл. металлическихъ руб. Если мы изъ этой суммы сбросимъ 20% въ общей сложности на реализацію капитала, то и тогда она представитъ сумму болѣе 700 милл. Прибавимъ въ этому 170 милл. руб. золотомъ, которые приобрѣтены банкомъ тоже на заграничныхъ рынкахъ, такъ какъ на нашемъ оно не держится, а также выигрышные билеты и 5% банковые билеты, переходящіе на заграничные рынки. Мы не считаемъ движенія заграничныхъ капиталовъ для другихъ промышленныхъ предпріятій, какъ-то: каменноугольныя копи, желѣзные заводы и др., которое можетъ уравновѣситъ участіе нашихъ внутреннихъ капиталовъ въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ. Сравнивая эту цифру капиталовъ съ цифрой нашего вывоза, мы видимъ, что она составляетъ болѣе половины его (цифра нашего вывоза за последнее пятилѣтіе составляетъ около 1,500 милл.) и можетъ быть принимаема за увеличеніе нашей отпускной торговли на 50%. Мы спрашиваемъ г. Иващенко: неужели же подобная цифра капиталовъ, принадлежащихъ къ намъ съ заграничныхъ рынковъ, въ общій на наши процентныя бумаги, не имѣла никакого вліянія на нашъ вевсельный курсъ? Нѣтъ, она имѣла и должна была имѣть громадное вліяніе: она поддержала нашъ курсъ на той высотѣ, на которой онъ находится въ настоящее время; въ противномъ случаѣ онъ упалъ бы значительно. Еслибъ государственный банкъ не дѣлалъ своихъ экспериментовъ съ нашимъ денежнымъ рынкомъ, а предоставилъ бы его естественному ходу событій, то нашъ отпускъ, усиленный на 50% товаровъ въ видѣ процентныхъ бумагъ ¹⁾ долженъ былъ поднять нашъ вевсельный курсъ по крайней мѣрѣ *at par*, если же этого нѣтъ, то мы вправѣ предположить, что были другія условія, которыя парализовали дѣйствіе выгоднаго торгового баланса. Эти неблагоприятныя обстоятельства заключаются въ томъ, что государственный банкъ выпустилъ за это время болѣе чѣмъ на 136 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, не считая выпущенныхъ въ поддѣржаніе переводной операціи. Мы ставимъ банку въ вину не то, что цѣна кредитнаго рубля понизилась по отношенію къ звонкой монетѣ,—этого факта мы никогда не утверждали,—а то, что цѣна его, несмотря на всѣ благоприятныя для такого пониженія обстоятельства, не возвысилась до номинальной стоимости и, говоря о пониженіи цѣны кредитнаго рубля на 40%, мы сравнивали его не съ звонкой монетой, а съ другими товарами. При

¹⁾ Мы не думаемъ, чтобъ г. Иващенко сталъ утверждать, что еслибъ наши процентныя бумаги были замѣнены хлѣбомъ или саломъ, то тогда это явленіе было бы возможно; а при отпускѣ бумагами этого быть не можетъ.

насъ денегъ знаешь, превышающей потребности, цѣна на золотѣ у насъ очень низка, и потому она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить мѣриломъ цѣнности кредитнаго рубля. Цѣна нашихъ процентныхъ бумагъ до такой степени дешева, что заграничный торговецъ охотно терзаетъ на цѣнѣ золота, продавая его за бумажные деньги, потому что онъ покрываетъ свои потери выгодою на процентныхъ бумагахъ, другими словами—низкій лагъ на золото обуславливаетъ дешевую цѣну нашихъ процентныхъ бумагъ. Еслибъ государственный банкъ не прибѣгалъ въ выпуску новыхъ кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото, то прежніе выпуски кредитныхъ билетовъ, найдя себѣ помѣщеніе вслѣдствіе развитія оборотовъ и возвышенія цѣнъ, бывшихъ въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, въ настоящее время должны были бы подняться въ цѣнѣ, и безъ всякаго сомнѣнія сравнялись бы теперь съ номинальной ихъ цѣною. Въ такомъ случаѣ государственный банкъ имѣлъ бы возможность открыть размѣнъ, не прибѣгая къ покупкѣ золота и безъ всякаго опасенія за цѣлость металлическаго фонда. Но неудачная мысль банка о разницѣ выпуска кредитныхъ билетовъ на потребности государственнаго казначейства и въ обмѣнъ на звонкую монету, и о возможности послѣднимъ способомъ неограниченнаго ихъ выпуска—сдѣлала то, что цѣна кредитнаго рубля осталась та же самая, и въ настоящее время государственный банкъ гораздо далѣе отъ возможности размѣна, нежели былъ при началѣ этой операціи. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ существующія цѣны на золото, хоть на нашей биржѣ, т.-е. 6 руб. 10 коп. за полумпериаль: еслибъ государственный банкъ рѣшился въ настоящее время открыть размѣнъ и при томъ не въ одномъ Петербургѣ—даже по тому курсу, по которому онъ самъ приобреталъ его,—то мы бы посмотрѣли, на долго ли ему хватило бы размѣннаго фонда, несмотря на его увеличенія, и тогда было бы ясно, по крайней мѣрѣ, насколько у насъ лишніе кредитные билеты въ обращеніи. Кромѣ этого слѣдуетъ замѣтить, что нашъ металлическій фондъ состоитъ преимущественно изъ французскаго золота, которое ходило на нашемъ рынкѣ на 29 коп. дешевле нашего, тогда какъ государственный банкъ принимаетъ его на 14 к. дешевле русскаго.

Г. Иващенко утверждаетъ, что цѣна нашего кредитнаго рубля не понижалась, потому что вексельный курсъ остался тотъ же, а лагъ на золото даже понизился. Да, это такъ—по отношенію къ золоту, но это нисколько не доказываетъ, что и по отношенію къ другимъ предметамъ онъ тоже удержался въ цѣнѣ. У насъ цѣна на золото понижается вмѣстѣ съ кредитнымъ рублемъ, потому что оно вовсе не требуется на внутреннѣе рынкахъ и ни одно казначейство не приметъ

его не дѣйствительной его стоимости. Если государственнѣй банкъ можетъ его пріобрѣтати иногда ниже его рыночной цѣны, то это служитъ прямымъ тому доказательствомъ. Сверхъ того, всѣ обстоятельства нашего рынка вели къ повышенію кредитнаго рубля, а между тѣмъ онъ даже и по отношенію къ металлу не повысился, и въ этой качествѣ мы видимъ уже его пониженіе. Если же мы встрѣчаемся еще съ повышеніемъ цѣнъ на другіе предметы, то это насъ приводитъ къ положительному заключенію о пониженіи его цѣнности. Государственные расходы всѣхъ вѣдомствъ повышаются изъ года въ годъ, и главной причиной такого возвышенія выставляется возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы потребленія. Это фактъ, котораго нельзя отрицать и который удостовѣренъ болѣе авторитетными показаніями, нежели удостовѣренія г. Иващенко. Что этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; напротивъ, было бы странно, еслибъ его не было, потому что въ цѣнѣ, какъ мы видѣли выше, выражается отношеніе между количествомъ денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи, и количествомъ предметовъ, подлежащихъ куплѣ и продажѣ, или, другими словами—это отношеніе есть одинъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ цѣну. Но для защитника операций государственнаго банка такихъ положеній экономической науки какъ будто и не существуетъ. Если вѣрить утвержденію г. Иващенко, то цѣны могутъ оставаться одиѣ и тѣ же, какъ при 649 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, такъ и при 786 милл., не считая выпущенныхъ въ поддержаніе переводной операціи. Изъ приведенной таблицы мы узнаемъ, что эта послѣдняя цифра къ 1-му января 1872 г. дошла до 45,550,000 р., а къ 1-му января 1873 г. уменьшилась до 7,750,000 р., но, вѣроятно, въ настоящую минуту она значительно болѣе, такъ какъ за всѣ предыдущіе годы эта сумма гораздо выше. Г. Иващенко далѣе старается доказывать необходимость и пользу подобныхъ выпусковъ. Если вѣрить, говоримъ мы, утвержденію, что 150 милл. руб. лишнихъ денежныхъ знаковъ не производятъ никакой пертурбаціи на денежномъ рынкѣ, то почему же не выпустить еще 150 милл. и т. д. Мы не знаемъ, зачѣмъ только управленіе государственнаго банка медлитъ подобнымъ дѣломъ. Намъ кажется, что съ его точки зрѣнія, чѣмъ скорѣе оно имѣло бы необходимое, по его мнѣнію, количество золота, тѣмъ скорѣе могло бы открыть рынѣкъ, такъ какъ покупка золота совершается для этой цѣли. На это, конечно, намъ могутъ возразить, что быстрая покупка золота могла бы поднять лавъ, а банкъ желаетъ покупать по опредѣленному курсу 5 р. 98 в. за полуимпериаль. Если кому придетъ въ голову это возраженіе, то мы бы условили его тѣмъ, что цѣна не поднимется, а только наши бумаги и товары, привезенные къ портамъ, могутъ понизиться и

больше ничего. Но скажутъ, все же произойдетъ вредъ. Да, конечно; но развѣ при медленной покупкѣ этого вреда не происходитъ? Нѣтъ, онъ явится непремѣнно, но только, разлагаясь на болѣе продолжительное время, онъ совершается медленно и нисколько незамѣтно для неопытнаго наблюдателя, такъ что когда, по прошествіи известнаго періода времени, наступаютъ вредныя послѣдствія подобныя жѣрѣ, человѣку, не слѣдившему постоянно за развитіемъ событий, становится трудно опредѣлить, вслѣдствіе какихъ причинъ произошли эти послѣдствія, а при этомъ всегда есть возможность отрицать действительную причину зла.

Итакъ, если быстрый выпускъ кредитныхъ билетовъ въ обиходъ на золото можетъ принести вредъ, то онъ принесетъ его и при медленномъ ходѣ дѣла, на томъ простомъ основаніи, что потребность въ денежныхъ знакахъ, при развитіи кредитныхъ дѣловъ, не можетъ возрастать.

Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить, что мы удивляемся, почему г. Иващенко не нашелъ нужнымъ возражать намъ на самое главное и, по мнѣнію нашему, основное положеніе нашей статьи, а именно, что выпускъ кредитныхъ билетовъ, если они дѣлаются при отсутствіи разнѣна, т.-е. превышаютъ потребность, во всякомъ случаѣ вредны, будутъ ли производиться на покрытіе обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, или на приобретеніе золота. Въ послѣднемъ случаѣ они будутъ даже болѣе вредны нежели въ первомъ, такъ какъ обыкновенные расходы могутъ быть иногда полезны, тогда какъ покупка золота для храненія въ кладовыхъ есть трата совершенно непроизводительная. Тамъ вредъ можетъ хотя отчасти быть вознагражденъ производительными расходами, здѣсь же онъ не вознаграждается ничѣмъ. Все наши разсужденія по этому поводу остались безъ всякаго возраженія, между тѣмъ, какъ намъ кажется, въ этомъ и состоитъ весь споръ. Вѣдь, г. Иващенко не отрицаетъ вреда выпуска бумажныхъ денегъ на покрытіе обыкновенныхъ расходовъ, слѣдовательно, онъ долженъ былъ доказать намъ, что между тѣмъ и другимъ способомъ есть действительная разнѣца, что кредитные билеты, выпущенные въ обиходъ на золото, играютъ на рынкѣ не ту роль, какъ обыкновенные кредитные билеты, а другую, какую именно и почему. Если подобнымъ способомъ выпущенные билеты, увеличивая количество денежныхъ знаковъ, не повышаютъ цѣны товаровъ, то какое же они вліяніе имѣютъ на рынокъ? Ужели никакого? Вѣдь не имѣютъ же они всемірнаго обращенія и не могутъ уходить на заграничные рынки? Все эти вопросы остаются безъ отвѣта; между тѣмъ, пока мы не получимъ категорическаго на нихъ отвѣта и доказательствъ ошибочности нашего мнѣнія, до тѣхъ поръ мы

кажется считать, что намъ не сдѣлано ни малѣйшаго возраженія, такъ какъ всѣ приведенныя г. Иващенко таблицы не разрѣшаютъ подобныхъ вопросовъ, — а въ нихъ вся суть дѣла.

Мы говорили также въ первой нашей статьѣ, что металлическій фондъ, каковъ бы онъ ни былъ, не имѣетъ по отношенію къ денежному рынку и въ курсу кредитныхъ билетовъ *никакого realнаго значенія*, что довѣріе къ кредитнымъ билетамъ зависитъ не отъ количества металла, хранящагося въ кладовыхъ, а отъ потребности въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ. Мы привели и доказательства такому положенію, но возраженій на такія положенія также не имѣетъ въ статьѣ г. Иващенко. Мы утверждаемъ это на томъ простомъ основаніи, что звонкая монета не имѣетъ большого значенія для внутреннихъ оборотовъ, и если количество бумажныхъ денегъ не превышаетъ потребности, то государственный банкъ можетъ удовлетворить потребностямъ заграничной торговли очень незначительнымъ количествомъ звонкой монеты, и мы осылаемся въ этомъ случаѣ на примѣръ государственнаго ассигнаціоннаго банка въ продолженіе десятилѣтія съ 1842 по 1852 годъ. Даже венгерская война не произвела въ его размѣномъ фондѣ серьезнаго уменьшенія; въ обыкновенные же годы онъ возрасталъ постоянно, несмотря на свободный размѣнъ. Такимъ образомъ, для открытія размѣна не было никакой надобности прибѣгать къ покупке золота такимъ отчаяннымъ средствомъ, какъ выпускъ бумажныхъ денегъ. Для этой цѣли слѣдовало или ожидать естественнаго хода событій, содѣйствуя развитію промышленности и создавая благоприятныя условія стремленію заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ, или же уменьшить количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи. Замѣчательно, что прежде нежели государственный банкъ началъ покупку золота, движеніе заграничныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ уже производилось, такъ какъ усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ началась еще въ 1865 году и, слѣдовательно, надо было ожидать близкаго и быстрого улучшенія вексельнаго курса и возстановленія дѣйности кредитнаго рубля. Не замѣтить этого и начать операцію покупки золота въ обмѣнъ на новыя выпуски кредитныхъ билетовъ въ 1867 году было серьезной ошибкой, которая парализовала вліяніе всѣхъ благоприятныхъ условій послѣдняго времени и не только не приблизила насъ къ размѣну, но значительно отодвинула назадъ. Мы бы желали, чтобъ управленіе государственнаго банка серьезно взяло предъ нами соображенія и убѣдилось, что для свободнаго размѣна не требуется вовсе громадныхъ запасовъ звонкой монеты, что возможность его достигается совершенно другими средствами, и именно приведеніемъ количества бумажныхъ денегъ въ соотвѣтствіе

съ потребностями страны. Еслибъ наши мнѣнія могли имѣть какое-нибудь значеніе, мы бы предложили не только прекратить покуску золота, но извлечь изъ обращенія часть кредитныхъ билетовъ, хотя бы съ пожертвованіемъ нѣкоторой части металлическаго фонда. Какъ велика должна быть эта часть, покажутъ время и обстоятельства, но во всякомъ случаѣ это извлеченіе должно производиться во избѣжаніе крутыхъ переворотовъ довольно медленно. Остальное сдѣлаетъ время и продолжающійся приливъ иностранныхъ капиталовъ. Приливъ этотъ въ настоящую минуту замедлился именно вслѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ, и извлеченіе нѣкотораго ихъ количества изъ обращенія подѣйствовало бы весьма благотворно на нашъ денежный рынокъ. Прибавимъ къ этому, что это уменьшеніе денежныхъ знаковъ, хотя медленное, но неуклонное, должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока нашъ курсъ возстановится. Мы думаемъ, что при такой политикѣ и въ виду предстоящаго движенія иностранныхъ капиталовъ на нашъ рынокъ для довершенія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ и развитія каменноугольной и желѣзной промышленности въ донецкомъ бассейнѣ, возстановленіе цѣнности нашего кредитнаго рубля не заставитъ себя долго ждать. Во всякомъ случаѣ, если мирное положеніе не будетъ нарушено, то для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля не потребуется такого періода времени, какой былъ употребленъ на приготовленіе настоящаго металлическаго запаса. Быть можетъ, капиталисты и биржа закричатъ противъ подобныхъ мѣръ, но смущаться этимъ нечего. Биржевые спекулянты никогда не понимаютъ дѣйствительныхъ своихъ интересовъ, и какъ ночныя бабочки стремятся часто на огонь. Имъ нужна не будущность страны, но минутная нажива. Только твердая и безповоротная система можетъ насъ вывести на торную дорогу.

Мы увлеклись „благочестивыми“ желаніями и просимъ извиненія у читателя, но теперь возвратимся къ разбираемой нами статьѣ. Въ доказательство того, что кредитный рубль въ послѣднее время не понизился въ цѣнѣ, авторъ приводитъ распредѣленіе кредитныхъ билетовъ по ихъ достоинству. Но выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этихъ таблицъ, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Таблицы эти указываютъ, что количество рублевыхъ билетовъ увеличивалось съ 1861 до 1870 года, затѣмъ нѣсколько понизилось, но весьма незначительно; количество трехрублевыхъ билетовъ, увеличиваясь до 1870 г., къ 1873 г. понизилось значительно; количество среднихъ билетовъ, въ 5 и 10 рублей, возрастало постоянно; наконецъ, количество остальныхъ крупныхъ билетовъ до 1868 г. уменьшалось, а съ того времени увеличивается. Изъ этого г. Иващенко выводитъ, что увеличеніе количества мелкихъ билетовъ и уменьшеніе круп-

ники выражает паденіе цѣнности кредитнаго рубля, а движеніе, наоборотъ, указываетъ на постепенное упроченіе цѣнности нашей монетной единицы. Признаемся, мы не видимъ въ подобномъ выводѣ никакой логической послѣдовательности. Намъ кажется, и это весьма естественно, что вынудивъ кредитныхъ билетовъ пятидесятихъ годовъ во время и вскорѣ послѣ крымской войны не могли быть сообразены съ дѣйствительной потребностью и выпускались крупными билетами на покрытие значительныхъ платежей. Мы помнимъ начало шестидесятихъ годовъ, когда въ кievской и полтавской губерніяхъ платили за размѣнъ на рублевныя бумажки по пяти коп., а за размѣнъ на 3-хъ-рублевныя по три копейки за рубль. При такихъ обстоятельствахъ, когда жалкіе билеты сдѣлались товаромъ, за который платили премію, очень не мудрено, что промышленники потребовали ихъ изъ разнѣнныхъ кассъ на счетъ крупныхъ билетовъ даже болѣе того количества, которое было необходимо, и это количество въ послѣдствіи должно было непремѣнно уменьшиться. Такое явленіе очень понятно, и въ немъ нѣтъ никакой логической связи съ паденіемъ или возвышеніемъ цѣнности кредитнаго рубля. Напротивъ того, въ постоянномъ возвышеніи количества среднихъ билетовъ видна явная и необходимая связь съ постояннымъ паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля, такъ какъ тамъ, гдѣ прежде платили 4 руб., стали платить 5 рублей, а тамъ, гдѣ нужно было 8 рублей, тамъ стали употреблять 10 рублей. Что же касается увеличенія крупныхъ билетовъ въ послѣднее время, то оно также объясняется очень просто общимъ увеличеніемъ количества бумажныхъ денегъ и уменьшеніемъ количества мелкихъ билетовъ. Намъ кажется, что видѣть въ этихъ явленіяхъ аргументы упроченія нашей монетной единицы безъ сильной натяжки рѣшительно невозможно.

Вообще говоря, если принять аргументацію г. Иващенко за правильную, то придется придти къ заключенію, что бумажныя деньги, какъ бы ни было увеличиваемо ихъ количество, не приносятъ вреда даже при отсутствіи размѣна. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же государственный банкъ стремится къ нему и дѣлаетъ уже вторую неудачную къ этому попытку, изъ которыхъ первая, даже по официальнымъ свѣдѣніямъ, стоила государству 90 мил. рублей, не считая тѣхъ потерь, которыя при этомъ понесли частныя лица? Если наша денежная система улучшается тѣмъ, что на рынокъ появляются лишніе бумажныя деньги, нисколько не отягощая рынка, то, стало быть, все обстоитъ благополучно и размѣнъ нисколько не желателенъ. Мы сказали, что и вторая попытка была неудачна, и имѣли полное право употребить это выраженіе. Если въ теченіи болѣе па-

тиглаго стремленія къ этой цѣли государственный банкъ не могъ улучшить положеніе нашего денежнаго рынка настолько, чтобъ его стремленія осуществились, несмотря на то, что приливъ капиталовъ на нашъ рынокъ, происходившій въ это время, представлялъ наилучшій для того условіи и—такъ сказать—помогалъ государственному банку упрочить нашу монетную единицу,—если, говоримъ мы, въ такой длинный промежутокъ времени и при такихъ условіяхъ цѣль упроченія цѣнности кредитнаго рубля не достигнута, то это значитъ, что принятая система неправильна въ самыхъ основаніяхъ, слѣдуетъ болѣе: она вредна и парализуетъ всѣ тѣ благоприятныя условія, которыя создавались обстоятельствами и поэтому должна быть брошена и замѣнена новой. Ошибка очень возможна въ дѣлахъ административныхъ; но разъ оказывается, что принятая мѣра не удается, что ошибка дѣйствительно сдѣлана, тогда отставать ее такими слабыми аргументами, съ которыми намъ пришлось имѣть дѣло, представляется вторичной, еще болѣе неудачной, ошибкой.

Чтобы наши слова не показались кому-нибудь голословными, мы укажемъ на примѣры другихъ государствъ. Франція омонетила въ 1870 году самую несчастную для нея войну, стоившую ей 6 миллиардовъ военныхъ издержекъ, разоренія цѣлой трети территоріи вмѣстѣ съ разореніемъ столицы, и уплаты 5-ти миллиардовъ контрибуціи; но посмотрите на Францію теперь, черезъ три года послѣ подобнаго бѣдствія. Конечно, Франція гораздо болѣе богатая страна, чѣмъ Россія, но все-таки и бѣдствія ея были неслеканныя; между тѣмъ отъ нихъ остаются только воспоминанія въ однихъ усиленныхъ налогахъ, и притомъ неразорительныхъ для страны. Вотъ что значитъ рациональная денежная система! Промышленность ея могла взяться за дѣло тотчасъ по минованіи кризиса, не встрѣчая никакого препятствія въ денежной системѣ. Но прибѣгни Франція къ однѣмъ бумажнымъ деньгамъ въ критическія минуты, и ей пришлось бы долго, несмотря на ея богатство, видѣть нѣмцовъ въ окрестностяхъ Париза! Мы не испытали никакого бѣдствія въ 1867 году, когда послѣ долгихъ колебаній рѣшились заняться упроченіемъ нашей монетной единицы, что было дѣйствительно необходимо. Какіхъ же результатовъ мы достигли? Черезъ пять лѣтъ наша система привела къ тому, что нашъ вексельный курсъ, бывшій во 2-й половинѣ 1867 года $32\frac{1}{16}$ пенса, во 2-й половинѣ 1873 г. достигаетъ $32\frac{13}{16}$ пенса за кредитный рубль; а лажъ на золото, бывшій во 2-й половинѣ 1867 года 17%, во второй половинѣ 1873 года становится 18,05%. Мы беремъ среднія изъ высшихъ и низшихъ цифръ, приведенныхъ въ таблицѣ г. Иващенко. Согласитесь, что успѣхъ не великъ.

На это замѣчаніе есть отвѣтъ въ статьѣ г. Иващенко. См. утверж-

даетъ, что система государственнаго банка незначительно повысила курсъ кредитнаго рубля, но за то уменьшила значительно колебаніе и лажа и вексельнаго курса. Положимъ, что это такъ. Но въ свою очередь спросимъ г. Иващенко: задавалъ ли онъ серьезно себѣ вопросъ, что означаетъ фраза: уменьшить колебаніе вексельнаго курса? Мы осмѣливаемся предложить такой странный вопросъ на томъ основаніи, что г. Иващенко ставитъ приведенный результатъ въ заслугу банка, повидимому и не подозревая, что изъ этого можно, напротивъ, сдѣлать ему упрекъ. Поэтому продолжаемъ: уменьшить колебанія вексельнаго курса—значитъ принимать такіа мѣры, которыя не допускаютъ его паденія, когда естественныя послѣдствія торговыхъ сдѣлокъ, совершающихся на рынкѣ, ведутъ къ его пониженію, и которыя не допускаютъ таксы его повышенія, когда оно должно послѣдовать, вслѣдствіе хода торговыхъ оборотовъ. Кажется, противъ этого не можетъ быть и спора. Но мы спросимъ каждаго безпристрастнаго человѣка, насколько полезно подобное внимательство и нарушеніе естественнаго хода событій при томъ состояніи знаній, которыя намъ даютъ и наша статистика, и наша экономическая наука? Еслибъ даже эти знанія и были подъ рукою, можно ли поручить лицу или учрежденію руководить ходомъ торговыхъ оборотовъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ на всемъ пространствѣ Россіи? Что если это лицо или учрежденіе будетъ ошибочно понимать значеніе представляющихся ему фактовъ и останавливать паденіе курса въ то время, когда только это паденіе и можетъ подѣйствовать спасительно на ходъ торговыхъ оборотовъ и на состояніе денежнаго рынка, и не давать ему повышаться, несмотря на такіа же благоприятныя послѣдствія? Примѣры у насъ не за горами, и мы можемъ ихъ легко привести, порывшись немного въ нашей памяти. До 1863 года у насъ производилась казенная трассировка векселей, и курсъ нашъ постоянно поддерживался на 10 или 12% ниже парн. Подобной мѣрой тоже уменьшалось, или даже вовсе уничтожалось колебаніе вексельнаго курса, но она стоила дорого правительству и создавала премію въ 10% на переводъ нашихъ капиталовъ за-границу, увеличивала ввозъ заграничныхъ товаровъ и ограничивала нашъ вывозъ. Положимъ, мы взяли крайность, но вѣдь крайности всего лучше служатъ для уясненія мысли, и этимъ примѣромъ мы хотимъ доказать общее правило, что всякая искусственная преграда, положенная паденію вексельнаго курса, по естественному ходу событій непремѣнно есть премія за переводъ капитала изъ Россіи на заграничный рынокъ, покровительство ввозу и ограниченіе вывоза, и эта премія равна искусственному возвышенію курса. Безъ вреда для торговли такое возвышеніе сдѣлать нельзя, какъ бы незначительно оно

ни было. Вспомнимъ и другой фактъ: въ послѣдніе годы заграничныя капиталы стремились на нашъ рынокъ; при этомъ условіи курсъ нашъ долженъ былъ бы значительно повыситься, но государственный банкъ не допускалъ подобнаго повышенія, увеличивая въ обращеніи количество бумажныхъ денегъ. Это тоже было мѣрой противъ колебанія курса, но въ обратномъ смыслѣ, мѣрой, которая заставляла русскихъ платить дороже за каждый талеръ или франкъ. Отсюда слѣдуетъ, что уменьшеніе колебаній вексельнаго курса ставить въ заслугу банку мы не можемъ, такъ какъ эти колебанія всегда спасительны и полезны, хотя и вредятъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ. Желаніе руководить вексельнымъ курсомъ такой страны, какъ Россія, при полномъ недостаткѣ и невѣрности статистическихъ данныхъ, по меньшей мѣрѣ рисковано и влечетъ за собой большую нравственную отвѣтственность. Поэтому мы не посоветуемъ никакому учрежденію брать на себя такое дѣло, такъ какъ вексельный курсъ имѣетъ вліяніе не только на внѣшнюю, но и на внутреннюю торговлю. Подобную попытку мы можемъ приравнять къ таксамъ и искусственнымъ цѣнамъ, т.-е. къ такимъ мѣрамъ, которыя, кромѣ зла, ничего не приносили и давно осуждены экономической наукой. Уменьшеніе колебаній вексельнаго курса по своимъ послѣдствіямъ та же казенная трассировка векселей, только по болѣе низкому курсу.

Г. Иващенко, говоря объ эмиссіонной операціи вообще, замѣчаетъ, что неудача стремленій банка упрочить нашу денежную единицу въ 1862³/4 году произошла вслѣдствіе внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ событій. Мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ и положительно утверждаемъ, что здѣсь политическія событія ни при чемъ. Она точно также не удалась бы и при полномъ спокойствіи, при отсутствіи мятежа и дипломатическихъ затрудненій. Дѣло въ томъ, что она была неправильна въ своихъ основаніяхъ. Вся ошибка заключается въ томъ, что въ основаніе этой мѣры положена была мысль о возможности *руководить* вексельнымъ курсомъ и цѣною на золото,—и не только руководить, но и задолго вперед опредѣлять постепенное повышеніе цѣнности кредитнаго рубля, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это оказалось невозможнымъ. Конечно, эта претензія была довольно самонадѣянная, и потому мѣра эта рушилась съ значительнымъ громомъ, доставивши однимъ разореніе, другимъ значительныя состоянія. Операція эта разсмотрѣна нами довольно подробно въ книгѣ нашей „Десять лѣтъ реформъ“, и желающіе познакомиться съ ея послѣдствіями найдутъ тамъ довольно подробное изложеніе этихъ послѣдствій.

Если читатель внимательно прочтетъ наше возраженіе противъ

стремленія руководить всецѣльнымъ курсомъ, и оцѣнить тѣ мотивы, которые заставляютъ насъ такъ думать, то онъ, конечно, охотно избавитъ насъ отъ необходимости возражать г-ну Иващенко на заключение его статьи. Онъ доказываетъ необходимость постоянно регулировать денежное обращеніе и оказывать пособіе частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ; возражаетъ противъ того мѣста нашей статьи, гдѣ мы указываемъ, что поддержаніе кассъ, конторъ и отдѣленій уничтожаетъ необходимую и спасительную реакцію возмущенія цѣнъ; утверждаетъ, что мы въ этомъ случаѣ повторяемъ Вагнера, и что эта *спасительная реакція* никому не принесетъ никакой пользы; говорить, что если не поддерживать кассъ, конторъ и отдѣленій, то пришлось бы ихъ закрыть или увеличить ихъ капиталъ на 100 милл., и, наконецъ, приравниваетъ эту операцію къ простой пересылкѣ денегъ по почтѣ. Всѣ эти мысли отзываются тенденціей водить на «омочахъ» не только всѣ частныя кредитныя учрежденія, но и торговлю цѣлой Россіи. Мы можемъ замѣтить только одно, что такія тенденціи намъ показались слишкомъ смѣлыми. Что же касается того обстоятельства, что мы повторяемъ Вагнера, то мы очень благодарны г. Иващенко за сообщеніе этого факта. Изъ этого можно сдѣлать только одно заключеніе, что экономическая наука имѣетъ извѣстныя твердыя основанія, такъ, что два человѣка, работая надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ и не имѣя понятія о трудѣ одного другого, могутъ приходить къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ. Это указываетъ, что сдѣланные нами выводы съ научной точки зрѣнія вѣрны. Затѣмъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ мысль г. Иващенко, что съ прекращеніемъ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, пришлось бы закрыть почти всѣ конторы и отдѣленія или увеличить ихъ капиталъ на 100 милл. Последняго обстоятельства мы бы никакъ не желали на томъ основаніи, что тогда дѣйствительно все положеніе нашей торговли было бы вполне въ рукахъ государственнаго банка. Что же касается закрытія этихъ учрежденій, то мы не можемъ не одобрить подобной мысли и выясняемъ ея причину. Нѣтъ ни одного баланса государственнаго банка, гдѣ бы не былъ показанъ долгъ банка конторамъ. На этомъ основаніи эти послѣднія представляютъ учрежденія, высасывающія капиталы изъ провинцій и передающія ихъ для обращенія въ Петербургъ. Несмотря на то, что столицы и безъ того служатъ центромъ, стягивающимъ къ себѣ капиталы,—конторы и отдѣленія банка еще болѣе затягиваютъ этотъ централизационный узелъ и истощаютъ провинціи. Съ закрытіемъ ихъ не только прекратилась бы усиленная централизація капиталовъ, но уменьшилась бы и возможность государственнаго банка водить на помочахъ торговлю, распоряжаясь кредитомъ по своему усмотрѣнію.

Эта опаска опаснѣе всѣхъ возможныхъ кризисовъ. Всякое банкротство есть только частный случай; нѣсколько банкротствъ представляютъ кризисъ, вліяніе котораго все-таки ограничивается извѣстными видами промышленности. Но если весь кредитъ страны находится подъ вліяніемъ одного какаго-либо кредитнаго учрежденія, то ошибки этого учрежденія могутъ отнестись на всѣхъ отрасляхъ промышленности и торговли и даютъ имъ совершенно неправильное направленіе. При томъ положеніи, которое имѣетъ въ средѣ нашихъ кредитныхъ учреждений нашъ государственный банкъ, и при тѣхъ средствахъ, которыя онъ имѣетъ въ правѣ неограниченнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, онъ можетъ поддерживать и убивать всякое дѣло, и каждый его неправильный шагъ имѣетъ послѣдствіемъ не частное, а общее бѣдствіе. Въ этомъ отношеніи политика государственнаго банка имѣетъ возможность парализовать усилія не только частныхъ лицъ, но и отдѣльныхъ министерствъ, слабѣе болѣе, даже совокупную дѣятельность всѣхъ министерствъ, конечно, не прямой оппозиціей, но оппозиціей косвенной, средства которой могутъ быть весьма разнообразны. Мы не говоримъ и не думаемъ даже, чтобъ нашъ государственный банкъ могъ рѣшиться когда-нибудь употребить подобныя средства и притомъ намѣренно: за это намъ порукой одно уже имя уважаемаго человѣка, стоящаго во главѣ этого учрежденія, но вѣдь достаточно и того, что такая возможность существуетъ. Она можетъ перейти въ дѣйствительность вслѣдствіе случайности, недосмотра, ошибочнаго взгляда или другихъ какихъ-либо обстоятельствъ. Возникающія отсюда бѣдствія могутъ быть неисчислимы, и поэтому мы серьезно опасаемся съ каждымъ днемъ возрастающаго значенія государственнаго банка и расширяющейся сѣти его операций. Но если таково положеніе государственнаго банка вообще, то въ отдѣльныхъ, частныхъ случаяхъ это значеніе является еще болѣе сильнымъ. Возможность выпуска кредитныхъ билетовъ даетъ средства государственному банку оказывать всякое содѣйствіе частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, а это позволяетъ послѣднимъ предпринимать всякія, самыя отчаянныя спекуляціи въ надеждѣ на эту помощь въ крайнемъ случаѣ. Послѣдствія такого порядка вещей извѣстны: мы ихъ видѣли и въ 1869 году, и весной прошедшаго года. Намъ могутъ сказать, что въ обоихъ случаяхъ содѣйствіе банка спасло двѣ крупныя фирмы. Да, это дѣйствительно, но оно тѣмъ самымъ оправдало безразсудныя спекуляціи и послужило къ дальнѣйшему развитію ажіотажа — этой язвы новѣйшаго времени. Какъ ни печальны банкротства частныхъ кредитныхъ учреждений, но если они вызваны дѣйствительно рискованными или несвойственными банкамъ оборотами, то подобные кризисы необходимы: они, какъ грозы, очищающія воздухъ, избавляютъ ры-

нокъ отъ натянутого положенія дѣлъ. Искусственная же поддержка спасаетъ только большія фирмы, заставляя зло обрушиваться на мелкія фирмы и на лица, ни въ чемъ неповинныя. Бѣду, скопившуюся надъ головой одного учрежденія, такое пособіе переноситъ на массы другихъ лицъ, непричастныхъ къ дѣлу.

Въ заключеніе мы попросимъ читателя извинить насъ за то, что мы прибѣгли въ настоящей статьѣ въ подробному изложенію элементарныхъ положеній экономической науки: этого требовала сущность нашего спора съ г. Иващенко—и принятая имъ аргументація. На все это онъ можетъ сказать намъ, что мы не знаемъ банковаго дѣла, что иногда онъ и выражалъ въ своей статьѣ. Но если это такъ, то намъ остается пожалѣть, что наша практика банковаго дѣла, какъ ее изображаетъ г. Иващенко, удалена отъ положеній экономической науки. Намъ кажется, что практика была бы на лучшей дорогѣ, если бы слѣдовала путемъ, который указываетъ теорія, такъ какъ послѣдняя есть не что иное, какъ только обобщеніе массы фактовъ, замѣченныхъ въ жизни образованныхъ народовъ, — массы гораздо болѣе значительной, нежели какую имѣетъ въ виду наша практика.

А. Головачовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1874.

Выборы въ германскій рейхстагъ.—Открытіе сессіи.—Военный законъ.—Рѣчь Рихтера.—Рѣчь Мольке.—Предложеніе Тейтша.—Выборы въ Великобританіи.—Пораженіе Гладстона.—Новое правительство въ Англіи.

Выборы въ имперскій сеймъ Германіи (рейхстагъ), происходившіе 10-го января въ имперіи и 1-го февраля въ имперской землѣ—Эльзасъ-Лотарингіи, представили ту же характеристическую черту, какая проявилась на выборахъ въ прусскую палату представителей—огромное усиленіе католической партіи. Въ Германіи, вмѣсто 57 католическихъ кандидатовъ, избрано 94. Вмѣстѣ съ ними къ оппозиціи принадлежатъ всѣ 15 представителей Эльзаса-Лотарингіи, 8 социалистовъ (вмѣсто 2 бывшихъ прежде), 12 поляковъ, 4 партикулярна. Правительственныя партіи представляются 140 (вмѣсто 116-ти) національными либералами, 35 прогрессистами (вмѣсто прежнихъ 45) и т. д. По исчисленію національно-либеральныхъ органовъ, общій результатъ даетъ правительству 261 голосъ, а оппозиціи 136. Въ смыслѣ безотносительномъ, результатъ былъ благопріятенъ правительству, такъ какъ оно и теперь въ вопросахъ борьбы съ католиками располагаетъ большинствомъ 125 голосовъ. Но на практикѣ результатъ этотъ нѣсколько ослабляется двумя обстоятельствами: во-первыхъ, правительственное большинство можетъ быть компактно именно только по вопросамъ этой борьбы. По другимъ же вопросамъ, оно можетъ значительно уменьшаться, такъ какъ прогрессисты и даже часть національных либераловъ не представляютъ партій безусловно-правительственныхъ; во-вторыхъ, оппозиція, какъ всегда бываетъ съ меньшинствомъ, энергичнѣе дѣйствуетъ, усердиѣ принимаетъ участіе въ подачѣ голосовъ, между тѣмъ, какъ довольно большое большинство менѣе бодрствуетъ. Извѣстно, что члены рейхстага не получаютъ вознагражденія за свои труды; вслѣдствіе того они и

не признаютъ такъ сильно обязательности регулярно являться во всѣхъ засѣданіяхъ. Вотъ почему уже теперь національно-либеральные органы обращаются къ членамъ большинства съ напоминаніемъ, что когда перевѣсъ его состоитъ изъ около трети общаго состава, то при многочисленныхъ отлучкахъ легко можетъ произойти въ какомъ-нибудь отдѣльномъ засѣданіи нѣчто неожиданное и случайное.

Засѣданія рейхстага были открыты 5-го февраля; тронную рѣчь прочелъ кн. Бисмаркъ. Въ ней на первомъ планѣ стоялъ военный законъ, затѣмъ, кромѣ очередныхъ занятій, упоминалось еще о законахъ относительно печати и объ учрежденіи смѣшанныхъ судовъ изъ нанимателей и рабочихъ, для разбора возникающихъ между этими сторонами споровъ. Относительно внѣшнихъ отношеній Германіи, высказана была обычная „увѣренность, что *все* иностранныя державы будутъ поддерживать миръ подобно Германіи, не давая себя отвлечь отъ заботъ о мирѣ стремленіемъ партій“, а выстъ съ тѣмъ, что „*во всякомъ случаѣ*“, повторенныя свиданія могущественныхъ, миролюбивыхъ государей, и отрадные отношенія Германіи къ тѣмъ народамъ, которые въ силу историческихъ традицій состоятъ въ дружбѣ съ Германіею, дадутъ императору полное довѣріе къ долговременности мира“. Иными словами: Франціи хотѣлось бы нарушить миръ, но она не посмѣетъ въ виду нашего согласія съ другими державами. Можно пожалѣть о томъ упорствѣ, съ какимъ эта мысль въ болѣе или менѣе ясной формѣ повторяется въ германскихъ тронныхъ рѣчахъ. И безъ союзовъ Германіи, Франціи, очевидно, еще слишкомъ слаба, чтобы начать войну съ Германіею въ настоящее время, а, стало быть, подобное напоминаніе для поддержанія мира не нужно, и скорѣе вредитъ цѣлямъ мира, поддерживая національное раздраженіе.

Впрочемъ, какъ бы миръ въ Европѣ ни былъ обезпеченъ сплоченіемъ Германіи въ одно государство, теперь уже становится ясно, что, несмотря на миролюбивый характеръ, какой это государство себѣ приписываетъ, вооруженія въ образованномъ мирѣ не только не общаются соизмѣниться, но, наоборотъ, будутъ расти болѣе и болѣе. Когда обнаружилась громадная сила прусскаго военного устройства, то оно сперва было распространено на прочія государства Германіи, а потомъ усвоено и прочими государствами континента, вслѣдствіе чего сильно возрасло общее военное бремя. Но теперь оказывается, что въ виду усвоенія германской системы остальными государствами, правительство германской имперіи намѣрено еще увеличить военную тѣвоту и военную силу Германіи, и если другія государства не захотятъ отставать отъ этого новаго примѣра, то нельзя и предвидѣть

въ чему, наконецъ, придетъ Европа, и во что ей будетъ со временемъ обходиться подобное миролюбіе.

Таковъ смыслъ военнаго закона, внесеннаго на обсужденіе новаго рейхстага. Онъ, во-первыхъ, поднимаетъ цифру мирнаго состава, подводя ее строго къ 1⁰/₀ населенія, между тѣмъ какъ доселѣ она постоянно была менѣе; во-вторыхъ, опредѣляетъ окончательно на эту цифру, такъ и сумму, потребную на ее содержаніе, стало быть ставить военныя средства имперіи внѣ зависимости отъ ея народнаго представительства. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ составъ войскъ, содержаемый въ мирное время, и ежегодная цифра набора опредѣляются каждымъ отдѣльнымъ бюджетомъ, такъ что представительство націй всегда имѣетъ право, смотря по обстоятельствамъ времени, утверждать или уменьшать требуемыя правительствомъ цифры, а въ крайнемъ случаѣ даже и вовсе отказать ему въ средствахъ, между прочимъ, и на содержаніе армій. Съ проведеніемъ этого закона, очевидно, будетъ ограничено, и притомъ въ самомъ существенномъ пунктѣ, право національнаго представительства ежегодно предоставлять или не предоставлять правительству просимыя имъ денежныя средства—das Bewilligungsrecht. Правда, въ мотивахъ къ этому закону приводится, и защитники его постоянно утверждаютъ, что ежегодное колебаніе цифры мирнаго состава несовмѣстно съ существующею въ Германіи военною системою, такъ какъ каждое измѣненіе этой цифры должно отзываться въ теченіи цѣлыхъ 12 лѣтъ. Но, во-первыхъ, возраженіе это можетъ быть применимо теперь и къ бюджетамъ всѣхъ главныхъ континентальныхъ государствъ, такъ какъ всѣ они усвоили себѣ сущность прусской военной системы; а между тѣмъ, ни французское, ни австрійское, ни итальянское правительства не могутъ и помышлять о томъ, чтобы извѣять вопросъ о ежегодномъ мирномъ составѣ и обусловливаемомъ имъ бюджетномъ назначеніи изъ круга власти, несомнѣнно принадлежащей представительству и составляющей естественную привилегію представительства. Во-вторыхъ, если сколько-нибудь значительное колебаніе въ цифрѣ мирнаго состава неудобно, то почему же не имѣть столько довѣрія въ народному представительству, не имѣть увѣренности, что представительство само понимаетъ это, что ему интересы государства не менѣе близки, чѣмъ правительству, что сеймъ самъ не захочетъ дѣлать того, что представляется неудобнымъ—безъ особенно важныхъ поводовъ? Желаніе связать его въ этомъ отношеніи, засавать его навсегда отречься отъ существенной части парламентской власти, не значить ли итти въ недоувѣріе къ народному представительству, стараться поставить армию совершенно внѣ его власти? Защитники закона говорятъ депутаты: „если вы сами сознаете неудобство ежегодно измѣнять циф-

ру мирнаго состава, стало бытъ, вы сами добровольно не будете дѣлать такихъ измѣненій, и значить, если сохраните право дѣлать ихъ, то это будетъ только кажущееся право". Несостоятельность такой аргументаціи очевидна. Уполномоченный можетъ полагаться на хозяина, что тотъ не захочетъ наносить себѣ ущерба, но странно было бы, еслибы уполномоченный обязывать хозяина контрактомъ, что хозяинъ не будетъ имѣть *права* совершить хотя бы и разорительную сдѣлку. Право можетъ не приводиться въ исполненіе тѣмъ, кому оно принадлежитъ, по собственному его убѣжденію, и тѣмъ не менѣе оно продолжаетъ быть правомъ, вовсе не „кажущимся“, но вполне реальнымъ, и можетъ наступить крайній случай, когда оно будетъ приведено въ исполненіе. Допустимъ случай, что послѣ десяти лѣтъ непрерывнаго мира и среди вполне мирныхъ предвидѣній въ будущемъ, германское правительство продолжало бы ежегодно требовать содержанія коды ружьемъ 401 т. человекъ,—что при любви прусскаго правительства къ военному величію вовсе не невѣроятно. Въ этомъ случаѣ имперское представительство имѣло бы полное основаніе воспользоваться своимъ правомъ и отвергнуть такое требованіе, уменьшивъ бюджетную сумму сообразно съ той численностью мирнаго состава, какая показалась бы ему достаточною. Допустимъ другой случай, именно, что правительство стало бы вестъ дѣло имперіи вообще въ реакціонномъ духѣ, вопреки ясно выраженнымъ желаніямъ представительства, или что какой-либо послѣдующій сеймъ получилъ бы составъ оппозиціонный. При необходимости ежегодно испрашивать у сейма опредѣленія военныхъ средствъ, правительство все-таки было бы стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, вопреки желаніямъ сейма. При отсутствіи же такой необходимости, по отреченіи сейма отъ его несомнѣннаго права ежегодно регулировать личный составъ и денежныя средства арміи, правительство получило бы почти полную независимость отъ сейма. Оно тогда имѣло бы не только фактическую возможность, но и право содержать ту самую армію, опираясь на которую оно дѣлало бы что ему угодно. По всей вѣроятности таково и есть въ сущности то соображеніе, которое вызвало внесеніе нынѣшняго закона. Правительство опасается, что когда-либо въ сеймѣ большинство можетъ перейти въ оппозицію, и хочетъ поставить военную силу внѣ власти сейма. Но такая цѣль прямо противна принципу парламентарнаго правленія. Почему народъ долженъ болѣе довѣрять правительству, чѣмъ правительство довѣряетъ народу?—вотъ вопросъ, который лежитъ въ основаніи всего конституціоннаго устройства. Достиженіе германскимъ правительствомъ цѣли, имъ предположенной, было бы тѣмъ болѣе важно, что и при нынѣшнихъ условіяхъ имперское правительство обладаетъ такими правами,

которыя въ дѣйствительности предоставляютъ въ его руки всю реальную власть. Излишне было бы облегчать ему еще и юридическую возможность полновластія.

Сверхъ того, такъ какъ нынѣшній проектъ предполагаетъ вмѣстѣ и усиленіе арміи, и поставленіе ея внѣ всякаго контроля народныхъ представителей, то естественно, что Франція, Австрія, Италия, вся западная Европа должны встревожиться такимъ умноженіемъ могущества германскаго правительства, къ которому вовсе не видится поводовъ въ нынѣшнемъ положеніи Европы, когда Франція слаба, а Германія не только сама сильна, но и вѣрнѣе, чѣмъ какая-либо иная держава, можетъ найти союзниковъ.

Проектъ новаго военнаго закона, послѣ перваго чтенія въ собраніи рейхстага, былъ переданъ на обсужденіе комиссіи, которой президентомъ былъ избранъ депутатъ ф.-Беннигсенъ. Содержаніе закона весьма сложно, и главный политическій интересъ его сосредоточенъ въ первомъ его параграфѣ, который и былъ центромъ происходившихъ преній. Поэтому достаточно будетъ привести въ текстѣ только этотъ параграфъ; общій же составъ закона уяснится изъ рѣчи прогрессиста Рихтера, содержаніе которой мы сейчасъ передадимъ. Первый параграфъ гласитъ: „мирный составъ арміи (die Friedens-Präsenz-Stärke) въ унтеръ-офицерахъ и рядовыхъ заключаетъ впредь до измѣненія его законодательнымъ порядкомъ (bis zum Erlass einer anderweitigen gesetzlichen Bestimmung) 401,669 человекъ. Одногодичные вольноопредѣляющіеся въ численность мирнаго состава не считаются“. Одногодичныхъ волонтеровъ поступаетъ въ германскую армію въ теченіи года отъ 3,500 до 4,000 человекъ, такъ что нахожденіе ихъ сверхъ комплекта мирнаго состава не представляетъ важности. Важнѣйшія техническія измѣненія въ составѣ арміи, заключающіяся въ слѣдующихъ параграфахъ, представляютъ: отдѣленіе крѣпостной артиллеріи отъ полевой, въ особый родъ оружія, и увеличеніе штатнаго числа субалтернъ-офицеровъ: въ ротѣ, эскадронѣ и батареѣ полагается имѣть 3-хъ подпоручиковъ, вмѣсто двухъ. Увеличеніе числа офицеровъ объясняется тѣмъ, что при современной страшной силѣ артиллеріи бываютъ моменты, когда движеніе впередъ почти немислимо безъ примѣра офицеровъ, которые идутъ передъ фронтомъ и, подвергаясь почти двойному противъ солдатъ риску, увлекаютъ ихъ за собой. Извѣстно, что такимъ пріемомъ офицеровъ издавна славилась французская армія; число офицеровъ и въ ней увеличено послѣдними преобразованіями.

При обсужденіи проекта военнаго закона, въ засѣданіи рейхстага 16-го февраля, военный министръ Камеке напомнилъ, что прусское военное устройство еще при существованіи сѣверо-германскаго Союза

было распространено на всѣ государства этого Союза, а при основаніи имперіи — и на южно-германскія государства. Въ ст. 61 имперской конституціи сказано: „по равномѣрному проведеніи военнаго устройства германской арміи, имперскому сейму и союзному совѣту имѣетъ быть представленъ въ утвержденію на законномъ основаніи всеобъемлющій (umfassendes) имперскій военный законъ“. Теперь, по полномъ проведеніи во всей Германіи прусскаго военнаго устройства, и представляется такой законъ, согласный какъ съ имперской конституціей, такъ и съ закономъ 9-го ноября 1867 г. о военной повинности; цѣль его — пополнить пробѣлы, существующій доселѣ въ разныхъ специальныхъ законодательствахъ.

Прогрессистъ Рихтеръ, изъ Гагена, объяснилъ, что настоящій проектъ закона заключаетъ въ себѣ, собственно говоря, четыре отдѣльных закона: законъ о наборахъ, законъ о гражданскихъ правахъ лицъ военнаго званія, объ устройствѣ ландвера и начало общаго организаціоннаго закона. Министръ сказалъ, что проектъ этотъ представляется въ исполненіе статьи имперской конституціи. Цѣлью той статьи было вызвать законъ, который кодифицировалъ бы примѣненіе прусскаго закона и организаціонныхъ постановленій, содержащихся въ приказахъ. Между тѣмъ, нынѣшній законъ отчасти идетъ далѣе этой цѣли, отчасти не достигаетъ ея. Ораторъ замѣтилъ, что въ третьемъ отдѣлѣ проекта, гдѣ опредѣляются гражданскія права лицъ военнаго званія, оставлены безъ вниманія рѣшенія сѣверо-германскаго союзнаго сейма: въ 1870 году сеймъ этотъ рѣшилъ, что отдѣльный военный судъ долженъ вѣдать только дѣла по проступкамъ противъ военной дисциплины и вообще проступкамъ военного свойства; между тѣмъ нынѣшній проектъ предлагаетъ вновь утвердить особую военную юрисдикцію, какъ она существуетъ теперь, въ полномъ составѣ (т.-е. полное изъятіе военныхъ лицъ отъ гражданскихъ судовъ). Въ сѣверо-германскомъ сеймѣ было также выражаемо требованіе, чтобы освобожденіе офицеровъ отъ мѣстныхъ налоговъ было ограничено освобожденіемъ отъ этихъ налоговъ только одного жалованья офицеровъ; предложеніе сдѣланное въ этомъ смыслѣ не прошло въ сеймѣ только потому, что многимъ членамъ и эта привилегія казалась чрезмѣрною. Между тѣмъ въ нынѣшнемъ законѣ сохраняется полное освобожденіе офицеровъ отъ мѣстныхъ налоговъ. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ законъ о наборахъ, четвертый и пятый — начало устройства ландвера. Что закономъ предполагается опредѣлить условія замѣны и права отпусковыхъ, которыя доселѣ устанавливались только административными распоряженіями, — это согласно съ желаніями, выраженными на сеймахъ. Но желанія сеймовъ и адѣсь удовлетворяются далеко не вполне. Такъ, напр., весьма важ-

ний для всей учебной системы въ государствѣ вопросъ о томъ, ка-кая степень образованія даетъ право на одностороннюю добровольную службу, и теперь не полагается рѣшить закономъ, но оставляется на усмотрѣніе администраціи. На одно измѣненіе, вводящее низшіе классы въ резервъ, необходимо обратить особенное вниманіе; онъ устанавливаетъ новое ограниченіе свободы высылки (Auswanderungsfreiheit). Дѣйствительно, много людей, подлежащихъ военной повинности, теряется вслѣдствіе высылки ихъ; но весьма сомнительно, чтобы посредствомъ усиленія запрещеній и наказаній можно было пособить дѣлу. Причины высылки лежатъ глубже, и если лечить одни симптомы зла, то оно можетъ еще возрасти. Далѣе: доселѣ люди перваго класса резерва, на основаніи дѣйствующей инструкціи, призываются на службу только при мобилизаціи; нынѣшній проектъ идетъ далѣе—онъ дѣлаетъ ихъ подлежащими призыву на службу не только въ случаѣ войны, но и вообще на пополненіе арміи, даже въ мирное время. Такимъ образомъ, около 400 т. молодыхъ людей до 27-лѣтняго возраста отдаются, со всѣми условіями ихъ гражданскаго быта, въ полное распоряженіе военной администраціи.

Переходя къ первому параграфу проекта, Рихтеръ прежде всего замѣтилъ, что этотъ параграфъ уже вовсе не можетъ быть основываемъ на нипперской конституціи; предполагаемое въ немъ ограниченіе власти сейма и расширеніе власти правительства имѣлось уже въ виду при преніяхъ о самой конституціи, причемъ мысль эту защищали и Мольте, но было отвергнуто учредительнымъ рейхстагомъ, хотя одно время казалось, что за отверженіемъ такого требованія правительства можетъ не состояться и самая конституція. Рихтеръ затѣмъ доказывалъ, что опредѣленію можетъ подлежать военный составъ арміи, но не мирный: военный составъ есть цѣль; мирный составъ есть средство, и разсчитывается такъ, чтобы возможно было въ случаѣ войны достигнуть извѣстной нормы военнаго состава, какая непременно имѣется заранѣе въ виду. Что касается мирнаго состава, то онъ въ дѣйствительности опредѣленъ быть не можетъ; можно назначить извѣстную цифру, но она все-таки не будетъ означать дѣйствительнаго состоянія, потому что военное министерство можетъ по усмотрѣнію увольнять людей въ отпускъ до трехгодичнаго срока, и дѣйствительно пользуется этимъ правомъ, сообразно съ экономическими обстоятельствами. Говорятъ, Германія должна имѣть постоянный мирный составъ, потому что при шестимѣсячномъ трехгодичномъ срокѣ пребыванія подъ знаменами онъ есть основаніе всей организаціи. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности срокъ пребыванія подъ знаменами никогда постояннымъ не былъ; и теперь четверть всего состава, въ пѣхотѣ, увольняется въ отпускъ по истеченіи двухъ лѣтъ службы.

Говорятъ, въ Пруссіи мирный составъ былъ постоянно равномеренъ къ числу населенія и составлялъ даже нѣсколько выше 1% его; такое предположеніе включено и въ мотивы нынѣшняго закона; но оно совершенно невѣрно, какъ вообще многія данныя мотивовъ. Въ Пруссіи мирный составъ былъ по официальной статистикѣ, между 1816—1820 годами—114 т. чел., между 1820—1830 гг.—114—117 т. чел., затѣмъ возросъ во время волненій во Франціи до 150 т., но потомъ до 1848 г. опять понизился до 136—137 т. чел.; однимъ словомъ, по отношенію къ численности населенія, онъ постоянно понижался и понизился до $\frac{3}{4}$ процента. Въ годы 1849—1859 онъ поднялся опять до 150 т., что все-таки составляло только 0,85 процента населенія. Далѣе, въ теченіе одного 1868 года, мирный составъ колебался между 187 и 270 тысячами. Вообще въ 1868 и 1869 годахъ онъ составлялъ въ среднемъ размѣрѣ только 86 и 90 процентовъ штатнаго числа людей. Такое уменьшеніе состава дѣлалось по соображеніямъ экономическимъ, и военное вѣдѣтельство понуждалось къ нимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ему ежегодно предстояло испрашивать у сейма общей суммы на военные расходы (Pauschquantum). При этомъ Рихтеръ объяснилъ, что хотя странно, что ему приходится выступать защитникомъ системы Pauschquantum, то-есть предоставленія въ руки правительства круглою непрѣвѣренною цифрою всего итога военныхъ средствъ за годъ, но что онъ все-таки предпочитаетъ эту систему тому, чего требуютъ отъ сейма теперь. „Скажу прямо“, такъ выразился онъ: „лучше еще десять лѣтъ системы безотчетныхъ, валовыхъ цифръ, чѣмъ два года такого желѣзнаго мирнаго состава, какой теперь предлагается. Едва ли въ рейхстагѣ найдется и 50 голосовъ въ пользу проекта въ его настоящей редакціи“. Исполненіе этого проекта предполагаетъ увеличеніе ежегоднаго итога расходовъ на армію почти на 14 милл. талеровъ; Рихтеръ доказывалъ, что обыкновенныхъ доходовъ не достанетъ на покрытіе этого излишка. Въ концѣ 1870 г., во время сдачи Парижа, Германія имѣла подъ ружьемъ 1.350,000 человѣкъ. Это число постоянно будетъ возрастать по мѣрѣ того, какъ проходятъ годы со времени примѣненія прусскаго устройства къ другимъ государствамъ Германіи, и въ нихъ образуется большее число возрастовъ, прошедшихъ чрезъ службу и подлежащихъ призыву. Официальная статистика показываетъ, что въ прошлую войну, однѣ старыя прусскія области выставили 830,000 человѣкъ; а вѣдь онѣ не составляютъ и половины населенія германской имперіи. Уже въ ближайшіе годы Германія и при нынѣшней организаціи будетъ въ состояніи выставить 1.700,000 человѣкъ; сверхъ того, она имѣетъ еще ландштурмъ въ 600—800 т. чел., который во

якомъ случаѣ не уступить резерву французской территоріальной арміи. Какое же значеніе могутъ имѣть при подобныхъ обстоятельствахъ маловажныя измѣненія цифры мирнаго состава, какому она можетъ подвергаться при сохраненіи за рейхстагомъ права ежегоднаго ея обсужденія? Неужели сокращеніе ея на какія-нибудь 5000 чел., если бы оно и было сдѣлано, измѣнило бы совокупность такихъ силъ? Мирный составъ во Франціи не опредѣленъ закономъ, да ни въ одной культурной странѣ Европы и не пытались требовать отъ парламента, чтобы онъ однажды навсегда опредѣлилъ ее. Этого не сдѣлало бы и большинство французскаго собранія, преданное президенту-маршалу. Далѣе, Рихтеръ объяснялъ сравненіемъ цифръ, что во Франціи и мирный составъ, и цифра ежегоднаго набора, и теперь, послѣ преобразованія, менѣе, чѣмъ въ Германіи. Онъ объявилъ затѣмъ, что не хочетъ ослаблять нынѣшняго военнаго могущества Германіи, но не хочетъ и крайнихъ, чрезмѣрныхъ напряженій и тягостей. „Мы уже приближаемся къ призыву на службу $\frac{2}{3}$ всего числа возрастныхъ, а въ Россіи видятъ еще недосигаемый идеалъ въ обученіи всего $\frac{1}{4}$ подлежащихъ набору“. Онъ указалъ еще на то благоприятное для Германіи обстоятельство, что Франція и Россія могутъ содержать численность арміи, положенную штатами, только при помощи обязательнаго курса неразвѣнныхъ бумажныхъ денегъ, что, по его словамъ, хотя не составляетъ препятствія для войны, но важно тѣмъ, что мѣшаетъ систематическому подготовленію обученныхъ военныхъ силъ для войны во время мира. Въ заключеніе, Рихтеръ сказалъ: „народное представительство нигдѣ не уступало того права, котораго хотятъ насъ лишить, и мы его не уступимъ. Мы не допустимъ, чтобы разорвана была связь между германскимъ сеймомъ и германскою арміею. Болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ свѣтѣ, въ Германіи народное войско, вооруженный народъ и представительство народа должны стоять вмѣстѣ (gehören zusammen). Германское войско и германскій парламентъ, это—главные столбы единства Германіи, и ослаблять ихъ взаимную связь нельзя безъ вреда для самого зданія національнаго единства. Мы готовы вступить въ соглашеніе съ правительствомъ относительно ббльшей части другихъ постановленій нынѣшняго проекта, но отвергаемъ мысль, лежащую въ первомъ его параграфѣ, какая бы форма ни была придана ей въ теченіи преній“.

Главныя рѣчи при обсужденіи проекта были рѣчи Рихтера и фельдмаршала графа Мольтке. Во Франціи газеты обратили наиболѣе вниманія на рѣчь Мольтке, но поступили при этомъ опрометчиво. Дѣло въ томъ, что по самой сущности предмета, великій полководецъ долженъ былъ стараться *уменьшить* значеніе проекта, умень-

нить въ глазахъ германскаго сейма налагаемыя имъ тягости, а въ глазахъ Европы—то увеличеніе силы, какое онъ долженъ дать германскому правительству. Сосѣдямъ Германіи гораздо важнѣе знать не то, что говорилъ Мольтке, но именно то, чего онъ не договаривалъ, и то, что онъ отчасти оспаривалъ. Вотъ почему мы обратили преимущественное вниманіе на рѣчь противника закона, Рихтера, который по своему положенію обязанъ былъ обличать и выдавать то, что Мольтке старался скрыть.

Рѣчь, произнесенная фельдмаршаломъ Мольтке въ засѣданіи 16-го февраля, была замѣчательна по технической ясности, умѣренности тона и полемическому искусству. Первые два достоинства принадлежали самому Мольтке; въ третьемъ виднѣлась другая рука; извѣстно, что содержаніе этой рѣчи было впередъ обсуждено и условлено въ совѣщаніи графа Мольтке съ княземъ Бисмаркомъ. Ораторъ въ самомъ началѣ согласился, что опредѣленіе постояннаго мирнаго состава въ 401,000 чел. сопряжено съ значительной тягостью для страны, но признавая также пользу обращенія расходовъ государства на производительныя, мирныя цѣли, доказывалъ, что безопасность все-таки должна стоять на первомъ планѣ, даже и по экономическому разсчету. Послѣ періода, когда воинская повинность и военные расходы были весьма легки, Пруссія въ годы 1808—1812 издержала болѣе на содержаніе непріятеля, чѣмъ сберегла до того времени отъ содержанія собственной своей арміи. Переходя къ нынѣшнему положенію дѣлъ, Мольтке сказалъ: „Великій фактъ всемирной исторіи, подобный возстановленію германской имперіи, едва ли можетъ завершиться въ короткій срокъ. То, что мы оружіемъ добыли въ полгода, намъ быть можетъ придется оборонять оружіемъ полвѣка, дабы оно не было у насъ отнято. Въ этомъ отношеніи мы не должны обманывать себя: со времени нашихъ счастливыхъ войнъ мы повсемѣстно выиграли въ уваженіи, но нигдѣ въ любви. Со всѣхъ сторонъ мы встрѣчаемъ недовѣріе въ томъ смыслѣ, что, ставъ могущественною, Германія слѣдается неудобнымъ сосѣдомъ. Но негодится вызывать опасность и однимъ ея представленіемъ (*es ist nicht gut den Teufel an die Wand zu malen*), такъ какъ уже изъ самаго недовѣрія и опасенія могутъ возникнуть дѣйствительныя опасности. Въ Бельгіи еще теперь есть сочувствіе къ Франціи, къ Германіи же весьма мало; тамъ еще не убѣдились, что угрожать бельгійской нейтральности можетъ только одинъ сосѣдъ, и что отнынѣ она имѣетъ дѣйствительнаго охранителя. Въ Голландіи начали возстановлять и вновь укрѣплять линію наводненія, противъ кого?—не знаю. Правда, мы однажды завоевали эту линію, въ началѣ столѣтія, но не для насъ, а для самой Голландіи. Въ од-

ной распространенной брошюрѣ, написанной для уясненія англичанамъ недостатковъ ихъ системы милиціи, изображаются послѣдствія высадки въ Англію, не изъ Франціи, съ противоположнаго берега, но изъ Германіи. Въ Даніи находятъ нужнымъ увеличивать береговой флотъ и укрѣплять мѣста на Зеландіѣ, годныя для высадки, потому что опасаются высадки изъ Германіи. Намъ приписываютъ то намѣреніе завоевать русскія остзейскія провинціи, то желаніе перетянуть къ себѣ нѣмецкое населеніе Австріи“. Затѣмъ, гр. Мольте перешелъ къ „интереснѣйшему“ изъ сосѣдей Германіи, къ Франціи, и указывалъ на усилія ея создать, по примѣру Германіи, но въ болѣе большихъ размѣрахъ, съ болѣе большими тягостями, грозное военное устройство. Само собою разумѣется, что при этомъ начальникъ главнаго штаба германскихъ войскъ обратилъ вниманіе только на тѣ стороны французскаго военнаго преобразованія, въ которыхъ выразилось стремленіе не отставать отъ боевой силы Германіи и даже превзойти ее, но оставлялъ въ сторонѣ такія особенности французскаго преобразованія, которыя, сравнительно съ германскимъ устройствомъ, уменьшаютъ и тягость для страны и силу будущей французской арміи. Такъ, онъ сказалъ, что французы съ точностью скопировали всѣ германскія военныя учрежденія и прежде всего всеобщую обязательность воинской повинности, приняли общій срокъ службы въ 20, а не въ 12 лѣтъ (какой существуетъ въ Германіи, если исключить 4 года изъ состоянія въ ландверѣ второго призыва и не считать состоянія въ ландштурмѣ; замѣтимъ, иначе полный срокъ въ Германіи выходитъ 29 лѣтъ), придали этому закону обратное дѣйствіе, такъ что оно распространяется и на выслужившихъ прежній срокъ, установили военный составъ дѣйствующей арміи въ 1 милл. 200 т. чел., а составъ территоріальной арміи въ 1 милл. чел., усилили кадры, учредивъ 36 новыхъ пѣхотныхъ полковъ, 14 новыхъ кавалерійскихъ, 159 новыхъ батарей; такъ что мирный составъ въ сравненіи съ 1871 г. возросъ на 40 т. чел. и составляетъ по бюджету 1874 г. 471.170 чел., а вмѣсто прежнихъ 8-ми корпусовъ учредили 18 и еще одинъ въ Алжирѣ; увеличили, въ сравненіи съ 1871 г., свой военный бюджетъ на 25 милл. талеровъ, доводя его до 171 милл. тал. въ совокупности. При этомъ гр. Мольте напомнилъ, что французское національное собраніе не только не уменьшало военныхъ кредитовъ, требуемыхъ правительствомъ, но, напротивъ, шло далѣе его требованій. Но для цѣли оратора не было необходимости указывать на то, что всеобщая обязательность военной службы, какъ она установлена во Франціи, ослаблена огромной массой исключеній, и что территоріальная армія во Франціи будетъ состоять изъ людей, не прошедшихъ чрезъ дѣйствительную службу.

Объясняя далѣе, что изъ Франціи постоянно слышатся голоса о жести, Мольтке, на основаніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ, приходилъ къ неизбѣжному выводу, что нельзя въ германскомъ законѣ ни сократить срока службы, ни уменьшить мирнаго состава. Какъ специалистъ и притомъ великій мастеръ специальности, Мольтке отвергаетъ милицію, волонтеровъ и утверждаетъ, между прочимъ, что волонтеры первой французской республики только тогда стали побѣждать, когда сдѣлались солдатами. Позволительно приписать сотруднику Мольтке въ составленіи его рѣчи то ея мѣсто, гдѣ говорится объ опасности милиціи для самого государства, напоминаея коммуна, выражается возможность, что и въ Германіи существуютъ подобныя элементы, которымъ слѣдуетъ опасаться дать въ руки оружіе; „легко раздать ружья, но не легко отобрать ихъ“ и т. д. Мольтке слишкомъ серьезный человѣкъ, чтобы опасаться коммуны въ Германіи, гдѣ еще и энергическая законная оппозиція встрѣчается не всегда; но кн. Бисмаркъ любитъ, когда нужно, пугать „интернаціональнымъ призракомъ“ бюргеровъ національной и либеральной партіи.

Самую сущность вопроса о нынѣшнихъ требованіяхъ правительства Мольтке весьма ясно выразилъ такимъ образомъ: „что касается установленія цифры постояннаго состава арміи, то оно не должно быть обращено въ вопросъ бюджетный. Нѣкоторые члены идутъ противъ этого пункта, для того, чтобы защитить неоспоримое, но и неоспариваемое право сеймовъ по утвержденію налоговъ. Если вы убѣдитесь, что менѣе 401 т. чел. мы во время мира. держать подъ ружьемъ не можемъ, и затѣмъ, опредѣлите ту сумму, какая потребна на содержаніе этого состава, то вѣдь уже тѣмъ самымъ вы откажетесь отъ того, чтобы сумму эту ежегодно обсуждать: давать или не давать правительству. Но ваше право распоряжаться средствами страны (Bewilligungsrecht) отъ этого не несетъ ущерба. Оно вступаетъ въ дѣйствіе при всякомъ требованіи правительства сверхъ нормы и при всякомъ новомъ законоположеніи по этому предмету. Нормальная цифра мирнаго состава необходимо должна оставаться постоянной на цѣлый рядъ годовъ. Всякое измѣненіе колеблетъ всю эту сложную комбинацію и при нашей системѣ отзывается на 12 лѣтъ, а кто можетъ сказать, будемъ ли мы чрезъ 12 лѣтъ имѣть миръ или войну?“ Въ заключеніе рѣчи фельдмаршала были мирныя завѣренія, по всей вѣроятности, внушенные, а можетъ быть даже и редижированныя канцлеромъ: „надѣюсь, что въ теченіе ряда лѣтъ мы будемъ не только соблюдать, но и *предписывать* миръ“. Эта надежда не помѣшала фельдмаршалу, однако, сказать въ началѣ его рѣчи, что „высота цифры состава въ военное время впередъ никакъ опре-

дѣлена быть не можетъ, такъ какъ мы не можемъ знать впередъ, придется ли намъ развернуться боевой линіей (Front machen) на одну только, или на *дѣв* стороны“. За то, въ концѣ рѣчи Мольтке заявилъ, что онъ „право не знаетъ, что бы мы стали дѣлать съ кускомъ Франціи или Россіи“.

Въ одномъ мѣстѣ рѣчи, Мольтке опровергалъ ходячую мысль, что „школьный учитель“, одержавъ тѣ побѣды, которыми возвеличилась Германія. „Одно знаніе“, сказалъ онъ, „не ставитъ еще человѣка на такую точку (Standpunkt), чтобы онъ готовъ былъ рисковать жизнью за идею, за исполненіе долга, за честь отечества: это достигается только всѣмъ воспитаніемъ человѣка. Не школьный учитель, но воспитатель-государство одержало наши побѣды; ихъ одержало то государство, которое теперь уже почти 60 лѣтъ (со времени введенія всеобщей воинской повинности) воспитало націю въ бодрости тѣла, свѣжести духа, въ порядкѣ и точности, вѣрности и послушаніи, любви къ отечеству и мужественности. Безъ арміи, притомъ въ полномъ ея составѣ, вы не можете обойтись уже и внутри государства для воспитанія націи!“ Итакъ, армія — школа націи, военная служба — источникъ всѣхъ доблестей гражданина, начиная отъ акуратности и вплоть до готовности пожертвовать самой жизнью идеѣ. Напрасны оговорки о государствѣ-воспитателѣ; государство включаетъ разные методы воспитанія, но самъ Мольтке сказалъ, что истинное воспитаніе, служащее для возвышенія гражданскаго духа, дается арміею. При этомъ, напрасно было бы отличать прусскую армію отъ всякой иной; общеобязательность воинской службы, существующая въ Пруссіи 60 лѣтъ, сама по себѣ не создаетъ никакого воспитанія: она только распространяетъ на всю націю воспитательное вліяніе арміи. Мысль выражена фельдмаршаломъ недвусмысленно и нѣтъ возможности понимать его мысль иначе. Итакъ, по мнѣнію графа Мольтке, тѣ, кто говорилъ: „Прусская армія побѣждаетъ другія вслѣдствіе умственнаго превосходства, т.-е. образованности прусской націи“, — ошибались. Но чѣмъ же онъ замѣнилъ это объясненіе: прусская армія побѣждаетъ другія вслѣдствіе того, что весь прусскій народъ воспитанъ въ арміи. Вѣдь это объясненіе есть только повтореніе, а не объясненіе: вѣдь это значить иными словами — прусская армія имѣетъ превосходныя свойства потому, что она ихъ имѣетъ. Затѣмъ остается объяснить себѣ побѣды Пруссіи просто превосходствомъ ея военнаго устройства, дающаго составъ военнаго времени лучший, чѣмъ какое-либо иное устройство. Но тогда, куда же дѣнется гражданскіи-воспитательное значеніе арміи, о которомъ говорилъ гр. Мольтке? Признаемся, мы предпочитаемъ прежнее объясненіе, то объясненіе, которое гр. Мольтке отвергаетъ, именно, что

армія почерпаетъ свою силу въ образованности народа, а не народъ воспитывается арміею къ нравственному совершенству. Вѣдь свойства военнаго воспитанія вездѣ извѣстны и вездѣ въ сущности одинаковы. Разница между Пруссіею и другими націями въ томъ, что въ Пруссіи чрезъ это воспитаніе проходили на краткій срокъ $\frac{2}{3}$ народа, а у другихъ націй—нѣсколько процентовъ народа на долгіе сроки. Но сами свойства военнаго этимъ нисколько не измѣняются. Между тѣмъ болѣе долгій срокъ, болѣе продолжительность такого воспитанія должны бы создавать и лучшую армію, а опытъ показываетъ совсѣмъ противное. У насъ въ Россіи, до крымской войны, былъ довольно распространенъ взглядъ на военную службу, какъ на лучшую школу для воспитанія гражданскихъ доблестей; въ нашей школѣ доблестямъ этимъ учили не три года, какъ въ Пруссіи, а двадцать-пять лѣтъ! Между тѣмъ, исходъ войны показалъ намъ, что общечеловѣческая образованность солдата сильнѣе, чѣмъ самое продолжительное и упорное военное воспитаніе; что готовность жертвовать собою за идею и акуратность съ послушаніемъ—суть вещи весьма различныя. Чтобы жертвовать собою идеѣ, необходимо прежде всего сознавать её. Примѣръ Соединенныхъ-Штатовъ, выставившихъ въ междоусобной войнѣ полтора милліона *волонтеровъ*, не имѣвшихъ никакого военнаго воспитанія, показываетъ, что готовность жертвовать собою за идею отъ военнаго воспитанія нисколько не зависитъ. По этимъ соображеніямъ и, несмотря на опроверженіе столь компетентнаго—по крайней мѣрѣ въ военныхъ, если не въ философско-историческихъ вопросахъ—человѣка, какъ гр. Мольтке, мы продолжаемъ думать, что побѣды Пруссіи одержалъ все-таки „школьный учитель“, и что побѣдоносный фельдмаршалъ, который предводительствовалъ въ бою учениками этого скромнаго дѣятеля, выказываетъ къ нему нынѣ явную неблагодарность.

Считаемъ излишнимъ уяснять, какъ неудовлетворительно то опроверженіе гр. Мольтке, которое касается опасеній, что нынѣшній проектъ, въ случаѣ утвержденія его, нарушитъ парламентскія права рейхстага. Справедливо, что такія требованія правительства, которыя будутъ идти еще далѣе устанавливаемой нынѣ нормы, подлежатъ бы и впредь рѣшенію рейхстага; но установленіе нормы разъ навсегда все-таки лишило бы рейхстагъ самаго существеннаго изъ его правъ: права ежегодно обсуждать, какой составъ арміи можетъ содержать правительство и какія денежныя средства оно должно получить для этого. Этотъ вопросъ уже достаточно разъясненъ выше; вообще рѣчь фельдмаршала не опровергаетъ существенныхъ доводовъ Рихтера, хотя авторитетъ Мольтке, безъ сомнѣнія, окажетъ большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣла.

Нынѣшнее положеніе этого вопроса (проектъ, какъ уже сказано, передать въ комиссію) таково: прогрессисты, согласно съ Рихтеромъ, не хотѣтъ допустить вовсе опредѣленія цифры мирнаго состава закономъ; они хотѣтъ сохранить за рейхстагомъ полную свободу опредѣленія контингента въ ежегодномъ бюджетѣ. Но часть національных либераловъ готова вступить съ правительствомъ въ такую сдѣлку, которая, правда, не вполне охранитъ парламентское право рейхстага, но „спасетъ виѣшность“. Эти національные либералы разсуждаютъ, что между штатнымъ мирнымъ составомъ, хотя бы онъ и былъ опредѣленъ закономъ навсегда, и дѣйствительнымъ составомъ, состоящимъ въ данное время подъ знаменами, постоянно была и будетъ впредь разница; и вотъ за эту-то разницу они хотѣтъ ухватиться, хотѣтъ, чтобы рейхстагу оставлено было право ежегодно устанавливать, въ предѣлахъ мирнаго состава, установленнаго закономъ, цифру дѣйствительнаго состоянія людей подъ знаменами, въ каждомъ году. Но когда цифра мирнаго состава будетъ опредѣлена закономъ, какими же доводами рейхстагъ докажетъ правительству, что въ такомъ-то году слѣдуетъ содержать людей настолько-то менѣе узаконеннаго числа? Вѣдь подобная разница, зависящая отъ числа отпусковъ, казалось бы, именно и должна подлежать только усмотрѣнію военной администраціи. Ея доводы въ этомъ случаѣ одни и будутъ имѣть вѣсъ, и рейхстагу придется каждый разъ давать полную узаконенную цифру мирнаго состава, если военная администрація признаетъ это нужнымъ. Для чего же уступать дѣйствительное право, нынѣ принадлежащее рейхстагу, и удерживать взамѣнъ его право ежегодно отступать отъ закона, что уже само по себѣ странно, а на практикѣ представится правомъ призрачнымъ? Это и было бы въ сущности только „спасеніе виѣшности“. Отрекшись закономъ отъ права ежегодно предоставлять или не предоставлять имперскому правительству около 100 милліоновъ талеровъ на содержаніе арміи, рейхстагъ сохранялъ бы за собою право *добиваться* отъ правительства сбавки на 10 милліоновъ изъ суммы, уже поставленной внѣ спора закономъ.

Депутаты Эльзаса-Лотарингіи, вступивъ въ первый разъ въ германскій рейхстагъ, представили подписанное ими всѣми предложеніе слѣдующаго содержанія: „да будетъ угодно рейхстагу постановить, что населеніе Эльзаса-Лотарингіи, включенное безъ своего согласія въ германскую имперію франкфуртскимъ трактатомъ, будетъ призвано спеціальнымъ путемъ выразить свое желаніе относительно такого присоединенія“.

Предложеніе „Тейтша и товарищей“, названное такъ по имени одного изъ депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи, обсуждалось въ засѣданіи

18 февраля. Въ рѣчи за предложеніе Тейтшъ сказать, между прочимъ:... „ваша послѣдняя война, окончившаяся въ пользу вашей націи, безспорно давала ей право на удовлетвореніе. Но Германія вышла изъ предѣловъ права цивилизованной націи, когда заставила Францію принести въ жертву полтора милліона ея дѣтей. Отъ имени эльзасцевъ-лотарингцевъ, преданныхъ франкфуртскимъ трактатомъ, мы протестуемъ противъ насилія, котораго наша родина стала жертвою... Чтобы придать уступкѣ Эльзаса-Лотарингіи хоть вѣншній признакъ законности, вамъ слѣдовало подчинить вопросъ о такой уступкѣ согласію уступленнаго населенія“. Здѣсь ораторъ сослался на мнѣніе извѣстнаго гейдельбергскаго юриста, профессора Блунчи, выраженное въ его сочиненіи о международномъ правѣ, что уступка территоріи не можетъ быть дѣйствительною безъ согласія населенія, потому что люди не вещь, неимѣющая ни собственныхъ правъ, ни воли. „Самъ тотъ деспотъ“, продолжалъ Тейтшъ, „котораго безразсудная политика погубила Эльзасъ-Лотарингію, Наполеонъ III, всегда соединялъ мысль о присоединеніи съ мыслью о спросѣ населенія“. Здѣсь оратора прервали крики: „мы знаемъ, какъ это дѣлается!“ Ссылка Тейтша на Наполеона дѣйствительно была неудачна, потому что вообще плебисцитъ въ рукахъ Наполеона былъ комедіею. Однакоже вѣдь и комедіи нельзя разыграть иначе, какъ эксплуатируя нерѣшительность, колебаніе, недоразумѣніе. Въ случаѣ же общей твердой рѣшимости населенія отвѣчать на предложенный вопросъ „нѣтъ“, никакой комедіи сыграть нельзя, и Тейтшъ имѣлъ бы основаніе на возгласы „знаемъ, какъ это дѣлается“ возразить: „однакоже вы и этого не сдѣлаете, ни въ сѣверномъ Шлезвигѣ, ни въ Познани, ни въ Эльзасѣ-Лотарингіи.“

Вопросъ этотъ, въ сущности безплодный, и представляетъ оди́къ рекриминаціи. Явно было, что предложеніе Тейтша не могло быть принято, и внесеніе его имѣло только смыслъ протеста. Одинъ изъ депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи, епископъ Рэссъ, заявилъ „отъ имени своихъ единовѣрцевъ, что они во всякомъ случаѣ не оспариваютъ дѣйствительности франкфуртскаго трактата“. На это, въ засѣданіи 19 февраля, другой депутатъ, Пунье, прочелъ протестъ отъ имени католиковъ, депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи, противъ словъ Рэсса, въ которомъ заявлялось, что епископъ говорилъ только отъ своего имени, и что единовѣрцы его не считаютъ себя связанными его словами. Хотя теперь даже подписывается въ Страсбургѣ протестъ противъ словъ Рэсса, но можно было думать, что всѣ подробности заявленій депутатовъ Эльзаса-Лотарингіи были обдуманы впередъ и роли заранее распределены ими. Нѣмецкія газеты увѣряли, что враждебный Германіи результатъ выборовъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи, гдѣ не

было избрано не только ни одного представителя идеи единства съ Германіею, но даже ни одного представителя автономіи этихъ провинцій, а только кандидаты, прямо враждебной Германіи, французской партіи, слѣдуетъ приписать ультрамонтанскому вліянію, которое по враждѣ къ имперскому правительству дѣйствовало въ пользу французской партіи. Между тѣмъ, оказалось, что сильнѣйшій протестъ былъ высказанъ такимъ депутатомъ, который—протестантъ и носить безспорно нѣмецкое имя „Тейтша“. Заявление же, что католики Эльзаса-Лотарингіи не оспариваютъ дѣйствительности трактата, то-есть отвергаютъ мысль о сопротивленіи силою, было сдѣлано именно католическимъ епископомъ. Надо замѣтить, что и весь католическій центръ рейхстага, постоянно обвиняемый въ союзѣ съ врагами отечества, подалъ голоса противъ предложенія Тейтша. А для того, чтобы заявленію Ресса не придали слишкомъ большого значенія по отношенію къ населенію присоединенныхъ провинцій, противъ него былъ поданъ протестъ опять католикомъ же, но не духовнымъ лицомъ—Пунье. Если все это сдѣлалось безъ предварительнаго согласенія, то надо признаться, что обстоятельства, какъ нарочно, сложились самымъ неблагоприятнымъ образомъ для тѣхъ иллюзій, какія поддерживаются германскими офиціозными органами.

Никто въ рейхстагѣ не поднялся для отвѣта Тейтшу, и обсужденію его предложенія былъ положенъ конецъ тотчасъ послѣ его рѣчи, по требованію самого собранія. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отдать германскому правительству ту справедливость, что оно не боится враждебныхъ себѣ заявленій. Въ сознаніи своей силы, оно не думаетъ, что принужденное безмолвіе противниковъ необходимо для успѣха его политики, или что искусственные, фальшивыя заявленія, какія оно могло бы вызвать, могли бы быть ему полезны. Безъ всякаго опасенія, оно произвело въ Эльзасѣ-Лотарингіи выборы въ парламентъ, какъ оно производитъ ихъ въ сѣверномъ Шлезвигѣ и въ Познани. Кригеръ протестуетъ, Нѣголевскій съ 11-ю товарищами продолжаетъ протестовать, Тейтшъ съ 14-ю товарищами присоединился къ нимъ съ новымъ протестомъ, но всѣ они — свободно избраны, и всѣ они протестуютъ на сеймѣ свободнымъ словомъ, а не дома, вынужденнымъ безмолвіемъ. Голосованіе по предложенію „Тейтша и товарищей“ было произведено посредствомъ вставанья. Встали только 20 человекъ поляковъ, партикуляристовъ и социалистовъ; сами эльзасцы продолжали сидѣть. Нѣголевскій не безъ намѣренной ироніи, конечно, замѣтилъ, что они кажется не совсѣмъ понимаютъ по-нѣмецки, такъ какъ продолжаютъ сидѣть, отрекаясь отъ своего предложенія, и предложили повторить голосованіе, что было отвергнуто. Эльзасцы-лотарингцы очень хорошо понимаютъ по-нѣмецки

(хотя говорить съ французскимъ акцентомъ), но, продолжая сидѣть, хотѣли показать, что они сами въ этомъ вопросѣ не подають голоса. Они, сколько извѣстно, не будутъ подавать голоса и въ другихъ очередныхъ вопросахъ, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, когда цифра 15 голосовъ можетъ получить практическое значеніе для оппозиціи.

Палаты прусскаго сейма, окончательно утвердивъ законъ о передачѣ веденія метрики въ руки гражданскихъ должностныхъ лицъ и объ обязательности гражданского брака, отсрочили 25-го февраля свои засѣданія до 13-го апрѣля. Упомянутый законъ былъ подвергнутъ въ верхней палатѣ неважному измѣненію и вслѣдствіе того вновь прошелъ чрезъ палату представителей, которая согласилась со сдѣланнымъ въ немъ измѣненіемъ.

Еслибы принять, что парламентскіе выборы, произведенные въ Великобританіи и Ирландіи, служили отвѣтомъ страны на тотъ прямой фактический вопросъ, какой былъ поставленъ Гладстономъ въ его посланіи къ гринвичскимъ избирателямъ, а именно, на вопросъ о способѣ распредѣленія излишка бюджетныхъ доходовъ, то пришлось бы побѣду консерваторовъ счесть за отвѣтъ страны въ томъ смыслѣ, что излишекъ доходовъ долженъ быть весь обращенъ на уменьшеніе налоговъ по мѣстному управленію (local taxation). Гладстонъ предполагалъ уменьшеніе этихъ налоговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предполагалъ приступить къ отмѣнѣ подоходнаго налога, то-есть общалъ богатому промышленному и торговому классу, составляющему доселѣ еще главную силу партіи либеральной, премію за возобновленіе полного ея къ нему, Гладстону, какъ вождю либеральной партіи, довѣрія. Не хотѣлъ или не могъ богатый элементъ либеральной партіи выразить такое довѣріе и заслужить премію, но результатъ вышелъ тотъ, что рѣшительную побѣду на выборахъ одержали консерваторы. Вмѣсто 66 голосовъ большинства, какими еще располагалъ Гладстонъ въ прежней палатѣ общинъ, онъ увидѣлъ въ новой палатѣ враждебное себѣ, консервативное большинство въ 50 голосовъ.

Само собою разумѣется однако, что такой, довольно неожиданный отвѣтъ страны должно разумѣть не въ смыслѣ одного только распредѣленія излишка доходовъ. О немъ даже весьма мало упоминалось въ рѣчахъ кандидатовъ на выборахъ. Ясно, что на первомъ планѣ представлялись вопросы больше общіе, теоретическіе, которые были затронуты и въ избирательномъ посланіи Гладстона. Онъ общалъ новыя реформы, онъ хвалилъ внѣшнюю политику полномѣшательства—страна отвѣтила ему выборами консервативными.

Повидимому, правы тѣ, кто говорилъ, что страна „устала отъ экспериментовъ“, и тѣ, кто говорилъ, что англійскій народъ считаетъ умнительной внѣшнюю политику Гладстона.

Невозможно, конечно, опредѣлять съ какою-нибудь достовѣрностью, насколько характеръ нынѣшнихъ выборовъ зависѣлъ отъ того или другого побужденія, враждебнаго Гладстоновской системѣ. Въ этомъ отношеніи возможны только догадки, и благоразумнѣе будетъ ограничиться перечисленіемъ главнѣйшихъ изъ такихъ побужденій, главныхъ причинъ, какими можетъ объясняться поражение либеральнаго министерства, не опредѣляя, которое изъ нихъ играло притомъ самую важную роль. Наиболѣе общее изъ этихъ побужденій, дѣйствовавшее равно на всѣхъ, можетъ съ перваго взгляда показаться парадоксомъ: министерство Гладстона лишилось довѣрія уже потому, что оно потерпѣло годъ тому назадъ чувствительное поражение (въ мартѣ 1873 г. по ирландско-университетскому вопросу). Можно, пожалуй, сказать, что это объясненіе неудовлетворительно, что парламентскія правительства пораженіе терпятъ, когда лишились довѣрія, а не лишаются довѣрія потому, что потерпѣли пораженіе. Это справедливо относительно парламентскаго правленія вообще, которое есть правленіе партіи. Но здѣсь-то и выступаетъ особенность Гладстонова правленія: оно было не только правленіемъ партіи, но въ весьма значительной степени правленіемъ *личнымъ*, правленіемъ самого Гладстона, чѣмъ-то весьма похожимъ на диктатуру, вполне законную, конечно, но тѣмъ не менѣе диктатуру человека съ авторитетомъ почти всемогущимъ. Когда въ декабрѣ 1868 года образовалось правительство Гладстона, онъ располагалъ въ палатѣ общинъ большинствомъ до 100 голосовъ, палата эта была совершенно покорна ему и именно ему лично. Онъ былъ до такой степени несомнѣннымъ избранникомъ націи, что и въ средѣ своихъ товарищей, прочихъ министровъ, былъ не первымъ членомъ правительства, но именно правителемъ, окруженнымъ министрами. Довѣріе страны къ Гладстону и его громадный ораторскій даръ, дѣлали его почти всемогущимъ въ палатѣ общинъ, а затѣмъ всемогущимъ въ министерствѣ. Прочіе министры были помощниками, а не товарищами его. Враждебная Гладстону газета „Pall Mall“ говоритъ, что тотъ авторитетъ, какой принадлежалъ въ торійскихъ кабинетахъ Питту и Пилу, принадлежалъ Гладстону въ кабинетѣ либеральномъ; что Гладстонъ—первый парламентскій членъ своего времени, и потому былъ всемогущъ въ средѣ своихъ товарищей по министерству. Газета „Times“ даетъ сходную характеристику Гладстона. Мы приведемъ слѣдующія строки, которыя вѣрно излагаютъ весь смыслъ положенія Гладстона: „онъ получилъ власть,

нать дѣтъ тому назадъ, среди такого взрыва народнаго довѣрія (burst of popular confidence), которое было близко къ энтузіазму. Министръ способный, энергическій, честолюбивый, незнающій усталости; длинная программа необходимыхъ, долго задержанныхъ реформъ, послушная палата общинъ, страна одушевленная удивленіемъ и довѣріемъ — вотъ какая комбинація представлялась въ то время, въ первый разъ при нынѣшнемъ поколѣніи. Энергія главнаго дѣятеля не оставила его во дни успѣховъ; онъ энергически принялся за работу и въ продолженіе четырехъ сессій, обильныхъ трудами, не появлялось въ немъ ни одного признака уменьшенія энергіи. Только послѣ большого пораженія въ мартѣ прошлаго года онъ сталъ выказывать упадокъ бодрости (discouragement) и началъ признавать, что дѣло его уже сдѣлано*. Насколько могущество Гладстона было личнымъ могуществомъ, настолько правленіе его раздѣлило общую судьбу личныхъ правленій; основанныя на довѣріи, что такой-то человѣкъ сумѣетъ сдѣлать все, что ему все удастся, правленія эти утрачиваютъ силу именно вслѣдствіе первой значительной, хотя бы случайной неудачи. Какъ только оказалось, что вождь, на котораго безусловно полагались, можетъ ошибаться, можетъ терпѣть неудачи, то падаетъ и довѣріе къ нему, основаніе его силы и власти. Пораженіе, понесенное Гладстономъ въ биллѣ объ ирландскомъ университетѣ, было результатомъ весьма разнообразныхъ причинъ; но достаточно было факта, что онъ потерпѣлъ пораженіе, для того, чтобы ореолъ его безошибочности разсѣялся. Страна усомнилась въ немъ, и онъ самъ въ себѣ усомнился. Вотъ почему, хотя онъ все-таки располагалъ въ палатѣ большинствомъ 66-ти голосовъ, т.-е. болѣе значительнымъ, чѣмъ то, съ которымъ тори создаютъ теперь новое правительство, но въ мнѣніи страны и въ своемъ сознаніи онъ уже былъ слабъ; такъ какъ смыслъ его правленія въ значительной степени заключался въ личномъ его авторитетѣ, то упадокъ этого авторитета долженъ былъ поколебать положеніе правительства, хотя матеріально оно продолжало располагать большинствомъ. Какъ Антей, онъ хотѣлъ коснуться Земли, чтобы возобновить свои силы, но Земля на этотъ разъ отвергла своего сына.

Другая причина пораженія, понесеннаго либеральной партіей на выборахъ, представляется тѣмъ, что послѣднее управленіе людей этой партіи въ своемъ усердіи къ реформамъ нарушило или подало поводъ думать, что хотятъ нарушить весьма важные сословные интересы. Таковы, напримѣръ, были: отмѣна покупки офицерскихъ мѣстъ въ арміи и послѣдствіе отмѣны господства англиканской церкви въ Ирландіи. Оно, во-первыхъ, лишило многочисленный, вы-

сообразованный и весьма вліятельный классъ англиканскаго духовенства значительной области для карьеры; во-вторыхъ, подаго ему нѣводъ думать, что Гладстонъ и его партія намѣрены сдѣлать то же самое въ самой Англіи. Враждебное Гладстону вліяніе англиканскаго духовенства на выборы не подлежитъ сомнѣнію. Таеъ, чтобы привести еще примѣръ,—лондонская городская корпорація была встревожена слухомъ о намѣреніи либеральнаго министерства расширить ея составъ, включеніемъ въ Сити всего Лондона, или уменьшить значеніе корпораціи Сити, установленіемъ муниципальнаго управленія для тѣхъ частей Лондона, которыя въ Сити не входятъ. На нынѣшнихъ выборахъ въ Сити либеральная партія потерпѣла полное поражение.

Съ другой стороны, угрожая нѣкоторымъ сословнымъ интересамъ реформами, министерство Гладстона не рѣшалось смѣло опереться на тѣ передовыя дружины своей партіи, которыя энергической своей поддержкой могли бы замѣнить ему сочувствіе многихъ охлажденных либераловъ. Оно сдѣлало много для Ирландіи, но Ирландія требуетъ гораздо большаго, какъ оказывается теперь изъ того, что въ новую палату избрано 83 приверженца home-rule, т.-е. учрежденія отдѣльнаго парламента для Ирландіи (изъ этого числа 59 избраны въ Ирландіи, а 24 ирландцами въ самой Англіи). Вождь этой партіи давно предсказывалъ, что новые выборы дадутъ въ одной Ирландіи 80 представителей home-rule. Диссиденты въ Англіи требуютъ преобразованія закона 1870 года, но правительство Гладстона давало въ этомъ отношеніи такія обѣщанія, которыя ихъ не удовлетворяли. Рабочіе, побужденные примѣрами слишкомъ строгаго примѣненія нѣкоторыми судьями законовъ о наказаніяхъ за неисполненіе договоровъ о наймѣ, требовали отъ правительства безуспѣшно пересмотра этихъ законовъ. Вообще, сдѣлавъ многое для нарушенія разныхъ сословныхъ интересовъ реформами, правительство отчасти не могло, отчасти не хотѣло идти за многими требованіями новыхъ смѣлыхъ реформъ. Правда, ирландцы, диссиденты и рабочіе ничего не выиграютъ отъ переменъ правительства въ консервативномъ духѣ. Но извѣстно, что оппозиція часто предпочитаетъ открытыхъ враговъ слабѣющимъ или холоднымъ друзьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, наконецъ, что и характеръ внѣшней политики Гладстона былъ важной причиной его пораженія на выборахъ. Исходъ амебскаго и сан-хуанскаго дѣла, въ особенности перваго, за которое Англія заплатила деньгами, отмѣна обязательности для Россіи стѣснительныхъ статей трактата 1856 г. по отношенію къ Черному морю, расширеніе нашихъ владѣній въ Средней Азіи—все это было кѣсно въ вину Гладстону, и внѣшняя его политика сдѣлалась про-

сто непопулярно. Между тѣмъ, едва ли можно ожидать, чтобы новое консервативное правительство достигло иныхъ, важныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ; крупныя, неизмѣнимыя на время, черты общаго положенія Европы таковы, что едва ли одного желанія британскаго правительства будетъ достаточно, чтобы дѣйствія его могли многимъ отличаться отъ системы Гладстона; принципъ можетъ быть иной, но результаты, по всей вѣроятности, будутъ одинаковы.

Гладстонъ и его товарищи не стали дожидаться открытія новой палаты общинъ, чтобы уступить мѣсто новому правительству. Парламентская сессія открылась 5-го марта (н. с.). Но Гладстонъ еще 17-го февраля вручилъ королевѣ просьбы министровъ объ увольненіи. Новый кабинетъ составилъ, подъ предсѣдательствомъ Дизраэли, изъ графа Дѣрби, маркиза Сальсбери, герцога Ричмонда, графа Малмсбери, лордовъ Карнса и Карнарвона, сэра Стаффордъ-Норткота, гг. Гэторна-Гарди, Кросса, Уордъ-Гонта и др. Важнѣйшіе представители новаго правительства въ палатѣ общинъ: Дизраэли, Гэторнъ-Гарди и сэръ Стаффордъ-Норткотъ; важнѣйшіе его представители въ палатѣ лордовъ: графъ Дѣрби, маркизъ Сальсбери и лордъ Карнсъ. Къ характеристикѣ новаго британскаго правительства мы возвратимся при обсужденіи начала парламентской сессіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

12/21 февраля, 1874.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕУРЯДИЦА И ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ: романъ В. Гюго.

Мнѣ случалось писать вамъ въ минуты болѣе остраго кризиса, но еще никогда положеніе дѣлъ у насъ не было такое хаотическое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое тревожное, какъ то, которое мы переживаемъ со времени учрежденія семилѣтняго президентства маршала Макъ-Магона, съ цѣлью успокоить умы. Это не вина честнаго солдата, который, не будучи особенно способнымъ государственнымъ человекомъ, одушевленъ наилучшими намѣреніями: то вина партій, поставившихъ его во главѣ управленія и не перестающихъ интриговать другъ противъ друга и противъ созданнаго ими правительства. Не знаю, можно ли найти въ исторіи Франціи, или въ какой-либо другой, такое скандальное и отчаянное зрѣлище; неизвѣстно, чему слѣдуетъ удивляться болѣе: глупости, или недобросовѣстности дѣй-

ствующихъ лицъ. Правительство Тьера было низвергнуто подъ предлогомъ восстановления „нравственнаго“ и матеріальнаго порядка въ странѣ; для устраненія кризисовъ, успокоенія умовъ и поощренія труда и промышленныхъ предпріятій, власть президента продлили на семь лѣтъ. И вотъ эту самую власть, которую желали сдѣлать консервативною и умиротворяющей, эту самую власть ставятъ въ неопредѣленное и критическое положеніе, а чтобы лишить ее всякихъ прочныхъ средствъ къ существованію, заставляютъ — насколько только возможно — изготовленіе законовъ, долженствующихъ регулировать ея дѣятельность. Всего же печальнѣе то, что само министерство участвуетъ въ заговорѣ, которое его парализуетъ, частію намѣрено, частію вслѣдствіе роковыхъ и независимыхъ отъ него причинъ. Мы все еще волею или неволею управляемся республикой, только потому, что большинство, единодушное въ желаніи низвергнуть этотъ порядокъ, не могло согласиться на счетъ монархіи. Если бы правительство открыто признало это положеніе дѣлъ и допустило, что оно силою вещей вынуждено быть правительствомъ республиканскимъ, и что республиканская форма нераздѣльна съ президентствомъ маршала Макъ-Магона и должна продолжаться по крайней мѣрѣ столько же, сколько и оно, то страна успокоилась бы, а правительство нашло бы въ собраніи, въ крайнихъ партій, либеральное, благоразумное, умѣренное большинство, которое охотно стало бы его поддерживать. Но правительство, вызванное къ жизни коалиціей монархическихъ фракцій, раздѣляетъ всѣ ихъ страсти и всѣ ихъ предубѣжденія. Оно не хочетъ знать иного большинства, кромѣ того, которое поставило его во главѣ управленія, а такъ какъ это большинство состоитъ изъ фракцій, завидующихъ другъ другу, и такъ какъ правительство не можетъ оказать предпочтенія ни одной изъ нихъ, не возбудивъ недовѣрія въ другихъ, то оно осуждено во всѣхъ отношеніяхъ на плачевное безсилье. Время отъ времени, и даже довольно часто, оно пользуется какимъ-нибудь случаемъ, чтобы заявить публикѣ, путемъ рѣчи или министерскаго циркуляра, что намѣрено заставить уважать власть маршала. Недавно еще самъ президентъ, который, однако, не скотиникъ до рѣчей, пожелалъ во время посѣщенія парижскаго коммерческаго суда подтвердить авторитетомъ своего слова заявленія своихъ министровъ. Отвѣчая на рѣчь президента суда, наставившаго на неудовлетворительномъ положеніи дѣлъ и приписывавшаго его неопредѣленности политическаго состоянія, маршалъ сказалъ между прочимъ: „Національное собраніе вручило мнѣ власть на семь лѣтъ; я обязанъ прежде всего наблюдать за выполненіемъ этой верховной воли. Итакъ, будьте безъ опасеній. Въ теченіе семи лѣтъ я буду заставить всѣхъ уважать *порядокъ дѣлъ, легально установленный*“.

Это заявленіе, взятое само по себѣ и въ буквальный смыслъ, уже не имѣло той цѣны, которую быть можетъ придавалъ ему добравъ-маршалъ, такъ какъ его президентству во всякомъ случаѣ суждено пережить важный, и быть можетъ, роковой кризисъ всеобщихъ выборовъ, которыхъ нельзя же безконечно откладывать. Но поведение партій, якобы поддерживающихъ правительство, таково, что, оставляя въ сторонѣ выборы, испытываешь нѣкоторое сомнѣніе на счетъ прочности гарантіи, представляемой словомъ маршала. Въ первую минуту это слово произвело нѣкоторое дѣйствіе; но уже на слѣдующій день органы правой указывали на то, что маршалъ не сказалъ, что будетъ защищать *существующій порядокъ вещей*, но *установленный порядокъ вещей*, что, по ихъ мнѣнію, означаетъ тотъ порядокъ вещей, который можетъ быть установленъ, когда большинство придетъ въ соглашеніе. Это іезуитское толкованіе, идущее, разумѣется, въ разрѣзъ съ намѣреніями маршала, но которое правительство не посмѣло открыто опровергнуть, естественно уничтожило хорошее дѣйствіе, произведенное заявленіемъ, и умы и дѣла опять пришли въ уныніе и застой.

Самой диковинной вещью въ настоящемъ положеніи дѣлъ является то, что легитимисты особенно рьяно оспариваютъ значеніе семилѣтняго продленія президентской власти, между тѣмъ какъ послѣ пораженія и удаленія со сцены ихъ кандидата, дѣло ихъ совсѣмъ проиграно. Такъ какъ графъ Шамборъ сталъ совсѣмъ невозможенъ, то рѣшительно нельзя понять, какую выгоду извлекутъ они изъ паденія маршала Макъ-Магона. Такое событіе могло бы послужить въ пользу только орлеанистамъ или бонапартистамъ, или же республикѣ, допустивъ, что генеральные выборы, которые за нимъ должны послѣдовать, дали бы республиканское большинство, одушевленное политическимъ смысломъ. Между тѣмъ легитимистамъ всѣ эти рѣшенія ненавистны, и казалось бы, что они станутъ, за неимѣніемъ лучшаго, поддерживать искренно власть маршала. Но эта партія, никогда не блиставшая провицательностью и хладнокровіемъ, теперь совсѣмъ обезумѣла. Она чувствуетъ, что почва колеблется подъ ея ногами и выказываетъ тѣмъ больше нетерпѣнія и безразсудства, чѣмъ сильнѣе утрачиваетъ сознаніе дѣйствительности. Шансы, конечно, не на ея сторонѣ, но она рассчитываетъ на чудо, и стремится ускорить послѣднее, поддерживая и усиливая общую сумятицу. Богъ, думаетъ она, спасетъ же, наконецъ, Францію, и Генрихъ V-й воцарится помимо всѣхъ и вся.

Орлеанисты нѣсколько въ иномъ положеніи. Вслѣдствіе примиренія съ графомъ Шамборомъ они раздѣляютъ непопулярность легитимистовъ и ничего не могутъ ждать отъ настоящаго момента.

Поэтому они гораздо терпѣливѣе переносятъ продленіе президентской власти, но ревниво наблюдаютъ затѣмъ, чтобы оно не послужило къ упроченію республики. Имъ тѣмъ легче ждать, что въ лицѣ герцога де-Брольи, вице-президента совѣта министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ, и герцога Деказа, министра иностранныхъ дѣлъ, имъ принадлежитъ главная доля въ управленіи. Ихъ прямой расчетъ предоставить президентскому полномочію отбыть свой срокъ и принять послѣ него наслѣдіе въ той или иной формѣ. Къ несчастью, президентская власть въ томъ видѣ, какъ они ее понимаютъ, и при томъ состояніи безсилія, въ какомъ они ее держатъ, чтобы она не обратилась въ пользу республики, врядъ-ли продлится настолько, насколько это нужно, чтобы ихъ планы успѣли осуществиться. Къ тому же орлеанскіе принцы, стремящіеся изъ всѣхъ силъ воспользоваться своими преимуществами, не настолько энергичны и талантливы, чтобы когда-либо стать популярными. Они всегда будутъ, какъ относительно худыхъ, такъ и хорошихъ качествъ, представителями золотой середины, которые не увлекутъ и не овладѣютъ общественнымъ мнѣніемъ.

Бонапартисты, говоря это съ сожалѣніемъ, имѣютъ гораздо больше шансовъ на успѣхъ. У нихъ есть то преимущество передъ другими партіями, что они на все способны, и можно прибавить, что всѣ другія партіи на нихъ работаютъ. Монархическія партіи служатъ имъ своей враждебностью противъ республики, а республиканцы своими крайностями. Эта неисправимая партія, которая такъ уже повредила мечтѣ всей своей жизни выборами Бародэ и Ранка, готовится въ настоящую минуту повторить ту же самую ошибку и послать въ собраніе стараго вождя радикаловъ, Ледрю-Роллена, члена временнаго правительства 1848 г. Онъ хотя и совсѣмъ не дурной человѣкъ, но былъ во всѣ времена пугаломъ буржуазіи. Ледрю-Ролленъ будетъ навѣрное избранъ, потому что онъ баллотируется въ департаментъ (Воклюзъ) вполне преданномъ радикализму; но его появленіе въ палатѣ будетъ, по всей вѣроятности, пагубно, потому что напугаетъ многіе нерѣшительные умы лѣваго центра и заставить ихъ отвернуться отъ республики, къ которой они пристали не столько по убѣжденію, сколько изъ уступчивости.

Слѣдующій фактъ заслуживаетъ упоминенія: изъ всѣхъ дополнительныхъ выборовъ, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время, единственный, явно враждебный республикѣ выборъ—это выборъ бонапартиста Сана, въ департаментъ Соммы. Обыкновенно монархическіе кандидаты, въ особенности приверженцы сліянія, остерегаются развертывать свое знамя. Они называютъ себя кандидатами порядка, и со времени вступленія маршала Макъ-Магона въ управленіе, обык-

новенно прибавляютъ, что готовы поддерживать власть маршала. Это не мѣшаетъ имъ бывать побитыми. Санъ въ своемъ избирательномъ манифестѣ ясно заявилъ о своихъ бонапартистскихъ симпатіяхъ и сказалъ, что не желаетъ республики. Онъ былъ избранъ, не взирая на это, и избраніе его имѣетъ поэтому довольно важное значеніе, которымъ бонапартисты съумѣютъ воспользоваться, какъ слѣдуетъ. Они утверждаютъ съ тѣхъ поръ съ большей самоувѣренностью, что для Франціи нѣтъ иного выбора, какъ между имперіей или республикой. Къ несчастію, обстоятельства повидимому оправдываютъ ихъ мнѣніе. Еслибы у роялистовъ было хоть сколько-нибудь патріотизма, то это обстоятельство должно было бы привести ихъ въ республиканскій лагерь; но если республика внушаетъ имъ меньше ненависти, чѣмъ имперія, за то они меньше боятся послѣдней, вслѣдствіе чего, быть можетъ, отдадутъ ей предпочтеніе.

Первый государственный человѣкъ и дипломатъ партіи, Руэръ, недавно обнародовалъ два манифеста, одинъ въ формѣ письма къ провинціальному журналисту, оптрафованному за то, что нападалъ на продленіе президентскаго полномочія, другой—въ формѣ бесѣды съ корреспондентомъ англійской газеты, который былъ такъ любезенъ, что поинтересовался его мнѣніемъ. Эти документы весьма любопытны, въ особенности въ томъ отношеніи, что весьма искусно показываютъ намѣренія и стремленія партіи, щадя вмѣстѣ съ тѣмъ правительство, съ которымъ Руэръ, какъ парламентскій leader своей партіи, вынужденъ церемониться. Руэръ высказывается за продленіе президентскихъ полномочій, но съ снисходительнымъ и покровительственнымъ видомъ и оставляя лазейки для бонапартистской реставраціи. Продленіе президентскихъ полномочій, говоритъ онъ, стало порядкомъ легально-установленнымъ во Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ напоминаетъ, что никакой плебисцитъ не освятилъ низложеніе имперіи. Продленіе президентскихъ полномочій — учрежденіе временное, *преходящее*, подверженное всякаго рода случайностямъ: ему не дѣлаешь, слѣдовательно, ни малѣйшаго ущерба, обращаясь къ Наполеону IV-му, какъ къ надеждѣ будущаго. Все это высказано довольно ясно, но сопровождается всякаго рода ораторскими предосторожностями. Нѣсколько дней спустя, принцъ Наполеонъ, который то какъ будто работаетъ въ свою пользу, то какъ будто въ интересахъ династіи, и который ни по своему характеру, ни по своему положенію не обязанъ столько церемониться, рѣзко высказалъ въ одной газетѣ, что продленіе президентскихъ полномочій не имѣетъ никакого значенія, потому что не освящено плебисцитомъ и что вѣкъ воззванія къ народной волѣ не существуетъ ни права, ни спасенія. И къ довершенію всего этого бонапартистъ, герцогъ Падуанскій, приглашалъ

официальнымъ циркуляромъ вѣрныхъ императорской династiи собратся 16-го марта въ Чизльгёрстѣ, для принесенiя поздравленiй императорскому принцу, по случаю достиженiя имъ совершеннолѣтiя, которое по законамъ имперiи опредѣлено въ 18 лѣтъ. Дѣло идетъ о демонстрацiи въ пользу династiи, и бонапартисты, съ обычнымъ своимъ шарлатанизмомъ, съумѣютъ обставить ее съ трескомъ. Правительство нашло, что мѣра переполнилась и что его собственное достоинство требуетъ его внимательства. Но оно вынуждено дѣйствовать съ крайней осмотрительностью, потому что большинство, на которое оно опирается въ собранiи, численно очень слабо, и оно не можетъ оттолкнуть отъ себя какую-нибудь фракцiю. Нужно было, слѣдовательно, предупредить бонапартистовъ, не раздражая ихъ. Отсюда робкiй манифестъ герцога де-Брольи, въ которомъ онъ говоритъ, что не желаетъ воспрепятствовать бонапартистамъ чтить прошлое, но указываетъ на нѣкоторыя мѣры предосторожности противъ слишкомъ шумной пропаганды, и что всего характеристичнѣе, находить нужнымъ воспрепятствовать чиновникамъ участвовать въ Чизльгёрстской поѣздкѣ. Трудно представить себѣ правительство настолько слабое, чтобы находить нужнымъ высказывать подобное запрещенiе своимъ агентамъ; но дѣло въ томъ, что у насъ всѣ отрасли администрацiи заняты по большей части бонапартистами, что происходитъ частiю отъ ненависти, съ какою правительство преслѣдуетъ республиканскихъ чиновниковъ, а съ другой стороны, частiю отъ силы обстоятельствъ, такъ какъ императорская администрацiя, будучи послѣднею по сроку, оставила по себѣ многочисленный персоналъ. Можно сказать съ увѣренностью, что изъ десяти республиканскихъ чиновниковъ, замѣщаемыхъ новыми, восемь окажутся бонапартистами. Тотъ же фактъ повторяется въ магистратурѣ и въ кадрахъ войскъ. Въ этомъ заключается главная сила партiи, и въ настоящiй моментъ это можно наблюдать въ реорганизацiи муниципальной администрацiи, которою занимается правительство, въ силу закона, которымъ оно присвоило себѣ назначенiе меровъ. Оно не захотѣло выборныхъ меровъ, потому что избиратели выбирали республиканцевъ, но въ большинствѣ мѣстностей находить для замѣны ихъ однихъ бонапартистовъ. Къ тому же новый законъ о мерахъ самъ по себѣ уже составляетъ возвратъ къ учрежденiямъ имперiи, и такимъ образомъ имперiя, какъ-бы сама собой, мало-по-малу восстанавливается въ людяхъ и лицахъ, благодаря глупости тѣхъ людей, которые могли бы этому помѣшать и благодаря роковому стеченiю обстоятельствъ.

Бонапартисты, весьма довольные своимъ положенiемъ, удостоили милостиво отнестись къ циркуляру герцога де-Брольи, который если и ограничить число пилигримовъ, то съ другой стороны поддержи-

васть важное значеніе партіи, которую такъ щадятъ въ то время, какъ провозглашаютъ ее опасной. Приготовленія къ церемоніи 16-го марта идутъ своимъ чередомъ съ той грубой *mise en scène*, въ которой бонапартисты такіе мастера, и которая имъ такъ часто удавалась. Появилась біографія императорскаго принца, подъ заглавіемъ: *Наполеонъ Четвертый*, отличающаяся величайшимъ нахальствомъ и въ которой читаемъ слѣдующее: „черезъ нѣсколько дней Наполеонъ будетъ совершеннолѣтнимъ и можетъ явиться на призывъ народа. Вступивъ на престолъ Франціи въ такую благопріятную минуту, молодой императоръ останется вѣрнѣе призванію своей расы. Онъ насъ спасетъ отъ безпорядка и анархіи“.

У меня передъ глазами находится также пѣсенка, изданная въ несчетномъ количествѣ экземпляровъ, въ которой есть слѣдующія слова:

«Peuple français! Cet enfant est un homme
Qui te rendra des destins triomphants,
Paris sera plus illustre que Rome,
Napoléon vient d'avoir dix-huit ans ¹⁾».

Эта пѣсенка украшена орломъ съ раскрытыми крыльями, который держитъ въ клювѣ блестящую корону, среди которой красуется *N.* И вотъ что осмѣливаются предлагать націи, считающей себя самой остроумной въ мірѣ, три года спустя послѣ ужасной катастрофы, навлекенной на насъ тою самою династіей, которая теперь намъ снова угрожаетъ. Быть можетъ, всѣ эти шумныя манифестаціи были бы не столь тревожны, если бы другія партіи своими ошибками не помогали бонапартистамъ. Прежде чѣмъ покончить съ этимъ предметомъ упомяну о важной ошибкѣ, въ которую готовятся впасть въ настоящую минуту роялисты. Парламентская коммиссія, долженствующая выработать конституцію президентскаго семилѣтняго управленія, до сихъ поръ занималась только избирательнымъ закономъ, и послѣ всякихъ проволочекъ и переливанія изъ пустаго въ порожнее остановилась наконецъ на такой системѣ, которая, уважая номинально всеобщую подачу голосовъ, равняется почти знаменитому закону 31 мая, устранившему три милліона избирателей и навлекшему на собраніе 1850 г. непопулярность, которою такъ хорошо счумѣлъ воспользоваться Наполеонъ III. Быть можетъ, бонапартисты, засѣдающіе въ собраніи, изъ лукаваго расчета стануть вотировать за этотъ законъ, но если послѣдній пройдетъ, то дастъ могучее орудіе для народнои агитаціи въ руки бонапартистовъ. Роялисты первые

¹⁾ „Французскій народъ! Ребенокъ этотъ сталъ мужемъ, онъ возвратитъ тебѣ побѣдоносныя судьбы. Парижъ станетъ славнѣе Рима, Наполеону исполнилось восемнадцать лѣтъ!“

станутъ ея жертвой, а за Наполеоновской династіей, болѣе чѣмъ когда-либо, признають умѣнье примирить порядокъ съ народнымъ правомъ и требованіями демократіи.

Нашему правительству приходилось въ послѣднее время управляться не съ одними внутренними затрудненіями: иностранныя дѣла также озабочивали его. Но, кажется, что эти послѣднія, еще не вполне улаженные и одно время грозившія было принять серьезный оборотъ, явились послѣдствіемъ первыхъ.

Какія чувства ни преобладали бы въ кабинетѣ, но все же онъ снабженъ достаточной дозою разсудительности для того, чтобы понять, что Франція ни въ настоящую минуту, ни въ близкомъ будущемъ не достаточно сильна для того, чтобы создавать себѣ новыя затрудненія во внѣшней политикѣ и что преимущественно относительно Германіи и Италіи ей необходимо держать себя съ крайней осмотрительностью и тактомъ. Впрочемъ, если герцогъ де-Брольи слышетъ за горячаго приверженца клерикализма и вполне оправдываетъ эту репутацію, то нельзя упрекнуть въ томъ же его сотоварища по министерству иностранныхъ дѣлъ. Герцогъ Деказъ—истый политикъ, котораго не особенно глубоко трогаютъ несчастія церкви. Кромѣ того, правительство неоднократно заявляло, что въ отношеніи иностранныхъ державъ оно будетъ слѣдовать политикѣ Тьера, что и подтверждается свидѣтельствомъ самаго безпристрастнаго и компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, г. Ланфра, бывшаго французскаго уполномоченнаго въ Швейцаріи, вышедшаго въ отставку съ цѣлью стать въ ряды оппозиціи кабинету, въ качествѣ депутата. Въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ, помѣщенной въ „Revue des deux mondes“, онъ говоритъ, что все извѣстное ему по внѣшней политикѣ правительства можетъ быть признано вполне правильнымъ и осторожнымъ. Къ несчастію, существованіе кабинета находится въ такой зависимости отъ клериковъ, что, отстраняя ихъ внимательство въ иностранную политику, онъ вынужденъ предоставлять имъ многое внутри самой страны. Между тѣмъ высшее духовенство во Франціи давно уже ударило въ крайнее ультрамонтанство и многіе изъ членовъ его отличаются такимъ безграничнымъ усердіемъ, что не хотятъ обращать ни малѣйшаго вниманія на требованія и условія политики. Плодомъ всего этого и явились извѣстныя пастырскія посланія; въ нихъ на голову германскаго императора изливались всѣ потоки оскорбленій: его карали не за бѣдствія, навлеченныя имъ на Францію, а за борьбу съ Римомъ. Извѣстны и послѣдствія этой выходки: гнѣвъ Бисмарка былъ выраженъ публично и громко, вся журналистика заговорила объ немъ, дипломатическія заявленія его были не менѣе энергичны, чѣмъ и вызвавшія ихъ демонстраціи. Главный клерикаль-

ный нашъ органъ „Univers“ пришлось подвергнуть запрещенію, а усердствовавшихъ епископовъ вызвать въ Парижъ.

Мнѣ достовѣрно извѣстно, что самый лрыи изъ нихъ, епископъ Нимскій, получивъ отъ кабинета несомнѣнные доказательства тяжелыхъ и опасныхъ затрудненій, причиненныхъ его поступкомъ, означеніи котораго слѣдовало подумать раньше, изъявилъ горячее сожалѣніе и обѣщалъ не впадать въ тѣ же ошибки.

Нѣмецкое правительство требовало преслѣдованія одного изъ епископовъ; быть можетъ, оно и по настоящее время еще не взяло своего требованія обратно, такъ какъ лица вполне компетентныя утверждаютъ, что дѣло далеко не улажено. Весьма интересно было бы знать, былъ ли гнѣвъ Бисмарка серьезный или напускной? Многие полагаютъ, не безъ основанія, что онъ раздулъ эту исторію и показалъ когти Франціи съ цѣлью ускорить въ рейхстагѣ рѣшеніе военнаго закона. Съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ старался вовлечь и другія правительства въ анти-клерикальную политику, а потому очень можетъ быть, что онъ желалъ ослабить оппозицію нѣмецкаго духовенства, оказавшуюся гораздо болѣе энергичною, чѣмъ онъ могъ предвидѣть, доказавъ ему, что ультрамонтанство подвергается всюду гоненіямъ и не можетъ рассчитывать на поддержку извнѣ. Но что бы ни было, наше правительство пережило минуту сильной тревоги, сильной до того, что оно сочло нужнымъ приостановить торги на продажу стараго оружія, признаннаго военнымъ министерствомъ негоднымъ къ употребленію. Нѣмецкая политика, на мой взглядъ, до того поглощена теперь заботами иного свойства, что мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы кн. Бисмаркъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ вывести Францію изъ терифнія и принудилъ ее взяться снова за оружіе. Я склоненъ скорѣе вѣрить въ искренность Молотке, когда онъ говорилъ въ рейхстагѣ, что Германія не желаетъ территориальныхъ приращеній и была бы отягощена новымъ присоединеніемъ французской провинціи. Однако же есть одинъ очень странный и поразительный фактъ, это—то, что многія нѣмецкія газеты, находящіяся въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ князю-президенту, страшно преувеличиваютъ успѣхи реорганизаціи военныхъ силъ Франціи, какъ относительно численности, такъ и относительно военныхъ припасовъ. Пруссакки обладаютъ вообще такою точностью и имѣютъ такіа вѣрныя свѣдѣнія, что непонятно ихъ заблужденіе въ дѣлѣ вооруженія Франціи. Конечно, военная реорганизація сдѣлала у насъ нѣсколько шаговъ впередъ, несмотря на недостатокъ энергіи какъ въ руководящихъ сферахъ, такъ и въ исполнительныхъ, но она еще далеко не достигла той степени развитія, которую нѣмецкія газеты ей умышленно приписываютъ. Быть можетъ, это пре-

увеличеніе есть своего рода давленіе, которое употребляется съ цѣлью склонить германскій парламентъ на сторону требованій фельд-маршала Мольтке.

Въ послѣднее время здѣсь всѣ были живо заинтересованы поѣздомъ австрійскаго императора въ С.-Петербургъ, нѣкоторые публицисты дѣлали по поводу ея самыя смѣлыя предположенія. Такъ какъ всегда легко вѣрится въ то, чего желаешь, и тѣмъ легче поддаешься этому искушенію, чѣмъ менѣе подчиняешься разсудку, то и въ настоящемъ случаѣ пренебрегли самымъ естественнымъ объясненіемъ факта и не только перестали видѣть въ немъ простое продолженіе любезностей, которыми еще въ прошедшемъ году обмѣнялись Россія и Австрія, но забыли даже и то, что примиреніе между правительствами послѣдовало при содѣйствіи императора Вильгельма. Посѣщеніе Петербурга Францемъ-Иосифомъ предпочли толковать себѣ иначе, стали усматривать въ немъ намѣреніе отторгнуть Россію отъ союза съ Германіею и освободить одновременно Австрію отъ преобладанія Пруссіи. Не мудрено отгадать дальнѣйшее развитіе этого беспочвеннаго толкованія. Россія и Австрія, отдѣлившись отъ Германіи, неизбѣжно должны сблизиться съ Франціей и образовать съ ней союзъ, который дастъ намъ возможность отплаты. Наше правительство ни на минуту не увлеклось этими фантазіями, въ этомъ должно отдать ему полную справедливость, и правительственные органы не переставали предостерегать публику отъ легкомысленныхъ заблужденій. Очевидно, что свиданіе двухъ императоровъ не измѣнило ничего въ положеніи Франціи относительно остальной Европы. Союзъ трехъ императоровъ продолжаетъ существовать и укрѣпляться, и вліяніе его на западную Европу будетъ выражаться поддержаніемъ *statu quo*; говоря иначе, въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго для удовлетворенія узавленного самолюбія Франціи. Къ этому убѣжденію, наконецъ пришли всѣ, и одна изъ нашихъ газетъ высказала это недавно въ довольно остроумной формѣ: она говоритъ, что Франціи въ Европѣ предоставленъ полный выборъ союзовъ, подъ условіемъ не нарушать мира и уважать неприкосновенность установившагося порядка вещей, т.-е. не предпринимать ничего и не просить никого ни о чемъ.

Европѣ свойственно желать продленія *statu quo*, и въ предѣлахъ его—союзъ державъ несомнѣнно благопріятенъ для германской имперіи, но ни одинъ трезвый умъ никогда не могъ бы вообразить, чтобы Россія или Австрія имѣли намѣреніе нанести или допустили бы нанести новый ущербъ силамъ Франціи. Намъ косвенно внушаютъ необходимость сидѣть смирно; для всѣхъ тѣхъ, кто понимаетъ, что истинный интересъ Франціи состоитъ въ томъ,

чтобы не заводить никакихъ внѣшнихъ распрей до поры, до времени, это внушеніе не представляется особенно стѣснительнымъ.

Союзъ трехъ императоровъ гарантируетъ дѣйствительно поддержаніе *status quo* западной Европы, объ этомъ никто спорить не станетъ; но люди компетентные утверждаютъ, что вопросъ этотъ нѣсколько измѣняется относительно Востока. Впрочемъ, почти уже достоверно извѣстно, что Австрія, годъ тому назадъ, отклонилась отъ политики Меттерниха и отказалась отъ мысли отстаивать съ прежней энергіей догматъ неприкосновенности оттоманской имперіи. И потому здѣсь считаютъ возможнымъ, что переговоры, которые велись въ Петербургѣ, касались будущихъ судебъ Турціи, и я не стану утверждать, чтобы подобное предположеніе намъ особенно нравилось. Опасаются разрѣшенія этого крупнаго вопроса до того времени, когда Франція займетъ не первенствующее мѣсто, какъ неловко выразился Ладмиро въ рѣчи, которую правительству пришлось опровергнуть, но снова приобрѣтетъ то положеніе и то вліяніе въ средѣ великихъ державъ, на которыя она имѣетъ законныя права. Судя по нѣкоторымъ слухамъ, исходящимъ изъ дипломатическихъ кружковъ, но которые мнѣ кажутся преждевременными, уже теперь послѣдовало окончательное соглашеніе относительно восточнаго вопроса, развязка котораго такимъ образомъ считается близкой. Говорятъ, что ожидаютъ, для приведенія въ исполненіе выработанныхъ мѣръ, только минуты, когда оттоманская порта окажетъ свою несостоятельность въ дальнѣйшему существованію. Мнѣ не совсѣмъ вѣрится, чтобы дѣло уже зашло такъ далеко, и одна изъ причинъ моего мнѣнія заключается въ томъ, что Англія послѣ двойного кризиса, избирательнаго и правительственнаго, черезъ который она только что прошла, не могла еще успѣть обсудить окончательно и произнести своего приговора касательно столь важнаго вопроса внѣшней политики.

Одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ Франція главнымъ образомъ обязана настоящимъ положеніемъ своихъ дѣлъ, министръ „съ неотятченнымъ сердцемъ“, объявившій войну 1870 года и предавшій Францію въ руки пруссаковъ, словомъ, Эмиль Олливе собирается надѣясь снова обратить на себя вниманіе публики. Избранный въ члены академіи во время бытности своей министромъ, не во имя дѣйствительныхъ заслугъ, а вслѣдствіе простого и некрасиваго подслуживанія и низкопоклонства, Олливе, проживавшій въ Италіи съ самаго начала войны, вернулся недавно въ Парижъ и потребовать, на основаніи своихъ правъ, торжественнаго приѣма себѣ въ ареопагѣ знаменитостей. Ареопагъ, волей-неволей, развернетъ передъ нимъ двери и объятія въ началѣ марта.

Академія очень смущена и пристыжена, но это ей по дѣломъ;

никого винить она не можетъ за то, что сама избрала въ свои члены, единственно за званіе министра, чловѣка, не ознаменовавшаго себя ни на поприщѣ литературы, ни на политической аренѣ, и способности котораго не успѣли еще опредѣлиться. Мы считаемъ настоящимъ признакомъ времени появленіе на сцену этого господина, которому собственное достоинство предписывало послѣ страшныхъ бѣдствій, отвѣтственность за которыя лежитъ на немъ, оставаться въ тѣни до конца дней своихъ. Наглость, съ которою онъ рѣшается привлечь на себя вновь общественное вниманіе, послѣ такого прошлаго, составляетъ также одну изъ характеристическихъ чертъ бонапартизма. Если, не взирая на катастрофу Меца и Седана, Наполеонъ IV находитъ возможнымъ заявлять о своихъ правахъ на престолъ Франціи, то почему же и Оливье не требовать своего мѣста въ академіи? Предметомъ вступительной рѣчи его будетъ похвальное слово Ламартину, корреспонденція котораго въ настоящее время печатается. Это изданіе обѣщаетъ быть очень обьмистымъ; оно состоитъ уже изъ трехъ томовъ, между тѣмъ оно обнимаетъ лишь первые и самые крупные успѣхи поэта на политической аренѣ, предшествовавшіе его почетной карьерѣ государственнаго дѣятеля, ибо, конечно, нельзя считать политической карьерой Ламартина годы, проведенные имъ во время реставраціи въ Италіи, въ качествѣ секретаря посольства.

Его политическая роль начинается, собственно говоря, только со вступленіемъ его въ палату депутатовъ во время царствованія Лудовика-Филиппа. Оно повредило поэту, не принеся пользы Франціи; чѣмъ мы далѣе подвигаемся по пути современнаго историческаго развитія, тѣмъ становится яснѣе, что февральская революція, въ числу главныхъ двигателей которой долженъ быть причисленъ, конечно, и Ламартинъ, была событіемъ самаго печальнаго свойства, по крайней мѣрѣ для Франціи. Появившіяся въ печати письма далеко не доходятъ до этого періода. Сильнѣйшій интересъ ихъ заключается въ сообщеніи новыхъ фактовъ для подробнаго изученія людей и событій эпохи реставраціи, и въ разоблаченіи характера самого автора. Къ всеобщему удивленію, юный и вдохновенный Ламартинъ не представляетъ разительной разницы отъ Ламартина въ періодъ старости и разочарованія. Одна и та же черта поражаетъ особенно въ обоихъ обликахъ: и тотъ, и другой, отличаются суетливостью, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ преобладаютъ самые прозаическіе денежныя расчеты.

Самое крупное литературное явленіе настоящаго момента—новый романъ Виктора Гюго, озаглавленный „*Девяносто-третій годъ*“. Сюжетъ его, какъ гласитъ самое названіе, взятъ изъ эпохи первой

революціи и изображаетъ эпизодъ изъ Вандейской войны. Два члена одного и того же семейства, дядя и внучатный племянникъ: маркизъ Лантенакъ и *ci-devant* виконтъ Гованъ приходятъ въ столкновеніе, находясь въ различныхъ лагеряхъ. Въ концѣ-концовъ, дядя взятъ въ плѣнъ племянникомъ; такъ какъ онъ объявленъ внѣ закона, то и обреченъ гильотинѣ безъ всякаго суда. Но маркизъ Лантенакъ, который въ продолженіе всего романа выставляется, какъ олицетвореніе феодальнаго звѣрства, тронулъ однакожъ сердце племянника, спасши отъ пожара троихъ малютокъ съ опасностью жизни и не взирая на страхъ попасть въ руки враговъ. Молодой республиканскій вождь, пораженный этою чертою самоотверженія, освобождаетъ своего дядю, чѣмъ навлекаетъ на себя кару революціоннаго закона; комиссаръ комитета общественной безопасности, сопутствовавшій ему въ экспедиціи, въ качествѣ руководителя и наблюдателя, немедленно арестуетъ его. Для усиленія драматическаго интереса повѣствованія, авторъ избралъ комиссара, котораго онъ окрестилъ именемъ Симурдуэна, изъ среды духовенства: это — бывший аббатъ и воспитатель юнаго виконта, посвятившій его въ идеи и принципы революціи, словомъ, его „духовный отецъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. Симурдуэнъ искренно привязанъ къ молодому Говану, но онъ воплощеніе якобинской суровости и абсолютнаго правосудія. Въ силу этого онъ не болѣе Брута способенъ на милосердіе, и Гованъ погибаетъ на эшафотѣ; но болѣе доступный нѣжнымъ чувствамъ, чѣмъ Брутъ, Симурдуэнъ застрѣливается въ тотъ же моментъ, когда падаетъ голова его ученика.

Вотъ содержаніе фабулы романа, написаннаго въ тонѣ всѣхъ послѣднихъ сочиненій Виктора Гюго: слогъ его, постоянно чувствительный, принимаетъ мѣстами величественный и даже грандіозный оттѣнокъ; онъ изобилуетъ описаніями, и изъ нихъ нѣкоторыя отличаются дѣйствительною красотою, но всѣ болѣе или менѣе обезображены нагроможденіемъ ничтожныхъ, часто смѣшныхъ, деталей. Въ результатъ: сотня превосходнѣйшихъ страницъ въ массѣ хлама. Самую неудачную часть романа представляетъ изображеніе, впрочемъ, крайне истасканное въ послѣднее время, Парижа во время революціи и эпизодическая сцена, въ которой выступаютъ *три Титана* или, какъ ихъ иначе называетъ авторъ, *три Церберы* революціи, т.е. Марать, Дантонъ и Робеспьеръ. Наоборотъ, прелестны сцены, посвященныя описанію трехъ дѣтей, которыя затѣмъ появляются въ различныхъ перипетіяхъ дѣйствія и спасителемъ которыхъ въ развязкѣ оказывается маркизъ Лантенакъ.

Дѣти всегда приносили счастье современному „Циклопу“ поэзіи и художества.

Н.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ

по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Сѣченова.

I.

Между всѣми критиками и рецензентами моей книги „Задачи Психологіи“ ¹⁾ первое мѣсто по авторитету въ научномъ мірѣ безспорно принадлежитъ профессору Сѣченову ²⁾. Притомъ же онъ отнесся съ особеннымъ интересомъ къ возбужденнымъ психологическимъ вопросамъ. Недовольствуясь опроверженіемъ моихъ взглядовъ, точки отправленія и приемовъ, проф. Сѣченовъ представилъ, въ особой статьѣ ³⁾, опытъ научнаго объясненія психическихъ явленій, который, какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣло, не долженъ пройти незамѣченнымъ.

Въ „Замѣчаніяхъ“ проф. Сѣченова на мою книгу излагаются полемическіе доводы противъ философскаго способа изслѣдованія психологическихъ вопросовъ. Проф. Сѣченовъ тоже думаетъ, что психологія наука неустановившаяся; но тѣ предпосылки и тѣ приемы, которые предлагаются въ моей книжкѣ, не въ состояніи, по его мнѣнію, придать ей характера положительной науки. Исходные мои пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ—психическаго и матеріальнаго—не аксіомы, и требуютъ строгой научной провѣрки. Переходя, при изслѣдованіи психическихъ явленій, сразу отъ конкретныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, я впалъ, по мнѣнію критика, въ ту же ошибку, которая погубила всю философію. Что касается до способа разработки психическихъ фактовъ, то я признаю его орудіемъ—психическое зрѣніе, матеріаломъ—проявленіе человѣческаго духа въ наукѣ, промышленности, искусствѣ и проч., методомъ—критическое умозрѣніе. Но особаго психическаго органа для анализа, говоритъ проф. Сѣченовъ, нѣтъ вовсе; историческія проявленія психической жизни не даютъ ключа къ разясненію психической жизни, да и самъ я не пользуюсь этимъ матеріаломъ, ограничиваясь въ своихъ изслѣ-

¹⁾ Спб. 1872.—Предварительно была напечатана отдѣльными статьями въ «Вѣсти. Евр.» 1872: янв., февр., мартъ и апрѣль.

²⁾ Вѣсти. Евр., нояб. 1872.

³⁾ Вѣсти. Евр., апрѣль 1873 г.

дованійхъ разсмотрѣніемъ обыденныхъ психическихъ фактовъ; критическое умозрѣніе, безъ провѣрочныхъ средствъ, приводитъ или къ ошибочнымъ выводамъ, какъ напримѣръ въ томъ, что я говорю о самопроизвольности, или къ совершеннымъ абсурдамъ, каковы мои заключенія о строеніи души и ея раздвоеніи.

Въ концѣ замѣчаній на мою книгу проф. Сѣченовъ общаетъ, въ свою очередь, попытаться набросить въ общихъ чертахъ планъ разработки психическихъ фактовъ, время для которой, и по его мнѣнію, уже наступило. Общаніе это проф. Сѣченовъ выполнилъ, какъ сказано, въ апрѣлѣ 1873 года. Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: „Кому и какъ заниматься психологіей“, онъ проводитъ мысль, что разрѣшить психологическія задачи можетъ одна лишь фізіологія, и что пристальное изученіе психическихъ явленій и процессовъ открываетъ между ними и рефлексамъ поразительную аналогію, указывающую на ближайшее между ними сродство. Этимъ всякое другое ихъ объясненіе упраздняется само собою.

Я разсмотрю, послѣдовательно, сперва выставленные проф. Сѣченовымъ аргументы противъ меня, а потомъ его попытку установить, при помощи однихъ фізіологическихъ изслѣдованій, начала психологіи, какъ науки.

Что психологія—наука неустановившаяся въ своихъ выводахъ—это не подлежитъ сомнѣнію и съ этимъ, конечно, никто спорить не станетъ. Но въ самомъ началѣ замѣчаній на мою книгу, проф. Сѣченовъ, утверждая то же самое, приводитъ въ подкрѣпленіе такіе аргументы, которые едва ли можно назвать убѣдительными. Никто, по его мнѣнію, не устроиваетъ свою жизнь на основаніи данныхъ, выработанныхъ психологіей; всякій руководствуется психологическими правилами, выработанными обыденной жизнью, безъ провѣрки ихъ наукой. Это одинъ аргументъ. Другой, не болѣе убѣдительный, тотъ, что еслибъ психологи жили по научному, то результаты ихъ образа жизни давно бы проникли въ публику, подобно тому, какъ въ нее проникаютъ свѣдѣнія, вырабатываемыя гігіеной и діететикой. Наконецъ, третій аргументъ: психологи разныхъ школъ имѣютъ совершенно различныя мнѣнія объ одномъ и томъ же психологическомъ предметѣ, а физики всѣхъ странъ согласны между собою относительно звука, свѣта, электричества.

Я думаю, что въ основаніи всей этой аргументаціи лежитъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Тотъ или другой взглядъ на психологическіе предметы совершенно иначе рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы уголовной практики и науки воспитанія. Каждый изъ насъ, и безъ сомнѣнія самъ проф. Сѣченовъ, знаетъ по собственному опыту, что такое или другое рѣшеніе множества психологическихъ вопросовъ

имѣть огромное вліяніе на нашу практическую дѣятельность и ежедневную жизнь, никакъ не менѣе правилъ гигиены и діететики. Что же касается до разногласія психологовъ въ объясненіи психическихъ фактовъ, то оно, правда, не меньше, но, конечно, и не больше разногласія между геологами, химиками и физиологами. Собственно о психическихъ фактахъ нѣтъ или почти нѣтъ спора, какъ между учеными по части естествознанія.

Впрочемъ, эти недоразумѣнія не имѣютъ прямого отношенія къ полемикѣ проф. Сѣченова противъ меня, и потому я не буду на нихъ останавливаться. Перехожу къ его возраженіямъ.

Первый пунктъ. Проф. Сѣченовъ находитъ, что исходные пункты для отличенія въ человѣкѣ двухъ началъ, психическаго и матеріальнаго, не провѣрены у меня строго научнымъ образомъ. Главнѣйшими изъ такихъ исходныхъ пунктовъ критикъ признаетъ слѣдующіе: 1) различіе въ сознаніи чисто психическихъ актовъ отъ впечатлѣній отъ собственнаго тѣла; 2) сознаніе духовной свободы по отношенію къ мыслямъ и чувствамъ, и 3) сознаніе духовной свободы по отношенію къ поступкамъ. Кромѣ того, проф. Сѣченовъ насчитываетъ въ моей книжкѣ нѣсколько второстепенныхъ доводовъ въ доказательство существованія двухъ началъ въ человѣкѣ. Тѣ и другіе онъ подвергаетъ критикѣ и находитъ ихъ недостаточными.

Если имѣть въ виду одни сознаваемые отличія психическихъ фактовъ отъ матеріальныхъ, то эти отличія будутъ, по его мнѣнію, продуктами одного лишь собственнаго самосознанія человѣка. На чемъ же основана увѣренность, что всѣ люди сознаютъ эти различія одинаковымъ образомъ? Вотъ на чемъ: 1) на словесныхъ показаніяхъ людей, что внѣшнее впечатлѣніе выражается въ сознаніи болѣе рѣзкими признаками, чѣмъ представленія о тѣхъ же впечатлѣніяхъ; 2) на томъ, что реакціи на реальныя впечатлѣнія и на ихъ воспроизведеніе въ формѣ представленія различны (напримѣръ, когда *вижу* камень, который нравится, я наклонюсь чтобы его поднять; когда же *представляю* себѣ тотъ же камень, то не дѣлаю такого движенія); и 3) на сравненіи условій происхожденія того и другого акта, изъ котораго выводится, что реальное впечатлѣніе предполагаетъ реальный объектъ, который его производитъ, а представленіе его не предполагаетъ. Последнее, впрочемъ, скорѣе доказываетъ, что различіе очень слабо, когда его надо доказывать и выводить.

Г. Сѣченовъ находитъ, что приведеннымъ повѣрочнымъ фактамъ для отличенія впечатлѣнія отъ представленія довѣряться нельзя. Единственное сознаваемое различіе между реальнымъ впечатлѣніемъ и его воспроизведеніемъ есть яркость ощущенія. Но это таковой субъективный признакъ, который не подлежитъ повѣрѣ и ничего не доказываетъ.

зываетъ. Точно также и разница реакцій на реальныя впечатлѣнія и ихъ воспроизведеніе. У иныхъ реакціи на послѣднія ничѣмъ не отличаются отъ реакцій на первыя. Стало быть, различіе впечатлѣній и представленій покоится на одномъ самосознаніи, на которое нельзя безусловно полагаться въ научномъ изслѣдованіи.

Что касается сознанія человѣка о своей духовной свободѣ по отношенію къ своимъ чувствамъ и мыслямъ, то я же самъ признаю, что есть и противоположное мнѣніе, отрицающее эту свободу. Стало быть и этотъ пунктъ шатокъ.

Это противоположное мнѣніе довольно подробно изложено проф. Сѣченовымъ въ концѣ его замѣчаній. Для связнаго обозрѣнія его аргументаціи я представляю его здѣсь.

Профессоръ Сѣченовъ не признаетъ свободнаго отношенія человѣка къ мыслямъ и чувствамъ. Человѣкъ можетъ, по его мнѣнію, вызывать по произволу представленія или мысли сравнительно въ очень скромныхъ размѣрахъ, преимущественно тѣ, которыя стоятъ въ болѣе или менѣе близкой связи съ мыслями, занимавшими его передъ тѣмъ. Но даже и эта ограниченная власть есть мнимая. Данный мотивъ вызываетъ къ сознанію ассоціированныя представленія. Пока ассоціація не исчерпана, мы какъ будто легко, по произволу, вызываемъ ихъ; а разъ она исчерпана, мы, несмотря на силу мотива, продолжающаго дѣйствовать, затрудняемся. Но въ обыденной жизни мотивъ всегда опредѣляется занятіями данной минуты, или обстоятельствами, дѣлами и проч. Мы придумываемъ, усиливаемся что-нибудь вспомнить для какого-нибудь дѣла, иначе были бы сумасшедшими. Наконецъ, результатъ этихъ усилій чисто случайный: иногда онъ имъ соотвѣтствуетъ, иногда появляется, когда усиліе прекратилось. Самый процессъ отыскиванія представленія или мысли, припоминаніе, есть, очевидно, реальный, но весьма темный актъ, въ которомъ мы отличаемъ съ нѣкоторою ясностью только два пункта: 1) сознаніе перерыва ассоціаціи, и 2) желаніе вернуть утраченное. Но ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ ничего произвольнаго. Съ другой стороны, мы не въ силахъ подавить въ себѣ мысль непосредственно. Значить, и въ отрицательномъ смыслѣ, свободы по отношенію къ представленіямъ и мыслямъ не существуетъ. Только благодаря тому, что человѣкъ не имѣетъ надъ мыслями никакой власти, мышленіе и получаетъ характеръ непрерывной цѣпи, звенья которой послѣдовательно вытекаютъ другъ изъ друга.

Всѣ эти соображенія вполне прилагаются и къ чувствамъ.

Наконецъ, что касается свободы надъ поступками, то профессоръ Сѣченовъ не касается этого предмета въ своихъ замѣчаніяхъ на мою книжку, но за то подробно анализируетъ самопроизвольность

дѣйстви въ своей статьѣ: „Кому и какъ разрабатывать психологію“. Я разберу этотъ анализъ въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же представлю, только для связи, главнѣйшіе его результаты. Психологическія ученія о волѣ, по мнѣнію профессора Сѣченова, предполагаютъ, что заучиваніе (въ зрѣломъ возрастѣ) движеній совершается подъ вліяніемъ сознаваемыхъ разумныхъ цѣлей, а успѣхъ зависитъ отъ доброй воли дѣйствующаго; что воля всегда властна пускать въ ходъ всѣ извѣстныя дѣйствующему формы движеній; что воля не есть безличный агентъ, только распоряжающійся движеніемъ, а дѣятельная сторона разума и моральнаго чувства. Физиологическія изслѣдованія приводятъ критика къ заключенію, что всякое произвольное движеніе есть заученное подъ вліяніемъ условій, создаваемыхъ жизнью; что воля можетъ только вызывать, прекращать, усиливать или ослаблять движенія привычныя; что чѣмъ движеніе привычнѣе, тѣмъ внѣшніе къ нему импульсы неуловимѣе; а неуловимость импульса и есть характеристическая черта произвольныхъ движеній.

Затѣмъ, въ перенесеніи дѣйствующимъ лицомъ внѣшняго импульса къ поступку на самого себя, на я, ученый критикъ видитъ ошибочное объясненіе дѣйствительныхъ фактовъ, и подробно слѣдитъ за тѣмъ, какъ эта ошибка появляется сперва въ дѣтствѣ и потомъ незамѣтно укореняется въ сознаніи въ зрѣломъ возрастѣ.

Разсмотрѣвъ главные мои доводы къ различенію въ человѣкѣ двухъ началъ, психическаго и матеріальнаго, профессоръ Сѣченовъ переходитъ къ разбору моей критики матеріализма, изъ которой у меня вытекаетъ выводъ, что душа есть отличное отъ тѣла, самостоятельное, самодѣятельное и свободное начало.

Прежде всего профессоръ Сѣченовъ рѣшительно отрицаетъ, будто бы современные физиологи стараются объяснить духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала. Физиологъ знаетъ, говоритъ г. Сѣченовъ, „что вся существенная сторона нервной, т.-е. соматической дѣятельности, стоящей наиболѣе близко къ психической жизни, не выяснена даже на столько, чтобъ сказать, какой изъ извѣстныхъ физическихъ дѣятелей играетъ существенную роль въ нервномъ актѣ“. „Психическія явленія,—говоритъ далѣе критикъ—составляютъ для натуралистовъ несравненно болѣшую загадку, чѣмъ для гуманистовъ“.

Противъ отрицанія самостоятельности и самодѣятельности души на томъ основаніи, что психическая жизнь возможна только при цѣлости мозга и нервовъ, я привожу, что растенія и животныя тоже волюнѣ зависятъ отъ окружающей среды, но имѣютъ же свою долю самобытности и самодѣятельности. Профессоръ Сѣченовъ замѣчаетъ, что если подъ самобытностью разумѣть самостоятельность, то я про-

творѣчу себѣ, утверждая въ одно время и то, что организмы самостоятельны, и то, что они вполне зависятъ отъ окружающей среды. „Что же касается до самодѣтельности,—продолжаетъ критикъ,—то подъ этимъ нельзя разумѣть ничего иного, кромѣ способности развивать изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, какую-нибудь дѣятельность“. Но въ отношеніи животнаго, наука строго доказываетъ, что оно не творитъ силъ, а всякая дѣятельность предполагаетъ силу.

Повтореніе той же ошибочной мысли профессоръ Сѣченовъ находитъ у меня и въ другомъ мѣстѣ, по поводу сравненія души съ животными и растеніями, гдѣ я будто бы утверждаю, что въ растительные и животные организмы приходятъ чуждые имъ *по природѣ* воздухъ и минеральныя вещества. Это недоразумѣніе. Я никогда не утверждалъ, что воздухъ и минеральныя вещества чужды физическимъ организмамъ „по природѣ“. Въ этомъ можно удостовѣриться, справившись съ стр. 31 „Задачъ Психологіи“, на которую профессоръ Сѣченовъ ссылается.

Изъ того, что представленія не суть фотографическіе оттиски внѣшнихъ впечатлѣній, я вывожу, что душа самодѣтельна. Профессоръ Сѣченовъ примѣрами изъ физики доказываетъ, что „своеобразность результирующихъ явленій и ихъ отличіе отъ производящихъ, нисколько не указываетъ еще на различіе между тѣмъ и другими *по существу*“. О созданіяхъ воображенія, не похожихъ на дѣйствительныя существа, критикъ замѣчаетъ, что они представляютъ „небывалые въ мірѣ сочетанія *бывалыхъ* впечатлѣній“. Самостоятельное творчество души было бы, по его мнѣнію, доказано, еслибъ человѣкъ могъ творить сочетанія, въ которыхъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ *дѣйствительно неизжитой* элементъ“.

Я ссылаюсь (стр. 28) на Вундта въ подтвержденіе мысли, что наши представленія о внѣшнихъ впечатлѣніяхъ—результатъ сложной психической работы, а не непосредственные ихъ оттиски. Профессоръ Сѣченовъ удостовѣряетъ, что въ книгѣ Вундта есть указаніе на несомнѣнную связь между организаціей глаза и уха съ одной стороны, и нѣкоторыми качествами зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній съ другой.

Я привожу противъ мысли, что душа животныхъ заключаетъ въ себѣ зачатки всѣхъ душевныхъ способностей человѣка, тотъ общезвѣстный фактъ, что у животныхъ нѣтъ и намѣка на способность извѣщать статую, нарисовать картину, написать письмо и проч. Профессоръ Сѣченовъ замѣчаетъ, что, во-первыхъ, еслибъ разложить каждую изъ этихъ способностей на составные элементы и затѣмъ уменьшить каждый изъ послѣднихъ въ миллионы разъ, то можетъ быть

зачатки этих элементарных способностей оказались бы на лицо и у животных. По крайней мере данные в пользу присутствия эстетического чувства у некоторых животных есть. Притом, и я не отказываю животным в уме; а критик полагает, „что для рисования, черчения и писанья едва ли что нужно с психической стороны, кроме развитого до человеческой степени ума и эстетического чувства“.

Вот все доводы проф. Свченова против моей аргументации в пользу особого самостоятельного и самостоятельного психического начала. В тесной связи с этими находятся и замечания.

По второму пункту, — о том, будто бы я перехожу сразу от конкретных фактов к общим началам. Профессор Свченков сильно нападает на меня за попытку объяснять конкретные факты общими началами. Философские системы погибли, по его мнению, не оттого только, что силлись вывести весь мир из какого-нибудь одного начала, но еще и оттого, что считали вообще возможным объяснить что бы то ни было общим началом. (Была, впрочем, как видно из последующего, и третья причина). Естественные науки тоже признают общее начало — материю, и переносят на нее общие свойства, выработанные изучением конкретных явлений, не забывая, однако, ни на минуту, что эти свойства не более, как отвлечение от реальных фактов, которые представляются ежеминутно, тогда как за общим понятием материи скрывается чисто логическое отвлечение и вывод из противоположения материального пространства, не наполненного веществом. Общие свойства материи осязательны, если их отнести к конкретной материальной форме; в приложении же к родовому понятию они становятся необходимыми ее атрибутами только в силу логического мышления. Вот почему в естественных науках нет ни одного объяснения, вывода, открытия, которое выходило бы из представления о материи, как общем начале. Натуралист опирается постоянно на общие свойства материи, так как в их основе лежат материальные факты или отношения. Материя, как общее начало, представляет идеальную точку, в сторону которой направлены усилия натуралистов; но они идут к ней, руководствуясь не ею, а ближайшими точками новых горизонтов, которые раскрываются перед наукою. Я же, вместе с философами прежнего закала, стараюсь объяснять факты необъяснимым, которое может служить общим началом, даже служить путеводной звездой в изысканиях, но не может ничего объяснять. Поступать так, значить приниматься за вещь не с начала, а с конца.

В этой массе контр-аргументов, выставленных проф. Св-

теплымъ противъ основныхъ моихъ выводовъ, я могу разглядѣть только одно капитальное возраженіе; всѣ прочіе или къ нему сводятся или—плодъ недоразумѣній, которыми, какъ извѣстно, преисполнена русская земля. Недоразумѣніе—это наша специфическая болѣзнь. Отчего она происходитъ, я ужъ не знаю. Въ настоящемъ случаѣ я позволю себѣ обвинять проф. Сѣченова. Читая мою книжку, онъ почему-то представилъ себѣ, что я поставилъ себѣ задачею подогрѣть нѣмецкія философскія доктрины, давно поблекшія, и возражаетъ противъ философскаго идеализма, въ увѣренности, что попадаетъ въ меня. Какъ это сдѣлалось? Мнѣ кажется очень просто. Критикъ не далъ себѣ труда внимательно прочесть мою книжку. Иначе я не могу объяснить себѣ, какими образомъ онъ могъ приписать мнѣ то, чего я не говорилъ и чего не думаю,—даже то, противъ чего я полемизирую. Доказательства на лицо. Гдѣ же и когда выдавалъ я отвлеченныя начала за способъ объясненія конкретныхъ явленій? Кто прочелъ, хотя бѣгло, главы о процессахъ мышленія, о произвольной дѣятельности и заключеніе, тотъ меня въ этомъ не упрекнетъ.

Откуда взялъ проф. Сѣченовъ, что я предполагаю, будто созданія нашего воображенія представляютъ сочетанія *небывалыхъ* фактовъ? Какъ онъ могъ придти къ заключенію, что самостоятельность творчества можетъ мнѣ представляться въ смыслѣ введенія въ созданіе неземныхъ элементовъ? Какъ могъ проф. Сѣченовъ приписать мнѣ желаніе доказывать различіе матеріальныхъ и психическихъ явленій *по существу* и вообще изслѣдовать существо, природу чего бы то ни было? Когда какой-нибудь анонимный критикъ приписываетъ вашъ взглядъ на психическія явленія тому, что вы оплакиваете отмигну крѣпостного права или что у васъ двоится въ глазахъ, на это можно не отвѣчать; но нельзя молчать, когда такой серьезный и почтенный ученый, какъ проф. Сѣченовъ, опровергаетъ, подъ видомъ вашихъ, чужія мысли; нельзя потому, что чрезъ это читатель, готовый повѣрить ему на слово, вводится въ заблужденіе и получаетъ о книгѣ совершенно превратное понятіе.

Критикъ упрещаетъ меня въ такомъ же перетолкованіи его мыслей. По его мнѣнію, я впадаю въ большую ошибку, приписывая ему полное отождествленіе психическихъ фактовъ съ рефлексами. Но, во-первыхъ, я нигдѣ, ни малѣйшимъ намекомъ, не связываю такого отождествленія съ книгой или именемъ проф. Сѣченова, который точно также, какъ Локъ, Дарвинъ или другой ученый, не могутъ отвѣчать за всѣ выводы, сдѣланные изъ ихъ изслѣдованій; а, во-вторыхъ, я думаю, и ниже постараюсь доказать, что заключеніе, введенное мною изъ ученія о рефлексѣхъ головного мозга, гораздо

ближе подходит къ смыслу этого ученія, чѣмъ къ моимъ взглядамъ тѣ мысли, которыя мнѣ приписываютъ проф. Сѣченовъ.

Въ серьезной ученой полемикѣ, — а другой между проф. Сѣченовымъ и мною и быть не можетъ, — особенно было бы желательно по возможности устранить недоразумѣнія, только путающія дѣло, тѣмъ болѣе, что и безъ нихъ между нашими взглядами есть капитальное различіе, которое необходимо выяснить и разрѣшить въ томъ или другомъ смыслѣ. Это различіе и вызвавшее, какъ я полагаю, проф. Сѣченова на споръ и на систематическое изложеніе своихъ воззрѣній, есть вопросъ о сознаніи и самосознаніи и самопроизвольности или о волѣ. При настоящемъ состояніи научнаго знанія, не отыскиваніе и объясненіе сущностей, не противоположеніе психическаго матеріальному, не значеніе логическихъ отвлеченій можетъ быть предметомъ изслѣдованій и разногласій въ области психологій. Всѣ эти вопросы уже разъяснены болѣе или менѣе удовлетворительно и отодвинуты на второй планъ. Мѣсто ихъ заступилъ другой вопросъ, ждущій своей очереди — вопросъ о сознаніи и волѣ. Пока онъ не рѣшенъ, мракъ и путаница будутъ господствовать въ психологій и тѣсно съ ними связанныхъ отдѣлахъ знанія и практической дѣятельности. По моему глубокому убѣжденію, которое вѣроятно раздѣляютъ многіе, вопросъ этотъ есть теперь главный, господствующій надъ всѣми въ психологій и къ которому всѣ они сводятся. Что такое сознаніе? Можемъ ли мы направлять свою психическую и вѣдѣнную дѣятельность по произволу или не можемъ, и если можемъ, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ границахъ? Отъ такого или другого рѣшенія этого основного вопроса зависятъ тотъ или другой взглядъ на творчество, на умственные процессы, на отвѣтственность, вѣнчательность и заслугу, на добро и зло, на воспитаніе, вообще на нравственные элементы жизни и дѣятельности человѣческихъ единицъ, изъ которыхъ слагаются человѣческія общества. Вопросъ этотъ съ каждымъ днемъ выдвигается впередъ съ болѣею и болѣею настойчивостію. Его выводитъ на первый планъ не одна любознательность, не одинъ научный интересъ, но и ежедневная практическая жизнь. Меня именно этотъ вопросъ особенно занималъ, когда я писалъ „Задачи Психологій“. Изъ-за него я рѣшился выступить передъ публикой съ психологической работой, къ разрѣшенію его она направлена, онъ и навелъ меня на всѣ мои психологическіе выводы. На немъ до того сосредоточились всѣ мои помыслы, что все остальное, что ни дѣлалось по психологій, казалось мнѣ сравнительно незначительнымъ и неважнымъ. За это я и получилъ заслуженный упрекъ со стороны критики. Но сознавая всю его справедливость, я и теперь остаюсь при убѣжденіи, что надъ всѣми психологическими вопросами и за-

дѣлами царить въ наше время вопросъ о сознаніи и самосознаніи, о самопроизвольности, самодѣтельности, о свободной личной инициативѣ человека.

Вопросъ этотъ, какъ онъ мало-по-малу выясняется, становится роковымъ въ наше время. Философія и положительное знаніе не могли до сихъ поръ, несмотря на всѣ усилія, отыскать научнаго его основанія. Стало быть, ни сознанія, ни свободной воли нѣтъ, представленіе о нихъ есть иллюзія? Но попробуемъ остановиться на этомъ выводѣ: придется, идя послѣдовательно, отрицать, какъ самообольщеніе, весь міръ нравственныхъ идей и представленій. Это тоже оказывается невозможнымъ, потому что мы такимъ образомъ пришли бы къ тысячѣ логическихъ и практическихъ нелѣпостей. Такимъ образомъ, мысль находится теперь въ безвыходномъ положеніи. Съ одной стороны, передъ нами наука, съ ея неотразимой аргументаціей, съ другой—логическая и практическая невозможность принять ея окончательные выводы и ихъ неизбѣжныя послѣдствія.

До сихъ поръ мы не придавали особеннаго значенія этой дилеммѣ, не замѣчали или старались не замѣтить противорѣчія, котораго крайніе термины, исключая другъ друга, уживались какъ-то мирно и спокойно въ нашей головѣ. Но съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе, что отыгрываться и отшучиваться отъ роковой дилеммы дальше нельзя, что съ нею жить невозможно, не разрѣшивъ ее научнымъ путемъ.

Къ вопросу о сознаніи и самодѣтельности и приводится, какъ я сказалъ, капитальное различіе между взглядами проф. Сѣченова и моими. Все остальное, въ чемъ мы расходимся, не существенно, не важно, и если онъ думаетъ иначе, то это съ его стороны, повторяю—чистое недоразумѣніе. Идя путемъ естествознанія, проф. Сѣченовъ не находитъ сознанія и самодѣтельности; я пытаюсь, идя другимъ путемъ, найти ихъ. За это мой ученый критикъ причисляетъ меня къ философамъ стараго закала. Но онъ ошибается. Философы стараго закала отъ меня отрекаются; да притомъ, идя дорогой, проторенной философами стараго закала, точно также нельзя открыть научныхъ основаній сознанія и личной инициативы, какъ и слѣдующей дорогой естествознанія.

Отношеніе проф. Сѣченова и мое къ вопросу о сознаніи, самодѣтельности и свободѣ, какъ я его понимаю, вотъ какое: я, по роду своихъ занятій, а можетъ быть и по складу ума, имѣлъ больше поводовъ пристально вглядываться въ вопіющія несообразности отрицанія ихъ въ человѣкѣ; для него, по роду его занятій, напротивъ, съ особенною яркостью отъѣнилась глубокая зависимость психическихъ явленій отъ матеріальныхъ условий. Вслѣдствіе этого, каждый изъ насъ, вѣроятно, что-нибудь просмотрѣлъ, до чего-нибудь не до-

думался, увлекшись тѣмъ, что ему кажется особенно убѣдительнымъ и несомнѣннымъ. Намъ остается теперь, строго держась на научной почвѣ, проверить пути и выводы, которыми каждый изъ насъ пришелъ къ своему заключенію.

Послѣ этого общаго замѣчанія, перехожу къ разбору только тѣхъ возраженій проф. Сѣченова, которыя вызваны существеннымъ различіемъ нашихъ взглядовъ. Прочія я пропущу мимо.

Проф. Сѣченковъ старается доказать, что сознаваемые различія психическихъ и матеріальныхъ фактовъ, или представлений и впечатлѣній, какъ основанныя на одномъ самознаніи (т.-е. сознаніи), не имѣютъ характера достовѣрности, потому что ничѣмъ не могутъ быть проверены. Различіе это сводится только къ степени ихъ яркости. Пускаясь въ такую аргументацію, проф. Сѣченковъ поднимаетъ старые вопросы, давнымъ-давно рѣшенные и играетъ въ опасную игру. Думая опровергнуть меня, онъ подкапывается подъ самыя основанія научнаго знанія вообще.

Начать съ того, что критикъ, совершенно произвольно и ошибочно, сводитъ различіе матеріальныхъ и психическихъ фактовъ на различіе впечатлѣній и представлений о матеріальныхъ впечатлѣніяхъ. Есть тысячи представлений о впечатлѣніяхъ психическихъ, неимѣющихъ съ матеріальными впечатлѣніями ничего общаго. Когда я говорю: „я знаю“, „я думаю“, „у меня есть сознаніе“, все это—представленіе о впечатлѣніяхъ психическихъ, а не матеріальныхъ. Стало быть, если даже допустить, что впечатлѣніе матеріальныхъ фактовъ и представленія о тѣхъ же самыхъ фактахъ, различаются между собою только степенью яркости, то этого никакъ нельзя сказать о впечатлѣніяхъ психическихъ фактовъ, которымъ нѣтъ подобныхъ въ мірѣ внѣшнихъ впечатлѣній, и которыя проф. Сѣченковъ совершенно опускаетъ изъ виду.

Но станемъ на почву, которую критикъ выбралъ, какъ самую для себя удобную. Сравнимъ, по его приглашенію, впечатлѣніе матеріальнаго факта и представленіе о томъ же самомъ фактѣ. *По существу*, впечатлѣніе и представленіе будутъ совершенно одинаковы, и все ихъ различіе ограничится только степенью яркости. Но кто хоть бѣгло прочиталъ „Задачи Психологіи“, тому извѣстно, что я и не думалъ оспаривать, не думалъ доказывать, что внѣшнее впечатлѣніе и представленіе объ этомъ впечатлѣніи различны *по существу*.. Я стоялъ и теперь стою только на томъ, что непосредственное внѣшнее впечатлѣніе, въ то время какъ мы его получаемъ, объясняется дѣйствіемъ на насъ внѣшняго предмета; напротивъ, представленіе о предметѣ, возникая въ насъ и въ то время, когда этотъ предметъ не дѣйствуетъ на наши внѣшнія чувства, доказываетъ нашу психическую способность воспроизводить впечатлѣніе безъ помощи непосредствен-

наго дѣйствія предмета на наши чувства. Другими словами, я указываю на психическое воспроизведеніе (или репродукцію), какъ на психическій фактъ, въ противоположность непосредственному дѣйствию вѣншнаго предмета на наши чувства, результатомъ котораго является вѣншнее впечатлѣніе. Проф. Сѣченовъ можетъ не соглашаться съ послѣдствіями, которыя я вывожу изъ этого различія, но отрицать его едва ли онъ можетъ. А для меня вся сила именно въ этомъ, а вовсе не въ различіи впечатлѣнія и представленія *по существу*, какъ онъ старается доказать.

Далѣе, проф. Сѣченовъ утверждаетъ совершенно согласно съ Тэнномъ, что различить впечатлѣніе отъ представленія мы можемъ только при помощи изслѣдованія ихъ происхожденія. Это, по его мнѣнію, говорить въ пользу ихъ сходства, а не различія. Истина неоспоримая, но изъ которой въ нашемъ спорѣ нельзя сдѣлать никакого полезнаго употребленія, такъ какъ я и не думаю доказывать ихъ различіе по существу. Ужъ если кто можетъ опереться на этотъ аргументъ, то, конечно, я, а не мой критикъ. Мнѣ, для моихъ цѣлей, нужно доказать, что вѣншнее впечатлѣніе и представленіе отличаются другъ отъ друга способомъ непосредственнаго своего происхожденія, и оказывается, что точная повѣрка вполнѣ это подтверждаетъ. А мнѣ больше ничего и не нужно.

Но главная цѣль всей этой аргументаціи противъ меня заключается въ томъ, чтобы ослабить довѣріе къ голосу сознанія. Еслибы это удалось проф. Сѣченову, то онъ, неожиданно для самого себя, какъ новый Самсонъ, разрушилъ бы храмъ положительнаго знанія, которое противъ меня отстаиваетъ, и похоронилъ бы себя подъ его развалинами. Сознаніе есть первое и послѣднее условіе всякой науки, и положительной, и неположительной. Безъ сознанія—ея нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей, мы вынуждены принять его за послѣдній критерій научной истины. Сознаніе есть почва, на которой происходитъ все умственное движеніе человѣка; отнимите его — и оно дѣлается немислимымъ. Поэтому, ратовать противъ сознанія, предостерегать противъ внушеній его голоса, есть одна изъ величайшихъ и удивительнѣйшихъ странностей. Можно предостерегать противъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній, противъ выводовъ, недостаточно провѣренныхъ, противъ увлеченій любимыми мыслями—все это понятно. Но сказать: не довѣрай голосу сознанія! Я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ проф. Сѣченовъ открылъ въ головномъ мозгу аппараты, задерживающіе рефлексы и открылъ аналогію между механизмомъ рефлексовъ и психическихъ отпращиваній, помимо голоса сознанія?

Къ этому предмету я буду имѣть случай возвратиться еще не разъ, разбирая возраженія проф. Сѣченова и его собственные выводы.

Систематическое полное исключение сознания изъ круга изслѣдованій, увѣренность, что безъ него можно обойтись при объясненіи психическихъ явленій, есть ахиллесова пята у почтеннаго ученаго, главный источникъ его ошибочныхъ воззрѣній на психическую жизнь, главная причина безплодности его выводовъ для психологін.

Непосредственную власть человѣка надъ своими мыслями (такую же власть надъ чувствами я никогда не доказывалъ) проф. Сѣченовъ старается опровергнуть тѣмъ, что мы вызываемъ въ себѣ ту или другую мысль подъ вліяніемъ мотива, а въ общественной жизни мотивъ опредѣляется обстановкой, занятіями, иными словами—возбуждается извнѣ. Рядомъ съ этой главной нотой идутъ, переплетаясь съ нею, разныя фіоритуры, цѣль которыхъ показать, что творческій актъ мысли волюнѣ зависитъ отъ условій, не имѣющихъ съ волею ничего общаго. Наша власть вызывать мысли по произволу очень ограничена; гдѣ ассоціація идей прекращается, тамъ мы крайне затруднены вызывать ихъ по произволу; припоминаніе—процессъ очень темный, но что мы въ немъ различаемъ, объясняется помимо произвольности; результатъ напряженія нашей воли относительно мыслей не зависитъ отъ насъ; подавить въ себѣ мысль непосредственно мы не можемъ. Въ заключеніе выводится, что мышленіе только потому и имѣетъ характеръ непрерывной цѣпи, что человѣкъ вовсе не властенъ надъ мыслями.

Ошибка, лежащая въ основаніи всѣхъ этихъ соображеній, заключается въ томъ, что критикъ смѣшиваетъ вещи совершенно различныя. Я нигдѣ не доказывалъ, что человѣкъ имѣетъ надъ своими мыслями безусловную власть. Тѣмъ, что психическіе элементы находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ матеріальныхъ,—а объ этомъ я говорю чуть не на каждой страницѣ,—уже опредѣляется невозможность такой безусловной власти и зависимость нашихъ отношеній къ мыслямъ отъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ отъ состоянія нашего организма. Точно также я никогда и не думалъ доказывать, что всѣ люди имѣютъ власть надъ своими мыслями; охотно допускаю, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ появленіе мыслей, даже въ головахъ развитыхъ и думающихъ людей, происходитъ вслѣдствіе мотивовъ, вызванныхъ внѣшними толчками. Наконецъ, я не только никогда не оспаривалъ, что психическіе процессы, совершающіяся на матеріальной подкладкѣ, имѣютъ и реальный характеръ, но даже допускаю предположеніе, что различные психические процессы локализованы въ мозгу, и высказываю увѣренность, что ближайшія изслѣдованія мозга и нервовъ, современемъ, дадутъ возможность, по состоянію этихъ органовъ, заключать о происходившихъ въ нихъ психическихъ явленіяхъ. Недавніе опыты и наблюденія Фурнье и Феретти, извѣстные мнѣ, къ сожалѣнію, только по газет-

ныя извѣстіямъ, какъ будто подтверждаютъ эти мысли. Но вовсе не въ этомъ дѣло. Вопросъ, поставленный въ „Задачахъ Психологін“ и на который проф. Сѣченовъ не отвѣчаетъ прямыми аргументами, состоитъ въ томъ: имѣетъ ли человѣкъ способность, находясь въ нормальномъ состояніи и когда никакія внѣшнія обстоятельства не мѣшаютъ, вызывать въ себѣ по произволу тѣ мысли и представленія, которыя уже находятся или находились въ его головѣ и не изгладились вовсе изъ его памяти? Я говорю, что онъ имѣетъ эту способность, и ссылаюсь на опытъ, который каждый можетъ, когда ему вздумается, повторить надъ собой. Еслибъ этой способности у человѣка не было, на какомъ основаніи, спрашивается, называли бы мы ненормальными или неполнѣ нормальными тѣ душевныя состоянія, когда человѣкъ не способенъ дѣлать надъ собой такихъ опытовъ, когда онъ, по разнымъ причинамъ, не владѣетъ свободно своими мыслями? Откуда бы взялось, напримѣръ, различеніе пьянаго, сумасшедшаго, ипохондрика или сильно-возбужденнаго страстью отъ здравомыслящаго человѣка?

Мнѣ, можетъ быть, возражать, что опытъ, который я предлагаю, и есть уже мотивъ, вызванный внѣшними обстоятельствами, въ настоящемъ случаѣ споромъ. Но между мотивомъ, необходимымъ вызывающимъ извѣстную мысль и мотивомъ, побуждающимъ насъ привести себя въ такое психическое состояніе, при которомъ мы становимся способными по произволу вызывать свои мысли—разница огромная. Въ первомъ случаѣ есть прямая зависимость вызванной мысли отъ мотивовъ, а во второмъ—рѣшительно никакой. Когда я безпрестанно смотрю на часы, чтобы не пропустить поѣзда желѣзной дороги, понятно, что необходимость ѣхать напоминаетъ мнѣ о часахъ. Но когда, вслѣдствіе спора, я начинаю припоминать наугадъ разныя мысли и представленія, то очевидно, что между споромъ и ими нѣтъ рѣшительно никакой связи, никакого отношенія. Споръ послужилъ только мотивомъ къ извѣстному моему настроенію, необходимому для предложеннаго опыта; опытъ же доказываетъ власть человѣка надъ мыслями и представленіями, какъ бы она, впрочемъ, ни была ограничена. Эту власть проф. Сѣченовъ отрицаетъ, но совершенно бездоказательно. Его критика направлена на частности, которыхъ никто не отстаиваетъ, и не касается самой сути дѣла.

Съ чего онъ взялъ, что мы не можемъ подавить своихъ мыслей,—это точно также трудно понять, какъ и увѣреніе его, будто наши мысли потому только и текутъ плавно, составляютъ непрерывную цѣпь, что мы не имѣемъ надъ ними никакой власти. Рядъ связанныхъ мыслей невозможно сопоставлять, какъ дѣлаетъ проф. Сѣченовъ, съ грѣсами, именно потому, что въ грѣсахъ представленія и мысли цѣпляются другъ за друга въ силу внѣшней и случайной ихъ ассоціа-

ни, тогда какъ связанная мысль всегда направляется къ какой-нибудь цѣли. Цѣль эта, правда, не всегда сознается во время творческаго акта мышленія, то это еще не доказываетъ, чтобы ея не было. Она-то и контролируетъ ходъ мышленія и придаетъ ему ту стройность и связность, которая отличаетъ её отъ грёзъ и фантазій.

Что касается до власти человѣка надъ своими поступками, то проф. Сѣменовъ не опровергаетъ моихъ выводовъ, а потому здѣсь не мѣсто возражать ему. Замѣчанія его, что голословными утверждениями научныя истины не доказываются, что только голосъ сознания говорить, будто дѣйствіе можетъ происходить безъ внѣшняго толчка, что нужно доказать, что психическій мотивъ возникъ безъ внѣшняго толчка—всѣ эти замѣчанія, конечно, не возраженіе. Проф. Сѣменовъ также не можетъ доказать присутствіе внѣшняго толчка въ каждомъ поступкѣ, приписываемомъ свободной волѣ, какъ я не могу доказать, что такого толчка не было. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мы въ совершенно одинаковомъ положеніи передъ наукой. Вся разница только въ томъ, что онъ *предполагаетъ*, будто самопроизвольности въ человѣкѣ нѣтъ, а я *предполагаю* что она есть. При такихъ условіяхъ спора, весь вопросъ заключается въ томъ, чьи доводы въ пользу или противъ *возможности* самопроизвольныхъ поступковъ сильнѣе. Я свои доводы представилъ со всевозможною подробностью въ главѣ седьмой „Задачъ Психологіи“. Проф. Сѣменовъ ихъ не разсматриваетъ и не опровергаетъ; слѣд. и мнѣ нѣтъ причинъ опровергать его голословныя отрицанія. А его аргументацію въ пользу гипотезы, будто бы самопроизвольной дѣятельности не существуетъ, я разберу подробно ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Перехожу ко второй половинѣ возраженій проф. Сѣменова на второстепенные, по его мнѣнію, аргументы въ пользу самостоятельности и самодѣятельности психическаго начала. Но прежде чѣмъ стану разсматривать его доводы, считаю необходимымъ оговориться. Критикъ отрицаетъ, будто современные физиологи усиливаются объяснять духовную дѣятельность человѣка изъ матеріальнаго начала, въ чемъ я ихъ упрекаю. Проф. Сѣменовъ совершенно правъ. Я выразился не точно и замѣняю эту редакцію другою, въ родѣ слѣдующей: современные физиологи, изучая психологію съ естественно-научной стороны, стараются подвести *всѣ* психическія явленія подъ законы матеріальной природы; а такъ какъ это имъ не удастся, то нѣкоторые изъ нихъ, увлекаясь любимой мыслью, не обращаютъ вниманія на психическіе факты, которые не подходятъ подъ законы матеріальной природы, или перетолковываютъ ихъ по-своему.

Изъ многихъ мѣстъ критики проф. Сѣменова можно заключить, что онъ придаетъ необыкновенную важность различію между прежними толками о сущностяхъ и началахъ и теперешними воззрѣніями,

изъ которыхъ сущности и начала совершенно исключены, какъ недоступныя знанію и потому ничего не объясняющія. Разница эта, въ смыслѣ научной методы, дѣйствительно огромная, но, прибавлю я, только въ такомъ случаѣ, когда, вмѣстѣ съ переменною научной методы, отбрасываются и всѣ гипотезы, всѣ предпосылки, заранѣе окрашивающіе факты изслѣдованія въ тотъ или другой цвѣтъ, котораго они могутъ и не имѣть. Положительное, точное знаніе тѣмъ и сильно, тѣмъ и безконечно выше прежнихъ предвзятыхъ теорій и умствованій, что отвергаетъ всѣ гипотезы, всѣ предпосылки, обращаетъ ихъ въ орудіе изслѣдованій, пользуется ими, какъ указаніемъ научныхъ путей, не давая имъ вѣры, не придавая имъ значенія руководящихъ знаменъ и свѣтильниковъ. Къ числу такихъ орудій науки принадлежатъ и аналогія, которою положительное знаніе пользуется тоже очень осторожно и критически, не давая ей осѣдлатъ себя. Когда физиологъ, подробно изслѣдовавъ съ точки зрѣнія естествовѣдѣнія, психическія явленія, выдѣляетъ въ нихъ все то, что объясняется законами физической природы, онъ дѣйствительно стоитъ на почвѣ положительнаго знанія и оказываетъ ему огромную услугу. Но если онъ задался заранѣе выводомъ, что всѣ психическія явленія входятъ въ область физиологій, что нѣтъ психическаго явленія, которое не подходило бы подъ физиологическіе законы; если онъ, чтобы доказать это, отворачивается отъ однихъ психическихъ фактовъ, искажаетъ другіе, отрицаетъ третьи,—то онъ, подобно философамъ стараго закала, объясняетъ все общимъ началомъ, другими словами, употребляетъ приемъ, оказавшійся негоднымъ. Это ужъ выходитъ не положительная, точная наука, а старая философія, только сервированная подъ новымъ соусомъ. Разница будетъ лишь въ словахъ, въ названіяхъ, а не въ существѣ дѣла.

Обращаясь теперь къ возраженіямъ.

Я разсуждаю такъ: зависимость психической жизни отъ физиологическихъ условій не есть аргументъ противъ ея самостоятельности и самодѣтельности. Возьмемъ любой физическій организмъ. Въ немъ есть и та, и другая, однако онъ вполне зависитъ отъ окружающей среды, и, не находя въ ней условій для существованія или нормальной жизни, искажается, чахнетъ и умираетъ. Несмотря на такую зависимость его отъ обстановки, мы не говоримъ, что физическій организмъ есть отправление окружающей среды. Съ какова же права мы будемъ заключать изъ зависимости психической жизни отъ физиологическихъ условій, будто она не самостоятельна и не самодѣтельна? Этому разсужденію предпослано полное признаніе тѣснѣйшей, неразрывной связи психической и матеріальной природы и ихъ взаимодѣйствія; стало быть, въ дѣйствительномъ смыслѣ моихъ словъ не могло быть никакого сомнѣнія. Смыслъ этотъ вотъ какой: сущ-

ности вещей мы не знаемъ, слѣдовательно, и толковать о ней нечего. Судя по тѣсной связи и безпрестанному взаимодействию явленій, которыя намъ доступны, мы можемъ предполагать, съ большою степенью вѣроятности, что въ основаніи всѣхъ явленій лежитъ одно и то же, что источникъ ихъ одинъ, хотя мы и не знаемъ какой это источникъ. Исслѣдованію доступны одни явленія. Изучая ихъ, мы подмѣчаемъ между ними такія, которыя въ отличіе отъ другихъ называемъ предметами организованными или организмами. При весьма большомъ различіи между собою, организмы рѣзко отличаются отъ другихъ явленій и предметовъ тѣмъ, что въ нихъ процессы, извѣстные намъ по другимъ явленіямъ, соединены вмѣстѣ для извѣстнаго совокупнаго дѣйствія, что для этихъ процессовъ существуютъ органы, что въ организмѣ совершается обмѣнъ веществъ; что организмомъ они воспринимаются, въ немъ претворяются или ассимилируются, съ выдѣленіемъ того, что ему не нужно; что въ этомъ состоитъ жизнь организма; что, несмотря на постоянный обмѣнъ веществъ, организмъ сохраняетъ свою форму, которая, конечно, измѣняется, но измѣняется по своимъ опредѣленнымъ законамъ. Безъ веществъ, необходимыхъ для его питанія, организмъ умираетъ, не пока онъ живетъ, онъ, какъ центръ претворяющій и ассимилирующій все, что принимаетъ въ себя, дающій воспринятому новую своеобразную форму,—есть нѣчто, по отношенію къ окружающему, самобытное, самостоятельное и самодѣтельное, при всей своей зависимости отъ среды, въ которой живетъ. Противъ этого проф. Сѣченовъ возражаетъ, что если самобытность есть эквивалентъ самостоятельности, то я противорѣчу себѣ, признавая полную зависимость организмовъ отъ окружающей среды,—что подъ самодѣтельностью можно только разумѣть способность развивать дѣятельность изъ самого себя, независимо отъ окружающей среды, а животныя не способны творить силу, безъ которыхъ нѣтъ дѣятельности. Чтобъ понять смыслъ этихъ возраженій, надо припомнить, что проф. Сѣченовъ считаетъ меня философомъ стараго закала, который вездѣ и во всемъ ищетъ и видитъ одно абсолютное—абсолютную самостоятельность, абсолютную самодѣтельность. Съ этой точки зрѣнія профессоръ Сѣченовъ тысячу разъ правъ: ни безусловной самостоятельности, ни безусловной самодѣтельности организмы физическіе и психическіе не имѣютъ; ошибается онъ только въ томъ, что возражаетъ и въ этомъ случаѣ не мнѣ, а другимъ. Когда пароходъ совершаетъ свой обычный рейсъ, или когда лошадь пасется на лугу, выбирая ту траву, которая ей пригодна въ пищу,—слѣдуетъ ли признать полную совершенную зависимость парохода со всѣмъ, что на немъ находится, и лошади отъ окружающей ихъ среды? Слѣдуетъ. Слѣдуетъ ли въ тоже время признать за ними извѣстную долю самостоятельности и самодѣтельно-

сти по отношенію къ этой средѣ? Конечно, слѣдуетъ. Но и то и другое слѣдуетъ только съ точки зрѣнія положительнаго знанія; съ высоты же абсолютныхъ теорій на первый вопросъ надо отвѣчать положительно, на второй—отрицательно. Весь міръ, составляя одно цѣлое, не допускаетъ возможности самостоятельности и самодѣятельности какой-либо его части въ отдѣльности.

Въ отвѣтъ на мою ссылку на Вундта, въ подкрѣпленіе мысли, что наши представленія о внѣшнихъ предметахъ не простые оттиски впечатлѣній, а результатъ сложной психической работы, проф. Сѣченовъ ссылается на того же Вундта, чтобы доказать, что между организаціей нѣкоторыхъ органовъ чувствъ и нѣкоторыми качествами ощущеній, возбуждаемыхъ чрезъ эти органы, существуетъ несомнѣнная связь. Что-жъ изъ этого? Я никогда этого не оспаривалъ. Критику мерещатся философы стараго закала, въ которыхъ онъ относитъ меня. Это его дѣло.

Одинъ изъ аргументовъ въ пользу самостоятельности психической жизни въ человѣкѣ и характернаго его различія отъ животныхъ есть способность человѣка воспроизводить во внѣшнемъ мірѣ впечатлѣнія и представленія, — способность, которой не имѣетъ ни одно животное. Аргументъ этотъ я считалъ неотразимымъ. Но онъ не показался такимъ критику. По его мнѣнію, еслибы разложить эту способность на составные элементы и уменьшить каждый изъ этихъ элементовъ въ миллионы разъ, то *можетъ быть* зачатки этой способности и оказались бы и у животныхъ. Стало быть, по мнѣнію проф. Сѣченова, разица тутъ не качественная, а только количественная. Кромѣ того, по мнѣнію ученаго критика, *есть данныя о пользе присутствія* у нѣкоторыхъ животныхъ эстетическаго чувства. Наконецъ, онъ *полагаетъ*, что для рисованья, черченья и писанья *едва ли* что нужно, съ психической стороны, кромѣ развитаго *до человѣческой степени* ума и эстетическаго чувства.

Слабость этихъ возраженій чувствуетъ самъ проф. Сѣченовъ, обставляя ихъ уклончивыми и смягчающими: „можетъ быть“, „есть данныя въ пользу“, „я полагаю“. Дѣйствительно, возраженія его чрезвычайно слабы. Способность дѣлать статуи, рисовать, чертить, писать, класть звуки на ноты, предполагаетъ, прежде всѣхъ другихъ элементовъ, сознаніе, котораго первенствующую роль во всѣхъ психическихъ отправленіяхъ проф. Сѣченовъ систематически не признаётъ. Сознаніе же предполагаетъ не одно только воспроизведеніе впечатлѣній, которое замѣчается и у животныхъ, а способность представлять себѣ психическіе факты, заключающіеся или происходящіе въ душѣ, такимъ же образомъ, какъ представляются намъ внѣшнія впечатлѣнія. Глазъ и рука, согласованные для воспроизведенія впечатлѣній реальныхъ предметовъ, не въ состояніи, помимо сознанія,

создать художественное произведение, а тѣмъ менѣе приурочить внѣшніе условные значки ко звукамъ, группы звуковъ къ представленіямъ и мыслямъ. Оттого-то животныя, способныя воспроизводить внѣшнее впечатлѣніе и неспособныя его сознать, не могутъ писать, чертить, перекладывать звуки на слова и ноты. Если же проф. Сѣченовъ считаетъ различіе между воспроизведеніемъ и сознаніемъ только количественнымъ, а не качественнымъ, то желательно было бы, чтобъ онъ развилъ свой взглядъ подробно, не ограничиваясь одними намеками, которые для меня, и вѣроятно для многихъ другихъ, нисколько не убѣдительны.

Этимъ и ограничиваются всѣ доводы противъ моей попытки найти исходныя начала для различенія психическаго начала отъ реальнаго.

Теперь обращаюсь къ *третьему пункту*—къ критикѣ моего способа разработки психическихъ фактовъ. Проф. Сѣченовъ послѣдовательно разбираетъ орудіе, къ которому я прибѣгаю,—психическое зрѣніе, матеріалъ, которымъ пользуюсь, и методъ, и приходитъ къ выводу, что употребленнымъ мною способомъ нельзя возвести психологію на степень положительной науки.

Прежде всего разсматривается психическое зрѣніе. По мнѣнію проф. Сѣченова, „въ основу существованія внутренняго или психическаго зрѣнія кладется преимущественно способность человѣка анализировать свои мысли и поступки, напечатываемая ему голосомъ самосознанія“. Вслѣдствіе того, вся его аргументація направлена къ тому, чтобъ доказать, что особаго психическаго *органа для анализа* не существуетъ.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, проф. Сѣченовъ полемизируетъ противъ того, чего я не говорилъ. Въ моей книгѣ онъ не найдетъ и намекъ на то, будто я считаю внутреннее зрѣніе *органомъ анализа* чего бы то ни было. Говорю же я вотъ что: у человѣка есть способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ психическимъ образомъ то, что ему недоступно чрезъ внѣшнія чувства. Такъ, онъ видитъ внѣшнія впечатлѣнія предметовъ и явленій, которые въ ту минуту не подлежатъ его органамъ чувствъ; точно также онъ видитъ и факты своей психической жизни, вовсе недоступныя внѣшнимъ чувствамъ. Только вслѣдствіе того онъ и можетъ говорить о сознаніи, о самосознаніи, объ анализѣ, о боли, о радости и т. п.; зная ихъ уже по внутреннему опыту, онъ заключаетъ о нихъ и въ другихъ людяхъ. Сознаніе вовсе не есть особый органъ, а одно изъ отправленій душевнаго организма, предполагающее извѣстную психическую организацію. Только при помощи сознанія мы узнаемъ и внѣшній матеріальный міръ, который дѣлается предметомъ сознанія чрезъ внѣшнія впечатлѣнія. Какъ мы анализируемъ послѣднія, точно также анализируемъ и психическія явленія, недоступныя внѣш-

нить чувствамъ. Ошибаемся мы какъ при анализѣ фактовъ перваго ряда, такъ и при анализѣ фактовъ втораго ряда. Какъ насъ обманываютъ внѣшнія впечатлѣнія, такъ обманываютъ насъ и психическія. Пріемы анализа, въ томъ и другомъ случаѣ, совершенно одинаковы. Что никакой анализъ фактовъ психическихъ и непсихическихъ невозможенъ безъ помощи другихъ фактовъ, находящихся въ сознаніи или бывшихъ, и которые припоминаются или воспроизводятся въ сознаніи,—объ этомъ я очень подробно говорю въ „Задачахъ Психологіи“. Поэтому, предоставляя отвѣчать проф. Сѣченову тѣмъ, противъ кого онъ возражаетъ и чьихъ мнѣній я не раздѣляю, я займусь разборомъ только тѣхъ замѣчаній критика, которыя дѣлать и дѣйствительно попадаютъ въ меня.

Проф. Сѣченовъ силится доказать, что весь психическій актъ, называемый анализомъ, состоитъ изъ воспроизведенія ряда ассоціацій, и затѣмъ выводъ есть только надлежащая группировка данныхъ элементовъ. Съ точки зрѣнія механизма мышленія, все это безспорно. Я иду далѣе, и охотно готовъ согласиться, что огромное большинство людей, которые не думаютъ, у которыхъ мысли слагаются и рождаются сами собою, приходятъ къ анализу и выводу единственно и исключительно путемъ непронзвольнаго воспроизведенія рядовъ ассоціацій и такого же бездѣтельнаго съ ихъ стороны сочетанія этихъ элементовъ мышленія въ извѣстные выводы и заключенія. Но я спорю противъ того, чтобы этотъ способъ возбужденія и развитія мыслительныхъ процессовъ былъ единственный. Я утверждаю, напротивъ, что въ человѣкѣ есть способность и возможность воспроизводить въ своемъ сознаніи ряды ассоціацій и группировать ихъ извѣстнымъ образомъ по собственному почину, ничѣмъ инымъ не обусловленному, кромѣ акта воли. Я утверждаю, что воспроизведеніе рядовъ ассоціацій и извѣстная ихъ группировка точно также составляютъ механизмъ мышленія, какъ рефлексы составляютъ механизмъ внѣшняго дѣйствія; но и тотъ и другой механизмъ приводятся въ движеніе не только внѣшними возбужденіями, но и волею лица, въ которомъ эти процессы совершаются; что оно можетъ направлять эти процессы, видоизмѣнять ихъ ходъ, пересоздавать ряды ассоціацій, вырабатывать рефлексы, словомъ, усовершенствовать, развивать механизмъ мысли и движеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать его болѣе и болѣе послушнымъ орудіемъ своихъ вѣлній. Споръ и тутъ сводится къ вопросу о волѣ. Ставится онъ и тутъ точно такъ же, какъ ставился прежде. Проф. Сѣченовъ предоставляетъ мнѣ доказывать участіе воли въ ходѣ мышленія, считая вопросъ о механическомъ его движеніи, помимо всякаго участія воли лица, окончательно рѣшеннымъ. Я не могу принять такой постановки вопроса, потому что ни проф. Сѣченовъ, ни я, анализомъ процесса мышленія и поступ-

зовъ, не можемъ доказать нашихъ выводовъ несомнѣннымъ и очевиднымъ для всякаго образомъ.

Далѣе, проф. Сѣченовъ, выводя изъ моей книги аргументы противъ „существованія особаго психическаго органа для анализа“, т.-е. противъ мысли, въ которой я неповиненъ, приходитъ къ заключенію, что подѣ непосредственностью сознанія я долженъ разумѣть познаніе внутреннимъ чувствомъ (?) психическихъ фактовъ по существу (?). Любопытно бы знать, какъ пришелъ критикъ къ подобному заключенію. Для меня, признаюсь, оно было такъ же неожиданно, какъ вѣроятно и для всѣхъ тѣхъ, кто потрудились внимательно прочесть „Задачи Психологін“. Во-первыхъ, психическіе факты суть *явленія*, а мы никакихъ явленій *по существу* не знаемъ и знать не можемъ; во-вторыхъ, о бесплодности попытокъ проникнуть *до существа* явлений я говорю во многихъ мѣстахъ своей книги такъ опредѣлительно, что, казалось бы, мнѣ нельзя приписывать подобныхъ попытокъ; въ-третьихъ, непосредственность сознанія психическихъ фактовъ ничѣмъ не отличается отъ непосредственности внѣшнихъ впечатлѣній; однако изъ послѣдней едва ли кто рѣшится вывести, что мы чрезъ впечатлѣнія узнаемъ внѣшніе предметы „по существу“. Приписывать противнику мысли, которыхъ онъ не имѣетъ, противъ которыхъ онъ напротивъ полемизируетъ, есть безспорно легкій способъ одерживать надъ нимъ побѣды; но отъ такихъ побѣдъ наука и знаніе не подвигаются ни на шагъ впередъ. Вся эта странная аргументація противъ призраковъ оканчивается слѣдующимъ, столько же страннымъ общимъ выводомъ. „Итакъ, особаго психическаго зрѣнія, какъ спеціальнаго орудія для изслѣдованія психическихъ процессовъ, въ противоположность матеріальнымъ, нѣтъ, а существуетъ, дѣйствительно, такая сторона психической дѣятельности, изъ-за которой говорятъ про человѣка, что у него есть здравый смыслъ. Послѣднимъ же, сколько мнѣ извѣстно, пользуются съ одинаковымъ правомъ какъ натуралисты, такъ и гуманисты въ своихъ сферахъ изслѣдованія“.

Я бы попросилъ проф. Сѣченова, во-первыхъ, указать, гдѣ я говорю въ своей книгѣ объ особомъ психическомъ зрѣніи, какъ спеціальномъ орудіи для изслѣдованія психическихъ процессовъ и, во-вторыхъ, потрудиться сдѣлать психическія состоянія, движенія и процессы доступными органамъ внѣшнихъ чувствъ—глазу, уху, носу и т. п. Невозможность выполнить и то и другое, можетъ быть, убѣдить его въ томъ, что я не имѣлъ ни малѣйшей надобности предполагать специфическіе здравые смыслы для натуралистовъ и гуманистовъ. Въ убѣжденіи, что имѣетъ въ моемъ лицѣ дѣло съ философомъ стараго закала, проф. Сѣченовъ перетолковываетъ мои слова

даже тамъ, гдѣ простой ихъ смыслъ не можетъ, повидимому, подать повода къ недоразумѣніямъ.

На стр. 99-й, я говорю, что мысль, будто бы кругъ психологическихъ изслѣдованій ограниченъ одними фактами, добытыми чрезъ самонаблюденіе, — ошибочна; что такъ какъ жизнь души выражается во внѣшнемъ творествѣ, вообще во всей внѣшней дѣятельности человѣка, и объективными слѣдами его психической жизни наполнено все, что его окружаетъ, то изъ сравненія этихъ слѣдовъ съ фактами и явленіями природы, возникающими безъ участія человѣка, легко можно открыть характеристическія особенности и самые законы психической жизни. Итакъ, слова и рѣчь, сочетаніе звуковъ, художественныя произведенія, наука, обычаи и вѣрованія, матеріальныя созданія, гражданскіе и политическіе уставы, памятники исторической жизни, словомъ, все служить матеріаломъ для психологическихъ изслѣдованій; надо только умѣть имъ пользоваться, именно слѣдуетъ обратить все вниманіе на обработку данныхъ, потому что въ ней-то и содержится объективный слѣдъ психической дѣятельности. Та же мысль, только иными словами и въ другомъ примѣненіи, выражена и на стр. 24-й. Проф. Сѣченовъ вывелъ изъ этихъ словъ, будто бы, по моему мнѣнію, „ключъ къ разумѣнію психическихъ процессовъ“ лежитъ въ „широкомъ историческомъ изученіи всѣхъ произведеній человѣческаго духа съ психологической точки зрѣнія“. Чтобы выяснитъ „до какихъ крайнихъ предѣловъ объясненія психическихъ фактовъ можно дойти вообще путемъ историческаго изученія различныхъ проявленій психической дѣятельности“, проф. Сѣченовъ представляетъ подробный анализъ вѣрованій и дѣятельности людей самыхъ отдаленныхъ эпохъ, въ различные фазисы ихъ развитія, и старается доказать, что ихъ понятія и продукты ихъ дѣятельности свидѣтельствуютъ о тѣхъ же основныхъ психическихъ задаткахъ, какіе имѣетъ и современный человѣкъ. Затѣмъ, изъ разбора, съ психологической стороны, нѣсколькихъ научныхъ открытій въ области естествознанія, составляющихъ эпоху по своей важности, критикъ выводитъ, что элементы научныхъ истинъ всегда готовы, и только извѣстная ихъ группировка даетъ въ результатъ болѣе или менѣе важное научное открытіе.

Большаго недоразумѣнія, какое произошло въ этомъ пунктѣ между проф. Сѣченовымъ и мною, и вообразить себѣ нельзя.

Я говорю: вотъ слѣды творческой дѣятельности человѣка среди природы, и вотъ природа, до которой рука человѣка не прикасалась. Сравните ихъ между собою и вы получите, и помимо самонаблюденія, указанія на его психическую дѣятельность, на разные психические процессы, въ немъ происходящіе, на законы его психической природы.

Проф. Сѣченовъ возражаетъ: природа человѣка искони вѣковъ была одна и та же. Никакое особенное психическое начало не является себя чрезъ всю его исторію до нашихъ дней. Если онъ теперь не то, что былъ прежде, то это благодаря успѣхамъ науки и знанія.

Съ заключеніями критика мнѣ согласиться тѣмъ легче, что я ихъ нигдѣ и никогда не оспаривалъ. Но мнѣ бы хотѣлось слышать отъ него, чѣмъ обуславливается то, что животныя, подобно человѣку, имѣютъ сновидѣнія, но не составили себѣ представленія о загробной жизни; а дикарь по нимъ, какъ объясняетъ Тейлоръ, составилъ? Отъ чего зависитъ, что дикарь изобрѣлъ оружіе и придалъ ему извѣстную форму, изобрѣлъ орудія для домашней работы, выучился дѣлать глиняную посуду, выучился добывать искусственно огонь, — а животныя и до сихъ поръ ничего этого не изобрѣли и ничему этому не выучились?

Наконецъ, мой методъ изслѣдованія проф. Сѣченовъ считаетъ чисто умозрительнымъ и горько сѣтуетъ на людей, „которые пускаются, безъ провѣрочныхъ средствъ, съ однимъ запасомъ критическаго остроумія, въ изслѣдованіе такой темной области, какъ психическая“. Ходъ мысли проф. Сѣченова объ этомъ предметѣ вотъ какой: историческое изученіе памятникомъ человѣческой дѣятельности не даетъ ключа къ психическимъ явленіямъ; стало быть, приходится обратиться къ изученію обыденной психической жизни; но вѣковой опытъ показалъ, что съ одной умозрительной индукціей ничего нельзя сдѣлать изъ сырого психическаго матеріала обыденной жизни. Въ научномъ изученіи важно употребленіе такихъ пріемовъ изслѣдованія, которые давали бы возможность не только анализировать явленіе, но и провѣрить результатъ. Въ области сложныхъ явленій, куда не проникъ математическій анализъ (единственно-безошибочный, безъ провѣрки), наиболѣе вѣрнымъ аналитическимъ и вмѣстѣ провѣрочнымъ орудіемъ является опытъ. Въ области явленій, недопускающихъ опыта, умерѣніе полновластно и потому достовѣрность выводовъ сомнительна. Въ новѣйшее время къ нему призванъ на помощь статистическій методъ, но его трудно приложить къ изученію психическихъ явленій на отдѣльномъ человѣкѣ. Теперь только, на нашей памяти, создались тѣ отрасли знанія, которыя „однѣ дадутъ твердыя точки опоры для первоначальнаго аналитическаго приступа къ психическимъ явленіямъ“. Эти отрасли знанія, какъ видно изъ послѣдующей статьи проф. Сѣченова, суть естественныя науки и преимущественно физиологія. Критикъ готовъ бы былъ примириться и съ умозрѣніемъ, еслибъ оно „довольствовалось выводами, непосредственно вытекающими изъ сравненія конкретныхъ фактовъ“. Но „вѣрное древнимъ философскимъ традиціямъ, оно бьетъ въ корни дѣла, въ

общія начала". О математикѣ критикъ говоритъ, что въ ней „истины, притомъ абсолютныя“, могутъ быть достигаемы путемъ одного математическаго умозрѣнія, безъ повѣрки. Это онъ объясняетъ тѣмъ, что между всѣми родами умозрѣній математическое есть самое вынужденное. Отыскивая новую истину, математикъ не только выходитъ изъ аксіомъ или истинъ, но и въ теченіи всего развитія вопроса каждый свой шагъ опираетъ на истину.

Здѣсь между проф. Сѣченовымъ и мною не недоразумѣніе, а различіе мнѣній, и весьма серьезное. Аргументація его выходитъ изъ предположенія, что міръ психическихъ явленій не только обуславливается данными, доступными внѣшнимъ чувствамъ, не только находится отъ нихъ въ зависимости, но что онъ есть лишь дальнѣйшее ихъ развитіе, болѣе сложное явленіе того же, что, въ фактахъ, доступныхъ органамъ внѣшнихъ чувствъ, представляется простымъ, неразвитымъ, несложнымъ. Только при такой предпосылкѣ становится понятнымъ, какимъ образомъ такой могучій поборникъ положительнаго знанія, какъ проф. Сѣченовъ, могъ упустить изъ виду, что множество психическихъ фактовъ совершенно недоступны внѣшнимъ чувствамъ и извѣстны намъ только при помощи психическаго зрѣнія, т. е. сознанія. Эту тему я подробно развиваю въ „Задачахъ Психологій“ и до сихъ поръ не встрѣтилъ еще серьезнаго опроверженія, тогда какъ около этого пункта и долженъ бы, какъ кажется, сосредоточиться весь споръ о психологическихъ предметахъ. Въ этомъ пунктѣ и ключъ къ разрѣшенію вопроса о психической самодѣятельности или волѣ. Мнѣ представляется дѣло въ такомъ видѣ. Вы говорите, что стоите на почвѣ положительнаго знанія и не допускаете ни началъ, ни умозрительныхъ дедукцій изъ нихъ. Прекрасно. Останемся же на почвѣ положительнаго знанія и будемъ изслѣдовать одни факты. Но обращаясь къ фактамъ, мы съ перваго же шага наталкиваемся на различіе фактовъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ и недоступныхъ имъ. Вода и сознаніе, липа и радость, молнія и сомнѣніе, домъ и мысль. Первые—результатъ непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыя могутъ быть провѣрены при помощи повторенія непосредственныхъ внѣшнихъ впечатлѣній того же факта. Для послѣднихъ такого рода провѣрки не существуетъ и не можетъ существовать. Они—результатъ тоже непосредственныхъ, но не внѣшнихъ, а психическихъ впечатлѣній. Для нихъ есть провѣрка двоякаго рода: или при помощи повторенія непосредственныхъ психическихъ впечатлѣній тѣхъ же психическихъ фактовъ, или болѣе длиннымъ, окольнымъ и сложнымъ путемъ, именно: мы обращаемся къ слѣдамъ психическихъ фактовъ во внѣшнемъ мірѣ, подмѣчаемъ, въ какихъ изъ нихъ какой психическій фактъ постоянно выражается, и уже изъ

сравненія слѣдовъ выводимъ заключеніе. Передъ лицомъ положительнаго знанія и внѣшнія, и психическія впечатлѣнія суть факты, матеріалъ для изслѣдованія, какимъ бы путемъ они ни достигали сознанія, какимъ бы образомъ ни совершалась ихъ повѣрка. Я утверждаю, что, стоя на почвѣ положительнаго изслѣдованія, не сдѣлавшись философомъ и при томъ философомъ стараго закала, нельзя приступить къ научной разработкѣ психическихъ явленій, неподлежащихъ непосредственно внѣшнимъ чувствамъ, съ предвзятой мыслью, будто всѣ эти факты и явленія суть лишь послѣдствія, дальнѣйшее развитіе, болѣе сложная комбинація явленій, доступныхъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Обращая противъ проф. Сѣченова оружіе, которымъ онъ думаетъ поразить меня, я скажу ему: удержите это предположеніе; пусть оно даже будетъ путеводной звѣздой въ вашихъ психологическихъ изысканіяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно откроетъ вамъ и наукѣ новый обширѣйшій кругозоръ, поведетъ къ массѣ глубокихъ и знаменательныхъ открытій, во многихъ случаяхъ, очень вѣроятно, даже вполне оправдается; но какъ же возможно принимать впередъ недоказанное за доказанное и на этомъ строить что-нибудь! Вѣдь это значитъ приниматься за вещь не съ начала, а съ конца. Мораль всего этого разсужденія такова: проф. Сѣченовъ выходитъ въ своей философской системѣ, которую считаетъ результатомъ положительныхъ изслѣдованій, изъ гипотезы, ничѣмъ недоказанной, то-есть слѣдуетъ тому же самому пути, который, главнѣйшимъ образомъ, погубилъ философію.

Въ томъ-то и заключается вся сила и все могущество положительнаго знанія, что оно пользуется всѣми орудіями, всѣми методами, выработанными философіей, но не подчиняясь имъ, а напротивъ, низводя ихъ до степени покорныхъ и послушныхъ средствъ, употребляемыхъ ею въ дѣло, смотря по надобности. Положительное изслѣдованіе прибѣгаетъ и къ гипотезѣ и къ аналогіи, къ индукціи и къ дедукціи, но не забывая ни на одну минуту, что онѣ только служатъ для освѣщенія фактовъ съ той стороны, съ какой они еще не были разсмотрѣны, что имъ только дается новый матеріалъ и новая точка зрѣнія для сравнительнаго изученія фактовъ. Положительное знаніе отнесется равно критически и къ результатамъ, оказавшимся вслѣдствіе аналогическаго или индуктивнаго изслѣдованія, и къ выводамъ, слѣдующимъ изъ освѣщенія фактовъ гипотезой или дедукціей, хотя бы и очень правдоподобными. Оно снова и не разъ провѣритъ эти результаты и выводы другими аналогіями, гипотезами, индуктивно и дедуктивно, и только убѣдившись, что заключеніе выдерживаетъ перекрестный огонь провѣрки по всѣмъ мыслимымъ направленьямъ и со всѣхъ мыслимыхъ сторонъ, занесетъ его въ науку,

какъ ея прочное и несомнѣнное пріобрѣтеніе. Философія, напротивъ, всегда была бессознательной или полусознательной рабыней предвзятыхъ предположеній и потому приводила къ результатамъ, не выдерживающимъ критики.

Съ точки зрѣнія положительнаго знанія, и факты, полученные сознаниемъ чрезъ органы внѣшнихъ чувствъ, и факты, вошедшіе въ сознание чрезъ непосредственное психическое впечатлѣніе, совершенно равноправны. Тѣ и другіе должны быть изслѣдованы и провѣрены при помощи всѣхъ средствъ, которыми располагаетъ наука. За положительное знаніе, а не за философскія намышленія могутъ быть признаны только тѣ выводы, которые основаны на такомъ изслѣдованіи и такой провѣркѣ.

Проф. Стѣеновъ совершенно справедливо напоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что сравнивать между собою можно только однородныя величины. Стало бытъ, психическія впечатлѣнія можно сравнивать только съ психическими, реальныя только съ реальными. А если это такъ, то спрашивается, что, кромѣ умозрѣнія, остается намъ при изслѣдованіи фактовъ, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ? Такіе факты, по природѣ своей, не могутъ быть проанализированы и провѣрены иначе, какъ при помощи однородныхъ съ ними явленій, слѣдовательно, только умозрительно.

Мы скажемъ, что явленія доступныя и недоступныя внѣшнимъ чувствамъ очень часто находятся между собою въ тѣсной связи. Всѣ представленія и понятія о внѣшнихъ явленіяхъ, не подлежа внѣшнимъ чувствамъ, находятся въ очевидной и несомнѣнной связи съ соотвѣствующими имъ внѣшними впечатлѣніями, а въ снахъ и галлюцинаціяхъ психическіе факты получаютъ вноимъ характеръ внѣшнихъ впечатлѣній, до того, что ихъ нельзя различить другъ отъ друга. Но за то мы и провѣряемъ сны и галлюцинаціи реальными впечатлѣніями, и изъ такой провѣрки узнаемъ, что сны и призраки—психическія, а не реальныя впечатлѣнія. Что же касается понятій и представленій, то при самомъ тщательномъ изслѣдованіи мы не въ состояніи ничего открыть, кромѣ ихъ соотвѣстствія и постоянного правильнаго соотношенія съ извѣстными реальными впечатлѣніями. Я не могу допустить, чтобъ проф. Стѣеновъ возражалъ противъ умозрѣнія въ объясненномъ смыслѣ. Ему очень хорошо извѣстно, что ни разстоянія неподвижныхъ звѣздъ отъ земли, ни объемъ и вѣсъ небесныхъ тѣлъ, ни выводы относительно составныхъ элементовъ свѣтящейся поверхности солнца и древнѣйшей исторіи земной коры, ни факты, на которыхъ основаны теоріи свѣта, различіе цвѣтовъ, теоріи атомовъ и молекулярныхъ движеній,—что всего этого нельзя провѣрить опытомъ, что все это—умозрѣніе. Почему же умозрительное изслѣдованіе явленій, не подлежащихъ вовсе внѣшнимъ чувствамъ,

было бы неменѣе достоверно въ своихъ результатахъ, чѣмъ такое же умозрительное изслѣдованіе внѣшнихъ явленій, которыя намъ недоступны только по недостаточности и несовершенству нашихъ внѣшнихъ органовъ?

Проф. Сѣченовъ дѣлаетъ изъ строгаго своего приговора умозрѣнію исключеніе только въ пользу умозрѣнія математическаго. Оно одно, по его мнѣнію, способно отрывать даже абсолютныя истины безошибочно и безъ провѣрки. Но критикъ ошибается. Математика имѣетъ дѣло съ истинами далеко не абсолютными, а такими же относительными и условными, какъ и всякая другая наука. Истины эти вращаются въ кругѣ пространственныхъ и количественныхъ отношеній, изъ него не выходятъ, какъ выводы другихъ наукъ, ограничены предметами своего изслѣдованія. Какія же это абсолютныя истины! Математика такая же положительная наука, какъ и всѣ другія, только матеріалъ ея проще и до того выработанъ, что отвлеченности, надъ которыми она оперируетъ, вполнѣ замѣняютъ реальныя факты, къ которымъ онѣ относятся. Только благодаря этому математическіе выводы и безъ повѣрки выходятъ безошибочными. Вглядитесь пристально въ математическія аргументаціи, выраженные въ чертежахъ и формулахъ: это тѣ же самые логическіе приемы, какіе употребляются и въ другихъ положительныхъ наукахъ; разница только въ матеріалѣ, къ которымъ эти приемы тамъ и здѣсь примѣняются. Умозрѣніе, значитъ, входитъ всюду, во всѣ отрасли знанія, какъ неизбежное его условіе. А міръ художественнаго творчества: развѣ тѣ же общіе логическіе приемы не скрываются и въ нихъ подъ образами и звуками, какъ въ математикѣ подъ формулами и чертежами? Проф. Сѣченовъ имѣетъ въ виду не это умозрѣніе. Какое же ему такъ не нравится? То, которое идетъ неправильно, опираясь на шаткія или ложныя данныя? Но вѣдь это справедливо въ приложеніи ко всѣмъ наукамъ безъ исключенія; стало быть, и говорить объ этомъ спеціально по поводу психологическихъ изысканій не слѣдуетъ. Остается предположить, что критику не нравится умозрѣніе въ примѣненіи къ фактамъ, недоступнымъ внѣшнимъ чувствамъ, потому ли, что онъ не считаетъ ихъ фактами, или потому, какъ можно заключить изъ его словъ, что ихъ нельзя провѣрить фактами, подлежащими внѣшнимъ чувствамъ. Какое изъ этихъ предположеній ни принять, въ обоихъ случаяхъ проф. Сѣченова нельзя не упрекнуть въ томъ, что онъ, въ отношеніи къ психологическимъ вопросамъ, стоитъ не на почвѣ положительнаго знанія, а относится къ нимъ по-философски, и справедливыя его возраженія противъ философовъ-идеалистовъ въ той же силѣ и степени должны быть обращены противъ его приемовъ въ области психологіи. Какъ философы-идеалисты обращались съ фактами, доступными внѣшнимъ чувствамъ, точь-въ-точь

также обращается и онъ съ фактами, доступными одному психическому зрѣнію. Въ тѣхъ и другихъ пріемахъ нѣтъ ни малѣйшей разницы. Проф. Сѣченовъ, поборникъ положительнаго знанія въ области естественныхъ наукъ, есть философъ стараго закала въ области психологіи. Методъ точнаго, положительнаго знанія, въ примѣненіи къ этой отрасли, остается ему совершенно неизвѣстенъ.

Впрочемъ, критикъ, хотя и несовсѣмъ послѣдовательно, допускаетъ однако умозрительные выводы, непосредственно вытекающіе изъ сравненія конкретных фактовъ. Подъ конкретными фактами, судя по общей связи мыслей, здѣсь разумѣются факты психическіе. Значить, косвенно допускается, что психическіе факты суть все-таки факты, хотя никакой другой повѣрки ихъ, кромѣ умозрительной, нѣтъ и быть не можетъ. Но почему умозрѣніе бьетъ въ корни дѣла, въ общія начала—вотъ чего проф. Сѣченовъ не можетъ ему простить. Выше я старался доказать, что самъ критикъ дѣлаетъ совершенно то же самое, т.-е. идетъ отъ предпосылки, ничѣмъ не доказанной, и на ней строить всю свою полемику противъ моего взгляда на психологію. Проф. Сѣченовъ самъ признаетъ, что употребленіе индуктивнаго или дедуктивнаго метода въ дѣлѣ положительнаго изученія не особенно важно, а важно; чтобъ результатъ могъ быть провѣренъ. Но провѣрить психическіе факты внѣшними впечатлѣніями нельзя: тѣ и другіе факты не однородны. Провѣрка умозрительныхъ фактовъ можетъ совершаться только посредствомъ другихъ, умозрительныхъ же фактовъ. Если такая провѣрка подтвердитъ выводъ, то дедукція, по крайней мѣрѣ, безвредна. Развѣ мы не встрѣчаемся на каждомъ шагѣ съ такими дедукціями въ такъ-называемыхъ положительныхъ, точныхъ наукахъ? Дедукція, какъ способъ новой провѣрки, есть превосходное подспорье въ рукахъ изслѣдователя. Положительное знаніе ставить ему при этомъ только два слѣдующія условія: во-1-хъ, чтобъ онъ не принималъ на вѣру общаго вывода, отъ котораго идетъ дедукція, а смотрѣлъ бы на него только, какъ на гипотезу, которая должна быть доказана, и, во-2-хъ, чтобъ отвѣченная формула, въ которой выразился выводъ, не была имъ принята за реальность—словомъ, чтобъ онъ не впалъ въ ту же ошибку, которая когда-то населила науку субстанціями, силами и множествомъ подобныхъ метафизическихъ олицетвореній.

Отступилъ ли я въ „Задачахъ Психологіи“ отъ метода положительнаго изслѣдованія и его непремѣнныхъ условий? Вотъ чего проф. Сѣченовъ не доказалъ и что, однако, слѣдовало бы ему доказать, полемизируя противъ моихъ взглядовъ. Что факты изслѣдованія—умозрительнаго свойства и провѣркѣ внѣшними впечатлѣніями не подлежатъ—объ этомъ уже было говорено. Критикъ самъ мирится съ умозрительными выводами, непосредственно вытекающими изъ

сравненія конкретных психическихъ фактовъ. Наконецъ, онъ считаетъ и дедукцію невредной, если факты проверены. Но что же другое я дѣлалъ въ своей книжкѣ, хотѣлъ бы я спросить? Я взялъ психическіе факты, анализировалъ ихъ, за недостаткомъ другихъ повѣрочныхъ средствъ, при помощи психическихъ же фактовъ, и дѣлалъ умозрительные выводы, непосредственно вытекающіе изъ сравненія конкретныхъ фактовъ. Ни больше, ни меньше! Въ какой степени удачно или неудачно я примѣнилъ методъ положительнаго изслѣдованія къ психическимъ даннымъ,—это другой вопросъ, о которомъ мнѣ самому трудно судить. Но что я примѣнялъ именно этотъ методъ, а не какой другой—это, послѣ всего сказаннаго, едва ли можетъ быть оспорено. Если мои выводы существенно разнятся съ выводами проф. Сѣченова, это еще не доказываетъ, что именно я, а не онъ, примѣнялъ другой методъ.

Разберу, въ заключеніе, критику моихъ общихъ выводовъ, которую проф. Сѣченоевъ заканчиваетъ свою статью. Разборъ этотъ всего яснѣе покажетъ, въ чемъ и почему мы съ нимъ расходимся и кто изъ насъ стоитъ на почвѣ положительныхъ изысканій въ области психологій.

Проф. Сѣченоевъ ссылается на мои выводы, какъ на лучшее доказательство ошибочной постановки мною психологическаго вопроса. Изъ этихъ выводовъ онъ рассматриваетъ только значеніе для психологій галлюцинацій и сновъ, свободу мысли и актъ раздвоенія души. Объ аргументаціи его противъ свободы мысли я говорилъ выше. Остается проверить то, что у него сказано по поводу галлюцинацій, сновъ и раздвоенія души.

Галлюцинаціи, по моему мнѣнію, доказываютъ существованіе особаго психическаго центра, какъ источника явленій особаго порядка, такъ какъ въ галлюцинаціяхъ какъ-бы выносятся изъ души во внѣшнюю дѣйствительность дѣйствія и вліянія на нее матеріальнаго міра, иногда въ переработанномъ видѣ. Проф. Сѣченоевъ особенно напираетъ на то, что галлюцинаціи всегда производятся болѣзненнымъ состояніемъ мозга, и говоритъ; „обстоятельство, что человѣкъ выноситъ возбужденіе зрительныхъ центровъ наружу, не представляетъ не только ничего страннаго, а, наоборотъ — норму, потому что и при обыкновенномъ видѣніи происходитъ то же самое“. Изъ этого выводится, что галлюцинаціи не доказываютъ того, что я думаю. Но какъ же не доказываютъ? Если ненормальныя состоянія мышленій у человѣка сумасшедшаго, пьянаго или безумствующаго вслѣдствіе страсти, даютъ превосходный матеріалъ для изученія нормальнаго процесса мышленія, то почему же галлюцинаціи, происходящія тоже при ненормальномъ состояніи мозга, не могли бы служить такимъ же доказательствомъ

способности души воспроизводить внутреннія свои видѣнія съ живостью и яркостью реального ощущенія? Проф. Сѣченовъ возражаетъ, что и при обыкновенномъ видѣннн происходитъ то же самое. Да, но съ слѣдующей громадной разницей: обыкновенное видѣнн начинается дѣйствіемъ на глаза внѣшняго явленія и оканчивается вынесеніемъ во внѣшній міръ полученныхъ впечатлѣній; галлюцинація же начинается прямо воспроизведеніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, безъ возбужденія ихъ соответствующими внѣшними впечатлѣніями и оканчивается точно такъ же, какъ обыкновенное видѣнн. На эту-то разницу я и указываю, какъ на одинъ изъ признаковъ самостоятельности и самодѣятельности душевнаго организма.

Мой взглядъ на способность души раздвоиться, оставаясь единой, и всѣ выводы, вытекающіе изъ этого взгляда, проф. Сѣченовъ разбираетъ въ двухъ словахъ, только съ логической стороны, и называетъ ихъ абсурдами.

„Говоря о невозможности объяснить психическое раздвоеніе примерами изъ матеріальнаго міра, г. Кавелинъ цитируетъ такіа отвѣченія, которыя всѣми людьми на свѣтѣ считаются *аксіомами*, т.-е., истинами, не требующими доказательствъ (часть не можетъ быть равна цѣлому, цѣлое не можетъ не уменьшиться по выдѣленіи части). Эти истины обязательны не только для математика, но и для всякаго логическаго мышленія. Поэтому, всѣ случаи уклоненія отъ этихъ истинъ признаются людьми *тайнами*, т.-е. предметами, которые умъ человѣческій постичь не можетъ“.

Проф. Сѣченовъ, очевидно, ошибается. Математическіа аксіомы вовсе не логическіа аксіомы, и обязательны только при изслѣдованіи количественныхъ и пространственныхъ отношеній, а никакъ не при всякомъ логическомъ мышленіи. Поэтому уклоненіе факта, неподлежащаго условіямъ количества и пространства, отъ математическихъ истинъ вовсе не дѣлаетъ его тайной, непостижимой для ума.

„По его (т.-е. моимъ) словамъ, въ основѣ вывода лежатъ *простые факты*. Стало быть, фактъ, заключающій въ себѣ данныя вывода, простъ, а выводъ непостижимъ для человѣческаго ума. Другой абсурдъ“.

Это со стороны критика не болѣе, какъ игра словъ. Называя фактъ раздвоенія души простымъ, я вовсе не думалъ утверждать, что онъ не есть сложный, а хотѣлъ только выразить, что онъ всѣмъ общедоступенъ и извѣстенъ, что онъ бросается въ глаза по своей, такъ сказать, обыденности.

„Всѣ физики, химики, ботаники и зоологи всѣхъ странъ признають, что органическіе и неорганическіе предметы, растенія и животныа, управляются въ сущности одинаковыми законами. Стало быть, между ними не существуетъ такихъ *странныхъ различій*, какъ

между раздвояющимся и все-таки цельным психическим и любым физическим организмом. Аналогія приведена, слѣдовательно, неправильная, да притомъ приведеніе ея нелогично: ужъ если разъ сказано, что примѣрами изъ матеріальнаго міра объяснить раздвоеніе нельзя, то какъ же можно примирить умъ съ этимъ раздвоеніемъ, ссылаясь именно на факты матеріальнаго міра“.

Я не ссылаюсь на факты матеріальнаго міра, чтобъ объяснить ими раздвоеніе психическаго организма, а привожу эти факты только для того, чтобъ какъ можно нагляднѣе оттъѣнить глубокое различіе основнаго психическаго факта отъ фактовъ не-психическихъ. Въ этомъ, я полагаю, нѣтъ ничего нелогическаго. Что касается до истины, что органическіе и неорганическіе предметы управляются *въ сущности* одними законами, то она, очевидно, относится только къ матеріальнымъ составнымъ частямъ растений и животныхъ. Способъ комбинацій этихъ матеріальныхъ частей и законы такихъ комбинацій составляютъ для естествовѣдѣнія такую же тайну, какъ и міръ психическихъ явленій.

Вотъ всѣ возраженія проф. Сѣченова. Они могутъ быть характеризованы въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Критикъ не потрудился внимательно прочесть „Задачи Психологіи“. По нѣкоторымъ отрывочнымъ мѣстамъ и выраженіямъ онъ заключилъ, что я — послѣдователь нѣмецкихъ идеалистическихъ философскихъ ученій, и потому возражаетъ противъ многихъ тезисовъ философскаго идеализма, въ полной увѣренности, что опровергаетъ меня. Къ недоразумѣніямъ такого рода сводится большая часть полемики проф. Сѣченова. Но, затѣмъ, есть нѣсколько психологическихъ вопросовъ, на которые мы дѣйствительно смотримъ совершенно различно. Къ разрѣшенію этихъ вопросовъ проф. Сѣченоевъ приступаетъ съ предвзвѣтой, ничѣмъ еще недоказанной мыслью, что психическія явленія управляются тѣми же самыми законами, какими управляются явленія, доступныя внѣшнимъ чувствамъ. Ставъ на такую точку зрѣнія, критикъ, при анализѣ психическихъ явленій, отступаетъ отъ метода и приѣмовъ положительнаго изслѣдованія, которыхъ придерживается въ своихъ фیزیологическихъ изысканіяхъ, и обращается въ послѣдователя старыхъ философскихъ школъ, противъ которыхъ полемизируетъ. Еслибъ проф. Сѣченоевъ захотѣлъ, отбросивъ всякія гипотезы, анализировать психическія явленія по правиламъ положительнаго, точнаго метода, то я увѣренъ, что наше разномысліе и по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ мы теперь не сходимся, окончилось бы полнымъ соглашеніемъ.

Отъ „Возраженій“ проф. Сѣченова перехожу теперь къ его статьѣ: „Кому и какъ разрабатывать психологію“?

К. Кавелинъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

М. А. Максимовичъ.

Его литературное и общественное значеніе.

10 ноября 1873 г. умеръ на родинѣ своей, въ небольшомъ имѣніи Михайлова-Гора, около дер. Прохоровки, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, Михаилъ Александровичъ Максимовичъ. Не касаясь фактовъ внѣшней исторіи жизни покойнаго и не приводя перечня его трудовъ по разнымъ специальностямъ, мы напомнимъ только важнѣйшіе случаи изъ этой жизни и скажемъ нѣсколько словъ объ общественномъ значеніи трудовъ М. А. Максимовича ¹⁾

Максимовичъ родился въ 1804 г., 3 сентября, въ небогатой семьѣ дворянъ Полтавской губерніи. Въ 1812 г. онъ поступилъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію, а въ 1819 г. въ московскій университетъ по *словесному* отдѣленію, съ котораго черезъ два года перешелъ на физико-математическій факультетъ. Будучи студентомъ, Максимовичъ напечаталъ въ 1821 г. переводъ статьи Мирбеля: „Къ чему служатъ листья на растеніяхъ?“ въ журналѣ моск. проф. Двигубскаго „Новый магазинъ естественной исторіи, физики, химіи и свѣдѣній экономическихъ“,—въ которомъ потомъ помѣстилъ до 1827 г. нѣсколько оригинальныхъ трудовъ, преимущественно по ботаникѣ. Въ 1827 г. Максимовичъ защищалъ магистерскую диссертацию „О системахъ растительнаго царства“, и въ 1829 г., послѣ напечатанія нѣсколькихъ сочиненій по естествознанію, сдѣланъ былъ адъюнктомъ въ московскомъ университетѣ, а въ 1833 г. ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ ботаники. Въ свое время труды Максимовича по естествознанію встрѣчались чрезвычайно сочувственно критикою спеціальною, а изложеніе ихъ дѣлало изъ него желаннаго сотрудника литературныхъ журналовъ. Между прочимъ, русская естественно-научная терминологія обязана Максимовичу такими словами, какъ *особь*, *подъпеченикъ* (*torus*), *пологъ* (*perigonium*) и т. д.

Въ 1834 г. ботаникъ Максимовичъ былъ назначенъ въ Кіевъ,—куда тянули его симпатіи и состояніе здоровья,—въ новооткрываемый университетъ не на кафедру ботаники, какъ того желалъ Мак-

¹⁾ Фактическую біографію и перечень трудовъ покойнаго можно найти въ статьѣ г. С. Пономарева, написанной къ 50-лѣтнему юбилею литературной дѣятельности Максимовича и помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр. за 1872 г.

Симовичъ, а на каеэдру русской словесности. Предметъ былъ, впрочемъ, не совсѣмъ новъ для Максимовича. Въ 1827 г. онъ издалъ сборникъ „Малороссійскихъ народныхъ пѣсень“ съ предисловіемъ, словаремъ и объяснительными примѣчаніями; въ 1829 г. писалъ статьи объ исторической вѣрности поэмы Пушкина „Полтава“; въ 1833 г., напечаталъ критическій разборъ Вельтманова перевода: „Слово о Полку Игоревѣ“; въ 1830—1834 издалъ нѣсколько книгъ альманаха „Денница“, а въ 1834 г. издалъ второй, болѣе обширный сборникъ малороссійскихъ пѣсень съ историко-филологическими примѣчаніями.

Съ 1834 по 1841 г. Максимовичъ былъ профессоромъ въ Кіевѣ, а до конца 1835 г. ректоромъ университета. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку, по разстроенному здоровью, и только временно съ 1843 по 1845 г. по найму преподавалъ въ университетѣ. Съ тѣхъ поръ Максимовичъ жилъ большею частію въ деревнѣ, изрѣдка появляясь на зиму въ Москву, и въ послѣднее время въ Кіевъ. Со времени переселенія въ Кіевъ, Максимовичъ отъ естествознанія перешелъ совершенно къ трудамъ историко-филологическимъ и до смерти напечаталъ нѣсколько сотенъ сочиненій и статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны по исторіи русской литературы: Пѣснь о Полку Игоря (статья 1836, и переводъ съ примѣчаніями въ 1837); Исторія древней русской словесности (1839); Книжная старина южно-русская (1849—50). По русскому языку: Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ (1838); Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою (1845); Начатки русской филологіи (1847); Филологическія письма къ М. П. Погодину о старобытности малорусскаго языка (1856, 1857, 1863). По исторіи и древностямъ русскимъ: Откуда идетъ Русская земля (1837); О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево (1857); Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи (1837); Объяснительные параграфы о Кіевѣ (1868); О первыхъ временахъ кіево-боголюбскаго братства (1865); О памятникахъ лужскаго крестовоздвиженскаго братства (1841); О десяти городахъ и нѣкоторыхъ селахъ древней Руси (1854); Обзорѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ на Украинѣ до смерти Б. Хмельницкаго (1856); Бубновская сотня (1848); О гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ (1843, 1850); Письма о Богд. Хмельницкомъ къ Н. И. Костомарову; Письма о князьяхъ Острожскихъ (1866); Украинскія стрѣлы (1868) и т. д. По этнографіи: Дни и мѣсяцы украинскаго селянина (1856) и т. д. и т. д. Изъ педагогическихъ трудовъ Максимовича выдаются: Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ (1833); Букварь (1859 и слѣд.); Сказанія о стародавнихъ людяхъ кіевской земли (1865); а изъ стихотворныхъ: малорусскій переводъ псалмовъ (1859—1867) и „Слово о Полку Игоревѣ“ (1859).

Спеціалісты въ свое время оцѣнивали высоко работы Максимовича. Касательно работъ филологическихъ довольно вспомнить, что одинъ изъ признаковъ русской рѣчи среди славянскихъ навсегда сохранилъ имя, данное ему Максимовичемъ—*помогласіе*, что Максимовичъ былъ одинъ изъ первыхъ, опредѣлившихъ признаки не только крупныхъ, но и мелкихъ дѣленій русской рѣчи,—нарѣчій, не только южнорусскихъ, но и великорусскихъ. Даль признавалъ, что „почти все, что М. А. Максимовичъ говоритъ о распредѣленіи нарѣчій, вѣрно; онъ владѣетъ завидною способностью схватывать по немногимъ даннымъ отличительные признаки нарѣчій и подводить ихъ подъ грамматическія правила“. Н. И. Костомаровъ говоритъ о критико-историческихъ работахъ Максимовича: „Я не иначе, какъ съ благодарностью, отнесся къ замѣчаніямъ М. А. М.“. С. М. Соловьевъ въ слѣдующихъ словахъ оцѣнивалъ труды Максимовича для разъясненія исторіи кievской и галицкой Руси и его заботы насадить литературную дѣятельность въ Кіевѣ: „передъ нами только двѣ книжки (сборника „Кіевлянинъ“ 1840, 1841), но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность,—и все это совершенно усиліями только одного ученаго“. Г. Соловьевъ желалъ, чтобъ за Кіевляниномъ явились Смоленинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Рязанецъ—но „за матерью городовъ русскихъ остается честь и слава благого начинанія“. Одинъ изъ нашихъ переводчиковъ, г. Гербель, говоритъ: „изъ стихотворныхъ переложеній Слова (о полку Игоревѣ) лучшіе принадлежатъ Де-ла-Рю, Мейю и въ особенности Максимовичу, чей малороссійскій переводъ Слова поражаетъ читателя, какъ замѣчательною близостію къ подлиннику, такъ и поэтическою простотою языка и звучностью стиха“.

Но заслуги Максимовича не только передъ тѣснымъ кружкомъ спеціалистовъ и любителей. Его дѣятельность оставила по себѣ болѣе глубокий слѣдъ въ исторіи развитія русскаго общества.

Литературная дѣятельность Максимовича началась въ эпоху романтизма. Между прочими послѣдствіями своими романтизмъ имѣлъ и то, что образованное общество обратило вниманіе на старинныя, а потомъ, въ частности на народныя преданія и поэзію, и постепенно втянулось въ изученіе народнаго быта вообще; подъ вліяніемъ этого изученія само литературное романтическое направленіе перешло въ реалистическое, и литература стала изображать жизнь массъ народныхъ,—а это повело за собою послѣдствія громадной важности для развитія какъ литературы, такъ и общества.

Романтическое направленіе могло скорѣе возникнуть или хотъ легче привиться и дать вышеупомянутыя послѣдствія въ странахъ и

краяхъ, гдѣ больше всего въ концѣ XVIII в. сохранилось слѣдовъ старинной, менѣе регламентированной тогдашнимъ полицейскимъ государствомъ жизни народной. Такою страной въ западной Европѣ оказалась Шотландія, которой преданія въ видѣ знаменитаго (Псевдо) Оссіана Макферсона произвели такой фуроръ въ свое время. За Макферсономъ послѣдовалъ Вальтеръ-Скоттъ съ изданіемъ народныхъ шотландскихъ балладъ (1802—1808), съ собственными сочиненіями въ духѣ ихъ и съ романами изъ шотландской и потомъ европейской старины вообще. Не трудно доказать, что В.-Скоттъ породилъ и Диккенса и Теккерея, и что то впечатлѣніе, какое произвели Макферсонъ, Перси (*Reliques of ancient english poetry* 1765) В.-Скоттъ и Чемберсъ (1829) обработкою и изданіемъ британской и преимущественно шотландской народной поэзіи и старинныхъ преданій, породило и на материкѣ Европы интересъ къ изслѣдованію народной словесности и старины со нѣмнѣ научными, литературными и общественными послѣдствіями такого интереса.

Здѣсь, на материкѣ Европы, въ этомъ отношеніи славянскія земли идутъ не за другими, какъ это почти всегда бываетъ, а самостоятельно и даже во многомъ впереди другихъ. Происходитъ это, какъ мы думаемъ, отъ преимущественно сельскаго и крестьянскаго состава славянскихъ народовъ. Между славянскими землями первенство по вниманію къ народной словесности принадлежитъ Сербіи и Россіи, а въ ней въ особенности Малороссіи, несомнѣнно, потому что Сербія и Малороссія представляли въ концѣ XVIII в. не мало чертъ, сходныхъ съ Шотландіей: въ Сербіи героическій вѣкъ еще продолжался, въ Малороссіи только что кончился. Сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсень Караджича (1817, 1818, 1823) произвелъ огромное впечатлѣніе и въ Германіи, и упредилъ на нѣсколько лѣтъ нѣмецкія изданія подобной же важности.

Въ Россіи сборники народныхъ пѣсень Чулкова (1770), Новикова (1780) и Калайдовичево изданіе рукописи Кирши Данилова (1818) стоятъ сначала изолированно, хотя и являются одними изъ первыхъ сборниковъ народной словесности въ Европѣ. Систематическая же работа надъ народной словесностью началась нѣсколько позже и притомъ, почти до 60-хъ годовъ, преимущественно сосредоточивалась на малорусской словесности, какъ видно изъ слѣдующаго перечисленія сборниковъ поэзіи юга и сѣвера Россіи: а) Князя Цертелева — Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсень, 1819; Максимовича три сборника: 1827, 1834, 1849 (цензурованы въ 1845); Срезневскаго — Запорожская старина 1833—38; П. Лукашевича — Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни, 1836; Метлинскаго — Народныя южнорусскія пѣсни, 1854; Кулиша — Записки о южной Руси 1855—1856; Ко-

стомарова—въ Малорусскомъ сборникѣ Мордовцева—1859 и т. д. Сюда же надо причислить и галицкіе сборники: Вацлава изъ Одеска 1833; М. Шашкевича (въ Русалкѣ Днѣстровой 1837); Жеготы Паули 1840, и сборники разныхъ лицъ, напечатанные г. Головацкимъ въ Москов. чтеніяхъ послѣ 1863 г.); Сахарова — Сказанія русскаго народа—1838; П. Кирѣвскаго—Пѣсни, 1849 и 1860 и слѣд.; Рыбникова—Пѣсни 1861 и слѣд.; Безсонова—Калѣнки переходящія, 1861 и слѣд. Якушкина, Варенцова, Шенна, Гильфердинга 1873 г. т. д. Слѣдуетъ замѣтить еще, что объемистые сборники Кирѣвскаго и Рыбникова изданы на счетъ Моск. общества любителей словесности, безъ помощи коего, если не ошибаемся, не обошлось и изданіе г. Безсонова; малорусскіе же сборники изданы по большей части въ провинціи и исключительно частными усиліями, кромѣ сб. г. Головацкаго и теперь печатаемаго Императорскимъ Географическимъ Обществомъ, и обширнаго собранія г. Чубинскаго ¹⁾).

М. А. Максимовичъ, какъ видимъ, занимаетъ мѣсто въ ряду самыхъ раннихъ, самыхъ усердныхъ и самыхъ безкорыстныхъ изслѣдователей народной поэзіи и въ Россіи и въ Европѣ. Что М. А. приступилъ къ своимъ этнографическимъ работамъ съ полнымъ сознаніемъ всей широкой важности такихъ работъ, это свидѣтельствуютъ слѣдующія слова изъ предисловія его къ сборнику пѣсенъ 1827:

„Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну народности; начинается уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменные, но только

¹⁾ Вотъ для опредѣленія относительной самостоятельности изданія памятниковъ народной словесности въ Россіи и заграничій нѣсколько хронологическихъ данныхъ о времени выхода первыхъ важѣйшихъ сборниковъ народной словесности въ Европѣ: въ Германіи—послѣ знаменитаго сочиненія Вильг. Гримма: *Die deutsche Heldensage* (1829) появились сборники: Вольфа—1830, Эрлаха—1834-37, Фирмениха (*Germaniens Völkerstimmen*, богатый матеріалъ собственно для нарѣчій, 1843, Уланда 1844 и т. д.). Во Франціи народная поэзія обращаетъ на себя впервые серьезное вниманіе на кельтской окраинѣ ея въ изданіяхъ Вил. Де-ла Вильмарке послѣ 1839 г. (*Chants p. de la Bretagne*); другіе сборники—Шанфлери (1860), Arbaud (провансальск.) въ 1862, Пюймагра въ 1865 и т. д. Въ Италіи, гдѣ теперь ревность къ наученію народной поэзіи и діалектовъ едва-ли не сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, — что свидѣтельствуютъ такіа изданія, какъ Pitre—*Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane* (IV voll. 1871—73), Comparetti ed Ancona—*Canti e racconti del popolo italiano* (III voll. 1870—72) и т. д. Асколи—*Dialettologia italiana* и т. д., такіа учрежденія какъ *Società Dialettologica Italiana* во Флоренціи, серьезныя работы надъ словесностью начались только послѣ изданія Tommaseo—*Canti popolari Toscani, Corsi, Illirici, Greci*—въ 1841 г. Въ западно-славянскихъ земляхъ, первые серьезные сборники народной поэзіи, кромѣ упомянутого выше сборника В. Караджича, были: сб. чешскихъ и др. славянскихъ пѣсенъ Челяковскаго (1822—27), сербскихъ Милутиновича (1837), польскихъ Войццицкаго (1836).

средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только нзрѣдка сквозъ нихъ пробивалась.

„Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимаая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная.“

Мы имѣемъ доказательства, что сборнику М. А. удалось произвести желаемое имъ вліяніе. М. А. рассказывалъ намъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ: — „А я обираю ваши пѣсни“, — сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву“, вышедшую въ 1829 г. „Полтава“ — одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной (по теперешнимъ понятіямъ) блѣдности изображенія — одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ; нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ М. А., засвидѣтельствовано показаніемъ г. Погодина и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ М. А. 1834 г.: „Я хохвастаюсь имъ передъ Пушкинымъ“.

Мы подошли къ другой знаменитости, которая играла столь крупную роль для народнаго и общественнаго самосознанія Россіи, и съ кою М. А. Максимовичъ находился еще болѣе въ тѣсной связи, чѣмъ съ Пушкинымъ. Мы должны остановиться на Гоголѣ еще и потому, что первоначальная дѣятельность его, начавшись, видимо, безъ всякой виѣшней связи съ дѣятельностью М. А. М., представляетъ большую аналогію съ послѣднею, — хотя, конечно, дальше Гоголь и Максимовичъ пошли каждый дорогомъ своей натуры. Отъ Гоголя мы имѣемъ множество напечатанныхъ писемъ, по которымъ можно судить о его внутреннемъ настроеніи, которое въ первые годы его дѣятельности, — мы можемъ съ достовѣрностью предположить, — было совершенно аналогично съ настроеніемъ М. А. Максимовича, и можетъ послужить къ уясненію того значенія, какое имѣли для литературнаго и общественнаго развитія Россіи украинскія народныя пѣсни и преданія, которыми одни изъ первыхъ стали заниматься Максимовичъ и Гоголь. Въ 1829 г. Гоголь является изъ хутора Полтавской губерніи въ Петербургъ, — и вотъ какъ говорить онъ въ первомъ письмѣ къ матери (30-го апрѣля) о впечатлѣніи, произведенномъ на него — миргородско-нѣжинскаго панича — сѣверной Пальмирой: „Въ Петербургѣ тишина необыкновенная; никакой духъ не блеститъ въ народѣ; все служащіе, да должностные, всѣ

толкують о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все погружено въ труды, въ которыхъ бесплодно издерживается ихъ жизнь... Петербургъ вовсе не похожъ на прочія столицы европейскія или Москву. Каждая столица вообще характеризуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности, — на Петербургъ нѣтъ никакого характера.“ Подъ такими впечатлѣніями Гоголь воспоминаетъ о народѣ въ полтавскихъ хуторахъ, о комъ онъ, какъ видно по всему, не очень-то много думалъ прежде, — и съ этого письма начинается рядъ просьбъ къ матери, сестрамъ, знакомымъ, сообщать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинные предметы, — „какъ это все дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ“. Въѣстъ съ тѣмъ, Гоголь проситъ прислать ему малорусскія пѣснь отца, говоря: „здѣсь всѣхъ такъ занижаетъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать поставить ихъ на театрѣ“. Извѣстно, что результатомъ пробудившагося этнографическаго интереса у Гоголя были повѣсти, которыя онъ сталъ печатать въ журналахъ, а потомъ и первая часть „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ (1830 г.) Теперь, когда малорусскія народныя сказки отчасти изданы г. Рухтенномъ (I—II-й вып. 1869—1870), можно наглядно видѣть, какъ обильно Гоголь черпалъ изъ народныхъ преданій и разсказовъ. „Вечера на хуторѣ“ произвели огромное впечатлѣніе. По словамъ г. Пыпина, это былъ первый опытъ изображенія живой народной жизни въ Россіи, такъ что г. Пыпинъ даетъ ему мѣсто не только въ чисто-литературной исторіи, но въ исторіи изученія русской народности. „Вечера на хуторѣ“ произвели впечатлѣніе прежде всего на вождя тогдашней литературы—Пушкина. Вотъ что писалъ онъ: „Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренная, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами, какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Ради Бога, возьмите сторону (автора), если журналы, по своему обыкновенію, нападутъ на *непримѣие* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣить les gracieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просить; и все это слогомъ камердинера профессора Третьяковскаго.

Со времени „Вечеровъ“ начинается близкая дружба между двумя геніальнѣйшими поэтами русскими, дружба столь плодотворная для Гоголя (по его собственному сознанію), но не безплодная и для Пушкина. Объ обратномъ вліяніи Гоголя на Пушкина и даже на старѣй-

шаго и консервативнаго Жуковскаго даетъ основаніе заключать слѣдующее мѣсто изъ письма Гоголя къ Данилевскому, отъ 2-го ноября 1831 г.: „Все лѣто я провелъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестныхъ вещей вышло изъ-подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть октавами писанная: Кухарка (домикъ въ Коломенѣ), въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того, сказки, русскія народныя сказки, не то, что Русланъ и Людмила, но совершенно русскія. У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки — чудное дѣло! Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ и уже чисто-русскій, ничего германскаго и прежняго“ (Сказки Жуковскаго стали печататься съ 1831 г., Сказка о рыбацѣ и рыбацѣ въ 1833 г.).

Два полтавца, одинъ, въ Москвѣ, на кафедрѣ ботаники, другой — въ Петербургѣ, въ разныхъ должностяхъ, имѣющіе общихъ знакомыхъ, горячо преданные одному дѣлу, этнографіи родного края, Максимовичъ и Гоголь должны были войти въ сношенія и, — скоро письма ихъ получаютъ интимный характеръ. Къ тому же, оба они стали рваться въ Кіевъ, гдѣ оба надѣялись получить кафедры въ новомъ университетѣ. „Мнѣ надоѣлъ Петербургъ“, пишетъ Гоголь Максимовичу въ январѣ 1834 г., „какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту. Да превратится онъ въ Русскія Аѳины“. Готовясь къ кафедрѣ исторіи словесности русской и языка, которую и занялъ онъ въ Кіевѣ, Максимовичъ приготавливалъ къ изданію свой сборникъ украинскіхъ пѣсенъ 1834 г. Гоголь тѣмъ временемъ работалъ надъ исторіей Малороссіи, а въ сборникѣ Максимовича принималъ такое участіе, какъ будто это было его изданіе. Вотъ что онъ говоритъ о пѣсняхъ украинскіхъ въ письмѣ къ Максимовичу, отъ 9-го ноября 1833 г.:

„Теперь я принялся за исторію нашей... Украины. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣй. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

„Я порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковского. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жиды, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ слышу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ

пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно, если бы кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дожидаться печатнаго, притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже и... онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе... прошедшую жизнь и... прошедшихъ людей. Велите сдѣлать это (переписать пѣсни) скорѣе“.

Страстной любовью къ поэтическимъ красотамъ украинскихъ пѣсенъ и высокимъ уваженіемъ къ ихъ историческому значенію проникнута статья Гоголя по поводу сборниковъ Максимовича, Срезневскаго и Вацлава изъ Олеска въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1834 г. Въ томъ же году, въ томъ же январѣ, когда Гоголь писалъ Максимовичу, что Петербургъ ему надоѣлъ, онъ писалъ г. Погодину: „я теперь весь погруженъ въ исторію Малороссіи... Малороссійская исторія у меня чрезвычайно бѣшена, да иначе, впрочемъ, ей быть нельзя“ (11 янв. 1834 г.) И однако-жъ Малороссійской исторіи Гоголь не написалъ! Правда, онъ написалъ въ этотъ періодъ „Тараса Бульбу“, и до сихъ поръ единственный, вполнѣ художественный русскій историческій романъ. Но въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ Женитьбу, Ревизора и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей, а слѣдовательно, не поймемъ вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя,—не поймемъ, что дало силу недоучившемуся провинціалу, чуждому результатовъ передовой европейской мысли, стать возбудителемъ критическаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія Ревизора и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, какому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи,—и не оценимъ того контраста, какой представляютъ симпатическія и грандіозныя образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми „мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь“, какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности. А если такъ,—то вотъ какую службу сослужили украинскія народныя пѣсни нашему отечеству! И не мала доля участія въ этой службѣ и М. А. Максимовича.

Но и этимъ не оканчиваются заслуги для Россіи М. А. Макси-

мовича, — какъ одного изъ дѣателей по возбужденію въ ней народнаго самосознанія. Онъ является профессоромъ въ Кіевѣ, въ который только что переведенъ былъ университетъ изъ Вильны. Въ Кіевѣ М. А. явился, приготовивъ сборникъ украинскихъ пѣсенъ 1834 г. Если мы посмотримъ на эниграфы этого сборника, на призыванія къ нему, — то мы увидимъ, что руководящею идеей въ немъ была идея о близости малорусской народной поэзіи съ памятниками литературы удѣльнаго періода, особенно съ „Словомъ о полку Игоревѣ“. Это — мысль, которую потомъ литературно развилъ Бѣлинскій въ статьѣ о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, и учено, по слѣдамъ Максимовича, г. Буслаевъ, въ статьѣ „Объ эпическихъ выраженіяхъ украинской народной поэзіи“. Эта мысль побудила потомъ Максимовича перевести обломки поэзіи старокіевской Руси на языкъ теперешнихъ крестьянъ этой Руси. Всякому, кто знакомъ съ исторіею югозападной Руси и съ ея положеніемъ, — надѣмся, понятно будетъ, безъ дальнихъ словъ, какое огромное практическое государственное значеніе имѣетъ мысль, — что рѣчь, поэзія, чувства *хлота* въ югозападной Руси — прямые потомки рѣчи, поэзіи, чувствъ *князей* древнекіевской земли. И дѣйствительно, тѣ работы и тѣ интересы, какимъ предавался этнографъ и археологъ Максимовичъ въ Кіевѣ и послѣ, имѣютъ столько же научное, сколько и политическое значеніе.

Въ основаніи археологической комиссіи для изслѣдованія древностей юго-западнаго края и археографической комиссіи, — которая явилась при генераль-губернаторѣ, вмѣсто предполагаемаго Максимовичемъ кіевского общества исторіи и древностей, — Максимовичъ явился, какъ начинатель и какъ дѣятельный сотрудникъ. А извѣстно, что труды этой комиссіи дали возможность прослѣдить непрерывность народной русской традиціи въ юго-западномъ краѣ подъ разными чуждыми наслоеніями. Не должно думать, что дѣятельность, даже ученоя, въ народномъ русскомъ духѣ была такъ легка въ тридцатье-сороковые годы въ Кіевѣ. Казалось бы, университетъ въ Кіевѣ для этой дѣятельности и былъ основанъ. По крайней мѣрѣ гр. Уваровъ говорилъ въ Кіевскомъ университетѣ, что „назначеніе университета — распространять русское образованіе и русскую народность въ ополченномъ краѣ западной Россіи“. Не трудно, казалось бы также, было бы признать безусловно вѣрною мысль Хомякова, который писалъ Максимовичу по поводу выхода первой книги его „Кіевлянина“: „пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою живнью. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ, — а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями.“ Трудно указать гдѣ-либо окраину государства, въ которой является необходимость заботити-

ся о преодолѣніи центробѣжныхъ стремленій, гдѣ бы эти стремленія были дѣломъ до того ничтожнаго меньшинства и гдѣ бы настроеніе массъ и историческія традиціи были до того противоположны враждебному государственности меньшинству и до того, слѣдовательно, благоприятны дѣламъ государства, какъ юго-западная Русь. Поэтому дѣятельность лица, которое задалось цѣлью изслѣдовать жизнь и духъ коренной народности въ Юго-западномъ краѣ въ настоящемъ и прошедшемъ, казалось бы, не должна была встрѣчать никакихъ препятствій, особенно лица съ такими далеко не крайними мнѣніями, какъ Максимовичъ. Однако, было не такъ. Чтoby понять соотвѣтствіе такихъ изслѣдованій и разъясненій, какъ тѣ, какія начиналъ Максимовичъ, съ видами государства, нужно было отрѣшиться отъ тѣхъ взглядовъ на народъ и государство, какія господствовали въ тридцатые-сороковые годы, нужно было сознать, что на тогдaшней государственной дѣятельности, даже по вопросу о народности въ политикѣ, лежало путами крѣпостное право массъ. А тотъ народъ, объ исторіи и бытѣ котораго хотѣлъ говорить Максимовичъ, именно къ этому крѣпостному праву относился до того недвусмысленно, что самые умѣренные люди, разъ прикоснувшись къ исторіи и этнографіи этого народа, невольно натакаливались на мысли, которыя двадцать-тридцать лѣтъ назадъ считались чрезвычайно крайними. Любопытно читать теперь въ біографіи Максимовича, напечатанной въ официальномъ журналѣ,—что, напр., „еписк. Иннокентій исправлялъ статьи Максимовича, остерегался цензуры, которая была очень строга; такъ стихотвореніе Хомякова „Кіевъ“ не было пропущено цензоромъ; историческія статьи печатались съ великими ущербами; а статьи Максимовича „Сказаніе о Колієвщинѣ 1768 года“, на которую онъ рассчитывалъ, какъ на самую интересную для читателей, не только воспрещена была цензоромъ, но даже, по настоянію его, была отослана мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ, при особомъ мнѣніи цензора“; или напр., что „выходъ Сборника украинскихъ пѣсень“ былъ задержанъ тогдашними обстоятельствами“—послѣ того уже, какъ былъ процензурованъ, на цѣлыхъ четыре года отъ 1845 до 1849 г. Характерно и то, что когда Максимовичъ поѣхалъ на вакаціи 1839 г., на свою Михайлову гору, гдѣ ему тотчасъ же бросился, говоря словами его біографа, „печальный упадокъ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ 1783 г.“, Максимовичъ написалъ свои мысли Иннокентію,—и „Иннокентій, посылая отвѣтъ свой по почтѣ, опасаясь разговориться свободно о жгучемъ вопросѣ и отвѣчалъ Максимовичу письмомъ на латинскомъ языкѣ“.

Интересъ къ народности повелъ Максимовича еще къ одному живому дѣлу: къ дѣлу народнаго образованія. Его „Книга Наума о

великомъ божіемъ мірѣ“, вышедшая въ 1833 г., есть одинъ изъ первыхъ у насъ опытовъ популярной литературы, заглавіе котораго показываетъ начало идеи о народности въ педагогіи. Дальнѣйшій шагъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляютъ первыя изданія Букваря Максимовича. Максимовичъ же является и однимъ изъ первыхъ у насъ переводчиковъ священнаго писанія на народный языкъ своими „Псалмами, переложенными на украинское нарѣчіе“, въ „Украинцѣ“ 1859 г., а потомъ въ львовскомъ журналѣ „Галичанинъ“ за 1867 г.

Такіе всесторонніе побѣги дали въ Максимовичѣ тѣ этнографическіе интересы, которые заставили его, ботаника, выступить въ 1827 г. съ сборникомъ украинскихъ народныхъ пѣсень! Эти побѣги были бы свѣжи и новы въ настоящее время, — тѣмъ болѣе они новы были въ 20—40-е годы, когда сложился и наиболѣе дѣйствовалъ Максимовичъ. Онъ, конечно, до конца сохранилъ на себѣ окраску времени своего воспитанія, но едвали въ комъ-либо изъ оставшихся до послѣдняго времени дѣятелей Жуковско-Пушкинской эпохи было столько живыхъ интересовъ, связывающихъ его съ интересами послѣдующихъ поколѣній, какъ въ М. А. Максимовичѣ.

Нѣкогда Пушкинъ сказалъ о Ломоносовѣ, что онъ самъ былъ первымъ русскимъ университетомъ. Неутомимый труженикъ на кафедрѣ въ Кіевѣ и потомъ въ хуторѣ, гдѣ жилъ онъ на пенсію въ 762 р., М. А. Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ. Въ странѣ столь обширной, какъ Россія, областная жизнь въ прошломъ и настоящемъ должна представлять не мало разнообразія, — а потому вопросъ объ изученіи областей и представляетъ такую важность для науки, а вопросъ объ установленіи равновѣсія въ степени жизненности областей и центровъ такъ важенъ для общественнаго дѣятеля. М. А. Максимовичъ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей для областной науки и жизни. Его значеніе вѣрно опредѣлялъ Иннокентій словами: „Исполать вамъ! Вы стоите за все кіевское, какъ истый кіевлянинъ!“ Изучая Кіевскую Русь и ея народъ, истолковывая ее, въ теченіи сорока-пяти лѣтъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, начиная въ провинціальномъ городѣ литературно-ученую дѣятельность, М. А. Максимовичъ тѣмъ именно и успѣлъ послужить и прямо, и косвенно, наукѣ, литературѣ и обществу всей Россіи, и показалъ, чего можно ждать отъ народныхъ силъ Кіевской Руси, при наступающихъ лучшихъ условіяхъ народной и областной жизни.

Кіевъ. 15-го декабря 1873.

М. Драгомановъ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 11-го января 1874 года.

- 1) Выслано 200 руб. въ пособіе дочери писателя, находящейся временно въ стѣсненномъ положеніи.
- 2) Выдано 40 руб. писателю на выкупъ его платья.
- 3) Выдано въ ссуду 300 руб. одному писателю, за поручительство двухъ членовъ комитета въ вѣрности возвращенія этой суммы въ 31-му декабря 1874 г.
- 4) За силою § 5 устава, отклонены ходатайства трехъ лицъ о пособіи.
- 5) Выслано 100 руб., изъ пожертвованной А. А. Краевскимъ суммы, на воспитаніе сына писателя.
- 6) Выдано 25 руб. писателю на уплату долга за квартиру.
- 7) Изъявлена благодарность Общества Н. А. и В. А. Манассеинымъ за содѣйствіе ихъ комитету.

II. Уставъ саратовскаго общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію.

§ 1. Для доставленія недостаточнымъ жителямъ или уроженцамъ Саратовской губерніи возможности получить высшее образованіе учреждено въ Саратовѣ общество вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію.

§ 2. Общество оказываетъ пособіе учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и лицамъ домашняго воспитанія, которые по своимъ свѣдѣніямъ могутъ быть приняты въ высшія учебныя заведенія.

Примѣчаніе I. Общество оказываетъ пособіе въ видѣ исключенія также и даровитымъ самоучкамъ; въ этомъ случаѣ оно даетъ самоучкамъ средства для полученія какъ средняго, такъ и высшаго образованія.

Примѣчаніе II. Учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ пособія могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ согласія непосредственныхъ начальствъ тѣхъ заведеній.

§ 3. Помощь вступающимъ въ высшія учебныя заведенія можетъ состоять въ выдачѣ денегъ на путевыя издержки до мѣста нахождения заведенія, въ снабженіи платьемъ, въ платѣ за слушаніе лекцій и во временныхъ стипендіяхъ, преимущественно на первомъ курсѣ.

§ 4. Помощь учащимся въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній можетъ состоять въ платѣ за право ученія, въ снабженіи одеждой, учебными пособіями, во временныхъ стипендіяхъ и въ присканіи уроковъ или занятій.

§ 5. Денежныя пособія производятся только въ видѣ временныхъ ссудъ, возвращеніе которыхъ, по мѣрѣ возможности, предоставляется нравственному чувству воспользовавшихся пособіемъ, о чемъ объявляется при выдачѣ ссуды.

§ 6. Общество состоитъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ.

§ 7. Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ и почетныхъ обоюго пола.

§ 8. Дѣйствительными членами могутъ быть лица обоюго пола, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ и учащихся, обязавшіяся вносить въ кассу общества не менѣе 5 р. ежегодно или сдѣлавшія единовременный взносъ не менѣе ста руб.

Примѣчаніе. Единовременные взносы въ количествѣ ста руб. и болѣе причисляются къ денежному фонду общества.

§ 9. Членъ общества, не представившій къ 1 января слѣдующаго съ него годоваго взноса, считается сложившимъ съ себя званіе члена впредь до новаго взноса.

§ 10. Почетнымъ членомъ общества считается саратовскій губернаторъ; кромѣ того, въ почетные члены обществомъ избираются лица, отъ которыхъ общество можетъ ожидать какихъ-либо важныхъ услугъ.

§ 11. Средства общества заключаются: 1) изъ ежегодныхъ и единовременныхъ взносовъ членовъ общества; 2) изъ всякаго рода денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій; 3) изъ сбора въ годощины основаній университетовъ. Кромѣ сего, общество можетъ устраивать спектакли, концерты, публичныя чтенія, аллегри и проч., соблюдая установленный на сей предметъ закономъ порядокъ.

§ 12. Распоряженіе дѣлами общества лежитъ на общемъ собраніи и на Совѣтѣ общества.

§ 13. Общія собранія составляются изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, и бываютъ годовыя, очередныя и чрезвычайныя. Первое созывается 12-го января, въ день основанія московскаго университета; вторыя ежемѣсячно, по постановленію Совѣта, третьи также по постановленіямъ Совѣта, или по требованію ревизіонной комиссіи, или же не менѣе 10 членовъ, для обсужденія особенно важныхъ дѣлъ, не терпящихъ отлагательства.

§ 14. Общія собранія признаются дѣйствительными: годовое и чрезвычайныя, если въ нихъ присутствовало не менѣе 30, ежемѣсячныя—не менѣе 15 членовъ. Въ случаѣ, если какое-либо собраніе не состоится по неприбытію установленнаго числа членовъ, то чрезъ недѣлю назначается новое собраніе, которое считается состоявшимся, какое бы число членовъ ни собралось. Вопросы въ собраніи рѣшаются простымъ большинствомъ; въ случаѣ равенства голосовъ, вопросъ считается непринятымъ. Для постановленій о дополненіи и измѣненіи устава требуется согласіе $\frac{2}{3}$ прибывшихъ въ собраніе членовъ.

§ 15. Право предсѣдательства въ очередныхъ общихъ собраніяхъ принадлежитъ предсѣдателю Совѣта, а въ годовомъ и чрезвычайныхъ собраніяхъ избирается особый предсѣдатель.

§ 16. Къ предметамъ занятій общихъ собраній относится: 1) выборъ почетныхъ членовъ, членовъ Совѣта и ревизіонной комиссіи; 2) разсмотрѣніе годоваго отчета Совѣта; 3) разсмотрѣніе частныхъ отчетовъ о дѣйствіяхъ Совѣта за время отъ одного до другаго собранія; 4) разсмотрѣніе доклада ревизіонной комиссіи; 5) разсмотрѣніе представленій Совѣта о вспомошествованіяхъ; 6) обсужденіе мѣръ къ увеличенію средствъ общества; 7) составленіе инструкціи для дѣйствій Совѣта; 8) постановленіе о ходатайствахъ объ измѣненіи и дополненіи устава.

Примѣчаніе. Къ предметамъ занятій очередныхъ собраній принадлежать только упоминаемые въ 3, 5 и 6 пунктахъ.

§ 17. Совѣтъ состоитъ изъ пяти членовъ, избираемыхъ на одинъ годъ, изъ дѣйствительныхъ членовъ, проживающихъ въ Саратовѣ.

§ 18. Члены Совѣта изъ своей среды избираютъ: предсѣдателя, казначея и секретаря.

Примѣчаніе. Совѣтъ по случаю отсутствія или болѣзни означенныхъ лицъ опредѣляетъ, кто именно изъ остальныхъ членовъ Совѣта долженъ вступать въ отправленіе ихъ обязанностей.

§ 19. Въ члены Совѣта избираются 10 челов., изъ числа которыхъ 5, по старшинству голосовъ, поступаютъ въ члены, 5 въ кандидаты къ нимъ; избраніе производится — сначала кандидатовъ, по запискамъ, затѣмъ кандидаты, по большинству голосовъ, баллотировуются шарами въ члены Совѣта; по выборѣ 10 лицъ баллотировка прекращается.

§ 20. Кандидаты поступаютъ поочереды въ отправленіе обязанностей членовъ Совѣта, въ случаѣ болѣзни, или отсутствія кого-либо изъ членовъ.

§ 21. Засѣданіе Совѣта считается состоявшимся, если въ немъ участвовало не менѣе трехъ членовъ.

Примѣчаніе. Въ засѣданіяхъ Совѣта могутъ участвовать съ правомъ совѣщательнаго голоса члены общества, не принадлежащіе къ составу Совѣта.

§ 22. Засѣданія Совѣта происходятъ по назначенію предсѣдателя по мѣрѣ надобности.

§ 23. Дѣла въ Совѣтѣ рѣшаются по большинству голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

§ 24. Къ предметамъ занятій Совѣта относятся: 1) разсмотрѣніе принятыхъ къ-либо изъ членовъ совѣта просьбъ о помощи и заявленій о нуждающихся; 2) собраніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній о положеніи нуждающихся; 3) составленіе и представленіе общему собранію докладовъ о разрѣшеніи выдачи пособій; 4) исполненіе постановленій общихъ собраній; 5) присканіе нуждающимся занятій; 6) выдача, въ крайнихъ случаяхъ, ссудъ изъ особо открытаго общимъ собраніемъ на сей предметъ кредита; 7) изысканіе мѣръ къ увеличенію средствъ общества; 8) назначеніе и устройство спектаклей, концертовъ, чтеній, аллегри и т. п.; 9) наблюденіе за цѣлостію денежныхъ средствъ и имущества общества и введеніе по онымъ счетоводства; 10) составленіе для общихъ собраній годового и частныхъ отчетовъ; 11) представленіе общему собранію соображеній объ измѣненіи и дополненіи устава.

§ 25. Отчеты общества печатаются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ, по усмотрѣнію Совѣта, и представляются министерству внутреннихъ дѣлъ.

§ 26. Всѣ сношенія общества производятся отъ лица Совѣта за подписью предсѣдателя и секретаря.

§ 27. Всякое измѣненіе и дополненіе настоящаго устава, если встрѣтится въ томъ надобность, можетъ быть допущено не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

§ 28. Если по какимъ-либо обстоятельствамъ общество прекратитъ свои дѣйствія, то весь принадлежащій ему капиталъ обращается по опредѣленію наличныхъ членовъ на употребленіе, соотвѣтствующее цѣлямъ общества.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ февралѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

ФИНДЕЛЬ, I. Исторія франк-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. Спб. 1874 г. 2 тома. Ц. 5 р., вѣс. за 5 ф.

КОСТОМАРОВЪ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, выпускъ 3-й. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

НЕКРАСОВЪ, Н. Стихотворенія, часть 6-я. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

КРЕСТОВСКИЙ, В. Исторія 14-го уланскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны полка. Спб. 1874 г. Ц. 5 р., вѣс. за 5 ф.

МОДЗАЛЕВСКИЙ, Л. Очеркъ исторіи воспитанія и обученія съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 2 тома. Спб. 1874 г. Ц. 4 р., вѣс. за 4 ф.

ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ. Вѣверлей или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, съ двумя картинками, гравированными на стали и 50 полиптиками въ текстѣ. Спб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.

СУБВОТИНЪ, Н. Исторія бѣлокриницкой іерархіи. Томъ 1-й. М. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.

ДУМАШЕВСКИЙ, А. Систематическій сводъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ составленъ съ подлиннымъ текстомъ рѣшеній, съ извлеченными изъ нихъ тезисами и критическимъ разборомъ ихъ, продолженіе 1871—1874 г. Рѣшенія кассационныхъ департаментовъ, вышедшія по 1-е іюля 1873 г. Спб. 1873 г. Ц. 5 р., вѣс. за 5 ф.

КРЕСТОВСКИЙ, В. Изъ походныхъ очерковъ: 1) Отъ штаба до зимнихъ квартиръ. 2) Базарный день въ Свислочи. 3) Облава на утокъ. 4) Бульваръ — мой сосѣдъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

БОЕВЪ, Н. Заозерье, очерки и рассказы изъ жизни лѣсного края. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

ГЕЙНЕ, Г. Сочиненія въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціею П. Вейнберга. Томъ 12-й. Спб. 1874 г. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

БЕДЖОТЪ, В. Естествознаніе и политика. Мысли о примѣненіи началъ естественнаго подбора и наслѣдственности къ политическому обществу. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ТЕНО, Ж. Теорія практической перспективы для рисованія съ натуры, удобопонятная для всѣхъ. М. 1874 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ЛИПРАНДИ, И. Замѣчанія на воспоминанія Вигеля. М. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

МАТЮ, В. Успѣхъ въ жизни. Спб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 2 ф.

ФОНЪ-ДЕДЕНРОТЪ. Таинственное убійство. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

КИРПИЧЕВЪ, Л. Артиллерійскія орудія, лекціи читанныя въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

ЛѢВЕ, А. Общепонятная теорія перспективы и тѣней. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

САМАРОВЪ, Г. Эпиграмы въ Рѣмеръ, Дѣя императорскія короны (продолженіе и окончаніе романовъ „За скипетры и короны“ и „Европейскія мины и контрмины“), выпускъ 3-й. Спб. 1874 г. Ц. 80 к., вѣс. за 1 ф.

БАСКАДНЫЙ МІРЪ. Сборникъ французскихъ шансонетокъ. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. вѣс. за 2 ф.

УСТРОЙСТВО ЧЕЛОВѣЧЕСКАГО ТѢЛА, представленное на раскладныхъ рисункахъ съ текстомъ. М. 1874 г. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

Вѣстникъ Европы, — Мартъ, 1874,

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ИЗДАНІЯ

В. НОВАКОВСКАГО.

ГДѢ Я? И КТО Я?

Цѣна 60 коп.

Эта книга своимъ разнообразнымъ и довольно обильнымъ содержаніемъ имѣетъ въ виду удовлетворять той потребности дѣтей, по которой они постоянно спрашиваютъ обо всемъ, что ихъ окружаетъ, и служить педагогическимъ пособіемъ для родителей и наставниковъ, давая имъ строго обдуманнѣе и къ дѣтскимъ понятіямъ приуроченный матеріалъ для начальныхъ бесѣдъ съ дѣтьми, направленный къ всестороннему развитію послѣднихъ и къ обогащенію ихъ необходимыми и полезными свѣдѣніями, чтобы осмыслить для нихъ окружающую ихъ природу. А дѣло по этой книгѣ—дома ли, въ классѣ ли—ведется просто: прочитывается статья; мать или наставникъ дѣлаютъ вопросы, изъ нея извлеченные, на которые дѣти даютъ отвѣты, въ ней же заключающіеся; потомъ въ предѣлахъ статьи ведется бесѣда, во время которой дѣлаются нужныя объясненія мыслей и словъ; наконецъ, дѣти дѣлаютъ пересказъ статьи, подробный или краткій, устный или письменный.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ:

Шесть званій.

Царь-богатырь Петръ Великій. Цѣна 75 коп.

Ученый Ломоносовъ. Цѣна 50 коп.

Генералиссимусъ Суворовъ. Цѣна 75 коп.

Митрополитъ Платонъ. Цѣна 40 коп.

Администраторъ Сперанскій. Цѣна 60 коп.

Поэтъ Пушкинъ. Цѣна 40 коп.

Имѣть знакомство съ замѣчательными историческими личностями и представлять себя, какъ на томъ или другомъ поприщѣ высказался въ нихъ человѣкъ, его умъ, воля, сердце, его душа съ самыми разнообразными ихъ свойствами—сдѣлать не интересно для каждаго, кто еще не имѣетъ такого знакомства. Для молодыхъ же людей, на которыхъ всего болѣе дѣйствуютъ примѣры, оно даже необходимо, какъ признаетъ его такимъ современная педагогія, рекомендуя бiографическіе очерки, какъ лучшее средство въ достиженіи цѣлей воспитанія и образованія, такъ-какъ въ нихъ передаются потомству уроки предковъ, современному поколѣнію опыты прошедшаго; и молодой человѣкъ, избирающій себѣ карьеру жизни и ясно представляющій въ примѣрахъ разныя поприща жизни, сознательно почувствуетъ въ себѣ свое собственное призваніе. Такое знакомство—дома ли, въ классѣ ли—можно приобретать однимъ прочтеніемъ того или другаго очерка; но можно также сопровождать чтеніе бесѣдами наставника съ учениками по поводу тѣхъ или другихъ фактовъ разсказа, тѣхъ или другихъ психологическихъ явленій личности; можно обращать содержаніе прочитаннаго и въ матеріалъ ученическихъ сочиненій въ низшихъ классахъ, такъ-какъ оно въ каждомъ разсказѣ представляетъ нѣчто цѣлое, по связи съ предыдущими и послѣдующими разсказами вполне понимаемое дѣтьми, что дастъ имъ возможность, при нѣкоторой самостоятельности, дѣйствовать вполне сознательно и послужить къ болѣе прочному усвоенію самихъ свѣдѣній. Въ шести означенныхъ очеркахъ представлены самыя выдающіяся въ Русской Исторіи

личности, дѣйствовавшія на шести различныхъ поприщахъ. Авторъ взглянулъ на протекшую жизнь нашихъ предковъ, какъ на золотой рудникъ всевозможныхъ примѣровъ, заиманныхъ ими потомству и всего болѣе годныхъ для современнаго поколѣнія, особенно молодого, и предположилъ было съ этою цѣлю пройти по лѣстницѣ тысячелѣтняго существованія Россіи, если бы публикѣ встрѣтить сочувствіе въ такому труду, о которомъ, судя по первымъ выпускамъ его, отзывался нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ такъ: „трудъ долженъ быть продолженъ“.

РУССКАЯ ГРАММАТИКА И ХРИСТОМАТІЯ:

Предварительный курсъ для 1-го класса. Цѣна 30 коп.

Къ нему Христоматія для 1-го класса. Цѣна 60 коп.

Этимологическій курсъ для 2-го класса. Цѣна 40 коп.

Къ нему Христоматія для 2-го класса. Цѣна 60 коп.

Синтаксическій курсъ для 3-го класса. Цѣна 60 коп.

Къ нему Христоматія для 3-го класса. Цѣна 60 коп.

Высшій курсъ для 4-го класса. Цѣна 40 коп.

Краткая Русская Грамматика. Цѣна 50 коп.

Изложеніе Русской Грамматики въ четырехъ курсахъ по классамъ основано на рѣшеніи слѣдующаго вопроса: какъ повести преподаваніе грамматикѣ отечественнаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы и достоинство науки было сохранено вопреки дѣлаемому сокращенію ея содержанія, иногда въ обрѣзъ, и для дѣтскихъ способностей отвлеченное ея содержаніе было незатруднительно, служа въ то же время лучшимъ общеобразовательнымъ средствомъ для ихъ развитія, и самое преподаваніе было разумно-сознательное, устраняющее рутину, механизмъ или хожденіе вокругъ да около преподаваемого предмета, и въ результатъ получалось знаніе основательное и прочное, а не такое, между прочимъ, что окончивающіе гимназическій курсъ выходятъ иногда безграмотными? Съ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго „Высшаго курса“, рѣшеніе этого вопроса окончательно обозначилось, такъ что возникшій въ суть всѣхъ курсовъ можетъ увидѣть, ведутъ ли они къ предполагаемой цѣли, къ желаемому изученію отечественнаго языка. Въ этотъ курсъ, какъ назначаемый для старшаго возраста воспитанниковъ, перенесены болѣе трудныя мѣста изъ предыдущихъ курсовъ, которые поэтому въ новомъ изданіи выйдутъ съ перемѣнами; а синтаксическій курсъ, представляющій поприще для самостоятельности учащихся, будетъ совершенно переѣланъ и получитъ направленіе чисто практическое. Кто вѣрно представляетъ себѣ современное состояніе русскаго языка въ преподаваніи, тотъ по совѣсти не скажетъ, что эти курсы являются въ печати не кстати; а кто захочетъ повѣрить ихъ опытомъ, тотъ убѣдится въ томъ. Современное состояніе нашего языка много терпитъ отъ отсутствія основательнаго изученія его, рельефно указываемаго пестротой и шаткостью современнаго правописанія; только основательное изученіе языка можетъ вывести его изъ такого состоянія, что и имѣлось въ виду при составленіи курсовъ. — Изложеніе „Краткой Русской Грамматики“ имѣетъ ту особенность, что въ ней Этимологія и Синтаксисъ не отдѣлены, а идутъ рука объ руку, такъ что учащійся тотчасъ видитъ, какое приложеніе одна къ другой имѣютъ эти двѣ части науки. Въ циркулярѣ попечителя харьковскаго учебнаго округа (1865 г.) былъ отзывъ о ней, какъ о „выходящей изъ ряда обыкновенныхъ литературныхъ явленій“.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ ВАЗУНОВА и „ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ“, въ С.-Петербургѣ.

Новое періодическое изданіе въ 1874 году:

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ФИНАНСОВЪ И ТОРГОВЛИ

будеть выходить 52 раза въ годъ, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ одного до двухъ печатныхъ листовъ, въ четвертую долю листа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . .	10 р. — к.
„ „ „ съ доставкою . .	11 „ 50 „
Съ пересылкою въ другіе города.	12 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для жителей Петербурга — въ книжномъ магазинѣ А. А. ЧЕРКЕСОВА; для жителей Москвы — въ книжномъ магазинѣ Н. Г. СОЛОВЬЕВА, а равно и у всѣхъ книгопродавцевъ. Для иногороднихъ подписка принимается исключительно въ РЕДАКЦИИ: у Аничкова моста, по Фонтанѣ, въ домѣ кн. Любомирской, № 23, кв. № 1.

Издатель и редакторъ **О. П. Баймаковъ.**

ГАЛЛЕРЕЯ СТЕРЕОСКОПНЫХЪ КАРТИНЪ:

Вѣнская выставка, Петербургъ, Кавказъ, Швейцарія, Тироль, Италія, Испанія, Парижъ, Рейнъ, Дрезденъ, Тюрингенъ, Гартцъ, Штейермаркъ, Скульптура, Красавицы, Жанръ, Группы, Гризетки, Граціи и проч. по 2, 3, 4, 4^{1/2}, 5 и 6 руб. за дюжину; раскрашенные по 3, 4, 5, 6, 9, 10 руб. и дороже за дюжину; въ

Центральномъ депо фотографическихъ картинъ.

С.-Петербургъ, Невскій, 60, противъ Аничкова дворца.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.

І. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Вольная Морская, № 9,
(на углу Невскаго проспекта).

Москва, на Петровскѣ, № 6,
(на углу Кузнецкаго моста).

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:

Для фортепіано: Alberti, 12 petites fantaisies très faciles sur des opéras favoris (каждая 15 к.). Ascher, Danse espagnole (35 к.); La Traviata. Grand caprice (45 к.); La cascade de roses (35 к.); Fiammina. Mazurka (20 к.); Mazurka des traineaux (30 к.); Bach, Pièces exécutées par Rubinstein: Deux gavottes (20 к.); Echo (15 к.); Gigue (15 к.); Rondo (15 к.). Badarzewska, Prière d'une vierge (20 к.); Mazurka (20 к.); Vision (20 к.). Battmann, Marche (30 к.); „Orphée aux enfers“. Petite fantaisie facile (30 к.). Biehl, Mazurka russe (15 к.). Blumenthal, Chant du cygne (20 к.); La Petite Russie. Fantaisie (50 к.). Dubuque, 3 русскихъ гимна: „Коль славы нашъ Господь въ Сіонѣ“ и пр. (20 к.). Конрадъ, Путешествіе по Европѣ. Понурри (75 к.). Egghard, Simple mélodie (20 к.); Méditation d'une jeune fille (20 к.); Au bord de la mer (20 к.); Jet d'eau. Impromptu (30 к.); La rêveuse. Morceau sentimental (20 к.); Le rossignol enchanté. Mélodie variée en trilles (30 к.); Marche du sacre du Prophète (30 к.); Боже царя храни! (30 к.); Chanson napolitaine (30 к.); La clochette d'argent. Morceau brillant (30 к.); La brunette. Petit morceau (20 к.). Field, Le midi. Rondo (50 к.); Камаринская (20 к.). Filitch, L'hirondelle (20 к.). Gloria, Etude de concert (30 к.). Gounod, Valse de Faust (20 к.). Gutmann, La mélancolie (30 к.); La sympathie. Valse (35 к.). Heller, Charles VI. Fantaisie (60 к.). Herz, Addio (20 к.). Hillier, Zur Guitare. Impromptu (20 к.); Danse de gnomes (30 к.). Hummel, Rondo favori (30 к.). Jaell, Norma. Reminiscences (60 к.).

Для скрипки: Крейцеръ, 40 этюдовъ (50 к.). Роде, 24 этюда (50). Флорилло, 36 этюдовъ (50 к.). Гавинье, les 24 matinées. Exercices (50 к.). Шнейкенъ, 26 маленькихъ дуэтовъ для двухъ скрипокъ (50 к.). Шлейхъ, 6 легенькихъ дуэтовъ op. 8 (50 к.); 6 легенькихъ дуэтовъ op. 48 (50 к.); 6 легенькихъ дуэтовъ op. 59 (50 к.). Гебауеръ, 12 легенькихъ дуэтовъ. Миллеръ, 6 легенькихъ дуэтовъ (50 к.).

Танцы для фортепіано: Фаустъ, Сказки волшебнаго міра. Вальсъ (45 к.); Листочки. Вальсъ (45 к.); Тереза. Вальсъ (45 к.); Жизнь и любовь. Вальсъ (45 к.); Легка на ногу. Полька (20 к.); Съ горныхъ странъ. Вальсъ (45 к.); На крыльяхъ ночи. Вальсъ (45 к.); Мала и мила. Полька (20 к.); La voleuse d'amour. Polka-Mazurka (20 к.); Изъ царства звуковъ. Вальсъ (45 к.); Въ сумерки. Вальсъ (45 к.); Entre nous. Quadrille (30 к.); Boute en train. Quadrille (60 к.); A propos. Polka (15 к.). Godfrey, Les gardes de la reine. Valse (45 к.); Mabel. Valse (50 к.). Meltzer, La belle Hélène. Polka (20 к.). Pentus, Степка-растрепка. Polka (20 к.). Rossolowsky, Barbe bleue. Quadrille (30 к.). Strauss, Orphée aux enfers, Quadrille (30 к.); Belle Hélène. Quadrille (30 к.) Hertel, Flick et Flock. Quadrille (30 к.). Schubert, Quadrille-Lanciers (30 к.).

Русскія оперы для одного фортепіано: Глинка, Жизнь за царя (6 р.); Русланъ и Людмила (6 р.). Даргомыжскій, Русалка (6 р.). Сбровъ, Рогнеда (6 р.). Верстовскій, Аскольдова Могилъ (4 р.). (За пересылку каждой прилагается вѣс. за 4 ф.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса послышки. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается бесплатно. Требования Гг. много-родныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ ПОЛЪЗУ ГОЛОДАЮЩИХЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА

СКЛАДЧИНА.

Комитетъ, избранный обществомъ литераторовъ для изданія литературнаго сборника «Складчина» въ пользу голодающихъ, приступая нынѣ къ печатанію доставленнаго ему матеріала, объявляетъ, что число гг. литераторовъ и ученыхъ, пожелавшихъ участвовать своими трудами въ сборникъ, простирается свыше сорока лицъ, имена которыхъ означены ниже, а число статей, ученаго содержанія, беллетристики и стихотвореній, до сихъ поръ доставленныхъ, составляетъ до 30-ти печатныхъ листовъ, что, вмѣстѣ съ ожидаемыми статьями отъ нѣкоторыхъ авторовъ, не успѣвшихъ прислать свои произведенія къ опредѣленному сроку, должно составить книгу опредѣленнаго въ общемъ собраніи гг. литераторовъ объема отъ 35 до 40 листовъ большого формата.

Комитетъ принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы сборникъ «Складчина» появился въ теченіе сего великаго поста.

Имена авторовъ, уже доставившихъ свои труды въ сборникъ:

А. Н. Алухтинъ, В. П. Буренинъ, Н. Быковъ, князь П. А. Вяземскій, Н. В. Гербель, И. А. Гончаровъ, М. Ѳ. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, Г. П. Данилевскій, Ѳ. М. Достоевскій, П. М. Ковалевскій, В. С. Курочкинъ, Н. С. Курочкинъ, Лизандеръ, г-жа Марковичъ (Марко-Вовчокъ), А. Н. Майковъ, князь В. П. Мещерскій, Д. Д. Минаевъ, Д. Л. Михайловскій, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, г. Ознобишкинъ, г. Орловъ, М. П. Погодинъ, А. Ѳ. Погосскій, А. А. Потѣкинъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Плещеевъ, М. П. Розенгеймъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), Н. К. Случевскій, Н. М. Страховъ, графъ В. А. Сологубъ, А. Н. Струговицковъ, графъ А. Н. Толстой, И. С. Тургеневъ, Франкъ, г. Якушинъ.

Подписка на сборникъ «Складчина» открыта въ С.-Петербургѣ, въ конторахъ редакцій слѣдующихъ газетъ и журналовъ: Газетъ: «Голосъ», Литейная, № 38.

«С.-Петербургскія Вѣдомости», Васильев-

скій Островъ, 8-я линія, № 24, и при книжномъ магазинѣ Черкесова. «Русскій Миръ», на углу Литейной и Симеоновской, д. Оржевскаго.

«Недѣля», на углу Ивановской и Кабинетской, д. Матушевича.

«Гражданинъ», Малая Итальянск., № 21. Журналовъ: «Вѣстникъ Европы», при кн. магазинѣ Базунова.

«Отечественныя Записки», Литейн., д. № 38.

«Досугъ и Дѣло», на Владимірской, въ домѣ причта Владимірской церкви. Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ.

Сверхъ того, можно подписываться по особымъ книжкамъ у лицъ, участвующихъ въ изданіи.

Деньги, поступающія по подпискѣ, будутъ отсылаемы, по мѣрѣ поступленія, въ Самарскую губернію, о чемъ будетъ печатано въ газетахъ.

Цѣна сборнику «Складчина» три рубля, съ пересылкой ЧЕТЫРЕ рубля.

Все прилагаемое свыше опредѣленной цѣны будетъ принято, какъ пожертвованіе въ пользу голодающихъ.

Статьи, признанныя къ печатанію въ сборникъ удобными, не оплачиваются, а признанныя неудобными—возвращаются авторамъ по личному ихъ требованію изъ редакціи до истеченія трехъ мѣсяцевъ со дня представленія рукописи; по почтѣ статьи не возвращаются.

Имѣющіе надобность до редакціи «Складчина» обращаются въ редакцію газеты «Голосъ», ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ часа до двухъ пополудни.

Примѣчаніе. Одновременно съ мыслью объ изданіи литературнаго сборника, въ обществѣ художниковъ и музыкальныхъ авторовъ возникла мысль объ изданіи, на одинаковыхъ условіяхъ и сообща съ литераторами, особаго сборника художественно-музыкальнаго, съ тою же благотворительною цѣлью. Подробныя объ этомъ свѣдѣнія опубликованы въ газетахъ.

ПАРОВАЯ и СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФІЯ

М. М. Стасюлевича.

Въ книжномъ складѣ типографіи находятся:

ХАРАКТЕРИСТИКИ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. А. Н. Пыпина. Спб. 1873. Стр. 514. Ц. 3 р. с.

Настоящій выпускъ составляетъ заключеніе перваго выпуска историческихъ очерковъ того же автора, подъ заглавіемъ: «Общественное движеніе при Александрѣ I» [все распродано].

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ Андрей Филоновъ. Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просв. для гимназій и прогимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. И. Костомарова. Первый отдѣлъ: Господство Дома св. Владимира: X—XVII столѣтія. — Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ одинъ большой томъ около 50 печат. листовъ. Отдѣльный выпускъ 1 р. 25 к.; весь томъ 3 р. 75 к.

Первый выпускъ *второго* отдѣла — Домъ Романовыхъ — находится въ печати.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альмиснаго. Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Фердинанда Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Спб. 1873. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Состав. П. В. Спб. 1873. Ц. 20 к.

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ, А. Ашменской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 35-ю полиטיפажамн. Изд. В. Лесевича. Спб. 1874. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ КУСОЧКА ХЛѢБА. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ письмахъ. Соч. Маса. Перев. А. Головачова. Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Гг. Книгопродавцы обращаются въ контору типографіи, въ Спб., на В. О., 2-я линія, д. № 7: открыта отъ 10-ти ч. до 1 ч. утра и отъ 3-хъ до 6-ти вечера.

— ВЪ ПОЛЬЗУ САМАРЦЕВЪ. —

75 КОПѢКЪ — КНИГА.

Въ послѣднихъ числахъ февраля и не позже первыхъ дней наступающаго марта отпечатается

ПЕРВАЯ КНИГА „РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ“ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

„Русская Библиотека“ имѣетъ цѣлью сдѣлать общедоступнымъ приобрѣтеніе сочиненій отечественныхъ писателей въ выборѣ лучшаго изъ ихъ произведеній. Пушкинымъ начинается открывающійся рядъ предполагаемыхъ книгъ; за тѣмъ послѣдуютъ Лермонтовъ и др.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ. — Портретъ, біографическій очеркъ, изъ Бѣлинскаго и Гоголя о Пушкинѣ. — **Первый отдѣлъ:** Мѣдный Всадникъ. — Пѣснь. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгений Онегинъ (глава вторая и шестая). — Братья Разбойники. — Галубъ. — **Второй отдѣлъ:** Пѣсни, Сказки и пр., всего 26. **Третій отдѣлъ:** Арапъ Петра Великаго. — Лѣтопись села Горохина. — Дубровский. — Всего около 25 печатныхъ листовъ.

Сборъ отъ продажи первой книги назначенъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЛИСТОКЪ.

нимъ. Исторический романъ. Соч. Евг. Салтыкова. Четыре тома. М. 1874. Стр. 190, 199, 222 и 240. Ц. 5 руб.

Составка историческихъ событий на сцену не требуетъ отъ автора, сверхъ таланта, большого наученія избранной имъ эпохи, быта и общественнаго быта. Новый и общий трудъ г. Салтыкова свѣдѣтельствуемъ не только и о томъ, и о другомъ. Авторъ перенесъ насъ ровно за сто лѣтъ предъ нами и въ срединѣ той народной смуты, которая въ привлекла къ себѣ воображеніе Пушкина. Особенно удался г. Салтыку все то, что касается къ обрисовкѣ высшего и средняго сословія общества, внезапно пораженнаго. Сцена народной жизни всегда представляетъ опасность для авторовъ со стороны истины: ихъ усилія заставить говорить и въ своихъ герояхъ какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, что касается иногда созданнымъ народной рѣчи и манеръ. Но не только этого рода искушаются въ романѣ Салтыкова крупными достоинствами, благодаря его добросовѣстный трудъ займетъ свое мѣсто въ нашей литературѣ и послужитъ залогомъ будущей плодотворной его славы.

НАРОДНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА. Выпускъ 1. Вальтеръ Беджотъ. Естествознаніе. Пер. съ англ. и. р. Д. А. Кошечкина. Спб. 1874. Стр. 328. Ц. 1 р.

Еще года тому назадъ было составлено между издательскимъ обществомъ для содѣйствія изданию ученыхъ работъ Англіи, Франціи и Германіи на трехъ языкахъ. Къ этому обществу присоединяется теперь и четвертый. „Научная Библиотека“ должна служить образованнымъ читателямъ, заинтересованнымъ успѣхами естественныхъ и общественныхъ наукъ, и потому общедоступность составляетъ главное условіе произведеній, помещаемыхъ на ея страницахъ. Трудно, по простотѣ и ясности своего изложенія, въ общему характеру своей темы, служить въ предисловіи ко всему изданію, не пытаться подвести итоги тому влиянію, которое громадный успѣхъ естествознанія и практическихъ прикладныхъ, въ формѣ железныхъ дорогъ, телеграфовъ и т. д., на современныя политическія понятія и всю экономическую жизнь, оказавъ насъ цѣлымъ роємъ идей, который послѣдъ вокругъ насъ обступитъ на наши права и складъ нашей жизни. Главнымъ результатомъ такой мысли авторъ указываетъ наше стремленіе къ всѣмъ до первоначальныхъ началъ, и съ этой точки зрѣнія онъ излагаетъ мысли о приращеніи началъ естествознанія и наслѣдственности къ обществу. Более подробное изложеніе книги Беджота читатели найдутъ въ апрѣльской книгѣ журнала за этотъ годъ.

МАТЕРИАЛЫ для изученія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Т. I. Годъ 1873. Изд. А. М. Вайкова. Спб. 1873. Стр. 412. Ц. 1 р. 50 к.

Въ окрестностяхъ, близъ Пятигорска, находится 300 сажень возмѣщается чуть

минеральныхъ вода, а окруженія Пятигорска, верста на 20 отъ него, можно назвать воднымъ микрокосмомъ. Однимъ словомъ, богатство нашихъ Кавказскихъ водъ равняется одному только нашему же невѣдѣнію ихъ свойствъ, и большинство русскихъ врачей, любя передъ собою одиъ ученія работы по заграничнымъ водамъ, естественно, могутъ указывать своимъ пациентамъ дорогу только на Вержболово. Настоящее изданіе, служа сборникомъ работъ нашихъ ученыхъ, какъ вообще по бальнеологіи, такъ и особенно по изслѣдованію кавказскихъ водъ, познакомитъ, наконецъ, большинство русскихъ врачей съ своими водами, а усиленное ихъ посѣщеніе доставитъ средства частной предпримчивости завести въ Пятигорскъ тотъ комфортъ жизни, къ развитію котораго на заграничныхъ водахъ русскіе путешественники оказали не мало содѣйствія. Научное значеніе „Сборника“ заставляетъ только желать болѣе внимательнаго изданія текста, который въ первомъ выпускѣ страдаетъ опечатками, — впрочемъ, главнѣйшія изъ нихъ указаны.

Исторія Франк-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. I. Г. Финдella. Т. II. Спб. 1874. Стр. 310 и 63. Ц. 5 руб. за два тома.

Переводъ извѣстнаго сочиненія Финдella началъ давно: въ 1872 г. появился первый его томъ. Нынѣ вышедшій, второй томъ обнимаетъ собою два послѣдніе періода отъ 1783 до 1861 г., — когда былъ изданъ оригиналъ. Переводу второго тома предислано предисловіе отъ издателя съ краткимъ очеркомъ исторіи русскаго масонства и съ практическимъ соображеніемъ, которое вызвано послѣднимъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія; издатель спрашиваетъ: „достаточно ли само дворянство признаетъ себя усовершенствованнымъ въ дѣлѣ нравственности“, и заключаетъ такъ: „довѣрять дворянству въ возлагаемой на него важной миссіи, правительству могло бы также доверять ему и организацію изданія въ нравственности, какъ по справедливости можетъ быть названо масонство въ его очищенной современной формѣ“. По мнѣнію издателя, „франк-масонство также необходимо для интеллигентныхъ классовъ всякаго современнаго общества, какъ вообще необходима арена для всякой дѣятельности“.

Сочиненія Генриха Гейне, въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. П. Вейнберга. Т. XII. Спб. 1874. Стр. 328. Ц. 1 р. 25 к.

Два трети этого тома занимаютъ поэма: „Атта-Троль“, переведенная Д. И. Писаревымъ; „Лирическая Интермедія“ и поэма „Винни“ — переводъ П. И. Вейнберга. Изъ менѣе крупныхъ укажемъ „Видны-Пудны“, поэма, переведенная М. Л. Михайловымъ и „Испанскіе Атриды“ — переводъ Л. А. Мея.

Устройство человеческого тѣла. Изд. редакція „Природы“. М. 1874. Ц. 1 руб.

Это собственно атласъ, изъ котораго, при помощи раскладныхъ рисунковъ, получается самое наглядное понятіе о внутреннемъ строеніи человеческого тѣла. Особый текстъ объясняетъ подробности. При дешевой цѣнѣ и хорошихъ выполненіи рисунка, это — для ознакомленія съ организмомъ человека, превосходное пособие, которымъ можно интересоваться, и помимо учеб-

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“
ВЪ 1874-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) Безъ доставки на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) Съ доставкой по городской почтѣ 16 руб.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева 16 р.—2) Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

III.—Въ губерніяхъ: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

IV.—Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію въ назначенной цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 руб. — въ Бельгію, Нидерланды и Приднѣвскіе Княжества; в) 4 р. — во Францію и Швейцарію; г) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Японію; г) 8 р. — въ Америку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

А) Отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журналовъ при книжномъ магазинѣ А. О. Баунова, въ Спб. Невск. пр. 30.

В) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ подписку на журналъ въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, въ губерніи и уѣзда, гдѣ допущена выдача газетъ и журналовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступить въ продажу

„ГОДЪ“
ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Спб. 1873. Стр. 552. Съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Редакція „Вѣстника Европы“, подъ названіемъ „ГОДА“, съ своимъ опытомъ особаго изданія, въ формѣ историко-политическаго обзора, какъ издаются давно подобныя обзоры въ западныхъ литературѣхъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежедневныя обзоры журналовъ, исправленными въ новомъ изданіи и значительными дополненными. Отдѣлъ Россіи выстѣлъ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа съ Соединенными-Штатами, составляетъ общую историческую картину года. Обзоръ доводится до октябрю 1873 года.

Цѣна ТРИ рубля.

Для подписчиковъ „Вѣстника Европы“—ДВА рубля, съ пересылкою въ губернію.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛОВъ:
Невск. просп. 30.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1874.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1874.

I.—НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.—Часть вторая —Новый міръ.—II.—1) Италія и Галлія до Каролинговъ.—С. М. Соловьева	457
II.—ПОЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ. — III.— Овощаніе. — П. А. Кулиша	483
III.—ПУНИНЪ И БАБУРИНЪ.—Разсказъ Петра Петровича Б.—Ив. С. Тургенева.	553
IV.—В. Г. БѢЛИНСКІЙ.—Опытъ біографіи. — II. Университетская жизнь. — А. П. Пыпина.	602
V.—ЗЕМЦЫ.—Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.—В. А. Крылова	630
VI.—ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ.—На югъ Италіи.—Фр. Шинльгагена	760
VII.—ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.—Изъ Байрона.—Конст. Иванова.	772
VIII.—ВОСПИТАНІЕ СЪ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.—Висбаденскій съѣздъ естествоиспытателей и врачей въ сентябрѣ 1873 года. — С. П. Ловцова	773
IX.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 г.—Духовно-учебныя заведенія.—Отношенія къ расколу.—Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о свѣтскихъ метрикахъ.—Безпорядки въ Холмской епархіи.—Учительскіе институты.—Клерикальные кружки	802
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Значеніе септенната.—Министерство Вроля.—Совершенстваніе Наполеона IV-го.—Реакціонные проекты.—Положеніе военнаго вопроса въ Германіи.—Открытіе англійскаго парламента.—Юбилей короля Виктора-Эммануила.—Новое министерство въ Венгріи.	825
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Сессія германскаго рейхстага.—К.	842
XII.—ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.—Письма въ Редакцію по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Съченова.—II.—К. Д. Кавелина	863
XIII.—ПЛАНЪ ИЗДАВІЯ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“. Книга первая: А. С. Пушкинъ.	901
XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Годовое собраніе 2-го февраля.—II. Отчетъ Саратовскаго Общества вспоможенія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, за 1873 г. — III. Отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ Общества вспоможенія студентамъ С.-Петербургскаго Университета	904
XV.—ВІВЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе о подпискѣ на журн. „Вѣстникъ Европы“ въ 1874 г., и объ особомъ изданіи тою же редакціей „Года“, истор.-полит. обзорія 1872—73 гг., см. ниже.

Объявленіе о новомъ изданіи: „Русская Библиотека“, первая книга которой содержитъ избранныя сочиненія А. С. Пушкина—см. въ отдѣлѣ объявленій стр. XII.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мъ году.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, сохраняя прежнюю свою программу журнала исторіи, политики, литературы, въ 1874-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

ПОДПИСКА НА ГОДЪ:

1) БЕЗЪ ДОСТАВКИ.

15 р. 50 к. — въ Конторѣ редакціи при книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, въ С.-Петербургѣ (на Невскомъ просп., 30).

2) СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

16 рублей — въ Конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, въ Москвѣ.

Примѣчаніе. Для избѣжанія ошибокъ въ адресѣ, покорно просить подавать въ упомянутыя мѣста свой адресъ письменно, а не диктовать, подробно обозначая при этомъ названіе улицы и номеръ дома и квартиры.

3) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГУБЕРНІИ.

17 рублей — высылаются *по почтѣ, исключительно съ редакцію „Вѣстника Европы“* — въ С.-Петербургѣ, Галерная, 20 — для пересылки журнала въ губерніи и г. Москву, чрезъ Газетную Экспедицію.

Примѣчаніе. Гг. иногородные, имѣя случай подписаться лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, обращаются въ Контору редакціи.

4) СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ЗА ГРАНИЦУ.

Заграничные подписчики высылаютъ подписную сумму по почтѣ прямо въ редакцію, а лично подписываются въ кн. магаз. А. О. Базунова: за годовой экземпляръ съ пересылкою подъ бандеролью, въ Германію и Австрію — **19 руб.**; въ Бельгію, Нидерланды и Придунайскія княжества — **20 руб.**; во Францію и Данію — **21 руб.**; Англію, Швецію, Испанію,

Португалию, Турцію и Грецію—22 руб.; въ Швейцарію—
23 руб.; въ Италію и Японію—24 руб.; въ Америку—25 руб.

Примѣчаніе. Заграничные адреса доставляются письменно и на одномъ изъ иностранныхъ языковъ. Въ Финляндіи слѣдуетъ подписываться чрезъ мѣстный почтамтъ, какъ то могутъ дѣлать вообще всѣ заграничные подписчики.

Подписчики получаютъ отъ Конторы билетъ, вырванный изъ книги редакціи: только при предъявленіи такого билета, или при сообщеніи ея номера, редакція отвечаетъ безусловно за свою Контору.

Для иногородныхъ подписчиковъ.

1. Редакція покорно проситъ, при доставленіи адреса, если подписчикъ живетъ не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ, прежде всего называть ту ближайшую отъ него Почтовую Контору, *отъ которой допускается раздача журналовъ и газетъ*, съ указаніемъ, какой она губерніи и уѣзда, и затѣмъ свое мѣстожительство.

2. Перемѣна адреса должна отправляться въ редакцію, смотря по разстоянію, такъ, чтобы извѣстіе пришло въ Петербургъ не позже какъ наканунѣ выхода книги (т.-е. наканунѣ всякаго перваго числа мѣсяца); въ случаѣ невозможности извѣстить редакцію заблаговременно, просятъ сообщать предъ выѣздомъ свой новый адресъ, для ближайшей книги, своей Почтовой Конторѣ, и въ то же время извѣстить редакцію о переимѣнѣ для слѣдующихъ книгъ.

3. Въ случаѣ неполученія книги, просятъ, на основаніи нижепомѣщеннаго распоряженія Почтоваго Департамента, сообщать въ редакцію жалобу, засвидѣтельствованную въ мѣстной Почтовой Конторѣ, *никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала*. Въ такомъ случаѣ редакція высылаетъ вторично экземпляръ съ первому почтою, не ожидая конца слѣдствія о потерѣ перваго экземпляра.

4. Желашіе имѣть билетъ отъ редакціи на полученіе журнала прилагаютъ для пересылки билета почтовую марку въ 10 коп.

ОТЪ ПОЧТОВАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

„Для предоставленія Почтовому Вѣдомству возможности *удовлетворять жалобы* подписчиковъ на русскія періодическія изданія о неполученіи какого-либо номера сихъ изданій, Почтовый Департаментъ проситъ редакціи довести до свѣдѣнія своихъ подписчиковъ, чрезъ напечатаніе въ издаваемыхъ ими газетахъ и журналахъ, что заявленія о неполученіи подписчиками какого-либо номера періодическаго изданія должны дѣлаться своевременно, т.-е. *не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера*, подобно тому, какъ это установлено для заявленій о неполученіи газетъ и журналовъ иностранныхъ“.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ
ПРОДАЖУ:

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ
за 1872—73 г.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Томъ I—въ двухъ частяхъ. Спб. 1873. Стр. 568. Съ приложе-
ніемъ документовъ и трехъ каталоговъ книгъ русскихъ и ино-
странныхъ за 1873 годъ.

Программа изданія:

ГОДЪ, историко-политическое обозрѣніе имѣетъ цѣлью соби-
рать и приводить въ систему важнѣйшія данныя изъ области по-
литической и общественной жизни ближайшаго періода времени,
группируя ихъ по государствамъ современнаго историческаго міра.
Хронологическимъ предѣломъ обозрѣнія избирается октябрь мѣсяцъ
предыдущаго и настоящаго года; временемъ выхода въ свѣтъ —
декабрь. Въ приложеніи помѣщается полный или извлеченный текстъ
болѣе примѣчательныхъ историческихъ документовъ и каталоги за
текущій годъ, русской, французской, нѣмецкой и англійской лите-
ратуръ, расположенные по предметамъ и въ алфавитномъ порядкѣ.

Содержаніе см. на оборотѣ:

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО ТОМА:

Часть первая: Россія (1—226 стр.):

Отъ редакціи „Вѣстника Европы“.

- I. Статистическій обзоръ.
- II. Хронологическій обзоръ.
- III. Финансы: Государственная роспись на 1873 г. — Отчетъ контроля за 1871 г. — Военная и морская сметы съ 1874 г.
- IV. Акцизно-литейное дѣло: Возвышеніе виннаго акциза и пошлины. — Новое росписание литейно-патентнаго сбора. — Правила о раздробительной продажѣ вина въ Петербургѣ. — Вопросъ объ отмигѣ обязательной крепости вина въ продажѣ.
- V. Война съ Хивой.
- VI. Военская повинность и преобразование арміи.

VII. Железныя дороги, почта и телеграфы.

VIII. Земство: Законъ о земскихъ хозяйствахъ. — Земскіе сборы за трехлѣтіе.

IX. Уголовная статистика за 1872 г.

X. Сельское хозяйство и положеніе крестьянъ.

XI. Крестьянскій судъ.

XII. Духовное вѣдомство: Отчетъ по духовному вѣдомству за 1871 г. — Гражданскія права раскольниковъ. — Бюджетъ специальныхъ средствъ духовнаго вѣдомства на 1873 годъ.

XIII. Преобразование духовнаго суда.

XIV. Бюджетъ Петербурга на 1873 г.

Часть вторая: ЗАНДЪ (227—568 стр.):

- I. Германія.
 - 1) Германская имперія.
 - 2) Пруссія.
 - 3) Отдѣльныя государства германской имперіи.
- II. Австро-Венгрія.
- III. Турція и ея вассальныя государства въ Европѣ.
- IV. Греція.
- V. Швеція и Норвегія.

VI. Данія.

VII. Нидерланды.

VIII. Бельгія.

IX. Франція.

X. Швейцарія.

XI. Италія.

XII. Португалія.

XIII. Испанія.

XIV. Великобританія и Ирландія.

XV. Соединенные американскіе Штаты.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- I. Официальное объясненіе къ тексту договора съ Хивой (12-го августа 1873 г.).
- II. Условія мира Россіи съ Хивой.
- III. Протоколъ о правѣ русскихъ подданныхъ владѣть недвижимою собственностью въ Турціи.
- IV. Правила для разрѣшенія постройки жезъзныхъ дорогъ.

V. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно положенія о петербургскомъ градоначальствѣ.

VI. Извлеченіе изъ отчета Государственнаго Контроля по исполненію росписи за 1872 годъ.

КАТАЛОГИ книгъ за 1873 годъ: I. Русская литература. II. Французская литература. III. Нѣмецкая и англійская литература.

ЦѢНА:

Продается въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстника Европы“, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова (Невск. пр., 30.) и въ Конторѣ Типографіи М. М. Стасюлевича (Вас. Остр. 2 л., 7.) — 3 рубля, съ пересылкою 3 р. 50 к.

НВ. Подписчики „Вѣстника Европы“ прилагаютъ къ подписной цѣнѣ на журналъ только 2 рубля и платятъ: 1) подписчики безъ доставки — 17 р. 50 к.; 2) съ доставкой — 18 р.; 3) съ пересылкою въ губерніи и за границу — 19 рублей.

Редакція „Вѣстника Европы“.

С.-Петербургъ. — Декабрь, 1873.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Новый міръ.

II *).

НОВЫЕ НАРОДЫ И ГОСУДАРСТВА.

1) Италія и Галлія до Каролинговъ.

Западная римская имперія пала, но она и послѣ того сохраняется по имени; даже то, что обыкновенно называютъ паденіемъ западной римской имперіи, есть, повидимому, восстанавленіе единства имперіи. Но все это только по имени, повидимому. Въ отдѣльныхъ областяхъ западной имперіи успѣлись варвары разныхъ наименованій съ первенствующимъ значеніемъ, и князья ихъ самостоятельно управляютъ этими странами. Наме дѣло теперь наблюдать отношенія варваровъ другъ къ другу при новыхъ условіяхъ, отношенія ихъ къ римскому, то есть болѣе или менѣе олатинненному народонаселенію областей разваливавшейся имперіи, наблюдать результаты этихъ отношеній, результаты соединенія различныхъ элементовъ и наблюдать дѣйствіе

*) См. первую главу второй части: 1873, февр. 675 стр.

этихъ результатовъ на варварскіе народы, оставшіеся за предѣлами римской имперіи. Здѣсь мы прежде всего замѣчаемъ, что три страны находятся съ самаго начала въ тѣсной связи: это—Италія, Галлія и Германія; Испанія и Британскіе острова, по разнымъ условіямъ, историческимъ и географическимъ, извѣстное время живутъ особо; также особо живутъ скандинавы, византійская имперія и славянскіе народы, преимущественно восточные, составившіе русское государство. Такимъ образомъ опредѣляется порядокъ нашихъ наблюденій.

Изъ трехъ странъ, которыя прежде всего обращаютъ наше вниманіе по тѣсной связи между ними съ самаго начала, въ Италіи преимущественно сохраняется древній римскій элементъ. Это была страна въ политическомъ и нравственномъ отношеніи покрытая древними громадными зданіями, стоявшими непоколебимо и не допускавшими измѣненія, вторженія новыхъ, чуждыхъ формъ; если которыя изъ нихъ и рухнули, то развалины плотно покрывали почву, и побѣги новаго только иногда находили путь среди развалинъ. Главное священное зданіе, въ которомъ новое питало суевѣрный страхъ, куда оно не смѣло проникнуть—это былъ Римъ, городъ владыка міра, и потому не могшій сдѣлаться главнымъ городомъ какой-нибудь страны, столицей какого-нибудь варварскаго князья. Римъ давалъ званіе и правъ наивысшей власти человѣку, живущему въ Равеннѣ или Константинополѣ и называвшемуся, однако, римскимъ императоромъ; варварскіе князья, владѣльцы обширныхъ странъ, величались титулами римскихъ должностныхъ лицъ. Черезъ цѣлый рядъ вѣковъ Римъ будетъ оставаться главнымъ городомъ не Италіи, но цѣлой западной Европы; черезъ цѣлый рядъ вѣковъ титулъ римскаго императора будетъ почетнѣйшимъ титуломъ для государя западной Европы, будетъ означать главнаго между ними. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ, владѣлецъ государства, основаннаго на дѣйственной почвѣ восточной Европы, свободной отъ античныхъ преданій, русскій Петръ Великій рѣшился соединить титулъ императора не съ именемъ Рима, а съ именемъ своей страны, назвался императоромъ не восточной *римской* имперіи, какъ ожидали въ Европѣ, но императоромъ всероссійскимъ. Только въ XIX-мъ вѣкѣ, такое же явленіе произошло въ западной Европѣ, гдѣ вмѣсто римскаго императора явились французскій, австрійскій и германскій императоры; только тутъ произошло окончательное паденіе западной римской имперіи, только тутъ Римъ потерялъ значеніе главнаго города всей западной Европы, и могъ сдѣлаться главнымъ городомъ страны, Италіи. Тринадцать вѣковъ нужно было для того, чтобы исключительное

значеніе Рима износилося: какъ же сильно было это значеніе во время образованія новыхъ государствъ въ западной Европѣ! Этотъ самый вѣщій остатокъ античнаго міра, самый видный представитель его, представитель односторонняго господства города предъ страню и народомъ, былъ такъ силенъ, что долго, очень долго мѣшалъ въ окружающей его странѣ образованію единого государства, единого народа, мѣшалъ тому явленію, которое характеризуетъ новый европейско-христіанскій міръ, то-есть образованію странъ и народностей въ противоположность одностороннему развитію города въ греко-римскомъ мірѣ и первобытному, простому образованію народныхъ тѣлъ на Востоцѣ, тѣхъ народовъ, которыхъ Аристотель противопоставляетъ своему городу, тѣхъ простѣйшихъ народныхъ тѣлъ, у которыхъ была только голова да туловище безъ дальнѣйшаго разчлененія, развитія. Новый европейскій міръ долженъ былъ представить высшіе государственные организмы, съ сильнымъ развитіемъ, разчлененіемъ, съ живымъ осложненіемъ отношеній между частями народонаселенія, безъ односторонностей востока и греко-римскаго міра. Но представитель послѣдняго, Римъ сталъ крѣпко въ Италіи и препятствовалъ здѣсь развитію новыхъ началъ. Мѣшалъ этому Римъ съ своимъ древнимъ значеніемъ, а не папа, значеніе котораго было само результатомъ значенія Рима.

Варвары вошли въ область имперіи сырымъ, чистымъ, безформеннымъ матеріаломъ. Народы, находящіеся въ такомъ положеніи и способные къ развитію, при встрѣчѣ съ извѣстными формами цивилизаціи, не имѣя ничего противопоставить имъ, стремятся принять ихъ. Нѣкоторымъ варварскимъ вождямъ естественно приходила въ голову мысль: «мы сильнѣе этой дряхлой римской имперіи, разрушимъ ее и создадимъ свое новое государство вмѣсто нея». Но когда они обращали болѣе внимательный взоръ на свой народъ, то понимали, что съ нимъ новаго государства образовать нельзя, нѣтъ формы, не съ чего начать; ими овладѣвала скромность, сознаніе своей несостоятельности, они принимали рѣшеніе служить имперіи и ея цивилизаціи, и этою ревностною службою удовлетворить своему честолюбію, оставивъ по себѣ память. Извѣстна исповѣдь Атаульфа вестготскаго: «Я хотѣлъ истребить имя Рима и на его развалинахъ основать господство готовъ и приобрѣсть славу основателя новаго государства, подобно Цезарю Августу. Но опыты убѣдили меня, что для сохраненія государства въ добромъ порядкѣ нужны законы, а дикій и упрямый характеръ готовъ дѣлаетъ ихъ неспособными сносить ярмо законовъ, гражданскаго порядка и управленія; теперь я желаю, что-

бы въ будущее вѣка съ благодарностью вспоминали о заслугахъ чужестранца, который употребилъ мечъ готовъ не для разрушенія римской имперіи, но для востановленія и охраненія ея благосостоянія». Вождь обродной варварской дружины, находившійся на римской службѣ, Одоакръ, которому обыкновенно приписывали разрушеніе западной римской имперіи, господствовалъ въ Италіи съ титуломъ патриція, тогда какъ римскій сенатъ передавъ императорскій титулъ восточному византійскому императору. Именемъ этого единственнаго теперь римскаго императора, остготскій князь Теодорикъ отнялъ Италію у Одоакра и его дружины; борьба кончилась, когда Одоакръ сдалъ Теодорику Равенну. За Римъ не было борьбы. Новый владѣлецъ Италіи признавалъ римскаго императора, жившаго въ Константинополѣ, своимъ отцомъ и главою, на монетахъ по прежнему видѣли изображеніе этого императора, и на общественныхъ памятникахъ начертывалось его же имя. Скоро послѣ Теодорика рушится владычество готовъ, номинальное владычество въ Италіи римскаго императора, живущаго въ Константинополѣ, становится опять дѣйствительнымъ при Юстиніанѣ,—явленіе, которое условливалось для Италіи близостью ея къ Новому Риму, Византіи. Являются лонгобарды; завязывается борьба между ними и римской имперіей,—войны, какія бывали и прежде между имперією и варварами, какъ въ другихъ областяхъ, такъ и въ Италіи. Когда средства имперіи оказались недостаточными въ борьбѣ, Римъ обращается съ просьбою о помощи къ могущественному варварскому вождю, утвердившемуся въ Галліи, вождю франковъ; помощь подается, и чрезъ нѣсколько времени, когда сынъ этого франкскаго вождя чрезвычайно усиливается, въ Римѣ находятъ выгоднымъ, необходимымъ провозгласить его римскимъ императоромъ. При всѣхъ этихъ движеніяхъ и сдѣлкахъ въ Римѣ на первомъ планѣ мы видимъ его *епископа*, и потому должны обратить вниманіе на это явленіе.

Варвары, вступивши въ область Рима, легко уничтожили матеріальныя силы одряхлѣвшей имперіи, но они встрѣтили также силы нравственныя, которыми, въ свою очередь, были побѣждены. Если прежде Римъ, по словамъ его поэта, былъ побѣжденъ побѣжденною Грецією, ея цивилизацією, то, по историческому закону, то же самое должно было совершиться теперь: матеріально побѣдоносные варвары должны были поворотиться побѣжденнымъ римлянамъ. Изъ нравственныхъ силъ, которыя условливали это покореніе, на первомъ мѣстѣ была религія, не древняя, національная религія Рима, матеріально распространенная, болѣзнен-

но ожирѣвшая отъ собранія въ себѣ другихъ религій побѣжденныхъ народовъ, не могшая внести никакого нравственнаго вклада въ жизнь варваровъ, но религія новая, не національная римская, а общечеловѣческая, которая съ самаго появленія своего объявила, что для нея нѣтъ разницы между «эллиномъ и варваромъ». Христіанская церковь первая встрѣтила варвара на повои, чужой ему почвѣ, первая дала ему нравственное убѣжище, отдохъ, первая приласкала его, назвала своимъ, роднымъ, и указала ему въ прежнихъ жителяхъ римскихъ областей не чужихъ, не враговъ, а своихъ же братьевъ, свела, познакомила старое и новое народонаселеніе, завязала между ними тѣсную, неразрывную связь. Варвары-германцы тѣмъ охотнѣе пошли на призывъ христіанства, церкви, что во время продолжительнаго движенія своего изъ дальнихъ странъ сѣвера, отрываясь все болѣе и болѣе отъ той почвы, гдѣ развились и окрѣпли ихъ національныя вѣрованія, сталкиваясь безпрестанно съ другими народами, выѣстъ съ тѣмъ все болѣе и болѣе отрывались отъ этихъ вѣрованій, которыя постепенно тускнѣли, блѣднѣли для нихъ. Варвары, вступившіе на римскую почву, принимали христіанство съ изумительною легкостью и быстротою, такъ что нельзя опредѣлить времени, когда какіе-нибудь вандалы, свевы, лонгобарды приняли христіанство, тогда какъ чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ большее сопротивленіе встрѣчало оно, и самая большія затрудненія встрѣтило въ Скандинавіи, въ этой фабрикѣ народовъ (*officina gentium*), прародинѣ германцевъ, гдѣ ихъ національная религія пускала глубокіе корни, гдѣ развилось общественное богослуженіе, и гдѣ образовалось жречество. Германцы, входившіе часто сбродными дружинами въ римскія области, не могли имѣть храмовъ, и храмы ихъ, если и упоминаются, то мелькомъ, имѣютъ ничтожное значеніе, точно такъ какъ у эллиновъ, которые являются передъ глазами исторіи въ такомъ же положеніи, какъ и германцы, откуда у эллиновъ и такое свободное своеобразное развитіе религій исключительно въ рукахъ поэтовъ и художниковъ. Народъ движущійся, странствующій, на поискахъ новыхъ земель для поселенія, тогда только сохраняетъ и укрѣпляетъ свою религію, когда выселеніе его изъ извѣстной страны совершилось подъ религіознымъ знаменемъ, какъ у евреевъ; но вспомнимъ, какая борьба шла и у нихъ за сохраненіе въ чистотѣ религій отцовъ при столкновеніи съ другими народами и съ другими религіями, и вспомнимъ, что, съ другой стороны, странствованіе освобождало ихъ отъ тѣхъ воззрѣній и привычекъ, которыя они приобрѣли въ Египтѣ. Движеніе, странствованіе гер-

манцевъ, ихъ исканіе новой земли для поселенія, странствованіе, предпринятое вовсе не на религіозныхъ основаніяхъ, не подъ религіознымъ знаменемъ, заставило ихъ порастерять очень многое изъ тѣхъ религіозныхъ воззрѣній, изъ того религіознаго быта, которыя господствовали въ ихъ прежнемъ отечествѣ, и при такой потерѣ они вдругъ встрѣчаются съ могущественнѣйшей изъ религій, противъ которой, разумѣется, не могли устоять религіозныя развалины, клочки вѣрованій и обрядовъ, принесенныя германцами изъ сѣверныхъ лѣсовъ.

Но главная причина быстрого торжества христіанства среди варваровъ заключалась въ наступательномъ его движеніи. Пророческая сила, ведшая у евреевъ борьбу оборонительную для защиты, сохраненія въ чистотѣ религіозныхъ и нравственныхъ началъ у одного своего народа, — въ христіанствѣ стала вести борьбу наступательную: христіанинъ сознавалъ обязанность быть пророкомъ, проповѣдникомъ принесеннаго Богочеловѣкомъ ученія, обращать къ нему всѣхъ людей, всѣ народы міра, слѣдовательно, дѣйствовать наступательно, разрушительно на всѣ другія религіи, подвергаясь при этомъ всевозможнымъ лишеніямъ, мукамъ, смерти. Греко-римское общество не устояло противъ этого наступательнаго движенія пророковъ, эллинская «премудрость» пала предъ «безуміемъ» проповѣдника распятаго Бога. Но пророки этимъ не удовольствовались: они предприняли наступательное движеніе противъ варваровъ, матеріально раздѣлывавшихъ римское государство, перешли границы имперіи, углубились въ самыя жилища варваровъ, куда уже давно перестали проникать римскіе легіоны. Варвары жили въ богатырскомъ бытѣ, когда, вслѣдствіе движенія и борьбы, изъ народной массы выдѣлялись физически сильнѣйшіе, храбрѣйшіе люди, и становились на первыя мѣста, въ вожди народовъ, когда подвигъ физической силы былъ подвигомъ по преимуществу, а цѣлю подвига былъ прибытокъ власти и богатства. Противъ такихъ-то богатырей выступали новые пророки, проповѣдники христіанства, нравственные богатыри. Легко понять, за кѣмъ осталась побѣда. Такимъ образомъ, при началѣ новыхъ государствъ мы видимъ два движенія, двѣ борьбы: движеніе варваровъ, борьбу ихъ съ матеріальными силами Рима и другъ съ другомъ; эти движенія кончились побѣдою варваровъ; съ другой стороны, видимъ нравственное движеніе, борьбу, поднявшуюся изнутри римскаго міра подъ знаменемъ религіи, и здѣсь побѣдилъ римскій міръ; подъ покровомъ церкви сохранилось и прошло въ новую жизнь и греко-римское просвѣщеніе, особенно посредствомъ языка, удержаннаго церковью.

Въ новомъ мірѣ явилось начало, котораго не могъ представить ни древній греко-римскій міръ, ни варвары,—начало, которое явилось въ новомъ христіанскомъ греко-римскомъ мірѣ, и отсюда перешло къ варварамъ, это—духовенство съ могущественнымъ значеніемъ, могущественнымъ вліяніемъ во всѣхъ сферахъ жизни, благодаря его учительному, пророческому характеру. При началѣ новыхъ государствъ мы уже видимъ двойственность въ духовенствѣ. Въ первые вѣка христіанства, когда церковь была относительно не многочисленна и особенно воинственна, не одно духовенство, но болѣе или менѣе и другіе вѣрующіе имѣли этотъ возбужденный, пророческій характеръ, были борцами противъ неправды и несовершенствъ міра сего за высшія начала. Съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ христіанства и господствомъ его, возбужденіе въ массѣ духовенства и мірянъ уже потому самому, что это была масса, должно было ослабѣвать; но борьба новыхъ началъ со старыми прекратиться не могла, и борцы, пророки являются. Отъ человѣка, проповѣдующаго воздержаніе отъ земныхъ пристрастій и болѣе вниманіе къ исполненію нравственныхъ обязанностей, отъ такого человѣка естественное требованіе, чтобы онъ самъ подалъ примѣръ отреченія отъ этихъ пристрастій. Примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе всего, и слово получаетъ могущество отъ дѣла. Повидимому, внѣ общества, въ бѣгствѣ отъ него, въ недоступныхъ пустыняхъ явились новые пророки; но это самое бѣгство и укрывательство отъ общества и производило на него самое могущественное впечатлѣніе, и голосъ вопіющихъ изъ пустыни былъ самымъ громкимъ голосомъ. Новые пророки, монахи, стали поэтому на первомъ планѣ въ христіанскомъ обществѣ; не будучи сначала священниками, они стали образцами для священниковъ, общество потребовало отъ нихъ, чтобы они были священниками и первосвященниками,—требованіе, повидимому, находившееся въ противорѣчій съ значеніемъ монаха, но совершенно согласное съ потребностями общества, обновлявшагося подъ вліяніемъ новой религіи. Такимъ образомъ, монашество, приближаясь наиболѣе къ идеалу, поставленному для общества религіею, завоевало для себя привилегію высшей степени духовной іерархіи; оно же преимущественно приняло на себя и продолженіе апостольской дѣятельности, проповѣдываніе христіанства иновѣрнымъ народамъ и тѣмъ еще болѣе возвысило свое значеніе. На востокѣ, подчинившись нравственно силѣ монашества, уступили ему право на архіерейство; но священство осталось и за не-монахами: не сочли благоразумнымъ и возможнымъ требовать, чтобы все духовенство носило этотъ чрез-

вычайный пророческій характеръ, состояло изъ людей, отренившихся отъ всѣхъ мірскихъ привязанностей; ограничиваться же одною формальностью не сочли дѣломъ нравственнымъ. Но на западѣ, какъ увидимъ, взглянули на дѣло иначе, потребовавъ, чтобы все духовенство носило монашескій характеръ; а монашескій образъ, по тѣмъ представленіямъ, которыя составились вслѣдствіе жизни первыхъ монаховъ, былъ образъ ангельскій. Такимъ образомъ, употреблено было страшное насиліе природѣ человѣческой, и печальныя слѣдствія насилія не замедлили обнаружиться.

Съ самаго начала христіанства, главные пастыри церкви, епископы, являются уже съ важнымъ значеніемъ. Кромѣ каноническаго объясненія явленія, его легко понять и посредствомъ однихъ историческихъ наблюдений. Самое вѣрное опредѣленіе характера первоначальной церкви, это—церковь воинствующая; для борьбы нужны вожди, которыхъ и рождаетъ борьба; для успѣха борьбы вожди должны имѣть обширную, крѣпкую власть. Римская имперія, разрушаясь вслѣдствіе исчезновенія матеріальныхъ силъ; поспѣшила прибѣгнуть подъ покровъ нравственной силы, имѣющей жить и создать новое общество, поспѣшила прибѣгнуть подъ покровъ христіанства, объявивъ его господствующею религіею: человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, видя, что въ матеріальныхъ, земныхъ средствахъ нѣтъ болѣе спасенія, прибѣгаетъ къ силамъ духовнымъ, отказываетъ свое имѣніе церкви. При этомъ значеніе епископовъ могло только еще болѣе усиливаться. Городское населеніе, напуганное бѣдами, нависшими со всѣхъ сторонъ надъ имперіею, ограбленное вазною, слагивалось около своихъ епископовъ, людей сильныхъ средствами нравственными и матеріальными. Съ самаго начала, на востокъ и западъ одинаково раздаются слова, что власть духовная выше свѣтской, какъ духъ выше тѣла, что нѣтъ выше этой власти, которая если свяжетъ на землѣ, то вмѣстѣ съ этимъ свяжетъ и на небеси. Епископское званіе становится высшею цѣлію честолюбія для людей, выдающихся изъ толпы по своимъ талантамъ, положенію, матеріальнымъ средствамъ; но это званіе достигалось избраніемъ паствы; общественная жизнь, которая въ цвѣтущее время вѣстительныхъ городовъ такъ сильно выражалась въ избраніи правительственныхъ лицъ, оцѣнившаяся въ послѣднее время, вдругъ заволиновалась снова выборами главнаго пастыря церкви, не главнаго жреца, исполнителя религіозныхъ обрядовъ, но человѣка, имѣющаго власть вязать и рѣзать; религіозный интересъ, обхватившій такъ всецѣло общество, далъ этимъ выборамъ самое важное значеніе. Легко понять, на какой общественной высотѣ

чувствовалъ себя избранникъ; легко понять, какое значеніе имѣло собраніе епископовъ для рѣшенія вопросовъ, ставшихъ на первомъ планѣ для общества, какое значеніе имѣлъ вселенскій соборъ, этотъ невиданный языческою древностію всемірный форумъ.

Такимъ образомъ, варвары, войдя въ области имперіи, легко одолѣли ея войска, ея воеводъ, ея свѣтскаго правителя; но встрѣтили неодолимую силу въ церкви и въ ея главныхъ пастыряхъ, епископахъ; съ этою силою они должны были входить въ соглашенія и не только дѣлиться съ нею властію, но и нерѣдко преклоняться предъ нею. Она служила посредницею между прошедшимъ и будущимъ Европы, между греко-римскимъ и варварскимъ міромъ, ея преимущественно поддерживается обаяніе Рима, испытываемое варварами. Это посредствующее значеніе и сила церкви, сила ея епископовъ, рѣзко обнаружилась въ судьбѣ самаго виднаго изъ варварскихъ племенъ, въ судьбѣ франковъ и въ ихъ отношеніяхъ къ римскому міру.

Въ исторіи образованія важнѣйшихъ континентальныхъ европейскихъ государствъ замѣчается общее любопытное явленіе: вездѣ въ нихъ сѣверная половина получаетъ преимущество передъ южною: съ сѣвера идетъ сила, подчиняющая себѣ всѣ части государственной области, собирающая землю, вслѣдствіе чего сосредоточивающіе пункты или столицы находятся въ сѣверныхъ частяхъ государства, не смотря на то, что на югѣ, повидимому, больше благоприятныхъ условій для народнаго развитія. Такое явленіе мы видимъ во Франціи, въ Испаніи, въ Россіи; потому сѣверная Германія начинаетъ брать замѣтный перевѣсъ надъ южною, и въ наше время этотъ перевѣсъ очевиденъ; въ наше же время Италія обязана своимъ объединеніемъ движенію изъ сѣверныхъ своихъ частей.

Въ Галліи, въ то время, когда она стала отламываться отъ римской имперіи, въ южныхъ ея частяхъ помѣстились два сильныхъ варварскихъ народа, бургунды и вестъ-готы, но чрезъ нѣсколько времени они должны были признать власть варваровъ, пришедшихъ съ сѣвера, франковъ, которые объединили страну и дали ей имя. При этомъ не должно забывать, что въ Галліи чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ менѣе было романизации, которая особенно выражалась въ извѣженности нравовъ; этой извѣженности не остались чужды и бургунды и вестъ-готы. Франки, какъ извѣстно, не были многочисленны, и потому сила ихъ вождей, послѣ утвержденія въ сѣверной Галліи, должна была естественно основываться на прежнемъ ея народонаселеніи, отличавшемся отъ южнаго болѣею крѣпостію. Не должно забывать

также явленія, которое было указано нами въ Галліи еще во времена ея самостоятельности, явленія, которое было слѣдствіемъ неудовлетворительнаго состоянія политическаго и экономическаго быта; это явленіе — большія шайки голутьбы, бѣглецовъ, изгнанниковъ изъ разныхъ народцевъ; мы видѣли, что эта голутьба (*egentes ac perdit*) давала готовое войско честолюбцамъ, стремившимся къ верховной власти. Владычество римлянъ не могло уничтожить причины образованія этихъ шайекъ; мы имѣемъ свидѣтельства о людяхъ, покидавшихъ свои дома и родину, чтобы спастись отъ сборщиковъ податей; часть ихъ бѣжала къ варварамъ; часть составляла независимыя шайки, извѣстныя подъ именемъ *багадговъ*. Движеніе этихъ бѣглецовъ должно было преимущественно направляться съ юга на сѣверъ, гдѣ и образовалось воинственное народонаселеніе, стремящееся опрокинуться на мѣста прежняго жительства. Мы знакомы съ этимъ *возвращеніемъ* гераклидовъ. Очень правдоподобно объясненіе, что сами франки составились изъ бѣглецовъ, изгнанниковъ, — объясненіе, которое оправдывается на ихъ имени (*warg*, *fred*, *franc*; наше — варягъ, изгнанникъ, разбойникъ, волкъ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, во франкахъ и вождѣ ихъ Кловисѣ или Хлодовикѣ галльскіе епископы увидали могущественное средство низложить бургундовъ и готовъ, преданныхъ аrianству. «Твоя побѣда есть наша побѣда», прямо говорили они Хлодовику. Варвару было пріятно подѣ предлогомъ наказанія еретиковъ пріобрѣсти хорошія земли, и онъ наивно говорилъ дружинѣ: «Мнѣ не нравятся, что ариане-готы владѣютъ лучшими землями въ Галліи; пойдемъ и прогонимъ ихъ съ божіею помощію; овладѣемъ ихъ землею; мы сдѣлаемъ хорошее дѣло, потому что земля эта очень хорошая». Галлія была покорена франками.

Галлія была *покорена* франками! — выраженіе, которое принимало различный смыслъ, провозглашалось какъ непреложная истина, защищалось или упорно отвергалось по причинамъ вовсе не научнымъ; но къ сожалѣнію, въ историческихъ изслѣдованіяхъ ненаучныя побужденія имѣютъ большую силу, и если иногда приносятъ пользу, заставляя уяснить нѣкоторые явленія, то польза эта не вполне вознаграждаетъ за вредъ, причиняемый продолжительностію споровъ вовсе ненужныхъ, натяжками, тратою силъ и времени. По вовсе не научнымъ побужденіямъ, безъ

¹⁾ У насъ смѣялись надъ производствомъ названія козакъ отъ козы; но корень одинъ въ обоихъ словахъ и означаетъ *бѣгуна*. Слово: *багадн*, имѣетъ то же самое значеніе *бѣгуна*: вельтич. *dog*, санскрит. *bhag*, наше *бѣгать*.

справки съ наукою, въ концѣ XVIII вѣка во Франціи придумано было историческое объясненіе и оправданіе революціи, что борьба низшихъ слоевъ народонаселенія съ высшими есть борьба покоренныхъ галло-римлянъ съ потомствомъ покорителей франковъ; что такое революція?—сверженіе ига, наложеннаго покорителями на покоренныхъ. Просто, успокоительно и вмѣстѣ эффектно! Легкое и эффектное объясненіе принялось; начали исторію западной Европы объяснять завоеваніемъ, отношеніями побѣдителей къ побѣжденнымъ; у насъ начали противопоставлять русскую исторію западноевропейской: въ западной Европѣ завоеванія, насилія и потому жестокость отношеній; у насъ завоеваній нѣтъ, варяги призваны, и потому мягкость отношеній! Поляки придумали сдѣлать изъ своей шляхты особый народъ завоевателей! Теперь французы сильно перессорились съ нѣмцами; во Франціи пишутся многотомныя сочиненія объ исторіи Германіи, гдѣ каждое явленіе стараются выставить въ непривлекательномъ видѣ: можно ли же допустить, какъ начальное, исходное явленіе въ исторіи Франціи—нѣмецкое, франкское завоеваніе? Разумѣется, нельзя, и вотъ провозглашается, что никакого франкскаго завоеванія не было! Какія же приводятся доказательства? Нѣтъ указаній, говорить, чтобы галло-римляне лишились своихъ земель; они не были поработаны, даже нельзя думать, чтобы они были политически подчинены. Въ совѣтахъ королевскихъ, въ войскахъ, въ должностяхъ публичныхъ, въ судахъ, въ народныхъ собраніяхъ даже, объ части народонаселенія смѣшиваются. Лѣтописцы безпрестанно указываютъ чловека франкскаго происхожденія подлѣ чловека галльскаго происхожденія, не обозначая никогда, чтобы первый имѣлъ высшія политическія права, ни чтобы его франкское происхожденіе доставляло ему большее уваженіе. Галлы подчинялись франкскимъ королямъ, но мы не видимъ признаковъ, чтобы они подчинились франкскому племени. Что касается вопроса о землевладѣніи, то его нельзя рѣшать такъ легко въ томъ или другомъ смыслѣ. Прежде всего нельзя противопоставлять франковъ галло-римлянамъ относительно всей страны, которую мы теперь называемъ Франціею. Франкское занятіе страны не было первымъ; прежде она была занята въ извѣстныхъ частяхъ своихъ бургундами и вестъ-готами, которые подѣлили землю съ прежними владѣльцами, подѣлили и рабовъ, необходимыхъ для ея обработки; то же самое произошло и въ Италиі при поселеніи въ ней варваровъ. Тутъ была еще занята земля съ согласія римскаго правительства; но франки, подъ предводительствомъ Хлодовика, заняли позднѣе ту часть Галліи, гдѣ еще держались рим-

лане подѣ начальствомъ Сіагрія, заняли ее, разбивши войско Сіагрія, уничтоживши въ лицѣ этого начальника послѣдній остатокъ римской власти въ Галліи. Мы совершенно спутаемся въ понятіяхъ, если за такимъ явленіемъ не станемъ признавать характеръ завоеванія, покоренія, и если станемъ отрицать необходимые слѣдствія тогдашняго завоеванія, покоренія. Намъ извѣстно, что побѣдители-франки опустошили страну побѣжденныхъ, не щадили и церквей, и собранную добычу дѣлили, при чемъ всѣ должны были получить извѣстную долю, отъ вождя до послѣдняго воина, какъ то ясно изъ знаменитаго разсказа о церковномъ сосудѣ, котораго простой франкъ не хотѣлъ уступить Хлодовику. Если прибрѣталась и дѣлилась добыча движимаго, то на какомъ основаніи мы будемъ утверждать, что завоеватели не смотрѣли на землю, какъ на добычу, и не подѣлили ее между собою? Мы не станемъ утверждать, что всѣ галло-римляне лишились своихъ земель; не считаемъ только себя вправѣ дѣлать предположеніе, что франки удовольствовались только казенною землею или никому непринадлежащею. Потомъ покорены были бургундская и вест-готская части Галліи: что же, и здѣсь не было покоренія? Дѣйствительно, мы видимъ людей галло-римскаго происхожденія въ приближеніи у королей франкскихъ, въ важныхъ должностяхъ; но, во-первыхъ, есть ли средства опредѣлить отношенія этихъ случаевъ къ общему правилу; во-вторыхъ, и въ турецкой имперіи, гдѣ подчиненность покореннаго христіанскаго народонаселенія завоевателямъ магометанамъ не подлежитъ сомнѣнію, мы видимъ людей изъ этого подчиненнаго народонаселенія, занимающихъ важныя должности, обнаруживающихъ сильное вліяніе. Намъ говорить, что галло-римляне подчинились франкскимъ королямъ, но не франкскому племени; но и въ Турціи христіанское народонаселеніе подчинено султану, а не туркамъ; здѣсь дѣло идетъ не о подчиненіи въ собственномъ смыслѣ, а о первенствующемъ положеніи. Франки составляли войско своихъ королей—это неоспоримо; какое значеніе имѣло войско, вооруженная сила въ тѣ времена?—значеніе первенствующее — это также неоспоримо. Въ какихъ отношеніяхъ находились тогда войны къ своему вождю или королю?—въ самыхъ свободныхъ, вождь зависѣлъ отъ нихъ: покоривъ съ ними извѣстную страну, онъ долженъ былъ дѣлиться съ ними выгодами, происходившими отъ этого покоренія. Каково было римлянамъ отъ этихъ *равноправныхъ согражданъ*, видно изъ письма Сидонія Аполлинарія къ другу, требовавшему отъ него стиховъ: «Могу ли я пѣть, окруженный толпами космачей, принужденный слышать нѣмецкій языкъ, восхищаться пѣснью пѣв-

наго бургундца? Счастливы ваши глаза, счастливы ваши уши, которые не видятъ и не слышатъ варваровъ! Счастливы ваши ноздри, который не обоняетъ по десяти разъ въ утро вони лукомъ и чеснокомъ». И въ такомъ принужденномъ положеніи римлянинъ долженъ былъ находиться относительно бургундовъ, варваровъ, отличавшихся самымъ кроткимъ характеромъ: что же было отъ франковъ, которые вовсе не отличались такимъ характеромъ? Если франки не имѣли никакого преимущества, то зачѣмъ же галло-римляне старались подражать имъ даже во внѣшности, отращивали длинные волосы, назывались варварскими именами? Но у насъ есть свидѣтельство о преимуществѣ варвара надъ римляниномъ, свидѣтельство, съ которымъ никакъ не слѣдуетъ зачитывать ихъ равноправства: по салическому закону вира (штрафныя деньги) за варвара была вдвое больше, чѣмъ за римлянина.

Отрицать завоеваніе и преимущество завоевателя предъ завоеванными нельзя; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы, говоря о завоеваніи, повсюду, гдѣ оно было, предполагали одинакія послѣдствія. Одно и то же явленіе въ разное время, въ разныхъ странахъ, при разныхъ этнографическихъ, географическихъ, экономическихъ, религіозныхъ и другихъ условіяхъ, разнится чрезвычайно въ своихъ послѣдствіяхъ. Такъ, и завоеваніе галло-франковъ разнится и отъ завоеванія турками греческихъ и славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ, и отъ завоеванія Англіи норманнами, и отъ завоеванія Россіи татарами, не переставая однако быть завоеваніемъ. Прежде всего завоеватели, ихъ вождь, принимаютъ вѣру завоеванныхъ, и это, разумѣется, даетъ совершенно особый характеръ отношеніямъ между ними,—прежде всего уничтожаетъ сближеніе завоеванія Галліи франками и завоеванія турками греческой имперіи, гдѣ религіозная рознь и вражда сдѣлала сближеніе завоевателей съ завоеванными невозможнымъ. По извѣстію лѣтописца, епископъ, крестившій Хлодовика, говорилъ ему при совершеніи таинства: «Преклони смиренно голову, Симамбръ; поклоняйся тому, что ты жегъ, жги то, чему ты поклонялся». Говорилъ ли епископъ эти слова, или нѣтъ — намъ все равно; для насъ важно видѣть въ лѣтописи выраженіе современнаго взгляда на событія, выраженіе восторга галло-римскаго народонаселенія, когда дикій завоеватель, истреблявшій, жегшій прежде храмы христіанскіе, сталъ единовѣрцемъ съ завоеванными, преклонился предъ ихъ епископомъ, въ лицѣ котораго поднималась и вся паства, имъ представляемая. Во-вторыхъ, завоеванные стояли на высокой ступени цивилизаціи сравнительно съ завоевателями-варварами. Завоеватель нуждался въ искусствѣ, знаніи

завоеванныхъ; нѣкоторымъ изъ людей галло-римскаго происхожденія, даже свѣтскимъ, отрывалась возможность приблизиться къ королю, получить важное мѣсто и вліяніе, тѣмъ болѣе, что религія нисколько этому не препятствовала, а варварская національность сама по себѣ не ревнива и уклончива передъ цивилизаціею.

Галлія подчинилась франкскимъ князьямъ. Кромѣ прежняго, болѣе или менѣе олатыненнаго галльскаго народонаселенія, они вобрали въ себя теперь населеніе германскаго племени, бургундовъ, готовъ, наконецъ франковъ, какъ послѣдній слой. Мы замѣтили въ предыдущей главѣ, какою бѣдностью, неразвитостію экономическаго быта отличалась римская имперія, сравнительно съ экономическимъ бытомъ новыхъ европейскихъ государствъ. Римская имперія была государство первобытное, земледѣльческое, съ малымъ сравнительно развитіемъ промышленнымъ и торговымъ, отсюда все значеніе у имущества недвижимаго, земель, тогда какъ могущественное значеніе движимаго, денегъ, есть особенность нашей новой исторіи, слѣдствіе сильнаго развитія экономическаго быта новой Европы. Мы видѣли, въ какомъ печальномъ положеніи находилось городское и сельское народонаселеніе въ областяхъ имперіи; новыя государства, основавшіяся на развалинахъ имперіи, начинаютъ съ того, на чемъ кончилась имперія, древній міръ, должны имѣть дѣло съ тою же экономической неразвитостію, носить также земледѣльческій характеръ. Все значеніе—у земли, и потому первое явленіе здѣсь, подлежащее наблюденію историка, это—опредѣленіе поземельныхъ отношеній. Какъ бы ни овладѣли варвары землею, мы видимъ ихъ въ самомъ началѣ полными, неограниченными собственниками своихъ земельныхъ участковъ; подлѣ нихъ видимъ такими же полными, неограниченными владѣльцами земельной собственности и галло-римлянъ, какимъ бы образомъ они ни удержали свои земли. Эти земельные участки, на которые владѣльцы имѣютъ полное, неограниченное право собственности, носятъ разные названія, латинскія, германскія и такіа, происхожденіе которыхъ трудно опредѣлить; они называются *proprietas*, *dominatio*, *sors*, салическая земля, алодь, *haereditas*; есть и такое латинское названіе, которое всего ближе подходитъ къ нашей *отчиннѣ*, это: *terra aviatica*, буквально: *дѣдина*. Но мы уже видѣли, что при экономическомъ бытѣ, какой существовалъ въ Европѣ въ описываемое время, и при томъ хаосѣ, какой господствовалъ при рожденіи новыхъ государствъ, при слабости общей государственной власти, общество, для своего поддержанія, прибѣгаетъ къ частнымъ союзамъ, сла-

бѣй становится подъ покровъ сильнаго, бѣдный подъ покровъ богатаго, закладывается за него, дѣлается его захребетникомъ; немущій идетъ въ услуженіе, въ добровольное холопство, естественно, очень быстро переходящее въ рабство; бѣдный землевладѣлецъ отдаетъ свою землю, свою вотчину богатому и сильному землевладѣльцу, чтобы только получить отъ него защиту. Это явленіе не есть національное, не принадлежитъ какому-нибудь одному времени, но общее народамъ въ разные времена, когда дѣйствуютъ указанная выше условія. Мы видимъ закладничество и холопство у галловъ; въ римской имперіи слабѣй, чтобы найти покровительство сильнаго, отдавалъ ему свою вотчину въ собственность, а самъ пользовался ею пожизненно. «Чтобы отцу получить защитника», — говоритъ современный писатель, — «сынъ теряетъ наслѣдство; отецъ пользуется землею временно, сынъ потеряетъ ее навсегда, потому что отецъ пересталъ быть собственникомъ». Изъ этихъ-то закладчиковъ, потерявшихъ свои вотчины, образовался классъ *колоновъ*, прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ. При утвержденіи варваровъ закладничество продолжалось, вотчины переходили въ помѣстья. Этимъ словомъ: *помѣстье*, мы вполне вѣрно можемъ передавать слова: *beneficium* или *precarium*; при бѣдности государства, при недостаткѣ движимаго, денегъ, князья вмѣсто жалованья давали служащимъ у нихъ людямъ земельные участки въ пожизненное или вообще срочное пользованіе, и такіе земли назывались *beneficium* или *precarium*, — вполне соотвѣтствовавшія нашимъ русскимъ помѣстьямъ. Иногда и на западѣ точно такъ же, какъ и у насъ въ древней Россіи, князья за важныя услуги жаловали земли и въ вотчину, т. е. въ вѣчное потомственное владѣніе. Но когда мелкій вотчинникъ закладывался за сильнаго, то онъ отдавалъ послѣднему свою вотчину, и бралъ ее назадъ въ видѣ помѣстья, въ пользованіе только; въ договорахъ прямо выражалось, что онъ принимаетъ землю какъ бенефицій. Мы знаемъ изъ лѣтописей, какимъ иногда способомъ сильные землевладѣльцы заставляли менѣе сильныхъ отдавать себѣ ихъ вотчины. Григорій Турскій рассказываетъ, что одному священнику королева Клотильда подарила землю въ вотчину. Епископъ сталъ просить ее у него; священникъ не соглашался отдать; тогда епископъ началъ грозить; когда и угрозы не подѣйствовали, то епископъ велѣлъ священника живого положить въ мраморную гробницу и накрыть крышкою; священнику удалось однако уйти и принести жалобу королю; но не видно, чтобы епископъ потерпѣлъ что-нибудь за свой поступокъ. Что не удалось означенному епископу, то удавалось другимъ свѣтскимъ и

духовнымъ лицамъ. Какъ на западѣ въ описываемое время крупные землевладѣльцы заводили за себя земли мелкихъ вотчинниковъ, объ этомъ, по сравненію, мы можемъ получить ясное понятіе изъ исторіи Малороссіи XVII и XVIII вѣка: здѣсь крупные землевладѣльцы точно также отнимали земли у козаковъ и дѣлали ихъ самихъ своими крестьянами; а иногда сами козаки отдавали свои земли и переходили въ крестьянство къ сильнымъ землевладѣльцамъ, чтобы отбыть отъ военной повинности.

Но если таково было главное экономическое явленіе въ новорожденномъ государствѣ, то что же дѣлала новая верховная власть, въ какихъ отношеніяхъ находилась она къ различнымъ частямъ народонаселенія и къ различнымъ органамъ, уже обозначившимся въ юномъ государственномъ тѣлѣ, съ самаго начала превосходившемъ своимъ развитіемъ или разчлененіемъ прежнія государственныя тѣла? Мы видѣли быть германцевъ за Рейномъ и Дунаемъ, видѣли, какъ подвиги, богатырство, доставляли благородство, высшую, королевскую власть. У франковъ мы видѣли такихъ королей, и подъ начальствомъ одного изъ нихъ, Хлодовика, они покоряютъ Галлію. Король франковъ становится начальнымъ челоуѣкомъ въ странѣ, главнымъ правителемъ ея. Галло-римское народонаселеніе, интеллигенція его, т. е. преимущественно духовенство, епископы, понимаютъ это явленіе такъ, что варвары-франки, это — войско, служащее римской имперіи, и предводитель этого войска, расположеннаго въ Галліи, управляетъ страной во имя римской имперіи, римскаго императора. Варварскій король вѣлъ себя согласно съ этимъ пониманіемъ: Хлодовикъ съ восторгомъ облачается въ консульскую одежду, присланную ему императоромъ Анастасіемъ, и хотя требуетъ, чтобъ въ консульскому титулу прибавлялся и титулъ Августа, однако не бьетъ монету съ своимъ изображеніемъ, а съ изображеніемъ императора Анастасія. Сивамбръ преклоняетъ голову предъ обаяніемъ цивилизаціи точно такъ же, какъ преклонялъ голову предъ крестившимъ его архіереемъ; варвары представляли матеріалъ, неимѣющій политической формы, неуспѣвшій пріобрѣсть ее въ своихъ лѣсахъ, въ своихъ странствованіяхъ; Римъ предлагалъ имъ готовую форму, и они стремятся принять ее и чрезъ это политически воплотиться. Такое исканіе формы, опредѣленія, и производить стремленіе варварскихъ народовъ пріобрѣсти цивилизацію у народовъ, ею обладающихъ. Въ лѣтописяхъ варварскихъ народовъ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ Европы, мы встрѣчаемъ извѣстія о благоговѣйномъ отношеніи варваровъ къ цивилизаціи. Заимствованіе, оформленіе естественно начинается сверху и

посредствомъ видимыхъ знаковъ. Хлодовикъ франескій величается въ консульскомъ платьѣ, присланномъ изъ Византіи; въ Москвѣ хранится шапка Мономаха, присланная оттуда же.

Готскій король Атаульфъ жаловался, что готы неспособны къ повиновенію, по причинѣ ихъ необузданнаго варварства. Такъ должны были смотрѣть на своихъ и всѣ короли, которые начали носить консульское платье и діадемы, присланныя изъ Константинополя. Мы видѣли, что въ лѣсахъ германскихъ о дѣлахъ меньшей важности совѣщались начальные люди, о важнѣйшихъ — всѣ. Король на римской почвѣ явился въ челѣ войска, привыкшаго къ этимъ всеобщимъ совѣщаніямъ, ибо движеніе войска, рѣшеніе на счетъ похода есть важнѣйшее дѣло, и тутъ-то варвары особенно отличались своимъ неповиновеніемъ. Франескіе короли — Клотарь и Хильдебертъ идутъ на бургундовъ, брать ихъ Теодорикъ отказывается идти съ ними вмѣстѣ; тогда его войско говоритъ ему: «Если не хочешь идти въ Бургундію съ братьями, то мы покинемъ тебя и пойдемъ за ними». Теодорикъ уговариваетъ ихъ: «Ступайте за мною въ Овернь, я васъ приведу въ страну, гдѣ вы наберете золота и серебра, сколько душа желаетъ, наберете скота, рабовъ и платья множество; только не ходите съ братьями моими». Король Клотарь идетъ на саксонцевъ; саксонцы просятъ мира; Клотарь хочетъ мириться, но воины говорятъ ему: «Мы знаемъ, что саксонцы лгуны, обѣщаній своихъ не сдержатъ». Саксонцы опять съ мирными предложеніями; Клотарь опять проситъ франковъ не нападать на нихъ, чтобъ не навлечь на себя гнѣва божія; франки не хотятъ слышать о мирѣ. Король говоритъ имъ: «Если вы непременно хотите драться, то я не пойду съ вами». Тогда воины бросаются на короля, рвутъ его палатку, ругаютъ его и тащутъ насильно въ битву, грозятъ убить, если не пойдетъ. Варвары, франки, это — войско; война — главный ихъ интересъ; они собираются весною, въ мартѣ мѣсяцѣ передъ началомъ похода, на *сеймъ*, на *малъ*, буквально — *отче, рада* (*mal* — слово, *gad* — испускать звукъ, *вѣче* — слово). Кромѣ войны, на «малѣ» (которому по характеру своему вполне соответствуетъ черная рада у малороссійскихъ козаковъ) рѣшались и другія дѣла особенной важности, выборъ вождей, выборъ дядьки или воспитателя въ случаѣ малолѣтства короля, земельные раздѣлы и раздѣлы казны между королевскими дѣтьми, судъ надъ важными преступниками, дѣла церковныя, ибо на нихъ присутствовали епископы. Всевозможные безпорядки, какіе только можно себѣ представить въ громадномъ сборищѣ грубой вооруженной массы, не хотящей знать никакой дисциплины, — безпорядки, кото-

рыми отличались козацкія рады и польскіе сеймы, бывали и на этихъ франескихъ мартовскихъ сеймахъ. Съ теченіемъ времени они собирались все рѣже и рѣже: они не могли нравиться ни королямъ, ни знати, ни епископамъ; съ постепеннымъ выходомъ изъ обычая мартовскихъ сеймовъ, пало и значеніе войсковой массы, а съ другой стороны, постепенное ослабленіе послѣдней отнимало значеніе у мартовскихъ сеймовъ, которые являются уже только военными смотрами. При такихъ точно условіяхъ военнаго занятія страны, въ Малороссіи гетманы, начиная съ Богдана Хмельницкаго, избѣгаютъ собранія Черной рады, и дѣла рѣшаются на сѣздахъ старшинъ и полковниковъ къ гетману.

Мы видѣли, что у варваровъ богатырь, начальнѣйшій человѣкъ, окруженъ былъ воинственною толпою, дружиною, которая въ мирѣ составляетъ украшеніе, на войнѣ—охрану. Многочисленная и храбрая дружина доставляла вождю ея славу не только въ своемъ народѣ, но и у народовъ сосѣднихъ: къ такимъ вождямъ являлись посольства, приносились дары. Эти слова Тацита о дружинѣ переводитъ русскій князь Владиміръ, говоря: «Золотомъ и серебромъ не приобрѣту дружины, а съ дружиною приобрѣту серебро и золото». Понятно, что у франескихъ королей, послѣ того, какъ они стали владѣльцами Галліи, дружина была очень многочисленна; она носитъ названіе *трусты* (*truste*), члены ея — *антрустіоны* (по всѣмъ вѣроятностямъ, это слово однокоренное съ санскритскимъ *тга*, защищать, покровительствовать, кормить; древнеславянское *трути*—кормить, наше *трава*—кормъ). Антрустіоны, дружинники, клянутся быть вѣрными королю, быть его людьми (*leudes*); а король держитъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ (*mundium*): кто убьетъ антрустіона, тотъ платитъ виру въ три раза большую, чѣмъ вира за убійство простого франка. Но кромѣ такой сильной охраны, антрустіоны имѣли еще другія выгоды: они получали отъ короля хорошія помѣстья (*beneficia*), изъ ихъ среды король назначалъ правителей въ города и области съ титулами герцоговъ и графовъ, судей и сборщиковъ податей. По новому положенію своему на римской почвѣ, не какъ только вождь, но и какъ государь обширной страны, король принимаетъ въ антрустіоны не однихъ храбрецовъ, онъ беретъ и людей галло-римскаго происхожденія, надобныхъ ему по своему искусству и образованію для исполненія разныхъ порученій, напримѣръ, для веденія дипломатическихъ сношеній, для составленія грамотъ; но высшія должности правительственныя, соединенныя съ охраною страны, должности герцоговъ, войсковыхъ начальниковъ областей, поручались преимущественно франкамъ,

что видно изъ именъ герцоговъ, попадающихся въ лѣтописи, а это ясно показываетъ также отношенія франковъ къ галло-римлянамъ.

Король располагалъ обширною земельною собственностью, преимущественно казенною собственностью имперіи, если и не предположимъ, что онъ, какъ вождь, взялъ себѣ хорошую, большую долю; обширная земля давала ему большія средства раздавать помѣстья или бенефиціи, награждать заслуги своихъ людей вотчинами; доходы съ земель, оставшихся за королемъ, подати съ галло-римскаго народонаселенія, подарки, подносимые по старому обычаю франками (которые упорно отказывались платить подати наравнѣ съ покореннымъ народонаселеніемъ),—всѣ эти доходы давали королямъ возможность имѣть обширное хозяйство. Антрустіоны находили для себя почетнымъ и выгоднымъ завѣдывать отдѣльными частями этого хозяйства; но понятно, какъ почетно и выгодно было положеніе человѣка, который стоялъ выше всѣхъ этихъ управителей отдѣльными частями, который имѣлъ высшій надзоръ надъ всѣмъ хозяйствомъ, надъ всѣмъ домомъ королевскимъ, былъ старшимъ въ его управленіи, *major domus*, палатнымъ меромъ.

Антрустіоны, приближенные къ королю люди, начиная съ самаго приближеннаго, палатнаго мера, составляли знать въ глазахъ остального народонаселенія, *illustres*, *optimates*. Съ ними король держалъ совѣтъ, думу, и чѣмъ болѣе теряли значеніе общія войсковыя рады или мартовскіе сеймы, тѣмъ болѣе приобрѣтали значенія эти совѣты короля съ знатью, съ антрустіонами; но въ этихъ совѣтахъ участвовала не одна свѣтская знать, въ нихъ участвовала и знать церковная, епископы.

Съ этими двумя элементами, знатью свѣтскою и церковною, королевская власть и должна имѣть преимущественно дѣло. Три силы на лицо: какъ же опредѣлить отношенія между ними? Тутъ прежде всего вниманіе наблюдателя обращаютъ на себя естественныя общія условія жизни человѣка и народа, тѣ представленія о законѣ отношеній, о правѣ, которыми люди и народы руководствуются въ первобытныя времена, пока опытъ долгой, политической жизни не убѣдитъ ихъ въ необходимости измѣнить эти представленія. При этомъ разныя случайныя обстоятельства играютъ важную роль, ибо они подлаживаютъ тяжести на ту или другую чашку вѣсовъ. Само собою разумѣется, что изъ этихъ случайностей личность, способности, умѣнье пользоваться своими средствами, играютъ главную роль въ наклоненіи вѣсовъ въ ту или другую сторону; затѣмъ болѣе или менѣе

продолжительная преемственность способныхъ людей на той или другой сторонѣ; наконецъ, совершенно вѣдшія явленія, столкновѣнія народа съ другими народами и т. д.

Представленіемъ, господствующимъ у варваровъ, является представленіе о томъ, что страна есть частная собственность короля, по смерти котораго всѣ его сыновья имѣютъ одинаковое участіе въ отцовскомъ владѣніи. Сыновья Хлодовика раздѣлили Галлію между собою на четыре части, вовсе не соблюдая точности границъ; владѣнія ихъ были череполосныя: иногда одинъ городъ принадлежалъ двоимъ и тремъ королямъ; Мецъ, Суассонъ, Парижъ и Орлеанъ были главными городами этихъ четырехъ волостей; но югозападная часть Галліи, прилежавшая къ Атлантическому океану, такъ-называемая Аквитанія, подѣлена была опять на четыре части между братьями. Нужно ли говорить, какое явленіе напоминаетъ намъ это дѣленіе Галліи между потомками Хлодовика или, такъ-называемыми, Меровингами? Точно также русскія владѣнія дѣлились между сыновьями Ярослава: Новгородъ отчислялся къ Кіеву, Ростовъ къ Переяславу Южному, Муромъ къ Чернигову! Какія же были отношенія между сыновьями Хлодовика? Государственной подчиненности младшихъ братьевъ старшимъ мы не видимъ никакой; о родовомъ подчиненіи, о томъ, чтобы старшій былъ вмѣсто отца, владѣлъ старшимъ столомъ, также нѣтъ помину. Мы видѣли, что германцы не могли сохранить или выработать вѣрнаго родового союза, а на римской почвѣ, въ народонаселеніи римскихъ провинцій, и подавно не было условій, которыя бы благопріятствовали этому сохраненію или выработкѣ; но такъ какъ и государственныя отношенія еще не начинали вырабатываться, то между людьми, стоящими на верху, между владѣльцами, естественно выставляются развалины, обломки, воспоминанія родового союза, если онъ былъ когда-нибудь выработанъ, или первоначальныя черты его; задержанныя въ своемъ развитіи отсутствіемъ благопріятныхъ условій. Меровинги признаютъ родственную связь между собою, признаютъ землю, добытую предками, своею родоюю собственностью, считаютъ себя въ правѣ наследовать другъ послѣ друга; но при этомъ отсутствіи выработки родовыхъ отношеній, которыя у другихъ племенъ сдерживали хищничество, открывая властолюбію и честолюбію другіе виды, виды на старшинство въ родѣ, — отсутствіе выработки родовыхъ отношеній у германцевъ давало полный просторъ хищничеству, стремленію увеличить свои надѣлы, свое богатство на счетъ родственниковъ, истреблять послѣднихъ. Нельзя было отнять землю у взрослыхъ родственниковъ, у братьевъ,

истребить ихъ, нельзя было сладить съ племянникомъ взрослымъ, сильнымъ привязанностію дружины: бросались на малолѣтнихъ осиротѣлыхъ племянниковъ, ихъ истребляли и дѣлили земли отца ихъ между собою. Извѣстно, какъ у насъ, въ Россіи, при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, несчастные князья-сироты были мало обезпечены отъ властолюбія своихъ старшихъ родственниковъ. Любопытно видѣть, какъ и у Меровинговъ вкоренено было понятіе, что племянники при дядяхъ не наследники: внукъ Хлодовика, знаменитый своимъ геройствомъ Теодобертъ, едва успѣлъ удержать за собою свою отчину, которую хотѣли поделить между собою дядя его; да и тутъ онъ долженъ былъ дать имъ долю изъ отцовскаго движимаго имущества.

Одинъ изъ сыновей Хлодовика, Клотарь, по смерти братьевъ, сталъ единовластцемъ всѣхъ отцовскихъ земель; но по смерти его онъ снова раздѣлился между сыновьями его, и это новое раздѣленіе было еще неправильнѣе прежняго: напримѣръ, король, который владѣлъ землями по теченію Сены, владѣлъ также Марселемъ. Нантъ принадлежалъ королю, царствовавшему въ Суассонѣ, а этотъ городъ только рѣкою отдѣлялся отъ владѣній другого брата. Дѣлили земли, завоеванныя Хлодовикомъ и его сыновьями; вмѣсто одного короля является нѣсколько равноправныхъ королей: въ какомъ же отношеніи находились къ нимъ франкское народонаселеніе, войско, также дружина или антрустіоны, ибо все это землевладѣльцы, вотчинники и помѣщики? При раздѣлахъ между королями, земельныя владѣнія знатнаго человѣка могли очутиться въ волостяхъ разныхъ королей, и короли договариваются, что такой человѣкъ, считаясь самъ лично подъ властію одного изъ нихъ, безпрепятственно пользуется имуществомъ, которое находится во владѣніяхъ другого. Такъ какъ въ подобномъ положеніи находилось и духовенство, имѣнія котораго были разбросаны въ волостяхъ разныхъ королей, то оно соединяетъ свои интересы съ интересами свѣтскихъ землевладѣльцевъ, и епископы требуютъ у короля, чтобъ духовныя и свѣтскія лица, живущія въ волостяхъ его дядей, но владѣющія землями въ его королевствѣ, не считались иностранцами, но пользовались бы свободно своими имѣніями. Наконецъ, короли договариваются не похищать другъ у друга дружинниковъ и не принимать такихъ, которые покинули службу своего короля. Эти два условія тѣсно связаны другъ съ другомъ: не существуй перваго, дружинникъ будетъ переходить въ службу того короля, во владѣніяхъ котораго находится большая или лучшая часть его земель; не будь втораго условія при первомъ, дружинники, пе-

реманиваемые какими-нибудь выгодами, будутъ переходить въ службу другого короля, сохраняя свои земли въ волости прежняго, въ ущербъ послѣднему и въ усиленіе первому.

При первомъ поколѣніи, при сыновьяхъ Хлодовика, большихъ перемѣнъ въ отношеніяхъ дружины къ королямъ произойти не могло, потому что сыновья Хлодовика отличались тою же энергіею, тою же воинственною дѣятельностью, какъ и отецъ ихъ. Но со второго поколѣнія начинается упадокъ между Меровингами. Внѣшнія завоевательныя войны смѣняются внутренними усобицами между королями. Нѣкоторые изъ этихъ королей представляются чудовищами разврата, въ который они бросились со всею варварскою необузданностію и пыломъ страсти, получивши большія средства къ ея удовлетворенію. Развратъ принесъ очень скоро свои плоды: явилось новое поколѣніе дряхлое физически и умственно, недолговѣчное; жизнь другихъ укорачивается ножами убійцъ, посылаемыхъ родственниками. Являются случаи продолжительнаго малолѣтства королей, женскаго управленія, управленія вельможъ. У насъ съ дѣтства остаются въ памяти имена двухъ женщинъ изъ меровингской исторіи, знаменитыхъ Фредегонды и Брунегильды, которыхъ дѣятельность является на первомъ планѣ; явленіе естественное: съ паденіемъ мужчинъ у Меровинговъ, но при сохраненіи еще значенія, матеріальныхъ средствъ фамиліи, дѣятельность переходитъ къ женщинамъ, и потомъ уже все съ большимъ и большимъ паденіемъ фамиліи, на верхъ поднимается другая фамилія; эпоха Фредегонды и Брунегильды естественно посредствуетъ между самостоятельными Меровингами и правленіемъ палатныхъ меровъ.

Но дѣятельность Фредегонды и Брунегильды необходимо останавливаетъ насъ и заставляетъ наблюдать надъ характеромъ и положеніемъ женщины въ новомъ обществѣ. Нѣмецкіе ученые, въ припадкахъ своего германофильства, стали проповѣдывать, что германская женщина міръ спасла, что только германская женщина явила въ себѣ настоящій женскій характеръ и установила настоящее положеніе женщины въ семьѣ и обществѣ, а въ семьѣ и обществѣ другихъ народовъ женщина имѣла низкое, недостойное положеніе. Съ легкой руки нѣмецкихъ наставниковъ и у насъ начали было толковать о созданіи славянской, русской женщины, которая также долженствовала міръ спасти. Нѣмецкіе ученые основали свои выводы о высокомъ характерѣ и положеніи женщины въ германскихъ лѣсахъ по скуднымъ извѣстіямъ о какихъ-то пророчицахъ Веледахъ, имѣвшихъ важное религиозно-политическое значеніе у своихъ народовъ, и о томъ, что гер-

манскія женщины очень храбро вели себя во время побѣдъ, какъ будто у другихъ народовъ мы не видали женщинъ, облаченныхъ точно такимъ же характеромъ, какъ будто и другіе народы въ періодъ своей богатырской жизни не выставляютъ богатырей женскаго пола. Съ малолѣтства каждый грамотный человѣкъ вбираетъ въ свою память прекрасные, высокіе образы женщинъ и въ частной, и въ общественной жизни, героинь, совершающихъ подвиги для спасенія отечества, пророчицъ-вождей, судей своего народа, и это—въ народѣ восточномъ, не арійскаго племени. Но оставимъ отдаленный востокъ и перейдемъ поближе, въ Европу, на римскую почву, посмотримъ, въ какомъ значеніи встрѣтили варвары женщину въ римско-христіанскомъ обществѣ.

Также съ малолѣтства привыкли мы къ преданіямъ о героиствѣ римскихъ женщинъ въ первыя времена знаменитаго города, о томъ уваженіи, какимъ была окружена римская женщина, какъ мать и жена; юридическія положенія объ отношеніи женщины къ мужу и сыну не должны смущать насъ, ибо при извѣстныхъ условіяхъ быта, слабѣйшему существу прежде всего должна быть обезпечена защита сильнѣйшаго, а защита и власть въ такомъ быту не отдѣляются. Въ послѣдствіи измѣненіе условій быта отразилось въ сопоставленіи новыхъ брачныхъ формъ и условій съ прежними, архаическими, такъ сказать, формами и условіями. Высокое значеніе женщины въ Римѣ свидѣлствуется тѣмъ, что она здѣсь могла быть жрицею, свидѣлствуется и необыкновенными правами весталокъ. Съ распространеніемъ образованности, римская женщина, овладѣвъ ея средствами, является въ обществѣ съ могущественнымъ вліяніемъ; распространеніе образованности въ Римѣ совпадало съ порчею нравовъ, и многія женщины пользовались своимъ положеніемъ не для поддержанія нравственныхъ началъ. Но для поддержанія послѣднихъ является христіанство, и римская женщина не уступаетъ мужчинамъ въ тяжелой борьбѣ за распространеніе и утвержденіе новыхъ вѣрованій. Примѣровъ приводить не нужно, они всѣмъ извѣстны; но важное значеніе женщины, какое было приобрѣтено ею въ языческомъ Римѣ, и освященіе, какое дано было этому значенію христіанствомъ, нигдѣ не высказываются съ такою поразительностію, какъ въ исторіи Іеронима и Златоуста. Германская женщина при встрѣчѣ съ римскою, не могла ничего прибавить къ значенію послѣдней.

Извѣстно, что Тацитъ хвалитъ нравственную чистоту германскихъ женщинъ, и мы нисколько не станемъ заподозривать справедливости его извѣстій; мы укажемъ только на то, что Тацитъ

причинами этой чистоты выставляеть отсутствие общительности при разрозненной жизни германцевъ, отсутствие цивилизаціи, отсутствие науки и литературы,—и прибавимъ, что женщины, знаменитыя въ лѣтописяхъ христіанскаго Рима и Византіи, отличались нравственною чистотою, принадлежа къ цивилизованному обществу, занимаясь наукою и литературою. Тацитъ хвалить германцевъ за однобрачіе, соблюдаемое большинствомъ; но говорить, что меньшинство, люди знатные живутъ въ многоженствѣ изъ благородства, а не по сладострастію (*non libidine, sed ob nobilitatem*). Намъ, разумѣется, трудно понять такое «noblesse oblige», и мы не знаемъ, какъ свѣдалъ Тацитъ о такой обязанности, налагаемой благородствомъ только. Но какъ бы то ни было, когда Меровинги овладѣли Галліею, они вспомнили объ этой обязанности и начали исполнять ее съ чрезвычайнымъ усердіемъ, женились и разженивались безпрестанно и держали цѣлыя гаремы изъ казенныхъ работницъ. Церковь вооружилась противъ этого разрушительнаго для новаго общества явленія всѣми своими средствами; но увѣщанія и отлученіе мало помогали при господствѣ двоевѣрія у варваровъ, изъ которыхъ многіе принимали христіанство только съ внѣшней стороны, служа внутри прежнимъ вѣрованіямъ и привычкамъ. Со стороны женщины дѣло не могло обойтись безъ протеста; въ германскихъ лѣсахъ она могла успокоиваться на законности этого явленія; на римской почвѣ, при требованіяхъ новой религіи, это успокоеніе было у нея отнято. Отсюда неодолимое стремленіе энергической женщины изъ наложницы стать законною и единственною женою, отсюда эта борьба съ соперницами, доходящая до крайности, когда всѣ средства считаются позволенными. Такимъ образомъ, дѣятельность Фредегонды, состоящая изъ цѣпи преступленій, есть не иное что, какъ печальное слѣдствіе обычая, принесеннаго Меровингами изъ лѣсу, обычая, который пришелся вовсе не по условіямъ новаго общества.

Но не одно стремленіе выйти изъ незаконнаго, непризнаваемаго новымъ обществомъ, унижительнаго положенія заставляла энергическую женщину волноваться, совершать преступленія и побуждать другихъ къ ихъ совершенію. Ее побуждало къ тому другое, болѣе могущественное чувство, чувство матери. Мы видѣли, что отношенія между Меровингами указываютъ на переходное, промежуточное время: государственныя опредѣленія не выработались, а члены господствующей фамиліи руководились остатками родового обычая; имъ представлялось единство рода, нераздѣльность родового владѣнія, причемъ только старшіе могутъ быть представителями рода, совладѣльцами, племянники исключаются изъ владѣнія, дядя

преслѣдуютъ ихъ, истребляютъ. Не одно властолюбіе руководило и королями, когда они стремились къ единовластію, къ изгнанію, истребленію братьевъ: ими руководило опасеніе за участь своихъ дѣтей, которыхъ дядя не оставляетъ спокойно владѣть отцовскою волостью. То же самое видимъ на востокѣ, гдѣ господствуетъ та же невыработка постановленій о престолонаслѣдіи, такіе же родовые обычаи, тотъ же сеніоратъ, по которому старшій въ родѣ, дядя, имѣетъ право предъ племянникомъ: мы видимъ, что султанъ, чтобъ упрочить престолъ за своимъ сыномъ, умерщвляетъ братьевъ. Но теперь легко представить себѣ положеніе матери-королевы, которая хорошо знала, что умри ея мужъ, дѣтямъ ея предстоитъ истребленіе или въ крайнемъ счастливомъ случаѣ изгнаніе отъ дядей? видя въ братьяхъ мужа своего гонителей, истребителей ея собственныхъ дѣтей, она побуждаетъ мужа предупредить враговъ, напасть на братьевъ, изгнать, истребить ихъ. У туринговъ царствовали три брата—Бадерикъ, Герменфридъ и Бертеръ; у Герменфрида была жена Амалаберга, которая непременно требовала отъ мужа, чтобъ онъ отдѣлился отъ братьевъ и владѣлъ одинъ; Герменфридъ уступилъ настояніямъ жены, напалъ на Бертера и убилъ его. Но оставался Бадерикъ, на котораго Герменфридъ боялся напасть. Однажды, когда онъ пришелъ въ столовую обѣдать, то увидалъ, что столъ накрытъ только на половину. «Что это значить?» спросилъ онъ съ удивленіемъ у жены. «А то значить», отвѣчала Амалаберга, «что кто довольствуется половиною королевства, долженъ видѣть половину своего стола пустою». Тогда Герменфридъ отправилъ пословъ къ франкскому королю Теодорикъ съ такимъ предложеніемъ: «Если ты погубишь Бадерика, то Герменфридъ раздѣлитъ его волость пополамъ съ тобою.» Теодорикъ согласился, и Бадерикъ погибъ. Жена польскаго князя Владислава II-го, нѣмецкая принцесса Агнесса, до тѣхъ поръ не могла успокоиться, пока не заставила мужа напасть на братьевъ.

Многоженство варварскихъ королей вносило страшный раздоръ въ семьи; жены ненавидѣли другъ друга и передавали эту ненависть дѣтямъ; отсюда материнское чувство, желаніе предохранить собственныхъ дѣтей отъ гибели, заставляло женщину преслѣдовать своихъ пасынковъ, доводить ихъ до гибели, чѣмъ особенно славна была страшная Фредегонда. Послѣ этого такъ понятны для насъ слова нашего Ярослава, сказанныя сыновьямъ передъ смертію: «Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои, имѣйте въ себѣ любовь, понеже вы есте братье единого отца и *матере*.» Передъ глазами Ярослава былъ печальный опытъ прежнихъ усо-

бицъ, когда истребляли другъ друга князья, рожденные отъ одного отца, но отъ разныхъ матерей.

Еще одно чувство, чувство религіознаго характера заставляло варварскую женщину выдаваться впередъ и побуждать мужчинъ къ исполненію священной обязанности, — а эта обязанность заключалась въ смертоубійствѣ. Родственникъ былъ обязанъ отомстить смертью убійцѣ близкаго человѣка. Тѣмъ убитаго не могла быть покойна, пока кровавая месть не была совершена, и чѣмъ замѣтнѣе была женщина своимъ религіознымъ чувствомъ, тѣмъ болѣе отличалась строгимъ исполненіемъ этой обязанности, по нашему — неумолимостью, жестокостію въ мести. Клотильда, жена Хлодовика, благодаря настояніямъ которой этотъ свирѣпый Сивамбръ принялъ христіанство, — Клотильда, которая, по смерти мужа, удалась отъ свѣта, проводила все свое время въ молитвахъ, — эта самая Клотильда заставила сыновей своихъ идти войною на бургундскаго короля, чтобъ отомстить ему за смерть отца своего. Поведеніе западной Клотильды такъ уясняетъ поведеніе восточной, русской Ольги, жестоко отомстившей древлянамъ за смерть мужа.

С. Соловьевъ.

ПОЛЬСКАЯ КОЛОНИЗАЦІЯ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Окончаніе.

III *).

Основаніе казацкой колоніи за Порогами. — Правительство старается подчинить ее областному управленію. — Оказанная пограничная шляхта. — Вмѣшательство ея въ молдавскія дѣла. — Общія черты воинственной жизни у русской шляхты и у казаковъ. — Совмѣстныя предпріятія охранителей колонизаціи.

Изъ актовъ, относящихся къ первымъ временамъ казачества, видно, что казаки, подъ предводительствомъ Вишневецкаго, пытались устроить себѣ постоянное мѣстопробываніе за Порогами. Безъ этого, они, съ одной стороны, очутились бы въ полной зависимости отъ королевскихъ старостъ, а съ другой — не могли бы отстаивать родной Днѣпръ противъ татаръ и турокъ. Тяжба черкасскихъ мѣщанъ съ королевскимъ старостою Пенкомъ за Звонецкій порогъ показываетъ, что вольныя займища на днѣпровскомъ Низу были предметомъ соперничества между мѣстной администраціею и свободною промышленностью, между старостами и казаками-мѣщанами. Можно догадываться, что казаки, независимые скитальцы низовыхъ пустынь, втягивали въ свое товарищество осѣдлыхъ жителей и вмѣстѣ съ ними владѣли на Днѣпрѣ рыболовными мѣстами и звѣринными уходами, то-есть отпугивали.

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

отъ нихъ татаръ; а старобы объявляли эти займища королевскимъ имуществомъ, и вольныхъ промышленниковъ облагали пошлинами. Противиться старостамъ въ городахъ не было возможности: тамъ казаки и казакующіе мѣщане были у старосты въ рукахъ со всѣмъ своимъ имуществомъ. Чѣлны, рыболовные и охотничьи снаряды, а также оружіе, безъ котораго нельзя было держаться на Низу, — на все это староста могъ наложить руку, съ помощью служебниковъ, привязанныхъ къ нему исключительными вольностями. Необходимо было имѣть за Порогами мѣсто, недоступное для пограничныхъ представителей королевской власти, — подальше отъ Звонецкаго порога, на который посягали Пенько, — такое мѣсто, въ которомъ бы не только казацкое добро оставалось цѣлымъ на время зимы, но и сами казаки имѣли бы постоянное убѣжище отъ преслѣдованія украинскихъ старостъ. Вольные добычники казаки не обращали вниманія на мирные договоры короля съ турецкимъ султаномъ и грабили азіатскихъ купцовъ, которые ходили караванами изъ Крыма, мимо Червась, въ Путивль и Кіевъ. Уже одно это обстоятельство дѣлало для нихъ необходимымъ притонъ, недосыгаемый какъ для королевскаго правосудія, такъ и для турецкой силы. Испытавъ съ Вишневецкимъ невозможность удержаться на Хортицкомъ островѣ, казаки устроили себѣ пристановище въ другомъ мѣстѣ, гораздо ниже Пороговъ, тамъ, гдѣ Днѣпръ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и расплывается по лѣсистымъ низинамъ заточинами, именно при устьѣ рѣчки Чертомлыка. Эта рѣчка прикасается своими «вѣтвями» къ другой, еще больше вѣтвистой рѣчкѣ, Базавлуку, и вмѣстѣ съ нею защищаетъ свободный приступъ къ днѣпровскимъ островамъ со стороны прибугскихъ степей. На одномъ изъ этихъ острововъ, противъ нынѣшняго села Капуловки (ниже Никополя), расположились казаки кошемъ, по нынѣшнему — лагеремъ, и окружили его засѣкою. Все вмѣстѣ называли они «Січю». Съ праваго берега Днѣпра защищали это мѣсто степныя рѣчки съ своими вѣтвями, по которымъ казаки обыкновенно занимались звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, а съ лѣваго — невозможно было переправиться къ сѣчевому острову иначе, какъ на судахъ. Такимъ образомъ сухопутному войску не было безвозбраннаго доступа къ Сѣчѣ. Что касается до турецкихъ галеръ, которыя могли придти сюда съ моря, то отъ нихъ сѣчевой островъ былъ защищенъ днѣпровскими рукавами, которыхъ берега, покрытые камышемъ и зарослями, давали казакамъ возможность устроить въ разныхъ мѣстахъ засады. Французскій инженеръ Бопланъ, обозрѣвшій въ 1638 году Днѣпръ,

до острова Хортицы, рассказываетъ, что однажды турецкія галеры, преслѣдуя казацкіе челны съ моря, запутались въ лабиринтъ днѣпровскихъ рукавовъ между островами; казаки открыли по нимъ пальбу изъ-за камышей, потопили нѣсколько галеръ и такъ напугали турокъ, что съ тѣхъ поръ они не смѣли приближаться къ Сѣчу. Наконецъ, со стороны королевскихъ городовъ доступъ къ сѣчевому острову затрудняли девять пороговъ, черезъ которые умѣли проводить суда только низовые казаки. Пороги на Днѣпрѣ состоятъ изъ каменныхъ запрудъ, лежащихъ поперекъ рѣки отъ берега до берега. Вода быстро стремится сквозъ промежутки этихъ запрудъ и пѣнится съ оглушительнымъ шумомъ. Каждый порогъ состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, болѣе или менѣе правильныхъ. Въ нѣкоторыхъ, число такихъ уступовъ доходитъ до двѣнадцати, на протяженіи 640 сажень вдоль рѣки. Весною всѣ пороги понимаются водою, кромѣ одного, прозваннаго Ненасытецкимъ, но образуемые ими водопады тѣмъ не менѣе затруднительны для плаванія.

Подъ защитой мѣстности, казаки расположились кошемъ въ виду татарскихъ кочевьевъ. Но вещественной ограды было недостаточно. Запорожская колонія могла держаться на своемъ опасномъ займищѣ только чрезвычайнымъ напряженіемъ духовныхъ силъ, которое казаки называли въ своихъ думахъ «лицарствомъ». Въ основаніи запорожскаго братства лежалъ своего рода аскетизмъ. Подъ смертною казнію запрещалось вводить въ Сѣчъ женщину. Даже кровное родство отрицали низовые рыцари. *Сичъ—мати, а Великій Лугъ—батько*, говорили они, выражая этимъ свое отчужденіе отъ семейныхъ связей. Запорожцы привлекали къ себѣ товарищей не столько добычею, сколько опасностями. Появляясь въ украинскихъ селахъ передъ задуманнымъ походомъ въ татарщину и туреччину, они, подобно первымъ монахамъ-крестоносцамъ, кликали такой кличъ (и этотъ кличъ сохраненъ польскими преданіями XVI вѣка): «Кто хочетъ за христіанскую вѣру быть посаженнымъ на колъ, кто хочетъ быть четвертованъ, колесованъ, кто готовъ претерпѣть всякія мѹки за святой крестъ, кто не боится смерти,—приставай къ намъ. Не надо смерти бояться: отъ нея не уберешься. Такова казацкая жизнь!»

И не каждого принимали они въ свое военное братство. Для того, чтобы вступить въ ихъ курени, требовалось или громкой извѣстности или суроваго испытанія. Ни породю, ни званіемъ они не считались. Самые атаманы запорожскіе, послѣ выбора на ихъ мѣста другихъ, дѣлались простыми казаками. Въ дѣлахъ частныхъ, судъ и расправу производили запорожцы большин-

ствомъ голосовъ по куренямъ; въ дѣлахъ общихъ для всего войска, приговоры постановлялись радюю, въ которой участвовалъ каждый съ одинаковымъ правомъ голоса. Срокъ пребыванія за Порогами ни для кого не назначался: можно было пріѣхать въ Сѣчь и уѣхать изъ Сѣчи во всякое время. Какія бы то ни совершили преступленія въ городахъ, запорожскому братству ни до чего не было дѣла; но за то строго карались проступки, совершенные въ предѣлахъ запорожскаго присуду. За кражу самой незначительной вещи опредѣлялась смертная казнь; за убійство товарища, преступника зарывали въ землю вмѣстѣ съ убитымъ. Пьянство между запорожцами не считалось порокомъ, но въ походахъ противъ непріятелей, подъ страхомъ смертной казни, соблюдалась трезвость. Опасное положеніе запорожскаго коша требовало строгой дисциплины. Не смотря на свободу пріѣзда и отъѣзда, не смотря на равенство между членами военного братства, порядокъ дѣйствій и бдительность сторожевыхъ постовъ на Запорожьѣ, или на Низу, какъ говорилось встарину, славились даже между польскимъ рыцарствомъ. По свидѣтельству геральдика Папроцкаго, не только многіе хорошіе войны изъ мелкой шляхты, но и сыновья знатныхъ пановъ, ѣздили за Пороги для изученія «порядка и рыцарскаго дѣла» ¹⁾.

Это была республика, образовавшаяся въ силу противодѣйствія русскаго духа татарскому. Съ одной стороны, она сохраняла главные черты своего происхожденія, именно—христіанскую вѣру и богатырскіе обычаи, съ другой—усвоила себѣ наѣздническіе нравы, безъ чего не возможно было бы ей существовать. Какъ татары вмѣстѣ съ турками вторгались безпрестанно въ днѣстровскую и днѣпровскую Русь, такъ запорожскіе рыцари нападали на татарскіе улусы и турецкіе замки. Какъ татарская орда получала подарки отъ польскаго короля и отъ московскаго царя за то, чтобъ не вторгалась въ ихъ предѣлы, такъ и орда казачья принуждала не только обоихъ государей, но и самихъ татаръ откупаться отъ нея ежегодными подарками ²⁾.

Первоначальною задачею казачества, какъ мы видѣли изъ реляціи Претвича, было—наблюдать въ степяхъ за движеніемъ татаръ и посылать къ пограничнымъ гарнизонамъ извѣстія о при-

¹⁾ Этотъ современникъ казачества, еще не воевавшего съ панами, въ рѣдко изъ нынѣ книгъ своей „Ogrod krolewski“, подъ 1594 годомъ пишетъ: „Wiele chudych raschołkow potciwych dla cwiczenia w rycerskich sprawach tam iezdzi, i s paniąt Ruskich, Podolskich, Polskich między nie немало zaiezdza, bo między niemi dobrze się wyswyczyć może w porządek u w czynność rycerską“.

²⁾ Объ этомъ упоминается въ той же книгѣ Папроцкаго.

ближеніи опасности. Когда королевскимъ воеводамъ и старостамъ удавалось встрѣтить или настигнуть и поразить Орду, обыкновенно вооруженную плохо и неспособную къ продолжительному бою,—казаки пускались въ погоню за остатками разбитой ватаги и, въ награду за свою неустойчивость, получали отбитую у нихъ добычу, всего чаще — лошадей. Утвердясь за порогами, казаки сторожили татаръ на переправахъ черезъ Днѣпръ, не допускали ихъ переходить съ «татарской» на «русскую», то-есть на правую сторону. Но не всегда были у нихъ къ тому средства, и вообще низовцы предпочитали нападать на татаръ, когда они, обремененные плѣнниками и награбленнымъ добромъ, возвращались въ свои улусы.

Польское правительство не поддержало ни Дашкевича въ его предложеніи устроить на Днѣпрѣ сильную стражу, ни князя Вишневецкаго во время опаснаго пребыванія его на островѣ Хортицѣ. Дядя польскаго лѣтописца Бѣльскаго, Янъ Орышовскій, долго гетманствовалъ у запорожцевъ при Стефанѣ Баторіѣ, и также пришелъ къ мысли о необходимости защитить отъ татаръ поддѣпровскіе замки. Онъ былъ готовъ заняться этимъ дѣломъ лично, и не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Еслибы на дѣпровскихъ островахъ построить замки»,—пишетъ, наслушавшись его, племянникъ,—«не лазили бы къ намъ эти вши татары, отняли бы мы у нихъ весь Днѣпръ, только бы захотѣли. Но мы предпочитаемъ отбиваться отъ нихъ у Самбора!»

Правительство Сигизмунда-Августа не знало, что ему дѣлать съ казаками. Оно нуждалось въ нихъ во время войны: но войну Польша вела тогда на сѣверѣ, куда казаки шли не охотно. Въ низовыхъ пустыняхъ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, польская политика старалась поддержать миръ; а въ мирное время казакамъ оставалось только чумачествовать, да—въ отмщеніе татарскимъ казакамъ—грабить степныхъ чабановъ. Въ томъ и другомъ промыслѣ стѣсняли ихъ пограничные воеводы, старосты и другіе урядники, которые уже и тогда смотрѣли на казаковъ, какъ на помѣху въ управленіи краемъ. У каждаго изъ нихъ были свои казаки, составлявшіе низшую степень привилегированныхъ служебниковъ. Вольнаго сброда людей, приходившихъ на зиму въ городскую Украину съ днѣпровскаго Низу, они не любили. Съ другой стороны, низовые казаки вели себя въ Украинѣ буйно, не платили долговъ и, какъ люди не осѣдлые, которыхъ «не по чемъ было сыскивать», отличались безнаказанностію. Чтобы держать ихъ въ большей зависимости отъ правительства, король Сигизмундъ-Августъ, въ 1572 году, поручилъ коронному гетману,

Юрію Язловецкому, выбрать лучшихъ изъ нихъ на королевскую службу. Этимъ выбраннымъ назначено было изъ королевской казны жалованье; они были освобождены отъ власти и присуду украинскихъ урядниковъ, и подчинены непосредственно коронному гетману; для разбирательства же споровъ между осѣдлыми жителями и казаками, приходящими съ Низу въ королевскіе города и замки, былъ назначенъ *старшимъ* и судьей надъ всѣми низовыми казаками бѣлоцерковскій шляхтичъ Янъ Бадовскій. Чтобы воеводы, старосты и другіе украинскіе урядники не препятствовали ему дѣйствовать по усмотрѣнію короля и короннаго гетмана, онъ освобождался отъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, кромѣ случаевъ насилія и кровавыхъ поступковъ, а два дома его въ Бѣлой-Церкви, съ огородами, грунтами и всѣми ихъ принадлежностями, были изъяты изъ замковаго и мѣщанскаго присуду бѣлоцерковскаго, освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей, и, сверхъ того, дозволено было Бадовскому и его женѣ содержать въ своихъ домахъ вольный шинекъ, медъ, пиво, горюлку, не платя установленной за то капщизны и другихъ пошлинъ.

Оставляя Днѣпръ въ спорномъ владѣніи низовыхъ казаковъ и татаръ, польская Рѣчь Посполитая какъ-бы отеклась отъ русской территоріи, лежавшей за чертою украинскихъ замковъ; а польскіе писатели XVI вѣка прямо говорили, что запорожцы живутъ на татарскихъ земляхъ. Королю Сигизмунду-Августу и его сенаторамъ казалось возможнымъ оставаться постоянно въ мирныхъ отношеніяхъ съ турецкимъ султаномъ, который общалъ вѣшать на крюкахъ татарскихъ мурзъ, если они осмѣлятся вторгаться въ польскія владѣнія, и, въ замѣнъ того, требовалъ укрощенія казацкихъ разбоевъ. Платить крымскому хану дань и направлять его на московскія земли находили они удобѣйшимъ, нежели воевать съ азіатцами. Татарскіе набѣги небольшими ордами на пограничныя воеводства считались неизбѣжнымъ зломъ, противъ котораго принимались мѣры мѣстными властями, какъ противъ разбоя. Такъ точно и турецкое правительство смотрѣло на казаковъ, нападавшихъ отъ времени до времени на татаръ и турокъ. Между рѣками Днѣпромъ и Бугомъ турецкіе чабаны пасли овецъ на польской землѣ, и уполномоченные съ той и другой стороны дѣлились общемою съ нихъ десятиною.

Изъ этого видно, что въ царствованіе Сигизмунда-Августа, несмотря на развитіе казачества, которое было едва замѣтно при Сигизмундѣ I, несмотря даже на разореніе Очакова и другихъ турецко-татарскихъ крѣпостей, построенныхъ на бывшей террито-

ріи великаго княжества литовскаго, несмотря даже на столеновеніе русско-польскаго рыцарства съ турками въ Молдавіи, отношенія польскаго государства къ Турціи были вообще мирныя. Но въ русскихъ областяхъ, противолежащихъ мусульманскому міру, накоплялся запасъ боевого народу, для котораго война составляла насущную потребность. Молодежь, собираясь на пограничѣ или за порогами, съ неудовольствіемъ выслушивала подтвержденія правительства о сохраненіи мира съ султаномъ, который называлъ своими земли, занятые татарскими кочевниками. Подъ видомъ преслѣдованія хищниковъ, она безпрестанно вторгалась въ чужія владѣнія; а украинскіе землевладѣльцы того времени не столько рассчитывали на доходы съ хозяйства, сколько на военную добычу. Все вмѣстѣ, наперекоръ центральной власти, какъ это часто бывало въ Польшѣ, привело государство къ неизбѣжному столкновенію съ Турціею, отъ исхода котораго должна была зависѣть вся будущность Рѣчи Посполитой. Первой причиною столкновенія было стремленіе пограничныхъ пановъ овладѣть молдавскимъ господарствомъ. Неудачная попытка князя Димитрія Вишневецкаго и его трагическая кончина не только не ослабили, но еще усилили въ нихъ охоту идти по его слѣдамъ. Пограничные представители шаткой политики Рѣчи Посполитой, русскіе паны Яловецкіе, Сѣнявскіе, Мелецкіе, Гербурты, Рожинскіе, Лянцкоронскіе, на собственный рискъ, но не безъ тайнаго одобренія королевскихъ совѣтниковъ, издавна соперничали съ турками за господство въ Молдавіи, хаживали въ казаки, черезъ ея границы, искали въ ней воинской славы и часто находили смерть.

Эта страна была тогда еще независимымъ княжествомъ, но турки, давъ ей почувствовать свою силу, наложили дань на ея господарей и, чтобы увеличить эту дань, помогали одному господарю низвергнуть другого, лишь только являлся такой претендентъ на молдавскій престолъ, который обѣщалъ платить больше своего предшественника. Вмѣстѣ съ этимъ, они захватывали въ свою власть крѣпкія позиціи въ Молдавіи, заводили въ ней мусульманскія поселенія, и самихъ господарей старались отуречить. Съ своей стороны, пограничные паны Рѣчи Посполитой вмѣшивались въ молдавскія дѣла, на томъ основаніи, что молдавскіе господа издавна были вассалами польскихъ королей. Они помогали то одному, то другому господарю въ борьбѣ за молдавскій престолъ, смотря по тому, кто изъ нихъ былъ полезнѣе для нихъ лично, и отъ кого Рѣчь Посполитая могла ожидать больше добра.

Населеніе Молдавіи исповѣдывало православную вѣру, совершало богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ, употребляло письменность русскую и, независимо отъ мѣстнаго румунскаго нарѣчія, во многихъ мѣстахъ говорило языкомъ днѣстровской и днѣпровской Руси. Множество природныхъ русскихъ, во времена татарщины и пограничныхъ бѣдствій въ XV и XVI вѣкѣ, выселялось цѣлыми осадами въ Молдавію. Съ другой стороны, богатые молдаване, тѣснимые турками и деспотизмомъ самихъ господарей, приобрѣтали имѣнія въ Брацлавщинѣ, на Подольѣ, на Покутьѣ, и дѣлались подданными польскаго короля. Родственные, пріятельскія и торговыя связи между молдаванами и населеніемъ русскимъ были таковы, что Молдавія казалась пограничнымъ панамъ другою Украиною, польскаго государства. Что касается до казаковъ, то между ними многіе были природные молдаване, — волохи, — какъ тогда говорилось. Даже за порогами можно было найти людей, бѣжавшихъ изъ Сороки, Яссы и другихъ молдавскихъ городовъ вслѣдствіе разныхъ случайностей. Молдавскіе бояре служили также и въ пограничномъ, такъ-называемомъ подольскомъ войскѣ, которое состояло почти изъ однихъ русскихъ. И наоборотъ, многіе казаки-дворяне и казаки-мѣщане постоянно находились въ службѣ у молдавскаго господаря Богдана, въ качествѣ его тѣлохранителей.

Самъ Богданъ былъ преданъ интересамъ Рѣчи Посполитой, готовился купить на Руси имѣнія, чтобы въ нихъ поселиться, въ случаѣ ссоры съ султаномъ, и состоялъ въ родствѣ съ русскими панами. Родная сестра его была замужемъ за Касперомъ Паневскимъ, сыномъ жидичевскаго старосты; другую сваталь у него знатный пограничный панъ, Христофоръ Зборовскій, а самъ онъ былъ женатъ на дочери львовскаго хорунжаго, Яна Тарла. Бракъ этотъ состоялся при посредствѣ пограничныхъ воеводъ — русскаго Яна Язловецкаго, и подольскаго Николая Мелецкаго, которымъ Сигизмундъ-Августъ, по смерти Яна Тарла, ввѣрилъ опеку надъ его дочерью. Въ основаніи родственныхъ и дружескихъ связей Богдана съ пограничными панами лежала мысль — возвратити Молдавіи прежнюю независимость отъ турокъ. Эту мысль, безъ сомнѣнія, поддерживали въ немъ его днѣстровскіе пріятели, которые хотѣли заслонить волохиною Рѣчь Посполитую отъ турокъ, «какъ щитомъ или стѣною».

Но, пока Богданъ готовился къ борьбѣ, та же самая мысль овладѣла другимъ, болѣе отважнымъ и способнымъ человекомъ. Нѣкто Русинъ Ивоня, обогатившійся удачною торговлею, проживая въ Царьградѣ, воспользовался ропотомъ молдавскихъ бояръ

на то, что государь обружилъ себя поляками (такъ назывались тогда безразлично всѣ подданные польскаго короля), которыхъ содержаніе обходится туземцамъ слишкомъ дорого. Онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ недовольными, а между тѣмъ расположилъ въ свою пользу султанскій дворъ богатыми подарками. Ивоня домогался государскаго престола еще прежде, но не успѣлъ въ своихъ стараніяхъ у султана. Теперь онъ рѣшился на самое сильное средство—принять магометанскую вѣру. Султанъ позволилъ Ивонѣ составить наемное войско изъ турокъ, грековъ и сербовъ для вторженія въ Молдавію. Съ помощію преданныхъ себѣ знатныхъ молдаванъ, Ивоня овладѣлъ престоломъ, безъ отпора со стороны Богдана. Тогда Богданъ, обезпечивъ за собой Хотинскую крѣпость, обратился за помощію къ подольскимъ своимъ пріятелямъ. Дѣло было представлено королю Сигизмунду - Августу. Король не рѣшился посылать войско въ Молдавію, изъ опасенія нарушить миръ съ турками. Въмѣсто того, онъ просилъ султана чрезъ своего турецкаго посла, Тарановскаго, возвратить господство Богдану. Но султанъ, какъ и слѣдовало ожидать, отдалъ государскій престолъ Ивонѣ. Все это было не болѣе, какъ формальности. Правительство польское предоставило пограничнымъ панамъ разрѣшить частнымъ образомъ вопросъ о томъ, кому владѣть Молдавіею. Въ случаѣ неудачи, они поплатятся своими потерями, а въ случаѣ торжества надъ турками, Рѣчь Посполитая приметъ ихъ дѣло за свое собственное. Такъ постоянно вело себя польское правительство по молдавскому вопросу.

Въ Украинѣ, а подъ это время въ особенности въ Украинѣ Подольской, было много людей, жаждавшихъ идти въ казаки,—кто просто изъ-за добычи, кто для рыцарской славы, а кто съ политическою цѣлью—не дать восторжествовать въ Молдавіи турецкой партіи на счетъ партіи польской. Представителями послѣдняго разряда охотниковъ до казацкаго промысла были такіе люди, какъ подольскій воевода Николай Мелецкій, русскій воеводичъ Сѣнявскій, скальскій староста Станиславъ Лянцкоронскій и хмельницкій староста Михайлъ Язловецкій. Къ нимъ примкнуло много другихъ пограничныхъ пановъ съ панцырными ротами и казацкими сотнями. Сѣнявскій составилъ одинъ отрядъ своего ополченія изъ безбородыхъ юношей, жаждавшихъ военной славы, которая на пограничьи считалась лучшимъ, чего можетъ желать представитель дворянскаго рода. Набралось всего тысячи двѣ воиновъ: сила сравнительно незначительная; но польская Русь рѣдко выступала противъ азіатцевъ въ болѣемъ числѣ.

Подобно чешскимъ Таборитамъ, пограничные рыцари-казаки вообще стояли на томъ, чтобы малымъ числомъ хорошо вооруженныхъ и опытныхъ воиновъ поражать нестройныя силы противниковъ.

Походъ въ Молдавію 1572 года описанъ польскимъ геральдикомъ Папроцкимъ, который отличался особенною любовью къ собиранію всякаго рода современныхъ извѣстій. Сочиненіе Папроцкаго утрачено, но оно послужило матеріаломъ для сказанія, составленнаго объ этомъ походѣ славнымъ поборникомъ кальвинизма въ Польшѣ, Яномъ Ласицкимъ. Авторъ посвятилъ свое сказаніе самимъ предводителямъ похода, Мелецкому и Сѣнявскому. Это обстоятельство не позволяетъ намъ принимать на вѣру всего, что въ немъ говорится о мужественныхъ подвигахъ каждаго изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Обратимъ вниманіе только на тѣ мѣста разсказа Ласицкаго, которыя характеризуютъ панскіе походы того времени вообще и казацкіе въ особенности ¹⁾. Въ нихъ мы получимъ новыя понятія о людяхъ, которые прикрывали колонизацію польской Руси отъ мусульманскаго міра и непосредственно принимали въ ней участіе.

Переправясь за Днѣстръ, Богданъ, съ общаго согласія войска, вѣбрилъ начальство надъ нимъ Мелецкому, а Мелецкій выбралъ помощникомъ и товарищемъ Сѣнявскаго, которому (замѣчаетъ Ласицкій) король скорѣе предоставилъ главное предводительство походомъ. Войско начало свое дѣло грабежомъ жителей, подъ предлогомъ обычнаго собиранія съѣстныхъ припасовъ. Мелецкій поставилъ среди лагерь висѣлицу и грозилъ ею грабителямъ; потомъ сдѣлалъ перепись войску; 700 человекъ неспособныхъ къ войнѣ отослалъ домой, и только съ 13-ю сотнями продолжалъ походъ къ Пруту. Первые стычки съ отрядами Ивони позволили ему двинуться въ Яссамъ; но у Степановецкихъ-Могилъ узналъ онъ, что Ивоня идетъ навстрѣчу съ превосходными силами. Предпріятіе оказалось безуспѣшнымъ. Мелецкій рѣшился отступить. Это было одно изъ тѣхъ отступленій, которыми войска гордятся, какъ побѣдами. Все свое искусство употребилъ Мелецкій на то, чтобы уклониться отъ битвы съ многочисленнымъ непріателемъ, который преслѣдовалъ его отъ одного становища до другого. Изъ противнаго стана выманивали горячихъ воиновъ на обычное тогда единоборство. Турецкіе удалцы въ золоченныхъ панцыряхъ, говоря по-славянски (это, конечно, были «потурнаки», ренегаты

¹⁾ Что этотъ походъ былъ казацкій по преимуществу, видно и изъ приведеннаго ниже рукописнаго универсала Стефана Баторія, въ которомъ король упрекаетъ казаковъ за нарушеніе мира съ турками ихъ походами въ Молдавію.

славянскіе), вызывали прославившихся въ пограничныхъ войнахъ смѣльчаковъ на бой поименно и осыпали ихъ насмѣшками. Тѣ рвались «защитять свою честь», и, несмотря на запрещеніе предводителя, отъ времени до времени закипала такъ-называемый «грець». Сперва сражались въ одиночку; потомъ десятки и сотни воиновъ бросались въ поле на выручку товарищей. Съ трудомъ удерживалъ Мелецкій своихъ спутниковъ отъ общаго боя, который былъ бы для нихъ гибелью. Съ обѣихъ сторонъ дѣйствовали копьями и закрывались щитами. Употреблялись въ дѣло пущи, но о ружьяхъ у Ласицкаго не упоминается. Простота одежды, свойственная казачеству, была такова, что одного турецкаго богатыря, одѣтаго сверхъ латы въ леопардовую шкуру и украшеннаго страусовыми перьями (обычная въ послѣдствіи роскошь военной шляхты), прозвали шляхтичи «святочною маскою». Отражая нападеніе за нападеніемъ, войско Мелецкаго продолжало отступать къ Хотину. Здѣсь непріатели заградили ему дорогу къ переправѣ на родной берегъ. Коронный гетманъ Язловецкій выручилъ своихъ изъ бѣды только угрозою вступить въ Молдавію съ короннымъ войскомъ, котораго, впрочемъ, у него было всего 800 человекъ. При этомъ турецкому правительству было заявлено, что будто-бы польское войско помогало Богдану отстоять свое господство безъ вѣдома короннаго гетмана и короля, такъ какъ ему не была извѣстна воля султана о возведеніи на престолъ Ивони вмѣсто Богдана. Все-таки волохи затруднили Мелецкому переправу. По случаю прибывшей въ Днѣстръ воды, множество лошадей потонуло.

Какъ характеристическую черту нравовъ ходившей въ казаки русской шляхты, приведемъ слѣдующія слова Ласицкаго: «Говорятъ всѣ, что Мелецкій вымолилъ у Бога спасеніе своего войска: не разъ видали его молящимся по цѣлымъ ночамъ».

Богданъ, потерявъ надежду на возвращеніе государства, уѣхалъ съ своими сокровищами въ московское царство. Въ хотинской крѣпости оставался, между тѣмъ, посаженный имъ гарнизонъ, подъ начальствомъ шляхтича Добросоловскаго. Новый государь Ивоня воспользовался этимъ случаемъ, чтобы войти въ дружескія сношенія съ пограничными панами. Онъ выразилъ королю готовность присягнуть ему на вѣрность, если крѣпость будетъ ему сдана безъ боя, и дѣйствительно присягнулъ. Отсюда, съ новымъ господаремъ начались у пановъ тѣ же отношенія, какія были съ Богданомъ. Ивоня, подобно своему предшественнику, находился въ близкихъ связяхъ съ пограничными панами, тѣмъ болѣе, что по языку былъ русинъ, такъ что русскіе люди

даже называли его Иваномъ, а не Ивонею. Магометанскую вѣру Ивоня отбросилъ, лишь только вытѣснилъ изъ Молдавіи Богдана; наемное турецкое войско распустилъ, а вмѣсто того зазывалъ къ себѣ на службу христіанъ и укрѣплялъ важнѣйшіе военные пункты на границахъ своихъ владѣній. Сдѣлалось очевиднымъ, что Ивоня намѣренъ господствовать по примѣру прежнихъ владѣтелей Молдавіи. Богатырская наружность, цвѣтущая молодость и рѣдкое мужество въ битвахъ привлекали къ нему сердца охотниковъ до войны, а жестокими казнями, на турецкій манеръ, онъ заставлялъ всю Молдавію повиноваться себѣ безпрекословно.

Пользуясь возникшими въ Цареградѣ на счетъ Ивони опасеніями, Петръ, государь *закарпатской* Волочины (какъ называли тогда Валахію, въ отличіе отъ Молдавіи, которая называлась просто Волочиною), началъ искать государскаго престола для своего брата, и предложилъ султану платить вдвое больше подати, противъ того, что платилъ Ивоня, именно 120,000 червонцевъ. Между тѣмъ Сигизмундъ-Августъ скончался, и на польскій престолъ былъ призванъ французскій принцъ Генрихъ, царствовавшій потомъ во Франціи подъ именемъ Генриха III. Въ то самое время, когда въ Краковѣ совершался обрядъ коронаціи, въ Ивонѣ явился султанскій чаушъ съ требованіемъ двойного гарача. По примѣру Богдана, просившаго помощи у Сигизмунда-Августа, Ивоня обратился къ новому королю съ просьбою защитить его отъ султана, или, по крайней мѣрѣ, объявить во Львовѣ, Каменцѣ и другихъ городахъ, что никому не запрещается вступать въ службу къ молдавскому государю. Но Генрихъ, тѣмъ же порядкомъ, что и Сигизмундъ-Августъ, отказался содѣйствовать въ войнѣ государя съ турками, ссылаясь на мирные договоры польскаго правительства съ султаномъ.

Прошлый походъ въ Молдавію коронный гетманъ приписывалъ своевольству пограничной шляхты, которая будто бы безъ его, королевскаго, вѣдома поддерживала государскія права Богдана; теперь надобно было прикрыться своевольными казаками. Шляхтичъ Горецкій, описывая новый походъ въ Молдавію, такъ же какъ и Ласицкій, на основаніи утраченнаго для насъ повѣствованія Папроцкаго, говорить, что Ивоня, получивъ отъ Генриха отказъ, обратился къ небольшой горсти польской конницы, которая промышляла добычею въ низовьяхъ Днѣпра и которую скорѣе можно было назвать наѣздниками, потому что она всюду гонялась за непріятелемъ по бездорожьямъ, скрытнымъ мѣстамъ и пустынямъ. «Казаки, какъ называютъ въ Польшѣ этихъ наѣздниковъ (продолжаетъ Горецкій), не обращая вниманія на короля

Генриха, который запрещалъ имъ идти въ Волощину, тотчасъ явились на зовъ господаря», и т. д. Сочиненіе Горецкаго, посвященное польскому магнату Андрею Гуркѣ и напечатанное на его счетъ во Франкфуртѣ, имѣло характеръ правительственной манифестаціи. Съ одной стороны, оно должно было заявить Европѣ, съ какими малыми силами возможно противустоять страшному въ тѣ времена могуществу турокъ, но съ другой, авторъ, покровительствуемый однимъ изъ правительственныхъ лицъ Рѣчи Посполитой, не иначе могъ прославить подвиги поляковъ, какъ прикрывши ихъ именемъ казаковъ, которыхъ и самое существованіе не извѣстно правительству. Между тѣмъ, во главѣ предпріятія поставилъ онъ знаменитое имя Сверчовскаго, котораго предокъ, въ 1512 году, подъ предводительствомъ князя Острожскаго, участвовалъ въ прославленномъ на всю Польшу пораженіи татаръ у Вишневца, надѣ Горынью. Сверчовскій, по словамъ Горецкаго, «мужъ опытный въ военныхъ дѣлахъ и отличавшійся физическою силою», имѣлъ у себя двѣ сотни конницы. Столько же привелъ съ собой Барсанъ. Къ нимъ присоединились двѣ сотни, составившіяся изъ *брацлавянъ* ¹⁾. Какъ понимать это слово у Горецкаго, рѣшить покамѣстъ трудно: были ли то дворяне изъ Брацлавщины, или же просто мѣщане Брацлава, которые, замѣтимъ встать, такъ же, какъ и корсунцы, долго не подчинялись юрисдикціи королевскаго старосты, считая себя прямыми казаками. Остальное войско, очевидно, состояло изъ дворянскихъ ополченій, ходившихъ въ казаки ради славы и добычи ²⁾. Казаковъ-дворянъ участвовало въ походѣ Сверчовскаго много, но Горецкій упоминаетъ только о четверыхъ, какъ о предводителяхъ. То были: Козловскій, также съ двумя сотнями спутниковъ; Ступенскій, также съ двумя сотнями; Янчи, съ сотнею, и Соголовскій, съ сотнею; всего 12 сотенъ. Въ числѣ захваченныхъ потомъ турками въ плѣнъ упомянуты еще слѣдующія дворянскія имена: Задорскій, Залѣскій, Копытскій, Ресковскій, Либишовскій, Чи-

¹⁾ Въ польскомъ переводѣ сочиненія Горецкаго сказано, что двѣ послѣднія сотни привелъ Брацлавскій; но это—извращеніе слѣдующихъ словъ подлинника: *Braclaviensium quoque erant ducenti*.

²⁾ Слава и добыча—значили въ то время почти одно и то же. Горецкій выразился о казакахъ такъ: *qui de mori, gloriae ac praedae, tam sibi quam heris suis acquirendae causa, etc.* Папроцкій рассказываетъ, что когда одинъ шляхтичъ, крещенный противъ воли родителей въ латинскую вѣру и воспитанный дядею-католикомъ, явился къ отцу съ богатою военною добычею, онъ былъ принятъ, сверхъ чаянія, весьма благосклонно. (*Herby Rycerstwa Polskiego*, изд. 1584, стр. 543. Рѣдчайшій экземпляръ этой книги, безъ перепечатанныхъ 20-ти листовъ, которые были въ свое время сожжены, находится въ императорской публичной бібліотекѣ).

жовскій, Суцинскій и Богущкій ¹⁾). Все это, очевидно, были знатные дворяне, такъ какъ родственники выкупили ихъ изъ плѣна «за большія деньги».

Походъ Сверчовскаго извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ *Войны Ивони*. Война эта имѣла исходъ несчастный, но сдѣлала сильное впечатлѣніе на тогдашнее польское общество, благодаря краснорѣчивому описанію Горецкаго. При франкфуртскомъ изданіи книги припечатаны латинскіе стихи познанскаго медика и философа, Линденера, въ которыхъ авторъ поставленъ наравнѣ съ Титомъ Ливіемъ. Знаменитый ученый того времени, Писторій, перепечаталъ сочиненіе Горецкаго въ своемъ собраніи историковъ польскихъ. Трудомъ Горецкаго воспользовался, при составленіи своей хроники, Бѣльскій, а черезъ полѣвка — извѣстный Фредро, въ «Исторіи польскаго народа». Послѣдній нѣсколько разъ позволилъ себѣ усумниться, чтобы малочисленное войско Сверчовскаго одержало столько блистательныхъ побѣдъ надъ непріателемъ, который превышалъ его численностью, по крайней мѣрѣ, въ двадцать разъ, но тѣмъ не менѣе вдается въ описаніе битвъ со всѣми подробностями, очевидно, вымышленными Горецкимъ.

Личность Сверчовскаго, по недостаточному развитію исторической науки въ XVI и XVII вѣкѣ, остается для насъ темною, и въ чемъ именно состояли подвиги казаковъ, помогавшихъ Ивонѣ, трудно сказать навѣрное. Знаемъ только, что казаки заняли, разграбили и до половины сожгли Бѣлгородъ на Днѣстрѣ, ибо на это указываетъ Ахмать-чаушъ, пріѣзжавшій въ посольствѣ отъ султана на сеймъ 1575 года, и что, кромѣ того, разрушили еще какіе-то замки, на что жаловался польскому королю великій визирь въ Цареградѣ ²⁾.

Ивоня, такъ же какъ и Сверчовскій, заслужилъ у современниковъ славу героя. Ласицкій, описывая походъ Богдана, говоритъ, что Мелецкій устранялъ его вмѣшательство въ стратегическія распоряженія. Напротивъ, Горецкій отводилъ Ивонѣ, въ своемъ повѣствованіи, широкое поле военной дѣятельности. Чтобы спасти сподвижниковъ (такъ объясняютъ его плѣнъ), онъ от-

¹⁾ Имена эти, напечатанныя не совсѣмъ вѣрно по-латыни, исправлены по хроникѣ Бѣльскаго; а что Бѣльскій, какъ современникъ похода, не ошибался, видно изъ того, что всѣ эти имена включены Папроцкимъ въ книгу его „Раповза“, etc.

²⁾ Сказанія украинскихъ лѣтописцевъ о Сверчовскомъ, который у нихъ переименованъ въ Свириговскаго, а равно и напечатанная въ „Запорожской старинѣ“ г. Срезневскаго пѣсня о немъ, подлежатъ еще разбору критики, которой предстоитъ много труда по очищенію лѣтописей украинскихъ отъ вымысловъ, а историческихъ пѣсень отъ поддѣлокъ.

дался въ руки туркамъ, но раздражилъ ихъ гордою рѣчью и былъ убитъ Капудъ-пашею. Янычаре воткнули на копьѣ голову Ивони, а тѣло растерзали, привязавъ между двухъ верблюдовъ. Такъ рассказываетъ въ своей реляціи Горецкій, и прибавляетъ, увлекаясь легендарнымъ духомъ времени, будто бы турки намазывали лезвѣя своихъ сабель кровью Ивони, и давали ее лизать своимъ конямъ, прося Бога, чтобы онъ вдохнулъ въ турецкое войско мужество молдавскаго господаря.

IV.

Необычайный татарскій набѣгъ и опустошеніе новозаселенныхъ земель. — Ропотъ на казаковъ между поляками. — Вопросъ о войнѣ съ турками и объ уничтоженіи казаковъ. — Отдѣленіе отъ нихъ казаковъ реестровыхъ. — Составные элементы казачества. — Новый походъ въ Молдавію.

Въ то время, когда казаки геройствовали и погибали въ Молдавіи, новый польскій король Генрихъ, узнавъ, что для него упразднился во Франціи престолъ, ушелъ изъ Кракова въ Парижъ. Все пришло въ безпорядокъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ польской Руси. Шляхта занялась обычными своими сеймиками, на которыхъ каждая партія преслѣдовала собственныя цѣли; а коронное войско разъѣзжало по королевщинамъ, и подъ видомъ вознагражденія себя за недоплату жалованья занималось грабежомъ. Воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, татары вторгнулись въ польскую Русь, и прежде чѣмъ коронный гетманъ, Юрій Язловецкій, узналъ объ ихъ набѣгѣ, увели 3000 плѣнниковъ. Этотъ набѣгъ былъ только пробой. На другой годъ весною, когда Рѣчь Посполитая все еще волновалась по случаю безгосударнаго времени, татары предприняли набѣгъ всѣми своими силами. О приготовленіяхъ крымскаго хана къ походу знали. На избирательный сеймъ, происходившій въ маѣ 1575 года, не пріѣхалъ ни одинъ русскій магнатъ. Ожидали татаръ и готовились къ отпору. Вскорѣ получены были вѣсти, что татары переправляются черезъ Днѣпръ. Коронный гетманъ послалъ къ днѣпровскимъ казакамъ осведомиться: много ли татарской силы? Казаки отвѣчали, что татары идутъ большою ордою: съ низовыхъ степей, давали они знать, набѣжало въ Украину звѣрей и налетѣло птицъ, испуганныхъ движеніемъ войска. Но орды появилось на русской, то есть на правой сторонѣ Днѣпра, только 15,000, да и та, узнавъ, что противъ нея вмѣстѣ съ короннымъ гетманомъ идутъ ополченія кіевскаго, подольскаго, сендомирскаго воеводъ, постѣшила

уйти за Днѣпръ. Не подозрѣвая со стороны хана хитрости, русскія ополченія разошлись по домамъ. Татары между тѣмъ условились съ молдавскимъ господаремъ, чтобы онъ пропустилъ ихъ черезъ свою землю въ польскія владѣнія, и въ сентябрѣ неожиданно вторгнулись въ Подолье изъ-за Днѣстра. Расположась кошемъ у Тернополя, татары распустили свои загоны до самаго Львова, а оттуда, съ обычной своей быстротою, бросились на Волинь, обозначая свой путь пожарами. На пространствѣ 40 миль въ длину и 20 въ ширину, остались цѣлыми одни замки да панскіе дворы, въ которыхъ были пушки. Успѣхъ татарскихъ набѣговъ зависѣлъ отъ быстроты. Минувъ крѣпкія мѣста, орда спѣшила набрать плѣнныхъ и захватить стада. Все, что попало въ руки татаръ, соединили они у Тернополя, а оттуда двинулись къ Каменцу и переправились обратно черезъ Днѣстръ, который въ томъ году до того высохъ, что даже овцы перешли въ бродъ. Современный лѣтописецъ Оржельскій насчитываетъ до 35,000 плѣнныхъ, уведенныхъ въ этотъ разъ татарами; лошадей угнано 40,000; рогатаго скота—до полумилліона, овецъ—безъ счету. Въ числѣ плѣнныхъ было много шляхты. Между прочими, татары захватили въ плѣнъ жену князя Богдана Рожинскаго, «гетмана Низовыхъ казаковъ», какъ титулуютъ его польскіе лѣтописцы, а мать убили. До сихъ поръ поютъ на Украинѣ сложенную въ то время думу:

Ой Богдане, Богдане, запорозький гетьмане!
 Ой чогожъ ти ходишъ въ чорнімъ оксаміті? ¹⁾
 Гей, були въ мене гості татарове;
 Одну нічку ночували,
 Стару неньку зарубали,
 А миленьку собі взяли...

Далѣе дума говоритъ о безуспѣшной погонѣ за татарами; но едва ли князь Рожинскій былъ въ то время на Украинѣ. По сказанію Бѣльскаго, онъ отплатилъ татарамъ за набѣгъ набѣгомъ, въ которомъ казаки не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, а потомъ, осаждая татарскую крѣпость на Днѣпрѣ, Асланъ-Городокъ, взлетѣлъ на воздухъ отъ неудачнаго подкопа.

О причинѣ татарскаго набѣга 1575 года ходили въ польскомъ обществѣ самыя дикіе толки. Одни обвиняли короля Генриха, что будто бы онъ направилъ въ польскія владѣнія орду для того, чтобы не дать полякамъ избрать короля на свое мѣсто;

¹⁾ Оржельскій рассказываетъ, что послѣ татарскаго набѣга 1575 года, послы изъ русскихъ провинцій явились на сеймъ въ траурѣ.

другіе утверждали, что сами поляки призвали татаръ на грабежъ, лишь бы заставить пановъ, которымъ нравилось безгосударное время, рѣшить поскорѣе выборъ короля. Лѣтописецъ Бѣльскій основательно приписываетъ бѣдствіе, постигшее Рѣчь Посполитую, походу Сверчовскаго въ Молдавію. Казаки начали возбуждать въ обществѣ сильное неудовольствіе и, по всей вѣроятности, съ этого уже времени явился въ Польшѣ вопросъ объ ихъ уничтоженіи. До тѣхъ поръ о нихъ можно было слышать только восторженные отзывы. Въ сочиненіи протестанта Эразма Гличнера о воспитаніи дѣтей, напечатанномъ въ Краковѣ 1558 года, говорится: «Школы или коллегіи очень похожи на жолнерство или казачество, о которомъ прилагаютъ попеченіе достойные и искусные люди, которые непріятелей-татаръ, грубыхъ варваровъ, побиваютъ и преслѣдуютъ, какъ то было прежде и теперь есть при Претвичѣ, князѣ Вишневецкомъ, Прокопѣ Сѣнявскомъ и другихъ, по истинѣ безупречныхъ и знаменитыхъ геркулесахъ, у которыхъ заведены такіа школы, какъ у насъ поляковъ, или итальянцевъ, или нѣмцевъ, школы наукъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ школы нужны для ученія, такъ казаки для обороны (границъ). Тогда только или до тѣхъ только поръ Польша будетъ процвѣтать, пока у нея будутъ добрые казаки. Кто хочетъ быть добрымъ воиномъ, пусть идетъ въ казаки; а кто желаетъ сдѣлаться хорошимъ латинистомъ, пусть идетъ въ коллегію или въ школу».

Послѣ татарскаго набѣга 1575 года, вмѣсто похвалъ, начали раздаваться обвиненія противъ казаковъ не только въ томъ, что они накликаютъ на всю Польшу бѣдствія войны, но и въ томъ, что они умышленно пропускаютъ орду черезъ днѣпровскія переправы, чтобы потомъ отбивать у нея добычу. Шляхтичамъ, которые выставляли свои заслуги въ запорожскомъ войскѣ для покрытія прежнихъ проступковъ, государственные сановники отвѣчали словами короннаго гетмана, Яна Замойскаго: «Не на Низу ищутъ славной смерти, не тамъ возвращаютъ утраченные права. Каждому разсудительному человѣку понятно, что туда идутъ не изъ любви къ отечеству, а для добычи». А одинъ изъ польскихъ сенаторовъ кievскій бискупъ Верещинскій, въ 1583 году, высказался о казакахъ печатно слѣдующимъ образомъ: «Что отецъ съ матерью собрали по грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ имущество, то безразсудный сынокъ пропустить черезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь околѣть съ голоду, слышишь о немъ — или очутился на Низу и грабитъ чабановъ турецкихъ, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ у прохожихъ лукошки». Словомъ, казакъ и маро-

дѣръ—сдѣлались понятіями однозначущими. Вопросъ о томъ, воевать ли, или не воевать больше съ турками (а татары были послушнымъ орудіемъ турокъ),—рѣшенъ былъ въ польскомъ обществѣ отрицательно. Поплатясь дорого за вмѣшательство въ молдавскія дѣла, сеймовые паны вставляли вину съ большой головы на здоровую, и оправдывали себя передъ обществомъ необузданностью казаковъ. Если бы счастье благоприятствовало имъ въ задорѣ Турціи, казачество слыло бы у нихъ школою рыцарства; поворотъ судьбы въ противную сторону быстро низвелъ эту корпорацию на ступень разбойниковъ. Рѣшено было взять казаковъ, гдѣ бы они ни завелись, въ крѣпкія руки.

Еще въ 1568 году, король Сигизмундъ-Августъ писалъ къ низовцамъ универсалъ, призывая ихъ въ пограничныя замки, «изъ которыхъ они съѣхали на Низъ безъ вѣдома украинскихъ старость», и своими набѣгами на улусы и кочевья подданныхъ турецкаго султана и перекопскаго хана нарушаютъ мирныя договоры съ ними. Этимъ набѣгамъ король приписывалъ вторженія орды въ Украину и въ болѣе внутренніе повѣты государства польскаго, а потому повелѣвалъ казакамъ, оставивъ свои низовые притоны, возвратиться въ пограничныя замки и города, и довольствоваться положеннымъ за ихъ службу жалованьемъ.

Ни воззванія короля, ни порицанія со стороны общества на казаковъ не дѣйствовали. Они вели войну съ турками и татарами ради славы и добычи, а каковы были послѣдствія ихъ подвиговъ для государства,—объ этомъ они, натурально, заботились еще меньше, чѣмъ пограничныя представители центральной власти.

Въ то время крымскіе татары брали подарки и отъ короля польскаго, и отъ царя московскаго, за то, чтобы не воевать ихъ владѣній, а опустошать владѣнія ихъ противниковъ. Если ханъ ходилъ войною въ Москву, ему платилось денегъ больше; если не ходилъ—меньше. Обыкновенно посолъ съ королевскою данью отправлялся въ Черкассы и на походъ хана мимо Червасъ доставлялъ деньги въ его таборъ. Самъ турецкій султанъ считалъ хана состоящимъ на жалованьи у польскаго короля. Въ 1569 году писалъ онъ къ Сигизмунду-Августу: «Хотя ханъ и требуетъ отъ васъ прибавки жалованья, но вы дайте ему столько, сколько изстари давали; а онъ долженъ быть готовъ идти всюду, куда вы ему прикажете». По одинаковости положенія, московскій царь, съ своей стороны, подкупалъ хана, чтобы онъ вредилъ Польшѣ. Въ сеймовой инструкціи послу 1578 года говорится: «Московскій тиранъ, котораго мы считаемъ варваромъ и глупцомъ, вездѣ устраиваетъ противъ насъ ковы. Своего и нашего сосѣда тата-

рина, какъ голоднаго волка, онъ приласкалъ къ себѣ подарками, дважды направилъ на опустошеніе нашихъ владѣній, обрушилъ на насъ бремя турецкой войны, а низовцевъ подучилъ вторгнуться въ Молдавію» ¹⁾).

Позаимствовавшись многими отъ татаръ, днѣпровскіе казаки усвоили себѣ и ихъ политику. Они служили тому изъ государей, который былъ къ нимъ щедрѣе. О связяхъ днѣпровскихъ казаковъ съ московскими воеводами мы уже знаемъ. Съ донскими казаками было у нихъ много общаго. Иногда переходили они на Донъ цѣлымъ кошемъ своимъ, и вмѣстѣ съ донцами пускались въ Азовское и Черное море для военнаго промысла. Точно такъ и донцы нерѣдко гостили цѣлыми тысячами на Днѣпрѣ, и вмѣстѣ съ днѣпровцами занимались, какъ мирными промыслами, такъ и войною. Связи днѣпровскихъ казаковъ съ обитателями земель государства московскаго еще болѣе дѣлали для нихъ чужимъ польское правительство, которое, съ своей стороны, готово было отъ нихъ отчуждаться. Особенно стали въ Польшѣ смотрѣть на казаковъ изчужа во времена Стефана Баторія. Отправляя весною 1578 года посла Бронѣвскаго въ Крымъ, Баторій написалъ ему въ инструкціи: «Если казаки нападутъ на татарскіе улусы, то это будетъ навѣрное безъ нашего вѣдома. Мы ихъ не только не желаемъ содержать, напротивъ, желали бы истребить; но у насъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ столько военной силы, чтобы совладать съ ними. Для достиженія этой цѣли, ханскій посолъ совѣтовалъ намъ, во-первыхъ, запретить украинскимъ старостамъ давать имъ селитру, порохъ, свинецъ и съѣстные припасы; во-вторыхъ, не позволять казакамъ проживать въ украинскихъ селахъ, городахъ и замкахъ; и въ-третьихъ, пригласить старшихъ казаковъ на королевскую службу. Попробуемъ, можно ли ихъ привлечь къ себѣ; но не ручаюсь за то, чтобы часть этихъ сорванцовъ не перешла къ московскому царю» ²⁾).

Вслѣдъ за симъ Стефанъ Баторій пишетъ два универсала: одинъ къ украинскимъ старостамъ, а другой къ самимъ низовцамъ, какъ называли тогда казаковъ запорожскихъ.

Въ первомъ изъ этихъ важныхъ для нашего предмета документовъ, онъ упрекаетъ пограничныхъ старостъ въ томъ, что они дѣйствовали за-одно съ низовыми казаками, давали имъ у себя пристанище, помогали имъ людьми и снаряжали для походовъ въ турецкія владѣнія. «Не впервые уже (говорилъ король въ

¹⁾ Рукоп. библ. Красинскихъ въ Варшавѣ, fol. A. I. 4. л. 40.

²⁾ Тамъ же, л. 54.

универсалѣ) я убѣждалъ пановъ-старость не скрывать у себя низовцевъ и не снабжать ихъ порохомъ, свинцомъ и съѣстными припасами; но они меня не слушались, и тѣмъ навлекли со стороны татаръ опустошительный набѣгъ на пограничныя области. Въ послѣднее время ханскій посолъ прямо указывалъ, что предводители низовцевъ, Шахъ и Арковскій, зимовали — одинъ въ Немировѣ, а другой въ Кіевѣ, и при этомъ объявилъ, что никакіе подарки не будутъ достаточны для удержанія татаръ отъ набѣговъ, если казаки не перестанутъ безпokoить ихъ владѣнія. Въ такомъ положеніи дѣла (говорится далѣе въ универсалѣ) повелѣли мы Константину Константиновичу князю Острожскому, кіевскому воеводѣ, чтобы онъ, исполняя свой договоръ съ перекопскимъ царемъ, двинулся къ Днѣпру и прогналъ оттуда разбойниковъ казаковъ, а кто изъ нихъ попадетъ ему въ руки, каралъ бы смертію. Всѣмъ же украинскимъ старостамъ повелѣваемъ содѣйствовать въ этомъ князю Острожскому и также ловить и карать смертію запорожцевъ, когда они разбѣгутся съ низовцевъ Днѣпра» ¹⁾.

Во второмъ универсалѣ, обращенномъ къ самимъ низовцамъ, король Стефанъ, называя ихъ запорожскими молодцами, выражалъ удивленіе, что они уже въ третій разъ, походомъ въ Молдавію, нарушаютъ мирный договоръ съ Турціею, и приглашалъ ихъ къ себѣ въ службу противъ московскаго царя, «гдѣ каждый добудетъ больше славы, нежели въ Молдавіи». Потомъ онъ грозилъ имъ за непослушаніе лишеніемъ достоинствъ, жизни и имущества, и увѣрялъ, что Петръ Волошинъ, котораго они собирались вести въ Молдавію на господарство, вовсе не сынъ господаря Александра, а самозванецъ ²⁾.

Не извѣстно, каковы были дѣйствія князя Острожскаго въ этомъ случаѣ; но, какъ онъ вступилъ въ договоръ съ крымскимъ ханомъ противъ запорожцевъ, то становится понятно, почему казаки, рѣшаясь въ 1593 году обратить противъ панской силы свое оружіе, направленное до тѣхъ поръ противъ мусульманъ, пошли прежде всего разорять имѣнія кіевского воеводы.

Въ лѣтописи Бѣльскаго говорится, что когда король Стефанъ хотѣлъ-было истребить днѣпровскихъ казаковъ, они ушли въ московскіе предѣлы къ донскимъ казакамъ; что въ присоединеніи ихъ къ донцамъ король видѣлъ еще болѣшую для себя опасность, и что, вѣроятно, поэтому оставилъ ихъ въ покоѣ.

Принимая рѣшительныя мѣры къ уничтоженію казаковъ, поль-

¹⁾ Тамъ же, т. 52.

²⁾ Тамъ же, т. 108.

ское правительство, въ томъ же году, увеличило свои военныя средства такъ-называемыми *выбранцами*. Сеймовымъ постановленіемъ 1578 года было опредѣлено: изъ городовъ, мѣстечекъ и сель выбирать въ королевскую пѣхоту одного человѣка на каждые двадцать лановъ, или—что одно и то же—изъ каждыхъ двадцати тяглыхъ жителей посполитаго званія. Выборъ долженъ былъ падать на самаго смѣлаго, достаточнаго и способнаго къ военной службѣ, но не иначе, какъ по добровольному его на то согласію. Обязанности избранца состояли въ томъ, чтобы въ каждую четверть года являться къ своему ротмистру или его поручику на назначенное мѣсто съ собственною рушницею, саблею, топоромъ, съ порохомъ и свинцомъ, въ одеждѣ такого цвѣта, каковой будетъ объявленъ; въ военное же время избранцамъ назначено жалованье наравнѣ съ прочею пѣхотою. За свою службу, освобождались избранцы отъ всякихъ повинностей: чинша, лановой подати, извозовъ, подводъ и иныхъ тягостей, лежавшихъ на городскомъ и сельскомъ посполитомъ народѣ. Все это должны были отбывать за нихъ остальные девятнадцать тяглыхъ жителей. Выходить, что и все семейство избранца, оставшееся на лану, освобождалось вмѣстѣ съ нимъ отъ государственныхъ повинностей ¹⁾.

Этою общеою для всего государства мѣрою, въ областяхъ, ближайшихъ къ вольнымъ степямъ днѣпровскимъ, старались уменьшить наплывъ за Пороги охотниковъ до казакованья. Людямъ, освобожденнымъ отъ повинностей и содержимымъ въ военное время на жалованьи отъ правительства, не было больше искушенія искать мирнаго заработка въ Великомъ Лугу, или военной добычи въ казацкомъ походѣ на татаръ и турокъ.

Кромѣ того, король Стефанъ Баторій велѣлъ составить реестръ казакамъ, которые имѣли свои осѣдлости въ украинскихъ королевщинахъ и изъявили согласіе находиться въ полномъ распоряженіи правительства. Этимъ способомъ казаки раздѣлились на *реестровыхъ*, или *городовыхъ*, и собственно, такъ-называемыхъ, *запорожскихъ*, иначе—*низовыхъ* казаковъ. Чтобы уничтожить значеніе запорожской Сѣчи, какъ сборнаго мѣста для обсужденія войсковыхъ дѣлъ, и значеніе войсковой скарбницы, какъ склада

¹⁾ Законъ 1578 года о избранцахъ напечатанъ въ „*Volumina Legum*“ кратко, и развитъ только въ универсалѣ Стефана Баторія ко всѣмъ старостамъ и державцамъ, сохранившемся между рукописями варшавской бібліотеки Красинскихъ (fol. A. I. 4. л. 104—105). Пясецкій, въ своей „*Chronica Gestorum*“ etc. (p. 44), говоритъ, что еще Сигизмундъ-Августъ *permiserat delectum fieri ex colonis villarum Juris Regii, ut nimirum vigesimus quisque colonus pedes militaret*. Но „*Volumina Legum*“, при повтореніи этого закона въ 1590 году, приписываютъ его королю Стефану.

оружія, казакамъ предоставлено было въ исключительное распоряженіе, лежащее на Днѣпрѣ, выше Канева, мѣстечко Трахтомировъ, съ древнимъ монастыремъ, для содержанія казацкихъ инвалидовъ, и съ приписанными къ нему землями, съ тѣмъ, чтобы они содержали въ этомъ мѣстечкѣ свои рады и хранили военные припасы.

До сихъ поръ, кромѣ лѣтописей, мы не имѣемъ другого слѣда распоряженій Стефана Баторія относительно отдѣленія реестровыхъ казаковъ отъ запорожскихъ. Единственными подлинными свидѣтельствами этого событія служатъ покамѣстъ — упомянутая выше инструкция послу Бронѣвскому, въ которой говорится о приглашеніи на службу лучшихъ казаковъ, да рукописный универсалъ Баторія къ низовцамъ отъ 17-го апрѣля 1579 года, въ которомъ онъ, повелѣвая имъ не помогать Волошину Лакустѣ, говорить: «Такъ какъ вы вступили въ нашу службу, то обязаны это исполнить, вѣрно служить намъ и Рѣчи Посполитой, и во всемъ повиноваться нашему черкасскому старостѣ, подъ котораго начальствомъ состоите» ¹⁾. Въ бумагахъ времени Баторія сохранилось указаніе на запасы сукна, которые онъ дѣлалъ для казаковъ около 1585 года. Бѣльскій, говоря о пребываніи короля Стефана во Львовѣ въ 1578 году, замѣчаетъ мимоходомъ, что онъ, усмиривъ немного казаковъ казнью Подковы, «поставилъ надъ ними гетманомъ Орышевскаго, нашего Правдича» (то-есть принадлежащаго, какъ и самъ лѣтописецъ, къ гербу Правдичъ). Все это подтверждаетъ, въ извѣстной степени, лѣтописное сказаніе о Баторіевской регуляціи казацкаго войска; но едва ли слѣдуетъ понимать эту регуляцію въ смыслѣ раздѣленія казаковъ на полки и проч., какъ объ этомъ распространяются украинскія лѣтописи, при молчаніи источниковъ польскихъ. Чтобы судить, что значило для казаковъ самое поставленіе надъ ними гетмана, стоить только обратить вниманіе на то, какъ отвѣчалъ Баторій, въ 1579 году, татарскимъ посламъ, когда они жаловались на казацкіе грабежи: «Это — люди своевольные, и карать ихъ мудрено. Что могу сдѣлать, сдѣлаю».

До временъ Баторія, званіе казацкаго гетмана принадлежало каждому, кто собиралъ вокругъ себя казаковъ для похода, или держалъ ихъ въ видѣ охранной дружины при своемъ дворѣ. Такимъ образомъ, одновременно встрѣчаются въ актахъ имена казацкихъ гетмановъ: Лянцегорскаго, Вишневецкаго, Рожинскаго и другихъ менѣе знатныхъ. Все это были королевскіе пограничные старо-

¹⁾ Рукоп. библ. Красинскихъ въ Варшавѣ, fol. A. I. 4. л. 297—8.

сты, которые, для отраженія татаръ и для преслѣдованія ихъ на возвратномъ пути съ набѣга, входили въ разнообразныя условія съ воинственными пограничными жителями для казацкаго промысла. Ополченцы ихъ назывались казаками, въ смыслѣ добычниковъ, а сами они именовались гетманами, въ смыслѣ предводителей. Казаки, какъ сословіе, и даже какъ отдѣльная корпорація, въ украинскихъ городахъ еще не существовали ¹⁾. На Запорожьѣ казакомъ назывался каждый, принятый тамошними «братчиками» въ ихъ товарищество; въ городахъ, это названіе опредѣляло характеръ жизни, но не права отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго общества. Такъ въ наше время употребляется слово *чумакъ*, подъ которымъ разумѣется человѣкъ той или другой среды, вдавнѣйся въ извѣстный промыселъ. Впослѣдствіи уже, когда казачество заявило мысль о своемъ самоуправленіи, отрицая юрисдикцію старостъ, въ имѣніяхъ королевскихъ, и — пановъ, въ такъ-называемыхъ волостяхъ, — жители городовъ начали выразительно дѣлиться на *мѣщанъ* и *казаковъ*. Тогда *послушными* стали называться собственно мѣщанскіе дома, а *непослушными* — казацкіе. Послушные мѣщане отбывали главную въ то время повинность — военную службу, подъ предводительствомъ королевскихъ старостъ, а непослушные избирали себѣ предводителя вольными голосами; но тѣ и другіе такъ тѣсно были соединены между собою, что слово *казаки* въ официальныхъ бумагахъ почти не употреблялось: администрація, можно сказать, знала однихъ мѣщанъ.

Такимъ образомъ начало казачеству дали украинскіе города, поставленные въ необходимость усвоить себѣ наѣздническіе обычаи для отраженія татаръ. Города эти населялись выходцами изъ сравнительно безопасныхъ мѣстъ, въ которыя, во времена, такъ-называемаго, «татарскаго лихолѣтя», спасались жители днѣпровскихъ равнинъ. Главную массу новыхъ поселенцевъ украинскихъ, естественно, составляли люди русскіе. Но къ нимъ, по сказаніямъ современниковъ, примѣшивались и польскіе выходцы. Религіозность, свойственная какъ польскимъ, такъ и южнорусскимъ славянамъ XVI вѣка, внушала знатымъ шляхтичамъ подвиги самоотверженія. По словамъ современнаго кievскаго бискупа Верещинскаго, многіе изъ нихъ переселялись въ Украину съ цѣлью защищать христіанство отъ невѣрныхъ, во славу божію и въ

¹⁾ Указывать на изытіе ихъ изъ-подъ власти старостъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1572 году, какъ на образованіе изъ нихъ отдѣльной военной корпораціи, нѣтъ основанія, потому что Стефанъ Баторій находитъ ихъ въ прежнемъ положеніи, «пробуетъ» пригласить ихъ на королевскую службу и подчиняетъ черкасскому старостѣ.

честь рыцарскаго имени, которое они носили; другихъ привлекало сюда желаніе отмстить татарамъ за гибель или плѣнъ своихъ родственниковъ; нѣкоторые оставляли Польшу съ досады на новые обычаи, которые сосѣди перенимали отъ «испорченныхъ» нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ ними (продолжаетъ Верещинскій) появились въ Украинѣ промотавшіеся богачи и тѣ, которые, родившіеся въ панскихъ домахъ, отрекались отъ шляхетства ради насущнаго хлѣба, которые были принуждены наниматься у мѣщанъ и поселянъ въ чернорабочіе, а не то — промышлять разбоемъ и воровствомъ. Рядомъ съ роскошью, внутри польскаго края была тогда такая нищета, что многіе гербованные шляхтичи просили милостыни, а иные даже умирали съ голоду. Все это стремилось въ Украину по различнымъ побужденіямъ и, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало первоначальному образованію казачества, въ которомъ религіозная задача спасать христіанъ изъ рукъ невѣрныхъ соединялась съ жаждой добычи, и которое почти не дѣлало различія между войною и разбоемъ.

Въ составъ казачества входили еще, такъ-называемые, «своевольные люди», которыхъ накопилось множество во всѣхъ провинціяхъ польскаго государства, и въ особенности на Волини. Это были убогіе шляхтичи, поступавшіе на службу къ болѣе богатымъ и бѣжавшіе отъ нихъ изъ чувства оскорбленной гордости, мести или страха кари. Судебные акты и частныя письма конца XVI и начала XVII вѣка, то-есть эпохи колонизаціи польской Руси по образцу внутреннихъ провинцій государства, свидѣтельствуютъ, что почти всѣ владѣльцы крупныхъ имѣній въ пограничныхъ воеводствахъ дѣлали одинъ на другого непріятельскіе наѣзды. Мелкая война между панами чаще всего кипѣла на границахъ смежныхъ воеводствъ, какъ это показываютъ и многочисленные комиссіи, которыя назначались на сеймахъ для разграниченія обывателей воеводствъ: Русскаго, Бѣльскаго, Подольскаго, Волинскаго и Кіевскаго. Слово *граничитися* значило въ то время воевать. Безъ войны, ни одно, можно сказать, панское имѣніе въ землѣ Кіевской, на Волини, на Подольѣ и въ Червонной Руси не вошло въ свои окончательно-опредѣленные границы; а для войны панамъ необходимы были люди, готовые сражаться противъ кого угодно. Потребность эта создала въ пограничныхъ воеводствахъ многочисленный классъ, такъ-называемыхъ, панскихъ слугъ изъ неосѣдой шляхты, которые были не что иное, какъ домашняя орда, перекочевывавшая изъ одного панскаго двора въ другой. Одни изъ нихъ служили въ высшихъ дворскихъ должностяхъ: были управителями имѣній, дворецкими, заведывали

охотою, лошадьми и т. п.; другіе употреблялись только для воя, для посылокъ и для войны; но вообще — это былъ классъ людей безнравственныхъ. Уцѣлѣло множество жалобъ на ихъ обманы и хищничество. Съ другой стороны, власть пана относительно слуги-шляхтича была, по закону и обычаю, такъ велика, что простиралась до тѣлеснаго наказанія; а нѣкоторые паны, пользуясь польскимъ или — что все равно — княжескимъ правомъ (*jus polonicum, jus ducale*), даже казнили смертью служившихъ у нихъ шляхтичей, какъ объ этомъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ извѣстный Альбрехтъ Радзивиллъ. Не удивительно, что шляхтичъ, принужденный къ службѣ у богатаго своего собрата бѣдностью, и руководясь только чувствомъ страха, пользовался первымъ удобнымъ случаемъ ограбить своего пана и бѣжать отъ него въ казацкое общество, въ которомъ не считались породою и не доискивались прежней жизни. Королевскій секретарь при Стефанѣ Баторіѣ, Гейденштейнъ, рассказываетъ, что, послѣ московской войны, значительная часть короннаго войска, очутясь безъ службы, пошла въ казаки и увеличила ихъ силу. Извѣстно, что польскому войску почти никогда не выплачивалось жалованье; что жолнеры обыкновенно вознаграждали себя грабежомъ королевскихъ, панскихъ и духовныхъ имѣній, и что правительство объявляло ихъ за это банитами. Такіе-то люди изъ-подъ королевскаго знамени переходили подъ бунчукъ запорожскаго гетмана. Имъ труднѣе было возвратъ въ прежнее состояніе; они всецѣло отдавались казацкой жизни и вносили въ нее все, что могло въ ней привиться. Поэтому-то, и именно по одному этому, дѣятельность запорожскаго войска имѣла уже и въ началѣ характеръ нѣкоторой враждебности относительно правительства. Сословной и національной вражды не было вовсе въ первобытномъ казачествѣ, такъ какъ не существовало ни вещественныхъ, ни нравственныхъ интересовъ, которые впоследствии раздѣлили казаковъ и дворянство на два враждебные лагеря. Казаки, какъ мы видимъ, дѣйствовали за-одно съ королевскими пограничными старостами — сперва явно, а потомъ, съ перемѣною государственной политики относительно Турціи, тайно. Запорожье было убѣжищемъ не одной черни, искавшей тамъ насущнаго хлѣба, но и людей знатныхъ, имѣвшихъ въ виду политическія цѣли. На различіе вѣроисповѣданій не обращалось вниманія, такъ точно, какъ и на различіе сословій. Цѣнились только боевое мужество и способность выдерживать походные труды.

Кромѣ общаго казакамъ исканія добычи, у нихъ было общее стремленіе — противодѣйствовать туркамъ, какъ врагамъ христіане

ства — стремленіе, усиленное самими обстоятельствами. Со времени подчиненія татаръ турецкому султану, ихъ набѣги на польскую Русь усилились. Этому, какъ уже сказано, способствовало, во-первыхъ, то, что торговля невольниками увеличилась по мѣрѣ развитія въ домашнемъ быту турокъ азіатской роскоши, а во-вторыхъ, то, что турки, поселившіеся по Дунаю и подѣ Очаковомъ, помогали татарамъ людьми и лошадьми въ ихъ набѣгахъ. Но была еще одна причина, именно: что султанъ, считая татарскіе улусы оттоманскою землею, грозилъ полякамъ войною за нападеніе на эти улусы. Сигизмундъ-Августъ не нашелъ другого средства удерживать татаръ отъ набѣговъ, какъ платя имъ ежегодную дань въ 50,000 червонцевъ. Стефанъ Баторій увеличилъ эту дань 20-ю тысячами талеровъ, и старался направлять татарскія силы на московское государство. Казакамъ ни до чего этого не было дѣла. Они помнили свои личныя обиды; у нихъ передъ глазами турки и татары уводили въ плѣнъ ихъ соплеменниковъ; со всѣхъ сторонъ до нихъ доходили слухи о страданіяхъ христіанъ отъ невѣрныхъ. Не ограничиваясь залеганьемъ на татаръ у переправъ черезъ рѣки и нападеніями на ихъ улусы, казаки воевали принадлежавшіе туркамъ низовые города и предпринимали походы въ Молдавію, гдѣ находили тѣхъ же турокъ. Не только татары, находившіеся въ распоряженіи турецкаго султана, но и волохи, повиновавшіеся туркамъ, были въ ихъ глазахъ непріятелями, которыхъ *руйнувати* и *плюндрувати* считали они своимъ рыцарскимъ долгомъ.

Въ 1577 году поднялъ ихъ, противъ посаженнаго турками на молдавское господарство Петра, проживавшій между ними братъ покойнаго господара Ивони. Онъ отличался необычайной силою, такъ что ломалъ подковы, и за это казаки, по своему обычаю, прозвали его Подковою. О покушеніи Подковы овладѣть господарскимъ престоломъ въ лѣтописи Бѣльскаго разсказано съ подробностями, которыя показываютъ, что авторъ повторилъ слова очевидцевъ событія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что его дядя, Янъ Орышовскій, долго былъ у казаковъ гетманомъ, много разсказывалъ ему о Запорожьи и, конечно, возвратясь къ осѣдлой жизни шляхтича, не прерывалъ съ казаками пріятельскихъ сношеній ¹⁾.

¹⁾ Предположеніе о непрерывности сношеній осѣдлой шляхты съ казаками подтверждается, между прочимъ, характеристическою рѣчью адвоката княгини Острожской, произнесенною передъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1553 году. Въ этой рѣчи князь Дмитрій Сангушко изображенъ пограничнымъ преслѣдователемъ татаръ. Когда татары бывали прогнаны осѣдлою шляхтою съ одной стороны, а низовыми казаками съ другой, у пановъ, подобныхъ Дмитрію Сангушкѣ, завязывалась

Волохи (говорить Бѣльскій), узнавъ, что Иванъ Подкова находится между запорожскими казаками, просили его, черезъ своихъ тайныхъ посланцевъ, поспѣшить на родину и занять послѣ своего брата господарскій престолъ, какъ законное родовое наслѣдство. При этомъ они жаловались на притѣсненія со стороны своего господара, Петра, и окружавшихъ его турокъ. Подкова благодарилъ ихъ за расположенность, но ни на что не могъ рѣшиться, по недостатку средствъ. Тогда они прислали ему два письма со множествомъ печатей знатнѣйшихъ бояръ. Одно письмо было адресовано къ князю Константину Острожскому, кievскому воеводѣ, а другое — къ барскому старостѣ. Бояре умоляли дать Подковѣ средства пройти только до Днѣстра, а тамъ они встрѣтятъ его въ назначенный день съ войскомъ. Съ этими письмами пріѣхалъ Подкова незамѣтнымъ образомъ въ Баръ и вручилъ ихъ старостѣ. Староста, въ тайной бесѣдѣ, сказалъ ему, что радъ бы былъ помочь казацкому походу, но боится раздражить короля, который строго наказалъ не нарушать заключеннаго съ турецкимъ султаномъ мирнаго договора. Онъ совѣтовалъ Подковѣ даже уѣхать куда-нибудь изъ Бара, чтобы слухъ о немъ не дошелъ въ Молдавію и не надѣлалъ тамъ тревоги. Подкова удалился въ болѣе уединенное мѣсто, какъ въ это самое время въ Баръ возвратился со степей одинъ изъ пограничныхъ пановъ, Станиславъ Копицкій. Узнавъ о Подковѣ, онъ поспѣшилъ съ нимъ увидѣться, поздравилъ его съ счастливою новостію и предложилъ свои услуги. Копицкій состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ казаками, съ которыми лѣтъ двадцать имѣлъ разнаго рода дѣла; онъ отправился къ нимъ и раздалъ между ними какія имѣлъ за свою службу деньги. Въ этомъ помогъ ему также и Волошинъ Чапа, который женился и жилъ въ Брацлавщинѣ. Стараніями ихъ обоихъ, собралось 330 отборныхъ казаковъ, надъ которыми гетманомъ былъ Шахъ. Они вмѣстѣ съ Подковою вторглись въ Молдавію; но, свѣдавъ, что господарь Петръ идетъ противъ нихъ съ большими силами и множествомъ пушекъ, отложили походъ до болѣе удобнаго времени, а теперь набрали только сѣстныхъ припасовъ и вернулись во-свояси.

Молдавскій господарь, Петръ, жаловался королю на вторженіе казаковъ во владѣнія султана, въ противность мирнымъ договорамъ, и грозилъ Польшѣ турецкою войною, если казаки не

игра съ казаками въ карты и кости, результатомъ которой бывалъ винигришъ не только отнятой у татаръ добычи, но и самихъ ордынцевъ, захваченныхъ казаками въ плѣнъ.

будутъ наказаны. Король сильно встревожился и немедленно написалъ къ коронному гетману и нѣкоторымъ изъ русскихъ пановъ, чтобъ они постарались поймать Подкову и другихъ бунтовщиковъ. Гетманъ двинулъ три роты, подъ начальствомъ своего дворянина-слуги, Боболецкаго. Боболецкій поспѣшилъ въ Немировъ, гдѣ, по слухамъ, проживалъ Подкова, и дѣйствительно засталъ его въ этомъ городѣ. Но Подкова во-время узналъ о грозившей ему опасности и выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи пятидесяти пѣшихъ казаковъ съ рушницами. Достигши какого-то брода, выѣхалъ онъ въ воду коню по брюхо и поставилъ впереди себя 50 пѣхотинцевъ съ рушницами. Боболецкій, прискочивъ къ броду и увидѣвъ Подкову, готоваго къ бою, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ напасть на него было трудно, вернулся въ Немировъ. Слѣдомъ за нимъ вернулся и Подкова. Боболецкій остановился въ замѣкъ, Подкова—въ городѣ. Тутъ Боболецкій требовалъ отъ начальника города выдать ему Подкову; но тотъ отвѣчалъ: «Не могу я выдать его, но и не защищаю. Возьми самъ, если можешь». Съ тѣмъ и уѣхалъ Боболецкій.

Тогда коронный гетманъ далъ знать королю, что настигнулъ Подкову въ Немировѣ, но что намѣстникъ брацлавскаго воеводы, Яна Збаражскаго, не захотѣлъ выдать его. Король послалъ къ воеводѣ, чтобъ онъ приказалъ выдать Подкову; но пока коморникъ явился въ Немировъ съ приказаніемъ, на помощь къ Подковѣ опять пришелъ гетманъ Шахъ, уже съ шестью сотнями казаковъ, оставивъ четыре сотни на Низу. Подкова встрѣтилъ его на шляху, называемомъ Пробитымъ. Шахъ привѣтствовалъ Подкову, какъ молдавскаго господаря, и велѣлъ бить въ бубны. Казаки проводили Подкову до города Сороки. За Сорокою сперва признала его господаремъ чернь. Узнавъ объ этомъ, Петръ приготовился къ отпору и, когда казаки подошли къ Яссамъ, выступилъ на встрѣчу съ войскомъ, котораго у него было не мало. Произошла битва. Шахъ и Подкова остались побѣдителями. Петръ ушелъ къ своему брату, господарю закарпатской Волощины, и оттуда отправилъ къ турецкому султану посольство съ жалобою на казаковъ, подданныхъ короля, и съ просьбою о помощи.

Между тѣмъ Шахъ возвелъ Подкову на господарство. Въѣхали казаки въ Яссы наканунѣ св. Андрея, 1577 года. Найдя тамъ плѣнниковъ, Подкова отпустилъ ихъ на волю, но взялъ выкупъ. Потомъ началъ раздавать важнѣйшія должности Шаху, Чапѣ и другимъ, а къ султану послалъ за господарскимъ знаменемъ. Но посолъ его схваченъ на дорогѣ; а тутъ на помощь прежнему господарю, Петру, двинулся къ Яссамъ братъ короля

Стефана, господарь седмиградскій, Христофоръ. Подкова, видя, что не усидѣть ему на господарствѣ, взялъ изъ Яссы 14 пушекъ, да разныя цѣнныя вещи, и, обезпечивъ себя съѣстными припасами, пошелъ въ обратный путь. Достигнувъ Сороки, держалъ онъ съ казаками раду, какъ имъ пройти на Запорожье. Идти степями было опасно, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, а мимо Немирова — боялись короннаго гетмана и брацлавскаго воеводы, которые, по приказанію короля, старались изловить Подкову.

Коронный гетманъ, однакожъ, не дѣлалъ никакихъ военныхъ распоряженій, надѣясь добыть Подкову безъ кровопролитія. Когда казаки пришли въ Немировъ, брацлавскій воевода, Янъ Збаражскій, пригласилъ къ себѣ гетмана Шаха съ нѣсколькими казаками и убѣждалъ ихъ не нарушать мира съ турецкимъ султаномъ, а Подковѣ совѣтовалъ ѣхать къ королю и оправдать свой поступокъ. Такъ какъ онъ извѣстенъ своими рыцарскими достоинствами, то король приметъ его благосклонно. При этомъ воевода предлагалъ проводить его лично къ гетману, а гетманъ проводить его къ королю. Казаки передали это предложеніе Подковѣ. Тотъ охотно согласился и подарилъ воеводѣ 12 пушекъ, а 2 пушки подарилъ коронному гетману. Коронный гетманъ отправилъ его къ королю на сеймъ; но король Подковы не принялъ, велѣлъ посадить въ оковы и держать подъ крѣпкою стражею. Турецкій султанъ, чрезъ своего чауша, присланнаго на сеймъ, сильно домогался выдачи ему Подковы. Баторій считалъ такое требованіе для себя унизительнымъ, но, чтобы успокоить султана, велѣлъ отрубить Подковѣ голову. По замѣчанію Бѣльскаго, къ этой рѣшимости привело короля еще и то обстоятельство, что казаки, не покаявшись на Подковѣ, водили въ Молдавію тѣмъ же порядкомъ брата его, Александра, и еще разъ прогнали-было Петра съ господарства. Впрочемъ, турки скоро ихъ разбили и многихъ привели плѣнными въ Царьградъ, а возведеннаго ими на престолъ Александра посадили на колъ.

V.

Воинственная, или русская, часть польскаго общества, какъ защита колонизаціи.—Связи русскихъ пановъ-землеуладѣльцевъ съ запорожцами.—Пребываніе владѣльца Злочова за Порогами.—Голодное скитанье по пустынямъ.

Несмотря на неудачи въ Молдавіи, отъ которыхъ терпѣли лично пограничные паны, и на затруднительное положеніе, въ какое они поставляли все государство задоромъ Турціи, не переставали они дѣлать новыя и новыя попытки къ господству надъ Молдавіею. Изъ писемъ разныхъ лицъ къ господарю Ивонѣ, попавшихъ въ руки великаго визиря, обнаружилось, что его подстреливали въ войнѣ съ турками и обнадеживали своею помощію, кромѣ другихъ лицъ, и такіе люди, какъ воевода сѣрадскій, Ласкій, и воевода кіевскій, князь Константинъ Острожскій. По смерти Ивони, двѣ сотни русскихъ смѣльчаковъ проникли въ глубину Молдавіи и увезли за Днѣстръ тестя Ивони, его жену и семь женъ другихъ молдавскихъ пановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ захватили казну Ивони, изъ которой не былъ еще уплаченъ султану годовой гарачъ. Вслѣдъ затѣмъ предпринята была экспедиція Подковы. Казнь еѣ не остановила вторженій въ Молдавію. Одни изъ пограничныхъ русскихъ пановъ ходили за Днѣстръ, безъ дальнихъ замысловъ, изъ любви къ казакованью; но нѣкоторымъ изъ нихъ постоянно грезилось господарское знамя молдавское, которое султанъ давалъ тому, кого, или по неволѣ, или за деньги, признавалъ господаремъ Молдавіи. Тѣ и другіе искатели счастья были народъ отчаянный. Въ случаѣ ссоры за походъ съ королемъ, у котораго, какъ говорилось, мечъ былъ длиненъ, мелкія личности готовы были спастись бѣгствомъ на Запорожье и, бросивъ свои дворянскіе гербы, совершенно okaza-чаться, а другіе рассчитывали на помощь могущественныхъ пріятелей, которымъ было за обычай «отводить силою право».

Кромѣ необузданнаго своеволія, произвольныя дѣйствія пограничныхъ пановъ объясняются еще—странно сказать, но такъ оно было—ихъ сознаніемъ независимости въ государствѣ, именуемомъ Рѣчью Посполитою. Рѣчь Посполитая была королевствомъ только по имени: въ сущности, она представляла федерацію областей, повѣтовъ и отдѣльных панскихъ владѣній,—федерацию до такой степени свободную, что въ ней каждый панъ поступалъ, какъ самостоятельный государь. Въ описываемый нами періодъ, свобода дѣйствій развилась у пановъ до такой степени,

что на избирательных съездахъ, послѣ Генриха-француза, они предлагали вовсе не избирать короля, а управлять государствомъ посредствомъ намѣстниковъ. Если такимъ образомъ каждый магнатъ въ отдѣльности преслѣдовалъ свои личныя выгоды, не обращая вниманія на интересы общіе, то тѣмъ болѣе подобная политика имѣла мѣсто въ областяхъ, которыя подчинялись особымъ условіямъ своего положенія. Собственно, такъ-называемая тогда Польша, защищенная отъ татаръ и турокъ русскими областями, не видѣла ни необходимости, ни пользы въ военныхъ предпріятіяхъ. Все свое вниманіе обращала она на устройство доходныхъ имѣній и на политику, посредствомъ которой надѣялась достигнуть постоянного мира. Героическій вѣкъ миновалъ для нея. Напротивъ, окраины государства, съ *тремя пустынями* между рѣками Днѣпромъ и Днѣстромъ ¹⁾, переживали еще ту пору, которая у каждаго народа предшествуетъ высшему развитію культуры. Здѣсь никакой доходъ не получался безъ участія оружія; здѣсь, по выраженію современнаго поэта, «сабля приносила больше барышей, нежели хозяйство». Пограничные землевладѣльцы равнодушно относились ко всему, что не давало боевой славы, и были убѣждены, что только посредствомъ войны можно было достигнуть прочнаго мира. Съ каждымъ годомъ подвигались русскіе колонисты все далѣе и далѣе въ три великія пустыни, оспариваемыя у христіанъ мусульманами, и мечтая о рыцарской славѣ, съ пренебреженіемъ оглядывались на жителей внутреннихъ областей, которые мирныя занятія предпочитали кипѣвшей на пограничьи войнѣ. Герадьдизъ Папроцкій, въ весьма рѣдкой нынѣ книгѣ своей «*Raposza*» ²⁾, такъ обращается собственно

¹⁾ Такъ обозначенъ югостокъ польскаго государства въ мирномъ договорѣ съ турками 1575 года.

²⁾ Въ одномъ изъ примѣчаній указанъ случай сожженія и перепечатки 20-ти листовъ изъ гербовника Папроцкаго, неприятныхъ нѣкоторымъ магнатамъ, которыхъ предки оказались бурмистрами краковскими. Книга „*Raposza to jest wystawienie rapow ruskich*“ никакъ не могла быть пріятна панамъ польскимъ, и, по всей вѣроятности, они скупили экземпляры ея по всей Польшѣ для сожженія, какъ это было дѣлаемо съ радзивиловскимъ переводомъ Библии, съ нѣкоторыми томами изданія Лотеля „*Codex diplomaticus*“ и другими книгами. Польская критика и въ наше время относится къ Папроцкому неблагоприятно. Оставила безъ вниманія положеніе его въ обществѣ, она повторяетъ толки недовольныхъ имъ современниковъ о его продажности, жаждѣ користи, низкопоклонничествѣ. Между тѣмъ онъ, при своихъ скудныхъ средствахъ, изъѣздивъ край, простиравшійся тогда на 250 миль, перерылъ домашніе, церковные, монастырскіе архивы и сохранилъ отъ забвенія много историческихъ свѣдѣній, а когда недовольные его изысканіями панн заставили его бѣжать изъ отечества, та же любознательность заставила его странствовать по Силезіи, Мо-

въ польскимъ панамъ: «Я вижу, что, ища мира, вы погрязли въ ремеслахъ своихъ, такъ какъ вамъ пріятнѣе толковать о волахъ въ загонахъ, нежели о вѣчной славѣ въ потомствѣ. А я бы вамъ совѣтовалъ помогать вѣчнаго мира съ турками и татарами саблею, а не бумагами».

Да, русскія земли польскаго государства въ XVI вѣкѣ существенно отличались отъ земель польскихъ своею воинственностью. Изъ нихъ—это достойно замѣчанія—происходили всѣ коронные гетманы, присяжные хранители границъ Рѣчи Посполитой, и онѣ не только служили для Польши щитомъ отъ татаръ и турокъ,—онѣ давали ей людей, которые одни поддерживали въ тогдашнемъ польскомъ обществѣ мужественную простоту жизни, героизмъ и самопожертвованіе—условія независимости каждаго народа. Эта мысль весьма выразительно заявлена въ стихотворномъ обращеніи геральдика Папроцкаго «Къ полякамъ», напечатанномъ въ 1575 году.

«Не думайте (говорить Папроцкій), что я лышу русскимъ; я недавно еще живу между ними, и не съ ними я воспитывался; но я тотчасъ оцѣнилъ ихъ славныя дѣла, которыя заслуживаютъ вѣчной памяти въ потомствѣ. Не одинъ разъ въ году эти достойные люди преслѣдуютъ татаръ и подвергаются опасностямъ войны. Какъ мужественные львы, охраняютъ они все христіанство: почти каждый изъ нихъ можетъ назваться Гекторомъ. Не имѣя отъ васъ никакой помощи, они доставляютъ вамъ такое спокойствіе, какъ откармливаемымъ воламъ. А вы, считая себя выше ихъ, выпрашиваете себѣ въ этихъ областяхъ имѣнія. Вы бы еще сами удѣлили имъ отъ своихъ избытковъ за то, что, по ихъ милости, наслаждаетесь такою безопасностію. Явите-ка вы здѣсь достойныя памяти дѣла, какія совершаютъ безпрестанно эти, можно сказать, святые люди. Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ русака? Пошлете вы его въ посольство — онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между русаками ищи полководца и хорошаго воина. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на ваши совѣщанія о мирѣ. И лучшаго коня, и лучшаго всадника добудешь на Руси. Даже вашъ Матушъ ¹⁾ дѣлается здѣсь другимъ человекомъ. Не бродитъ онъ по улицѣ, не занимается драками. Изъ Матуша выходитъ здѣсь добрый

ранин, Богемин. Проработавъ такъ всю жизнь, этотъ любознательный человекъ умеръ въ бѣдности, и только иностранецъ, современный ему богемскій историкъ, Бальбинусъ, представилъ въ истинномъ свѣтѣ трудную роль его, какъ собирателя историческихъ свѣдѣній. (Miscellaneorum Hist. Regni Bohemiae decadis II, lib. I, p. 107).

¹⁾ Игра словъ между *Матѣемъ* и *матушкинымъ сыномъ*.

воинъ, а панскій вапъ сынокъ превращается на Руси въ ротмистра или въ храбраго рыцаря. Но вы-то сами чѣмъ заслужили пожалованія вамъ имѣній въ этомъ краѣ? Видали ли вы обнаженный противъ себя мечъ—не среди улицы, а въ какой-нибудь знаменитой битвѣ? Выслушайте же мое мнѣніе. Неприлично мудрому человѣку домогаться чужого; негодится богатому пренебрегать убогимъ. У Подolianъ не различишь, кто панъ, а кто слуга; нѣтъ у нихъ ни на грошъ гордости. Не носятъ они пестрыхъ одежды; они покрыты славою, которая дороже вашихъ нарядовъ. Слава этого народа распространена всюду, и останется за ними во вѣки вѣчные, *хотя бы Помша и погибла*. Чтѣ дѣлалъ Геркулесъ, который побивалъ гидръ и не щадилъ земныхъ боговъ, то на Руси сдумѣтъ сдѣлать каждый. Самсонъ разодралъ челюсти льву; подобные подвиги въ наше время русаку за обычай. Могущественный турокъ разинулъ на насъ пасть, и храбрые русаки не разъ совали въ нее руку. Устремился бы онъ съ многочисленнымъ войскомъ въ Польшу, но останавливаетъ его русская сила. Бросаются русскіе въ пропасть войны, пренебрегая опасностями, и когда совершать что-нибудь полезное, всѣмъ вамъ прибываетъ отъ того славы. Будьте же довольны славою, которую они добываютъ, хотя и нѣтъ васъ между ними въ походахъ; не посягайте на русскія имущества, если всякій разъ, когда надобно сражаться, вы сидите гдѣ-то въ лѣсу.»

Кромѣ осѣдлыхъ дворянъ, изъ которыхъ каждый, при всякой тревогѣ, превращался въ воина, на Подольѣ стояла еще пограничная стража, состоявшая или изъ молодежи, не обремененной семейными заботами, или изъ холостяковъ и вдовцовъ, нерасположенныхъ въ женитьбѣ. Эта стража была не чтѣ иное, какъ домашніе казаки-дворяне, которые относительно казаковъ полешукъ, или Запорожскихъ, были почти то же, чтѣ духовенство бѣлое относительно монашествующаго. Стоять на пограничѣ, значило — подвергаться опасностямъ, не отрекаясь отъ связей съ осѣдымъ населеніемъ; удалиться на Запорожье, значило — сверхъ опасности боевой жизни, подвергнуть себя еще и всевозможнымъ лишеніямъ. Папроцкій о подольскомъ шляхтичѣ, Богданѣ, князѣ Рожинскомъ, гетманѣ Низовыхъ казаковъ, выражается, какъ о пустынный: «Презрѣлъ онъ богатства и возлюбилъ славу защиты границъ. Оставивъ временныя земныя блага, претерпѣвая голодъ и нужду, стоитъ онъ, какъ мужественный левъ, и жаждетъ лишь кровавой бесѣды съ невѣрными.»

Какъ Низовые казаки, такъ и пограничная стража, имѣли въ виду одну цѣль—не допускать татаръ въ Украину и преслѣ-

довать хищниковъ, которые угоняли стада и захватывали народъ въ неволю. На Руси это было великою заслугою въ глазахъ общества. Безъ пограничной стражи, оно бы вѣчно должно было опасаться появленія татарской орды, и не могло бы заниматься никакими дѣлами. Еще король Сигизмундъ-Августъ опредѣлилъ четвертую часть королевскихъ доходовъ на содержаніе пограничной стражи. Стефанъ Баторій нанялъ на эти деньги 2,000 копейщиковъ и размѣстилъ ихъ, подъ именемъ Подольскаго войска, въ тѣхъ пунктахъ, которые особенно были удобны для защиты отъ Крымской и Бѣлгородской Орды. «Эти войны (говорить перемышльскій епископъ Пясецкій въ началѣ XVII-го вѣка) ¹⁾ составляютъ главную силу польской конницы, и юношество наше, желающее посвятить себя военной службѣ, какъ бы въ рыцарской школѣ, проходитъ на пограничьи свой искусь. Здѣсь-то оно постоянно упражняется въ битвахъ съ татарами; отсюда выходятъ самые мужественные люди и опытные ветераны для всѣхъ важныхъ военныхъ случаевъ.» Молодой человекъ, не отвѣдавшій пограничной стоянки, считался въ польской Руси неопытнымъ и не имѣлъ ходу въ обществѣ. На пограничной службѣ завязывались у пановъ знакомства, которыми они пользовались впоследствии, во время своей политической дѣятельности. Тамъ же развивался у нихъ и духъ личной самостоятельности, отличавшей польское общество. Пограничная служба, исполненная приключеній и опасностей, приучала шляхту къ отважной предприимчивости, которая потомъ не знала предѣловъ. Здѣсь воспитывались характеры, вдохновлявшіе польское общество къ такимъ широкимъ, хоть и мечтательнымъ, предпріятіямъ, какъ завоеваніе московскаго царства и устремленіе польско-московскихъ силъ противъ Турціи. Но здѣсь же получило свое начало и суровое рыцарство запорожское, отчуждавшееся польской государственной политикой. Знатные паны возвращались изъ пограничной военной школы въ свои имѣнія, въ свои родственные круги и стремились къ центру шляхетской дѣятельности — королевскому двору, при которомъ каждый добивался — или государственной должности, или военнаго чина, или крулевщины; напротивъ, мелкая шляхта, привыкши въ украинской службѣ къ широкому разгулу, къ простотѣ обращенія и къ убожеству быта, смѣнявшемуся случайнымъ достаткомъ, естественно тяготилась потомъ службою двор-

¹⁾ Хроника Пясецкаго доведена до 1643 года, но что это мѣсто было писано въ началѣ XVII-го вѣка, видно изъ его указаній на событія 1614—1616 годовъ, какъ на только-что случившіяся.

свою, гдѣ бѣдняку - нечѣмъ было отличиться, и гдѣ за каждую смѣлую выходку противъ богатаго шляхтича грозила бѣда отъ его свиты. Эта шляхта охотнѣе оставалась на Украинѣ и, защищая границы, вела такую же казацкую жизнь вблизи окраинъ государства, какъ и низовое рыцарство—вдали отъ нихъ. Казаки-пограничники и казаки-низовцы находились въ постоянныхъ между собою сношеніяхъ и не разъ предпринимали совмѣстные походы въ турецкія владѣнія. Часто во главѣ Низовцевъ являлся русскій панъ, у котораго обыкновенно была собственная дружина, какъ напримѣръ князь Богданъ Рожинскій. Лучшіе люди между Низовцами были извѣстны въ панскомъ пограничномъ обществѣ, и наоборотъ, представители воинственнаго дворянства русскаго пріобрѣтали популярность въ запорожскихъ куреняхъ.

Одною изъ личностей, характеризующихъ русскую шляхту XVI вѣка и ея отношенія къ низовымъ казакамъ, былъ владѣлецъ Злочова, въ Львовскомъ уѣздѣ, Самуиль Зборовскій, младшій изъ шести сыновей краковского каштеляна, игравшихъ важную роль при избраніи на польскій престолъ Генриха-француза и Стефана Баторія, *vir animosus*, какъ называютъ его современники, воспитанный въ войскѣ императора Максимилиана II. Гостя, вмѣстѣ съ братьями, при королевскомъ дворѣ, въ одной изъ обычныхъ въ то время схватокъ за оскорбленіе панской гордости, онъ убилъ каштеляна Ваповскаго, почти передъ глазами самого государя. По законамъ Рѣчи Посполитой, онъ подлежалъ за это смертной казни, но спасся отъ нея заступничествомъ знатной родни. Правительство объявило его банитомъ. Зборовскій, соединивъ вокругъ себя цѣлѣ пограничнаго рыцарства, служилъ при дворѣ семиградскаго князя, Стефана Баторія, а по избраніи его на польскій престолъ, возвратился въ отечество. Все-таки, приговоръ баниціи тяготѣлъ надъ нимъ. Онъ не могъ занимать никакой должности, и только обширныя связи съ аристократическими домами давали ему возможность являться безопасно въ публичныхъ собраніяхъ.

Такая жизнь томила Зборовскаго. Онъ придумывалъ разные средства, какъ бы совершить нѣчто необыкновенное и тѣмъ возстановить потерянные права свободного гражданина Рѣчи Посполитой. Въ то время Стефанъ Баторій велъ ожесточенную войну съ московскимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ и врывался въ его государство съ запада. Зборовскій задумалъ вторгнуться въ московскія владѣнія съ юговостока.

На эту мысль навели его запорожцы, которые, прослышавъ о празднои жизни Самуила Зборовскаго и зная воинственный

духъ его, общали, черезъ своихъ пословъ, избрать его своимъ гетманомъ. Зборовскій отправилъ съ тѣми же послами подарки и деньги «запорожскимъ молодцамъ», и сталъ готовиться къ походу.

По вольности дворянства Рѣчи Посполитой, приготовленія ко всякому подобному предпріятію дѣлались шумно. Скрываться было не отъ кого: паны не признавали надъ собой никакого контроля, особенно владѣльцы украинскихъ имѣній. Преувеличенные молвою слухи о задуманномъ Зборовскимъ походѣ въ степи расходились во всѣ стороны. Отъ крымскаго хана и молдавскаго господаря прибѣжали къ нему гонцы съ мирными предложеніями. Ханъ обѣщалъ выпросить ему у султана знамя, дававшее право на молдавское господарство, если онъ удержитъ запорожцевъ отъ вторженія въ Крымъ; а молдавскій господарь предлагалъ 500 коней, если онъ оставитъ въ покоѣ Молдавію. Зборовскій между тѣмъ списался съ однимъ изъ украинскихъ старостъ, который обѣщалъ выслать къ Днѣпру, на устьѣ рѣки Псла, свою военную дружину, съ тѣмъ, чтобы по рѣкѣ Пслу идти соединенными силами къ пограничному городу Московскаго государства, Путивлю.

Походъ Зборовскаго на Запорожье описанъ однимъ изъ такъ называемыхъ пріятелей дома Зборовскихъ, извѣстнымъ уже намъ Папроцкимъ, какъ можно думать, со словъ очевидцевъ. Мы приведемъ всѣ характеристическія черты записки Папроцкаго, напечатанной въ Краковѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ событія.

Весною 1583 года, Зборовскій, въ сопровожденіи 70 шляхтичей-слугъ и съ отрядомъ гайдуковъ явился на берегахъ Днѣпра. Достигнувъ Канева, все общество сѣло на челны; лошади пошли берегомъ. Въ Запорожской Сѣчѣ узнали между тѣмъ, что Зборовскій уже на Днѣпрѣ, и выслали на встрѣчу ему пословъ, съ привѣтствіемъ и съ обѣщаніемъ гетманства. Зборовскій благодарилъ за оказанную ему честь и послалъ на Запорожье новые подарки.

Тутъ черкасскій староста пытался отвлечь запорожцевъ отъ Зборовскаго и приглашалъ подъ свое знамя, обѣщая имъ разныя награды отъ себя самого и отъ короля. Но запорожскіе молодцы предпочли вольнаго гетмана королевскому старостѣ и остались при Зборовскомъ.

Изъ Канева спустилась флотилія мимо Черкасъ, въ устью рѣки Псла, куда, въ условное время, должна была приспѣть дружина пограничнаго старосты, съ которыми Зборовскій намѣ-

ренъ былъ вторгнуться въ московскіе предѣлы. Но староста не сдержалъ своего слова.

Отложивъ походъ къ Путивлю до другого времени, Зборовскій поплылъ далѣе и остановился въ устьѣ рѣки Самары.

Бопланъ говоритъ, что эта рѣка весьма обильна рыбою, а окрестности ея такъ богаты медомъ, дичью и строевымъ лѣсомъ, что едва ли какое-либо другое мѣсто можетъ съ ними сравниться. Казаки прозвали Самару Святою рѣкою и впоследствии сильно отстаивали у правительства право на свободное владѣніе ея берегами. Зборовскій засталъ на Самарѣ 200, такъ-называемыхъ, рѣчныхъ или водныхъ казаковъ, которые находились подъ начальствомъ особаго атамана и занимались исключительно рыболовствомъ да охотою. Шкуры звѣрей обращали они въ собственную пользу, а съѣстное отсылали за Пороги, гдѣ кочевали казаки-воины.

Отъ этихъ рѣчныхъ или водныхъ казаковъ поплылъ Зборовскій далѣе къ Порогамъ. Переправа черезъ Пороги была дѣломъ труднымъ и опаснымъ. Одни низовые казаки обладали искусствомъ спускать челны съ ревущихъ каскадовъ. Спутники Зборовскаго не безъ страха рѣшились на дальнѣйшее плаваніе. Когда флотилія очутилась между Порогами, такъ что возвратное плаваніе было для нея уже невозможно, а впереди лежалъ самый опасный изъ пороговъ Ненасытецкій, — она натенулась на засаду.

Запорожскіе казаки подозрѣвали, что Зборовскій съ своими гайдуками посланъ противъ нихъ королемъ. Не вѣрилось имъ, чтобы знатный панъ, не знавшій никогда нужды, обрекъ себя на казацкую жизнь, исполненную лишеній; да и могъ ли онъ вытерпѣть все, что терпятъ казаки? И зачѣмъ онъ привелъ столько гайдуковъ? Сообразивъ дѣло по-своему, запорожскіе молодцы рѣшились истребить опасныхъ гостей своихъ. Но Зборовскій умѣлъ ихъ увѣрить, что онъ прибылъ къ нимъ, какъ товарищъ, по приглашенію ихъ же пословъ, и что всѣ его спутники готовы дѣлить съ ними добро и худо по-ровну. Запорожцы успокоились и, какъ гребцы у Зборовскаго были люди новые, то они дали ему 80 казаковъ, которые бы переправили его черезъ остальные пороги. Но нѣсколько товарищей Зборовскаго, испуганные преждею переправою, не отважились на новыя опасности и предпочли возвратиться сухимъ путемъ домой.

Переправы тутъ могли быть лишь предлогомъ. По всей вѣроятности, Запорожье, съ убогимъ кочевымъ бытомъ и дикими нравами казаковъ, показалось шляхтѣ далеко не тѣмъ, чѣмъ представлялось издали.

Зборовскій, съ остальною дружиною, прошелъ благополучно черезъ всѣ пороги и увидѣлъ передъ собою славный островъ Хортицу. Объ этомъ островѣ говорили тогда всюду, какъ о первоначальной Запорожской Сѣчѣ. Еще свѣжи были преданія о князѣ Дмитріѣ Вишневецкомъ, тому назадъ около 20-ти лѣтъ замученномъ въ Царьградѣ, и провожатые Зборовскаго, безъ сомнѣнія, спѣли ему пѣсню про казака Байду, которая уцѣлѣла до нашего времени въ устахъ народа, а можетъ быть и еще нѣсколько, до насъ не дошедшихъ.

Расположась тутъ на отдыхъ, Зборовскій замѣтилъ въ степи одинъ изъ тѣхъ татарскихъ разъѣздовъ, о которыхъ разсказываетъ Бопланъ, описывая свое пребываніе у Пороговъ. Такіе разъѣзды безпрестанно появлялись и исчезали у казацкихъ кочевьевъ, слѣдя за движеніями казаковъ и пользуясь ихъ оплошностію. На сей разъ татары не могли ничѣмъ поживиться, и исчезли изъ виду, боясь въ свою очередь преслѣдованія.

Послѣ ночлега на островѣ Хортицѣ, Зборовскій пустился далѣе внизъ по Днѣпру. Вскорѣ путники встрѣтили тучу саранчи, отъ которой пало у нихъ до трехсотъ лошадей и много народу поухло.

Но вотъ, на встрѣчу гостямъ выплыло отправленное изъ Сѣчи посольство съ поздравленіемъ. Старшій изъ пословъ держалъ Зборовскому рѣчь: выразилъ радость, что казаки видятъ его у себя за Порогами, и желаніе успѣха въ войнѣ съ невѣрными, а за казаковъ ручался, что они будутъ ему повиноваться, не щадя своей жизни. Зборовскій отвѣчалъ также приличною случаю рѣчью, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ поплыли къ Запорожской Сѣчѣ, которая находилась тогда при впаденіи рѣки Чертомлыка въ одинъ изъ днѣпровскихъ рукавовъ. Въ Сѣчѣ приняли гостей съ шумною радостію. Зборовскій тотчасъ былъ объявленъ гетманомъ, при стрѣльбѣ изъ ружей, а на слѣдующее утро собралась рада, въ которой, послѣ торжественныхъ рѣчей съ одной и другой стороны, вручена была гетману булава. Въ рѣчи своей казаки выразили, между прочимъ, удовольствіе, что имѣютъ въ своемъ кругу такого знатнаго пана, но тутъ же прибавили: «Впрочемъ, это у насъ послѣднее дѣло: у насъ цѣнятся выше всего дѣла и мужественное сердце. Много мы слышали о тебѣ отъ сосѣднихъ народовъ и отъ собственныхъ братьевъ (говорили казаки): знаемъ, что Богъ всегда помогалъ тебѣ противъ каждаго твоего непріятеля».

Зборовскій, принявъ знакъ гетманской власти, говорилъ рѣчь въ запорожскомъ духѣ, увѣряя, что пріѣхалъ не для господства

надъ такимъ мужественнымъ и славнымъ войскомъ; а для того, чтобы дѣлать съ нимъ добро и худо, называлъ себя младшимъ между казаками и общалъ слѣдовать разумнымъ ихъ совѣтамъ. Смиранный тонъ былъ здѣсь тѣмъ болѣе необходимъ, что казаки жаловались на неблагодарность польскихъ пановъ, не умѣвшихъ цѣнить ихъ заслуги.

Первымъ вопросомъ, который предложили запорожцы Зборовскому, было: въ какой походъ онъ ихъ поведетъ? Зборовскій показалъ имъ письмо крымскаго хана, который общалъ выхлопотать ему у султана молдавское господарство. Не противились этому низовые братчики (любили они гостить въ Волощинѣ) и помогли своему гетману снарядить въ хану посольство. Зборовскій поручилъ посланцамъ назначить мѣсто, на которомъ бы онъ могъ сѣхаться съ ханскими послами только въ числѣ десяти лошадей. Очевидно, ему не хотѣлось имѣть свидѣтелей своихъ переговоровъ съ татарами. Выбрано было для этого урочище Карайтебекъ, гдѣ обыкновенно происходили торги между казаками и татарами.

Ханъ Магметъ-Гирей выслалъ на условленное мѣсто блестящее посольство съ подарками, состоявшими изъ 12 коней, богато осѣдланныхъ, и изъ трехъ парчевыхъ жупановъ. При этомъ было оказано Зборовскому величайшее по мусульманскому обычаю благоволеніе: ханъ именовалъ его своимъ сыномъ. Послы тутъ же, въ полѣ, надѣли на него одинъ изъ ханскихъ жупановъ и общали ему молдавское господарство, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ дождался султанскаго рѣшенія на Днѣпрѣ, удерживая казаковъ отъ нападеній на татарскія села.

Зборовскій не столько жаждалъ господарства, сколько похода въ Московскую землю, на помощь Баторію, и просилъ у хана войска. Ханъ отвѣчалъ черезъ пословъ, что не сдѣлалъ бы того для самого короля, что готовъ для него сдѣлать, но что въ это самое время получилъ отъ султана повелѣніе выступить вмѣстѣ съ нимъ въ походъ противъ персовъ.

Зборовскій, отчаявшись сослужить службу Баторію, рѣшился приобрести благосклонность султана. Онъ объявилъ ханскому послу, что поведетъ запорожцевъ слѣдомъ за татарами въ Персію, лишь бы только Магметъ-Гирей выслалъ въ нему съ мурзами мусталика, или поручителя, который бы торжественно повѣлся, что татары не погубятъ его въ этомъ походѣ ни отравою, ни другою смертію. Черезъ недѣлю онъ условился сѣхаться опять съ ханскимъ посольствомъ, не вдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ они теперь сѣхались.

Но Зборовскій не понималъ всей трудности новаго своего предпріятія. Запорожцы привыкли воевать невѣрныхъ. Въ этомъ они полагали всю свою славу, всю свою заслугу передъ христіанствомъ. Если когда-либо казакъ задумывался о спасеніи своей души, то не иначе могъ вообразить ее помилованною, какъ ради того вреда, который онъ причинялъ туркамъ и татарамъ. Многіе изъ казаковъ побывали у турокъ въ неволѣ, гдѣ ихъ приеовывали къ весламъ на такъ-называемыхъ галерахъ-каторгахъ и принуждали къ безпрестанной работѣ ударами лозой по обнаженнымъ плечамъ. Другіе, не испытавъ этой муки сами, видѣли ее на товарищахъ, во время нападенія на галеры съ цѣлью пожivy и освобожденія своихъ братій. Въ Сѣчь безпрестанно возвращались, бѣжавшіе изъ Турціи и Крыма, плѣнники съ новыми и новыми разсказами о несчастныхъ своихъ товарищахъ, томившихся въ неволѣ. Цѣлыя поэмы, изъ которыхъ нѣкоторыя дошли до насъ, складывались кобзарями изъ этихъ разсказовъ, для того, чтобы еще сильнѣе разжигать въ казацкихъ сердцахъ жажду отмщенія невѣрнымъ. И послѣ всего этого, казакамъ предлагаютъ воевать въ пользу невѣрныхъ!

Со стороны Зборовскаго такой шагъ былъ крайнимъ легкомысліемъ. Но тогда въ правительственныхъ кругахъ польской аристократіи было распространено убѣжденіе въ необходимости ладить съ турками. Зборовскій, при всей своей воинственности, возбуждаемой честолюбивыми планами, поддавался вліянію панской среды. Что касается до казаковъ, то онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на толпу, жаждущую одной добычи, какъ на орудіе, которое можно направить въ ту или другую сторону, — смотрѣлъ обыкновеннымъ взглядомъ польскихъ политиковъ, и ошибался, какъ всѣ поляки-государственники. Борьба казаковъ съ мусульманскимъ міромъ, при всей своей неправильности, принимала, что дальше, бѣльшіе и бѣльшіе размѣры. Постоянство этой борьбы, равнодушіе къ потерямъ во время неудачныхъ походовъ, возрастающая энергія новыхъ и новыхъ предпріятій въ одномъ и томъ же направленіи — не могутъ быть объяснены только жаждою добычи. Это было одно изъ тѣхъ стремленій, которыя образуются съ образованіемъ самого народа и становятся задачею его существованія. Но, видя передъ собой сбродъ банитовъ-пляхтичей, промотавшихся пановъ, всесвѣтныхъ скитальцевъ-добычниковъ и толпу своевольной украинской черни, Зборовскій не могъ сомнѣваться, что для этого отвергнувшаго гербы и вовсе негербованнаго народа всего важнѣе грабежъ и добыча, — будетъ ли то въ Молдавіи, въ Московскомъ царствѣ или въ Персіи. Изъ част-

ныхъ явленій казачества онъ составилъ себѣ понятіе общее. Мы сейчасъ увидимъ, какъ онъ ошибся.

Войско Запорожское стояло тогда кошомъ въ числѣ трехъ тысячъ братчиковъ. Когда гетманъ сообщилъ ему о своемъ намѣреніи идти вмѣстѣ съ ханомъ въ Персію,—только часть казаковъ согласилась на этотъ походъ; другіе заглушили его голосъ криками: «Да вѣдь это невѣрные, собаки! Никогда они не держать своего слова. И тебя обмануть, и насъ погубить.»

Ночью между казаками поднялось необычайное волненіе. Зборовскій не зналъ, что съ ними дѣлать. Самая жизнь его была въ опасности. Имѣя на своей сторонѣ ту часть запорожскаго войска, для которой дѣйствительно не было въ жизни другой цѣли, кромѣ добычи, Зборовскій рѣшился застраховать остальныхъ и послать въ шумящіе казацкіе круги своего поручика съ приказомъ—успокоиться немедленно, иначе—онъ ударитъ на нихъ прежде, нежели на другого непріятеля. Но большинство, не желавшее служить невѣрнымъ въ Мерсидсовомъ походѣ, имѣло своихъ вожakovъ, которые никогда не уклонялись отъ главной цѣли казачества. Собралась рада; гетманъ былъ объявленъ измѣнникомъ и приговоренъ къ смертной казни, по запорожскому обычаю. Определено было насыпать ему въ пазуху песокъ и бросить въ Днѣпръ. Зборовскій былъ принужденъ смириться. Довѣрчиво явился онъ въ разъяренный казацкій кругъ и покорною рѣчью обезоружилъ демократическую завзятость. Тѣмъ не менѣе въ продолженіе цѣлой ночи шли у него споры и переговоры съ казаками. У нихъ, какъ обыкновенно бывало въ такихъ случаяхъ, явился уже избранный большинствомъ голосовъ атаманъ, представитель общей мысли, охватившей военное братство. Зборовскій призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Никого я не принуждаю къ походу въ Персію. Кому охота—ступай со мною, а кто не хочетъ—оставайся на Днѣпрѣ. Объ одномъ только прошу тѣхъ, которые останутся: не нападать въ мое отсутствіе на татаръ, потому что этимъ они обидѣли бы короля и Рѣчь Посполитую, да и голова моя тогда была бы въ опасности у хана.»

Между тѣмъ прибылъ отъ хана требуемый поручитель, или мусталикъ. Въ знакъ радости о предложеніи Зборовскаго, ханъ снарядилъ своего мусталика необычайно пышно: явился онъ въ сопровожденіи отряда конницы въ тысячу человекъ, нѣсколькихъ сотенъ мурзъ и толпы пѣшаго народа. Остановясь въ условленномъ мѣстѣ среди степи, мусталикъ выслалъ къ Зборовскому на кошъ триста мурзъ съ приглашеніемъ поспѣшить выступленіемъ въ походъ.

Казацкій кошъ постоянно шумѣлъ и волновался. Одни были готовы, другіе не хотѣли идти въ Персію. Мусталикъ объявилъ Зборовскому, что ханъ уже не думаетъ о казацкомъ войскѣ, лишь бы только его «сынъ» находился при немъ, и просилъ постыдиться прїѣздомъ. Преданные Зборовскому казаки со слезами умоляли его не ѣхать и предсказывали ему гибель. Онъ оставался равнодушнымъ къ ихъ просьбамъ: ему хотѣлось видѣть глубокую Азію и изучить способъ тамошней войны. Сборы къ походу были не долги; онъ велѣлъ подать себѣ коня. Но случайное обстоятельство не дало осуществиться намѣренію странствующаго шляхтича-рыцаря. Конь, подведенный ему мурзами, оказался слишкомъ горячимъ. Зборовскій, чувствуя себя очень усталымъ послѣ долгихъ тревогъ и хлопотъ, просилъ дать ему болѣе смирнаго. Бросились мурзы искать ему коня, а онъ расхаживалъ между тѣмъ взадъ и впередъ, въ полномъ походномъ нарядѣ, съ сагайдакомъ черезъ плечо, съ саблей у пояса и проч. Тогда поваръ его, Михайло, сказалъ ему со слезами: «Пане мой! вѣрно, я уже тебя больше не увижу. Есть у меня хорошая щука; покушай на дорожку.» Зборовскій, проголодавшись во время послѣднихъ переговоровъ съ казаками, согласился и пошелъ въ палатку ѣсть, а между тѣмъ привели ему другого коня. Не садясь на коня, Зборовскій требовалъ, чтобы мурзы повѣялись въ его безопасности. Мурзы сказали, что это—дѣло мусталика. Вдругъ казаки подхватываютъ своего гетмана на руки, окружаютъ густою толпою и уносятъ на плечахъ къ челнамъ. Сѣвши въ челны, давай стрѣлять по мурзамъ! Тѣ разбѣгаются, а казаки, отчаливъ отъ берега, весело повезли Зборовскаго къ своему войску въ Сѣчь. Тамъ отъ радости, что его видятъ, начали запорожцы свои военные игры, стрѣляли изъ ружей, пѣли пѣсни, играли на кобзахъ и проч.

Въ это время казацкій разбѣздъ привелъ нѣсколько невольниковъ, которые ушли изъ Крыма. (Была тогда жнива, самое благоприятное время для бѣгства невольниковъ). Они донесли гетману, будто-бы слышали еще на мѣстѣ отъ мурзъ, что ему готовилась неволя у крымскаго хана, еслибъ онъ дался въ обманъ, а спутниковъ его ханъ посадилъ бы на волю передъ перекопскими воротами. Это, конечно, была выдумка; но она подбѣствовала на запальчивый характеръ Зборовскаго. Недавно самъ онъ готовъ былъ участвовать въ персидскомъ походѣ; теперь рѣшился ему противодѣйствовать, не допуская татарскихъ отрядовъ соединиться съ главнымъ ханскимъ войскомъ. Ханъ умиротворилъ его новымъ посольствомъ и подарками, назначенными для раздачи между казаками. При этомъ еще разъ обѣщалъ выпросить для

него у султана молдавское знамя, если онъ удержитъ казаковъ отъ набѣговъ.

Отпустивъ ханскаго посла, Зборовскій размышлялъ, что ему дѣлать. Онъ ошибся въ своемъ расчетѣ на вторженіе въ Московское царство; не удалось ему побывать и въ Персіи, что не мало придало бы ему значенія между бывалыми рыцарями-панями. Оставалось довольствоваться приобрѣтеніемъ популярности между запорожцами.

Домъ Зборовскихъ въ это время спорилъ о первенствѣ съ короннымъ гетманомъ и канцлеромъ, Яномъ Замойскимъ. Король, не смотря на то, что былъ обязанъ своимъ избраніемъ партіи пановъ Зборовскихъ, приблизилъ къ себѣ, больше нежели кого-либо изъ нихъ, ученаго и талантливаго Замойскаго. Это было тяжкимъ ударомъ для ихъ честолюбивыхъ расчетовъ; они составляли интриги противъ короля и его любимца канцлера, вездѣ искали себѣ сторонниковъ, готовились къ вооруженной борьбѣ за обладаніе Польшею и, между прочимъ, старались расположить къ своему дому запорожцевъ. Самуилъ посылалъ изъ Сѣчи посланцевъ къ своему брату, Христофору, который, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, сожалѣлъ, что не успѣлъ сообщить ему шифрованной азбуки. Много у него было такого, «что было бы не без-опасно ввѣрить бумагѣ.» Онъ позволялъ себѣ только роптать на короля за то, что не снимаетъ съ брата баниціи и не даетъ Зборовскимъ возвыситься надъ прочими; называлъ его идоломъ Вааломъ, считалъ недостойнымъ имени короля и грозилъ соединеніемъ противъ него многихъ пановъ за униженіе ихъ достоинства. О поѣздкѣ на Запорожье Христофоръ писалъ Самуилу, что не слѣдовало бы ее предпринимать, между прочимъ потому, что враги повредятъ ему толками о турецкой войнѣ; но что, очутясь между казаками, надобно всячески расположить это «рыцарство» въ пользу дома Зборовскихъ, отъ чего будетъ зависеть многое. Впрочемъ умолялъ, какъ можно скорѣе, возвращаться домой, гдѣ Самуилъ былъ крайне нуженъ для чего-то братьямъ, а между тѣмъ посылалъ на Запорожье Самуилу деньги, предостерегая, чтобы онъ не предпринималъ ничего важнаго противъ турокъ. По мнѣнію Христофора, король только дѣлалъ видъ, что не желаетъ задора съ турками; онъ даже подозрѣвалъ, не самъ ли король и внушилъ ему мысль отправиться къ запорожцамъ въ гости; но шляхта никогда не проститъ ему, если онъ навлечетъ турецкую войну; а теперь-то и нужна Зборовскимъ расположенность шляхты. Напротивъ, въ письмѣ къ Низовцамъ, которое было отправлено съ тѣми же посланцами, Христофоръ Зборов-

скій говорилъ, что Самуилъ отправился къ нимъ для войны съ невѣрными, по совѣту и просьбамъ братьевъ, а въ заключеніе выражалъ надежду, что казаки, прославившіеся не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ, у императоровъ и великихъ королей, вскорѣ, дастъ Богъ, покажутъ свое мужество въ какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, для обоюдной пользы дома Зборовскихъ и своей собственной.

Согласно совѣтамъ брата, Самуилъ Зборовскій ограничился обыкновеннымъ запорожскимъ гуляньемъ вдоль низовыхъ рѣкъ, по которымъ ловили казаки рыбу и охотились на звѣрей. Между тѣмъ онъ, какъ можно догадываться, искалъ благовиднаго предлога приблизиться къ роднымъ степямъ подольскимъ. Въ своей запискѣ, Папроцкій упоминаетъ, что всѣ казацкіе кони переболѣли отъ саранчи, которая покрывала въ то лѣто пастбища, такъ что, въ одномъ случаѣ, невозможно было даже предпринять погоню за татарами. Чтобы пособить недостатку въ лошадяхъ, послалъ Зборовскій къ молдавскому господарю гонцовъ съ напоминаніемъ объ обѣщанномъ подаркѣ. Черезъ четыре недѣли, Зборовскій прикочуетъ къ такъ-называемому Пробитому шляху, а господарь пусть вышлетъ ему туда 500 коней.

Между тѣмъ, ухидившіе по Днѣпру изъ орды невольники дали казакамъ знать, что не вдалекѣ пасутся большія стада татарскія, и что татары, съ своими подвижными селами, то-есть въ кибиткахъ на колесахъ, приближаются къ Днѣпру. Казаки начали роптать на свое бездѣйствіе и хотѣли ударить на татаръ, въ надеждѣ поживиться добычею. Зборовскій удерживалъ ихъ отъ набѣга, чтобъ не нарушить мирнаго договора короля Стефана съ татарами и турками. Казаки не хотѣли знать никакихъ договоровъ. Тогда Зборовскій роздалъ старшимъ все свое добро: оружіе, одежды, лошадей, деньги, а меньшимъ пригрозилъ строгостью, и такимъ образомъ успѣлъ отклонить ихъ отъ нападенія на татарскія кочевья.

Все продовольствіе на Запорожѣ заключалось въ рыбѣ да мясѣ убитыхъ на охотѣ животныхъ. Того и другого было на Днѣпрѣ изобильно, но соль добывали казаки съ большимъ трудомъ и опасностями. За солью надобно было спускаться по Днѣпру къ самому взморью, гдѣ постоянно плавали турецкія галеры. Зборовскій, высылая казаковъ на челнахъ къ морскимъ прибрежнымъ островамъ, долженъ былъ прикрывать ихъ цѣлою казацкою флотиліею отъ турецкихъ галеръ, которыя входили съ моря въ самый Днѣпръ, для преслѣдованія водныхъ чумаковъ запорожскихъ. Однажды дѣло дошло до битвы, и битва не состоя-

лась только потому, что ни та, ни другая сторона не могла заманить непріятеля въ тѣсное мѣсто.

Прошло уже много времени по отъѣздѣ пословъ Зборовскаго къ молдавскому господарю. Никакой вѣсти изъ Молдавіи не было. Полагая, что послы его задержаны, Зборовскій рѣшился вторгнуться въ Молдавію. Снаряжена была флотилія съ тѣмъ, чтобы изъ днѣпровскаго Лимана пройти въ устьѣ рѣки Буга и такимъ способомъ достигнуть Пробиатаго шляха, на которомъ, по условію, должны были встрѣтить его молдавскіе нослы. Этотъ-то походъ Зборовскаго послужилъ темою для извѣстной народной думы объ Алексѣѣ Поповичѣ, котораго гетманъ Зборовскій привелъ своею рѣчью къ покаянію въ казацкихъ грѣхахъ; только, на мѣсто бури, описанной въ думѣ, произошло съ казаками другое бѣдствіе: на нихъ напали турки. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Казаки шли берегомъ: челны служили имъ для перевозки съѣстныхъ припасовъ и рыболовныхъ снарядовъ. На первомъ ночлегѣ повстрѣчали казацкое войско уходящія отъ орды невольники и донесли гетману, что въ Крыму большая тревога по случаю казацкаго похода, котораго цѣль, конечно, была тамъ неизвѣстна, и что сама ханша ушла въ лѣса. Успокоивъ ханшу чрезъ посланцовъ своихъ, чтобы она не боялась, Зборовскій не могъ приостановить тревоги, распространившейся въ морской стражѣ турецкой. Его поджидали на морѣ. Между тѣмъ пришли казаки къ турецкому замку Асланъ-городку. Въ то время было свѣжо преданіе о томъ, какъ осаждалъ этотъ замокъ Богданъ Рожинскій и влезалъ на воздухъ отъ собственного поджопа. Загорѣлись мѣстью казацкія сердца при видѣ Асланъ-городка, но гетманъ удержалъ казаковъ отъ нападенія, и вызвалъ изъ крѣпости старшихъ татаръ для переговоровъ. Тутъ одинъ изъ запорожцевъ не утерпѣлъ, чтобы не выстрѣлить по татарину. Гетманъ хотѣлъ казнить его за это, но всѣ вступились за виновнаго: казакъ считался въ войскѣ характерникомъ, то-есть умѣлъ заговаривать огнестрѣльное оружіе такъ, что оно не вредило ни ему самому, ни тому отряду, въ которомъ онъ находился. Раздоръ по этому случаю между гетманомъ и войскомъ дошелъ до того, что Зборовскій съ трудомъ упросилъ казаковъ забыть ихъ ссору.

Спустившись къ островамъ, которые назывались морскими, потому что лежали у входа въ днѣпровскій Лиманъ, по тогдашнему — море, Зборовскій послалъ конный отрядъ казаковъ къ Пробитому шляху на рѣку Бугъ. Этотъ отрядъ повстрѣчался съ турками и захватилъ 13 человѣкъ въ плѣнъ, а когда къ туркамъ подошла помощь, онъ ушелъ вверхъ по рѣкѣ Бугу, напавъ на

къ Пробитому шляху. Гетманъ, между тѣмъ, занялся приготовленіемъ къ охотѣ и рыболовству на морскихъ островахъ, изобилывавшихъ рыбою. Казаки обпили здѣсь челны свои тростникомъ: иначе—они не годились бы для плаванія по морю. Призапасивъ рыбы и дичи, пустились низовцы въ дальнѣйшій путь.

О томъ, что передовой отрядъ имѣлъ дѣло съ турками, въ войскѣ ничего не знали, какъ однажды ночью засіялъ на морѣ какой-то замокъ. Съ разсвѣтомъ казаки увидали, что передъ ними не замокъ, а турецкая флотилія, состоявшая изъ девяти большихъ галеръ и множества малыхъ судовъ. До устья рѣки Буга оставалось еще семь миль; уходить отъ галеръ въ Днѣпръ также было слишкомъ далеко. Оставалось пристать къ берегу, гдѣ отмели не позволяли галерамъ преслѣдовать казацкіе челны. Одна только галера пустилась въ погоню за казаками, но и та сбѣла на мель. Пушечное ядро однако-жъ попало въ лодку, на которой находился самъ Зборовскій, и убило одного казака. Тогда запорожскіе молодцы рѣшились—было напасть на увязнувшую въ пескѣ галеру, но къ ней подоспѣли на помощь мелкія суда и выстрѣлами изъ пушекъ пробивали казацкіе челны. Казаки выпли на берегъ и залегли въ ямахъ, вырытыхъ въ пескѣ дикими кабанями. Въ то время, когда одни стрѣляли, другіе сыпали кругомъ легкіе панцы. Между тѣмъ двѣ галеры отдѣлились изъ флотиліи для переправы татаръ на правый берегъ Днѣпра, въ двухъ миляхъ ниже казацкихъ шанцевъ. Казаки, захвативъ изъ челновъ съѣстные припасы, начали уходить въ степь. Зборовскій старался удержать ихъ въ окопахъ. «Вамъ ли такъ поступать,—говорилъ онъ,—когда всѣ народы увѣрены, что въ мужествѣ никто не сравнится съ казаками?»

Въ это время турки высадились на берегъ. Завязалась битва. Турки потеряли своего предводителя, санджака, и были принуждены снова отчалить. Зборовскій пошелъ берегомъ къ устью Буга. Съ одной стороны, прикрывалъ онъ отъ турецкихъ судовъ остатокъ челновъ казацкихъ, съ другой—отражалъ татаръ, которые нападали на него съ поля. Пальба не умолкала до поздней ночи. Пользуясь наступившею темнотою, часть казацкихъ челновъ пустилась въ объѣздъ, чтобы обогнуть турецкую флотилію и войти въ устье Буга; но вѣтромъ загнало ихъ на татарскій берегъ. Пловцы попали въ татарскую неволю. У Зборовскаго уцѣлѣло всего восемь челновъ, на которыхъ лежали раненные казаки съ остаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Разбитое, изнуренное усталостю и упавшее духомъ, войско Зборовскаго кое-какъ добралось до рѣки Буга. Съѣстные припасы скоро истощились до конца; звѣри

въ тѣхъ мѣстахъ не водились; а рыболовные снаряды погибли во время битвы съ турками. Къ счастью, потрафили они на то мѣсто, гдѣ конный отрядъ поджидать гѣпшаго войска. Гетманъ раздѣлялъ воней между казаками, но не надолго утолили они свой голодъ. Лошадей было немного, а казаковъ—около двухъ тысячъ съ половиною.

Подкрѣпивъ силы, рѣшился Зборовскій отправиться лично на тотъ шляхъ, на которомъ должна была произойти встрѣча съ молдавскими послами, но засталъ тамъ только свѣжіе слѣды стоянки. Умирая отъ голода, питался онъ только желудями, подобранными на пути. Казаки падали отъ недостатка пищи. Наконецъ удалось ему, по «казацкимъ прие́мтамъ», отыскать посланный изъ Сѣчи отрядъ на Кривомъ шляху. Этотъ отрядъ испыталъ ту же участь, что и все войско: бродя изъ урочища въ урочище, подвергаясь разнымъ невздамъ, не нашелъ онъ по слову молдавскаго господара и рѣшился кочевать въ дѣвяхъ поляхъ до прихода гетмана. У него были рыболовные снаряды. Зборовскій и его голодные спутники подкрѣпились пищею. Въ это время прибыли казаки съ извѣстіемъ, что въ степи показался молдавскій разъѣздъ чело́вѣкъ въ полтора́ста. Зборовскій началъ готовиться къ нападенію, чтобы добыть съѣстныхъ припасовъ; но молдаване исчезли, а преслѣдовать ихъ было нечѣмъ.

Возвратясь къ главному войску, гетманъ засталъ его въ томленіяхъ голода. О походѣ въ Молдавію нечего было и думать въ такомъ бѣдственномъ положеніи. Вме́сто дальнѣйшаго пути къ молдавскимъ границамъ, Зборовскій направился къ городской Украинѣ, къ недалеки́мъ окрестностямъ Саврани и Брацлава, гдѣ можно было добыть съѣстныхъ припасовъ. Рѣшимость эту возымѣлъ онъ въ самую пору: подъ конецъ пути голодъ грозилъ казакамъ неизбежною смертію. Дошло до того, что ѣли находимые въ степи ро́га, валявші́яся нѣсколько дѣтъ, оленины копыта и кости разныхъ животныхъ. Наконецъ вступили казаки въ предѣлы Брацлавщины, и Зборовскій вернулся домой безъ дальнѣйшихъ приключеній. «Съ такимъ-то трудомъ» (заключаетъ свой рассказъ Папроцкій) «добывалъ рыцарской славы этотъ знаменитый полякъ, подвергая свою жизнь столькимъ опасностямъ».

Рыцарская слава, добытая на Запорожьѣ, не спасла, однакожъ, Самуила Зборовскаго отъ его участи. Вскорѣ открылись его замыслы противъ короля, которые онъ высказалъ во многихъ случаяхъ, не имѣя осторожности своихъ братьевъ. Онъ же, притомъ, былъ банитъ, лишенный покровительства законовъ. Замойскій досадовалъ на всю его фамилію за ея политическую агита-

цію и воспользовался первымъ случаемъ схватить его, а король велѣлъ отрубить ему голову. Безъ сомнѣнія, къ этой крутой мѣрѣ побудила Баторія больше всего та популярность, которую отважный магнатъ приобрѣлъ на Запорожьѣ. Въ его лицѣ былъ казень не столько польскій панъ, сколько такой же казацкій предводитель, какъ и Подеова.

VI.

Экономическій бытъ запорожской колоніи.—Пограничные старосты дѣйствуютъ заодно съ казаками.—Мѣры центральной власти къ подавленію казаковъ.—Экономическая несостоятельность этихъ мѣръ.—Старанія пановъ-колонизаторовъ сдѣлать изъ русскихъ провинцій новую Польшу.—Препятствія въ политическомъ и социальномъ положеніи страны.

Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилося новое казачество. Становится понятнымъ, почему она оставалась «дикими полями», безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчою, удаленныя отъ поселеній настолько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертію во время переходовъ. Нѣкоторые только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за Пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Чтобы войско могло стоять въ этой пустынѣ кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому казаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли. Можно себѣ вообразить, какова была одежда низовыхъ рыцарей, нуждавшихся въ дневномъ пропитаніи. Но запорожцы относились къ подобнымъ лишеніямъ съ нѣкоторою гордостью: по ихъ понятіямъ, лишенія были не только чѣмъ-то неизбѣжнымъ, но и необходимымъ, какъ залогъ ихъ могущества. О татарахъ Бѣльскій говоритъ, что они сильны своею быстротою да способностью переносить всякія лишенія. Казаки не могли бы совладать съ татарами, еслибы не усвоили тѣхъ же способностей въ высшей степени. Шляхтичей, прибывшихъ къ нимъ въ товарищество, они встрѣтили непріязненно, и не хотѣли довѣряться человѣку, незнакомому съ нуждою. «Это какой-то изнѣженный панъ; не испытывъ никогда нужды, не въ силахъ онъ

вытерпѣть нашихъ недостатковъ». Такъ разсуждали казаки о Самуилѣ Зборовскомъ.

«*Козакъ сіромаха*» было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго святальца. Козакъ и убожество, казакъ и нужда—эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украинѣ изображеніе запорожца, съ надписью:

«Козакъ, душа правдивая,
Сорочки не мае», и т. д.

Это отголосокъ времени Зборовскаго, когда неизбѣжнымъ условіемъ казачества были—нищета, голодъ и всякія лишенія.

Оршанскій староста, Филонъ Кмита, описываетъ, въ 1514 г., черкасскихъ казаковъ, служившихъ московскому царю, жалкими оборвышами, которымъ однакожъ это не мѣшало побивать татаръ и получать отъ царя жалованья больше обыкновеннаго. Въ запискахъ французскаго стратегика Дальрака, сопровождавшаго Яна Собѣскаго въ походъ подъ Вѣну, находимъ «дивую милицію» казацкую, поразившую европейца своею невзрачностью,—хотя до прихода этой дивой милиціи, именно запорожской пѣхоты, Янъ Собѣскій не рѣшился начать сраженія ¹⁾. Даже въ ближайшее къ намъ время, московскій «попъ Лукьяновъ» изобразилъ вольницу Палія чертами, которыя перешли къ ней по наслѣдству отъ запорожскихъ воиновъ-отшельниковъ. «Валъ (въ Хвостовѣ) земляной, по виду не вѣрнопъ добрѣ, да сидѣльцами вѣрнопъ, а люди въ немъ—что звѣри. По земляному валу ворота частые, а во всякихъ воротахъ копаны ямы, да солома послана въ ямы. Тамъ палѣвшина лежитъ, человѣкъ по двадцати, по тридцати; голы, что бубны, безъ рубахъ, нагіе, страшны вѣло. А когда мы пріѣхали и стали на площади, а того дня у нихъ случилось много свадебъ, такъ насъ обступили, какъ есть около медвѣдя; всѣ казаки, палѣвшина, и свадьбы повилили; а все голудьба безпорочная, а на иномъ и клочка рубахи нѣтъ;

¹⁾ Книга Дальрака, безъ имени автора, напечатана въ Парижѣ и въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: «Les anecdotes de Pologne ou mémoires secrets du règne de Jean Sobieski. Слѣдующее мѣсто въ ней характеризуетъ казаковъ и отношенія къ нимъ Яна Собѣскаго: «Je ne puis oublier une particularité qui fera encor mieux connoltre le caractère de cette milice sauvage. Un Cosaque revint un soir de parti avec un Turc pris de la façon que j'ai dit (добылъ лямка): il le poussa dans la tante du Roy, de même qu'on jetteroi à terre un ballot, et fut ensuite chez le Tresorier pour recevoir sa recompense; après quoi il retourna à la porte de la Kotar (палатка), qu'il entr'ouvrit en passant la tête, pour remercier le Roy en ce termes: *Jean, on m'a payé. Dieu te le rende et bonne nuit*».

страшны зѣло, черны, чтó арапы, и лихи, чтó собаки: изъ рукъ рвутъ. Они на насъ стоя дивятся, а мы имъ и втрое, что такихъ уроковъ мы отроду не видали. У насъ на Москвѣ и въ Петровскомъ кружалѣ не скоро сыщешь такова, хочъ одного».

Удерживая казаковъ отъ нападенія на татарскія села, Зборовскій, какъ мы видѣли, долженъ былъ удовлетворять ихъ собственнымъ имуществомъ. То же самое, въ большихъ размѣрахъ, дѣлалъ и король, Стефанъ Баторій. Онъ посылалъ казакамъ черезъ Луцкъ сукно; онъ платилъ имъ жалованье за походы въ Московское царство. Но средства его были недостаточны для того, чтобы всѣхъ людей, привыкшихъ жить «татарскимъ и турецкимъ добромъ», какъ называли казаки военную добычу, удерживать отъ грабежей и набѣговъ. Напрасно вписывались въ городскія книги, объявлялись въ публичныхъ мѣстахъ и разсылались по шляхетскимъ домамъ королевскіе универсалы, повелѣвавшіе хватать и сажать подъ стражу неосѣдлыхъ шляхтичей, мѣщанъ и другихъ простолюдиновъ, которые промышляли походами въ сосѣднія съ подольскою, волинскою и кievскою Украинною земли. Пограничныя старосты и представители воинственныхъ панскихъ домовъ продолжали старый промыселъ чрезъ посредство казаковъ, которыхъ они были обязаны предавать въ руки правосудія. Какъ турки, торговавшіе въ Очаковѣ, Киііи, Бѣлгородѣ, Тягинѣ, давали убогимъ татарамъ своихъ лошадей для вторженія въ Украину, такъ украинскіе паны снабжали казаковъ оружіемъ и всѣмъ необходимымъ для набѣговъ на татарскіе улусы и турецкіе города, а нѣкоторые и сами хаживали съ ними въ походы. При такихъ обстоятельствахъ мудрено было королю, занятому войною съ московскимъ царемъ, обуздать казаковъ. Казни ихъ предводителей, Подковы въ 1578 и Зборовскаго въ 1584 году, только раздражили отчаянныхъ людей, которыхъ королевскій мечъ достигалъ лишь случайно. Отъ смерти Подковы до гетманства Зборовскаго, казаки не переставали вторгаться въ Молдавію и воевать съ татарами; а когда король, на другой годъ послѣ казни Зборовскаго, послалъ къ нимъ своего дворянина, Глубоцкаго, съ послѣднимъ увѣщаніемъ, они его замучили и утопили въ Днѣпрѣ.

Гетманомъ послушныхъ королю казаковъ былъ тогда князь Михайло Рожинскій, сынъ покойнаго Богдана. «Вмѣстѣ съ другими казаками, товарищами своими запорожскими» (сказано въ современномъ актѣ), онъ призналъ виновными въ этомъ убійствѣ одиннадцать запорожскихъ казаковъ. Преступники были присланы ими въ оковахъ, къ намѣстнику кievскаго воеводы, князю Ма-тушу изъ Збаража Вороницеому, чтобы онъ содержалъ ихъ въ

кіевскомъ замѣѣ подѣ стражею, впредѣ до королевскаго суда. Но князь Вороницкій, несмотря на свое служебное положеніе, былѣ связанѣ больше съ казаками, нежели съ королевскимъ правительствомъ. Онѣ отправилѣ узниковъ къ войту и его радцамъ, представителямъ кіевской магдебургіи, чтобѣ они заперли ихѣ при своей ратушѣ. Тѣ, въ свою очередь, были поставлены въ затруднительное положеніе относительно казаковъ. Они протестовали противѣ нарушенія своихъ правъ и объявили, что не обязаны принимать и сторожить подобныхъ преступниковъ. «Въ такомъ случаѣ,—сказалѣ имѣ на это князь Вороницкій,—я велю поставить казаковъ передѣ вами или передѣ ратушею и оставить на свободѣ, на вашу отвѣтственность». Напрасно мѣщане представляли, что у нихѣ при ратушѣ нѣтъ крѣпкой тюрьмы, что ратуша вся построена изѣ дерева, и что они сами въ своихъ домахъ не безопасны отѣ казацкаго своевольства. Воеводскій намѣстникѣ отказался посадить преступниковъ подѣ стражу въ замѣѣ; обѣщалѣ только дать въ помощь мѣщанамъ, для содержанія сторожи, ремесленниковъ и другихъ людей «замковаго присуду». Даже въ городскую кіевскую книгу не позволилѣ записать протоколѣ обѣ этомъ дѣлѣ, такѣ что мѣщане были принуждены внести свое показаніе въ замковыя житомирскія книги, въ которыхъ и сохранился этотѣ интересный актѣ, свидѣтельствующій о безсиліи королевской власти въ Украинѣ даже и при Баторіѣ. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось дѣло убійцѣ королевскаго посла, но можно почти навѣрное утверждать, что они бѣжали, ибо не напрасно мѣщане, въ своемъ протестѣ, распространились о томѣ, что у нихѣ въ Кіевѣ, какѣ городѣ украинскомъ, нѣтъ при ратушѣ такой крѣпкой тюрьмы, какѣ въ иныхъ королевскихъ городахъ, и что сами они вѣчно должны опасаться за свою жизнь отѣ своевольства казаковъ, «яко на Украинѣ». Впрочемъ, Стефанѣ Баторій умерѣ черезъ годѣ послѣ этого событія, а съ его смертію казаки разгулялись больше прежняго.

Польское общество относилось двоякимъ образомъ къ турецкому вопросу. Въ началѣ разлива турецкой силы по черноморскимъ берегамъ и нижнему Дунаю, Польша стремилась къ ея отраженію; но гибель короля Владислава III подѣ Варною, рядѣ неудачныхъ попытокъ польскихъ пановъ вытѣснить турокъ изѣ Молдавіи, успѣхи турецкаго оружія въ Венгріи и поддерживаемые султаномъ набѣги татаръ, которые полонили народѣ до Сендомира и Опатова, поселили въ польскомъ правительствѣ убѣжденіе, что мусульманская сила неодолима для христіанской, и что для государства гораздо выгоднѣе поддерживать, во что бы

то ни стало, миръ съ Турціею. Убѣжденіе это раздѣляли всѣ крупные землевладѣльцы, искавшіе обогащенія въ правильномъ хозяйствѣ и расширявшіе свои владѣнія посредствомъ колонизаціи опустошенныхъ татарами мѣстностей. Напротивъ, мелкая русская шляхта смотрѣла на войну съ невѣрными, какъ на выгодный промыселъ и какъ на единственное средство возвыситься во мнѣніи общества. Высокія государственныя должности и доходныя королевщины захватывали въ свои руки знатные паны. Для мелкопомѣстнаго дворянства оставалось только рисковать головой въ войнѣ съ невѣрными для добычи, да искать боевой славы, которая высоко цѣнилась въ польской Руси. Рыцарскій духъ украинской шляхты поддерживали въ ней также и религіозныя побужденія къ войнѣ съ «врагами святаго креста», распространенныя тогда по всей Европѣ; а татарскіе набѣги, увлекавшіе въ плѣны родныхъ и пріятелей, возбуждали въ ней жажду возмездія. Изъ срединныхъ областей Польши также выходилъ на пограничье каждый, кто былъ воспитанъ въ духѣ воинственной старины польской, кто съ дѣтства готовилъ себя къ военному ремеслу и искалъ случая показать свое мужество. Въ то время, когда одна половина «шляхетскаго народа», подъ вліяніемъ придворной политики и западной роскоши, искала домашняго покоя и прилагала старанія объ улучшеніи земледѣлія, другая постоянно грозилъ войною и, вмѣстѣ съ казаками, задирала турокъ со стороны Молдавіи. Раздражаемый султанъ жестоко мстилъ Польшѣ посредствомъ татаръ, которыхъ онъ безпрестанно направлялъ то къ Львову, то къ Киеву, то къ берегамъ Вислы. Наконецъ, грозилъ двинуть на Польшу всѣ свои силы и укротился только тѣмъ, что поляки, согласно его желанію, призвали къ себѣ на престолъ данника его, седмиградскаго князя Стефана Баторія. Оттоманская гордость была этимъ удовлетворена больше, нежели побѣдами надъ польскимъ войскомъ. Султанъ включилъ Польшу въ число подвластныхъ себѣ земель и, въ сношеніяхъ съ нѣмецкимъ императоромъ, пересталъ называть ее королевствомъ.

Но для Стефана Баторія польскій престолъ былъ только средствомъ, а не цѣлью. Онъ требовалъ отъ пограничной шляхты и отъ казаковъ сохраненія мира съ султаномъ вовсе не изъ признательности и даже не изъ страха къ нему. Ему нужно было обезопасить себя со стороны Турціи на время войны съ московскимъ царствомъ, а московское царство воевалъ онъ для того, чтобы соединенныя польско-московскія силы со временемъ устремить противъ турокъ. Внезапная смерть разрушила его широкій планъ.

По смерти Баторія, съ одной стороны, усилилось своеволие пограничнаго рыцарства, имѣвшаго тѣсныя связи съ низовыми казаками, а съ другой—увеличилось неудовольствіе противъ нихъ консервативной среды, составлявшей польское правительство. Люди старыхъ воинственныхъ преданій все еще повторяли мнѣніе, господствовавшее во времена Претвича, что Польша до тѣхъ поръ будетъ могущественна, пока въ ней будетъ процвѣтать казачество; но тѣ, которые предпочитали войнѣ мирную колонизацію украинскихъ пустынь и старались пересадить въ Польшу западныя науки вмѣстѣ съ роскошью цивилизованныхъ государствъ, видѣли въ казакахъ зло, которое слѣдовало уничтожить самими рѣшительными мѣрами. Казаки между тѣмъ, усиленные множествомъ искателей приключеній въ родѣ Самуила Зборовскаго, продолжали, какъ они выражались, «разливать свою славу по всей Украинѣ». Не довольствуясь войною съ невѣрными на сушѣ, они ходили на своихъ челнахъ-чайкахъ въ море, грабили берега Анатолиі, нападали на турецкія галеры, освобождали христіанъ изъ плѣна, не разъ устраивали на турецкихъ берегахъ временныя рынки, для продажи грекамъ, армянамъ, жидамъ и всякимъ налетнымъ торгашамъ награбленнаго въ турецкихъ городахъ добра; наконецъ, появлялись на пограничныхъ ярмаркахъ съ богатыми матеріями, золотыми и серебряными вещами, иноземными деньгами и диковинными разсказами о своихъ приключеніяхъ. Современные кобзари складывали объ этихъ приключеніяхъ цѣлыя поэмы, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились въ народной памяти до нашего времени. И тѣмъ больше было въ польской Руси воинственнаго увлеченія, тѣмъ ближе подступала къ Польшѣ гроза войны съ турками, а польскіе паны, законодательствовавшіе на сеймахъ, были вовсе не готовы ее встрѣтить. Регулярное войско, заведенное Баторіемъ, было частью распущено, частью перешло въ казачье братство; панскія надворныя хоругви дѣйствовали по усмотрѣнію своихъ повелителей; нѣмецкой пѣхоты содержалось на жаловань мало; посполитое рушеніе, то-есть всеобщее вооруженіе шляхты въ случаѣ крайней опасности, было дѣло медленное, да и не надежное. Уже тому назадъ двѣнадцать лѣтъ султанъ грозилъ разрушить Польшу, если паны изберутъ на престолъ рагузскаго принца, и угроза его не казалась панамъ преувеличенною. Теперь, повидимому, онъ рѣшился привести ее въ исполненіе. Въ 1589 году къ польскимъ границамъ были движуты такія силы, что коронный гетманъ, Янъ Замойскій, сомнѣвался, устоять ли противъ нихъ до зимы важнѣйшіе изъ пограничныхъ городовъ, Каменецъ и Львовъ.

Въ такомъ положеніи дѣла, на варшавскомъ сеймѣ 1590 года, въ одномъ и томъ же законѣ, были приняты мѣры къ подавленію казаковъ, какъ виновниковъ предстоящей войны, и къ призыву ихъ въ королевскую службу, для отраженія турокъ. Правительство сознавало, что пропустило время для усмиренія казаковъ, но тѣмъ не менѣе видѣло необходимость прибѣгнуть къ сильнымъ противъ нихъ мѣрамъ, такъ чтобы казаки, въ случаѣ мира съ турками, не могли раздражить ихъ снова. Постановлено было устроить за Порогами изъ тѣхъ же казаковъ, которые тамъ проживаютъ, или изъ какихъ-нибудь другихъ людей, войско, послушное правительству. Начальникомъ этого войска долженъ быть шляхтичъ, имѣющій въ Украинѣ недвижимую собственность; сотники также должны быть назначены изъ осѣдлой шляхты. Старшина и каждый рядовой присягнуть королю и Рѣчи Посполитой въ томъ, что, безъ воли короннаго гетмана, или его намѣстника, казаки, ни водою, ни сушею, не выйдутъ за границы польскихъ владѣній для вторженія въ сосѣднія земли, не будутъ грабить купцовъ и другихъ людей, которые бы проходили черезъ тамошнія мѣста; въ товарищество свое никого противъ воли старшаго, а старшій противъ воли гетмана, принимать не станутъ. Реестръ казацкій будетъ находиться у гетмана. Въ мѣстечкахъ запрещалось продавать казакамъ съѣстные припасы, порохъ и другіе снаряды; не позволялось даже выпускать ихъ въ мѣстечки иначе, какъ только по билетамъ отъ старшаго или сотника. А чтобы казаки не заводились въ самихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, всѣ старосты и державцы королевскихъ имѣній, а равно паны, князья и шляхта, были обязаны устроить, какъ въ королевскихъ, такъ и въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, присяжныхъ урядниковъ-бурмистровъ, войтовъ и отамановъ, которые бы, подъ смертною казнью, наблюдали, чтобы изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ никто не ходилъ на Низъ или въ дикія поля за добычею, а тѣмъ болѣе за-границу; «а кто бы пришелъ изъ другихъ мѣстъ съ добычею», сказано въ сеймовомъ постановленіи, «того задерживать и карать смертію, а добычи ни подъ какимъ видомъ не покупать». Для присмотра за самими старостами или частными владѣльцами пограничныхъ имѣній, чтобы они не ходили за добычею въ дикія поля и не вторгались въ сосѣднія земли, назначены были, тутъ же на сеймѣ, два чиновника, подъ названіемъ *дозорцевъ*, также изъ осѣдлыхъ шляхтичей, которые постоянно должны находиться на пограничьи, и—съ одной стороны—доносить коронному гетману о своевольствахъ казаковъ низовыхъ запорожскихъ, а съ другой—преслѣдовать и карать тѣхъ, кото-

рые бы проживали и укрывались въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, а пановъ, или старостъ, потворствующихъ казакамъ, позывать къ отвѣту въ трибуналъ. Дозорцамъ опредѣлено было жалованье по 300 злотыхъ въ годъ, изъ того же источника, изъ котораго получаютъ свою плату и низовцы. «Что касается нынѣшней войны», сказано въ заключеніе, «то коронный гетманъ призоветъ низовскихъ и донскихъ казаковъ на службу Рѣчи Посполитой столько, сколько по его усмотрѣнію окажется нужнымъ, съ платою имъ жалованья въ теченіе этой войны, чрезъ провизоровъ, а на дальнѣйшее время—какъ рѣшено будетъ всѣми соловіями».

По смыслу этого закона, правительство исключало казаковъ изъ состава городского и сельскаго населенія Украины, и дозволяло имъ существовать только «на Низу, за Порогами». Оно расторгло между осѣдлымъ и кочующимъ населеніемъ Украины ту связь, которая была однимъ изъ главныхъ условій колонизаціи польской Руси. Оно запрещало продавать казакамъ не только военные снаряды, но и сѣстные припасы на украинскихъ рынкахъ, тогда какъ осѣдлое населеніе само уже проторило дорогу на Низъ, для обмѣна своихъ произведеній на лошадей, воловъ, овецъ и для продажи за наличныя деньги ¹⁾. Оно не дозволяло казакамъ проживать въ городахъ и селахъ, а тутъ у нихъ были дома, семейства и разнаго рода пристанища. Оно грозило смертною казнью мѣстнымъ жителямъ за хожденіе на ловы въ дикія поля, а это вошло у всѣхъ въ обычай, какъ постоянный промыселъ. Запорожцевъ оно хотѣло держать вѣчно на Низу, гдѣ они кочевали только лѣтомъ, а жителей городовъ и селъ заключало въ предѣлы страны, которые не были опредѣлены и не могли быть постоянно охраняемы. Наконецъ, не полагаясь на послушаніе старостъ, пановъ, князей и шляхты, вѣряло за ними присмотръ двоимъ лицамъ, которые, получая по 300 злотыхъ въ годъ жалованья, по его мнѣнію, готовы были рисковать ссорою со всѣми граничанами, чего, какъ мы видѣли, не отважился дѣлать даже намѣстникъ кіевскаго воеводы, сѣдя въ неприступномъ замкѣ и имѣя въ своемъ распоряженіи ремесленниковъ и другихъ людей замковаго присуда.

Очевидно съ перваго взгляда, что эта мѣра могла только раздражить казаковъ, но не обуздать ихъ своеволие. Порядокъ

¹⁾ Папроцкій, знавшій запорожцевъ до ссоры ихъ съ правительствомъ, пишетъ: „Wielki dostatek mieszaia czasem w swem woysku, bo ze wszystkich stron do nich siodlacy wiozą, a oni im płacą — końmi, woły a inemi dobytki, też pieniądźmi“. (Ogrod krolewski).

вещей на Украинѣ ни мало не измѣнился послѣ обнародованія грознаго сеймоваго постановленія, надъ которымъ казаки готовы были нарутаться такъ же, какъ и надъ мѣрами Стефана Баторія. Между тѣмъ правительство, въ переговорахъ съ турками, дало торжественное обѣщаніе усмирить казаковъ, и вскорѣ послѣ сейма придумало еще одно средство для удержанія «своевольства украинскаго народа». Въ іюлѣ того же года данъ былъ въ Краковѣ королевскій универсалъ о вербовкѣ тысячи человѣкъ опытныхъ въ военномъ ремеслѣ людей, подъ начальствомъ снятынскаго старосты, Николая изъ Бучача Язловецкаго, и поручика, Яна Озышевскаго. Язловецкому предоставлялось выбрать—или на урочищѣ Кременчукѣ, или гдѣ-нибудь въ степи,—удобное мѣсто для постройки замка. Строевое дерево предполагалось доставить по Днѣпру изъ королевскихъ имѣній. Изъ тѣхъ же имѣній каждый «послушный» человѣкъ долженъ былъ давать по одной мѣрѣ муки ежегодно для гарнизона этого замка. Король былъ увѣренъ, что этотъ военный отрядъ положить конецъ своеволію украинскихъ жителей и не допустить ихъ нарушать миръ съ сосѣдними государствами. Ни о казакахъ, ни о коронномъ гетманѣ, которому они подчинены сеймовымъ закономъ, ни о дозорцахъ, которые должны наблюдать за всѣми граничанами, въ краковскомъ универсалѣ вовсе не упомянуто. Можно думать, что король и его совѣтники разувѣрились въ дѣйствительности прежней мѣры, и что, не полагаясь на послушаніе украинскихъ старостъ, рѣшились обуздать украинскую вольницу посредствомъ короннаго войска. Но на украинскихъ старостъ и державцевъ возлагалось доставить строевой лѣсъ для замка и обезпечивать его гарнизонъ продовольствіемъ. Зная, какое участіе принимали старосты въ казачьемъ промыслѣ, легко понять, охотно ли они занялись устройствомъ крѣпости, которая должна была отрѣзать имъ сообщеніе съ дикими полями и Запорожьемъ. Замокъ не былъ построенъ, и краковскій универсалъ остался такою же мертвою буквою, какъ и постановленіе варшавскаго сейма.

Повидимому, правительству Рѣчи Посполитой не оставалось ничего другого, какъ уступить силѣ вещей и по неволѣ обратиться къ старой воинственности, которая въ видѣ пограничнаго своевольства продолжала существовать въ русскихъ провинціяхъ. Тогда бы казаки изъ бунтовщиковъ превратились въ самое дешевое и полезное войско; паденіе крымскаго юрта сдѣлалось бы неизбѣжнымъ, и турки цѣлымъ столѣтіемъ раньше потеряли бы свое страшное для Европы значеніе. Но такая политика для сеймовыхъ пановъ была бы слишкомъ великодушна, а для Сигиз-

мунда III — геніальна. Колонизаторы польской Руси не теряли надежды сдѣлать изъ нея другую Польшу — не въ отношеніи языка, о которомъ тогда заботились мало, и не въ отношеніи вѣры, о которой помышляло одно духовенство, а въ отношеніи господства польскаго или княжескаго права надъ простонароднымъ элементомъ, которое болѣе, нежели что-либо другое, дѣлало польскую Русь непохожею на Польшу. Всмотримся глубже въ положеніе дѣлъ на Украинѣ: было ли возможно водвореніе въ ней этого права?

Ни мелкая пограничная шляхта, водившаяся запросто съ казаками, ни собственно такъ-называемые мѣщане, ни городовые и запорожскіе казаки не обращали, покамѣстъ, вниманія на вырастающіе съ каждымъ годомъ панскіе города и села; еще менѣе понимали значеніе панской силы для края люди, не принадлежавшіе къ ихъ корпораціи: ратаи, чабаны и тому подобный чернорабочій народъ, разбѣянный по украинскимъ хуторамъ и селамъ. Въ началѣ колонизаціи Украины, которое для однихъ мѣстностей восходило къ половинѣ XVI, а для другихъ — къ первой четверти XVII вѣка, по истеченіи 20-лѣтней и 30-лѣтней *воли* или свободы, почти единственною повинностію жителей мѣстечекъ и селъ была вольная служба подъ начальствомъ старосты или помѣщика, такъ какъ всего важнѣе для края была защита отъ татаръ. Эта служба не была тягостна, потому что составляла естественное условіе жизни на пограничѣ. И безъ распоряженій со стороны мѣстной власти, каждый поселянинъ долженъ былъ безпрестанно держаться на сторожѣ отъ Орды. Даже на полевые работы не могъ онъ выходить иначе, какъ громадою и въ оружіи. Искушая у татаръ кровью родную землю, воюя противъ нихъ за каждое пастбище, за каждое селище по многу лѣтъ, украинскіе поселяне до того привыкли запасаться оружіемъ, что во время первыхъ войнъ со шляхтою, изъ пахарей и ремесленниковъ повсемѣстно составлялись ополченія въ самое короткое время; а когда князь Іеремія Вишневецкій, предвидя народное возстаніе, приказалъ обезоружить своихъ подданныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ однихъ его вотчинахъ отобрано было «нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ», не считая спрятаннаго оружія. Самая необходимость дѣлала здѣсь каждаго воиномъ. Въ люстраціяхъ старостинскихъ имѣній начала XVII вѣка рѣдко упоминаются данины, собиравшіяся съ мѣщанъ; гораздо чаще эти люстраціи говорятъ о мѣщанскихъ домахъ, «съ которыхъ не взимается никакихъ податей, а только каждый мѣщанинъ обязанъ нести военную службу конно и оружно, подъ пред-

водительствомъ старосты или его намѣстника». Эти-то мѣщане и назывались «послушными». Рядомъ съ ними въ каждомъ мѣстечкѣ исчисляють люстраціи мѣщанъ «непослушныхъ», иногда называя ихъ просто *казаками*. Объ этихъ обыкновенно говорится, что они «никакой повинности, ни послушанія не отбываютъ»; а о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ добавляется, что они, несмотря на то, извлекають «всяческіе доходы, какъ изъ полей, такъ и изъ рѣкъ, и захватываютъ подъ свои усадьбы почти всѣ грунты». Во многихъ мѣстахъ сидѣли хуторами заслуженные жолнеры панскихъ дружинъ и выбранецкихъ или иностранныхъ ротъ, которымъ давалось неопредѣленное право пользованія болѣе или менѣе значительнымъ кускомъ земли. Эту землю, какъ говорилось тогда, измѣряли они саблею, то-есть поддерживали вооруженною силою значеніе письменнаго акта, которымъ знатный панъ или коронный гетманъ жаловалъ имъ по-королевски то, о чемъ нерѣдко самъ составитель акта не имѣлъ точнаго понятія ¹⁾. Воспитанники военныхъ станоевъ, привязанные къ осѣдлой жизни семейными интересами, сохраняли свои привычки и подъ хуторскою крышею. Вмѣстѣ съ «послушными» и «непослушными» пограничниками, они готовы были каждую минуту отражать Орду, а при случаѣ стояли за себя и противъ мѣстной власти. Владѣльцы обширныхъ имѣній украинскихъ, выпросивъ для себя пожизненное или потомственное право на землю, сами оставались въ старыхъ своихъ гнѣздахъ, а не то—постоянно находились при дворѣ; въ Украину же посылали своихъ официалистовъ, или такъ-называемыхъ осадчихъ, которые дѣйствовали отъ ихъ имени и колонизовали страну въ ихъ пользу. Пограничный народъ, набравшись воинственнаго духа въ постоянной борьбѣ съ татарами, цѣнилъ выше всего личныя качества каждаго, и относился къ панскимъ дворянамъ запросто. Кіевскій бискупъ Верещинскій писалъ, въ 1594 году, на сеймѣ, что города и села украинскіе,

¹⁾ Въ измѣреніи саблею надобно искать объясненія такихъ загадочныхъ мѣстъ въ „Volumina Legum“, какъ пожалованіе на рѣкѣ Сулѣ Александру Вишневецкому тѣхъ самыхъ земель, которыя были пожалованы Стефаномъ Баторіемъ какому-то Байбузѣ. Къ имени Байбузы не прибавлено обычнаго эпитета *urodzony*, означающаго шляхетское достоинство, и сказано, что онъ уступилъ свое право Вишневецкому, — добровольно ли?... Въ московской Руси случилось, что получившій на бумагѣ пожалованіе въ тысячу «четвертей», на дѣлѣ пользовался только двумя или тремя сотнями, такъ какъ каждый долженъ былъ самъ выискать свободное, не пожалованное еще никому, мѣсто, перевѣдаться съ разными байбузами и утвердить его за собою документально. Такой случай былъ съ воеводою XVII вѣка Даудовымъ, о которомъ интересное въ разныхъ отношеніяхъ изслѣдованіе г. Селифонтова помѣщено въ 5-мъ выпускѣ «Лѣтописи занятій Арх. Комм.».

«гордась своевольною свободою своею», не хотѣли знать ни своих пановъ, ни ихъ уполномоченныхъ. Вообще шляхта теряла свое привилегированное значеніе въ краѣ, гдѣ личная свобода, богатство, сила и даже громкая слава были доступны, какъ гербованнымъ, такъ и негербованнымъ жителямъ. Въ началѣ появленія казачества, простолюдины хаживали за добычей подъ предводительствомъ шляхтичей, а съ его развитіемъ, шляхтичи участвовали въ походахъ подъ предводительствомъ способныхъ и опытныхъ простолюдиновъ. Это обстоятельство, болѣе нежели что-либо, сглаживало сословныя отличія пограничниковъ. Вспомнимъ, какъ привѣтствовали запорожцы вельможнаго пана Зборовскаго: «Эго у насъ послѣднее дѣло: у насъ цѣнятся выше всего дѣла и мужественный духъ». Мѣстная шляхта не только не могла пренебрегать украинскимъ простонародьемъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ заискивала его благосклонности. Защита жилищъ и стадъ, бѣгство отъ Орды и укрывательство въ недоступныхъ для нея мѣстахъ; наконецъ, пребываніе въ татарской неволѣ, или ясырь, — все это предпринималось или терпѣлось наравнѣ съ людьми негербованными. Откуда бы кто ни пришелъ въ Украину, могущественныя условія мѣстнаго быта подчиняли его волю, понятія и склонности общему теченію жизни. Не только выгоды отъ совмѣстныхъ промысловъ и ополченій, но безопасность имущества и жизни зависѣли здѣсь отъ тѣснаго сближенія съ простонародною массою. Самый языкъ, заносимый въ Украину изъ глубины польскихъ провинцій, гдѣ культура стояла сравнительно на высокой степени развитія, перерождался здѣсь въ простонародную рѣчь, которая, сохранивъ слѣды иноплеменной примѣси, не потеряла отъ того своего русскаго характера. Кроме того, описывая Рѣчь Посполитую въ XVI вѣкѣ, говоритъ, что польскій языкъ на Руси употребительнѣе мѣстнаго, потому что туда земледѣльцы переселяются изъ Польши ради плодородія земли, а воинственные люди — для отраженія татаръ. Но это справедливо только по отношенію къ панскимъ домашнимъ кругамъ. Не смотря на предпочтеніе, которое отдавалось въ извѣстныхъ случаяхъ польщизнѣ, энергія мѣстной народной рѣчи брала свое даже у такихъ людей, какъ Николай Потоцкій, который употреблялъ русскій языкъ для того, чтобы выбрать являвшіеся къ нему, во время войны съ казаками, шляхетскія депутаціи.

Приливъ польщизны въ русскія области королевства относится къ позднѣйшему времени. Въ началѣ колонизаціи польской Руси, коренные поляки держались еще за Вислою, а опустошенные татарами пространства древней, владиміровской Руси

занимали все-таки люди русскіе. Польскій языкъ былъ имъ извѣстенъ, какъ языкъ правительства, какъ языкъ среднихъ и высшихъ училищъ, которыхъ у польской Руси до конца XVI столѣтія не было, наконецъ, какъ языкъ литературный, только-что возобладавшій надъ бесплодною латынью. Они писали на немъ военныя реляціи и письма, подобно казацкимъ предводителямъ временъ позднѣйшихъ, но въ обыденныхъ сношеніяхъ, безъ сомнѣнія, употребляли рѣчь русскую. Мы видимъ, напримѣръ, Претвича, излагающаго передъ королемъ по-польски свѣжую въ то время исторію колонизаціи. Вѣроятно, и Дашковичъ не иначе говорилъ на Пётрковскомъ сеймѣ объ устройствѣ за Порогами военного братства; но къ королю Сигизмунду I писалъ онъ по-русски ¹⁾, и на русскомъ же языкѣ получалъ отъ него инструкціи, напечатанныя въ «Актахъ Западной Россіи». Братъ Самуила Зборовскаго, Христофоръ, зная русскій языкъ, какъ уроженецъ Червонной Руси, писалъ къ запорожцамъ по-польски; но уже конечно ни Дашковичъ, ни Претвичъ, ни Самуиль Зборовскій не обращались на польскомъ языкѣ съ рѣчью къ русскимъ дружинамъ, составлявшимъ тогдашнее казачество. Историческія пѣсни, сложенные этими дружинами, показываютъ, какой элементъ былъ въ нихъ преобладающимъ. Самые татары, кочевавшіе на Подольѣ и Волини до изгнанія ихъ оттуда Ольгердомъ и Витовтомъ, усвоили себѣ русскую рѣчь, и не забыли ее черезъ столѣтія, живя въ Добруджѣ ²⁾. Вспомнимъ извѣстную рѣчь каштеляна Мелешка, произнесенную по-русски даже въ собраніи сенаторовъ, на конвокаціонномъ сеймѣ, передъ избраніемъ Сигизмунда III. Не мудрено представить, что польская молодежь, уже участвовавшая въ пограничной службѣ, объяснялась на русскомъ языкѣ. Что касается до латинскаго и греческаго вѣроученій, изъ которыхъ одно распространяло польскій, а другое поддерживало русскій элементъ, то, до конца XVI вѣка, они не вступали еще въ ожесточенную борьбу между собою, и оба помышляли только о томъ, какимъ бы способомъ защититься отъ реформаціи, которая въ то время грозила не одной западной, но и восточной церкви, въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Въ такихъ памятни-

¹⁾ Въ Коростышовѣ (Житомирскаго уѣзда), въ фамильномъ архивѣ гг. Олизаровъ, хранится подлинное письмо Дашковича къ Сигизмунду I.

²⁾ Объ этомъ пишетъ Стрыйковскій. — Кіевскій бискуп Верещинскій, смѣясь въ своей брошюрѣ «Publika» надъ беззаботностію украинскихъ поляковъ, заставляетъ татаръ обращаться къ нимъ съ рѣчью по-русски, а не по-польски: „Twoia sprisz, moja chorujesz, podu twoia do Ordy, budemo się dobre miety, po kobylini budem kaszę używaty, a posoku konskoju z molokom pity».

кахъ, какъ реляція Претвича о казакованіи шляхты, и разсказъ Папроцкаго о пребываніи Зборовскаго за Порогами, нѣтъ и намека на различіе вѣръ и нарѣчій у двухъ составныхъ частей казачества. Русское духовенство не принимало никакого участія въ его образованіи, и во времена первыхъ казацкихъ войнъ съ панами относилось къ запорожскому войску, какъ нельзя болѣе равнодушно, чтобъ не сказать — враждебно.

Съ своей стороны, казаки, въ своихъ походахъ и на запорожскихъ становищахъ, обходились безъ священниковъ. Въ «думѣ» о бурѣ на Черномъ морѣ, предводитель военнаго братства обратился къ товарищамъ бѣдствія съ такимъ увѣщаніемъ: «Исповѣдывайтесь, паны-молодцы, милосердому Богу, Черному морю и мнѣ, атаману вошевому». Правда, что, по «*Тературимѣ*» Кальнофойскаго, нѣсколько казаковъ, однажды, среди страшной бури на морѣ, дали обѣтъ послужить печерскимъ инокамъ двѣ недѣли въ черной работѣ, и выполнили свой обѣтъ ¹⁾. Но въ походахъ 1637 и 1638 годовъ казаки больше всего таили свои намѣренія отъ мѣстныхъ священниковъ, а одинъ православный монахъ былъ даже ихъ соглядатаемъ и сообщилъ о нихъ вѣсти польскому войску. Митрополитъ Петръ Могила, безъ обиняковъ называлъ ихъ «ребеллизантами» печатно. Православный панъ Адамъ Кисель писалъ о казакахъ, что у нихъ не было никакой вѣры, *religionis nullius*. Уніатскій митрополитъ Рутскій повторялъ то же самое. Все вмѣстѣ свидѣтельствуетъ, что колонизація польской Руси совершалась безъ участія православнаго духовенства, котораго іерархическая дѣятельность сосредоточивалась тогда не въ Кіевѣ, какъ прежде и послѣ, а въ Вильнѣ. Съ другой стороны, и вліяніе римско-католической проповѣди не распространялось еще на пограничное рыцарство и на первоначальныхъ украинскихъ колонизаторовъ польскаго происхожденія: ибо первый латинскій бискупъ, временно проживавшій въ Кіевѣ, пріѣхавши сюда въ 1589 году, не засталъ ни одного каплана, ни одного костела и алтаря, кромѣ замковой каплички, въ которую, по его словамъ, замковые урядники запирали своихъ лошадей, да еще маленькаго доминиканскаго костела, на Подолѣ, съ однимъ только монахомъ при немъ. Этотъ бискупъ, происходившій изъ православной фамиліи, какъ прозелитъ, приписалъ запустѣніе

¹⁾ По освобожденіи знаменитаго Самійла Кишки изъ турецкой каторги, казаки, по словамъ думы, опредѣлили часть добычи своей на Святую Сѣчовую Покрову, на Межигорскаго Спаса и на Трахтомирскій монастырь; только это, очевидно, прибавка позднѣйшихъ вобзарей, такъ какъ во времена Самійла Кишки не существовали еще ни Покровская деревня на Низу, ни Спасская въ Межигорѣ.

зѣмлевой капицы «пренебреженію» къ латинской вѣрѣ; но его же разсказъ о томъ, что и въ Софійской церкви, затекавшей дождями, кіевляне запирали скотъ, убѣждаетъ насъ, что въ малолюдномъ, убогомъ тогда Кіевѣ относились небрежно къ церквамъ обоихъ вѣроисповѣданій. Въ тѣ времена православные священники и латинскіе есендзы безразлично совершали духовныя требы для людей православныхъ и для римскихъ католиковъ. Латинскихъ есендзовъ было тогда такъ мало, не только въ Кіевской землѣ, но и на Волини, что русскіе попы крестили дѣтей, давали святое причастіе и погребали мертвыхъ у поляковъ; а мѣстные поляки до такой степени не дѣлали различія между латинскими и русскими священниками, что латинская іерархія нашла необходимымъ — выпросить у Стефана Баторія универсалъ къ православнымъ епископамъ, которымъ, штрафомъ въ 10 тысячъ копѣ грошей литовскихъ, повелѣвалось воспретить подвластному имъ духовенству всякое вмѣшательство въ церковныя дѣла римскихъ католиковъ. Такимъ образомъ, латинство не препятствовало польскимъ выходцамъ объединяться въ Украинѣ съ туземцами, подчиняясь мѣстному элементу. Если въ глубинѣ Волини католики крестили дѣтей по православному, то тѣмъ естественнѣе это дѣлалось тамъ, гдѣ до временъ Сигизмунда III не было со стороны латинской церкви никакихъ усилій къ распространенію своего исповѣданія. Польскій элементъ сливался съ русскимъ единственно подъ вліяніемъ условій мѣстности. Казаки и ихъ семейства вѣровали въ Бога безъ посредства катехизическаго ученія, а многіе изъ пограничныхъ жителей выросли и старѣлись, не видавъ церкви. То, что говоритъ сатирическая народная пѣсня о позднѣйшихъ запорожцахъ, которые будто бы принимали скирду сѣна за церковь, могло относиться къ хуторамъ и слобожанамъ не одной мѣстности временъ Стефана Баторія; а такіе анекдоты, какіе разсказываются въ наше время о чабанахъ екатеринославскихъ степей, являющихся къ принятію святыхъ таинъ въ сопровожденіи своихъ овчарокъ, безъ сомнѣнія, можно было слышать во времена оны въ Кіевѣ о низовыхъ чабанахъ, называвшихся по-татарски одаманами.

Какъ бы то ни было, только пограничная шляхта обѣихъ народностей претворялась въ простонародную казацкую Русь, не стѣсняясь ни вѣрою, ни языкомъ, ни бесполезными въ русскихъ пустыняхъ гербами. Оборона границъ, соединенная съ цѣлостію семействъ и имуществъ, была здѣсь всепоглощающею задачею жизни. Все служило этой задачѣ на Украинѣ. Самая мѣстность украинская приняла отпечатокъ долгой борьбы осѣдлаго населе-

нія края съ кочевниками. Открытая со всѣхъ сторонъ равнина усѣялась насыпями, съ которыхъ жители вглядывались въ далекую степную перспективу, не подымется ли гдѣ-нибудь пыль отъ наступающей на нихъ орды. На Руси московской, защищенной лѣсными засѣками, рѣками и болотами, слово *могила* означало вырытую въ землѣ яму; на Руси польской, это слово получило значеніе насыпного холма или редута, каеъ-бы соединяя съ мыслью о смерти мысль о славѣ боевыхъ подвиговъ, которые здѣсь чаще всего приносили смерть. Для воинственныхъ украинцевъ стараго времени такъ было обычно падшихъ въ бою хоронить среди степи, подъ насыпнымъ холмомъ, что когда казаки сдѣлались обитателями уже безопасныхъ городовъ и селъ, и тогда они насыпали въ степи курганы въ память знатныхъ людей, похороненныхъ при церквяхъ на ряду съ прочими покойниками ¹⁾). Многія изъ древнихъ насыпей распаханы уже плугомъ, другія обращены въ селитрянные бурты, а нѣкоторыя закрыты селами и хуторами; но до сихъ поръ курганы, круглые редуты съ двойными валами, разверстыми въ видѣ полумѣсяца у входа, четвероугольные шанцы, и, такъ-называемые, «змѣевы валы» поражаютъ наблюдателя своею многочисленностью. Большая часть этихъ насыпей относится къ періоду пограничной борьбы съ татарами; нѣкоторыя остались, безъ сомнѣнія, отъ временъ удѣльнаго періода русской исторіи и еще древнѣйшихъ, а остальные принадлежать къ разряду могилъ, которыя, по словамъ народной пѣсни, обкипѣли казацкою кровью, смѣшанною съ польскою ²⁾). Каждая новая осада во времена бны начинала свое дѣло съ того, что окружала избранную для поселенія мѣстность валомъ; потомъ она насыпала вдоль степного горизонта сторожевые курганы, для постоянной стоянки на нихъ, такъ-называемыхъ, чатъ. Рядъ подобныхъ кургановъ соединялъ ближайшія

¹⁾ Такъ, между прочимъ, изъ надписи на каменномъ крестѣ надъ могилою знаменитаго кошевого атамана Сірка и изъ мѣстныхъ отзывовъ народа о его могилѣ, видно, что Сірко похороненъ не за Порогами.

²⁾ Ти, могило Верховино,
Чому рано не горіла?

(Это значить: почему на тебѣ не былъ зажженъ сторожевой знакъ?)

Ой, я рано не горіла:
Бо кривцею обкипіла.

(Т.-е., ваши усьобицы не дали возможности даже предостеречь васъ отъ общей опасности).

Ой, якою? Казацкою
Въ половину изъ лядскою.

осады съ дальнѣйшими. Даже коронное войско во время «лежанья» на пограничѣ въ споконное время было обязано заниматься насыпаньемъ сторожевыхъ могилъ; а въ Украинѣ образовался особый классъ чернорабочихъ—*могильниковъ*, упоминаемыхъ въ современныхъ письменныхъ памятникахъ на ряду съ *будниками*, которые промышляли устройствомъ въ лѣсахъ будъ для выдѣлки поташа, смолы и дегтя *броварниками*, работавшими въ пивоваренныхъ заводахъ, и *винниками*, служившими по найму въ винокурняхъ. Эти могильники играли важную роль въ казацкихъ войнахъ противъ пановъ. Каждое таборище казацкое въ самое короткое время бывало защищено ровомъ и валомъ. Казаки залегали обыкновенно въ ямахъ и оттуда стрѣляли по непріятелю, а сами оставались въ безопасности отъ его артиллеріи. Передъ своими шанцами они рыли небольшія густо расположенныя углубленія для защиты своихъ вылазокъ отъ панской конницы; подводить мины было также ихъ дѣломъ. Поэтому самымъ удобнымъ временемъ для казацкихъ возстаній считались лѣто и осень, когда можно было защищаться отъ нападеній земляными работами. «Зима — жестокий врагъ казака», говоритъ Окольскій, очевидецъ панскихъ походовъ на казаковъ, «потому что онъ зимою не можетъ рыться въ землѣ».

Многолѣтнее употребленіе столь разнообразныхъ средствъ обороны наполнило подвигавшееся отъ запада къ юговостоку пограничье бывшей Рѣчи Посполитой земляными насыпями, которыми до сихъ поръ нѣтъ счета. Въ разныя времена, то одна, то другая часть польской Руси отбывала на этихъ насыпяхъ сторожку, или боролась посредствомъ нихъ съ непріателемъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе точныя и подробныя свѣдѣнія лишь о той мѣстности, которая возбуждала въ польскомъ правительствѣ особенный интересъ, по отношенію къ утвержденію въ Украинѣ польскаго права, посредствомъ правильнаго устройства королевщинъ и раздачи пустынь въ наслѣдственное владѣніе магнатамъ. Сеймовыя постановленія отъ времени до времени регулировали охраненіе границъ отъ вторженія орды и не разъ освобождали жителей пограничныхъ мѣстечекъ отъ процессовъ, позвовъ и баницій, въ уваженіе опасностей, которымъ они подвергались. Первое мѣсто, въ глазахъ польскаго правительства, еще въ 1631 году, занимали стражницы въ Бѣлой-Церкви, Трилѣсахъ и Любомирѣ, «откуда,—по словамъ сеймоваго постановленія,—вся Украина охраняется отъ татарскихъ набѣговъ». Сарницкій, напечатавшій свою лѣтопись въ 1587 году, говоритъ, что Бѣлая-Церковь была какъ-бы морскимъ маякомъ

и служила убѣжищемъ для всей Руси, которая отсюда прежде всего получала вѣсти о наступленіи Орды; а въ одномъ старомъ документѣ сказано, что бѣлоцерковскій замокъ «задерживаетъ на себѣ весь татарскій импетъ»,—можетъ быть потому, что не вдалекѣ отъ него пролегалъ татарскій шляхъ, гдѣ, по словамъ королевскаго универсала, татары переходили черезъ Рось. Главную сторожу держали бѣлоцерковскіе мѣщане у лѣса, который назывался Богатыревъ Рогъ ¹⁾, и это, конечно, было дѣло не легкое, если, по выраженію Сарницкаго, татары «заглядывали въ Бѣлю-Церковъ, какъ собаки въ кухню». Трилѣсы, прославленные необычайнымъ мужествомъ своихъ жителей въ 1651 году, пять разъ были разоряемы татарами и пять разъ возрождались на своемъ пепелищѣ. Что касается до Любомира, то, по замѣчанію одного изъ мѣстныхъ жителей, нигдѣ такъ густо не расположены полевые могилы, какъ вокругъ этого мѣстечка. Далѣе, по направленію къ Брацлавщинѣ, содержались полевые сторожи на рѣкахъ, впадающихъ въ Бугъ: съ лѣвой стороны—на Синицѣ, а съ правой—на Саврани, и въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, по главнымъ татарскимъ шляхамъ разставлены были чаты, выходившіе изъ сосѣднихъ поселеній. По Черному шляху шли сторожи отъ Запорожья мимо Черкасъ, Канева, Полоннаго и далѣе, въ глубину Волыни. Точно такъ же расположены были сторожи надъ рѣкою Савранью и у бродовъ рѣкъ Кодыми и Кучменя, вдоль кучменскаго шляху, который шелъ въ глубину Подолья. На Росавѣ и Ушицѣ стояли чаты на татаръ, вторгавшихся въ польскія владѣнія по волошскому или покутскому шляху. И надъ всею необозримою сѣтью этихъ шляховъ, стражнищъ и могилъ господствовалъ, какъ главный сторожевой пунктъ, старинный ровъ, названный, въ честь королевы Боны, Баромъ. Послѣ Каменца Подольскаго эта была самая сильная украинская крѣпость, которая «глядѣла на три татарскіе шляхи», какъ писали о ней въ донесеніяхъ королю. Она постоянно находилась, въ качествѣ старобѣста, во владѣніи коронныхъ гетмановъ, которые по своему званію были верховными охранителями границъ Рѣчи Посполитой; ближайшій же надзоръ за всѣми сторожевыми стоянками и чатовниками въ XVI вѣкѣ имѣлъ подначальный коронному гетману «стражникъ трехъ шляховъ».

Если, какъ сказано выше, самая мѣстность украинская, въ силу долгой борьбы славянскаго міра съ монгольскимъ, приняла

¹⁾ Лѣсъ этотъ находится въ Таращанскомъ уѣздѣ, между селами Вовнянки, Лисовичи и Богатырки.

отличительный характеръ, до сихъ поръ не изглаженный временемъ и новымъ порядкомъ жизни; то тѣмъ болѣе идея защиты пограничья отъ Орды должна была отразиться на общественныхъ отношеніяхъ пограничниковъ. Рядомъ съ потомками знаменитыхъ дворянскихъ родовъ, пріобрѣтали здѣсь широкую популярность, не только въ простонародѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, личности происхожденія темнаго, не-шляхтичи. Настоятельная нужда въ людяхъ, которые бы сторожили за движеніями хищныхъ татаръ и умѣли ихъ отражать, мало того, что заставляла правительство поощрять казацкіе обычаи въ пограничномъ городскомъ населеніи и относиться съ похвалами къ счастливымъ добычникамъ; она привела его къ необходимости прощать самыя тяжкія преступленія тѣмъ, кто прослужить четверть года въ пограничной стражѣ на собственномъ содержаніи и отличится какимъ-нибудь отважнымъ дѣломъ. Многіе баниты являлись въ Украину, отличались въ гонитвахъ за татарами, заслуживали потерянную честь и возвращались въ прежнюю среду. Но другіе оставались навсегда въ обществѣ пограничниковъ и вносили въ него особый элементъ буйства, выработанный на шляхетскихъ сеймикахъ и въ такъ-называемыхъ войсковыхъ *związkiach* (союзахъ). Благопріятствуемая положеніемъ Украины свобода во всѣхъ начинаніяхъ, возможность пріискать людей, готовыхъ на самыя отчаянныя предпріятія и слабое дѣйствіе законовъ, постановляемыхъ для Украины центральной властію, давали здѣсь каждому смѣлому характеру развиваться во всю ширину. Между тѣмъ общее въ началѣ стремленіе охранителей и колонизаторовъ Украины видоизмѣнялось подъ вліяніемъ придворной политики, которая то призывала казаковъ подъ королевскія знамена, то принимала противъ нихъ мѣры, подавляющія врожденную имъ воинственность, а иногда дѣлала одно и другое разомъ. Вслѣдствіе этого, въ населеніи Украины образовалось двѣ среды: одна, которой выгоды совпадали съ распоряженіями центральной власти; другая, которой не возможно было существовать, не противодѣйствуя этимъ распоряженіямъ. Та и другая имѣли своихъ представителей, своихъ героевъ, которыхъ одни превозносили до небесъ, а другіе осыпали проклятіями. На мѣсто Дашеовича, который, предводительствуя казаками, получалъ подарки отъ сеймовыхъ пановъ и награды отъ короля; на мѣсто Претвича, о которомъ благодарные паны говорили, что въ его время «спала отъ татаръ граница», и другихъ казацкихъ предводителей, считавшихся въ Краковѣ «безупречными и знаменитыми геркулесами», — съ одной стороны, среди осѣдлой шляхты появились на военномъ полѣ магнаты,

жаждавшіе уничтожить казаковъ до самого ихъ имени, а съ другой—изъ оказаченной массы украинскаго простолюду выступили на сцену вожди, мечтавшіе о разрушеніи Кракова и истребленіи шляхетства ¹⁾). Буйные волею, сильные духомъ, неутомимые въ несеніи военныхъ тягостей, тѣ и другіе, сравнительно съ обитателями внутреннихъ провинцій, были истинными «львами, жаждавшими одной кровавой бесѣды». Не зная мѣры своему произволу, они доводили всякую свою затѣю до послѣдней крайности и образуя вокругъ себя новыя поколѣнія необузданныхъ поборниковъ извѣстныхъ убѣжденій, готовили для государства грозу, которая потрясла его до основы.

Къ воспитанію въ пограничникахъ отваги на борьбу за свои убѣжденія много способствовала безпрестанно представлявшаяся, въ видѣ живыхъ примѣровъ, возможность потерять имущество, семейство, свободу и жизнь. Съ увеличеніемъ населенія польской Руси, татарскіе набѣги сдѣлались такъ часты, что коронный гетманъ Жолкѣвскій насчитывалъ на своей памяти 30 набѣдовъ «великою ордою», не считая меньшихъ. Татары мало занимались ремеслами, торговлею, промыслами, не имѣли обширныхъ владѣній для взиманія дани, были заключены въ предѣлахъ скуднаго пастбищами полуострова, изъ котораго откочевывали къ роскошнымъ побережьямъ Днѣпра, Буга, Днѣстра не иначе, какъ подъ опасеніемъ казацкаго набѣда. Поэтому польскія провинціи были для нихъ единственнымъ источникомъ обогащенія. Угоняли они скотъ, уносили всякую безъ различія движимость, но въ особенности дорожили ясыромъ, который продавали въ рабство на всѣ стороны востока. Восточное общество нуждалось въ безчисленномъ множествѣ рабовъ и рабынь разныхъ возрастовъ, а главными поставщиками этого товара были татары, добывавшіе его большею частію въ польской Руси. Особенно жадно хватала Орда въ плѣнъ дѣтей. Вмѣстѣ съ другими плѣнниками, шли они, какъ цѣнный товаръ, въ отдаленнѣйшія страны Азіи, а всего болѣе въ Царыградъ. Дворъ и имперія султановъ опирались на личностей, не имѣющихъ въ Турціи родства и потому привязанныхъ къ своимъ повелителямъ, какъ объ этомъ пишетъ Янчаръ Полякъ еще передъ 1500 годомъ. Покупныхъ дѣтей воспитывали въ султанскомъ сералѣ для службы въ янычарахъ и для занятія придворныхъ должностей, требующихъ особеннаго довѣрія. Такимъ образомъ цвѣтъ христіанской силы былъ обращаемъ

¹⁾ Такъ доносилъ королю самъ коронный гетманъ о первомъ возстаніи казакомъ, подъ предводительствомъ Косинскаго.

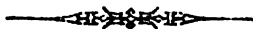
невѣрными на подпору магометанства. Мысль эта еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое на пограничныхъ жителей татарскими набѣгами. Подъ вліяніемъ ежедневно ожидаемыхъ случайностей, выработались въ Украинѣ черты нравовъ и обычаевъ, не встрѣчаемые въ другихъ областяхъ Польши и московской Руси. Одно время Украинцы поражаютъ наблюдателя глубокою грустію своихъ пѣсней и меланхоліею сердецъ, въ другое — склонностію къ отчаяннымъ предпріятіямъ, или какою-то безумною веселостію, которая какъ-бы усиливается заглушить великое, невыразимое горе. Отсюда у нихъ трагическая противоположность между видимою веселостію и иносказательною грустію, напримѣръ, въ свадебныхъ обрядахъ, или даже въ дѣтскихъ уличныхъ играхъ, сохранившихъ слѣды кровавыхъ битвъ и татарскихъ набѣговъ. До нашего времени уцѣлѣлъ особый отдѣлъ народныхъ пѣсней, такъ-называемыхъ *невольничихъ*. Въ нихъ воспѣвается разлука мужей съ женами, сестеръ съ братьями и маленькихъ дѣтей съ отцомъ и матерью. Въ нихъ плѣнная наложница турецкаго паши, тоскуя о своей нравственной гибели, выпускаетъ изъ темницы казаковъ-невольниковъ, которые тридцать лѣтъ не видали божьяго свѣта и праведнаго солнца; а запорожскій атаманъ пятьдесятъ-четыре года остается прикованнымъ къ скамьѣ на турецкой галерѣ-каторгѣ, гдѣ ренегатъ-шляхтичъ пригоняетъ гребцовъ къ работѣ окровавленной на ихъ обнаженныхъ спинахъ лозою. Ужасы отдаленія отъ родной семьи, безотраднaго невольничества и безпощаднаго варварства поработителей воспѣвались на Украинѣ со временъ первой ея колонизаціи и располагали умы народа къ трагическому созерцанію жизни. Отчаянная смѣлость, жажда хотя минутной радости, хотя той радости, какую даетъ надежда на успѣхъ покушенія, полное забвеніе послѣдствій и равнодушіе къ смерти, — таковы были общія черты характеровъ, съ которыми панамъ-колонизаторамъ приходилось имѣть дѣло. Пока поселяне высиживали такъ-называемую волю, то-есть льготные годы, пока на нихъ лежала одна военная повинность, — экономическія дѣла шли спокойнымъ ходомъ. На казакій промыселъ въ дикія поля и за Пороги пускался каждый, кому не сидѣлось въ пасиѣ, у кого не было охоты «спотыкаться по борознамъ.» Отношенія между чернорабочимъ и господствующимъ классомъ были мирныя, основанныя на добровольныхъ сдѣлкахъ и взаимныхъ выгодахъ. Возвращавшіеся изъ *заполя* съ добычею казаки и торговые люди съ рыбою, солью и чужеземными товарами, весело собирались на ярмаркахъ, гдѣ продавались шкуры дикихъ звѣрей, убитыхъ въ низовыхъ уxo-

дахъ, или турецкіе сафьяны, добытые наѣздомъ на подгородныя очаковскія, бѣлгородскія, тягинскія поселенія, или одежды, снятыя на войнѣ съ татарскихъ муръ и турецкихъ пашей, или, наконецъ, кони, пойманные послѣ удачной схватки съ азіатскими наѣздниками; и тутъ же кобзари звонили въ металлическія струны подъ речитативъ, которымъ, съ гомерическими подробностями, описывали то бѣгство казаковъ изъ неволи, черезъ безводныя степи, то сожженіе турецкаго корабля среди моря и дѣлежъ добычи. На мрачномъ фонѣ, составлявшемъ перспективу пограничной жизни, въ виду висящей надъ украинскимъ горизонтомъ тучи татаръ и турокъ, весело, шумно и пестро играла нигѣмъ нестѣсняемая казацкая, пахарская и мѣщанская жизнь. Убожество пограничныхъ поселеній часто смѣнялось приливомъ богатства—отъ урожая полей, отъ обилія медоваго сбора, а что было всего отраднѣе для украинскаго сердца—отъ удачныхъ походовъ противъ невѣрныхъ. Босыя поселанки, жены, дочери и возлюбленныя смутлолицыхъ, обожженныхъ порохомъ героевъ-добычниковъ, появлялись посреди народной толпы въ парчевыхъ кафтаныхъ, въ кораллахъ, которымъ никто не зналъ вѣрной цѣны, и въ золотыхъ ожерельяхъ, сорванныхъ казацкою рукою съ гаремныхъ затворницъ. Плачъ по убитымъ и уведенымъ въ плѣнъ смѣшивался, на хмѣльныхъ пирушкахъ, съ кликами радости счастливыхъ добычниковъ и угрозами «окурить мушкетнымъ дымомъ стѣны султанской столицы.»

И казалось пограничникамъ, что у нихъ не будетъ другой тягости, кромѣ убожества, прогонявшаго казаковъ изъ дому на опасный промыселъ,—что у нихъ не будетъ другой бѣды, кромѣ той, которая постоянно грозила имъ изъ-за степныхъ могилъ и сторожевыхъ шанцевъ. Но паны, охватившіе своими имѣніями весь юговостокъ за Києвомъ, Каневомъ, Черкасами, Бѣлою-Церковью и далѣе до пограничнаго со стороны Молдавіи Каменца Подольскаго, мало-по-малу начали дѣлать ощутительнымъ присутствіе польскаго права въ Украинѣ. Казаки въ началѣ не обращали вниманія на ту власть, которая сеймовымъ постановленіемъ 1590 года давалась надъ ними мѣстной шляхтѣ, и не завидовали размноженію въ Украинѣ панскихъ имѣній. Мѣстная шляхта тянула тогда въ одинъ гужъ съ казаками, жила съ ними за панибрата, хаживала казацкимъ обычаемъ на военный промыселъ, а ея имѣнія, при обиліи незанятыхъ нигѣмъ земель въ Украинѣ, вовсе не стѣсняли казаковъ, напротивъ, еще обезпечивали ихъ семействамъ безопасность отъ татарскихъ набѣговъ. Но заселеніе украинскихъ пустынь шло съ быстротою невѣроят-

ною; панскія села и мѣстечка густѣли съ каждымъ годомъ; земля чаще и чаще дѣлалась между пограничными жителями предметомъ кровавыхъ споровъ; недвижимая собственность дорожала, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись и прежнія отношенія между панами и казаками. Украинскіе дворяне съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обособлялись отъ казаковъ въ своемъ быту и интересахъ; сельское хозяйство, на плодотворной почвѣ, вознаграждало ихъ за труды вѣрнѣе, чѣмъ хожденіе съ казаками на военный промыселъ; съ улучшеніемъ общественнаго быта, явилась потребность въ болѣе строгой администраціи; на повѣтовыхъ сеймикахъ изыскивались мѣры къ обузданію всякаго своевольства, а всего больше—казацкаго; наконецъ, явилась настоящая надобность въ рабочихъ рукахъ для множества новыхъ колоній, сгущавшихся на пограничьи; отъ свободныхъ поселянъ, составлявшихъ казацкія семейства, землевладѣльцы-паны стали требовать чиншей и панщины, а старинныя казацкія займища называли землею панскою. Этого мало: изъ *панской земли*, на которой очутился не знавшій надъ собою пана украинецъ, ему, какъ *подданному* панскому, запрещали выходить, когда понадобится, за Пороги и въ дикія поля. Вслѣдъ затѣмъ паны-землевладѣльцы начали увеличивать медовыя и другія дани, ввели поволощину отъ стадъ и покуховщину отъ варенья напиткировъ, стали брать плату съ жернововъ, отдавать въ аренду рыболовныя мѣста, взимать мыто при вѣздѣ въ города и села на ярмарки. Словомъ—устроили въ Украинѣ новую Польшу. Старосты королевскихъ имѣній были тѣ же помѣщики и дѣйствовали въ старостствахъ, какъ и въ своихъ наслѣдственныхъ селахъ, а что было всего обиднѣе для поселянъ—распожались не сами лично, а представляли свою власть намѣстникамъ, мелкимъ державцамъ и арендаторамъ, которые, по словамъ украинской лѣтописи, «ихъ же саломъ по ихъ шкурѣ мазали, отнявши у мужа, панамъ давали.» То, отъ чего отцы и дѣды украинскихъ поселянъ уходили изъ глубины шляхетчины, по ихъ слѣдамъ пришло въ Украину. Изъ Украины переселенцамъ некуда было уходить далѣе, развѣ въ татарскую и турецкую неволю. Оставалось—или подчиниться панскимъ порядкамъ, то-есть польскому, панскому, такъ-названному княжескому праву, или отстаивать неcodифицированную равноправность, во что бы то ни стало. Мѣстныя условія и современное положеніе дѣлъ благоприятствовали послѣднему.

II. Кулишъ.

ПУНИНЪ и БАБУРИНЪ

РАЗСКАЗЪ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА В.

...Я теперь и старъ, и боленъ — и чаще всего размышляю о смерти, съ каждымъ днемъ болѣе близкой; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь иногда — зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ; лѣтомъ, рассказывая тихимъ шагомъ по тѣнистой аллеѣ — припоминаю я минувшіе годы, событія, лица; но не на зрѣлой порѣ моей жизни и не на молодости останавливаются тогда мои мысли. Онѣ переносятъ меня либо въ раннее дѣтство, либо въ первое отроческое время. Вотъ и теперь: я вижу себя въ деревнѣ у моей строгой и гнѣвной бабушки — мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ — и возникаютъ въ моемъ воображеніи два существа...

Но стану рассказывать по порядку и въ связи.

I.

[1830]

Старый лакей Филиппъ въшелъ, по обыкновенію, на ципочкахъ, съ повязаннымъ въ видѣ розетки галстухомъ, съ крѣпко стиснутыми — «чтобы не отдавало духомъ» — губами, съ сѣденькимъ хохолкомъ на самой серединѣ лба; въшелъ, поклонился и подалъ на желѣзномъ подносѣ моей бабушкѣ большое письмо съ гербовой печатью. Бабушка надѣла очки, прочла письмо...

Томъ II. — Апрель, 1874.

- Самъ онъ тутъ? спросила она.
- Чего изволите? робко проговорилъ Филиппычъ.
- Безтолковый! Тотъ, кто привёзъ письмо—тутъ?
- Тутот-ка, тутот-ка... Въ конторѣ сидить.

Бабушка погремѣла своими янтарными чётками...—Вели ему явиться... А ты, сударь, обратилась она ко мнѣ—сиди смирно.

Я и такъ не шевелился въ своемъ уголку, на присвоенномъ мнѣ табуретѣ.

Бабушка держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ!

Минуть пять спустя вошелъ въ комнату человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, черноволосый, смуглый, съ широкоскулымъ рябымъ лицомъ, кривошеюватымъ носомъ и густыми бровями, изъ-подъ которыхъ спокойно и печально выглядывали небольшіе сѣрые глаза. Цвѣтъ этихъ глазъ и выраженіе ихъ не соответствовали восточному складу остального лица. Одѣтъ былъ вошедшій человѣкъ въ степенный, долгополый сюртукъ. Онъ остановился у самой двери и поклонился—одной головою.

— Твоя фамилія Бабуринъ? спросила бабушка и тутъ же прибавила про себя: «*P a l'air d'un arménien*»...

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки: «твоя» — брови его слегка дрогнули. Уже не ожидалъ ли онъ, что она будетъ его «вы-зывать», говорить ему: вы?

— Ты русскій? православный?

— Точно такъ-съ.

Бабушка сняла очки, и окинула Бабурина медлительнымъ взоромъ съ головы до ногъ. Онъ не опустилъ глазъ и только руки за спину заложилъ. Собственно меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но такихъ синихъ щекъ и подбородка я отроду не видывалъ!

— Яковъ Петровичъ, началъ бабушка, въ письмѣ своемъ очень тебя рекомендуетъ, какъ человѣка «тверёзаго» и трудолюбиваго; однако отчего же ты отъ него отошелъ?

— Имъ, сударыня, въ ихъ хозяйствѣ другого качества люди нужны.

— Другого... качества? Этого я что-то не понимаю.—Бабушка снова погремѣла чётками. — Яковъ Петровичъ мнѣ пишетъ, что за тобою двѣ странности водятся. Какія такія странности?

Бабуринъ легонько пожалъ плечами.

— Не могу знать, что имъ угодно было назвать странно-стями. Развѣ вотъ, что я... тѣлеснаго наказанія не допускаю.

Бабушка удивилась.—Неужто-жъ Яковъ Петровичъ тебя на-казывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я имѣю правиломъ не употреблять тѣлеснаго наказанія... надъ крестья-нами.

Бабушка удивилась больше прежняго, даже руки приподняла.

— А! промолвила она наконецъ, и нагнувши голову нѣсколько на бокъ, еще разъ пристально осмотрѣла Бабурина.—Это твое правило? Ну, это мнѣ совершенно все равно; я тебя не въ приказчики прочу, а въ конторщики, въ писцы. Почеркъ у тебя каковъ?

— Пишу я хорошо-съ, безъ ошибокъ орфографическихъ.

— И это мнѣ все равно. Мнѣ—главное, чтобы чѣтко было, да безъ этихъ прописныхъ новыхъ буквъ съ хвостами, которыхъ я не люблю. А какая твоя другая странность?

Бабуринъ помялся на мѣстѣ, ваплянулъ...

— Быть можетъ... господинъ помѣщикъ изволить намекать на то, что я не одинъ.

— Ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... но...

Бабушка нахмурилась.

— Со мной живетъ одно лицо... мужескаго пола... товарищъ, убогій человекъ, съ которымъ я не расстаюсь... вотъ уже, почти-тай, десятый годъ.

— Онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ-съ, не родственникъ — товарищъ. Неудобствъ отъ него никакихъ по хозяйству произойти не можетъ, поспѣшилъ прибавить Бабуринъ, какъ-бы предупреждая возраженія.—Живетъ онъ на моихъ харчахъ, помѣщается въ одной со мной комнатѣ; скорѣй пользу онъ долгонъ принести, такъ какъ грамотъ онъ обученъ, безъ лести сказать, въ совершенствѣ, и нравственность имѣетъ примѣрную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожѣывая губами и щурясь.

— Онъ на твоёмъ иждивеніи живетъ?

— На моемъ-съ.

— Ты его изъ милости содержишь?

— По справедливости... такъ какъ бѣднаго человѣка обязан-ность есть—помогать другому бѣдному.

— Вотъ какъ! Впервые слышу. Я до сихъ поръ полагала, что это скорѣй обязанность богатыхъ людей.

— Для богатыхъ, осмѣлюсь доложить, это занятіе... а для нашего брата...

— Ну довольно, довольно, хорошо, перебила бабушка и, поймавъ немного, промолвила въ носъ, что всегда было дурнымъ знакомъ:—А какихъ онъ лѣтъ, твой нахлѣбникъ?

— Моихъ лѣтъ-съ.

— Твоихъ? — Я полагала, онъ твой воспитанникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; онъ мой товарищъ — и притомъ...

— Довольно, вторично перебила бабушка. Ты, значить, филантропъ. Яковъ Петровичъ правъ: въ твоёмъ званіи—это странность большая. А теперь поговоримъ-ка о дѣлѣ. Я тебѣ растолкую, какія будутъ твои занятія. Да вотъ еще на счетъ жалованья...—*Que faites vous ici?* прибавила вдругъ бабушка, обративъ ко мнѣ свое сухое и желтое лицо.—*Allez étudier votre devoir de mythologie.*

Я вскочилъ, подошелъ къ бабушкиной ручкѣ и отправился, — не изучать міеологію, а просто въ садъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ, и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обѣимъ бокамъ косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, проросшіе снизу верескомъ и зорей. Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада—и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣстныя,—такъ по крайней мѣрѣ я воображалъ!—только мнѣ одному. Вышедши изъ бабушкинаго кабинета, я прямо отправился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною «Швейцаріей.» Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до «Швейцаріи», я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидалъ, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная-длинная фигура, въ желтомъ фризовомъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбованномъ мною мѣстечкѣ! Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное,

мягкое, безбородое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручокъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губки, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленные дружка противъ дружки на вышинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ-бы прислушиваясь. Я подошелъ еще поближе, взглянулъ еще внимательнѣе... Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнить и заставляютъ пить канареекъ. Суекъ хруснулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпые глазѣнки въ чашу и попытался было... да наткнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте, промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!

Мнѣ не понравилось, что онъ меня называлъ барчукомъ. Что за фамильярность!

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ я строго.

— А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться. — Птичекъ на пѣніе вызываю. — Онъ показалъ мнѣ свои чашечки. — Зяблики отлично отвѣтствуютъ! Васъ, по младости вашихъ лѣтъ, пѣніе пернатыхъ должно улащать безпремѣнно! Извольте прислушать: я стану щебетать—а они за мною сейчасъ—какъ пріятно!

Онъ началъ тереть свои чашечки. Точно, зябликъ отозвался на ближней рабинѣ. Незнакомецъ засмѣялся беззвучно и подмигнуть мнѣ глазомъ.

Смѣхъ этотъ и это подмигиваніе—каждое движеніе незнакомца, его шепелявый, слабый голосъ, выгнутыя колѣни, художавыя руки, самый его картузь, его длинный балахонъ—все въ немъ дышало добродушіемъ, чѣмъ-то невиннымъ и забавнымъ.

— Вы давно сюда пріѣхали? спросилъ я.

— А сегодня.

— Да вы не тотъ ли, о которомъ...

— Господинъ Бабуринъ съ барыней говорилъ? Тотъ самый, тотъ самый.

— Вашего товарища Бабуринымъ зовутъ, а васъ?

— А меня—Пунинимъ. Пунинъ моя фамилія; Пунинъ. Онъ Бабуринъ, а я Пунинъ. — Онъ опять зажуужалъ чашечками. — Слышите, слышите зяблика... Какъ заливается!

Мнѣ этотъ чудаекъ вдругъ «ужасно» полюбился. Какъ почти

всѣ мальчики, я съ чужими либо робѣлъ, либо важничалъ, а съ этимъ я словно вѣкъ былъ знакомъ.

— Пойдемте со мною, сказалъ я ему; я знаю мѣстечко еще лучше этого; тамъ есть скамейка: мы сѣсть можемъ, и плотина оттуда видна.

— Извольте, пойдемте, отвѣчалъ на-распѣвъ мой новый пріятель. Я пропустилъ его впередъ. На ходу онъ переваливался, шмыгалъ ногами и затылокъ назадъ закидывалъ.

Я замѣтилъ, что у него сзади на балахонѣ, подъ воротникомъ, болталась небольшая кисточка.—Что это у васъ такое виситъ? спросилъ я.

— Гдѣ? переспросилъ онъ, и пощупалъ воротникъ рукою.

— А! Эта кисточка? Пушай ее! Значить, для красоты пришта. Не мѣшаетъ.

Я привелъ его къ скамейкѣ, сѣлъ; онъ помѣстился рядомъ.—Здѣсь хорошо! промолвилъ онъ и вдохнулъ глубоко, глубоко.

— Охъ, хорошихонько! Отличнѣйшій у васъ садъ! Охъ, охъ-хо!

Я посмотрѣлъ на него сбоку.—Какой у васъ картузь! невольно воскликнулъ я. Поважите-ка!

— Извольте, барчукъ, извольте.—Онъ снялъ картузь; я протянулъ-было руку, но поднялъ глаза и—такъ и прыснулъ. Пунинъ былъ совершенно лысъ; ни одного волосика не видѣлось на заостренномъ его черепѣ, покрытомъ гладкой и бѣлой кожей.

Онъ провелъ по немъ ладонью и засмѣялся тоже. Когда онъ смѣялся, онъ словно захлебывался, раскрывалъ широко ротъ, закрывалъ глаза—а по лбу пробѣгали морщины снизу вверхъ, въ три ряда, какъ волны.—Что? сказалъ онъ наконецъ. Не правдали, настоящее яйцо?

— Настоящее, настоящее яйцо! подхватилъ я съ восторгомъ.—И давно вы такіе?

— Давно; а какіе были волосы!—Золотое руно, подобное тому, за которымъ аргонавты переплывали морскія пучины.

Хотя мнѣ всего было двѣнадцать лѣтъ, однако я, по милости моихъ міеологическихъ занятій, зналъ, кто были аргонавты; тѣмъ болѣе удивился я, услышавъ это слово въ устахъ человѣка, одѣтаго чуть не въ рубище.

— Вы, стало быть, учились міеологіи? спросилъ я, переводя рукавъ картузя, который оказался на ватѣ, съ мѣховымъ облѣзлымъ оковышкомъ и картоннымъ, надломаннымъ козырькомъ.

— Изучалъ и этотъ предметъ, барчучёночекъ мой миленькій;

въ жизни моей всего было достаточно! А теперь возвратите-тея мнѣ покрывку, ею же защищается нагота главы моей.

Онъ нахлобучилъ картузь, и перекинувъ свои бѣловатыя брови, спросилъ меня: кто я собственно такой и кто мои родители?

— Я внучъ здѣшней помѣщицы, отвѣчалъ я. Я у ней одинъ. Папа и мама умерли.

Пунинъ перекрестился.—Царство имъ небесное! Значить: сирота; ну и наслѣдникъ. Дворянская-то кровь сей часъ видна; такъ въ глазенкахъ и бѣгаетъ, такъ и играетъ... ж.. ж.. ж.. ж... Онъ представилъ пальцами, какъ играетъ кровь.—Ну—а не знаете ли, ваше благородіе, поладилъ ли мой товарищъ съ бабенкой вашей, получилъ ли мѣсто, которое ему обѣщали?

— Этого я не знаю.

Пунинъ крякнулъ.—Эхъ! кабы здѣсь пристроиться! хотя бы на время! А то странствуешь, странствуешь, приюта не обрѣтается, тревоги житейскія не прекращаются, душа сомущается...

— Скажите, перебилъ я его, вы—изъ духовнаго званія? Пунинъ обернулся ко мнѣ и прищурился.—А какая сему вопросу причина, отроче мой любезный?

— Да вы такъ говорите—вотъ какъ въ церкви читаютъ.

— Что славянскія-то рѣченія я употребляю? Но это не должно васъ удивлять. Положимъ, въ обыкновенной бесѣдѣ подобныя рѣченія не всегда умѣстны; но какъ только воспарилъ духомъ—такъ сей-часъ и слогъ является возвышенный. Неужто же вашъ учитель—преподаватель словесности російской—вѣдь вамъ еѣ преподають? неужто же онъ вамъ этого не объясняетъ?

— Нѣтъ, не объясняетъ, отвѣтилъ я. Когда мы въ деревнѣ живемъ—у меня и учителя нѣтъ. Въ Москвѣ у меня много учителей.

— А долго ли вы въ деревнѣ проживать изволите?

— Мѣсяца два, не больше; бабушка говоритъ, что я въ деревнѣ балуюсь. Гувернантка со мной есть и тутъ.

— Французенка?

— Француженка.

Пунинъ почесалъ у себя за ухомъ.—Сирѣчь, мамзель?

— Да; ее зовутъ мадмуазель Фрикэ.—Мнѣ вдругъ показалось постыднымъ, что у меня, двѣнадцатилѣтняго мальчика, не гувернеръ, а гувернантка, точно у дѣвочки!—Да я ея не слушаюсь, прибавилъ я съ пренебреженіемъ. — Мнѣ что!

Пунинъ покачалъ головою.—Охъ, дворянчики, дворянчики! полюбились вамъ иностранчики! Отъ російскаго вы отклонились, — на чужое преклонились, къ иноземцамъ обратились...

— Что это? Вы стихами говорите? спросилъ я.

— А вы какъ полагаете? Я могу завсегда, сколько угодно; потому, сіе мнѣ природно...

Но въ это самое мгновеніе раздался въ саду за нами сильный и рѣзкій свистъ. Собесѣдникъ мой проворно поднялся съ лавки. — Простите, барчукъ; это товарищъ меня зоветъ, ищетъ меня... Что-то онъ мнѣ скажетъ? простите, не взыщите...

Онъ юркнулъ въ кусты и исчезъ; а я посидѣлъ еще на скамейкѣ. Я чувствовалъ недоумѣніе и какое-то другое, довольно пріятное чувство... я никогда еще не встрѣчался и не говорилъ съ такимъ человѣкомъ. Понемногу я размечтался... но вспомнилъ миеологию — и побрѣлъ домой.

Дома я узналъ, что бабушка сошлась съ Бабуринымъ: ему отвели небольшую комнатку въ людской избѣ, на конномъ дворѣ. Онъ тотчасъ поселился въ ней съ своимъ товарищемъ.

На другое утро я, напившись чаю и не отпросившись у мадмуазель Фрикэ, отправился въ людскую избу. Мнѣ хотѣлось опять поболтать со вчерашнимъ чудакомъ. Не постучавшись въ дверь — этого обычая у насъ и въ заводѣ не было — я прямо вошелъ въ комнату. Я засталъ въ ней не того, кого я искалъ, не Пунина, а покровителя его — филантропа Бабурина. Онъ стоялъ передъ окномъ, безъ верхней одежды, широко растопыривъ ноги, и тщательно вытиралъ себѣ голову и шею длиннымъ полотенцемъ.

— Вамъ что угодно? промолвилъ онъ, не опуская рукъ и насупивъ брови.

— Пунина нѣтъ дома? спросилъ я самымъ развязнымъ манеромъ.

— Господина Пунина, Никандра Вавилыча, въ сію минуту точно нѣтъ дома, отвѣчалъ, не торопясь, Бабуринъ; но позвольте вамъ замѣтить, молодой человѣкъ: развѣ прилично — такъ, не спросясь, входить въ чужую комнату?

Я!.. молодой человѣкъ!.. какъ онъ смѣетъ!.. Я вспыхнулъ весь отъ гнѣва.

— Вы, должно быть, меня не знаете, произнесъ я уже не развязно, а надменно: — я здѣшней барыни внукъ.

— Это мнѣ все едино, возразилъ Бабуринъ, снова принимаясь за полотенце. Вы хоть и барскій внукъ — а не имѣете права входить въ чужую комнату.

— Какая же она чужая? Что вы?! Я здѣсь — вездѣ — дома.

— Нѣтъ, извините, здѣсь дома—я; потому что комната эта назначена мнѣ по условію — за мои труды.

— Не учите меня, пожалуйста, перебилъ я его: я лучше васъ знаю, что...

— Васъ надобно учить, перебилъ онъ меня въ свою очередь, потому что вы въ такомъ возрастѣ обрѣтаетесь... Я знаю свои обязанности, но и права свои знаю тоже очень хорошо, и если вы будете продолжать такимъ образомъ со мною бесѣдовать—то мнѣ придется попросить васъ отсюда выйти...

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось наше препираніе, еслибъ въ эту минуту, шмыгая и раскачиваясь, не вошелъ Пунинъ. Онъ, вѣроятно, догадался, по выраженію нашихъ лицъ, что между нами произошло что-то неладное, и тотчасъ обратился ко мнѣ съ самыми любезными изъясненіями радости.

— А, барчукъ! барчукъ! воскликнулъ онъ, беспорядочно взмахивая руками и заливаясь своимъ беззвучнымъ смѣхомъ: миленькій! меня навѣстить пришелъ! пришелъ, миленькій! (Что это? подумалъ я; неужто же онъ мнѣ—«ты» говорить?) Ну пойдемъ, пойдемъ со мною въ садъ. Я тамъ нѣчто такое нашелъ... Что въ духотѣ сидѣть-то! пойдемъ.

Я послѣдовалъ за Пунинымъ, однако на порогъ двери почелъ за нужное обернуться и бросить вызывающій взоръ на Бабурина. Я, молъ, тебя не боюсь!

Онъ отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же и даже фукнулъ въ полотенце—вѣроятно, для того, чтобы хорошенько дать мнѣ почувствовать, до какой степени онъ меня презираетъ!

— Какой нахалъ вашъ пріятель! сказалъ я Пунину, какъ только дверь затворилась за мною.

Пунинъ чуть не съ испугомъ поворотилъ ко мнѣ свое пухлое лицо.

— Это вы о комъ такъ выражаетесь? спросилъ онъ, выпуча глаза.

— Да конечно о немъ... какъ вы его называете? объ этомъ... Бабуринъ.

— О Парамонъ Семеновичъ?

— Ну да; вотъ объ этомъ... черномазомъ.

— Э... э... э...! промолвилъ съ ласковой укоризной Пунинъ.—Какъ это вы можете такъ говорить, барчукъ, барчукъ!—Парамонъ Семеновичъ человѣкъ достойнѣйшій, строжайшихъ правилъ, изъ ряду вонъ человѣкъ! Ну, конечно — себя онъ въ обиду не дастъ, потому—цѣну себѣ знаетъ. Съ нимъ, мой миленькій, надо

обходиться вѣжливейко, вѣдь онъ... тутъ Пунинъ наклонился къ самому моему уху—республиканецъ!

Я уставился на Пунина. Этого я никакъ не ожидалъ. Изъ учебника Кайданова и другихъ историческихъ сочиненій я вычиталъ, что существовали когда-то въ древности республиканцы, греки и римляне, и даже почему-то воображалъ ихъ всѣхъ въ племахъ, съ круглыми щитами на рукахъ и голыми большими ногами; но чтобы въ дѣйствительности, въ настоящее время, особенно въ Россіи, въой губерніи, могли находиться республиканцы—это сбивало всѣ мои понятія, совершенно путало ихъ!

— Да, мой миленькій, да; Парамонъ Семенычъ республиканецъ, повторилъ Пунинъ; — вотъ вы и знайте впередъ, какъ о такомъ человѣкѣ отзываться!—А теперь пойдемте въ садъ. Представьте, что я тамъ нашелъ! Кукушкино яйцо въ гнѣздѣ у горихвостки! чудеса!

Я отправился въ садъ вмѣстѣ съ Пунинымъ; но мысленно все твердилъ: республиканецъ! рес...пу...бликанецъ!

«То-то, рѣшилъ я наконецъ—у него такая синяя борода!»

Мои отношенія къ этимъ двумъ личностямъ—Пунину и Бабурину — опредѣлились окончательно съ самаго того дня. Бабуринъ возбуждалъ во мнѣ чувство враждебное, къ которому однако въ скоромъ времени примѣшалось нѣчто похожее на уваженіе. И боялся же я его! Я не пересталъ бояться его даже тогда, когда въ его обращеніи со мною исчезла прежняя рѣзкая строгость. Нечего говорить, что я Пунина не боялся; я даже не уважалъ его, я считалъ его—говоря безъ обвиняевоу — за шута; но полюбилъ я его всею душою! Проводить цѣлыя часы въ его обществѣ, быть съ нимъ наединѣ, слушать его рассказы — стало для меня истиннымъ наслажденіемъ. Бабушѣ очень не нравилась эта «intimité» съ человѣкомъ изъ «простецовъ» — «du commun»; но я, какъ только мнѣ удавалось урваться, тотчасъ бѣжалъ къ моему забавному, дорогому, странному другу. Свиданія наши стали особенно часты послѣ удаленія мадмуазель Фрикъ, которую бабушка отправила обратно въ Москву въ наказаніе за то, что она вздумала пожаловаться заѣзжему армейскому штабсъ-капитану на скуку, господствовавшую въ нашемъ домѣ. И Пунинъ, съ своей стороны, не тяготился продолжительными бесѣдами съ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ; онъ словно самъ искалъ ихъ. Сколько переслушалъ я его рассказовъ, сидя съ нимъ въ пахучей тѣни, на сухой и гладкой травѣ, подъ на-

вѣсомъ серебристыхъ тополей, или въ камышахъ надъ прудомъ, на крупномъ и сыроватомъ песку обвалившагося берега, изъ котораго, странно сплетаясь, какъ большія черныя жилы, какъ змѣи, какъ выходы подземнаго царства, торчали узловатые коренья! Пунинъ въ подробности разсказалъ мнѣ свою жизнь, всѣ свои счастливые и несчастные случаи, которымъ я всегда такъ искренне сочувствовалъ! Его отецъ былъ дьякономъ;—«чудесный былъ человѣкъ—однако подъ хмѣлемъ строгъ до безпамятства».

Самъ Пунинъ учился въ семинаріи; но не выдержавъ «поронціи» и не опущая въ себѣ расположенія въ духовному званію, сдѣлался міряниномъ, вслѣдствіе чего произвошелъ всѣ мытарства и сталъ наконецъ бродягой.—«И не встрѣться я съ благодѣтелемъ моимъ Парамономъ Семенычемъ», прибавлялъ обыкновенно Пунинъ—(онъ иначе не величалъ Бабурина)—«погрязъ бы я въ пучинѣ бѣдствій, безобразія и пороковъ!» Пунинъ любилъ высокопарныя выраженія—и если не ко лжи, то къ сочинительству и преувеличиванію попопзновеніе имѣлъ сильное; всему-то онъ дивился, ото всего приходилъ въ восторгъ... И я, въ подражаніе ему, тоже пускался преувеличивать и восторгаться.—«Да ты какой-то бѣсноватый сталъ—перекрестись, что ты это»,—говаривала мнѣ моя старая няня. Разсказы Пунина занимали меня чрезвычайно; но больше даже его разсказовъ любилъ я чтенія, которыя онъ производилъ со мною. Невозможно передать чувство, которое я испытывалъ, когда, улучивъ удобную минуту, онъ внезапно, словно сказочный пустынный или добрый духъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой, и угадкой кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечами, всѣмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и гдѣ невозможно было насъ отыскать! И вотъ, удалось намъ уйти незамѣченными; вотъ, мы благополучно достигли одного изъ нашихъ тайныхъ мѣстечекъ; вотъ, мы сидимъ уже рядомъ, вотъ уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плесени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ нѣмотствующаго ожиданія гляжу я въ лицо, въ губы Пунина—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ полетѣла сладостная рѣчь! Раздаются наконецъ первые звуки чтенія! Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ—звонкихъ, многшумныхъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читалъ, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, залихватато, закатисто, въ носъ, какъ опьяняемый, какъ изступленный, какъ Пиней! И еще вотъ какая за нимъ водилась

привычка: сперва прожужжить стихъ тихо, въ полголоса, какъ-бы бормоча... Это онъ называлъ читать на-черно; потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ на-бѣло и вдругъ вскочить, задрожить... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу)—но даже «Россиаду» Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая «Россиада» меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось!—«Да», говаривалъ бывало Пунинъ, значительно кивая головою; «Херасковъ — тотъ спуску не даетъ. Иной разъ такой выдвинетъ стихокъ—просто, зашибетъ... Только держись!... Ты его постигнуть желаешь, а ужъ онъ — вонъ гдѣ! и трубить, трубить, аки кимвалонъ!—За то ужъ и имя ему дано! одно слово: Херрасковъ!!» Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а въ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели поэтъ. Въ нашемъ домѣ не только не обращали никакого вниманія на литературу, на поэзію, но даже считали стихи, особенно русскіе стихи, за нѣчто совсѣмъ непристойное и пошлое; бабушка ихъ даже не называла стихами, а «кантами»; всякій сочинитель кантовъ былъ, по ея мнѣнію, либо пьяница горькій, либо круглый дуракъ. Воспитанный въ подобныхъ понятіяхъ, я неминуемо долженъ былъ, либо съ гадливостью отвернуться отъ Пунина — онъ же къ тому былъ неопрятенъ и неряшливъ, что тоже оскорбляло мои барскія привычки—либо, увлеченный и побѣжденный имъ, послѣдовать его примѣру, заразиться его стихобѣсіемъ... Оно такъ и случилось. Я тоже началъ читать стихи, или, какъ выражалась бабушка, воспѣвать канты... даже попытался самъ нѣчто сочинить, а именно описаніе шарманки, въ которомъ находились слѣдующіе два стихка:

Вотъ вертится толстый валъ
И зубцами защекалъ...

Пунинъ одобрилъ въ этомъ описаніи нѣкоторую звукоподражательность, но самый сюжетъ осудилъ, какъ низкій и недостойный лирнаго бряцанья.

Увы! всѣ эти попытки, и волненія, и восторги, наши уединенныя чтенія, наша жизнь вдвоемъ, наша поэзія—все покончилось разомъ. Какъ громовой ударъ, на насъ внезапно обрушилась бѣда.

Бабушка во всемъ любила чистоту и порядокъ, ни дать ни взять тогдашніе исполнительные генералы; въ чистотѣ и порядкѣ долженъ былъ содержаться и садъ нашъ. А потому отъ времени до времени въ него «нагоняли» безтягольныхъ мужичковъ-бобылей, запятанныхъ или опальныхъ дворовыхъ — и заставляли ихъ чистить дорожки, полоть гряды, просѣвать и разрыхлять землю подъ клумбы и т. п. Вотъ однажды, въ самый развалъ именно таковаго притона, бабушка отправилась въ садъ и меня съ собой взяла. Всюду, между деревьями, по луговинамъ, мелькали бѣлыя, красныя, сизыя рубахи; всюду слышался скрежетъ и лязгъ скребущихъ лопатъ, глухой стукъ земляныхъ комьевъ о косо-поставленные сита. Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ, и шапку снялъ какъ будто нехотя. Это былъ очень еще молодой парень съ испытаннымъ лицомъ и впалыми тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь прорванный и заплатанный, едва держался на узкихъ его плечахъ.

— Кто это? спросила бабушка у Филиппыча, на ципочкахъ выступавшаго за нею слѣдомъ.

— Вы... про кого... изволите... залепетать-было Филиппычъ.

— О, дуракъ! Я про этого говорю, что волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ, стоитъ—не работаетъ.

— Этого-съ! Да-съ... Э... э... это Ермилъ, Павла Аванасьева покойнаго сынокъ.

Этотъ Павелъ Аванасьевъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, мажордомомъ у бабушки и пользовался особеннымъ ея расположеніемъ; но внезапно впавъ въ немилость, также внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше, кубаремъ, очутился наконецъ въ курной избѣ заглазной деревни на пудъ муки мѣсячины, и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

— Ага! промолвила бабушка; яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что изъ-подлбья смотреть,—не надобно.

Бабушка вернулась домой — и распорядилась. Часа черезъ три, Ермила, совершенно «снаряженнаго», привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась крестьянская тележѣнка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ. Такія были тогда времена! — Ермилъ стоялъ безъ шапки, понутивъ голову, босой, закинувъ за спину связанные верёвочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія,

ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съѣженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шума шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета, и приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго. Въ кабинетѣ, кромѣ ея, находились въ ту минуту четыре человѣка: дворецкій, Бабуринъ, дневальный казачокъ и я.

Бабушка качнула головою сверху внизъ...

— Сударыня, раздался вдругъ хриплый, почти сдавленный голосъ. Я оглянулся. Лицо у Бабурина покраснѣло... покраснѣло до темноты; подъ насупленными бровями появились маленькія, свѣтлыя, острые точки... Не было сомнѣнія: это онъ, это Бабуринъ произнесъ слово: Сударыня!

Бабушка тоже оглянулась, и перевела свой лорнетъ съ Ермила на Бабурина.

— Кто тутъ... говорить? произнесла она медленно... въ носъ. Бабуринъ слегка выступилъ впередъ.

— Сударыня, началъ онъ; это я... рѣшился.—Я полагаю... Я осмѣливаюсь доложить вамъ, что вы напрасно изволите поступать такъ... какъ вы сейчасъ поступить изволили.

— То-есть? повторила бабушка тѣмъ же голосомъ и не отводя лорнета.

— Я имѣю честь... продолжалъ Бабуринъ отчетливо, хотя съ видимымъ трудомъ выговаривая каждое слово—я извиняюсь на счетъ этого парня, что ссылается на поселеніе... безо всякой съ его стороны вины. Такія распоряженія, смѣю доложить, ведутъ лишь къ неудовольствіямъ... и къ другимъ дурнымъ,—чего Боже сохрани!—послѣдствіямъ—и суть не что иное, какъ превышеніе данной господамъ помѣщикамъ власти.

— Ты... гдѣ учился? спросила бабушка послѣ нѣкотораго молчанія, и опустила лорнетъ.

Бабуринъ изумился.—Чего изволите-съ? пробормоталъ онъ.

— Я спрашиваю тебя: гдѣ ты учился?—Ты такія мудренныя слова употребляешь.

— Я... воспитаніе мое... началъ-было Бабуринъ.

Бабушка презрительно пожала плечомъ.—Стало-быть, перебила она, тебѣ мои распоряженія не нравятся. Это мнѣ совершенно все равно—въ своихъ подданныхъ я властна, и никому за нихъ не отвѣчаю,—только я не привыкла, чтобы въ моемъ присутствіи разсуждали, и не въ свое дѣло мѣшались. Мнѣ ученые филантропы изъ разночинцевъ не надобны; мнѣ слуги надобны безотвѣтныя. Такъ я до тебя жила, и послѣ тебя я такъ жить

буду. Ты мнѣ не годишься: ты уволенъ.—Николай Антоновъ, обратилась бабушка къ дворецкому:—разсчитай этого человѣка; чтобы сегодня же къ обѣду его здѣсь не было. Слышишь? Не введи меня въ гнѣвъ. Да и другого того... дурака приживальщика съ нимъ отправить.—Чего-жъ Ермила ждетъ? прибавила она, снова глянувъ въ окно. Я его осмотрѣла. Ну, чего еще? Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ-бы прогоняя докучливую муху. Потомъ она сѣла на кресло и, обернувшись къ намъ, промолвила угрюмо: «ступайте всѣ люди вонъ!»

Всѣ мы удалились—всѣ, кромѣ казачка дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ «человѣкомъ».

Приказъ бабушки былъ исполненъ въ точности. Къ обѣду, и Бабуринъ, и другъ мой Пунинъ, выѣхали изъ усадьбы. Не берусь описать мое горе, мое искреннее, прямо дѣтское отчаяніе. Оно было такъ сильно, что заглушало даже то чувство благоговѣйнаго удивленія, которое внушила мнѣ смѣлая выходка республиканца Бабурина. Послѣ разговора съ бабушкой, онъ тотчасъ отправился къ себѣ въ комнату и началъ укладываться. Меня онъ не удостоивалъ ни словомъ, ни взглядомъ, хотя я все время вертѣлся около него, то-есть въ сущности—около Пунина. Этотъ со-всѣмъ потерялся—и тоже ничего не говорилъ, за то безпрестанно взглядывалъ на меня, и въ глазахъ его стояли слезы... все однѣ и тѣ же слезы: онѣ не проливались и не высыхали. Онъ не смѣлъ осуждать своего «благодѣтеля». Парамонъ Семенычъ не могъ ни въ чемъ ошибиться, но очень ему было томно и грустно. Мы съ Пунинимъ попытались—было прочесть на прощаніе нѣчто изъ «Россіады»; мы даже заперлись для этого въ чуланъ—нечего было думать идти въ садъ—но на первомъ же стихѣ запнулись оба, и я разревѣлся какъ теленокъ, несмотря на мои двѣнадцать лѣтъ и претензіи быть большимъ. Уже сидя въ тарантасѣ, Бабуринъ обратился наконецъ ко мнѣ и, нѣсколько смягчивъ обычную строгость своего лица, промолвилъ: «Урокъ вамъ, молодой господинъ; помните нынѣшнее происшествіе и, когда вырастете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ пока еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!» Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, я пролепеталъ, что буду... буду помнить, что общаюсь... сдѣлаю... непремѣнно... непремѣнно...

Но тутъ на Пунина, съ которымъ мы передъ тѣмъ разъ двадцать обнялись—(мои щеки горѣли отъ прикосновенія его небри-

той бороды, и весь я былъ пропитанъ его запахомъ) — тутъ на Пунина нашло внезапное изступленіе! Онъ вскочилъ на сидѣнье тарантаса, поднялъ обѣ руки вверхъ и началъ громовымъ голосомъ (откуда онъ у него взялся!) декламировать извѣстное переложеніе Давидова псалма Державинымъ, пѣтой на этотъ разъ — а не царедворцемъ:

Возстань, Всесильный Богъ! Да судить
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ!..
Доколь вамъ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть сохранять законы...

— Сядь! сказалъ ему Бабуринъ.

Пунинъ сѣлъ, но продолжалъ:

Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ...

Пунинъ, при словѣ «сильныхъ» — указалъ пальцемъ на барскій домъ, а потомъ ткнулъ имъ въ спину сидѣвшаго на козлахъ кучера.

Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ!
Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ...

Прибѣжавшій изъ барскаго дома, Николай Антоновъ закричалъ во все горло кучеру: «Пошелъ! ворона! пошелъ, не зѣвай!» и тарантасъ покотился. Только издали еще слышалось:

Воскресни, Боже, Боже правый!..
Приди, суди, карай лукавыхъ —
И будь одинъ Царемъ земли!

— Экой паяцъ! замѣтилъ Николай Антоновъ.

— Недостаточно пороли въ юности, доложилъ появившійся на крылечко дьяконъ. Онъ приходилъ освѣдомиться, въ которомъ часу угодно барынѣ назначить всенощную.

Въ тотъ же день, узнавъ, что Ермилъ находится еще на деревнѣ и только на другое утро рано препровождается въ городъ, я отыскалъ его и, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, вручилъ ему узелокъ, въ который увязалъ два носовыхъ платка, пару стоптанныхъ башмаковъ, гребенку, старую ночную рубашку и совсѣмъ новенькій шелковый галстухъ. Ермилъ, котораго мнѣ

пришлось разбудить—онъ лежалъ на задворкѣ, возлѣ телеги, на охапкѣ соломы—Ермилъ довольно равнодушно, не безъ нѣкотораго даже колебанія, принялъ мой подарокъ, не поблагодарилъ меня, тутъ же уткнулъ голову въ солому и снова заснулъ. Я ушелъ отъ него нѣсколько разочарованный. Я воображалъ, что онъ изумится и возрадуется моему посѣщенію, увидить въ немъ залогъ моихъ будущихъ великодушныхъ намѣреній — и вмѣсто того...

— Эти люди—что ни говори—безчувственны, думалось мнѣ на обратномъ пути.

Бабушка, которая почему-то оставляла меня въ покоѣ весь этотъ памятный для меня день, подозрительно оглянула меня, когда я сталъ, послѣ ужина, съ ней прощаться.

— У васъ глаза красны, замѣтила она мнѣ по-французски — и отъ васъ избою пахнетъ. Не буду входить въ разбирательство вашихъ чувствъ и вашихъ занятій — я не желала бы быть вынужденной наказывать васъ — но надѣюсь, что вы оставите всѣ ваши глупости и будете снова вести себя, какъ прилично благородному мальчику. Впрочемъ, мы теперь скоро вернемся въ Москву, и я возьму для васъ гувернера—такъ какъ я вижу, чтобы справиться съ вами, нужна мужская рука. Ступайте.

Мы дѣйствительно скоро вернулись въ Москву.

II.

[1837]

Прошло семь лѣтъ. Мы по прежнему жили въ Москвѣ—но я былъ уже второкурснымъ студентомъ—и власть бабушки, замѣтно одряхлѣвшей въ послѣдніе годы, не тяготѣла надо мною. Изъ всѣхъ моихъ товарищей я особенно близко сошелся съ нѣкимъ Тарховымъ, веселымъ и добродушнымъ малымъ. Наши привычки, наши вкусы совпадали. Тарховъ былъ большой охотникъ до поэзіи и самъ пописывалъ стихи, во мнѣ тоже не пропали сѣмена, посѣянные Пунинымъ. У насъ, какъ это водится между сблизившимися молодыми людьми, не было тайнъ другъ передъ другомъ. Но вотъ въ теченіи нѣсколькихъ дней я сталъ замѣчать въ Тарховѣ какую-то оживленность и тревогу... Онъ пропадалъ по часамъ—и я не зналъ, гдѣ онъ пропадаетъ, чего прежде никогда не случалось! Я уже собирался потребовать отъ него, во имя дружбы, полной исповѣди... Онъ самъ предупредилъ меня.

Однажды я сидѣлъ у него въ комнатѣ... «Петя,—заговорилъ онъ вдругъ, весело краснѣя и глядя мнѣ прямо въ лицо,—я долженъ познакомить тебя съ моею Музой».

— Съ твоей музой! какъ ты странно выражаешься! Точно классикъ! (Романтизмъ находился тогда, въ 1837 году, въ полномъ разгарѣ.) Развѣ я съ нею давно не знакомъ—съ твоей музой! Новое стихотвореніе ты написалъ, чтó ли?

— Ты меня не понимаешь, возразилъ Тарховъ, все продолжая смѣяться и краснѣть.—Я познакомлю тебя съ живою Музой.

— А! вотъ какъ! Но почему же она—твоя?

— Да потому же... Вотъ стой, кажется, это она идетъ сюда.

Послышался легонькій стукъ проворныхъ каблучковъ—дверь распахнулась—и на порогѣ показалась дѣвушка лѣтъ восемнадцати въ пестренкомъ ситцевомъ платьѣцѣ, съ черной суконной мантилей на плечахъ, съ черной соломенной шляпой на бѣло-курыхъ, немного взбитыхъ волосахъ. Увидѣвъ меня, она испугалась и застыдилась, и подалась назадъ... но Тарховъ тотчасъ вскочилъ ей на встрѣчу.

— Пожалуйста, пожалуйста, Муза Павловна, войдите: это мой закадычный пріятель, прекраснѣйшій человѣкъ—и смиренный-пресмиренный. Его вамъ нечего бояться. Петя, обратился онъ ко мнѣ—рекомендую тебѣ мою Музу—Музу Павловну Виноградову, хорошую мою знакомую.

Я поклонился.

— Какъ же такъ... Музу? началъ-было я...

Тарховъ засмѣялся. А ты не знаешь, что въ святцахъ существуетъ такое имя? И я, братъ, не зналъ, пока вотъ не встрѣтился съ этой милой барышней. Муза! это такое имя прелестное. И какъ къ ней идти!

Я вторично поклонился хорошей знакомой моего пріятеля. Она отдѣлилась отъ двери, ступила раза два и остановилась. Очень она была миловидна, но съ мнѣніемъ Тархова я согласиться не могъ, и даже подумалъ про себя: «Ну, какая она муза!»

Черты ея кругловатаго, розоваго лица были тонки и мелки; свѣжей, бойкой молодостью вѣяло отъ всей ея миниатюрной, стройной фигуры; но музу, олицетвореніе музы я въ то время—да и не я одинъ—всѣ мы, юнцы, представляли себѣ совсѣмъ иначе! Прежде всего муза непременно должна была быть черноволоса и блѣдна! Презрительно-гордое выраженіе, ѣдкая усмѣшка, вдохновенный взглядъ—и то «нѣчто», таинственное, демоническое, фатальное—вотъ безъ чего мы не могли вообразить музу, музу Байрона, тогдашняго властителя людскихъ думъ. Ничего подоб-

наго не замѣчалось на лицѣ вошедшей дѣвушки. Будь я тогда постарше да поопытнѣе — я бы вѣроятно обратилъ больше вниманія на ея глаза, маленькіе, углубленные, съ припухлыми вѣками, но черные какъ агаты, живые и свѣтлые — что рѣдко въ бѣлокуроухъ. Не поэтическія наклонности открылъ бы я въ ихъ торопливомъ, какъ-бы скользившемъ взглядѣ, а признаки страстной, до самозабвенія страстной души... Но я былъ тогда еще очень юнъ.

Я протянулъ Музѣ Павловнѣ руку — она не подала мнѣ своей, — она не замѣтила моего движенія; сѣла на пододвинутый Тарховымъ стулъ, но шляпы и мантильи не сняла.

Ей видимо было неловко: мое присутствіе ее стѣсняло. Она дышала неровно и протяжно, словно воздуху въ себя набирала.

— Я къ вамъ на минуточку, Владиміръ Николаичъ, начала она, — голосъ у ней былъ очень тихій и грудной; въ ея алыхъ, почти дѣтскихъ устахъ онъ казался немного страннымъ; — но наша мадамъ никакъ не хотѣла отпустить меня больше, чѣмъ на полчаса. Третьяго дня вамъ не здоровилось... такъ вотъ я подумала...

Она загнулась, наклонила голову. Осѣненные густыми, низкими бровями, неуловимо бѣгали туда-сюда ея темные глазки. Въ жаркое лѣто, между былинками высохшихъ травъ, попадаются такіе же темные, проворные и блестящіе жучки.

— Какая же вы милая, Муза, Музочка! воскликнулъ Тарховъ. Но посидите, посидите немножко... Мы вотъ самоваръ поставимъ.

— Ахъ, нѣтъ, Владиміръ Николаевичъ! какъ возможно! Я сію секунду должна уйти.

— Отдохните хоть крошечку. Вы запыхались... Вы устали.

— Я не устала. Я... не оттого... Только вотъ... дайте мнѣ другую книжку: эту я прочла. — Она достала изъ кармана истрепанный сѣрый томикъ московскаго изданія.

— Извольте, извольте. А что? понравилась она вамъ? — Рославлевъ, прибавилъ Тарховъ, обратившись ко мнѣ.

— Да. Только Юрій Милославскій, мнѣ кажется, гораздо лучше. Наша мадамъ очень строга на счетъ книгъ. Говорить, онѣ работать мѣшаютъ. Потому, по ея понятіямъ...

— Но вѣдь и Юрій Милославскій не чета Цыганамъ Пушкина? А? Муза Павловна? перебилъ съ улыбкой Тарховъ.

— Еще бы! Цыганы..., протянула она съ разстановкой. Ахъ да, вотъ еще что, Владиміръ Николаичъ; завтра не приходите... куда знаете.

— Почему же?

— Нельзя.

— Да почему?

Дѣвушка пожала плечами, и разомъ, словно что ее толкнуло, встала со стула.

— Куда же вы, Муза, Музочка, жалобно возопилъ Тарховъ. Посидите еще!

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя.—Она проворно подошла къ двери, взялась за ручку...

— Ну хоть книжку возьмите!

— Въ другой разъ.—Тарховъ бросился къ дѣвушкѣ, но та мгновенно юркнула вонъ изъ комнаты. Онъ чуть не стукнулся носомъ о дверь.—Экая! настоящая ящерица! проговорилъ онъ не безъ досады, а потомъ задумался.

Я остался у Тархова. Надо-жъ было узнать, что все это значило. Тарховъ не сталъ скрывать. Онъ разсказалъ мнѣ, что эта дѣвушка-мѣщаночка—швея; что недѣли три тому назадъ онъ въ первый разъ увидалъ ее въ модной лавкѣ, куда онъ зашелъ заказать шляпку по порученію сестры, живущей въ провинціи; что онъ съ перваго взгляда въ нее влюбился, и что ему на другой же день удалось заговорить съ ней на улицѣ; что она сама къ нему, кажется, равнодушна.

— Только ты, пожалуйста, не думай, прибавилъ онъ съ жаромъ — не воображай чего-нибудь дурного о ней. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще ничего не произошло между нами такого...

— Дурного, подхватилъ я; не сомнѣваюсь; не сомнѣваюсь также и въ томъ, что ты объ этомъ искренно сожалѣешь, дружище! Потерпи—все уладится.

— Надѣюсь! промолвилъ Тарховъ со смѣхомъ, хоть и сквозъ зубы.—Но, право, братъ, эта дѣвушка... Я тебѣ скажу—это типъ, знаешь, изъ новыхъ. Ты не успѣлъ разглядѣть ее хорошенько. Она дичѣе: у! какой дичѣе! И съ норовомъ! Да еще съ какимъ! Впрочемъ, самая эта дикость мнѣ въ ней нравится. Признакъ самостоятельности! Я, братъ, просто по уши въ нее врѣзался!

Тарховъ пустился толковать о своемъ «предметѣ» и прочелъ мнѣ даже начало стихотворенія, озаглавленнаго: «Моя Муза». Его сердечныя изліянія мнѣ не припились по вкусу. Я тайнѣ завидовалъ ему. Я скоро ушелъ отъ него.

Нѣсколько дней спустя, мнѣ случилось проходить по одному изъ рядовъ Гостиннаго двора. День былъ субботній; покупщиковъ набралось пропасть; отовсюду, посреди давки и толкотни, разда-

вались зазывные крики сидѣльцевъ. Купивъ, что мнѣ было нужно, я думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе отдѣлаться отъ ихъ назойливаго приставастья—какъ вдругъ остановился... по неволѣ: въ одной фруктовой лавкѣ я увидалъ знакомого моего пріятеля—Музу, Музу Павловну! Она стояла ко мнѣ бокомъ,—и, казалось, чего-то дожидалась. Немного поколебавшись, я рѣшился подойти и заговорить съ нею. Но не успѣлъ я переступить порогъ лавки и снять картузь—какъ она съ ужасомъ отшатнулась, и проворно обернувшись къ старичку въ фризовой шинели, которому лавочникъ отвѣшивалъ фунтъ изюму,—схватила его за руку, какъ-бы прибѣгая подъ его защиту. Тотъ, въ свою очередь обернулся къ ней лицомъ—и представьте мое изумленіе! Кого я узнаю въ немъ? Пунина!

Да, это былъ онъ; это были его воспаленные глаза, его пухлыя губы, его повислый, мягкій носъ. Онъ даже мало измѣнился въ эти семь лѣтъ; развѣ обрюзгъ немного.

— Никандръ Вавилычъ! воскликнулъ я. Вы меня не узнаете? Пунинъ встрепенулся, раскрылъ ротъ, уставился на меня...

— Не имѣю чести, началъ-было онъ—и вдругъ запищалъ: троицкій барчукъ! (имѣніе моей бабушки прозывалось Троицкимъ). Неужели троицкій барчукъ?—Фунтъ изюму вывалился изъ его руки.

— Точно такъ, отвѣтилъ я, и, поднявъ съ полу покупку Пунина, облобызался съ нимъ.

Онъ задыхался отъ радости, отъ волненія; онъ чуть не прослезился, снялъ шапку,—причемъ я могъ убѣдиться, что послѣдніе слѣды волосиковъ исчезли съ его «айца»,—досталъ со дна ея платокъ, высморкался, запихнулъ шапку за пазуху вмѣстѣ съ изюмомъ, надѣлъ ее снова, снова уронилъ изюмъ... Не знаю, какъ держала себя Муза во все это время: я старался на нее не глядѣть. Я не полагаю, чтобы волненіе Пунина происходило отъ излишней привязанности къ моей особѣ: его натура не выдерживала никакого неожиданнаго толчка. — Нервозность бѣдниковъ!

— Пойдемте къ намъ, къ намъ, голубчикъ, залепеталъ онъ наконецъ: вѣдь вы не побрезгаете посѣтить наше укромное гнѣздышко? Вы, я вижу, студентъ...

— Помилуйте, я, напротивъ, буду очень радъ.

— Вы теперь свободны?

— Совершенно свободенъ.

— И прекрасно! Какъ Парамонъ Семенычъ будетъ доволенъ! Сегодня и онъ раньше обыкновеннаго домой возвращается; и ее

вотъ мадамъ отпускаетъ по субботамъ. Да постоитъ, извините, я совсѣмъ съ панталыку сбился. Вы вѣдь съ племянницей нашей незнакомы?

Я поспѣшилъ вернуть, что не имѣлъ еще удовольствія...

— Само собой разумѣется! Гдѣ вы могли съ нею встрѣтиться! Музочка... Забудьте, милостивый государь: эту дѣвицу зовутъ Музой — и это не прозвище, а настоящее ея имя... Какое предопредѣленіе? Музочка, представляю тебя господину... господину...

— Б...у—подсказалъ я.

— Б...у, повторилъ онъ. Музочка! Внимай! Преотличнѣйшаго, прелюбезнѣйшаго юношу видишь ты передъ собою. Меня съ ними судьба свела, когда они еще совсѣмъ въ младыхъ лѣтахъ были! Пропу любить да жаловать!

Я отвѣсилъ низкій поклонъ. Муза, красная, какъ маковъ цвѣтъ, вскинула изъ-подлобья глазами и тотчасъ потупилась.

— А! подумалъ я,—ты изъ тѣхъ, что въ трудныхъ случаяхъ не блѣднѣютъ, а краснѣютъ: это къ соображенію принять слѣдуетъ.

— Не взыщите, она у насъ не модница, замѣтилъ Пунинъ, и вышелъ изъ лавки на улицу; мы съ Музой послѣдовали за нимъ.

Домъ, въ которомъ квартировалъ Пунинъ, находился въ довольно большомъ разстояніи отъ Гостинаго двора, а именно на Садовой улицѣ. Дорогой—мой бывший наставникъ по части поэзіи успѣлъ сообщить мнѣ не мало подробностей о своемъ житіи-бытіи. Со времени нашей разлуки, и онъ, и Бабуринъ, порядкомъ поколесили по святой Руси, и только недавно, полтора года тому назадъ, нашли постоянный пріютъ въ Москвѣ. Бабурина удалось поступить главнымъ письмоводителемъ въ контору богатаго купца-фабриканта. Мѣстечко недоходное, замѣтилъ со вздохомъ Пунинъ,—работы много, пользы мало... да что будешь дѣлать? И то—слава Богу! Я тоже стараюсь приобрѣсть кое-что перепиской да уроками; только старанія мои до сихъ поръ остаются безуспѣшны. Почеркъ у меня вы, можетъ, помните, старозавѣтный, для нынѣшняго вкуса непривѣтный; а что на счетъ уроковъ—много мнѣ препятствуетъ недостатокъ приличной одежды; къ тому же я страшусь, что и въ дѣлѣ преподаванія—преподаванія російской словесности — я такъ же на нынѣшній вкусъ человекъ непригодный; оттого-то я сию голодный. (Пунинъ засмѣялся своимъ силымъ, глухимъ смѣхомъ. Онъ сохранилъ

прежній, нѣсколько возвышенный складъ рѣчи и прежнюю замашку речевую.) Всѣ къ новизнамъ, къ новизнамъ обратились! Чай, и вы старыхъ боговъ уже не почитаете, къ новымъ припадаете?

— А вы, Никандръ Вавилычъ, неужели все еще уважаете Хераскова?

Пунинъ остановился и разомъ взмахнулъ обѣими руками.

— Въ высшей степени, сударь мой! Въ выс...шей сте...пе...ни!

— И Пушкина не читаете? Пушкинъ вамъ не нравится?

Пунинъ опять вознесъ руки выше головы.

— Пушкинъ? Пушкинъ есть змѣя, скрытно въ зеленыхъ вѣтвяхъ сидящая, которой данъ гласъ соловьиный!

Пока мы такимъ образомъ бесѣдовали съ Пунинымъ, осторожно выступая по неровно-сложеннымъ кирпичнымъ тротуарамъ «блочекаменной» Москвы, той самой Москвы, въ которой нѣтъ ни одного камня, и которая вовсе не бѣла — Муза тихонько шла съ нами рядомъ, по ту сторону отъ меня. Говоря о ней, я называлъ ее: ваша племянница. Пунинъ помолчалъ немного, почесалъ затылокъ и сообщилъ мнѣ въ полъ-голоса, что онъ называетъ ее этимъ именемъ... только такъ; что она ему нисколько не доводится съ родни; что она сирота, найденная и призрѣнная Бабуринымъ въ городѣ Воронежѣ; но что онъ, Пунинъ, могъ бы величать ее дочерью, такъ какъ любить ее не хуже дочери настоящей. Я не сомнѣвался въ томъ, что, хотя Пунинъ нарочно понижалъ голосъ, Муза, очень хорошо слышала все, что онъ говорилъ: и сердилась-то она, и робѣла, и стыдилась; тѣни и краски перебѣгали у ней по лицу, и все на немъ слегка двигалось: вѣки и брови, и губы, и узенькія ноздри. Очень все это было мило, забавно и странно.

Но вотъ мы достигли наконецъ «укромнаго гнѣздышка». И точно: очень оно было укромно, это гнѣздышко. Оно состояло изъ небольшого, чуть въ землю не вросшаго, одноэтажнаго домика съ покривившейся тесовой крышей и четырьмя тусклыми окошечками на переднемъ фасѣ. Убранство комнатъ было самое бѣдное, не совсѣмъ даже опрятное. Между окнами и по стѣнамъ висѣло около дюжины крошечныхъ деревянныхъ вѣтвочекъ съ жаворонками, канарейками, щеглами, чижами. «Мои подданные!» — торжественно проговорилъ Пунинъ, указывая на нихъ пальцемъ. Не успѣли мы войти и осмотрѣться, не успѣлъ Пунинъ откомандировать Музу за самоваромъ, какъ появился и самъ Ба-

буринъ. Онъ показался мнѣ постарѣвшимъ гораздо больше Пунина, хотя походка его осталась твердою, и общее выражение лица сохранилось; но онъ похудѣлъ, сгорбилъ, щеки осунулись, и его черную, густую щетину — «сѣдой волосъ развилъ». Меня онъ не узналъ — и никакого особеннаго удовольствія не выказалъ, когда Пунинъ назвалъ меня; онъ даже глазами не улыбнулся, едва головой кивнулъ; спросилъ — весьма небрежно и сухо — жива ли моя *бабка* — да и только. «Меня, молъ, дворянскимъ посѣщеніемъ не удивишь, и нисколько мнѣ оно не лестно». Республиканецъ остался республиканцемъ. Муза вернулась; драхлая старушонка внесла за нею плохо вычищенный самоваръ. Пунинъ засуетился, сталъ меня подчивать; Бабуринъ сѣлъ за столъ, подперъ голову обѣими руками и провелъ кругомъ усталый взглядъ. За чаемъ онъ однако разговорился. Положеніемъ своимъ онъ былъ недоволенъ. «Кулакъ, не человѣкъ», — какъ отзывался онъ о своемъ хозяинѣ; «подначальные люди для него — соръ ничего незначущій; а самъ давно ли сермягу таскалъ? Жестокость одна да алчность. Хуже коронной службы! Да и вся здѣшняя торговля на одномъ надувательствѣ стоитъ и имъ только держится!» Слущая такія невеселыя рѣчи, Пунинъ вздыхалъ сокрушенно, поддакивалъ, покачивалъ головою то сверху внизъ, то съ боку на бокъ; Муза упорно молчала... Её, очевидно, мучила мысль: что я такое, скромный ли человѣкъ или болтунъ? И если я скромничаю, то не съ умысломъ ли? Ея черные, быстрые, безпокойные глаза такъ и мелькали подъ полуопущенными вѣками. Только однажды взглянула она на меня, да такъ пылливо, пронзительно, почти злобно... Я даже вздрогнулъ. Бабуринъ съ нею почти не заговаривалъ; но всякій разъ, когда онъ обращался къ ней, въ его голосѣ слышалась угрюмая, не отеческая ласка.

Пунинъ, напротивъ, то и дѣло заигрывалъ съ Музой; однако она и ему неохотно отвѣчала. Онъ называлъ ее снѣгуркой, снѣжинкой.

— Почему вы Музѣ Павловнѣ такія имена даете? спросилъ я.

Пунинъ засмѣялся. — А потому, что очень она у насъ холодная.

— Благоразумная, подхватилъ Бабуринъ; какъ слѣдуетъ быть молодой дѣвицѣ.

— Мы можемъ ее и хозяйшкой величать — воскликнулъ Пунинъ. — Ась? Парамонъ Семенычъ? — Бабуринъ нахмурился; Муза отвернулась... Я тогда не понялъ этого намека.

Такъ прошло часа два... не очень оживленно, хотя Пунинъ

всячески старался «занять честную компанію». Онъ, между прочимъ, прикорнулъ передъ кѣткой одной изъ своихъ канареекъ, раскрылъ дверцы и скомандовалъ: «На *кумполь*! Валяй концертъ!» — Канарейка тотчасъ выпорхнула, сѣла на *кумполь*, т.-е. на голое темя Пунина и, поворачиваясь съ боку на бокъ и потрясая крыльшками, защебетала изо всѣхъ силъ. Во все продолженіе концерта Пунинъ не шевелился и только пальцемъ слегка дирижировалъ да глаза ѣжилъ. Я не могъ не расхохотаться... но ни Бабуринъ, ни Муза не смѣялись.

Передъ самымъ уходомъ моимъ Бабуринъ удивилъ меня неожиданнымъ вопросомъ. Онъ пожелалъ узнать отъ меня, какъ отъ человѣка, который занимается въ университетѣ, что за личность былъ Зенонъ и какого я о немъ понятія?

— Какой Зенонъ? спросилъ я не безъ изумленія.

— Зенонъ, древній мудрецъ. Неужели онъ остался вамъ неизвѣстнымъ?

Я смутно помнилъ имя Зенона, какъ основателя стоической школы; а впрочемъ рѣшительно ничего больше о немъ не зналъ.

— Да, онъ былъ философъ, проговорилъ я наконецъ.

— Зенонъ, продолжалъ съ разстановкой Бабуринъ—тотъ самый есть мудрецъ, который объяснилъ, что страданіе не есть зло, ибо терпѣніе все преодолагаетъ, а добро есть на семь свѣтъ одно: справедливость; да и самая добродѣтель есть не что иное, какъ справедливость.

Пунинъ съ благоговѣніемъ принялъ ухомъ.

— Сообщилъ мнѣ это изрѣченіе одинъ здѣшній обыватель, у коего много обрѣтается старинныхъ книгъ, продолжалъ Бабуринъ;—очень оно мнѣ понравилось. Но вы, я вижу, такого рода предметами не занимаетесь.

Бабуринъ сказалъ правду. Такими предметами я не занимался—точно. Со времени моего поступленія въ университетъ, я сталъ республиканцемъ не хуже самого Бабурина. О Мирабб и Робеспьерѣ я поговорилъ бы съ наслажденіемъ. Да что Робеспьеръ!.. у меня надъ письменнымъ столомъ висѣли литографированные портреты Фуки-Тенвилля и Шаліа!—Но Зенонъ?! — Откуда принесло Зенона?

Прощаясь со мною, Пунинъ очень настаивалъ на томъ, чтобы я посѣтилъ ихъ на слѣдующій день, въ воскресенье; Бабуринъ не приглашалъ меня вовсе и даже замѣтилъ сквозь зубы, что бесѣда съ людьми простыми, разночинцами, не можетъ мнѣ доставить большое удовольствіе и что, вѣроятно, моей *бабкѣ* бу-

детъ непріятно... На этомъ словѣ я однако перебилъ его рѣчь и далъ ему понять, что бабушка мнѣ больше не указка.

— А во владѣніе имѣніями не вступили?—спросилъ Бабуринъ.

— Нѣтъ, не вступилъ, отвѣчалъ я.

— Ну, и стало быть... Бабуринъ не докончилъ начатой фразы; но я ее докончилъ за него. «Стало быть, я мальчишъ». — Прощайте, сказалъ я громко, и удалился.

Я уже выходилъ со двора на улицу... Муза вдругъ выбѣжала изъ дому и, сунувъ мнѣ въ руку скомканную бумажку, тотчасъ скрылась. У перваго фонарнаго столба я развернулъ эту бумажку. Она оказалась запиской. Съ трудомъ разобралъ я блѣдныя, карандашемъ начертанныя строки. «Ради Бога—писала мнѣ Муза—приходите завтра послѣ обѣдни въ Александровскій садъ возлѣ башни Кутафьи я буду ждать васъ не откажите мнѣ не сдѣлайте меня несчастной мнѣ непременно нужно васъ видѣть». Орфографическихъ ошибокъ въ этой запискѣ не было, но не было такъ же знаковъ препинанія. Я вернулся домой въ недоумѣніи.

Когда за четверть часа до назначеннаго времени, сталъ я, на слѣдующій день, подходить къ башнѣ Кутафѣй (дѣло было въ началѣ апрѣля, почки наливались, травка зеленѣла, и воробьи шумно чирикали и дрались въ обнаженныхъ кустахъ сирени), я, къ немалому моему удивленію, увидѣлъ въ сторонкѣ, недалеко отъ ограды, Музу. Она предупредила меня. Я направился—было къ ней; но она сама пошла мнѣ на встрѣчу.

— Пойдемте къ Кремлевской стѣнѣ, шепнула она уторможеннымъ голосомъ, бѣгая по землѣ опущенными глазами,—а то здѣсь люди.

Мы поднялись по дорожкѣ въ гору.

— Муза Павловна, началъ-было я... Но она тотчасъ меня перебила.

— Пожалуйста, заговорила она тѣмъ же порывистымъ и тихимъ голосомъ,—не судите меня, не думайте чего нехорошаго. Я вамъ письмо написала, свиданье назначила,—потому... я боялась... Мнѣ вчера показалось,—вы словно все посмѣивались.—Послушайте, прибавила она съ внезапнымъ усиленіемъ, и остановилась и повернулась ко мнѣ; послушайте: если вы скажете съ еѣмъ... если вы назовете, у кого мы встрѣтились, я брошусь въ воду, я утоплюсь, я руки на себя наложу!

Она тутъ въ первый разъ взглянула на меня тѣмъ уже знакомымъ мнѣ, пытливымъ и острымъ взглядомъ.

«А вѣдь она, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ... чего добраго?» подумалось мнѣ.

— Помилюйте, Муза Павловна, поспѣшно промолвилъ я, какъ вы можете имѣть о мнѣ такое дурное мнѣніе? Неужели я способенъ выдать пріятеля и повредить вамъ? Да и наконецъ, въ вашихъ отношеніяхъ, сколько я знаю, нѣтъ ничего предосудительнаго... Ради Бога, успокойтесь.

Муза выслушала меня, не трогаясь съ мѣста и не глядя на меня болѣе.

— Я вамъ вотъ еще чтó должна сказать, начала она, снова подвигаясь впередъ по дорожкѣ,—а то вы можете подумать: да она сумасшедшая! Я вамъ должна сказать: на мнѣ этотъ старикъ жениться хочетъ!

— Какой старикъ? Лысый? Пунинъ?

— Нѣтъ—не тотъ; другой... Парамонъ Семенычъ.

— Бабуринъ?

— Онъ самый.

— Неужто? Онъ вамъ предложеніе сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ.

— Но вы, конечно, не согласились?

— Нѣтъ, согласилась... потому что я тогда ничего не понимала. Теперь—другое дѣло.

Я руками всплеснула.—Бабуринъ—и вы! Да вѣдь ему подъятыдесять лѣтъ!

— Онъ говоритъ: сорокъ три. Да это все равно. Будь ему двадцать пять лѣтъ—я за него все-таки не выду. Что за радость! Цѣлая недѣля пройдетъ,—онъ и не улыбнется ни разу! Парамонъ Семенычъ мой благодѣтель, очень я ему обязана, онъ меня прирѣлъ, воспиталъ, я бы пропала безъ него, я должна почитать его, какъ отца... Но женой его быть! Лучше смерть! Лучше прямо въ гробъ!

— Что это вы все о смерти упоминаете, Муза Павловна?..

Муза опять остановилась.

— Да ужъ будто жизнь таковó красна? Я и знакомаго-то вашего, Владиміра-то Николаича, можно сказать, съ тоски да съ печали полюбила,—а тутъ Парамонъ Семенычъ съ своими предложеніями... Пунинъ, тотъ хоть стихами надобѣдаетъ, да не пускаетъ по крайности; не заставляетъ Карамзина читать по вечерамъ, когда у меня отъ усталости голова съ плечъ валится! И на чтó мнѣ эти старики? Еще холодной меня величаютъ. Съ ними—да горячей быть? Станутъ принуждать—уйду. Самъ же Парамонъ Семенычъ все говоритъ: свобода! свобода! Ну вотъ ж

я захотѣла свободы. А то—что-жъ это такое? Всѣмъ воля, а меня въ тюрьмѣ держать? Я ему сама скажу. А коли вы меня выдадите или хоть намекнете—помните: только меня и выдали!

Муза стала поперегъ дороги.

— Только меня и выдали! повторила она рѣзко. Она и въ этотъ разъ глазъ не подняла; она словно знала, что непременно выдастъ себя, покажетъ, что у ней на душѣ, если кто ей прямо въ глаза посмотреть... И именно отъ того она не иначе, какъ въ сердцахъ или съ досадою поднимала взоръ—и тогда уже прямо уставлялась на человѣка, съ которымъ говорила... Но ея небольшое, розовое, миловидное лицо дышало безповоротной рѣшимостью.

«Ну,—мелькнуло у меня въ головѣ,—Тарховъ правъ. Эта дѣвушка—новый типъ».

— Меня вамъ нечего бояться, произнесъ я наконецъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Даже если... Вотъ вы что-то такое сказали объ нашихъ отношеніяхъ... Такъ даже въ случаѣ... Она умоляла.

— И въ этомъ случаѣ вамъ бояться нечего, Муза Павловна. Я вамъ не судья. А тайна ваша погребена—вотъ тутъ. Я указалъ себѣ на грудь. Повѣрьте, я умѣю цѣнить...

— Письмо мое съ вами? внезапно спросила Муза.

— Со мной.

— Гдѣ?

— Въ карманѣ.

— Отдайте мнѣ... скорѣй, скорѣй!

Я досталъ вчерашнюю бумажку. Муза схватила ее своею жесткой ручкой, постояла немного передо мною, какъ-бы собираясь поблагодарить меня; но вдругъ вздрогнула, оглянувшись и, даже не поклонившись, проворно спустилась подъ гору.

Я посмотрѣлъ въ сторону, куда она направлялась. Не вдалекѣ отъ башни, завернутая въ альмавиву—(альмавивы были тогда въ великой модѣ)—виднѣлась фигура, въ которой я тотчасъ призналъ Тархова.

«А, братъ,—подумалъ я,—тебя, стало быть, извѣстили, если ты ее караулишь...»

И, посвистывая себѣ подъ носъ, я отправился домой.

На другое утро, я только что успѣлъ напиться чаю, явился ко мнѣ Цунинъ. Вошелъ онъ въ комнату съ довольно смущеннымъ видомъ, началъ поклоны отвѣшивать, оглядываться, изви-

няться въ своей яко бы нескромности. Я поспѣшилъ его успокоить. Грѣшнѣйшій человѣкъ, я вообразилъ, что Пунинъ пришелъ съ намѣреніемъ занять деньжонокъ. Но онъ ограничился тѣмъ, что попросилъ стаканчикъ чайку съ ромкомъ, благо самоваръ былъ не убранъ. — «Не безъ сердечнаго трепетанія и замиранія шелъ я къ вамъ на свиданіе, — заговорилъ онъ, откусывая кусочекъ сахара. Васъ-то я не боюсь: но страшусь вашей почтенной бабушки! Смиряетъ меня также моя одежда, какъ уже я вамъ докладывалъ.» — Пунинъ провелъ пальцемъ по бортищу своего ветхаго сюртука. — «Дома-то оно ничего, и на улицѣ тоже не бѣда; а какъ попадешь въ золоченныя палаты, — бѣдность твоя тебѣ предстанетъ — и конфузно тебѣ станеть!» — Я занималъ двѣ небольшія комнаты въ антресоли, и конечно никому не пришло бы въ голову назвать ихъ палатами, да еще золочеными; но Пунинъ вѣроятно говорилъ обо всемъ бабушкиномъ домѣ, который, впрочемъ, тоже не отличался роскошью. Онъ попенялъ мнѣ, зачѣмъ я не посѣтилъ ихъ наканунѣ: Парамонъ-моль Семенычъ васъ ожидалъ, хоть и увѣрялъ, что вы ни за что не придете. И Музочка тоже ждала васъ.

— Какъ? и Муза Павловна? спросилъ я.

— И она. А вѣдь миленькая у насъ проявилась дѣвица? Скажите?

— Премиленькая, подтвердилъ я.

Пунинъ съ чрезвычайной быстротой потеря свою обнаженную голову. — «Красавица, сударь мой, перлъ, или даже бриліантъ — истинно вамъ говорю.» — Онъ наклонился къ самому моему уху. — «Тоже дворянская кровь,» — шепнулъ онъ мнѣ; «только — вы понимаете — съ лѣвой стороны; запретнаго плода вкушено было. Ну-съ, родители померли, родственники отступились и бросили на произволъ судьбы! значить: отчаяніе, голодная смерть! Но тутъ вступаетъ Парамонъ Семенычъ, извѣстный, стародавній избавитель! Взялъ, одѣлъ, согрѣлъ — вывелъ птенчика; и расцвѣла наша радость! Я вамъ говорю: рѣдчайшихъ достоинствъ человѣкъ!»

Пунинъ откинулся на спинку кресла, вскинулъ руками и снова наклонившись впередъ, снова началъ шептать, но еще таинственнѣе: «вѣдь и самъ Парамонъ Семенычъ... Вы не знаете? онъ тоже происхожденія высокаго — и тоже съ лѣвой стороны. Говорятъ — его отецъ былъ владѣтельный Грузинскій князь изъ племени Царя Давыда... Какъ вы это понимаете? Въ немногихъ словахъ — а сколько сказано?! Кровь Царя Давыда! Каково? А по другимъ извѣстіямъ, родоначальникомъ Парамона Семеныча

— былъ нѣкій индiйскiй Шахъ Бабуръ Бѣлая Кость! Хорошо вѣдь и это? А?»

— Чтожъ? спросилъ я—и его, Бабурина, тоже бросили на произволъ судьбы?

Пунинъ опять потеръ свое темя.—Непремѣнно! И даже съ большою жестокостью, чѣмъ нашу кралечку! Съ раннаго дѣтства—одна борьба! Я даже, признаться, по этому случаю, вдохновясь Рубаномъ, четверостишiе къ портрету Парамона Семеныча сложилъ. Пойдите... какъ бишь? Да!

Съ пеленокъ не щадя гоненiй лютыхъ рокъ
Ко краю бездны золъ Бабурина привлѣкъ!
Но огнь во мглѣ, златъ лучъ на гнищѣ блистаетъ.—
И се! побѣднй лавръ чело его вѣнчаетъ!

Пунинъ произнесъ эти стихи размѣреннымъ, глѣбучимъ голосомъ, какъ и слѣдуетъ читать стихи.

— Такъ вотъ отчего онъ республиканецъ! воскликнулъ я.

— Нѣтъ, не оттого, простодушно отвѣчалъ Пунинъ.—Онъ отцу давно простилъ; но несправедливость перенести никоимъ образомъ не можетъ; чужая печаль его тревожить!

Я собирался навести рѣчь на то, что я узналъ наканунѣ отъ Музы, а именно, на сватовство Бабурина,—да не зналъ, какъ приступить.—Пунинъ самъ вывелъ меня изъ затрудненья.

— Вы ничего не замѣтили? спросилъ онъ меня вдругъ, лукаво прищуривъ глазки.—Какъ у насъ были? ничего особеннаго?

— Да развѣ было что замѣчать? спросилъ я въ свою очередь.

Пунинъ оглянулся черезъ плечо, какъ-бы желая удостовѣриться, что насъ никто не подслушиваетъ.—Наша красоточка Музочка скоро станетъ замужней дамой!

— Какъ?

— Госпожей Бабуриной, напряженно произнесъ Пунинъ, и нѣсколько разъ ударивъ себѣ ладонями по колѣнямъ, закивалъ головою какъ фарфоровый китаецъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ я съ притворнымъ изумленьемъ.

Голова Пунина немедленно остановилась, и руки его замерли.—А почему же: не можетъ быть? позвольте полюбопытствовать?

— Потому что Парамонъ Семенычъ въ отцы бы годился вашей барышнѣ; потому что такое различiе въ лѣтахъ исключаетъ всякую вѣроятность любви—со стороны невѣсты.

— Исключаетъ! съ азартomъ подхватилъ Пунинъ. А благодарность? А чистота сердечная? А нѣжность чувствъ? Исключаетъ!

Вы бы хоть то сообразить изволили: положимъ, Муза прекраснѣйшая дѣвица; но заслужить расположеніе Парамона Семеныча, быть его утѣхой, подпорой—супругой наконецъ! развѣ это не есть высочайшее счастье даже для такой дѣвицы? И она это понимаетъ! Вы посмотрите, бросьте внимательный взглядъ! Музочка передъ Парамономъ Семенычемъ вся благоговѣніе, вся трепеть и восторгъ!

— Въ томъ-то и бѣда, Никандръ Вавилычъ, что она, какъ вы говорите, вся трепеть. Кого любишь, передъ тѣмъ не трепещешь.

— И съ этимъ я несогласенъ! Вотъ я, наприимѣръ: ужъ больше моего, кажется, невозможно любить Парамона Семеныча, а я... я трепещу передъ нимъ.

— Да вы—другое дѣло.

— Почему другое дѣло? почему? почему? перебилъ Пунинъ. Я просто не узнавалъ его: онъ горячился, серьёзничалъ, чуть не сердился—и не римовалъ.—Нѣтъ, твердилъ онъ, я замѣчаю: у васъ око не проницательное! Нѣтъ! Вы не сердецвѣдецъ!—Я пересталъ ему противорѣчить; и чтобы придать иное направленіе разговору, предложилъ заняться, по старой памяти, чтеніемъ.

Пунинъ помолчалъ.

— Изъ прежнихъ? Изъ настоящихъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ; изъ новыхъ.

— Изъ новыхъ? повторилъ недовѣрчиво Пунинъ.

— Изъ Пушкина, отвѣчалъ я. Мнѣ вдругъ пришли въ голову «Цыгане», о которыхъ упомянулъ недавно Тарховъ. Тамъ же вѣсти пѣсенка поется о старомъ мужѣ. Пунинъ поворчалъ немного, но я усадилъ его на диванъ, чтобы ему было удобнѣе слушать, и принялся читать Пушкинскую поэму. Вотъ дошло дѣло до «старого мужа, грозного мужа»—Пунинъ выслушалъ пѣсенку до конца—и вдругъ порывисто поднялся.

— Не могу, промолвилъ онъ съ глубокимъ, меня самого поразившимъ волненіемъ:—извините меня; не могу я слушать болѣе сего сочинителя. Онъ безнравственный пашевилантъ; онъ лжець... онъ меня смущаетъ. Не могу! Позвольте прекратить мое сегодняшнее посѣщеніе.

Я началъ уговаривать Пунина остаться; но онъ настаивалъ на своемъ съ какимъ-то тупымъ и испуганнымъ упорствомъ; повторилъ нѣсколько разъ, что онъ чувствуетъ смущеніе и желаетъ освѣжиться на воздухъ—и при этомъ его губы слегка дрожали, и глаза его избѣгали моихъ глазъ—точно я обидѣлъ его. Такъ онъ и ушелъ.

А спустя немного и я вышелъ изъ дому, и отправился къ Тархову.

Ни у кого не спросяся, по студенческой привычной безцеремонности, я прямо пробрался къ нему на квартиру. Въ первой комнатѣ никого не было. Я влихнулъ Тархова по имени, и, не получивъ отвѣта, хотѣлъ-было удалиться; но дверь сосѣдней комнаты растворилась—и появился мой пріятель. Онъ какъ-то странно взглянулъ на меня и молча пожалъ мнѣ руку. Я пришелъ къ нему съ тѣмъ, чтобы пересказать ему все, что я узналъ отъ Пунина; и хотя я тотчасъ почувствовалъ, что посѣтилъ Тархова не въ пору, однако, поговоривъ немного о предметахъ постороннихъ, кончилъ-таки тѣмъ, что сообщилъ ему намѣреніе Бабурина на счетъ Музы. Это извѣстіе, повидимому, не очень его удивило; онъ тихонько подсѣлъ къ столу и, внимательно вперивъ въ меня глаза и безмолвствуя по прежнему, придалъ чертамъ своимъ выраженіе... такое выраженіе, точно онъ желалъ сказать: «ну, что ты еще сообщишь? Ну, излагай свои мысли». Я попристальнѣе посмотрѣлъ ему въ лицо... Оно мнѣ показалось оживленнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ, нѣсколько даже наглымъ. Но это не помѣшало мнѣ «изложить свои мысли». Напротивъ. «Ты форсъ свой выказываешь», подумалось мнѣ; «такъ и я-жъ тебя падить не стану!» И тутъ же, немедленно приступилъ къ разсужденію о вредѣ внезапныхъ увлеченій, объ обязанности каждаго человѣка уважать свободу и личность другого человѣка,—словомъ, приступилъ къ преподаванію полезныхъ и дѣльныхъ совѣтовъ. Разглагольствуя такимъ манеромъ, я, для болѣшей легкости, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Тарховъ не перебивалъ меня и не шевелился на своемъ стулѣ: только пальцами игралъ по подбородку.

— Я знаю, говорилъ я... (Что собственно побуждало меня говорить—мнѣ самому оставалось неяснымъ, вѣроятно же всего—зависть;—не служеніе же нравственности въ самомъ дѣлѣ!) Я знаю, говорилъ я, что это дѣло не легкое, не шуточное; я увѣренъ, что ты любишь Музу и что Муза тебя любить, что это съ твоей стороны не мгновенная прихоть... Но вотъ, положимъ! (Тутъ я скрестилъ руки на груди)... Положимъ: ты удовлетворишь свою страсть, а дальше что? Вѣдь ты не женишься на ней? И между тѣмъ ты разрушаешь счастье хорошаго, честнаго человѣка, ея благодѣтеля—и—кто знаетъ? (тутъ мое лицо выразило, въ одно и то же время, и проникательность, и грусть)—быть можетъ, и ея собственное счастье...

И т. д. и т. д. и т. д.!!!

Около четверти часа дилась моя рѣчь. Тарховъ все молчалъ. Меня начинало смущать это молчаніе. Я изрѣдка взглядывалъ на него, не столько для того, чтобы удостовѣриться во впечатлѣніи, которое производили мои слова, сколько для того, чтобы понять, отчего это онъ не возражаетъ и не соглашается, а сидитъ словно глухо-нѣмой? Мнѣ наконецъ, однако, показалось, что въ лицѣ его происходитъ... да, дѣйствительно происходитъ перемена. Оно стало выражать безпокойство, тревогу, тоскливую тревогу... Но странное дѣло! то оживленное, свѣтлое, смѣющееся нѣчто, то, что поразило меня съ самаго перваго взгляда на Тархова, все-таки не повидало этого встревоженнаго, этого тоскливаго лица! Я еще не зналъ, поздравлять ли мнѣ самого себя съ успѣхомъ своей проповѣди, какъ вдругъ Тарховъ поднялся и, стиснувъ мнѣ обѣ руки, промолвилъ скороговоркой: «Благодарю, благодарю... Ты мнѣ настоящій другъ... но теперь оставь меня пожалуйста».

Я изумился.—Тебя... оставить?

— Да. Вотъ видишь ли, я долженъ поразмыслить хорошенько о всемъ, что ты сейчасъ сказалъ... Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ты правъ... но теперь оставь меня!

— Ты въ такомъ волненіи... началъ я.

— Въ волненіи? я? — Тарховъ засмѣялся, но тотчасъ спохватился.—Да; конечно. Какъ же иначе? ты самъ говоришь: это не шутка. Да; объ этомъ надо подумать... наединѣ.—Онъ продолжалъ стискивать мнѣ руки.—Прощай, братъ, прощай!

— Прощай, повторилъ я. Прощай, братъ!—Уходя, я бросилъ послѣдній взглядъ на Тархова. Онъ казался доволенъ. Чѣмъ? Тѣмъ ли, что я, какъ вѣрный другъ и товарищъ, указалъ ему опасность пути, на который онъ занесъ ногу — или тѣмъ, что я уходилъ? Разнообразнѣйшія мысли вертѣлись у меня въ головѣ цѣлый день до самаго вечера—до самой той минуты, когда я вступилъ въ домъ, занимаемый Пунинымъ и Бабуринымъ, ибо я пошелъ къ нимъ въ тотъ же день.

Пунинъ сказывалъ мнѣ, во время своего посѣщенія, что меня у нихъ ожидали наканунѣ. Быть можетъ; но въ тотъ день рѣшительно никто не ожидалъ меня... Я засталъ всѣхъ дома, и всѣ удивились моему появленію. Бабуринъ и Пунинъ—оба были нездоровы; у Пунина голова болѣла, и онъ лежалъ калачикомъ на лежанкѣ, повязавъ голову пестрымъ платкомъ и приложивъ по разрыванному огурцу къ каждому виску. Бабуринъ страдалъ разлитіемъ желчи: весь желтый, почти бурый, съ темными кругами

вокругъ глазъ, съ наморщеннымъ лбомъ и небритой бородой — онъ мало походилъ на жениха! Я хотѣлъ уйти... Однако меня не отпустили и даже напоили чаемъ. Невеселый провелъ я вечерокъ. У Музы, правда, ничего не болѣло, она даже дичилась меньше обыкновеннаго, но ясно досадовала, злилась... Наконецъ она не вытерпѣла — и подавая мнѣ чашку чаю, торопливо прошептала: «Вы что тамъ ни говорите, какъ вы ни старайтесь, а ничего вы не подблагаете... Такъ-то!» Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее и, улучивъ удобную минутку, спросилъ ее тоже въ полголоса: — Какой смыслъ вашихъ словъ? — «А такой смыслъ», отвѣчала она, и черные ея глаза, злобно блеснувъ изъ-подъ надвинутыхъ бровей, уперлись мнѣ въ лицо, и тотчасъ отклонилась въ сторону: «такой смыслъ, что я все слышала, что вы сегодня тамъ говорили и спасибо вамъ сказать нѣ за что, а будетъ все-таки не по вашему». — Вы были тамъ? невольно вырвалось у меня... Но тутъ Бабуринъ насторожился и глянулъ въ нашу сторону. — Муза отошла отъ меня прочь.

Минутъ десять спустя ей опять удалось приблизиться ко мнѣ. Ей словно было пріятно говорить мнѣ смѣлыя и опасныя вещи, и говорить ихъ въ присутствіи своего покровителя, подъ его наблюденіемъ, ровно настолько скрываясь, насколько оно было нужно для того, чтобы не возбудить его подозрительность. Известное дѣло: ходить въ обрѣвъ, по самому краю пропасти — любимое женское занятіе. — «Да, я была тамъ», шептала Муза, не мѣняясь въ лицѣ; только ноздри ея слегка трепетали и губы криво подергивало. — «Да, и если Парамонъ Семеновъ меня спроситъ, о чемъ я съ вами теперь перешептываюсь, я сейчасъ ему скажу. Что мнѣ!»

— Будьте же осторожныѣ, убѣждала я ее, право, кажется, они замѣчаютъ...

— Я же вамъ говорю, что я готова все сказать. Да и кто замѣчаетъ? Одинъ съ лежанки шею вытягиваетъ, точно больной утѣнокъ, да и не слышитъ ничего; а другой о философіи размышляетъ. Вы не бойтесь! — Голосъ Музы слегка возвышался и щеки ея понемногу красѣли какой-то злорадной, тусклой краской; и чудесно шло это къ ней, и никогда она не была такъ хороша собою. Убирая со стола, разставляя по мѣстамъ чашки, блюдечки, она быстро двигалась по комнатѣ; было что-то вызывающее въ ея развязной, легкой походкѣ. — «Судите, молъ, меня, какъ знаете, а я сама по себѣ, и васъ не боюсь.»

Не могу скрыть, что Муза мнѣ казалась обаятельной, именно въ тотъ вечеръ. Да, думалось мнѣ, эта злюка — это новый тигръ...

Это—прелестъ. Эти руки, пожалуй, ударить могутъ... Что-жъ! Не бѣда!

Когда я вышелъ въ переднюю, она проводила меня, конечно, не изъ вѣжливости, а все изъ того же злорадства. Я спросилъ ее на прощанье:—Неужто вы такъ сильно его любите?

— Люблю, не люблю-ли, про то я знаю, отвѣчала она; а только чему быть, того не миновать.

— Смотрите, не играйте съ огнемъ... сгорите.

— Лучше сгорѣть, чѣмъ замерзнуть. А вы... съ вашими со-вѣтами! И почему вы знаете, что онъ не женится на мнѣ? Почему вы знаете, что я непременно хочу выйти замужъ? Ну, я пропаду... Вамъ-то что за дѣло?

Она захлопнула за мною дверь.

Помнится, на возвратномъ пути домой, мнѣ было довольно приятно думать, что моему другу, Владиміру Тархову, можетъ придтись—ой, ой, ой, какъ солоно отъ «новаго типа»... Долженъ же онъ хоть чѣмъ-нибудь поплатиться за свое счастье!

Въ томъ, что онъ будетъ счастливъ, я, къ сожалѣнію, не могъ сомнѣваться.

Прошло дня три. Я сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ письменнымъ столомъ, и не столько работалъ, сколько собирался завтракать... услышалъ порохъ, поднялъ голову и остолбѣлъ. Передо мною — неподвижное, страшное, бѣлое, какъ мѣль, стояло привидѣніе... стоялъ Пунинъ. Медленно мигая, глядѣли на меня его съѣженные глазки: бессмысленный, заячій испугъ выражали они, и руки висѣли, какъ плети.

— Никандръ Вавилычъ! Что съ вами? Какъ вы сюда попали? Никто не видалъ васъ? Что случилось? Да говорите же!

— Сбѣжала,—произнесъ Пунинъ едва слышнымъ, слабымъ шепотомъ.

— Что вы говорите?

— Сбѣжала, повторилъ онъ.

— Кто?

— Муза. Ушла ночью и записку оставила.

— Записку?

— Да. Благодарю, молъ, но уже болѣе не вернусь. Не ищите. Мы туда—сюда; спрашиваемъ кухарку: та ничего не знаетъ. Я не могу громко говорить, извините. Голосъ сорвался.

— Муза Павловна васъ оставила! воскликнулъ я. Скажите! Г-нъ Бабуринъ долженъ быть въ отчаяніи. Что же онъ намѣренъ теперь сдѣлать?

— Ничего онъ не намѣренъ сдѣлать. Я хотѣлъ бѣжать къ генералъ-губернатору: запретилъ. Я хотѣлъ подать въ полицію объявленіе: запретилъ и даже прогнѣвался. Говорить: ея воля. Говорить: притѣснять не желаю. Даже на службу въ свою контору отправился. Только, конечно, облика человѣческаго уже на немъ не имѣется. Больно много любилъ онъ ее... Охъ, охъ, много мы оба ее любили!

Тутъ Пунинъ впервые обнаружилъ, что онъ не истуканъ, а живой человѣкъ: поднялъ оба кулака вверхъ и опустилъ ихъ себѣ на темя, доснившееся какъ слоновая востъ.

— Неблагодарная! простоналъ онъ; кто тебя кормилъ, помилъ, спасъ, обулъ, воспиталъ; кто заботился о тебѣ, кто всю жизнь, всю душу... А ты все забыла? Меня бросить, конечно, не шука, но Парамона Семеныча, Парамона...

Я попросилъ его присѣсть, отдохнуть...

Пунинъ отрицательно повачалъ головою. — Нѣтъ, не надо. Я и пришелъ-то къ вамъ... не знаю зачѣмъ. Я, какъ ошалеѣвшій: остаться дома одному — жутко; куда дѣться? Стану посреди комнаты, закрою глаза и зову: Муза! Музочка! Этакъ съ ума сойдешь. Да нѣтъ, что я вру? Я знаю, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ. Вы вотъ мнѣ намеднишь ту треклятую пѣсенку прочли... помните, гдѣ говорится о старомъ мужѣ? Зачѣмъ вы это сдѣлали? Али вы ужъ что знали тогда... или догадывались? Пунинъ глянулъ на меня. — Батюшка, Петръ Петровичъ, воскликнулъ онъ вдругъ и затрепеталъ весь — вамъ, быть можетъ, извѣстно, гдѣ она находится? Батюшка, къ кому она ушла?

Я смутился и по неволѣ опустилъ глаза...

— Развѣ она въ своемъ письмѣ сказала вамъ, началъ я...

— Она сказала, что уходитъ отъ насъ, потому что полюбила другого! Батюшка, голубчикъ, вы навѣрное знаете, гдѣ она! Спасите ее, пойдите къ ней; мы ее уговоримъ. Помилуйте, посудите, кого она убила? Пунинъ вдругъ покраснѣлъ, вся кровь прилила ему въ голову, онъ тяжело грохнулся на колѣни. Спасите, отецъ, пойдите къ ней!

Человѣкъ мой появился на порогѣ и остановился въ недоумѣніи.

Не малаго труда стоило мнѣ поднять Пунина снова на ноги, растолковать ему, что если я даже что-нибудь и подозреваю, то все-таки нельзя дѣйствовать такъ, сплеча, особенно вдвоемъ; что этимъ только все дѣло испортить, что я готовъ попытаться, но ни за что не отвѣчаю. Пунинъ не возражалъ мнѣ, но и не слушалъ меня и лишь изрѣдка повторялъ своимъ надорваннымъ

голоскомъ:—Спасите, спасите ее и Парамона Семеныча. Онъ наконецъ заплакалъ.—Скажите, по крайней мѣрѣ, одно, спросилъ онъ, что... онъ хорошъ собою, молодежь?

— Молодежь, отвѣчалъ я.

— Молодежь, повторилъ Пунинъ, размазывая по щекамъ слезы. И она молода... Вотъ въ чемъ вся бѣда!

Эта рѣма припалась случайно; бѣдному Пунину было не до поэзій. Я бы дорого далъ, чтобы снова услышать отъ него вѣтвятыя рѣчи, или хотя его почти беззвучный смѣхъ... Увы! тѣ рѣчи исчезли навсегда,—я не слыхалъ болѣе его смѣха.

Я общался навѣстить его, какъ только узнаю что-нибудь положительное... Тархова я, однако, не назвалъ,—Пунинъ вдругъ опустился весь. — «Хорошо-съ, хорошо-съ, спасибо-съ», замѣтилъ онъ съ убогой ужимочкой, и вставляя слово ерики, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ;—только знаете-съ, Парамону Семенычу не говорите-съ ничего-съ... а то онъ разсердится!—Одно слово: запрети! Прощайте-съ, сударь!»

Уходя, и повернувшись ко мнѣ спиною, Пунинъ показался мнѣ такимъ мизернымъ, что я даже удивился: и хромать-то онъ на обѣ ноги, и присѣдалъ на каждомъ шагѣ...

«Плохо дѣло! Finis, что называется»,—подумалъ я.

Хотя я общалъ Пунину собрать свѣдѣнія о Музѣ, однако, отправляясь въ тотъ же день къ Тархову, я нисколько не надѣялся что-нибудь узнать, ибо навѣрное полагалъ, что либо я не застаю его дома, либо онъ меня не приметъ. Предположеніе мое оказалось ошибочнымъ: я засталъ Тархова дома, онъ меня принялъ, и я даже узналъ все, что хотѣлъ узнать, но пользы отъ этого не вышло никакой. Тарховъ, какъ только я перешагнулъ порогъ его двери, подошелъ ко мнѣ рѣшительно, быстро и съ сіяющими, горящими глазами на похорошѣвшемъ и просвѣтленномъ лицѣ, твердо и бойко промолвилъ:—Слушай, братъ Пета! Я догадываюсь, зачѣмъ ты пришелъ и о чемъ ты собираешься говорить со мною; но предупреждаю тебя, что если ты хотя единымъ словомъ упомянешь о ней, или объ ея поступкѣ, или о томъ, что, по твоему, мнѣ повелѣваетъ благоразуміе—мы больше не друзья, мы даже не знакомые, и я буду просить тебя быть со мною, какъ чужой.

Я посмотрѣлъ на Тархова: онъ весь внутренно трепеталъ, какъ натянутая струна, онъ весь звенѣлъ, онъ едва сдерживалъ

порывы поднимавшейся молодой крови, сильное, радостное счастье ворвалось ему въ душу и завладѣло имъ—и онъ имъ завладѣлъ.

— Это твое неизмѣнное рѣшеніе? произнесъ я печально.

— Да, братъ Петя, неизмѣнное.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается сказать тебѣ: прощай!

Тарховъ слегка прищурился... Ужъ очень ему было хорошо.

— Прощай, братъ Петя, проговорилъ онъ немножко въ носъ, съ откровенной улыбкой, весело сверкнувъ всѣми своими бѣлыми зубами.

Что мнѣ было дѣлать? Я оставилъ его съ его «счастьемъ».

Когда я захлопнулъ за собою дверь, другая дверь въ комнату, я это слышалъ, хлопнула тоже.

Не легко мнѣ было на сердцѣ и на слѣдующій день, когда я поплелся къ своимъ злополучнымъ знакомцамъ. Я втайнѣ надеялся—такова слабость человѣческая!—что не застаю ихъ дома, и опять ошибся. Оба были дома. Перемена, происшедшая съ ними въ послѣдніе три дня, поразила бы всякаго. Пунинъ весь побѣлѣлъ и отѣкъ. Куда дѣвалась его болтливость? Онъ говорилъ вяло, слабо, все тѣмъ же сильнымъ голосомъ, и видъ имѣлъ изумленный и потерянный. Бабуринъ, напротивъ, скорчился и почернѣлъ; несловоохотливый и въ прежнее время, онъ теперь едва произносилъ отрывистые звуки; выраженіе окаменѣлой строгости такъ и замерло на его чертахъ.

Я чувствовалъ, что молчать было невозможно, но что было сказать? Я ограничился тѣмъ, что шепнулъ Пунину: ничего я не узналъ, и мой совѣтъ вамъ: бросьте всякую надежду. Пунинъ взглянулъ на меня своими опухшими красными глазѣнками—только и осталось у него краснаго на всемъ лицѣ,—пробормоталъ что-то невнятное и отворачивалъ въ сторону. Бабуринъ, вѣроятно, догадался, о чемъ шла рѣчь у насъ съ Пунинымъ, и, раскрывъ свои стиснутыя, словно склеенныя губы, произнесъ неспѣшнымъ голосомъ:—«Милостивый государь! со времени вашего послѣдняго посѣщенія у насъ случилась неприятность: воспитанница наша, Муза Павловна Виноградова, не находя болѣе удобнымъ жить съ нами, рѣшилась насъ покинуть, о чемъ оставила намъ письменное заявленіе. Не считая себя въ правѣ ей препятствовать, мы предоставили ей поступать по ея благоусмотрѣнію. Желая, чтобы ей было хорошо,—прибавилъ онъ не безъ усилія,—а васъ покорнѣйше просимъ объ этомъ предметѣ не упоминать, такъ какъ подобныя рѣчи бесполезны и даже огорчительны».

«Вотъ и этотъ, какъ и Тарховъ, запрещаетъ мнѣ говорить о Музѣ», подумалось мнѣ, и не могъ я внутренно не подивиться, какъ это ни одинаго упрека, ни одинаго горькаго слова не сорвалось съ устъ Бабурина! Не даромъ же онъ такъ высоко цѣнилъ Зенона. Я хотѣлъ-было сообщить ему нѣчто объ этомъ мудрецѣ, но языкъ у меня не повернулся, и хорошо сдѣлалъ.

Я скоро ушелъ во-свояси. Разставаясь со мною, ни Пунинъ, ни Бабуринъ не сказали мнѣ: до свиданья!—оба въ одинъ голосъ промолвили: прощайте-съ! Пунинъ даже возвратилъ мнѣ книжку «Телеграфа», которую я принесъ ему: теперь-молъ мнѣ этого больше уже не надо.

Недѣлю спустя со мной произошла странная встрѣча. Весна наступила ранняя, крутая; въ полдень жара доходила до восемнадцати градусовъ. Все зеленѣло и лѣзло изъ разрыхленной, сырой земли. Я нанялъ въ манежѣ верхового коня и отправился за городъ, на Воробьевы-горы. На дорогѣ мнѣ попалась тележка, запряженная парой лихихъ, до самыхъ ушей забрызганныхъ вятковъ, съ заплетенными хвостами, съ красными лентами въ чолкахъ и гривахъ. Сбруя на лошадахъ была охотничья, съ мѣдными бляхами и кистями, — и правилъ ими молодой щеголь-ямщикъ въ синей поддѣвѣ безъ рукавовъ и желтой канаусовой рубахѣ, въ низкой позрековой шляпѣ съ павлинымъ перомъ вокругъ тульи. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвушка мѣщанскаго или купеческаго званія, въ пестрой парчевой кацавейкѣ, съ большимъ голубымъ платкомъ на головѣ—и такъ и заливалась смѣхомъ. Ямщикъ ухмылялся тоже. Я повернулъ своего коня въ сторону, а впрочемъ не обратилъ особаго вниманія на быстро-мелькнувшую веселую чету,—какъ вдругъ парень гикнулъ на лошадей... Да это голосъ Тархова! Я оглянулся... Точно: онъ; несомнѣнно онъ, наряженный ямщикомъ, а возлѣ него—ужъ не Муза-ли?

Но въ это мгновеніе вятки подхватили, и только я ихъ и видѣлъ. Я было пустилъ моего коня въ галопъ вслѣдъ за ними, но это былъ старый манежный драбантъ, съ такъ-называемымъ генеральскимъ аллюромъ въ раскачку: галопомъ онъ шелъ еще тише, чѣмъ рысю.

— Гуляйте, любезные! проворчалъ я сквозъ зубы.—Должно замѣтить, что Тархова я не видѣлъ въ теченіи всей педѣли, хотя раза три заходилъ къ нему. Его никогда не было дома. Бабурина и Пунина я тоже не видѣлъ... Я ихъ не посѣщалъ.

Я простудился на моей прогулкѣ: хотя и было очень жарко, но вѣтеръ дулъ пронзительный. Я опасно заболѣлъ — и когда я

выздоровѣлъ, мы съ бабушкой отправились въ деревню—«на подножный кормъ»—по совѣту доктора. Въ Москву я уже больше не попалъ; къ осени я перешелъ въ Петербургскій университетъ.

III.

[1849]

Прошло уже не семь, а цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, и мнѣ ступнулъ тридцать-второй годъ. Бабушка давно скончалась; я жилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Тархова я потерялъ изъ виду: поступилъ онъ въ военную службу и находился почти постоянно въ провинціи. Мы съ нимъ встрѣтились раза два по-пріятельски, радушно; но разговоры наши не касались прошедшаго. Въ эпоху второй нашей встрѣчи, онъ, сколько мнѣ помнится, былъ уже женатъ. Однажды, въ знойный лѣтній день, я, проклиная и служебныя обязанности, удерживавшія меня въ Петербургѣ, и городскую духоту, вонь и пыль, пробирался по Гороховой улицѣ. Погребальная процессія перебила мнѣ дорогу. Вся она состояла изъ единственной колесницы, т.-е. собственно говоря, изъ дряхлыхъ дрогъ, на которыхъ, грубо подбрасываемый толчками ухабистой мостовой, колыхался убогій деревянный гробъ, до половины прикрытый потертымъ чернымъ сукномъ. Старый человѣкъ, съ бѣлой головою выступалъ одинъ за дорогами.

Я вглядѣлся въ него... Лицо знакомое... Онъ тоже повелъ на меня глазами... Боже мой! да это Бабуринъ!

Я снялъ шляпу, подошелъ къ нему, назвалъ себя—и отправился съ нимъ рядомъ.

— Кого вы хороните? спросилъ я.

— Никандра Вавилыча Пунина, отвѣчалъ онъ.

Я предчувствовалъ, я заранѣе зналъ, что онъ назоветъ это имя, и сердце все-таки дрогнуло во мнѣ. Грустно стало мнѣ, и радъ я былъ, что случай доставилъ мнѣ возможность отдать послѣдній долгъ моему наставнику...

— Могу я идти съ вами, Парамонъ Семенычъ.

— Можете... Я одинъ провожалъ его; теперь насъ будетъ двое.

Больше часа продолжалось наше шествіе. Спутникъ мой подвигался, не поднимая глазъ, не разжимая губъ. Онъ окончательно состарѣлся съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній

разъ; изрытое морщинами, мѣднаго цвѣта лицо, рѣзко отдѣлялось отъ бѣлыхъ волосъ. Слѣды трудовой, терпкой жизни, постоянной борьбы, сказывались во всемъ существѣ Бабурина: обглодала его нужда да бѣдность. Когда все покончилось, когда то, что было Пунинымъ, на вѣки скрылось въ сырой... ужъ точно сырой землѣ Смоленскаго кладбища, Бабуринъ, постоявъ минуты двѣ съ потупленной, непокрытой головою передъ ново-выросшимъ холмикомъ песчаной глины, обратилъ ко мнѣ свое изможденное, какъ-бы ожесточенное лицо, свои сухіе, впалые глаза, угрюмо поблагодарилъ меня и хотѣлъ-было удалиться; но я удержалъ его.

— Гдѣ вы живете, Парамонъ Семеновъ? Позвольте васъ навѣстить. Я не зналъ вовсе, что вы живете въ Петербургѣ. Мы бы старое вспомнили, побесѣдовали бы о покойномъ нашемъ другѣ.

Бабуринъ не тотчасъ отвѣтилъ мнѣ.

— Я третій годъ какъ въ Петербургѣ обрѣтаюсь, промолвилъ онъ наконецъ; — квартирую я на самомъ концѣ города. Впрочемъ, если вы точно желаете меня посѣтить, приходите. — Онъ далъ мнѣ свой адрессъ. — Приходите вечеромъ; вечеромъ мы всегда дома... мы оба.

— Вы... оба?

— Я женатъ. Моя жена сегодня не совсѣмъ здорова; оттого она не провожала покойника. А впрочемъ, достаточно и одному человѣку исполнить эту пустую формальность, этотъ обрядъ. Кто же во все это вѣрить?

Я нѣсколько удивился послѣднимъ словамъ Бабурина, однако ничего не сказалъ, взялъ извозчика и предложилъ Бабурину довести его до дому: но онъ отказался.

Въ тотъ же день вечеромъ я отправился къ нему. Дорогой я все думалъ о Пунинѣ. Мнѣ вспомнилось, какъ я въ первый разъ съ нимъ встрѣтился, и какой онъ былъ тогда восторженный и забавный; потомъ въ Москвѣ, какъ онъ пристраивалъ—особенно въ послѣднее наше свиданіе; а вотъ и совсѣмъ конченъ расчетъ съ жизнью: не шутить, видно, она! Квартировалъ Бабуринъ на Выборгской сторонѣ, въ домикѣ, напоминавшемъ мнѣ его московское гнѣздышко: петербургское чуть ли не было еще бѣднѣе. Когда я вошелъ къ нему въ комнату, онъ сидѣлъ въ углу на стулѣ, уронивъ обѣ руки на колѣни; нагорѣвшая сальная свѣча тускло освѣщала его повислую бѣлую голову. Онъ слышалъ

шумъ моихъ шаговъ, вострепнулся и привѣтствовалъ меня радушно, чѣмъ я ожидалъ. Спустя нѣсколько мгновеній появилась его жена: я въ ней тотчасъ узналъ Музу — и тутъ только понялъ, за чѣмъ Бабуринъ меня пригласилъ въ себѣ: онъ хотѣлъ показать мнѣ, что онъ все-таки добился своего.

Переѣхавъ Муза много — въ лицѣ, въ голосѣ и въ движеніяхъ; но больше всего переѣхались ея глаза. Бывало, они бѣгали, какъ живчики, эти злые, эти красивые глаза; они блистали украдкой, но яро; взоръ ихъ колотъ, какъ булавеа... Теперь они глядѣли прямо, спокойно, пристально; черныя зеницы потускнѣли. «Я надломана, я смирна, я добра» — казалось, говорила ея тихій и тупой взоръ. То же самое говорила ея постоянная; покорная улыбка. И платье на ней было смиренное: коричневое съ маленькими горошинками. Она первая подошла ко мнѣ, спросила, узнаю ли я ее? Она, очевидно, не конфузилась, и не потому, чтобы она потеряла стыдъ или память, а просто потому, что суета отъ нея отошла. Муза много говорила о покойномъ Пунинѣ, говорила ровнымъ, тоже похолодѣвшимъ голосомъ. Я узналъ, что онъ, въ послѣдніе годы, совсѣмъ сталъ хилый, почти въ дѣтство впалъ, такъ что даже скучалъ безъ игрушекъ; правда, его увѣряли, что онъ пьетъ ихъ изъ тряпокъ для продажи... онъ самъ забавлялся ими. Страсть его къ стихамъ, однако, не угасла, и память сохранилась на одни только стихи: за нѣсколько дней до смерти онъ еще декламировалъ изъ «Россіады»; за то Пушкина боялся, какъ дѣти боятся буки. Привязанность его къ Бабурину также не уменьшилась: онъ по прежнему благоговѣлъ передъ нимъ, и уже охваченный мракомъ и холодомъ кончины, еще лепетать воснѣвающимъ языкомъ: «благодѣтель!» Я узналъ также отъ Музы, что вскорѣ послѣ московскаго происшествія, Бабурина опять пришлось поколесить по Россіи, пережываясь съ одной частной должности на другую; что и въ Петербургъ онъ прибылъ опять-таки на частную службу, которую, впрочемъ, принужденъ былъ оставить на-дняхъ по непріятности съ хозяиномъ: Бабуринъ вздумалъ заступиться за рабочихъ... Постоянная улыбка Музы, сопровождавшая ея рѣчи, наводила меня на размышленія печальныя; она довершала впечатлѣніе, возбужденное во мнѣ наружностью ея мужа. Трудно доставался имъ обоимъ насущный хлѣбъ — въ этомъ не было сомнѣнія. Самъ онъ мало вмѣшивался въ нашу бесѣду: онъ казался еще болѣе озабоченнымъ, чѣмъ огорченнымъ... Что-то грызло его.

— Парамонъ Семенычъ, пожалуйста, проговорила кухарка, внезапно появившись на порогѣ двери,

— Что такое? Что нужно? тревожно спросилъ онъ.

— Пожалуйста, значительно и настойчиво повторила кухарка. Бабуринъ застегнулся и вышелъ.

Когда мы остались одни съ Музой, она посмотрѣла на меня нѣсколько измѣненнымъ взоромъ, и промолвила голосомъ тоже измѣненнымъ и уже безъ улыбки:— Не знаю, Петръ Петровичъ, что вы теперь обо мнѣ думаете, но полагаю, что вы помните, какая я была... Самоувѣренная была я, веселая... и недобрая; хотѣла въ свое удовольствіе пожить. А я вамъ вотъ что скажу теперь: когда меня бросили и я была, какъ потерянная, и только ждала, что либо Богъ меня приберетъ, либо у самой хватить духа съ собой покончить — я опять, какъ въ Воронежѣ, встрѣтилась съ Парамонъ Семеннычемъ—и онъ опять спасъ меня... Слова обиднаго я отъ него не услышала, ни одного упрека не услышала, ничего онъ отъ меня не потребовалъ—не стоила я того; но онъ меня любилъ... и я стала его женой. Вотъ и все.

Она умоляла, отвернулась на мгновеніе... прежняя покорная улыбка опять появилась на ея губахъ. «Легко ли мнѣ жить, не спрашивай»,—почудилось мнѣ теперь въ этой улыбкѣ.

Разговоръ перешелъ къ предметамъ обыкновеннымъ. Муза рассказала мнѣ, что послѣ Пунина осталась кошка, которую онъ очень любилъ, но что она съ самой его смерти ушла на чердакъ и тамъ сидитъ и все млучить; точно зоветъ кого-то... сосѣди очень пугаются и воображаютъ, что это душа Пунина перешла въ кошку.

— Парамонъ Семенычъ чѣмъ-то встревоженъ, проговорилъ я наконецъ.

— А вы это замѣтили? Муза вздохнула. Ему нельзя не тревожиться. Вамъ нечего сказывать, что Парамонъ Семенычъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ... Нынѣшній порядокъ вещей могъ только увѣрять ихъ. (Муза выражалась совсѣмъ иначе, чѣмъ, бывало, въ Москвѣ: языкъ ея принялъ литературный, начитанный отгѣнокъ.) Впрочемъ я не знаю, могу ли я вамъ довѣриться и какъ вы примете...

— Почему же вы полагаете, что мнѣ довѣриться нельзя?

— Да вѣдь вы состоите на службѣ, вы чиновникъ.

— Ну такъ что-жъ?

— Вы, слѣдовательно, преданы правительству.

Я внутренно подивился... молодости Музы. — О моихъ отношеніяхъ къ правительству, которое и существованія моего не

подозрѣваетъ, я распространяться не буду, промолвилъ я; но вы можете быть спокойны. Вашего довѣрія я во зло не употреблю. Убѣжденіямъ вашего супруга я сочувствую... больше, чѣмъ вы полагаете.

Муза покачала головою.

— Да; это все такъ, начала она не безъ запинки; но вѣдь вотъ что. Убѣжденіямъ Парамона Семеныча, быть можетъ, скоро придется выказаться на дѣлѣ. Они не могутъ дольше оставаться подъ спудомъ. Есть товарищи, отъ которыхъ теперь невозможно отстать...

Муза внезапно умолкла, словно языкъ себѣ прикусила. Ея послѣднія слова меня изумили и немножко испугали. Вѣроятно лицо мое выразило то, что я почувствовалъ — и Муза это замѣтила.

Я уже сказалъ, что свиданіе наше происходило въ 1849 году. Многимъ еще памятно, какое это было смутное и тяжелое время, и какими событіями ознаменовалось оно въ С.-Петербургѣ. Меня самого поразили нѣкоторыя странности въ обращеніи Бабурина, во всей его повадкѣ. Раза два онъ съ такой рѣзкой горечью и ненавистью, съ такимъ отвращеніемъ отозвался о правительственныхъ распоряженіяхъ, о высокопоставленныхъ лицахъ, что я почувствовалъ недоумѣніе...

— А что? спросилъ онъ меня вдругъ — освободили вы своихъ крестьянъ?

Я принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ.

— А вѣдь, чай, бабеа-то умерла?

И въ этомъ я долженъ былъ сознаться.

— То-то, вы, господа дворяне, проворчатъ сквозъ зубы Бабуринъ...

Въ его комнатѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ висѣла извѣстная литографія, изображавшая Бѣлинскаго; на столѣ лежалъ томикъ старинной, бестужевской «Полярной Звѣзды».

Бабуринъ долго не возвращался послѣ того, какъ кухарка его вызвала. Муза нѣсколько разъ съ безпокойствомъ глянула на дверь, въ которую онъ вышелъ. Наконецъ она не вытерпѣла, встала, извинилась и тоже вышла въ ту же дверь. Черезъ четверть часа они возвратились; лица обоихъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ показалось, выражали смущеніе. Муза даже поблѣднѣла. Не желая стѣснять ихъ, я рѣшился уйти и уже прощался съ ними, какъ вдругъ та же дверь въ сосѣднюю комнату отворилась и показалась голова... Но не голова кухарки, а всклокоченная, перепуганная голова молодого человѣка.

— Бѣда, Бабуринъ, бѣда! пролепеталъ онъ торопливо, но тотчасъ же скрылся при видѣ незнакомой моей фигуры.

Бабуринъ бросился вонъ вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ. Я крѣпко пожалъ руку Музѣ—и удалился, съ дурными предчувствіями на сердцѣ.

— Приходите завтра, шепнула она тревожно.

— Приду непременно, отвѣтилъ я.

Я на другой день еще лежалъ въ постели, когда мой человѣкъ подалъ мнѣ письмо отъ Музы.

«Милостивый государь, Петръ Петровичъ! писала она; Парамона Семеныча сегодня ночью аррестовали жандармы—и увезли въ крѣпость или не знаю куда: они не сказали. Всѣ наши бумаги перерыли, многое запечатали, съ собою взяли. Также книги и письма. Говорятъ, въ городѣ пропасть народа аррестовано. Вы можете себѣ представить, чтó я чувствую. Хорошо, что Никандръ Вавилычъ до этого не дожилъ! Въ-время онъ убрался. Посовѣтуйте, чтó мнѣ сдѣлать. За себя я не боюсь—съ голоду я не умру—но мысль о Парамонѣ Семенычѣ не даетъ мнѣ покоя. Приходите пожалуйста, если только вы не боитесь посѣщать людей въ нашемъ положеніи.

Готовая ко услугамъ Муза Бабурина.»

Черезъ полъ-часа я былъ у Музы. Увидавъ меня, она протянула мнѣ руку и, хотя не сказала ни слова, но выраженіе благодарности мелькнуло на ея лицѣ. На ней было вчерашнее платье: по всему было замѣтно, что она не ложилась и не спала всю ночь. Глаза у ней были красны — но отъ бессонницы, не отъ слезъ. Она не плакала. Ей было не до того. Она хотѣла дѣйствовать, хотѣла бороться съ поразившимъ ее несчастьемъ: прежняя, энергическая, самовольная Муза воскресла въ ней. Даже негодовать ей было некогда, хотя негодованіе ее душило. Какъ помочь Бабурину, къ кому прибѣгнуть, чтобы облегчить его участь—ни о чемъ другомъ она не думала. Она хотѣла немедленно идти... просить... требовать... Но куда идти? Кого просить? Чего требовать? вотъ чтó она желала услышать отъ меня, вотъ о чемъ желала посовѣтоваться со мною.

Я началъ съ того, что посовѣтовалъ ей... терпѣнье. На первыхъ порахъ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ только выжидать и, по мѣрѣ возможности, наводить справки. Предпри-

нять что-нибудь рѣшительное теперь, когда дѣло едва началось, едва загорѣлось,—было просто невысказуемо, безразсудно. Надѣяться на успѣхъ было безразсудно, даже еслибы я обладалъ гораздо большей долей значенія и вліянія... но что могъ сдѣлать я, маленький чиновникъ? У ней самой не было никакой протекціи...

Не легко было растолковать ей всё это... однако она наконецъ поняла мои доводы; поняла также, что не эгоистическое чувство руководило мною, когда я доказывалъ бесполезность всякихъ попытокъ.

— Да скажите, Муза Павловна, началъ я, когда она наконецъ присѣла на стулъ—(до тѣхъ поръ она все стояла на ногахъ, какъ-бы готовясь тотчасъ пойти на помощь Бабурину),—какимъ образомъ Парамонъ Семенычъ—въ его годы—попался въ такой исторіи! Тутъ, я увѣренъ, одни молодые люди замѣшаны, въ родѣ того, который вчера вечеромъ приходилъ предупредить васъ...

— Эти молодые люди—наши друзья! воскликнула Муза, и глаза ея заблестали и забѣгали по старинному. Что-то сильное, неуждержимое, казалось, такъ и поднялось со дна ея души... а мнѣ вдругъ вспомнилось названіе «новаго типа», данное ей нѣкогда Тарковымъ.—Годы ничего не значать, когда дѣло идетъ о политическихъ убѣжденияхъ!—Муза особенно наперла на эти два послѣднія слова. Можно было подумать, что, при всемъ ея горѣ, ей было не непріятно выказать себя передо мною въ этомъ новомъ, неожиданномъ свѣтѣ—въ свѣтѣ женщины образованной и созрѣлой, достойной супруги республиканца!—Иные старики мо-ложе иныхъ молодыхъ, продолжала она,—способнѣе на жертвы... Но не въ томъ вопросъ.

— Мнѣ кажется, Муза Павловна, замѣтилъ я: вы нѣсколько преувеличиваете. Зная характеръ Парамона Семеныча, я былъ заранѣе увѣренъ, что онъ будетъ сочувствовать всякимъ... честнымъ порывамъ; но съ другой стороны я всегда считалъ его за человѣка благоразумнаго... Неужели онъ не понимаетъ всю невозможность, всю нелѣпость заговоровъ у насъ, въ Россіи! Въ его положеніи, въ его званіи...

— Конечно, съ горечью въ голосъ, перебила Муза: онъ мѣщанинъ; а въ Россіи вступать въ заговоры позволительно только дворянамъ, какъ, напримѣръ, четырнадцатаго декабря... вѣдь вотъ что вы хотѣли сказать.

«Въ такомъ случаѣ зачѣмъ вы жалуетесь?» чуть не сорвалось у меня съ языка... однако я удержался.—Полагаете ли вы, что результатъ четырнадцатаго декабря такого свойства, что долженъ поощрять другихъ? произнесъ я громко.

Муза нахмурилась. — «Съ тобою нечего толковать объ этомъ», прочелъ я на ея потупленномъ лицѣ.

— Парамонъ Семенычъ очень скомпрометтированъ? рѣшился спросить я наконецъ. Муза ничего не отвѣчала... Голодное, дикое мяуканье раздалось съ чердака.

Муза вздрогнула. — Ахъ, хорошо, что Никандръ Вавилычъ всего этого не видѣлъ! почти съ отчаяніемъ простонала она. — Не видѣлъ онъ, какъ ночью, насильно схватили его благодѣтеля, нашего благодѣтеля, быть можетъ лучшаго и честнѣйшаго человека въ цѣломъ свѣтѣ, — не видѣлъ онъ, какъ обращались съ почтеннымъ старикомъ, какъ говорили ему: ты, какъ грозили ему — и чѣмъ ему грозили!.. потому только, что онъ мѣщанинъ! Этотъ офицеръ молодой тоже должно быть изъ числа такихъ безсовѣстныхъ бездушниковъ, какихъ и мнѣ въ моей жизни...

Голось Музы порвался. Она вся дрожала какъ листъ.

Долго сдержанное негодование прорвалось наконецъ; потрясенная, вызванная наружу общей душевной тревогой, всколыхнулись старыя воспоминанія... Но собственно я убѣдился въ это мгновеніе, что «новый типъ» остался тѣмъ же, той же страстной, увлекающейся натурой... Только увлекалась Муза уже не тѣмъ, чѣмъ, бывало, въ молодые годы. То, что въ первое мое посѣщеніе я принялъ за резиняцію, за усмирѣнность, и что дѣйствительно было тѣмъ — этотъ тихій, тупой взоръ, этотъ холодный голосъ, эта ровность и простота — все это имѣло смыслъ лишь въ отношеніи къ прошедшему, невозвратному...

Теперь настоящее заговорило.

Я постарался успокоить Музу, постарался перевести нашу бесѣду на болѣе практическую почву. Надо было принять нѣкоторыя неотложныя мѣры: узнать, гдѣ собственно находился Бабуринъ; а потомъ достать и ему, и Музѣ средства къ существованію. Все это представляло затрудненія немалыя; приходилось отыскивать не прямо деньги, а работу, что, какъ извѣстно, гораздо болѣе сложная задача...

Я ушелъ отъ Музы съ цѣлымъ роемъ соображеній въ головѣ.

Я скоро узналъ, что Бабуринъ сидитъ въ крѣпости...

Дѣло началось... затянулось. Я каждую недѣлю по нѣскольку разъ видался съ Музой. Она тоже имѣла нѣсколько свиданій съ мужемъ. Но въ самый моментъ разрѣшенія всей этой печальной исторіи меня въ Петербургъ не было. Непредвидѣнныя дѣла заставили меня съѣздить на югъ Россіи. Во время моей отлучки я узналъ, что Бабурина по суду оправдали; но административнымъ

порядкомъ сослали его на жительство въ одну изъ западныхъ губерній Сибири. Муза уѣхала съ нимъ.

«...Парамонъ Семенычъ этого не желалъ, писала она мнѣ; потому, по его понятіямъ, никто не въ правѣ жертвовать собою для другого человѣка — не для дѣла; но я ему отвѣтила, что тутъ никакой жертвы нѣтъ. Когда я сказала ему въ Москвѣ, что буду его женою, то я подумала про себя: на вѣки и нерушимо! Такъ нерушимо должно оно стоять до конца дней...»

IV.

[1861]

Еще двѣнадцать лѣтъ прошло... Всѣ въ Россіи знаютъ и вѣчно помнить будутъ, что совершилось между 49-мъ и 61-мъ годомъ. И въ моей личной жизни произошло много перемѣнъ, о которыхъ, впрочемъ, распространяться нечего. Появились въ ней новые интересы, новыя заботы... Чета Бабуриныхъ сперва отступила на второй планъ, потомъ совсѣмъ ступевалась. Я, однако, продолжалъ переписываться съ Музой — очень, правда, изрѣдка; иногда протекало болѣе года безо всякихъ извѣстій о ней и объ ея мужѣ. Я узналъ, что вскорѣ послѣ 55-го года ему было дозволено возвратиться въ Россію; но что онъ самъ пожелалъ остаться въ томъ небольшомъ сибирскомъ городкѣ, куда забросила его судьба и гдѣ онъ, повидимому, свилъ себѣ гнѣздо, нашелъ пріютъ, кругъ дѣятельности...

И вотъ въ концѣ марта мѣсяца 1861 года получаю я слѣдующее письмо отъ Музы:

«Я такъ давно къ вамъ не писала, почтеннѣйшій П. П., что даже не знаю, живы ли вы; а если и живы, то не забыли ли о нашемъ существованіи? Но все равно; не могу я не писать вамъ сегодня. У насъ доселѣ все шло по старинному; мы съ Парамономъ Семенычемъ занимались нашими инеолами, которыя подвигаются поменьку; сверхъ того Парамонъ Семенычъ занимался чтеніемъ и перепиской, да обычными своими преніями съ старовѣрцами, духовными лицами и ссыльными полявами; здоровье его было порядочно... Мое тоже. Но вотъ вчера къ намъ пришелъ манифестъ 19-го февраля! Давно мы его ждали, давно ходили слухи о томъ, что дѣлается у васъ въ Петербургѣ... но все же, не могу я вамъ описать, что это было! Вы знаете хорошо моего мужа; несчастье нисколько его не измѣнило, а на-

противъ, онъ сталъ еще крѣпче и энергичнѣе. (Не могу скрыть, что Муза написала: енгичнѣе.) Сила воли въ немъ желѣзная, но тутъ онъ не выдержалъ! Руки тряслись у него, когда онъ читалъ; потомъ онъ обнялъ меня три раза и три раза со мной облобызался, хотѣлъ что-то сказать,—но нѣтъ! не могъ, и кончилъ тѣмъ, что прослезился, что очень было удивительно видѣть, и вдругъ закричалъ: «Ура! ура! Боже, царя храни!» — Да, Петръ Петровичъ, эти самыя слова! Потомъ онъ прибавилъ: «Нынѣ отпускаеши»... и еще: «это первый шагъ, за нимъ должны послѣдовать другіе»; и, какъ былъ, безъ шапки побѣждалъ сообщить великую эту новость нашимъ пріятелямъ. Морозъ стоялъ сильный и даже пурга зачиналась, я его удерживала, но онъ не послушался. А когда пришелъ домой, весь былъ запорошенъ снѣгомъ, волосы, лицо и борода—у него теперь борода по самую грудь—и даже слезы на щекахъ застыли! Но очень онъ былъ живъ и веселъ, и велѣлъ мнѣ бутылку цымлянскаго раскупорить и вмѣстѣ съ нашими пріятелями, которыхъ онъ съ собой привелъ, пить за здоровье царя и Россіи и всѣхъ русскихъ свободныхъ людей; и, взявъ бокалъ и опустивъ взоръ на землю, сказалъ: «Никандръ, Никандръ, слышишь ли? Нѣтъ на Руси болѣе рабовъ! Радуйся и въ гробу, старый товарищъ!» И многое еще такое говорилъ, что «сбылись-моги мои ожиданія!» Всего я не запомню, но давно я его такимъ счастливымъ не видала. И вотъ я рѣшилась вамъ написать, чтобы и вы узнали, какъ мы радовались и ликовали въ отдаленныхъ сибирскихъ пустыняхъ, чтобы и вы порадовались вмѣстѣ съ нами...

Это письмо я получилъ въ концѣ марта; а въ началѣ мая пришло другое, весьма коротенькое письмо отъ той же Музы.— Она извѣщала меня, что ея мужъ, Парамонъ Семенычъ Бабуринъ, получивъ простуду въ самый день прибытія манифеста, скончался 12-го апрѣля отъ воспаленія въ легкихъ, 67 лѣтъ отъ роду. Она прибавила, что намѣрена остаться тамъ, гдѣ повоится его тѣло и продолжать завѣщанную имъ работу, потому что таковѣ была послѣдняя воля Парамона Семеныча,—а у ней другого закона нѣтъ.

Съ тѣхъ поръ я уже болѣе не слыхалъ о Музѣ.

И. В. ТУРГЕНЕВЪ.

Парижъ, 1874 г.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ОПЫТЪ БІОГРАФІИ.

II *).

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ.

Вступивши въ университетъ, БѢлинскій вскорѣ затѣмъ подалъ просьбу о принятіи его на казенное содержаніе. Разрѣшеніе на просьбу послѣдовало не раньше двухъ мѣсяцевъ. Въ этотъ промежутокъ времени БѢлинскій сильно бѣдствовалъ; деньги, данныя отцомъ, едва удовлетворяли необходимымъ потребностямъ: онъ нанималъ бѣдную квартиру, сначала одинъ, потомъ съ двумя товарищами-студентами. При всемъ томъ, онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи быть въ театрѣ, который скоро сдѣлался таковой его страстью; въ одномъ изъ писемъ домой онъ съ восторгомъ говорилъ о Мочаловѣ и Щепкинѣ, которыхъ послѣ столь высоко цѣнилъ, какъ лучшіе таланты всей русской сцены.

Принятіе на казенное содержаніе очень обрадовало БѢлинскаго; онъ видимо успѣлъ натерпѣться порядочной нужды. Въ письмахъ домой ¹⁾ онъ подробно описываетъ тогдашній бытъ казенныхъ студентовъ, и былъ тогда имъ совершенно доволенъ. «*Нумера* (гдѣ жили казенные студенты, человѣкъ по 8—12 въ одной комнатѣ), можно сказать, *отлично хороши*... полы крашеные, окна большія, чистота и опрятность *необыкновенныя*... Столы (въ сто-

*) См. выше: мартъ, стр. 205.

¹⁾ „Моск. Вѣд.“ 1859, № 298.

ловой) всегда накрываются скатертями, и для всякаго студента особенный приборъ... *Порядокъ въ столовой чрезвычайно хороши...*

«Нашъ инспекторъ, Д. М. Перовицковъ, человѣкъ весьма извѣстный въ ученѣмъ свѣтѣ; онъ строгъ, любитъ порядокъ, и мы спокой-
стоимъ, порядкомъ и устройствомъ нашего казеннаго быта большею частію *одолжены ему*. Помощники его въ должности называются субъ-инспекторами... надъ студентами они не имѣютъ ни малѣйшей власти, дѣйствуя во всемъ чрезъ инспектора. *Въ отношеніи свободы, очень хорошо*», и т. д.

Но жизнь на казенномъ содержаніи уже скоро перестала нравиться БѢлинскому. Онъ начинаетъ жаловаться на нее въ письмахъ домой. Прежній инспекторъ былъ смѣненъ новымъ ¹⁾, и въ университетѣ начались новые порядки, обременительные для студентовъ, обращеніе стало хуже, содержаніе—также. Подъ конецъ БѢлинскій описываетъ бытъ казенныхъ студентовъ самыми мрачными красками. Въ то время уѣхалъ за-границу попечитель князь С. М. Голицынъ; управленіе обрутомъ и университетомъ перешло къ его помощнику Голохвастову, извѣстному по рассказамъ автора «Былаго и Думъ». Въ систему управленія вошелъ принципъ бдительности и строгости, и существованіе казенныхъ студентовъ, по рассказу БѢлинскаго, стало невыносимо. Надзоръ за студентами былъ усиленъ; каждое неосторожное слово и поступокъ грозили студенту исключеніемъ или солдатствомъ; чтобы жить безопасно, надобно было,—по словамъ БѢлинскаго,—лѣстить всѣмъ, начиная съ унтеръ-офицера, каждому кланяться и предъ каждымъ подличать. Предполагалось принять особые мѣры для строжайшаго надзора и за студентами своеюшными, не имѣющими въ Москвѣ родственниковъ: для нихъ предполагалось построить особый домъ, гдѣ они получали бы квартиру и содержаніе за извѣстную плату, и находились подъ ближайшимъ наблюдениемъ начальства ²⁾. Словомъ, московскій университетъ скоро долженъ былъ уподобиться казанскому, писалъ БѢлинскій.

Но съ самаго начала и потомъ, при всѣхъ стѣсненіяхъ, жизнь въ кругу студенчества имѣла для БѢлинскаго свои привлекательныя стороны, прежде всего общность литературныхъ вкусовъ и возможность дѣлиться своими интересами съ кружкомъ товарищей. Съ университета начались для него тѣ прочныя связи, которыя сохранились на многіе годы и играли существенную роль въ образованіи его понятій.

¹⁾ Инспекторство Д. М. Перовицкова кончилось въ іюлѣ 1830; на его мѣсто назначенъ былъ другой профессоръ, П. С. Щенкинъ.

²⁾ Ср. Ист. Моск. Универс., стр. 482.

Объ университетской жизни Бѣлинскаго остался, кромѣ нѣкоторыхъ данныхъ въ его письмахъ домой, разсказъ одного изъ его товарищей, жившаго въ одномъ съ нимъ «номерѣ» ¹⁾: этотъ разсказъ мы имѣли случай провѣрить и другими свѣдѣніями.

Въ 1830 году, при появленіи въ Москвѣ холеры, въ университетѣ прекращено было чтеніе лекцій; казеннымъ студентамъ запрещено было выходить за университетскую ограду; предписаны были гигиеническія правила; изъ казенныхъ студентовъ медицинскаго факультета многіе размѣщены были по устроеннымъ тогда временнымъ больницамъ. Но при общемъ паническомъ страхѣ, студенты не робѣли и не унывали, особенно «словесники», жившіе въ 11-мъ номерѣ, который инспекторъ прозвалъ «звѣринцемъ».

Одинъ изъ тогдашнихъ товарищей Бѣлинскаго, г. Прозоровъ, житель 11-го номера, передаетъ два-три случая,—которые свидѣтельствовали о нѣкоторой независимости и непокорствѣ обитателей номера въ періодъ до-голохвастовскаго управленія.

«Однажды,—разсказываетъ онъ,—Бѣлинскій, М. Б. Ч-въ и я сидѣли на столахъ, табуреты были подъ ногами, разговоръ шелъ о какомъ-то очень интересномъ предметѣ. Вдругъ неожиданно явился передъ нами инспекторъ. «О чемъ ораторствуете на своихъ трибунахъ?» спросилъ онъ. Старшій изъ насъ Ч-въ отвѣчалъ: «о Байронѣ и о предметахъ важныхъ». Инспекторъ послѣ такого отвѣта сдѣлалъ оборотъ и вышелъ изъ комнаты, не сказавъ ни слова... Одному студенту необходимо было отлучиться во время холеры изъ университета по весьма важному дѣлу; но такъ какъ ему отказано было въ просьбѣ, то мы и положили въ общемъ совѣтѣ, чтобы онъ шелъ безъ позволенія, принимая на себя отвѣтственность за послѣдствія самовольной отлучки. Возвратившійся, разумѣется, былъ посаженъ въ карцеръ. На насъ лежала обязанность освободить отъ наказанія товарища, рѣшившагося нарушить порядокъ въ надеждѣ, что его выручатъ изъ бѣды. Всѣ студенты одиннадцатаго номера и нѣкоторые изъ другихъ номеровъ, находившіеся съ нашимъ обществомъ въ сношеніяхъ, приступили къ дежурному субъ-инспектору, чтобы онъ передалъ нашу общую просьбу инспектору—освободить виновнаго или посадить всѣхъ насъ въ карцеръ. Наша просьба не была уважена. Оскорбленное самолюбіе возмутилось. Ч-въ и Бѣлинскій собрали большую часть студентовъ въ круглую залу и потребовали инспектора. Инспекторъ, извѣщенный о волненіи студентовъ, призналъ за лучшее придти къ намъ. Благоразумная умѣренность и даже уступ-

¹⁾ „Библи. для чтенія“ 1859, № 12.

чивость не совсѣмъ разумному требованію молодыхъ людей смятчили наше раздраженіе. Опальный студентъ (И. С. Савиничъ) былъ освобожденъ изъ карцера. Студенты успокоились.»

Разсказчикъ вспоминаетъ и о Голохвастовѣ, въ томъ же тонѣ, какъ Бѣлинскій. «Случалось, что нѣкоторые изъ студентовъ нашего номера, отлучаясь изъ университета, опаздывали къ обходу спаленъ помощникомъ инспектора, или вовсе не ночевали дома. На случай посѣщеній инспектора, а особенно помощника попечителя, которымъ тогда былъ Д. П. Голохвастовъ, когда когонибудь изъ насъ не оказывалось на кровати, мы дѣлали на ней чучелу изъ халатовъ и шинелей, которая, будучи прикрыта чехломъ, при слабомъ освѣщеніи лампы, или свѣчки, сопровождавшей обходъ, была похожа на спящаго человѣка. Когда не успѣвали сдѣлать чучелы, приглашали болѣе близкаго студента изъ сосѣдней комнаты, который и ложился на кровать отсутствующаго, и вслѣдъ за выходящимъ помощникомъ скрывался въ свою комнату; когда же не успѣвалъ лечь на кровать въ собственномъ номерѣ, то старался попасть обзорѣтелямъ на глаза, чтобы тѣмъ показать, что онъ не въ отсутствіи. Такія позднія посѣщенія Голохвастова были всегда непріятны и студентамъ, и инспектору. Особенно оскорбляло насъ грубое обхожденіе Голохвастова со студентами,—который при посѣщеніи комнатъ даже во время студенческихъ занятій никогда не снималъ съ своей головы фуражки, шляпы, и не дѣлалъ привѣтствія кланявшимся студентамъ. Все это до крайности бѣсило насъ, и мы провожали его всегда такими благословеніями, которыя были очень не по вкусу превосходительнаго начальника.»

Въ холерный годъ случилось и одно крупное происшествіе, которое по словамъ того же разсказчика, возмутило миръ и покой университетскихъ властей и привело въ движеніе бдительныя власти столицы. Это было одно изъ происшествій, очень обыкновенныхъ въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ стараго и новаго времени—студенты были недовольны пищей, которая была черезчуръ плоха, не разъ на то жаловались, наконецъ рѣшили не ходить въ столовую. Изъ этого произошла, по тогдашнему обычаю, цѣлая исторія: студентовъ трактовали, какъ нарушителей спокойствія и дисциплины; буря не миновала и 11-го номера.

Не знаемъ въ точности, какъ держалъ себя Бѣлинскій въ этихъ столкновеніяхъ; вѣроятно, и онъ не оставался имъ чуждъ, какъ не оставался чуждъ тогдашнимъ студенческимъ нравамъ, развлеченіямъ и самымъ излишествами,—но, какъ увидимъ, нашлась другая, для начальства, вѣроятно, гораздо болѣе важная

причина, навлекшая на Бѣлинскаго преслѣдованіе, которое и кончилось исключеніемъ его изъ университета...

Профессорское преподаваніе столь же мало удовлетворяло Бѣлинскаго и его товарищей, какъ мало нравились имъ административные порядки. Московскій университетъ былъ тогда еще наванунтъ того возрожденія, которое внесло въ него свѣжія силы и оживленную умственную дѣятельность; онъ доживалъ свой, такъ сказать, архаическій періодъ; XVIII-е столѣтіе имѣло еще не одного представителя въ наличномъ составѣ профессоръ, и ихъ патріархальные нравы нерѣдко сопровождались патріархальнымъ взглядомъ и на самую науку. Въ воспоминаніяхъ студентовъ этого переходнаго времени (когда и былъ въ университетѣ Бѣлинскій) сохранилось не мало подробностей, рисующихъ ученые нравы стараго университета ¹⁾. Ректоромъ университета былъ тогда извѣстный Двигубскій; въ числѣ профессоръ было не мало людей стараго стиля, иногда весьма почтенныхъ по личному характеру, но мало способныхъ возбудить умственную дѣятельность. Иные изъ нихъ, съ оригинальною откровенностью, высказывали относительно этого предмета свой добродушный скептицизмъ, быть можетъ внушенный нѣкогда горькимъ для нихъ опытомъ. Рассказываютъ объ одномъ изъ тогдашнихъ декановъ, что когда требовалось отъ преподавателей, по какому руководству они будутъ читать — по своему ли собственному, или какого-нибудь извѣстнаго автора, онъ отвѣчалъ, что «будетъ читать по Пленку ²⁾», что умнѣ Пленка-то не сдѣлаешься, хоть и напишешь свое собственное». Когда, однажды, стали при немъ хвалить молодого преподавателя, только-что возвратившагося изъ Италіи, онъ отвѣчалъ: «ну, не хвалите прежде времени, поживетъ съ нами, такъ поглупѣетъ».

Въ словесномъ факультетѣ въ то время еще не было ни Надеждина, который сталъ читать только подъ конецъ пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ, ни Шевырева, который на первый разъ приобрѣлъ въ университетѣ большую, впрочемъ не долгую, популярность. Бѣлинскій, на первомъ курсѣ, долженъ былъ слушать: богословіе—у Терновскаго, русскую исторію и статистику—у Каченовскаго, словесность—у Побѣдоносцева, общую исторію—Ульрихса, греческую словесность—Оболенскаго, латинскую—Ку-

¹⁾ Ср., кромѣ названныхъ выше, студенческія воспоминанія первыхъ тридцатыхъ годовъ, К. Аксакова („День“ 1862 г., № 39—40), и Г. Г. (тамъ же, 1863 г., № 42), „Былое и Думы“, и проч.

²⁾ Ср. Ист. Моск. Унив., стр. 549.

барева, французскій языкъ — у Эннекена, нѣмецкій — у Кистера. Эта программа представляла немного привлекательнаго, вѣроятно, не для одного БѢлинскаго. Словесники того времени вообще не особенно много занимались своими лекціями; юношество поступало въ университет иногда очень рано, не особенно углублялось въ науку, отчасти мало въ ней подготовленное, отчасти и мало посвящаемое въ нее своими наставниками: «солнце истины, — говорить о своихъ профессорахъ К. Аксаковъ, вступившій въ университетъ въ концѣ студенчества БѢлинскаго, — солнце истины освѣщало наши умы очень тускло и холодно». Потребность жизни и движенія вызывала въ студентахъ то легкое буйство и проказливость, которыя, какъ ни были сами по себѣ безобидны, показывали, что граждане «ученой республики» мало были поощряемы къ ихъ настоящему дѣлу. «Когда я поступилъ на первый курсъ — говорить Аксаковъ — еще слышались и повторялись рассказы между студентами о недавнихъ проказахъ, довольно добродушныхъ, случившихся только-что предо мною и при мнѣ уже не повторявшихся» — онѣ стали выходить изъ употребленія именно потому, что являлись болѣе серьезныя интересы.

Такъ рассказывали, что однажды, когда Побѣдоносцевъ, читавшій лекціи по вечерамъ, долженъ былъ придти въ аудиторію, студенты, закутавшись въ шинели, забились по угламъ аудиторіи, слабо освѣщенной лампою, и какъ только онъ появился, зашѣли: «се женихъ грядетъ во полунощи». Въ другой разъ, на лекцію къ тому же профессору принесли воробья и во время лекціи его выпустили: воробей принялся летать, а студенты какъ будто въ негодованіи на нарушеніе порядка, принялись усердно ловить его. Надо замѣтить при томъ, что Побѣдоносцевъ, хотя и снисходительно переносившій эти вещи, не былъ человѣкъ совсѣмъ вроткій, обращался со студентами грубовато, и они забавлялись его гнѣвными выходками.

Другой рассказчикъ объ этомъ времени, бывшій въ университетѣ нѣсколько раньше Аксакова, и самъ свидѣтель анекдота съ воробьемъ, приводитъ и другіе случаи. «Въ мое время, — говорить онъ, — едва ли не на каждой лекціи Побѣдоносцева на первомъ курсѣ повторялось слѣдующее. Обычный шумъ (господствовавшій въ его аудиторіи) на минуту прекращался и водворялась глубочайшая тишина; преподаватель нашъ, обрадованный необыкновеннымъ безмолвіемъ, громко начиналъ читать намъ что-нибудь о Ломоносовѣ (при чемъ онъ говорилъ всегда, что и въ солнцѣ есть пятна, и у Ломоносова есть недостатки), или о хриі простомъ и извращенной; но тишина эта была самая коварная,

раздавался тихій, мелодическій свистъ, обыкновенно мазурка или какой-нибудь другой танецъ; Побѣдоносцевъ останавливался въ недоумѣніи; музыка умолкала, и за ней слѣдовалъ взрывъ рукоплесканій и неистовый топотъ... Трудно повѣрить, что подобная продѣлка повторялась безнаказанно безчисленное множество разъ».

Бывали подобныя проказы и съ нѣкоторыми другими профессорами. Между стариками были почтенные люди, какъ профессоръ греческой словесности, Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій, составитель извѣстнаго нѣкогда, тяжеловѣснаго словаря. «Какъ истолкователь ученія Сократа и Платона, онъ не любилъ лжи, софизмовъ и шутокъ, которыми отличался его собратъ, преподаватель латинской стилистики. Однажды собрались наши ученые у Мерзлякова въ Сокольникахъ. Историкъ Горація и Саллюстія, зная рьяную натуру своего собрата, завелъ съ нимъ какой-то споръ, и всѣми мѣрами старался поддержать ложное мнѣніе. Ревнитель истины разсердился и незамѣтно скрылся. Проходитъ часа два, какъ вдругъ увидѣли Семена Мартыновича въ окно, крупно шагающаго съ фоліантомъ подъ мышкою. Вошедши въ комнаты, весь въ пыли и потѣ, онъ съ торжествующимъ видомъ восклицаетъ, указывая на замѣченное мѣсто раскрышагося фоліанта: «вотъ—*будетъ* ¹⁾—смотрите! Вѣдь я говорилъ, что моя правда». Таковъ былъ Семенъ Мартыновичъ! Ни почемъ было прошагать ему десять верстъ взадъ и впередъ, чтобы принесеннымъ изъ дома фоліантомъ опровергнуть ложную мысль, незаконно защищаемую». Но студенты, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ въ курсѣ, учились плохо у этого ревнителя истины, знавшаго свой предметъ, но совершенно неспособнаго заинтересовать имъ своихъ слушателей, и студенты на лекціяхъ обыкновенно старались заговаривать его, чтобы сократить время занятій имъ мудреныхъ. Лекціи не обходились безъ комическихъ подробностей, при чудачествѣ профессора, который раздражался невѣжествомъ своихъ слушателей. «Всего интереснѣе были вопросы его изъ греческой словесности; онъ начиналъ, обращаясь къ которому нибудь изъ студентовъ: «что такое, будетъ, греческая словесность?» — «Поле, Семенъ Мартыновичъ», громко отвѣчалъ вопрошаемый. — «Да, будетъ, поле, но какое?» И если студентъ не вдругъ отвѣчалъ, то Ивашковскій подхватывалъ съ жаромъ и скороговоркою: «греческая словесность, бу-

¹⁾ Любимое его слово, которое онъ говорилъ чуть не за каждымъ словомъ,—студенты называли это: въ прикуску.

детъ, поле, и поле обширное, будетъ...» и оставался очень доволенъ такимъ опредѣленіемъ!»

Каченовскій читалъ монотонно и сухо; его лекціи по русской исторіи интересовали его слушателей—это былъ одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ профессоровъ тогдашняго словеснаго отдѣленія, но онъ слишкомъ увлекался археологической аргументаціей своего скептицизма; онъ читалъ также и всеобщую исторію — по книгѣ Пѣлица, сухо и скучно. По всей вѣроятности, и его чтенія мало привлекали Бѣлинскаго, — у котораго, впрочемъ, сохранилось и послѣ уваженіе къ ученымъ трудамъ Каченовскаго...

Главный предметъ, на которомъ должны были сосредоточиваться интересы Бѣлинскаго, была, конечно, русская словесность. Ее излагалъ упомянутый Побѣдоносцевъ, представлявшій собою живое преданіе литературныхъ вкусовъ и понятій прошлаго столѣтія¹⁾. Тотъ же товарищъ Бѣлинскаго по 11-му номеру разсказываетъ, что онъ не могъ выносить этихъ лекцій. «Вслѣдствіе особенной настроенности своего духа (т.-е. вслѣдствіе давнишней ненависти къ реторикѣ), Бѣлинскій никакъ не могъ равнодушно слушать Бургіевскія лекціи перваго курса». На лекціяхъ реторики произошелъ съ нимъ слѣдующій случай. «Преподаватель реторики, Побѣдоносцевъ, въ самомъ азартѣ объясненія хрій, вдругъ остановился, и, обратившись къ Бѣлинскому, сказалъ: «что ты, Бѣлинскій, сидишь такъ безпокойно, какъ-будто на шилѣ, и ничего не слушаешь? Повтори-ка мнѣ послѣднія слова, на чемъ я остановился?» — «Вы остановились на словахъ, что я сижу на шилѣ», — отвѣчалъ спокойно и не задумавшись Бѣлинскій. При такомъ наивномъ отвѣтѣ студенты разразились смѣхомъ. Преподаватель съ гордымъ презрѣніемъ отвернулся отъ неразумнаго, по его разумѣнію, студента, и продолжалъ свою лекцію о хріяхъ, инверсахъ и автоніахъ; но горько потомъ пришлось Бѣлинскому за его убійственно-ѣдкой отвѣтъ». Разсказчикъ,

¹⁾ Побѣдоносцевъ (род. 1771), по официальной исторіи университета, „читалъ реторику (по руководству Ломоносова, Рижскаго и Мерзлякова) и главное вниманіе обращалъ на практическія занятія, на чистоту рѣчи и на строгое соблюденіе правилъ грамматики; въ переводахъ съ латинскаго и французскаго языковъ, которыми также занималъ студентовъ, тщательно избѣгалъ всякаго иностраннаго оборота рѣчи“. Его первые литературные труды появились еще въ 1796 г., подъ названіемъ: „Плоды меланхоліи, питательные для чувствительнаго сердца“, въ 2-хъ частяхъ; затѣмъ слѣдовали различные переводы правоучительныхъ книгъ, собственныя сочиненія того же рода; статья о заслугахъ Хераскова въ отечественной словесности; разсужденіе о любви къ отечеству; на торжественномъ собраніи университета 3-го іюля 1831 г. онъ произнесъ слово: „О существенныхъ обязанностяхъ витія и о способахъ къ приобрѣтенію успѣховъ въ краснорѣчіи“.

вѣроятно, хотѣлъ сказать, что этотъ случай былъ затѣнъ Бѣлинскому въ лишнюю вину при его исключеніи изъ университета ¹⁾).

Неудивительно, что Бѣлинскій мало вынесъ изъ этихъ университетскихъ лекцій. Самыя лекціи *того* времени не были богаты содержаніемъ, возбуждающимъ въ умственной работѣ. И другіе современники, напр., К. Аксаковъ, прямо сознавались что мало извлекли пользы изъ тогдашнихъ лекцій. Но взаимно того, къ Бѣлинскому несомнѣнно прилагаются слова К. Аксакова о другой умственной и нравственной пользѣ, которую, мимо этихъ недостатковъ, приносила университетская жизнь, студенчество, сами по себѣ. «Въ эпоху студенчества, — говоритъ Аксаковъ, — первое, что обхватывало молодыхъ людей, это — общее веселіе молодой жизни, это — чувство общей связи товарищества. Конечно, это-то и было первымъ мотивомъ студенческой жизни. Но въ то же время слышалось, хотя не сознательно, и то, что молодыя эти силы собраны все же во имя науки, во имя высшаго интереса истины... Спасительны эти товарищескія отношенія, въ которыхъ только слышна молодость человѣка, и этотъ человѣкъ здѣсь не аристократъ и не плебей, не богатый и не бѣдный, а просто человѣкъ. Такое чувство равенства, въ силу человеческого имени, давалось университетомъ и званіемъ студента... Главная польза такого общественнаго воспитанія, кажется мнѣ, заключается въ общественной жизни юношей, въ товариществѣ, въ студенчествѣ самомъ. Общественно-студенческая жизнь и общая бесѣда, возобновлявшаяся каждый день, много двигала впередъ здоровую молодость». Правда, «солнце истины», представляемое университетской наукой, свѣтило тогда тускло и холодно, но, по замѣчанію Аксакова, — живыя, неподдавленные силы находили къ ней дорогу... Эту самую черту университетской жизни того времени еще болѣе ярко указываетъ авторъ «Былаго и Думъ».

Въ самомъ дѣлѣ, въ умахъ молодежи московскаго университета появлялось новое неопредѣленное движеніе. Еще нѣсколько ранѣе, лекціи извѣстнаго М. Г. Павлова пробуждали интересъ къ общимъ философскимъ вопросамъ; потомъ едва ли еще не болѣе сильное впечатлѣніе производили лекціи Надеждина, гдѣ столь же широкая философская точка зрѣнія была примѣнена къ

¹⁾ Мы слышали, впрочемъ, отъ другихъ современниковъ, что такой отвѣтъ данъ былъ не Бѣлинскимъ, а другимъ студентомъ; что Бѣлинскій просто на вопросъ профессора реторики — почему онъ не слушаетъ, отвѣчалъ онъ, что слушать нечего. Но анекдотъ во всякомъ случаѣ характеризуетъ, какъ черта нравовъ.

вопросамъ искусства и литературы,—но и кромѣ того, стремленія новаго поколѣнія лежали въ духѣ времени: независимо отъ университета ихъ питала сама тогдашняя литература—поэтическая дѣятельность Пушкина и критика Полевого и Надеждина. Последняя имѣла значительное вліяніе еще раньше, чѣмъ Надеждинъ получилъ кафедру въ университетѣ.

Въ 11-мъ номерѣ уже на первыхъ порахъ выступили на первый планъ литературные вопросы: между товарищами Бѣлинскаго нашлись люди, съ такой же любовью къ литературѣ. «Умственная дѣятельность (въ студенческомъ кругу), особенно въ 11-мъ номерѣ, шла бойко, — рассказываетъ тогдашній обитатель этого номера: — споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекратился тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ, въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбахъ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова Іерусалима и очень неблагоклонно отзывались о Борисѣ Годуновѣ Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ Вѣстникѣ Европы. Первогодичные студенты, воспитанные въ школахъ Жуковского и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ, но взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоедова, которая тогда еще не была напечатана; Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ, и казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось риторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и Державину за риторическіе стихи и пустозвонныя фразы»...

Бѣлинскій еще засталъ въ живыхъ Мерзлякова, который умеръ въ іюлѣ 1830 года; но онъ, кажется, совсѣмъ не бывалъ у него на лекціяхъ. Послѣ Мерзлякова, кафедру русской словесности занялъ съ 1831 года И. И. Давыдовъ, а въ концѣ этого

года вступилъ въ университетъ Н. И. Надеждинъ, назначенный профессоромъ теорій изящныхъ искусствъ и археологій, и съ перваго раза получившій большую популярность и вліяніе на своихъ слушателей. Шевыревъ началъ свои лекціи съ 1834 года, и также произвелъ значительное впечатлѣніе своими лекціями, въ которыхъ во всякомъ случаѣ было много новаго послѣ Мерзлякова, Побѣдоносцева, да и Давыдова; но пріятное впечатлѣніе продолжалось недолго. Бѣлинскій уже не былъ тогда въ университетѣ, но первыя лекціи Шевырева были событіемъ, которымъ и Бѣлинскій былъ тогда до извѣстной степени заинтересованъ, тѣмъ больше, что слушателями Шевырева были многіе изъ университетскихъ друзей Бѣлинскаго. Но всего болѣе были привлекательны для студентовъ словеснаго факультета чтенія Надеждина, котораго успѣлъ слышать и Бѣлинскій передъ окончательнымъ оставленіемъ университета. Мы будемъ имѣть далѣе случай говорить о взглядахъ Надеждина, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на образованіе критическихъ мнѣній Бѣлинскаго, и здѣсь приведемъ только нѣсколько указаній современниковъ о положеніи, занятомъ Надеждинымъ въ университетской аудиторіи.

«Надеждинъ производилъ, съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями, — рассказываетъ К. Аксаковъ. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ-сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину; но скоро увидѣло, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили и, уже не увлекаясь, охотно слушали его рѣчи. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ (Станкевичъ) будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ. Тѣмъ не менѣе, благодарный ему за это пробужденіе, Станкевичъ чувствовалъ бѣдность его преподаванія. Надеждина любили за то еще, что онъ былъ очень деликатенъ съ студентами, не требовалъ, чтобы они ходили на лекціи, не выходили во время чтенія, и вообще не любилъ никакихъ полицейскихъ приемовъ. Это студенты очень цѣнили, — и, конечно, ни у кого не было такой тишины на лекціяхъ, какъ у Надеждина. Обладая текучею рѣчью, закрывая глаза и покачиваясь на каедрѣ, онъ говорилъ безъ умолку, — и случалось, что проходилъ назначенный часъ, а онъ

продолжалъ читать (онъ былъ крайнимъ). Однажды, до поступленія моего на второй курсъ, прочелъ онъ два часа слишкомъ, и студенты не напомнили ему, что срокъ его лекціи давно прошелъ».

Послѣ своего столкновенія съ профессоромъ, хранившимъ преданія Бургіевой реторики, ВѢлинскій совсѣмъ бросилъ его лекціи и вмѣсто того началъ ходить на лекціи Надеждина. Такъ дѣлали и многіе изъ его товарищей, и обитатель 11-го номера съ 'большимъ увлеченіемъ говоритъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, о чтеніяхъ Надеждина, которыя на мѣсто сухой и ограниченной схоластики отрывали слушателямъ новый для нихъ міръ искусства, освѣщая его философскимъ пониманіемъ. «Рѣдкимъ профессорскимъ даромъ и привѣтливымъ гуманымъ обращеніемъ, Надеждинъ возбуждалъ въ студентахъ необыкновенный энтузіазмъ; его обширная аудиторія, кромѣ студентовъ словеснаго отдѣленія, наполнялась студентами другихъ факультетовъ и сторонними слушателями». На первое время, у слушателей Надеждина, вѣроятно, еще не являлось того недовѣрчиваго отношенія къ нему, о которомъ говоритъ К. Аксаковъ.

Вліяніе Надеждина на ВѢлинскаго, вообще весьма значительное, началось, повидимому, еще раньше вступленія Надеждина въ университетъ, — статьями «Надоумки» въ «Вѣстникѣ Европы» и «Телескопомъ», — продолжалось университетскими лекціями, и завершилось въ ихъ личномъ знакомствѣ, по выходѣ ВѢлинскаго изъ университета. Здѣсь ВѢлинскій нашелъ первую систему теоретическихъ понятій, первое основаніе, съ котораго началось прочное и послѣдовательное развитіе его мнѣній.

Между тѣмъ, во 11-мъ номерѣ случайныя сходки и споры студентовъ приняли болѣе постоянный характеръ. У студентовъ составилось литературное общество, подъ названіемъ «литературныхъ вечеровъ», гдѣ участники разсуждали о прочитанномъ въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ, и читали собственныя сочиненія и переводы. Главными учредителями этихъ вечеровъ были М. Б. Чистяковъ, извѣстный нынѣ педагогъ, и ВѢлинскій. Первый переводилъ тогда съ нѣмецкаго «Теорію изящныхъ искусствъ» Бахмана, которую посвятилъ студентамъ университета. Въ обществѣ президента не было — съ либеральной цѣлью общей равноправности, а былъ только секретарь — переводчикъ Бахмановой эстетики. Обязанность секретаря состояла въ томъ, чтобы читать въ собраніяхъ приготовленныя сочиненія; имена авторовъ не назывались — для свободы критики.

Около этой поры (на масланицѣ 1831 года) видѣлъ ВѢлинскаго въ Москвѣ его старый учитель: онъ отправлялся изъ Пензы

въ Петербургъ и пробылъ въ Москвѣ три дня. Бѣлинскій и его товарищъ, племянникъ Попова, каждый день приходили къ Попову, который нашелъ въ Бѣлинскомъ, черезъ полтора года, большую переѣмну. «Умъ его возмужалъ; въ замѣчаніяхъ его проявлялось много истины. Тамъ (въ Москвѣ) прочли мы только-что вышедшаго тогда «Бориса Годунова». Сцена «Келья въ Чудовомъ монастырѣ» на своемъ мѣстѣ, при чтеніи всей драмы, показалась мнѣ еще лучше. Бѣлинскій съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей: чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безриemenныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаичными; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улики противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, Бѣлинскій выронилъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стула, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!...» Въ немъ уже проявился критическій взглядъ...»

Въ новой обстановкѣ, вблизи литературнаго движенія, въ которомъ играли тогда важную роль представители университета ¹⁾. Бѣлинскій еще разъ хотѣлъ попробовать свои силы. Онъ чувствовалъ, что долженъ дѣйствовать для литературы, и отыскивалъ свою дорогу; бросивъ стихотворство, онъ хотѣлъ испытать себя въ драмѣ. Въ перепискѣ съ домашними, съ начала 1831 года уже заходитъ рѣчь о какомъ-то сочиненіи, надъ которымъ онъ работалъ. Это была — трагедія, которую Бѣлинскій и представилъ, на литературныхъ вечерахъ, на судъ своихъ товарищей. Трагедія заняла всѣ мысли Бѣлинскаго. Онъ не только возлагалъ большія надежды на свое произведеніе въ литературномъ смыслѣ, но думалъ поправить имъ и свое матеріальное положеніе. Бѣлинскій надѣялся, что его трагедія, попавши въ печать и на сцену, дастъ ему возможность жить на свой счетъ и освободиться отъ казеннаго содержанія, которое стало подъ конецъ тяготить его до послѣдней степени ²⁾. Бѣлинскій такъ отда-

¹⁾ Каченовскій, — какъ издатель «Вѣстника Европы»; Погодинъ, — какъ издатель «Московского Вѣстника»; Надеждинъ, — какъ сотрудникъ «Вѣстника Европы» и затѣмъ издатель «Телескопа».

²⁾ Отецъ-Бѣлинскій въ письмахъ къ сыну выговариваетъ ему за его недовольство казеннымъ содержаніемъ и не общаетъ ему добра отъ его необузданности. По всей вѣроятности, Бѣлинскій вообще высказывалъ въ письмахъ домой свои планы, свои взгляды на вещи, и отецъ внушаетъ ему: „главнѣйшее дѣло состоятъ въ томъ, чтобы ты повиновался начальству“, и предостерегаетъ, что когда онъ „не будетъ познавать

вался этой надеждѣ, и такъ увлекался перспективой явиться дѣятелемъ въ литературѣ, что трагедія на то время стала его господствующимъ помышленіемъ. Онъ написалъ о ней и домой, и рѣчь о трагедіи не разъ начинается въ письмахъ изъ дому, съ различными ожиданіями, пожеланіями успѣха, но также и предостереженіями.

О трагедіи, впрочемъ, мало извѣстно. По разсказу Прозорова, чтеніе «драмы» заняло нѣсколько вечеровъ литературнаго общества, и она была читана не секретаремъ, а самимъ авторомъ. «Наружность его, сколько могу припомнить, была очень истощена. Въмѣсто свѣжаго, живаго румянца юности, на лицѣ его былъ разлитъ какой-то красноватый колоритъ; прическа волосъ на головѣ торчала хохломъ; движенія рѣзкія, походка скорая, но за то горячо и полно одушевленія было чтеніе автора, увлекавшее слушателей страстнымъ изложеніемъ предмета и либеральными, по тогдашнему, идеями. Но при изяществѣ изложенія, смѣлости мыслей и глубинѣ чувствъ, читанная драма была слишкомъ растянута и содержала въ себѣ больше лиризма, чѣмъ дѣйствія». «Очевидно,—продолжаетъ Прозоровъ,—что драматическое поприще не было истиннымъ призваніемъ Бѣлинскаго, и эта первая, если не ошибаемся, единственная попытка его на этомъ поприщѣ¹⁾ была лишь плодомъ молодого увлеченія театромъ, который любилъ онъ до страсти... и свѣжаго еще вліянія «Разбойниковъ» Шиллера, «Коварства и любви», и Шекспирова «Отелло», часто игравшихся тогда на сценѣ». По словамъ Прозорова, Бѣлинскій очень огорчился, когда, по окончаніи чтенія, ему сдѣлали замѣчаніе о недостаткахъ его пьесы: «по измѣнившимся чертамъ лица его и засверкавшимъ глазамъ можно было ожидать, что вотъ онъ вцѣпитъ коршуномъ въ дерзкаго, осмѣливагося унижить его авторитетъ передъ товарищами, однако онъ сдержалъ свой порывъ; и только по чертамъ лица можно было прочесть чувство презрѣнія, какъ будто говорившее: *odi profanum vulgus et arceo!*» Очень вѣроятно, что неуспѣхъ пьесы у товарищей

надъ собою власти», то „будетъ причиною многихъ золъ на имѣющихъ въ немъ учителя“, и самъ будетъ несчастенъ (письмо отъ марта 1831). Еще раньше, въ февралѣ 1831 г., отецъ интересуется какимъ-то сочиненіемъ Виссаріона, и остерегаетъ его отъ извѣстнаго „пространнаго моря“, въ которое Виссаріонъ хочетъ пуститься; отецъ не ждетъ добра отъ этого, т.-е. отъ литературныхъ занятій. Прямая упоминанія о трагедіи—въ письмахъ брата Константина—съ сентября 1831 г.

¹⁾ Это не такъ. Бѣлинскій въпослѣдствіи написалъ еще пьесу: „Пятидесятилѣтній дядюшка“,—которая была напечатана въ тридцатыхъ годахъ и повторена въ изданіи его сочиненій.

огорчилъ Бѣлинскаго, — но мы слышали отъ почтеннаго секретаря «литературныхъ вечеровъ», что хотя вопросъ о драмѣ сильно волновалъ Бѣлинскаго и онъ съ тревогой начиналъ ея чтеніе, но вовсе онъ не былъ въ этомъ случаѣ такъ высокомеренъ и мирно выслушалъ возраженія.

О содержаніи пьесы извѣстны только общія черты ¹⁾. Между письмами Бѣлинскаго домой, хранившимися у его брата ²⁾, находился отрывокъ пьесы, съ V по XIII явленіе, — о которомъ авторъ статьи въ «Моск. Вѣдом.» предполагалъ, что онъ принадлежалъ именно къ этой самой трагедіи. Изъ отрывка видны слѣдующія подробности пьесы. Нѣкто Владиміръ и Софья любятъ другъ друга; Владиміръ, повидимому, не имѣетъ прочнаго мѣста и значенія въ обществѣ, и мать Софьи рассчитываетъ выдать свою дочь за болѣе выгоднаго жениха, какаго-то пустого и бездушнаго князя. На какомъ-то балѣ, Владиміръ поссорился съ братомъ Софьи и на дуэли убилъ его; за это онъ закованъ въ цѣпи и заключенъ въ тюрьму. Между тѣмъ князь усиливаетъ свои домогательства; мать даетъ ему слово, и Софья въ отчаяніи — она не любитъ князя и видитъ все его ничтожество. Владиміръ, обманувши бдительность стражи, является къ Софьѣ въ цѣпяхъ и въ ужасномъ видѣ. Софья поражена, но пришедши въ себя, рассказываетъ Владиміру свое безвыходное положеніе, и умоляетъ его умертвить ее и себя. Владиміръ не рѣшается, но Софья говоритъ ему о князѣ, — и онъ рѣшился. Обнявъ Софью, онъ поразилъ ее кинжаломъ. Въ это время ему приносятъ письмо покойнаго отца Софьи, и изъ письма оказывается, что Владиміръ — незаконнорожденный братъ ея.

По словамъ секретаря «литературныхъ вечеровъ», отрывокъ дѣйствительно могъ принадлежать трагедіи или — вѣрнѣе — составлять ея вариантъ. По его разсказу, пьеса являлась нѣсколько въ иномъ видѣ, съ слѣдующими характеристическими подробностями. Владиміръ — дѣйствительно незаконный сынъ помѣщика, богатаго барина, и родился въ семьѣ его крѣпостного крестьянина; этотъ крестьянинъ потомъ умеръ, засѣченный баринкомъ, который, чтобъ нѣсколько загладить ужасное дѣло, взялъ Владиміра къ себѣ и далъ ему воспитаніе вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями. Владиміръ (или, какъ иначе звали этого героя) отличался пылкимъ нравомъ и талантами; отецъ ставилъ его въ при-

¹⁾ Показаніе Прозорова объ этомъ, со словъ другого товарища (ему самому содержаніе пьесы не припомнилось), кажется очень ошибочно, — судя по другимъ свѣдѣніямъ.

²⁾ «Моск. Вѣдом.» 1859 г., № 293.

мѣръ своимъ барченкамъ-сыновьямъ, и предпочтеніе, оказываемое передъ ними холопу, съ этихъ поръ возбудило въ нихъ къ нему скрытую злобу. Героиня (Софья или иначе) — не сестра Владимира, но въ любви къ ней его соперникомъ является именно одинъ изъ братьевъ. Отецъ умираетъ, не успѣвши дать вольной своему незаконному сыну, и онъ по наслѣдству достается своему сопернику, въ отношеніи къ Софѣ; новый баринъ, чтобы отомстить и унижить его, заставляетъ его служить себѣ за столомъ. Здѣсь же за столомъ, Владиміръ убиваетъ его.

Таковы приблизительно были основанія этой пьесы. Въ той или другой формѣ, пьеса, повидимому, изобилуетъ убійствами, точно гейневскій «Рателифъ», но это не мѣшало въ романтической трагедіи, какую именно и хотѣлъ написать БѢлинскій; въ то время крайній романтизмъ, онъ старался, между прочимъ, непременно нарушить извѣстные три единства. Легко могло быть, что «Разбойники» и другія пьесы, восхищавшія его на сценѣ, оказали свою долю вліянія на происхожденіе этой трагедіи; но положительные свидѣтельства современниковъ показываютъ, что это была не одна подражательность; БѢлинскій могъ выбрать форму — подъ вліяніемъ тѣхъ произведеній, но сущность пьесы была построена на дѣйствительныхъ впечатлѣніяхъ, на его собственномъ чувствѣ, на искреннемъ негодованіи. Эти впечатлѣнія и это негодованіе были имъ вынесены изъ тѣхъ опытовъ жизни, какіе видѣлъ онъ въ глухомъ захолустѣ своей родины.

Дѣйствительно, БѢлинскій видѣлъ лицомъ къ лицу тѣ формы помѣщичьяго быта, которыя характеризуются именами Салтычихи, Куролесова, которыя изображалъ Пушкинъ въ «Дубровскомъ», которыя за послѣднее время пробовали изображать Григоровичъ, Тургеневъ и проч. Въ провинціальной глуши эти нравы раскрывались во всей полнотѣ, ничѣмъ не стѣсняемые, освящаемые круговой порукой мѣстнаго барства, которое было и мѣстной властью. Провинціальная жизнь имѣетъ свою гласность, — всѣ подвиги самодурства, жестокости, разнузданности разносились въ мѣстной публикѣ, и БѢлинскій съ дѣтства слышался о подвигахъ людей, у которыхъ своя рука была владыка; да и самъ онъ видѣлъ образчики этой жизни, гдѣ варварство и полное отсутствіе всякихъ нравственныхъ принциповъ соединялись съ барской спѣсью, съ лоскомъ образованія; тиранство надъ людьми и засѣжаніе до смерти были въ тѣ времена дѣломъ вовсе не рѣдкимъ; барскую спѣсь ему приходилось испытывать, если не на себѣ самомъ, то на лицахъ ему близкихъ... Мы знаемъ отъ современ-

никовъ, которые еще сохранили воспоминанія объ этой порѣ первыхъ порывовъ Бѣлинскаго,—и находимъ подтвержденіе того въ его собственныхъ письмахъ,—что именно впечатлѣнія этой жизни, негодование къ этимъ возмутительнымъ явленіямъ, составлявшимъ «порядокъ вещей», именно и одушевляли его и дали содержаніе его трагедіи,—такъ что становится понятно, почему онъ такъ дорожилъ ею. Въ первый разъ онъ началъ читать ее съ большимъ волненіемъ,—и не могъ примириться съ отзывомъ товарищей...

Бѣлинскій рѣшился пустить въ ходъ свою трагедію. Онъ носилъ ее къ кому-то изъ московскихъ журналистовъ, кажется, къ г. Погодину, но не встрѣтилъ вниманія къ своей пьесѣ; снесъ ее къ Лажечникову, который по содержанію трагедіи увидѣлъ, что она невозможна, и предостерегалъ о томъ Бѣлинскаго ¹⁾; не смотря на его неободрительный отвѣтъ, Бѣлинскій представилъ пьесу въ цензурный комитетъ, который состоялъ тогда изъ тѣхъ же университетскихъ профессоровъ. По разсказу Прозорова, на такое рѣшеніе Бѣлинскаго подѣйствовало, между прочимъ, новое возбужденіе его страсти къ театру—устройство домашнего театра въ самомъ университетѣ. Устройствомъ этого театра усердно занимался тогдашній инспекторъ студентовъ, профессоръ математики Щепкинъ; костюмы доставлялись изъ Петровскаго театра, и актеръ Щепкинъ объяснялъ студентамъ сценическіе приемы. Искусная игра студентовъ и замѣчательная игра извѣстнаго тогда въ Москвѣ Радивилова на особой придуманной имъ балабайкѣ привлекали въ студенческой театръ много московской публики...

Какъ мы замѣтили, Бѣлинскій написалъ о своей трагедіи домой. «Можетъ быть, вы скоро увидите имя мое въ печати и будете читать обо мнѣ разные толки и сужденія, какъ въ худую, такъ и въ хорошую сторону. Не могу рѣшительно опредѣлить достоинства моего сочиненія, но скажу, что оно много надѣляетъ шуму. Вы въ немъ увидите *многія лица, довольно вамъ извѣстныя*». Последняя фраза показываетъ, что предъ Бѣлинскимъ носились дѣйствительно картины той жизни и что многое было, вѣроятно, внесено изъ нихъ въ его трагедію. Но именно это могло не особенно понравиться дома. Отецъ, повидимому, имѣлъ свои опасенія; Бѣлинскій получалъ дружескіе совѣты отъ близкихъ лицъ и по другимъ основаніямъ. Въ Чембарѣ была у него большая пріятельница, сестра названнаго нами выше Д. П.

¹⁾ «...Бывши уже на второмъ университетскомъ курсѣ,—говоритъ Лажечниковъ,—Бѣлинскій написалъ драму, въ которой живо затронулъ крѣпостной вопросъ. Я предсказалъ ему судьбу его; дѣйствительность оправдала мое предсказаніе...»

И., Катерина Петровна. Въ нашихъ матеріалахъ было между прочимъ нѣсколько писемъ ея къ БѢлинскому, проникнутыхъ къ нему самымъ теплымъ дружескимъ чувствомъ и обличающихъ замѣчательно свѣтлый и здоровый умъ въ писавшей. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что БѢлинскій съ своей стороны былъ къ ней очень привязанъ — безъ сомнѣнія, находя въ ней пониманіе и сочувствіе къ волновавшимъ его стремленіямъ. Катерина Петровна также была довѣренной его плановъ. Въ одномъ изъ ея писемъ мы находимъ ея отвѣтъ на извѣстіе объ окончаніи трагедіи, — она бережно готовила БѢлинскаго къ возможнымъ неудачамъ, какія онъ потомъ и встрѣтилъ ¹⁾).

Неудача въ самомъ дѣлѣ была полная. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ самъ БѢлинскій въ письмѣ домой:

«Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, — писалъ онъ, — я вознамѣрился избавиться отъ него, и для того написалъ книгу, которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ немалыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, и въ картинѣ довольно живой и *отрывной*, представилъ я тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, со страстями дикими, необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены, и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности, и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру, и что же вышло... Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензуровалъ Л. А. Ц. (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ); прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь, а секретарь вмѣсто отвѣта подбѣ-

¹⁾ Вотъ отрывокъ изъ этого любопытнаго письма:

„Какъ не вскричать: слава Богу! получа письмо ваше, г. БѢлинскій... Съ удовольствіемъ поздравляю васъ съ окончаніемъ вашей трагедіи; отъ всей души желаю ей блистательнаго успѣха... Дай Богъ, чтобы таланты ваши получили всевозможное совершенство и чтобы отечество почтило назвать васъ своимъ Шиллеромъ! А больше всего желаю вамъ не приходить въ отчаяніе отъ *неудачи* вашей трагедіи, которая произойти можетъ не отъ недостатковъ оной, а отъ необдуманности какой-нибудь или торопливости вашей. Совѣтую вамъ, Висс. Григ., не спѣшить издавать оную и отдать на разсмотрѣніе людямъ опытнымъ, какимъ-нибудь ученымъ старичкамъ, а не молодымъ вашимъ товарищамъ, а пуще всего не полагайтесь на свое собственное объ ней мнѣніе; вѣдь говорятъ, что самъ сочинитель есть самый плохой судья своего произведенія. Не подосадуйте на меня за глупые мои совѣты, но примите ихъ въ знакъ моего искренняго къ вамъ расположенія...“

жалъ въ ректору ¹⁾, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «И. А., вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что не смотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты, какъ нельзя лучше, оно признано безнравственнымъ, *безчестящимъ университетъ*, и объ немъ составится журналъ!.. Но послѣ это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особыя донесенія...

«Какое это?... Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ; но всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную.»

Это извѣстіе произвело дома большое впечатлѣніе, которое передано было Бѣлинскому въ письмѣ той же Катерины Петровны. Но любопытно, что Бѣлинскій-отецъ принялъ извѣстіе Виссаріона не такъ, какъ можно было ожидать: письмо понравилось ему и онъ даже сердился на жену, которая собиралась давать Виссаріону выговоры, — повидимому, еще одна черта въ пользу его личнаго характера ²⁾.

Положеніе Бѣлинскаго становилось очень неблагополучнымъ.

¹⁾ Тотъ же Иванъ Алексѣев. Двигубскій; Ц.—извѣстный Цѣтаевъ.

²⁾ Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ приведеннаго выше письма Бѣлинскаго въ полномъ составѣ.—Вотъ отрывокъ изъ отѣтнаго письма Катерины Петровны, изъ котораго можно судить о томъ, что находилось еще въ письмѣ Бѣлинскаго:

„Сколько огорчило насъ письмо ваше, В. Г., изъяснить вамъ не могу! Вы въ такомъ отчаяніи, что не оставили никакой надежды вашимъ роднымъ видѣть васъ когда нибудь благополучными. (Одно слово неразборчиво)... какъ намъ кажется, зависѣло собственно отъ васъ, ежели бы вы захотѣли сколько нибудь равнодушнѣе снести теперешнія ваши непріятности. Вы пишете, что терпѣли казенный коштъ, или подкрѣпляла васъ надежда на вашу трагедію сносить всѣ непріятности казенной зависимости, и теперь потерпите для своихъ родителей. Вы сами знаете, что вы должны быть опорой вашего семейства, и знаете ихъ надежду на васъ... Маменька ваша глазъ не осушала цѣлый день по полученіи письма; мы не знали, какъ ее утѣшить. Теперь, кажется, нечего больше вамъ дѣлать, какъ стараться заслужить выгодное мнѣніе начальства, отъ котораго, какъ мы думаемъ, и неудача вашей трагедіи зависѣла, ибо вы возставили оное противъ себя. Вы, конечно, въ презрѣніи оставите эти слова! Да что дѣлать, муха слона не одолѣетъ, вы знаете справедливость этой поговорки... Простите меня, В. Г., за все, что я вамъ сказала: меня право такъ огорчаетъ ваше положеніе, что я не знаю, что и придумать, что бы могло васъ сколько нибудь утѣшить. Я въ письмѣ этомъ нагородила такой водоръ, что сама краснѣю отъ этого...

„Да, забыла вамъ сказать, что не смотря на всѣ непріятности, заключающіяся въ вашемъ письмѣ, оно очень понравилось вашему батюшкѣ; онъ даже сердился на вашу маменьку, что Л. С.—нѣ препоручала вамъ выговоръ сдѣлать, да и мнѣ немало досталось...“

Цензурныя власти совпадали тогда съ университетскимъ начальствомъ, и неблагоприятное мнѣніе, составленное цензурными властями объ авторѣ пьесы, отразилось на студентѣ. Не знаемъ, былъ ли искренно сдѣланъ Цвѣтаевымъ тотъ одобрительный отзывъ, о которомъ упоминаетъ БѢлинскій, но свойство и содержаніе пьесы было очевидно знакомо и Двигубскому, который поджидалъ прихода автора, чтобы прочесть ему мораль и пригрозить за дерзкія мысли. Трагедія не обошлась даромъ; по всѣмъ отзывамъ, какіе намъ случилось читать и слышать, она имѣла положительную роль при исключеніи БѢлинскаго изъ университета. Самъ БѢлинскій былъ очевидно сильно разстроенъ своей неудачей: приведенное выше письмо къ нему свидѣтельствуетъ объ его отчаяніи ¹⁾.

Исключеніе состоялось, кажется, въ сентябрѣ 1832 г. Въ письмахъ домой БѢлинскій объяснялъ его отчасти собственными ошибками и нерадѣніемъ, отчасти долговременной болѣзью и наконецъ неблагороднымъ образомъ дѣйствій одного превосходительства. Нерадѣіе было и въ самомъ дѣлѣ: занятый своими литературными планами и чтеніемъ, БѢлинскій почти не ходилъ на лекціи, и начальство, если хотѣло, могло поставить ему это въ вину ²⁾. Объ его болѣзняхъ не одинъ разъ упоминается въ перепискѣ: онъ страдалъ кашлемъ, одышкой, болью въ груди; въ 1831 г. онъ нѣсколько разъ поступалъ въ больницу; за болѣзью онъ не держалъ одного переходнаго экзамена; отецъ въ письмахъ, упоминая объ его болѣзняхъ, совѣтуетъ ему умѣренность и т. д. Но окончательной причиной исключенія изъ университета послужила, какъ говорить, трагедія.

«Исторія БѢлинскаго сильно взволновала студентовъ, — рассказываетъ одинъ современникъ, — и долго толковали о ней товарищи; на второмъ курсѣ (т.-е. гдѣ былъ тогда писавшій) мы съ изумленіемъ услышали, что БѢлинскій исключенъ изъ университета за неспособностью; конечно никто изъ насъ не подозревалъ въ немъ знаменитаго критика, какимъ онъ явился впослѣдствіи, но все же

¹⁾ Лажечниковъ рассказываетъ, что когда предсказаніе его относительно трагедіи сбылось, это очень огорчило БѢлинскаго. „Объ того времени сталъ онъ нерадиво посѣщать лекціи и вскорѣ пересталъ ходить на нихъ. *Жизнь его помутилась...* Но дремота его духовныхъ силъ была не долговременна; ни люди, ни обстоятельства не могли ихъ подавить въ этой юной, но уже непреклонной натурѣ...“

²⁾ Мы слышали впрочемъ, что по тогдашнимъ обычаямъ нехожденіе на лекціи, неудовлетворительные экзамены могли вовсе не быть особенной бѣдой для студента; намъ приводили примѣръ одного студента-медика, который девять лѣтъ спокойно прожилъ на казенномъ содержаніи, не стѣсняясь занятіями и экзаменами.

мы почитали его однимъ изъ самыхъ умныхъ и даровитыхъ студентовъ и въ исключеніи его видѣли вопіющую несправедливость¹⁾.

Начальство, какъ говорить, было такъ враждебно въ Бѣлинскому, что ему не оставили даже казеннаго платья, которое однако предоставлялось выходящимъ студентамъ²⁾.

По исключеніи изъ университета, предоставленный самому себѣ, Бѣлинскій очутился въ крайней нуждѣ. Онъ поселился на пер-

¹⁾ „Вотъ какъ рассказывали тогда эту исторію, — прибавляетъ тотъ же современникъ: — Бѣлинскій написалъ драму и представилъ ее на разсмотрѣніе университетскаго совѣта (т.-е. цензурнаго комитета, что было очень близко одно къ другому), который нашелъ ее безнравственною, потому что въ ней слуга убиваетъ своего господина. Это и было началомъ гоненій, воздвигнутыхъ на Бѣлинскаго, бывшаго на бѣду казеннымъ студентомъ. Послѣ разныхъ притѣсненій и долгаго пребыванія въ больницѣ, онъ былъ исключенъ изъ университета за неспособностью къ ученью, по распоряженію Д. П. Г. (Голохвастова), исправлявшаго тогда должность попечителя“. День, 1863, № 42.

²⁾ Обстоятельства исключенія Бѣлинскаго изъ университета все-таки остаются еще не вполне извѣстны... Благодаря обязательному содѣйствію С. М. Соловьева мы получили копіи разныхъ бумагъ, касающихся Бѣлинскаго, изъ архива московскаго университета; но онъ не разъясняетъ дѣла до конца. Въ этихъ бумагахъ мы находимъ извѣщеніе въ правленіе университета отъ отдѣленія словесныхъ наукъ, подписанное деканомъ Каченовскимъ и секретаремъ Побѣдоносцевымъ, отъ 24-го сентября 1831 года, о томъ, что членами отдѣленія произведенъ былъ экзаменъ студентамъ, которые въ минувшемъ академическомъ году за неуспѣшность въ наукахъ оставлены были на прежнихъ лекціяхъ 1-го курса, и по этому экзамену Бѣлинскій не оказался въ числѣ тѣхъ, которые были сочтены достойными перевода „на ординарныя лекціи“. Затѣмъ слѣдуетъ, вѣроятно вызванное предыдущимъ, прошеніе Бѣлинскаго въ правленіе университета, помѣченное 15-мъ и поданное кажется 19-го октября 1831 г., гдѣ онъ объясняетъ, что „по особеннымъ обстоятельствамъ не можетъ продолжать курса наукъ и желаетъ поступить въ службу въ училищный комитетъ московскаго университета въ число канцелярскихъ служителей“. Вслѣдствіе того, правленіе, слушая прошеніе Бѣлинскаго и упомянутое выше отношеніе отдѣленія словесныхъ наукъ, — причѣмъ по справкѣ оказалось, что Бѣлинскій и въ прошломъ 1830 году за малоуспѣшность въ наукахъ не былъ „удостоенъ на ординарныя лекціи“, — опредѣлило, Бѣлинскаго, „оказавшагося неспособнымъ къ слушанію ординарныхъ лекцій“, принять въ число канцелярскихъ служителей правленія съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ, а изъ числа казенныхъ студентовъ исключить, — и представило объ этомъ 26-го октября 1831 г. на утвержденіе попечителя. Въ ноябрѣ попечитель требовалъ еще дополнительныхъ свѣдѣній по этому дѣлу, а въ декабрѣ онъ извѣстилъ правленіе, что такъ какъ въ непродолжительномъ времени должно быть преобразование правленія и училищнаго комитета, то и слѣдуетъ остановиться на нѣкоторое время опредѣленіемъ лицъ, представленныхъ правленіемъ для опредѣленія въ канцелярскіе служители (въ томъ числѣ Бѣлинскаго).

Этимъ заканчиваются полученныя нами бумаги архива моск. университета; по нимъ, исключеніе Бѣлинскаго въ концѣ 1831 г. не было приведено въ исполненіе. По другимъ свѣдѣніямъ Бѣлинскій еще былъ въ университетѣ въ 1832 году, и вышелъ въ концѣ этого года.

вый разъ со своими земляками и родственниками И., изъ которыхъ одинъ служилъ, кажется, небольшимъ чиновникомъ въ сенатѣ, другой былъ студентъ. БѢлинскій сталъ искать себѣ литературной работы.

Первыя мелкія работы БѢлинскаго,—до «Литературныхъ Мечтаній» (1834), съ которыхъ начинается его серьезная дѣятельность,—въ печати появляются еще въ 1831 году, когда онъ былъ студентомъ. Въ письмахъ домой онъ заранѣе писалъ — повидимому съ большими ожиданіями (какъ можно судить по отвѣтнымъ письмамъ изъ дому)—о новомъ журналѣ, который долженъ былъ выходить съ 1831 года («Телескопъ» и «Молва»), и извѣщалъ также объ изданіи «Листка», въ которомъ и онъ самъ намѣревался участвовать.

Этотъ «Листокъ», издателемъ котораго (вѣроятно, редакторомъ) БѢлинскій въ своихъ письмахъ называлъ нѣкоего Артемова, дѣйствительно издавался нѣсколько времени въ Москвѣ. Изданіе было довольно курьезно и теперь вѣроятно составляетъ большую библіографическую рѣдкость — въ каталогъ Смирдина это изданіе не упомянуто. «Листокъ» съ начала былъ дѣйствительно только одинъ листъ, формата въ родѣ листа писчей бумаги, на которомъ печаталось—сколько случится—разныхъ мелкихъ статей, московскихъ извѣстій, стихотвореній и т. п. Издателемъ подписывался князь Д. В. Львовъ. Газетка выходила, не совсѣмъ правильно, по средамъ и субботамъ; съ 22-го №, вмѣсто прежняго формата, которымъ были недовольны читатели, она печаталась въ четверку и уже имѣла по нѣскольку страничекъ; всего вышло 49 номеровъ. Здѣсь, въ № 40—41, вышедшемъ 27-го мая, помѣщено стихотвореніе БѢлинскаго, подъ названіемъ «Русская быль» ¹⁾ и за-

¹⁾ Съ подписью „В. Б.—й“. Другая статейка безъ подписи. Обѣ онѣ упоминаются въ письмахъ его брата, какъ и другія тогдашнія работы БѢлинскаго, которыми этотъ братъ очень интересовался.

Стихотвореніе, въ извѣстномъ пѣсенномъ стилѣ, начинается такъ:

На конѣ сажу,
На коня гляжу,
Съ конемъ рѣчь веду:
„Ты мой добрый конь,
Ты мой конь ретивой,
Понесись какъ стрѣла,
Меня молодца неси
Ты за дальнія поля
И за синіе лѣса etc.

За синими лѣсами есть богатое село, въ которомъ живетъ въ теремѣ дѣвица. Молодецъ любилъ дѣвицу, она любила его, но потомъ невѣнчала и полюбила бога-

тѣмъ въ № 45 (10 іюня) — небольшая библиографическая статья по поводу одной брошюры о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина.

Любопытно, что въ этомъ самомъ «Листѣ», въ числѣ другихъ стиховъ, помѣщено и два-три стихотворенія Кольцова — первыя, какія были напечатаны, написанныя въ той книжной манерѣ, въ которой Кольцовъ писалъ прежде, чѣмъ нашелъ свою настоящую поэтическую форму. Бѣлинскій упоминаетъ объ этихъ стихотвореніяхъ въ своей біографіи Кольцова и указываетъ также, что къ этому времени относится и его первое знакомство съ Кольцовымъ ¹⁾.

Теперь для Бѣлинскаго шелъ вопросъ о кускѣ хлѣба. Онъ купилъ французскій романъ (это была «Монфермельская молочница» Поль-де-Кока) и принялся переводить его для какого-то книгопродавца; но работа не принесла ожидаемаго вознагражденія, потому что тѣмъ временемъ вышелъ другой переводъ (1832). Затѣмъ Бѣлинскій сталъ переводить другой романъ того же Поль-де-Кока «Магдалина», который и вышелъ въ 1833 году ²⁾.

Въ половинѣ великаго поста этого года ³⁾, Бѣлинскій познакомился съ Надеждинымъ, который и пригласилъ его участвовать въ своемъ журналѣ. Въ 1833 году, это участіе ограничилось, кажется, только нѣсколькими переводами ⁴⁾. Положеніе Бѣлинскаго было вѣроятно очень плохо въ это время, потому что при посредствѣ Надеждина онъ рѣшился искать мѣста уѣзднаго учителя въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ. Попечитель этого округа, Кар-

таго боярина, промѣняла молодца на его несмѣтное добро. Молодецъ собирается отомстить: онъ полетитъ на конѣ въ богатое село, найдетъ боярина, — сорветъ ему голову, распоретъ бѣлую грудь, вынетъ ретивое сердце и на серебряномъ блюдецѣ принесетъ въ гостинецъ двѣицѣ.

¹⁾ Въ 1831 году, когда Кольцовъ въ первый разъ былъ въ Москвѣ, «двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ довольно плохомъ московскомъ журналѣ». Далѣе упоминая о другомъ пріѣздѣ Кольцова въ Москву въ 1836 году, Бѣлинскій замѣчаетъ: «въ Москвѣ Кольцовъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву» (Сочин. XII, стр. 97—98). Этотъ молодой литераторъ и былъ самъ Бѣлинскій.

²⁾ «Магдалина», перев. В. Б., въ четырехъ частяхъ. М. 1833. Объ этомъ переводѣ упоминается въ письмѣ брата Бѣлинскаго, Константина, отъ марта 1833: домашніе узнали о немъ отъ кого-то «по секрету». Позднѣе, въ іюлѣ, домашніе слышали, что Виссаріонъ переводитъ еще «Телемаха» (?).

³⁾ Въ статьѣ «Моск. Вѣдомостей» 1859, № 293, поставленъ 1832 годъ — вѣроятно по ошибкѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ этой статьи.

⁴⁾ Напр. въ № 7, стр. 273—287 статья изъ Эдгара Кине «О Богемской эпопее»; въ № 13—14, стр. 80—92 и 212—230, «О нынѣшнемъ состояніи музыки въ Италіи»: оба перевода съ подписью: «съ франц. В. Б.» Эти статьи упоминаются въ перепискѣ.

ташевскій, прїѣхавшій тогда въ Москву, общалъ БѢлинскому — впредъ до открытія нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищъ — дать ему мѣсто въ приходскомъ, съ жалованьемъ въ 400 р. асс. БѢлинскій (въ апрѣлѣ 1833) дѣйствительно подалъ просьбу, но дѣло затянулось до 1834 года: Карташевскій взялъ просьбу и бумаги БѢлинскаго, но мѣста не давалъ. БѢлинскій, наконецъ, вытребовавъ назадъ свои документы, и не смотря на новыя общанія Карташевскаго — дать ему мѣсто лучше, совсѣмъ отказался отъ намѣренія ѣхать въ Бѣлоруссію. Онъ пробовалъ просить себѣ и другого мѣста — корректора при университетской типографіи, даже подавалъ объ этомъ официальную просьбу; но и это дѣло не состоялось.

Вѣроятно къ этому времени бѣдственныхъ обстоятельствъ БѢлинскаго относится слѣдующій разсказъ Лажечникова. По словамъ его, въ первыхъ тридцатыхъ годахъ, онъ, прїѣхавши разъ изъ Твери въ Москву, хотѣлъ посѣтить БѢлинскаго и видѣть его житье-бытье. «БѢлинскій квартировалъ въ *белѣтажъ* (слово это было подчеркнуто въ его адресѣ) въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его *белѣтажъ*! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его коморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверями упорительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣди. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смраду испареній, обхватившихъ меня... скорѣй на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я прочувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя...»

Они придумывали вмѣстѣ средства, какъ выйти БѢлинскому изъ этого положенія, и наконецъ рѣшили, чтобы онъ поступилъ въ домашніе секретари къ одному богатому барину, имѣвшему страсть писать и печататься и навѣстному тогда подъ именемъ Прутикова. Занятія секретаря должны были состоять въ исправленіи грамматическихъ и другихъ погрѣшностей въ сочиненіяхъ его превосходительства. Прутиковъ не разъ обращался съ подобными просьбами къ Лажечникову, но когда тотъ уклонился отъ этого,

онъ уже просто просилъ найти ему въ помощники «надежнаго» студента. Лажечниковъ рекомендовалъ ему Бѣлинскаго.

«Вскорѣ онъ водворенъ въ аристократическомъ домѣ, пользуется не только чистымъ, даже ароматическимъ воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хорошій столъ, отличная вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихкихъ знаменитостей (одна дочь его прев—ва музыкантша), располагаетъ огромной библіотекой, будто собственной, однимъ словомъ, ватается, какъ сыръ въ маслѣ. Но вскорѣ заходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подѣлать жертвовать своими убѣжденіями, собственной рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами, исчезаетъ съ своимъ добромъ, завязаннымъ въ носовой платокъ, и съ сокровищемъ, которое онъ носитъ въ груди своей. Его превосходительству оставлена записка съ извиненіемъ нижеподписавшагося покорнаго слуги, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря...»

Что же далъ Бѣлинскому университетъ?

Впослѣдствіи, врагамъ Бѣлинскаго доставляло немалое удовольствіе—называть его «недоучившимся студентомъ», даже «семинаристомъ», чѣмъ онъ никогда не былъ, и другими подобными названіями, которыя казались убійственны тѣмъ, кто въ дипломѣ видѣлъ доказательство не только учености, но и ума. Приведенные выше рассказы людей, бывшихъ въ университетѣ въ одно время съ Бѣлинскимъ, людей разныхъ взглядовъ на вещи, совершенно согласны въ характеристикѣ факультета, долженствовавшего сообщить Бѣлинскому ту ученость, которая поставила бы его внѣ подобныхъ нареканій. Бѣлинскій, какъ «доучившійся» студентъ (еслибы разные обстоятельства не помѣшали ему такому сдѣлаться), былъ бы вѣчно, несмотря на свой дипломъ, все тѣмъ же человѣкомъ. Рассказы согласны въ томъ, что студенты вообще *въ ту пору* узнавали мало отъ своихъ наставниковъ, исключая только Надеждина,—а отъ Надеждина Бѣлинскій, вѣроятно, воспринималъ все, что могъ тогда воспринять. Константинъ Аксаковъ, человѣкъ совсѣмъ иныхъ мнѣній, чѣмъ Бѣлинскій, много лѣтъ спустя, искренно сознавался, что университетъ того времени (а при Аксаковѣ онъ былъ отчасти въ лучшемъ составѣ, чѣмъ при Бѣлинскомъ), если оказывалъ сильное дѣйствіе на умы юношества, то вовсе не своей официальной ученостью—

отчасти очень стараго покроя, — а тѣмъ нравственнымъ возбужденіемъ, которое само возникало въ средѣ одушевленной молодежи, и питалось ея собственными идеальными задатками: и въ это время только два-три профессора давали опору и сочувствіе стремленіямъ и любознательности юношества. Съ этой стороны университетъ доставилъ Бѣлинскому все, что было возможно: съ университета начинаются тѣсныя нравственныя связи, которыя наложили свою печать на все дальнѣйшее развитіе Бѣлинскаго и остались его лучшими приобрѣтеніями и воспоминаніями изъ той тяжелой поры его жизни.

Мы сочли не лишнимъ напомнить эти факты — не столько для того, чтобы опровергать эти старыя нареканія (которыя, впрочемъ, начинаютъ вновь показываться), сколько для того, чтобы указать, какъ въ самыхъ университетскихъ условіяхъ не измѣнялись въ сущности тѣ пути, которыми и раньше шло умственное воспитаніе Бѣлинскаго. Университетъ не далъ ему спеціальной учености, — какъ не далъ и множеству его товарищей; но его мысль сдѣлала тѣмъ не менѣе большіе успѣхи, — его собственной работой, которая шла въ тѣсномъ союзѣ съ умственной работой замѣчательнаго круга друзей. Его старый учитель очень вѣрно опредѣляетъ совершавшійся теперь и продолжавшійся послѣ процессъ умственного развитія Бѣлинскаго.

«Бѣлинскаго я такъ долго и коротко зналъ, — говоритъ Поповъ, — что могу разсказать весь тайный процессъ его умственного развитія.

«...Въ гимназій учился онъ не столько въ классахъ, сколько изъ книгъ и разговоровъ. Такъ было и въ университетѣ. Всѣ познанія его сложились изъ русскихъ журналовъ, не старѣ двадцатыхъ годовъ, и изъ русскихъ же книгъ. Недостающее же въ томъ пополнилось тѣмъ, что онъ слышалъ въ бесѣдахъ съ друзьями. Вѣрно, что въ Москвѣ умный Станкевичъ имѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей. Думаю, что для Бѣлинскаго онъ былъ полезнѣе университета. Сдѣлавшись литераторомъ (говоритъ Поповъ уже о болѣе позднемъ времени), Бѣлинскій постоянно находился между небольшимъ кружкомъ людей, если не глубоко ученыхъ, то такихъ, въ кругу которыхъ обращались всѣ современныя, живыя и любопытныя свѣдѣнія. Эти люди, болѣею частью молодые, кипѣли жадой познаній, добра и чести. Почти всѣ они, зная иностранныя языки, читали столько же иностранныхъ, сколько и русскія книги и журналы. Каждый изъ нихъ не былъ профессоръ, но всѣ вмѣстѣ по части философіи, исторіи и литературы, стояли бы противъ цѣлой Сорбонны. Въ этой-

то школъ Бѣлинскій оказалъ огромные успѣхи. Друзья и не замѣчали, что были его учителями, а онъ, вводя ихъ въ споры, горячася съ ними, заставлялъ ихъ выкладывать передъ нимъ всѣ свои познанія, глубоко вбиралъ въ себя слова ихъ, на лету схватывалъ замѣчательныя мысли, развивалъ ихъ далѣе и объемистѣе, чѣмъ тѣ, которые ихъ высказывали. Такимъ образомъ, не погружаясь въ бездну старыхъ русскихъ книгъ, не читая ничего на иностранныхъ языкахъ ¹⁾, онъ зналъ все замѣчательное въ русской и иностранныхъ литературахъ. Въ этой-то школѣ выросъ талантъ его и возмужало его русское слово».

«У насъ Бѣлинскому учиться было *неудѣ*, — читаемъ мы въ напечатанныхъ недавно отрывкахъ изъ бумагъ князя В. О. Одоевскаго, одного изъ образованнѣйшихъ людей того періода;—рутинизмъ нашихъ университетовъ не могъ удовлетворить его логическаго въ высшей степени ума; пошлость большей части нашихъ профессоровъ порождала въ немъ лишь презрѣніе; нелѣпныя преслѣдованія—неизвѣстно за что—развили въ немъ желчь, которая примѣшалась въ его своеобразное философское развитіе, и доводили его безстрашную силлогистику до самыхъ крайнихъ предѣловъ» ²⁾.

Но если въ эти годы университетъ еще не былъ такимъ умственнымъ центромъ, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи, въ немъ и теперь собрана была значительная доля силъ, дѣйствовавшихъ—въ ту или другую сторону—въ тогдашней литературѣ, что помогло Бѣлинскому съ первыхъ шаговъ опредѣлить тогдашнее состояніе литературныхъ понятій и партій; и вмѣстѣ съ тѣмъ, — что имѣло существенную важность для развитія Бѣлинскаго, — въ рядахъ слушателей тогдашняго университета собрался цѣлый кругъ даровитыхъ юношей, столько же увлекаемыхъ интересами мысли и нравственными идеалами. Этотъ кругъ доставилъ потомъ русской литературѣ и общественности замѣчательныхъ дѣятелей, и въ немъ-то Бѣлинскій нашелъ—теперь же и послѣ—горячо любимыхъ друзей, ему сочувствовавшихъ, раздѣлявшихъ его стремленія, а иногда и доставлявшихъ имъ серьезную поддержку. Главнымъ образомъ замѣчательны были два кружка, которые составились въ то время среди университетской

¹⁾ Это выраженіе не совѣмъ точно; Бѣлинскій еще съ уѣзднаго училища перечиталъ много старой русской литературы.—По-французски, онъ въ послѣднее время читалъ довольно много.

²⁾ Русский Архивъ, 1874 г., стр. 341. Вся замѣтка кн. Одоевскаго о Бѣлинскомъ, къ которой мы еще возвратимся, очень любопытна, какъ мнѣніе замѣчательнаго современника, стоявшаго внѣ партій, и тогдашнихъ, и новѣйшихъ.

молодежи и представляли собой два различныя направленія, бродившія въ умахъ. Дѣйствующими лицами и участниками этихъ кружковъ были почти исключительно студенты первой половины тридцатыхъ годовъ, или ближайшихъ къ нимъ, немного раньше или позже. БѢлинскій былъ еще студентомъ, когда были въ университетѣ Герценъ и Огаревъ, у которыхъ составилъ одинъ кружокъ; при БѢлинскомъ поступилъ въ университетъ и Н. В. Станкевичъ, бывшій главою другого кружка. Въ 1834 г., вмѣстѣ со Станкевичемъ окончили курсъ А. П. Ефремовъ, близкій пріятель Станкевича и его спутникъ за-границей (впослѣдствіи былъ нѣсколько времени преподавателемъ географіи въ московскомъ университетѣ) и В. И. Красовъ, романтикъ и поэтъ кружка; въ 1835 году окончили курсъ К. Аксаковъ, въ то время еще близкій съ друзьями БѢлинскаго и съ нимъ самимъ. Нѣсколько ранѣе окончили университетскій курсъ другія лица, различнымъ образомъ связанныя съ тѣмъ же кругомъ: Я. М. Невѣровъ (1832), въ то время и позднѣе одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Станкевича; Вадимъ Пассекъ (1830); Н. Х. Кетчеръ (1829); Е. Ѳ. Коршъ (1828).

Объ отношеніяхъ БѢлинскаго въ кругѣ Станкевича и первомъ серьезномъ началѣ его литературной дѣятельности скажемъ въ слѣдующей главѣ.

А. ПИИИИЪ.

З Е М Ц Ы

КОМЕДИЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КРУЖАНОВЪ, НИКИТА ЯКОВЛЕВИЧЪ—первой гильдіи купецъ, потомственный почетный гражданинъ, голова въ думѣ и предсѣдатель уѣздной земской управы.

НАСТЯ (Настасья Никитишна)—его дочь (20 лѣтъ).

ВАРЕНЦОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ—(32 л.) } члены земской управы, дворяне.
ТРОПИКОВЪ, СЕМЕНЪ ПРОХОРОВИЧЪ—(45 л.) }

БАРОНЪ БЕЗАНЕЦЪ—уѣздный предводитель дворянства.

ПРИЧАЛОВЪ, ГЛѢБЪ СТЕПАНОВИЧЪ—земскій врачъ.

КЛЕМЕЦКІЙ, КАРЛЪ АНТОНОВИЧЪ—судебный слѣдователь (29 л.).

ДРОБИНИНЪ, МАКСИМЪ ГАВРИЛОВИЧЪ—участковый мировой судья.

ДРОБИНИНА, ХРИСТИНА ВАЛЕРЬЯНОВНА—жена его.

БѢЛОЧКИНЪ—исправникъ.

КРУПИННИКОВЪ—помѣщикъ, отставной военный.

ЖАРОВИНА—помѣщица.

САЛАМАНКИНЪ—гласный изъ дворянъ, пріѣзжій изъ Москвы.

БРИТАЛОВЪ—гласный изъ дворянъ (77 л.).

БЛАЖИНЪ—подрядчикъ, мостовщикъ.

ДРОЗДОВА—мѣщанка.

ВЛАСОВЪ, МОСЕЙ—волоостной старшина.

ЛУКЪЯНОВЪ—однодворецъ.

Волоостной писарь.

Лакей Кружанова.

Лакей Клемецкаго.

Дворяне (помѣщики), купцы, мѣщане, крестьяне, гласные въ земскомъ собраніи, гости и публика обоего пола.

Дѣйствіе происходитъ въ довольно богатомъ уѣздномъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Богатая гостиная въ домѣ Кружанова. Двери въ другія комнаты открыты. Вечернее блестящее освѣщеніе. Гости обоего пола сидятъ и расхаживаютъ въ гостиной и въ другихъ комнатахъ. За сценой музыка. ТРОПИКОВЪ вбѣгаетъ.

ТРОПИКОВЪ.

Позвольте, господа, позвольте!—вниманіе!

Разговоры смолкаютъ, все группируется по сторонамъ. Въ среднюю дверь входитъ КРУЖАНОВЪ обѣ руку съ НАСТЕЙ; съ другой стороны, нѣсколько отступя, идетъ ВАРЕНЦОВЪ. За ними по сторонамъ два лакея во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ, съ подносами шампанскаго въ рукахъ.

КРУЖАНОВЪ—Тропикову.

Скажите, Семень Прохоровичъ, чтобъ музыка замолчала.

ТРОПИКОВЪ—въ двери.

Музыка!... молчи.

Музыка смолкаетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Господа! позвольте попросить прислушать. [*Все стихаетъ*] Дорежь всего позвольте поблагодарить: въ день мово ангела почтили посвѣщеніемъ, не забыли... Теперь этотъ мы день выбрали, чтобъ сообщить нашимъ друзьямъ и знакомымъ нашу семейную радость: возлюбленную нашу дочку, Настасью Никитишну, мы выдаемъ замужъ [*Всеобщій вздохъ*] за надворнаго совѣтника Александра Алексѣевича Варенцова. [*Цѣлуетъ дочь, потомъ Варенцова*] Будьте счастливы.

Все приходитъ въ волненіе; всѣ спѣшаютъ поздравлять кто кого. Раздаются подѣлун, отрывочныя фразы.

ТРОПИКОВЪ—кричить.

Шампанскаго, господа! Шампанскаго берите! За здоровье Настасьи Никитишны и Александра Алексѣевича!... За родителей ихъ, за Никиту Яковлевича!... урра!!

Новыя поздравленія съ бокалами въ рукахъ.

ТРОПИКОВЪ.

Многія лѣта и благоденствіе... и мирное житіе!... [*Бѣжитъ къ двери*] Музыка! «Славу» играйте!..

Убѣгаетъ. За сценой музыка тихо играетъ нѣсколько разъ «Славу». Гости разсѣваются по комнатамъ, довольные и восхищающіеся.

КРУЖАНОВЪ.

Ну, дочка, — довольна?

Настя молча бросается ему на шею и вѣрнко цѣлуетъ его, потомъ оглядывается и протягиваетъ руку Варенцову.

НАСТЯ — Варенцову.

А вы?.. что же вы-то такой смущенный?..

ВАРЕНЦОВЪ.

Я не люблю быть предметомъ восхищеній — обращать на себя вниманіе.

НАСТЯ.

Отчего? — Пускай восхищаются, пускай на насъ смотреть и радуются. Одинъ разъ въ жизни замужь-то выходитъ! Такой другой минуты не бываетъ.

Беретъ его подъ руку, клонитъ голову ему на плечо и глядитъ на толпу не безъ самодовольства.

КРУЖАНОВЪ — любуясь ими.

Дай Господи! дай Господи!..

За сценой шумъ. Слышенъ крикъ: «Пусти! оставь!» Вбѣгаетъ Татьяна Дроздова.

ДРОЗДОВА.

Батюшка! Микита Яеолитъ! — въ такой-то часъ да въ тебѣ не допустить... Смирно у двери стояла, ей-Богу, смиренхонько... да слышу, пошли праздрывать жениха съ невѣстой... ну ужъ извини мой холонской радости, — продралась; мажордома твабѣ

въ бокъ ударила, не могу... милостивца нашего да въ такой часъ не правдывать?!—что это!?

КРУЖАНОВЪ.

Ну, ну, ладно, старуха... спасибо.

ДРОЗДОВА—Настѣ.

Царевна ты наша свѣтлая, пташечка ты наша райская; дай тебѣ Творецъ всемогущій и внучатъ, и правнучатъ дождаться,—красавица... [*Почти осаливая*] Ручку... дозвожь, матушка, ручку поцѣловать...

Цѣлуетъ руку у Настѣ, которая этому не противится.

БЕЗАНЕЦЪ.

Ну! расходилась, старая.

ДРОЗДОВА.

Да какъ же намъ за васъ, за нашихъ благодѣтелей, не радоваться; да мы за васъ въ гробъ пойдемъ... съ малыми дѣтьми въ гробъ пойдемъ, ей-Богу.

ТРОПИКОВЪ—входитъ.

Посторонись, посторонись, старуха... позвольте...

ДРОЗДОВА—отступая въ глубину.

Отцы родные!—что тамъ еще?

ГОЛОСА.

Еще торжество!.. еще что-то!.. тише, тише...

ТРОПИКОВЪ.

Погодите, погодите... Никита Яковлевичъ, садитесь... вотъ такъ. [*Усаживаетъ Кружанова*] Настасья Никитишна, пожалуйста къ родителю... Александръ Алексѣевичъ — сюда... Такъ,

Томъ II.—Апрѣль, 1874.

сѣмейнымъ гнѣздомъ. [*Ставитъ ихъ за кресломъ Кружанова*] Брысь! старуха... Посторонитесь, посторонитесь, господа! [*Въ дверь*] Музыка!—играйте «Славу». Пустить мужиковъ!

КРУЖАНОВЪ.

Что такое?

ТРОПИКОВЪ.

Ничего, ничего... Молчите,—слушайте.

Музыка играетъ «Славу». Входятъ крестьяне: впереди волостной писарь съ бумагой, потомъ старшины и старосты въ значкахъ. Всѣ низко кланяются Кружанову.

ПИСАРЬ—Тропикову.

Читать-съ?

ТРОПИКОВЪ.

Читай.

ПИСАРЬ—читаетъ.

«Милостивому государю, купцу первой гильдіи и потомственному почетному гражданину, Никитѣ Яковлевичу Кружанову, отъ крестьянъ Слудскаго уѣзда, пяти волостей... [*Кашлянувъ*] Милостивый государь, Никита Яковлевичъ! Пятнадцать лѣтъ вы всему нашему уѣзду отецъ-благодѣтель и благообразія и благоустройства насадитель... Премногія постройки, какъ-то: златый куполь собора нашего, богадельня для вдовъ и сиротъ, новый корпусъ гостинаго двора и другіе подвиги милосердія, во вѣки свидѣтельствуютъ о вашемъ раченіи на пользу общественную...»

ЖАРОВИНА—изъ толпы.

Громче! ничего не слышно.

ТРОПИКОВЪ.

Тссъ!..

ПИСАРЬ—читаетъ громче.

«Наконецъ, вы же явились на помощь правительству въ заботахъ его о преуспѣяніи нашего благополучія и приняли на себя бразды правленія нашего земства. Съ тѣхъ поръ земство и

Никита Яковлевичъ, Никита Яковлевичъ и земство, — слились воедино въ глазахъ всего нашего уѣзда...

ТРОПИКОВЪ.

Рѣже читай; кто тебя гонить!

ПИСАРЬ.

«Оставимъ, однако, исчисленіе всѣхъ подвиговъ вашихъ, — они хранятся въ сердцахъ каждаго изъ насъ; но уже самое сіе чувство побудило насъ, крестьянъ пяти волостей, по приговорамъ на сходахъ, преподнести вамъ, отецъ нашъ и первой гильдіи купецъ, наше русское сыновнее спасибо... много-премного довольны, — и да продлитъ Господь дни живота вашего на радость и пользу намъ, на дальнѣйшее развитіе нашего земскаго дѣла. Читано и подписано на пяти волостныхъ сходахъ; за неграмотныхъ подписалъ писарь.»

ТРОПИКОВЪ!

Браво! браво!!

ВСѢ.

Браво! браво!!

Аплодируютъ.

КРУЖАНОВЪ—вставъ.

Я, господа... я тронутъ... Не ожидайте... помяните, я недостойнъ...

БѢЛОЧКИНЪ.

О! вы достойны!.. вы болѣе чѣмъ достойны: вы... вполне достойны.

Цѣлуетъ Кружанова.

КРУЖАНОВЪ.

Благодарю.

БЕЗАНЕЦЪ.

Позвольте почитать.

Беретъ бумагу, поданную крестьянами.

БАРЫШНЯ.

Ахъ, Никита Яковлевичъ, вы мнѣ потомъ списать позволите, я въ мой альбомъ помѣщу.

МНОГІЕ.

И мнѣ! и мнѣ! и мнѣ списать...

БѢЛОЧКИНЪ.

Да что списывать, господа,—это напечатать надо... гласности предать... въ газету куда-нибудь...

ДРОБИНИНЪ.

Непремѣнно! прекрасная мысль.

ТРОПИКОВЪ—Клеменцкому.

Карлъ Антоновичъ, у васъ тамъ въ Питерѣ редакція какая-то знакомая... возьмитесь-ка, батюшка...

КЛЕМЕНЦКИ.

Съ удовольствіемъ.

БѢЛОЧКИНЪ.

Да надо-бы какъ-нибудь пополнѣй... все это-бы въ корреспонденціи описать: какъ это мужички пришли въ залу, и все это...

ТРОПИКОВЪ.

Да тамъ ужъ редакція распишетъ; вы только ей кратенькое письмецо черкните.

КЛЕМЕНЦКИ.

Хорошо, хорошо.

КРУЖАНОВЪ.

Зачѣмъ это, господа?—не надо.

НАСТЯ.

Отчего не надо?

ТРОПИКОВЪ—ей.

Не беспокойтесь,—тутъ Никита Яковлевичъ голоса не имѣеть... мы безъ него распорядимся.

БЕЗАНЕЦЪ—передавая бумагу.

Прекрасно написано: «Наше русское сыновнее спасибо...» просто и хорошо.

ТРОПИКОВЪ.

А главное, что?—Изъ народа,—народъ пишетъ, меньшая братія любовь свою выражаетъ,—вотъ что важно... [*Мужикамъ*] Ну, ребята, ступай,—вамъ тамъ водка приготовлена.

Тропиковъ, крестьяне и Дроздова уходятъ.

КРУЖАНОВЪ—взявъ подъ руку Клеменцаго.

Только ужъ если посылать въ газеты, Карлъ Антоновичъ, такъ надо... Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ... Баронъ, смѣю васъ просить, пожалуйста съ нами...

Уходить съ Клеменцемъ; за ними Безанецъ.

НАСТЯ—Варенцову.

Не понимаю, чего отецъ все совѣстится? Что за ненужная скромность?.. Благодарять не за злое дѣло, а за добро,—такъ что же тутъ скрывать?

Причаловъ входитъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Наконецъ-то, Глѣбъ Степановичъ... Васъ всегда надо насильно тащить; непременно предлогъ какой-нибудь придумать, иначе вѣдь вы и не пойдете.

Рукожатіе.

ПРИЧАЛОВЪ.

А я сейчасъ слышала, Настасья Никитишна: васъ поздравить надо—невѣстой?

НАСТЯ.

Благодарствуйте,—да.

Причаловъ здоровается съ другими.

ВАРЕНЦОВЪ.

Я было ужъ совсѣмъ отчаялся васъ видѣть: когда я сегодня заходилъ васъ звать, мнѣ ваша супруга сказала, что вы на нѣсколько дней уѣхали куда-то въ деревню.

БѢЛОЧКИНЪ—Причалову.

А какъ жаль, что опоздали; немножко бы пораньше пришли, вы были бы свидѣтелемъ торжества: Никитѣ Яковлевичу крестьяне поднесли благодарственный адресъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

А!

БѢЛОЧКИНЪ.

Прекрасно написано, прекрасно; просто, задумчиво и умно.

ЖАРОВИНА.

Хорошо-то—хорошо, только одного я не хвалю: благодарить Никиту Яковлевича слѣдуетъ, за все слѣдуетъ, онъ всему уѣзду благодѣтель,—только къ чему они тутъ земство приплели?

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ къ чему?

БѢЛОЧКИНЪ.

Ахъ, Антонина Карповна, опять эти вы жгучіе вопросы подымать изволите!.. такъ-что для служащаго человѣка даже неловко слушать...

Уходить.

ЖАРОВИНА.

Да не слушай, кто тебя неволить?.. а я всегда скажу прямо: два бѣдствія у насъ было на Руси,—ито монгольское, да вотъ теперь это земство... Для чего оно заведено?—чтобъ деньги брать съ помѣщиковъ,—только!

НАСТЯ.

Деньги брать?

ЖАРОВИНА.

Да, съ насъ,—для мужиковъ, конечно.

ДРОВИНИНА.

Полноте, — для мужиковъ! для всѣхъ.

ЖАРОВИНА.

Какъ для всѣхъ? Христина Валерьяновна, что вы?.. для мужиковъ, для однихъ мужиковъ... Когда-жъ это было: на дороги теперь мы платимъ?.. бывало, дороги мужики чинять себѣ, и разговору нѣтъ; а мы только взываемъ, если гдѣ нехорошо... А школы?.. на что мнѣ она, ваша земская школа?—Я туда моего Володю учиться не отдамъ. А вѣдь я тоже на нее плачу, на школу-то. Теперь доктору, тоже изъ земства деньги идутъ,—значить, мои же; а ко мнѣ докторъ пріѣдетъ, я ему за визитъ особо плати. Кого даромъ-то онъ лечить?—однихъ мужиковъ.

БЛАЖИНЪ.

Извините, вмѣшаюсь въ разговоръ: для васъ самихъ оно полезно, чтобъ мужикъ былъ здоровый и не болѣлъ.

ЖАРОВИНА.

А чѣмъ это мнѣ полезно?

БЛАЖИНЪ.

Какъ-же-съ?—если мужикъ хвораетъ да умираетъ, кто-жъ у васъ работать будетъ?

ЖАРОВИНА.

Изъ другой губерніи придутъ.

БЛАЖИНЪ.

Что вы?! оборони Господи!.. и безъ того теперь цѣна на работника, Богъ съ нимъ, какъ велика; а отъ пришлыхъ-то и со-всѣмъ въ лѣсъ убѣжишь, отъ всякаго дѣла откажешься.

КРУПИННИКОВЪ.

А наконецъ, если всѣ умрутъ?

ЖАРОВИНА.

Какъ всё?

КРУПИННИКОВЪ.

Такъ всё,—вся Россія!?

ЖАРОВИНА.

Полноте; вотъ тапнули... На нашъ вѣкъ мужика хватить.

ДРОБИНИНА.

Да что вы все про доктора, а вы возьмите мирового...

ЖАРОВИНА.

Ну, что-жь?

ДРОБИНИНА.

Мировой для всѣхъ.

ЖАРОВИНА..

Такъ развѣ я къ мировому судиться пойду?

ДРОБИНИНА.

Отчего же нѣтъ?

ЖАРОВИНА.

Это мужику лестно; потому что на волостномъ судѣ его розгами отдерутъ, а мировой,—вотъ хоть-бы вашъ супругъ, Максимъ Гаврилычъ,—помирить и въ свой кабакъ отправить выпить на мировую... Кабакъ же у него тутъ же, противъ самаго суда; и близко, и пріятно... Мнѣ въ кабакъ мириться никакого наслажденія нѣтъ. А случись нужда кабая, не ко всякому мировому и поѣдешь... иной тебѣ дерзости наговорить; въ другому за сорокъ верстъ заберешься, голодная цѣлый день насидишься,—ни онъ тебя позавтракать, ни пообѣдать не пригласить...

ДРОБИНИНА.

Не кормить же цѣлый уѣздъ.

Уходить.

КРУПИННИКОВЪ.

Вѣдь и мужику—тоже.

ЖАРОВИНА.

Мужику лучше. Онъ взялъ краюшку хлѣба за пазуху, вотъ онъ и сѣтъ; ему къ мировому идти вмѣсто развлечения... и выходить, что все это земство для мужиковъ, и деньги мы для нихъ же въ земство даемъ.

КРУПИННИКОВЪ.

Деньги нужны, Антонина Карповна; безъ денегъ—нельзя.

ЖАРОВИНА.

Да я спрашиваю: для кого?

КРУПИННИКОВЪ.

Это тамъ какъ по раскладѣ, правительственное учрежденіе,—повинности... безъ повинности нельзя... а земство для чего?—это нашъ урокъ; для развитія... соберутся гласные и начнутъ спорить... и спорять... и день спорять, и недѣлю спорять, и дольше бываетъ.

БЛАЖИНЪ.

Простите, вмѣшаюсь въ разговоръ, осмѣлюсь... у насъ не спорять... какъ напередъ будетъ — неизвѣстно, а покажѣтъ у насъ смирно, ничего этого нѣтъ. Прочтутъ отчетъ, подпишутся всѣ, и сейчасъ къ предводителю обѣдать. Въ два дни всему дѣлу конецъ; сейчасъ всѣ и разъѣдутся.

НАСТЯ.

Позвольте, господа! Я десять минутъ васъ слушаю и ничего не понимаю: земство для мужиковъ; земство—куда деньги дадутъ; земство—гдѣ спорять; земство—гдѣ не спорять и обѣдаютъ у предводителя... мировые, гласные, докторъ... все это витайская азбука для меня... Я до сихъ поръ все жила въ Москвѣ у тетки,

и тамъ никогда разговоровъ объ этомъ не было; здѣсь же только и слышно, что земство, и земство, и земство. Объясните мнѣ: что такое это земство?

КРУПИННИКОВЪ.

Я вамъ это сейчасъ доложу.

НАСТЯ.

Нѣтъ, не вы... Александръ Алексѣевичъ, пожалуйста сюда. [*Варенцовъ подходитъ.*] Извольте мнѣ сказать, что такое земство, со всѣми его гласными, собраніями, словомъ, со всей этой путаницей, въ которой я не доберусь никакого толку?

ВАРЕНЦОВЪ.

О! это очень легко объяснить. Положимъ, вотъ живутъ здѣсь въ уѣздѣ, какъ вы знаете, и дворяне, и купцы, мѣщане, крестьяне, — и у каждаго есть свое добро, своя собственность: у кого тамъ домъ, лѣсъ, фабрика...

НАСТЯ.

А у крестьянъ что?

ВАРЕНЦОВЪ.

Земля, избы...

НАСТЯ.

Да, да, какой я вздоръ спросила. Ну?

ВАРЕНЦОВЪ.

Вотъ всѣ мы вмѣстѣ и составляемъ земство уѣзда... Ну, разумѣется, всякій распоряжается въ своемъ хозяйствѣ, какъ считаетъ для себя нужнымъ; но у всѣхъ есть при этомъ и общія нужды...

НАСТЯ.

Напримѣръ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Напримѣръ, дороги... всякому нужна дорога, но не дѣлать

же каждому особую дорогу для себя... или докторъ: всѣмъ онъ нуженъ, но довольно одного для многихъ. Всѣ такія нужды и лучше, и дешевле дѣлать въ складчину, на общій счетъ, и съ общаго согласія... Вотъ для этого мы всѣ и выбираемъ нѣсколькихъ довѣренныхъ людей; они и называются земскими гласными.

ЖАРОВИНА.

Совсѣмъ не такъ рассказываете, совсѣмъ не такъ.

НАСТЯ.

Позвольте, Антонина Карповна... [*Варенцову*] Ну? ну?

ВАРЕНЦОВЪ.

Эти гласные разъ въ годъ собираются и составляютъ земское собраніе.—Тутъ вотъ и разсуждаютъ объ этихъ общихъ нуждахъ; и какъ выполнить ихъ выгоды, и чтобы всѣмъ отъ нихъ была польза; тутъ же высчитываютъ и сколько денегъ все это будетъ стоить, и какъ бы справедливѣе собрать эти деньги со всѣхъ, какъ разложить общую трату на каждого...

КРУПИННИКОВЪ.

И по закону: чтó собраніе рѣшить, такъ тому и быть, никто ослушаться не смѣетъ.

НАСТЯ.

Это должно быть очень интересно.

КРУПИННИКОВЪ.

Возьмите, сударыня, какое это важное дѣло... Къ примѣру: судей мировыхъ все то же земское собраніе выбираетъ на три года;—такъ, коли мерзавца да судьей сдѣлать?... [*Дробининъ молча уходитъ*] Максимъ Гаврилычъ! Максимъ Гаврилычъ! Куда?.. Вотъ нашъ-то мировой судья отъ такихъ разговоровъ и лыжи наостриль.

ЖАРОВИНА.

Да совсѣмъ вы не вѣрно говорите, совсѣмъ не такъ...

НАСТЯ.

Это ужасно интересно!.. и только разъ въ годъ собраніе?

ВАРЕНЦОВЪ.

Да.

НАСТЯ.

Хорошо; но вѣдь собраніе только рѣшаетъ: что дѣлать? Кто же дѣлаетъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

А для этого гласные выбираютъ изъ себя трехъ-четырехъ чело-
вѣкъ: земскую управу; она и распоряжается.

КРУПИННИКОВЪ.

И жалованье получаетъ... Гласные-то вѣдь даромъ; пони-
маете?

НАСТЯ—Варенцову.

Какъ же вы въ Москвѣ мнѣ рассказывали, что вы здѣсь
всѣми дѣлами уѣзда завѣдуете, да еще отецъ? стало быть вы-то
и есть земская управа?

ВАРЕНЦОВЪ.

Да. Я членъ управы, а Никита Яковлевичъ ея предсѣ-
датель.

НАСТЯ.

Хорошее ваше дѣло... Когда же у насъ будетъ земское со-
браніе?

ВАРЕНЦОВЪ.

Черезъ полторы недѣли.

НАСТЯ.

Такъ скоро?.. то-то все о земствѣ говорятъ... Я пойду слу-
шать; вѣдь можно?

ВАРЕНЦОВЪ.

Разумѣется.

НАСТЯ.

Непремѣнно пойду; это ужасно интересно.

ЖАРОВИНА.

Да что вы ихъ слушаете; они вамъ совсѣмъ не то рассказываютъ... Я васъ, Александръ Алексѣевичъ, сто разъ спрашивала...

ВАРЕНЦОВЪ.

Антонина Карповна, я вамъ тоже сто разъ заявлялъ-съ, что обо всемъ готовъ съ вами разговаривать: о цѣтахъ, о лунѣ, о свѣтломъ дворѣ, о чемъ хотите,—но о земствѣ—увольте.

ЖАРОВИНА—обидчиво.

Виновата, простите... Гдѣ ужъ намъ, деревенщинѣ, съ вами столичными... [*Крупинникову*] Пойдемте отсюда, Герасимъ Панкратевичъ... Чего добраго, не встать слово скажешь, передъ учеными людьми себя оконфузишь.

Уходить.

ВАРЕНЦОВЪ.

Вотъ подите!.. теперь будетъ дуться полгода, и еще пожалуй неприятность какую подведетъ.

БЛАЖИНЪ.

Очень обидчивы-съ... Какъ бы и на насъ не разсердились.

Уходить.

КРУПИННИКОВЪ—Варенцову.

Не тревожьтесь, я ее сейчасъ утомю... ничего, уходится!..

Уходить. На сценѣ остаются только Варенцовъ, Настя и Причаловъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

И охота вамъ была, Настенька, при ней затѣвать этотъ разговоръ о земствѣ.

НАСТЯ.

Чего же вы волнуетесь? Пусть ее сердится...

ВАРЕНЦОВЪ.

Пусть! Вы не знаете, до какой степени мы отъ нихъ ото всѣхъ зависимъ.

НАСТЯ.

Вздоръ какой! мы, слава Богу, не бѣдные люди; отъ кого мы можемъ зависѣть?... Съ нашими деньгами, милый Александръ Алексѣевичъ, живите, какъ хотите, и дѣлайте, что угодно.

ВАРЕНЦОВЪ.

Ну не все, что угодно,—не все.

НАСТЯ.

Почти все. [*Причалоу*] А докторъ посмѣивается... не согласны?

ПРИЧАЛОВЪ.

Напротивъ, совершенно согласенъ. Я даже думаю: когда деньги есть, такъ хоть ударить перваго встрѣчнаго—не бѣда; конечно, кого побѣднѣй. Заплатить потомъ за безчестіе, еще спасибо скажетъ.

НАСТЯ.

Сейчасъ ужъ и ударить!.. Никто никого бить не собирается; но, мнѣ кажется, имѣя средства, намъ всегда легче доставлять счастье и себѣ, и другимъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

То-есть, какое счастье?

НАСТЯ.

Высшее счастье человѣка: свободу, независимость и возможность дѣлать добро... Бѣднякъ часто принужденъ заискивать,

унижаться, встрѣчаетъ неудачи, озлобляется; а съ богатствомъ и добрымъ быть не трудно: только помогай кругомъ да радуй всѣхъ. Кто-жъ этого не знаетъ?—это азбучная истина.

ПРИЧАЛОВЪ.

У насъ въ прошломъ году казначей въ такому высшему счастью стремился: тридцать тысячъ казенныхъ денегъ хашнулъ. Не одобрили его стремленія,—сослали.

ВАРЕНЦОВЪ—укорительно.

Ай, Глѣбъ Степановичъ.

НАСТЯ.

Не всѣ же богатые—воры и мошенники... и зачѣмъ вы все только отшучиваетесь, когда я говорю серьезно?.. Возьмите вотъ моего отца: за что его всѣ любятъ? — за то, что его богатство позволяетъ ему дѣлать много добра.

ПРИЧАЛОВЪ.

И добра, и зла, какъ вздумается, въ волю.

НАСТЯ.

За зло не любить.

ПРИЧАЛОВЪ.

Такъ бояться.

ВАРЕНЦОВЪ.

Перестанемъ объ этомъ говорить... Ну что, право...

НАСТЯ.

Какъ перестанемъ?! именно послѣ того, какъ отца моего осуждаютъ?.. [Причалоу] Нѣтъ, теперь я настаиваю: вы должны объяснить ваши слова. Мой отецъ здѣсь предсѣдатель земской управы—и, какъ вотъ объяснилъ мнѣ сейчасъ Александръ Алексѣевичъ, онъ избранъ цѣлымъ уѣздомъ, чтобъ распоряжаться общимъ имуществомъ,—стало-быть, онъ для васъ всѣхъ тутъ управляющій и слуга... это вы называете зломъ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Иногда очень выгодно быть управляющимъ,—иногда и слуга значить больше, чѣмъ господинъ.

НАСТЯ.

Отецъ служить не первый годъ, и его бы давно смѣнили, если-бъ не были имъ довольны, не любили его.

ПРИЧАЛОВЪ.

Вы непременно хотите, чтобъ я вамъ это разъяснилъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Бога ради, Глѣбъ Степановичъ...

НАСТЯ—перебивая его.

Непременно хочу. Я требую этого.

ПРИЧАЛОВЪ.

По мнѣ, пожалуй,—извольте... Вообразите себѣ, уважаемая Настасья Никитишна, что въ число вашихъ горничныхъ, оно вѣроятно съ вами и бывало, затесалась такая, которая бы забрала васъ въ руки... Поняла она, наприжмѣрь, ваши маленькія слабости, привычки, — съумѣла встать услужить и польстить,—сказать именно то, что вамъ пріятно, промолчать и не замѣтить тамъ, гдѣ бы вамъ хотѣлось что-нибудь скрыть... Вы отдаетесь ей, вы думаете, что она въ самомъ дѣлѣ вамъ предана—и вдругъ начинаете замѣчать, что ужъ она щеголяетъ въ вашихъ платьяхъ, въ работѣ неряшлива и только извлекаетъ изъ васъ себѣ выгоду... Ну-съ?.. такъ вы ее сейчасъ и прогоните?.. а скандалъ? а что крику будетъ? сколько неприятностей она вамъ можетъ надѣлать, зная всѣ ваши слабыя струнки?.. Не лучше-ли промолчать и терпѣть?.. все-таки съ ней почему-то удобно; она услужлива, заботлива... и вотъ ужъ вы, готовы сами защищать ее передъ собой, только бы все шло по прежнему, спокойно и безъ тревогъ.

НАСТЯ.

Горничная имѣетъ дѣло съ одной госпожей, а забрать въ руки цѣлый уѣздъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Еще легче. Гдѣ много людей, тамъ много слабостей, споровъ и ссоръ; угоди одному, притвори другому, поддерживай ссору и вражду... мы же такъ недоувѣрчивы къ себѣ, такъ робки и слабы... Еще если вдругъ насъ придавить, пожалуй и встряхнемся; но навалиться потихоньку да во время по головеѣ погладить,—все снесемъ, ко всему привыкнемъ... мы добрые, воевать не любимъ,—лучше стерпимъ.

НАСТЯ.

Я вамъ не вѣрю; не этимъ держится мой отецъ,—и вотъ вамъ доказательство: простые, неразвитые крестьяне собираются и подносятъ ему благодарственный адресъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Тутъ-то, я думалъ, вы и сами догадаетесь. Я объ этомъ адресѣ еще мѣсяцъ тому назадъ слышалъ: мужики все жаловались, что ихъ въ рабочую пору исправникъ въ волостные сходы сгоняетъ грамату Никитѣ Яковлевичу писать.

НАСТЯ.

Неправда!.. я вамъ не вѣрю и удивляюсь, что вы можете такъ говорить мнѣ, въ глаза, про моего отца.

ПРИЧАЛОВЪ.

Зачѣмъ-же вы меня спрашивали?

НАСТЯ.

Да; я виновата сама... но я не думала, что вы станете чернить человека, въ домъ котораго вы обласканы, куда вы сами приходите въ гости.

ПРИЧАЛОВЪ.

Вы ошибаетесь: я былъ призванъ сюда—и по дѣлу; самъ бы я не пришелъ.

НАСТЯ.

А! въ такомъ случаѣ я очень жалѣю, что васъ призвали.

Уходить въ сильномъ негодованіи.

ПРИЧАЛОВЪ.

Видите, любезнѣйшій Александръ Алексѣевичъ, вы напрасно поступаете, не спросясь вашей невѣсты. Зазвали вы меня сюда, упрашивали, увѣряли мою жену, что о какомъ-то дѣлѣ говорить хотите; а оказывается, я на именины пріѣхалъ да на сговоръ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Простите мнѣ это, Глѣбъ Степановичъ... но будьте такъ добры, позвольте мнѣ хоть разъ вамъ высказаться.

ПРИЧАЛОВЪ.

Сдѣлайте одолженіе.

ВАРЕНЦОВЪ.

Мы оба съ вами служимъ одному дѣлу: я членъ земской управы, вы земскій врачъ,—и оба хлопочемъ о пользѣ земства. Неужели-же наше дѣло лучше пойдетъ, если мы все другъ отъ друга сторониться будемъ, да другъ въ другѣ дурныя стороны отыскивать? вѣдь отъ нашей брани дѣло страдаетъ, поймите... Ну, каюсь,—да, я васъ поднадулъ; я васъ заманилъ сюда, чтобъ немножко толкнуть въ наше общество, сблизить...

ПРИЧАЛОВЪ.

Зачѣмъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ-же?—вы у насъ служите почти годъ и никого не знаете.

ПРИЧАЛОВЪ.

Всѣхъ знаю,—многихъ лечилъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Это другое дѣло; теперь вы выбраны гласнымъ на новое собраніе, тутъ не одни медицинскіе вопросы пойдутъ на обсужденіе.

ПРИЧАЛОВЪ.

Ну что же?

ВАРЕНЦОВЪ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы въ общемъ дѣлѣ... обговорить, согласиться... а вы первымъ-же словомъ объявляете Настасѣ Никитишнѣ, что отецъ ея—подлецъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Что-жъ? развѣ онъ честный человѣкъ?

ВАРЕНЦОВЪ—мнется.

Ну, не совсѣмъ же такъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Христось съ вами, Александръ Алексѣевичъ, словно вы не знаете, что у насъ ни одна земская затѣя не обходится безъ по-вальнаго и наглаго воровства!.. По мнѣ тутъ честнаго мало, и входить въ соглашеніе съ людьми, систематически разоряющими уѣздъ...

ВАРЕНЦОВЪ.

Это намѣеъ и на меня.

ПРИЧАЛОВЪ.

Если хотите.

ВАРЕНЦОВЪ.

Послушайте,—ради Бога, вникните въ дѣло. Я очень хорошо понимаю, что такое—Никита Яковлевичъ; и если я съ нимъ три года въ земствѣ возжусь, то я не участникъ его, а жертва. Что мнѣ вытерпѣть приходилось, какъ часто у меня сердце кровью обливалось, вы и чуетъ не можете... Но что-же дѣлать?—онъ сила, ему нельзя иногда не потакать.

ПРИЧАЛОВЪ.

Еще бы,—вы на его дочери жéнитесь.

ВАРЕНЦОВЪ.

А! Глѣбъ Степановичъ, это несправедливое обвиненіе. Я полюбилъ Настеньку еще въ Москвѣ, и, будь она чья угодно дочь, я никогда отъ нея не откажусь... Дѣло не въ насъ, — дѣло въ томъ, что человѣку хорошему и энергичному, какъ вы, не слѣдуетъ брезгать Никитой Яковлевичемъ, коли хочешь принести пользу краю. Вы сами сказали, что богатствомъ можно сдѣлать много зла, и мы должны мѣшать этому, хотъ-бы даже прибѣгая къ надувательству... съ подлецомъ позволительны способы можетъ быть и не совсѣмъ честные.

ПРИЧАЛОВЪ.

Какъ же это такъ?..

ВАРЕНЦОВЪ.

Мнѣ часто приходится поступать противъ своего желанія, скажу прямо,—противъ своей совѣсти; но что дѣлать?—если-бъ я противился, онъ бы выжилъ меня, и я не могъ бы принести и той пользы, которую приношу. А теперь: то потакая ему, то обманывая его, я все-таки тамъ и здѣсь могу сдѣлать добро... Вотъ васъ къ намъ пригласили; вѣдь вы для уѣзда какой драгоценный человѣкъ, а кому уѣздъ этимъ обязанъ?—мнѣ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Это для меня очень лестный отзывъ, но все-таки я не вижу необходимости кому-нибудь поступать противъ своей совѣсти.

ВАРЕНЦОВЪ.

Даже когда отъ этого ожидаешь пользы?

ПРИЧАЛОВЪ.

Отъ этого нельзя пользы ожидать,—это скользскій путь... разъ сталъ потакать, другой, третій, — а тамъ и пойдешь внизъ по лѣсенкѣ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ будто нельзя остановиться во всякое время?

ПРИЧАЛОВЪ.

Трудно.

ВАРЕНЦОВЪ.

• Такъ какъ же по вашему?—умыть руки и уйти?

ПРИЧАЛОВЪ.

Нѣтъ; спорить будемъ, войну поведемъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Да борьба тутъ невозможна: на земскомъ собраніи три четверти гласныхъ смотрятъ ему въ глаза; какъ онъ моргнетъ, такъ и дѣлается.

ПРИЧАЛОВЪ.

Три четверти-- не всѣ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Остальные молчатъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

До поры до времени.

ВАРЕНЦОВЪ.

О! какъ видно, что вы еще не были у насъ на земскомъ собраніи!—Вы ихъ увидите, этихъ господъ, тогда вспомните обо мнѣ... Повторяю вамъ: прямо, наперекоръ идти, ничего не добьешься... а между тѣмъ, вы бы могли сдѣлать очень много... Глѣбъ Степановичъ, я скажу вамъ совершенно откровенно: пользуйтесь минутой. Никита Яковлевичъ васъ ненавидитъ, но онъ васъ боится; когда онъ узналъ, что васъ выбрали гласнымъ въ земство, его такъ и перевернуло. Теперь онъ готовъ за вами ухаживать, какъ ни за кѣмъ изъ насъ; онъ самъ умолялъ меня затащить васъ сюда сегодня... Пользуйтесь этимъ: маленькую уступку, маленькую потачку здѣсь, тамъ, — и вы увидите, онъ сдѣлаетъ многое такъ, какъ вы захотите.

ПРИЧАЛОВЪ.

Нѣтъ, Александръ Алексѣевичъ, у меня на это способности не хватитъ. Что найду хорошимъ, противъ того говорить не стану, но въ сдѣлку съ совѣстью не пойду.

ВАРЕНЦОВЪ.

Ни въ чемъ рѣшительно?

ПРИЧАЛОВЪ.

Ни въ чемъ рѣшительно.

ВАРЕНЦОВЪ.

Тогда ненависть пересилить боязнь, — и онъ заставитъ васъ уйти изъ уѣзда, или погубить.

ПРИЧАЛОВЪ.

Посмотримъ.

Входитъ КРУЖАНОВЪ.

КРУЖАНОВЪ.

Ахъ, владыка небесный! и никто мнѣ не скажетъ, что такой дорогой гость къ намъ пожаловать... Отъ глубины сердца моего благодарность примите... Супруга ваша здоровы-ли?.. А мы вѣдь и ихъ ждали сегодня... Не хочетъ насъ познакомить съ супругой, — этакое право!.. У меня вотъ теперь Настя изъ Москвы пріѣхала; можетъ, сошлись бы... чтобъ вамъ вдвоемъ-то сегодня?.. Позвольте, я за ними сейчасъ колясочку пошлю...

ПРИЧАЛОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста!.. моя жена, знаете, рѣдко куда ѣздитъ...

КРУЖАНОВЪ.

Жаль, жаль!

ПРИЧАЛОВЪ.

Я и самъ сегодня...

КРУЖАНОВЪ.

Погодите, прежде всего... не могу, — обязанъ вамъ сказать: читалъ я вашъ отчетъ по медицинской части въ уѣздѣ, — упи-
вался; просто пѣснопѣніе. Заранѣ на всѣ ваши предложенія со-
гласенъ и благодарю. Воистину Господь Богъ послалъ васъ къ
намъ; съ вашей помощью, мы всей Россіи образцомъ станемъ...
Вамъ обязаны, Александръ Алексѣевичъ, — дали намъ человѣчка...
[Жметъ руку Варенцову; говоритъ Причалову] А видѣли-ли
нашу невѣсту? — Пожалуйте же въ залу.

ПРИЧАЛОВЪ.

Виновать, Никита Яковлевичъ; я, вѣдь, думалъ, что меня зо-
вуть по дѣлу, оттого и заѣхалъ, а то — мнѣ некогда.

КРУЖАНОВЪ.

Все больные?.. Вы себя уморите, ей-Богу. Это-съ у васъ раз-
счетъ плохой: напрягаете вы себя до послѣдней крайности, а ли-
шиться всѣхъ силъ, такъ и никакой пользы никому не принесете.

ВАРЕНЦОВЪ.

Право бы остались...

КРУЖАНОВЪ.

Надо и отдохнуть когда-нибудь: развлечетесь, на молодежь
глядя, или въ картишки перекинемся...

ПРИЧАЛОВЪ.

Нѣтъ, ужъ вы меня не удерживайте.

КРУЖАНОВЪ.

Ну, ну, ну, ну, — какъ угодно... Я, вѣдь, предъ вашимъ дѣ-
ломъ, знаете какъ? — земнымъ поклономъ преклоняюсь; святое дѣло,
божеское. Врачъ да священникъ — наши цѣлители, благодѣтели...
[Обращаясь на-половину къ Варенцову] Когда же мы сойдемся-то?

ПРИЧАЛОВЪ.

Зачѣмъ?

КРУЖАНОВЪ.

Черезъ полторы недѣли собраніе, вы у насъ гласный,—такъ, я чай, не мѣшало бы сговориться...

ПРИЧАЛОВЪ.

Чего-жъ намъ прежде времени-то сговариваться?—на собраньи будемъ говорить.

КРУЖАНОВЪ.

Собранье послѣднее дѣло... а намъ бы съ вами прежде такъ ознакомиться... что вы будете проводить, что я буду проводить... можете, совѣтъ какой... да мало ли какіе тутъ вопросы могутъ возникнуть!..

ПРИЧАЛОВЪ.

Незачѣмъ это, ни къ чему это не поведетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Однако, — если мы вдругъ на собраньи-то споръ подыместъ, да ссориться будемъ, да обидное другъ другу говорить?.. мирно-то, кажется бы, и лучше.

ПРИЧАЛОВЪ.

Это ужъ не отъ меня будетъ зависѣть, Никита Яковлевичъ... Къ чему туману напускать? За годъ-то успѣли мы другъ друга узнать; какой же у насъ можетъ быть съ вами миръ?.. мѣняться вѣдь вы не станете, а я за вами не пойду, — и никакой угодливостью вамъ не сманить меня на свою сторону... о чемъ же намъ разговаривать?

КРУЖАНОВЪ.

Вы это какъ-же-съ?—совсѣмъ окончательно?

ПРИЧАЛОВЪ.

Совсѣмъ окончательно, — и не торгуйтесь, даромъ время теряете. Хотя вы со мной цѣлый годъ объ этомъ разговаривайте, все то же будетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Очень жаль.

ПРИЧАЛОВЪ.

Прощайте.

КРУЖАНОВЪ.

Прощайте-съ. [*Рукопожатіе. Причаловъ уходитъ. Обращаясь къ Варенцову*] Я вамъ говорилъ, что этого чедовѣка вы ничѣмъ не ублажите. Онъ еще намъ въ собраніи-то такихъ блохъ натря-сеть!.. А кто виноватъ? все вы; ваша рекомендація. Словно не могли мы безъ него обойтись... Медицинская помощь!—дать намъ было тогда нашему же уѣздному врачу двѣсти рублей, вотъ вамъ и медицинская помощь!

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ же можно, Никита Яковлевичъ...

КРУЖАНОВЪ—перебивая его.

Да ужъ извините; коли онъ такъ отъ насъ рыло воротить, мы тоже съ нимъ долго нянчиться не станемъ.

Уходитъ.

ВАРЕНЦОВЪ—махнувъ рукой.

А! ну тебя!

Идетъ къ дверц, его останавливаетъ Настя, взволнованная.

НАСТЯ.

Послушайте, Александръ Алексѣевичъ...

ВАРЕНЦОВЪ.

Что, Настенька?

Хочетъ взять ее за руку.

НАСТЯ.

Не трогайте меня. Скажите мнѣ, что значать эти ваши отношенія къ Причалову?

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ?

НАСТЯ.

Вамъ говорить грубости въ глаза, васъ бранять, а вы молчите и терпите?.. Если онъ говоритъ правду, то вы всѣ здѣсь скверные люди,—если онъ лжетъ, то какъ у васъ хватаетъ духу его слушать, и къ нему ластиться, и не зажать ему рта?!

ВАРЕНЦОВЪ.

Ахъ, Настенька, это очень запутанная вещь... онъ не то что лжетъ, но онъ все-таки увлекается и...

НАСТЯ.

Я терпѣть не могу этихъ виляній; пожалуйста—безъ нихъ. Я полюбила васъ, потому что считаю васъ честнымъ и прямымъ человекомъ...

ВАРЕНЦОВЪ.

Но вѣдь бываютъ случаи... когда...

НАСТЯ.

Не забывайте, Александръ Алексѣевичъ, что я могу любить только истинно честнаго и хорошаго человѣка; а это — «ни то, ни се» — мнѣ даже противно.

Уходитъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

О, Господи! не разорваться же мнѣ!

Уходитъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Пріемный богатый кабинетъ Кружанова. Письменный столъ съ бумагами, сче-
тами, картонками. Диванъ и стулья зеленые, сафьянные. Этажерки съ кар-
тонками. Шкафы съ конторскими книгами. На стѣнахъ карты, нѣсколько иглъ
съ навѣшенными бумагами, аттестаты въ рамкахъ, портреты: какого-то гене-
рала, архіепископа и самого хозяина. ДРОБИНИНА скорыми шагами ходитъ по
комнатѣ въ сильномъ волненіи. КРУЖАНОВЪ глубоко сидитъ въ креслѣ и по-
хлопываетъ руками, какъ-бы раздумывая о чемъ-то. Нѣкоторое время длится
молчаніе.

КРУЖАНОВЪ.

Христа!.. полно же... полно голубоко!.. Христа!.. поди сюда...

ДРОБИНИНА—зло.

Оставьте меня; я вижу, что вы стали во мнѣ гораздо суше,
гораздо нелюбезнѣе съ тѣхъ поръ, какъ привезли сюда вашу
Настю.

КРУЖАНОВЪ—всплившъ.

Ты мою дочь не смѣй трогать! — она мнѣ всѣхъ васъ до-
роже... я за нее...

ДРОБИНИНА—мѣняя тонъ, мягко.

Что вы сердитесь?.. развѣ я что-нибудь противъ Настеньки
говорю?.. Я сама ее обожаю, она ангелъ; но за что же быть
суше со мной?

КРУЖАНОВЪ.

Ничего я не суше, все ты пустяки мелешь; а несообразнаго
ты требуешь... дай, вишь, ей пять тысячъ! — такъ вотъ, вынь да
положь... Словно рюмку водки просить, право.

ДРОБИНИНА.

Да что-жь? развѣ это деньги для васъ?..

КРУЖАНОВЪ.

Небось щепки?

ДРОБИНИНА.

Пять тысячъ!?

КРУЖАНОВЪ.

Ты въ моихъ карманахъ считала, что-ли?

ДРОБИНИНА—останавливаясь передъ нимъ.

Пять тысячъ? для васъ?—съ вашимъ-то богатствомъ?.. да подите,—вы просто смѣшите меня; вы просто хотите поставить въ непріятное положеніе,—чтобъ я просила.

КРУЖАНОВЪ.

Ужъ какъ я этого не люблю...

ДРОБИНИНА.

Знаю, знаю... липнуть, да цѣловаться, да нѣжничать — это ваше дѣло; а чуть объ деньгахъ заговорилъ, — кончено... для меня у васъ денегъ никогда нѣтъ; для меня вы ничего сдѣлать не хотите.

КРУЖАНОВЪ.

Ахъ, Боже праведный! — это ужъ и не знаю какъ назвать. Да я изъ-за тебя грѣха что на душу взялъ, такъ за тысячу рублей ни одинъ монахъ не отмолитъ... одно это подумай, что твоему мужа мировымъ судьей сдѣлать; для кого это, какъ не для тебя?... вѣдь ему мѣсто въ Сибирѣ, настоящее-то; а онъ вонъ что у насъ.

ДРОБИНИНА.

Похвастались!... Жалованьемъ, что ли, облагодѣтельствовали,—полторы тысячи дали!?

КРУЖАНОВЪ.

Что ты заговариваешь: жалованьемъ?... Не знаю я, какъ онъ и съ кого деретъ... Помѣщикъ Загильдяевъ сколько ему заплатилъ, чтобъ онъ замаялъ дѣло мѣщанки Протопоповой? сколько?—семьсотъ рублей заплатилъ, да рысака прислать гнѣдого... А если опять...

ДРОБИНИНА.

Довольно... Что вы со мной, счеты что-ли сводить хотите? — такъ вѣдь я не купчиха. Не за деньги я васъ полюбила.... Я вамъ отдала все, все... всю жизнь...

Плачетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Плакать перестань. Пуще всего не плачь... Для меня нѣтъ хуже, когда ты плачешь... Ну полно-же, поди, сядь сюда... [*Сажаетъ ее подлѣ себя на диванъ и обнимаетъ*] Перестань, говорю... Ишь, право, глаза у тебя на мокромъ мѣстѣ: чуть что, сейчасъ въ слѣзы... Ты подожди маленько... торговое дѣло, знаешь какое? — миллионами владай, а пальныхъ денегъ не всегда подъ рукой сыщешь. Теперь у меня что затѣй: кирпичный заводъ одинъ въ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ въѣхалъ. Погоди, вотъ кирпичи продамъ...

ДРОБИНИНА.

Ужъ вы эти кирпичи полгода продаете, да никто ихъ что-то не покупаетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Не могу-жъ я ихъ себѣ въ убытокъ отдать! — какая ты.... а вотъ, погоди, собранье будетъ, — я ихъ въ земство спущу.

ДРОБИНИНА.

Стало быть, послѣ собранья я могу разсчитывать?

КРУЖАНОВЪ.

Тамъ посмотримъ.

ДРОБИНИНА.

Не посмотримъ, а навѣрно... И вотъ тебѣ въ задатокъ — merci.

Цѣлуетъ его; въ это время въ дверяхъ появился ДРОБИНИНЪ, но, замѣтивъ подѣлу, сейчасъ скрылся.

КРУЖАНОВЪ.

Кто тамъ? [*Подходитъ къ двери и глядитъ въ нее*] Максимъ Гавриловичъ! что-жъ спрятался?.. Иди. — что ты?

ДРОБИНИНЪ—ВОЙДЯ.

Нѣтъ, вѣдь мнѣ ничего особеннаго не нужно.

КРУЖАНОВЪ.

Иди, иди... встати мнѣ поприодѣться надо; посидишь тутъ, пока я буду готовъ. Придетъ кто, попросишь пообождать.

ДРОБИНИНЪ.

Хорошо-съ. [*Кружановъ уходитъ*] Ну что?

ДРОБИНИНА.

Ахъ, отстань!... ничего,—денегъ теперь нѣтъ.

ДРОБИНИНЪ.

И лжетъ навѣрно. Этакое купеческое отродье! надъ каждой копѣйкой трясется... Не умѣешь ты его въ рукахъ держать.

ДРОБИНИНА.

Пожалуйста... на тебѣ меня учить.

ВХОДИТЪ БѢЛОЧКИНЪ.

БѢЛОЧКИНЪ.

Царицѣ нашей, красавицѣ, — почтеніе... Ручку пожалуйста. [*Цѣлуетъ ей руку; рукожатіе съ Дробининымъ*] Что это, сударыня, словно хмуриться изволите?

ДРОБИНИНА.

На васъ сердита, что плохой вы исправникъ.

БѢЛОЧКИНЪ.

Спаси насъ Богъ! — чѣмъ могъ прогнѣвить васъ?... ужъ я, кажется, для васъ продать себя готовъ. Вчера отъ пріѣзжаго помѣщика Саламанкина колкостей да брани что наслушался, такъ выше горла.

ДРОБИНИНА.

Изъ-за меня?

БЪЛОЧКИНЪ.

Да-съ. Зачѣмъ я земскую полицію тревожу: сотскихъ да десятскихъ мужиковъ къ вамъ огороды копать посылать!.. Вы, говорить, ихъ требуйте на полицейскія нужды, а барыня ваша и нанять можетъ... Что-жь?—я молчалъ да покашливалъ; только-бы онъ, пронеси Создатель, тамъ гдѣ-нибудь, въ Петербургѣ или въ Москвѣ, не рассказывалъ... Право, ужъ не знаешь, какъ и угрожать!—и тамъ недовольны, и здѣсь недовольны...

ДРОБИНИНА.

Я оттого вами недовольна, что мало о красотѣ города заботитесь.

БЪЛОЧКИНЪ.

Какъ же заботиться-то-съ?

ДРОБИНИНА.

Заводчикамъ помощи отъ васъ никакой нѣтъ. Вонъ Никита Яковлевичъ на пользу общую какой заводъ кирпичный сдѣлалъ... наработали кирпичей—и лежать они подъ дождемъ, мокнуть,—никто покупать не хочетъ. Городъ какой большой, а каменныхъ домовъ только одинъ острогъ и есть; хуже деревни обыватели ваши себѣ избы-то строить.

БЪЛОЧКИНЪ.

Это, позвольте вамъ доложить-съ, тутъ ничего не сдѣлаешь;—это Никита Яковлевичъ сами маху дали, что заводъ устроили. Я имъ тогда говорилъ, что это дѣло не выгорить, такъ они никого слушать не любятъ. Какъ же-съ: первое дѣло, затѣваютъ кирпичный заводъ въ степи, гдѣ и лѣса по близости никакого нѣтъ; а кирпичу нужны дрова; вози ихъ туда, — во что они обойдутся?... Теперь Никитѣ Яковлевичу продать свой кирпичъ дешевле двадцати двухъ рублей—тысячу невозможно, себѣ убытокъ; а я вамъ сколько угодно изъ сосѣдней губерніи по пятнадцати рублей доставлю.—Кто же у нихъ станетъ покупать? сами посудите...

ДРОБИНИНЪ.

Ну, если-бъ много строили...

БѢЛОЧКИНЪ.

Опять и это-съ: затѣвають они все въ огромныхъ размѣрахъ; а край у насъ бѣдный, народъ все подлый, неимущій, — кому тутъ и строить-то?

ДРОБИНИНЪ.

А вы найдите—кому... окомъ полицейскимъ высмотрите; по-нудьте, похлопочите..

БѢЛОЧКИНЪ.

Нельзя хлопотать-то, Максимъ Гавриловичъ. Такое проклятое мѣсто,—не приведи Богъ. Фабрикъ у насъ никакихъ нѣтъ; купцовъ — одинъ только Никита Яковлевичъ, а то вѣдь все дрань, хуже всякаго мѣщанина... Какая у нихъ торговля? — все же больше съ мужиковъ берутъ; а мужикъ у насъ... [*Махаетъ рукой*] хуже, кажется, нигдѣ и нѣтъ... Вѣрите-ли, съ этими одними недоимками возишься, такъ, кажется, легче на двѣсти сажень подъ землей руду отыскивать, ей-Богу. Грунтъ у насъ плохой, неурожайный... ну, въ другихъ уѣздахъ хоть скотъ есть, у кого корова, коза, — есть что продать; у насъ такъ вотъ ничего!... хоть дери, хоть не дери... На прошлой недѣлѣ у одного мужика даже крыльцо продали, — что станешь дѣлать!

ДРОБИНИНА.

Какъ крыльцо?

БѢЛОЧКИНЪ.

Такъ: крыльцо... Избѣнка у него дрянная, а крыльцо было крѣпкое, на столбахъ, такъ, со ступеньками... ну, сломали его, продали за шесть гривенъ на недоимку...

ДРОБИНИНЪ.

Не много-жъ съ него взяли.

БѢЛОЧКИНЪ.

Да вѣдь что можно, Максимъ Гавриловичъ.—Съ пустого мѣ-

ста, хоть Богу молись, взять нечего; землю-матушку не выпорешь, въ острогъ не посадишь; что она тебѣ дастъ, за то и спасибо... а къ тому же еще это и пьянство кругомъ, и работать никто не хочетъ... Эхъ!... Ей-Богу, — кто бы побывалъ въ моей шкурѣ... а тутъ еще начальство гуманности требуетъ.

ДРОБИНИНА.

Неужто-жъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ и пропадать кирпичамъ?

БѢЛОЧКИНЪ.

Ну, Никита Яковлевичъ обернутся... Вонъ они соборъ строить затѣяли на общественныя приношенія, земскія какія постройки предпримуть, — кирпичъ и посойдетъ... Только вотъ тоже имъ нынче немножко бѣда: не очень разгуляться-то ловко будетъ на земскомъ собраньи; — проскользнули туда въ гласные такіе люди, мѣшать будутъ... докторъ вотъ нашъ, этотъ хуже всего будетъ, — онъ во всемъ наперекоръ Никитѣ Яковлевичу пойдетъ... Кто вѣдь этого здѣсь не знаетъ; а не умѣли его отстранить, — выбрали, какъ выбрали мужики.

Входятъ ТРОПИКОВЪ, БЛАЖИНЪ и Мосей ВЛАСОВЪ.

ТРОПИКОВЪ.

Еще не выходили? — Здравствуйте.

Общее рукожатіе.

БѢЛОЧКИНЪ.

Семену Прохоровичу... [*Замѣтивъ Блажина и Власова*] А! голубчики, свѣты-радости, — и вы пожаловали?... [*Дробининой*] Вотъ они, мудрецы-то наши, выбиральщики-то... они его гласнымъ сдѣлали.

БЛАЖИНЪ.

Кого это-съ?

БѢЛОЧКИНЪ.

Врачевателя тѣлесъ нашихъ и душъ, Причалова доктора... Погодите, будетъ вамъ отъ Никиты Яковлевича головомойка...

ВЛАСОВЪ.

Такъ развѣ это мы-съ?

Томъ II. — Апрель, 1874.

Входитъ КРЯЖАНОВЪ.

КРУЖАНОВЪ.

Пособрались... Здравствуйте.

Здоровается со всѣми.

ДРОБИНИНА.

Ну, вы дѣлами будете заниматься, стало быть, я тутъ лишняя.

Уходить.

КРУЖАНОВЪ.

Садитесь. [*Всѣ садятся*] Позвалъ я васъ сюда, главнымъ манеромъ, сказать, что вы меня очень огорчили.

ВЛАСОВЪ.

Чѣмъ? Микита Яковлевичъ.

КРУЖАНОВЪ.

Я-ли вамъ не былъ всегда помощникомъ, и деньгами, и со-вѣтомъ, и всѣмъ?... Капиталишка у кого какой заведется,—куда его несете?—ко мнѣ. По пятнадцати процентовъ вамъ плачу... Денегъ что-ли мнѣ безъ васъ негдѣ достать? Сколько хочешь достану... а беру я изъ жалости: что некуда вамъ съ деньгами дѣваться, да чтобъ вы мнѣ были преданные слуги... Подрядъ какой возьму, съ вами дѣлюсь... а отъ васъ никакой помощи себѣ не вижу.

БЛАЖИНЪ.

Мы всѣ за васъ, Микита Яковлевичъ,—что вы?

ВЛАСОВЪ.

Кто изъ народа повиднѣй, да побогаче, что мѣщане, что крестьяне,—всѣ вами живемъ.

КРУЖАНОВЪ.

Какъ-же теперь доктора земскаго, Причалова, въ гласные выбрали?

ВЛАСОВЪ.

Да развѣ мы?—Микита Яковлевичъ, развѣ мы?.. Мужики тосударственные выбрали, Игорьевская волость.

КРУЖАНОВЪ.

Еще бы ты-то самъ! — Какъ ты допустилъ? допустилъ-то ты какъ? вотъ что.

ВЛАСОВЪ.

Не въ моей волости, Микита Яковлевичъ, — я въ томъ не воленъ. Съ мужикомъ поди, вонъ, столкуй! — Антонъ староста говоритъ: «рабята, мы дохтуромъ очень много довольны, пакости отъ него ни въ жизнь, окромя добра, ничего не видали,—дохтура выбирайте, онъ за насъ буде.» Какъ пошли его шаровать,—ну, почитай, всѣ шары въ бѣлую сторону и кладутъ.

КРУЖАНОВЪ.

А ты-то осипъ, что-ль? или горла жаль было?.. учить что ли тебя, какъ съ ими распоряжаться?.. Кому водки вынесъ, кому начальствомъ пригрозилъ...

ВЛАСОВЪ—указывая на исправника.

Что-жъ начальство!? Вонъ ихъ благородіе тоже не очень за насъ вступаются, все больше въ сторонѣ себя держутъ. Я имъ говорилъ, что Игорьевская волость на дохтура гнетъ; чтобы имъ: пріѣхали бы на выборы сами, али-бы станowego прислали... Небось, кабы они у ящика-то стояли, да мужикамъ-бы показывали, куда шары класть, не смѣли бы они противъ начальства выбрать.

БѢЛОЧКИНЪ.

Нельзя-съ мнѣ этого дѣлать, Никита Яковлевичъ, нельзя... Теперь, долго-ли, этотъ же самый дохторъ послать куда-нибудь въ Питеръ, въ газету; пропечатали... сейчасъ клеймо это... а я тоже въ зависимости служу.

ДРОБИНИНЪ.

Ну ужъ мнѣ это клеймо—плевать!.. про меня печатай что

хочешь; я, пожалуй, и самъ матерьялу доставлю, пиши... Эва! чего испугались. Другой разъ меня зови,—я цѣпь надѣну, такъ кого хочешь забаллотируютъ.

БЛАЖИНЪ.

Да вы чего, Микита Яковлевичъ, сумлеваешься? что въ ѣмъ, въ дохтурѣ то?—все-таки все по вашему будетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Да, рассказывай!—Этакой одинъ въ собранье заберется, такъ онъ десятерыхъ стѣбитъ; вамъ бы лоскомъ лечь надо, чтобъ его только не пустить. Ты присмотрѣлся ли, какъ онъ весь годъ-отъ свое дѣло справлялъ?.. Мы вѣдь тоже божьи люди, хвораемъ; а видали-ль его когда у себя?.. все въ уѣздѣ, да въ уѣздѣ; то тамъ къ мужикамъ поѣхалъ, то здѣсь... Да еще это Богъ съ нимъ; я человѣкъ богатый, и другого доктора найму... ну, полечи мужичка, слава Богу, на доброе здоровье; посоветуй тамъ виномъ вытереться, въ баню сходить... ужъ больно онъ тароватъ для нихъ,—вотъ вѣдь что.

ТРОПИКОВЪ.

Почти двѣсти рублей на одно лекарство вышло, — Христосъ небесный!—благо оно на земскія деньги куплено да даромъ мужикамъ выдается... соваль, чай, всякому,—нужно, не нужно,—не свое добро, не жаль.

ДРОБИНИНЪ.

Да то-ли еще? Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ въ волости былъ, лекарства не хватило, такъ грозится: не стану, молъ, ѣздить; мнѣ здѣсь, молъ, дѣлать нечего, коли лекарства не даете.

КРУЖАНОВЪ.

И когда-жъ это видаемо было, чтобъ въ больницѣ всѣ кровати были заняты?.. Въ другомъ городѣ прїѣдешь въ больницу—любо: чисто, все блеститъ, больныхъ трое-четверо лежить, больше какъ бы для примѣру; а у насъ—грязь, духота, садомъ... нагнано, нагнано народу—страсть!.. И не замѣтъ ему ничего. Я какъ-то сказалъ, такъ онъ еще мнѣ что загнулъ: у этихъ, молъ, такая болѣзнь, что по Высочайшему повелѣнію приказано ихъ

даромъ лечить; хотѣ къ себѣ въ домъ кладите, коли въ больницѣ мѣста нѣтъ... мнѣ, говорить; все равно.

ВЛАСОВЪ.

А со мной чтó было, Микита Яковлевичъ, — вотъ недѣльки двѣ, не больше, назадъ. Мужичонка захворалъ, изъ рабочихъ; на волостномъ правленіи крышу чинили. Причалинъ пріѣхалъ, далъ лекарство, да на меня: это, говорить, вы всему виноваты, что у васъ работникъ хуже свиньи помѣщенъ! — развѣ, говорить, можно подъ дыравымъ навѣсомъ его на голой землѣ держать? теперь осень: и мокро-то, и сыро, и вѣтеръ дуетъ. Ахъ, Богородица-заступница! — инда потомъ размѣлся... Вхожу въ горницу-то, вижу: жена послѣ обѣда спать ложится. Ну, говорю, Авдотья Лукьяновна, шабашъ намъ съ тобой больше нѣжится, дохтуръ привезалъ, чтобъ на наши на нуховики рабочихъ власть, а намъ чтобы въ поле, подъ дождь, ложиться... ха, ха, ха...

КРУЖАНОВЪ.

Шутки шутками, а попробуй сговорить съ такимъ человекомъ... У насъ доселѣ собранья земскія были — ангеламъ божіимъ утѣшенье: миръ и тишина; а теперь вѣдь это чтó будетъ, — и не знаю.

БѢЛОЧКИНЪ.

По мнѣ, ужъ извините, Никита Яковлевичъ, а все-таки вы тутъ маленько виноваты. Ваша воля, — чего вы его держите?... вы его нанимали, вы ему и отказать можете.

КРУЖАНОВЪ.

Это-то мы ужъ вчера рѣшили.

БЛАЖИНЪ.

Отказали Причалову отъ должности?

КРУЖАНОВЪ.

Помаялись съ нимъ, довольно; со вчерашняго дня онъ ужъ намъ больше не докторъ. Да въ этомъ чтó толку? — изъ гласныхъ

вѣдь его такъ не выпыренешь. Можетъ, еще въ переполохѣ самъ откажется, не прійдетъ, или что другое отстранить; а будетъ онъ въ собраньи, я вамъ впередъ говорю: держи ухо востро.

ВЛАСОВЪ.

Микита Яковлевичъ, только прикажи,—впервой что-ль намъ?... плечомъ поведешь, такъ догадаемся, какъ кому что говорить и что дѣлать.

КРУЖАНОВЪ.

Есть тоже и между вами... не на всякаго тоже понадѣйся... иной тебѣ съ лица преданъ, а въ душѣ у него коварство... этихъ больше—отстрани да попридержи.

ТРОПИКОВЪ.

У насъ тамъ въ залѣ-то радышкомъ... буфетецъ устроимъ... отощашь вѣдь тоже голоднымъ-то сидѣть... Ну, коли что,—и угости... счета вѣдь наши знаешь.

ВЛАСОВЪ.

Знаемъ, Семенъ Прохорычъ, знаемъ.

КРУЖАНОВЪ.

Опять, скажу вамъ... [*Входитъ Варенцовъ*] А! Александръ Алексѣевичъ, милости просимъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Здравствуйте.

Здоровается со всѣми.

КРУЖАНОВЪ.

Что хорошенькаго?

ВАРЕНЦОВЪ.

Хорошаго мало... Я сейчасъ изъ управы. Мнѣ вчера нельзя было быть; а вы безъ меня тамъ рѣшили такое дѣло...

КРУЖАНОВЪ.

Какое дѣло?

ВАРЕНЦОВЪ.

Вы, говорятъ, выгнали Причалова изъ земскихъ врачей.

КРУЖАНОВЪ.

Выгнали!.. Оборони Богъ... а только докладъ мы его разбирали и, какъ онъ настоятельно требуетъ, чтобы по медицинской части расходы больше были... откуда же деньги взять? Вотъ мы и урѣзали его жалованье на половину... Ну, а коли онъ за тысячу рублей у насъ нанимался служить, такъ вѣдь за пятьсотъ не станетъ; мы и рѣшили другого врача поискать.

ВАРЕНЦОВЪ.

Я на это не согласенъ.

ТРОПИКОВЪ.

Позвольте, Александръ Алексѣевичъ, вѣдь это его собственное желаніе, Причалова... онъ самъ говаривалъ намъ не разъ, что на медицинскую часть, да на учебную, нужнѣ всего деньги, что лучше давать жалованья меньше служащимъ по земству...

БѢЛОЧКИНЪ.

Слыхаль-съ, и я слыхаль.

ДРОВИНИНЪ.

Такъ не у мировыхъ же судей жалованье уменьшать?.. Я такого мнѣнія не подавалъ. Кто мнѣніе высказываетъ, съ того и бери.

ВАРЕНЦОВЪ.

Никита Яковлевичъ, это будетъ позоръ на весь уѣздъ!— Человѣкъ, которымъ мы могли гордиться, докторъ, какого нѣтъ, можетъ быть, ни въ одномъ земствѣ Россіи... на насъ пальцами будутъ показывать.

КРУЖАНОВЪ.

Отъ этого не умереть... Долго показывать не будутъ, рука устанетъ,—опустится.

ТРОПИКОВЪ.

Не мы начали, не мы кончимъ. Какіе служащіе мѣста лишаются, а міръ божій все по прежнему цвѣтетъ. Про много на всю Россію кричатъ, что на немъ весь уѣздъ держится; кажется, возьми его прочь,—крушеніе полное будетъ; а глядишь, проважали его на выборахъ черняками, и ничего,—все благополучно.

ВАРЕНЦОВЪ.

И оттого, что ёсть такіе болваны, мы тоже должны пренебрегать необходимыми людьми?

ТРОПИКОВЪ.

Эхъ, Александръ Алексѣевичъ, ужъ будто въ немъ такая нужда смертная?

БЛАЖИНЪ.

Дѣло свое знаютъ-съ превосходно.

КРУЖАНОВЪ.

Что?

БЛАЖИНЪ.

Нѣтъ-съ, я такъ, въ разговорѣ, ничего-съ.

ТРОПИКОВЪ.

И безъ него люди жили, и при немъ умираютъ... а по правдѣ-то сказать, такъ отъ него только больше баловства въ уѣздѣ пошло... Завелъ теперь каждую недѣлю во всѣ волости пріѣзжать, да чтобъ въ волостныя правленія больные собирались, —что хорошаго?.. Мужикъ и радъ: ему бы работать надо, а онъ къ доктору идетъ, шляется, день-другой и пропадаетъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Ну, это вы такъ разсуждаете; но я не могу допустить...

КРУЖАНОВЪ.

Странный мнѣ этотъ разговоръ... я думалъ бы, теперче намъ спорить съ вами меньше всего пристало.

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ же не спорить? какъ же...

КРУЖАНОВЪ.

Я за васъ отдаю, Александръ Алексѣвичъ, мою дочь; большаго я въ мірѣ ни для кого не сдѣлалъ, потому мою Настю я больше всѣхъ на свѣтѣ цѣню и люблю... Отчего-жъ я къ вамъ такъ?—оттого, что думалъ въ васъ всегда согласіе встрѣчать, и еще больше въ единомыслии дѣйствовать... а вы теперче изволите говорить... воля ваша, оно какъ будто ужъ и неблагодарно... Я съ вами пока не ссорюсь; а не утаю отъ васъ: неблагодарностью меня пуще всего оттолкнуть можно...

ВАРЕНЦОВЪ.

Не могу же я заставить себя думать не такъ, какъ думается.

КРУЖАНОВЪ.

Вы думайте-то что хотите, дѣйствовать-то только не мѣшайте.

ВАРЕНЦОВЪ.

Во всякомъ случаѣ, я этому дѣлу не причастенъ, Никита Яковлевичъ. Сердитесь или не сердитесь,—я умываю руки.

КРУЖАНОВЪ.

Это можете-съ; противъ этого возражать не станемъ.

Вбѣгаетъ НАСТЯ въ амазонкѣ.

НАСТЯ.

А! какая большая компанія, все земскіе дѣятели!.. совѣщаніе происходило? Что-жъ меня не подождали?

Здоровается со всѣми.

КРУЖАНОВЪ.

А что-жъ ты, министръ мой дорогой, опаздываешь? по по-

лямъ, по лугамъ скачешь?—а ты во-время приѣзжай. [*Цыцуетъ* ее] Нѣтъ вѣдь такой другой Насти, какъ моя, Александръ Алексѣевичъ, нѣтъ вѣдь,—а вы, Богъ съ вами, спорите...

НАСТЯ.

Обо мнѣ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Нѣтъ, у насъ тутъ разговоръ былъ о докторѣ.

НАСТЯ.

А, кстати, онъ вѣдь тоже приѣхалъ со мной сюда.

ВАРЕНЦОВЪ.

Причаловъ?

НАСТЯ.

Да... Онъ сейчасъ къ вамъ явится.

КРУЖАНОВЪ.

Что ему надо?

НАСТЯ.

Почемъ же мнѣ знать? я съ нимъ даже не говорила... Вижу, трясется на своемъ тарантасишкѣ; я обогнала его, проскакала мимо, сдѣлала граціозный салютъ, и больше ничего о немъ не знаю.

ВАРЕНЦОВЪ.

Ну, какъ угодно, Никита Яковлевичъ, я теперь съ нимъ встрѣчаться не могу.

НАСТЯ.

Что это значить?

БѢЛОЧКИНЪ.

Должно быть прослышали, объясняться приѣхали.

НАСТЯ.

Что прослышали?.. Что же это, ужъ здѣсь, кажется, со мной разговаривать не хотятъ.

КРУЖАНОВЪ.

Не сердись, министр, не сердись. Причаловъ насъ оставляетъ, онъ ужъ больше не будетъ у насъ служить земскимъ врачомъ.

Варенцовъ незамѣтно исчезаетъ.

НАСТЯ.

Почему?

ТРОПИКОВЪ.

Потому что расходовъ много, денегъ нѣтъ въ земствѣ; такъ ему надо было жалованье уменьшить на пятьсотъ рублей.

НАСТЯ.

Въ самомъ дѣлѣ!—и изъ-за этого?..

БЪЛОЧКИНЪ.

Намъ бы всѣмъ уйти, Никита Яковлевичъ; пожалуй, еще скажетъ: заговоръ сочиняемъ тутъ...

КРУЖАНОВЪ.

Да, пойдемте, тутъ чрезъ коридоръ въ садъ... Я вамъ свои мысли такъ вѣрнѣе сообщу, вы ихъ и пообсудите межъ собой, когда я съ нимъ буду говорить... [*Бѣлочкинъ, Блажинъ и Вла-совъ уходятъ*] А пока, Семенъ Прохоровичъ, примите вы его.

ТРОПИКОВЪ.

Нѣтъ, Никита Яковлевичъ, мнѣ съ нимъ встрѣчаться совсѣмъ не годится... да и не въ чему: онъ вѣдь со мной ни слова и говорить не станетъ... хоть я ему многолѣтне пропой, языкомъ не шевельнетъ, вотъ, какъ мертвецъ, ей-Богу.

НАСТЯ.

Смѣшно глядѣть на васъ, какъ вы всѣ его боитесь; да хотите, я его приму?

ВРУЖАНОВЪ.

А вотъ, въ самомъ дѣлѣ, превосходно. Позайми его, да полюбезнѣй; а я тутъ и подойду... Скажи, что занятъ, работаю.

НАСТЯ.

Слушаю-съ.

ВРУЖАНОВЪ.

Министръ ты мой!

Цѣлуетъ ее и уходитъ съ Тропиковымъ.

НАСТЯ—одна.

Всѣ его боятся, всѣ... и Александръ Алексѣевичъ первый скрывается... это даже гадко.

ЛАКЕЙ—входя.

Никиты Яковлевича нѣту-съ?

НАСТЯ.

Вѣрно, Причаловъ пріѣхалъ?

ЛАКЕЙ.

Точно такъ-съ.

НАСТЯ.

Проси сюда. [*Лакей уходитъ*] А это все-таки интересно съ нимъ такъ, съ глазу на глазъ, встрѣтиться... [*Причаловъ входитъ*] Извините, Глѣбъ Степановичъ, что вмѣсто отца встрѣчаю васъ я; онъ чѣмъ-то тамъ занятъ, сейчасъ выйдетъ; а пока, если вамъ не скучно пять минутъ посидѣть съ презираемой вами дѣвицей...

ПРИЧАЛОВЪ.

Кто-жъ вамъ сказалъ, что я васъ презираю?

НАСТЯ.

О, вы не оправдывайтесь, — мнѣ вѣдь это все равно, презирайте пожалуй... да оно и естественно: другіе васъ здѣсь Христомъ считаютъ, а я нѣтъ, — другихъ вы въ глаза браните, а они

только обливаются, а я вамъ этого не позволю... Вы опять по дѣлу пріѣхали?

ПРИЧАЛОВЪ.

По дѣлу.

НАСТЯ—послѣ минутной паузы.

Скажите, пожалуйста: пятьсотъ рублей—это много денегъ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Какъ для кого... въ иномъ мѣстѣ нѣсколько семействъ этимъ цѣлымъ годъ прожить... Для васъ это деньги пустыя,—у васъ, чай, каждая серёжка въ ухахъ дороже стоитъ.

НАСТЯ.

А честно-ли изъ-за пятисотъ рублей отказаться отъ дѣла, которое считаешь полезнымъ обществу?

ПРИЧАЛОВЪ.

Если бы изъ-за этого пришлось съ голоду умирать, безчестнаго ничего нѣтъ... Но на что вамъ это?

НАСТЯ.

А! вы меня не понимаете?... Объясните же мнѣ, какъ это вы, безкорыстный человѣкъ, отказываетесь отъ своей должности только оттого, что вамъ уменьшили жалованье на пятьсотъ рублей?

ПРИЧАЛОВЪ.

Въ первый разъ слышу. Кто вамъ сказалъ?

НАСТЯ.

Отецъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Въ первый разъ слышу.

НАСТЯ.

Какъ же такъ... вѣдь онъ мнѣ прямо сказалъ, что вы ужъ больше не земскій врачъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Стало быть, меня выгнали.

НАСТЯ.

Кто же могъ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Земская управа и Никита Яковлевичъ, какъ ея председатель...
А! стало быть, война началась...

НАСТЯ.

Такъ вы сами не отказывались?

ПРИЧАЛОВЪ.

И не думалъ.

НАСТЯ.

Что-жъ это значить? объясните мнѣ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Не имѣю никакого желанія объяснять.

НАСТЯ.

Ну, скажите,—развѣ это не грубый отвѣтъ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Правдивый... Вѣдь вы сами не знаете, чего просите; вѣдь если я вамъ стану объяснять, опять скажете, что браню.

НАСТЯ.

Какъ будто нельзя обойтись безъ брани?—особенно, когда говоришь съ женщиной...

ПРИЧАЛОВЪ.

Развѣ женщина недостойна, чтобъ съ ней говорили откровенно?

НАСТЯ.

Я совсѣмъ не противъ откровенности,—я ненавижу только вашу манеру разговаривать... все этакъ, съ желчью, со злобой...

ПРИЧАЛОВЪ.

Видно ужъ такимъ я уродился.

НАСТЯ.

Отчего не быть мягче, снисходительнѣе... вы человекъ умный, дѣльный,—вы бы, можете быть, хорошо могли вліять на меня.

ПРИЧАЛОВЪ.

Очень мнѣ нужно на васъ вліять; мнѣ и безъ васъ дѣла много.

НАСТЯ.

Ну вотъ!—за что такъ, сейчасъ и оборвать?.. вѣдь не совсѣмъ же я глупая, нестоющая никакого вниманія.

ПРИЧАЛОВЪ.

Нѣтъ, вы не глупая; но тѣмъ больше не зачѣмъ на васъ вліять... У насъ здѣсь дѣла совсѣмъ не такъ тонко ведутся, чтобъ нельзя было своимъ умомъ догадаться, что хорошо, что дурно. Кто вамъ мѣшаетъ слѣдить за всѣмъ, что вокругъ васъ дѣлается?

НАСТЯ.

А вы думаете, я не слѣжу?—Вы думаете, я уважаю всѣхъ, кто бываетъ у отца?.. да вотъ, напримѣръ, вашъ предводитель,—для меня просто невыносимъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Онъ еще безобиднѣе всѣхъ; онъ только не уменъ.

НАСТЯ.

Я не могу равнодушно видѣть его надутую, баронскую фи-

зіономію... [Смѣясь] А! что я съ нимъ сейчасъ сдѣлала!—вотъ школьница-то... скачу я по базарной площади и вижу, стоитъ напѣ баронъ, расфранченный, накрахмаленный, и передъ нимъ два купца какіе-то, безъ шапокъ,—и такъ-то онъ важно съ ними разсуждаетъ; а подлѣ нихъ преогромная лужа. Зло меня взяло... сдѣлала я по площади маленькую эволюцію, да какъ пушу мою лошадку галопомъ,—и прямо въ лужу... въ одно мгновеніе онъ былъ весь въ грязи... надо было видѣть бѣдняжку: съѣжился, маленький сталъ, куда и баронство дѣвалось; а я, какъ будто и не замѣтила, домой.

ПРИЧАЛОВЪ.

Пріятно быть богатой барышней.

НАСТЯ.

Какъ?

ПРИЧАЛОВЪ:

Какое хочешь невѣжество сдѣлай,—все съ рукъ сойdetъ.

НАСТЯ.

Нѣтъ, я вижу, вы просто поклялись хулить все, что я дѣлаю,—вы мнѣ не прощаете ни малѣйшей шалости.

ПРИЧАЛОВЪ.

Что мнѣ вамъ прощать,—я вамъ не гувернантка.

НАСТЯ.

Ну, а все-таки... что-жъ это большой грѣхъ—пошутить и посмѣяться надъ такимъ индѣйскимъ пѣтухомъ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Конечно, не хорошо. Барона вы обидѣли безъ цѣли, безъ толку—это дурно; обидѣли Богъ-вѣсть за что... вѣдь вы порядкомъ даже не знаете, хорошій онъ человѣкъ или нѣтъ,—за фізіономію вѣдь обидѣли, видъ напыщенный не понравился... это ужъ вдвое хуже... И рѣшились обидѣть въ увѣренности, что ничего вамъ за это не будетъ, ничѣмъ вы не рискуете, какъ возлюбленная дочь Никиты Яковлевича,—это ужъ совсѣмъ скверно.

НАСТЯ.

Таеъ, вы до сотни насчитаете!.. Послушайте, скажите, чѣмъ вамъ угодить?

ПРИЧАЛОВЪ.

А развѣ надо?

НАСТЯ.

По крайней мѣрѣ интересно... Не шута: я вамъ даю мое честное слово, я искренно, горячо интересуюсь всей этой здѣшней жизнью. Я жалѣю, что я не мужчина, а то бы служить у васъ стала... но все я путаюсь... съ кѣмъ изъ васъ говоришь, тотъ и хорошъ, съ кѣмъ говоришь, тотъ и правъ,—какъ тутъ добратся истины?

ПРИЧАЛОВЪ.

Посерьёзнѣе вникайте въ дѣло... а то вы все больше слегка, да по верхушечкамъ; пять минутъ поболтали, сѣли на лошадь, да и пошли скакать... а вы хоть бы одинъ вопросъ, да со всѣхъ сторонъ, да до малѣйшей подробности прослѣдили,—небось, не запутались бы... Вотъ, напримѣръ, постарайтесь-ка узнать, почему это многіе тутъ въ уѣздѣ противъ меня дѣйствуютъ?—я-ли дѣйствительно что скверное дѣлаю, или...

Входятъ КРУЖАНОВЪ, БѢЛОЧКИНЪ и ДРОВНИНЪ.

КРУЖАНОВЪ.

Простите, Глѣбъ Степановичъ, ради Христа, вотъ съ этими господами кончалъ. [*Здороваются*] Слышали? вчера-то? Настя вамъ говорила?.. управа-то, какова?.. Я предупреждалъ васъ... настояли непремѣнно, чтобъ уменьшить вамъ жалованье... Этакого-то человѣка упустить изъ уѣзда!..

ПРИЧАЛОВЪ.

Отчего-же упустить?—я останусь служить и на половинномъ жалованьѣ.

КРУЖАНОВЪ.

Ну, нѣтъ, Глѣбъ Степановичъ, извините. Я за уѣздъ распинаюсь, скорбить душа моя по немъ; но губить такого, можно

сказать, замѣчательнаго человѣка, какъ вы, я и для уѣзда не стану.

БѢЛОЧКИНЪ.

Помилуйте, Глѣбъ Степановичъ, ваши таланты ни намъ, ни вамъ, не принадлежать, а обществу... съ вашимъ-то знаніемъ погребать себя въ нашемъ захолусты!—да за этакій грѣхъ всѣмъ уѣздомъ на страшномъ судѣ отвѣтишь.

ПРИЧАЛОВЪ.

Я грѣхъ беру на себя.

КРУЖАНОВЪ.

По долгу христіанскому надо всѣми силами вамъ препятствовать... Вы человѣкъ семейный, жена у васъ есть, дитя растеть, воспитывать должны; а средства ваши плохія, добыча здѣсь малая... за что же даромъ-то трудиться?—не милосердо такъ и къ себѣ, и къ семейству?.. Я ужъ распорядился: уѣздному врачу предложилъ ваше мѣсто, и онъ принялъ его.

ПРИЧАЛОВЪ.

Спасибо.

КРУЖАНОВЪ.

Вѣрьте чести, Глѣбъ Степановичъ, добра вамъ желаю,—оттого такъ и сдѣлалъ. Не здѣсь вамъ надо быть, а въ столицѣ, гдѣ васъ счумѣютъ цѣнить — и дорожить вами... Да садитесь, пожалуйста; что-жъ мы стоимъ?... Закусить не угодно-ли?

ПРИЧАЛОВЪ.

Не безпокойтесь... Я пріѣхалъ сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, но если я выгнанъ... [*Движеніе Кружанова*] ну все равно, отставленъ отъ моей должности земскаго врача, то мнѣ здѣсь дѣлать нечего... Позвольте только на прощанье спросить васъ: неужели вы меня считаете такимъ же дуракомъ, какъ всѣ тѣ, которыхъ вы здѣсь за носъ водите?

КРУЖАНОВЪ.

Ахъ, Глѣбъ Степановичъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Вы говорите: мной больше дорожать въ столицѣ,—это правда; вы говорите это не зря: вы знаете, что у меня тамъ большая больница была къ моимъ услугамъ, что отъ пациентовъ не было отбою... мнѣ тамъ было бы выгодноѣе.. но я оставилъ столицу; я переѣхалъ сюда, гдѣ у меня маленькое имѣнныце, и сталъ служить по земству... и теперь, когда вы меня выгнали, все-таки не уѣду... Я стану жить своими маленькими средствами и работать даромъ; знаете-ли почему?

КРУЖАНОВЪ.

Почему-съ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Потому что я знаю, что здѣсь въ уѣздѣ живетъ вредный человекъ, что онъ всѣхъ запуталъ въ свои сѣти, и послѣдній сокъ выжимаетъ изъ каждаго несчастнаго, который не въ силахъ съ нимъ бороться... потому что, я знаю, въ столицѣ и безъ меня много людей работающихъ, и если никто изъ нихъ не пойдетъ сюда, въ глушь, долго еще будутъ всѣмъ распоряжаться вредные люди.

БЫЛОЧКИНЪ.

Вотъ какъ о насъ, Максимъ Гаврилычъ,—а?.. заслужили.

ПРИЧАЛОВЪ.

Этотъ вредный человекъ — вы, Никита Яковлевичъ; земская управа—вы, земское собраніе—вы, уѣздъ—вы... но, хоть много нечестныхъ людей васъ окружаетъ и грѣютъ они около васъ руки, большая часть все-таки люди глупые, неразвитые, которыхъ вы очки втираете, которыхъ вы обманываете... вотъ для этихъ-то людей я здѣсь и остаюсь... Никто себѣ не врагъ, и не будете вы ими помыкать, если они поймутъ, что отъ васъ вредъ... Я каждый шагъ вашъ объясню, я ничего не пропущу вамъ, и постараюсь, чтобъ всѣ васъ поняли такъ, какъ понимаю я.

КРУЖАНОВЪ.

Все такъ валомъ и будете отвергать?

ПРИЧАЛОВЪ.

Я знаю, вы всѣхъ станете увѣрять, что я это дѣлаю изъ личной вражды, такъ какъ вы меня лишили мѣста; но это мнѣ все равно, — только бы люди поняли, что нечего имъ бояться васъ и преклоняться передъ вами — и что сами они лучше сумѣютъ распорядиться своей жизнью, чѣмъ ихъ благодѣтель.

Уходить. Кружановъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, видитъ дочь и останавливается.

НАСТЯ.

Зачѣмъ вы это сдѣлали?

КРУЖАНОВЪ.

Что?

НАСТЯ.

Зачѣмъ вы его оставили отъ должности?

КРУЖАНОВЪ.

Этого, Настенька, тебѣ касаться нечего... ты поди разоде́йся, кататься поѣзжай, — вотъ твое дѣло... не радъ я, что и пустил тебя тутъ при немъ...

НАСТЯ—взволнована.

Что-жъ, я не живой человѣкъ что-ли? не должна ни видѣть, ни слышать?—и развѣ вы не отецъ мнѣ?

КРУЖАНОВЪ.

Да что ты? что ты? милая... да полно, не огорчайся... Мало ли намъ въ какой грязи валандаться приходится; а ты сторонись, тебѣ до этого дѣла нѣтъ... ты у меня царевна — и живи царевной, и заботъ никакихъ не знай... для тебя отецъ ни передъ чѣмъ не остановится, только бы тебѣ весело жилось...

НАСТЯ

Для меня...

КРУЖАНОВЪ.

Настенька...

НАСТЯ.

Нѣтъ, оставьте.

Уходить.

КРУЖАНОВЪ.

Что съ ней?

ДРОБИНИНЪ.

Ну, какъ угодно, Нивита Яковлевичъ, а его отъ земскаго собранья надо отстранить.

БЪЛОЧКИНЪ.

Непремѣнно отстранить надо, не то онъ того натворить, что и Боже мой...

КРУЖАНОВЪ.

Какъ его отстранишь?

БЪЛОЧКИНЪ.

Подъ слѣдствіе его подвести, подъ уголовное слѣдствіе... кто подъ слѣдствіемъ, тотъ по закону гласнымъ быть не можетъ.

КРУЖАНОВЪ.

Да, поди придержи въ нему. За какое это преступленіе его подъ слѣдствіе отдашь?

ДРОБИНИНЪ.

Вона! — да такого человѣка на свѣтѣ нѣтъ, котораго бы нельзя было въ уголовномъ преступленіи обвинить... Хоть съ неба на землю сойди, — и то въ острогъ посадимъ.

КРУЖАНОВЪ.

Ладно, — съѣздите къ слѣдователю, привезите его сегодня вечеромъ ко мнѣ, вмѣстѣ это дѣло и обсудимъ. [*Портьера на двери на половину отрывается*] Кто тамъ?

НАСТЯ — показывается въ портьерѣ, блѣдная, смущенная, съ заплаканными глазами, которые она быстро вытираетъ.

Это я... оступилась... и оборвала...

КРУЖАНОВЪ.

Что съ тобой, Настя?

НАСТЯ.

Ничего, ничего...

Быстро исчезаетъ въ дверяхъ. Кружановъ идетъ за ней

~~~~~

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Пріемная комната у слѣдователя. ВЛАЖИНЪ ходитъ по комнатѣ, нетерпѣливо поглядывая въ окно. Входятъ ТРОПИКОВЪ, ДРОВИНИНЪ и лакей.

ТРОПИКОВЪ.

Это какимъ же образомъ? Куда онъ поѣхалъ?

ЛАКЕЙ.

Не могу знать-съ... съ вечера еще вчера уѣхали.

ТРОПИКОВЪ.

И не ночевалъ дома?

ЛАКЕЙ.

И не ночевали-съ.

ТРОПИКОВЪ.

Ну, слѣдователь!

ДРОВИНИНЪ.

Чай, изъ Дербиловки стоичныхъ лошадей требовать?

ЛАКЕЙ.

Точно такъ-съ; они всегда на земскихъ лошадяхъ ѣздятъ.

ДРОВИНИНЪ.

Да изъ Дербиловки?

ЛАКЕЙ.

Да-съ.

ДРОВИНИНЪ.

Такъ это онъ слѣдствіе по амурной части производить, — у вдовы Крошеиной... плѣнилъ дамочку хорошенькую; молодецъ.

ТРОПИКОВЪ.

Какъ же такъ дѣлать, когда онъ самъ сегодня намъ назначилъ слѣдствіе?

ЛАКЕЙ.

Да они теперь скоро подъѣдутъ... безпремѣнно подъѣдутъ; извольте подождать.

Уходитъ.

ТРОПИКОВЪ—замѣтивъ Блажина.

А! вдова-мироносица... ты зачѣмъ здѣсь?

БЛАЖИНЪ.

Въ ожиданіи-съ... Къ вамъ на квартиру бѣгалъ, — говорятъ; сюда ушли-съ... до необходимости съ вами словцо перевиннуть.

ТРОПИКОВЪ.

Это объ чемъ?

БЛАЖИНЪ.

Получилъ я ваше предписанье изъ управы...

ТРОПИКОВЪ.

Ну?

БЛАЖИНЪ.

Что-жъ это вы меня въ конецъ разорить, что-ли, хотите: при-
называете, чтобъ я въ недѣлю семьнадцать мостовъ справилъ?

ТРОПИКОВЪ.

Мнѣ какое дѣло, разорайся.

БЛАЖИНЪ.

Какъ же такъ-съ, Семень Прохоровичъ?

ТРОПИКОВЪ.

Ты кто? ты мостовщикъ, подрядчикъ? ты взялся въ уѣздѣ
всѣ дороги чинить, — и мосты и гати строить?.. У тебя въ контр-
актѣ стоитъ, чтобъ ты двадцать-восемь мостовъ построилъ, а
у тебя ихъ всего пять, да и тѣ Господь Богъ милостію своею
подпираетъ... А я членъ управы, мнѣ поручено за тобой слѣ-

дить, чтобъ у тебя все исправно было, — ну я съ тебя и взыскиваю.

БЛАЖИНЪ.

Что контрактъ, Семень Прохоровичъ!.. Зачѣмъ вы это все такъ говорить изволите?.. контрактъ самъ по себѣ, а мы съ вами сами по себѣ. Какъ мнѣ еще вамъ и угодить? — съ кажнаго рубля, что мнѣ земство платитъ, тридцать копѣекъ вамъ идетъ...

ТРОПИКОВЪ.

Ну, разинулъ ротъ! — ори больше.

БЛАЖИНЪ.

Я ничего-съ... только за что же, право, тѣснить-съ? Вы ужъ лучше прямо мнѣ такъ скажите: какъ мнѣ это понимать-съ?

ТРОПИКОВЪ.

Истинный смыслъ тебѣ сообщить?

БЛАЖИНЪ.

Вотъ, вотъ, Семень Прохоровичъ, именно, по душѣ!

ТРОПИКОВЪ.

А по душѣ, что тебѣ говорить? — Никита Яковлевичъ тобой недоволенъ.

БЛАЖИНЪ.

За что же-съ?

ТРОПИКОВЪ.

За то, что мало его руку тянешь... Ты, коли знаешь, что онъ тебѣ благодѣтель, развѣ такъ долженъ дѣйствовать? Что отъ тебя проку? — только-что, молчишь... Ни отъ тебя старанья, ни отъ тебя рвенья никакого не видать... можетъ, ты еще какой подвопъ подъ Никиту Яковлевича сочиняешь.

БЛАЖИНЪ.

Съ нами силы небесныя!—гдѣ ужъ намъ... Какіе подвопы?— что вы?

ТРОПИКОВЪ.

Кто тебя знаетъ?... Вонъ теперь Никита Яковлевичъ у насъ новый соборъ хотять строить, нашему граду украшеніе, храмъ Божій... такъ ты объ этомъ звонить какъ долженъ? — съ утра всталъ, такъ пока опять спать не ляжешь, все и звони... Ты по уѣзду-то рыскаешь, что народу перевидаешь, — всѣмъ бы и звонилъ, и расписывалъ, и жертвовать бы посылалъ... а ты и самъ-то, какъ къ тебѣ подписку принесли, что даль? — срамъ вѣдь выговорить: десять рублей даль... на этакое-то дѣло кра-сенькой размахнулся! — жертвователь, поди!.. что-бъ тебѣ двугривенный дать, право...

БЛАЖИНЪ.

Семень Прохоровичъ, да какіе-жъ наши достатки?

ТРОПИКОВЪ.

Ну вотъ и строй мосты.

БЛАЖИНЪ.

Опять же дохтуръ меня смутилъ, Причаловъ: вотъ, говорить, вы торговщики все на монастыри, да на церкви жертвуете, Бога подкупать думаете; а когда съ васъ на дѣло требуешь, такъ упираетесь... ну, думаешь, и въ самомъ дѣлѣ, помолиться и въ старомъ соборѣ можно...

ДРОБИНИНЪ.

Это исторія чудесная, Семень Прохоровичъ, въ крайнемъ случаѣ мы и ее въ ходъ пустимъ. Какое-жъ это медицинское дѣло, коли врачъ отъ жертвы въ пользу церкви отговариваетъ? — это богохульство!...

ТРОПИКОВЪ.

А что вы думаете? — вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... [*Блажину*] Ладно, ты это не забывай; нужно будетъ, мы тобой тоже пользуемся... а пока тащи радужную на соборъ, и перестанемъ притѣснять.

БЛАЖИНЪ.

Семень Прохоровичъ, сбавьте маненько...

ТРОПИКОВЪ.

Ахъ, отвались, пожалуйста.

БЛАЖИНЪ.

Что дѣлать,—хорошо-съ... сто рублѣвъ предоставимъ; только предписанье отмѣните...

ТРОПИКОВЪ.

Какъ принесешь, такъ и отмѣнимъ.

БЛАЖИНЪ.

Слушаемъ-съ.

Кланяется и уходитъ.

ТРОПИКОВЪ.

Этакой народъ тутой, право; кажется, не прижми его, такъ онъ и Богу молиться перестанетъ.

ДРОБИНИНЪ.

А на счетъ богохульства, надо серьезно подумать, Семень Прохоровичъ. Это всегда пригодится.

Входитъ ВАРЕНЦОВЪ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Здравствуйте. Вы зачѣмъ меня сюда звали?

ТРОПИКОВЪ.

Новости есть, для васъ полученныя... Простите, къ вамъ зайти самъ не успѣлъ, сюда спѣшилъ... [*Ведетъ его изъ авансценъ*] Вотъ вы все огорчаете Никиту Яковлевича своимъ упорствомъ, а онъ все объ васъ, все только объ васъ и хлопочетъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Какъ это?

ТРОПИКОВЪ.

Вотъ онъ теперь въ губернской городъ уѣхалъ, пять дней

себѣ безпокойства задалъ... вѣдь одной ѣзды туда полторы сутокъ въ обратную... для кого же это? — для васъ; чтобъ съ губернаторомъ повидаться и похлопотать... Я сегодня отъ нихъ письмо получилъ съ нарочнымъ; съ эстафетой прислано...

ВАРЕНЦОВЪ.

Что-жъ онъ пишетъ?

ТРОПИКОВЪ.

Да вотъ... [*Вынимаетъ письмо*] Позвольте... вотъ: «Варенцову особо не пишу, некогда. Скажите ему, что его дѣла идутъ хорошо... губернаторъ мнѣ объявилъ, что онъ имъ очень доволенъ; всѣ, говорить, мои предписанья исполнялъ въ точности, преградъ и затрудненій не выказывалъ, и во время пріѣздовъ моихъ готовъ былъ на всякія услуги. Представленіе о немъ уже пошло въ Петербургъ»... Что скажете?

ВАРЕНЦОВЪ.

Очень хорошо. Спасибо.

ТРОПИКОВЪ.

Да-съ, а вотъ вы такъ нехорошо поступаете: жалобу земской управы на врача такъ и не подписали... а Никита Яковлевичъ, вотъ что еще пишутъ: [*Читаетъ*] «Настойте, чтобъ Варенцовъ подписалъ жалобу управы на Причалова... Не такъ-то отмѣнно будетъ, коли одинъ изъ членовъ земской управы, да еще ревизовавшій врача, станетъ сторониться отъ жалобы на него. Скажите, что я объ этомъ имѣлъ большой разговоръ съ губернаторомъ, и его превосходительство прямо поручилъ просить Александра Алексѣевича не спорить съ другими членами управы и выразилъ увѣренность, что въ такой просьбѣ ему, губернатору, отказано не будетъ...»

ВАРЕНЦОВЪ.

Дайте письмо. [*Пробѣгаетъ письмо*] Дуракъ я былъ, что съ нимъ не побѣхалъ; при мнѣ бы никогда не удалось Никитѣ Яковлевичу настроить губернатора противъ Причалова. .

ТРОПИКОВЪ.

Ну, да ужъ что сдѣлано...

ВАРЕНЦОВЪ.

Я объясню губернатору...

ТРОПИКОВЪ.

Пока еще объясните; а все на первый разъ оно выйдетъ, что артачитесь... Его превосходительство, конечно, у насъ справедливы, но повиновение любить безпрекословное... теперь онъ Никитѣ Яковлевичу общалъ, что вы жалобу подпишите, и долженъ передъ Никитой Яковлевичемъ лжецомъ быть, — да еще когда самъ хлопочетъ вамъ мѣсто достать... я ужъ не говорю, какъ Никиту Яковлевича вы этимъ оскорбите... и хорошо ли все это для васъ будетъ, Богъ вѣсть.

ВАРЕНЦОВЪ.

Вы съ вашимъ Никитой Яковлевичемъ скоро будете жить изъ меня тянуть!

ТРОПИКОВЪ.

Ахъ, Александръ Алексѣевичъ, умный вы человекъ, а поступаете, какъ младенецъ... Ну, положимте, какъ по вашему, что только и свѣту въ окошкахъ,—какъ въ этомъ врачѣ,—вамъ-то что за него распинаться?... что онъ вамъ сынъ? дочь что-ли?... Вы ведите свою линію... Вы вотъ до сихъ поръ ухаживали за губернаторомъ, изъ кожи лѣзли передъ нимъ...

ВАРЕНЦОВЪ.

Изъ кожи лѣзли!—я былъ только вѣжливъ и внимателенъ.

ТРОПИКОВЪ.

Полноте,—вѣдь все это на моихъ глазахъ происходило. Вы, какъ членъ земской управы, совсѣмъ не обязаны ему отчеты давать да потворствовать, а вы это дѣлали... и я васъ хвалю: вы

знаете, что губернаторъ имѣетъ силу въ Петербургѣ и можетъ вамъ мѣсто достать казенное... И вотъ, не нынче—завтра, вы добьетесь своего, уѣдете изъ уѣзда,—и распоряжайтесь себѣ тамъ, какъ знаете. Зачѣмъ же вамъ теперь сердить его превосходительство?... Своимъ упорствомъ вы себѣ много вреда сдѣлаете, а Причалову отъ этого никакой пользы не будетъ, и безъ васъ жалоба въ ходъ пойдетъ... Поразмыслите-ка объ этомъ...

КЛЕМЕЦКІЙ—въ дверяхъ.

Пускай подождутъ,—велика важность!... не умрутъ, что посидятъ часокъ въ сѣняхъ. [*Входитъ*] Простите, что немножко опоздалъ... [*Рукожатіе*] Ну, Семень Прохоровичъ, помянулъ я васъ; вы, кажется, дорожной частью завѣдуете; послѣ вчерашняго дождя ни по одной дорогѣ не проѣдешь, — шагомъ все время тащился... Только и есть у насъ одна хорошая дорога во всемъ уѣздѣ: къ Никитѣ Яковлевичу.

ТРОПИКОВЪ—пошучивая.

А вы зачѣмъ въ неуказное мѣсто на земскихъ лошадакахъ ѣздите?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Куда?

ТРОПИКОВЪ.

Вамъ какая же казенная надобность къ милой душенькѣ, что вы даромъ-то лошадей берете?... вѣдь у насъ ничего не скроешь... Пошутить, пошутить,—не краснѣйте... Впередъ не берите пару, а берите тройку, да ко мнѣ присылайте, я вамъ колясочку дамъ; легонькая, покойная, какъ въ люлькѣ будете качаться и мигомъ долетите... [*Беретъ его подъ руку*] У васъ гдѣ наша бумажка?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Какая бумажка?

ТРОПИКОВЪ.

Жалоба на доктора...

КЛЕМЕЦКІЙ.

А что?

ТРОПИКОВЪ.

Пожалуйте ее на минуточку. [*Клементій вынимаетъ изъ запертаго стола бумагу и отдаетъ Тропикову, который беретъ перо, макаетъ его въ чернильницу и подходитъ къ Варенцову*] Угодно подписать?

ВАРЕНЦОВЪ.

Вы инквизиторы!... дайте мнѣ только выбраться на открытую дорогу,—я вамъ все это припомню, вы запляшете по моей дудѣ, какъ теперь меня плясать заставляете.

Подписываетъ бумагу.

ТРОПИКОВЪ.

Милостивъ Богъ, Александръ Алексѣевичъ,—что вы пугаете!.. Такъ я сегодня и сообщу Никитѣ Яковлевичу, чтобъ онъ доложилъ губернатору, что, по желанію его превосходительства, вы подписали жалобу.

Входитъ ПРИЧАЛОВЪ; общій поклонъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

А! ужъ и всѣ мои обвинители собрались... и Александръ Алексѣевичъ? стало быть и вы меня обвиняете?

ВАРЕНЦОВЪ—отводя его къ аванъ-сценѣ.

Это такая гнусная интрига, что вы себѣ и вообразить не можете; они насильно пританули меня къ этому...

ПРИЧАЛОВЪ.

Да вы бы закричали—караулъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Вы все подсмѣиваетесь; а я вамъ говорю, мнѣ становится тошно жить на свѣтѣ. Не надѣйся я вырваться изъ этого рабства, получить чрезъ этихъ людей и силу и власть, я бы давно бросилъ эту службу... Никита Яковлевичъ нарочно поѣхалъ въ губернский городъ, чтобъ губернатора впутать въ это дѣло... тутъ такая катавасія затѣвается...

ПРИЧАЛОВЪ.

Что вы ужъ совсѣмъ потеряли почву подъ ногами?

ВАРЕНЦОВЪ.

Я готовъ къ тому, чтобъ вы бранили меня, Глѣбъ Степановичъ... браните, браните, хоть прямо въ глаза,—я возражать не стану, я на самое злое слово не разсержусь; потому что у меня въ душѣ глубокое сознаніе, что вы, когда-нибудь, сами отдадите мнѣ справедливость... дайте мнѣ только пробиться на открытую дорогу, тогда судите меня; а пока, я молчу и терплю.

Садится въ сторонѣ.

ПРИЧАЛОВЪ—Клеמעкому.

Вы мнѣ прислали повѣстку, Карлъ Антоновичъ; вы вызвали меня въ качествѣ обвиняемаго...

КЛЕМЕЦКІЙ—за столомъ.

Садитесь пожалуйста, Глѣбъ Степановичъ... Да!.. къ сожалѣнію, я былъ принужденъ васъ побезпокоить... [*Звонитъ; входитъ лакей*] Введите свидѣтелей.

ПРИЧАЛОВЪ.

Стало быть, со всей торжественностью: со свидѣтелями. Не будетъ ли еще и присяги?

КЛЕМЕЦКІИ.

Я принужденъ былъ васъ вызвать, потому что получилъ жалобу на васъ, по которой обязанъ произвести слѣдствіе... хоть я уже предвижу, что жалоба эта вамъ большого вреда сдѣлать не можетъ...

Входятъ Мосей ВЛАСОВЪ и еще три крестьянина.

ПРИЧАЛОВЪ.

На что же жалуются?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Жалоба эта отъ земской управы, — васъ обвиняють въ растратѣ ввѣреннаго вамъ земскаго имущества... въ преступленіи по должности, по статьѣ 1089 Устава уголовного судопроизводства.

ТРОПИКОВЪ.

Извольте взглянуть, господинъ слѣдователь, — тутъ приложенъ списокъ медикаментовъ и другого матерьяла, полученнаго господиномъ докторомъ изъ управы... Теперь въ ихъ отчетѣ показаво, что все это изведено; спрашивается — куда?.. Извольте, вотъ свидѣтели скажутъ...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Позвольте мнѣ, Семень Прохоровичъ, самому распоряжаться... вы слѣдователь — или я слѣдователь?

ТРОПИКОВЪ.

Виновать-съ, виновать.

КЛЕМЕЦКІЙ — Власову.

Что вы по этому дѣлу скажете?

ВЛАСОВЪ — скороговоркой.

Собственно про эти дѣла намъ извѣстно что? — такъ у насъ заведено: каждую недѣлю господинъ дохтуръ пріѣзжаютъ въ волостное правленіе, и приходятъ мужики лечиться... лекарства изъ земства получаютъ, и мужикамъ ихъ даютъ даромъ... Теперь волость у насъ пограничная, и повадились къ намъ ходить не тоема наши мужики, а изъ чужой губерніи, — за восемьдесятъ верстъ приходятъ... Я господину дохтуру, значить, сказывалъ, что, молъ, чужихъ мужиковъ гнать надо, а они не приказываютъ, — всѣхъ лечить... и наши лекарства имъ даромъ даютъ.

ТРОПИКОВЪ.

Мы такъ-съ понимаемъ: что земство обязано своимъ кресты-

намъ помогать, а не чужимъ; стало, коли чужимъ помогаетъ-сь, такъ это такъ, по прихоти, и медикаменты эти, стало быть, не-производительны... значить, растрачивается вѣреннѣйшій врачу земскій матерьялъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Позвольте, Семенъ Прохоровичъ...

ТРОПИКОВЪ.

Виновать-сь.

КЛЕМЕЦКІЙ—первому крестьянину.

Вы что скажете?.. [*Крестьянинъ мнется*] Имѣете вы что-нибудь сказать по этому дѣлу?

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Имѣемъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Что же?

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Чай пилъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Что такое?

ВЛАСОВЪ.

Этто онъ про тотъ случай рассказываетъ: одна прѣхала къ намъ господинъ дохтуръ поздно, усталый,—сѣли чай пить; хватъ въ погребецъ, анъ сахару нѣтъ... имъ фельдшеръ и принесъ пять кусковъ изъ того сахару, что отъ земства выданъ на лекарствія... съ эstimъ сахаромъ господинъ дохтуръ и пили чай.

ПРИЧАЛОВЪ.

Стало быть, земскій матерьялъ на меня пошелъ; опять растрата... чудесно!

КЛЕМЕЦКІЙ—второму крестьянину.

А вы что можете сказать?

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пили чай.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Это ужъ мы знаемъ; а больше что?

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Больше ничего.

КЛЕМЕЦКІЙ—третьему крестьянину.

А вы?

ТРЕТІЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Пилюсь... это такъ точно,—что же!.. я въ тѣ поры волостному старшинѣ рожь молотилъ, такъ видѣлъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

И по такимъ жалобамъ вы призываете меня къ слѣдствію?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Глѣбъ Степановичъ, я тутъ ни причемъ, — я машина. Вы, ради Бога, не подумайте, что тутъ я дѣйствую; тутъ дѣйствуетъ юридическій порядокъ: я получаю жалобу,—хоть бы я ее и безсмысленной считалъ, я обязанъ пустить ее въ ходъ... а тутъ, какъ угодно, Глѣбъ Степановичъ, тутъ въ принципѣ есть доля справедливости.

ПРИЧАЛОВЪ.

Въ чемъ это?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Ну, конечно не въ стаканѣ чаю, — это глупости... я очень хорошо знаю, что вы сплошь и рядомъ тратите своихъ денегъ для земства гораздо болѣе пяти кусковъ сахару... но относительно приѣма больныхъ, въ принципѣ вы не правы... Простите, Глѣбъ Степановичъ,—я понимаю, васъ побуждаютъ прекрасныя гуманныя чувства; но гуманность не всегда мирится съ практикой... вы служите земству здѣшняго уѣзда, исключительно здѣшнему уѣзду вы и должны помогать, — въ принципѣ это такъ... а вы даже здѣшній земскій матерьялъ раздаете въ чужія губерніи, чужимъ крестьянамъ,—это нельзя.

ДРОБИНИНЪ.

Я, какъ свидѣтель, имѣю прибавить: тутъ гуманность вовсе неумѣстна,—тутъ должно быть уважено право собственности; а то какой же примѣръ для нисшихъ сословій?.. Намъ, мировымъ судьямъ, безпрестанно случается встрѣчать случаи полнѣйшаго отсутствія понятія о собственности... на примѣръ, въ чужомъ лѣсу грибы собрать или ягоды—считается за ничто...

КЛЕМЕЦКІЙ—перебивая его.

Глѣбъ Степановичъ, мы отстаиваемъ только принципъ собственности... Лекарство—собственность здѣшняго земства, собственность здѣшнихъ мужиковъ, а не чужихъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

А какъ мнѣ отличить своихъ отъ чужихъ?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Какъ отличить... это...

ПРИЧАЛОВЪ.

Ко мнѣ сотнями больные приходятъ, на лбу у нихъ не написано, какого они уѣзда... Вѣрить имъ на слово, — чужіе станутъ лгать... или, можетъ быть, требовать отъ каждаго письменное свидѣтельство? чтобъ больной, прежде чѣмъ къ доктору идти, шаялся еще въ волостное правленіе?.. да и этимъ развѣ поможешь?—развѣ крестьянину изъ чужого уѣзда трудно будетъ купить такое свидѣтельство у любого нашего мужика или у волостного старшины?.. Что-жъ, вы хотите развести торговлю этими свидѣтельствами, да взяточничество, да ложь?

ВЛАСОВЪ.

Все-жъ-таки нашему мужичку какой ни-на-есть да барышъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Вотъ вы и прикладываете тутъ ваши принципы къ жизни...

Полноте, не разорится нашъ уѣздъ, что истратить рублей сорокъ-пятьдесятъ на чужихъ крестьянъ; а чуете ли вы, что за эти деньги накупается?!... Давно ли и наши-то крестьяне стали ходить въ намъ лечиться? Мы радоваться должны, что они намъ вѣрить начинаютъ и перестаютъ насъ чуждаться, что начинаетъ въ нихъ являться сознание пользы... Не затруднять, а поощрять должны мы это,—слава Богу, что ходятъ; за это и не сорокъ рублей можно заплатить... И если управа этого не понимаетъ, такъ пускай доставитъ мнѣ счетъ, я заплачу растрату своими деньгами.

ТРОПИКОВЪ.

Господинъ слѣдователь, я прошу это оскорбление занести въ протоколъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Какое оскорбление?

ТРОПИКОВЪ.

Обвиняемый извоили выразиться про управу, что она не понимаетъ, и притомъ такимъ тономъ, какъ будто управа состоитъ изъ людей, которые ровно ничего не понимаютъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Виноватъ, Семенъ Прохоровичъ, я не могу принять такого заявленія.

ТРОПИКОВЪ.

Я-съ покорнѣйше прошу...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Семенъ Прохоровичъ, кто тутъ слѣдователь: я или вы?

ПРИЧАЛОВЪ.

Дайте мнѣ взглянуть жалобу.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Вотъ-съ.

Подаетъ бумагу.

ПРИЧАЛОВЪ—взянувъ въ бумагу.

И только?.. и больше этого вы ничего не нашли?.. Семень Прохоровичъ, что-то ужъ вы стали плохо работать. Неужели вы посильнѣе-то ничего взвести на меня не съумѣли?

ТРОПИКОВЪ.

Намъ взводить на васъ ничего не приходится, и надобности нѣтъ... а только, имѣя попеченіе о земскомъ добрѣ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Изъ-за такихъ жалобъ, Карлъ Антоновичъ, не для чего вамъ и огородъ городить. Зачѣмъ это торжество, эти свидѣтели? Я отъ такихъ обвиненій отпираться не стану... (*Взянувъ еще разъ въ бумагу*) А! и вы жалобу подписали, Александръ Алексѣевичъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Я вамъ говорилъ, Глѣбъ Степановичъ: я буду до поры до времени терпѣливо молчать... мое положеніе хуже, чѣмъ каторжника въ колодезяхъ... въ тому же, я очень хорошо знаю, что вы тутъ никакъ пострадать не можете, что все это кончится ничѣмъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Какъ ничѣмъ? вы не понимаете, для чего все это дѣлается?.. Развѣ тутъ судъ важенъ?—нужно только, чтобъ я былъ подъ слѣдствіемъ—и только эти двѣ недѣли, пока у насъ будетъ земское собраніе. Пускай потомъ окажется, что слѣдствіе вздорно и нелѣпно, хоть даже незаконно,—все равно; пока я подъ слѣдствіемъ, я по закону не могу быть гласнымъ и участвовать въ собраніи,—вѣдь только этого и добиваются... а вамъ оно какъ будто неизвѣстно!.. вы подписываете жалобу.. а вы, Карлъ Антоновичъ, хотите вести по ней слѣдствіе...

ТРОПИКОВЪ.

Странно право, какъ это-съ такъ спокойно выслушивать всѣ эти подозрѣнія... и молчать... и...

ПРИЧАЛОВЪ.

Не много выиграють тѣ, для кого вы такъ стараетесь, хоть бы и не былъ я гласнымъ,—и безъ меня найдутся люди, которые будутъ говорить то же, что я... Оттого-то и сталъ я такъ ненавистенъ, что многимъ ужъ открылъ глаза... теперь вотъ и съ вами спору, потому что вѣрю въ вашу молодость и честность. Вы не машина, это вы несправедливо сказали, вы себя дѣлаете машиной и отдаетесь въ руки... кому?.. Неужели же для васъ тѣ блага, на которыя вы тутъ рассчитываете, такъ велики, что ничѣмъ другимъ вы лучшаго счастья не добьетесь?

ТРОПИКОВЪ.

Въ подкупѣ обвиняетесь, въ лихоимствѣ!

ПРИЧАЛОВЪ.

Куда—и за кѣмъ вы идете?.. Взгляните вотъ хоть на это лицо: какъ онъ жадно ждетъ, чтобъ я его назвалъ достойнымъ ему названіемъ... Кажется, выбрали я его сейчасъ на чемъ свѣтъ стоитъ, лучшаго подарка не могъ бы я ему сдѣлать: онъ бы сейчасъ-же сталъ преслѣдовать меня за обиду, а мировой судья тутъ же, свой человекъ, засадилъ бы меня въ тюрьму недѣли на двѣ... Не дамъ я вамъ этой радости, Семенъ Прохоровичъ, и не ждите.

Уходить.

ТРОПИКОВЪ—вспыливъ.

Это чортъ знаетъ, Карлъ Антоновичъ, какая вы тряпка!—отпускаете обвиняемаго какъ ни въ чемъ не бывало...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Я васъ прошу осторожнѣе выражаться...

ТРОПИКОВЪ.

Прощайте... я тотчасъ-же напишу Никитѣ Яковлевичу, какую мы отъ васъ надежду можемъ имѣть. Будутъ они вамъ благодарны,—Никита Яковлевичъ.

Уходить.

ДРОБИНИНЪ.

Вы, Карлъ Антоновичъ, на этого дурака не обращайтесь вниманія,—онъ дуракъ... я его сейчасъ успокою; а вечеромъ я къ вамъ зайду, мы вмѣстѣ обговоримъ... можетъ, и лучше что-нибудь придумаемъ противъ Глѣба Степановича, если эти пунеты вамъ неловкими кажутся.

Жметъ руку Клемецкому и Варенцову и уходитъ.

КЛЕМЕЦКІЙ—крестьянамъ.

Чего-жъ вы дожидаетесь?—пошли вонъ!

КРЕСТЬЯНЕ — кромя Власова.

Благодаримъ покорно.

Уходить. Власовъ тоже.

КЛЕМЕЦКІЙ—послѣ минутной паузы вздыхаетъ.

Какъ все это грустно!.. Этотъ Кружановъ съ своими клеветами все такіе...

ВАРЕНЦОВЪ.

Можно съ ума сойти отъ злобы и досады. Никита Яковлевичъ какой-то Змѣй-Горынычъ,—всѣхъ заковалъ!

КЛЕМЕЦКІЙ.

Да вѣдь что ужасно, Александръ Алексѣевичъ: все въ предѣлахъ законности... Хорошо тамъ Причалову рассказывать, прекрасныя идеи разводить; а какъ мнѣ отступить отъ законныхъ правилъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Но это будетъ просто безстыдно! — надо помѣшать этому во что бы то ни стало.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Что-жъ вы не помѣшали подавать жалобу?

ВАРЕНЦОВЪ.

Я связанъ по рукамъ и по ногамъ, Карлъ Антоновичъ. Пока я еще не женатъ, не могу я идти прямо въ разрѣзъ противъ отца той, которую люблю больше всего на свѣтѣ! — это, можетъ быть, не совсѣмъ хорошо, но это естественно... да и наконецъ, что я могу сдѣлать? что? — меня бы не послушали... да и мой каждый шагъ зависить отъ этого человѣка. Дайте, вотъ я вырвусь изъ этого положенія, тогда...

КЛЕМЕЦКІЙ.

А вы думаете, я отъ него не завишу?... онъ можетъ меня такъ подвести, что Богъ-знаетъ куда отсюда улетишь... [*Въ дверь заглядываетъ лакей*] Что тебѣ?... [*Лакей скрывается*] Иванъ!.. Куда-жъ онъ, каналья, исчезъ!.. и не отвѣчаетъ... [*Идя къ двери*] Иванъ!.. [*Дверь открывается и на порогъ показывается Настя*] Настасья Никитишна?

ВАРЕНЦОВЪ.

Настенька?.. откуда это вы?

НАСТЯ.

Я тутъ у васъ въ сѣняхъ сидѣла... Мнѣ хотѣлось непременно васъ видѣть, Карлъ Антоновичъ; но, когда я пришла, у васъ было много народу, и я не хотѣла имъ показываться, — я и прошла въ сѣни... а теперь мнѣ вашъ человѣкъ сказалъ, что вы одни съ Александромъ Алексѣвичемъ...

ВАРЕНЦОВЪ.

Зачѣмъ же, Настенька, вамъ самимъ было идти? — вамъ стоило только приказать, и я бы привелъ его къ вамъ.

НАСТЯ.

Да, пока еще привели бы, — а онъ пожалуй бы еще уѣхалъ куда-нибудь въ уѣздъ...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Садитесь же, Настасья Никитишна.

НАСТЯ.

Я вѣдь къ вамъ не въ гости пришла... я пришла вести съ вами серьёзный разговоръ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Приказывайте.

НАСТЯ.

Я случайно узнала... нѣтъ, не случайно,—я слѣдила и подслушивала кое-какіе разговоры... ну да это все равно какъ... Я узнала, что противъ доктора ведутъ интригу: хотять, чтобъ онъ не попалъ въ гласные земскаго собранія, и для этого обвиняють тамъ его въ чемъ-то—и заставляютъ васъ вести слѣдствіе... Такъ ли я поняла все это, Александръ Алексѣевичъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Да, мнѣ кажется...

НАСТЯ.

Что тамъ за кажется, кажется!!—бросьте вы эти объѣзды, говорите просто: такъ или нѣтъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Такъ.

НАСТЯ.

Этому не бывать!—это низко!.. я не хочу, чтобъ такъ случилось... Я, Карлъ Антоновичъ, пришла требовать отъ васъ, чтобъ вы этого не дѣлали. Слышите, онъ долженъ быть на собраньи, непременно!..

ВАРЕНЦОВЪ.

Настенька, успокойтесь... кто-же такъ говорить?..

НАСТЯ.

Какъ кто говорить? всякій долженъ такъ говорить!.. да, я требую, и имѣю право требовать,—и меня должны благодарить за то, что я мѣшаю дѣлать низость!..

КЛЕМЕЦКІЙ.

Настасья Никитишна, это рѣзко... позвольте вамъ сказать, что я на низость не способенъ...

НАСТЯ.

Однако вы хотите вести это слѣдствіе?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Я обязанъ.

НАСТЯ.

Обязаны?

КЛЕМЕЦКІЙ.

По закону...

НАСТЯ.

Законъ велитъ вамъ дѣлать гадости?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Вы очень торопливо судите.

НАСТЯ.

Да вы мнѣ скажите сперва: по вашему мнѣнію, все это дѣло гадко или хорошо?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Я разсуждаю въ этомъ отношеніи...

НАСТЯ.

Нѣтъ, однимъ словомъ отвѣчайте: гадко это или хорошо?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Ну, положимте... положимте—гадко... но дайте же мнѣ вамъ это объяснить... Чѣмъ мы виноваты, что люди пользуются законами для своихъ корыстныхъ цѣлей?.. Вотъ я сейчасъ говорю объ этомъ съ Александръ-Алексѣвичемъ: мы поставлены блюсти

ЗАКОНЪ; какъ по буювѣ закона слѣдуетъ поступать, такъ мы и поступаемъ.

НАСТЯ.

Даже, еслибъ въ душѣ считали это несправедливымъ?

КЛЕМЕЦКІЙ.

Даже, если-бъ считали несправедливымъ... Поймите же меня, дорогая Настасья Никитишна: въ обществѣ прежде всего должно быть укоренено уваженіе къ закону,—чтобъ всякій зналъ, что законъ строго долженъ быть всегда соблюденъ... Если въ законѣ бываютъ несовершенства, они измѣняются,—а уваженіе къ закону останется, строгія отношенія къ закону останутся... ради этого правила мало-ли противъ кого пойдешь!—самые прекраснѣйшіе и честнѣйшіе поступки осудишь...

НАСТЯ.

Осудишь честнѣйшіе поступки!

КЛЕМЕЦКІЙ.

Что дѣлать,—иначе родъ человѣческій никогда не приучится уважать законъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Но, Карлъ Антоновичъ, въ настоящемъ случаѣ, законъ васъ не обязывалъ сдѣлать слѣдствіе сейчасъ. Отложили бы вы его недѣли на двѣ, произвели бы послѣ земскаго собранія, такъ оно бы и не помѣшало Причалову быть гласнымъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Покорно благодарю-сь!.. чтобъ всякіе Тропиковы да Дробинины говорили, что я лицепріятель.

НАСТЯ.

Очень вамъ нужно, что про васъ скажетъ Тропиковъ!

КЛЕМЕЦКІЙ.

Правосудіе только тогда и можетъ идти прямымъ и безпристрастнымъ путемъ, когда оно остается слѣпо ко всѣмъ побочнымъ соображеніямъ... Мы дѣйствуемъ во имя высшихъ цѣлей...

ВАРЕНЦОВЪ.

Карлъ Антоновичъ, это пустые слова.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Что-съ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Не гнѣвайтесь, я дурно выразился. Я хотѣлъ сказать, что такими фразами можно оправдать какую угодно мерзость и лѣнь; такія фразы до того теперь засушили юридическіе мозги, что иной законникъ готовъ мѣрять поступки человѣческіе, какъ лавочникъ мѣряетъ ситецъ аршиномъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Какимъ же это образомъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Прежде иной, бывало, пригнетъ законъ къ недоброму дѣлу, такъ ужъ всѣ и знаютъ, что онъ душой покривилъ; а теперь юристъ сдѣлаетъ гадость, да самъ и пожалѣетъ о ней, да скажетъ, что это во имя уваженія къ закону,—онъ и правъ... Конечно, вы на это неспособны; я говорю только противъ вашихъ фразъ: столько благороднѣйшихъ порывовъ изъ-за нихъ въ грязь топчаты, такъ ликують отъ нихъ ябедники да негодяи, что, пока вы вашихъ высшихъ цѣлей будете дожидаться, разведете только нивость и никакого уваженія ни въ чему не увидите.

НАСТЯ.

А! наконецъ-то вы и здѣсь заговорили, какъ въ Москвѣ! Спасибо, милый, я ужъ начинала въ васъ сомнѣваться.

ВАРЕНЦОВЪ.

Законъ не виновать, Карлъ Антоновичъ; законъ всегда даетъ вамъ возможность пользоваться имъ осторожно, къ добру его направлять... и, какъ угодно,—вы видѣли, что въ этой жалобѣ на Причалова кроется гадкая интрига, вамъ слѣдовало жалобу продержать подъ сукномъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Да; вотъ когда дѣло другого касается, вы отлично умѣете все это рассказать и разобрать... Когда вы сами тутъ ничѣмъ не рискуете, такъ и совѣтъ даете, какъ поступать; а на дѣлѣ вы сами...

ВАРЕНЦОВЪ—перебивая его и обращая разговоръ въ шутку.

Ну, перестанемъ, перестанемъ спорить! Прекрасный вы, честнѣйшій человѣкъ, и я васъ глубоко люблю и уважаю... если что обидное сказалъ, не сердитесь, прошу прощенья, беру всѣ слова назадъ... Давайте-ка лучше всѣ втроемъ обсудимъ, какъ бы сдѣлать, чтобы эта интрига не удалась...

НАСТЯ.

Да, сдѣлайте это!

КЛЕМЕЦКІЙ.

Сдѣлать можно, конечно: въ растратѣ никакой корыстной цѣли не было; къ тому же Причаловъ готовъ внести деньги... Я, пожалуй, хотъ сегодня пушу слѣдствіе къ прекращенію, но окончательно рѣшить это можетъ только судебная палата; а вѣдь она за семьдесятъ-пять верстъ отсюда... пока дойдетъ, да пока рассмотреть... будь я тамъ, я бы скоро обдѣлалъ...

НАСТЯ.

Такъ поѣзжайте; до собранія еще цѣлая недѣля...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Но, Настасья Никитишна... этакъ мы будемъ дѣйствовать противъ желанія вашего батюшки...

НАСТЯ.

Такъ что-жь?.. его желаніе несправедливо — и кто его хоть немножко любить, не долженъ допускать, чтобы онъ былъ несправедливъ.

КЛЕМЕЦКІЙ.

Никита Яковлевичъ будетъ этимъ чрезвычайно недоволенъ... и даже можетъ отомстить...

НАСТЯ.

Вы боитесь!.. Я думала, вы только не хотите сдѣлать ему зло...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Да, конечно...

НАСТЯ.

Такъ не бойтесь... я вступлюсь за васъ: я ему скажу, что я вамъ это поручила сдѣлать отъ его имени...

КЛЕМЕЦКІЙ.

Я—ѣду.

НАСТЯ.

И безподобно!

ВАРЕНЦОВЪ.

Но, Настенька, вы должны знать, что это дѣло для Никиты Яковлевича не шуточное... будьте готовы къ большой ссорѣ съ нимъ...

НАСТЯ.

Не говори объ этомъ больше, милый; я и безъ того путаюсь во всей этой исторіи... Я боюсь... мнѣ начинаетъ казаться, что всѣ вы тутъ больше разсуждаете о честности... Фу! даже стало стыдно, какую я вамъ дерзость сказала... но, право, точно вы всѣ боитесь отца и не хочется вамъ идти противъ него, когда онъ даже что-нибудь нехорошее затѣваетъ... Я довольна тобой сегодня, ты мнѣ напомнилъ наше первое знакомство, останемся при этомъ, да?.. Прощайте Карлъ Антоновичъ. Руку, Саша.

Беретъ подъ руку Варенцова, и оба уходятъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Клубная зала, временно обращенная въ засѣданіе земскаго собранія. Слѣва, ближе къ авант-сценѣ, широкая арка и за ней видна другая зала. Слѣва же отдѣлено рѣшеткой небольшое мѣсто для публики, гдѣ и поставлены скамьи. Справа главная часть сцены есть мѣсто собранія. По стѣнамъ маленькія эстрады съ креслами; въ срединѣ тоже на эстрадѣ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, около него четыре кресла для предсѣдателя собранія, членовъ управы и секретаря. Справа, на второмъ планѣ, боковая дверь; она открыта. Въ глубинѣ два окна. По открытіи занавѣса въ сосѣднихъ комнатахъ видна расхаживающая и разговаривающая публика. На сценѣ сторожъ съ плиткой, на которую онъ льетъ уксусъ для окуриванія комнаты.

ТРОПИКОВЪ—изъ дверей справа.

Зачѣмъ ты куришь? что ты тутъ начадилъ?

СТОРОЖЪ.

Баронъ приказали.

ТРОПИКОВЪ.

Ты бы лучше фортеку открылъ; и такъ душно.

СТОРОЖЪ.

Слушаю-съ.

Открываетъ фортеку. Входитъ ВЛАСОВЪ и три крестьянина. Тропиковъ скрылся.

ВЛАСОВЪ.

И куда вы сѣли? Куда вы тамъ въ уголъ забрались, словно тараканы по щелямъ прячетесь?.. ѣ хоронятся отъ людей! ѣ хоронятся!.. Что васъ драть, что ли, сюда привели?

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Мосей Власичъ, како мѣсто было, туда и сѣли; не гнать же господъ.

ВЛАСОВЪ.

А ты вотъ гдѣ садись, подлѣ меня, тутъ вотъ. [*Показываетъ направо крайнія мѣста подлѣ двери*] И на меня и смотри:

какъ я, такъ и ты... Ваше дѣло темное, вы что понимаете? а потомъ, чтобы намъ съ вами, ребята, въ отвѣтъ не попасть!..

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Оборони Богъ.

ВЛАСОВЪ.

Да какъ его, братцы, разгадаешь? вотъ что?

СЪДОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Что разгадывать-то? Каки-таки мудрости?

ВЛАСОВЪ.

Каки мудрости! Эхъ ты старый хрѣнь,—почемъ ты знаешь, что начальству угодно, что нѣтъ?

СЪДОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Начальство тутъ не мѣшится.

ВЛАСОВЪ.

Какъ не мѣшится? что ты? по твоему, какъ же это безъ начальства?

СЪДОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

По моему: молчи, да слушай; буде съ тебя.

ВЛАСОВЪ.

То-то молчи... дожилъ ты, сѣдая голова, до какихъ лѣтъ, а понятія себѣ никакого не нажилъ... Мнѣ что? не для себя говорю; я знаю куда глядѣть и что какъ посматривать, меня не пымать ни въ чемъ; а я васъ жалѣючи говорю... Я само мужикъ; мнѣ небось свой братъ ближе, нечемъ господа-те...

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Это ужъ что говорить...

ВЛАСОВЪ.

Изъ господъ-отъ кого хопъ вотъ тутъ возьми, хопъ въ Сибирь сошли, глазомъ не моргну; а какъ мужика-те потянуть, такъ ровно изъ родной семьи, болѣеиъ сердцемъ-то... А это вѣдь како дѣло? сказать - то слово легко, а какъ отпираться отъ его придется!... что тогда?.. Одна теперь намъ и есть надежда: Микита Леовлевичъ; за имъ мы, братцы, какъ за каменной стѣной, онъ не выдастъ... такъ я вотъ за имъ такъ и иду: какъ онъ прикажетъ, такъ и быть тому... а вы меня слушайте... Садись вотъ сейчасъ, жди здѣсь, чтобы мѣста не отняли... [*Мужики садятся. Входитъ Настя съва*] Теперича, братцы, если я этакъ локтемъ кого, значить, толкну... [*Замѣтивъ Настю*] Гм...

Мужики встали.

НАСТЯ.

Ну?... что-жъ вы остановились?.. продолжайте... дайте и мнѣ послушать...

ВЛАСОВЪ.

Что вамъ, сударыня, наши мужицкіе разговоры слушать!.. пустыя наши всякія слова... вы люди умные, а мы что?

НАСТЯ.

А вотъ я хочу ихъ слушать... Ну, что же вы тутъ говорили? о чемъ?

ВЛАСОВЪ.

Такъ, про свои—про мужицкія дѣла...

НАСТЯ.

Какія же? ну?

ВЛАСОВЪ.

Такъ-съ,—нестоющія... Прощенья просимъ-съ.

Уходить.

НАСТЯ—крестьянамъ, глядя ему вслѣдъ.

Что онъ, хорошій человекъ?... [*Крестьяне молчатъ*] Что же вы молчите?—хорошій?

Томъ II.—Апрѣль, 1874.

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Хорошіе-съ...

НАСТЯ.

А вы вѣрите тому, что онъ говоритъ?

ВТОРОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Вѣримъ-съ...

НАСТЯ.

А я вотъ не вѣрю,—и кажется мнѣ, что онъ не хорошій... Я слышала, онъ мужиковъ разоряетъ, — правда это?.. Что-жъ вы не хотите мнѣ отвѣчать?.. Что онъ вамъ тутъ говорилъ?.. вѣрно подговаривалъ васъ?.. правда?

ПЕРВЫЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Ничего-съ.

НАСТЯ—вспыливъ.

Да отвѣчайте же!.. [*Опомнясь, мѣняя тонъ и смѣясь*] Ну, не хотите говорить, такъ не говорите... Но берегитесь его... если ужъ ему не жалъ бѣднаго человѣка обидѣть, такъ добра онъ не посовѣтуетъ.

СЪДОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Это, барышня, вы не глядите, что мы все молчимъ, про себя меречаемъ... Мы тоже не всѣ такъ, чтобы... тоже понимаемъ... лучше кого хошь распишемъ: кто какой есть человѣкъ; да говорить-то намъ не пригоже...

НАСТЯ.

Отчего?

Входятъ ТРОПИКОВЪ и ДРОВИНИНЪ.

ТРОПИКОВЪ.

Настасья Никитишна, что же вы, сударыня, въ родительскому завтраку не изволите идти?.. Никита Яковлевичъ земству завтракъ устроили, а вы бы за хозяйку, сударыня, тамъ; намъ на радость, родителю на утѣшеніе...

НАСТЯ.

А кто вамъ сказалъ, что я вамъ радость сдѣлать хочу?—я тамъ, гдѣ мнѣ веселѣй, тамъ и я.

ТРОПИКОВЪ.

Съ мужичками съ нашими поболтать захотѣлось? вамъ въ новинку,—интересно?.. только вѣдь это не на долго, повѣрьте... съ ними какіе разговоры?—изъ иного дубьемъ слова-то не вы-бьешь... а вы, если чтó узнать хотите: о земствѣ тамъ, или о чемъ,—вы намъ прикажите; мы вамъ аккуратно все доложимъ.

НАСТЯ.

Я безъ васъ знаю, Семенъ Прохоровичъ, съ кѣмъ и о чемъ разговаривать,—и кого о чемъ спросить.

Уходитъ нагѣво и исчезаетъ въ толпѣ. Тропиковъ и Дробининъ переглядываются. Крестьяне стоятъ у своихъ мѣстъ и позѣвываютъ.

ДРОБЕНИНЪ.

А!.. какова?

ТРОПИКОВЪ.

Я вамъ говорю: она намъ очень мѣшаетъ... со всѣми въ разговоръ пускается, допрашиваетъ, подстрекаетъ...

ДРОБЕНИНЪ.

Нужно же было Никитѣ Яковлевичу ее сюда выписать? Жила бы себѣ въ Москвѣ, гримасничала бы да ломалась передъ офицерами... Такая пустрая дѣвчонка, вездѣ носъ суетъ.

ТРОПИКОВЪ.

А вы поговорите-ка о ней съ Никитой Яковлевичемъ,—ничему не вѣрить... такъ ослѣпленъ, такъ ослѣпленъ... Я было заикнулся, такъ онъ меня даже обругалъ,—скотомъ назвалъ, ей-Богу!.. а ужъ это чего хуже, какъ когда домашній воръ заведется,—все бросай... Знаете-ли, чтó я слышалъ, въ прислугѣ сказывали?—будто она сама у слѣдователя была.

ДРОБИНИНЪ.

Что вы?

ТРОПИКОВЪ.

Ей-Богу... Пожалуй, и все это теперешнее распоряженіе слѣдователя—ея штучки.

ДРОБИНИНЪ.

Ахъ, дрянъ-дѣвчонка! дали бы мнѣ ее въ руки, я бы ее просто высѣлъ.

ТРОПИКОВЪ.

А!.. вонъ и супруга ваша пріѣхала... [*Входитъ Дробинина*] Поздно, поздно, Христина Валерьяновна; что-жъ вчера на открытіе собранія не пожаловали?

ДРОБИНИНА.

За двадцать верстъ ѣздила, на именины къ теткѣ... Что-жъ это у васъ всѣ разгуливаютъ?

ТРОПИКОВЪ.

Теперь-съ перерывъ засѣданія; гласные завтракать пошли... [*Поглядѣвъ на часы*] Впрочемъ, скоро опять начнется.

ДРОБИНИНА.

Ну что? какъ у васъ?

ТРОПИКОВЪ.

Да что-съ! не очень здорово.

ДРОБИНИНА.

Почему это?

ТРОПИКОВЪ.

Такъ, все маленькія неудачи.

ДРОБИНИНА.

Кстати: что это Причаловъ, зачѣмъ притащился? я его, кажется, сейчасъ въ залѣ встрѣтила.

ТРОПИКОВЪ.

Какъ зачѣмъ?—гласнымъ возсѣдаютъ.

ДРОБИНИНА.

Да вѣдь онъ подъ слѣдствіемъ!

ДРОВИНИНЪ.

Лопнуло это дѣло, не удалось...

ТРОПИКОВЪ.

Я на нашего слѣдователя съ перваго момента не полагался. Развѣ такъ надо вести слѣдствіе?... не замѣть ему ничего, онъ все лучше знаетъ,—извиняется, конфузится... [Дробининой] Мы вчера тутъ собрались: я заявляю отъ управы, что, молъ, господинъ докторъ не можетъ быть гласнымъ, онъ подъ слѣдствіемъ; а онъ и подаетъ предсѣдателю бумагу изъ судебной палаты, что слѣдствіе прекращено,—мы такъ всѣ и ахнули. Оказалось, что слѣдователь повелъ дѣло къ прекращенію, да еще самъ въ судъ ѣздилъ, чтобъ ускорить дѣло... и теперь безъ вѣсти пропасть,—разъѣзжаетъ гдѣ-то по уѣзду.

ДРОВИНИНЪ.

Да, да,—по-свински онъ съ нами поступилъ.

ДРОБИНИНА.

О! ему это даромъ не пройдетъ!.. Какъ у васъ здѣсь холодно!

ТРОПИКОВЪ—снохваться.

Ахъ! что-жъ я въ самомъ дѣлѣ форточку-то велѣлъ открыть!

какъ зала настудилась... этакъ у насъ, пожалуй, Бриталовъ не высидитъ, уѣдетъ изъ собрания.

Затворяетъ фортку.

ДРОБИНИНА.

Какъ? и Бриталовъ притащился?

ДРОБИНИНЪ.

Приѣхалъ,—да.

ТРОПИКОВЪ—возвращаясь.

Вотъ мы какъ: изъ гроба вырыли, мертвеца привезли... пять лѣтъ человѣкъ изъ халата не выходилъ,—склеили, починили, въ гласные предоставили... по крайности, надежный, Христина Валерьяновна: ничего не слышитъ, и ни въ чемъ не перечесть; а то вѣдь тутъ, гляди на нихъ!—за насъ, за насъ, а тоже куда вѣтеръ подуетъ. Почуютъ, что ихъ кармана касается,—возопіютъ...

ДРОБИНИНА.

Вы ужъ и бояться стали!..

ТРОПИКОВЪ.

По неволѣ станешь... Такихъ и не видывали мы гласныхъ, какіе нынче собрались... Саламанкинъ, помѣщикъ, у насъ, бывало, только лѣтомъ наѣзжалъ; все, бывало, въ Москвѣ, да въ Москвѣ,—а теперь совсѣмъ хочетъ сюда поселиться, и жену привезъ, и домъ строить...

ДРОБИНИНЪ.

И здѣшніе-то другими людьми стали; кто прежде пивнуть не смѣлъ, теперь носъ деретъ кверху.

ТРОПИКОВЪ.

Да, замѣтили, этотъ однодворецъ-то, Лукьяновъ... Мы къ этому гусю давно присматривались; потраву ему въ имѣнныя таковую смастерили, цѣлый лугъ перепортили, думали уѣдетъ, захопочется,—нѣтъ!.. и на ховяйство рукой махнулъ;—вотъ чортъ!..

Да онъ ли одинъ?.. Какъ мы съ Никитой Яковлевичемъ ни орудовали, а я вамъ сейчасъ пятерыхъ гласныхъ назову,—во всемъ противъ насъ будутъ.

ЖАРОВИНА входитъ справа, за ней КРУПИННИКОВЪ.

ЖАРОВИНА—Тропикову.

Вы что это вздумали предлагать? а?.. Здравствуйте, Христина Валерьяновна... [Тропикову] Что вы собранью-то предлагаете?.. Я Никитѣ Яковлевичу сейчасъ жаловалась...

ТРОПИКОВЪ.

О чемъ?..

ЖАРОВИНА.

Домá какіе-то хотите строить каменные по деревнямъ... На чей же счетъ?

ТРОПИКОВЪ.

На земскій.

ЖАРОВИНА.

Это значитъ, опять мы плати?.. очень вамъ благодарна, проѣжайте мимо... Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, всѣ головы потеряли, что-ли? Для чего-жъ вамъ это новые дома понадобились?

ТРОПИКОВЪ.

Для школъ, для волостныхъ правленій...

ЖАРОВИНА.

Опять для мужиковъ?.. Нѣтъ-съ, ужъ это вы рѣшайте или не рѣшайте, а съ меня вы копѣйки не сдерете... грабить приходите съ топорами, тогда получите,—а добровольно слѣпного гривенника не дамъ.

ТРОПИКОВЪ.

Эхъ, матушка, Антонина Карповна, богаче васъ у насъ и помѣщицъ нѣтъ,—и добродѣтели ваши всѣмъ извѣстны, а для бѣднаго мужичка помощи жалѣете!

ЖАРОВИНА.

Это моя воля быть добродѣтельной; а не захочу—и черствой корки хлѣба не подарю.

ТРОПИКОВЪ.

Бѣдному-то мужичку?—голодному-то?

КРУПИННИКОВЪ.

Вы вотъ что, Семень Прохоровичъ, вы лучше о бѣдныхъ да о голодныхъ не говорите, потому это вамъ не къ лицу.

ТРОПИКОВЪ—посмѣиваясь.

Какъ не къ лицу?

КРУПИННИКОВЪ.

Оттого, что вы на свѣтѣ первый грабитель и воръ. Если кто и голодаетъ, такъ все изъ-за такихъ, какъ вы.

ТРОПИКОВЪ—смѣясь.

Ахъ, Герасимъ Панкратьевичъ!—этакій вѣдь шутникъ... и все со злобой, этакъ кольнуть человѣка...

КРУПИННИКОВЪ.

Какія колкости!—что вы?... я вамъ только должное названіе подбираю... Вамъ земство дороги поручило строить, а по дорогамъ у насъ грязь невылазная. Денегъ общественныхъ что вы потратили, на мосты да гати, а гдѣ вы ихъ строили?—у себя въ карманѣ; въ уѣздѣ ихъ что-то не видать... ну, и значить, вы воръ.

ТРОПИКОВЪ.

Полноте, полноте, не смѣшите.

КРУПИННИКОВЪ.

А сталь бы я вамъ говорить, какъ вы крестьянъ, по ихъ невѣжеству, обираете, такъ бы еще вышло, что вы и подлецъ.

ДРОБИНИНА.

Что за выраженія? Герасимъ Панкратьевичъ!

КРУПИННИКОВЪ.

Вѣдь я не про васъ...

Дробинина отходитъ.

ТРОПИКОВЪ.

Не влюбили вы меня, злой человѣкъ, — все преслѣдуете.

КРУПИННИКОВЪ.

Гдѣ же васъ преслѣдовать!... Если-бъ по настоящему съ вами общеніе имѣть, по-божески: взять бы я васъ въ охабку и выкинулъ въ окно... дамамъ бы удовольствіе доставилъ, уголовный процессъ возбудилъ бы, судьямъ работу... а я съ вами по родственному разговариваю, — миролюбиво... Не любить человѣкъ, когда его подлецомъ называютъ; вотъ чудакъ!

ЖАРОВИНА.

Вы вотъ все только ругаетесь; а вы бы дѣло говорили. Я вамъ чтó скажу...

Продолжаетъ съ нимъ тихо говорить. Въ арѣѣ показывается НАСТЯ; она съ кѣмъ-то разговариваетъ.

ДРОБИНИНА.

Ахъ! и Настасья Никитишна тутъ!... Настасья Никитишна! Настасья Никитишна!.. Здравствуйте, милочка... [*Рукожатіе*] и вы пришли послушать? Что-жъ, интересно?

ТРОПИКОВЪ.

Впервые-то всегда интересно.

ДРОБИНИНА.

Впрочемъ, вы счастливы: у насъ никогда не бывало такого

бурнаго собранія, какъ теперь... Смотрите, все кругомъ въ волненіи... разговариваютъ, спорятъ...

НАСТЯ.

Ну, не всѣ спорятъ... вотъ эти напримѣръ... [*Указываетъ рукой на трехъ крестьянъ, стоящихъ у своихъ мѣстъ*] Эти молчатъ.

Входитъ БЕЗАНЕЦЪ подъ руку съ ВАРЕНЦОВЫМЪ.

БЕЗАНЕЦЪ—громко къ кулисамъ.

Господа, прошу покорно!... пожалуйста въ залу; мы сейчасъ открываемъ засѣданіе!

ТРОПИКОВЪ—у арки.

Пожалуйте въ залу, господа гласные!...

Въ это время постепенно на сцену собираются гласные и публика,— народъ самый разнохарактерный: помѣщики, мѣщане, крестьяне, военные и проч.

БЕЗАНЕЦЪ—тихо Варенцову.

Вы всегда, Александръ Алексѣевичъ, были такъ благоразумны... зачѣмъ эти распри? тѣмъ болѣе теперь, когда не нынче-завтра вы насъ оставляете!.. Зачѣмъ вамъ вступаться за этого доктора?... вы знаете, что губернаторъ на него косится — и все этакое... Ну, не хотите противъ говорить, — ну молчите; развѣ васъ кто обязываетъ!... Къ чему эта полемика?!.. пожалуйста... [*Громко*] Господа, прошу покорно.

Садится на предсѣдательское мѣсто.

НАСТЯ—подойдя къ Варенцову, тихо ему.

Что онъ вамъ опять напѣваль?

ВАРЕНЦОВЪ.

Такъ, ничего, общій разговоръ...

НАСТЯ.

Вы не лжете?

ВАРЕНЦОВЪ.

Ахъ, Настенька...

НАСТЯ.

Знаете что?—мнѣ кажется, я слишкомъ рано радовалась: вы опять не тотъ, какимъ были въ Москвѣ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Я какимъ былъ, такимъ есть, такимъ и останусь... Пустите, милый другъ, здѣсь мѣсто гласныхъ, вамъ надо идти за рѣшетку.

Настя уходитъ за рѣшетку, онъ садится на свое мѣсто справа. Всѣ усаживаются. Безанецъ звонить время отъ времени. Причаловъ съѣлъ вѣдро отъ стола, Кружановъ вправо; подлѣ него вертится какой-нибудь услужникъ, къ которому Кружановъ относится съ благосклоннымъ снисхожденіемъ. Когда всѣ усѣлись, входитъ БРИТАЛОВЪ, согбенный и совершенно лысый, за нимъ ТРОПИКОВЪ съ пледомъ въ рукахъ.

ТРОПИКОВЪ.

Позвольте-съ, здѣсь немножко холодно для васъ... позвольте я вамъ пледъ накину.

Укутываетъ Бриталова въ пледъ и усаживаетъ въ кресло, потомъ самъ садится къ столу.

БЕЗАНЕЦЪ—звонить.

Господа, прошу усюноваться, тамъ въ публикѣ!...

ТРОПИКОВЪ—стоя и глядя въ публику.

Тсс!...

Все смолкаетъ.

БЕЗАНЕЦЪ.

Объявляю засѣданіе собранія открытымъ!... [*Пауза; онъ пересматриваетъ бумаги*] Итакъ, господа, мы только-что прослушали предложеніе господина члена управы, Семена Прохоровича Тропикова. Управа пришла къ заключенію, что земству гораздо

выгоднѣе будетъ для своей конторы, школы и больницы построить въ городѣ большой каменный земскій домъ, вмѣсто того, чтобъ нанимать для этого помѣщеніе, какъ оно до сихъ поръ дѣлается... одновременно съ тѣмъ, построить каменные дома и въ каждой волости, для школъ, съ квартирами учителямъ, для небольшихъ больничныхъ помѣщеній; а также для волостныхъ правленій, съ жильемъ волостному старшинѣ и писарю... Принимаете ли вы, милостивые государи, предложеніе Семена Прохоровича?

ПРИЧАЛОВЪ.

Я думаю, господинъ предсѣдатель, прежде, чѣмъ спрашивать о принятіи предложенія, надо обсудить его.

КРУЖАНОВЪ.

Я нахожу, что тутъ обсуждать нечего. Мы хлопочемъ, чтобъ наши земскія учрежденія были хорошо помѣщены, — кажется-съ, это желаніе полезное и хорошее-съ!.. чего же еще-съ?

ВЛАСОВЪ.

Это точно-съ!.. Микита Яковлевичъ, дѣйствительно-съ!..

ПРИЧАЛОВЪ.

Предполагаемая постройка должны быть исполнены на земскій счетъ, слѣдовательно собраніе должно знать: выгодно ему будетъ строить или нѣтъ.

КРУЖАНОВЪ.

Управа находить, что выгодно.

ПРИЧАЛОВЪ.

Такъ она должна представить доказательства.

КРУЖАНОВЪ.

Значить, собраніе не довѣряетъ управѣ? Зачѣмъ же насъ въ управу выбираютъ, если намъ довѣрить нельзя?..

ВЛАСОВЪ.

Мы довѣряемъ!

ДВА ГОЛОСА.

Довѣряемъ!...

БЕЗАНЕЦЪ.

Какъ же, господа!.. угодно собранію принять предложеніе гласнаго Тропикова?

Нѣсколько голосовъ кричатъ: «угодно! угодно! принять!» другіе: «не угодно, надо обсудить!»—въ числѣ послѣднихъ слышнѣе другихъ голосъ Крупинникова.

САЛАМАНКИНЪ—вставая.

Позвольте... [*Безанецъ звонитъ, все смолкаетъ*] Я присоединяюсь къ заявленію нашего почтеннаго товарища, гласнаго Причалова. Предложеніе должно быть обсуждено... Начиная ужъ съ того, что въ немъ вралось нѣкоторое недоразумѣніе и ошибка...

ТРОПИКОВЪ.

Какая-съ?

САЛАМАНКИНЪ.

Вы предполагаете строить школы и больницы,—это прекрасно; но вы хотите пристраивать къ нимъ тоже волостныя правленія на земскій счетъ,—это абсурдъ... Волостныя правленія есть дѣло сословное, крестьянское, а не земское... Въ послѣднее время въ Петербургѣ былъ поднятъ вопросъ о всесословныхъ волостяхъ, о сліяніи въ одно волостное общество всѣхъ сословій... Когда этотъ вопросъ получить санкцію, тогда интересы волостные будутъ общіе, земскіе; а пока они частныя, крестьянскіе... и по положенію о земскихъ учрежденіяхъ мы не имѣемъ права строить на земскій счетъ дома для крестьянъ; иначе, отчего же не строить дома для дворянъ, купцовъ и мѣщанъ?..

ОДИНЪ ИЗЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

Коммиссію назначить! въ коммиссію передать!..

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Да, да, въ коммиссію, въ коммиссію!

КРУЖАНОВЪ—недовольный.

Я рѣшительно не понимаю, зачѣмъ тутъ комиссія?.. предложеніе говорить само за себя.

ПРИЧАЛОВЪ.

Все-таки обсудить его нужно.

КРУЖАНОВЪ.

Я не вижу, чтó тутъ обсуждать?.. Ктó же не знаетъ, что школы и больницы вещь благотѣльная... а вотъ тоже на счетъ волостныхъ правленій, такъ жалость беретъ глядѣть на мужичковъ въ волостныхъ сходахъ зимой... Наберется въ избу народу тѣма,—внутре духота, наружу морозъ, простужаются, гибнуть... что же въ этомъ во всемъ можно заподозрить дурного?—окромѣ хорошаго ничего... Коли мы не вправѣ для крестьянъ на земскій счетъ волостныя правленія пристраивать, такъ за это крестьяне могутъ и особо приплатить деньгами, али натурой... кирпичи даромъ возить на стройку, али иное чтó... Вѣдь ежели-бы вы, Глѣбъ Степановичъ, еще были человѣкъ старыхъ отсталыхъ понятій; но вѣдь я васъ знаю-сь,—вы всему этому должны сочувствовать...

ТРОПИКОВЪ.

Ей Богу-сь, Глѣбъ Степановичъ, иначе нельзя понять: оттого вы тутъ мѣшать хотите, что мы предлагаемъ. Предложи другой кто, вы бы за это горой стояли; а теперь, какъ вы себя считаете оскорбленнымъ, что управа лишила васъ мѣста...

ПРИЧАЛОВЪ.

Я прошу господина предсѣдателя напомнить гласному Тропикову, чтобъ онъ не сводилъ споры на личности. Я ничѣмъ не оскорбленъ и прошу только отчетности.

БЕЗАНЕЦЪ.

Вы сами виноваты, Глѣбъ Степановичъ... У насъ до сихъ поръ никогда ни споровъ, ни ссоръ, ни личностей не бывало: со-

браніе довѣряло управѣ, управа довѣряла собранію, — и всѣ оставались довольны... вы заводите теперь эту полемику...

КРУПИННИКОВЪ.

Спорить не одинъ докторъ, спорить буду и я... Постройки должны стоить тысячъ до двухъ-сотъ; эти деньги надо занять и потомъ десятки лѣтъ выплачивать съ процентами. Ловки ужъ вы больно, хотите рѣшить такое дѣло съ бухты-барахты!

ЛУКЪЯНОВЪ.

Мы очень благодарны Микитѣ Яковлевичу, что они о насъ бѣдныхъ людяхъ печалятся; только какъ-бы намъ за ихъ благодѣянія, да по ихъ сердоболію, своими богами отплачиваться не пришлось.

Сидѣхъ въ публикѣ.

ВЛАСОВЪ.

Повернулся у тебя языкъ экое сказать!..

ГОЛОСА.

Мы за Никиту Яковлевича!! Что такое, Господи! какъ такъ говорить?!

КРУПИННИКОВЪ.

Пускай Никита Яковлевичъ строить на свой счетъ, а мы ему будемъ кланяться.

ГОЛОСА.

Мы въ обиду не дадимъ! Какъ такъ говорить?!

Даже уже ничего разобрать нельзя; многіе говорятъ въ одно время, шумъ, крикъ, среди котораго только выдается слово «благодѣтель». Безанецъ звонитъ, все понемногу стихаетъ.

БЕЗАНЕЦЪ.

Господа! я прошу быть спокойнѣе; я не могу дозволить эти споры...

ПРИЧАЛОВЪ.

Отчего вы не даете подробно провѣрить предложеніе гласнаго Тропикова?

САЛАМАНКИНЪ.

Я рѣшаюсь высказать свое мнѣніе почтенному собранію, на основаніи того, что я видѣлъ и слышалъ въ другихъ земскихъ собраніяхъ, въ Москвѣ и Петербургѣ... Я не думаю, чтобы кому-нибудь изъ членовъ почтеннаго собранія было оскорбительно, если желаютъ, чтобы онъ свои предложенія, такъ-сказать, иллюстрировалъ разъясненіями,—это вполне рационально. Земское собраніе, какъ совершенно справедливо замѣтилъ графъ Иванъ Петровичъ Зустремъ, на одномъ изъ уѣздныхъ собраній въ Московской губерніи, гдѣ и я присутствовалъ, земское собраніе это—мозгъ уѣзда; гласные должны слиться между собой, какъ тѣ мозговые бугры, которые обуславливаютъ мышленіе. Какъ въ мозгу человѣка бываетъ борьба сомнѣній и мыслей, такъ бываетъ борьба и въ земскомъ собраніи; но, какъ бугры мозговые не могутъ другъ на друга претендовать, такъ не могутъ претендовать и гласные... Господинъ Кружановъ, съ одной стороны, считается благодѣтелемъ, съ другой—не считается благодѣтелемъ,—это въ порядкѣ вещей... Какимъ образомъ это можетъ остановить обсужденіе вопроса о постройкахъ?..

БЕЗАНЕЦЪ.

Не заниматься же намъ здѣсь цифровыми выкладками?.. Этакъ мы никогда не кончимъ,—три недѣли будемъ здѣсь собираться.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОМѢЩИКОВЪ.

Въ комиссію сдать!

МНОГІЕ.

Въ комиссію, въ комиссію!!.

КРУПИННИКОВЪ.

Лучше три недѣли собираться, да не сдѣлать глупости. По моему мы должны сперва посмотрѣть въ нашъ кошелекъ: есть-ли у насъ деньги на такое предпріятіе?

ПРИЧАЛОВЪ.

Виновать,—съ этимъ я не совсѣмъ согласенъ... Когда что

необходимо, такъ деньги нужно достать,—и деньги будутъ, а не дашь ихъ въ складчину, каждому отдѣльно дороже обойдется... Меня не совсѣмъ поняли: я, болѣе чѣмъ кто-нибудь здѣсь, настаиваю, чтобъ завели школы и больницы, — они всегда вопіющая потребность, и потратившись, все-таки мы будемъ въ барышахъ... Я, какъ врачъ, заявляю, что больной крестьянинъ часто вдвое больше хвораетъ оттого, что негдѣ ему лечиться: изба у него скверная, сырая, въ щеляхъ,—какое тутъ лекарство помочь!.. иной отъ этого и на всю жизнь калѣкой остается или даже умираетъ... такъ и помимо всякой гуманности рассчитайте, какъ это невыгодно: сколько отъ лишней хвори да отъ калѣчества пропадаетъ рабочихъ дней и силъ? а вѣдь это тѣ же деньги... И крестьянину оно невыгодно, и всему уѣзду; потому что крестьянинъ бѣднѣетъ, а нищій ни повинностей своихъ справить не можетъ, ни купить что у купца...

ОДИНЪ ИЗЪ КУПЦОВЪ.

Вѣрно! вѣрно-съ!—безъ покупателейъ какъ же быть? хоть торговлю бросай.

ПРИЧАЛОВЪ.

На счетъ школъ и говорить много не буду. Высчитайте-ка, сколько крестьянинъ переплачиваетъ денегъ всякимъ мошенникамъ за свое невѣжество, какъ отъ этого весь край разоряется и бѣднѣетъ, такъ что даже потомъ и мошенникамъ ничего содрать не остается, и никакими урожаями этого опять не поправивъ,—вы увидите, что въ этомъ невѣществѣ прямой убытокъ для всѣхъ; тутъ мы всѣ теряемъ гораздо больше, чѣмъ могутъ стоять и постройки, и учрежденія школъ и больницъ...

ТРОПЕКОВЪ.

Значить, вы съ предложеніемъ сами согласны,—о чемъ же спорить?

ПРИЧАЛОВЪ.

Я согласенъ, что надо завести больницы и школы, но я хочу знать, какъ это будетъ сдѣлано? сколько будутъ стоять и постройки, и все остальное? выгодно-ли дѣлать такъ, какъ вы хотите?.. Вы вотъ предлагаете каменные постройки,—не лучше ли сдѣлать ихъ деревянными? или можетъ еще не дешевле-ли про-

сто нанять помѣщеніе?.. Оттого я и требую смѣты и разсчетовъ; а на слово выдавать деньги управѣ нельзя.

ТРОШКОВЪ.

Стало быть, одно только недоверіе?

БРУСИННИКОВЪ,

Что жъ? вамъ что-ли доверять?—шутникъ вы этакій!

КРУЖАНОВЪ.

Позвольте... Господинъ предсѣдатель, я прошу слова.

БЕЗАНЕЦЪ.

Сдѣлайте одолженіе.

КРУЖАНОВЪ.

Господа собраніе! у насъ теперь происходитъ что-то странное, непонятное... Я вижу, противъ меня много людей возбуждено... кѣмъ и какъ?—этого я знать не хочу; только что слышу осужденія и все этакое... одни словно завѣдомо, другіе въ невѣдѣніи, какъ вотъ господинъ Саламанкинъ... Мнѣ это въ первый разъ въ жизни слушать такъ приходится,—на позоръ меня выставляютъ!... въ этомъ, такъ сказать, оскорбленіе и...

БЕЗАНЕЦЪ.

Помилуйте, Никита Яковлевичъ, никто васъ оскорбить не желаетъ...

КРУЖАНОВЪ.

Я-съ по мѣрѣ моихъ силъ доселѣ всю душу мою клалъ за мою родину; какъ мнѣ отъ родителей было завѣщено, чтобъ родному краю на пользу служить. Четырнадцать лѣтъ я нашему городу головою служу-съ, пятый годъ въ уѣздѣ предсѣдателемъ земской управы... Труды мои и старанія не въ подпольѣ спрятаны,—всѣ на лицо... Съ первыхъ годовъ, о Господѣ вседержителѣ вспоминая, озолотилъ я куполъ нашего собора; въ городѣ садъ городской мною же заведенъ,—и нынѣ мирные граж-

дане, въ день воскресный, отдохновеніе отъ трудовъ въ немъ находятъ... У насъ въ исправности и пожарная команда, и другія заведенія; мною поддерживается пріютъ для сиротъ, и домъ призрѣнія для престарѣлыхъ бѣднѣйшихъ гражданъ... и, пока въ другихъ городахъ доселѣ, кромѣ Бовы-королевича да псалтыри, другихъ сочиненьевъ не сыскать, мною заведена въ моемъ домѣ публичная бібліотека... По земскому дѣлу мои неустанныя старанія и труды тоже Господь Богъ благословилъ, что видно изъ отчетовъ управы за прошлые года;—всѣ эти отчеты безпрекословно и единодушно были утверждены собраніемъ... наконецъ, недѣли полторы тому назадъ, я даже получилъ благодарственный адрессъ отъ крестьянъ нѣсколькихъ волостей...

БЕЗАНЕЦЪ.

Никита Яковлевичъ, вы напрасно обижаетесь...

КРУЖАНОВЪ.

Позвольте, я просилъ слова.

БЕЗАНЕЦЪ.

Продолжайте, продолжайте.

КРУЖАНОВЪ.

Въ прошломъ году, какъ извѣстно, уѣздъ нашъ постигла кара Божія: годъ былъ неурожайный, и почти повсемѣстно у насъ оказался голодъ... я открылъ свои житницы, я дѣлился съ нищимъ и неимущимъ, я даромъ раздавалъ хлѣбъ изъ моихъ складовъ, это всѣмъ извѣстно... Кому здѣсь въ уѣздѣ я не помогъ? кто мнѣ не долженъ деньги? кто мной не облагодѣтельствованъ... Теперь вонъ затѣялъ новый соборъ въ городѣ строить на общественныя приношенія;—кто же тутъ главный вкладчикъ, какъ не я?.. Такъ-то стараючись для своего уѣзда, для родины, могъ ли я ждать, что въ меня будутъ грязью швырять?.. [Ропотъ] Про господина Причалова я ужъ не говорю; они если на меня за что сердятся, я тому не причина... Я за ихъ больше все старался и ихъ поддерживать всегда хотѣлъ, а они сами всегда ко мнѣ съ рожнемъ... теперче даже отъ крестьянина Лукьянова долженъ обиды слушать!.. Господа собраніе, защитите... что же это-сь?

ВЛАСОВЪ.

Микита Яковлевичъ, плюнь!—радѣльничъ! мы тебя знаемъ, мы тебя уважаемъ!.. что тебѣ?! пушай!

ЛУКЪЯНОВЪ.

Какія-жѣ такія обиды, право...

КРУЖАНОВЪ.

Не ждалъ я, господа собраніе, что коли да я говорю, что постройки беру на себя, и хочу въ этомъ дѣлѣ помощь оказывать, меня стануть провѣрять и всякія мнѣ преграды творить... Я, можетъ быть, и деньги бы нашелъ, гдѣ занять для земства на это предпріятіе, и поставку кирпича на себя бы взять... меня знаютъ, какой я обманщикъ; чего-жѣ теперь объ этомъ разсуждать?.. Что я—для себя что-ли эти больницы да школы строить-то хочу?.. Мнѣ, слава тебѣ Господи, найдется мѣсто и дома, гдѣ Богу душу отдать... Коли я за что берусь, такъ, кажется бы, глаза закрывши, мнѣ вѣрить; а вѣры въ меня нѣтъ, такъ что же я за предсѣдатель?! вонъ меня гоните... Какъ же-съ мнѣ это иначе считать, какъ не за оскорбленіе и не за обиду?.. Господа собраніе! я этого не заслужилъ...

Послѣднее говоритъ крайне взволнованнымъ голосомъ, почти со слезами—и садится. Нѣкоторые изъ гласныхъ помѣщиковъ бросаются жать ему руку, первый изъ нихъ Тропиковъ; опять нѣкоторый шумъ, слышны голоса: «да полноте, да оставьте,—вздоръ... васъ всѣ уважаютъ». Кружановъ отвѣчаетъ только: «не заслужилъ и не ожидалъ». Говоръ и въ публикѣ. Бриталовъ встаетъ и хочетъ идти.

ТРОПИКОВЪ.

Куда вы?

БРИТАЛОВЪ.

Развѣ не кончено?

ТРОПИКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, сидите, сидите; я скажу когда...

Бриталовъ опять усаживается; Безанецъ звонитъ, все постепенно утихаетъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Господинъ предсѣдатель, я желаю бы отвѣтить господину Кружанову.

БЕЗАНЕЦЪ.

Глѣбъ Степановичъ, я васъ прошу, не отвѣчайте.

ПРИЧАЛОВЪ.

Никакъ не могу исполнить вашей просьбы, извините.

БЕЗАНЕЦЪ.

Сдѣлайте это хоть ради меня... Что вамъ за охота ссориться! Ахъ, право, такой вы хорошій человекъ—и все этакъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Мнѣ нѣтъ никакой нужды ссориться; я хочу говорить объ общемъ дѣлѣ.

САЛАМАНКИНЪ.

Почему господинъ предсѣдатель дѣлаетъ такое различіе между гласными?... Мы всѣ равны передъ закономъ—и, если одинъ говоритъ, отчего не говорить другому? ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ я не встрѣчалъ ничего подобнаго, и газеты неоднократно обличаютъ такое пристрастіе...

БЕЗАНЕЦЪ.

Говорите, господинъ Причаловъ... но я васъ предупреждаю: въ случаѣ волненія въ собраніи, я его закрою.

ПРИЧАЛОВЪ.

Господа! дѣло тутъ просто: споръ идетъ о постройкахъ. Я хочу, чтобъ мы обсудили, какъ ихъ сдѣлать лучше и дешевле, а Никита Яковлевичъ на это обижается; онъ находитъ, что незачѣмъ намъ разсуждать, что слѣдуетъ все поручить ему, пусть дѣлается, какъ хочетъ... онъ будетъ распоряжаться, а мы будемъ платить.

ВЛАСОВЪ.

И преединственно! онѣ лучше знаютъ, какъ чему быть.

ПРИЧАЛОВЪ.

Ну, что-жъ?.. можетъ и въ самомъ дѣлѣ надо такъ сдѣлать? закрыть глаза и ему во всемъ повѣрить... Для этого-то онѣ и разсказалъ намъ, какія онѣ благодѣянія уѣзду сдѣлалъ... Что-жъ, господа, правъ онѣ или нѣтъ? стоитъ ему довѣрить или нѣтъ?

ВЛАСОВЪ.

Довѣрить!! безъ нихъ какъ же?..

ЛУКЪЯНОВЪ.

Про эти благодѣянія что говорить-съ!.. Коли какъ передъ Господомъ сказать: Микита Яковлевичъ съ нашего уѣзда, и съ крестьянъ, и съ купцовъ, съ кого работой, съ кого торговлей, столько наживаютъ, что эти имъ расходы на куполь да на садишко — плѣвое дѣло! это у насъ алтыномъ подъ полтину называется.

Ропотъ.

БЕЗАНЕЦЪ.

Гласный Лукьяновъ, я приглашаю васъ... къ молчанію.

ПРИЧАЛОВЪ.

Я про всѣ милостыни его говорить не стану, а напомнимъ вамъ изъ нихъ только одинъ случай, который и покажетъ, можно ли Никитѣ Яковлевичу безъ всякихъ разговоровъ довѣрить постройки. Никита Яковлевичъ хвалится, будто онѣ во время прошлагоднаго голода дѣлился съ бѣдными и неимущими и открылъ для нихъ свои житницы. Извѣстно ли вамъ, какъ онѣ ихъ открылъ?... Чтобы получить даромъ нѣсколько фунтовъ муки, крестьянинъ долженъ былъ представить свидѣтельство отъ волостного правленія и отъ исправника, что дѣйствительно бѣденъ. Иной успѣлъ бы десять разъ умереть, пока она добрался бы до житницъ Никиты Яковлевича... Пускай-ка скажетъ намъ Никита Яковлевичъ, много ли онѣ такимъ бѣднымъ муки выдать?.. Лучше бы онѣ не благодѣ-

тельствовалъ!.. Если-бъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, заботился о неимущихъ, — онъ, предсѣдатель земской управы, — исходатайствовалъ бы онъ тысячъ пятьдесятъ земскихъ денегъ взаймы, купилъ бы на нихъ хлѣбъ въ другой губерніи, да и продавалъ бы его у насъ въ городѣ по своей цѣнѣ, безъ барыша... тутъ былъ бы прокъ; потому что хлѣбная цѣна на рынкѣ не поднялась бы, хлѣбъ стоилъ бы дешево, чай, не больше рублей восьми за четверть; а платили въ прошломъ году и по восемнадцати рублей... Никита Яковлевичъ еще голодомъ-то воспользовался: онъ свой хлѣбъ втридорого продавалъ! кому была кара божія, а ему благодать... ему голодъ-то не мало барыша принесъ, — такъ что-жъ ему было пудика три муки изъ житницъ-то пожертвовать!..

КРУЖАНОВЪ.

Я не могу слушать!..

ПРИЧАЛОВЪ.

Нѣтъ, вы выслушаете, — да я скоро и кончу... Теперь онъ предлагаетъ намъ строить земскіе дома; можемъ ли мы ему довѣрить или нѣтъ?.. Онъ хочетъ намъ достать капиталъ; а какіе проценты онъ насъ заставить платить? а кого онъ строителями назначить?... Вамъ всѣмъ вѣдь извѣстно, какіе люди около него вертятся... Онъ намъ свои кирпичи предлагаетъ; а почему мы знаемъ, не изъ-за того ли онъ и затѣялъ строить дома, что у него заводъ много кирпичей наготовилъ и дѣвать ихъ некуда?!

БЕЗАНЕЦЪ.

Глѣбъ Степановичъ, я прекращу засѣданіе...

ПРИЧАЛОВЪ.

Соборъ вздумалъ строить, на счетъ доброхотныхъ дателей! — о Богѣ вспомнилъ, какъ никто кирпичей его не покупаетъ... съ ножомъ къ горлу ко всякому приступаетъ: жертвуй на соборъ, не то разорю... Что же въ самомъ дѣлѣ, не везти же ему кирпичи за двѣ тысячи верстъ въ Питеръ по желѣзной дорогѣ...

БЕЗАНЕЦЪ.

Я объявляю...

ПРИЧАЛОВЪ.

Я кончилъ. Никакой злобы противъ васъ я не имѣю, Никита Яковлевичъ; но выбрали меня сюда не для того, чтобы я молчалъ да слушалъ, да соглашался, а чтобы я заботился о нашемъ убѣдномъ хозяйствѣ, чтобы оно велось недорого и хорошо. Не всѣ мы здѣсь слѣпы, не всѣ дрожимъ передъ вами и въ васъ заискиваемъ... Господа гласные, подумаемъ же, наконецъ, зачѣмъ мы себя все въ кабалу отдаемъ?.. Если-бъ Никита Яковлевичъ и въ самомъ дѣлѣ былъ благодѣтель, не должны мы ему себя въ руки отдавать; не все намъ чужимъ умомъ жить, пора намъ самимъ о себѣ позаботиться!.. а то, нынче на Никиту Яковлевича положился, завтра на Семена Прохоровича, такъ и будутъ насъ все на помочахъ водить?.. Хорошо еще, коли добрый человѣкъ, а какъ негодий? вы изъ боязни не будете ему противорѣчить; а не все вамъ равно, прямо ли онъ вамъ насолить, или съ вашего согласія разорять васъ будетъ?.. [*Безанецъ встаетъ*] Я еще разъ требую, чтобы гласный Тропиковъ доставилъ собранію подробныя смѣты и расчеты построекъ, и, не разсмотрѣвши ихъ; предложенія не принимать.

КРУПИННИКОВЪ.

Я тоже этого требую!

ГОЛОСА.

И я! и я!.. Пускай представляютъ смѣты!.. комиссію назначить, комиссія разберетъ!.. нельзя такъ бросать земскія деньги!..

Шумъ и говоръ дѣлается еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Въ публикѣ тоже большое волненіе и говоръ, въ которомъ особенно выдается голосъ Жаровиной: „А я денегъ не дамъ! не дамъ денегъ!.. Пускай разбоимъ грабить, а сама не дамъ!“ Безанецъ звонитъ, но, видя невозможность усмирить собраніе, встаетъ.

БЕЗАНЕЦЪ—кричитъ.

Я объявляю засѣданіе закрытымъ до завтра десяти часовъ утра.

Все стихаетъ понемногу, многіе сходятъ съ мѣстъ; всеобщее оживленіе. Настя входитъ за рѣшетку и подходитъ къ Причалову, который на аван-сценѣ разговариваетъ съ Саламанкинымъ.

НАСТЯ—нѣсколько экзальтированно.

Глѣбъ Степановичъ!.. не смѣйтесь надо мной, не презирайте меня, ради Бога... Можетъ быть, здѣсь, въ этой залѣ, нѣтъ ни одного человѣка, который бы такъ глубоко сочувствовалъ вамъ, какъ я...

Схватываетъ его за руку.

КРУЖАНОВЪ—подходить къ ней и рѣзко беретъ ее за руку.

Пойдемъ!..

НАСТЯ—взглянувъ на него съ испугомъ.

Что съ вами?

КРУЖАНОВЪ.

Мнѣ дурно...

Шатаясь опирается на руку Насти.

НАСТЯ—вскрикиваетъ.

Поддержите, онъ падаетъ!..

Кружанова окружаютъ. Всеобщая суматоха. Причаловъ подбѣгаетъ къ Кружанову и ищупаетъ пульсъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Стулъ, стулъ, посадите его... Скорѣй сбѣгайте кто-нибудь въ больницу, позовите фельдшера... Тазъ принесите, полотенце, воды!.. Да отойдите господа, вы только мѣшаете...

Вынимаетъ карманный наборъ.

НАСТЯ.

Что съ нимъ?

ПРИЧАЛОВЪ.

Ударь... не бойтесь, я сейчасъ пущу ему кровь.

~~~~~

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ Кружанова.

ЛАКЕЙ—впуская Блажина.

Войдите сюда, подождите; можетъ, и можно будетъ доложить.

БЛАЖИНЪ.

Что-жъ, Микита-то Яковлевичъ? все еще очень плохъ?

ЛАКЕЙ.

Плохи-съ... совсѣмъ безъ языка, ничего сказать не могутъ; только стонуть временемъ.

БЛАЖИНЪ.

А Настасья Микитишна, все тамъ?

ЛАКЕЙ.

Все при нихъ, нибого другого и не подпускаютъ... и кормятъ ихъ сами... такъ вотъ безотступно... чего-съ! даже спать ложатся въ ихней комнатѣ...

БЛАЖИНЪ.

Скажи на милость!

ЛАКЕЙ.

Такъ изъ дому и не выходить. Вотъ развѣ дохтурова жена придетъ, по саду прогуляются вмѣстѣ...

БЛАЖИНЪ.

Причалова.

ЛАКЕЙ.

Да. Теперь только она у насъ и бываетъ... да Глѣбъ Степановичъ тоже ѣздитъ каждый день; а иной и два раза въ день заѣдетъ... Ней вылечить, неи пѣтъ, ужъ Богу извѣстно...

БЛАЖИНЪ — вздохнувъ.

Какъ теперь знать!?

Входить НАСТЯ.

НАСТЯ.

Андрей, выйди на дворъ: что тамъ шумятъ?.. Отецъ только-что заснулъ, а тамъ вздумали подъ самымъ его окномъ дрова перекладывать... да еще кричать, бранятся; вели, чтобъ сейчасъ же замолчали...

ЛАКЕЙ.

Слушаю-съ... [*Указывая на Блажина*] Вотъ они къ вамъ-съ... дожидаются...

Уходить.

НАСТЯ.

Вы ко мнѣ?

БЛАЖИНЪ.

Да-съ... виновать, простите, можетъ помѣшалъ-съ... Какъ та-перя здоровье тятеньки-съ?

НАСТЯ.

Сегодня ему, какъ будто, немножко лучше; благодарствуйте.

БЛАЖИНЪ.

Все еще ничего не могутъ говорить-съ?

НАСТЯ.

Да, но онъ улыбнулся сегодня...

БЛАЖИНЪ.

Дай имъ Владычица небесная выздоровленія... А я къ вамъ, Настасья Микитишна, съ мольбою о заступничествѣ... Земская управа окончательно меня со свѣту сживаетъ...

НАСТЯ.

Что же тутъ я-то могу?.. Если-бъ еще Александръ Алексѣевичъ былъ здѣсь; но вы знаете, онъ уѣхалъ къ губернатору... Да и тогда вы могли бы прямо къ нему обратиться. Какъ же такъ ко мнѣ-то?

БЛАЖИНЪ.

Да ужъ такъ, словно съ угару, какъ шальная муха мечусь; не знаю куда кинуться... Думаю, что-жъ? все васъ больше послушаютъ... и по уму вашему, и образованію совѣтъ какой дадите...

НАСТЯ.

Что я за совѣтчикъ въ вашихъ дѣлахъ?

БЛАЖИНЪ.

Ужъ сдѣлайте милость!.. Право, ей-Богу, совсѣмъ не знаю какъ быть... Я, изволите видѣть, подрядчикъ; земскія дороги и мосты долженъ въ уѣздѣ поправлять по контракту...

НАСТЯ.

Знаю.

БЛАЖИНЪ.

Ну-съ, теперь опять господинъ Тропиковъ требуютъ, чтобы всѣ мосты были въ исправности...

НАСТЯ.

Такъ что-жъ? такъ и слѣдуетъ.

БЛАЖИНЪ.

Невозможное это дѣло... Мало ли что тамъ контрактъ!—коли да все такъ выполнить, какъ въ контрактѣ-то значится, такъ не токма что за пять тысячъ, какъ я-то взялся, а и за десять тысячъ всего справить нельзя.

НАСТЯ.

Зачѣмъ же вы взялись дѣлать за пять тысячъ?

БЛАЖИНЪ.

Свой расчетъ былъ, Настасья Микитишна, вотъ что... У насъ до сихъ поръ никакихъ притѣсненій не бывало; извѣстно, платишь тридцать процентовъ Семену Прохоровичу, тамъ ужъ они знаютъ съ кѣмъ дѣлаться... съ важнаго вѣдь рубля, Настасья Микитишна, тридцать копѣекъ имъ идетъ...

НАСТЯ.

Тропикову? — за что?

БЛАЖИНЪ.

Чтобы не притѣсняли... А дорога что?—гдѣ-гдѣ ужъ очень распутица—маненько ее попригладишь, а то и такъ мужики наѣзжать... вотъ развѣ губернатора ждешь, такъ въ иномъ мѣстѣ и починишь; да и то больше даромъ... Такъ этакъ-то, Настасья Микитишна, и отъ трехъ тысячъ барышоекъ какой ни на есть останется.

НАСТЯ.

Какъ же такъ—даромъ?

БЛАЖИНЪ.

Мужиковъ изъ деревни сгонишь.

НАСТЯ.

Развѣ они обязаны чинить дороги даромъ?

БЛАЖИНЪ.

Не обязаны, а скажешь: начальство приказало,—такъ развѣ смѣютъ разсуждать?.. Что вотъ прежде баринъ былъ, то теперь начальство; этимъ словомъ, что хошь можно сдѣлать... Мужикъ развѣ что понимаетъ: кто у него отъ царя поставленъ, кто самъ власть взялъ,—ему всякій начальникъ...

НАСТЯ.

Этакъ и деньги у него можно потребовать?

БЛАЖИНЪ.

И берутъ... еще какъ берутъ-то, — разоряютъ... Известно, всякій о себѣ хлопочетъ; гдѣ можно нажиться, отчего не взять... Что этотъ Тропиковъ, Семень Прохоровичъ, съ нихъ тащить,—бѣда!

НАСТЯ—вспыливъ.

Какъ же онъ смѣетъ? Какъ же другіе-то ему позволяютъ?

БЛАЖИНЪ.

А кто имъ запретить? они тоже, чай, дѣлятся... тутъ и Микитѣ Яковлевичу, вашему тятенькѣ, не мало перепадетъ, и...

НАСТЯ.

А!..

Въ волненіи ходить по комнатѣ.

БЛАЖИНЪ.

Очень ужъ они теперь-то перепугались, что Микиту Яковлевича свалило, да что Причаловъ въ собраньи силу взять... за себя боятся, вотъ и тѣснятъ... Еще чтó, Настасья Микитишна... я хоть и побожился не говорить, а вамъ скажу... Приказываютъ, чтобъ я жандармскому полковнику донесъ на дохтура, что онъ меня отговаривалъ на соборъ жертвовать... да, молъ, всякія богохульства на его прибавь, — его тогда сошлютъ отсюда, и опять наша воля будетъ... А какъ мнѣ это сдѣлать?—я человѣкъ неученый; да и правду говорить, никакихъ богохульствъ я отъ нихъ не слыхалъ... Вѣдь призови меня на очную ставку съ Причаловымъ, у меня языкъ коломъ во рту станетъ; такъ еще, пожалуй, вмѣсто его-то и самъ напляшешься... Доноси—не доноси, все пропасть... ну, вотъ...

НАСТЯ.

А зачѣмъ вы водитесь съ такими людьми, какъ Тропиевъ? Зачѣмъ вы нечистыми путями своего дохода добиваетесь?.. Очень рада, что васъ прошеколятъ, — впередъ не надѣйтесь на мошенническія продѣлки; впередъ будете помнить, что свяжетесь съ мошенникомъ, такъ онъ васъ первый продастъ...

БЛАЖИНЪ.

Настасья Микитишна, матушка... что я одинъ, что-ли?.. Вотъ взять хоть бы... тятенька вашъ, Микита Яковлевичъ...

НАСТЯ.

Ступайте!.. никакого совѣта я вамъ дать не могу, никакого помощи отъ меня вы не получите... Дѣлайте, какъ хотите: я

носите, не доносите, клеветите, попадайтесь, — мнѣ все равно... Одно я вамъ могу сказать: подлостью добра не добьетесь. Сегодня вы сдѣлали по ихнему: солгали, наклеветали; а случись имъ надобность, — они не задумаются завтра же васъ погубить.

БЛАЖИНЪ.

Жалости какой же отъ ихъ ждать!..

НАСТЯ.

Такъ подумайте хоть объ этомъ, если вы не понимаете, на какую гадость... на какой грѣхъ васъ подговариваютъ.

Садится къ столу.

БЛАЖИНЪ.

Грѣхъ большой-съ!.. пять разъ попу на исповѣди помянешь...

НАСТЯ.

Ступайте, уйдите, — я ничего вамъ больше сказать не могу.

Опирается на столъ руками и скрываетъ въ нихъ свое лицо. Входятъ тихо ВЛАСОВЪ, ДРОЗДОВА и еще двое мѣщановъ и мѣщанинъ. Мимическая сцена: Власовъ съ Блажинымъ переговариваются шепотомъ; Блажинъ пожимаетъ плечами, махаетъ рукой и уходитъ. Крошечная пауза; потомъ Власовъ покашливаетъ. Настя оборачивается. Лицо ея очень печально.

НАСТЯ.

А! еще гости... Что вамъ тутъ надо?

ВЛАСОВЪ.

Справиться пришли-съ... о здоровьи... какъ ихнее здоровье, Микиты Яковлевича?

НАСТЯ.

Не хорошо его здоровье, — плохо, очень плохо его здоровье...

ДРОЗДОВА.

Святители, угодники божіи!

НАСТЯ.

Ну что же вамъ?.. еще что-нибудь нужно отъ меня?

ВЛАСОВЪ.

Нѣтъ... такъ..

Мнется.

НАСТЯ.

Говорите, если нужно... нечего глазами-то моргать... не о здоровьи вы припши справляться, объ этомъ вамъ бы и дворникъ сказалъ,—вамъ что-нибудь другое нужно отъ меня?—ну?

ВЛАСОВЪ—глянувъ на Дроздову.

Да какъ, матушка, Настасья Микитишна, правду коли прикажешь говорить... оно точно... все воля божія... всѣ помремъ... Сохрани Господи и помилуй, да коли Богу угодно будетъ... тятенька вашъ...

НАСТЯ.

Ну, если онъ умретъ? ну что же?.. говорите ясно, что вамъ надо?

ВЛАСОВЪ.

А вотъ, матушка, вы не гнѣвайтесь, мы вамъ что скажемъ... Мы люди бѣдные, махонькіе, а все отъ трудовъ деньжонки кое-какія понакапливали... а Микиту Яковлевича мы какъ за благодѣтеля всегда считали, такъ къ нему свои капиталы и носили... распоряжайся, молъ, нашими деньгами, какъ знаешь, Микита Яковлевичъ...

ДРОЗДОВА.

А онъ намъ працентъ платилъ.

ВЛАСОВЪ.

Платилъ працентъ хорошій... Только вотъ ужъ насъ Семенъ Прохоровичъ очень пугаютъ: ничего, говорятъ, вы своихъ денегъ назадъ не получите... Росписки, вишь, у насъ самыя дрянныя, незначущія, а у Микиты Яковлевича, вишь, ничего послѣ его не останется... всѣ, вишь, эти его заведенія, коли продать, такъ только что долги заплатить... еще, молъ, радуйтесь, что купцы по городамъ, да въ Москвѣ не провѣдали, что Микиту Яковлевича ударъ хватилъ, а то тутъ такой сыръ-боръ пойдетъ...

НАСТЯ.

Чего-жъ вы отъ меня хотите?

ДРОЗДОВА.

Что ты? Настасья Микитишна, чужая что-ль ему? чай родной дочерью ему приходишься...

НАСТЯ.

Отецъ мой еще не умеръ,—въ дѣла его я никогда не вмѣшивалась и ничего о нихъ не знаю,—что же мнѣ отвѣчать?

ДРОЗДОВА.

Вѣдь этакъ и въ самомъ дѣлѣ послѣ его ничего не останется...

НАСТЯ.

Я этого не знаю; да мнѣ и не до того, чтобъ теперь объ этомъ думать.

ДРОЗДОВА.

Какъ же такъ? и пропадать нашимъ капиталамъ?

НАСТЯ.

Мнѣ до этого нѣтъ дѣла.

ДРОЗДОВА.

Какъ нѣтъ дѣла? вѣдь ты ему дочь!

ВЛАСОВЪ—Дроздовой.

Перестань, постой...

ДРОЗДОВА.

Чего перестань!—не давать же намъ себя грабить...

НАСТЯ—съ негодованіемъ.

Кто звалъ васъ сюда и зачѣмъ васъ сюда пустили?.. Какъ смѣете вы... А! вы умѣли прежде ему кланяться, называть его

Томъ II. — Апрель, 1874.

благодѣтелемъ, когда онъ давалъ вамъ проценты, когда онъ помогалъ вамъ? — а теперь вашъ благодѣтель сдѣлался грабителемъ?!.. Вы дрожали передъ нимъ и льстили ему, — теперь вы бранитесь!!.. На улицу ступайте браниться, я вамъ здѣсь этого не позволю.

ДРОЗДОВА.

Матушка не кричи... я хоть и вдова беззащитная, за себя постою... у меня у самой горло есть; громчѣ твое крикну...

МЪЩАНКА.

Полно, Матѣевна, полно...

ДРОЗДОВА.

Когда былъ благодѣтелемъ, благодѣтелемъ его и звали, а грабить стануть, такъ благодѣтелемъ не назовешь. [*Съ возрастающимъ рытмемъ*] Пятнадцать тысячъ ему отдала своихъ кровныхъ... мужъ-покойникъ копилъ-копилъ, — ему морду-то били, покаместъ онъ скопилъ; а теперь все прахомъ пойдѣ!.. Вонъ она, сударыня, на насъ покрикиваетъ, на бархатахъ-то малячишься, въ шелки разрядившись... тутъ въ каждой шелковой ночѣ наши денежки вдовы, сиротскія...

ВЛАСОВЪ.

Угомонись, говорятъ-те, угомонись!

ДРОЗДОВА.

Куда я теперь съ малолѣтними съ дѣтьми вдова пойду?.. А я вотъ приведу тебѣ ихъ, дѣтей-то, да и брошу тутъ... нянчайся съ ими... пойдеть тебѣ кусокъ въ горло, какъ они тутъ всѣ загадять... и пускай они тутъ съ голоду подохнуть у тебя...

НАСТЯ—съ крайнимъ негодованіемъ.

Оставьте ли вы меня хоть теперь-то въ покоѣ?!.. Ничего вашего на меня не пойдеть, ничего я не возьму... все, все брошу вамъ! — только не мучьте вы меня теперь... До васъ ли мнѣ, когда у меня умирающій отецъ на рукахъ... Это безчеловѣчье!

Уходить.

ВЛАСОВЪ.

Ну, чего ты разоралась, дура? чего ты орешь?.. Крикомъ да бранью какого дьявола ты возьмешь?.. прямая торговка.

МЪЩАНКА.

Настасья Микитишна, онѣ тутъ непричастны.

МЪЩАНИНЪ.

Что-жъ, вѣдь и Микита Яковлевичъ тоже не по своей охотѣ помирать собрались... надо жалость имѣть...

ДРОЗДОВА.

А будь онѣ прокляты, анаеема!.. что его жалѣть?.. Мало народу изъ-за его по міру-то ходитъ?.. мало онѣ нищихъ-то развелъ по уѣзду?.. теперь еще и намъ за ими суму надѣвать?..

ВЛАСОВЪ.

Ну, ну, ори еще, пока тебя метлами отселѣ не вывели.

ДРОЗДОВА—воя.

Что она въ шелку-то ходитъ, такъ мнѣ ей и покоряться?.. Фря-дѣвчонка!.. чванится, что грязь на лопатѣ; мнѣ тоже ротъ не замажешь...

Входитъ ПРИЧАЛОВЪ.

ПРИЧАЛОВЪ—въ дверяхъ.

И зачѣмъ ты пускаешь ихъ? — гони вонъ всѣхъ, да и кончено; какіе теперь разговоры?.. [*Входитъ*] Здравствуйте. Вы зачѣмъ пришли?

ВЛАСОВЪ.

По своимъ по дѣламъ пришли.

ПРИЧАЛОВЪ.

Какія теперь дѣла здѣсь могутъ быть?.. Ступайте-ка прочь, и сдѣлайте одолженіе, сюда не возвращайтесь... Никита Яковлевичъ

съ постели не встаетъ и никакими дѣлами заниматься не можетъ; нечего вамъ ни себя тревожить, ни барышню беспокоить.

ДРОЗДОВА.

Я вѣдь и въ судъ пойду...

ПРИЧАЛОВЪ.

Куда угодно; но куда прошу не ходить. Я, какъ докторъ, запрещаю это для пользы больного.

ВЛАСОВЪ.

Пойдемте... что-же-съ...

ДРОЗДОВА—ворчливо.

Распорядитель нашелся!..

ПРИЧАЛОВЪ.

Ступайте, ступайте, ступайте, безъ разговоровъ...

ДРОЗДОВА.

Что ты батюшка? не толкайся,—сама уйду!

Всѣ уходить. Причаловъ идетъ къ двери налѣво, отсюда выходить НАСТЯ.

НАСТЯ.

А! наконецъ-то!.. Слава Богу, что вы пришли.

ПРИЧАЛОВЪ.

Ну, что отецъ?

НАСТЯ.

Спать... и ночь провелъ хорошо... Посидите пока со мной; мнѣ же кстати надо вамъ признаться въ одной ужасной глупости.

ПРИЧАЛОВЪ.

Мнѣ жена сейчасъ говорила, что застала васъ сегодня какъ-то особенно не въ духѣ,—что съ вами?

НАСТЯ.

Я, кажется, вчера вела себя совсѣмъ какъ глупая, опрометчивая дѣвчонка... Вечеромъ, такъ часовъ въ девять, пріѣхали сюда Тропиковъ и Дробининъ и подаютъ мнѣ письмо отъ предводителя... Онъ проситъ, чтобъ я имъ выдала какія-то бумаги... ну почему я тамъ знаю какія!.. Будто имъ очень нужно—по земству...

ПРИЧАЛОВЪ.

Предугадываю.

НАСТЯ.

Я, конечно, имъ сказала, что кабинетъ отца заперла и не могу пустить туда никого, безъ Варенцова или безъ васъ; тогда они стали меня просить, уговаривать; стали говорить, что изъ-за моего упорства, изъ-за моей прихоти можетъ много бѣдняковъ пострадать, такъ какъ дѣло сгѣшное... Наконецъ Дробининъ прямо сказалъ мнѣ, что я, вѣроятно, хочу тайно воспользоваться деньгами, которыя недавно какой-то мѣщанинъ принесъ отцу на сохраненье...

ПРИЧАЛОВЪ.

Подлецъ!

НАСТЯ.

Крикъ, мерзкіе намеки, рѣзкія слова!... Тутъ мнѣ пришли сказать, что отецъ застоналъ; а они грозятъ, что пойдутъ къ нему, что будутъ требовать отъ самого больного ключи... Меня все это до того разозлило, взволновало, что я принесла имъ всѣ ключи, кинула ихъ на полъ, какъ собакамъ, и ушла.

ПРИЧАЛОВЪ.

Да, это не хорошо.

НАСТЯ.

Потомъ-то я опомнилась и пришла въ кабинетъ,—и они рылись уже на моихъ глазахъ... Я знаю, акціи тамъ лежали въ столѣ, онѣ цѣлы; наличныя деньги я спрятала у себя; но вѣдь они сполчасъ оставались одни въ кабинетѣ,—они могли взять очень важныя бумаги, о которыхъ я и не знала...

ПРИЧАЛОВЪ.

Конечно, веселя могли взять, разные обязательства; вѣдь мало ли дѣлъ было заведено у Никиты Яковлевича.

НАСТЯ.

Но, еслибъ только вы могли мнѣ влѣзть въ душу, когда все это вчера происходило!.. Я совсѣмъ голову потеряла: думала, ворвутся къ отцу...

ПРИЧАЛОВЪ.

Еще бы вамъ не потерять голову!.. Я только не могу постичь, какъ Александръ Алексѣевичъ могъ васъ оставить одну въ такую минуту. Губернаторъ его выписалъ къ себѣ!—Могъ бы объяснить, въ какомъ онъ положеніи, и...

НАСТЯ.

Богъ съ нимъ совсѣмъ,—при немъ еще тяжелѣе...

ПРИЧАЛОВЪ.

Настасья Никитишна!

НАСТЯ—съ горькимъ ожесточеніемъ.

Ей-Богу, я очень рада, когда никого тутъ подлѣ меня нѣтъ и меня оставляютъ въ покоѣ... Что мнѣ во всѣхъ этихъ людяхъ? что мнѣ?—они мнѣ всѣ противны стали, всѣ....

ПРИЧАЛОВЪ.

Вы себя не бережете, мой другъ... Вы вѣрно плохо спите и раздражаете себя разными мрачными мыслями, — это не слѣдуетъ дѣлать... этакъ вы себя какъ разъ уходите; расхвораться недолго.

НАСТЯ—сдерживая слезы.

А! какъ-бы я хотѣла теперь захворать! — да такой сильной болѣзнью, горячкой какой-нибудь...

ПРИЧАЛОВЪ—положивъ ей руку на лобъ.

Посмотрите, какъ голова у васъ горитъ; надо беречь себя...
[*Она схватываетъ его руку и цѣлуетъ ее; онъ вырываетъ руку*]
Что вы?—Полноте...

НАСТЯ—въ слезахъ.

Вы одни только меня и поддерживаете...

ПРИЧАЛОВЪ.

Вотъ этой нервности я въ васъ, Настасья Никитишна, не люблю... все у васъ порывы, все экзальтація... сдерживать себя ни въ чемъ не умѣете... [*Мяко*] Ну, ну, не плачьте, не сердитесь... [*Посмѣиваясь*] Я вижу, вы плохо спали ночь; я вамъ капелекъ успокоительныхъ пропишу.

НАСТЯ.

Яду пропишите мнѣ! — яду!.. чтобъ разомъ со всѣмъ этимъ покончить!..

ПРИЧАЛОВЪ.

Что вы? что вы? золотая моя барышня!.. Мнѣ за васъ страшно становится...

НАСТЯ.

Знаете ли вы, Глѣбъ Степановичъ, что значитъ потерять всякую вѣру во все хорошее, всякую надежду?.. когда только-что былъ такъ счастливъ, только-что такъ глубоко любилъ и вѣрилъ, и надѣялся?!

ПРИЧАЛОВЪ.

Да съ чего-же вамъ это терять?

НАСТЯ.

А! съ чего терять!? вы видите, я не умѣю ничего дѣлать вполнину; такъ вотъ и сообразите, что я теперь должна чувствовать... Я съ самаго дѣтства привыкла къ тому, чтобъ отецъ меня — не то баловалъ, а чтобъ онъ на меня не надыхался... я помню, тринадцати лѣтъ я сильно захворала, такъ онъ рыдалъ

надъ моей постелью, какъ пятилѣтній... Какъ я могла къ нему относиться—какъ не со страстною любовью? — я почти боготворила его... И вотъ, проживъ до сихъ поръ въ Москвѣ, среди людей хорошихъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о жизни отца, я являюсь сюда—и должна узнать про него... ну, узнать то, что узнала... Я не могла къ этому оставаться равнодушной и сдѣлала все, что можетъ сдѣлать дѣвушка въ моемъ положеніи, чтобъ помѣшать его планамъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Знаю, слышалаъ кое-что.

НАСТЯ.

Я это дѣлала искренно и съ любовью... Мнѣ думалось, что и ему тутъ польза: я его отстраняла отъ дурного дѣла,—и вотъ результатъ... и каждый день являются новыя обвиненія на него; мнѣ откровенно рассказываютъ про разныя плутни его, — и я должна молчать, я не смѣю ничего сказать противъ... А между тѣмъ я люблю его, мнѣ жаль его, — и тѣмъ больше мнѣ жаль, что, кромѣ меня, его никто не пожалѣетъ.

ПРИЧАЛОВЪ—подавая ей стаканъ воды.

Выпейте воды.

НАСТЯ—пьетъ машинально.

Кѣмъ онъ былъ окруженъ, Глѣбъ Степановичъ!—эти друзья, эти негодяи, эти воры, пресмыкавшіеся передъ нимъ, на которыхъ онъ тратилъ и деньги и совѣсть... посмотрите, какъ они всѣ разсыпались теперь, какъ они сами клеймятъ его!... Мнѣ случайно третьяго дня попала въ руки какая-то старая и очень откровенная записочка Христины Валерьяновны къ отцу; оказывается, что она была его любовницей... Такъ неужели же, Глѣбъ Степановичъ, такъ совершенно безъ всякой привязанности она продавала себя ему? — вѣдь, хоть немножко-то, любила же она его, эта тварь!.. Какъ-же, она даже не справилась теперь ни разу—живъ ли онъ или нѣтъ?.. или ждетъ она, чтобъ пронесли мимо оконъ ея его гробъ? да и то, чай, отвернется.

ПРИЧАЛОВЪ.

Нашли о комъ вспоминать!

НАСТЯ.

И отчего я узнала объ этомъ только теперь, когда ужъ поздно, когда ужъ я ничего сдѣлать не могу, ничѣмъ помочь? Я знаю, онъ такъ любилъ меня, что все готовъ былъ для меня сдѣлать. Я бы успокоила его, я бы увѣрила его, что ни мнѣ, ни ему, не нужно денегъ, изъ-за которыхъ онъ столько разъ разорилъ!.. я бы не допустила, чтобъ его проклинали... А!—все это мысли, отъ которыхъ можно съ ума сойти.

ПРИЧАЛОВЪ.

Не опускайтесь такъ, стыдно это...

НАСТЯ.

Да, еслибъ у меня оставалось что-нибудь!.. но я разбита во всемъ; я разбита въ лучшемъ, что молодость можетъ дать человеку,—въ выборѣ мужа... Вонъ онъ, мой прелестный женихъ, котораго я такъ заслушивалась въ Москвѣ... Онъ мнѣ такимъ идеаломъ казался, что я противъ отца пошла, заставила отца противъ воли согласиться на эту свадьбу... и что-жъ?—когда я его увидѣла въ жизни, въ работѣ, въ дѣлѣ... ахъ! какое ничтожество!.. Вы думаете, легки для меня такіа разочарованія?! Не опускайтесь!.. Дайте мнѣ за что-нибудь ухватиться; чтобъ я чего-нибудь могла ждать и желать... Кругомъ разбойники, воры, мошенники, или тупые, нищіе, трусы... вотъ только вы съ женой тутъ, двое порядочныхъ людей, нехстати примѣшались... Но будьте покойны, вы тоже не долго здѣсь проживете; не погубятъ васъ, такъ убьютъ,—и хорошо сдѣлаютъ; по крайней мѣрѣ я буду имѣть полное право сказать, что на свѣтѣ ничего нѣтъ, кромѣ мерзости и грязи!..

Входитъ ВАРЕНЦОВЪ, сіяющій.

ПРИЧАЛОВЪ—про себя.

Вотъ не во-время.

ВАРЕНЦОВЪ.

И я къ вамъ вернулся... [*Цѣлуетъ руку у Наси*] Здравствуйте, Настенька... Ну, что отецъ?

НАСТЯ.

Какъ вы весело объ этомъ спрашиваете... что? — умираетъ себя потихоньку.

ВАРЕНЦОВЪ.

Господи! зачѣмъ вы все такъ безпредѣльно печальны...

НАСТЯ.

Развѣ нѣтъ причины?

ВАРЕНЦОВЪ.

Я все-таки думалъ, что мой приѣздъ хоть немножко да обрадуетъ васъ... Но прежде всего, позвольте... [*Вынимаетъ свертокъ изъ кармана*] Вы мнѣ какъ-то говорили, что когда я буду въ губернскомъ городѣ, я бы непременно купилъ вамъ перчатки; видите, я не забылъ... Не знаю, угодили-ли цвѣтомъ, но желанье угодить было самое искреннее.

НАСТЯ—взявъ свертокъ и не развернувъ его.

Вамъ вѣрно губернаторъ сообщилъ что-нибудь очень пріятное?

ВАРЕНЦОВЪ.

Почему вы думаете?

НАСТЯ.

Такъ; видно по всему.

ВАРЕНЦОВЪ.

Да, я привезъ вамъ пріятную вѣсть: я получилъ мѣсто вице-губернатора.

ПРИЧАЛОВЪ.

У насъ?

ВАРЕНЦОВЪ.

Нѣтъ, въ другой губерніи... Теперь, Глѣбъ Степановичъ, у меня начинаютъ понемножку развязываться руки, — и я скоро буду въ состояніи доказать вамъ, что я былъ не совсѣмъ неправъ.

ПРИЧАЛОВЪ.

Вы оставляете земство.

ВАРЕНЦОВЪ.

Я получаю положеніе, въ которомъ могу принести больше пользы, чѣмъ здѣсь.

ПРИЧАЛОВЪ.

Позвольте вамъ не повѣрить. Если ужъ въ земствѣ, гдѣ вы могли дѣйствовать довольно самостоятельно, вы умѣли зависѣть отъ всѣхъ и cadaго, какимъ же вы будете на мѣстѣ, гдѣ самая служба обязываетъ васъ зависѣть?

ВАРЕНЦОВЪ.

Земство! земство! — Ахъ, Глѣбъ Степановичъ, намъ ли съ вами говорить о земствѣ?.. Пускай ждутъ отъ него толку неразумные гимназисты, а мы съ вами знаемъ, что такое земство...

ПРИЧАЛОВЪ.

О! въ этомъ отношеніи я тоже неразумный гимназистъ.

ВАРЕНЦОВЪ.

Вы упрекаете меня, что я оставляю земство, послѣ того, что вы сами видѣли и испытали!?... Вы, человѣкъ, который весь, какъ фанатикъ, отдался своему дѣлу служенія ближнему и добился только того, что его выгнали, потому что онъ не хотѣлъ подчиниться неправдѣ... У меня душа изныла въ этомъ земствѣ, въ этомъ проклятомъ обществѣ, гдѣ не нашлось ни одного человѣка, который бы за васъ вступился...

НАСТЯ.

Гдѣ за васъ не вступился даже такой энергическій дѣятель, какъ Александръ Алексѣевичъ!..

ВАРЕНЦОВЪ.

Я протестовалъ, но это ни къ чему не повело... [*Причалоу*]
Вы теперь обольщены успѣхомъ, вамъ удалось замѣнить двухъ-трехъ мировыхъ судей лучшими, да провалить нѣсколько вредныхъ предложеній въ собраніи,—вы и воображаете, что будете распоряжаться всѣмъ, какъ вздумается...

ПРИЧАЛОВЪ.

Не воображаю я этого, и не хочу... Распоряжаться должны всѣ сами, только-бы понимали, гдѣ вредъ, гдѣ польза.

ВАРЕНЦОВЪ.

Никогда они этого не поймутъ,—бросьте вы эти иллюзіи... Посмотрите, кто идетъ въ земство?—какой-нибудь промотавшійся баринъ, который ничего, кромѣ мошенничества, дѣлать не умѣетъ,—идетъ на земскіе кормы, чтобы не околѣть гдѣ-нибудь съ голоду, подъ бильярдомъ; купецъ-кулакъ и пройдоха, смекнувшій, что тутъ грабить ловчѣй можно; недоучившійся офицеръ, выгнанный со службы чиновникъ;—и такъ они сплотились крѣпко, что выживаютъ все мало-мальски порядочное... Вся эта сволочь Тропиковыхъ, Бѣлочкиныхъ, Дробининыхъ, пока еще осторожны съ вами и озираются; но, помяните мое слово, года не пройдетъ, и кто-нибудь изъ нихъ вступитъ во всѣ права Никиты Яковлевича... Они васъ долго не будутъ терпѣть,—и что вы одинъ можете сдѣлать!? Они заговоръ сочинять, они доносъ на васъ напишутъ; но они спустятъ васъ непременно.

НАСТЯ.

Какой вы знатокъ этого общества!.. Мнѣ Блажинъ только-что рассказывалъ, что его подговаривали сдѣлать доносъ на доктора.

ВАРЕНЦОВЪ—Причалоу.

Поѣдьте-ка лучше со мной. Въ большомъ городѣ, лучшимъ

практикомъ, сколько благихъ дѣлъ надѣлаете!.. Больницу устроимъ бесплатную для крестьянъ... тамъ я васъ въ обиду не дамъ...

ПРИЧАЛОВЪ.

Вы словно смѣтаетесь надо мной?.. Вы все думаете, что я вотъ люблю поблагодѣтельствовать, — въ родѣ тѣхъ добродѣтельныхъ мужей, которымъ для десерта послѣ вкуснаго ѣбда нужно и со-вѣсть приласкать какимъ-нибудь благодѣяніемъ. По мнѣ, ей-ей, все это — заплата на рубище... Я не благодѣтельствую; напротивъ, — я добиваюсь, чтобъ люди не нуждались ни въ какихъ по-дачкахъ, умѣли бы справляться своими собственными силами, своимъ собственнымъ умомъ... и въ этомъ вся моя жизнь, моя радость, мое все... Оттого и трудно меня спустить, что мнѣ нѣтъ другой жизни; оттого мнѣ многое и удается, и будетъ удаваться, что моя работа не служба, которую я взялся справлять, а необходимая потребность для счастья... Чтѣ мнѣ могутъ сдѣлать? — ложный доносъ составить? — такъ только осрамятся этимъ... Убьютъ развѣ? — да и на это ихъ мошеннической храбрости не хватитъ... Нѣтъ, вы ошибаетесь, и одному человѣку можно много сдѣлать въ земствѣ, только бы искренно любить онъ свое дѣло...

ВАРЕНЦОВЪ.

Дай Богъ, чтобъ я ошибался... а признаюсь, мнѣ жаль васъ терять, — какимъ бы вы мнѣ помощникомъ были!.. какъ бы мы хорошо зажили всѣ вмѣстѣ!.. Вотъ и Настенька теперь такъ со-шлась съ вашей супругой, — и къ вамъ такъ привыкла, какъ она будетъ безъ васъ?

НАСТЯ.

Обо мнѣ не беспокойтесь, потому что я тоже за вами не пойду.

ВАРЕНЦОВЪ — остолебенѣвъ.

Настенька! чтѣ вы говорите?

НАСТЯ.

Я любила не васъ, Александръ Алексѣевичъ, я любила свою фантазію... коротко и ясно: я за васъ замужъ не пойду.

ВАРЕНЦОВЪ.

Но за что же?.. Настенька, ради Бога, чѣмъ я виноватъ передъ вами?.. Я по прежнему вамъ преданъ и люблю васъ...

НАСТЯ.

Это мнѣ все равно... Моя любовь разбита; не фарфоровая чашка—не склеишь ее.

ВАРЕНЦОВЪ.

Ради Бога, вы меня съ ума сведете!.. Я ѣхалъ сюда съ такой радостью, съ такимъ счастьемъ... Я думалъ: теперь я ей нуженъ, чѣмъ когда-нибудь; Никита Яковлевичъ намъ никому не говорилъ о своихъ дѣлахъ, а они, какъ слышно, запутаны... Я думалъ: теперь ей нужна болѣе всего поддержка; какъ счастливо, что я имѣю и средства, и положеніе...

НАСТЯ.

Чтобъ принять бѣдную сироту?

ВАРЕНЦОВЪ.

Я чувствую, что начинаю говорить глупо; но изъ-за васъ-же я теряю мой рассудокъ... Я три года ждалъ этого счастья—и въ какой-нибудь мѣсяцъ вы могли такъ перемениться...

НАСТЯ.

Хуже было бы, еслибъ это случилось, когда-бъ ужъ я была вашей женой.

ВАРЕНЦОВЪ.

Но зачѣмъ? зачѣмъ мѣняться, Настенька?.. Скажите, что мнѣ сдѣлать, чтобъ заслужить ваше прощеніе?.. Да нѣтъ, не вѣрю,—это у васъ порывъ вашей экзальтированной натуры... Дайте мнѣ, ради Бога, увести васъ отсюда,—изъ этого проклятаго мѣста, гдѣ отецъ вашъ надѣлалъ такъ много зла, гдѣ теперь, когда онъ безсиленъ, и ваше, и его имя будутъ вѣлѣмъ бранью...

НАСТЯ.

Александръ Алексѣевичъ!.. вы очень внимательны ко мнѣ... вы не забыли привезти мнѣ перчатки; но вы забыли, что я люблю отца—и что у открытой могилы его поздно осуждать его поступки... Въ то время, какъ вы преклонялись передъ нимъ и не смѣли ему противорѣчить,—тогда надо было осуждать его поступки... Подите вонъ! вы ненавистны мнѣ... Мнѣ легче встрѣтить какого-нибудь негодяя, потому что въ немъ я не обманывалась,—а въ васъ я обманулась... Идите вашей дорогой, куда хотите... поддерживайте тамъ, спасайте какую угодно бѣдную дѣвушку,—не пара мы... и ни слова больше объ этомъ... и не возвращайтесь ко мнѣ никогда... иначе...

Не можетъ договорить и разражается истерическимъ рыданіемъ.

ПРИЧАЛОВЪ—тихо Варенцову.

Уйдите... уйдите лучше... [*Они говорятъ шепотомъ, потомъ Варенцовъ уходитъ*] Дайте мнѣ руку, милая дѣвушка—и успокойтесь... Принимайте жизнь такую, какая она есть,—и не падайте духомъ, если она оказывается хуже, чѣмъ вы ее воображали... Свѣтъ не клиномъ сошелся: новые люди безпрестанно рождаются, старые вымираютъ. Нечего отчаяваться, милый другъ,—это недостойно васъ. Оставьте это людямъ безхарактернымъ и слабымъ; для такихъ людей, какъ вы, въ жизни есть еще много умной, хорошей радости,—только умѣйте ее добыть... А пока, я вамъ все-таки капелекъ успокоительныхъ дамъ...

Входитъ горничная.

НАСТЯ.

Дайте... [*Замѣтя горничную*] А! проснулся?.. Пойдемте къ отцу...

Викторъ Крыловъ.

Январь, 1874.

ИЗЪ МОЕЙ ЗАПИСНОЙ КНИГИ

Н А Ю Г Ъ И Т А Л И И *).

Wer einmal in Neapel gewesen, kann
nie ganz unglücklich werden!

Göthe.

Раннимъ апрѣльскимъ утромъ стоялъ я у окна гостиницы въ Неаполѣ, куда мы прибыли только-что наканунѣ вечеромъ...

Лилъ дождь, таковой дождь, который въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи называютъ *Bindfaden*, а въ Англіи: *cats and dogs*! Сквозь густую дождевую дымку глазамъ моимъ представлялась на первомъ планѣ обширная, плоская крыша противоположнаго дома, отдѣленнаго отъ нашего отеля узкой улицей. Затѣмъ цѣлая обширная площадь изъ кровлей, съ беспорядочно разбросанными по ней маленькими одноэтажными домиками и какими-то фантастическими строениями. Домики эти были дѣйствительно домиками, — чердачными помѣщеніями; они лѣпились, словно паразитныя растенія на дубѣ, словно маленькія улитки, ракушки, на большой улиткѣ или раковинѣ. Далѣе видѣлись только выдающіеся шпицы, зубцы, кровли, вышки другихъ болѣе высокихъ домовъ, а не то церквей или колоколенъ... кто ихъ знаетъ!

Да! передъ глазами моими была площадь... поливаемая дож-

*) Переведено съ доставленной авторомъ рукописи.—Ред.

демъ, безлюдная площадь! Лишь время отъ времени отворялась дверь одного изъ маленькихъ домиковъ и осторожно выглядывала закутанная фигура женщины, и затѣмъ пробиралась въ припрыжку черезъ большія лужи, собравшіяся на каменномъ полу крыши, къ сосѣдѣ въ другой, маленькій домикъ. Одну минуту, когда дождь нѣсколько стихъ, выглянули-было двое ребятишекъ и принялись гоняться другъ за другомъ, но вскорѣ безжалостныя стихіи снова загнали ихъ въ домъ. Но вотъ появился мужчина, у котораго на головѣ наброшено было дырявое одѣяло, и принялся громко выкрикивать свой товаръ... горшки, которые онъ несъ въ рукахъ... затѣмъ выступилъ почталіонъ, настоящій почталіонъ съ высокимъ воротникомъ и кожаной сумкой. Итакъ, правильное, официальное сообщеніе существовало между этимъ надеревельнымъ міромъ и остальнымъ.

Глубоко внизу шла узкая улица, налѣво круто сворачивавшая въ переулокъ, а направо—выходившая на небольшую площадь, которую мы могли видѣть изъ другого окна—нашъ отель стоялъ угломъ на двѣ улицы—насколько намъ то позволяли раскрытые дождевые зонтики, которыми она была усыяна. А послѣдніе были въ изобиліи, потому что итальянецъ такъ боится дождя, что намъ, сѣвернымъ жителямъ, страхъ его кажется просто ребяческимъ. Весь пестрый людъ Неаполя, начиная отъ денди до лаззарони, и отъ элегантной молодой дамы, перепархивающей изъ магазина въ магазинъ и занятой «*shopping*», до смутлой, старой женщины-мѣняла, возсѣдающей на перекресткѣ—все двигалось, ѣхало, стояло, сидѣло подъ дождевыми зонтиками всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ,—отъ приличнаго чернаго до рѣзко бьющаго въ глаза краснаго—и всѣхъ размѣровъ, начиная съ *ep-tout-cas* и кончая палаткообразными зонтищами. И дождь, и зонтики покрывали «каефонію звуковъ», производимыхъ грохотомъ экипажей, топотомъ лошадиныхъ копытъ, разнообразнѣйшимъ говоромъ и крикомъ людскихъ голосовъ, и превращали ее въ одинъ равномерный, непрерывный, рѣзкій гулъ. Въ этотъ гулъ врывались колокольный звонъ, съ той колокольни, которая возвышалась надъ нашей «кровельной площадью», завыванія западнаго вѣтра, стукъ дождя, однимъ словомъ... «кто видалъ Неаполь, тотъ никогда не можетъ быть вполне несчастнымъ», говаривалъ Гёте.

Впрочемъ,—«кто живетъ, тотъ долженъ быть готовъ къ превратностямъ судьбы», говаривалъ тотъ же Гёте, а всякій путешественникъ живетъ двойной, тройной, удесятеренной жизнью, и потому долженъ вдвойнѣ и втройнѣ быть готовымъ ко всему, даже... къ непогодѣ въ Неаполѣ!.. къ бурѣ и къ дождю въ такомъ мѣстѣ,

гдѣ воображеніе привыкло рисовать себѣ все залитымъ солнечными лучами, и съ блестящей панорамой изъ кедровъ на переднемъ планѣ и дымящагося Везувія на заднемъ, какъ это обыкновенно малюется на картинахъ... быть готовымъ къ слишкомъ знакомой отечественной апрѣльской непогодѣ въ «земномъ раю», откуда челоуѣка изгнали какъ бы затѣмъ, чтобы въ теченіе всей остальной своей жизни онъ рвался къ нему съ неизмѣнной постоянно растущей тоской, которая подъ конецъ становится такъ велика, что приходится ѣхать въ Неаполь...

И вотъ, когда наконецъ съ теченіемъ времени милосердые боги дозволили исполниться моему величайшему желанію, когда я вдвоемъ съ женою предпринялъ и это путешествіе, когда намъ не довелось больше—какъ это уже было два раза въ Флуэленѣ и Инспрукѣ—вернуться съ пол-дороги, преслѣдуемыми злой звѣздой, не взирая на благополучное начало путешествія,—когда мы дѣйствительно перебрались черезъ Бреннеръ, когда быстрый поѣздъ пронесъ насъ вихремъ по направленію къ *Chiusa di Verona*; когда мы миновали Верону, Паду, залитыя водою долины По, наслушались лягушечьяго кваканья въ Болоньи, и послѣ краткаго отдыха пустились дальше во Флоренцію, а затѣмъ еще дальше въ Римъ, и наконецъ очутились въ самомъ Римѣ!.. страстный порывъ моей души все еще не былъ утоленъ! Отовсюду и постоянно меня тянуло дальше, дальше на югъ, въ страну, которая, какъ говоритъ Шинкель въ своихъ путевыхъ письмахъ, мерещится сѣверянину, когда онъ думаетъ объ Италіи, когда онъ произносить безсмертные стихи Гёте о краѣ—

«... гдѣ лимонныя роши цвѣтутъ,
Гдѣ въ темной листьѣ померанецъ горитъ золотистый»...

—произносить съ благоговѣніемъ, какъ молитву... Но, по болѣе-шей части то бываетъ—одна молитва!..

А между тѣмъ, какіе дни пережили мы въ Римѣ, какія вынесли впечатлѣнія! Воспоминаніе о нихъ, думается мнѣ, никогда не изгладится изъ души счастливица, которому они выпали на долю! Какое невыразимое счастье доставилъ намъ хотя бы послѣдній вечеръ, проведенный нами въ Вѣчномъ городѣ, когда, не взирая на грозныя, темныя тучи, заволакивавшія луну, порою на добрыхъ четверть часа, не взирая на свѣдѣсть вечера, довольно ощутительную въ открытомъ одновонномъ экипажѣ, мы приказали везти себя мимо *Fontana di Trevi*, журчащія воды котораго таинственно и зловѣще сверкали въ *Campidoglio* и черезъ *Forum* въ Колизей. Существовала самая слабая вѣроятность,

что желаніе наше исполнится, потому что все гуще и мрачнѣе стягивались тучи надъ нашими головами, въ то время, какъ раздавался стукъ копытъ нашего клепера по почтенной мостовой *Via Sacra*, и лишь по временамъ слегка озарялись края мрачныхъ водъ какимъ-то сѣрно-желтымъ блескомъ и въ нихъ отражались то колонна, то фризъ развалинъ, къ которымъ лежалъ нашъ путь, и на минуту выступали яркимъ пятномъ среди темноты. Какъ бы то ни было: *avanti! cocchiere, avanti!*—внизъ по крутой дорогѣ въ Титовой аркѣ, и опять внизъ по другой тропинкѣ: *Ferma!* Нѣсколько экипажей уже стояло на мѣстѣ. Не мы одни замѣтили, что въ календарѣ показано полнолуніе, и вотъ теперь по необъятной аренѣ гуляли парочки и стояли небольшія группы, тихо бесѣдуя, такъ что людскіе голоса доносились лишь тогда, когда случалось поровняться съ этими группами; въ противномъ случаѣ, глубокое, невозмутимое безмолвіе царило на днѣ глубокаго кратера, какимъ казалась въ эту часть арена Колизея, усыпанная пескомъ. Безмолвіе и мракъ! едва-едва можно было различать очертанія близлежащихъ предметовъ, да верхніе края стѣнъ и верхнія ступеньки чуть-чуть выдѣлялись на черномъ фонѣ облаковъ. Но то, что находилось между небомъ и землей, терялось въ темно-сѣромъ сумрачѣ, который не могли разсвѣять одиночные факелы, вспыхивавшіе то тамъ, то сямъ между арками. Это небольшое общество поднималось при свѣтѣ факеловъ вверхъ по крутой лѣстницѣ, чтобы наблюдать сверху за дѣйствіемъ луннаго освѣщенія. Они, какъ и мы, вернутся домой ни съ чѣмъ, если тучи, за которыми скрывается луна уже слишкомъ долго, окончательно сольются надъ зияющей черной трещиной, которая ихъ еще отдѣляетъ.

Но этого не будетъ; тучи расходятся все дальше и дальше, и съ каждой секундой все явственнѣе приближается луна къ краямъ тучъ, которыя начинаютъ окрашиваться. И съ каждой секундой становятся все свѣтлѣе и свѣтлѣе здѣсь, внизу, среди развалинъ, и вотъ вдругъ сразу весь громадный кругъ заливається яркимъ, словно дневнымъ, по сравненію съ мракомъ, царящимъ на верху, свѣтомъ. Различаешь, ясно видишь каждую арку, каждый пиластръ, каждый шовъ въ желто-коричневомъ тревертинѣ. Тускло-красный свѣтъ факеловъ наверху исчезъ — потухъ или загашенъ—и во всякомъ случаѣ общество не нуждается больше въ искусственномъ освѣщеніи, съ того момента, какъ великолѣпное свѣтило, озаряя ночь и остѣпляя въ своемъ сіяніи, появилось на темносинемъ небѣ.

Это длилось недолго: снова собрались облака, но уже не

такими компактными массами какъ передъ этимъ, а тонкой завѣсой, которая слегка покрывала, но уже не окутывала луну, такъ что теперь падалъ трепещущій свѣтъ, при которомъ грандіозныя руины, то яснѣе, то смутнѣе выступали впередъ, словно озаряемыя желтымъ отблескомъ большого пожара, минутами разгоравшагося сильнѣе, минутами стихавшаго:

Es war nicht Nacht, es war nicht Tag;
Es war ein eigen Grauen!

То былъ нашъ послѣдній вечеръ въ Римѣ. На слѣдующее утро у насъ хватило времени лишь на то, чтобы собраться въ путь и принести благодарность богамъ въ Пантеонѣ, — прекраснѣйшемъ храмѣ, изъ всѣхъ, какіе увѣнчиваютъ холмы Рима, — за то, что они милостиво дозволили намъ прибыть сюда. Скоро наступилъ часъ отъѣзда, отъѣздъ въ Кампанью, страну моихъ сновидѣній; завтра рано утромъ мы увидимъ Неаполитанскій заливъ... Везувій... Капри...

Halt aus, mein Herz, du darfst nicht auch zerspringen!

А какъ дивно хорошо было это путешествіе, не взирая на то, что впервые съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Берлинъ, намъ пришлось занимать купѣ не однимъ. Но монсиньоръ въ лиловыхъ чулкахъ изъ Рима, съ блѣднымъ лицомъ *à la César*, и черноволосый господинъ изъ Флоренціи съ только-что отпущенной бородой, составлявшіе наше общество, скоро, очень скоро выболтались, истощивъ предварительно въ теченіе своей краткой бесѣды всю игру фizioноміи, начиная съ любезной улыбки до язвительной усмѣшки, и весь мимическій разговоръ отъ добродушнаго прижиманія въ груди обѣихъ рукъ собесѣдника и до выразительнаго распяливанія всѣхъ десяти пальцевъ у самаго его носа. Да и предметъ бесѣды былъ самаго заборнаго свойства: толковалось о вліяніи великой политической и церковной итальянской революціи на матеріальный бытъ Рима. Если вѣрить монсиньору, то лѣтъ черезъ пятнадцать, если все будетъ такъ идти, какъ теперь, отъ новаго Рима останется не больше, чѣмъ отъ стараго, и кампанейскіе пастухи будутъ пасти своихъ козъ на *Corso* и на *Monte Pincio*. Если флорентинецъ правъ, то въ тотъ же самый промежутокъ времени Римъ долженъ снова вернуть себѣ всю прежнюю территорию. Соглашеніе между обоими пророками было очевидно невозможно. Монсиньоръ ухватился за свой молитвенникъ, забился въ уголокъ вагона, раскрылъ зачитанную книжечку на заложенномъ мѣстѣ и принялся читать; фло-

рентинецъ послѣдовалъ примѣру лиловыхъ чулокъ, но только книга его была не молитвенникъ, а новый французскій романъ, который,—какъ я убѣдился, когда этотъ господинъ вышелъ изъ вагона, а я въ разсѣянности взялъ книгу въ руки,—могъ быть гораздо пристойнѣе, не заслуживая упрека въ чопорности.

Монсиньоръ оставилъ насъ въ Сен-Жермано, по всей вѣроятности, чтобы посѣтить монастырь *Monte Cassino*, который такъ гордо глядѣлъ на насъ съ крутой скалы своими мощными стѣнами, озаренными вечерней зарей, словно вовсе не существовало и не могло существовать богопротивнаго закона, измышленнаго исчадіями дьявола, тиранами и демагогами, и который повелѣвалъ секвестрацію монастырскаго имущества. Флорентинецъ—онъ былъ разбогатѣвшій оптовой торговецъ, какъ это оказалось во время дебатовъ съ монсиньоромъ—остался вмѣстѣ съ своимъ соблазнительнымъ романомъ и ново-отпущенной бородой въ Капуѣ, а мы снова, благодареніе небесамъ, остались вдвоемъ.

Солнце, которое въ теченіе цѣлаго дня рисовало намъ столько прекрасныхъ, свѣтлыхъ, вѣчно измѣняющихся картинъ, — картинъ, которыя почти непрерывно обрамлялись смѣлыми очертаніями Апеннинской цѣпи съ ея снѣжными вершинами — скрылось отъ нашихъ взоровъ въ Капуѣ. Но теперь, когда мы успѣли снова у освободившагося окна, то увидѣли на заднемъ планѣ длинной долины,—по которой несся поѣздъ по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ,—вечернее небо, залитое горячимъ пурпуромъ заходящаго солнца. Темно-синія горы, равномерно высившіяся по обѣимъ сторонамъ, обрамляли этотъ пурпуръ, а высоко надъ нами въ безоблачномъ эфирѣ зажигались звѣзды. Еслибы я увидѣлъ это прекрасное предательское зарево не среди горъ Кампаньи, но позади дюнъ моего родного Балтійскаго моря, то подумать бы и сказалъ безъ дальнѣйшихъ оцѣнокъ: «завтра у насъ будетъ ужасающій дождь!» Но тутъ я думать или, лучше сказать, мы думали о чемъ угодно, но только не о дурной погодѣ, и ничего не сказали,—только почувствовали себя счастливыми, очень счастливыми въ предвкушеніи завтрашняго дня...

Shall I not take mine ease in mine inn!

Shakespeare.

А сегодня?.. Я со вздохомъ затворилъ балконъ, спасаясь отъ дождя, который теперь принялся хлестать въ комнату, подгоняемый бурнымъ юго-западнымъ вѣтромъ, и отвернулся отъ улицы.

— Что теперь дѣлать?—Во-первыхъ: запастись терпѣніемъ.

— А затѣмъ?—Пить кофе.

Это было такъ умно сказано, какъ и все, что только исходить изъ женскихъ устъ... за весьма немногими и рѣдкими исключеніями. Но и сама мудрость можетъ ошибиться въ расчетѣ, и моему кофе не суждено было въ это утро примирить меня съ судьбой, которая въ первый день моего пребыванія въ Неаполѣ наслала на меня дождь, да еще какой!..

Кофе! какъ сладокъ для путешественника тотъ моментъ, когда онъ поданъ на столъ, какъ подкрѣпляетъ онъ его силы и мужество, какимъ пріятнымъ свѣтомъ озаряетъ воспоминанія о вчерашнемъ днѣ и какія радости сулитъ на завтрашній! Блаженная минута колебанія, которое вы испытываете, поглощая два яйца въ смятку, между тѣмъ какъ Жанъ почтительно шепчетъ вамъ на ухо:—Угодно вамъ сегодня обѣдать за *table d'hôte*?—а вы не знаете отвѣчать ли ему: да или нѣтъ! Блаженная минута, очарованію которой нисколько, впрочемъ, не содѣйствуетъ видъ двухъ юныхъ сыновъ Альбіона, которые сидятъ напротивъ васъ и съ изумительнымъ глубокомысліемъ поглощаютъ свои «поджаренныя тартинки»; впрочемъ, эти сыны Альбіона и не разрушаютъ очарованія, ибо мы вполне сознаемъ, что имъ, равно какъ и семьѣ, состоящей изъ отца, матери, трехъ дочерей-невѣстъ, гувернантки-француженки и двухъ «подростковъ» мужескаго пола, только-что гуськомъ вошедшимъ въ обѣденную залу, равно какъ и другимъ потребителямъ и потребительницамъ поджаренныхъ тартинокъ, непрерывно выгружаемыхъ omnibusами во дворъ отеля,—обязаны мы и ослѣпительно бѣлой скатертью, не опозоренной вчерашними пятнами, и этимъ кофе, который собственно говоря прилично было бы поглощать, нося на головѣ зеленый турбанъ, и этими яйцами, которыя только сегодня утромъ узрѣли свѣтъ божій; да! а также и нѣсколько пестрой, но богатой и внушительной отдѣлкой залы, во вкусѣ рококо, а наконецъ—образцовой тишиной и ненарушимымъ порядкомъ, съ какимъ выполняетъ служебный персоналъ свои многотрудныя и сложныя обязанности!

Мнѣ отъ всего сердца жалъ, что я вынужденъ сдѣлать это признаніе. Небо свидѣтель, насколько мнѣ пріятнѣе было бы

быть обязану моимъ соотечественникамъ за всѣ эти благодѣянія, и сколь слаще было бы мнѣ сказать, задравъ носъ вверху:—Мы, мы, нѣмцы, — пионеры и цивилизаторы нашей планеты въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ только обозначены на картахъ линіи желѣзныхъ дорогъ и рейсы пароходовъ, и гдѣ разносится дымъ изъ трубъ гостинницъ и даже дальше того. Мы, мы, нѣмцы, научили христіанъ, язычниковъ и турокъ, какъ должно готовить бифштексъ или филе! научили ихъ, что для туалета образованнаго человѣка недостаточно черепокъ съ водой и квадратнаго лоскутка, вмѣсто полотенца. Какъ охотно сказалъ бы я это!

Но могу ли я это сказать: вѣдь это будетъ сущая ложь! Нѣтъ, англичане, англичане и одни англичане,—благодаря тому обстоятельству, что они неустанно требовали всегда и вездѣ, дружно, какъ одинъ человѣкъ, отъ хозяевъ гостинницъ всѣхъ племенъ и національностей хорошихъ продуктовъ и неустанно оплачивали на вѣсъ золота хорошіе товары,—англичане виновники того, что въ настоящее время потребности цивилизованнаго существованія, въ которыхъ привыкъ дома, могутъ быть удовлетворены вездѣ въ Италіи—про которую во время оно ходила такая худая слава въ этомъ отношеніи—въ Миланѣ, какъ и во Флоренціи, во Флоренціи какъ и въ Римѣ, въ Римѣ, какъ и въ Неаполѣ, въ Неаполѣ, какъ и въ Палермо, въ Палермо, какъ и въ Сиракузахъ! Но только при этомъ слѣдуетъ, разумѣется, держаться извѣстныхъ мѣръ предосторожности, изъ которыхъ первая: всегда и во всякомъ городѣ избирать тотъ отель, который показанъ у Бедекера или въ другомъ какомъ путеводителѣ, какъ наилучшій, преимущественнѣе тотъ, который обозначенъ двумя звѣздочками, съ замѣчаніемъ «очень хорошъ, но очень дорогъ,» и тому подобными отмітками. Потому что одно несомнѣнно: что во второй половинѣ XIX-го столѣтія невозможно получить ничего хорошаго, что вмѣстѣ съ тѣмъ было бы и очень дешево, и что если не слова «дорого и хорошо», то слова «хорошо, но дорого» являются синонимами въ томъ, что касается гостинницъ. Другое правило гласить: «имѣй потуже набитую кошнѣ» всего лучше въ формѣ кредитивовъ на банкировъ различныхъ городовъ, черезъ которые тебѣ доведется проѣзжать.

Если путешественникъ будетъ держаться этихъ двухъ основныхъ правилъ, то можетъ быть увѣренъ въ трехъ вещахъ: во-1-хъ, что во всей Италіи—само собой разумѣется, только въ большихъ городахъ и городкахъ, въ маленькихъ же городишкахъ и въ селеніяхъ самъ его величество императоръ Вильгельмъ не найдетъ ничего хорошаго—онъ получить превосходную квартиру, постель,

ѣду и прислугу; во 2-хъ, что на выстланныхъ коврами лѣстницахъ и корридорахъ своего, согласно правилу № 1, перворазряднаго отеля встрѣтитъ англичанъ, много англичанъ, но при этомъ цѣлыми днями не будетъ имѣть счастья лицезрѣть ни одного нѣмца.

Я ни имѣю ни малѣйшаго поползновенія обсуждать вопросъ, что труднѣе: обойтись безъ этой роскоши или утѣшиться въ этомъ недостаткѣ. Мудрецы предписываютъ, какъ извѣстно—и это наставленіе особенно обязательно для путешественниковъ—не смѣяться надъ человѣческими дѣлами и не оплакивать ихъ, но по возможности стремиться ихъ уразумѣть. Въ настоящемъ же случаѣ ходить за объясненіями не далѣко. Нѣмцы особенно старательно и предпочтительно передъ всѣми другими народами пренебрегаютъ вторымъ изъ указанныхъ нами правилъ. Конечно, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ (и даже, вѣрнѣе сказать, никогда)—это происходитъ отъ забывчивости или отъ прирожденной, или благопріобрѣтенной антипатіи къ тому, что англичане обозначаютъ многозначительнымъ словомъ «комфортъ», но болѣею частію по причинѣ, логическое основаніе которой, полагаю, мною дознано, и за историческимъ объясненіемъ которой слѣдуетъ обратиться, по меньшей мѣрѣ, къ тридцатилѣтней войнѣ. Конечно, люди другихъ націй, англичане, американцы, французы, русскіе столько же подчинены этому неотразимому закону логики и государственной экономіи,—но съ нѣкоторой разницей.

Другія національности,—если только онѣ не находятся въ пріятномъ положеніи прусскаго министра финансовъ, или не раздѣляютъ воззрѣнія Шеридана: что ничего не можетъ быть безумнѣе, какъ сорить деньги на уплату своихъ долговъ,—и не помышляютъ о томъ, чтобы пускаться въ путь-дорогу и мыкать горе по бѣлу-свѣту,—они сидятъ по домамъ и честно или нечестно зарабатываютъ свое пропитаніе. Это не въ духѣ нѣмецкаго народа. Въ жилахъ теперешнихъ германцевъ все еще течетъ бродяжническая кровь ихъ предковъ, которые пускались бродить по бѣлу-свѣту зачастую не столько по неволѣ, сколько по охотѣ. Я отнюдь не имѣю въ виду подымать на смѣхъ эту черту, которая доказываетъ безкорыстную, самоотверженную натуру нѣмецкой націи, чуждой себялюбія, въ которое погружены другіе народы. Напротивъ того: есть извѣстная доза героизма въ той стойкой напряженности, съ какою нѣмецъ пробирается черезъ цѣлый рядъ мученій къ подножію ватиканскаго Аполлона или Юноны виллы Лудовизи. Мало того,—и въ этомъ, по моему мнѣнію, выражается квинтъ-эссенція его богоподобнаго мужества—эти мученія, кото-

рыя нестерпимы для другихъ, для него вовсе не мученія,—до такой степени натура его закалена,—и даже, вѣрнѣе сказать, никогда не представлялись для него мученіями, благодаря его германо-спиритуалистической натурѣ.

Въ Римѣ намъ рассказали страшныхъ вещей про гигиеническія условія Неаполя въ новѣйшее время вообще, а въ настоящій моментъ въ особенности. Тифъ сталъ будто бы тамъ эндемическимъ, съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря нѣкоторымъ работамъ въ гавани и на набережныхъ, засорили старинные отводные каналы, впадавшіе въ море, и допустили вредную для здоровья воду всосаться въ почву или же пробиться наружу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ее меньше всего ожидали и еще меньше того желали. Такъ, напримѣръ, въ столовой одного изъ первыхъ отелей на *Riviera di Chiaja*, полъ въ одинъ прекрасный день и какъ разъ въ часъ обѣда, вмѣстѣ со столомъ и всѣмъ, что на немъ стояло, и со всѣми, кто за нимъ сидѣлъ, внезапно былъ поднятъ на нѣсколько футовъ вверхъ силой воды, ворвавшейся со всѣхъ сторонъ и во всѣ щели и скважины, и передъ которой всѣ чародѣи разбѣжались бы, не прибѣгая къ силѣ заклинаній. И такой опасности всего болѣе подвергаются наилучшіе отели, фасады которыхъ выходятъ на заливъ, а потому если мы не хотимъ совсѣмъ вычеркнуть Неаполь изъ нашего маршрута—что было бы всего благоразумнѣе—и вмѣсто него отправиться въ Кастелламаре или Соренто и уже оттуда совершать необходимыя экскурсіи, между прочимъ и въ Неаполь, то должны по крайней мѣрѣ избѣгать тѣхъ роковыхъ и злосчастныхъ отелей и удовольствоваться болѣе скромныхъ, расположенныхъ внутри города, а слѣдовательно на болѣе возвышенномъ и здоровомъ мѣстѣ. Намъ рекомендовали отель Г., какъ наилучшій изъ гостинницъ второго разряда, и предпочтительнѣе передъ другими избираемый нѣмцами.

Этотъ отель произвелъ на насъ вчера вечеромъ, среди суматохи, сопровождающей пріѣздъ въ гостинницу, хотя и неопредѣленное, но довольно неблагоприятное впечатлѣніе, когда пришлось намъ карабкаться по крутымъ лѣстницамъ, которыя вели въ нашъ номеръ. Сегодня утромъ впечатлѣніе стало гораздо опредѣленнѣе, но отнюдь не благоприятнѣе. Конечно, утѣшительно было думать, что въ то время, какъ на дворѣ лилъ потоками дождь,—здѣсь, въ нашей комнатѣ, ничто не препятствовало собираться пыли и густыми слоями покрывать столы! Но, быть можетъ, то была не пыль, а зола, засыпавшая во время оного Геркуланумъ и Помпею? И не были ли узенькіе, полу-темные

корридоры, которые вели на крутую лѣстницу, совѣмъ не корридорами гостиницы, а тѣми страшными переходами, со спертымъ въ теченіе долгихъ тысячелѣтій воздухомъ, воспоминаніе о которыхъ, вынесенное нами изъ катакомбъ Рима, все еще повергало насъ въ дрожь? И не были ли тѣ сапоги, на которые я натывался въ темнотѣ, вовсе не сапогами непомѣрно длинноногихъ, незванныхъ германскихъ варваровъ, но членами римскихъ мучениковъ? И точно ли бородатые и съ очками на носу мужчины и женщины въ дорожныхъ шляпкахъ, которыхъ мы нашли въ такъ-называемомъ обѣденномъ салонѣ, точно ли были они честными нѣмцами, ихъ супругами и дочерьми, готовящимися поддержать свои силы въ виду предстоящихъ ученыхъ дневныхъ экскурсій, а не индѣйскими факирами, которые для того, чтобы окончателно убить свою плоть, разъ и навсегда отказались отъ употребленія салфетокъ и чайныхъ чапекъ, повѣствовавшихъ о вчерашнемъ днѣ; они съ свѣтлой улыбкой слѣдили за необузданными порывами двухъ слугъ, которые — это среди бѣлаго-то дня! — вооружась щетками, вели неудачную войну, при раскрытыхъ дверяхъ и окнахъ, съ почтенной пылью, гнѣздившеюся въ разорванныхъ коврахъ и грязныхъ оконныхъ гардинахъ, и съ смиреніемъ переносили дерзость кельнеровъ, которые никогда не являлись на зовъ, а если и являлись, то никогда не приносили того, что имъ приказывали? О, блаженное состояніе духа, для котораго не существуетъ ничто изъ того, что непріятно поражаетъ сыновъ человѣческихъ! Какъ облегчаешь ты тѣмъ, кто тобой обладаетъ, странствованіе по здѣшней юдоли; какъ имъ легко, и въ концѣ-концовъ, какъ имъ дешево живется! потому что счетъ, который я немедленно потребовалъ, былъ, конечно, умѣренный, принимая во вниманіе, что классически-почтенная пыль, которая покрывала наши комнаты, не выключая и той, которой мы наслаждались за завтракомъ, не фигурировала въ немъ! И со всѣмъ тѣмъ, еслибы мы сломали руку или ногу въ сапожныхъ катакомбахъ, о которыхъ я упоминалъ выше, въ наказаніе за то, что пренебрегли правиломъ № 1,—то дешевое вышло бы на дорогое.

И вотъ, съ облегченнымъ сердцемъ, миновавъ смертельныя опасности, узрѣли мы, наконецъ, какъ наши дорожные сундуки, — одинъ Богъ знаетъ, какимъ образомъ они прошли черезъ катакомбы! — спустили внизъ съ головоломной лѣстницы, и приказали кучеру везти насъ скорѣе въ ту часть города, которая лежала непосредственно близъ морского берега, и гдѣ, по слухамъ, гнѣздились горячки и, къ несчастію, стояли тѣ злополучные отели,

которые предназначаются не для индѣйскихъ факировъ. И тамъ, послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, — Неаполь вышѣлъ народомъ въ тѣхъ кварталахъ — мы нашли въ отелѣ «Англія» на *Riviera di Chiaja* — съ видомъ на публичные сады *Villa Nazionale*, а оттуда черезъ верхушки деревь на море и Капри — нашли мы, говоря, все, что требуется для путешественника, лозунгъ котораго слѣдующій: «*Shall I not take mine ease in mine inn!*»

Да! превосходный, честный *Albergo d'Inghilterra*! ты стоишь того, чтобы я съ благодарностью упомянулъ о тебѣ въ этихъ воспоминаніяхъ! Не слѣдуетъ пропускать такого случая; въ жизни такъ часто доводится платить много за ничто, или слишкомъ дорого за пустяки. Привѣтъ и тебѣ, достойный персоналъ, начиная съ стараго, сѣдобородаго портъе, который былъ такъ добросовѣстенъ и усерденъ, и никогда не просилъ на чай, до оберъ-вельнера, котораго вѣжливое вниманіе было столь же пріятно, какъ вниманіе начальника, достойнаго своего высокаго поста! И тебѣ — хозяину отеля, — не наѣмщику! Развѣ наѣмщикъ заботится о томъ дѣлѣ, которому служить! Не ночныя работы и счета за конторкой, — болѣе глубокая и благородная печаль провела грустныя линіи на тонкихъ чертахъ твоего лица, омрачила кроткій взглядъ твоихъ голубыхъ глазъ и сдѣлала твой голосъ такимъ тихимъ! Я не осмѣливался докучать тебѣ нескромными вопросами о твоёмъ прошломъ; но, какъ я узналъ послѣ, ты не всегда былъ содержателемъ гостинницы, и еслибы ты захотѣлъ открыть свое настоящее имя, то гг. Смитъ и Джонсъ не осмѣлились бы, не снимая шляпы съ головы, коверкать тотъ ужасающій жаргонъ, который они принимаютъ за французскій языкъ, между тѣмъ, какъ самъ ты говоришь на такомъ французскомъ языкѣ, котораго бы не постыдился никакой *duc* и никакой *roy*! Мы, съ своей стороны, всегда оказывали тебѣ то уваженіе, котораго заслуживаетъ незаслуженное несчастіе, и ты это чувствовалъ и благодарилъ насъ за то своимъ тихимъ, величавымъ манеромъ, тѣмъ почти любовнымъ тономъ привѣтствій, которыми ты сопровождалъ нашъ приходъ и уходъ: «*j'ai l'honneur, Madame... au revoir, Monsieur!*...»

Фр. Шпильгагенъ.

ИЗЪ БАЙРОНА

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

I saw thee weep...

Я видѣлъ грусть твою—горючая слеза
Туманила и жгла небесные глаза —
Твой образъ въ этотъ мигъ исполненъ былъ красы
Фіалки полевой подъ искрами росы.
Я видѣлъ, какъ позднѣй, въ любви и счастья часъ,
Кораллъ волшебныхъ устъ улыбка освѣтила—
И понялъ я тогда, что той улыбки сила
Огнемъ своимъ затмитъ сверкающій алмазъ.
Какъ солнца лучъ живой, въ іюльскій знойный день,
По тучамъ грозовымъ скользить горячимъ свѣтомъ
И на небѣ потомъ, ужъ въ сумракѣ одѣтомъ,
Упорствуя дрожить и гонить почи тѣнь—
Дитя! такъ точно, вѣрь, твоей улыбки лучъ
Для сердца скорбнаго прекрасенъ и могучъ,
Мерцающій свѣточомъ, въ ея унылой мглѣ,
Душѣ—утратившей надежду на землѣ!..

Конст. Ивановъ.

ВОСПИТАНІЕ

СЪ

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

Висбаденскій сѣздъ естествоиспытателей и врачей въ сентябрѣ 1873 года.

Естественныя науки вообще могутъ имѣть двоякое значеніе въ дѣлѣ воспитанія человѣка: во-первыхъ, какъ учебный предметъ для учащихся, составляющій одинъ изъ главныхъ предметовъ, такъ-называемаго, реального образованія; во-вторыхъ, какъ область знанія, изъ которой воспитатели и учащіе могутъ заимствовать или выработать *методъ* для воспитанія дѣтей и юношества. Последнее значеніе естественныхъ наукъ, а равно и медицины, которую мы тоже причисляемъ къ обширной группѣ естественныхъ наукъ, собственно и составляетъ предметъ нашей статьи.

Исторія воспитанія (его цѣлей, средствъ, методовъ и содержанія) составляетъ обширный отдѣлъ въ исторіи культуры человѣчества; начиная съ первобытныхъ временъ существованія человѣка, съ самыхъ низкихъ степеней его развитія и до нашихъ временъ, система воспитанія была крайне различна. Идеи воспитанія развивались въ человѣческихъ обществахъ по мѣрѣ развитія культуры самыхъ обществъ, взятыхъ въ цѣлости, или извѣстныхъ классовъ ихъ, сословій, или даже благодаря появленію въ нихъ нѣсколькихъ личностей, выдававшихся своимъ образованіемъ и вліявшихъ на цивилизацію извѣстной части даннаго об-

щества. Идеи воспитанія постепенно разрабатывались, сперва на практикѣ, внушенной окружающею природою, бытомъ даннаго общества, его насущными потребностями, а потомъ и теоретически, разнообразились и видоизмѣнялись; многія изъ идей и приѣмовъ воспитанія, путемъ преемственнаго развитія человѣчества, изъ отдаленныхъ временъ дошли даже до нашего времени и сохранили тѣ права, которыми они пользовались еще въ глубокой древности. Это—общій ходъ развитія мысли человѣческой. На возникновеніе идей и установленіе извѣстной практики воспитанія вліяли, какъ и на прочіе моменты развитія человѣка, природа, въ которой жило извѣстное общество людей, время, въ которое оно возникло, или процвѣтало, или приходило въ упадокъ, далѣе—тѣ социальныя и политическія, семейныя условія, изъ которыхъ складывалась жизнь народовъ; такимъ образомъ, воспитаніе человѣка шло разнохарактерно на югѣ и на сѣверѣ, у воинственнаго, промышленнаго, торговаго народа; принадлежало или семьѣ, или обществу; наконецъ огромное вліяніе на воспитаніе имѣли вѣрованія народовъ и ихъ міросозерцаніе. вмѣстѣ съ идеями воспитанія разнообразились его цѣли и методы; такимъ образомъ, еще въ наше время говорятъ о воспитаніи (давая различный смыслъ этому слову) физическомъ, умственномъ, нравственномъ или этическомъ, естественномъ, религіозномъ, практическомъ, социальномъ, высшемъ, низшемъ и проч. Не имѣя намѣренія излагать здѣсь исторію воспитанія, мы укажемъ, однако, въ общихъ чертахъ, на нѣкоторыя, относящіяся къ ней, характеристическія данныя. Уже въ глубокой древности существовали правила воспитанія, которыя по истинѣ поразительны своею здравостью; Монтанъ ¹⁾ говоритъ, что судя по словамъ Ксенофона и Платона, персы и греки обучали своихъ дѣтей добродѣтелямъ такъ же, какъ другіе народы обучаютъ своихъ дѣтей наукамъ; у нихъ было обращено тщательное вниманіе на пищу дѣтей; они старались учить своихъ дѣтей не только словами и наставленіями, но, главнымъ образомъ, примѣрами и дѣломъ, приучая ихъ тѣмъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. По этому поводу у Агезилая спросили, чему должно учить дѣтей, на что онъ отвѣчалъ: «тому, что они должны дѣлать, когда будутъ взрослыми людьми». Вообще у древнихъ цивилизованныхъ народовъ было обращено большое вниманіе на физическое воспитаніе, но въ то же время воспитаніе тѣла юношества гармонически шло съ его умственнымъ образованіемъ; и то и другое было приспособлено къ

¹⁾ Essais de Montaigne, par Ch. Louandre. 1870, T. I, стр. 189 и слѣд.

общественнымъ требованіямъ. Съ распространеніемъ христіанства, характеръ и задачи воспитанія въ западной Европѣ измѣнились; оно перешло главнымъ образомъ въ руки духовенства, изъ-подъ вліянія котораго оно еще далеко не освободилось и до сихъ поръ.

На развитіе теоріи воспитанія и педагогики вообще, по отношенію къ ихъ предметамъ и методамъ, большое вліяніе имѣли ученія философовъ; такъ, въ древнія времена такое вліяніе въ особенности принадлежало Платону и Аристотелю. Изъ новѣйшихъ философовъ вопросамъ о воспитаніи занимались Локкъ, написавшій въ 1693 году книгу «Мысли о воспитаніи дѣтей», Кантъ, Фихте, Гербартъ. Извѣстный мыслитель ¹⁾ XVIII вѣка высказываетъ слѣдующую идею о воспитаніи: «только въ природѣ, въ опытѣ, въ истинѣ должно искать средствъ къ уврачеванію золъ человѣческаго рода; только въ ней должно искать тѣхъ двигателей, которые могли бы возбудить въ человѣческомъ сердцѣ наклонности, истинно полезныя для блага общества». Огромный переворотъ въ идеяхъ о воспитаніи произвело сочиненіе Ж. Ж. Руссо: «Эмиль, или о воспитаніи» (1762), въ которомъ главная идея та, что человѣкъ рождается добрымъ, но что его портитъ общество; поэтому должно снова обратиться къ природѣ, пересоздать общество, которое существуетъ только въ силу договора людей между собою, и дать новое воспитаніе нарождающимся поколѣніямъ. Послѣдователями мыслей о воспитаніи Руссо, въ Германіи, старавшимися о приложеніи ихъ къ практикѣ, являются, такъ-называемые, *филантрописты*, во главѣ которыхъ стоялъ Базедовъ. Подобно тому, какъ мысли о реформѣ воспитанія были внушены Руссо тогдашнимъ состояніемъ высшаго общества во Франціи, не отличавшагося строгими нравами и преданнаго наслажденіямъ, такъ и Базедовъ находилъ, что главная причина тѣлеснаго и умственнаго вырожденія его современниковъ заключалась въ нецѣлесообразномъ воспитаніи юношества. По ученію филантропистовъ, «природа должна быть правиломъ всякаго воспитанія, а побудительною причиною его—филантропія». Поэтому должно давать свободно развиваться силамъ дитяти, которое рождается добрымъ, и упражнять ихъ на предметахъ чувственного воспріятія (естествознаніе, технологія), пока дитя не обогатится достаточно представленіями для уразумѣнія символики словъ (классическіе писатели, религіозныя ученія); далѣе, должно вести воспитаніе дитяти такъ, чтобъ изъ него впослѣдствіи вышелъ тѣлесно- и умственно-здоровый человѣкъ, искусный въ примѣненіи

¹⁾ См. *Système de la nature*, глав. XIV: l'éducation, la morale и проч., стр. 239.

къ дѣлу своихъ способностей и проч. Ученіе филантропистовъ, не смотря на его недостатки, произвело большую пользу въ Германіи, побудивши правительства и общество вникнуть въ печальное положеніе, въ которомъ находились тогда школы, и произвести въ нихъ соотвѣтственныя реформы, что значительно подняло уровень народнаго образованія въ Германіи. То же самое можно сказать и о системѣ воспитанія Руссо; хотя его система, такъ-называемаго естественнаго воспитанія, или скорѣе—самовоспитанія дѣтей, по которой они предоставлялись больше собственному опыту, чѣмъ вліянію воспитателя, въ настоящее время не выдерживаетъ критики, однако, нельзя отрицать того, что она значительно послужила къ дальнѣйшей разработкѣ вопроса о воспитаніи въ наше время; какъ доказательство значенія ея можно привести, напр., то, что мысли Руссо раздѣляются замѣчательнымъ мыслителемъ нашего времени Гербертомъ Спенсеромъ.

Вопросъ о воспитаніи, переставъ быть общимъ философскимъ предметомъ, какимъ онъ былъ въ концѣ прошлаго столѣтія, вступаетъ теперь, благодаря громадному развитію естественныхъ наукъ, на реальную, естественно-научную почву. вмѣсто философскихъ отвлеченныхъ возрѣній на природу и на необходимость сообразовать съ нею воспитаніе человѣка, вмѣсто идиллическихъ картинъ золотого вѣка, въ которыхъ первобытный, неиспорченный еще человѣкъ изображался получающимъ всѣ дары отъ матери-природы и отдыхающимъ послѣ небольшихъ, но обильно вознаграждавшихся трудовъ на ея лонѣ, естественныя науки указали педагогамъ на необходимость строгаго изученія законовъ природы и на изученіе природы человѣка, какъ на неизбѣжныя условія къ уразумѣнію того, какимъ образомъ могутъ быть соблюдены законы природы и организаціи человѣка при его воспитаніи; слѣдовательно, постановка вопросовъ въ первомъ и послѣднемъ случаяхъ очевидно различна. Тайны природы открываютъ физика и химія; включъ къ изученію организаціи человѣка въ физиологіи съ анатоміей, и въ антропологіи. Всѣ эти науки идутъ путемъ, противоположнымъ философскимъ созерцаніямъ, и методъ ихъ также противоположенъ дедуктивнымъ философскимъ положеніямъ. Наконецъ, исторія культуры человѣчества, — наука послѣдняго времени, показываетъ, что первобытный человѣкъ находился въ жалкомъ, часто безпомощномъ состояніи, былъ нагъ, сирь и грубъ, что золотой вѣкъ человѣчества еще впереди, что въ прошлой жизни человѣчества были пока еще каменный, бронзовый и желѣзный періоды. Современное же человѣчество еще очень далеко отъ золотого вѣка и переживаетъ вѣкъ, который

впослѣдствіи вѣроятно будетъ названъ только еще *стальнымъ*, если, по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій, будутъ отысканы въ нѣдрахъ земли тѣ стальные издѣлія Круппа и друг., на которыхъ теперь повсюду большой спросъ.

Пособницей для толкованія исторіи развитія и жизни міра животныхъ, а въ послѣднее время и человѣка, явились геологія и сравнительная анатомія; но эпоху для ученія о происхожденіи и жизни, какъ органическихъ существъ вообще, такъ и человѣка, составляетъ ученіе Дарвина, оказавшееся въ высшей степени плодотворнымъ не только для естественныхъ наукъ вообще, но также и для другихъ отраслей знанія, напримѣръ, для языковѣднія. Приложимость ученія Дарвина къ человѣку, послѣ появленія сочиненія этого автора «О происхожденіи человѣка», несомнѣнна, и еще болѣе доказывается трудами другихъ ученыхъ толкователей теоріи Дарвина, напримѣръ, проф. Геккеля, проф. Оскара Шмидта, на котораго мы будемъ ссылаться ниже.

Ученіе Дарвина сообщаетъ драгоцѣнныя данныя для теоріи и практики воспитанія человѣка; именно, оно показываетъ, что человѣкъ, который прежде считался центромъ и повелителемъ природы, теперь оказывается только высшею ступенью развитія царства животныхъ; далѣе, что онъ не стоитъ особнякомъ, независимо отъ міра животныхъ, но связанъ съ нимъ неразрывными узами, составляетъ его продолженіе, — результатъ настоящаго прогрессивнаго развитія формъ животнаго царства, и что наравнѣ съ животными онъ составляетъ объектъ естествознанія. Тотъ же естественный подборъ, который дѣйствуетъ на органическія существа, проявляетъ свою силу и на человѣка. «Если естественный подборъ, какъ мы утверждаемъ, говоритъ проф. Геккель, составляетъ великую естественную причину, которая произвела все чудесное разнообразіе органической жизни на землѣ, то также и всѣ интересныя явленія человѣческой жизни должны объясняться тою же самою причиною, ибо человѣкъ есть только выше развитое позвоночное животное; и всѣ стороны человѣческой жизни имѣютъ свои преобразованныя параллели, или, правильнѣе сказать, свои низшія состоянія развитія въ царствѣ животныхъ. Вся исторія народовъ, или такъ-называемая «всемирная исторія», должна тогда быть объясняема «естественнымъ подборомъ», должна быть физически-химическимъ процессомъ, который основывается на взаимодействіи «приспособленія» и «унаслѣдованія» въ борьбѣ человѣка за существованіе. И это дѣйствительно такъ. Здѣсь еще интересно то, что во всемирной исторіи многообразно дѣйствуетъ не только естественный, но и ис-

кусственный подборъ». Къ видамъ этого *искусственного подбора* мы относимъ и *воспитаніе*, которое, точно также, какъ и естественный подборъ, должно готовить человѣка для предстоящей борьбы за существованіе, должно вырабатывать въ немъ качества тѣлесныя и психическія, при помощи которыхъ человѣкъ могъ бы выдерживать борьбу за существованіе, играть посильную роль въ жизни человѣчества и, такимъ образомъ, идти по пути развитія и совершенствованія. Здѣсь, при искусственномъ подборѣ, дѣйствуютъ тѣ же факторы: приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ и передача по наслѣдству потомкамъ выработанныхъ приспособленіемъ качествъ. Здѣсь должны быть та же цѣль или, скорѣе, тотъ же результатъ—постепенное, прогрессивное развитіе или *совершенствованіе*, какъ тѣлесное, такъ и психическое, какъ индивидовъ, такъ и общества, народа, расы.

Изъ этого понятія о задачахъ воспитанія ясно, что наше опредѣленіе, что такое воспитаніе, должно нѣсколько отклоняться отъ общепринятыхъ опредѣленій его. Въ силу издавна преобладающихъ въ наукѣ и обществѣ дуалистическихъ взглядовъ, установилось слѣдующее общее опредѣленіе воспитанія въ тѣсномъ смыслѣ слова, именно—что воспитаніе есть такое извѣстное воздѣйствіе человѣка на человѣка, образованнаго на необразованнаго, взрослого на дитя, которое пробуждаетъ и образуетъ въ воспитываемомъ самосознательную духовную жизнь, съ исходящими изъ нея мысленіемъ и образомъ дѣйствія. Это опредѣленіе, по нашему мнѣнію, не полно, ибо говоритъ только объ одной сторонѣ человѣка,—духовной. Но такъ какъ послѣдняя находится въ тѣсной зависимости отъ тѣлесной стороны человѣка, и такъ какъ развитіе первой обуславливается послѣднею, то приведенное опредѣленіе не обнимаетъ всего, цѣлаго человѣка, не касаясь собственно тѣлесной его стороны. Мы понимаемъ подъ процессомъ воспитанія человѣка гармоническое развитіе всѣхъ присущихъ ему силъ или способностей, какъ психическихъ, такъ и тѣлесныхъ, и выработку тѣхъ качествъ, которыя возможны въ немъ, благодаря этимъ способностямъ или силамъ. Такъ какъ человѣкъ не рождается ни добрымъ, ни злымъ, то понятно, что воспитанію подлежитъ заняться образованіемъ тѣхъ качествъ, которыя люди извѣстнаго общества, народа, расы или вообще люди условились называть добрыми, или же выработкой качествъ, необходимыхъ для борьбы за существованіе, и, далѣе,—уничтоженіемъ тѣхъ качествъ, которыя слывуть между людьми за дурныя, или содѣлываютъ человѣка слабымъ въ тѣлесномъ и психическомъ отношеніяхъ, могутъ вести къ слабому или неправильному выраженію его дѣятельно-

стей,—къ недостаточному развитію, болѣзненнымъ и, въ концѣ-концовъ, къ вырожденію, отражающемуся на цѣломъ обществѣ.

Изъ изложеннаго взгляда ясно, что воспитаніе человѣка должно касаться его какъ цѣлаго существа, какъ духовной, такъ и тѣлесной его стороны, не должно быть одностороннимъ; далѣе, оно должно начинаться съ самаго его рожденія и видоизмѣняться соотвѣтственно его постепенному развитію. Изъ этого опредѣленія очевидно, что для воспитателя также важна наука о природѣ человѣка, въ обширномъ смыслѣ, какъ и этика и психологія.

Подобно тому, какъ въ прошлыхъ вѣкахъ вопросъ о воспитаніи занималъ преимуществу философовъ, онъ занимаетъ теперь, благодаря прогрессу естественныхъ наукъ вообще и науки о человѣкѣ въ частности, естествоиспытателей и врачей. Примѣромъ тому можетъ служить высказанное объ отношеніяхъ естественныхъ наукъ къ воспитанію на 46-мъ сѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, бывшемъ въ Висбаденѣ отъ 18-го до 21-го сентября 1873 г. Мы представимъ здѣсь извлеченія изъ рѣчей, посвященныхъ вопросу о воспитаніи на висбаденскомъ сѣздѣ, заимствуя ихъ изъ недавно выпедшаго отчета (Tageblatt) объ этомъ сѣздѣ.

Профессоръ Вирховъ произнесъ на этомъ сѣздѣ рѣчь: «О значенія естественныхъ наукъ для нравственнаго воспитанія человѣчества». Такъ какъ въ своей рѣчи онъ ссылается на рѣчь, произнесенную прежде него на томъ же сѣздѣ проф. стразбургскаго университета, Оскаромъ Шмидтомъ: «О примѣненіи теоріи Дарвина къ человѣку», и такъ какъ нѣкоторые мѣста въ этой рѣчи имѣютъ важное значеніе для вопроса о воспитаніи человѣка, то мы сперва приведемъ ихъ и затѣмъ уже приступимъ къ рѣчи Вирхова. Проф. О. Шмидтъ не принимаетъ раздѣленія природы человѣка на тѣлесную и духовную сферы, изъ которыхъ первую предоставляютъ для изслѣдованій естествознанію, а другую считаютъ чѣмъ-то въ родѣ *poli me tangere* для естествоиспытателей. Относительно сродства человѣка съ высшими животными въ психическомъ отношеніи, О. Шмидтъ говоритъ, что, конечно, животныя не обладаютъ разумомъ, т.-е. тою степенью духовнаго развитія, при помощи которой человѣкъ доходитъ до самосознанія, возвышается до абстракта, комбинируетъ понятія, живетъ въ искусствѣ и наукѣ. Но должно сказать, что и человѣкъ, стоящій на низшихъ степеняхъ развитія, также не обладаетъ такою степенью духовнаго развитія. Душа новорожденнаго младенца ни-

чѣмъ не отличается въ своихъ проявленіяхъ отъ души молодого животнаго; проявленія послѣдней суть проявленія дѣтской нервной системы, которыя растутъ вмѣстѣ съ нею и развиваются совокупно съ рѣчью. Степень, до которой вообще доходить это развитіе, зависитъ отъ предшествовавшихъ генераций. Душевные способности каждаго человѣка носятъ на себѣ типъ поколѣнія (Stammtypus) и опредѣляются законами наслѣдственности.

Несправедливо, что каждый человѣкъ, независимо отъ цвѣта кожи и своего происхожденія, при прочихъ равныхъ условіяхъ, можетъ достигъ одинаковой высоты умственнаго развитія. Несомнѣнно, что каждый индивидъ каждой расы проходитъ по низкимъ ступенямъ лѣстницы духовнаго развитія; по этимъ ступенямъ, вполнѣ аналогичнымъ съ законами анатомическаго развитія, проходятъ всѣ люди вообще, тогда какъ на верхнихъ ступеняхъ этой лѣстницы обнаруживаются психическія особенности расъ. Съ человѣчествомъ же происходитъ то же самое, что и съ индивидомъ: оно въ теченіи вѣковъ достигло высшихъ умственныхъ способностей, совокупность которыхъ мы называемъ разумомъ. Исторія показываетъ, что существуетъ умственный прогрессъ, чего нѣтъ не станетъ отрицать; но этотъ прогрессъ становится удѣломъ только тѣхъ народовъ, которые принимали участіе въ самой исторіи, и притомъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ продолжались это участіе и упражненіе органовъ умственной жизни. Но есть также низшія человѣческія расы, если угодно—низшіе виды человѣка, которые къ другимъ его видамъ стоятъ въ такомъ же отношеніи, какъ низшія животныя къ высшимъ. Качественно человѣческаго рода можно было бы даже принять то, что виды этого рода столь необычайно занимаютъ различныя ступени умственнаго состоянія. Но само собою понятно, что многія племена, находящіяся въ настоящее время на очень низкой степени умственнаго развитія, въ будущемъ станутъ гораздо выше въ этомъ отношеніи. Относительно различія между умственными способностями у человѣка и животныхъ говорятъ, что только человѣкъ способенъ къ развитію, или къ прогрессу, что специфически человѣческій прогрессъ обусловливается и посредствуется человѣческою рѣчью, въ отличіе отъ животныхъ, изъ которыхъ многія также одарены способностью выраженія, но не рѣчью. Что касается происхожденія языка, то большинство авторитетовъ по языковѣдѣнію, стоящему въ очень тѣсной связи съ естествознаніемъ, на основаніи данныхъ сравнительнаго и философскаго изученія языковъ, пришло къ тому заключенію, что человѣкоподобныя существа изъ своего первобытнаго состоянія, въ которомъ они были лишены разума,

постепенно становились людьми, причемъ, вмѣстѣ съ языкомъ, который былъ дѣломъ многихъ тысячелѣтій, развился и разумъ. Гейгеръ говоритъ: «разумъ созданъ языкомъ; до языка человѣкъ былъ неразумнымъ существомъ». Такимъ образомъ, начало прогресса человѣка сводится на вопросъ о началѣ рѣчи, языка. Но прогрессъ не можетъ быть отвергаемъ также и у животныхъ, и человѣкъ отличается отъ многихъ животныхъ только степенью и средствами прогресса.

Если человѣкъ съ высшимъ развитіемъ поступаетъ по философскимъ, нравственнымъ и религіознымъ принципамъ, которыми онъ обязанъ воспитанію и обученію, если онъ можетъ создавать и преслѣдовать идеалы, при умственныхъ и тѣлесныхъ индивидуальныхъ способностяхъ къ тому, то, пожалуй, можно охотно допустить, что въ немъ въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ свободная воля, хотя мы знаемъ, что также и эта «свобода» есть общій результатъ естественныхъ причинъ. Но чѣмъ проще и однообразнѣе условія жизни, тѣмъ больше утрачиваютъ поступки человѣка наружный видъ и характеръ свободы и тѣмъ больше поступаетъ индивидъ подъ вліяніемъ только племенной воли, такъ сказать стадной воли, инстинктивно; тогда онъ не дѣйствуетъ даже съ тою, вызывающею удивленіе, разсудительностью, съ какою пользуются, съ выгодною для себя, обстоятельствами, повидимому — подъ вліяніемъ совершенно свободной воли, нѣкоторые счастливо организованные индивиды изъ царства животныхъ, или даже всѣ индивиды нѣкоторыхъ видовъ. Свободная воля этически развитаго человѣка не есть общее достояніе всѣхъ людей; вмѣстѣ съ этимъ находится въ связи и то, что также и совѣсть, подобно нравственной волѣ, есть результатъ воспитанія отдѣльныхъ расъ и племенъ, и что она можетъ вполнѣ теряться у многихъ индивидовъ, даже и въ цивилизованныхъ государствахъ. Къ этимъ словамъ проф. Оскара Шмидта мы прибавимъ еще слѣдующее: совѣсть не есть совершенно особая способность, а составляетъ только особое проявленіе человѣческаго познаванія и памяти. Дѣятельность совѣсти, какъ проявленія познаванія, памяти и ума у цѣлыхъ народовъ и у отдѣльно-взятыхъ людей столь же различна, сколько различно ихъ познаніе; совѣсть обуславливается степенью умственного образованія; по мѣрѣ развитія послѣдняго замѣчается прогрессъ и въ совѣсти; развитіе совѣсти предполагаетъ сознаніе долга, обязанностей, которое, стало быть, вытекаетъ прямо изъ разума, и слѣд. характеръ этихъ послѣднихъ понятій обуславливается степенью развитія разума; смотря по степени развитія его, какъ то показываетъ исторія культуры цѣлыхъ народовъ, мѣняются

и содержаніе совѣсти и понятія о долгѣ и обязанностяхъ; то же самое относится и къ отдѣльно-взятому человѣку.

Сообщивъ психологическія воззрѣнія проф. О. Шмидта, переходимъ къ рѣчи проф. Вирхова: «О значеніи естественныхъ наукъ для нравственнаго образованія человѣчества». Вирховъ, раздѣляя сказанное проф. О. Шмидтомъ о совѣсти, что совѣсть не есть врожденный даръ, задался цѣлью разсмотрѣть съ естественно-научной точки зрѣнія вопросъ о совѣсти и положить основы новому воззрѣнію на совѣсть и на находящееся съ нею въ связи нравственное воспитаніе.

Должно сказать, что Вирховъ въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ, касался ли ихъ предметъ медицины или естественныхъ наукъ, всегда является въ то же время политическимъ дѣятелемъ, и нельзя не признать, что этотъ умный предводитель прогрессистской партіи въ Германіи чрезвычайно ловко умѣетъ пользоваться современными политическими событіями и приводить ихъ въ связь съ предметами своихъ рѣчей, другими словами—умѣетъ соединять науку съ политикой и заставлять первую служить для цѣлей послѣдней. Такъ, напр., на сѣздѣ натуралистовъ въ Ганноверѣ, передъ самой войной Пруссіи съ Австріей, онъ противопоставлялъ состояніе естественныхъ наукъ государственнымъ идеямъ Австріи, взрожденнымъ на почвѣ романизма; спустя годъ послѣ войны съ Франціею, на сѣздѣ натуралистовъ въ Ростокѣ, онъ опредѣлялъ «духовныя основы новаго объединенія Германіи съ естественно-научной точки зрѣнія». Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ Германіи идетъ ожесточенная борьба правительства и отчасти общества съ высшимъ католическимъ духовенствомъ и вообще съ клерикальною католическою партіей. Вирховъ, какъ глава прогрессистской партіи, по принципу противникъ клерикаловъ какъ ретроградной партіи, нападаетъ на нее даже и тогда, когда она отстаивала очевидно прогрессистскія мѣры, напр. отмѣну штемпельнаго налога на газеты. Висбаденскій сѣздъ естествоиспытателей и врачей, подобно прежнимъ сѣздамъ естествоиспытателей въ Германіи, послужилъ Вирхову въ то же время ареной, гдѣ онъ выступилъ противъ клерикаловъ во всеоружіи естествоиспытателя.

Содержаніе его рѣчи о нравственномъ воспитаніи съ естественно-научной точки зрѣнія, вкратцѣ слѣдующее. Если католичество, говоритъ онъ, столь долгое время было признаваемо блюстителемъ совѣсти, то это произошло оттого, что оно издавна восприняло тѣ постановленія внѣшней нравственности, которыя до-

шли до настоящаго времени изъ древнѣйшихъ временъ человеческой культуры въ опредѣленно-формулированныхъ правилахъ и служили вѣрнѣйшими основами позднѣйшей традиціи. Десять заповѣдей, лежащія въ основѣ іудейскаго и христіанскаго воспитанія, и соотвѣтствующія имъ заповѣди, сохранившіяся въ нѣкоторыхъ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ тому, что Вирховъ называетъ внѣшнею нравственностью, установленною нравственностью, которая предписываетъ полезный для общества и отдѣльно-взятыхъ людей образъ дѣйствія, обезпечиваетъ до нѣкоторой степени отношенія между людьми, но не создаетъ основъ для внутренней нравственности, дающей индивиду возможность не потеряться, не пасть въ трудныхъ случаяхъ столкновенія (Conflict); ибо чисто внѣшнія нравственные постановленія не содержатъ правилъ на случай столкновенія. Между тѣмъ, должно признать, что затруднительныя положенія новѣйшихъ государствъ и обществъ именно и заключаются въ накопленіи столкновений. Чѣмъ проще общество, чѣмъ малочисленнѣе племя, чѣмъ ограниченнѣе территория, на которой оно развивается, тѣмъ проще была и должна быть форма моральной основы, которая устанавливается по преданію для такого общества. Но, по мѣрѣ развитія общества, съ появленіемъ культуры, съ развитіемъ неравенства, очень скоро и чаще и чаще происходитъ столкновение, и въ этомъ столкновеніи все больше и больше обнаруживается существующій съ древнѣйшихъ временъ контрастъ, который въ новѣйшее время такъ часто выражался во фразѣ о контрастѣ знанія и вѣрованія.

Обращаясь къ настоящему времени и подразумѣвая Германію, Вирховъ говоритъ, что мы переживаемъ теперь время, когда государство беретъ отъ церкви то, что издавна было въ ея рукахъ, т.-е. именно—моральное воспитаніе юношества. Ни одно законодательство никогда не будетъ настолько прогрессивнымъ, чтобы оно могло, по мѣрѣ развитія культуры, всегда правильно слѣдовать за всѣми ея періодами и фиксировать преходящіе періоды развитія опредѣленными законоположеніями. Напротивъ, новѣйшее государство, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно развиваетъ государственное сознаніе наисовершеннѣе, когда оно наискрѣпче стягиваетъ и собираетъ всѣ свои силы, побуждаемое къ тому высшими политическими цѣлями, вынуждено давать просторъ индивиду для того, чтобы оно, государство, могло наилучше проявить свои силы. Но, по мѣрѣ того какъ распространяется индивидуальная свобода, должно также способствовать и большому распространенію индивидуальнаго развитія, основаннаго на нрав-

ственныхъ началахъ. Коснувшись этихъ началъ, Вирховъ задается вопросомъ: есть ли совѣсть первоначальная способность, которая дается человѣку и которою онъ долженъ управлять; или же совѣсть есть продуктъ развитія, въ силу чего на нее должно смотрѣть какъ на органическое произведеніе? Согласно съ проф. Оскаромъ Шмидтомъ, онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: совѣсть не есть врожденная способность, а развивается постепенно; равнымъ образомъ развивается постепенно и истинная внутренняя мораль; но развитіе ея не достигло въ настоящее время той степени, чтобъ эта внутренняя мораль могла быть положена въ основу общественной жизни Европы. Прогрессъ въ этомъ отношеніи возможенъ только при посредствѣ лучшаго примѣненія естественныхъ наукъ. Но здѣсь должно замѣтить, что примѣненіе естественныхъ наукъ можетъ быть двояко и состоять или въ познаніи самыхъ вещей, — въ дѣйствительномъ познаніи природы, или же въ томъ, чтобъ изученіе природы и въ особенности человѣка было гораздо полнѣе и было бы болѣе распространено. Нельзя требовать, чтобъ правительства теперь же узаконили первый изъ этихъ способовъ изученія природы во всѣхъ школахъ, такъ какъ онъ невозможенъ даже и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, назначенныхъ для образованія ученыхъ; напр., невозможно въ народныхъ школахъ преподавать математику въ такихъ размѣрахъ, чтобъ ученики могли дѣлать астрономическія вычисленія. Но мы можемъ и должны желать болѣе полного и болѣе распространеннаго изученія естественныхъ наукъ и должны стремиться въ тому, чтобъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія, во всѣхъ періодахъ человѣческаго развитія, во всѣхъ классахъ школы, господствовало *единство метода*, т.-е., чтобъ примѣнялся только *естественно-научный методъ*; а теперь существуетъ цѣлый рядъ различныхъ методовъ. Если современная медицина сдѣлала такіе громадныя успѣхи, то этимъ она обязана только введенію въ нее естественно-научнаго метода, и, благодаря ему, врачи сдѣлались естествоиспытателями, которыми они не могли еще назваться въ началѣ настоящаго столѣтія.

Этотъ же самый естественно-научный методъ можетъ и долженъ быть примѣненъ къ рѣшенію проблемы о духѣ, о совѣсти; необходимо даже, чтобъ въ рѣшеніи этого вопроса приняли участіе всѣ естествоиспытатели, чтобъ каждый изъ нихъ съ своей точки зрѣнія способствовалъ въ развитію морали, какъ *эмпирической науки*, по тѣмъ правиламъ, которыми создастся всеобщая наука о природѣ. Это необходимо не потому, чтобъ добро и зло были общими качествами матеріи, или чтобъ суще-

ствовали абсолютное добро и абсолютное зло, а потому, что также и при высшем развитіи естественныхъ вещей въ чловѣкѣ является необходимость въ разьясненіи его качествъ и способностей. Теперь спрашивается: насколько въ состояніи воспитаніе развить въ каждомъ членѣ общества нравственную способность критическаго обсужденія? Наивысшій критерій нравственнаго развитія, какой только можно найти, состоитъ, по мнѣнію Вирхова, въ томъ, что каждое дѣйствіе чловѣка, имѣющее какое-либо отношеніе къ его совѣсти, должно исходить изъ стремленія къ истинѣ. Разительный примѣръ этого стремленія къ истинѣ мы видимъ на естествознаніи, въ его борьбѣ съ разными препонами, продолжавшейся цѣлыя столѣтія, и потому естествознание съ полнымъ правомъ можетъ указать на свое *стремленіе къ истинѣ*, какъ на настоящій объектъ нравственнаго воспитанія чловѣчества. Но для каждого чловѣка существуютъ два рода истины, именно объективная и субъективная истины. У чловѣка иногда происходятъ, какъ извѣстно, такъ-называемыя видѣнія, иллюзіи, галлюцинаціи зрѣнія, слуха, обонянія, осязанія; это суть внутреннія явленія, которыя дѣйствительно совершаются въ самомъ чловѣкѣ, поэтому они субъективно-истинны. Люди, подверженные этимъ галлюцинаціямъ, дѣйствительно видятъ, или слышатъ то, о чемъ они рассказываютъ; субъективная истина здѣсь неопровержима, конечно, если дѣло не идетъ о преднамѣренномъ обманѣ со стороны такихъ лицъ. Но здѣсь важно то, въ состояніи ли каждый дѣлать различіе между этою субъективною истиною и объективною, или же онъ дѣлаетъ шагъ дальше и говорить: то, что я видѣлъ, происходило не во мнѣ, а внѣ меня; здѣсь уже начинается иллюзія, а съ нею вмѣстѣ—цѣлая масса заблужденій. Обманы чувствъ состоятъ въ ложной оцѣнкѣ чувственныхъ впечатлѣній, которыя въ дѣйствительности были, но не были возбуждены извнѣ. Чувственное впечатлѣніе только тогда имѣетъ объективную истину, когда оно соотвѣтствуетъ опредѣленному, извнѣ идущему воздѣйствію. Такъ какъ мы привыкли принимать, что всѣ наши чувственные ощущенія возбуждаются извнѣ, такъ какъ всѣ они идутъ къ намъ изъ внѣшняго міра, то мы и склонны думать, что случающіяся видѣнія доходятъ до насъ изъ внѣшняго міра, т.-е. что они объективно-истинны, реальны,—тогда-то мы и впадаемъ въ заблужденіе, дѣлаемъ ложное заключеніе. Для нравственнаго воспитанія чловѣчества было бы дѣйствительно весьма важнымъ дѣломъ, если бы значительно большее число людей могло быть доведено до того, чтобъ оно было въ состояніи дѣлать различіе между субъективными и объективными явленіями, или исти-

нами, критически относиться къ нимъ, т.-е. отвергать, или открывать объективную реальность. Черезъ это устранилась бы масса затрудненій, которыя имѣютъ значеніе не потому только, что изъ субъективныхъ явленій выводятся дѣтскія заключенія, дѣлаются нелѣпыя представленія, но и потому, что они подають поводъ къ разнаго рода столкновеніямъ. Ложныя объясненія, ложныя толкованія, ведущія къ заблужденіямъ, во многихъ направленіяхъ извратили нравственныя основы, на которыхъ должны были опираться воззрѣнія людей; наприм., ложныя понятія объ отношеніяхъ земли къ солнцу породили крайнюю путаницу въ нравственныхъ представленіяхъ человѣка: люди представляли себѣ, что земля стоитъ неподвижно, а солнце движется. Естественнымъ послѣдствіемъ этого заблужденія была мнѣніе, въ силу котораго на солнце смотрѣли только какъ на освѣтительный аппаратъ для земли, созданный для служенія человѣку; земля, такимъ образомъ, являлась средоточіемъ вселенной, человѣкъ — высшимъ продуктомъ земного развитія, чѣмъ-то высшимъ изъ всего того, что только могъ произвести этотъ міръ. Съ этимъ представленіемъ были связаны многія мистическія ученія; дѣйствіе, какое они должны были имѣть на человѣка, очевидно: если земля есть средоточіе вселенной, если человѣкъ есть высшій продуктъ земного развитія, то онъ есть собственно объектъ, цѣль творенія; конечно, при такомъ убѣжденіи человѣкъ долженъ смотрѣть на себя съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда онъ принимаетъ себя за продуктъ ряда развитія, совершающагося на одной изъ планетъ солнца, — мірового тѣла, которое въ свою очередь находится въ дальнѣйшей связи съ другими системами. Само собою, понятно, что идея о цѣли этого міра, объ устройствѣ и порядкѣ его будетъ различна, смотря по тому или другому изъ приведенныхъ убѣжденій, которыя въ свою очередь имѣли и имѣютъ вліяніе на общественно-нравственный строй и даже на судьбы народовъ.

Для сравнительнаго объясненія внутренней нравственности и побужденія къ ней посредствомъ другого, совершенно обыкновеннаго физиологическаго процесса, наилучше можетъ служить, такъ-называемое, *общее чувство*, которое не есть что-то вполне совершенное и законченное въ младенцѣ при его рожденіи, а напротивъ, развивается постепенно, подобно совѣсти. Доказательствами болѣе совершенной совѣстности въ человѣкѣ, того, что совѣсть его зиждется дѣйствительно на прочномъ основаніи, служатъ его господство надъ своими страстями, самообладаніе и самоизвольность, т.-е. неуклонное дѣйствованіе по тѣмъ законамъ, которые человѣкъ поставляетъ

самъ себѣ и которымъ онъ слѣдуетъ въ различныхъ положеніяхъ и при различныхъ обстоятельствахъ жизни. Но это самообладаніе и самоизвольность не могутъ быть сопряжены въ каждый моментъ съ полнымъ сознаніемъ; если бы это было необходимо для каждаго дѣйствія человѣка, если бы можно было доказать, что человѣку нужно сперва совершить всѣ логическія операціи, прежде чѣмъ онъ въ состояніи сдѣлать что-либо опредѣленное, то осталось бы необъясненнымъ множество явленій, при которыхъ рѣшимость въ человѣкѣ наступаетъ съ такою быстротою, что при ней не можетъ быть и рѣчи о размысленіи, объ обдуманности. Именно тѣ случаи, когда человѣкъ рѣшается на что-нибудь моментально, безъ размысленія, когда говоритъ только внутренній судья, и доказываютъ, что здѣсь не дѣйствуетъ прирожденная способность; потому что именно этихъ быстрыхъ дѣйствій въ случаѣ столкновеній никогда не происходитъ въ человѣкѣ безъ предшествовавшаго упражненія или воспитанія. Точно также не прирождены и страсти; онѣ развиваются въ послѣдствіи, и съ ними развивается и должна развиваться совѣсть. Человѣкъ приносить съ собою на свѣтъ очень не многое; во-первыхъ,—способность къ воспріятію чувственныхъ впечатлѣній и, во-вторыхъ, очень важную способность, посредствомъ которой онъ приводитъ эти чувственные впечатлѣнія, значеніе ихъ въ отношенія между собою; эту послѣднюю способность, въ ея высшемъ развитіи, представляетъ, такъ-наз., *общее чувство*, которое образуется постепенно, подобно совѣсти. Организациа, отъ которой зависитъ способность къ оцѣнкѣ чувственныхъ впечатлѣній и ихъ отношеній между собою, существуетъ у новорожденного младенца, но она очень мало развита; человеческое дитя, правда, рождается также съ нѣкоторыми естественными склонностями, побужденіями (Trieb), но оно не одарено самостоятельною, цѣлесообразною, сознательною способностью къ дѣйствію. Затѣмъ начинается развитіе младенца, при дѣйствіи на него со всѣхъ сторонъ внѣшнихъ вліяній; съ каждымъ мѣсяцемъ запасъ его свѣдѣній, получаемыхъ путемъ опыта, увеличивается; мало-по-малу развивается общее чувство и изъ него образуется болѣе совершенное сознаніе; развиваются наклонности, побужденія, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ преобразуются въ страсти; но всегда эти наклонности и страсти объясняются первоначально — естественными условіями въ организмѣ младенца; несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ особыя страсти повидимому легко могли бы быть объяснены внѣшними вліяніями, всегда источниками ихъ служатъ первоначальныя условія къ нимъ, кроющіяся въ организаціи. Все это при-

надлежитъ къ области чувственнаго развитія. Совѣсть относится къ нѣкоторымъ моральнымъ побужденіямъ такъ же, какъ общее чувство къ нѣкоторымъ чувственнымъ побужденіямъ; она содѣлываетъ человѣка способнымъ воспринимать нѣкоторыя внѣшнія нравственныя впечатлѣнія съ чувствомъ внутренняго благосостоянія или съ душевною болью, съ чувствомъ удовольствія или неудовольствія и, путемъ этихъ ощущеній, побуждаетъ человѣка дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи. До тѣхъ поръ, пока моральный инстинктъ движется въ этихъ направленіяхъ, въ силу пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній, моральныя дѣйствія совершаются съ извѣстною легкостью, и самый простой, непосредственный человѣкъ будетъ поступать морально. Но дѣло затрудняется, когда на человѣка начинаютъ дѣйствовать смѣшанныя, противоположныя другъ другу дѣйствія и когда ему предстоитъ рѣшить, какой родъ дѣйствій онъ долженъ избрать; когда извѣстное дѣйствіе должно имѣть отрицательный эффектъ; когда бываетъ необходимо не дать проявиться наружу задуманному дѣйствію, т.-е. когда нужно взять власть надъ собой. Здѣсь—одна изъ труднѣйшихъ задачъ моральной философіи; здѣсь предстоитъ вопросъ: возможно ли подготовить также и эти процессы въ человѣкѣ, такъ чтобъ онъ, при такихъ затруднительныхъ условіяхъ, поступалъ по принципамъ внутренней морали?

Вирховъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно и говорить, что возможность къ тому дана воспитаніемъ. Но для достиженія означенной цѣли прежде всего должно избѣгать *оносторонности* воспитанія, въ особенности въ привилегированныхъ классахъ, которая происходитъ отъ того, что съ чисто теоретическимъ или съ чисто индивидуальнымъ образованіемъ воспитатели соединяютъ слишкомъ мало практическихъ упражненій. Мы должны имѣть больше упражненій, больше практики; чрезъ это въ результатѣ получается то, что именно необходимо человечеству; развитіе моральныя инстинкты въ моральныя дѣйствія можно не иначе, какъ путемъ практическаго упражненія. — Въ чемъ же состоитъ сущность воспитанія вообще? Воспитаніе вообще имѣетъ двѣ конечныя цѣли: первая цѣль его та, чтобъ оно содѣлывало человѣка болѣе и болѣе способнымъ, по мѣрѣ восхожденія его по ступенямъ культуры, все болѣе и болѣе понимать и сознавать всѣ частности совершающихся вокругъ него процессовъ и касающихся его самого; это одна сторона культуры, чрезвычайно важная и чрезвычайно трудная, надъ которой мы всѣ работаемъ съ давняго времени. Но эта сторона культуры становится полнымъ достояніемъ только немногихъ; немногіе дости-

гаютъ этой полной культуры, но и доходящіе до нея еще не приобѣтаютъ чрезъ это твердости въ моральныхъ дѣйствіяхъ; этимъ объясняется странный разладъ между теоріей и практикой, который замѣчается даже у самыхъ естествоиспытателей, напримѣръ, у лорда Бэкона, именно потому, что изученіе природы само по себѣ отнюдь еще не обусловливаетъ развитія моральной способности въ настоящій моральный образъ дѣйствій человѣка. Далѣе, такъ какъ недостаточно только одной легальности поступковъ человѣка, только одной внѣшней нравственности, то вторая цѣль воспитанія должна состоять въ томъ, чтобъ воспитать въ каждомъ, послѣ того какъ бессознательные процессы его сдѣлались уже сознательными, такую *привычку*, чтобъ въ немъ также и то, что собственно должно совершаться сознательно, совершалось бы бессознательно, чтобъ ему не было надобности въ каждомъ данномъ случаѣ проходить черезъ длинный рядъ логическихъ соображеній и размысленій о томъ, какъ ему слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ, но чтобъ онъ тотчасъ же рѣшался на извѣстный поступокъ въ силу усвоенной практикою привычки. Такимъ образомъ, если воспитаніе, съ одной стороны, способствуетъ сознанію инстинктивныхъ поступковъ, то, съ другой стороны, оно должно способствовать нѣкоторымъ образомъ инстинктивно-образному совершенію первоначально сознательныхъ дѣйствій. Привычка къ доброму, хорошему образу дѣйствія, привычка къ моральнымъ поступкамъ приобѣтается просто упражненіемъ, но никогда не дается однимъ только моральнымъ ученіемъ; ее можетъ образовывать только одна моральная практика. Такъ какъ одни естествоиспытатели не въ состояніи выработать эту моральную практику, то необходимо, чтобъ было признано *вѣсти*, что свѣдѣнія, получаемыя изученіемъ человѣческой природы, должны быть полагаемы въ основу какъ моральной теоріи, такъ и моральной практики. Если необходимо создать общую основу для моральной теоріи,—основную идею, изъ которой бы исходили всѣ дальнѣйшія разсужденія о человѣкѣ, то таковою можетъ быть только означенная идея прогрессивнаго развитія (разработанная, какъ извѣстно, преимущественно въ теоріи Дарвина.) Мысль, что существованіе и дальнѣйшее развитіе человѣчества идутъ по общему закону развитія, гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ какая-либо мистическая, до сихъ поръ извѣстная теорія; при своемъ развитіи человѣчество будетъ больше и больше приближаться къ свѣту,—къ истинѣ, поэтому каждый естествоиспытатель долженъ по своимъ силамъ содѣйствовать этому ходу человѣчества. Человѣчеству суждено пройти черезъ путь развитія, хотя мы и не можемъ

сказать, какую цѣль имѣть это развитіе, точно такъ же, какъ никто другой не скажетъ, какая цѣль жизни человѣчества. Для насъ составляетъ величайшее счастье созерцаніе истины, и каждый естествоиспытатель (при этомъ Вирховъ сослался на присутствующихъ) чувствуетъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ, когда онъ учится. Ученіе, преуспѣваніе въ истинѣ — наше счастье, и величайшимъ счастьемъ для насъ будетъ много учиться, сдѣлать какъ можно больше прогресса на пути къ истинѣ. Но что за счастье было бы, если бы въ этомъ шествіи впередъ человѣчество дошло когда-нибудь до конца, до періода вѣчнаго покоя, гдѣ можно было бы предаться нескончаемому созерцанію; естествоиспытатели не имѣютъ никакого представленія объ этомъ состояніи; это спокойное состояніе, это подведеніе итоговъ ученію есть нѣчто абсолютно-непонятное, даже, какъ выразился Вирховъ, абсолютно-нечеловѣческое. Желательно, чтобы мы и все человѣчество болѣе и болѣе свыкались съ тою мыслью, что каждый долженъ постоянно работать; въ работѣ вмѣстѣ съ тѣмъ заключается вѣрное ручательство за наслажденіе; ибо когда мы работаемъ, хотя бы даже и бесплодно, когда мы только можемъ сказать себѣ, что мы все-таки честно употребили наши силы въ стремленіи къ истинѣ, когда мы можемъ сказать, что исполнили нашу обязанность и дѣйствовали сколько позволяли наши силы, — то развѣ это не наслажденіе? Но мысль о концѣ трудовъ съ вѣчнымъ покоемъ несовмѣстима съ возрѣніемъ естествоиспытателя. Если мы будемъ слѣдовать этимъ принципамъ, то мы заслужимъ то названіе, которое далъ человѣку Линней, — названіе: *Homosapiens*!

Этимъ кончилъ свою рѣчь проф. Вирховъ. Въ его рѣчи много отступленій въ разныя стороны, за которыми мы не слѣдили, старавшись передать главныя его мысли о нравственномъ воспитаніи и его методѣ.

Д-ръ Снелль изъ Гильдесгейла говорилъ о современной системѣ обученія юношества съ естественно-научной и врачебной точекъ зрѣнія. Изъ рѣчи д-ра Снелля видно, что обученіе юношества въ Германіи далеко не находится въ томъ блестящемъ состояніи, какъ обыкновенно предполагаютъ. Снелль требуетъ радикальной реформы въ системѣ обученія германскаго юношества по предлагаемымъ имъ въ своей рѣчи правиламъ, основаннымъ на естественно-научныхъ и врачебныхъ данныхъ. Воспитаніе и обученіе юношества, говоритъ онъ, подобно многимъ сторонамъ

практической жизни, до сихъ поръ получили мало пользы отъ естествознанія, изучающаго вѣчные, всеобщіе законы, приводящіе въ движеніе вселенную и дѣйствующіе на малѣйшія частицы нашего организма. Съ этими законами должна сообразоваться вся наша практическая жизнь, такъ какъ они суть не что иное, какъ научные результаты наблюденія надъ всѣмъ совершающимся. Вся наша система обученія (подразумѣвается, конечно, Германія) сложилась больше въ силу случайныхъ, внѣшнихъ потребностей и требованій, чѣмъ по научнымъ правиламъ; методика обученія лишена свѣта точнаго наблюденія и сравненія. Эти недостатки и пренебреженіе развитіемъ тѣла угрожаютъ опасностью процвѣтанію юношества, которая очевидна для человѣка съ естественно-научнымъ образованіемъ: блѣдныя лица и преждевременная чахлость юношей и дѣвицъ суть нѣмне обвинители нашей системы воспитанія; къ этому присоединяются все болѣе и болѣе распространяющіяся нервныя и душевныя болѣзни.

Мы прибавимъ къ этому, что причины самоубійства въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ необходимо должны заключаться въ системѣ воспитанія и обученія, непосредственно дѣйствующей на учащихся, не умѣряющей въ нихъ, а напротивъ, возбуждающей сферу чувствующей нервной системы.

Многіе стараются найти утѣшеніе въ той мысли, что культура необходимымъ образомъ должна ослаблять человѣческій родъ; было бы крайне печально и безотраднo смотрѣть на высшее умственное образованіе, какъ на врага процвѣтанія и счастья человѣка, тогда какъ культура и умственное образованіе именно должны вести человѣчество къ счастью. Главное условіе къ достиженію высшихъ ступеней культуры — образованіе юношества; въ этомъ заключаются задатки всего грядущаго развитія.

Предполагаемыя Снеллемъ правила для обученія юношества, суть слѣдующія:

1) *Обученіе должно быть по возможности упрощено, сконцентрировано.* Въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, говоритъ д-ръ Снелль, слишкомъ много предметовъ обученія; поэтому они составляютъ невыгодный для нихъ контрастъ съ учебными заведеніями прошлаго столѣтія, въ которыхъ обучали почти только древнимъ языкамъ; несмотря на большіе недостатки этихъ школъ, онѣ имѣли и огромное преимущество передъ современными по своей простотѣ; онѣ имѣли значительную гуманизирующую силу и побуждали учащихся къ дальнѣйшему ученію; въ этихъ школахъ выросло поколѣніе, которому была обязана своимъ процвѣтаніемъ литература, и которое положило

начало всѣмъ великимъ преобразованіямъ въ жизни и наукѣ, которыми мы пользуемся теперь. Но затѣмъ учебный матеріалъ въ школахъ болѣе и болѣе накоплялся, и изъ него наконецъ вышла современная мозаичная картина учебныхъ программъ. Такое обремененіе мозга учащихся изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю множествомъ разнообразныхъ предметовъ, приносить имъ положительный вредъ.

2) *Преподаваніе должно быть по возможности ясно и наглядно.* Представленія, получаемыя учащимися отъ преподаванія, должны быть по возможности рѣзки и опредѣленны. Такъ какъ самыя ясныя представленія образуются чрезъ посредство зрѣнія, то учитель не долженъ требовать изустно того, что можетъ быть воспринято глазомъ; т.-е., преподаваніе всѣхъ предметовъ по возможности должно быть демонстративное; въ такомъ преподаваніи ощущается большой недостатокъ, который въ особенности важенъ при преподаваніи естественныхъ наукъ.

3) *Преподаваніе должно идти правильно-психологически.* Внѣшнія впечатлѣнія воспринимаются человѣкомъ и перерабатываются въ немъ въ представленія и понятія по опредѣленнымъ и непреложнымъ законамъ. Самый важный изъ нихъ — законъ сочетанія отдѣльныхъ представленій и рядовъ ихъ; чѣмъ тѣснѣе связаны между собою представленія, тѣмъ свободнѣе работаетъ нашъ умъ, и тѣмъ способнѣе будетъ онъ усваивать новыя представленія. Напротивъ, отдѣльно-стоящія, изолированныя представленія не производятъ никакого дѣйствія на умственные операціи; они порождаютъ въ учащихся непріятное чувство, скуку и, если часто повторяются, притупляютъ способность ума къ комбинированію и отвлеченію. На этомъ законѣ главнымъ образомъ основана ясность или неясность мышленія. Если наблюдать дитя въ состояніи умственного напряженія, то можно замѣтить, что составившееся въ немъ новое изолированное представленіе производитъ въ немъ мучительное чувство; дитя сильно работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ согласовать такое представленіе съ прочимъ содержаніемъ своего знанія; поэтому учитель никогда не долженъ допускать изолированныхъ представленій. Такими представленіями бывають: ни съ чѣмъ не соединенныя числа и имена, каждое слово или правило иностраннаго языка, не связанное органически съ одинаковымъ, подобнымъ, противоположнымъ и т. д. Противъ этого важнѣйшаго, основнаго психологическаго закона наибольше погрѣшаютъ преподаватели; вотъ отчего въ учебныхъ заведеніяхъ извѣстный процентъ учащихся отстаетъ въ математическихъ наукахъ и перестаетъ понимать своихъ учителей.

Въ сочетаніи представленій заключается также единственная возможность развитіи память (мнемоника). Поэтому каждая научная методика преподаванія должна опираться, во всѣхъ направленіяхъ, на правилѣ сочетанія представленій. Безъ самаго энергическаго проведенія этого принципа, преподаваніе не достигнетъ своихъ цѣлей, и всякія усилія преподавателя произведутъ въ головахъ учениковъ только спутанность понятій; старанія учениковъ усваивать такія раздѣльные представленія подѣйствуютъ вреднымъ образомъ на ихъ умственные способности.

4) *Обученіе должно быть умѣренно.* Противъ этого правила также погрѣшаютъ наши учебныя заведенія, заставляя, наприм., сверхъ 6-ти часовъ собственно школьныхъ занятій, работать учащихся еще дома въ теченіе 3 — 4 часовъ. Результатами такихъ умственныхъ упражненій бывають только жалкая посредственность учащихся, расстройство здоровья, преимущественно болѣзни пищеварительныхъ органовъ, мозга и нервы, и деморализація учащихся, которые стараются обманывать своихъ учителей.

5) *Развитіе тѣла должно при обученіи идти рука объ руку съ умственнымъ образованіемъ.* Греки, при воспитаніи юношества, придавали огромное значеніе развитію, укрѣпленію тѣла юношей, и этому обстоятельству они были не мало обязаны изящною стройностію своей культурной жизни; равнымъ образомъ, и римляне понимали значеніе гимнастическихъ упражненій для счастливаго, цѣлостнаго развитія человѣка.

Въ дополненіе къ сказанному д-ромъ Снеллемъ, мы замѣтимъ здѣсь, что гимнастическія упражненія у древнихъ грековъ имѣли двоякое значеніе: или они служили только къ образованію физической силы, атлетовъ, гладіаторовъ, и въ этомъ смыслѣ нерѣдко заслуживали порицанія со стороны философовъ; другая же гимнастика, которой учили особы, знавшіе свое дѣло, учителя, имѣла цѣлью, находясь подъ руководствомъ врачей, способствовать тѣлесному развитію вообще и сохраненію здоровья, слѣд. имѣла чисто врачебно-гигіеническое значеніе. Вотъ эта-та гимнастика и важна для учащихся. Съ паденіемъ язычества исчезла и эта сторона античной жизни, и гимнастика вышла снова на свѣтъ только въ началѣ нашего столѣтія.

Въ Германіи гимнастическія упражненія возникли подъ именемъ: Тигпен, и введены въ программу каждой школы, но, по словамъ д-ра Снелля, они никоимъ образомъ не удовлетворяють требованіямъ, которыя должны быть поставлены школѣ относительно развитія тѣла съ антропологической и врачебной точекъ зрѣнія; при этихъ гимнастическихъ упражненіяхъ не имѣють въ

виду тщательнаго и постепеннаго развитія тѣла каждаго ученика; нѣтъ и рѣчи объ утонченныхъ упражненіяхъ тѣла, которыя большею частью грубы, не регулированы и даже могутъ быть вредны для слабыхъ дѣтей. Лучшимъ доказательствомъ неудовлетворительности гимнастическихъ упражненій въ Германіи служить то, что молодые люди, поступающіе послѣ 10-ти-лѣтняго обученія гимнастикѣ въ военную службу, должны прежде всего учиться правильно стоять и ходить. Въ женскихъ школахъ гимнастика еще въ большемъ пренебреженіи, чѣмъ въ мужскихъ, тогда какъ даже обученіе танцамъ, если бы оно было продолжаемо въ теченіе всего школьнаго курса, и притомъ если было бы основано на научно-гимнастическихъ правилахъ, могло бы способствовать воспитанію болѣе сильнаго поколѣнія и не было бы только кратковременною, жалкою дрессировкою для балльных залъ. Такимъ образомъ, развитіе тѣла не пользуется въ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ положеніемъ, какое оно должно бы имѣть при истинно-человѣческой системѣ воспитанія и обученія, и потому совсѣмъ нѣтъ регулятора, который былъ бы въ состояніи отнять у умственнаго образованія его односторонность и возстановить такъ часто нарушаемое теперь равновѣсіе между умственными способностями, чувствомъ и волею учащихся.

Весьма важное примѣненіе естественныхъ наукъ и медицины къ дѣлу воспитанія составляетъ *школьная гигиена*, имѣющая въ виду не только самихъ учащихся, но и тѣ условія, обстановку, среди которыхъ они учатся. Школьная гигиена, благодаря совокупнымъ трудамъ естествоиспытателей и врачей, вызваннымъ часто вопиющими недостатками внутренней организаціи школъ, обусловливавшей разстройство здоровья учащихся, обогатилась въ послѣднее время значительными изслѣдованіями, сдѣланными въ особенности въ Германіи; въ настоящее время обращено большое вниманіе на наиболѣе цѣлесообразное устройство школьныхъ столовъ и скамеекъ, на сохраненіе зрѣнія учащихся, на болѣзни, находящіяся въ связи съ школьными занятіями, напр., на искривленія позвоночнаго столба, чаще порождаемыя сидѣніемъ за столами, не соотвѣтствующими росту учащихся, и проч. Но это все пока еще начатки; правила школьной гигиены, выработанныя трудами естествоиспытателей и врачей, большею частью еще не санкціонированы правительствами, наравнѣ съ другими постановленіями, относящимися къ сохраненію общественнаго здоровья, не получили права гражданства въ учебныхъ заведеніяхъ вообще, и соблюдаются пока исключи-

тельнымъ образомъ въ немногихъ учебныхъ заведеніяхъ, что главнымъ образомъ обуславливается степенью просвѣщенности администраторовъ школъ и наставниковъ.

Д-ръ Дистервегъ, по порученію общества висбаденскихъ врачей, представилъ въ общественно-гигіенической секціи висбаденскаго сѣзда вопросные листы или таблицы ¹⁾ (Fragenbogen), разосланные имъ въ 1873 г. начальствамъ многихъ школъ въ Прирейнскихъ провинціяхъ и въ другихъ мѣстахъ, и полученные отъ нихъ отвѣты. Эти отвѣты послужили матеріаломъ для составленія статистическихъ таблицъ о гигиеническихъ условіяхъ 81 школы въ провинціи Гессенъ-Нассау, 77 школъ въ Вестфальской провинціи, итого: о 152 школахъ съ 502 классами. Эти таблицы были также представлены въ общественно-гигіенической секціи сѣзда. Д-ръ Дистервегъ сообщаетъ изъ нихъ только данныя о кубическомъ содержаніи воздуха въ школахъ; въ 8 висбаденскихъ школахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ, съ 82 классами, только въ 9-ти классахъ не было даже наименьшаго требуемаго количества воздуха на cadaго учащагося, т.-е. 3 кубическихъ метра воздушнаго пространства для учащихся моложе 14 лѣтъ, и 3,5—куб. метровъ для болѣе старшихъ учениковъ; но во многихъ школахъ Висбадена кубическое содержаніе воздуха было больше означеннаго. Изъ 44 школъ висбаденскаго округа, съ 63 классами, въ 47 классахъ содержаніе воздуха было гораздо меньше минимальнаго его количества, требуемаго на cadaго учащагося. Относительно 17-ти школъ въ Вестфалии оказалось, что изъ 199 классовъ ихъ въ 113 содержаніе воздуха на cadaго учащагося было недостаточно, а именно:

Въ 5 изъ этихъ классовъ было меньше 1	куб. цент. воздуха
» 36 » » » » отъ 1 до 2	» » »
» 37 » » » » » 2 » 2,5	» » »
» 35 » » » » » 2,5 » 3	» » »

Изъ изслѣдованій докторомъ Гофманомъ глазъ учениковъ и ученицъ въ висбаденскихъ школахъ оказалось, что процентъ близорукихъ увеличивается съ возрастомъ дѣтей, и что степени близорукости усиливаются по мѣрѣ перехода дѣтей въ болѣе старшіе классы. Между дѣтьми въ 10-ти-лѣтнемъ возрастѣ было только 4⁰/о близорукихъ, на 15-томъ году жизни 30⁰/о, а въ высшихъ классахъ гимназій отъ 50⁰/о до 60⁰/о.

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ еще мало правила школы-

¹⁾ См. такую таблицу въ Сборн., изд. мед. депар. т. 2, 1873 г., отд. II, стр. 98.

ной гигиены примѣняются въ государствѣ, которое хвалится своей образованностью и примѣненіемъ ея къ воинственнымъ цѣлямъ.

Въ приведенныхъ нами извлеченіяхъ изъ рѣчей, произнесенныхъ на висбаденскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, вкратцѣ изложены новѣйшія естественно-научныя воззрѣнія на воспитаніе, которыя во многомъ отличаются отъ прежнихъ философскихъ взглядовъ на естественное воспитаніе, но все-таки составляютъ дальнѣйшее развитіе послѣднихъ. Кромѣ того, состояніе современнаго естествознанія, тѣ громадныя успѣхи, которые оно сдѣлало въ послѣднее 25-ти-лѣтіе, полагаютъ начало новой философской системѣ,—монизму, выводы которой не замедлятъ перейти, въ разныхъ примѣненіяхъ, въ обыденную жизнь, такъ какъ конечная цѣль всякой истины—служеніе человѣчеству. Дѣйствительно, современное естествознаніе все болѣе и болѣе отвергаетъ *единство* во всей природѣ: нѣтъ рѣзкихъ, точныхъ границъ между неорганическою и органическою природою; нѣтъ таковыхъ же границъ между царствами растительнымъ и животнымъ; человѣкъ не обособленъ такъ отъ царства животныхъ, какъ полагали прежде; даже въ психической жизни его и животныхъ существуетъ только количественное различіе; онъ не только не повелитель природы, которому она служить и несетъ свою дань, не средоточіе, для котораго существуютъ не только наша планета, но и вся вселенная, но онъ—только послѣдняя степень, до которой дошла такъ-наз. органическая жизнь на землѣ. Человѣкъ въ нѣсколько разъ больше подчиненъ законамъ природы, наравнѣ съ другими животными, чѣмъ сколько онъ можетъ располагать ею; человѣкъ самъ по себѣ есть единое, нераздѣльно цѣлое: его психическая жизнь обуславливается тѣлесною, находится въ зависимости отъ послѣдней; границъ между тою и другою не существуетъ: одна незамѣтно переходитъ въ другую, или же психическія явленія могутъ быть одинаково отнесены какъ къ тѣлеснымъ, такъ и къ психическимъ отправлениямъ; такъ, на примѣръ, пространственныя представленія взрослого человѣка могутъ считаться съ одинаковымъ правомъ и продуктами матеріальной организаціи органа (глаза), и результатами психическихъ дѣятельностей; сюда же относятся и другія, такъ-наз. *безсознательныя заключенія* Гельмгольца.

Единство природы приводитъ къ тому заключенію, что и методъ изученія ея, какъ единого цѣлаго, состоящаго изъ нераздѣльно-связанныхъ между собою частей (единство въ разнообразіи), долженъ быть построенъ на принципѣ единства, т.-е., что можетъ

быть только *единый* естественно-научный методъ. Въ силу этого положенія и человѣкъ долженъ быть также изучаемъ, какъ и всякое другое животное, или какое-либо другое тѣло природы, т.-е. является одинаковымъ съ ними объектомъ естествознанія. Если же для воспитанія человѣка прежде всего необходимо изученіе его природы, какъ тѣлесной, такъ и психической (мы прибѣгаемъ къ этому обще-принятому дѣленію, для избѣжанія неясности, чѣмъ и оправдывается такое дѣленіе въ разсужденіяхъ о человѣкѣ), если человѣкъ не можетъ быть иначе воспитываемъ, какъ въ строгой сообразности съ законами его природы и съ его организацией, то ясно, что и къ воспитанію, составляющему собственно искусственное осуществленіе закона прогрессивнаго развитія, которому подчиненъ человѣкъ наравнѣ съ другими органическими существами, долженъ быть примѣненъ также естественно-научный методъ, подобно тому какъ онъ примѣняется къ культивированію растений, къ воспитанію животныхъ. Этимъ методомъ педагогика въ обширномъ смыслѣ слова, съ вытекающимъ изъ нея искусствомъ воспитанія, ставится на ряду съ другими отраслями естествознанія, дѣлается опытною, эмпирическою наукою.

Спрашивается, въ чемъ же должно состоять примѣненіе естественно-научнаго метода къ воспитанію человѣка? Во-первыхъ, методъ воспитанія, подобно естественно-научному объективному изслѣдованію даннаго предмета, долженъ быть *объективный*, какъ представляющій наиболѣе ручательствъ за вѣрное познаніе объективныхъ истинъ, относящихся къ предмету воспитанія,—человѣку, въ противоположность къ субъективнымъ взглядамъ воспитателей, часто носящимъ на себѣ отпечатокъ или школы, или рутини, или предвзятыхъ, предразсудочныхъ мнѣній. Объективный же методъ имѣетъ исключительно въ виду существующія во внѣшности явленія и качества наблюдаемаго изучаемаго предмета, и требуетъ возможнаго и полнаго изслѣдованія ихъ помощью внѣшнихъ чувствъ, въ пособіе къ которымъ въ естествознаніи берутся еще особые орудія, аппараты. Заключение, построенныя на такомъ способѣ изслѣдованія, наиболѣе приближаются къ истинѣ, и такимъ образомъ, воспитатель, изучая объективно своего воспитанника, наилучше ознакомится съ предметомъ своихъ занятій, оставаясь на реальной почвѣ и не уносясь въ міръ умозрѣній. Во-вторыхъ, методъ воспитанія долженъ быть *индуктивный*; воспитатель, при воспитаніи даннаго индивида, долженъ поступать такъ же, какъ поступаетъ естествоиспытатель при изученіи даннаго тѣла природы, напр., растенія, животнаго и проч. Воспитатель долженъ идти отъ частнаго къ общему, при строгомъ и продолжительномъ

изученіи частныхъ въ данномъ индивидѣ, явленій и качествъ тѣлесныхъ и психическихъ, врожденныхъ, унаслѣдованныхъ или приобретенныхъ, нормальныхъ, или болѣзненныхъ, существенныхъ или случайныхъ и проч. Изученіемъ такихъ частныхъ, составится вѣрное общее понятіе о цѣломъ индивидѣ, подлежащемъ воспитанію. Такой методъ исключить апіористическія понятія о данномъ индивидѣ, не согласныя съ его свойствами, и потому непримѣнимыя къ нему и даже вредныя для него. Въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ возможно изъ сходныхъ по своимъ свойствамъ индивидовъ образовать группы и прилагать къ нимъ извѣстный планъ воспитанія, приспособленный къ ихъ болѣе или менѣе одинаковымъ свойствамъ. Но, при всемъ сходствѣ данныхъ индивидовъ вообще, въ каждомъ изъ нихъ всегда окажутся особенности, свойственныя только извѣстному индивиду; изъ этого обстоятельства вытекаетъ, съ другой стороны, необходимость, въ-третьихъ, *индивидуализировать* методъ воспитанія человѣка, примѣнять его къ особенностямъ каждаго даннаго индивида. Истинное изученіе природы, говоритъ Вирховъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, преслѣдуетъ конкретныя цѣли и считаетъ своею послѣдней задачей познаніе *сущности индивидуальнаго*. Эта же мысль можетъ быть примѣнена и къ воспитанію. Воспитатель долженъ обращать тщательное вниманіе на всѣ особенности каждаго индивида, подлежащаго его воспитательнымъ дѣйствіямъ: духовныя, тѣлесныя, нормальныя, болѣзненныя и проч. Особенности каждаго индивида могутъ опредѣляться направленіе воспитанія, его цѣли, средства. Далѣе, особенностями организаціи даннаго индивида обуславливается видоизмѣненіе его образа жизни, занятій, его пищи, движенія и проч. Особенности, полезныя для самого индивида и для общества, въ которомъ ему предстоитъ жить, могутъ быть еще болѣе развиваемы, и, наоборотъ, противоположныя имъ особенности должны быть подавляемы, уничтожаемы. Въ исторіи мы видимъ много примѣровъ разработки воспитаніемъ извѣстныхъ особенностей въ человѣкѣ; здѣсь искусственнымъ образомъ повторяется то же самое, что дѣлаетъ естественный подборъ; въ древности воспитывали ораторовъ, атлетовъ, въ Англіи воспитываются боксеры, скороходы изъ людей, предварительно имѣющихъ надлежащія къ тому качества. Это показываетъ, что особенностями человѣка, какъ тѣлесными, такъ и психическими, можно также пользоваться для высшихъ, болѣе благородныхъ воспитательныхъ цѣлей. Не должно также забывать, что особенности человѣка передаются путемъ наслѣдственности отъ родителей къ дѣтямъ; извѣстно, напр., что въ родѣ талантливаго композитора Себастьяна

Баха насчитывалось до 80 чел., которые были одарены замѣчательными музыкальными способностями. Такимъ образомъ воспитатель, имѣя въ виду приложимые также и къ человѣку законы приспособленія, наслѣдственности, прогрессивнаго совершенствованія въ силу приобрѣтенныхъ полезныхъ или хорошихъ качествъ, дѣйствуя сообразно съ этими законами, будетъ содѣйствовать совершенствованію индивидовъ, подлежащихъ его воспитанію, приготовленію ихъ къ борьбѣ за существованіе и народненію также полезныхъ или талантливыхъ людей и въ послѣдующемъ потомствѣ. Въ-четвертыхъ, методъ воспитанія долженъ быть *демонстраціонный*, долженъ быть направленъ преимущественно къ развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ, какъ орудій для изученія внѣшняго міра и источниковъ для психическаго развитія. Демонстраціи—необходимая принадлежность естественно-научнаго метода. Наконецъ, въ-пятыхъ, методъ воспитанія долженъ быть *практическій* въ его примѣненіи какъ къ развитію тѣлесныхъ дѣятельностей, такъ и къ образованію умственно-нравственныхъ способностей, характера, воли, путемъ упражненій. Вотъ тѣ главныя качества, которыми долженъ отличаться естественно-научный методъ воспитанія; средства его тѣ же, какъ и въ естественныхъ наукахъ — *наблюденіе и опытъ*.

Само собою понятно, что естественно-научный методъ можетъ быть усвоенъ воспитателями только путемъ теоретическаго и, главное, практическаго изученія естественныхъ наукъ, а отсюда видна необходимость *естественно-научнаго образованія* для воспитателей. До сихъ поръ педагогика стоитъ какъ-то особнякомъ отъ прочихъ наукъ. Между тѣмъ, если принять въ соображеніе, что предметомъ педагогики и искусства воспитанія является человѣкъ, природа котораго должна быть усовершенствована воспитаніемъ и обученіемъ на основаніи законовъ, управляющихъ его организаціей; если методъ воспитанія долженъ быть также естественно-научный, т.-е. такой же, при посредствѣ котораго, путемъ наблюденія и опыта, изучаются и прочія тѣла природы, то, очевидно, что на педагогику можно и даже должно смотрѣть какъ на отрасль естествознанія. Такою отраслью стало отчасти, напр., современное языковѣдѣніе, объектъ котораго—*языкъ* сдѣлался предметомъ естественно-научныхъ изслѣдованій; благодаря естественно-научному методу, принятому въ эту филологическую науку, уничтожилась пропасть, раздѣлявшая науку о духѣ отъ науки о природѣ, и языковѣдѣніе этимъ путемъ дошло до такихъ заключеній о происхожденіи и развитіи языковъ, которыя вполне подтверждаются результатами изученія природы. Такое же примѣненіе

теоріи Дарвина, какое сдѣлалъ Шлейхеръ къ языковѣдѣнію, можетъ быть осуществлено и для педагогики.

Самыми важными естественными науками для педагоговъ и воспитателей, конечно, должны быть науки о *природѣ человека*, въ обширномъ смыслѣ слова, именно: науки, трагующія объ устройствѣ и отправленіяхъ его тѣла—*анатомія* и *физиологія*, о человѣческомъ родѣ вообще—*антропологія*, о психическихъ отправленіяхъ человѣка—*психологія*; о сохраненіи его здоровья и жизни—*гигіена*, о больномъ его состояніи—*патологія*. Программа эта обширна; вотъ почему мы полагаемъ, что педагогика должна составлять особый отдѣлъ университетскаго преподаванія. Никто, конечно, не будетъ спорить съ нами, что анатомія, физиологія, антропологія, гигиена, патологія суть, по своему существу и методу, опытные, естественныя науки; но многіе, вѣроятно, не скажутъ того же самаго о психологіи, которая издавна считалась и до сихъ поръ большинствомъ считается чисто умозрительною наукою. А между тѣмъ и эта наука, въ главной зависимости отъ которой издавна находилась педагогика, въ настоящее время также переходитъ въ естествознаніе. «Понятіе о психологіи,—говоритъ Ланге въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи объ исторіи и критикѣ матеріализма,—можетъ быть точно ограниченнымъ и совершенно яснымъ только для схоластика, или невѣжественнаго педанта. Правда, очень дѣльные и остроумные ученые начинали свои мнимо-естественныя научныя изслѣдованія отдѣломъ: «о существѣ души»; они воображали такимъ образомъ положить прочную основу для для своихъ изслѣдованій; но такія попытки были только результатомъ вліанія безсодержательной схоластической метафизики, подъ которымъ они находились: кто полагаетъ необходимымъ напередъ огородить со всѣхъ сторонъ область ученія о душѣ, прежде чѣмъ онъ начнетъ строить, тотъ едва ли способенъ къ естественно-научной обработкѣ психологическаго матеріала. Что сказали бы объ естествоиспытателѣ, который бы началъ прямо съ уясненія себѣ «сущности природы», и захотѣлъ бы считать свои изслѣдованія только тогда могущими служить цѣли, когда онъ прежде всего уяснилъ бы себѣ, что такое природа?.. Поэтому, съ полнымъ правомъ новѣйшіе психологи избрали обыкновенный, строго методическій путь наблюденія, оказавшій такія прекрасныя услуги въ естественныхъ наукахъ, и примѣнили его также къ психологіи... Приложимъ ли естественно-научный методъ къ психологіи, или нѣтъ—покажутъ дальнѣйшіе результаты, но позволительно прямо сказать, что въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. При всей принимаемой неопредѣленности границъ психологіи,

къ ней должны быть отнесены не только факты изъ жизни чувствованія, но также и изслѣдованія дѣйствій и рѣчи человѣка, вообще всѣ жизненные проявленія, насколько изъ нихъ возможно заключеніе о природѣ и характерѣ человѣка».

Психологія долго оставалась умозрительною наукою собственно потому, что была лишена двухъ средствъ къ обработкѣ своего матеріала, которыми раньше нея воспользовались естественныя науки, именно: объективнаго наблюденія и опыта; единственнымъ источникомъ эмпирической психологіи были наблюденія посредствомъ, такъ-называемаго, внутреннего чувства или самонаблюденія, которыя, какъ справедливо сказалъ Кантъ, легко ведутъ къ мечтаніямъ и помѣшательству.

Въ настоящее время, благодаря успѣхамъ фізіологіи внѣшнихъ чувствъ, изслѣдованіямъ отправленій нервной системы, въ особенности головного мозга, психологія занимаетъ мѣсто въ фізіологіи (*фізіологическая психологія*), и, надо надѣяться, что въ этомъ новомъ своемъ значеніи она принесетъ гораздо больше пользы педагогамъ, чѣмъ прежняя метафизическая психологія. Мысль, что и другая наука, съ которою находится въ тѣсной связи искусство воспитанія,—*этика*, должна быть также опытною наукою, достаточно развита, какъ мы показали выше, Вирховомъ.

Кромѣ педагоговъ, получившихъ основательное естественно-научное образованіе, на методъ воспитанія могутъ имѣть большое вліяніе естествоиспытатели и врачи, содѣйствуя тому, чтобы, какъ говоритъ Вирховъ, «во всѣхъ слояхъ населенія, во всѣхъ періодахъ человѣческаго развитія, во всѣхъ классахъ школы господствовалъ *единный, естественно-научный методъ*», чтобы воспитаніе не шло въ разрѣзъ съ человѣческой природой, а было бы основано на законахъ и свойствахъ ея, которые должны быть изучаемы путемъ объективнаго наблюденія и опыта, а не при посредствѣ голыхъ умозрѣній.

С. Ловцовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1874.

Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 г.—Духовно-учебныя заведенія.—Отношенія къ расколу.—Узаконеніе раскольниковыхъ браковъ.—Вопросъ о свѣтскихъ метрикахъ.—Беспорядки въ Холмской епархіи.—Учительскіе институты.—Клерикальные кружки.

Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 годъ не представляетъ никакихъ общихъ, значительныхъ мѣръ по духовному вѣдомству, и излагаетъ только дальнѣйшее приведеніе въ исполненіе мѣръ, принятыхъ въ предшествующіе годы по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній и по улучшенію матеріальнаго быта духовенства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи общая мѣра, принятая въ 1869 году, состояла въ опредѣленіи штата для приходскихъ церквей. Послѣдствіемъ ея было значительное сокращеніе приходскаго клира и соотвѣтственное улучшеніе въ положеніи лицъ, занявшихъ штатныя мѣста. Годъ 1869 былъ вообще годомъ значительнѣйшихъ преобразованій въ духовномъ вѣдомствѣ; въ томъ году начались преобразованія духовныхъ академій (преобразование семинарій и низшихъ духовныхъ училищъ началось еще съ 1867 года) и состоялись повелѣнія, отмѣнявшія наслѣдственность духовнаго званія. Въ нынѣшнемъ отчетѣ замѣчательно, между прочимъ, возникшее въ средѣ духовенства предположеніе о доставленіи его дѣтямъ ремесленнаго образованія. До реформы 1869 года, массы дѣтей духовенства, увольняемыхъ изъ духовно-учебныхъ заведеній до окончанія курса, оставались все-таки въ духовномъ вѣдомствѣ, на попеченіи епархіальнаго начальства, и помѣщались на мѣста причетниковъ и дьяконовъ, частью обращались въ монастыри безъ намѣренія постричься, но просто въ ожиданіи мѣстъ. Реформа 1869 года, сокративъ составъ причтовъ и вмѣстѣ требуя опредѣленія въ должность псаломщиковъ лицъ, окончившихъ семинарскій курсъ, затруднила полученіе мѣстъ

въ клирѣ сыновьямъ духовенства, исключеннымъ изъ духовныхъ училищъ. Вслѣдствіе того, явилась необходимость позаботиться объ участи такихъ молодыхъ людей, и въ вятской епархіи на сѣздѣ духовенства поставленъ былъ вопросъ объ устройствѣ для дѣтей духовенства ремесленной школы; въ саратовской епархіи восемь депутатовъ заявили на сѣздѣ духовенства о необходимости реальной школы для дѣтей его; вологодское духовенство положило отпускать небольшую сумму на обученіе его дѣтей въ вологодскомъ ремесленномъ училищѣ. Въ епархіяхъ московской и владимірской возбужденъ былъ тотъ же вопросъ, но какъ въ той, такъ и въ другой предположеніе обучать дѣтей не обыкновеннымъ ремесламъ, а только тѣмъ, которые болѣе *приличны* для дѣтей священно-и-церковнослужителей, по самому ихъ происхожденію и воспитанію, какъ-то: иконописанію, чеканному, рѣзному, малярному и переплетному мастерствамъ. Почему, напр., малярное мастерство болѣе „прилично“ для дѣтей духовенства, чѣмъ столярное или всякое иное, дающее возможность жить трудомъ и въ достаткѣ, вмѣсто странствованія по монастырямъ въ ожиданіи причетническихъ мѣстъ—не совсѣмъ понятно. Но дѣло не въ томъ, а въ характерѣ всего этого явленія, которое показываетъ, что духовное сословіе тяготеетъ пролетаріатомъ, издавна существующимъ въ его средѣ, и ищетъ для него исхода на пути производительнаго труда. Въ Москвѣ дѣлу этому оказана была помощь частнымъ пожертвованіемъ, благодаря которому имѣется домъ и 750 р. ежегоднаго дохода на стипендіи для предполагаемаго училища, въ которомъ будетъ производиться обученіе такимъ ремесламъ, которые относятся къ украшенію храмовъ.

Преобразование духовныхъ академій осуществлено уже вполне въ двухъ изъ нихъ: петербургской и кievской; въ двухъ остальныхъ, т.-е. въ московской и казанской, еще недоставало по одному курсу. Число слушателей во всѣхъ академіяхъ превышало штатное число; общее число преподавателей въ академіяхъ было 118, учащихся 446, изъ числа которыхъ своекоштныхъ было только 35. Преобразование средних и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній въ 1872 году приближалось уже къ окончанію. Преподавателей и начальниковъ было въ семинаріяхъ 789, въ училищахъ 1,375; учениковъ въ семинаріяхъ 13,103, изъ которыхъ своекоштныхъ болѣе половины; въ училищахъ 26,671, около двухъ третей которыхъ были своекоштные. Въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ состоитъ и нѣкоторое число женскихъ училищъ; состояніе ихъ въ духовномъ вѣдомствѣ объясняется тѣмъ, что они содержатся на счетъ средствъ синода. Свѣдѣнія о числѣ воспитанницъ всѣхъ этихъ училищъ въ отчетѣ нѣтъ; въ немъ показано только, что въ 11-ти изъ нихъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Госу-

дарыни Императрицы, находились 774 ученицы. Средства духовнаго вѣдомства на содержаніе духовныхъ училищъ весьма значительны. Въ 1872 г. итогъ ихъ былъ—4,441,356 р., изъ которыхъ болѣе 1 м. 539¹/₂ т. р. отпускались духовному вѣдомству изъ государственнаго казначейства, 1 м. 323¹/₂ т. р. представлялись сборомъ съ церковныхъ доходовъ, 1 м. 27¹/₂ т. р. процентами съ духовно-учебнаго капитала, а остальная сумма составлялась изъ разныхъ доходовъ духовнаго вѣдомства. Число народныхъ школъ, содержимыхъ духовенствомъ, т.-е. такъ-называемыхъ церковно-приходскихъ школъ, въ отчетѣ за 1872 г. показывается до 9,059, съ 228,036 учащихся. Цифры эти ежегодно идутъ на убыль; въ отчетѣ за 1871 г. число такихъ школъ показывалось въ 10,381, съ 253,413 учащимися. Впрочемъ, отчетъ свидѣтельствуетъ, что онѣ пользуются сочувствіемъ народа, и объясняетъ это съ одной стороны довѣріемъ народа къ духовенству, съ другой—тѣмъ фактомъ, что въ церковно-приходскихъ школахъ строго поддерживается церковный характеръ. Школы эти существуютъ и при нѣкоторыхъ монастыряхъ.

Нынѣшній отчетъ вообще нѣсколько суше предшествовавшихъ; такъ, напр., изъ него исключены наблюденіе духовенства надъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ народа и дѣятельность церкви по обращенію въ православіе лицъ, такъ-называемыхъ, иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, а также магометанъ. Только въ одной изъ вѣдомостей, приложенныхъ къ отчету, помѣщены безъ всякихъ объясненій относящіяся сюда цифры, къ которымъ мы сейчасъ возвратимся. Относительно попеченій къ развитію проповѣднической дѣятельности духовенства и принимаемыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, нынѣшній отчетъ также выражается гораздо сжатѣе прежнихъ. Ничего новаго по этому предмету, впрочемъ, нѣтъ, и не предвидится, чтобы дѣлу церковной проповѣди была оказана существеннѣйшая поддержка, въ какой оно нуждается и безъ которой развиваться не можетъ, несмотря ни на какія внушенія, а именно: чтобы церковная проповѣдь была освобождена отъ предварительной цензуры. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ приходскіе священники обязаны вести журналы, въ которыхъ записывается, когда и о чемъ именно было сказано поученіе, и журналы эти разсматриваются архіереями, „дабы можно было слѣдить за ходомъ и успѣхами церковнаго проповѣдничества“. Но и эта мѣра, какъ всѣ подобныя, не можетъ замѣнить того условія, на которое уже указано.

Изъ вѣдомости объ оборотѣ суммъ и капиталовъ, находящихся въ завѣдываніи хозяйственнаго управленія при синодѣ, видно, что духовно-учебнаго капитала состояло къ 1 янв. 1873 г.: 20,020,091 р., капитала духовенства западнаго края 2,099,071 р., типографскаго

капитала 490,637 р., суммъ попечительныхъ о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія (въ 1-му янв. 1872 г.) 3,146,211 р. Пожертвованій въ церкви поступило въ 1872 году 10,680,968 р. Изъ государственнаго казначейства на вѣдомство св. синода исчислено (по бюджету на 1874 г.) 9,663,360 рублей. На спеціальныя же средства св. синода (къ которымъ относятся проценты съ капиталовъ, а также процентный сборъ съ кружечныхъ, кошелековыхъ и свѣчныхъ денегъ, заключающійся въ приведенной сейчасъ цифрѣ 10½ милл. р. пожертвованій, но представляющій всего 1¼ милл. р.) производится по духовному вѣдомству расходовъ на около 5 милл. рублей. Такимъ образомъ, гораздо бѣльшая часть расходовъ по этому вѣдомству, почти двѣ трети, производится на счетъ государственной казны, а средства самого духовнаго управленія, состоящія изъ процентовъ съ почти 25-милліоннаго капитала и изъ ежегодныхъ приношеній въ 10 милл. р., участвуютъ въ общихъ расходахъ по этому вѣдомству только немного болѣе, чѣмъ одной третью. Даже прямо на содержаніе причтовъ государство расходуетъ 5¾ милл. рублей (изъ общей бюджетной суммы по духовному вѣдомству — 9½ милл. р.). Необходимо, впрочемъ, прибавить, что сверхъ общихъ расходовъ по духовному вѣдомству, на которые изъ сборовъ въ церквахъ отчисляется только процентная часть, существуютъ потребности мѣстныя, на которыя сумма этихъ пожертвованій главнымъ образомъ и обращается.

Монашествующихъ мужского пола въ 1872 году числилось 5,810 и 5,616 послушниковъ, женщинъ 3,280, послушницъ 11,254; изъ этихъ чиселъ замѣчательно послѣднее, но оно нисколько неудивительно. Когда въ монастыряхъ живетъ 11 тысячъ мужчинъ, можно скорѣе удивляться, что въ монашескихъ общинахъ находится 14 тысячъ женщинъ, которыя такъ часто лишены средствъ пропитанія. Число бѣлаго духовенства было: священнослужителей 50,851, причетниковъ 58,866, да уволенныхъ за штатъ по старости или болѣзни священнослужителей 4,200, причетниковъ 6,306. Сложивъ всѣ приведенныя цифры, получимъ: 131,649 чел. духовенства и 14,534 женщинъ, живущихъ въ монастыряхъ, причемъ кавказская и туркестанская епархіи не входятъ въ расчетъ, такъ какъ отъ нихъ не доставлено свѣдѣній.

Въ виду предполагаемой передачи дѣлъ по расторженію брака въ вѣдѣніе гражданскихъ судовъ, остановимся на статистикѣ этихъ дѣлъ за 1872 годъ. Общее число расторгнутыхъ въ томъ году браковъ было 770; изъ нихъ огромное большинство — по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ, а именно: 515. Затѣмъ является цифра браковъ, расторгнутыхъ ссылкой одного изъ супруговъ въ каторжныя работы и на поселеніе—184. Браковъ, расторгнутыхъ по какому-либо

инимъ причинамъ, было всего—71. Изъ этого видно, какой характеръ имѣетъ общность бракоразводныхъ дѣлъ у насъ: расторженіе брака въ 9 изъ 10 случаевъ бываетъ просто удостовѣреніемъ гражданскихъ правъ, и только въ 1 случаѣ изъ 10—судебнымъ разборомъ отношеній между супругами, требующемъ какой-либо справки съ каноническими правилами. Тѣмъ менѣе оправдывается, конечно, существовавшее доселѣ подчиненіе всѣхъ этихъ дѣлъ духовному суду съ безконечною его процедурою. Этотъ послѣдній аргументъ можетъ служить и вообще противъ оставленія въ духовномъ вѣдомствѣ веденія актовъ гражданского состоянія, т.-е. метрикъ. Кому неизвѣстно, что полученіе метрическаго свидѣтельства, въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, т.-е. свидѣтельства о крещеніи, выдаваемого изъ прихода, но удостовѣряемого консисторіею, требуетъ иногда года, если проситель не прилагаетъ особенныхъ стараній къ ускоренію столь простого, повидимому, дѣлопроизводства.

Присоединено къ православію въ 1872 году: католиковъ 2,105 (въ 1871 году 2,610, въ 1870 г. около 3,000), протестантовъ 789 (въ 1871 г. 810), армянъ 13 (въ 1871 г. 1,534), евреевъ 410 (544), магометанъ 1,943 (1,655), язычниковъ 3,551 (2,797). Итогъ всѣхъ принявшихъ православіе составлялъ 10,508 (въ 1871 г. 11,565). Изъ сравненія цифръ нынѣшнихъ съ прошлогодними видно, что первыя представляютъ замѣтное увеличеніе относительно язычниковъ и магометанъ. Обращенныхъ изъ раскола въ православіе было 2,900 (въ 1871 г. 2,608), въ томъ числѣ на правилахъ единовѣрія 1,203 (998). Наиболѣе значительные успѣхи по обращенію раскольниковъ были въ оренбургской епархіи. Средствами для обращенія раскольниковъ были особыя миссіи, для проповѣди—публичныя состязанія православныхъ богослововъ съ учителями раскола, распространеніе книгъ духовнаго содержанія, однимъ словомъ—убѣжденіе. Нынѣшній отчетъ, какъ и предшествовавшіе, свидѣтельствуетъ объ уменьшеніи въ средѣ раскольниковъ фанатизма, слѣпого довѣрія къ ихъ учителямъ, и удостовѣряетъ, что „во многихъ мѣстахъ раскольники начинаютъ цѣнить по достоинству тотъ духъ кротости, терпѣнія и миролюбія, въ какомъ относятся къ нимъ служители церкви.“ Слова эти вполнѣ справедливо выражаютъ, каковъ долженъ быть духъ православной пропаганды среди раскольниковъ уже для самаго ея успѣха. Вмѣстѣ съ тѣмъ они свидѣтельствуютъ о просвѣщенномъ взглядѣ современной русской церкви, изъ которой не могутъ стало быть истекать какія-либо стремленія къ удержанію гражданской безправности раскольниковъ или къ ограниченію полноправности, какія могли бы наконецъ быть предоставлены имъ въ наше время. Извѣстно, что весьма важную, если не наиболѣе важную, роль въ наиболѣе распро-

страшенных толкахъ раскола играетъ теперь уже собственно обрядовая сторона. По свидѣтельству православныхъ духовныхъ лицъ, обрядовыя различія сами по себѣ не могли бы отдѣлять раскольниковъ отъ церкви, еслибы они сами не придавали имъ догматическаго значенія. Но при пропагандѣ среди раскольниковъ казалось бы возможнымъ эти обрядовыя различія оставлять совершенно въ сторонѣ, такъ какъ высшія духовныя власти — какъ будетъ сказано ниже — считаютъ возможнымъ признать членами православной церкви даже такихъ западныхъ христіанъ, которые ставятъ условіемъ сохраненіе совершенно иной внѣшности богослуженія и нѣкоторыхъ обрядовъ, въ православной церкви не принятыхъ; совершенное оставленіе въ сторонѣ различій обрядовыхъ, хотя бы они касались даже формы креста или изображенія имени Спасителя, по всей вѣроятности, много содѣйствовало бы дѣлу единенія. Но каковы бы ни были взгляды на различія религіознаго свойства, утѣшительно то обстоятельство, что во всѣхъ отчетахъ по духовному вѣдомству за послѣдніе годы свидѣствуется о духѣ кротости и терпѣнія въ отношеніяхъ православнаго духовенства къ раскольниковамъ и объ убѣжденіи его въ дѣйствительности однѣхъ мѣръ увѣщанія. Стало быть, повторяемъ, изъ среды духовенства не можетъ исходить какое-либо противодѣйствіе полному гражданскому уравниенію раскольниковъ, такъ какъ такое противодѣйствіе означало бы надежду — вопреки двухвѣковому опыту — обратить ихъ въ православіе при помощи свѣтской власти, по принужденію, представляемому лишеніемъ правъ, поставленіемъ многочисленнаго населенія внѣ закона.

О необходимости дарованія гражданской полноправности раскольниковамъ мы говорили при обсужденіи прошлагодняго отчета по духовному вѣдомству, и упоминали тогда, что готовится проектъ закона по узаконенію браковъ между лицами, принадлежащими къ расколу. Вопросъ этотъ разсматривался въ административной сферѣ цѣлое десятилѣтіе, такъ какъ коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій относительно раскольниковъ была назначена еще въ 1863 году. Въ настоящее время проектъ новаго закона уже разсмотрѣнъ въ двухъ департаментахъ государственнаго совѣта, но подлежалъ еще обсужденію въ общемъ собраніи. Къ сожалѣнію, задача коммиссіи разрѣшается нынѣшнимъ проектомъ въ самомъ узкомъ смыслѣ; вмѣсто пересмотра, въ смыслѣ религіозной терпимости, законовъ и административныхъ предписаній, ставящихъ раскольниковъ въ совершенно исключительное положеніе, рѣчь идетъ теперь только о томъ, чтобы узаконить ихъ браки пропискою въ полиціи.

Въ сущности, у насъ предполагается теперь ввести для раскольниковъ то, что въ Пруссіи установлено недавно для всѣхъ граж-

данъ: передача метрическихъ книгъ изъ рукъ духовной власти въ вѣдѣніе власти свѣтской. Было бы вполне рационально сдѣлать то же самое и у насъ для всѣхъ гражданъ. Тогда не потребовалось бы принимать эту мѣру въ видѣ исключительной для раскольниковъ и предполагать ее, опять въ видѣ исключительной мѣры, для евреевъ. Цѣль законодательства—установленіе равноправности членовъ государства. Вотъ почему законодательныя мѣры, имѣющія отношенія къ политическимъ и гражданскимъ правамъ подданныхъ, бываютъ тѣмъ цѣлесообразнѣе и удовлетворительнѣе, тѣмъ болѣе общій характеръ онѣ имѣютъ. Положимъ, узаконить браки, рожденія и погребенія раскольниковъ необходимо потому, что оставленіе пятой части великорусскаго народа внѣ гражданскихъ правъ представляло вопиющую аномалію. Положимъ, изыятіе метрическихъ еврейскихъ книгъ изъ рукъ раввиновъ признается нужнымъ въ виду всеобщей воинской повинности, для того, чтобы пресѣчь еврейскіе способы уклоняться отъ ея отбыванія. Но было бы лучше, еслибы законодательство гражданскихъ правъ истекало не изъ отдѣльныхъ случаевъ, въ виду специальныхъ соображеній, а изъ принциповъ общихъ; въ виду возрѣвѣній болѣе широкихъ, нѣтъ никакого серьезнаго основанія оставлять у насъ веденіе метрическихъ книгъ въ рукахъ духовныхъ властей. Нынѣшній порядокъ представляетъ многія неудобства. Прежде всего самое основное удостовѣреніе гражданскихъ правъ—регистрація рожденій, дѣлается у насъ священниками, которые не имѣютъ ни юридическаго навыка, ни, быть можетъ, даже той дѣловитой сухости, какая требуется для совершенія юридическихъ актовъ. Призванный въ домъ для крещенія, священникъ обыкновенно поручаетъ своему причетнику записать родителей и восприемниковъ ребенка и день его рожденія. Причетникъ записываетъ фактъ со словъ того лица, которое ему этотъ фактъ сообщаетъ, хотя бы то былъ посторонній, распоряжающійся домашними приготовлениями къ совершенію обряда. Скажутъ ему, что ребенокъ рожденъ въ законномъ бракѣ такихъ-то, онъ такъ и запишетъ. Даже если записываетъ самъ священникъ, онъ стѣсняется не только потребовать акта о бракѣ, но даже и спросить, рожденъ ли ребенокъ въ законномъ бракѣ. Благодаря такому порядку, было немало примѣровъ, что незаконныя дѣти записывались въ метрикахъ законными и пользовались всѣми наслѣдственными правами, если не встрѣчалось къ тому спора. Допустимъ, что особеннаго вреда отъ этого не происходило, но если въ глазахъ закона должно существовать важное различіе въ правахъ дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ или внѣ брака, то само собою разумѣется, что возможность нарушенія закона должна быть по возможности устраняема вовсе, а не облегчаема. Нотаріусъ не ограничился бы

спросомъ, но непремѣнно потребовалъ бы удостовѣренія брака. Относительно засвидѣтельствованія другихъ актовъ гражданскаго состоянія, какъ-то: брака и смерти, представляются отчасти тѣ же, отчасти другія, не меньшія неудобства при веденіи ихъ духовными лицами. Однимъ изъ важныхъ неудобствъ церковнаго брака, въ смыслѣ юридическомъ, представляется возникающее отсюда подчиненіе бракоразводныхъ дѣлъ церковному суду. Проектъ преобразования духовнаго суда предполагаетъ, правда, изъять изъ его вѣдѣнія дѣла бракоразводныя; но если расторженіе брака, освященнаго церковью, можетъ быть предоставлено свѣтской, юридической власти, то не естественно ли было бы и заключеніе брака въ смыслѣ юридическомъ предоставлять той же власти. Погребеніе производится священникомъ только по представленію медицинскаго свидѣтельства; но правило это соблюдается только въ городахъ. Огромное большинство погребеній производится безъ всякаго удостовѣренія факта смерти даннаго лица, кромѣ совершенія обряда погребенія надъ лицомъ, которому, по показанію родныхъ, принадлежитъ такое-то имя. Никакого удостовѣренія личности при этомъ нѣтъ, а между тѣмъ выписъ изъ церковныхъ книгъ служить впослѣдствіи свидѣтельствомъ, что умерло въ дѣйствительности такое-то лицо. Понятно, что при этомъ легко могутъ происходить недоразумѣнія.

Все это доказываетъ, что было бы вполне рационально веденіе метрическихъ книгъ передать изъ рукъ духовныхъ лицъ въ вѣдѣніе особыхъ лицъ судебного вѣдомства, особыхъ нотаріусовъ (*Standesbeamten*), для всего населенія и всѣхъ исповѣданій въ Россіи. Тогда исчезла бы и необходимость такихъ исключительныхъ мѣръ, какъ передача въ свѣтское вѣдомство метрикъ однихъ евреевъ или узаконеніе браковъ между раскольниками посредствомъ прописки въ полиціи, подобно тому, какъ удостовѣряется мѣсто жительства городскихъ обывателей.

Независимо отъ такихъ соображеній, и самый способъ узаконенія раскольничьихъ браковъ, въ томъ видѣ, какъ онъ предположенъ проектомъ, вызываетъ возраженія. Изложимъ общія основанія проекта. Предполагается вестъ для раскольниковъ особыя метрическія книги; въ городахъ ихъ будетъ вестъ полиція, въ селеніяхъ волостное правленіе. Въ эти книги вносятся рожденія и смерти раскольниковъ и записываются ихъ браки, по заявленію брачующихся. Но при этомъ устанавливается еще такое ограниченіе, что въ метрическую книгу могутъ быть вписаны только браки такихъ раскольниковъ, которые родились въ расколѣ, но ни въ какомъ случаѣ браки такихъ, которые „собрались“ въ расколъ изъ православія. Это ограниченіе лишаетъ проектъ всякаго значенія уступки принципу вѣроуверенно-

сти. Изъ этого ограниченія слѣдуетъ, что вся эта мѣра имѣетъ чисто полицейское значеніе, имѣетъ въ виду только „приведеніе въ порядокъ“ гражданскаго положенія наслѣдственныхъ раскольниковъ, съ подчиненіемъ ихъ общимъ гражданскимъ законамъ, но отнюдь не предполагаетъ отмены административно-полицейскихъ мѣръ противъ распространенія раскола. Государство въ виду древности раскола въ Россіи соглашается, наконецъ, удостоить расколъ, какъ фактъ давно совершившійся, признанія посредствомъ полицейскаго перечета его членовъ. Но государство нисколько не намѣрено отказаться отъ своей прежней точки зрѣнія, той точки зрѣнія, какая унаслѣдована нами отъ временъ царя Алексѣя Михайловича. Въ то время весь расколъ былъ новъ, всѣ раскольники были „свращенные изъ православія“ и считались преступниками. Точно также нынѣшній проектъ смотритъ на расколъ и въ наше время. Будь нынѣшній проектъ приведенъ въ дѣйствіе при Алексѣѣ Михайловичѣ, и ни одинъ раскольникій бракъ не могъ бы быть внесенъ въ метрическія книги. Рационально ли удерживать нынѣ ту точку зрѣнія, которая установилась тогда, когда Россія была еще внѣ Европы? Не слѣдуетъ ли желать, чтобы, если законодательство коснется нынѣ этого вопроса, оно рѣшило бы его уже сообразно съ иной точкой зрѣнія; вѣдь не даромъ же Россія пережила съ тѣхъ поръ двѣсти лѣтъ.

И въ чисто-практическомъ отношеніи ограниченіе, внесенное въ проектъ, вызываетъ важныя неудобства. Какимъ образомъ брачующіеся будутъ доказывать, что они не „свратились“ въ расколъ, но родились въ расколѣ? Потребность, непосредственно вызвавшая нынѣшній проектъ, замѣчается въ томъ, что доселѣ лица, рожденные въ расколѣ, не вносились ни въ какія метрики. Спрашивается, откуда же они будутъ доставлять метрическія свидѣтельства, удостоверяющія о рожденіи ихъ въ расколѣ? Съ другой стороны, извѣстно, что доселѣ, при отсутствіи официального признанія раскола, есть весьма многочисленный классъ людей, считающихся официально православными, хотя они раскольники и родители ихъ были раскольники; есть даже такіе раскольники, которые посѣщаютъ церкви и изрѣдка исполняютъ обряды, потому именно, что расколъ находится внѣ закона. При ограниченіи, допущенномъ въ нынѣшнемъ проектѣ, для всѣхъ такихъ людей узаконеніе браковъ посредствомъ регистраціи будетъ недоступно.

Въ проектѣ предположено допускать регистрацію браковъ только лицъ, родившихся въ расколѣ и притомъ соединяющихъ въ себѣ тѣ условія, какія по „общему“ закону даютъ право на вступленіе въ бракъ. Для удостовѣренія наличности всѣхъ этихъ условій требуется поручительно нѣсколькихъ лицъ. Допустимъ, что поручители мо-

гугь знать, родились ли брачующіеся въ расколѣ, если бракъ заключается въ той мѣстности, въ которой родились женихъ и невѣста. Но если одинъ изъ нихъ родился въ другой мѣстности, то поручители, очевидно, должны будутъ сами полагаться на одно увѣреніе самихъ вступающихъ въ бракъ, что они никогда къ православію не принадлежали. Поручительство, во всякомъ случаѣ, не можетъ замѣнить документальнаго удостовѣренія, а такого удостовѣренія не можетъ быть, потому что у раскольниковъ доселѣ не было метрикъ. Сверхъ того, что значить наличность прочихъ „условій“, дающихъ право на вступленіе въ бракъ по общему закону? О какомъ общемъ законѣ можетъ быть рѣчь въ отношеніи степеней родства, при коихъ разрѣшается бракъ? У протестантовъ дозволяется жениться на двоюродной сестрѣ, на свояченицѣ, на племянницѣ; у православныхъ не только не дозволяется бракъ при такихъ степеняхъ родства и свойства, но даже бракъ между лицами, связанными воспріятіемъ при крещеніи. Нѣтъ никакого основанія полагать, что въ различныхъ нашихъ раскольниковыхъ сектахъ, степени родства и свойства считаются большимъ препятствіемъ къ заключенію брака, чѣмъ у протестантовъ. Какой же „общій“ законъ будетъ примѣняемъ въ этомъ отношеніи къ раскольниковымъ бракамъ полиціею и волостными правленіями, предполагая даже, что полиція и волостныя правленія достаточно знакомы съ каноническими правилами, или хотя бы законами о бракахъ, и не будутъ воспрепятствовать, напримѣръ, брака между самыми отдаленными родственниками. Вообще предоставленіе полиціи и волостнымъ правленіямъ совершенія актовъ гражданскаго состоянія само по себѣ неудобно. Когда запродажа лошади не можетъ быть удостовѣрена полиціею (которая можетъ только свидѣтельствовать подлинность подписи), не будетъ ли противорѣчіемъ общему закону предоставленіе ей совершать акты, неразлучно связывающіе людей на всю жизнь? Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что предоставляя совершеніе брака полиціи, проектъ, однако, не предоставляетъ ей произносить расторгненіе брака, но подчиняетъ бракоразводнымъ дѣламъ раскольниковъ гражданскимъ судамъ, на основаніи общаго закона. Остается только пожалѣть, что и для совершенія юридическаго брака не устанавливается общаго же закона для всего населенія Россіи.

Проектъ предполагаетъ распространять дѣйствіе новыхъ постановленій относительно раскольниковыхъ браковъ только на браки лицъ, принадлежащихъ къ тѣмъ сектамъ, которыя признаютъ въ бракѣ союзъ пожизненный, а не временный. Брачныя сопряженія тѣхъ раскольниковъ, которые смотрятъ на бракъ, какъ на временное сожительство, не будутъ допускаемы къ регистраціи. Фактъ регистраціи будетъ самъ по себѣ сообщать браку законность. На осно-

ваніи метрическихъ книгъ будутъ выдаваться свидѣтельства о рожденіи, бракѣ и кончинѣ. Въ этомъ заключаются остальные изъ важнѣйшихъ чертъ проекта, котораго сущность изложена выше. Въ совокупности, онъ представляетъ исключительную мѣру, вдобавокъ стѣсненную такимъ ограниченіемъ, которое лишаетъ ее всякаго значенія въ смыслѣ шага ко введенію въ наше законодательство принципа полной вѣротерпимости. Нельзя не пожелать, чтобы при разсмотрѣніи проекта въ общемъ собраніи онъ подвергся весьма существеннымъ измѣненіямъ, которыя устранили бы по крайней мѣрѣ указанное ограниченіе относительно браковъ лицъ, перешедшихъ въ расколъ. Тогда мѣра эта, хотя оставалась бы все-таки исключительною, но имѣла бы значеніе шага впередъ, такого успѣха, для котораго законодательству, казалось бы, уже настала пора послѣ двухсотлѣтняго отношенія къ отпаденію въ расколъ, какъ къ преступленію противъ государства. Значительная часть раскольниковъ не могла бы воспользоваться закономъ въ предполагаемомъ видѣ уже по смыслу устанавливаемыхъ имъ ограниченій. Если затѣмъ и въ средѣ раскольниковъ, признающихъ бракъ пожизненнымъ союзомъ и родившихся въ расколѣ, многіе почувствуютъ, вовсе не невероятное съ ихъ стороны, нерасположеніе заявлять о своихъ бракахъ именно полиціи, то оставалось бы только пожелать, что принята полумѣра недостаточно примѣнимая на практикѣ, а между тѣмъ этой полумѣрой отсрочилось на неопредѣленное время осуществленіе дѣйствительной равноправности раскольниковъ, то-есть русскихъ протестантовъ.

Обратимся теперь къ той части отчета по духовному вѣдомству, въ которой излагаются за 1872 г. внѣшнія отношенія русской церкви. Уже изъ прежнихъ отчетовъ оберъ-прокурора св. синода извѣстно, что наша церковь заняла нейтральное положеніе въ греко-болгарской распрѣ. Вслѣдъ за провозглашеніемъ болгарскимъ экзархомъ Анеимомъ и болгарскими епископами независимости ихъ церкви отъ константинопольскаго патріархата, въ маѣ 1872 года, патріаршій синодъ объявилъ болгарскаго экзарха лишеннымъ сана, двухъ епископовъ, еще прежде низверженныхъ, отлучилъ отъ церкви, а одного, Иллариона Макаріупольскаго, еще прежде отлученнаго, объявилъ „повиннымъ гееннѣ огненной и вѣчной анаемѣ“, распространивъ соотвѣтствующія церковныя кары и на всѣхъ клириковъ и мірянъ, находящихся въ общеніи съ осужденными епископами. Затѣмъ, константинопольскій патріархъ созвалъ соборъ, объявившій въ сентябрѣ 1872 г. схизматиками всѣхъ болгарскихъ епископовъ, духовенство и народъ. Это опредѣленіе константинопольскаго собора сообщено было и нашей церкви, при посланіи патріарха. Съ другой стороны,

нашъ синодъ получилъ посланіе и отъ экзарха болгарскаго съ протестомъ противъ опредѣленія собора и съ просьбою объ общеніи съ болгарскою церковью. Св. синодъ, который прежде давалъ обѣимъ сторонамъ совѣты умѣренности, при такихъ новыхъ обстоятельствахъ „уклонился отъ новаго сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, равно и отъ отвѣта на посланіе экзарха болгарскаго, предоставивъ себѣ, въ случаѣ нужды, подать свой безпристрастный голосъ по болгарскому дѣлу въ то время, когда возбужденныя страсти утихнутъ“. Такимъ образомъ, въ настоящее время остается не рѣшеннымъ, признается ли нашимъ церковнымъ правительствомъ болгарская церковь православною, или опредѣленіе константинопольскаго собора законнымъ. Въ отчетѣ за 1872 г. не могли быть упомянуты нѣкоторые мѣры относительно находящихся въ предѣлахъ Россіи недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ восточнымъ церквамъ, имѣвшія цѣлью ограничить право распоряженія этими имуществами. Мы напоминаемъ объ этихъ мѣрахъ здѣсь потому, что онѣ были вызваны послѣдствіями той же греко-болгарской распри.

Между тѣмъ, какъ наше высшее церковное управленіе уклонилось отъ участія въ рѣшеніи греко-болгарскаго вопроса, при нынѣшней его обстановкѣ, константинопольскій патріархъ не далъ, въ теченіе 1872 года, отвѣта по проекту соединенія, чрезъ посредство русской церкви, предположенной западной православной церкви съ восточною, хотя вопросъ этотъ былъ переданъ патріарху св. синодомъ еще въ мартѣ 1872 г., такъ что при заключеніи отчета истекло уже съ того времени около года. Такимъ образомъ, задерживается дѣло, котораго „скорѣйшее и благопріятное рѣшеніе“, по замѣчанію отчета, „было бы весьма желательно и имѣло бы особое значеніе въ виду совершающагося и быстро возрастающаго на западѣ Европы старокатолическаго движенія“. Вопросъ этотъ возникъ еще въ 1869 году вслѣдствіе присоединенія къ православію проживающаго въ Англіи доктора богословіи Овербека, который представилъ нашему синоду отъ имени 122 членовъ англиканской церкви прошеніе о содѣйствіи къ возстановленію православной церкви на западѣ. Овербекъ представилъ въ послѣдствіи и выработанный имъ текстъ православной западной литургіи на латинскомъ языкѣ. Эта литургія существенно отличается отъ восточной внѣшнимъ своимъ порядкомъ, такъ какъ просители желаютъ „остаться западными православными“, то-есть, сохранить „освященные на западѣ временемъ и обычаемъ нѣкоторые мѣстные обряды и внѣшній порядокъ богослуженія“, но принимаютъ всѣ догматы и каноны, утвержденные семью вселенскими соборами. Для разсмотрѣнія этого прошенія синодомъ назначена была особая коммиссія, въ которую затѣмъ былъ переданъ и

текстъ литургіи, составленной Овербекомъ. Комиссія сдѣлала въ этомъ текстѣ нѣкоторыя измѣненія, а синодъ, обсудивъ это дѣло въ своемъ собраніи, нашелъ справедливымъ и желательнымъ, чтобы просители и всѣ, кто присоединится къ нимъ, были приняты въ общеніе православной церкви, какъ члены ея, съ тѣмъ, чтобы имъ было разрѣшено сохранить нѣкоторые мѣстные обряды и совершать литургію по тексту, составленному Овербекомъ и нѣсколько измѣненному, какъ комиссіею синода, такъ и самимъ собраніемъ синода. Но синодъ, не считая себя вправе, безъ согласія предстоятелей другихъ православныхъ церквей, дать рѣшеніе дѣлу, касающемуся всей восточно-каатолической церкви, препроводилъ рукопись Овербека съ своими примѣчаніями къ константинопольскому патріарху, отъ котораго доселѣ не получено отвѣта. По той же причинѣ задержалось рѣшеніе синода относительно просьбы французскаго аббата Мишю, бывшаго викарія церкви св. Магдалины въ Парижѣ, о принятіи его и одинаково мыслящихъ съ нимъ французскихъ старокатоликовъ въ православную церковь на нѣкоторыхъ условіяхъ. На конгрессѣ германскихъ старокатоликовъ, бывшемъ въ Кельнѣ, въ сентябрѣ 1872 г., участвовали ректоръ петербургской духовной академіи и еще два православныхъ священника. На томъ же конгрессѣ представлено было нѣсколько листовъ нѣмецкаго перевода отчета оберъ-прокурора за 1870 годъ, сдѣланнаго священникомъ Тачаловымъ, который затѣмъ издалъ этотъ переводъ въ Германіи. Нынешній отчетъ упоминаетъ еще, что въ православной домово́й церкви въ Нью-Йоркѣ предположено все богослуженіе отправлять на англійскомъ языкѣ.

Невыгоды, представляемыя соединеніемъ церкви съ государствомъ, причемъ государство обязывается приводить въ исполненіе распоряженія духовныхъ властей, хотя бы посредствомъ прямого употребленія матеріальной силы, — особенно явственно сказываются тогда, когда государству приходится оказывать подобную административно-полицейскую поддержку духовнымъ властямъ церкви даже иновѣрныхъ. По сущности, это обстоятельство не представляетъ различія, какова бы ни была та церковь, которой приходится помогать подобными мѣрами въ дѣлѣ, основанномъ на убѣжденіи; но странность такого несвойственнаго соединенія особенно бросается въ глаза, когда государство вынуждено силою заставлять иновѣрцевъ слушаться ихъ же духовенства. Такой случай представился въ недавнее время въ холмской уніатской епархіи. Уніаты по догматамъ — католики; холмскіе уніаты, вмѣстѣ съ ихъ епископомъ, какъ не принимавшіе участія въ старокатолическомъ движеніи, признають догматомъ и непогрѣшимость папы. Но обряды

богослуженія у нихъ, согласно съ нѣсколькими папскими буллами, остались во время соединенія ихъ съ католичествомъ и долгое время послѣ—восточными. Однакоже, подъ давленіемъ католицизма, обряды эти постепенно исказились, принявъ въ значительной степени католическія формы. Произошло это не вдругъ, но непримѣтно, въ теченіе долгаго времени. Такимъ образомъ „старина“, которая въ моментъ соединенія съ католицизмомъ представлялась восточной внѣшностью обрядовъ, въ настоящее время представляется уже, наоборотъ, той своеобразной полу-латинской, полу-греческой внѣшностью, какая создавалась временемъ. Вполнѣ понятно и законно желаніе холмской епархіальной власти возстановить въ уніатскихъ церквяхъ древнюю, отчасти удержанную, а отчасти забытую внѣшность, въ прежней ея чистотѣ; епархіальное начальство дѣйствовало въ этомъ случаѣ на основаніи текста самыхъ папскихъ буллъ. Но въ виду существующей пока обязанности для власти свѣтской поддерживать своимъ авторитетомъ, и хотя бы даже силою, распоряженія духовныхъ властей, послѣднія не должны бы забывать правила крайней осмотрительности и осторожности въ своихъ распоряженіяхъ, особенно въ тѣхъ, которыя отнѣniają порядоки, установившіеся давно, и хотя бы незаконныя, но важущіеся законнымъ въ глазахъ населенія, къ которому онъ перешелъ, какъ наслѣдство. Иначе, при чрезмѣрной поспѣшности, духовныя власти могутъ ставить власть свѣтскую въ крайне затруднительное положеніе, въ необходимость употреблять силу и карать людей, которыхъ вина заключается только въ недоразумѣніи, въ сомнѣніяхъ внутренней совѣсти. Между тѣмъ, холмская епархіальная консисторія, видя медленность исполненія своихъ мѣръ къ очищенію уніатскаго богослуженія отъ латинскихъ формъ и обрядовъ, въ *октябрѣ* 1873 года предписала, чтобы къ *1-му января* 1874 г. окончательно и повсемѣстно были исполнены всѣ ея указанія по этому предмету, основанныя на точномъ смыслѣ буллъ и постановленій. Такимъ образомъ для отмѣны, хотя и законныхъ, формъ, устанавливавшихся въ теченіи трехъ столѣтій, давалось три мѣсяца. По счастью, изъ числа 266 приходоу епархіи только въ 26 приходоу, въ Сѣдлецкой губерніи, произошли безпорядки. Въ трехъ приходоу безпорядки достигли значительныхъ размѣровъ и сдѣлали необходимымъ вмѣшательство воинскихъ командъ. Въ селѣ Дролевѣ, Радинскаго уѣзда, было ранено нѣсколько офицеровъ и солдатъ, которые принуждены были сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, причемъ изъ крестьянъ 1 убитъ, а 10 ранено. Въ селѣ Притулинѣ, Константиновскаго уѣзда, были ранены начальникъ отряда и нѣсколько солдатъ, а изъ крестьянъ 9 убито, 14 ранено. Роль свѣтской власти при всемъ этомъ была вынужденная; правительство не могло не при-

нять мѣръ къ прекращенію безпорядковъ, когда они проявились; военныя команды не могли не отстрѣливаться, когда въ нихъ бросали камнями. Но всего этого прискорбнаго столкновенія, такъ несоотвѣтствующаго и политическимъ соображеніямъ, лучшимъ въ основаніе устройства крестьянскаго самоуправленія въ царствѣ польскомъ, могло бы и не быть, еслибы холмская уніатская консисторія не назначила трехмѣсячный срокъ для исполненія мѣръ, которыя могутъ прививаться только постепенно.

Нельзя не отмѣтить настойчивость, съ какою „Московскія Вѣдомости“ возвращаются къ своему „убѣжденію“ относительно безполезности особыхъ учительскихъ институтовъ и необходимости передать народное обученіе въ руки духовнаго сословія. Вслѣдъ за обнародованіемъ рескрипта 25-го декабря, призывавшаго къ попеченію надъ народными школами дворянство, какъ наиболѣе образованное сословіе, московская газета, повидимому совсѣмъ не кстати, высказала убѣжденіе въ безполезности особыхъ учительскихъ институтовъ, такъ какъ сама эта газета прежде вмѣняла въ заслугу нынѣшнему министерству народнаго просвѣщенія учрежденіе такихъ институтовъ. Противорѣчіе это нисколько не объяснялось измѣненіемъ обстоятельствъ, какъ то объясняли „Московскія Вѣдомости“ прежнія, неоднократно свои противорѣчія. Въ фактахъ *видимыхъ* никакого измѣненія не произошло; рескриптъ 25-го декабря не только не осуждалъ учрежденія учительскихъ институтовъ, но напротивъ, указывалъ въ этомъ учрежденіи одно изъ предназначеній верховной власти. Между тѣмъ, елериальный органъ исподволь проводитъ мысль совсѣмъ иную, и по обычаю приводитъ ее при помощи „запугиванья“. Правда, въ распоряженіи правительства находится и министерство народнаго просвѣщенія, которое, бывъ сперва нерасположено къ устройству учительскихъ институтовъ, убѣдилось наконецъ въ ихъ необходимости, и высшая полицейская власть, спеціальная обязанность которой предупреждать все могущее угрожать общественной безопасности. Но „Московскія Вѣдомости“ повидимому частнымъ образомъ знаютъ болѣе, чѣмъ официально знаетъ министерство народнаго просвѣщенія, и въ заботѣ объ общественной безопасности конкурируютъ со спеціальнымъ полицейскимъ вѣдомствомъ. Такимъ образомъ, въ опасеніяхъ на счетъ общественнаго порядка, елериальный московскій органъ заходитъ всегда далѣе осторожности правительства. Такъ, въ настоящемъ случаѣ органъ этотъ указываетъ намъ на бѣдствія революціи и распространеніе въ народѣ социалистическихъ ученій, бывшія будто бы во Франціи и Германіи прямымъ послѣдствіемъ учрежденія особыхъ учительскихъ институтовъ

и „поднятія уровня образованія школьнаго учителя гораздо выше крестьянской среды, къ которой онъ принадлежитъ“. Эскамотажъ, при помощи котораго выставляется по поводу русскихъ учительскихъ институтовъ такое страшилище — гидра „перечуенныхъ“ сельскихъ учителей, весьма простъ: онъ заключается въ томъ, что выписывается нѣсколько строкъ изъ журнальной статьи, напечатанной въ Парижѣ въ 1849 году, подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго въ то время первымъ социалистскимъ возстаніемъ, и еще приводится нѣсколько строкъ изъ Рилля и Жюля Симона, которые оба написали ихъ совсѣмъ не съ цѣлью доказывать, что сельскій учитель долженъ знать не болѣе крестьянъ, но съ цѣлью показать, что нельзя оставлять образованныхъ людей съ тѣми ничтожными окладами, какими вознаграждалась должность сельскихъ учителей во Франціи и Германіи. Опровергать аргументацію „Московскихъ Вѣдомостей“ не стоить, потому что она фальшива и неискренна завѣдомо. Забавенъ въ ней тотъ пріемъ, который состоитъ въ преувеличеніи необходимаго нынѣ числа школъ и необходимаго оклада учительскаго жалованья, съ тѣмъ, чтобы вывести изъ такого сопоставленія невозможность устроить это дѣло иначе, какъ посредствомъ передачи его въ руки духовныхъ семинаристовъ: число народныхъ школъ принимается въ 200 тысячъ! окладъ жалованья сельскаго учителя въ 1,000 рублей! выходитъ сумма 200 милліоновъ рублей на жалованье учителямъ. Заключение — учить должны псаломщики въ ожиданіи мѣсть, а особыхъ учителей не надо, тѣмъ болѣе, что „мы видѣли, къ какимъ результатамъ (т.-е. къ революціи) пришли правительства Франціи и Германіи“. Это — жонглерство, а не разсужденіе. Опровергать его не стоить; но замѣчательна, повторяемъ, настойчивость, съ какою клерикальный органъ возвращается къ этой мысли и исподволь проводить ее, даже послѣ рескрипта 25-го декабря.

Извѣстно, что рескриптъ этотъ возбудилъ немало толковъ. Дворянство откликнулось на обращенный къ нему призывъ, но доселѣ не слышно еще, чтобы вырабатывались предположенія по осуществленію новой роли дворянства въ народной школѣ. Рескриптъ 25-го декабря опредѣлялъ въ извѣстномъ направленіи будущую дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія въ отношеніи къ народнымъ школамъ: учрежденіе учительскихъ институтовъ, распространеніе народныхъ школъ и поставленіе ихъ подъ наблюденіе наиболѣе образованнаго класса общества — таковы были указанныя министерству основныя черты. Последняя изъ нихъ дѣлала необходимымъ совершенное преобразование въ системѣ инспекціи народныхъ школъ, какъ она была отчасти уже учреждена министерствомъ и предположена къ дальнѣйшему развитію. Мы держимся того убѣжденія, что

всякая замѣна излишняго бюрократическаго надзора надъ школою помеченіемъ о ней образованнаго общества обѣщаетъ пользу. Но сумѣетъ ли одно дворянство исполнить съ успѣхомъ свое новое призваніе въ школѣ, особенно среди тѣхъ условій, въ какія оно будетъ поставлено дальнѣйшими предположеніями министерства—мы не можемъ предвидѣть, такъ какъ предположенія эти еще не выработаны, или если выработаны, то останутся намъ неизвѣстными. Для плодотворности всякой общественной дѣятельности нуженъ просторъ, нужно, чтобы она не была впередъ сдѣлана призрачною тѣни условіями, какими она обставлена. Желательно, чтобы при выработкѣ основаній для участія дворянства въ дѣлѣ народной школы, это не было упущено изъ виду.

Но допустимъ на минуту самое пессимистское воззрѣніе; допустимъ, что не удалось новыми правилами удачно согласить серьезную дѣятельность дворянства для школы съ административной инспекціею; что результатомъ стремленія воспользоваться успѣхами дворянства, не уступая ничего существеннаго изъ системы инспекціи, явилась несостоятельность всего дѣла, бесплодность участія дворянства въ надзорѣ за народною школою. Тогда можетъ представиться новая или, лучше сказать, старая опасность: что дѣло народнаго образованія, пройдя чрезъ стадіи сперва смѣшаннаго административно-земскаго надзора, потомъ административной инспекціи, наконецъ административно-дворянской опеки, было бы, наконецъ, признано „безнадежнымъ“ къ веденію въ свѣтскомъ вѣдомствѣ вообще и было бы передано окончательно на руки духовенству и въ вѣдомство высшаго духовнаго управленія на основаніи того же текста, который нѣкогда съ такою увѣренностью приводился въ пользу этого рѣшенія, на основаніи того соображенія, что дѣло народнаго образованія всецѣло и исключительно должно подлежать одному духовенству, ибо сказано: „шедше научите вси народы“. Хотя изреченіе это въ устахъ божественнаго Учителя касалось однѣхъ только истинъ религіи и вовсе не означало, что апостолы должны обучать всѣ народы свѣтскому знанію и ремесламъ, но извѣстно, что клирики безцеремоннѣе кого-либо обращаются съ текстами.

Допущенное нами на минуту пессимистское предположеніе мы назвали опасностью потому именно, что передача всѣхъ народныхъ школъ въ духовное вѣдомство возложила бы на духовенство такую обязанность, которой оно, по своему обремененію требами, исполнять не можетъ, а между тѣмъ съ передачею школъ въ духовное вѣдомство непремѣнно ослабѣло бы рвеніе мірскаго общества къ учрежденію ихъ на его средства. Доказательствомъ тому можетъ служить приведенный выше фактъ ежегоднаго весьма быстраго паденія числа

народныхъ школъ, остающихся въ рукахъ духовенства. Повторяемъ, что опасность эта могла бы представиться при неудачной постановкѣ отношеній дворянства къ инспекціи. Вотъ почему настойчивость, съ какою „Московскія Вѣдомости“ проводятъ со времени обнародованія рескрипта мысль, которая совсѣмъ изъ него не истекаетъ, а напротивъ относится къ прошлому, къ предположеніямъ уже обсужденнымъ и осужденнымъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, и обращаетъ на себя наше вниманіе. Не считаетъ ли съ своей стороны клерикальный органъ вѣроятнымъ тотъ результатъ неудачи, который мы указали только въ видѣ пессимистскаго предположенія? Не признаетъ ли онъ нужнымъ „подготовлять почву“ уже съ самаго начала для того, чтобы, въ случаѣ неудачи, подсказать готовое рѣшеніе: съ надзоромъ за народной школой испробовано-де все, и остается только одно—передать ее окончательно въ духовное вѣдомство? Въ свое время можно будетъ сослаться и на такіе авторитеты, какъ графъ Блудовъ, оберъ-прокуроръ Ахматовъ, и бывший министръ народнаго просвѣщенія Норовъ.

Будемъ, однако, надѣяться, что все это не состоится; что рескриптъ 25-го декабря будетъ не только приведенъ въ исполненіе, но что указанныя имъ министерству народнаго просвѣщенія начала будутъ, стараніями министерства, проведены съ полнымъ успѣхомъ, при удовлетворительномъ согласованіи роли министерскаго надзора съ ролью дворянства въ умноженіи и охраненіи школъ отъ вредныхъ вліяній. Но еслибы, сверхъ чаянія и хотя бы по причинамъ, независящимъ отъ той постановки, какая будетъ дана дѣлу, успѣха не оказалось, и изъ этого неуспѣха все-таки не слѣдовало бы, что народное образованіе нужно передать всецѣло духовенству или духовному сословію. Должность народнаго учителя не должна быть чѣмъ-либо въ родѣ „передней“, въ которой временно толкались бы чающіе иныхъ мѣстъ и выходящіе въ ней *passer-by*. Уже сама по себѣ безпрестанная смѣна учителей дѣйствовала бы вредно на школу, мѣшая ей установиться и приобрести прочное довѣріе населенія. Что касается запугиванія „переученостью“ народныхъ учителей, то вмѣсто того, чтобы искать примѣровъ въ Германіи и Франціи, надо взять дѣло, какъ оно есть въ Россіи. Въ нашихъ учительскихъ институтахъ преподаются, сверхъ предметовъ общихъ имъ съ народными школами, и слѣдующіе научные предметы: арифметика и начальная алгебра (т. е. та же арифметика съ замѣною цифръ буквами), геометрія, русская и всеобщая исторія и географія, естественная исторія и физика, и педагогика. О какой же „переучености“ тутъ можетъ быть рѣчь? Неужели считать излишнимъ для народнаго учителя ознакомленіе съ методами обученія, или поставленіе его въ возможность пра-

вильно отвѣчать на такіе вопросы дѣтей, какъ, напримѣръ, кто былъ Ермакъ или Наполеонъ, какіе есть народы, кромѣ русскаго, что такое дождь, или какъ дѣйствуетъ телеграфъ? Если учитель не будетъ въ состояніи отвѣчать на подобные вопросы, то могутъ ли въ наше время даже деревенскіе мальчишки, въ числѣ которыхъ нерѣдко бываютъ взрослые парни, чувствовать довѣріе къ знаніямъ учителя, довѣрія, безъ котораго нѣтъ успѣха въ ученіи?

Впрочемъ, еслибы намъ сказали, что по спѣшности дѣла, по необходимости приготовить скорѣе возможно большее число учителей признается нужнымъ сократить курсъ въ учительскихъ институтахъ съ трехъ лѣтъ до двухъ, съ соответственнымъ ограниченіемъ программы, то мы ничего не могли бы сказать противъ этого. Пусть программа будетъ ограничена сколько окажется удобнымъ—не изъ смѣшного опасенія переучености, но изъ соображеній практическихъ—но пусть все-таки для сельскихъ школъ образуются учителя изъ самого крестьянскаго сословія, какъ то имѣлось въ виду доселѣ, и пусть оставятъ въ сторонѣ расчетъ на духовныхъ семинаристовъ. Если кто можетъ быть признанъ „переученнымъ“ и ненадежнымъ для народной школы, то скорѣе всего именно они. Прочитавъ Гомера, Платона, Горація, Цицерона и бл. Августина въ подлинникѣ, пройдя психологію и „обзоръ философскихъ ученій“, занимавшись чтеніемъ объ отцахъ церкви по-гречески, изучивъ догматическое и нравственное богословіе, гомиетику и т. д. и сверхъ всего—получивъ право на XIV классъ, они будутъ презирать ученье грамотѣ и крестьянскихъ мальчиговъ, и на все свое положеніе будутъ смотреть, какъ на странствованіе въ пустынѣ, въ ожиданіи обѣтованной земли.

Говоря о клерикальных тенденціяхъ, органами которыхъ по отношенію къ народному образованію служатъ „Московскія Вѣдомости“, мы обязаны указать, откуда эти тенденціи исходили. Клерикальной партіи въ томъ смыслѣ, какъ она существуетъ въ другихъ странахъ, у насъ нѣтъ, какъ нѣтъ въ томъ смыслѣ ни консервативной, ни либеральной партій. Но у насъ есть клерикальные кружки. Если бы мы даже не знали, что такіе кружки дѣйствительно существуютъ, то должны были бы догадываться о томъ по слѣдующему соображенію: массѣ русскаго народа вообще свойственно чувство религіозной терпимости; образованное общество въ Россіи, за ничтожными по числу исключеніями, не только не заражено фанатизмомъ, но даже относится слишкомъ равнодушно къ религіознымъ вопросамъ, какъ о томъ неоднократно свидѣтельствовали прежніе отчеты оберъ-прокурора св. синода. Правительство прямо заинтересовано въ томъ, чтобы не возбуждать никакихъ религіозныхъ преслѣдованій, чтобы остав-

лать раскольниковъ въ покоѣ и дать имъ гражданскую равноправность. При такомъ общемъ настроеніи, какъ объяснить тѣ задержки, какія доселѣ противопоставляются признанію принципа полной религіозной терпимости въ государствахъ? Какъ объяснить, что доселѣ не возбуждено вопроса о пересмотрѣ, съ этой цѣлью, обветшалыхъ постановленій нашего уголовного кодекса; что въ самое предположеніе объ опредѣленіи гражданскихъ правъ раскольниковъ проникли указанные выше ограниченія; что могутъ еще совершенно неожиданно представляться такія явленія, какъ назначеніе срока всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ для измѣненія нѣкоторыхъ внѣшнихъ особенностей уніатскихъ церквей, въ холмской епархіи, или сообщенное недавно московскою газетою распоряженіе о принятіи „строгихъ мѣръ“ къ искорененію въ епархіяхъ кievской и одесско-херсонской секты штундистовъ, то-есть послѣдователей нѣкоторыхъ началъ протестантизма? Все это нисколько не соотвѣтствуетъ ни общему настроенію народа, ни принципу терпимости, который однажды былъ такъ ясно выраженъ нашимъ государственнымъ канцлеромъ (въ отвѣтъ протестантской депутаціи въ Фридрихсгафенѣ), ни общему духу другихъ правительственныхъ мѣръ, какъ-то: отказу на дѣлѣ отъ общихъ мѣръ преслѣдованія раскола, допущенію въ прибалтійскомъ краѣ крещенія протестантскими священниками дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и даже оставленію, но только въ этомъ краѣ, безъ преслѣдованія перехода лицъ изъ православнаго исповѣданія въ лютеранское.

Такое частное противорѣчіе отдѣльныхъ явленій общему духу отражается и въ самой печати. Пусть клерикальныя стремленія, выражаемыя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ по отношенію къ народной школѣ въ наше время, послѣ того, какъ стремленія эти были уже осуждены цѣлое десятилѣтіе тому назадъ, представляютъ одну фантазію. Но нравственный уровень этой газеты не таковъ, чтобы въ словахъ ея можно было предполагать одно увлеченіе искреннимъ убѣжденіемъ. Во всемъ скорѣе можно заподозрить издателей этой газеты, чѣмъ въ наивности. Фантазіи они распространять не стануть, если не рассчитываютъ, что за этой фантазіей есть извѣстная доля вліянія,—какъ то иногда бываетъ съ другими органами. Напримѣръ, намъ случилось въ одномъ изъ номеровъ „Голоса“, за прошлый мѣсяцъ (№ 71-й), въ одной и той же статьѣ, прочесть сначала весьма энергическое отрицаніе клерикальнаго ученія „Московскихъ Вѣдомостей“ о бесполезности учительскихъ институтовъ и необходимости семинарскихъ наставниковъ для народа, и тутъ же встрѣтиться съ безусловнымъ сочувствіемъ проекту о полицейскомъ веденіи метрику раскольниковъ, а также и съ полнымъ одобреніемъ мѣръ, принимаемыхъ противъ штундистовъ. Итакъ, въ первомъ случаѣ „Го-

лось" является противникомъ клерикальных тенденцій, потому ли, что считаетъ вліяніе ихъ недостаточно сильнымъ для осуществленія мысли, подсказываемой въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, или потому, что считаетъ свое дѣло все равно испорченнымъ въ глазахъ того кружка, который представляется въ данномъ случаѣ московскою газетою, такъ что на этотъ разъ ему не стоить и прикрываться. Но въ двухъ другихъ случаяхъ совершилось переодѣваніе: гигроскопическій капудинъ редакціоннаго барометра натягиваетъ свой капшонъ и является полнымъ капудиномъ. „Голосъ“ увѣряетъ даже, что мѣры, принятыя противъ распространителей штундизма, которые посажены въ тюрьму, „нельзя считать признакомъ нетерпимости“. Разъ произнесъ такую фразу, которой отъ него никто не требовалъ, „Голосъ“, со свойственной ему всегда „слабостью въ теоріи“, привелъ такое объясненіе своихъ взглядовъ: „правительство не можетъ относиться индифферентно къ ложнымъ вѣрованіямъ; охраненіе господствующей религіи (какъ будто въ протестантствѣ есть нападеніе на господствующую религію) входитъ въ кругъ его обязанностей, и въ этомъ отношеніи, конечно, административно-полицейскія мѣры должны уступить духовно-нравственному вліянію законодательства (какія же средства дѣйствія есть у законодательства, кромѣ административно-полицейскихъ мѣръ?), разумно согласованнаго съ требованіями, какъ вѣротерпимости относительно отпавшихъ членовъ православной паствы, такъ и охраны той религіи, которая исповѣдывается большинствомъ населенія“. Какимъ образомъ государство можетъ охранять *религію*, и вообще какой смыслъ представляетъ все это сдѣланіе противорѣчивыхъ оговорокъ—это вопросы, которые мы оставимъ безъ разрѣшенія. Мы хотѣли только показать, что и тѣни, которыя періодически ложатся на нашъ горизонтъ, въ видѣ отдѣльныхъ явленій, и вѣтерокъ, дующій изъ Москвы, и колебанія барометра въ Петербургѣ—все показываетъ, что клерикальныя вліянія у насъ существуютъ, что существуютъ отдѣльные кружки, которые нарушаютъ общее настроеніе.

Къ чести православнаго духовенства въ Россіи можно сказать, что оно никогда и не пыталось сплотиться въ партію для подчиненія себѣ хода мірскихъ дѣлъ, какъ то всегда было цѣлью духовенства католическаго. Конечно, это зависитъ отчасти отъ самой организаціи православнаго духовенства. Ближайшее отношеніе къ обществу имѣетъ у насъ духовенство семейное, котораго члены слишкомъ заняты собственными, семейными заботами, и сверхъ того, не имѣя въ виду чрезъ усиленное рвеніе достигнуть высшихъ іерархическихъ степеней, для него закрытыхъ, не могутъ быть одержимы духомъ честолюбія. Но сверхъ того, и самый духъ православія, охотно уступающій „кесарево кесареви“, имѣетъ несомнѣнное значеніе въ воз-

держаніи большинства самихъ іерарховъ отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла. Но клерикальные кружки въ обществѣ у насъ тѣмъ не менѣе существуютъ, и какъ по составу своему, такъ и по направленію своей дѣятельности вполне похожи на клерикальные кружки, существующіе во Франціи. Основная разница между тѣми и другими зависитъ именно отъ настроенія духовенства въ той и другой странѣ. Въ то время, какъ во Франціи свѣтскіе клерикальные кружки являются только органами, которымъ движеніе сообщается честолюбивымъ и страстнымъ духовенствомъ, у насъ, наоборотъ, скорѣе можно признать, что свѣтскіе клерикальные кружки стараются подвигнуть и увлечь умѣренное духовенство. Кружки эти имѣютъ адептовъ во всѣхъ слояхъ общества; напрасно думаютъ, что всѣ ихъ члены принадлежатъ къ такъ-называемому „свѣту“. Но у насъ, какъ и во Франціи, „свѣтъ“ имѣетъ для этихъ кружковъ значеніе притягательной силы. Многіе изъ самыхъ усердныхъ мірскихъ клерикаловъ, по своему происхожденію и достатку, находятся внѣ „свѣта“, но видятъ въ своемъ усердіи именно средство проникнуть въ „свѣтъ“, завести связи и сдѣлать карьеру. Что касается женщинъ, работающихъ въ такихъ кружкахъ, то онѣ не приходятъ извнѣ, но остаются въ своей „свѣтской“ сферѣ, и являются главными пружинами всей говорящей, ходатайствующей и собирающей лепты дѣятельности кружковъ. Увлекаетъ ихъ въ эту дѣятельность пустота жизни, отсутствіе прямыхъ обязанностей, одиночество или неимѣніе дѣтей.

Само собою разумѣется, что никакой серьезной работы этими кружками не производится уже потому, что они на нее неспособны. Они не имѣютъ такихъ свѣдущихъ и практическихъ руководителей, каковы отцы-іезуиты. Чисто-внѣшняя, легкомысленная бесѣда объ обрядахъ, о цвѣтѣ ризъ и красотѣ голосовъ пѣвчихъ,—вотъ все религіозное созерцаніе, къ какому они способны, вотъ тѣ религіозные интересы, которые имъ доступны. Поверхностность религіознаго образованія у свѣтскихъ женщинъ вообще у насъ такова, что главныя дѣятельницы кружковъ, можно сказать, даже катехизиса порядочно не знаютъ, не знаютъ твердо, въ чемъ состоятъ догматическія особенности того исповѣданія, за мнимые интересы котораго онѣ ратуютъ, и тѣхъ исповѣданій, противъ которыхъ онѣ вооружаются. Достаточно было въ прежнее время появленія краснорѣчиваго проповѣдника въ одной изъ католическихъ церквей въ Петербургѣ, чтобы нѣкоторые изъ нашихъ „клерикаловъ“ чуть не перешли въ католичество. Достаточно было появленія въ нынѣшнее время, въ петербургскомъ „свѣтѣ“, краснорѣчиваго проповѣдника-волонтера, принадлежащаго къ англійской аристократіи, чтобы такія же дамы стали сочувственно вздыхать о протестантствѣ. Какъ легко приходятъ такія увлеченія, также легко

они и проходятъ, потому что ничего устойчиваго, серьёзнаго нѣтъ въ этихъ праздныхъ умахъ, которые между проповѣдью англичанина и заботою о какихъ-либо православныхъ братчикахъ успѣваютъ еще увлекаться въ равной степени французскимъ романомъ и какимъ-нибудь новымъ проявленіемъ спиритизма. Но тѣмъ не менѣе, повторяемъ, дѣятельность этихъ кружковъ, сама по себѣ безплодная, не остается, однако, безъ вліянія въ томъ смыслѣ, что она искусственно поддерживаетъ вокругъ людей вліятельныхъ, призванныхъ къ практической дѣятельности, такой говоръ, которому вовсе не соотвѣтствуютъ ни настроеніе русскаго народа, ни интересы правительства. Несмотря на всѣ свои колебанія и пустоту, клерикальные кружки, благодаря немногимъ неотвязчивымъ усердницамъ и усердникамъ, не могутъ однако не достигать такого результата, что создается нѣчто въ родѣ фальшиваго общественнаго мнѣнія. Легко представить себѣ, что такое мнимое общественное мнѣніе можетъ оказывать вліяніе даже на людей достойныхъ полнаго уваженія за искренность и глубину своихъ религіозныхъ чувствъ, но стоящихъ почему-либо внѣ теченія мыслей всего нашего общества. Тартюфы вредны не столько сами по себѣ, сколько именно потому, что своей пронирыливостью и неотвязчивостью, они способны сбивать порядочныхъ людей, окружая ихъ миражами мнимыхъ опасностей и несуществующихъ „необходимостей“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1874.

Значеніе «септенната».—Министерство Брольи.—Совершеннолѣтіе Наполеона IV-го.—Реакціонные проекты.—Положеніе военнаго вопроса въ Германіи.—Открытіе англійскаго парламента.—Юбилей короля Виктора-Эммануила.—Новое министерство въ Венгріи.

Со времени побѣды, одержанной кабинетомъ де-Брольи 12-го января, положеніе дѣлъ въ Версалѣ измѣнилось только въ томъ смыслѣ, что кабинетъ, въ виду враждебныхъ заявленій какъ легитимистовъ, такъ и бонапартистовъ къ „семилѣтію“, сталъ стараться о привлеченіи на свою сторону лѣваго центра. А такъ какъ кабинетъ былъ главнымъ образомъ продуктомъ праваго центра, то и возникло вновь предположеніе о „соединеніи центровъ“, о которомъ такъ безуспѣшно старался прежде Тьеръ. Le septennat, т.-е. устройство правительственной власти на 7 лѣтъ въ лицѣ маршала Макъ-Магона, было прямымъ послѣдствіемъ неудачи стараній монархистовъ о восстановленіи королевской династіи, съ примиреніемъ обѣихъ ея вѣтвей. Послѣ этой блестящей неудачи, оставалось только или провозгласить республику, или создать такой временный порядокъ, который представлялъ бы отсрочку перемѣны образа правленія на нѣсколько лѣтъ. Остановились на цифрѣ 7 лѣтъ; но само собою разумѣется, что ни легитимисты, ни бонапартисты, ни даже орлеанисты не отказывались притомъ возстановить ту или другую монархію гораздо ранѣе этого срока, еслибы оказалось возможнымъ. А такъ какъ кабинетъ состоялъ изъ членовъ всѣхъ этихъ монархистскихъ партій, только съ преобладаніемъ въ его средѣ элемента орлеанистскаго, то и оставалось, и остается доселѣ сомнительнымъ, насколько самъ этотъ кабинетъ, само правительство придаетъ серьезное значеніе семилѣтнему сроку власти маршала Макъ-Магона. Легитимистамъ столь долгій срокъ не нуженъ, и графъ Шамборъ, въ письмахъ къ своимъ при-

верженцамъ, высказался противъ поддержки ими септенната. Онъ не нуженъ и бонапартистамъ; они 16-го марта съ великой торжественностью праздновали въ Числьгорстѣ совершеннолѣтіе своего кандидата, Наполеона IV, котораго восстановление имъ нѣтъ нужды откладывать на семь лѣтъ. Заявленія легитимистовъ и бонапартистовъ въ печати и съ трибуны противъ семилѣтія, сдѣланныя въ такомъ смыслѣ, что нынѣшній порядокъ можетъ быть отмѣненъ собраніемъ во всякое время и долженъ быть отмѣненъ, когда настанетъ время, чтобы уступить мѣсто порядку „окончательному“, т.-е. той или другой монархіи,—ставили кабинетъ Брольи въ довольно затруднительное положеніе. Молчать было нельзя, такъ какъ объясненій требовали со всѣхъ сторонъ. Но, съ одной стороны, невозможно было уже по самому положенію правительства, чтобы оно какъ-либо выразило согласіе свое съ такимъ взглядомъ, что нынѣшній порядокъ есть только ширма, которая можетъ быть снята во всякую минуту. Ни авторитетъ маршала-президента, ни, по всей вѣроятности, его личные желанія, не дозволили сдѣлать этого. Но, съ другой стороны, обязаться во всякомъ случаѣ и безусловно поддерживать нынѣшній порядокъ до истеченія семилѣтняго срока, значило окончательно возстановить легитимистовъ и бонапартистовъ противъ правительства, не заручившись никакой иной поддержкой.

Этими затрудненіями объяснялась неясность въ тѣхъ изложеніяхъ смысла „септенната“, которыя явились сперва въ циркулярѣ Брольи къ префектамъ, а потомъ и въ рѣчи, произнесенной имъ въ національномъ собраніи на запросъ Шалльмель-Лакура. Министерство пробовало заручиться поддержкою лѣваго центра прежде, чѣмъ разорвать связь съ легитимистами и бонапартистами, что, само по себѣ, повело бы и къ выходу изъ кабинета тѣхъ его членовъ, которые принадлежатъ къ этимъ партіямъ. Согласіе между фракціями консервативнаго большинства выражалось только въ такихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, проведеніе закона о назначеніи мѣровъ правительствомъ, который далъ герцогу Брольи возможность сотнями смѣщать прежнихъ республиканскихъ мѣровъ; или—проведеніе закона объ устройствѣ духовной части въ арміи, который прошелъ 27-го января, большинствомъ 345 противъ 263 голосовъ, несмотря на то, что въ немъ устанавливалась обязательность посѣщенія церквей цѣлыми командами, не исключая состоящихъ въ нихъ инновѣрцовъ. Такія мѣры считаются нужными для „возстановленія нравственнаго порядка“ и приготовленія почвы къ возстановленію какой-либо монархіи. Но по всякому вопросу, гдѣ уже спрашивалось, въ пользу какой именно монархіи производится вся эта подготовительная работа, между фракціями большинства обнаруживалось несогласіе.

Послѣ неясныхъ „разъясненій“ септенната сперва циркуляромъ Бролий, потомъ рѣчью министра Десселинъ въ собраніи (2-го февраля), съ разъясненіемъ выступилъ самъ маршалъ-президентъ, который, заѣхавъ 4-го февраля въ Palais de Justice, посѣтилъ также лежащій въ другой сторонѣ улицы коммерческій судъ и былъ встрѣченъ президентомъ суда рѣчью, въ которой говорилось о бѣдственномъ положеніи рабочихъ въ Парижѣ и застоѣ парижской промышленности и о необходимости прочнаго порядка, способнаго внушить довѣріе. Высказавъ, что работы по возобновленію укрѣпленій вокругъ Парижа въ скоромъ времени займутъ много рукъ, Макъ-Магонъ, переходя къ опасеніямъ относительно непрочности, сказалъ: „я понималъ бы существованіе такихъ опасеній нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; но теперь они мнѣ кажутся неимѣющими основанія; 19-го ноября національное собраніе вручило мнѣ власть на 7 лѣтъ; первая моя обязанность охранять исполненіе этого рѣшенія. Не опасайтесь; въ продолженіе семи лѣтъ я сумѣю внушить всѣмъ уваженіе къ этому, законно-установленному порядку. Итакъ, надѣюсь, что мы увидимъ, какъ возстановится спокойствіе духа и общее довѣріе. Довѣрія нельзя создать декретомъ, но мои поступки будутъ таковы, что вынудятъ довѣріе“. Эти, довольно твердыя, слова президента подали поводъ предполагать, что онъ самъ, по крайней мѣрѣ, вполне серьезно относится къ своимъ семилѣтнимъ полномочіямъ. Но сомнѣнія все-таки не разсѣялись, потому что они обусловлены полноправностью собранія. Еслибы собраніе рѣшило возстановить монархію, то какъ отнесся бы къ этому Макъ-Магонъ: согласился ли бы онъ устраниваться или нѣтъ? Легитимисты говорили — да, потому что рѣшеніе полноправнаго собранія было бы законно, и къ тому же Макъ-Магонъ по своему происхожденію—легитимистъ; бонапартисты тоже говорили—да, указывая на несомнѣнный фактъ, что герцогъ Маджентскій есть наполеоновскій маршалъ. Парламентскій глава бонапартистовъ, Руэ, далъ въ частномъ письмѣ, которое было, разумѣется, написано для всеобщаго свѣдѣнія, слѣдующее опредѣленіе „септенната“: „семилѣтняя власть есть учрежденіе переходное; непредвидѣнныя и различныя событія могутъ сократить ея срокъ; сила ея ограничена, почти призрачна; но имперіалистская партія имѣетъ свои причины поддерживать это учрежденіе, такъ какъ оно не предрѣшаетъ будущности и охраняетъ право позднѣйшаго, окончательнаго выраженія народной воли. Вотъ почему имперіалистская партія оказываетъ этой власти свою поддержку въ мѣрахъ, нужныхъ для общественной безопасности, и только, къ сожалѣнію, видитъ, что безпристрастіе маршала не достаточно охранено отъ мелкихъ интригъ, тайныхъ враждебныхъ происковъ и дурного выбора чиновниковъ... Плебисциты, которые

учредили имперію, не отмѣнены никакимъ новымъ плебисцитомъ, однако необходимо новое обращеніе къ народному самодержавію, чтобы изгладить бѣдствія причиненныя возстаніемъ 4-го сентября. Когда настанетъ день, только два образа правленія будутъ возможны для выбора: республика или имперія. Ничто среднее не выдержитъ приговора страны". Письмо Руэ было сочтено министерствомъ за нѣчто въ родѣ открытія военныхъ дѣйствій, и кабинетъ отвѣчалъ на него циркуляромъ Брольи, который запрещалъ всѣмъ находящимся на службѣ принимать участіе въ поѣздкѣ въ Англію для поздравленія „императорскаго принца“ съ совершеннолѣтіемъ.

Это торжество состоялось 16-го марта въ присутствіи большого числа бонапартистовъ, въ томъ числѣ 17-ти членовъ національнаго собранія, во главѣ которыхъ былъ Руэ. Манъ, какъ министръ, разумѣется, пріѣхать не могъ. На рѣчь, составленную Руэ и произнесенную герцогомъ Падуанскимъ, въ которой провозглашалось „несомнѣнное право императорскаго принца“, созданное выраженіемъ не желаній одного класса, но воли всего народа, принцъ произнесъ, между прочимъ, слѣдующія слова: „порядокъ охраняется мечомъ герцога Маджентскаго, товарища славы и несчастія моего отца. Честность его намъ порукою, что онъ не выдастъ какимъ-либо случайностямъ, вызваннымъ партіями, врученнаго ему залога. Но матеріальный порядокъ еще не есть увѣренность въ безопасности. Будущее остается неизвѣстнымъ; это пугаетъ интересы и подаетъ страстямъ надежду употребить такое положеніе во зло...“ Далѣе, провозгласивъ плебисцитъ, какъ „спасеніе и право“, принцъ сказалъ еще: „когда настанетъ часъ и, если большинство голосовъ изберетъ иной образъ правленія, я съ уваженіемъ преклонюсь предъ рѣшеніемъ народа. Если изъ избирательныхъ урнъ выйдетъ въ восьмой разъ имя Наполеона, то я готовъ принять отвѣтственность, которую возложилъ бы на меня голосъ націи“.

Въ засѣданіи національнаго собранія 18-го марта подлежалъ обсужденію запросъ Гамбетты и Лепёра, имѣвшаго предметомъ циркуляръ герцога Брольи относительно исполненія закона о назначеніи мэровъ, а дѣйствительной цѣлью—вызвать правительство еще разъ на объясненіе, какой смыслъ оно само придаетъ септеннату. Запросъ былъ развитъ Шалльмель-Лакуромъ, который спросилъ правительство, намѣрено ли оно воспрепятствовать всякіе происки къ возстановленію монархіи и противиться всякому дѣйствію, направленному къ ниспроверженію нынѣшняго порядка? Брольи, представивъ защиту закона о мэрахъ, сказалъ затѣмъ, что собраніе вручило маршалу Макъ-Магону на 7 лѣтъ неподлежащую отмѣнѣ власть, которая и должна находится выше всякихъ нападеній. Собраніе посредствомъ

септенната хотѣло успокоить Францію и Европу, которая не может не относиться съ довѣріемъ къ человѣку нигѣмъ неоспориваемой добросовѣстности; это важнѣе, чѣмъ платоническое провозглашеніе республики; учредительныя права остаются за собраніемъ, и ему вскорѣ будутъ подлежать проекты учредительныхъ законовъ, въ представленіи которыхъ (сверхъ комиссіи собранія, такъ-называемой комиссіи Тридцати), приметъ участіе и правительство, которое намѣрено въ непродолжительномъ времени внести проектъ закона объ учрежденіи верхней палаты. Правительство заставитъ уважать власть маршала-президента, откуда бы ни сдѣлано было на нее нападеніе. Таково было новое „разъясненіе септенната“ министерствомъ. Оно опять не удовлетворило никого, такъ какъ Брольи въ дѣйствительности не отвѣчалъ на вопросъ Шалльмель-Лакура, не сказавъ, что ни маршалъ, ни его кабинетъ никакихъ обѣщаній партіямъ относительно перемѣны формы правленія не давали; на происки въ этомъ смыслѣ будутъ смотрѣть, какъ на противозаконныя и противиться имъ, и намѣрены сохранить на полныя 7 лѣтъ нынѣшній порядокъ, то-есть республику. Если бы Брольи далъ такой отвѣтъ, то положеніе было бы ясно; безъ такого отвѣта, всѣ его оговорки и повторенія въ сущности ничего не стоили. Между тѣмъ, когда легитимистъ де-Казеновъ-Прадинъ послѣ рѣчи Брольи прямо высказалъ, что и маршалъ, и собраніе, вовсе нерасположенное къ республикѣ, понимаютъ, что назначеніе ихъ—возстановить законную монархію, то герцогъ Брольи былъ приведенъ въ смущеніе и не рѣшился отвѣтить на эти слова энергическимъ, полнымъ отрицаніемъ, а только возразилъ, что мнѣніе Казенова есть его личное мнѣніе, но не выражаетъ мнѣнія большинства собранія и не представляетъ мнѣнія правительства. Было ясно, что требуется еще дальнѣйшее „разъясненіе“, и на слѣдующій день въ „Официальной газетѣ“ помѣщено было благодарственное письмо маршала-президента къ Брольи, за удачное выраженіе значенія септенната, въ согласіи со словами, недавно передъ тѣмъ произнесенными самимъ президентомъ въ коммерческомъ судѣ, которыя, для бѣлой вѣрности, и приводились тутъ же цѣликомъ въ замѣткѣ. Письмо Макъ-Магона было принято скорѣе какъ дополненіе, чѣмъ только какъ подтвержденіе рѣчи Брольи. Но роялистскія газеты послѣ этихъ разъясненій сильнѣе, чѣмъ когда-либо, стали утверждать, что септеннатъ имѣетъ истинной цѣлью возстановленіе монархіи, и „Journal des Débats“ замѣтилъ, что заявленія эти направлены къ тому, чтобы дать понять, что, несмотря на всѣ разъясненія, правительство связано какимъ-то тайнымъ договоромъ, стоящимъ выше извѣстнаго „бордоскаго пакта“. Исходъ засѣданія 18 марта показалъ, что во всякомъ случаѣ противъ республиканцевъ большинство,

создавшее правительство 24 мая, умѣетъ дѣйствовать согласно; отвергнувъ предложеніе лѣвой стороны о выраженіи недостатка довѣрія къ министерству, собраніе приняло простой переходъ къ очередному порядку, большинствомъ 380 голосовъ противъ 318; такъ что правительство одержало побѣду большинствомъ 62 голосовъ.

Другую побѣду, хотя и весьма сомнительнаго свойства, министерство Броули одержало 25-го марта при вотированіи закона о продолженіи полномочій нынѣшнихъ членовъ муниципальных (общинныхъ) совѣтовъ. Законъ 14-го апрѣля 1871 года постановлялъ, что выборы для обновленія муниципальных совѣтовъ должны быть произведены 30-го апрѣля 1874 г. Нынѣшній составъ муниципальных совѣтовъ далеко не удовлетворителенъ въ глазахъ коалиціи 24-го мая и созданнаго ею правительства. Но такъ какъ выборы, если бы ихъ произвести въ настоящее время, дали бы, безъ сомнѣнія, полное преобладаніе въ муниципальных совѣтахъ партіи республиканской, то правительство и рѣшилось внести въ собраніе проектъ закона о продолженіи полномочій нынѣшнихъ членовъ муниципальных совѣтовъ до конца текущаго года, чтобы отсрочить производство выборовъ. Комиссія, избранная по отдѣленіямъ для обсужденія этого закона, случайно получила оппозиціонный составъ и высказалась противъ проекта правительства и за точное исполненіе закона 14-го апрѣля 1871 г. Докладчикъ ея Маріеръ прочелъ такой докладъ, который былъ объявленъ консерваторами „обвинительнымъ актомъ“ противъ правительства. Изложивъ всѣ подступы къ искаженію и стѣсненію народной воли, докладчикъ, переходя къ сущности проекта, доказывалъ, что собранію предлагается нѣчто противорѣчащее всѣмъ юридическимъ принципамъ. Члены муниципальных совѣтовъ — повѣренныя мѣстныхъ жителей для управленія общимъ имуществомъ, общими интересами общинъ. Довѣренность можетъ быть возобновляема или продляема только самими довѣрителями, и никакое третье лицо, будь это и законодательное собраніе, не имѣетъ права вмѣшиваться въ это дѣло, продлять полномочій, не имѣя данныхъ, и по отношенію къ которымъ оно стоитъ совершенно въ сторонѣ. Несмотря на ясность этого принципа, собраніе отвергло, большинствомъ 377 голосовъ противъ 302, предложеніе комиссіи и затѣмъ утвердило проектъ правительства большинствомъ 334 голосовъ противъ 45, такъ какъ лѣвая сторона воздержалась отъ подачи голосовъ.

По поводу праздниковъ пасхи, національное собраніе отсрочило свои засѣданія съ 29-го марта до 12-го мая. За пріостановкою сесіи собранія, остались нерѣшенными вопросы о новыхъ налогахъ, о перестройкѣ и возведеніи вновь укрѣпленій вокругъ Парижа, о новомъ законѣ относительно печати, объ измѣненіи избирательнаго за-

кона, объ учрежденіи второй палаты и разные запросы, представленныя лѣвой стороною и отложенныя собраніемъ на 6 мѣсяцовъ. Изъ перечисленныхъ сейчасъ вопросовъ, проекты новаго избирательнаго закона и новыхъ укрѣпленій вокругъ Парижа внесены въ собраніе уже 22-го марта. Проектъ новаго избирательнаго закона вводитъ во всенародное избирательство слѣдующія ограниченія: избиратель долженъ имѣть не менѣе 25, а избираемый не менѣе 30-ти лѣтъ отъ роду; избирательнымъ правомъ пользуются только лица, родившіяся въ данной мѣстности или имѣющія въ ней постоянное жительство не менѣе 3-хъ лѣтъ. Цѣлью этого послѣдняго условія — устранить отъ участія въ выборахъ радикальный элементъ рабочихъ, которые переходятъ изъ одной мѣстности въ другую. Разсчитываютъ, что результатомъ приведенныхъ ограниченій будетъ устраненіе отъ выборовъ до трехъ миллионовъ избирателей. Депутаты, принадлежащіе къ „республиканскому союзу“, внесли въ собраніе на другой же день, т.-е. 23-го марта, слѣдующее предложеніе: имѣя въ виду, что съ іюля 1871 до марта 1874 г. во Франціи произведено было 170 частныхъ избраній депутатовъ въ 67 департаментахъ, причѣмъ порядокъ не подвергался никакимъ нарушеніямъ; что со времени перемѣны правительства, происшедшей 24-го мая, Франція постоянно заявляла свои республиканскія убѣжденія; что такія заявленія не только не даютъ права партіямъ ограничивать всенародной подачи голосовъ, но, напротивъ, должны побудить само національное собраніе обратиться къ избирателямъ, на основаніи всенароднаго избирательнаго права, составляющаго нынѣ законную основу народнаго самодержавія, нижеподписавшіеся предлагаютъ собранію постановить, чтобы на 28-е іюня 1874 г. было назначено производство всеобщихъ выборовъ, для полнаго обновленія національнаго собранія, и чтобы избраніе это было совершено на основаніи законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время. Въ числѣ подписавшихъ это предложеніе находились: Ледрю-Ролленъ, который наканунѣ записался въ члены „республиканскаго союза“, Луи Бланъ, Эдгаръ Кинѣ, Шельхеръ, Гамбетта, Леперъ, Накѣ, Пельтанъ.

Частные выборы дѣйствительно продолжали выражать республиканское настроеніе Франціи. Только на выборахъ въ Па-де-Калѣ, въ началѣ февраля, побѣдителемъ былъ бонапартистскій кандидатъ Сансъ; но въ то же время въ Верхней-Сонѣ избранъ былъ радикалъ Эриссонъ; въ концѣ февраля избраны были: въ Віеннѣ—умѣренный республиканецъ Лепети, котораго кандидатуру лично поддерживалъ Тьеръ, написавъ къ нему письмо, напечатанное въ газетахъ, а въ Воклюзѣ извѣстный радикалъ, членъ временнаго правленія 1848 г., Ледрю-Ролленъ, „пугало“ буржуазіи; въ концѣ марта избраны были въ Жи-

рондѣ республиканецъ Рудѣ, а въ Верхней Марнѣ республиканецъ Данелль. Эти послѣднія два избранія были замѣчательны тѣмъ, что на нихъ бонапартисты, къ крайнему негодованію орлеанистовъ, выставили своихъ собственныхъ кандидатовъ соперниками кандидатамъ „консервативнымъ“; адмиралу Ларрѣ и г. Лесперю, кандидатамъ орлеанистовъ, бонапартисты противопоставили генерала Бертрана и г. Шошара. Результатъ выборовъ показалъ, что и безъ такого раздвоенія голосовъ „консервативныхъ“ партій, республиканцы, по всей вѣроятности, одержали бы верхъ. По крайней мѣрѣ въ Жирондѣ республиканецъ Рудѣ получилъ 71 т. голосовъ противъ 70 т., полученныхъ обоими его противниками вмѣстѣ, несмотря на громкія имена послѣднихъ. Какъ бы то ни было, соперничество на выборахъ монархистскихъ партій, имѣющихъ каждая своихъ представителей въ кабинетѣ, явно обнаруживала разладъ въ средѣ нынѣшняго большинства и необходимость для правительства искать себѣ новой опоры.

Что нынѣшнее правительство исполняетъ свое назначеніе — быть правительствомъ „борьбы“, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Смѣщеніемъ префектовъ и сотенъ мэровъ, оно приготовляетъ административную армію для дѣйствія при новыхъ выборахъ, а исключеніемъ 3-хъ милліоновъ избирателей оно предполагаетъ измѣнить самый характеръ избирательства. Наконецъ, посредствомъ учрежденія второй палаты оно намѣрено, во-первыхъ, приобрѣсть въ нынѣшнемъ собраніи въ пользу коалиціи 24-го мая нѣсколькихъ депутатовъ лѣваго центра, которымъ будутъ обѣщаны мѣста въ этой палатѣ, во-вторыхъ, и это главное — поставить оплотъ противъ возможныхъ, и въ будущемъ неблагоприятныхъ для консерваторовъ, результатовъ общихъ выборовъ въ національное собраніе. Между тѣмъ, депутаты Люсьенъ Брѣнъ и де-ла-Рошеттъ уже отправились въ Фросдорфъ для новыхъ совѣщаній съ претендентомъ, съ цѣлю возобновить походъ въ смыслѣ немедленнаго возстановленія королевской власти.

По слухамъ, съ гр. Шамборомъ былъ недавно легкій ударъ и хотя онъ поправился, но это обстоятельство, если оно было на самомъ дѣлѣ, можетъ имѣть вліяніе и на отношеніе самихъ орлеанистовъ, то-есть большинства нынѣшняго министерства къ реставраціоннымъ попыткамъ; ясно, что орлеанистамъ нѣтъ повода особенно противиться этимъ попыткамъ, если они могутъ предполагать, что Генрихъ V-й будетъ царствовать недолго. Тѣмъ не менѣе пока ближайшей цѣлю правительства служить привлеченіе на свою сторону голосовъ лѣваго центра для замѣны ими, въ случаѣ нужды, голосовъ легитимистовъ и бонапартистовъ, такъ какъ и тѣ, и другіе слишкомъ рѣшительно стали выдѣлять свои интересы изъ общихъ инте-

ресовъ „консервативной“ коалиціи. Но изъ предположеній правительства „борьбы“ и всей коалиціи крупную ошибку представить, по всей вѣроятности, ограниченіе всеобщаго избирательства. Консерваторы повторяютъ здѣсь ошибку, сдѣланную ими при первой республикѣ. Тогда точно также консервативное большинство, къ которому принадлежалъ и Тьеръ, ограничило всеобщее избирательство и тѣмъ дало тогдашнему бонапартистскому претенденту въ руки вѣрное оружіе; то же самое можетъ случиться и теперь, когда консерваторы снова являются врагами, а бонапартистскій кандидатъ приверженцемъ и мнимымъ представителемъ принципа всенароднаго голосованія. Избиратели, снова отвергнутые республикою, могутъ снова обратиться къ имперіи. Ошибка эта тѣмъ менѣе извинительна, что причиной ея вовсе не безвыходность положенія, но прямо близорукость роялистской партіи. Если бы она, какъ бонапартисты, предполагала возстановленіе своей династіи посредствомъ плебисцита, въ такомъ случаѣ, понятно, ей не оставалось бы иного выхода, какъ измѣнить составъ нынѣшняго избирательнаго сословія, такъ какъ нѣтъ возможности ожидать, чтобы при постановкѣ вопроса объ избраніи династіи большинство нынѣшнихъ избирателей высказалось за гр. Шамбора. Но вѣдь роялистская партія плебисцита не предполагаетъ; она хочетъ возстановить монархію посредствомъ рѣшенія нынѣшняго собранія; затѣмъ всѣ ея усилія должны бы быть направлены только къ пріобрѣтенію въ этомъ собраніи возможно большаго числа голосовъ. Что касается слѣдующихъ собраній, то, конечно, роялисты могутъ опасаться, что собраніе это будетъ имѣть составъ имъ враждебный; но оставляя безъ нарушенія принципъ всеобщаго избирательства, они по крайней мѣрѣ не образовывали бы сами огромной партіи въ пользу имперіи; разъ королевство было бы возстановлено, масса нынѣшнихъ избирателей видѣла бы въ немъ прежде всего status quo, установившійся порядокъ; если они теперь вотируютъ постоянно противъ монархистовъ, то отчасти именно потому, что монархисты хотятъ измѣнить порядокъ существующій. Когда королевская власть была бы возстановлена безъ плебисцита, то ея дѣло уже было бы—удачнымъ образомъ дѣйствій смягчить или устранить несомнѣнное нынѣ нерасположеніе къ ней массы избирателей. Но лишать избирательныхъ правъ огромное число людей изъ опасенія могущихъ быть впослѣдствіи столкновеній, и вмѣсто того отталкивать эти милліоны наиболѣе подвижнаго и молодого населенія въ лагерь бонапартизма, не значитъ ли это опускаться въ воду, чтобы укрыться отъ дождя?

Въ Германіи военный законъ, послѣ перваго чтенія въ собраніи сейма и преній, которыя мы излагали въ прошлый разъ, былъ пере-

данъ на обсужденіе комиссіи сейма, которая къ концу марта исполнила свою задачу, отвергнувъ 1-й параграфъ, опредѣлявшій цифру мирнаго состава, но не внеся въ собраніе никакого положительнаго предложенія о замѣнѣ этого параграфа, какъ онъ былъ изложенъ въ правительственномъ проектѣ, чѣмъ-либо инымъ. Параграфъ 1-й, отвергнутый комиссіею при двухъ чтеніяхъ, заключалъ въ себѣ ядро вопроса. Онъ устанавливалъ закономъ цифру мирнаго состава арміи въ 401,659 чел. Тѣ же возраженія противъ такого опредѣленія, однажды навсегда, цифры мирнаго состава и изъятія ея изъ ежегоднаго парламентскаго обсужденія, какія были сдѣланы при первомъ чтеніи проекта въ собраніи депутатомъ Рихтеромъ и другими защитниками парламентскаго принципа, повторились и въ комиссіи. Но въ средѣ комиссіи повторились и стремленія національныхъ либераловъ, которыми крайне тяжела была мысль о возможности новаго столкновения съ правительствомъ, придти къ какому-нибудь соглашенію съ нимъ. Настаивать на полномъ правѣ народнаго представительства ежегодно предоставлять или не предоставлять правительству средства на содержаніе арміи, національные либералы считали извинимымъ; то, что въ Англіи и другихъ конституціонныхъ странахъ составляетъ безспорное парламентское право, по мнѣнію ихъ, слишкомъ расходится съ реальными условіями, существующими въ Германіи, такъ какъ имперское правительство слишкомъ дорожитъ предъявленнымъ имъ требованіемъ, чтобы отказаться отъ него и слишкомъ сильно, чтобы покориться отказу со стороны сейма. Итакъ, національные либералы, какъ то изложилъ въ собраніи Гнейстъ, еще при первомъ чтеніи проекта, считали необходимымъ согласиться на установленіе цифры мирнаго состава, однажды навсегда, закономъ. Но они не соглашались на ту цифру, которой правительство требовало. Имъ было извѣстно, что въ послѣдніе годы между нормальной цифрой мирнаго состава, по какой рассчитывалась военная смѣта, и дѣйствительнымъ среднимъ состояніемъ людей подъ знаменами была разниа весьма значительная, а именно въ 40 — 50 тысячъ чел. А такъ какъ теперь требовалось установить закономъ ежегодный отпускъ суммы по расчету, основанному не на дѣйствительной средней цифрѣ людей, но на нормальной цифрѣ въ 401 т. чел., отъ которой средняя дѣйствительная цифра значительно отстала бы, то это означило предоставить просто въ распоряженіе правительства, по его усмотрѣнію, отъ 10-ти до 20-ти милл. талеровъ ежегодно, то-есть ту сумму, какую оно могло сберегать, держа подъ знаменами менѣе людей, чѣмъ опредѣлено нормальной цифрой мирнаго состава. Здѣсь представлялся уже вопросъ новый: не говоря объ охраненіи парламент-

скаго принципа, спрашивалось: рационально ли представлять правительству такой просторъ въ употребленіи бюджетныхъ кредитовъ?

Ставъ на эту—по ихъ мнѣнію наиболѣе практическую—точку зрѣнія, Гнейстъ и единомышленные съ нимъ національные либералы соглашались установить закономъ цифру мирнаго состава, но съ тѣмъ, чтобы цифра эта равнялась не максимуму, но минимуму средняго мирнаго состава, чтобы она представляла такое число людей, безъ котораго въ самомъ дѣлѣ не могла бы поддерживаться существующая въ имперіи система военного устройства. Такимъ образомъ, самое это устройство было бы обезпечено, и ежегодное обсужденіе сеймомъ требуемыхъ правительствомъ суммъ сверхъ этого минимума уже нисколько не колебало бы основъ военного устройства, не подвергало бы ихъ ежегодно возобновляющемуся спору. А между тѣмъ, правительство всегда имѣло бы возможность, по особымъ соображеніямъ, испросить у сейма такую сумму на армію, которая соотвѣтствовала бы цифрѣ высшей минимума, соотвѣтствовала бы нормальной цифрѣ состава. Въ предѣлахъ минимума сеймъ уступилъ бы свое право ежегоднаго пересмотра военныхъ кредитовъ; но такъ какъ правительство, естественно, всегда просило больше, чѣмъ сколько соотвѣтствуетъ минимуму, то сеймъ сохранилъ бы свое бюджетное право, право сокращать или утверждать потребованный правительствомъ общій размѣръ ассигнованія на армію.

Комбинація эта, придуманная довольно остроумно, представляла тѣмъ не менѣе всѣ невыгоды полумѣры. Для правительства она представляла необходимость все-таки ежегодно оправдывать и отстаивать на сеймѣ такую-то цифру кредитовъ на армію, и опасность, что, въ случаѣ если большинство сейма будетъ противъ него, оно можетъ этимъ путемъ домогаться разныхъ политическихъ уступокъ по другимъ вопросамъ или хотя бы требовать перемѣны министерства, отказывая, въ противномъ случаѣ, всякій военный кредитъ, сверхъ минимума, которымъ правительство удовлетвориться не могло, такъ какъ минимумъ означалъ бы: менѣе войска, чѣмъ сколько оно обыкновенно содержало въ дѣйствительности. Для народнаго представительства, съ другой стороны, комбинація эта представлялась уступкою по существу дѣла съ оставленіемъ одной наружности права ежегоднаго опредѣленія военной смѣты. Предположивъ, что цифра минимума, на которомъ состоялось бы соглашеніе между правительствомъ и сеймомъ, была бы 384 т. чел.—она менѣе цифры проекта всего на 17 т. чел. Итакъ, уступивъ окончательно и поставивъ вѣтъ ежегоднаго парламентскаго обсужденія составъ арміи въ 384 т. чел., сеймъ сохранялъ бы только право давать или не давать средства на содержаніе нѣсколькихъ тысячъ солдатъ больше. Такое „охране-

ніе принципа“ было похоже на простую придирчивость, на желаніе сохранить наружность права, уступивъ его суть.

Но соглашенія въ комиссіи не состоялось, потому что правительство не желало сдѣлать и той уступки, которою удовлетворились бы національные либералы. Правда, правительственный комиссаръ, генераль Фохтсъ-Рецъ, объясняя требованіе проекта, т.-е. цифру 401 тысячъ чел., не сказалъ, что изъ этой цифры правительство не уступить ни одного человѣка, но и не выразилъ чѣмъ-либо готовность правительства остановиться на той или другой изъ цифръ, предложенныхъ въ комиссіи. Вслѣдствіе запроса комиссіи, не можетъ ли правительство обходиться и на будущее время 360 тысячами дѣйствительнаго состава, какъ то было въ 1872 и въ 1873 году, и какой срокъ службы обуславливается въ пѣхотѣ такою цифрой состава, правительство доставило объяснительную записку. Надо замѣтить, что одного изъ элементовъ мирнаго состава арміи никто изъ національно-либеральныхъ депутатовъ ослаблять не хочетъ, а именно—ежегоднаго контингента новобранцовъ. Чѣмъ больше цифра набора, тѣмъ полнѣе осуществляется принципъ всеобщей воинской повинности. Третъ всего числа молодыхъ людей, подлежащихъ повинности, все-таки не проходитъ чрезъ службу, и либералы ничего не имѣютъ противъ высоты ежегоднаго призыва; совсѣмъ другое дѣло—срокъ нахождения подъ знаменами. Идеаль либераловъ въ этомъ отношеніе—сокращеніе срока съ трехъ до двухъ лѣтъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію, чѣмъ короче срокъ, тѣмъ „народнѣе“ будетъ армія. Но объяснительная записка прусскаго военнаго министерства излагала, что при цифрѣ средней наличности въ 360 т. чел., срокъ дѣйствительной службы въ пѣхотѣ былъ 2 года, 1 мѣсяць и 29 дней, и что срокъ этотъ признается нынѣ правительствомъ рѣшительно недостаточнымъ, такъ что если бы оно намѣрено было сохранить цифру 360 т. чел. средней наличности людей, то предпочло бы достигнуть этого посредствомъ уменьшенія ежегоднаго призыва, но срокъ службы продлить противъ сейчасъ указаннаго. Цифрѣ средней наличности въ 385 т. чел., по объясненію записки, соотвѣтствовалъ бы въ пѣхотѣ срокъ службы въ 2 года, 5 мѣсяцовъ и 13 дней, такъ что даже при принятіи цифры въ 385 т. чел., не былъ бы еще осуществленъ полный трехлѣтній срокъ нахождения подъ знаменами.

Такое разъясненіе было понято Гнейстомъ и еще однимъ національнымъ либераломъ въ комиссіи въ томъ смыслѣ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не согласится съ стремленіемъ либераловъ сократить срокъ службы, что оно рѣшительно отвергаетъ цифру средней наличности въ 360 т. чел., но не прочь согласиться на цифру 385 т. чел. Вслѣдствіе того, при второмъ чтеніи проекта въ ком-

миссіи, два названные члена, вмѣстѣ съ консерваторами, подали голоса за первый параграфъ съ замѣною въ немъ цифры 401 т. цифрою 384 т. Но всѣ прочіе члены комиссіи, принадлежавшіе къ національно-либеральной партіи и большинство комиссіи, нашли, что такъ какъ правительство не выразило прямого согласія на цифру 384 т., то нельзя и вотировать перваго параграфа съ такою замѣной, и потому они подали голоса въ комиссіи противъ перваго параграфа, вмѣстѣ съ прогрессистами, которые, какъ уже сказано, отвергали его по совѣмъ инымъ соображеніямъ, видя въ немъ главнымъ образомъ нарушеніе парламентскаго принципа. Такимъ образомъ, проектъ поступилъ въ собраніе сейма изъ комиссіи въ видѣ обезглавленнаго, такъ какъ прочіе параграфы ничего не значили безъ перваго, и правительственные органы тотчасъ заявили, что отклоненіе перваго параграфа проекта было бы совершенно равносильно полному отклоненію всего проекта.

Тогда самъ императоръ призналъ нужнымъ сдѣлать для поддержки правительственнаго проекта одно изъ тѣхъ личныхъ заявленій, въ которыхъ отражается, какъ далека еще весь офиціальныи прусскій міръ отъ строгаго-парламентскаго духа. Принимая во дворцѣ генераловъ, явившихся 22-го марта съ поздравленіями по случаю 77-лѣтней годовщины его рожденія, императоръ сказалъ имъ: „Такъ какъ вы являетесь предо мною представителями моей арміи, то я не рѣшусь (*darf ich nicht*) умолчать предъ вами, что повидимому надъ нею опять виситъ кризисъ (*dass abermals eine Krisis über derselben zu schweben scheint*). То, о чемъ я тогда въ теченіи четырехъ лѣтъ, изъ чувства долга и убѣжденія, старался, что я удержалъ въ силѣ и чего достигъ (*erstrebte, aufrechterhielt, und erreichte*; здѣсь разумѣется преобразование арміи и въ особенности сохраненіе трехлѣтняго срока), нашло себѣ вознагражденіе въ успѣхѣхъ арміи и моихъ союзниковъ, превзошедшемъ всякое ожиданіе. Это чувство даетъ мнѣ мужество въ твердости (*Ausdauer*) и теперь, ибо не для вызова новыхъ войнъ, но для обезпеченія мира въ Европѣ я твердо держусь того, что подтвердилось опытомъ (*an dem Bewährten*).“ Рѣчь эта была всѣми понята, какъ заявленіе императоромъ намѣренія ни въ какомъ случаѣ не дѣлать существенной уступки въ отношеніи военнаго проекта; но одни усмотрѣли въ ней отказъ отъ всякой уступки, угрозу распушенія сейма въ случаѣ всякаго измѣненія имъ проекта; другіе же продолжали утверждать, что на цифру 385 т. вмѣсто 401 т. чел. мирнаго состава, правительство согласится, что изъ-за 16 т. человѣкъ не можетъ произойти въ Германской имперіи того кризиса, какой былъ въ Пруссіи съ 1862 по 1866 годы.

Распределение портфелей между членами новаго правительства въ Великобританіи состоялось слѣдующимъ образомъ: первый лордъ казначейства Дизраэли, лордъ-канцлеръ лордъ Кэрнсъ, президентъ тайнаго совѣта герцогъ Ричмондъ, хранитель печати графъ Мальмсбери; статсъ-секретари: иностранныхъ дѣлъ графъ Дѣрби, Индіи—маркизъ Сэльдбери, колоній лордъ Карнарвонъ, военный—Гаторнъ-Гарди, внутреннихъ дѣлъ — Кроссъ; канцлеръ казначейства сэръ С. Норткотъ, первый лордъ адмиралтейства Уордъ-Гентъ, генералъ-почтмейстеръ лордъ Джонъ Маннерсъ. Черезъ нѣсколько дней по образованіи новаго кабинета получено было извѣстіе, что генералъ сэръ Гарнетъ Уэльсли взялъ 5-го февраля, съ бою, столицу короля ашантиевъ Кумасси, причемъ англійскія войска понесли уронъ въ 500 чел. убитыми и ранеными. Войска сэра Г. Уэльсли, какъ извѣстно, уже возвратились въ Англію, гдѣ ихъ встрѣчали съ торжествомъ.

Сессія парламента открылась 19-го марта тронной рѣчью, въ которой, въ первый разъ послѣ четырехъ лѣтъ гладстонова управленія, не было никакихъ обѣщаній обширныхъ реформъ. Тронная рѣчь упоминала о внесеніи въ парламентъ только слѣдующихъ проектовъ законовъ: о сокращеніи времени и издержекъ по совершенію поземельныхъ купчихъ въ Англіи; о распространеніи на Ирландію прошлогодняго билля о судебномъ преобразованіи въ Англіи (учрежденіе отдѣльнаго верховнаго суда съ отнятіемъ значенія высшей судебной инстанціи у палаты лордовъ); о нѣкоторыхъ судебныхъ преобразованіяхъ и облегченіи покупки земли въ Шотландіи; объ измѣненіи тѣхъ частей закона, о продажѣ опьяняющихъ напитковъ, которые подали поводъ къ жалобамъ; сверхъ того, упоминалось еще о дальнѣйшемъ изученіи вопроса о законахъ, опредѣляющихъ отношенія между нанимателями и рабочими. По всей вѣроятности, по этому послѣднему вопросу въ нынѣшнюю сессію билля внесено не будетъ. Тронная рѣчь, составленная консерваторами, отличалась отъ гладстоновскихъ еще тѣмъ, что въ ней не было обычной фразы о „соблюденіи всевозможной экономіи, при составленіи смѣты“. Бережливость Гладстона сдѣлалась непопулярною. Въ нѣкоторыхъ предмѣстьяхъ Лондона, при послѣднихъ выборахъ, на стѣнахъ домовъ красовалась надпись: „we don't want no more rentrenchment (не надо намъ никакихъ сокращеній)!“ Эта надпись выражала вульгарнымъ языкомъ чувство чисто-торійское, будто послѣдній кабинетъ своимъ мѣщанскимъ скражничествомъ ослаблялъ армію и флотъ, уменьшая блескъ Англіи, короче—ронялъ ея авторитетъ въ Европѣ.

Такимъ образомъ, новое правительство вступило въ управленіе дѣлами въ рѣдкомъ, завидномъ положеніи: отъ него не требовали ни преобразованій, ни бережливости; общественное мнѣніе говорило ему:

сидите спокойно, перестаньте законодательствовать, займитесь управленіемъ текущихъ дѣлъ и берите сколько вамъ нужно денегъ, чтобы управлять къ нашему удовольствію. Бюджетные вопросы, изъ которыхъ Гладстонъ сдѣлалъ вопросъ о существованіи кабинета, теперь вдругъ потеряли всякое значеніе; весь вопросъ о бюджетѣ состоялъ только въ томъ, какъ бы его поскорѣе вотировать, каковъ бы онъ ни былъ, такъ какъ оставалось уже мало времени до срока финансоваго года. При обсужденіи адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь, въ обѣихъ палатахъ сдѣлано было нападеніе на политику Гладстона. Герцогъ Соммерсетъ въ верхней палатѣ осуждалъ письмо бывшаго перваго министра къ его избирателямъ въ Гриничѣ, находя неправильнымъ, что въ этой „прокламаціи“ Гладстонъ подвергалъ обсужденію народа бюджетъ, прежде чѣмъ онъ былъ обсужденъ парламентомъ. Въ палатѣ общинъ сэръ Стёрлингъ-Максвеллъ порицалъ позднее распушеніе парламента, къ тому же ничѣмъ не вызванное. Ему отвѣчалъ Гладстонъ, объяснивъ еще разъ, что правительство не чувствовало за собой достаточнаго авторитета, и не могло удалиться отъ дѣлъ, такъ какъ оппозиція отказалась передъ тѣмъ составить новый кабинетъ; что консервативный характеръ отдѣльныхъ избраній высказался вполнѣ только въ концѣ года и даже въ началѣ января; что, вмѣстѣ съ тѣмъ, только около этого же времени выяснилась весьма значительная цифра излишка доходовъ, позволявшая думать объ осуществленіи такихъ финансовыхъ реформъ, въ необходимости которыхъ онъ лично давно былъ убѣжденъ; но что для проведенія этихъ реформъ правительству нуженъ былъ именно авторитетъ, какого оно уже не имѣло и который могло получить только вслѣдствіе новыхъ выборовъ, еслибы они дали благопріятный ему результатъ.

Италія праздновала 23-го марта двадцатипятилѣтіе царствованія Виктора-Эммануила. Двадцать-пять лѣтъ тому, на полѣ битвы, проигранной подъ Новарою, когда, повидимому, рушились всѣ надежды на освобожденіе Италіи, когда реакція начинала торжествовать во всей Европѣ, несчастный Карлъ-Альбертъ отрекся отъ короны, передавъ ее своему сыну, сопровождавшему его во всѣхъ сраженіяхъ. Теперь Италія давно свободна и свободѣ ея не угрожаетъ ничто, ни извнѣ, ни изнутри; она едина, и король Италіи, тотъ самый молодой, униженный, отлученный реакціонною Европою сардинскій король, царствуетъ въ Римѣ, принимаетъ поздравленіе націи въ Квириналѣ, читаетъ поздравительныя письма, присланныя ему всѣми монархами Европы. И при этомъ, Италія—не военный лагерь, съ осаднымъ положеніемъ на окраинахъ; никто не ищетъ и не желаетъ отъ нея

отдѣлиться. Страна эта, въ которой тридцать лѣтъ тому назадъ было запрещено самое слово „конституція“, которая жила подъ игомъ мелкихъ, почти средневѣковыхъ деспотовъ, теперь не только находится въ числѣ великихъ державъ Европы, но и въ числѣ свободнѣйшихъ странъ нашего континента. Къ такимъ великимъ результатамъ привели ее побѣды и самыя пораженія, умъ Кавура, доблесть Гарибальди, но болѣе всего—настойчивость и высокія личныя качества короля „честнаго человѣка“.

Старость и болѣзненное состояніе венгерскаго патріота Франца Деака вызвали въ Венгріи кризисъ, который пройдетъ нескоро. Деакъ не былъ ни министромъ-президентомъ, ни министромъ, но значилъ гораздо болѣе; его положеніе выше положенія короля; онъ дѣйствительный вождь, законодатель своей страны въ древнемъ смыслѣ слова, Солонъ Венгріи. Составить тотъ знаменитый адресъ венгерскаго сейма 1861 года, съ котораго началось предводительство Деака въ его отечествѣ, могъ бы всякій ученый публицистъ; историческія права короны св. Стефана и основы почти тысячелѣтней венгерской конституціи были ясны. Но Деакъ высокимъ умомъ истинно государственнаго человѣка сумѣлъ взвѣсить, съ одной стороны, значеніе мадьярскаго элемента въ Венгріи и Венгріи въ габсбургской монархіи, съ другой—важность для мадьяровъ сохранить свою опору въ престолѣ Габсбурговъ. Ясное пониманіе дѣйствительныхъ, реальныхъ силъ дало ему ту твердость, съ какою онъ безусловно отстаивалъ адресъ 1861 года, охраняя его, какъ національную программу, несмотря на то, что Венгрія въ теченіе 6-ти лѣтъ послѣ того оставалась подъ гнетомъ полной безправности; тоже сознаніе подсказало ему благовременную и благоразумную уступчивость, когда Австрія послѣ Кѣниггрецскаго разгрома поняла необходимость примиренія съ венграми. Изъ этого вышло соглашеніе 1867 года, дѣло Деака,—дѣло, которое хотя ультра-націоналы и видѣли, и продолжаютъ видѣть въ немъ нѣчто въ родѣ самоотреченія Венгріи, поставило эту страну въ положеніе, какого она еще не имѣла и никогда не можетъ имѣть внѣ соглашенія 1867 года, развѣ если предположить полный переворотъ на юго-востокѣ Европы и допустить весьма невѣроятное предположеніе, что гегемонія въ новой федеративной комбинаціи славянскихъ племенъ была бы предоставлена чуждому имъ — мадьярскому племени. Въ настоящее время ни одно изъ „королевствъ“, входящихъ въ составъ владѣній габсбургскаго дома, не имѣетъ того значенія, какое принадлежитъ Венгріи. Сама Вѣна значить едва ли не меньше, чѣмъ Венгрія. А между тѣмъ, располагая для общихъ цѣлей, общими средствами габсбургской монархіи, венгры и налоговъ пла-

тять менѣе, сравнительно съ жителями Цислейтаніи, и пользуются болѣе либеральными законами и имѣютъ правленіе чисто-національное.

Въ силу такихъ заслугъ Деака и по восстановленіи въ Венгріи законныхъ конституціонныхъ учреждений остался руководителемъ венгерской націи. Партія его, вмѣщая въ себѣ группы, расходившіяся во взглядахъ на политическіе принципы, держалась сомкнутою дружиной подъ знаменемъ Деака, ставя выше всѣхъ разногласій рѣшимость поддерживать соглашеніе 1867 года. Но когда силы Деака не дозволили ему уже принимать непосредственное и безпрестанное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ и поддерживать дисциплину, въ средѣ деакистовъ, составляющихъ огромное большинство въ палатѣ, дисциплина стала ослабѣвать, и разногласія въ средѣ деакистовъ выступили наружу, сказавшись, какъ то почти всегда бываетъ, прежде всего по личнымъ вопросамъ. Когда графъ Лоньѣй, преемникъ Андраши въ званіи министра-президента въ Венгріи, долженъ былъ оставить свой постъ вслѣдствіе обличеній Чернатони, относительно участія министра-президента въ разныхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, то это было первымъ признакомъ ослабленія прежняго согласія въ деаковскомъ большинствѣ. По указанію Деака, король поручилъ тогда составленіе кабинета другому члену того же большинства—Слави. Но прошлогодній неурожай отразился на венгерскихъ финансахъ большимъ недоборомъ въ податяхъ; образовался дефицитъ, министръ финансовъ, Керкаполи, подвергся сильнымъ нападкама, которыя уронили авторитетъ всего министерства. Въ то время какъ лѣвая сторона, стоявшая внѣ деаковой партіи, громила кабинетъ, въ средѣ самого большинства, на правой сторонѣ его явились консервативные противники Слави, приверженцы взглядовъ клерикальных, съ барономъ Сенньеємъ во главѣ. Между тѣмъ образовалась въ средѣ деаковского же большинства новая партія, центръ, заявившій притязаніе на полную самостоятельность. Главою этой группы сталъ Гичи; сверхъ того, Лоньѣй имѣетъ свой кружокъ. Такимъ образомъ партія Деака подверглась почти полному разложению, и сдѣлалось очевидно, что въ Венгріи происходитъ явленіе, извѣстное подъ именемъ „преобразованія партій“. Пока такое явленіе происходитъ, не можетъ быть создано прочнаго правительства, потому что не сформировалось еще прочнымъ образомъ большинство, вождей котораго верховная власть могла бы призвать къ управленію дѣлами.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, что министерскій кризисъ, наступившій въ Венгріи, тянулся долгое время. Министерство Слави давно просило объ увольненіи и оставалось на мѣстахъ только потому, что нельзя было составить новаго кабинета. Наконецъ, по

прибытіи короля въ Пештъ, министерство 8-го марта окончательно подало въ отставку. Составленіе новаго кабинета изъ людей одной изъ группъ деаковой партіи оказывалось невозможнымъ; ни одна изъ нихъ не могла разсчитывать на поддержку большинства, и пришлось составить министерство коалиціоннаго характера. Въ половинѣ марта въ средѣ разныхъ группъ деаковой партіи оказалось, наконецъ, достаточное число голосовъ для составленія большинства въ пользу кабинета Битто. Битто былъ въ это время президентомъ палаты представителей; онъ былъ прежде министромъ юстиціи въ кабинетѣ гр. Лоньяя. Назначеніе новаго кабинета состоялось 21-го марта. Министромъ-президентомъ назначенъ былъ Битто, министромъ финансовъ Гичи, торговли—Бурталь, внутреннихъ дѣлъ—Сапари, сообщеній—Зичи, просвѣщенія—Трефортъ, юстиціи—Паудеръ, милиціи—Сенде, министромъ при особѣ короля Венггеймъ, министромъ Кроаціи—Пеячевичъ. Наиболѣе трудная задача предстоитъ министру финансовъ Гичи. Онъ заявилъ, что министерство будетъ строго держаться принциповъ соглашенія 1867 года, а для восстановленія равновѣсія въ финансахъ предложены будутъ сокращенія въ расходахъ. По самому коалиціонному своему характеру, нынѣшнее министерство—только переходное, и, быть можетъ, пройдетъ не мало времени, пока парламентская среда „отстоится“ и кристаллизируется въ новыя, прочныя партіи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 марта.

СЕССИЯ ГЕРМАНСКАГО РЕЙХСТАГА.

Политическій кризисъ, о которомъ я говорилъ въ послѣдней корреспонденціи, принялъ теперь еще болѣе острый характеръ, и въ настоящую минуту все еще не достигъ высшей точки своего развитія.

Два мѣсяца тому назадъ въ прусской палатѣ депутатовъ прошелъ законъ о гражданскомъ бракѣ, но онъ былъ утвержденъ королемъ только 9-го числа текущаго мѣсяца; замедленіе произошло оттого, что палата господъ сдѣлала измѣненіе въ законѣ, потребовавшее новыхъ совѣщаній въ палатѣ депутатовъ. Первая атака ультрамонтанъ на князя Бисмарка была такимъ образомъ отбита, и наступило перемиріе. Между тѣмъ, передъ восходящимъ свѣтиломъ германскаго рейхстага поблѣднѣло заходящее свѣтило прусскаго ландтага.

Выборы въ рейхстагъ, происходившіе 10-го января, и о результатахъ которыхъ я уже сообщалъ въ моемъ прошедшемъ письмѣ, привлекали всеобщее вниманіе. Съ любопытствомъ ждали образованія рейхстага, который долженъ имѣть такое громадное вліяніе въ теченіе предстоящаго трехлѣтія на политическое развитіе Германіи, отъ котораго будетъ зависѣть: упрочится ли заложенное нѣсколько лѣтъ тому назадъ зданіе, или же рухнетъ и для спасенія его придется прибѣгнуть къ диктаторской власти.

Положеніе дѣлъ съ самаго начала приняло неутѣшительный оборотъ, потому что, такъ-называемое, національное большинство сильно лишь номинально. Впрочемъ, вполнѣ вѣрныя цифры, выражающія отношеніе партій, могутъ быть установлены только теперь, когда уже совершилось образованіе фракцій. 397 депутатовъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 148 принадлежатъ къ національ-либеральной партіи, 48—къ нѣмецкой прогрессивной партіи, 29 и 2 вольнослушателя (*Hospitanten*) ¹⁾, 91 и 3 вольнослушателя—къ центру, 13—поляковъ, 9 — социалистовъ-демократовъ, 32 не принадлежатъ ни къ какимъ фракціямъ, одно полномочіе упразднено.

Чтобы вполнѣ понять эти отношенія, надо принять во вниманіе тѣхъ депутатовъ, которые не принадлежатъ никакимъ фракціямъ. Это, во-первыхъ, 15 эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ, которые сплошь вотируютъ вмѣстѣ съ центромъ; Зоннеманнъ, богатый, франкфуртскій банкиръ и издатель франефуртской газеты, который постоянно вотируетъ съ социалистами-демократами; президентъ палаты, который по старому обыкновенію отдѣляется отъ той фракціи, къ которой до того принадлежалъ, потому что президентъ долженъ стоять выше партій; два-три министра, которые тоже, согласно обыкновенію, не принадлежатъ ни къ какой фракціи; два-три партикуляриста, и два-три депутата, которые изъ различныхъ причинъ не пристали ни къ какой фракціи. Я считаю, что изъ 32 членовъ этой категоріи, едва ли наберется 8, преслѣдующихъ національные интересы.

Итакъ, мы имѣемъ: національной партіи (національ-либераловъ 148, прогрессистовъ 48, германской имперской партіи 31, консерваторовъ 21, изъ тѣхъ, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи 28) 256 депутатовъ.

Антинаціональной партіи, значить, насчитывается 141 членъ, изъ

¹⁾ Многие члены изъ разныхъ причинъ не примыкаютъ къ той фракціи, чьи политическіе взгляды они раздѣляютъ; это чаще всего бываетъ съ высокопоставленными чиновниками. Но они посѣщаютъ частныя засѣданія этихъ фракцій, обыкновенно даже подають голосъ за одно съ ними, и поэтому обозначаются терминомъ изъ студенческой жизни: вольнослушатели (*Hospitanten*). Такъ называютъ тѣхъ, которые посѣщаютъ лекціи какаго-нибудь профессора, не „записавшись“ и не заплативъ денегъ.

которыхъ отсутствуютъ два голоса, а именно, Бебеля и Либнехта (соціалисты-демократы), которые еще не отбыли своего трехлѣтняго тюремнаго заключенія, слѣдовательно, 139 голосовъ. Но это отношеніе измѣняется, когда прогрессивная партія голосуетъ вмѣстѣ съ антинаціональной. Тогда большинство насчитываетъ только 208 голосовъ, а меньшинство 187; а такъ какъ палата никогда не бываетъ въ полномъ своемъ составѣ, а насчитываетъ обыкновенно пробѣлы, то при такой ничтожной разницѣ не можетъ быть и рѣчи объ обеспеченномъ большинствѣ, и важнѣйшія рѣшенія могутъ зависѣть отъ случая. Между тѣмъ отдѣленіе прогрессивной партіи отъ національной отнюдь не химерично, напротивъ того, она гораздо чаще голосуетъ заодно съ ультрамонтанами и соціалисто-демократами, чѣмъ съ національ-либералами.

Въ Пруссіи, въ 1866 году, существовало сильное оппозиціонное большинство, которое зачастую отравляло жизнь правительству, но тогда не существовало никакой антинаціональной партіи, такой партіи, которая желала бы низвергнуть весь государственный строй. Даже, послѣ 1866 года, партикуляристскіе элементы амальгамировались довольно быстро, чему не мало способствовало, что населеніе присоединенныхъ земель, благодаря своему племенному родству и одинаковости вѣроисповѣданія, слишкомъ мало отличалось отъ большинства старо-прусскаго населенія; поэтому враждебное отношеніе не могло долго продолжаться. Если бы не война 1870 года, то, по всей вѣроятности, сѣверо-германскій союзъ упрочился бы безъ особенныхъ затрудненій, и враждебные элементы сгладились бы постепенно. Благодаря войнѣ, великое дѣло объединенія Германіи совершилось; но этимъ самымъ снялась узда со всѣхъ враждебныхъ новому строю элементовъ, которые теперь неистовствуютъ, подобно вѣтрамъ, выпущеннымъ Эоломъ изъ мѣха. Это можно было заранѣе предвидѣть, но не избѣжать, такъ какъ не во власти Германіи было уклониться отъ навязанной ей войны. Присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи сравнительно менѣе всего усложнило это положеніе, такъ какъ эти провинціи ведутъ себя очень смирно; а три различныя партіи, на которыя распадается населеніе: партія чистаго протеста, партія ультрамонтанъ и, такъ-называемая, туземная партія (*Landespartei*) слишкомъ расходятся между собой, чтобы оказать сильное нравственное вліяніе даже и тогда, когда они временно, какъ, напримѣръ, при выборахъ, сливаются во-едино.

Выборы, какъ извѣстно, происходили въ Эльзасѣ-Лотарингіи такимъ образомъ, что ультрамонтаны соединились съ партіей протеста, чтобы побить туземную партію, которая рѣшила въ своей программѣ хлопотать главнымъ образомъ объ интересахъ присоединенныхъ про-

винцій. Побѣда соединенныхъ партій была блистательна: туземная партія только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могла получить хоть сколько-нибудь значительное меньшинство; нѣмецкая же партія могла тамъ-и-сямъ рассчитывать на какихъ-нибудь сотни двѣ голосовъ, да и то главнымъ образомъ изъ переселенцевъ. Между тѣмъ, скоро послѣ появленія депутатовъ въ рейхстагъ оказалось, что ультрамонтаны отдѣлились отъ партіи протеста и пристали къ здѣшнимъ ультрамонтанамъ. Говорятъ, что это случилось въ силу приказанія изъ Рима, но оно могло быть и въ силу политическихъ соображеній. Ультрамонтаны съ самаго начала сессіи питали надежду, что имъ удастся, пользуясь обстоятельствами и ошибками либераловъ, сдѣлаться необходимыми правительству, и при этомъ каждый лишній голосъ, на который они могли рассчитывать, имѣлъ для нихъ большую цѣну. Люди, строго преслѣдующіе какую-нибудь извѣстную цѣль, могутъ быть весьма непослѣдовательны во всѣхъ побочных вещахъ; ультрамонтаны держатся этой тактики совершенно сознательно и съ безспорнымъ успѣхомъ; они достигли того, что никто не удивляется ихъ дикимъ выходкамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они положительно развращаютъ умы. Сегодня они ярые консерваторы и торжественно увѣряютъ, что истинный консерватизмъ можетъ найти опору лишь въ римской церкви; завтра—перемѣна декораціи, они заигрываютъ съ крайней лѣвой прогрессивной партіей и съ социалистами-демократами, и являются защитниками неограниченной свободы прессы. Кто аккуратно слѣдитъ за парламентскими преніями, тотъ признаетъ громадное вліяніе подобной партіи, котораго самъ парламентъ не ощущаетъ, такъ какъ продолжительность парламентскихъ трудовъ дѣйствуетъ до нѣкоторой степени расслабляющимъ образомъ. Тщетно было бы искать въ какой бы то ни было партіи энергическаго характера, непреклонной воли, которая бы при всякихъ обстоятельствахъ съ Катоновскою настойчивостью отвергала то, что уже ею разъ признано за зло. Въ 1848 году и во времена внутренняго столкновенія дѣло было иначе. Тогда были люди, среди либераловъ, какъ и среди консерваторовъ, которые проявляли гранитную твердость въ убѣжденіяхъ, не хотѣли и слышать о компромиссахъ и скорѣй бы согласились погибнуть, чѣмъ сдѣлать какую-нибудь уступку. Этого гордаго образа мыслей больше ни въ комъ не встрѣтишь. Парламентаризмъ съѣлъ его. Парламентскія формы одержали полную побѣду; съ трибуны, правда, борются другъ съ другомъ, но затѣмъ пожимаютъ другъ другу руки и водятъ дружбу. Эта перемѣна въ настроеніи является частью слѣдствіемъ громаднаго нравственнаго преобладанія, приобрѣтеннаго правительствомъ за послѣдніе 10-ть лѣтъ, благодаря его успѣхамъ. До тѣхъ поръ, пока правительства слабы, парламентскія представительства имѣютъ

надъ ними перевѣсъ, они журятъ, и правительство ничего не можетъ возражать, они нападаютъ, и правительство уступаетъ, или же для того, чтобы избавиться отъ неудобной оппозиціи, прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ, которыя возстановляютъ противъ него общественное мнѣніе и привлекаютъ всѣ симпатіи на сторону парламента. Если же, напротивъ того, правительство сильно и всѣ мѣропріятія его увѣнчиваются успѣхомъ, то парламентъ можетъ лишь идти за нимъ по пятамъ; а въ Германіи всѣмъ учрежденіямъ послѣдняго времени дѣлало починъ само правительство. Всѣ основныя черты современной германской конституціи (включая и всеобщую подачу голосовъ) набросаны Бисмаркомъ уже въ сентябрѣ 1863 года, по случаю конгресса государей во Франкфуртѣ: онѣ легли въ основу всего политическаго зданія, которое возведено было отчасти противъ воли народнаго представительства и усиліями правительства, которое зачастую затруднялось народнымъ представительствомъ. Это не часто высказывается и даже отрицается, но оно произвело глубокое вліяніе на народное представительство и на публику; оно тормазитъ самодѣятельность. Всякій безпристрастный наблюдатель, слѣдящій за тѣмъ, какой тонъ царствуетъ теперь въ Германіи относительно Франціи, невольно спрашиваетъ себя мысленно: что было бы, если бы Германіи пришлось когда-нибудь пережить великую катастрофу, и сумѣла ли бы она перенести ее такъ же, какъ Франція перенесла катастрофу 1870 г. Конечно, до тѣхъ поръ пока династія цвѣтетъ, такой катастрофы бояться нечего, потому что Германія имѣетъ то преимущество передъ Франціей, что монархическіе принципы въ ней тверды, привычка къ повиновенію, къ строгой дисциплинѣ—велика; но еслибы она вдругъ утратила своихъ вождей, то весьма сомнительно, сумѣла ли бы народъ, путемъ парламентскаго представительства, выдѣлить изъ себя вождей, которые бы справились съ трудными обстоятельствами. Въ парламентѣ найдутся весьма способные люди, да и нашъ политическій смыслъ значительно развился въ теченіе 25-лѣтней конституціонной жизни; но опытъ прошлыхъ лѣтъ и настоящаго времени заставляетъ сомнѣваться, чтобы онъ явился спасительнымъ въ моментъ великаго кризиса. Подъ опытомъ настоящаго времени я, разумѣется, понимаю пренія о военномъ законѣ, которыя еще не окончены и о которыхъ у васъ въ Россіи думаютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ въ Германіи. Но у васъ забываютъ два чрезвычайно важныя обстоятельства, когда судятъ о нѣмецкихъ дѣлахъ. Россія насчитываетъ вдвое больше населенія, чѣмъ Германія, и число его растетъ въ ней гораздо быстрѣе, чѣмъ въ Германіи. Далѣе, благодаря своему географическому положенію и естественнымъ границамъ, она защищена гораздо лучше, чѣмъ Германія, располо-

женная посреди континента и доступная со всѣхъ сторонъ. Эти условія, которыя никогда не измѣнятся, всегда будутъ требовать отъ Германіи болѣе значительнаго напряженія военныхъ силъ. Но и съ устраненіемъ вопроса: насколько нѣмецкая армія должна быть велика, по отношенію съ другимъ государствамъ,—теперешнее разногласіе между правительствомъ и рейхстагомъ не уладится, такъ какъ въ сущности дѣло идетъ не о численности арміи, а о бюджетныхъ правахъ рейхстага и срокѣ службы. Этотъ послѣдній уже въ 1862 г. послужилъ настоящей причиной столкновенія, такъ какъ либеральная партія желала двухгодичнаго срока, императоръ же въ принципѣ не желалъ отказаться отъ трехлѣтняго срока. Наконецъ, бюджетное право до сихъ поръ устранялось извѣстнымъ опредѣленіемъ конституціи, по которому мирный составъ арміи назначался въ размѣрѣ одного процента съ населенія 1867 г., а для покрытія издержекъ на ея содержаніе опредѣлялась сумма въ 225 талеровъ на человѣка, до тѣхъ поръ, пока правительству не окажется мало этой суммы, что собственно съ нѣкоторыхъ поръ и оказывается. Задающая тонъ въ рейхстагѣ партія національ-либераловъ и преимущественно предводимое Ласкеромъ лѣвое ея крыло желаетъ сохранить за собою бюджетное право и заявляетъ, что готово отпустить какую угодно правительству сумму, но не хочетъ связывать себѣ руки на неопредѣленное время. Также и прогрессивная партія желаетъ сократить не численность арміи, но только срокъ службы.

Весь вопросъ, слѣдовательно, перенесенъ на такую почву, гдѣ дѣло идетъ вовсе не о томъ: слѣдуетъ ли, въ видахъ продолжительности мира, сократить численность арміи? Задняя мысль либеральной партіи при этомъ та, что, быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ европейскія отношенія сложатся такимъ образомъ, что возможно будетъ сокращеніе армій, между тѣмъ, какъ правительство вовсе не думаетъ о такой возможности, а желаетъ оставаться единственнымъ судьей того, возможно ли сократить армію или нѣтъ.

Разумѣется, на практикѣ вещи складываются вовсе не такъ просто, какъ въ настоящемъ спорѣ. Такъ, напр., значительную роль играетъ мысль, что на многихъ пунктахъ, не касаясь вопроса организаціи арміи, могли бы быть сдѣланы сбереженія. Такъ, напр., указывается на то, что можно было бы сократить нѣсколько высшихъ командирскихъ постовъ, преимущественно въ кавалеріи; что губернаторы Берлина и нѣкоторыхъ крѣпостей, равно какъ и коменданты въ неукрѣпленныхъ городахъ—роскошь; что 2,000 офицеровъ въ арміи — трата силъ и т. д. Но экономія, которую можно сдѣлать такимъ путемъ, очень ничтожна, а подобныя требованія какъ разъ оскорбительны для императора, такъ какъ въ нихъ выражается не-

довѣріе къ добросовѣстности управленія военными дѣлами и антипатія къ военнымъ. Если бы уничтожить офицерскій корпусъ, то все отношеніе офицеровъ къ солдатамъ измѣнилось бы. Нельзя также не признать, что традиціонный духъ арміи, которая въ Пруссіи всегда сознавала себя въ непосредственной зависимости отъ короля, значительно ослабѣлъ бы, еслибы между ними сталъ парламентъ. Настоящая борьба совершенно сходна съ столкновеніемъ 1862 г., а именно, она сводится къ борьбѣ между парламентомъ, стремящимся расширить свою власть, и прерогативами монарха, которому конституція отводитъ обширныя полномочія въ дѣлѣ заботъ о войскахъ.

Такая борьба неизбежна во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, потому что по самому характеру представительныхъ собраній они не могутъ не стремиться распространить свое вліяніе и свой контроль на всѣ отрасли управленія, и съ теченіемъ времени достигаютъ своей цѣли. Весь вопросъ въ томъ: дѣйствительно ли наступило это время въ Германіи, и дѣйствительно ли либеральная партія понимаетъ свои выгоды, какъ слѣдуетъ, доводя вещи до крайности. Она должна будетъ сознаться, что именно съ 1867 г., когда она отказалась отъ бюджетнаго права въ конституціи сѣверо-германскаго союза, которая затѣмъ перешла къ германской имперіи, конституціонализмъ развился такъ блистательно, какъ никогда прежде, и что либералы добились такихъ успѣховъ, какихъ никогда прежде не бывало и о какихъ едва смѣли мечтать самые ярые оптимисты. Еще сильнѣе, чѣмъ длинный рядъ законовъ въ либеральномъ духѣ, изданныхъ въ послѣдніе годы, вліяетъ въ этомъ отношеніи борьба, которая теперь происходитъ между государствомъ и католической іерархіей, и при которой государство вынуждено удовлетворять старинныя требованія либерализма, которыя оно всегда отвергало, и призывать на помощь всю силу просвѣщенія, чтобы разрушить вліяніе католическаго духовенства на населеніе. Римско-католическая церковь всегда и вездѣ пользовалась свѣтской властью, чтобы сохранить свою силу, и распространеніе ея вліянія въ Европѣ съ 1815 г., или точнѣе сказать, съ конца великой французской революціи, слѣдуетъ исключительно приписать поддержкѣ, оказываемой ей правительствами.

Въ одной запискѣ, которую Бунзенъ представилъ прусскому правительству ¹⁾, въ 1823 г., по поводу перемены правленія въ Римѣ (гдѣ за умѣреннымъ папой Піемъ VII послѣдовалъ фанатикъ Левъ XII), этотъ исполнѣ либеральный государственный человѣкъ говоритъ слѣдующее:

¹⁾ *Bunsen*, Von Fr. Nippold, Band I, S. 510.

„Два великія ученія выяснены исторіей французской революціи: во-первыхъ, что алтарь является вѣрнѣйшей опорой престола, и затѣмъ, что достоинство духовной власти, зависящей непосредственно отъ одного лица, будетъ ли то свѣтскій государь или папа, является первою изъ общественныхъ вольностей, равно какъ и единственнымъ залогомъ, что дѣло совѣсти и духовные интересы не станутъ игрушкой административной власти или же индивидуальнаго произвола.“

Авторъ оправдываетъ затѣмъ вызывающее положеніе, принятое римской іерархіей со времени вступленія на папскій престолъ Льва XII, и продолжаетъ:

„Несмотря на то, мнѣ кажется, что во всемъ существенномъ слѣдуетъ признать реакцію католицизма въ его внутреннемъ устройствѣ, которая направлена противъ принциповъ, уничтожающихъ всякую религію, — реакцію, которая не только неизбежна, но даже въ извѣстномъ смыслѣ полезна для всей христіанской Европы. Атеизмъ и развращенность духовенства, религіозное и нравственное равнодушіе народа, такіе же враги правительства, какъ и политическій якобинизмъ и атеизмъ, и освобожденіе католической церкви отъ нападокъ революціонной гражданской власти и атеистическаго законодательства должно гораздо скорѣе благоприятно подѣйствовать на организацію евангелической церкви, чѣмъ оказаться для нея опасной“.

Мы знаемъ теперь, какъ мало оправдались эти воззрѣнія: римско-католическая церковь обратила силу, пріобрѣтенную ею сначала, противъ государства, затѣмъ противъ протестантской церкви. Но я привелъ вышеупомянутое мнѣніе потому, что оно выражаетъ тѣ основанія, которыхъ съ той эпохи и по 1871 г., за немногими исключеніями, держалось прусское правительство. Согласно этимъ принципамъ, вліяніе духовенства на народъ поощрялось на всѣ лады: въ пятидесятихъ годахъ при министрѣ вѣроисповѣданій Раумерѣ и въ шестидесятихъ при министрѣ Мюлерѣ, правительство скорѣе заботилось о томъ, какъ бы подавить просвѣщеніе, чѣмъ содѣйствовать ему, и этимъ подготовляло почву, на которой ультрамонтаны съ такимъ успѣхомъ собираютъ теперь свою жатву.

Поэтому-то разрывъ между государствомъ и католической церковью является такимъ прогрессомъ для дѣла либерализма, и поэтому тактика либеральной партіи должна заключаться въ томъ, чтобы избѣгать всего, что можетъ замедлить развитіе этого прогресса. У нихъ тѣмъ больше основаній поступать такимъ образомъ, что они имѣютъ ежедневныя доказательства въ ловкости и макіавелизмѣ ультрамонтанъ. Въ замѣчательномъ засѣданіи 16-го февраля, въ которомъ впервые обсуждался военный законъ, всѣ партіи: прогрессивная, національ-либеральная, консервативная и соціально-демократическая

высылали своихъ представителей на трибуну, чтобы высказать, хотя бы вскользь, свои взгляды. Только ультрамонтаны молчали. Два раза требовалось заключеніе дебатовъ, и два раза отклонялось, потому что большинство желало также выслушать представителя ультрамонтанъ, но напрасно. Эта партія желала оставить за собой свободу дѣйствія. Палата очень скоро замѣтила это намѣреніе, и стали говорить, что партія ультрамонтанъ предлагала правительству свои услуги въ военномъ вопросѣ, если оно окажетъ имъ содѣйствіе въ церковныхъ вопросахъ. Эти слухи, конечно, оспаривались, но я слышалъ отъ людей, заслуживающихъ полного довѣрія, что въ послѣднее время ультрамонтаны пытались интриговать въ высшихъ сферахъ.

Но попытка не удалась, и ультрамонтаны немедленно высказались въ военномъ вопросѣ. Ихъ представители въ комиссіи по военному закону, которая работаетъ уже въ теченіи пяти недѣль, немедленно пристали къ радикальнѣйшей оппозиціи противъ закона; они даже далеко превзошли требованія прогрессивной партіи. Г. фонъ-Маллинкродтъ не только оспаривалъ законное замѣщеніе кадровъ и двухгодичный срокъ службы, но объявилъ, что впослѣдствіи будетъ оспаривать институтъ волонтеровъ, отбывающихъ одинъ годъ службы, потому что онъ содержитъ ни на чемъ не основанныя привилегіи. Но, какъ я уже часто упоминалъ о томъ, этотъ самый институтъ и составляетъ краеугольный камень всей прусской военной системы, потому что побуждаетъ молодежь среднихъ классовъ стремиться къ высокой сравнительно степени образованія; онъ примиряетъ эту молодежь съ тягостью военной службы и образуетъ звено между офицерствомъ и бюргерскими классами общества. Мало того: чтобы выразить свое враждебное настроеніе противъ государства, г. фонъ-Маллинкродтъ высказалъ при этомъ случаѣ опасеніе, что правительство затѣетъ и навяжетъ слѣдующую войну сосѣдямъ Германіи—коварнѣйшая изъ инсинуаций.

До сихъ поръ ультрамонтаны оставались вѣрны этой тактикѣ, но можно быть увѣреннымъ, что завтра же они вотируютъ 401,639 человѣкъ численнаго состава арміи въ мирное время и вообще примутъ военный законъ отъ А до Z, если только правительство сдѣлаетъ имъ за это желанныя уступки. Но хотя и говорятъ, да и самъ я готовъ сказать, что соглашеніе между правительствомъ и ультрамонтанами невозможно, но, во-первыхъ, слово „невозможно“ слѣдуетъ какъ можно рѣже употреблять въ политикѣ, а во-вторыхъ, всякой войнѣ бываетъ конецъ и, слѣдовательно, настоящая война между римской іерархіей и германскимъ государствомъ тоже должна кончиться раньше, чѣмъ оба льва окончательно выцарапаютъ другъ друга глаза.

Возможность уступки со стороны ультрамонтанъ существуетъ. Даже я полагаю, что эта возможность гораздо ближе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, такъ какъ, если не Пій IX, то его преемникъ долженъ сознать, какой вредъ наносятъ церкви эти отжившія претензіи. Старо-католическое движеніе растетъ, хотя и медленно; оно растетъ, напримѣръ, въ Баденѣ, гдѣ уже десять лѣтъ, какъ существуетъ такое церковное законодательство, какое только въ настоящее время вводится въ Пруссіи и въ остальной Германіи, и гдѣ населеніе не находится подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Подобнаго же результата можно ожидать и въ Пруссіи, разъ настоящіе церковные законы будутъ дѣйствовать въ теченіи довольно продолжительнаго времени.

Но всего рѣшительнѣе должны подѣйствовать на римскую курію современные событія въ Австріи. Церковные законы, которые тамъ только-что приняты палатой депутатовъ и которые палата господъ приметъ, несомнѣнно направлены, какъ это признаютъ други и недруги, къ той же цѣли, какъ и прусскіе. Они даже собственно гораздо обиднѣе для римской куріи, такъ какъ государство упраздняетъ ими произвольно конкордаты 1855 г. Курія сознала опасность, какою ей грозятъ эти законы. До сихъ поръ она сосредоточивала всѣ свои силы въ Пруссіи, но теперь папа приказалъ австрійскимъ епископамъ противодѣйствовать новому законодательству и даже потребовалъ отъ самого императора, чтобы тотъ не давалъ своего согласія на эти законы. Это требованіе по истинѣ чудовищно. Съ 1848 г. Австрія стремится къ установленію конституціонной системы. Трудъ этотъ долго казался трудомъ Сизифа, такъ что народъ уже почти утратилъ вѣру въ ея осуществленіе. Еще въ послѣдніе годы происходили самыя разнородныя и насильственные перемѣны въ правительственныхъ принципахъ: то крайній федерализмъ, то безпощадная централизація одерживали верхъ. Только настоящему министерству (съ 25-го ноября 1871 г.) удалось установить нѣкоторое равновѣсіе. Ему удалось, во-первыхъ, ввести систему прямыхъ выборовъ (хотя все еще съ нѣкоторыми ограниченіями), къ которой стремились столько лѣтъ и которую всѣ государственные люди признавали необходимой, чтобы не дать федералистическимъ стремленіямъ взять верхъ,—что въ свою очередь повело бы къ распаденію имперіи. Выборы (имѣвшіе мѣсто въ октябрѣ) происходили большею частію въ умѣренно-либеральномъ и конституціонномъ духѣ. Только поэтому и стало возможнымъ заняться церковными законами. Не взирая на тяжело отразившіяся на странѣ послѣдствія биржевого кризиса, положеніе дѣлъ въ странѣ вообще рѣшительно и значительно улучшилось, что составляетъ совершенно естественное послѣдствіе пра-

вильнаго и спокойнаго развитія. И этому развитію папа желаетъ теперь помѣшать! Представьте себѣ только: какія послѣдствія произошли бы, еслибы императоръ Францъ-Иосифъ исполнилъ желаніе папы и отвергъ церковные законы. Тогда бы министерство вышло въ отставку, потому что оно внесло законы съ согласія императора, и палату депутатовъ пришлось бы распустить, такъ какъ она не могла бы измѣнить своихъ политическихъ убѣжденій и отнеслась бы съ крайней враждой ко всякому министерству, которое стало бы проводить церковную политику въ духѣ ультрамонтанъ. Новые выборы ничего бы не измѣнили въ настроеніи палаты и въ скоромъ времени пришлось бы формально, или по крайней мѣрѣ, фактически, упразднить конституцію.

Еслибы претензія папы остановить ходъ законодательства была признана основательною, то во всякомъ случаѣ мы были бы свидѣтелями политико-государственного курьёза: государство, въ которомъ римскій папа пользовался бы правомъ veto! Къ такимъ нелѣпостямъ можетъ привести осуществленіе на практикѣ притязаній *Syllabus'a*.

Въ Бельгій также слѣдуетъ ожидать въ непродолжительномъ времени, что государство приметъ, наконецъ, чрезвычайныя мѣры, потому что господство клерикаловъ разрослось тамъ въ опасныхъ размѣрахъ. Даже южно-американскія государства, у которыхъ уваженіе къ римской куріи вошло въ традицію, стремятся развязаться съ ней, чтобы получить необходимую политическую свободу.

Миръ, который возстанетъ, когда ультрамонтаны подчинятся, будетъ, конечно, не вѣченъ, но онъ продлится достаточно долго для того, чтобы реакція сдѣлалась довольно ощутительною, реакція, для которой существуетъ множество элементовъ. Во-первыхъ, слѣдуетъ принять во вниманіе изумительный успѣхъ социальнo-демократической партіи.

Я былъ недавно на парламентскомъ вечерѣ у одного вліятельнаго члена рейхстага, на который приглашены были нѣсколько депутатовъ изъ Саксоніи, гдѣ до сихъ поръ социалисты-демократы одержали наиболѣе успѣховъ (изъ 23 депутатовъ королевства Саксоніи въ рейхстагъ прислано 6 социалистовъ-демократовъ... Мало того: въ нѣкоторыхъ саксонскихъ городахъ уже существуютъ депутатскія собранія, составленныя изъ социалистовъ-демократовъ), и когда разговоръ зашелъ о социализмѣ, то больше отъ него и не отвлекался. Вотъ какъ онъ озабочиваетъ умы. Да оно и понятно.

Въ послѣднемъ письмѣ, подѣ первымъ впечатлѣніемъ выборовъ, я писалъ вамъ о социалистахъ-демократахъ. Но теперь я ихъ ви-

дѣлъ въ парламентѣ и могу сказать, что они превзошли всѣ ожиданія своихъ друзей и всѣ опасенія своихъ противниковъ.

Кто, входя въ рейхстагъ, взглянетъ на маленькую кучку социалистовъ-демократовъ, сбившуюся на крайнемъ концѣ вала, тотъ очень удивится, если ожидалъ, что внѣшностью своей они заявляютъ о своемъ социальномъ положеніи. Они ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ членовъ; на рукахъ у нихъ не видно мозолей, платье ихъ не разорвано, бѣлье чисто. Не говоря уже о томъ, что сами рабочіе особенно заботятся о томъ, чтобы не отличаться отъ представителей высшихъ классовъ (мужской костюмъ сдѣлался въ наши дни такимъ однообразнымъ, что различіе между богатымъ и бѣднымъ не бросается въ глаза—культурный успѣхъ, тогда какъ въ древнія времена, да и нынѣ у мало цивилизованныхъ народовъ, различіе въ костюмахъ знатныхъ людей и незнатныхъ зачастую громадно), ихъ депутатовъ и нельзя назвать рабочими въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Это все по большей части писатели или должностныя лица. Единственный, который намѣренно подражаетъ рабочимъ во внѣшности—это г. Гассельманъ, который имѣетъ всего меньше къ тому оснований. Въ парламентскомъ альманахѣ Гирта, гдѣ приведены краткія біографіи членовъ рейхстага, присылаемыя по большей части самими депутатами,—находимъ слѣдующія подробности о Гассельманѣ: „родился въ 1844 г., посѣщалъ гимназію въ Бременѣ, политехническую школу въ Ганноверѣ, занимался химіей, частію практически на фабрикахъ, частію научно въ университетахъ Гёттингенскомъ и Берлинскомъ. Какъ членъ всеобщаго германскаго рабочаго общества, избранъ въ редакторы органа общества (Новый социалистъ-демократъ). Это рабочее общество, самая значительная изъ социалистическихъ ассоціацій въ Германіи, выслала, кромѣ того, депутатомъ отъ Альтоны своего президента, г. Газенклевера. Газенклеверъ былъ уже въ 1869—70 г. членомъ сѣверо-германскаго рейхстага; онъ учился въ гимназіи въ Аренсбергѣ, и затѣмъ (по словамъ альманаха) объѣхалъ въ качествѣ подмастерья всю Германію и сѣверную Италію. Съ 1868 г. онъ занималъ различныя довѣренныя званія во всеобщемъ рабочемъ обществѣ. Его ремесло (кожевенное), быть можетъ, всегда служило лишь поводомъ для совсѣмъ иныхъ занятій. Гейбъ, человекъ 32 лѣтъ, родился въ рейнскомъ Пфальцѣ, посѣщалъ сельскую школу, поступилъ на службу къ одному торговцу, и съ 1864 г. завелъ въ Гамбургѣ книжную торговлю и бібліотеку для чтенія“.

Я не стану вдаваться въ дальнѣйшія подробности. Но во всякомъ случаѣ единственнымъ высокообразованнымъ человекомъ въ средѣ социалистовъ-демократовъ, избранныхъ депутатами въ рейхстагъ, является ихъ старѣйшій собратъ, Либкнехтъ, которому предстоитъ

еще отсидѣть въ тюрьмѣ до конца текущаго мѣсяца. Онъ изучалъ филологію въ Гессенѣ, Берлинѣ и Марбургѣ, и позднѣе долго жилъ эмигрантомъ за-границей. Но у всѣхъ ихъ есть общія черты. Они своими личными усиліями выдѣлились изъ своей среды, и поэтому заражены весьма естественнымъ самолюбіемъ; всѣ они привыкли говорить публично и хотя между ними нѣтъ ни одного гениальнаго оратора, всѣ они ловки, умѣютъ писать, молоды, честолюбивы и энергичны, и, по всей вѣроятности, пойдутъ и не на такіа опасности, какъ двухмѣсячное или двухлѣтнее тюремное заключеніе. До сихъ поръ они говорили при всякомъ удобномъ случаѣ, и потому дали возможность поближе познакомиться съ ними. Всего развязнѣе обращается съ публикой Газенклеверъ, который похожъ на мелкаго ремесленнаго мастера, любящаго хорошо пожить и выпить. Онъ тщательно зачесалъ съ боковъ волосы на лысину; росту онъ небольшого, съ краснымъ лицомъ и нѣсколько крикливымъ голосомъ. Гассельманъ, соперникъ и предполагаемый преемникъ Газенклевера, имѣетъ видъ чахоточнаго и держитъ голову внизъ. Многимъ кажется, что взглядъ у него свирѣпый, точно у хищнаго звѣря, и онъ слыветъ за яраго фанатика. Насколько это справедливо, какъ относительно его, такъ и его собратьевъ, трудно сказать, но мнѣ кажется, что социалисты-демократы вовсе не имѣютъ намѣренія раздражать собраніе; а если и заправляютъ свои рѣчи кайенскимъ перцемъ, то лишь затѣмъ, чтобы заслужить одобреніе своихъ избирателей, такъ какъ одной изъ неприятныхъ сторонъ жизни демагога является то, что путь отъ Капитолія до Тарпейской скалы недалекъ. Но за то они имѣютъ громадное преимущество въ томъ, что могутъ, не опасаясь никакой отвѣтственности, говорить съ трибуны все, что имъ угодно, и затѣмъ печатать это въ газетахъ.

18-го февраля происходило первое чтеніе поправки правительства къ ремесленному уставу (о которой я буду говорить позже), причемъ социалистическій депутатъ Гассельманъ держалъ рѣчь, изъ которой я приведу нѣсколько мѣстъ, для того, чтобы охарактеризовать ихъ тонъ и характеръ.

„... Ораторъ, предшествовавшій мнѣ, говорилъ о большинствѣ и о меньшинствѣ въ этой палатѣ. Да, мы (социалисты-демократы) составляемъ еще меньшинство, но за нами стоятъ сотни тысячъ рабочихъ, которые знаютъ, чего хотятъ, и если приобретутъ на своихъ товарищей, еще не занимающихся политикой, вліяніе, то меньшинство станетъ, большинствомъ и мы станемъ юрой, какъ это уже бывало въ другихъ странахъ“.

Ораторъ говорилъ затѣмъ о нѣмецкой торговлѣ невольниками, о

рабствѣ глупцовъ, послѣдовавшемъ за крѣпостничествомъ; послѣ одного перерыва онъ сказалъ:

„... Вамъ не нравятся эти рѣчи, но я говорю отъ имени моихъ избирателей, которые любятъ рѣзкія рѣчи“.

Хозяевъ фабрикъ онъ обозвалъ *Schlotjunker*'ами; затѣмъ развивалъ планъ, какъ онъ, если законъ пройдетъ, въ случаѣ если рабочіе составятъ стачку, самъ приметъ въ ней участіе; затѣмъ жаловался на то, что одинъ рабочій, сказавшій про своего хозяина, что онъ можетъ приготовить ему „пеньковую медаль“ (онъ разумѣлъ веревку, на которой бы его повѣсить), приговоренъ былъ за эти „легкомысленныя слова“ къ трехмѣсячному тюремному заключенію, и затѣмъ продолжалъ:

„... Какъ мало достигли вы закономъ объ изгнаніи іезуитовъ, такъ мало достигнете вы и этимъ закономъ. Тамъ вы оскорбили 400 іезуитовъ, здѣсь вы оскорбляете 4 милліона рабочихъ, которые должны поднимать за васъ оружіе въ войнѣ, которые выигрываютъ сраженія, которые несли три года военную службу и умѣютъ обращаться съ оружіемъ. А когда ихъ оскорбляютъ, то, говорю вамъ, они не легко забываютъ оскорбленія. Нѣмецкіе рабочіе слишкомъ долго оставались колпаками, но теперь они проснулись; это доказываютъ 4,500,000 голосовъ, поданныхъ за социалистовъ-демократовъ. Подождите еще нѣсколько лѣтъ, нанесите еще нѣсколько ударовъ въ лицо рабочимъ, и вы увидите, что они скажутъ. Я жалѣю объ одномъ, что этотъ законъ не прошелъ еще осенью, тогда бы насъ сидѣло здѣсь тридцать человѣкъ... Намъ указывали на какое-то уравниеніе правъ. Все это прекрасныя слова, прикрывающія совершенную пустоту. Разница между капиталомъ и трудомъ слишкомъ велика, чтобы уравниеніе было такъ легко. Въ Германіи мы до сихъ поръ вели борьбу въ предѣлахъ закона, мы предоставляемъ нашимъ врагамъ, капиталистамъ, разбивать оковы закона; но въ сосѣднихъ съ нами странахъ наши друзья уже разбивали эти оковы; тамъ обманутый пролетаріатъ уже брался за оружіе противъ грабителей-версальцевъ, противъ тѣхъ бандитовъ порядка, которые, по истеченіи трехъ лѣтъ, все еще продолжаютъ казнить и плавать въ крови. Эта борьба между капиталомъ и трудомъ, между трудомъ и туеядствомъ не минуетъ и Германіи. Уже крупныя капиталы распространяютъ свое зловерное вліяніе на сельское хозяйство, такъ что лѣтъ черезъ десять крупная промышленность овладѣетъ всѣми отраслями труда. Если къ тому времени сословное различіе будетъ еще усилено законами, подобными настоящему, то наступитъ часъ, когда станетъ уже поздно вести развитіе мирнымъ путемъ. Тогда массы потребуютъ своихъ правъ, тогда рабочіе въ мундирахъ сообразятъ, что противъ нихъ выступаютъ ихъ

братья, тогда вспыхнетъ борьба, отголоски которой долетаютъ теперь до насъ издали и мы услышимъ воззваніе:

„Brecht das Doppeljoch entzwei,
„Brecht das Joch der Slavery,
„Brecht die Slavery der Noth,
„Brot ist Freiheit, Freiheit Brot!“¹⁾

Этими стихами заключена была рѣчь, которую, само собой разумѣется, перепечатали всѣ газеты, и вліяніе которой на тѣхъ людей, которыхъ желаютъ и надѣются привлечь социалисты-демократы—я не стану отрицать. Вы согласитесь, что не бездѣлица, если рейхстагъ выслушиваетъ подобную рѣчь, не прерывая ее. Только раза два собраніе взволновалось, когда услышало угрозы на счетъ измѣны арміи, что, конечно, нешуточное дѣло. Но противъ такой случайности государство приметъ свои мѣры, озаботившись, чтобы принципы, на которыхъ теперь опирается армія, не были потрясены.

Въ рѣчи, которую 16-го февраля произнесъ г. Гнейстъ о военномъ вопросѣ и съ которой газетные отчеты поступили весьма безцеремонно, потому что она заключила собою долгія пренія, онъ сказать, между прочимъ, слѣдующее о задачахъ арміи:

„Армія есть школа націи въ военномъ дѣлѣ. Да, это не простыя фразы. Мы считали это настолько серьезнымъ, что упомянули объ этомъ въ конституціи, и были правы. Это дѣйствительно школа, какъ и въ античномъ государствѣ, которая должна укрѣплять физическую силу людей и вмѣстѣ съ тѣмъ закалять ихъ характеръ, пополняя то, чего не достигаетъ наша народная школа, благодаря недостаточности своей организаціи,—школа, которая въ одинъ, два, три года службы развиваетъ порядокъ, дисциплину, опрятность, привычку къ послушанію, сознаніе своей связи съ государствомъ и всѣ качества, развитіе которыхъ въ настоящее время необходимо, чѣмъ когда-либо. Потому что именно теперь обязательство прослужить государству годъ, два, три является неопѣненнымъ противовѣсомъ стремленію къ изнѣженности, существующему въ высшихъ классахъ, физическому разслабленію, замѣчаемому въ фабричномъ населеніи и всеобщей погонѣ за наслажденіемъ и наживой“.

Гнейстъ доказывалъ далѣе, что мнимо-конституціонное требованіе бюджетнаго права въ такихъ рамкахъ, благодаря которымъ ежегодно существованіе арміи ставилось бы на карту—аномалія; потому что во всякомъ другомъ министерствѣ существуютъ законные,

¹⁾ Низвергнемъ двойное иго, низвергнемъ иго рабства, низвергнемъ рабство илчеты, хлѣбъ—это свобода, свобода—это хлѣбъ!

прочно установленные принципы, которые не расшатываются. Когда палата обсуждаетъ бюджетъ министерства юстиціи, она признаетъ, какъ вещь неизблемую, кадры чиновниковъ юстиціи, признаетъ существованіе 20,000 чиновничьихъ мѣстъ. Затѣмъ уже разсуждается о желательномъ расширеніи этихъ рамокъ, о новыхъ мѣстахъ, перемѣнахъ и т. п. То же самое можно сказать и о всякомъ другомъ бюджетѣ; относительно каждаго нѣкоторые основные государственные принципы, необходимые для проведенія извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, заранѣе признаются обязательными, и никому еще въ голову не приходило считать вслѣдствіе того конституціонное право опредѣлять бюджетъ нарушеннымъ.

Военная коммиссія окончила свои работы 20-го марта, не придя ни къ какому результату: она отвергла, большинствомъ 22-хъ голосовъ противъ 6, важѣйшій параграфъ закона, первый параграфъ: „мирный составъ арміи въ унтеръ-офицерахъ и рядовыхъ заключаетъ, впредь до измѣненія его законодательнымъ порядкомъ, 401,659 человекъ. Одногодичные вольноопредѣляющіеся въ численность мирнаго состава не зачисляются“. Тѣмъ же большинствомъ было отвергнуто предложеніе со стороны консерваторовъ, по которому средняя численность арміи въ мирное время устанавливалась въ 384,000 человекъ. Чтобы получить ясное понятіе объ этой разницѣ необходимо знать, что подразумѣваетъ правительство въ § 1 подъ выраженіемъ—мирный составъ арміи. На это-то и были устремлены старанія коммиссіи, выяснившей себѣ этотъ пунктъ вполне. Подъ мирнымъ составомъ арміи правительство понимаетъ такую численность арміи, которую оно не имѣетъ право превысить, но которую можетъ, смотря по надобности, уменьшать посредствомъ отпусковъ, къ чему оно и прибѣгало въ 1867—1870 и 1872—1874 годахъ изъ экономическихъ соображеній, когда ему предоставлялась круглая сумма на военные расходы (*Pauschquantum*), но чего на будущее время оно не намѣрено дѣлать, усматривая въ этомъ нарушеніе порядка въ арміи. Возникали въ самомъ дѣлѣ различныя безпорядки: затруднялось обученіе войскъ, постоянство кадроваго состава дѣлалось сомнительнымъ, такъ какъ большая часть отбывающихъ третій годъ службы отсутствовала. На основаніи всего этого, военное управленіе желаетъ, чтобы вольноопредѣляющіеся не засчитывались въ мирный составъ арміи, чтобы отлучки егерей, обозныхъ и т. д., а также зимнія отлучки были отмѣнены, и чтобы промежутокъ времени между увольненіемъ отслужившихъ трехлѣтній срокъ и поставкой рекрутовъ, продолжавшійся обыкновенно нѣсколько мѣсяцевъ, сократить до 4-хъ недѣль. Въ сѣверогерманскомъ союзѣ мирный составъ былъ постоянно ниже 1% населенія 1867 года, какъ то слѣдуетъ на ос-

нованіи 50-й статьи конституціи. Въ 1872 году средній (ежедневный) составъ былъ 359,173 человѣка, а въ 1874 г. только 356,987. На основаніи этихъ цифръ, національ-либеральная партія предлагаетъ принять за *минимальную* численность состава арміи 360,000 человѣкъ; всякое же превышеніе этой цифры требуетъ соглашенія между правительствомъ и рейхстагомъ. Возражая противъ этого, правительство сообщило комиссіи очень интересный расчетъ объ отношеніи между срокомъ службы и средней наличностью войска. Для существующихъ въ мирное время окружныхъ командъ ландвера, кавалеріи, артиллеріи, обоза и т. д. требуется 129,875 человѣкъ, при средней численности въ 385,000 человѣкъ, остается такимъ образомъ 255,125 человѣкъ арміи. Эти 255,125 человѣкъ распределяются между 469 баталіонами, такъ что на каждый баталіонъ среднимъ числомъ приходится 540 человѣкъ. Если вычесть изъ этого числа унтеръ-офицеровъ, лазаретныхъ служителей, казначеевъ и другихъ нестроевыхъ солдатъ, то подъ ружьемъ останется 465 человѣкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что при ежегодной поставкѣ 190 рекрутовъ, средній срокъ службы долженъ быть 2 года, 5 мѣсяцевъ и 13 дней. Принявъ среднюю цифру въ 360,000, эти расчеты значительно измѣнятся. Строевыхъ солдатъ въ каждомъ баталіонѣ будетъ всего 411 человѣкъ и средній срокъ службы по расчету окажется въ 2 года, 1 мѣсяць и 29 дней,—срокъ, признанный правительствомъ положительно недостаточнымъ. Конечно, оно можетъ увеличить срокъ службы, уменьшивъ число рекрутовъ, но черезъ это уменьшилась бы численная сила арміи въ случаѣ войны.

Въ комиссіи упрекали правительство за то, что оно въ своемъ проектѣ выражаетъ болѣе склонности къ трехгодичному сроку, чѣмъ то выражало на дѣлѣ въ теченіи послѣднихъ лѣтъ; а также, что оно значительно увеличило свои денежныя требованія. (Точно установлены эти требованія будутъ въ бюджетѣ). Я, какъ не специалистъ, не берусь рѣшать вопроса, слѣдуетъ ли допустить двухгодичный срокъ или нѣтъ. Только *одинъ* аргументъ сторонниковъ короткаго срока кажется мнѣ неумѣстнымъ. Они утверждаютъ, что если правительство, непосредственно послѣ войны, удовлетворялось болѣе короткимъ срокомъ, несмотря на то, что армія вслѣдствіе войны сильно пострадала, то при мирномъ положеніи дѣлъ такой срокъ долженъ вполнѣ удовлетворять. Это совершенно невѣрно. Война, хотя и похитила множество солдатъ изъ арміи, но за то дала случай остальнымъ приобрести большую опытность; кромѣ того, непосредственно за войной слѣдующіе годы болѣе обезпечены отъ новыхъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ будущія времена.

Оба мнѣнія остаются до сихъ поръ непримиренными. Въ тотъ

день, когда происходило послѣднее совѣщаніе комиссіи, или днемъ раньше; король собралъ у себя совѣтъ изъ наиболѣе выдающихся военныхъ совѣтчиковъ, на которомъ, по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, было рѣшено не уступать. Комиссія не будетъ спѣшить докладомъ и теперь уже извѣстно, что обсужденіе военного закона *in plenum* послѣдуетъ только послѣ пасхи, частью съ цѣлью обождать выздоровленія князя Бисмарка, тяжело заболѣвшаго уже три недѣли тому назадъ, частью же съ цѣлью сдѣлать новыя попытки къ соглашенію, такъ какъ члены комиссіи дѣйствовали довольно самостоятельно и, получивъ разъ полномочіе, мало заботились о своихъ фракціяхъ. Относительно исхода дѣла мнѣнія различны. Тѣмъ не менѣе, какъ національ-либеральные органы, такъ и правительственные, долгое время высказывали оптимистическія воззрѣнія. Они показывали видъ и продолжаютъ еще это дѣлать, что трудность достигнуть соглашенія въ сущности не такъ велика, если принять въ соображеніе добрую волю и патріотизмъ, которымъ обладаютъ обѣ стороны. Патріотизмъ и добрая воля не помѣшали, однако, разыгратъ столкновенію въ 1860 году; патріотизмъ и добрая воля могутъ привести къ революціи и междоусобной войнѣ. Недостаетъ политической прозорливости, которая всегда приводитъ къ хорошему. Обманчивыя надежды рухнули послѣ весьма яснаго заявленія, сдѣланнаго императоромъ въ день его рожденія, во время приѣма поздравленія отъ генералитета, и въ которомъ было совершенно опредѣленно выражено рѣшеніе не уступать ни въ чемъ, что клонится къ ограниченію состава арміи. Съ какой стороны ни взглянешь на сказанныя слова, въ нихъ несомнѣнно то, что императоръ считаетъ положеніе критическимъ и угрожающимъ опасностью арміи. Конечно, простѣйшимъ исходомъ настоящаго положенія было бы продленіе на нѣсколько лѣтъ существующаго порядка (только въ этомъ случаѣ пришлось бы значительно возвысить круглую сумму, отпускаемую военному вѣдомству, такъ какъ ему не хватаетъ тѣхъ средствъ, которыя въ настоящее время отпускаются въ его распоряженіе). Но противъ этого возстаютъ какъ національ-либералы, такъ и правительство, и они правы. Правительство желаетъ обезпечить себя закономъ для арміи, чтобы хоть до нѣкоторой степени быть огражденнымъ отъ измѣнчивыхъ вліяній парламентаризма. Такое желаніе весьма естественно, потому что безъ этого армія не можетъ процвѣтать. Либеральная партія сознаетъ, и Ласкеръ выразилъ это превосходно, что установленіе *Pauschquantum*, которое исключаетъ всякую возможность обсужденія военного дѣла въ парламентѣ, только затруднитъ возвращеніе къ правильному порядку дѣлъ. Рейхстагъ отвыкнетъ отъ занятій вопросами по военной части, а военное управленіе привыкнетъ не подлежать контролю

парламента, и это взаимное отчужденіе неизбѣжно приведетъ къ столкновенію. Такое соображеніе, казалось бы, должно служить достаточной побудительной причиной принять то, что предлагаетъ правительство, потому что въ этомъ случаѣ наступитъ немедленно правильное обсужденіе бюджета.

Но либеральная партія не можетъ выпутаться изъ сѣти, которою себя опутала, и потому взываетъ о помощи къ князю Бисмарку. Совершенно ненужная отсрочка обсужденія военнаго закона до послѣ-паски только этимъ и можетъ быть объяснена. Всѣ тѣ, которые въ настоящую минуту идутъ вѣстѣ съ толпой, сознаютъ про себя, что магическій голосъ имперскаго канцлера и его на дѣлѣ испытанное вліяніе не преминутъ проявить свою волшебную силу въ рѣшительный моментъ и обратятъ на свою сторону, если не ихъ самихъ, то ихъ же хорошихъ друзей. Самымъ гнуснымъ лицемѣріемъ въ политикѣ можно назвать составленіе оппозиціи для того, только, чтобы усладиться популярностью и своей преданностью принципамъ, сознавая всю безвредность оппозиціи. Чтобы выяснить свою мысль, приведу примѣръ. Когда 16-го апрѣля 1867 года сѣверогерманскій рейхстагъ пустилъ на голоса союзную конституцію, то 230 членовъ вотировали „да“ и 53 „нѣтъ“. Эти послѣдніе состояли изъ поляковъ, ультрамонтанъ и принадлежащихъ къ партіи прогресса. Поляки и ультрамонты имѣли свои причины вотировать противъ этой конституціи, но партія прогресса, которая ясно видѣла въ конституціи горячее желаніе патріотовъ къ объединенію, должна была безусловно желать осуществленія такой конституціи. Но она вотировала противъ нея потому, что не всѣ ея либеральныя требованія были выполнены, и потому, что она навѣрно знала, что конституція, несмотря на то, пройдетъ. Но, предположимъ такой случай, что результатъ нельзя было бы съ точностью предсказать, большинству не доставало бы нѣсколькихъ голосовъ; въ такомъ случаѣ весьма вѣроятно, что если не всѣ, то нѣкоторые изъ партій пожертвовали бы принципомъ, ради политической необходимости. Въ приведенномъ же случаѣ они остались вѣрны принципу. Все хорошее въ конституціи принадлежало всѣмъ; въ менѣе хорошемъ они неповинны; въ этомъ виновато раболѣпіе національ-либераловъ и консерваторовъ! Такая тактика въ политическихъ дѣлахъ возмутительна, она приучаетъ народъ относиться съ презрѣніемъ къ результатамъ, добытымъ упорнымъ трудомъ, при которомъ принималось въ соображеніе практически возможное, и стремиться все впередъ. Это вызываетъ реакцію: круговоротъ, совершенный уже столько разъ Франціей и Испаніей и заключающій въ себѣ то зло, что онъ поглощаетъ лучшія силы народовъ.

Я не думаю, чтобы князь Бисмаркъ въ настоящемъ случаѣ былъ склоненъ помочь національ-либераламъ, даже еслибы и могъ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ играетъ роль мишени для тонко сплетенныхъ интригъ и подозрѣній, которыя настойчиво бьютъ въ одну точку, а именно, что онъ недостаточно интересуется арміею и съ слишкомъ большою симпатіею относится къ парламентаризму и либерализму. Вы можете быть возразите, что это слишкомъ глупо, но ультрамонтаны знаютъ, гдѣ раки зимуютъ. Они знаютъ, что глупое производитъ нѣкоторое таинственное дѣйствіе даже и на умныхъ людей; что невѣроятному легче всего вѣрять. А тутъ еще непріязнь старой консервативной партіи, считающей, что князь повиненъ въ ея паденіи, и заботы нѣкоего честнаго, но консервативно мыслящаго человѣка, который полагаетъ, что настоящая внутренняя политика находится на скользкомъ пути.

Но всѣ эти предположенія излишни, потому что имперскому канцлеру потребуется по крайней мѣрѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ для выздоровленія. Оно будетъ и лучше, если онъ не вмѣшается въ дѣло, потому что національной партіи въ рейхстагѣ пора выучиться ходить безъ помочей и не рассчитывать при всякомъ случаѣ на *Deus ex machina*.

Рейхстагъ порѣшилъ тѣмъ временемъ изрядное число болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ; такъ, между прочимъ, прошли: законъ объ обязательномъ оспопрививаніи, береговое положеніе, и вчера, во второмъ чтеніи, законъ о печати, который выработанъ весьма либерально. Пока еще неизвѣстно, какъ онъ будетъ принятъ союзными правительствами, но можно предполагать, что нѣкоторыя уступки приведутъ къ соглашенію. Бисмаркъ всегда опасался, что либеральный законъ о печати будетъ особенно пріятенъ ультрамонтамамъ и социалистамъ-демократамъ, но какъ тѣ, такъ и другіе въ настоящее время столь рѣзки въ печати, что хуже не будетъ. Сильное притѣсненіе прессы невозможно, даже при болѣе строгомъ законѣ, чѣмъ существующій, если не желаютъ отнять и другихъ гарантій свободы. Такимъ образомъ, придется испробовать почти неограниченную свободу печати и убѣдиться на практикѣ, справедливо ли, что свобода печати заключаетъ въ самой себѣ цѣлебное средство противъ ранъ, которыя она наноситъ.

Бурные споры вызоветъ представленное правительствомъ дополненіе къ промышленному закону. Коммиссіей отвергнуть главный пунктъ его, а именно, что нарушеніе контракта наказуется уголовнымъ порядкомъ (т.-е. денежнымъ штрафомъ или заключеніемъ). Образовалась частная коммиссія, недовольная такимъ рѣшеніемъ, которая перерѣшитъ дѣло въ противоположномъ смыслѣ. Вотирова-

ніе палаты трудно предсказать, но во всякомъ случаѣ предстоящіе споры будутъ праздникомъ для социалистовъ-демократовъ, которые, какъ и ультрамонтаны, очень хорошо знаютъ, чего хотятъ, и потому разыгрываютъ роль, не соответствующую ни ихъ численности, ни умственнымъ силамъ.

Во внѣшней политикѣ царствуетъ вообще тишина; единственный шумъ производятъ опять-таки ультрамонтаны, старающіеся изъ всѣхъ силъ возбудить недовѣріе Австріи въ Пруссіи. Газета „Германиа“ съ гениальнымъ нахальствомъ упрекаетъ политику Бисмарка за то, что она не стремится въ присоединенію нѣмецкихъ провинцій Австріи, потому что, по ея мнѣнію, только этимъ путемъ можно создать настоящее національное государство. Сторонники и тайные сотоварищи „Германиа“, до сихъ поръ, какъ извѣстно, гораздо болѣе симпатизировали Австріи, нежели Пруссіи, и въ 1866 году молились за побѣду австрійскаго оружія. Они борются и въ настоящее время, насколько хватаетъ у нихъ силъ, противъ сплоченія Германіи; они идутъ рука объ руку со всѣми врагами Германіи. Но это не стѣсняетъ ихъ внезапно прикинуться ультра-шовинистами, если только такая роль полезна для ихъ цѣлей. Они пользуются тѣмъ состояніемъ, которое я изобразилъ въ началѣ настоящаго письма, состояніемъ всеобщей распушенности, забывчивости, пресыщенности. Они, конечно, нисколько не интересовались бы прочнымъ положеніемъ Австріи, еслибы она не служила ультрамонтаннымъ интересамъ. Когда пройдутъ въ Австріи конфессіональные законы и утвердятся авторитетъ государства надъ церковью, тогда можетъ быть и будетъ пріятно ультрамонтанамъ соединеніе нѣмецкой Австріи съ Германіей, потому что тогда католики составили бы большинство въ Германіи и съ нѣкоторою ловкостью можно было бы создать ультрамонтанскій парламентъ въ Германіи. Это было бы курамъ на смѣхъ!

Но съ насъ довольно настоящаго *imbroglio*. Я ставлю вопросъ: что будетъ?—и не отвѣчаю на него. Да это и невозможно. Въ настоящий моментъ все находится въ полномъ броженіи. Еще нѣсколько недѣль—и наступитъ проясненіе, или послѣдуютъ серьезныя событія, которыя глубоко потрясутъ Германію и вызовутъ новое распредѣленіе партій. Въ виду неизвѣстнаго будущаго, настоящее состояніе Германіи можетъ быть охарактеризовано слѣдующимъ образомъ: побѣда опьянила насъ, и теперь наступилъ запоздавшій *Katzenjammer!*

К.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ

по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ профессора Сѣченова.

II *).

Въ статьѣ „Кому и какъ заниматься психологіей“, проф. Сѣченовъ старается положить основанія психологіи, какъ науки. При разсмотрѣніи этой статьи, наши роли перемѣняются: изъ обороны я перехожу въ наступленіе, проф. Сѣченовъ изъ истца обращается въ отвѣтника. Такая двойная повѣрка нашихъ мнѣній выяснитъ читателю во всей подробности наши точки отправленія, наши приемы, и доставитъ ему матеріалъ, совершенно достаточный для того, чтобы рѣшить, кто изъ насъ правъ и въ какой мѣрѣ.

Статья проф. Сѣченова есть полный, законченный этюдъ, посвященный развитію той мысли, что психическая дѣятельность, по основному своему типу, есть явленіе совершенно аналогическое съ нервными рефлексами и находится съ ними въ тѣснѣйшей связи. Мысль эта проведена блестяще, съ тою ясностію и послѣдовательностію, которыми отличается все, что выходитъ изъ-подъ пера почтеннаго ученаго. Ни одна мелкая подробность, служащая къ выясненію и подтвержденію основной темы, не опущена; все, что можно сказать о психическихъ процессахъ и актахъ съ фізіологической точки зрѣнія, сказано; загадочная связь психическаго и матеріальнаго освѣщена съ новой стороны, которая отерываетъ въ этой неизвѣстной пока цѣпи новыя, почти незамѣченныя звенья и новые пункты сближенія между дѣятельностями, столь повидимому разнородными. Въ этомъ смыслѣ, психологическій этюдъ проф. Сѣченова безспорно есть богатый вкладъ въ науку, которая не замедлитъ имъ воспользоваться.

Если бы вся задача ученаго ограничивалась выясненіемъ, съ новой точки зрѣнія, фізіологическихъ условій психической дѣятельности и процессовъ, попыткой препарировать фізіологическіе элементы отъ психическихъ, при помощи новаго, неиспробованнаго еще приема, то конечно, не нашлось бы ни одного психолога, къ какой бы онъ ни принадлежалъ школѣ, который не поспѣшилъ бы выра-

*) См. выше: мартъ, 411 стр.

зять проф. Сѣченову полное свое сочувствіе. Но авторъ идетъ гораздо дальше. Въмѣсто ожидаемыхъ научныхъ изслѣдованій, мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ гипотезъ, одна другой смѣлѣе, высказанныхъ весьма рѣшительно, но безъ всякихъ доказательствъ. Читатель, мало знакомый съ психологическими вопросами, ознакомясь съ этюдомъ проф. Сѣченова, подумаетъ, что одни глупцы или невѣжды могутъ съ нимъ не согласиться, — съ такою увѣренностью онъ высказываетъ предположенія въ видѣ доказанныхъ и передоказанныхъ научныхъ истинъ, или аксіомъ, противъ которыхъ и возражать нечего. Но кто хоть немного вдумывался въ психическія явленія, отъ того, при нѣсколько внимательномъ чтеніи, не могутъ укрыться такіе ненаучные приемы въ области знанія, которая по своей темнотѣ и запутанности болѣе, чѣмъ всякая другая, требуетъ самаго осторожнаго и внимательнаго примѣненія положительнаго метода изслѣдованія.

Нѣсколько подробный разборъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ труда проф. Сѣченова наглядно докажетъ справедливость этихъ общихъ замѣчаній.

Психологическій этюдъ проф. Сѣченова состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой устанавливается психологическій вопросъ; во второй опредѣляется матеріалъ и методъ психологическихъ изслѣдованій; въ третьей части разсматривается, съ точки зрѣнія автора, психическое развитіе человѣка отъ колыбели до того момента, когда онъ вступаетъ въ полное обладаніе своими умственными и нравственными силами. Эта часть работы относится къ двумъ первымъ, какъ частная къ общей, или какъ повѣрка общихъ началъ на частномъ случаѣ.

Въ первой главѣ излагаются предпосылки научной психологіи, и потому она должна быть разсмотрѣна съ особеннымъ вниманіемъ. Авторъ объясняетъ, что всякій, кто допускаетъ возможность психологіи, какъ науки, но находитъ, что она наука еще не установившаяся, не можетъ не признать: 1) „что у человѣка нѣтъ никакихъ специальныхъ умственныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ внутренняго чувства или психического зрѣнія, которое, сливаясь съ познаваемымъ, познавало бы продукты сознанія непосредственно, по существу“; 2) что „объекты ея изученія, психическіе факты, должны принадлежать къ явленіямъ въ высшей степени сложнымъ“, и 3) что „психическая жизнь вся цѣликомъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы ея, должны быть подчинены столько же непреложнымъ законамъ, какъ (и) явленія матеріальнаго міра“. Послѣдній пунктъ признается, впрочемъ, всѣми. „Единственный камень преткновенія въ дѣлѣ принатія мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психическою жизнью, составляетъ, такъ-называемая, произвольность поступковъ человѣка. Но статистика новѣйшаго времени бросила неожиданный свѣтъ и въ эту запутанную сферу психическихъ яв-

ний, доказавъ цифрами, что нѣкоторыя изъ дѣйствій человѣка, принадлежащихъ къ разряду наиболѣе произвольныхъ (наприм., вступленіе въ бракъ, самоубійство и пр.) подчинены опредѣленнымъ законамъ, если разсматривать ихъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на массахъ, притомъ, за болѣе или менѣе значительные промежутки времени. Впрочемъ, и независимо отъ этихъ драгоценныхъ указаній статистики, не трудно убѣдиться, съ общей точки зрѣнія, что даже по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ произвольность никогда не достигаетъ размѣровъ, нарушающихъ опредѣленную правильность, законность человѣческихъ дѣйствій“.

Всѣ эти предпосылки, сами по себѣ вѣрныя, въ виду употребленія, которое проф. Сѣченовъ дѣлаетъ изъ нихъ въ послѣдствіи, могутъ быть приняты не иначе, какъ съ весьма существенными оговорками. .

Что психическія явленія въ высшей степени сложны—это совершенно справедливо. Но отсталость психологіи объясняется не этимъ, а тѣмъ, что мы и до сихъ поръ не выучились еще смотрѣть на нихъ съ положительной точки зрѣнія, а безпрестанно вносимъ въ ихъ изслѣдованіе свои любимыя идеи и взгляды. Психологическій этюдъ проф. Сѣченова служитъ тому самымъ свѣжимъ и убѣдительнымъ доказательствомъ. Что произвольность никогда не выходитъ за предѣлы опредѣленной правильности человѣческихъ дѣйствій—также совершенно вѣрно; но въ этомъ смыслѣ произвольность и не противорѣчитъ мысли о непреложности законовъ, управляющихъ психической жизнью человѣка. Этой мысли дѣйствительно бы противорѣчили выводы статистики, еслибъ можно было доказать, что всѣ данныя, на которыхъ они основаны, вытекли изъ произвольной дѣятельности человѣка; но такъ какъ статистическіе приемы еще не достигли той степени совершенства, при которой произвольныя дѣйствія различались бы отъ непривольныхъ, то изъ статистическихъ цифръ нельзя еще покуда дѣлать никакихъ сколько-нибудь вѣрныхъ заключеній о роляхъ и значеніи произвольности въ суммѣ человѣческихъ дѣйствій и поступковъ. Но главнымъ предметомъ недоразумѣній все-таки остается то, что проф. Сѣченовъ говоритъ о психическомъ зрѣніи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у человѣка нѣтъ психическаго органа для познаванія психическихъ фактовъ *по существу*; но познавать непосредственно, и познавать по существу—двѣ вещи разныя. Мы непосредственно познаемъ внѣшній міръ, но никто не рѣшится доказывать, что мы познаемъ его по существу. Психическое зрѣніе видимо мѣшается проф. Сѣченову, онъ желалъ бы отъ него отдѣлаться, но никакъ не можетъ. Этотъ психическій фактъ стоитъ весьма твердо, его нельзя ни обойти, ни выбросить изъ науки психологіи. Мало того, психическое зрѣніе и продуктъ его, сознаніе,

познаетъ и внѣшнія явленія, доступныя внѣшнимъ чувствамъ, и психическіе факты, которые не подлежатъ внѣшнимъ чувствамъ и о которыхъ мы узнаемъ *исключительно только* чрезъ психическое зрѣніе. Стало быть, не имѣя никакого умственного орудія для познания чего-либо *по существу*, мы имѣемъ, однако, въ психическомъ зрѣніи средство узнавать факты, которые, будучи недоступны внѣшнимъ чувствамъ, никогда бы не были нами узнаны, еслибъ то, что мы знаемъ, доходило до нашего сознанія только путемъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Но одной возможности науки психологіи мало. Чтобы она дѣйствительно стала наукой, необходимо доказать непреложность психическихъ явленій не только въ общихъ чертахъ, но и въ частности. Наука, говоритъ проф. Сѣченовъ, „должна расчленивъ цѣльное явленіе до возможныхъ предѣловъ, свести сложные отношенія на болѣе простыя“. Поэтому психологія должна прежде всего „выработать общіе принципы, какъ расчленять, анализировать психическія явленія“.

Къ этой предпосылкѣ, повидимому безспорной, тоже слѣдуетъ отнестись съ крайней осторожностью. Если подъ „непреложностью“ психическихъ явленій въ частности проф. Сѣченовъ разумѣетъ роковой исходъ каждаго психического процесса, съ совершеннымъ исключеніемъ самопроизвольности, то ставить такое требованіе отъ психологіи я считаю ошибочнымъ, потому что въ ней самопроизвольность есть вопросъ открытый и спорный, требующій изслѣдованія. Какимъ же образомъ, когда такой вопросъ еще не разрѣшенъ, приступать къ психическимъ явленіямъ съ предвзятой мыслью, заимствованной изъ другой области знанія, гдѣ эта мысль оправдалась фактами? Такой путь не есть строго научный, а философскій. Другое дѣло, если бы проф. Сѣченовъ поставилъ вопросъ такъ: доказано, что въ естественныхъ наукахъ всѣ явленія непреложны. Изслѣдуемъ, также ли примѣняется этотъ общій законъ и ко всѣмъ психическимъ явленіямъ? Тогда избранный авторомъ путь былъ бы вполне научный; но проф. Сѣченовъ, еще не приступая къ дѣлу, заранѣе уже предрѣшаетъ, что найдетъ и чего не найдетъ. Такъ поступали философы стараго заката.

Что правильный анализъ изучаемаго явленія составляетъ первый шагъ на пути научнаго изученія — это, конечно, безспорно. Но, во-первыхъ, анализировать, расчленять явленіе, какъ справедливо говоритъ самъ проф. Сѣченовъ въ другомъ мѣстѣ, можно только при помощи сравненія между собою однородныхъ явленій; а во-вторыхъ, всегда ли непременно анализъ ведетъ къ открытію непреложности явленія, — это еще вопросъ. Разложить явленіе на его составныя части, еще не значитъ доказать его неизбѣжность. Напримѣръ, если я, подѣ

вліяніемъ спора, чтобы доказать способность человѣка къ самопроизвольности, начну дѣлать одно за другимъ всѣ тѣ движенія, которыя мнѣ извѣстны, то каждое изъ этихъ движеній можетъ быть проанализировано физиологомъ въ малѣйшей подробности, но непреложность ихъ этимъ не будетъ доказана. Слѣдъ и заключеніе отъ анализа къ непреложности явленія, безошибочное въ одной области знанія, можетъ, въ примѣненіи къ другой, оказаться не аксіомой, а гипотезой, требующей повѣрки.

Переходя къ опредѣленію общихъ принциповъ, какъ анализировать психическія явленія, проф. Сѣченовъ прежде всего напоминаетъ, что при всякомъ изученіи надо восходить отъ простаго къ сложному, а не наоборотъ, и затѣмъ сравнивать сложные факты съ болѣе простыми, схожими съ ними въ томъ или другомъ отношеніи. Такое сходство представляетъ психическая жизнь отдѣльнаго человѣка только съ психическими проявленіями у животныхъ. А какъ, съ другой стороны, элементы психической жизни отдѣльныхъ людей опредѣляютъ явленіе общественной жизни, то исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны бы служить, какъ простѣйшія, психическія явленія у животныхъ. Но сравнительное научное изученіе психологіи животныхъ и человѣка еще въ зародышѣ; къ тому же сравненіе конкретныхъ фактовъ большей и меньшей сложности можетъ повести только къ сведенію сложной конкретной формы на простую, а не къ расчлененію простой формы; между тѣмъ, надобно найти способъ расчленять конкретныя психическія явленія у животныхъ. Средства для такого расчлененія нѣтъ, потому что одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій—сознательный элементъ можетъ быть изслѣдованъ только при помощи самонаблюденія. Значитъ, сравнительная психологія не можетъ вести къ аналитическому изученію психическихъ явленій.

Признаюсь, вся эта аргументація для меня не совсѣмъ понятна. Исходнымъ матеріаломъ для разработки психическихъ фактовъ должны служить, какъ простѣйшія, психическія проявленія у животныхъ, а не у человѣка. Но сравнительная психологія не даетъ способа расчленять у первыхъ простые конкретныя психическія явленія, потому что сознательный элементъ—одна изъ наиболѣе выдающихся сторонъ психическихъ явленій,—можетъ подлежать изслѣдованію только черезъ самонаблюденіе. Если я правильно понялъ и передалъ мысль проф. Сѣченова, то противъ нея можно сказать очень многое. Во-первыхъ, что значитъ расчленять, анализировать, въ отличіе отъ сравненія? Самое сравненіе есть уже анализъ, расчлененіе, потому что нельзя сравнивать, не анализируя, не расчленивъ, и результатъ сравненія есть выстѣ послѣдствіе расчлененія. Идетъ ли рѣчь о томъ, что выражается словомъ „узнавать“, или о научномъ знаніи,

другими словами объ опредѣленіи закона, общей формулы явленія, умственная процедура въ томъ и другомъ случаѣ будетъ совершенно одинакова, а именно: предметъ, при помощи сравненія съ другими предметами, анализируется, расчленяется и составные его элементы по одиночкѣ сопоставляются съ извѣстными уже предметами, т.-е. съ прежними однородными впечатлѣніями или съ законами, а въ заключеніе резюмируется результатъ операціи расчлененія и сравненія. Если это такъ, то сравнительная психологія должна заключать въ себѣ всѣ условія положительной науки, не прибѣгая ни къ какому другому анализу или расчлененію психическихъ явленій. Подробное сравнительное изученіе конкретныхъ психическихъ фактовъ изъ жизни животныхъ и человѣка тотчасъ же поведетъ къ указанію, какія формы простѣйшія и какія болѣе сложныя. Составныя части послѣднихъ выяснятся совершенно чрезъ ихъ анализъ или расчлененіе, при помощи сравненія; чрезъ сравненіе выяснятся также и законы тѣхъ и другихъ. Словомъ, относительно психическихъ фактовъ достигнуто будетъ этимъ путемъ то же, что достигается тѣмъ же путемъ относительно всякихъ другихъ конкретныхъ фактовъ: получится положительное научное знаніе. Какого же еще тутъ нужно другого, особаго анализа и расчлененія?

Мнѣ возразятъ, что психическій міръ животныхъ намъ неизвѣстенъ и недоступенъ, потому что ихъ психическихъ движеній мы наблюдать не можемъ. Но въ этомъ смыслѣ невозможна и психологія людей, такъ какъ кругъ такого рода знанія каждаго отдѣльнаго человѣка ограничивается поневолѣ однимъ самонаблюденіемъ. Однако наука открыла способы заглядывать и въ тайники субъективной жизни, казавшіеся навсегда скрытыми отъ постороннихъ глазъ. Психическая жизнь выражается во внѣшнихъ явленіяхъ, оставляетъ по себѣ внѣшніе слѣды, которые находятся съ психическими фактами въ извѣстномъ, постоянномъ, правильномъ соотвѣтствіи. Эти слѣды наука заботливо собрала, сохранила, критически провѣрила и очистила и создала себѣ въ нихъ чрезвычайно разнообразный и богатый объективный матеріалъ для изслѣдованія невидимыхъ психическихъ движеній. Такъ какъ и психическая жизнь животныхъ тоже выражается во внѣшнихъ слѣдахъ, то и она, точно также, стала чрезъ нихъ достояніемъ науки, сдѣлалась доступной научному изслѣдованію.

Но и сознаніе, какъ и другіе психическіе факты, выражается тоже во внѣшнихъ фактахъ или слѣдахъ, и я никакъ не могу понять, почему проф. Сѣменовъ думаетъ, что именно сознательный элементъ подлежитъ изслѣдованію исключительно только на себѣ, при помощи одного самонаблюденія? Всѣ ощущенія, чувства и мысли столько же предметъ одного самонаблюденія. Даже внѣшнія впечатлѣнія—и тѣ

мы знаемъ только черезъ самонаблюденіе, и нѣтъ никакой возможности доказать, что всѣ люди, испытывающіе на себѣ дѣйствіе одного и того же внѣшняго явленія, получаютъ совершенно одинаковое впечатлѣніе. Развивая послѣдовательно свою мысль, проф. Сѣченовъ былъ бы вынужденъ признать всю область знанія предметомъ самонаблюденія и отказать ей въ объективной достовѣрности. Если же онъ признаетъ, что психическія явленія могутъ быть изучаемы помимо самонаблюденія, то онъ долженъ признать то же самое и относительно сознанія. О послѣднемъ мы разсуждаемъ, ведемъ споръ, о немъ написаны цѣлыя книги. Какъ же это было бы возможно, еслибъ каждый только про себя зналъ что такое сознаніе, еслибъ оно не подлежало психологическому анализу, расчлененію? Сознаніе, какъ актъ психическаго зрѣнія, съ особенною яркостію выражается въ осязательныхъ внѣшнихъ явленіяхъ—въ художественныхъ созданіяхъ, въ письмѣ, вообще во всѣхъ созданіяхъ человѣческихъ рукъ. Во всемъ, гдѣ проведена какая-нибудь мысль, въ ближайшей обстановкѣ человѣка, созданной около него посреди внѣшней природы, изъ даннаго ею матеріала, но нисколько не похожей на природу, сознаніе выражается въ осязательныхъ фактахъ. Повторяю, для меня не со всѣмъ понятно, что хотѣлъ сказать проф. Сѣченовъ, утверждая, что нѣтъ способа расчленять конкретныя психическія явленія у животныхъ, главнѣйше потому, что сознательный элементъ можетъ подлежать изслѣдованію только при помощи самонаблюденія. Повидимому, подъ анализомъ, расчлененіемъ, здѣсь слѣдуетъ разумѣть какое-то особенное, специфическое примѣненіе анализа. Объ этомъ можно догадываться изъ слѣдующаго, а именно: оставя въ сторонѣ сравнительную психологію, проф. Сѣченовъ обращается къ физиологіи и въ ней отыскиваетъ матеріалъ для сравненія съ психическими явленіями человѣка. „Физиологія,—говоритъ онъ,—представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается родство психическихъ явленій съ такъ-называемыми нервными процессами въ тѣлѣ, актами чисто соматическими“.

Почему именно физиологическіе, а не психическіе факты оказываются болѣе удобными для анализа и расчлененія психическихъ явленій, этого авторъ нигдѣ не говоритъ, и значеніе, какое онъ придаетъ анализу и расчлененію, такъ и остается неразъясненнымъ. Но все равно, пойдемъ за нимъ. Почему не сопоставить психическихъ фактовъ и съ физиологическими? Всякое сравненіе хорошо, даетъ ли оно положительныя или отрицательныя результаты,—хорошо потому, что такъ или иначе, а этимъ непременно выясняется какая-нибудь сторона предмета.

Главнѣйшими изъ данныхъ, которыми доказывается родство (точнѣе говоря, тѣснѣйшая связь) психическихъ явленій съ нервными

процессами, проф. Сѣченовъ, весьма справедливо, считаетъ слѣдующіе: 1) самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего происхожденія опредѣленнаго времени, которое тѣмъ больше, тѣмъ актъ сложнѣе; 2) психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія (я бы сказалъ *предполагаетъ*) анатомо-физиологической цѣлости головного мозга; 3) зачатки или по крайней мѣрѣ задатки психической дѣятельности, съ которыми рождается человѣкъ, развиваются, очевидно изъ (я бы сказалъ *при*) чисто-матеріальныхъ субстратовъ, яйца и сѣмени; 4) черезъ посредство этихъ же матеріальныхъ субстратовъ передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей, и иногда такіа, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., наследственность талантовъ; 5) ясной границы между заведомо тѣлесными нервными актами и явленіями, которыя всѣми признаются за психическія, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи; 6) физиологія, изучая явленія въ тѣлѣ, въ связи съ устройствомъ послѣдняго, доказала въ новѣйшее время тѣсную связь между всѣми характерами данныхъ представленій (я бы прибавилъ: *о отвлеченныхъ явленіяхъ*) и устройствомъ соответствующихъ органовъ чувствъ.

Перечисленными данными очевидно и несомнѣнно доказывается тѣснѣйшая связь матеріальной и психической жизни и совершенная невозможность послѣдней и ея отпавленій помимо матеріальнаго субстрата. Конечно, всѣ выраженія, которыми предрѣшается ничѣмъ недоказанная мысль о генерическомъ возникновеніи психической жизни и явленій изъ тѣлесныхъ, нервныхъ, должны быть тщательно устранены. Кромѣ того, не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ виду, что авторъ говоритъ только о тѣхъ психическихъ явленіяхъ, которыя обнаруживаются, проявляются во внѣшнемъ мірѣ, или возникаютъ вслѣдствіе соприкосновенія психической среды съ внѣшними матеріальными фактами. Множество другихъ психическихъ явленій, которыхъ нельзя безспорно отнести къ тому или другому изъ указанныхъ разрядовъ, лежатъ внѣ перечисленныхъ выше данныхъ. Наконецъ, я долженъ еще напомнить читателю, что тѣсная связь психическихъ явленій и матеріальныхъ фактовъ, въ тѣхъ предѣлахъ и съ тѣми оговорками, на которыхъ я настаиваю, опираясь на правила положительнаго изслѣдованія и знанія, открывается физиологу только тогда, когда онъ начнетъ сравнивать между собою впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ съ явленіями психическими, недоступными органамъ внѣшнихъ чувствъ, другими словами, когда онъ уже на половину выйдетъ изъ предѣловъ своей науки и вступить въ область другой; ибо очевидно, что оставаясь исключительно на почвѣ своей науки, вращаясь въ кругѣ однихъ соматическихъ данныхъ, физиологъ

никакъ не можетъ придти къ разсмотрѣнію и изслѣдованію фактовъ, не подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ.

За этими необходимыми оговорками, я готовъ признать, что сопоставленіе физиологическихъ нервныхъ явленій съ внѣшними проявленіями психической жизни дѣйствительно представляетъ богатый матеріалъ для изученія послѣдней. Посмотримъ же, какъ пользуется имъ проф. Сѣченовъ въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ.

Изъ приведенныхъ выше шести пунктовъ, доказывающихъ тѣсную связь психическихъ явленій съ нервными процессами, проф. Сѣченовъ подробно развиваетъ только пятый (нѣтъ ясной границы между завѣдомо нервными актами и психическими явленіями). „Чтобы доказать пятый пунктъ,—говоритъ онъ,—мнѣ будетъ достаточно доказать родство соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, потому что дѣятельности эти уже со времени Локка признаются всѣми, если не исключительными, то главными источниками психического развитія“.

Здѣсь проф. Сѣченовъ дѣлаетъ прыжокъ, и перескакиваетъ, вопреки требованіямъ положительнаго метода изслѣдованія, нѣсколько гипотезъ, считая ихъ, конечно, за истины уже доказанныя.

Во-первыхъ, родствомъ (?) соматическихъ нервныхъ процессовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ невозможно доказать, „что ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи“ не существуетъ ясной границы между соматическими нервными актами и психическими явленіями вообще, потому что, во-вторыхъ, дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ очень многими не признаются ни исключительными, ни главными источниками психического развитія, а лишь первыми по времени пробудителями психической самодѣятельности; наконецъ, въ-третьихъ, есть цѣлая масса психическихъ фактовъ, которыхъ происхожденіе изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ оспаривается.

Слѣдовательно, чтобы принять посылку проф. Сѣченова отъ частнаго къ общему, именно, чтобы имѣть право изъ родства (точнѣе изъ тѣсной связи) нервныхъ актовъ съ низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ заключить о томъ, что между этими нервными актами и *всѣми* психическими явленіями нѣтъ ясной границы ни въ какомъ мыслимомъ отношеніи, слѣдовало бы напередъ по крайней мѣрѣ доказать, что продуктами дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ исчерпывается весь кругъ психическихъ явленій. Но именно этого-то проф. Сѣченовъ и не доказалъ; обойдя этотъ важный спорный пунктъ, онъ поступилъ не научно. Мы увѣрены, что въ области физиологій онъ ни себѣ, ни другому не позволилъ бы такого произвольнаго вывода.

Моя поправка къ умозаключеніямъ проф. Сѣченова будетъ такая: аналогія и сходство между нервными актами и низшими формами дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ служитъ научнымъ указаніемъ на тотъ болѣе общій фактъ, что психическая дѣятельность, насколько она обращена къ внѣшнему міру и съ нимъ соприкасается, подчинена однимъ законамъ съ соответствующей ей соматическою дѣятельностью нервовъ. Такой выводъ, основываясь на обследованныхъ и доказанныхъ фактахъ, былъ бы согласенъ съ правилами положительнаго знанія.

Къ сожалѣнію, съ логическими и методическими ошибками въ научномъ изслѣдованіи бываетъ то же самое, что и съ ошибками въ математическихъ выкладкахъ; разъ проскользнувъ, онѣ фатальнымъ образомъ отзываются на послѣдующихъ заключеніяхъ, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ ученаго труда. Такъ случилось и съ выводами проф. Сѣченова. Его остроумное, блестящее сопоставленіе психическихъ и нервныхъ актовъ есть и останется счастливою мыслью, которая не мало будетъ способствовать научной разработкѣ и выясненію законовъ психическихъ явленій; но его ненаучные приемы дѣлаютъ плодотворную мысль, въ томъ видѣ, какъ она развита въ этюдѣ, мало-полезною для психологіи, потому что они вводятъ въ нее, какъ доказанныя научныя истины, положенія или весьма сомнительнаго свойства, или очевидно ошибочныя и ложныя.

Авторъ сопоставляетъ съ дѣятельностями органовъ чувствъ тѣ изъ нервныхъ процессовъ тѣла, которые происходятъ по типу такъ-называемыхъ рефлексовъ. Общее между ними то, что и тѣ и другіе возникаютъ изъ внѣшняго возбужденія чувствующей поверхности, всегда входящей въ составъ дѣйствующаго аппарата. Въ рефлексѣ различаются, по словамъ проф. Сѣченова, три главныхъ момента: начало акта—возбужденіе чувствующей поверхности, середина—дѣятельность центра, и конецъ—проявленіе возбужденія въ сферѣ мышцъ и железъ. Внѣшняя фізіономія рефлексовъ опредѣляется только началомъ и концомъ ихъ; середина недоступна непосредственному наблюденію. Каждый рефлексъ въ типической формѣ является цѣлесообразнымъ движеніемъ—въ смыслѣ доставленія тѣлу какихъ-нибудь польвъ—движеніемъ, неизбѣжно вытекающимъ изъ внѣшняго толчка на опредѣленную часть рефлекторнаго снаряда, носящую названіе чувствующей поверхности.

Тотъ же самый типъ подмѣчаетъ проф. Сѣченовъ и въ обычныхъ продуктахъ дѣятельности низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ. Начало ихъ точно также состоитъ въ возбужденіи чувствующихъ снарядовъ, конецъ—въ движеніяхъ. Значеніе послѣднихъ исчерпывается пользами тѣла, его охраной отъ всякихъ невзгодъ, что мы приписываемъ чувству самосохраненія. Разница между рефлексами и

последняго рода дѣятельностями заключается только въ томъ, что тамъ движеніе служить различнымъ цѣлямъ организма, здѣсь — валовымъ, сохраненію его въ цѣлости. Животное пускаетъ въ ходъ обоняніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобъ обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Уши, глаза, носъ и кожа служатъ ему руководителями для достиженія этихъ цѣлей. По мнѣнію проф. Сѣченова, такая разница есть „очевидно количественная, и уже никакъ не существенная“; а между тѣмъ, весь актъ самосохраненія, начинающійся возбужденіемъ органовъ чувствъ и оканчивающійся цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, есть психическій актъ низшаго разряда, въ которомъ на лицо всѣ элементы разсужденія, умозаключенія и разумнаго поступка.

Но кромѣ начала и конца, сравниваемыхъ явленія, т.-е. рефлексъ и дѣятельности органовъ чувствъ, имѣютъ еще середину. Если сопоставить простѣйшій рефлексъ и одну изъ наиболѣе сложныхъ дѣятельностей органовъ чувствъ (напр. миганіе и актъ испуга), то разница окажется съ перваго взгляда громадною; въ первомъ, кромѣ движенія, нѣтъ ничего, а во второмъ — серединѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ психическихъ дѣятельностей. Но и простѣйшіе рефлексъ сопровождаются, при извѣстной степени возбужденія чувствующей поверхности, ощущеніемъ. Оно-то, какъ думаетъ проф. Сѣченовъ, и есть средній членъ рефлексовъ, которые, слѣдовательно, и съ этой стороны, сходны съ дѣятельностями высшихъ органовъ чувствъ; здѣсь и тамъ „средніе члены акта, какъ виды чувствованія, по природѣ сродны другъ съ другомъ“. Вся разница только въ степени сложности или расчленяемости чувства.

Если мы станемъ разсматривать рефлексъ по значенію чувствованія въ процессъ и по степени его сложности, то въ первомъ отношеніи найдемъ, что въ однихъ сознательное чувствованіе не играетъ въ актѣ, повидимому, никакой существенной роли и можетъ происходить при отсутствіи сознанія, въ другихъ же, напротивъ, оно является необходимымъ факторомъ, опредѣляющимъ или начало, или ходъ, или конецъ рефлекса; во второмъ отношеніи, мы тоже видимъ въ рефлексахъ извѣстную постепенность. Начинаясь въ однихъ почти бессознательными проявленіями, чувствованіе переходитъ въ другихъ въ ясно сознаваемые формы, способныя лишь къ количественнымъ колебаніямъ; а въ сферѣ низшихъ органовъ чувствъ является уже расчленяемость ощущенія, а именно: оно видоизмѣняется съ измѣненіемъ импульсовъ, дѣйствующихъ на чувствующій снарядъ, не только количественно, но и качественно, и эти измѣненія отражаются даже на характерѣ двигательной реакціи. Въ высшихъ органахъ чувствъ эта качественная видоизмѣняемость ощущеній, соот-

вѣтственно видоизмѣненію внѣшнихъ импульсовъ, достигается, наконецъ, громаднѣхъ размѣровъ. Такія различія между дѣятельностями разныхъ чувствующихъ снарядовъ опредѣляются различіями въ организаціи послѣднихъ. У иныхъ она сравнительно проста, у другихъ сложнѣе, у третьихъ чрезвычайно сложна. Соотвѣтственно съ этими градаціями усиливается и расчленяемость чувствованія.

За инстинктивными дѣйствіями, вытекающими изъ чувства самосохраненія, слѣдуютъ, въ восходящемъ порядкѣ, дѣйствія, въ которыя замѣшивается воля. Проф. Сѣченовъ доказываетъ, что та же аналогія съ рефлексами простирается и на нихъ. „Передъ волей,—говоритъ онъ,—рефлексъ и продуктъ дѣятельности высшихъ органовъ чувствъ равны; она (воля) столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно, можетъ опредѣляться къ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка.“ Слѣд. и въ отношеніи воли рефлексъ и низшія формы дѣятельностей органовъ чувствъ не представляютъ существенныхъ различій, а однѣ лишь количественныя градаціи.

Выводы эти проф. Сѣченовъ заканчиваетъ общимъ сравнительнымъ обзорѣніемъ трехъ членовъ рефлекторнаго акта по различнымъ его градаціямъ. Изъ этого обзора я приведу здѣсь только то, что болѣе или менѣе дополняетъ или поясняетъ его мысль.

Въ сферѣ рефлексовъ натуральные толчки, вызывающіе явленія, отличаются по своему дѣйствію крайнимъ однообразіемъ; въ сферѣ же органовъ чувствъ они, по мѣрѣ восхожденія отъ вкуса къ зрѣнію, являются все болѣе и болѣе разнообразными. Но въ томъ и другомъ случаѣ они, эти толчки, и по природѣ и по своему значенію, остаются одинаковыми. Въ первомъ отношеніи, они суть физическія, химическія или смѣшанныя вліянія на чувствующія поверхности нашего тѣла, а во второмъ—производящія причины явленій.

Относительно среднихъ членовъ проф. Сѣченовъ не допускаетъ сомнѣнія, что они „продукты организаціи чувствующихъ снарядовъ.“ Только установивъ ихъ значенія по отношенію къ крайнимъ членамъ акта требуетъ, по его мнѣнію, нѣкоторыхъ разъясненій. Для того, чтобъ впечатлѣніе на высшіе органы чувствъ дошло до сознанія, нужно, какъ извѣстно, вниманіе. Изъ этого можно бы заключить, что средній членъ не всегда неизбѣжно слѣдуетъ за первымъ. Этотъ выводъ авторъ опровергаетъ тѣмъ, что невнимательность всегда обусловливается или тѣмъ, что сознаніе занято другимъ, болѣе сильнымъ представленіемъ, или нѣтъ условій для дѣятельности высшаго органа чувствъ. Совершенно аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ. Слѣд., заключаетъ проф. Сѣченовъ, связь между первымъ и вторымъ членами роковая.

Связь второго члена съ третьимъ опредѣляется тѣмъ, что „чувствованіе повсюду (?) имѣетъ значеніе регулятора движенія, другими

словами, первое вызывает послѣднее и видоизмѣняетъ его по силѣ и направленію.“ Аномалія представляется на первый взглядъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возбужденіе чувствующаго снаряда, давая средній членъ, не выражается извнѣ никакимъ движеніемъ, и, слѣд., третьяго члена какъ будто недостаетъ. Но это не такъ. Въ дѣйствительности, ощущеніе въ этомъ случаѣ возбуждаетъ не двигательные снаряды тѣла, а, наоборотъ, аппараты, задерживающіе движеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ ощущеніе остается; такимъ образомъ, регуляторомъ движенія: „управленіе этими (задерживающими движеніе) снарядами, замѣчаетъ авторъ, сознание приписываетъ, какъ извѣстно, волѣ“.

Наконецъ, градацію въ характерахъ трехъ членовъ проф. Сѣченовъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ. Въ низшихъ формахъ рефлексовъ вся двигательная механика родится уже готовой, а въ высшихъ формахъ третьими членами являются, у человѣка, лишь заученныя движенія. „Правда, движенія эти заучиваются въ очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія рождаются готовыми на свѣтъ; но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна.“ Впрочемъ есть и рефлексъ, которые способны къ извѣстнаго рода культурѣ, обученію; стало быть, въ дѣлѣ заучаемости, движенія высшаго разряда все-таки не стоятъ совсѣмъ особнякомъ.

Таково родство, открытое проф. Сѣченовымъ между нервными рефлексами и психическими процессами. Сопоставленія и заключенія его, приводимыя въ доказательство этой мысли, до того произвольны, что напоминаютъ приемы трансцендентальнаго идеализма, а не положительнаго знанія.

Исходной точкой для изслѣдованія служитъ нервный рефлексъ. Его простѣйшая форма дана самой природой. Начало его или первый членъ—раздраженіе чувствующей поверхности, послѣдній—движеніе, вызванное этимъ раздраженіемъ. Какъ совершается переходъ отъ перваго члена къ послѣднему—объ этомъ мы ничего не знаемъ. Извѣстно только, что раздраженіе чувствующей поверхности въ однихъ рефлексахъ можетъ сопровождаться сознаваемымъ ощущеніемъ, но можетъ и не сопровождаться, въ другихъ непремѣнно сопровождается, наконецъ, въ третьихъ, никогда имъ не сопровождается. Между первымъ и послѣднимъ членами рефлекса есть роковая, неизбѣжная связь и правильное соотвѣтствіе, какъ между условіями явленія и самымъ явленіемъ. Наконецъ, форма рефлективнаго движенія опредѣлена устройствомъ рефлекторнаго аппарата и оно совершается съ механическимъ однообразіемъ, съ машинообразною правильностью.

Чтобъ заключеніе о родствѣ соматическихъ явленій съ психическими было вполне правильно и убѣдительно, надо взять, для сравненія, такой соматическій типъ, къ которому бы не примѣшивалось ничего психического.

Подобный типъ представляютъ рефлексы, не достигающіе сознанія и на которые воля не простирается. Они—чисто соматическіе, дѣйствуютъ по физиологическимъ законамъ, внѣ всякаго вліянія психическаго элемента, даны природой и имѣютъ вполне машинообразный, роковой характеръ. Отъ нихъ слѣдуетъ отличать рефлексы, которые тоже не подлежатъ волѣ, но доступны сознанію: мы ихъ ощущаемъ. Проф. Сѣченовъ обобщаетъ оба эти явленія и считаетъ ощущение необходимою составною частью всякаго рефлекса. Желательно бы знать, по правиламъ какой логики выведено такое заключеніе? Если есть рефлексы, не достигающіе сознанія, то это значить, что рефлективные дѣйствія могутъ обойтись и безъ него.

То же самое, и по той же причинѣ, должно сказать и объ участіи воли въ ходѣ нѣкоторыхъ рефлексовъ. Проф. Сѣченовъ бросаетъ мимоходомъ фразу, что воли „столько же легко, хотя, конечно, и не такъ разнообразно, можетъ опредѣляться въ дѣятельности и чувствованіями низшаго порядка.“ Здѣсь, очевидно, извращено самое понятіе о волѣ. Воля можетъ *вызываться* къ дѣятельности чувствованіями, но *опредѣляться* ими—никогда, потому что въ такомъ случаѣ она не была бы волей. Но главное—изъ участія воли въ ходѣ рефлективного акта можно только вывести, что она вмѣшивается въ разныя отправленія, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыя изъ рефлективныхъ явленій. Заключать же отсюда о родствѣ послѣднихъ съ первыми никакъ нельзя, развѣ разумѣть подъ родствомъ—родство между собою всего существующаго, въ родѣ того, какъ всѣ люди родня между собою по Адаму.

Другое дѣло способность нѣкоторыхъ рефлексовъ къ культурѣ. Ихъ культура можетъ зависѣть отъ дѣйствія на нихъ воли, о которомъ я уже сказалъ; или же прирожденная форма рефлекса можетъ видоизмѣняться вслѣдствіе внѣшнихъ, чисто соматическихъ условий, которыя имѣшаютъ ему совершаться по законамъ прирожденного механизма, или вынуждаютъ видоизмѣнить его дѣйствіе. Такая культура рефлекса есть фактъ чисто физиологическій и не имѣетъ ничего общаго съ участіемъ психическихъ элементовъ въ рефлективныхъ явленіяхъ.

Промежуточное мѣсто между рефлексами и дѣятельностями органовъ чувствъ занимаютъ различныя возбужденія, производимыя физиологическими состояніями тѣла, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя движенія. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, ощущение голода, жажды, холода и другія. Я выдѣляю ихъ въ особую группу, потому

что самъ проф. Сѣченовъ повидимому затрудняется, куда ихъ причислить: къ рефлексамъ, или къ дѣятельностямъ органовъ чувствъ ¹⁾. Простѣйшія формы явленій этого порядка имѣютъ вполнѣ рефлективный характеръ. Нѣкоторые животныя (насекомыя и птицы), тотчасъ же по выходѣ изъ яйца, принимаются за ѣду, какъ будто уже давно были обучены къ движеніямъ, которыми сопровождается принятіе пищи. Можетъ быть голоду же, а не раздраженію слизистой оболочки губъ, слѣдуетъ также приписать движенія, при которыхъ происходитъ сосаніе груди новорожденнымъ младенцемъ. Очевидно, что такого рода движенія—не заученныя, а даны природою, и если не всегда, то во многихъ случаяхъ, совершаются безсознательно, слѣд. имѣютъ чисто соматическій, рефлективный характеръ. Но несомнѣнно, что они, какъ и нѣкоторые рефлексъ, могутъ потомъ сдѣлаться предметомъ сознанія и подлежать дѣйствию воли. Болѣе сложныя явленія этого разряда, по характеру своему, ближе подходятъ къ явленіямъ, которыя проф. Сѣченовъ называетъ дѣятельностями низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ, поэтому я буду разсматривать тѣ и другія вмѣстѣ.

Дѣятельности органовъ чувствъ очень ясно отличаются отъ рефлективныхъ. Отличіе это главнымъ образомъ опредѣляется усиливающимся постепенно вмѣшательствомъ психическихъ элементовъ.

Во-первыхъ, возбужденіе чувствующей поверхности производитъ движеніе не само собою, не помимо сознанія, какъ въ рефлексѣ, а непременно пройдя черезъ сознаніе. Изъ этого слѣдуетъ, что оно, въ этого рода явленіяхъ, дѣйствительно становится необходимымъ посредствующимъ звеномъ между раздраженіемъ поверхности и соотвѣтствующими ему движеніями. Проф. Сѣченовъ маскируетъ это вмѣшательство психическихъ элементовъ, говоря, что чувствованіе служитъ регуляторомъ движеній. Но что же это значить? Въ рефлексѣ раздраженіе непосредственно переходитъ въ движенія; въ дѣятельностяхъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, раздраженіе переходитъ сперва въ ощущеніе, а ощущеніе опредѣляетъ движенія. Но вѣдь это-то и показываетъ, что въ рефлексѣ и возбужденіе и движеніе—чисто соматическаго свойства, а дѣятельность органовъ чувствъ отдѣлена отъ соотвѣтствующихъ ей двигательныхъ отправленій психическимъ моментомъ, который является между ними посредствующимъ, связующимъ звеномъ.

Во-вторыхъ, въ рефлексѣ простѣйшей формы движеніе опредѣ-

¹⁾ Въ разбираемой мною статьѣ, на стр. 556 и 557 говорится объ ощущеніяхъ голода, жажды, холода, какъ о начальномъ членѣ дѣятельности низшихъ органовъ чувствъ; а на стр. 558, 559 и 561 о голодѣ и жадѣ говорится какъ о начальныхъ актахъ рефлексовъ.

ляется непосредственно раздраженіемъ чувствующей поверхности. Последнее есть производящая причина перваго. Когда есть раздраженіе, за нимъ неизбѣжно слѣдуетъ, помимо сознанія и воли, известное движеніе, определенное раздраженіемъ. По этой зависимости не только двигательнаго отправленія, но и самой формы его отъ раздраженія и его свойствъ, каждый, не обинуясь, отнесетъ его къ чисто соматическимъ явленіямъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ движенія, вызываемыя дѣятельностью органовъ чувствъ. Голодъ, холодъ, разныя физиологическія побужденія, которыя проф. Сѣченовъ относитъ къ этому разряду, безспорно вызываютъ животное и человѣка къ известнаго рода движеніямъ, направленнымъ къ тому, чтобы удовлетворить этимъ побужденіямъ; но уже роковой, машинообразной связи между известнымъ побужденіемъ и известною формою двигательныхъ отправленій мы не замѣчаемъ. Одно и то же побужденіе можетъ быть удовлетворено тысячами различныхъ приѣмовъ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ. Когда животному или человѣку хочется ѣсть, пить и т. п., нѣтъ сомнѣнія, что они почувствуютъ потребность исполнить всѣ тѣ движенія, которыя необходимы для того, чтобы ввести въ нихъ пищу и питье; въ этомъ смыслѣ, возбужденія, относящіяся къ этой категоріи, имѣютъ правильное отношеніе къ соотвѣтствующимъ имъ движеніямъ, и потому они дѣйствительно какъ будто имѣютъ сходство съ нервными рефлексамъ; но рефлексивный типъ представляетъ въ нихъ значительныя измѣненія, состоящія въ томъ, что непосредственная связь между раздраженіемъ чувствующей поверхности и движеніемъ является значительно ослабленной, отношенія между тѣмъ и другимъ гораздо свободнѣе, не имѣютъ того рокового характера, который поражаетъ въ чисто-соматическихъ рефлексамъ. Рядомъ съ тѣмъ, въ правильной соразмѣрности съ разобщеніемъ между собою двухъ крайнихъ членовъ рефлекса усиливается дѣятельная роль психическихъ элементовъ, которые въ рефлексамъ—и то не во всѣхъ—заявляютъ свое присутствіе только сознаніемъ ощущенія, а въ болѣе сложныхъ дѣятельностяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, пріобрѣтаютъ существенное значеніе, становятся такъ-сказать центромъ тяжести цѣлаго явленія. Такъ, ощущеніе голода и процессы ѣды посредствуются цѣлымъ рядомъ движеній, въ которыхъ трудно отрицать дѣятельную роль психическихъ элементовъ. Проф. Сѣченовъ всячески старается ступсать эту роль, соображеніями, которыя даже при поверхностномъ взглядѣ на дѣло, оказываются ошибочными. Рефлексы, говоритъ онъ, удовлетворяютъ розничнымъ цѣламъ организма, а дѣятельности органовъ чувствъ—оптовымъ, сохраненію тѣла. Это замѣчаніе очень остроумно, но оно мало разъясняетъ вопросъ постепеннаго перехода соматическихъ явленій въ психическія. Всякое соматическое явленіе, по существу своему, есть розничное. Въѣша-

тельство въ игру оптовыхъ цѣлей служить явнымъ и несомнѣннымъ признакомъ участія въ рефлексѣ психическаго элемента, такъ какъ только онъ и даетъ средства, преслѣдуя одну и ту же цѣль, измѣнять способы дѣйствія, смотря по обстоятельствамъ и разнообразить ихъ до безконечности; форма чисто соматическаго рефлексивнаго движенія, напротивъ, всегда одинакова, именно потому, что оно роковымъ образомъ непосредственно слѣдуетъ за возбужденіемъ, безъ всякаго посредничества психическихъ элементовъ.

Чтобъ пояснить свой взглядъ на дѣло, я разберу одно мѣсто изъ этюда проф. Сѣченова, которое, во многихъ отношеніяхъ, очень характеристично. На стр. 556 онъ говоритъ: „Животное пускаетъ въ ходъ обонаніе, слухъ, зрѣніе и кожныя ощущенія, чтобы обезпечить себя отъ голода, холода и непріятелей. Но уши, глаза, носъ и кожа не сами по себѣ достигаютъ этихъ частныхъ цѣлей, они служатъ для животнаго лишь руководителями въ дѣлѣ, — самая цѣль достигается разнообразнѣйшими формами движенія. Голодъ заставляетъ животное идти на добычу, но направленіе его поискамъ даютъ органы чувствъ. Стоить хоть немного вдуматься въ огромную область относящихся сюда фактовъ, совокупность которыхъ обозначаютъ именемъ дѣятельностей, вытекающихъ изъ чувства самосохраненія, и всякій найдетъ въ нихъ тѣ же элементы, какъ въ рефлексахъ: и здѣсь начало акта есть возбужденіе чувствующихъ снарядовъ (ощущеніе голода, жажды, холода, вліяніе на глаза, уши и носъ), а конецъ — движеніе“. Здѣсь смѣшаны у проф. Сѣченова явленія совершенно различныя: голодъ, жажда, холодъ съ одной стороны, дѣятельность органовъ чувствъ — съ другой, желаніе обезпечить себя отъ непріятелей — съ третьей. Нельзя не согласиться, что голодъ, жажда, холодъ — явленія соматическія; также вѣрно и то, что въ нихъ заключается основная побудительная причина различныхъ движеній, цѣль которыхъ — удовлетворить вызванную ими потребность: утолить голодъ, жажду, согрѣться. Значить, между этими побудительными причинами и вызванными ими движеніями дѣйствительно существуютъ извѣстныя правильныя отношенія, но этимъ и ограничивается сходство такихъ явленій съ рефlekсами. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ между ними — большая разница, которая сразу бросается въ глаза. Въ рефлексѣ раздраженіе чувствующей поверхности производитъ извѣстное движеніе, голодъ, жажда, холодъ не переходятъ прямо, непосредственно въ движенія, рассчитанныя на ихъ удовлетвореніе. Средства удовлетворенія указываются органами чувствъ и безъ ихъ указаній: голодъ, жажда, холодъ, сами по себѣ, не переходятъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ оказывается, что психическій элементъ, какъ и было объяснено выше, вдвигается въ промежутокъ между извѣстнымъ фізіологическимъ состояніемъ и способами удовлетворенія вызванной имъ потреб-

ности и опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія, чего въ соматическихъ рефlekсахъ нѣтъ вовсе. Что касается далѣе органовъ чувствъ, то дѣятельность ихъ имѣетъ двойственный характеръ: соматическій и психическій. Это видно изъ того, что одни раздраженія органовъ чувствъ производятъ рефlekтивные движенія (наприм., прикосновеніе къ глазу вызываетъ миганіе), другія производятъ специфическую дѣятельность этихъ органовъ—вкусовыя, слуховыя зрительныя и т. д. ощущенія. Эти ощущенія, при извѣстныхъ условіяхъ, тоже могутъ вызывать рефlekторныя движенія, безспорно соматическаго характера (наприм. вздрагиванія при неожиданно-сильномъ звукѣ). Но тѣ двигательныя отправленія, которыя проф. Сѣменовъ приписываетъ органамъ чувствъ въ качествѣ регуляторовъ движеній, принадлежать вовсе не этимъ органамъ, а психическимъ дѣателямъ—представленіямъ; органы же чувствъ играютъ въ этомъ случаѣ только роль проводниковъ. Что это дѣйствительно такъ, не трудно провѣрить на примѣрахъ и опытахъ. Положимъ, кто-нибудь прицѣливается изъ ружья. Зрительное впечатлѣніе этого акта будетъ совершенно одинаково, знаетъ ли тотъ, на кого направлено дуло, что выстрѣлъ можетъ убить его напавшаго, или не знаетъ, извѣстно ему, что ружье не заряжено, или не извѣстно, готовъ онъ спокойно встрѣтить смерть или не готовъ; однако во всѣхъ этихъ случаяхъ двигательныя отправленія того, противъ кого ружье направлено, будутъ совершенно различны. Значитъ, не зрительное ощущеніе само по себѣ производитъ движеніе, а отношеніе вызываемыхъ ими представлений къ жизни и опытности человѣка или животнаго, т.-е. психическіе элементы. Итакъ, регуляторами движенія являются они, а никакъ не органы чувствъ; послѣдніе только передаютъ дѣйствія на чувствующую поверхность въ психическіе центры, стало быть играютъ второстепенную, а вовсе не главную роль. Наконецъ, проф. Сѣменовъ ставитъ голодъ и холодъ на одну доску съ непріятелями. Оно можетъ быть и справедливо, если судить по количеству наносимаго тѣми и другими вреда; но въ психологическомъ этюдѣ предполагается другая точка зрѣнія, съ которой такое сопоставленіе совершенно непонятно. Представленіе о непріятелѣ есть психологическій выводъ изъ наблюденій, а не дѣло непосредственнаго ощущенія, вызваннаго соматическимъ дѣйствіемъ на органы чувствъ. Нужно ли доказывать, что лошадь боится волка не потому только, что его видитъ, а потому, что знаетъ опасность, грозящую ей отъ волка. Городскія лошади, не имѣющія понятія о волкахъ, ѣдутъ преспокойно мимо нихъ, не чуя никакой бѣды.

Возвращаясь къ параллели, проведенной проф. Сѣменовымъ между рефlekсами и дѣятельностями органовъ чувствъ.

Ощущенія, вызываемыя дѣятельностями органовъ чувствъ, начинаясь простѣйшими, оканчиваются чрезвычайно сложными, или, какъ

выражается авторъ, расчлененными. Разница эта зависитъ отъ устройства или механизма органовъ, которые раздѣляются на низшіе и высшіе. Для проф. Сѣченова этотъ несомнѣнный фактъ служить основаніемъ къ продолженію параллели и установленію родства соматическихъ рефлексовъ съ дѣятельностью не только низшихъ, но и высшихъ органовъ чувствъ. Но если аналогія съ первыми слаба, то тѣмъ болѣе должна быть слаба аналогія съ послѣдними и по тѣмъ же причинамъ. По мѣрѣ того какъ возрастаетъ сложность, расчлененность и тонкость ощущеній, усиливается внимательство психическихъ элементовъ, все болѣе и болѣе разобщаются раздраженія чувствующей поверхности съ такъ-называемымъ у проф. Сѣченова третьимъ членомъ рефлекса, такъ что подъ конецъ всякій слѣдъ связи между ними теряется; вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ-называемый средний членъ этихъ мнимыхъ рефлексовъ—психическая дѣятельность—приобрѣтаетъ значеніе и регулятора ощущеній и регулятора движеній. Эти факты, разрушающіе теорію проф. Сѣченова, онъ старается устранить и перетолковать по своему, но безуспѣшно. Ощущенія безспорно „продукты организаци чувствующихъ снарядовъ“ или, выражаясь точнѣе, свойство и характеръ ощущеній безспорно обуславливаются организацией чувствующихъ снарядовъ; но какъ сказано, ощущеніе не есть средний членъ рефлекса. Дѣятельность высшихъ органовъ чувствъ производитъ ощущеніе, но не цѣлесообразныя движенія, которыя опредѣляются психической дѣятельностью. Органы чувствъ только доставляютъ послѣдней матеріалъ, и этимъ ограничивается ихъ призваніе. Въ этомъ смыслѣ, и допуская разъ цѣлесообразность въ явленіяхъ природы, правильнѣе было бы сказать, что органы чувствъ становятся болѣе и болѣе сложными, производимыя ими ощущенія болѣе и болѣе расчлененными, тонкими и разнообразными, но мѣрѣ того, какъ соматическая дѣятельность отодвигается на второй планъ, а на первый, на ея мѣсто, выступаетъ психическая. Чтобы раздраженіе чувствующей поверхности органа произвело ощущеніе, нужно вниманіе; двигательныя отправленія могутъ быть различныя—и положительныя и отрицательныя—смотря по тому, на что дѣйствуетъ воля: на двигательныя или задерживающіе аппараты. Эти два явленія—необходимое участіе вниманія для полученія ощущенія и зависимость дѣятельности двигательныхъ и задерживающихъ аппаратовъ отъ воли, проф. Сѣченовъ старается обратить въ пользу своей теоріи, но весьма неудачно. „Анализъ условій невнимательности,—говоритъ онъ,—всегда показываетъ, что въ ту минуту, какъ глазъ долженъ былъ бы видѣть или ухо слышать,—или сознаніе занято какимъ-нибудь болѣе сильнымъ представленіемъ, или не существуетъ условій для того, чтобы глазъ могъ присматриваться или ухо прислушиваться. Это доказывается еще и тѣмъ, что совершенно

аналогичные факты существуютъ и въ сферѣ рефлексовъ... Значить связь между первымъ и вторымъ членами роковая". Устраняя случаи, вовсе сюда не относящіеся, именно, когда органъ чувства не можетъ воспринять впечатлѣніе по какимъ-нибудь соматическимъ препятствіямъ, и останавливаясь исключительно на тѣхъ, когда ощущение дѣлается невозможнымъ по недостатку вниманія, я рѣшительно отказываюсь понять, какъ можетъ быть рѣчь о роковой связи между раздраженіемъ чувствующей поверхности органа и ощущеніемъ, когда извѣстно, что нужно еще вниманіе, чтобъ ощущение произошло? Если, для произведенія ощущения, нужно вниманіе, то очевидно, что одно раздраженіе поверхности, само по себѣ, произвести ощущенія не можетъ, и это служить новымъ доказательствомъ, что, какъ я уже сказалъ, ощущение не есть средній членъ соматическаго рефлекса. Ошибка происходитъ здѣсь, очевидно, отъ неправильнаго взгляда автора на ощущение. Ему повидимому думается, что при ощущеніи все дѣло только въ дѣйствіи предмета на чувствующую поверхность; но на самомъ дѣлѣ оно вовсе не такъ. Дѣйствіе на поверхность не производитъ ощущенія и есть чисто соматическое, до тѣхъ поръ, пока оно не сообщится въ нервныя центры и не вызоветъ дѣятельности сознанія. Примѣры тому приведены въ „Задачахъ Психологіи“. Мы не замѣчаемъ бабочки, сидящей на стволѣ дерева и совершенно подходящей по виду къ древесной корѣ, хотя бабочка несомнѣнно дѣйствуетъ на нашъ зрительный органъ; мы ее замѣчаемъ лишь тогда, когда вниманіе наше будетъ возбуждено какой-нибудь подробностью, дошедшей до сознанія и которая заставитъ насъ отыскивать на деревѣ бабочку. Проф. Сѣченовъ ссылается на то, что и нѣкоторые рефлексы невозможны безъ вниманія. Но этотъ аргументъ говорить не въ его пользу, а противъ него, и подтверждаетъ, что ощущение не есть членъ рефлекса, а только сопровождаетъ нѣкоторые рефлексивныя явленія. Что касается двигательныхъ отправленій, то нѣтъ сомнѣнія, что и цѣлесообразныя движенія и задержаніе ихъ относятся къ одной и той же категоріи. Но когда за однимъ и тѣмъ же раздраженіемъ поверхности чувствующаго органа можетъ слѣдовать и цѣлесообразное движеніе и задержаніе двигательныхъ отправленій, то можетъ ли быть рѣчь о роковой связи между первымъ и послѣдними? Очевидно, что такія явленія выходятъ изъ области нервныхъ рефлексовъ и объясняются не законами соматическихъ фактовъ. Обыденная психологія поступаетъ научнѣе проф. Сѣченова, приписывая въ такихъ случаяхъ двигательныя отправленія не рефлексамъ, а психическимъ элементамъ — именно волѣ.

Наконецъ, что въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ между возбужденіемъ чувствующей поверхности и двигательными отправленіями нѣтъ роковой связи—это видно уже и изъ того, что послѣднія, по сознанію

самого проф. Сѣченова, суть заученныя. „Въ низшихъ формахъ рефлексовъ,—говоритъ онъ,—вся двигательная механика родится уже готовой на свѣтъ... а въ высшихъ формахъ нашего ряда (дѣятельностей органовъ чувствъ?) третьими членами являются, по крайней мѣрѣ у человѣка, лишь заученныя движенія... Правда, движенія эти заучиваются въ очень раннемъ возрастѣ, когда о разумѣ не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, у нѣкоторыхъ животныхъ даже и эти движенія рождаются готовыми на свѣтъ; но все же у человѣка разница между обѣими формами очевидна“. Какимъ образомъ происходитъ заучаемость движеній—это другой вопросъ. Но если движенію надобно напередъ выучиться, то чтó же, спрашивается, въ немъ похожего на нервный рефлексъ, гдѣ движеніе прямо дано и готово? Не явное ли это доказательство, что между двумя мнимыми членами рефлекса нѣтъ уже никакой непосредственной связи и вся сила заключается не въ превращеніи раздраженія въ движеніе, а въ такъ-называемомъ среднемъ членѣ, въ психической дѣятельности?

Я позволилъ себѣ войти во всѣ эти подробности только потому, что на родствѣ нервныхъ рефлексовъ съ психическими явленіями построенъ весь взглядъ проф. Сѣченова на психическую жизнь. Отъ степени убѣдительности его аргументаціи въ доказательство этого родства зависитъ правильность всей его теоріи. Что же оказывается въ результатѣ самаго внимательнаго разбора? Основная мысль — сопоставленіе нервныхъ рефлексовъ съ психическими явленіями, повторяю, одна изъ самыхъ счастливыхъ. При такомъ сопоставленіи, мы можемъ шагъ за шагомъ слѣдить за постепеннымъ переходомъ отъ явленій фізіологическихъ къ психическимъ, наблюдать появленіе первыхъ признаковъ участія психическихъ элементовъ въ фізіологическихъ фактахъ и постепенное усиленіе этого участія, до того момента, когда психическая дѣятельность получаетъ рѣшительное преобладаніе и подчиняетъ себѣ фізіологическія явленія, которыхъ формула вмѣстѣ съ тѣмъ существенно перерождается. Такимъ образомъ, для положительнаго изученія психическихъ явленій открываются новыя перспективы, для объясненія ихъ подыскивается новый ключъ. Но всѣмъ этимъ проф. Сѣченовъ воспользовался какъ философъ стараго закала. Вмѣсто того, чтобы открывать и описывать еще неподмѣченныя стороны явленій, ярко освѣщенныя весьма удачной постановкой вопроса, онъ задался безнадежной и бесплодной темой доказать однородность психическихъ явленій съ соматическими. Сбитый съ строго научнаго пути предвзятыми теоріями, онъ громоздитъ гипотезу на гипотезѣ, которыя всѣ распадаются, какъ карточные домики, при малѣйшемъ прикосновеніи, и не замѣчаетъ, что подобранные имъ факты разбиваютъ его теорію. Чисто матеріальную форму нервного рефлекса онъ сопоставляетъ не только съ дѣятельностями

низшихъ и высшихъ органовъ чувствъ, но даже съ актами чисто психическими и доказываетъ, что они построены по одному типу. Я, конечно, не имѣлъ бы ничего возразить противъ попытки слѣдить за постепенными перерожденіями рефлекторнаго типа въ психическія дѣятельности, еслибъ ученый авторъ, слѣдя шагъ за шагомъ за такимъ перерожденіемъ, указывалъ, виѣсть съ тѣмъ, и на постепенное усиленіе психическихъ элементовъ и соотвѣтственное ослабленіе рокового характера рефлекторныхъ актовъ. Но онъ поступаетъ наоборотъ: изъ психическихъ видоизмѣненій рефлекторнаго акта онъ выбрасываетъ все психическое, то-есть то, что придаетъ ему новый видъ и новое значеніе, и при помощи такихъ приѣмовъ весьма легко приходитъ къ выводу, что рефлекторные и психическіе акты родственны между собою по природѣ. Да, дѣйствительно родственны, насколько психическіе акты суть соматическіе. И разсаженные аллеями, подстриженные деревья въ англійскомъ саду—родственны по природѣ съ деревьями, которыя растутъ въ лѣсу сами собою; разница только въ томъ, что комбинація тѣхъ и другихъ различна. А въ этой-то комбинаціи вся сила!

Каждый знаетъ, что дѣятельности внѣшнихъ органовъ чувствъ, съ соотвѣтствующими имъ внѣшними дѣйствіями, далеко не исчерпываютъ всего круга психическихъ явленій, хотя и занимаютъ между ними весьма видное мѣсто. Мысль сблизить между собою обращенныя къ внѣшнему міру отправленія органовъ чувствъ и двигательныхъ снарядовъ, повторяю опять, кажется мнѣ весьма счастливой. Въ „Задачахъ Психологіи“ я ходилъ около той же мысли, хотя изложилъ ее съ гораздо меньшимъ знаніемъ дѣла и успѣхомъ, чѣмъ проф. Сѣченовъ. Но какимъ образомъ онъ, изъ-за нея, просмотрѣлъ психическіе элементы,—это остается для меня совершенно непонятнымъ.

На основаніи разобранныхъ выше, и, какъ оказалось, крайне патетическихъ данныхъ, проф. Сѣченовъ смѣло выводилъ, что „нѣтъ ни единой мыслимой стороны, которою низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ существенно отличались бы отъ рефлекторныхъ процессовъ тѣла,—всѣ разницы между ними чисто количественнаго свойства“. Отсюда другой выводъ: „соматическіе нервные процессы и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, родственны между собою по природѣ“. И то и другое совершенно справедливо, но съ такой оговоркой: *на сколько* низшіе продукты дѣятельности органовъ чувствъ и низшія формы психическихъ явленій, вытекающія изъ дѣятельностей высшихъ органовъ чувствъ, *имѣютъ соматическій, а не психическій характеръ*.

Съ этой оговоркой проф. Сѣченовъ, конечно, не согласенъ. Напротивъ, онъ идетъ далѣе, и снова ссылаясь „на точку зрѣнія Локка отно-

сительно источниковъ психической жизни, раздѣляемую лишь съ многими ограниченіями всѣми (?) современными психологическими школами“, заключаетъ, что „соматическіе нервные процессы родственны со всѣми вообще психическими явленіями, имѣющими корни въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, къ какому бы порядку явленія эти ни принадлежали“.

Но, во-первыхъ, Локкъ говорилъ объ источникахъ психической жизни въ смыслѣ содержанія идей и представленій, а вовсе не въ смыслѣ генетическаго ея происхожденія, къ которому ведетъ вся аргументація проф. Сѣченова; во-вторыхъ, Локкъ, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, признавалъ источникомъ идей и представленій—рефлексію, т.-е. то, что я называю психическими впечатлѣніями. Отъ зоркой наблюдательности гениальнаго основателя научной психологіи не ускользнуло, что есть идеи и представленія, которыя невозможно свести на внѣшнія впечатлѣнія; ихъ-то онъ и приписалъ рефлексіямъ,—отраженіямъ въ сознаніи психическихъ фактовъ; въ-третьихъ, не только не всѣ современныя психологическія школы раздѣляютъ взглядъ проф. Сѣченова, который онъ ошибочно считаетъ тождественнымъ съ точкою зрѣнія Локка, но напротивъ, именно объ этомъ пунктѣ и идетъ между психологами горячій споръ, въ которомъ одни отстаиваютъ мнѣніе проф. Сѣченова, а другіе, напротивъ, не допускаютъ возможности свести источники психической жизни къ однимъ соматическимъ нервнымъ процессамъ, ни вывести всѣ психическія явленія изъ дѣятельностей органовъ чувствъ.

Самъ проф. Сѣченовъ встрѣчаетъ на пути къ своему общему выводу „очень распространенный предразсудокъ“, состоящій въ томъ, что „психическими актами называются тѣ неизвѣстныя по природѣ душевныя движенія, которыя отражаются въ сознаніи ощущеніемъ, представленіемъ, чувствомъ и мыслью“, „что *психическое* лишь то, что *сознательно*, другими словами, что психическій актъ начинается съ момента его появленія въ сознаніи и кончается съ переходомъ въ безсознательное состояніе“. Предразсудокъ этотъ авторъ называетъ величайшимъ заблужденіемъ и обѣщаетъ представить достовѣрные доказательства, что это дѣйствительно такъ, въ третьей главѣ (читатель увидитъ ниже, какъ мало убѣдительны эти доказательства). Здѣсь же онъ приводитъ противъ него слѣдующія соображенія: если такой взглядъ на психическое справедливъ, то „какое значеніе приобрѣтаютъ тогда рѣчь и письмена, служащія внѣшнимъ выраженіемъ мысли и вся вообще внѣшняя дѣятельность человѣка?“. Если такой взглядъ справедливъ, то, „что дѣлается съ тѣмъ легиономъ случаевъ практической жизни, изъ которыхъ даже обыденное сознаніе выводитъ заключеніе, что такой-то сознательный поступокъ человѣка есть продуктъ его матеріальной обстановки или нравственной среды, въ ко-

торой онъ живетъ, другой—продуктъ вліянія окружающихъ лицъ или голоса чувственности?“ Отвѣтъ на эти вопросы находимъ у самого же профессора Сѣченова. Въ первомъ случаѣ это будутъ факты воздѣйствія души на тѣло, а въ послѣднемъ — воздѣйствіе матеріи и тѣла на душу. По взгляду автора, явленія перваго порядка могутъ быть „безъ малѣйшей натяжки“ приравнены тремъ членамъ психическихъ актовъ низшаго порядка, а явленія втораго порядка суть импульсы къ актамъ, эквивалентные первымъ членамъ низшихъ формъ психической дѣятельности. „Что же разумѣе,—продолжаетъ проф. Сѣченовъ,—попытаются ли проводить нашу аналогію и за предѣлы чувственности, въ виду того, что есть тѣмъ случаевъ, когда психическая дѣятельность является похожей, ну, хоть даже съ виду, на рефлекторные акты, или остановясь на какой-нибудь отдѣльной формѣ психической дѣятельности, въ родѣ приведенныхъ примѣровъ, разорвать изъ-за ея внѣшняго вида (?) на части то, что связано природой (то-есть оторвать сознательный элементъ отъ своего начала, внѣшняго импульса, и конца поступка), вырвать изъ цѣлаго середину, обособить ее и противопоставить остальному, какъ „психическое“ „матеріальному“?“ Отвѣтъ разумѣется дается тотъ, что разумѣе смотрѣть на психическое, какъ на средній членъ рефлекса. Взгляды, несогласные съ этимъ объясненіемъ, авторъ считаетъ не болѣе, какъ логическими или даже діалектическими увертками, которыми, въ самомъ счастливомъ случаѣ, можно удовлетворить только спекулятивный умъ, но никакъ не разрѣшать такіе ярко реальные вопросы, какъ факты, такъ-называемыя взаимодѣйствія души и тѣла. „Въ мысли же о родственности нервныхъ и психическихъ процессовъ,—говоритъ въ заключеніе проф. Сѣченовъ,—всѣ эти факты содержатся, наоборотъ, какъ части въ цѣломъ“.

Самое разумное, отвѣчу я на это, съ полной увѣренностью встрѣтить сочувствіе такого сильнаго въ положительномъ знаніи ученаго, какъ проф. Сѣченовъ, самое разумное—это проводить аналогію такъ далеко, какъ только она хватаетъ, только не насилуя и не искажая фактовъ. Пойдемъ хоть отъ мысли, что типъ нервного рефлекса лежитъ въ основаніи массы соматическихъ и психическихъ явленій и будемъ поступать такъ: гдѣ только *известное дѣйствіе на чувствующую поверхность имѣетъ своимъ роковымъ послѣдствіемъ известное движеніе*, смѣло причислимъ такое явленіе къ числу рефлективныхъ, будетъ оно сознательное или безсознательное, психическое или соматическое. Въ этихъ границахъ ни обыденная, ни научная психологія не будутъ въ состояніи оспаривать вывода; примѣненіе аналогій будетъ побѣдоносное. Указаніе рефлективныхъ явленій въ кругѣ психическихъ фактовъ существенно подвинетъ разрѣшеніе научнаго вопроса первой важности, и стоящаго на очереди, именно, въ какой

мѣръ психическія и матеріальныя явленія управляются одними и тѣми же законами, другими словами, въ какой степени и до какихъ предѣловъ психическія явленія имѣютъ характеръ матеріальныхъ, соматическихъ. Но какъ только переступится граница точнаго наблюденія и изслѣдованія и аналогія станетъ примѣняться произвольно, какъ только мы начнемъ орудовать гипотезой, какъ доказанной научной истиной, рекомендуя въ то же время противникамъ лаконическое: не знаемъ, мы тотчасъ же, можетъ быть, незамѣтно для насъ самихъ, преобразуемся въ философовъ стараго зачала, и ни обыденная, ни научная психологія не послѣдуютъ за нами на этотъ скользкій, опасный и вовсе не научный путь.

Пусть проф. Сѣченовъ посудитъ самъ. Онъ предполагаетъ, что каждое психическое движеніе непременно вызывается внѣшними возбужденіями. Развѣ это доказано? Онъ смотритъ на каждое внѣшнее выраженіе воли, какъ на послѣдній членъ рефлекторнаго акта, начало котораго лежитъ въ дѣятельности органовъ чувствъ. Но кто же приметъ этотъ тезисъ на вѣру? Отъ него потребуютъ положительныхъ доказательствъ, что это дѣйствительно такъ. А гдѣ же они, эти доказательства? Проф. Сѣченовъ видитъ въ сложной психической дѣятельности, раздѣляющей внѣшнія впечатлѣнія отъ внѣшнихъ дѣйствій, нѣчто въ родѣ передаточнаго механизма, который не по своей волѣ приводится въ движеніе и неизбежно, какъ какой-нибудь химическій процессъ, приводитъ къ извѣстнымъ двигательнымъ отправленіямъ. Это мнѣніе находится въ вопіющемъ противорѣчій съ выводами обыденной психологіи и съ заключеніями множества ученыхъ, занимавшихся психологическими научными изслѣдованіями. Гдѣ же доказательства, что они въ такомъ капитальномъ вопросѣ впали въ грубую ошибку? Для проф. Сѣченова сознаніе есть—въ лучшемъ случаѣ—простое зеркало, въ которомъ отражается машинообразный ходъ психическихъ событій. Для другихъ, напротивъ, оно—существенное условіе своеобразной психической дѣятельности, для которой нѣтъ аналогіи въ соматическихъ явленіяхъ. Гдѣ же научные доводы въ подтвержденіе мысли, что справедливо только первое мнѣніе, а второе—несправедливо?

При такомъ положеніи вопроса, заключенія проф. Сѣченова могутъ быть приняты только къ соображенію, да и то съ крайнею осторожностію. Въ психологіи онъ, очевидно, отступаетъ отъ правилъ положительнаго научнаго изслѣдованія. Повидимому, онъ самъ замѣчаетъ, что почва колеблется у него подъ ногами. Я вывожу это изъ тѣхъ отчаянныхъ усилій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ подъ конецъ первой главы, чтобъ поддержать свое непрочное психологическое зданіе. „Если бы,—говоритъ онъ,—даже половина, три-четверти, девять-десятихъ случаевъ высшихъ продуктовъ психической дѣятель-

ности не имѣли съ виду ничего общаго съ явленіями рефлекторнаго типа, то и тогда изъ-за $\frac{1}{10}$ сходныхъ случаевъ аналогія должна была бы проводиться за предѣлы чувственности — это требованіе разума, науки. Но мы знаемъ (?), что это не такъ: воззрѣніе Локка, что корни (?) всего психическаго развитія лежатъ въ дѣятельностяхъ органовъ чувствъ, признается, какъ сказано было, съ незначительными ограниченіями, всѣми психологическими школами. Значить, для аналогіи и здѣсь широкое поле“.

Слова эти похожи на крикъ отчаянія, особливо если припомнить, что Локкъ совсѣмъ не говоритъ того, что проф. Сѣченовъ влагасть въ его уста. А затѣмъ аналогія, которую проф. Сѣченовъ восхваляетъ, какъ могучее умственное средство, конечно, съ большою пользою можетъ быть примѣнена въ психологическихъ изслѣдованіяхъ вездѣ, гдѣ факты позволяютъ ею пользоваться научнымъ образомъ.

Послѣднее слово всѣхъ этихъ разсужденій то, что аналитическая разработка психическихъ явленій должна быть передана въ руки физиологій. Изъ предпосылокъ, которыя я разсмотрѣлъ выше, такой выводъ сдѣланъ строго послѣдовательно. Проф. Сѣченовъ не объясняетъ, однако, какимъ образомъ физиологія будетъ аналитически разрабатывать явленія, недоступныя ея научнымъ средствамъ. Выше было показано, что, между прочимъ, по этой причинѣ сравнительная психологія найдена неудобнымъ средствомъ для анализа психическихъ явленій. Впрочемъ, не одинъ этотъ пунктъ вызываетъ недоумѣніе.

Гегель, на основаніи предположенія, что только мышленіе есть дѣйствительно существующее, а все прочее — призракъ, конструировать реальный міръ а priori. Гегелева философія дѣлала излишнимъ положительное знаніе реальныхъ явленій.

Проф. Сѣченовъ, на основаніи предположеній, что весь міръ психическихъ явленій есть лишь средній членъ рефлексовъ, начало и конецъ которыхъ лежатъ въ условіяхъ матеріальной природы, предпрѣшаетъ всѣ важнѣйшіе психологическіе вопросы и дѣлаетъ положительное изслѣдованіе психическихъ явленій ненужнымъ.

Оба не доказали своихъ предпосылокъ. Гегель по крайней мѣрѣ пытался доказать свою въ знаменитой „Феноменологіи духа“. У проф. Сѣченова не находимъ даже и попытки оправдать тѣ основанія, по которымъ онъ считаетъ возможнымъ отрицать психическую самостоятельность и самодѣятельность. Онъ смотритъ на эти вопросы, какъ на рѣшенные окончательно и безапелляціонно.

Ни въ той, ни въ другой философской системѣ нѣтъ и тѣни строго научнаго обращенія съ фактами изслѣдованія, не смотря на то, что методъ положительнаго знанія не могъ не быть хорошо извѣстенъ обоимъ ученымъ. И въ этомъ отношеніи преимущество опять на сторонѣ Гегеля. Онъ пытался создать свой абсолютный методъ и изъ-

за него могъ не оцѣнить несравненныхъ достоинствъ положительнаго знанія. Проф. Сѣченовъ, напротивъ, какъ фізіологъ, владѣетъ положительнымъ методомъ въ совершенствѣ; но выйдя изъ своей специальности, онъ не перенесъ строгихъ приѣмовъ своей науки въ изслѣдованіе психическихъ явленій. Не потому ли, что по старому предразсудку, только явленія матеріальнаго міра считаются реальностями, подлежащими научному изслѣдованію и только къ нимъ положительный методъ можетъ примѣняться? Этому не хотѣлось бы вѣрить, но, къ сожалѣнію, это такъ. Самъ проф. Сѣченовъ спѣшитъ разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ. Каково бы ни было научное достоинство такого взгляда, хорошо то, что мы его знаемъ. По крайней мѣрѣ не для чего ломать себѣ голову надъ загадкой, какъ могъ извѣстный ученый отнестись такъ односторонне, узко и главное такъ ненаучно къ психологическимъ вопросамъ. Изъ послѣдующаго загадка эта разъясняется очень просто.

Перехожу ко второй главѣ этюда—о матеріалѣ и методѣ психологическихъ изслѣдованій.

Здѣсь объясняется, что матеріаломъ психологін должна служить „сумма психическихъ самонаблюденій и наблюдений надъ другими людьми изъ сферы обыденной жизни“. Какъ можетъ фізіологъ приступить къ критической разработкѣ этого матеріала средствами своей науки, объ этомъ проф. Сѣченовъ не говоритъ. Какъ бы то ни было, но матеріалъ этотъ, продолжаетъ проф. Сѣченовъ, носить на себѣ всѣ признаки самоизученія. Впрочемъ, пока практическій психологъ остается на почвѣ наблюденія „винить его можно развѣ лишь въ томъ, что онъ иногда слишкомъ довѣрчиво относится къ голосу (само)сознанія, забывая вѣчно поучительный примѣръ вращенія вокругъ земли солнца“. Какимъ образомъ примѣръ обмана чувствъ и впечатлѣній можетъ быть вѣчно поучителемъ для (само)сознанія—это тайна автора. Когда же, говоритъ онъ далѣе, практическій психологъ покидаетъ почву наблюденій и начинаетъ теоретизировать, то-есть силится объяснить себѣ самую суть происхожденія психическихъ фактовъ“, онъ поступаетъ „совершенно такъ же, какъ объясняетъ дикарь непонятныя ему явленія физической природы: вся разница между ними въ томъ, что у одного производящая причина есть созданная его воображеніемъ сила, а у второго эта причина—какой-нибудь духъ“. Что, такъ-называемая проф. Сѣченовымъ, обыденная психологін понемногу разстается съ „силами“, какъ разстались съ ними естественныя науки, объ этомъ онъ не счелъ нужнымъ упомянуть. Но онъ очень рекомендуетъ „строго отличать конкретные продукты наблюденій отъ всего, что носить на себѣ характеръ теоретическихъ умствованій или попопзунованій объяс-

нять суть дѣла“. Это, какъ читатели видѣли, отнынѣ монополія фізіологовъ.

Но какъ отличать наблюденія отъ умствованій? „Въ основѣ теорій практической психологіи лежатъ часто вѣрно схваченные факты, а съ другой стороны, теоріи эти нерѣдко имѣютъ на первый взглядъ очень осмысленную логическую форму, несмотря на то, что въ основѣ ихъ лежатъ положительныя фикціи“. Главнѣйшій, если не исключительный источникъ ошибокъ послѣдняго рода есть „пагубная привычка людей забывать фигуральность, символичность рѣчи и принимать діалектическіе образы за психическія реальности, то-есть смѣшивать номинальное съ реальнымъ, логическое съ истиннымъ“.

Но тутъ ученый авторъ противорѣчитъ самому себѣ. Разбирая мою теорію двойственности души, онъ объявилъ ее абсурдомъ, потому что она противорѣчитъ логикѣ. Изъ этихъ словъ выходитъ, что логика и истина—сродни между собою; теперь же оказывается, что логическое и истинное могутъ расходиться. Я съ этимъ готовъ согласиться; но тогда, чтобы быть послѣдовательнымъ, проф. Сѣченову не слѣдовало объявлять мои выводы абсурдами потому, что они, по его мнѣнію, несогласны съ логикой.

Итакъ, источниковъ психологическихъ заблужденій, по словамъ автора, два, а именно: ложное толкованіе вѣрныхъ фактовъ и злоупотребленія рѣчью. Чтобы показать, какимъ образомъ устранить эти заблужденія, проф. Сѣченовъ разбираетъ два случая или примѣра.

Примѣромъ ложнаго толкованія вѣрныхъ фактовъ можетъ служить ученіе практической психологіи о волѣ; примѣромъ злоупотребленія рѣчью—философствованія обыденной философіи о природѣ человека. Указавъ на характеристическія черты явленій, приписываемыхъ волѣ, проф. Сѣченовъ находитъ, что „если относиться къ этимъ фактамъ объективно... то наблюденіе не отерываетъ въ нихъ абсолютно (?) ничего новаго“, кромѣ этихъ отличительныхъ характеристическихъ признаковъ. Авторъ увѣряетъ, что безъ „малѣйшей натяжки“ онъ можетъ сопоставить явленіе воли съ цѣлымъ рядомъ явленій, производимыхъ огнемъ, который можетъ согрѣвать тѣла, можетъ и не согрѣвать ихъ и даже можетъ производить охлажденіе. Все дѣло въ томъ, что условія происхожденія явленій съ огнемъ извѣстны; а „въ запутанныхъ явленіяхъ со вмѣшательствомъ воли отъ обыденнаго человѣческаго сознанія ускользаютъ условія, опредѣляющія тотъ или другой характеръ дѣйствій, и оно, вмѣсто того, чтобы отнестись къ фактамъ объективно, научнымъ образомъ, создаетъ особую, ничего необъясняющую силу. Не естественнѣе ли во всѣхъ подобныхъ случаяхъ искать разъясненія дѣла въ формѣ той связи, которая несомнѣнно существуетъ между начальной причиной явленія

и его концомъ? Съ этой точки зрѣнія, всѣ теоріи обыденной психологіи, насколько въ основѣ ихъ лежатъ реальныя факты, должны разсматриваться на ряду съ неопредѣленными условіями происхожденія той или другой формы явленій. Такое отношеніе къ фактамъ, какъ ничего не предвѣщающее, нисколько не можетъ вредить разъясненію ихъ, а между тѣмъ, будучи принято какъ принципъ, оно сразу устраняетъ тѣмъ недоумѣній въ дѣлѣ практической оцѣнки психическихъ фактовъ со стороны ихъ реальности“.

Еслибъ проф. Сѣченовъ прочелъ „Задачи Психологіи“, то онъ убѣдился бы, что и, такъ-называемая, имъ обыденная практическая психологія додумалась до невозможности объяснять психическія явленія „силами“. Но не вводить въ психологію созданныя отвлеченнымъ мышленіемъ силы далеко еще не значить признать, какъ того требуетъ проф. Сѣченовъ, что психическія явленія, принимаемыя волѣ, управляются основнымъ закономъ явленій физическихъ и химическихъ, то-есть составляютъ такое же, какъ они, роковое, неизбежное послѣдствіе данныхъ внѣшнихъ условій. Обыденная практическая психологія, въ этомъ смыслѣ, стоитъ гораздо тверже на положительной, научной почвѣ, чѣмъ проф. Сѣченовъ. Она не задается гипотезой, ничѣмъ еще пока не доказанной, будто явленія органической природы и психической жизни управляются законами неорганическаго міра. Будучи, какъ сознается самъ проф. Сѣченовъ, весьма тонкой наблюдательницей явленій, обыденная психологія давно уже отличила психическія явленія съ рефлексивнымъ характеромъ, отъ такихъ, которыя его не имѣютъ, и задумываясь надъ условіями послѣднихъ, нисколько не расположена принять принципа, предлагаемаго проф. Сѣченовымъ для ихъ разъясненія—не расположена потому, что только философы, а не люди положительнаго знанія подгоняютъ всѣ явленія подъ гипотезу, какъ бы они подъ нее плохо ни укладывались. Практическая психологія не принимаетъ и не можетъ принять философской теоріи проф. Сѣчнова въ принципъ, иначе ей пришлось бы вычеркнуть не только массу психическихъ явленій, но и цѣлыя отрасли знанія, на что она, какъ наука положительная, не можетъ посягать. Философія,—другое дѣло; та пускалась не разъ на такіе эксперименты. Какой печальный результатъ они имѣли—извѣстно всякому.

Наконецъ, весьма любопытно, что принимаясь за объясненіе психическихъ явленій, которыя не подходятъ подъ апіористическіе шаблоны, проф. Сѣченовъ не находитъ въ этихъ явленіяхъ ничего новаго. Но чего же онъ требуетъ новаго? Ему, повидимому, желательно, чтобы психическіе элементы были высвобождены изъ явленія въ видѣ какого-нибудь естественно-историческаго начала. Но это также невоз-

можно, какъ высвободить изъ органическихъ явленій, въ видѣ такого начала, то, что отличаетъ ихъ отъ неорганическаго міра. Элементы вездѣ одни и тѣ же, а явленія не похожи другъ на друга. Это-то и есть загадка! На стр. 552, проф. Сѣченовъ не безъ ироніи говорить, что въ исторіи физиологіи встрѣчаются атро-механики, объяснявшіе всю жизнь чисто механически, атро-химики, объяснявшіе ее чисто химически, и виталисты, считавшіе животное тѣло одареннымъ особыми „живыми силами“, неимѣющими ничего подобнаго въ матеріальномъ мірѣ. Взгляды первыхъ двухъ разрядовъ были родоначальниками современнаго опытнаго физико-химическаго направленія физиологіи, а виталисты не играютъ въ этой наукѣ ни малѣйшей роли.—Заслуги физико-химическаго направленія громадны. Но я позволю себѣ спросить проф. Сѣченова: разъяснили ли они физиологическія явленія до конца, безъ остатка? Если нѣтъ, то виталистовъ нельзя пока считать окончательно побитыми; они, положимъ, дурно, неискусно, но все же напоминали о тѣхъ условіяхъ физиологической жизни, которыя не поддаются физико-химическимъ изслѣдованіямъ. Пока физико-химическіе элементы физиологической жизни не будутъ вполне разъяснены изслѣдованіями, виталисты будутъ вазаться смѣшными и жалкими; но когда современное направленіе научныхъ изслѣдованій исчерпаетъ свой матеріаль, и въ физиологической жизни все-таки останется нѣчто, имъ необъясненное, тогда вспомнить о виталистахъ и поймутъ, что они, положимъ отрицательно, но были правы. То же самое представляетъ и исторія психологическихъ направленій. Теперь идетъ полоса разъясненія психическихъ явленій матеріальными условіями. Въ этомъ направленіи уже много сдѣлано и вѣроятно много еще остается дѣлать. Но всего оно не въ состояніи объяснить: это уже и теперь видно. Неразъясненный остатокъ и представляется тѣми, которыхъ проф. Сѣченовъ немножко свысока записываетъ въ разрядъ практическихъ обывденныхъ психологовъ за то, что они, стоя на строго научной почвѣ, не хотятъ и не могутъ признать гипотезъ, противниковъ за доказанныя научныя истины, и потому не могутъ считать реальностями только тѣ факты, которые подлежатъ физиологическому анализу.

Далѣе слѣдуетъ разборъ отрывковъ изъ философствованій обывденной психологіи о природѣ человѣка. Они приводятся какъ примѣръ злоупотребленія рѣчью. Разборъ этотъ—куръезъ не послѣдняго рода.

По выводамъ обывденной психологіи, человѣкъ 1) представляетъ замкнутое въ себѣ цѣлое, обособленное отъ всего остальнаго, что находится внѣ его; 2) онъ состоитъ изъ двухъ началъ, дѣйствующихъ по различнымъ законамъ; 3) какъ существо тѣлесное, онъ подчиненъ законамъ матеріальной природы, какъ существо духовное—

стоитъ видѣ ихъ; 4) тѣлесною стороною онъ рабъ матеріи, духовною—властелинъ ея; 5) онъ властвуетъ не только надъ своимъ тѣломъ и поступками, но и надъ своими мыслями, желаніями и страстями; 6) въ этомъ смыслѣ онъ есть существо свободное, опредѣляющее дѣйствія изъ самого себя.

Если отнять у этихъ афоризмовъ слишкомъ рѣшительный категорическій тонъ, который придалъ имъ проф. Сѣченовъ, и сказать, что человѣкъ заключаетъ въ себѣ возможность быть такимъ, какимъ онъ представляется въ приведенныхъ положеніяхъ, то изъ обыденныхъ психологовъ дѣйствительно едва ли найдется одинъ, который не подписалъ бы ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Но авторъ думаетъ, что „стоитъ только вдуматься въ реальную (?) подкладку перечисленныхъ положеній и взвѣсить, насколько слова соотвѣтствуютъ дѣлу (?) и большинство афоризмовъ превращается въ рядъ абсурдовъ“. Зная терминологию ученаго автора, который подъ реальнымъ разумѣетъ соматическое, подъ дѣломъ—подлежащее чувствамъ, нечего удивляться послѣдующимъ его словамъ, сказаннымъ въ поясненіе его удивительнаго заключенія. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—понятіе о человѣкѣ, какъ недѣлимомъ, особи, единицѣ, по самому смыслу этихъ наименованій, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ абстракціей отъ фактовъ его *физической* обособленности въ природѣ; стало быть, во всѣхъ случаяхъ, когда говорится о человѣкѣ, какъ о недѣлимомъ, цѣломъ, единицѣ, подъ словомъ *человѣкъ* нельзя разумѣть ничего другого, кромѣ его физической природы“. Съ своей точки зрѣнія, проф. Сѣченовъ тысячу разъ правъ. Весь вопросъ въ томъ, правильна ли его точка зрѣнія? Я скажу на это, что вычеркнувъ сознаніе изъ числа фактовъ, нельзя имѣть другой. Только мнѣ кажется, что никакая точка зрѣнія, безъ сознанія, немыслима—и въ этомъ проф. Сѣченовъ впадаетъ въ вопіющее противорѣчіе съ собой и съ наукой вообще.

Побѣдоносно доказавъ, что всѣ афоризмы о природѣ человѣка—совершенная бессмыслица, если подъ словомъ „человѣкъ“ разумѣть одну его физическую природу, ученый авторъ переходитъ къ разбору тѣхъ же афоризмовъ, при предположеніи, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души. „Съ этой точки зрѣнія первое положеніе было бы невозможно (невозможно, чтобъ человѣкъ былъ особъ, единица!), третье и четвертое были бы нелѣпностью (потому что одно и то же *ничто* не можетъ въ одно и то же время быть подчинено извѣстнымъ законамъ и стоять видѣ ихъ, быть рабомъ матеріи и въ то же время властелиномъ ея); а пятое имѣетъ вообще смыслъ только какъ образъ, потому что власть предполагаетъ всегда два субъекта—властвующаго и подчиняющагося, и слѣдовательно въ нашемъ случаѣ пришлось бы отъ суммы, состоящей изъ души и тѣла, оторвать, въ

качествѣ подчиненнаго, не только все тѣло, но и часть души. Какъ ни смѣла подобная операція, но она очень часто производилась надъ бѣдной природой человѣка... по счастью, только на словахъ“.

Что сказать на все это?

Если нѣтъ реальности кромѣ фактовъ, доступныхъ внѣшнимъ чувствамъ, выводы проф. Сѣченова неопровержимы. Только было бы желательно, чтобъ это положеніе было доказано, а не навязывалось на вѣру.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ высказанныхъ здѣсь мыслей могутъ вызвать сомнѣніе даже и не въ поборникѣ обыденной психологіи. Власть, говоритъ проф. Сѣченовъ, предполагаетъ всегда два субъекта: властвующаго и подчиняющагося. Но вотъ я вижу, летитъ птица по воздуху, плыветъ рыба въ водѣ, и задаю себѣ вопросъ: кто же изъ нихъ властвуетъ и кто подчиняется: птица или воздухъ, рыба или вода? Мнѣ такъ думается, что оба, въ одно и то же время, и властвуютъ, и подчиняются.

Общій выводъ изъ приведеннаго разбора соотвѣтствуетъ ему вполне. Привожу его цѣликомъ:

„Вообще же грѣхи, извѣстные всѣмъ подъ общимъ именемъ игры въ слова, проистекаютъ главнѣйшимъ образомъ изъ того обстоятельства, что человѣкъ, будучи способенъ производить надъ словами, какъ символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, тѣ же самыя умственные операціи, какъ надъ любымъ рядомъ реальныхъ предметовъ внѣшняго міра, переноситъ продукты этихъ операцій на почву реальныхъ отношеній. Бываютъ, напримѣръ, случаи, что въ психологію переносятся крайніе продукты отвлеченія или обобщенія, и тогда въ наукѣ появляются, въ видѣ реальностей, пустые абстракты въ родѣ „бытія“, „сущности вещей“ и пр. Другой разъ умъ, подкупаясь расчленяемостью рѣчи, безконтрольно принимаетъ соотвѣтственную расчленяемость и по отношенію къ реальнымъ процессамъ, обозначаемымъ словомъ; отсюда происходитъ столь частое смѣшеніе логическихъ сторонъ мышленія съ психологическими и вообще смѣшеніе логическаго (на словахъ) съ истиннымъ. Наконецъ, бываютъ даже такіе случаи, когда человѣкъ, додумавшись, какъ говорится, до чортиковъ, начинаетъ прямо облекать въ психическую реальность какую-нибудь невинную грамматическую форму; сюда относится, напримѣръ, знаменитая по наивности и распространенности игра въ „я“. Понятно однако, что всѣ эти грѣхи становятся грѣхами только потому, что перенесеніе фактовъ и выводовъ изъ области именъ въ область реальныхъ предметовъ дѣлается безконтрольно, за неимѣніемъ у обыденнаго сознанія никакихъ общихъ критеріевъ для опредѣленія истинныхъ психическихъ реальностей. Въ самомъ дѣлѣ, естественныя науки развиваются тоже при посредствѣ слова, облекаю-

шаго въ опредѣленную форму всѣ ихъ выводы и обобщенія, а между тѣмъ игра въ слова здѣсь почти невозможна, и этимъ онѣ обязаны, конечно, тому обстоятельству, что діагностическіе признаки матеріальныхъ реальностей прочно установлены“.

Увѣренность, съ которой проф. Сѣменовъ произноситъ свои сентенціи, далеко не соответствуетъ силѣ его аргументовъ. Онъ говоритъ о способности человѣка производить надъ словами, символическими знаками предметовъ и ихъ отношеній, такія же умственные операціи, какъ и надъ рядомъ матеріальныхъ явленій. Способность представлять себѣ слова, т.-е. собственно не слова, а то, чему они служатъ символическимъ выраженіемъ, до того сильна въ человѣкѣ, что онъ оперируетъ вышнюю, матеріальную реальность съ представленіями, и оперируя надъ послѣдними, убѣжденъ, что оперируетъ надъ первою. Здѣсь источникъ иллюзій и фикцій. Отсюда идутъ, расходясь, истина и ложь въ сферѣ реального знанія, добро и зло, правда и неправда въ сферѣ социальныхъ и нравственныхъ отношеній. Въ этомъ же раздвоеніи зарождается, какъ необходимый регуляторъ, самопроизвольность или свободная воля. Какимъ образомъ такой основной, капитальный фактъ, не подходящий ни подъ какіе законы матеріальнаго міра, не приковалъ къ себѣ вниманія проф. Сѣменова, не заставилъ его задуматься надъ природой психическихъ явленій — совершенно непонятно! Неорганический міръ не знаетъ ни истины, ни лжи, ни правды, ни неправды, ни добра, ни зла, а человѣкъ все это знаетъ. Неорганический и даже органический міръ вовсе незнакомъ съ роковою властью представленій, иллюзій и фикцій, дѣлающей человѣка недоступнымъ голосу вышней реальности. Съ представленіями вводится въ міръ новое начало дѣятельности, совершенно непохожее на роковую обязательность матеріальныхъ условий, а проф. Сѣменовъ его не примѣтилъ, проходитъ мимо него, какъ будто мимо какой-нибудь неважной подробности! Иллюзии и фикции, производимыя словами — созданіемъ психической дѣятельности — способны спутать въ насъ понятіе о томъ, что реально и что не реально; значитъ, это реальность своего рода и весьма могущественная, нисколько не меньшая, чѣмъ реальность матеріальная. Покуда люди догадались, что „бытіе“, „сущность вещей“ суть продукты психической работы, прошли тысячелѣтія; и даже понимая это, мы безъ этихъ продуктовъ обойтись не можемъ въ знаніи, потому что оно немислимо безъ перевода матеріальной реальности на психическій языкъ, и есть не что иное, какъ придача реальности такого рода психической формѣ. Проф. Сѣменовъ считаетъ „я“ наивною грамматическою игрою людей, додумавшихся, какъ онъ выражается, до чортиковъ; но онъ оказалъ бы научной психологіи великую услугу, еслибъ, вмѣсто такихъ ничего не доказывающихъ приговоровъ, потрудился объяснить,

при какихъ условіяхъ могла родиться невинная грамматическая форма „я“. Формы этой не знаютъ животныя и, сколько извѣстно, они не додумываются до чортиковъ. То, что проф. Сѣченовъ называетъ игрою въ слова и грамматическія формы, обыденная психологія считаетъ реальностями своего рода, потому что не философствуетъ, какъ ученый авторъ, а стоитъ на строго научной почвѣ положительнаго знанія и не позволяетъ себѣ умозрительныхъ *salto mortale* тамъ, гдѣ надо ограничиться лапидарнымъ „не знаемъ“. Приѣмъ проф. Сѣченова храбро вычеркиваетъ изъ числа реальностей дѣльный міръ дѣйствительныхъ явленій. При такомъ приѣмѣ нѣтъ возможности понять причины слезъ и смѣха при чтеніи книги, ни причины впечатлѣнія, производимаго слушаніемъ музыкальной пьесы. Дѣйствительная реальность въ процессѣ чтенія—это книжка, каракули буквъ, поза читающаго; при исполненіи музыкальной пьесы—движенія музыкантовъ, музыкальные инструменты, ноты, нотные пюпитры, наконецъ отдѣльные звуки, изъ которыхъ составлена исполняемая пьеса. Но сумма этихъ реальностей не дастъ намъ нисколько понятія о томъ, что ощущаетъ читающій или слушающій. По теоріи проф. Сѣченова, ихъ слѣдуетъ тоже записать въ число додумавшихся до чортиковъ.

Впрочемъ, авторъ кажется и самъ чувствовалъ, что съ вопросомъ о психической реальности у него выходитъ что-то неладное, что разборъ примѣровъ не сдѣлалъ для читателей понятными средства къ устраненію ошибочнаго объясненія дѣйствительныхъ фактовъ и игры въ слова,—и потому онъ опять возвращается къ вопросу: что такое психическая реальность? Разрѣшеніе этого вопроса онъ раздѣляетъ на двѣ половины: *что слѣдовало бы изучать, какъ психическую реальность, и что можно изучать, какъ такую*. Уже такая постановка вопроса показываетъ, что, по мнѣнію автора, психическую реальность изучать нельзя, что вмѣсто нея надо изучать что-нибудь другое, ей соотвѣтствующее, ее выражающее. И дѣйствительно, переходя къ разрѣшенію первой половины своей задачи, проф. Сѣченовъ объясняетъ, что при родствѣ соматическихъ нервныхъ и психическихъ актовъ и при аналогіи проявленій тѣхъ и другихъ должна существовать и аналогія причинъ, производящихъ и тѣ и другія. „Другими словами,—поясняетъ авторъ,—если въ нервномъ актѣ существеннымъ и единственно реальнымъ является сумма тѣхъ матеріальныхъ процессовъ, которые происходятъ въ томъ или другомъ отдѣлѣ нервной системы, то и въ психическихъ актахъ единственно реальнымъ можетъ быть только соотвѣтственная сторона фактовъ“. Такимъ образомъ, психическая реальность есть природа тѣхъ движеній, которыя происходятъ въ нервѣ и нервныхъ центрахъ, т.-е. опять-таки матеріальная сторона психическихъ явленій. Ее, по сознанію самого автора, мы совсѣмъ не знаемъ; но представимъ себѣ, что она наукой совер-

шенно раскрыта и выяснена; что по физиологическому состоянію нервовъ и мозга мы получимъ полную возможность безошибочно опредѣлять мысли и душевныя движенія даннаго лица. Неужели это будетъ психическая реальность? Неужели такое совершенство физиологии нервовъ и мозга замѣнитъ намъ психологію? Отбросивъ обманчивый голосъ сознанія, какъ узнаемъ мы соотвѣтствіе физиологическихъ явленій нервовъ и мозга съ тѣми или другими психическими состояніями? А вѣдь, кромѣ того, пришлось бы еще доказывать, что психическія состоянія не только соотвѣтствуютъ физиологическимъ движеніямъ въ мозгу и нервахъ, но что они происходятъ изъ послѣднихъ, относятся къ нимъ, какъ явленіе къ производящимъ его условіямъ. Въ чаяніи проф. Сѣченова вопросъ этотъ рѣшается, конечно, утвердительно; но самъ же онъ учитъ, что чаяніе и доказанная научная истина—двѣ вещи разныя; другіе тоже могутъ чаять, что не нервныя и мозговые движенія опредѣляютъ психическія состоянія, а что, наоборотъ, послѣдними опредѣляются первыя, по крайней мѣрѣ могутъ опредѣляться въ извѣстныхъ случаяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ очевидно, что приходится, волей-неволей, обращаться къ голосу сознанія, и, признавъ его незаслуживающимъ никакой вѣры, все-таки, въ концѣ-концовъ, довѣриться ему безъ возможности его повѣрить, такъ какъ физиологическіе приемы безсильны въ изслѣдованіи психическихъ явленій, а психическая реальность, какъ ее опредѣляетъ проф. Сѣченовъ, оказывается не психическою, а физиологическою.

Но и эта реальность намъ неизвѣстна и даже неизвѣстно, узнаемъ ли мы ее когда-нибудь. Мы вынуждены, слѣд., ограничиться сферою ея проявленій. Итакъ, казалось бы, надо дѣлать именно то, что дѣлаетъ обыденная, практическая психологія—изучать явленія. Такъ нѣтъ! „Мысль о психическомъ актѣ, какъ процессъ, движеніе, имѣющее опредѣленное начало, теченіе и конецъ, должна быть удержана какъ основная, во-первыхъ, потому, что она представляетъ собою въ самомъ дѣлѣ (?) крайній предѣлъ отвлеченія отъ суммы всѣхъ проявленій психической дѣятельности, — предѣлъ, въ сферѣ котораго мысли соотвѣтствуетъ еще реальная сторона дѣла (которой мы, замѣтимъ, не знаемъ!); во-вторыхъ, на томъ основаніи, что и въ этой общей формѣ она все-таки представляетъ удобный и легкій критерій для провѣрки фактовъ (провѣркой будетъ служить мысль, сама требующая провѣрки!); наконецъ, въ-третьихъ, потому, что этой (недоказанной!) мыслию опредѣляется основной характеръ задачъ, составляющимъ собою психологію, какъ науку о психическихъ реальностяхъ (которыхъ мы не знаемъ). Въ первомъ смыслѣ, т.е. какъ основа научной психологіи, мысль о психической дѣятельности съ

точки зрѣнія процесса, движенія, представляющая собою лишь дальнѣйшее развитіе мысли о родствѣ психическихъ и нервныхъ актовъ, должна быть принята за исходную аксіому (!)... Принятая какъ провѣрочный критерій, она обязываетъ психологію вывести всѣ стороны психической дѣятельности изъ понятія о процесѣ, движеніи. Если это удастся по отношенію ко всѣмъ типическимъ формамъ... психической дѣятельности, напримѣръ, по отношенію къ различнымъ сторонамъ чувствованія и мышленія, съ ихъ внѣшними проявленіями,—значить, исходная точка вѣрна“...

Приведенныя слова показываютъ, что проф. Сѣченовъ очевидно былъ крайне несправедливъ, считая полусумасшедшими тѣхъ, которые стараются опредѣлить условія происхожденія психическаго факта, выражаемаго мѣстоимѣніемъ „я.“ Такого произвольнаго, ненаучнаго отношенія къ предмету изслѣдованія, какое позволилъ себѣ здѣсь ученый авторъ, не встрѣтишь даже у идеалистовъ-философовъ, творцовъ системъ абсолютной философіи.

Этимъ я бы могъ, строго говоря, окончить свои замѣчанія на психологическій этюдъ проф. Сѣченова. Последняя, третья глава его труда есть не что иное, какъ примѣненіе, оправданіе и демонстрація разсмотрѣнныхъ выше взглядовъ и выводовъ. Но двѣ причины заставляютъ меня разобрать и эту часть этюда. Во-первыхъ, попытка „конструировать“ психическое развитіе человѣка на основаніи изложенныхъ взглядовъ всего осязательнѣй обнаруживаетъ ошибочность и недостаточность взглядовъ проф. Сѣченова на психическую жизнь; во-вторыхъ, здѣсь онъ входитъ въ анализъ нѣкоторыхъ психическихъ явленій, именно математическаго и метафизическаго мышленія и наконецъ воли.

Общая программа третьей главы со всевозможною ясностью выражена въ ея заголовкѣ, который гласитъ такъ: „Въ младенствѣ и дѣтскомъ возрастѣ всѣ психическія явленія носятъ характеръ рефлексовъ.—Единственные, очень крупные переломы въ послѣдующемъ психическомъ развитіи составляютъ: развивающаяся мало-по-малу мыслительная способность и произвольность дѣйствій. — Анализъ мышленія, какъ процесса, въ связи съ его реальными субстратами, показываетъ однако, что въ акты мышленія не приходится никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состояніе слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму; и такъ какъ опытъ ясно указываетъ на то, что начало процесса расчлененія ощущеній падаетъ на младенческій возрастъ и что процессъ идетъ отсюда безъ существенныхъ измѣненій вплоть до случаевъ отвлеченнаго мышленія, то этимъ доказывается, что мыслительная дѣятельность не представляетъ перелома ни съ какой существенной стороны въ ходѣ психическаго раз-

витія чловѣка.—Физиологическій анализъ произвольныхъ движеній и перенесеніе данныхъ этого анализа на психологическую почву приводитъ къ тому же результату и въ отношеніи произвольности чловѣческихъ дѣйствій.“

Итакъ „очень крупные переломы“ въ психическомъ развитіи чловѣка „не представляютъ перелома ни съ какой существенной стороны.“ „Въ акты мышленія не приводить никакихъ новыхъ элементовъ, помимо тѣхъ, которыми опредѣляется переходъ конкретнаго ощущенія изъ состоянія слитности въ болѣе и болѣе расчлененную форму.“ Но расчлененіе ощущенія, по мнѣнію проф. Сѣченова, не опредѣляется особыми элементами. Этого вывода, конечно не подпишетъ ни одинъ поборникъ, такъ-называемой авторомъ, обыденной, практической психологіи, потому что акты мышленія и воли только одною своею стороною представляютъ сходныя черты съ рефлексивною дѣятельностью; другою же, именно тамъ, гдѣ въ нихъ входятъ сознаніе и самопроизвольность, оба представляютъ новыя характеристическія черты, не имѣющія съ рефлексами ничего общаго. Проф. Сѣченовъ надѣется устранить этотъ взглядъ обыденной психологіи тѣмъ замѣчаніемъ, будто бы ни въ актахъ мышленія, ни въ проявленіяхъ воли не замѣчается никакого новаго элемента. Но въ томъ-то и дѣло, что подъ элементомъ можно разумѣть вещи весьма различныя. Безспорно, самое тщательное физиологическое изслѣдованіе не откроетъ ни въ томъ, ни въ другомъ никакихъ матеріальныхъ данныхъ, которыми бы они отличались отъ нервныхъ рефлексовъ. Но если подъ элементомъ разумѣть то, что придаетъ матеріалу новую форму, то въ актахъ мышленія и воли, насколько они не управляются законами рефлексивныхъ движеній, нельзя не замѣтить участія новаго элемента, хотя бы онъ и не подлежалъ химическимъ реакціямъ или физиологическому анализу. Геометрическія фигуры очень разнообразны по своимъ формамъ и объему, но всѣ онѣ, въ концѣ-концовъ, сводятся къ движущейся математической точкѣ. Слѣдуя логикѣ проф. Сѣченова надо бы заключить отсюда, что никакихъ новыхъ элементовъ въ построеніи геометрическихъ фигуръ, кромѣ движущейся точки, нѣтъ; или: химическій анализъ любого растенія даетъ извѣстныя составныя части; однако эти части—не растеніе, какимъ оно было до химическаго анализа. Мы можемъ себѣ представить органическіе и неорганическіе предметы, имѣющіе совершенно одинаковый составъ и однако совершенно различныя по своимъ свойствамъ. Спрашивается: то, что заставляетъ двигающуюся точку образовать четырехугольникъ, параллелоипедъ, кругъ, что слагаетъ составныя части растенія въ такой-то растительный организмъ, слѣдуетъ ли считать за элементъ, или не слѣдуетъ? Въ этомъ весь вопросъ. Мнѣ возражаютъ, что есть химическія сое-

диненія, которыя мы производимъ и которыя по своимъ свойствамъ совершенно отличны отъ свойствъ ихъ составныхъ частей; слѣдовательно, возможно появленіе новыхъ веществъ, съ новыми свойствами, только вслѣдствіе извѣстной комбинаціи данныхъ элементовъ, безъ присоединенія къ нимъ новыхъ. Отчего же не предположить того же самаго и относительно организмовъ? Мы уже умѣемъ химически воспроизводить нѣкоторые органическіе продукты, напримеръ, урину и алкоголь. Съ успѣхами органической химіи, можетъ быть, тайна созданія органическихъ существъ также разоблачится, какъ разоблачился, на нашихъ глазахъ, законъ образованія и перерожденія видовъ.—Такое возраженіе было бы неопровержимо, еслибъ можно было доказать, что новое тѣло, съ новыми свойствами, образовавшееся чрезъ химическое соединеніе извѣстныхъ тѣлъ, обязано своимъ происхожденіемъ только тѣмъ свойствамъ этихъ послѣднихъ, которыя мы знаемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что составныя части до химическаго соединенія ихъ въ новый продуктъ, съ новыми свойствами, имѣютъ, кромѣ стороны намъ извѣстной и доступной изслѣдованію, другую, намъ неизвѣстную и недоступную. Оттого смѣлое утвержденіе проф. Сѣченова, что въ явленіяхъ мышленія и воли не приводится никакихъ новыхъ элементовъ противъ тѣхъ, которые были въ игрѣ до обнаруженія этихъ явленій, я считаю теоретически правильнымъ, но вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ученый авторъ. Онъ самъ не знаетъ, да и не можетъ знать всѣхъ элементовъ матеріальныхъ фактовъ, которые изслѣдуетъ. Въ состояніи ли кто-нибудь, изслѣдуя сѣмячко или яйцо, опредѣлить, какое растеніе или животное изъ него разовьется, если ему это неизвѣстно изъ другихъ наблюденій и опытовъ? Элементы будущаго растенія или животнаго точно также скрыты въ сѣмени или яйцѣ, какъ элементы психическаго развитія въ новорожденномъ младенцѣ. Элементы сѣмени, зародыша, конечно, остаются тѣ же самыя и въ развитомъ растеніи или животномъ; но тѣмъ, что въ яйцѣ или сѣмени подлежитъ изслѣдованію, мы никакъ не можемъ объяснить развитіе изъ нихъ растенія или животнаго. Это-то неизвѣстное намъ и есть тотъ новый элементъ, который отрицаетъ проф. Сѣченовъ. Собственно говоря, онъ не новый и, конечно, заключался уже въ сѣмени или зародышѣ; но его мы не могли открыть въ зародышѣ, и потому онъ оставался для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ мы видимъ одинъ элементъ, ихъ собственно два. Химическія и физическія изслѣдованія, какъ бы они ни были тщательны и точны, схватываютъ только то, что доступно нашимъ чувствамъ, и дальше нейдутъ, и мы только обманываемъ себя, воображая, что свели явленіе къ его матеріальнымъ элементамъ, дознавшись, что соединеніе, механическое или химическое—производитъ такое-то явленіе или такое-то новое

тѣло. Въ дѣйствительности, чрезъ соединеніе приходятъ въ соприкосновеніе и взаимодѣйствіе элементы намъ совершенно неизвѣстные, происходятъ процессы, о которыхъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія и о которыхъ мы дѣлаемъ предположенія, основанныя на самыхъ шаткихъ и произвольныхъ соображеніяхъ.

Положительный методъ изслѣдованія, положительная наука были не только протестомъ противъ фантазій, врывавшихся въ область знанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и честнымъ признаніемъ предѣловъ, за которые знаніе переступить не можетъ. Оттого-то положительное изслѣдованіе относится одинаково критически ко всѣмъ философскимъ теоріямъ, какая бы ни была ихъ подкладка, откуда бы она ни была заимствована—изъ области естественныхъ, или социальныхъ наукъ или изъ области психологіи. Въ глазахъ положительнаго знанія, утвержденіе проф. Сѣченова, что въ актахъ мышленія, сравнительно съ рефлексами, не отыскивается никакихъ новыхъ элементовъ, есть тезисъ, ничѣмъ не подкрѣпленный и ничего не доказывающій. Акты мышленія похожи на рефлексъ, пока сознаніе и самопроизвольность не придаютъ имъ особаго характера, отличающаго ихъ отъ рефлексовъ. Матеріально съ сознаніемъ и произвольностью, конечно, не прибавляется никакого новаго элемента, но характеръ явленія, вслѣдствіе ихъ участія, существенно измѣняется, почему обыденная, практическая психологія, съ научной точки зрѣнія, тысячу разъ права, признавая въ нихъ новые элементы,—права тѣмъ болѣе, что они до тѣхъ поръ въ рефлексивныхъ нервныхъ явленіяхъ ничѣмъ себя не заявляли и остались совершенно неизвѣстными и недоступными изслѣдованію.

К. Кавелинъ.

ПЛАНЪ ИЗДАНІЯ „РУССКОЙ БИБЛІОТЕКИ“ И ПЕРВЫЙ ЕЯ ТОМЪ.

Въ началѣ нынѣшняго года нѣсколько литераторовъ собрались для обсужденія мысли о такомъ изданіи русскихъ писателей новѣйшаго періода, которое по цѣнѣ и содержанію было бы доступно наибольшему кругу читателей. Полныя изданія сочиненій могутъ быть приобретаемы весьма немногими; затѣмъ, отъ полныхъ изданій приходится сдѣлать рѣзкій переходъ прямо къ хрестоматіямъ — болѣе или менѣе удовлетворительнымъ для однѣхъ учебныхъ цѣлей. Посредствующимъ звеномъ между полными изданіями и чисто учебными

христоматіями могли бы служить общедоступныя изданія, которыя ограничивались бы выборомъ лучшихъ произведеній каждаго писателя изъ полныхъ собраній. При такомъ только условіи, именно, при условіи выбора, является возможность дешевизны, а слѣдовательно. и общедоступности; кромѣ того, такія изданія представляютъ особое удобство, такъ какъ въ нихъ предлагается готовый выборъ того, что выдержало критику времени, и въ чемъ наиболѣе отразился гений или талантъ того или другого писателя. Такое изданіе, съ выгодами дешевизны и общедоступности, можетъ соединять еще выгоду руководства среди обширныхъ полныхъ изданій, гдѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ полнота, и гдѣ потому вмѣстѣ съ лучшими произведеніями помѣщается безъ различія все, написанное тѣмъ же перомъ.

„Русская Библіотека“ издается именно для той значительной части нашего общества, которая, за отсутствіемъ у насъ подобныхъ общедоступныхъ изданій, осуждена довольствоваться одною текущею литературою, и потому прерываетъ, сойдя со школьной скамьи, всякую связь съ образцами отечественной литературы и съ тѣми ея памятниками, которые, находясь у каждаго подъ рукою, могли бы имѣть образовательное вліяніе и содѣйствовать развитію литературнаго вкуса. Безъ сомнѣнія, всѣ согласно признаютъ, что во главѣ такого изданія слѣдовало поставить Пушкина. За нимъ послѣдуютъ Лермонтовъ, Гоголь и т. д. и т. д.

Первый, вышедшій нынѣ, томъ послужить нормою для всего изданія, какъ во внѣшнемъ отношеніи, такъ и по методу его составленія. Собственно въ отношеніи Пушкина, „Русская Библіотека“ должна была прежде всего руководиться при выборѣ произведеній поэта тѣмъ количествомъ матеріала, который былъ весьма обязательно уступленъ ей Я. А. Исаковымъ, изъ его права литературной собственности. Въ виду благотворительнаго назначенія, какое придано первому тому „Русской Библіотеки“,—о чемъ сказано ниже,—„Русская Библіотека“ получила безденежно отъ Я. А. Исакова въ свое распоряженіе, сверхъ прозы, десять листовъ стихотвореній изъ его же второго изданія „Полнаго собранія сочиненій А. С. Пушкина“, гдѣ стихи занимаютъ въ цѣломъ 85 листовъ. Такимъ образомъ, въ „Русской Библіотекѣ“ могла быть помѣщена одна восьмая часть всего напечатаннаго изъ стихотвореній Пушкина, а потому сдѣланный выборъ не могъ, конечно, объять всего, что можно было бы выбрать еще, и при выборѣ пришлось потому сдѣлать вторичный выборъ изъ выбраннаго. Это обстоятельство вызвало необходимость поставить для выбора болѣе строгія условія, чѣмъ то могло бы быть сдѣлано при болѣе широкихъ предѣлахъ матеріала. За чертою настоящаго тома, конечно, осталось въ произведеніяхъ Пушкина еще не мало превосходнаго по выполненію, по красотѣ и блеску стиха: но если бы кто захотѣлъ ограничиться только тѣмъ изъ превосходнаго, гдѣ гений Пушкина творилъ вполнѣ самостоятельно, черпая силы изъ самого себя и своего народа, безъ всякой примѣси посторонняго вліянія, какъ на примѣръ, байронизма, однимъ словомъ, гдѣ Пушкинъ самъ въ свою очередь можетъ служить оригиналомъ, — то едва ли за предѣлами выбраннаго останется много пропусковъ. А

именно таково было начало, положенное въ основаніе выбора матеріала для настоящаго тома, посвященнаго Пушкину. Здѣсь онъ является въ высшемъ смыслѣ слова народнымъ поэтомъ, — поэтомъ своего народа, своего времени, и послушнымъ одному своему гению. Обобщая этотъ принципъ, „Русская Библіотека“ будетъ и въ отношеніи другихъ писателей, которымъ посвящаются послѣдующіе томы, держаться того же правила.

Въ отношеніи внѣшнемъ „Русская Библіотека“ употребила всѣ средства, чтобы текстъ явился вполне въ исправномъ видѣ, безъ искаженій и ошибокъ, которыми грѣшили прежнія изданія. Корректура Пушкина была выполнена совмѣстно нѣсколькими лицами: этотъ трудъ приняли на себя Н. А. Некрасовъ, П. А. Ефремовъ, В. П. Гаевскій и М. М. Стасюлевичъ; сверхъ того, по отпечатаніи чистый экземпляръ вновь просмотрѣлъ А. Н. Пыпинъ; найденныя имъ погрѣшности указаны въ концѣ книги.

Приложенный портретъ Пушкина вырѣзанъ по извѣстной гравюрѣ Райта (Wright), сдѣланной вскорѣ послѣ смерти Пушкина, въ 1838 году, и отличающейся сходствомъ и простотою болѣе, чѣмъ всѣ другія извѣстныя изображенія поэта.

Сверхъ офѣнки Пушкинской поэзіи у Бѣлинскаго и Гоголя, „Русская Библіотека“ помѣстила очеркъ литературной дѣятельности поэта, въ связи со внѣшними фактами его жизни, заимствованный изъ краткой біографіи А. С. Пушкина, составленной П. Н. Полевымъ и перелѣзанной имъ для настоящаго изданія.

Мысль основанія „Русской Библіотеки“ зародилась въ тѣ дни, когда общественное вниманіе было сосредоточено на бѣдствіи, постигшемъ сельское населеніе Самарской губерніи. Лица, собравшіяся для обсужденія мѣръ къ осуществленію изданія, пожелали соединить первый его шагъ съ общимъ стремленіемъ помочь нуждающимся въ насущномъ хлѣбѣ: пусть память нашего великаго поэта послужитъ матеріальнымъ нуждамъ его народа, какъ служила и служитъ его поэзія нашимъ нравственнымъ и умственнымъ нуждамъ. Благодаря готовности, выраженной со всѣхъ сторонъ, содѣйствовать изданію перваго тома безвозмездно, доходъ отъ него значительно поднялся. Кромѣ упомянутаго пожертвованія изъ права литературной собственности Я. А. Исаковымъ, типографія взяла на себя также даровой трудъ напечатанія; бумажная фабрика А. И. Варгунина уступила 50% со стопы печатной, и контора Фр. Марка 50% со стопы бristolской бумаги. Редакція почти всѣхъ петербургскихъ газетъ и журналовъ безвозмездно напечатали въ своихъ изданіяхъ объявленіе о выходѣ перваго тома. Такимъ образомъ, при цѣнѣ экземпляра въ 75 копѣекъ, и за вычетомъ 10 копѣекъ съ экземпляра на книжную торговлю, валовая сумма выручки должна составить съ 10,000 экз. — 6,500 рублей; изъ этой суммы около 1,700 рублей израсходовано для покрытія издержекъ на бумагу, брошюровку и портретъ, а остальные затѣмъ, именно 4,800 рублей внесены впередъ изъ ожидаемой отъ дѣльной продажи перваго тома, въ день его выхода въ свѣтъ, и доставлены чрезъ Волжско-Камскій Банкъ Дамскому Самарскому Комитету.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для посовія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Отчетъ годовому собранію 2-го февраля 1874 г. за 1873 годъ.

Къ 1-му января 1873 года числилось въ обществѣ 409 членовъ. Въ теченіе 1873 г. избрано вновь 45. Исключены изъ списка умершіе 6. Признаются сложившими съ себя званіе членовъ, по случаю неплатежа денегъ въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, 3. Къ 1-му января 1874 года числится въ спискѣ 445 членовъ.

Въ общихъ собраніяхъ присутствовало 2-го февраля—38, 22-го апрѣля — 24 и 28-го октября — 38 членовъ.

Занятія Комитета были слѣдующія:

А. Денежная пособія.

1) *Пенсіи.* По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, пенсіи производились:

„Дружининская“ одному лицу въ . . .	300 р.
Шести лицамъ или семействамъ . . .	по 300 „
Двумъ	„ 240 „
Одному	„ 210 „
Двумъ	„ 200 „
Двумъ	„ 180 „
Четыремъ	„ 120 „
Одному	„ 100 „

Въ теченіи 1873 г. въ составѣ пенсіонеровъ Общества произошли слѣдующія перемѣны:

За смертію въ 1872 г. двухъ пансіонерокъ, выдававшаяся имъ пенсія въ 200 р. раздѣлена между оставшимися въ живыхъ сестрами ихъ, изъ которыхъ одна получала прежде пенсію въ 100 р., такъ что обѣ онѣ получаютъ теперь по 150 р.

Вновь назначены пенсіи: матери извѣстнаго писателя въ 300 р. и дочери профессора тоже въ 300 р., съ производствомъ послѣдней пенсіи съ 1-го января 1874 г.

Всего, по прежнимъ и новымъ назначеніямъ, производилось въ 1873 г. 20 пенсій на 4,430 р.

Кромѣ того, выслано 100 р. вдовѣ писателя, въ счетъ пенсіи за 1872 г.

2) *На воспитаніе и ученіе.* По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ: а) На выдачу вспомошествованія достойнѣйшимъ студентамъ харьковскаго университета отпущено 120 р., которые и выданы студентамъ Кобчевскому и Новикову. б) За ученіе малолѣтней дочери писателя 60 р. в) На ученіе малолѣтнихъ дѣтей писателя по 10 р. въ мѣсяцъ (по 1-е октября 1873 г.). д) На воспитаніе малолѣтней внучки

писателя 30 р. е) На воспитаніе дѣтей вдовы писателя по 20 р. въ мѣсяцъ. f) На воспитаніе сына покойнаго писателя по 15 р. въ мѣсяцъ. g) На воспитаніе дочери вдовы писателя 75 р. h) Слушавшей лекціи въ университетѣ и перешедшей на женскіе курсы при Медико-Хирургической Академіи по 20 р. въ мѣсяцъ. i) Воспитывающейся въ консерваторіи дочери писателя 100 р. k) Въ теченіе 1873 г. вновь назначено: студенту ярославскаго лицея Эдемому по 10 р. въ мѣсяцъ на два года, начиная съ 15-го августа 1873 г. m) Дочери покойнаго писателя по 150 р. въ годъ, а по поступленіи ея въ комплектъ воспитанницъ консерваторіи — по 100 р. n) Ученигу Академіи Художествъ Богданову на полтора года по 25 р. въ мѣсяцъ. o) Сыну покойнаго писателя, изъ пожертвованной А. А. Краевскимъ суммы, 100 р. p) Въ уплату за слушаніе студентомъ Мартыновичемъ лекцій въ Технологическомъ институтѣ 70 р. r) На воспитаніе сына вдовы писателя по 15 р. въ мѣсяцъ и единовременно 10 р. s) Въ уплату за слушаніе лекцій въ с.-петербургскомъ университетѣ студентами: Прытковымъ, Шишацевымъ и Шкорбатовымъ по 25 р. и студентомъ Лосіевскимъ 50 р. t) На пособія студентамъ того же университета отпущено въ Общество для вспомошествованія этимъ студентамъ 250 р. u) Въ уплату за слушаніе лекцій на женскихъ курсахъ при Медико-Хирургической Академіи двумя дѣвицами 100 р. x) Студентамъ с.-петербургскаго университета Бабикову 100 р. и Н. Барсову 50 р. y) За дочь вдовы писателя 25 р. z) Учрежденными въ 1872 г. четырьмя стипендіями для студентовъ 1-го курса с.-петербургскаго университета, въ 125 р. каждая, воспользовались: въ первой половинѣ 1873 г. студенты Чистяковъ, Громовъ, Юрашкевичъ и Ярошенко, въ размѣрѣ 62 р. 50 к., и во второй половинѣ года студенты Тютрюмовъ, Мироновъ и Вахомскій, также въ размѣрѣ 62 р. 50 к.

Стипендіатомъ Е. П. Ковалевскаго продолжалъ состоять студентъ харьковскаго университета Черняевъ, перешедшій на 4-й курсъ.

Всего на воспитаніе и ученіе отпущено 2,907 р. 50 к. и изъ капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго 300 р., а всего 3,207 р. 50 к.

3) *Единовременныя пособія* назначены 89 лицамъ или семействамъ, на сумму 9,576 р., въ томъ числѣ 8 лицамъ по два раза. Кромѣ того, предполагено выдать въ началѣ 1874 г. 100 р. дочери писателя на содержаніе ея школы.

4) *Ссуды*. Въ 1873 г. выдано въ ссуду 7 лицамъ 1,300 р. и предложено выдать въ началѣ 1874 г. одному лицу 300 р.

5) *Продолжительное пособіе* въ 100 р. выдано, согласно назначенію 1872 г., вдовѣ писателя.

Общій выводъ. По прежнимъ опредѣленіямъ и по новымъ назначены безвозвратныя денежныя выдачи:

Въ видѣ пенсій 20 лицамъ или семействамъ на сумму	4,530 р. — к.
Въ видѣ пособій на воспитаніе 34 лицъ или семействъ	3,207 „ 50 „
Въ видѣ единовременныхъ пособій 90 лицамъ	9,676 „ 50 „
Всего 144 лицамъ или семействамъ	17,414 р. — к.

Независимо оттого выдано въ ссуду 7 лицамъ 1,300 р.

Такимъ образомъ, въ теченіи 1873 г., всего пособій назначено 151 лицу, на сумму 18,714 р.

Б. Неденежныя пособія.

1) Комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями повременныхъ изданій и издателями объ удовлетвореніи предъявленныхъ къ нимъ нѣкоторыми писателями претензій. 2) При содѣйствіи В. П. Гаевского, комитетъ помогъ одному писателю окончить миролюбно дѣло его съ кредиторами. 3) По полученіи извѣстія о ходатайствѣ одного университета о назначеніи матери покойнаго профессора пенсіи изъ суммъ государственнаго казначейства, комитетъ обращался къ И. Д. Делянову съ просьбою о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ, а затѣмъ, когда ходатайство университета осталось безъ послѣдствій и было представлено о назначеніи пенсіи изъ суммъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ, комитетъ Общества просилъ объ удовлетвореніи этого ходатайства. Отвѣтъ на это отношеніе еще не полученъ. 4) Въ прошломъ году комитетъ хлопоталъ о назначеніи вдовѣ писателя пенсіи изъ суммъ комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Хлопоты эти, при благосклонномъ содѣйствіи К. К. Ренненкампа, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. 5) По просьбѣ комитета, обращенной къ члену Общества М. С. Сушинскому, сынъ покойнаго писателя опредѣленъ, на бесплатное содержаніе, въ одно изъ училищъ Человѣколюбиваго Общества. 6) Одному писателю выданъ былъ билетъ на бесплатное пользованіе въ лечебницѣ члена Общества Симонова. 7) Комитетъ заботился о доставленіи мѣста вдовѣ писателя и сообщилъ ей необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. 8) По просьбѣ писателя, В. А. Манассеинъ былъ приглашенъ оказать просителю медицинскую помощь. 9) Комитетъ ходатайствовалъ объ освобожденіи питомицы Общества отъ уплаты за слушаніе лекцій на женскихъ курсахъ при Медико-Хирургической Академіи, но ходатайство это не было удовлетворено. 10) По заявленію П. Е. Басистова о стѣсненномъ положеніи одного писателя, вслѣдствіе неназначенія ему пенсіи, комитетъ просилъ И. Д. Делянова оказать содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. И. Д. Деляновъ принялъ эту просьбу съ обычнымъ радушіемъ и сдѣлалъ распоряженіе о скорѣйшемъ представленіи документовъ, необходимыхъ для назначенія означенному писателю пенсіи. 11) По просьбѣ писателя о доставленіи ему работы, комитетъ, съ согласія В. Ө. Корша, рекомендовалъ просителю обратиться въ редакцію „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, гдѣ онъ и получилъ занятія. 12) Вдова писателя, оставленная за штатомъ въ Главномъ Обществѣ желѣзныхъ дорогъ, просила о доставленіи ей мѣста въ томъ же обществѣ. Просьба эта была сообщена члену нашего Общества В. А. Половцову, который изъявилъ готовность содѣйствовать удовлетворенію просьбы. 13) По просьбѣ вдовы другого писателя, комитетъ принялъ мѣры къ предоставленію ей мѣста. 14) Присланную однимъ просителемъ статью комитетъ предлагалъ редакціямъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Вѣстника Европы“; но онѣ отказались помѣстить ее въ своихъ изданіяхъ.

Отклонено 57 просьбъ 51 просителя.

Разрѣшеніе двухъ просьбъ отложено впредь до подтвержденія правъ просителей на пособіе изъ суммъ литературнаго фонда.

Семь прошеній остались къ концу года неразрѣшенными, за неполученіемъ нужныхъ свѣдѣній.

В. Прочія занятія Комитета.

Усмотрѣвъ изъ вѣдомости о положеніи и успѣхахъ въ наукахъ воспитанницы Общества, что ею было пропущено значительное число уроковъ, комитетъ поручилъ секретарю собрать свѣдѣнія по этому предмету. По объясненію отца воспитанницы, она не могла ходить въ классы какъ по болѣзни, такъ и по неимѣнію необходимой одежды.

Вслѣдствіе заявленія душеприкащицы покойнаго Василевскаго, пожертвованный имъ капиталъ положено считать неприкосновеннымъ, съ присвоеніемъ ему имени покойнаго, и обращать на пособія лишь проценты съ него. Точно также поступлено и съ капиталомъ, пожертвованнымъ семействомъ Б. И. Утина.

Въ видахъ наблюденія за питомцами общества, подтверждено казначею о собираніи, при выдачѣ денегъ, отъ родителей и опекуновъ питомцевъ свѣдѣній о мѣстѣ ихъ жительства и воспитанія, и, кромѣ того, поручено П. Е. Басистову, В. П. Гаевскому и секретарю собирать свѣдѣнія о четырехъ питомцахъ.

По предложенію П. Е. Басистова и съ согласія И. Г. Соловьева, въ книжномъ магазинѣ послѣдняго въ Москвѣ заведена книжка для записыванія членскихъ взносовъ и пожертвованій.

Комитетъ принялъ съ благодарностью предложеніе редакцій: 1) „Донской Газеты“ объ открытіи въ этой газетѣ постоянной подписки въ пользу нуждающихся литераторовъ и ученыхъ и 2) газеты „Недѣля“ о печатаніи отчетовъ Общества въ этомъ изданіи.

Согласно замѣчанію ревизіонной комиссіи, комитетъ образовалъ особую комиссію изъ М. М. Стасюлевича, К. К. Арсеньева и М. Е. Салтыкова для обсужденія вопроса объ устройствѣ чтеній въ общихъ собраніяхъ Общества. Затѣмъ, по выслушаніи предположеній комиссіи, комитетъ пригласилъ К. Д. Кавелина, В. П. Гаевского и О. Θ. Миллера принять участіе въ устройствѣ чтеній, и въ общемъ собраніи членовъ Общества 22-го апрѣля представилъ свой докладъ по этому предмету, который и былъ утвержденъ собраніемъ. Въ собраніи же 28-го октября, при содѣйствіи М. М. Стасюлевича и О. Θ. Миллера, было устроено первое чтеніе изъ труда П. В. Анненкова, которое вполне оправдало ожиданія ревизіонной комиссіи и комитета, а именно, предположенная цѣль — оживить собраніе привлеченіемъ въ оное большаго числа членовъ, — была достигнута: въ собраніи присутствовало 38 членовъ.

Вслѣдствіе заявленія двухъ членовъ Общества, собирались свѣдѣнія объ имуществѣ стипендіата Е. П. Ковалевскаго и оказалось, что стипендіатъ этотъ никакимъ имуществомъ не обладаетъ, и что находящійся въ Харьковѣ домъ принадлежитъ не ему, а его однофамильцамъ.

По указанію М. В. Авдѣева о затруднительности устраивать публичныя въ пользу Общества чтенія въ провинціи, комитетъ входилъ къ министру народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о допущеніи облегчительныхъ въ этомъ отношеніи правилъ. По всеподданнѣйшему докладу г. министра, ходатайство это удовлетворено.

Въ видахъ распространенія въ публикѣ свѣдѣній о нашемъ Обществѣ, въ нѣкоторые книжные магазины сдано нѣсколько экземпляровъ устава и отчетовъ Общества.

Хранившіяся въ частномъ коммерческомъ банкѣ суммы Общества комитетъ призналъ болѣе полезнымъ положить на текущій счетъ въ Учетный и Ссудный Банкъ.

Во исполненіе постановленія общаго собранія, комитетъ обсуждалъ вопросъ объ употребленіи процентовъ съ той части капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго, которая превышаетъ сумму, необходимую на выдачу учрежденной уже стипендіи, и остановился на мысли образовать вторую стипендію въ 150 руб. на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на которыхъ учреждена первая стипендія. Предположеніе это будетъ представлено сегодня на ваше, мм. гг., обсужденіе.

Вслѣдствіе отношенія правленія вспомогаельнаго Общества купеческихъ прикащиковъ въ Москвѣ, препровождены въ оное уставъ и отчетъ Общества за 1872 годъ.

По поводу замѣчанія О. Ѳ. Миллера о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ вольнослушателей С.-Петербургскаго университета, комитетъ призналъ полезнымъ распространить на этихъ вольнослушателей правила о стипендіатахъ Общества, и положилъ передать это предположеніе на обсужденіе общаго собранія членовъ Общества.

Наконецъ, благодаря неутомимому усердію В. П. Гаевского и любезному содѣйствію Е. А. Лавровской, А. Н. Есиповой, Э. Ф. Направника, И. А. Мельникова и г. Л. Ауэра, 29-го марта 1873 г. былъ устроенъ концертъ, выручка отъ котораго дала возможность покрыть значительныя въ отчетномъ году расходы на пособія.

Г. Пожертвованія въ пользу общества.

1) Денежныя:

	Рубл.	Коп.
Государя Императора	1,000	»
Государыни Императрицы	300	»
Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Іосифовны	100	»
Министерства народнаго просвѣщенія	1,000	»
Н. Н. Герарда	10	»
М. Н. Анненкова	139	»
По завѣщанію Н. Н. Лобанова	200	»
Р. В. Авдѣева	11	»
Г. Г. Даниловича	50	»
А. Н. Стоянова	100	»
А. А. Краевского на воспитаніе сына одного писателя	600	»
В. Н. Назарѣва	100	»

	Рубл.	Коп.
Изъ наслѣдства покойнаго Б. И. Утина . . .	1,000	„
Неизвѣстныхъ	440	„
Процентныя деньги отъ редакцій за 1872 годъ:		
„С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“	100	„
„Отечественныхъ Записокъ“	61	66

2) НЕДЕНЕЖНЫЯ ПОЖЕРТВОВАНІЯ:

Е. А. Лавровская, А. Н. Есипова, Э. Ф. Направникъ, И. А. Мельниковъ и г. Ауэръ приняли безвозмездное участіе въ концертѣ, данномъ 29-го марта въ пользу Общества. Магазины Бесселя, Битнера, Югансена, Базунова и Черкесова продавали безвозмездно билеты на этотъ концертъ.

Типографіи В. П. Безобразова и комп. и М. М. Стасюлевича безвозмездно печатали избирательныя бланки и, кромѣ того, первая и отчетъ Общества за 1872 г. по уменьшенной цѣнѣ.

Докторъ Н. И. Аванасьевъ пожертвовалъ пять билетовъ на бесплатное пользованіе въ его водолечебницѣ лицъ, обращающихся къ Обществу за помощью.

Магазинъ А. Ѳ. Базунова, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, принималъ взносы членовъ Общества и пожертвованія.

Изъ отчета казначея, между прочимъ, видно, что къ 1-му января 1873 года, въ кассѣ было 57,936 р. 50 коп.; поступило 18,735 руб. 73 коп.; израсходовано 18,599 р. 95 к. Къ 1-му января 1874 года въ кассѣ 58,072 р. 28 к., въ томъ числѣ непривосновенные капиталы: Б. И. Утина 1,000 руб. и Н. М. Василевскаго 300 р. Кромѣ того, капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго 8,135 р. 43 к.

По выслушаніи отчетовъ секретаря и казначея, былъ прочитанъ слѣдующій журналъ ревизіонной комиссіи:

„Ознакомившись во всей подробности съ дѣятельностью комитета Общества въ теченіе прошедшаго 1873 г., какъ по представленнымъ секретаремъ и казначеемъ отчетамъ, такъ и по подлиннымъ дѣламъ и журналамъ о постановленіяхъ комитета, и сдѣлавъ провѣрку всѣхъ денежныхъ счетовъ и суммъ, комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

І. *По личному составу Общества.* При сравнительномъ разсмотрѣніи отчетовъ секретаря и казначея и списка членовъ Общества, напечатаннаго при послѣднемъ его отчетѣ, оказывается въ показаніи количества наличныхъ членовъ нѣкоторая разница, а именно: по отчету секретаря къ 1-му января 1874 года должно числиться въ спискѣ 446 членовъ, тогда какъ по провѣркѣ съ документами ихъ оказывается всего 438. Равнымъ образомъ замѣчается между отчетомъ казначея и подлинными документами нѣкоторая разность въ исчисленіи количества сдѣланныхъ членами взносовъ. Разность эта ка-

сается не общей суммы, которая здѣсь и тамъ одинакова, а лишь распредѣленія поступленій по ихъ источникамъ.

Подробныя указанія по общимъ предметамъ уже сообщены комитету въ особой запискѣ. Между тѣмъ, въ виду упомянутыхъ частныхъ неточностей, не имѣющихъ, впрочемъ, ни малѣйшаго вліянія на общій характеръ отчетности, было бы, по мнѣнію комиссіи, весьма полезно, если бы комитетъ Общества принялъ къ руководству какія-либо постоянныя правила какъ относительно составленія списка членовъ, такъ и для болѣе точнаго опредѣленія различныхъ видовъ дѣлаемыхъ ими взносовъ и способа ихъ исчисленія.

II. Относительно *занятій членовъ Общества* комиссія удостовѣрилась, что въ минувшемъ году, какъ и въ предшествующіе, особенною дѣятельностію и энергіей на пользу Общества отличались члены комитета и между ними преимущественно секретарь Общества Г. К. Рѣпинскій, и казначей В. И. Вешняковъ. Независимо отъ отправлений прямыхъ обязанностей, первый изъ нихъ собиралъ справки и свѣдѣнія 16 разъ, болѣе чѣмъ кто-либо изъ членовъ Общества, второй—пять разъ. Затѣмъ 17 членовъ Общества, не принадлежавшіе къ составу комитета, помогали ему исполненіемъ различныхъ его порученій въ 24 случаяхъ.

Согласно съ рѣшеніемъ прошлаго года, комитетомъ составлены и Обществомъ одобрены правила чтеній въ общихъ собраніяхъ. Первое такое чтеніе происходило 28-го октября 1873 г. и было принято съ большимъ сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, въ слѣдующемъ затѣмъ собраніи оно не повторялось, и потому въ настоящее время нельзя еще дѣлать заключеній о пользѣ, какую можно ожидать отъ этой мѣры для Общества и оживленія его общихъ собраній. Комиссія позволяетъ себѣ выразить желаніе и надежду, что въ наступающемъ году комитетъ, со всегдашней своей энергіей и заботливостію, сдѣлаетъ все возможное, чтобы чтенія происходили въ каждомъ общемъ собраніи.

III. Въ ряду *занятій комитета* первое мѣсто занимаетъ производство денежныхъ пособій. Въ теченіе 1873 г. ихъ было выдано: а) въ видѣ пенсій 20 семействамъ 4,530 р.; б) на воспитаніе 31 лица 2,907 р. 50 к.; в) въ видѣ продолжительнаго пособія 1 лицу 100 р., и г) единовременныхъ вспомоствованій 97 лицамъ 9,676 р. 50 к.; всего 149 лицамъ или семействамъ 17,214 р. Сверхъ того, 7 лицамъ выдано въ ссуду 1,300 р. Изъ нихъ одна ссуда, въ 200 р., осталась невнесенною къ 1-му января 1874 г., какъ того требуютъ правила. Распоряженія комитета по выдачѣ пособій оказались при разсмотрѣніи правильными.

Съ самаго основанія Общества, комитетъ постоянно руководился мыслию, указанной уставомъ, — по возможности расширять какъ число, такъ въ особенности размѣры денежныхъ пособій, такъ какъ только этимъ достигается дѣйствительное удовлетвореніе нуждъ писателей и ихъ семействъ. Ревизіонная комиссія, относясь съ полнымъ и живымъ сочувствіемъ къ такому направленію дѣятельности комитета, не могла, однако, не остановиться на слѣдующихъ соображеніяхъ:

Въ минувшемъ 1873 г., по сравненію съ предшествующимъ го-

домъ, денежныхъ пособій выдано болѣе на 5,470 рублей 36 коп., а по сравненіи съ 1871 годомъ болѣе на 6,143 р. 81 коп. Между тѣмъ доходъ въ 1872 г. былъ менѣе, чѣмъ въ 1873 г., только на 948 р. 37 к., а въ 1871 г. лишь на 3,750 р. 90 к. ¹⁾ Если взять въ расчетъ, что въ числѣ дохода за 1873 г. значатся: капиталъ, пожертвованный семействомъ гг. Утиныхъ въ 1,000 р., признанный постановленіемъ комитета 29-го января 1873 г. неприкосновеннымъ, и капиталъ въ 200 р., завѣщанный Обществу Н. Н. Лобановымъ, то окажется, что сумма доходовъ въ 1873 г. составляла всего 16,365 р. и слѣдовательно расходъ превышалъ доходъ на 864 р. 22 коп. Необходимо также имѣть въ виду, что сверхъ упомянутыхъ пожертвованій значительному увеличенію поступленій въ кассу Общества въ 1873 г. существенно содѣйствовалъ концертъ, данный въ пользу литературнаго фонда и принесшій ему 3,435 р., которые не принадлежатъ къ числу постоянныхъ ежегодныхъ доходовъ Общества. Въ то же время обязательныя ежегодныя издержки его на выдачу пенсій и на воспитаніе простираются, какъ показано выше, до 7,730 р. Вслѣдствіе того въ ревизіонной комиссіи былъ возбужденъ вопросъ: не было ли своевременно и полезно въ настоящее время, когда дѣятельность Общества получаетъ съ каждымъ годомъ большее и большее развитіе, положить прочное основаніе правильному образованію и постепенному увеличенію неприкосновеннаго литературнаго фонда, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи процентами съ него могли покрываться обязательныя расходы Общества, а затѣмъ какъ излишекъ процентовъ, такъ и поступления, подлежащія зачисленію въ неприкосновенный капиталъ, могли быть обращаемы на единовременныя пособія и другіе расходы по постановленіямъ комитета. Не предпрѣлая этого вопроса, требующаго подробнаго обсужденія, ревизіонная комиссія имѣетъ честь представить его на одобреніе Общества. Еслибъ своевременность и польза возбужденія этого вопроса были признаны собраніемъ, то комиссія полагала бы возложить на комитетъ подробно обсудить это дѣло и предположенія свои внести на разсмотрѣніе ближайшаго общаго собранія.

Доводя до свѣдѣнія общаго собранія о предметахъ дѣятельности комитета, требующихъ, по ея мнѣнію, ближайшаго обсужденія, ревизіонная комиссія считаетъ необходимымъ пояснить, что все вышесказанное ею приведено съ единственною цѣлію явиться на помощь трудамъ комитета, трудамъ обременительнымъ и почтеннымъ, которые не только не ослабѣваютъ, но, напротивъ, возрастаютъ съ каждымъ годомъ. Комитетъ представляетъ Обществу осязательное свидѣтельство неуспынной и энергической дѣятельности нашихъ членовъ, великодушно и безвозмездно жертвующихъ своими занятіями и временемъ на пользу Общества. Самая строгая ревизіонная

¹⁾ Приходъ и расходъ Общества за послѣдніе три года представляютъ слѣдующія цифры:

Годы.	Приходъ.	Расходъ.
1871	12,614 р. 88 к.	11,086 р. 14 к.
1872	15,423 " 30 "	11,812 " 59 "
1873	17,565 " 73 "	17,229 " 95 "

комиссія, которая задалась бы мыслию открыть въ дѣйствіяхъ комитета существенные недостатки, не могла бы дать другого отзыва. Поэтому комиссія приглашаетъ Общество, всѣмъ своимъ составомъ, заявить членамъ комитета полную и глубокую признательность за труды, понесенные ими въ теченіе 1873 г., въ особенности же секретарю Общества Г. К. Рѣпинскому и казначею В. И. Вешнякову, которые, сверхъ прямыхъ своихъ занятій, весьма сложныхъ и многочисленныхъ при настоящемъ расширеніи дѣятельности Общества, исполняли еще и различныя порученія комитета, не входившія въ кругъ ихъ обязанностей по должности.

Заносъ въ лѣтопись Общества имена достойнѣйшихъ его дѣятелей за минувшій годъ, ревизіонная комиссія, по примѣру своихъ предшественницъ, передаетъ на всегдашнюю благодарную память будущему тѣхъ, кто вносилъ въ дѣла Общества свое сердце и свой трудъ и тѣмъ существенно содѣйствовалъ его постепенному возрастанію и развитію.

По этому журналу ревизіонной комиссіи Комитетъ Общества заявилъ общему собранію, что благодаря искренно комиссію за сдѣланныя ею указанія по предмету веденія списка членовъ Общества и опредѣленія различныхъ видовъ дѣлаемыхъ членами взносовъ, комитетъ не преминетъ войти въ обсужденіе какъ прежняго въ этомъ отношеніи порядка, такъ и тѣхъ улучшеній, которыя могли бы быть въ немъ сдѣланы.

Точно также комитетъ приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ тому, чтобъ въ каждомъ общемъ собраніи происходили чтенія; но онъ не можетъ принять на себя ручательства въ томъ, что его хлопоты въ этомъ отношеніи увѣнчаются успѣхомъ. Устройство чтеній преимущественно зависитъ отъ такихъ данныхъ, которыми комитетъ не всегда можетъ располагать, и потому легко можетъ случиться, — какъ это и было передъ послѣднимъ общимъ собраніемъ, — что предложенія его объ устройствѣ чтенія не оправдаются по совершенно независящимъ отъ него причинамъ.

Упомянутая въ журналѣ ревизіонной комиссіи ссуда 200 р. не была внесена въ кассу Общества къ 1-му января текущаго года вслѣдствіе того, что между поручившимися въ вѣрности возвращенія ея къ 31-му декабря возникъ вопросъ о размѣрѣ подлежащаго съ каждого изъ нихъ взноса. Въ настоящее время означенная сумма уже уплачена вполнѣ.

Наконецъ, принимая съ полнымъ сочувствіемъ замѣчаніе ревизіонной комиссіи о необходимости положить прочное основаніе правильному образованію и постоянному увеличенію неприкосновеннаго литературнаго фонда, комитетъ сочтетъ своею обязанностью тщательно обсудить этотъ вопросъ и затѣмъ предположенія свои по этому предмету представить на ваше, мм. гг., усмотрѣніе въ одно изъ ближайшихъ общихъ собраній.

Въ заключеніе были произведены выборы въ члены комитета, причемъ, по большинству голосовъ, признаны избранными: В. П. Гаевскій, П. А. Ефремовъ, К. Д. Кавелинъ и Н. А. Некрасовъ.

НВ. Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя предсѣдателя, А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (*Васильевскій Ост., 8-я линія, 39*), или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: *Въ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ*. Неточный адресъ не однажды былъ причиною крайне медленнаго доставленія пакетовъ.

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій—продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ—производится, по опредѣленіямъ комитета, казначеемъ Общества, П. А. Ефремовымъ (*Басковъ переулокъ, 5*) со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія Обществу и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ многороднымъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо оттого, годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, по Невскому проспекту, близъ Казанскаго моста, а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева. Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, комитетъ покорнѣе проситъ членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особую, заведенную для того въ магазинахъ А. Θ. Базунова и И. Г. Соловьева, книжку.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи и жертвователей, будутъ, по прежнему, публикуются въ газетахъ, въ извлеченіяхъ изъ журналовъ комитета.

II. Отчетъ Саратовскаго Общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, за 1873 годъ.

Уставъ Общества утвержденъ 13-го августа 1873 г. господиномъ управлявшимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а самое Общество открыло свои дѣйствія, на основаніи постановленія чрезвычайнаго общаго собранія, 11-го октября того же 1873 года.

Въ 1873 году въ Обществѣ состояло 196 членовъ, въ томъ числѣ 1 почетный—саратовскій губернаторъ, 8 дѣйствительныхъ пожизненныхъ, сдѣлавшихъ единовременный взносъ въ размѣръ не менѣе 100 руб., и 187 дѣйствительныхъ, годовой взносъ которыхъ простирался отъ 5 до 50 руб. При открытіи Общества, всѣхъ членовъ числилось 137. На 1874 годъ возобновили взносы 62, вновь записалось 32; такимъ образомъ съ почетнымъ и пожизненными членами, въ настоящее время, состоитъ въ Обществѣ 104 члена.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 4 общихъ собранія: одно чрезвычайное, 11-го октября 1873 г., при 48-ми членахъ, и три очередныхъ: 25-го октября при 39-ти членахъ, 22-го ноября при 34-хъ членахъ и 3-го января 1874 г. при 23-хъ членахъ. Для управленія дѣлами Общества, въ первомъ чрезвычайномъ собраніи, согласно § 19 устава, избраны въ члены совѣта: Н. П. Щепкинъ, С. А. Мордвиновъ, Н. М. Шатиловъ, П. А. Романовъ и Г. Г. Борщовъ, а въ кандидаты къ нимъ: В. А. Скрипицынъ, В. И. Виддиновъ, Ю. М. Мосоловъ, Н. А. Бундасъ и М. А. Лакомте. При избраніи означенныхъ членовъ совѣта, собраніе постановило считать совѣтъ до 12-го января 1874 г. временнымъ, въ виду указаній § 16 устава, на осно-

ваніи котораго избраніе членовъ совѣта отнесено къ предметамъ занятій годового общаго собранія.

Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Н. П. Щепкина, при секретарѣ Н. М. Шатиловѣ, имѣлъ 7 засѣданій, въ которыхъ, вмѣсто П. А. Романова, присутствовалъ В. А. Скрипицынъ, а на одно засѣданіе, вмѣсто послѣдняго, приглашенъ былъ В. И. Виддиновъ. Обязанность казначея членами совѣта возложена была на предсѣдателя Н. П. Щепкина.

Денежныя средства общества въ отчетномъ году заключались:

1) въ членскихъ взносахъ:	
а) на 1873 г.	2727 р. 50 к.
б) на 1874 г.	779 „ 70 „
	<hr/> 3507 р. 20 к.
2) въ сборѣ съ годовщины московскаго университета.	115 р. 52 к.
3) въ сборѣ съ спектаклей, концертовъ и вечеровъ	716 „ 76 „
4) въ процентахъ съ капитала	55 „ 62 „
5) въ разныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ	383 „ 60 „
	<hr/> Итого 4778 р. 70 к.

Значительные членскіе взносы поступили: отъ В. А. Кокорева—500 руб., отъ С. П. и Н. Д. Давыдовыхъ, А. С. и В. А. Скрипицыныхъ, М. Я. и П. А. Романовыхъ и А. Д. Иванова, всего отъ 7-ми лицъ—774 руб. и отъ Д. С. Парусинова—100 руб. Посему означенные 9 человекъ, согласно § 8 устава, зачислены въ пожизненные дѣйствительные члены, а полученная отъ нихъ сумма 1374 руб., на основаніи примѣчанія къ тому же §, причислена къ денежному фонду Общества.

Въ теченіе года дано было любителями два спектакля, концертъ и литературно-музыкальный вечеръ, сборы съ которыхъ доставлены въ Общество: В. А. Скрипицынымъ съ одного спектакля—95 руб. и съ литературно-музыкальнаго вечера—118 р. 52 коп., П. А. Романовымъ со втораго спектакля—161 руб. и Н. П. Трироговою и П. А. Романовымъ съ концерта—342 руб. 24 коп.

Въ числѣ денежныхъ пожертвованій числится 294 руб., доставленныхъ отъ общества любителей драматическаго искусства.

Изъ поступившей, по 12-е января 1874 года, суммы въ количествѣ 4778 руб. 70 коп., согласно постановленіямъ общихъ собраній, отчислено:

1) на выдачу разрѣшенныхъ пособій:	
въ 1873 году	410 р. — к.
въ 1874 году	1525 „ — „
2) на экстренныя выдачи въ случаяхъ, указанныхъ 6 п. § 24 устава	200 „ — „
3) на текущіе мелочныя расходы совѣта.	78 „ 40 „
	<hr/> Итого. . . 2213 р. 40 к.

Изъ открытаго по приведеннымъ подраздѣленіямъ кредита, совѣтомъ по 12-е января 1874 года израсходовано:

1) на выдачу стипендій	530 р. — к.
2) „ плату за право слушанія лекцій	150 „ — „
3) „ единовременныя пособія	315 „ — „
4) „ путевыя издержки	25 „ — „
5) „ форменную одежду	25 „ — „
6) „ напечатаніе устава	14 „ — „
7) „ заготовленіе членскихъ билетовъ	11 „ 50 „
8) „ почтовые расходы	14 „ 43 „
9) „ типографскіе расходы	50 „ 40 „
Итого	1135 р. 33 к.

Затѣмъ, къ 12-му января 1874 года въ распоряженіи совѣта состоитъ:

1) по статьѣ на выдачу въ 1874 г. разрѣшенныхъ Обществомъ по 1-е іюня стипендій	940 р. — к.
2) по статьѣ на экстренныя надобности	138 „ 7 „
Итого	1078 р. 7 к.

Изъ кредита въ 200 руб., открытаго совѣту для производства выдачъ въ случаяхъ, указанныхъ въ 6 п. § 24 устава, совѣтомъ отпущено было только 50 руб., и отпускъ этотъ утвержденъ постановленіемъ собранія 25-го октября 1873 г.; посему къ 12-му января 1874 года по этой статьѣ должно бы оставаться 150 р., а не 138 р. 7 к., какъ показано выше. Допущенная передержка въ 11 р. 93 к. произошла отъ перенесенія этой суммы на означенный кредитъ по недостатку кредита, открытаго на мелочные расходы.

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что въ отчетномъ году всѣхъ суммъ поступило 4778 р. 70 к.

Изъ того числа израсходовано 1135 „ 33 „

Затѣмъ, къ 12-му января 1874 г. остается. 3643 „ 37 „

Въ томъ числѣ:

1) на текущемъ счету Саратовскаго Общества Взаимнаго Кредита	3550 р. — к.
2) членскій взносъ въ означенное Общество.	20 „ — „
3) наличными деньгами.	73 „ 37 „

Изъ остающейся ко 2-му году существованія Общества суммы:

1) числится въ денежномъ фондѣ	1374 р.
2) находится въ Обществѣ Взаимнаго Кредита	20 „
3) отчислено въ распоряженіе совѣта для разрѣшенныхъ на 1874 г. стипендій	940 „
	2334 р.

Затѣмъ остается свободнаго капитала 1309 р. 37 к.

Всѣхъ лицъ, воспользовавшихся отъ Общества пособіемъ, было 22 человѣка, изъ которыхъ 21 находились въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и 1 въ среднемъ.

Изъ означенныхъ лицъ двѣнадцати назначены стипендіи по 1-е іюня 1874 года: одной слушательницѣ женскихъ курсовъ по 25 руб. въ мѣсяцъ, 9-ти лицамъ по 20 руб., 2-мъ, въ томъ числѣ и гимна-

зисту, по 15 р., 5-ти лицамъ выдана плата за право слушанія лекцій, 10-ти выдано единовременное пособіе,—одному на путевыя издержки отъ Саратова до Петербурга и другому отпущено на приобретение форменной одежды. Означенные молодые люди, до поступления въ высшія учебныя заведенія, воспитывались: въ Саратовской мужской гимназіи 13 человекъ, въ Саратовской женской гимназіи 1, въ Саратовскомъ маринскомъ институтѣ 1, въ Саратовской духовной семинаріи 5, Войска Донского въ Усть-Медвѣднцкой гимназіи 1. Послѣдній хотя и воспитывался въ Саратова, но по происхожденію принадлежитъ къ государственнымъ крестьянамъ Саратовской губерніи.

III. Отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ Общества вспоможенія студентамъ с.-петербургскаго университета.

4-го ноября 1873 года уставъ Общества утвержденъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. 14-го ноября состоялось первое общее собраніе членовъ-учредителей, посвященное избранію предсѣдателя и членовъ Комитета. Большинствомъ голосовъ избраны слѣдующія лица: предсѣдателемъ Общества и Комитета—членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ А. Ст. Вороновъ; и членами Комитета: изъ преподавателей университета: А. Н. Бекетовъ, А. Д. Градовскій, О. Θ. Миллеръ и Н. Ст. Таганцевъ; изъ числа другихъ членовъ Общества: присяжный повѣренный В. Э. Краузолъдъ и кандидаты слб. университета: В. И. Базилевскій, И. И. Боргманъ, М. А. Веневитиновъ, В. И. Семевскій и С. Е. Шевичъ. Сверхъ того, на основаніи устава, непремѣннымъ членомъ Комитета состоитъ ректоръ с.-петербургскаго университета, П. Г. Рѣдвинъ. Затѣмъ, по заявленіи В. Э. Краузолъда о невозможности принять должность, на которую онъ былъ избранъ, былъ выбранъ вмѣсто него, на второмъ общемъ собраніи, происходившемъ 23-го декабря—кандидатъ слб. университета, Н. Д. Сергѣевскій.

Общее число членовъ Общества, не превышавшее въ началѣ 100 человекъ, возросло въ настоящее время до 304 человекъ. Конечно, и эта цифра далеко еще не соответствуетъ важности задачи Общества и тому сочувствію, на которое оно вправѣ разсчитывать со стороны всѣхъ, кому дороги интересы высшаго образованія въ Россіи и судьба учащейся молодежи.

Въ виду недавняго существованія Общества и ограниченности его средствъ, комитетъ не могъ еще приступить къ выполненію всѣхъ тѣхъ задачъ, которыя по уставу входятъ въ кругъ дѣйствій общества. Пришлось пока ограничиться почти исключительно выдачею ссудъ нуждающимся студентамъ. Въ этомъ отношеніи средства общества выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ: *Приходъ* по 1-е февраля настоящаго года—6423 р. 35 к. Изъ нихъ поступило: членскихъ взносов—2,175 руб.¹⁾, пожертвованій: 4,131 р. 35 к. (въ томъ числѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія 1,000 р. отъ неизвѣстнаго

¹⁾ Изъ 304 членовъ уплатили годичный взносъ 218 человекъ; отъ 86-ти членовъ взноса еще не поступало.

1,000 р. и отъ литературнаго фонда 250 р.); въ возвратъ выданныхъ студентамъ краткосрочныхъ ссудъ—117 руб. *Расходъ*: выдано ссудъ 217 студентамъ на сумму 5,050 руб. Изъ нихъ приходится: на юридическій факультетъ—2,046 руб., на физико-математическій—1,911 р., на историко-филологическій—602 руб. и на факультетъ восточныхъ языковъ 390 руб. Средній размѣръ ссуды на одного студента—23 р. 59 к. Наибольшая сумма, выдаваемая одному лицу, доходила до 60 руб., низшая, согласно желанію нѣкоторыхъ гг. студентовъ—до 5 руб. Отказано въ просьбѣ о ссудѣ 17-ти лицамъ, вслѣдствіе полученныхъ о нихъ справокъ и въ виду необходимости, особенно на первое время, ограничивать выдачу ссудъ лишь студентамъ, нуждающимся въ самой безотлагательной помощи.

Такимъ образомъ, общая сумма прихода: 6,423 р. 35 к.

Расходъ 5,050 " — "

Остатокъ. 1,373 р. 35 к.

Не выдано по ассигновкамъ на февраль

и мартъ 74 " 50 "

Итого въ кассѣ 1,447 р. 85 к.

Сумма эта, безъ всякаго сомнѣнія, не соразмѣрна съ дѣйствительно существующей потребностью и Комитетъ, съ своей стороны, приметъ всѣ, предоставленныя ему уставомъ, мѣры къ увеличенію средствъ Общества. Но мѣры эти могутъ быть успѣшны только въ такомъ случаѣ, если на помощь Комитету придутъ всѣ члены нашего общества, и въ особенности бывшіе студенты университета, знающіе сами, или видѣвшіе вблизи ту грустную и подавляющую обстановку, среди которой проходитъ жизнь большинства нашей университетской молодежи. Лишь такая живая связь между Комитетомъ и всѣми тѣми, кто неравнодушно относится къ наиболѣе неотложной потребности всего русскаго общества,—къ развитію образованія во всѣхъ его слояхъ,—можетъ обезпечить достиженіе той цѣли, къ которой должно стремиться наше Общество.

Что касается другихъ задачъ, возложенныхъ на Общество § 2 его устава, то Комитетъ нашелъ возможнымъ лишь приступить къ доставленію занятій нуждающимся студентамъ, а также къ нѣкоторой организаціи медицинской помощи, благодаря содѣйствію, которое встрѣтило Общество со стороны нѣкоторыхъ медицинскихъ учреждений въ С.-Петербургѣ. Доставка занятій студентамъ организовано, въ видѣ временной мѣры, слѣдующимъ образомъ: студенты, желающіе получить уроки или занятія, обращаются съ заявленіями о томъ въ Комитетъ, который всѣ подобныя заявленія, вмѣстѣ съ собранными по нимъ свѣдѣніями и справками, передаетъ предсѣдателю Общества, А. С. Воронову. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было въ газетѣ отъ имени Комитета, что лица, имѣющія надобность въ студентахъ-преподавателяхъ, могутъ обращаться за рекомендаціею таковыхъ къ А. С. Воронову (на углу Кабинетской и Ивановской, д. Гуро), который распредѣляетъ предложенные такимъ образомъ уроки между студентами, обратившимися въ Комитетъ. Такимъ путемъ доставлены по настоящее время занятія 7-ми студентамъ.

Въ отношеніи медицинской помощи недостаточнымъ студентамъ, Комитетъ встрѣтилъ самое живое и дѣятельное сочувствіе со сто-

роны нѣкоторыхъ гг. врачей и содержателей аптекъ въ С.-Петербургѣ. Содержатели семи аптекъ: гг. А. Боргманъ, Г. Гаудереръ, В. Цель, А. Шамбахеръ, Е. Шульцъ, М. Трофимовъ, Ф. Юрданъ, — выразили готовность отпускать бесплатно и по уменьшенной цѣнѣ медикаменты недостаточнымъ студентамъ; пневматическая лечебница д-ра Симонова передала въ распоряженіе Комитета 300 разовыхъ билетовъ на бесплатное леченіе сгущеннымъ воздухомъ, лечебница д-ровъ Билибина, Веймарна и Лесгафта предоставила 30-ти недостаточнымъ студентамъ право на ежедневное бесплатное пользованіе гидронатіей, электричествомъ и гимнастикой; наконецъ, доктора Эрихсенъ, Бари и Доббертъ выразили желаніе подавать бесплатно медицинскіе совѣты недостаточнымъ студентамъ. Студентовъ, желающихъ воспользоваться вышеозначенною медицинскою помощью, Комитетъ снабжаетъ особыми свидѣтельствами, выдаваемыми членомъ онаго, И. И. Боргманомъ. Такихъ свидѣтельствъ выдано въ настоящее время до 30-ти.

Отдавая отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ Общества, Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ принести глубокую благодарность, какъ вышепоименованнымъ лицамъ, такъ и вообще всѣмъ, кто на первыхъ же порахъ, своею дѣятельностью или пожертвованіями, оказалъ поддержку Комитету въ выполненіи трудной его задачи. Кромѣ крупныхъ денежныхъ пожертвованій, о которыхъ было сказано выше, Комитетъ получилъ заявленіе: отъ редакцій „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Вѣстника Европы“ — о готовности ихъ печатать безвозмездно протоколы и объявленія Общества и отъ типографіи М. М. Стасюлевича, съ предложеніемъ печатать бесплатно всѣ изданія и бумаги Общества, вслѣдствіе чего, въ настоящее время въ означенной типографіи уже отпечатано: 2,000 экземпляровъ устава общества, 200 бланковъ и 1,200 экземпляровъ циркуляра съ приглашеніемъ принимать участіе въ Обществѣ.

Еще разъ заявляя свою искреннюю признательность всѣмъ гг. жертвователямъ, Комитетъ позволяетъ себѣ надѣяться, что сочувствіе, оказанное ему на первыхъ же порахъ его дѣятельности, сохранится на будущее время, что оно исходитъ не изъ минутнаго увлеченія новымъ дѣломъ, а изъ твердаго сознанія необходимости и плодотворности той задачи, которую поставило себѣ наше Общество. Повторяемъ, только при такихъ условіяхъ возможно дальнѣйшее развитіе предпріятія, имѣющаго цѣлю поддерживать и ободрять людей, стремящихся къ знанію, въ ихъ борьбѣ съ лишеніями и нуждою.

— Деньги, 25 рублей, полученныя редакціей 24-го февраля отъ г. М. Рославца и собранныя 11-го февраля въ городѣ Кизлярѣ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи, переданы 25-го февраля г-жѣ предсѣдательницѣ бывшаго „С.-Петербургскаго Комитета для помощи голодающимъ Самарской губерніи“.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1874.

Книга третья.—Мартъ.

	стр.
Польская колонизация юго-западной Руси.—I-II.—П. А. КУЛИША.	5
Девятый валъ.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть третья и послѣдняя.—Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО	86
Совѣстный романъ литератора.—Lettres à une inconnue, par Pr. Mérimée.—А. Н.—А.	170
В. Г. Балинский. — Опытъ біографіи. — I. Дѣтство и юношескіе годы. А. Н. ПЫПИНА	205
Куй железо, пока горячо. — Новый англійскій романъ м-съ Бреддонъ. — XIII-XXI.—А. Э.	281
Хроника.—Наша неотвержденные долги.—И. И. Г. КАУФМАНА	295
Внутреннее Овозрѣніе.—Государственная роспись на 1874 г.—Отчетъ контро-ля за 1872 г.—Взглядъ на общее экономическое положеніе.—Вопросъ о бумажныхъ деньгахъ.—Металлическій фондъ.—Голодъ въ Самарской губерніи.—Выводы изъ фактовъ.—Облегченія обвиненнымъ въ государ-ственныхъ преступленіяхъ	884
Объясненіе, по поводу „Отвѣтовъ“ на вопросы объ операціяхъ Государственнаго Банка.—А. А. ГОЛОВАЧОВА	355
Иностранное Овозрѣніе.—Выборы въ германскій рейхстагъ.—Открытие сессіи.—Военный законъ.—Рѣчь Рихтера.—Рѣчь Мольтке.—Предложеніе Тейтша.—Выборы въ Великобританіи.—Пораженіе Гладстона.—Новое правительство въ Англіи.	877
Корреспонденція изъ Парижа.—Политическая невѣрица и литератур-ныя новости: романъ В. Гюго.—Н.	398
Психологическая критика. — Письма въ Редакцію по поводу „Замѣчаній“ и вопросовъ проф. Сѣменова.—I.—К. Д. КАВЕЛИНА	411
Некрологъ.—М. А. Максимовичъ.—Его литературное и общественное значеніе.—М. ДРАГОМАНОВЪ.	442
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II.—Уставъ Саратовскаго Общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію	454
Библиографическій Листокъ.	

Книга четвертая.—Апрѣль.

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНІЮ НАРОДОВЪ.—Часть вторая.—Новый міръ.—II.—1) Италія и Галлія до Каролинговъ.—С. М. СОЛОВЬЕВА .	457
Польская колонизація юго-западной Руси.—III.—Окончаніе.—П. А. КУЛИША .	483
Пушкинъ и Бавуринъ.—Разсказъ Петра Петровича Б.—ИВ. С. ТУРГЕНЕВА .	553
В. Г. Балинский.—Опытъ біографіи.—Университетская жизнь.—П.—А. Н. ПИПИНА .	
Земщи.—Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.—В. А. КРЫЛОВА .	630
Изъ моей записной книги.—На югъ Италіи.—ФР. ШПИЛЬГАГЕНА .	760
Еврейская мелодія.—Изъ Байрона.—КОНСТ. ИВАНОВА .	772
Воспитаніе съ естественно-научной точки зрѣнія.—Висбаденскій съѣздъ естествоиспытателей и врачей въ сентябрѣ 1873 года.—С. П. ЛОВЦОВА .	773
Внутреннее Овозраженіе.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1872 г.—Духовно-учебныя заведенія.—Отношенія къ расколу.—Узаконеніе раскольничьихъ браковъ.—Вопросъ о свѣтскихъ метрикахъ.—Безпорядки въ Холмской епархіи.—Учительскіе институты.—Клерикальные кружки .	802
Иностранное Овозраженіе.—Значеніе септенната.—Министерство Бромлі.—Совершеннѣйшіе Наполеона IV-го.—Реакціонные проекты.—Положеніе военнаго вопроса въ Германіи.—Открытіе англійскаго парламента.—Юбилей короля Виктора-Эммануила.—Новое министерство въ Венгріи .	825
Корреспонденція изъ Берлина.—Сессія германскаго рейхстага.—Е. . .	842
Психологическая критика.—Письма въ Редакцію по поводу „Замчаній“ и вопросовъ профессора Съченова.—П.—К. Д. КАВЕЛИНА .	863
Планъ изданія „Русской Библіотеки“.—Книга первая: А. С. Пушкинъ .	901
Извѣстія.—I. Общество для нособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ: Отчетъ годовому собранію 2-го февраля за 1873 г.—II. Отчетъ Саратовскаго Общества вспомошествованія недостаточнымъ людямъ, стремящимся къ высшему образованію, за 1873 г.—III. Отчетъ о первоначальныхъ дѣйствіяхъ Общества вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета .	904
Библиографическій Листокъ .	

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
А. О. БАЗУНОВА

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 30.

Въ мартѣ поступили въ продажу слѣдующія книги:

ПЕРВАЯ КНИГА

„РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“
АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

75 КОПѢЕКЪ—КНИГА.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.—Портреть.—Биографія.—Вѣлискій и Гоголь о Пушкинѣ.—Первый отдѣлъ: Мѣднѣй Всадникъ.—Полтава (изъ второй и третьей пѣснѣ).—Борисъ Годуновъ (три сцены).—Русалка.—Евгеній Онегинъ (глава вторая и шестая).—Братья Разбойники.—Галубъ.—Второй отдѣлъ: Пѣсни, Сказки и пр., всего 26.—Третій отдѣлъ: Арапъ Петра Великаго (двѣ главы).—Лѣтопись села Гороховна.—Дубровскій (десять главъ).

Всего 25 печатныхъ листовъ.

КРОПОТОВЪ, Д. А. Жизнь М. Н. Муравьева, въ связи съ событіями его времени и по источникамъ еще небывалымъ въ печати. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 2 ф.

БУЦКОВСКІЙ, Н. Очерки судебныхъ порядковъ по уставамъ 2.) Ноября 1864 года, съ портретомъ автора. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. за 4 ф.

ЧИЧЕРИНЪ, Б. Исторія политическихъ ученій. Часть 3-я. М. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

НЕЙМАНЪ, И. Руководство къ изученію болезней кожи, переводъ съ 3-го нѣмецкаго, дополненнаго и исправленнаго изданія подъ редакціей И. П. Черепнина и Д. Н. Шульговскаго, 2-е изданіе. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ДАНИЛЕВСКІЙ, Г. П. Девятый валъ, романъ въ трехъ частяхъ. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ГЮГО, В. Девяносто-третій годъ. 2 тома. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

ТОМЕ, О. Учебникъ ботаники съ 633 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

ПИСЕМСКІЙ, А. Комедіи, драмы и трагедіи. М. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ХЕРГОЗЕРСКІЙ, А. Обзоръ пророческихъ книгъ ветхаго завета. Сиб. Ц. 1 р., вѣс. за 2 ф.

ОСТРОВСКІЙ, А. Сочиненія, томъ 6-й. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

БОГРОВЪ, Г. Записки еврея. Сиб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ДИККЕНСЪ, Ч. Оливеръ Твистъ. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р. вѣс. за 2 ф.

МАЕВЪ, Н. Ежегодникъ. Матеріалы для статистики Туркестанскаго края, в. III. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. за 3 ф.

БУРГТОРФЪ. Луга и выгоны, практическое руководство къ выбору и разведенію луговыхъ травъ и пастбищныхъ растений. Сиб. 1874 г. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

ШМУЛЕВИЧЪ, Я. Кормленіе домашнихъ животныхъ. Сиб. 1874 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

Вѣстникъ Европы. —Апрѣль, 1874.

ПОЛЬ-ДЕ-КОКЪ. Записки, съ портретомъ автора. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

ПЕРРЪ, I. Трагедія въ Мексикѣ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. вѣс. за 2 ф.

КОРНИЛЬ, В. Элементарная гигиена, съ 26 рисунками въ текстѣ. Спб. 1874 г. Ц. 75 к. вѣс. за 1 ф.

ТУЛЬЧИНСКИЙ, М. Оскорбленіе святини иѣщаниномъ Арономъ Пивоваромъ. Одесса. 1873 г. Ц. 50 к. вѣс., за 1 ф.

ДѢТСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Путешествіе Беккера и его жены во внутреннюю Африку и его охотничьи походы. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. вѣс. за 1 ф.

БЕРЛЕШПЪ. Швейцарскія альпы и альпійская жизнь. Спб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ГЛАЗЕНАПЪ, С. Сравненіе наблюденій затмѣній спутниковъ Юпитера, съ таблицами затмѣній, и между собою. Спб. 1874 г. Ц. 2 р., вѣс. за 2 ф.

АНАНОВЪ, С. О терапевтическомъ примѣненіи вдыханій кислорода. Спб. 1873 г. Ц. 80 к., вѣс. за 1 ф.

ГЮБНЕРЪ, I. Прогулка вокругъ свѣта 1871 года, 2 т. Спб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

СТЕБУТЪ, И. Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи. М. 1873 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. за 2 ф.

РЕЙНБОТЪ, П. Сельско-хозяйственное счетоводство. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

ЛОЖЕЛЬ. Англія въ политическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. за 2 ф.

ГЛАЗЪ, К. Книга для экскурсій, руководство къ набіевъ чувствъ, собиранію насекомыхъ, растений и вообще къ постановкѣ коллекцій трехъ царствъ природы. Спб. 1874 г. Ц. 40 к., вѣс. за 1 ф.

ПРОКШЪ, I. Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней. Спб. 1874 г. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

КСЕНО. Тайны турецкаго двора, историческій романъ XIX-го столѣтія. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

БРУНСЪ. Астрономическій атласъ, переводъ Сысоевой. Спб. 1874 г. Ц. 3 р., вѣс. за 3 ф.

ИЛЬИНЪ, А. Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, 45 хромофотографированныхъ картъ. Спб. 1874 г. Ц. 5 р., вѣс. за 5 ф.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЯ

ВЕОДОРА ЕЗЕРСКАГО:

I. Полная наглядная практика торговаго счетоводства по системамъ: простой, двойной, англійской и другимъ, въ двухъ сводахъ вѣрномъ и *уточномъ*. Двѣ части. Дрезденъ. 1874 г. Цѣна первой части 2 р., второй—3 р.

II. Полная наглядная практика торговаго счетоводства по новой (тройной или русской) системѣ, предлагаемой авторомъ. 2 части. Дрезденъ. 1874 г. Цѣна 2 р. 50 к. за каждую часть.

III. Краткая наглядная практика торговаго счетоводства по новой системѣ. Дрезденъ. Ц. 2 р.

Это сочиненіе написано для читателей, не нуждающихся въ спеціальныхъ подробностяхъ, и, понятно, оно вліяетъ для тѣхъ, которые руководствуются только практикою.

IV. Теорія торговаго счетоводства. Дрезденъ. Ц. 2 р.

V. Готовое умноженіе и дѣленіе въ таблицахъ на всякую желаемую величину. Дрезденъ. Ц. 60 к.

BULLETIN

de la librairie de CARL RICKER (A. Münx).

Perspective de Newsky, № 14.

ARNETH et GEFROY, Marie-An-toinette. Correspondance Secrète entre Marie-Thérèse et le C-te. de Mercy-Argen-teau. 2 vols. 8 r.

ATKINSON, An art tour to North-ern capitals of Europe. 6 r.

AUS DEM NACHLASSE Varnhagens von Ense. Briefe von der Universität in die Heimath. 4 r.

AUERBACH, Waldfried. Roman in 3 Bänden. 9 r.

BACH, Dogmengeschichte. I. Band. 5 r.

BAIN, Geist und Körper. Die Theo-rien über ihre gegenseitigen Beziehun-gen. 2 r.

BENEDIKT, Nervenpathologie und Electrotherapie. I. Band. 5 r. 60 k.

BLANCONI, La théorie darwinienne. 5 r. 25 k.

BOURGOIN, Théorie de l'ornement. 8 r. 75 k.

BRAUN, Aus der Mappe eines deut-schen Reichsbürgers, 3 Bände. 11 r. 25 k.

BÄHR, Symbolik des Mosaischen Cultus II. Aufl. I. Band. 4 r.

BASCHET, Le duc de Saint-Simon. Son Cabinet et l'histoire de ses ma-nuscripts. 3 r. 10 k.

BELLEW, From the Indus to the Tigris. 7 r. 70 k.

BISMARCK'S Geflügelte Worte in Schrift und Bild Prachtband. 9 r.

COHN, Entwurf einer Eisenbahn-Ge-setzgebung. 3 r. 60 k.

CHERBULIEZ, l'Espagne politique. 1868—1873. 1 r. 40 k.

CONWAY, The sacred anthology. 6 r. 60 k.

DESPOIS, Le théâtre français sous Louis XIV. 1 r. 40 k.

EGGERS, Christian Daniel Rauch I. Band. 4 r.

FÖRSTEMANN, Geschichte des deut-schen Sprachstammes I. Band. 6 r.

FÖRSTER, Peter von Cornelius. Ein Gedenkbuch aus seinem Leben und Wir-ken. I. Band. 3 r. 50 k.

FIGUIER, L'année, scientifique 1873. 1 r. 40 k.

FORSTER, Pre-historic races. 9 r. 90 k.

FÖRSTER, Der Raub und die Rück-kehr der Persephone und ihre Bedeu-tung für die Mythologie, Literatur- und kunstgeschichte. 4 r.

FRIEDERICH'S, Kunst und Leben-Reisebriefe aus Griechenland, dem Orient und Italien. 2 r.

THE WORKS OF JAMES GILLRAY the caricaturist, with the history of his life and times by Thomas Wright. 17 r. 35 k.

GRANT, Law of bankers. 15 r. 40 k.

HUGO, VICTOR, Quatre-vingt-treize. 6 r. 3 k.

KOCH, Tonlehre. I. Band. 4 r.

KOHL, Geographische Lage der euro-päischen Hauptstädte. 5 r.

KÖRNER, Süd-Afrika. Natur- und Culturbilder geb. 6 r.

KÖRNER, Natur-Ethik. 2 Bände. 6 r.

KLOEDEN, Handbuch der Erdkunde. III Aufl. I. Band. 7 r. 50 k.

LEBERT, Klinik der Brustkrank-heiten. I. Band. 1. 2. Hälfte. 7 r.

LEMCKE, Populaire Aesthetik. IV. Aufl. 4 r. 50 k.

LEWES, Problems of life and mind. I. vol. 6 r. 60 k.

LITTRE, La science au point de vue philosophique. 1 r. 40 k.

LUBBOCK, Die vorgeschichtliche Zeit, erläutert durch die Ueberreste, des Al-terthums und die Sitten und Gebräuche der jetzigen Wilden, deutsche Ausgabe. 2 Bände. 8 r. 50 k.

LOCKYER, Solar physics. 17 r. 35 k.

LOMÉNIE, Beaumarchais et son temps. 2 vol. 2 r. 80 k.

LORENZ, Klimatologie. 7 r. 50 k.

LORENZ, Papstwahl und Kaiserthum. Eine historische Studie. 2 r.

MAILLIES, Catalogue de monnaies absidionales. I—II avec atlas. 33 r. 75 k.

MALTZAN, Reisen in Arabien. 2 Bände. 9 r.

MAQUEST, La France et l'Europe pendant le siège de Paris 1870—71. 4 r. 80 k.

MEYER, Der Emancipations Kampf des IV. Standes. I. Band. 2 r.

MASSÉ, Le droit commercial. 4 vols. 12 r. 60 k.

MILL, Autobiography. 4 r. 50 k.

MÜLLER, Einleitung in die vergleichende Religionswissenschaft. Band. I. pro compl. 4 r.

MARKHAM, A general sketch of the history of Persia. 11 r. 55 k.

MARTIN, The statesman's yearbook for 1874. 5 r. 80 k.

MEYER'S Konversations-Lexicon. III Aufl. 1 Halbband. 2 r.

MILL, JOHN STUART, Selbstbiographie, deutsch von Kolb. 2 r. 25 k.

MONTLEY, The life and death of John of Barneveld, vol. I. Preis pro 2 Bände. 7 r.

NAUMANN, Elemente der Mineralogie. 9. Aufl. 6 r.

NIEMEYER, Lehrbuch der speziellen Pathologie und Therapie. 9. Aufl. I. Band. 1. Abtl. 5 r.

PESCHEL, Völkerkunde. 5 r. 60 k.

RANKE, Sämmtliche Werke. 37 Bd. 2 r. 25 k.

RAILROAD-manual of America. 1873. 19 r. 80 k.

REINISCH, Der einheitliche Ursprung der Sprachen der alten Welt. I. Band. 20 r.

ROTH, Gymnasialpädagogik. 2 r. 80 k.

ROTH, Kleine Schriften, pädagogischen und biographischen Inhalts. 2. Bände. 3 r.

RUMELIN, Shakespeare-Studien. II. Aufl. 3 r.

RUSSEL, The last great war. 6 r. 75 r.

RITTER'S geographisch-statistisches Lexicon. VI Aufl. I Band. 1 Lief. 75 k.

SACKEN, Die antiken Sculpturen des K. K. Münz und Antiken-Cabinet in Wien. 60 r.

SAINT-MARTIN, Histoire de la géographie avec un atlas historique. 16 r.

SANLEY, Numismatique de la Terre-Sainte. 24 r.

SCHAEFER, Literatur-Bilder. 3 r. 75 k.

SCHENZER, Die k. k. oesterreichisch-

ungarische Expedition nach Indien, China, Siam und Japan 1868—71. II Aufl. 7 r. 50 k.

SCHLAGINTWEIT, Die Mormonen, von ihrer Entstehung bis auf die Gegenwart. 3 r.

SCHMIDT, Descendenzlehre und Darwinismus. 2 r. 50 k.

SCHROEDTER, Illustriertes Kräuterbuch. Aquarelle. 16 r. 50 k.

SCHUREN, Zur Lösung der socialen Frage. 2 r. 25 k.

SCHURER, Lehrbuch der neutestamentlichen Zeitgeschichte 7 r.

SAMAROW, Römerfahrt de Epigon. Zeitroman in 3 Bänden. 9 r.

SCHLEICHER, Die deutsche Sprache. III Aufl. 3 r. 50 k.

SCHLIEMANN, Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja, mit Atlas. 30 r.

SCHUBERT, Concordia anthologie classischer Volkslieder für Pianoforte und Gesang VII Aufl. Lfr. 1 à 25 k.

STUBBS, Constitutional history of England. I. vol. 6 r.

TODHUNTER, A history of the mathematical theories of Attraction. 2 vols. 13 r. 20 k.

VILLMORIN'S illustrierte Blumengärtnerei. I. Theil. 10 r.

VARIGNY, 14 ans aux îles Sandwich. 1 r. 40 k.

WAGNER, Geschichte der Belagerungen von Strassburg. I. 3 r.

WALTON, Clouds and their combinations. 42 r. 65 k.

WIESNER, Die Rohstoffe des Pflanzenreichs. 7 r. 50 k.

WIGAND, Der Darwinismus und die Naturforschung Newtons und Cuviers. I. 6 r.

WIRTH, Geschichte der Handelskrisen. II. Aufl. 1. Abtlr. 3 r.

WENJUKOW, Die russisch-asiatischen Grenzlande Lfr. 1/2. 3 r.

ZIEMSEN, Handbuch der speziellen Pathologie und Therapie I Band:

Öffentliche Gesundheitspflege. 5 r.

GESAMMELTE NOVELLEN von „Talvj“. Nebst einer Auswahl bisher und gedruckter Gedichte und einer biographischen Einleitung. 2 Bände. 6 r.

РУССКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ, ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Н. Н. БЕРЕЗИНЫМЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Въ Западной Европѣ энциклопедическіе словари составляютъ непремѣнную принадлежность каждому образованному семейству: оттого иностранные словари и расходятся въ такомъ неограниченномъ количествѣ. Нѣмецкій словарь Брокгауза, наиболѣе распространенный и служащій по размѣрамъ своимъ образцомъ нашему словарю, имѣлъ уже одиннадцать изданій и разошелся въ числѣ трехсотъ тысячъ экземпляровъ. Въ настоящее время объявили въ Германіи разомъ три словаря о новыхъ изданіяхъ: Словарь Брокгауза двѣнадцатымъ изданіемъ, Словарь Пирера (болѣе предъидущаго по размѣрамъ) шестымъ изданіемъ, и наконецъ Словарь Мейера, очень большаго размѣровъ, намечатанный въ числѣ сорока двухъ тысячъ экземпляровъ, выходитъ также новымъ изданіемъ. Во Франціи издается весьма большой Словарь Ларуссомъ.

Русскій Энциклопедическій Словарь предполагаетъ также удовлетворить существенной потребности нашей литературы, и въ этихъ видахъ какъ размѣры изданія, такъ и способъ составленія статей по возможности приравнены къ потребностямъ нашей публики. Нѣкоторые отдѣлы, пренебреженные въ Словарѣ Брокгауза, въ Рус. Э. Словарѣ обработаны съ удовлетворительною подробностью (военный отдѣлъ, морской отдѣлъ, статьи по реальнымъ наукамъ, художественный отдѣлъ и др.). Само собою разумѣется, что отдѣлы о Россіи, въ иностранныхъ словаряхъ занимающій скромное мѣсто, въ нашемъ Словарѣ разработаны специалистами очень тщательно.

Согласно опубликованной прежде программѣ, вышло до сихъ поръ Р. Э. Словаря два съ половиною тома, почему издатель съ увѣренностью можетъ сказать, что въ теченіе перваго, наиболѣе труднаго для изданія года выйдетъ три тома. На все же изданіе потребуются еще не болѣе трехъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что издатель надѣется не выйти изъ пятнадцати томовъ.

Въ настоящее время открывается подписка на годичное изданіе Русскаго Энциклопедическаго Словаря, составляющее шесть тетрадей или три выпуска, равняющихся тремъ томамъ. Цѣна за три выпуска и съ пересылкою двѣнадцать рублей. Деньги уплачиваются при подпискѣ, и на полученіе Словаря выдается билетъ. Гг. подписавшіеся на второй годъ, могутъ получить первый годъ изданія (три выпуска) за тринадцать рублей и съ пересылкою. Казенныя заведенія и бібліотеки могутъ, въ извѣжаніе переписки, уплачивать всю сумму сполна уже по полученіи всѣхъ выпусковъ того или другого года.

Подписка принимается для живущихъ въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. О. Базумова (Невскій, 30). Гг. иногороднихъ просятъ съ своими заявленіями обращаться на имя издателя Н. Н. Березина, въ контору „Русскаго Энциклопедическаго Словаря“, Вознесенскій проспектъ, 27, квар. 30.

Отдѣльно каждый выпускъ стоитъ съ пересылкою пять рублей.

Складъ изданія находится на Литейной, 38, квар. 22. Тамъ же помѣщается и редакция.

Н. БЕРЕЗИНЪ.

ВЪ КОНЦѢ МАРТА ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

СКЛАДЧИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

СОСТАВЛЕННЫЙ ИЗЪ ТРУДОВЪ РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ, ВЪ ПОЛЬЗУ ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ
ГОЛОДА ВЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Спб. 1874. Всего 45 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 рубля, съ пересылкою
4 рубля.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. — Стихотворенія на. П. А. Вяземскаго: I. Крымскія фотографіи 1867 года: I—XII. II. Петръ Алексѣевича. III. Notturmo. IV. Зимняя прогулка. V. На прощанье. VI. Поминки. VII. Замѣтки. VIII. Лѣсъ. — Изъ воспоминаній бывшаго кавказца Барона Ф. Ф. Терьева. — Вѣчный жидъ. Изъ Веракина. В. С. Мурочкина. — Стихотворенія Я. П. Полонскаго. — Живныя моги. Отрывокъ изъ „Записокъ охотника“. М. С. Тургенева. — Стихотворенія. М. М. Случевскаго. — Государственный телѣжикъ прежняго времени (графъ Н. О. Мордвиновъ). А. Д. Градовскаго. — Два нинакитора. Изъ Никольскаго. М. С. Мурочкина. — Горохъ. Н. Щадрина (М. Е. Салтыкова). — Стихотворенія Д. А. Минина. — Кто первый въ Россіи нѣлъ мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ (воспоминаніе о кн. В. В. Голицынѣ). М. П. Погодина. — Герей. Стихотвореніе М. П. Розенгейма. — Изъ замѣтокъ провѣскаго. А. Ф. Богослава. — Стихотворенія гр. В. А. Соллогуба. — Дѣла и дни. К. П. Побѣдоносцева. — 22 августа 1870 г. Стих. Д. П. Ознобенина. — Трудовой хлѣбъ. Сценн А. М. Островскаго. — Ричардъ, Дѣльное Сердце (изъ Гейне). А. М. Струговщина. — Стихотворенія А. В. Тимофеева. — Фрески Каульбаха въ Берлинскомъ музеѣ. В. В. Лесовича. — Хай-дѣвка. А. А. Потѣкина. — Последнее прощаніе (изъ „Корсара“ Байрона). М. Н. Гербеля. — Наброски карандашомъ. Изъ современныхъ этюдовъ: „Мои друзья“. — Петръ Аванасьевичъ Сусловъ. Им. В. П. Мещерскаго. — Стихотворенія. А. М. Плещеева. — Rapem et labore. Стих. В. М. Орлова. — Первенцы лица и его преданія. Я. М. Грота. — Возвращеніе. Стих. П. М. Новалевскаго. — Сценн: I. На рѣкѣ и II. Воздухоплаватель. М. Ф. Горбунова. — Поэту и Читателю, стихотв. Д. А. Михайловскаго. — A la pointe, стихотв. А. Алухтина. — Изъ Томаса Мура, стих. Юліи Довгальской. — Посредникъ. Глава изъ повѣсти. Гр. В. А. Соллогуба. — Стихотворенія А. М. Майкова. — Объ исторической драмѣ г. Островскаго „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій“. А. В. Мининенко. — Маленькія картинки (на дорогѣ) Ф. М. Достоевскаго. — Пѣтунница (изъ Виктора Гюго). В. П. Буренина. — Сценн изъ перваго дѣйствія драмы: „Посадникъ“. Гр. А. М. Толстаго. — Сельская идиллія (изъ дневника неопытной женщины) Марко-Венча. — Три элегіи. М. А. Некрасова. — Изъ воспоминаній и разсказовъ о морскомъ плаваніи. И. А. Гончарова. — Замѣтки о Пушкинѣ. М. И. Страхова. — Гдѣ лучше, стих. П. Быкова. — Бабушкинъ рай. Г. П. Данилевскаго. — Двѣ басни: Хвостикъ и Индюкъ. А. Х. Франца. — Отмѣтки при чтеніи историческаго похвального слова Карамзина Екатеринѣ II. Им. В. Вяземскаго. — Корабль, стих. В. Крылова. — Кроха словеснаго хлѣба. Михаловской. — Стихотворенія Д. Фомъ-Андрѣева. — Изъ Гейбеля, стих. П. М. Вейсберга. — В. И. Живокниги. П. Д. Боберинина. — Стихотворенія А. М. Струговщина.

Подписавшіеся на „Складчину“ обращаются съ своими билетами въ Контору редакціи „Голова“ (Лит., 38); а продажа книги отсрывается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ подъ наблюденіемъ избранныхъ Комиссіею изданія лицъ:

М. И. Омежевскаго, Н. О. Курочкина и Н. В. Гербеля.

Новое періодическое изданіе въ 1874 году:

ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ФИНАНСОВЪ И ТОРГОВЛИ

будеть выходить 52 раза въ годъ, по воскресеньямъ, въ размѣрѣ одного до двухъ печатныхъ листовъ, въ четвертую долю листа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки . .	10 р. — к.
„ „ „ съ доставкою . .	11 „ 50 „
Съ пересылкою въ другіе города.	12 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: для жителей Петербурга — въ книжномъ магазинѣ А. А. ЧЕРКЕСОВА; для жителей Москвы — въ книжномъ магазинѣ Н. Г. СОЛОВЬЕВА, а равно и у всѣхъ книгопродавцевъ. Для иногороднихъ подписка принимается исключительно въ РЕДАКЦИИ: у Анничова моста, по Фонтанкѣ, въ домѣ кн. Любомірской, № 23, кв. № 1.

Издатель и редакторъ О. Н. Баймаковъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.

І. ЮРГЕНСОНА,

П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Вольная Морская, № 9,
(на углу Невского проспекта).

Москва, на Петровскѣ, № 6,
(на углу Кузнецкаго моста).

поступило въ продажу

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА:

Школы для фортепіано: Брассеръ и Лотти, „Сокровище для матерей семействъ“. Элементарная школа для фортепіано, одобренная гг. Гензельтомъ, Рубинштейномъ, Лешетницкимъ, Герье и др. 6-е изданіе (5 р.). „Приложеніе къ сокровищу“. Необходимое дополненіе или часть 2-я элементарной школы для фортепіано (4 р.). Гнзентъ, Полная школа для фортепіано. 15-е изданіе, просмотрѣнное и дополненное 20-ю новыми пьесами изъ любимыхъ оперъ, русскихъ романсовъ и пьесъ профессоромъ Московской Консерваторіи А. И. Дубовикомъ (3 р. 50 к.). Бейеръ, Первоначальная фортепіанная школа для дѣтей самаго нѣжнаго возраста (3 р.). Бургмиллеръ, Первоначальная школа для юныхъ пианистовъ (2 р.).

Упражненія для фортепіано: Berens, Nouvelles études de la vélocité. 4 тетр. (по 60 к., въ одной книгѣ 2 р.). Brunnner, 50 petites études pour les enfants op. 23 (1 р. 30 к.). Burgmüller, 25 Etudes faciles et progressives pour les petites mains op. 100 (1 р. 30 к.); 18 Etudes de genre, faisant suite à l'op. 100 (1 р. 30 к.). Слегну, Etudes de la vélocité en 40 exercices op. 299, тетр. 1. 2. 3. (по 75 к.); тетр. 4 (1 р. 20 к.); Всѣ въ одной книгѣ (3 р.); Exercices journaliers op. 337 (1 р. 50 к.); Die Vorschule zur Fingerfertigkeit. 24 Übungsstücke op. 638, 8 тетр. (по 60 к.); L'art de délier les doigts. 50 Etudes dans le style brillant op. 740, 6 тетр. (по 90 к.); въ одной книгѣ (3 р. 30 к.); 160 exercices de huit mesures op. 821, 4 тетр. (по 75 к.); въ одной книгѣ (2 р. 50 к.). Duvvernoy, Ecole du mécanisme. 15 études op. 120 (1 р. 20 к.).

Для шпія: „Souvenir de l'opéra“. Избранныя аріи съ русскимъ переводомъ: Денизетта, Любовный напитокъ, двѣ аріи (по 20 к.); Лизда, 2 аріи (по 20 к.); Лукреція Борджиа, аріа (20 к.); Лючіа, Секстетъ (35 к.). Беллини, Норма, аріа (20 к.); Соннамбула, аріа (20 к.). Флётотъ, Марта, 2 аріи (по 20 к.). Гуно, Фаустъ, 6 арій (по 20 и 30 к.). Мейерберъ, Гугенотъ, 6 арій (по 15 и 20 к.); Іоаннъ Лейденскій (il Profeta), 2 аріи (по 30 к.); Робертъ, аріа: „Сжалься“ (30 к.). Моцартъ, Донъ-Жуанъ, 2 аріи (по 20 к.). Россини, Зора, 2 аріи (по 20 к.). Верди, Эрнани, 2 аріи (по 20 к.); Риголетто, 3 аріи (по 20 к.); Травиата, 8 аріи (по 20 к.); Трубадуръ, 4 аріи (по 20 к.) и др. Шубертъ, 26 любимыхъ романсовъ (по 15, 20 и 30 к.). Шуманъ, 26 любимыхъ романсовъ (по 15, 20 и 30 к.). Альбомъ классическій, 38 любимыхъ романсовъ Ветховена, Генделя, Моцарта, Мендельсона и др. (по 20 и 30 к.). Альбомъ современныхъ композиторовъ, 17 любимыхъ романсовъ Абта, Кюлена, Мейербергера, Проха, Стиггеля и др. (по 20 и 30 к.). Мендельсонъ, 6 любимыхъ романсовъ на два голоса (1 р.). Вагнеръ, Вечерняя звѣзда изъ Тангейзера, для высокаго голоса (20 к.); для низкаго голоса (20 к.).

За пересылку прилагается особо и взимается съ общаго вѣса послышекъ. Каталогъ дешевыхъ изданій высылается безплатно. Требованія Гг. многочисленныхъ исполнителей съ первоотходящемъ почтомъ. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

РУССКАЯ СЕМЕЙНАЯ ШКОЛА

ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Баронъ Николай Александровичъ Корфъ, желая принять въ семью свою нѣсколькихъ русскихъ дѣвицъ, возрастомъ отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ, для совмѣстнаго воспитанія и обученія съ дочерьми его, при его непосредственномъ участіи и при содѣйствіи жены его и нѣсколькихъ учителей, объявляетъ о томъ соотечественникамъ.

Школа барона Н. А. Корфа помѣщается на весьма удобной дачѣ, окруженной садомъ и представляющей педагогическія . . . оды села, но отстоящей въ то же время отъ центра города Женевы на десять минутъ ходьбы. Одной изъ дочерей барона Корфа двѣнадцатый, а другой пятнадцатый годъ, а потому въ „Семейной Школѣ“ барона Корфа два класса. Конечную цѣль учебной программы барона Корфа составляетъ подготовка учащихся къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, причемъ обращается особенное вниманіе на всесторонность развитія и эстетическое воспитаніе. Такъ, для младшаго возраста удѣляется 8 уроковъ на рисованіе, 2 урока на картотажъ и 2 урока на скульптуру изъ дерева въ недѣлю; оба возраста обучаются музыкѣ. Въ „Семейной Школѣ“ барона Корфа преподаются по-русски русская и сравнительная грамматика, теорія и исторія словесности, географія, исторія и математика; всѣ естественныя науки преподаются по-нѣмецки, благодаря чему воспитанницы овладѣваютъ научнымъ нѣмецкимъ языкомъ. Нѣмецкій, французскій и русскій языки изучаются не только теоретически, но и практически; чрезъ годъ приступать къ англійскому языку. Ежедневно воспитанницы проводятъ съ преподавателемъ по часу въ зоологическомъ музеѣ; въ лѣтнее полугодіе два часа въ недѣлю посвящаются ботаническому саду, а въ канікулярное время ежедневно по два часа посвящаются ботаническимъ экскурсіямъ; ежемесячно воспитанницы посѣщаютъ физическую лабораторію университета, присутствуя при опытахъ, для нихъ заказываемыхъ. „Семейная Школа“ располагаетъ хорошимъ выборомъ наглядныхъ пособій всякаго рода, русскихъ и иностранныхъ книгъ. Въ школѣ живутъ: учитель естественныхъ наукъ и наставница изъ высшаго женскаго училища въ Бернѣ; самъ баронъ Корфъ преподаетъ ежедневно въ своей „Семейной Школѣ“ три часа; кромя того, его школѣ посѣщаютъ для уроковъ нѣсколько учителей и учительницъ.

Учебный курсъ возобновляется съ 15-го іюля русскаго стиля, а потому просятъ обращаться за условіями поступленія воспитанницъ постоянно живущими и приходящими ученицами заблаговременно и, по возможности, не письменно, а лично, къ барону Корфу въ Женеву, по слѣдующему адресу:

Genève. Sur St. Jean. Campagne Gluck. Baron Nicolas Korff.

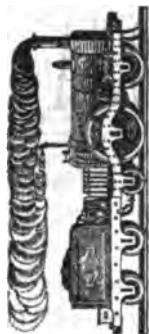

ЛИБАВА

1874.

Сезонъ морскаго купанья отъ 1-го июня до 1-го сентября.

Либавъ, Курляндской губерніи, самый вѣрный городъ на русскомъ берегу Балтійскаго моря, въ 70 вер. отъ прусской границы и въ 800 верстахъ отъ С.-Петербурга, пользуется превосходными климатами и отличными берегами и дюнами для купанья. — Море не замерзаетъ почти цѣлый годъ. — На самомъ берегу, распространенное нѣтъ зданіе *Nisseloid* для теплыхъ ваннъ съ 15 мая, и съ кабинетами для купавшихся въ морѣ. — Дамы имѣютъ отдѣльные кабинеты близъ воды. — На самомъ берегу моря строится ванная. — Въ городѣ теплая ванная и баня Пандера, весьма удобно устроенная. — Православный соборъ съ гимназіей. — Обширный паркъ для прогулокъ, съ «Панцельондомъ»: городская музика и балы. — Залъ Раттауза: концерты. — Нѣмецкій театръ, — Клубъ «Либавскій Досугъ» (*Libauisches Musse*), съ садомъ: табльдоты, обѣды, вечера, музыки, кабинеты для чтенія съ русскими и иностранными газетами. — Столъ погугается на домъ изъ Клуба (40 к. обѣд); легко устроить и собственное хозяйство и прислугу. — *Hôtel de Hambourg*. — *Hôtel de Fêtebourg* и *Zim Koorplatz*. — Почта приходить и отходитъ ежедневно. — Телеграфная станція.

ПУТЬ.

Въ Либаву ѣздить изъ С.-Петербурга:

1) На пароходѣ два раза въ недѣлю, отъ пристани на Вас. остр., до Риги, въ 48 часовъ, и отъ Риги въ Либаву въ 24 часа, каждые пять дней.

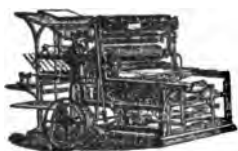
2) По Варшавской желѣзной дороге, поѣздъ въ Либаву отходитъ въ 4 часа дня (*нассажирскій*), чрезъ Динабургъ и Этеаны; прямой билетъ въ 1-ю классъ отъ Спб. до Либавы около 30 руб.; переѣздъ 37 часовъ. Ожидается сокращеніе пути до 28 часовъ, чрезъ Динабургъ-Шавли.

Либавъ, при 12,000 населеніи, имѣетъ около 1,000 домовъ и представляетъ весьма много удобствъ для помѣщеній. — Во время лѣта, квартиры отдаются съ мебелью и посудой; но столовое и спальное бѣлье можно найти только у немногихъ.

Морское купанье начинается съ первыхъ чиселъ июня, и только въ Либавѣ можетъ продолжаться до начала сентября. — Море совершенно открытое до горизонта во всѣ стороны, и потому постоянный прибой волн. — На берегъ выкидывается въ массѣ трава, изъ которой приготовляется весьма лечебный отваръ для теплыхъ ваннъ.

Купанье въ Либавѣ рекомендуется особенно для золотухныхъ дѣтей и для дамъ, страдающихъ нервами; ревматизмъ и истощеніе силъ, послѣ тяжкихъ болѣзней, излечиваются весьма легко, благодаря ваннамъ и здоровому климату Либавы, не доходящей до сѣкъ моря ни холеры, ни другихъ повтрѣй.

Для найма квартиръ обращаться въ Коммиссію Правленія морскихъ купаленъ, въ Либавѣ.

ПАРОВАЯ и СКОРОПЕЧАТНАЯ ТИПОГРАФІЯ

М. М. Стасюлевича.

Въ книжномъ складѣ типографіи находятся:

ХАРАКТЕРИСТИКИ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. А. Н. Пыпина. Спб. 1873. Стр. 514. Ц. 3 р. с. (осталось 50 экземпляровъ).

Настоящій выпускъ составляетъ заключеніе перваго выпуска историческихъ очерковъ того же автора, подъ заглавіемъ: «Общественное движеніе при Александрѣ I» [все распродано].

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ, съ примѣчаніями. Для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, составилъ Андрей Фисоновъ. Ч. IV. Изд. второе, исправленное и дополненное. Спб. 1873. Стр. 877. Ц. 1 р. 60 к.

Всѣ четыре части Русской Христоматіи одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просв. для гимназій и прогимназій, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ — для духовныхъ семинарій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. М. М. Не-стомарова. Первый отдѣлъ: Господство Дома св. Владимира: X—XVII столѣтія. — Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ одинъ большой томъ около 50 печатныхъ листовъ. Отдѣльный выпускъ 1 р. 25 к.; весь томъ 3 р. 75 к.

Первый выпускъ *второго* отдѣла — Домъ Романовыхъ — отпечатанъ; второй — поступилъ въ печать.

АЛЕКСѢЙ СЛОБОДИНЪ. Семейная исторія, въ пяти частяхъ. П. Альминскаго. Спб. 1873. Стр. 457. Ц. 2 р. 50 к.

ФРАНЦЪ ФОНЪ-ЗИКИНГЕНЪ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Фердинанда Лассаля. Перев. А. и С. Крыль. Спб. 1873. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ, ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Состав. П. В. Спб. 1873. Ц. 20 к.

РОБИНЗОНЪ КРУЗЕ, А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоз. Съ 10-ю карт. и 35-ю полтинками. Изд. В. Лесевича. Спб. 1874. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ КУСОЧКА ХЛѢБА. Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ писмахъ. Соч. Масе. Перев. А. Головачова. Спб. 1874. Ц. 1 р. 50 к.

Гг. Книгопродавцы обращаются въ контору типографіи, въ Спб., на В. О., 2-я линія, д. № 7: открыта отъ 10-ти ч. до 1 ч. утра и отъ 3-хъ до 6-ти вечера.

— **ВЪ ПОЛЬЗУ САМАРЦЕВЪ.** —

75 КОПѢКЪ — КНИГА.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи продается:

ПЕРВАЯ КНИГА

ОВЩЕДОСТУПНАГО ИЗДАНІЯ

„РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА“

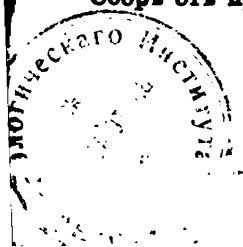
АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

„Русская Библиотека“ имѣетъ цѣлю сдѣлать общедоступнымъ приобрѣтеніе сочиненій отечественныхъ писателей въ выборѣ лучшаго изъ ихъ произведеній. Пушкинымъ начинается открывающійся рядъ предполагаемыхъ книгъ; за тѣмъ послѣдуетъ Лермонтовъ и др.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.—Портретъ, Біографія, Бѣлинскій и Гоголь о Пушкинѣ. — **Первый отдѣлъ:** Мѣдный Всадникъ. — Полтава. — Борисъ Годуновъ. — Русалка. — Евгений Онегинъ (глава вторая и шестая). — Братья Разбойники. — Галубъ. — **Второй отдѣлъ:** Пѣсни, Сказки и пр., всего 26. **Третій отдѣлъ:** Арапъ Петра Великаго.—Лѣтопись села Горюхина.—Дубровскій.—Всего 25 печатныхъ листовъ.

Главный складъ изданія „Русской Библиотеки“ помѣщается въ типографіи М. Стасюлевича, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, д. № 7. Книгопродавцы пользуются, при 100 экземплярахъ, уступкой 10 коп. съ продажной цѣны экземпляра—75 копѣекъ въ бумажѣ, и 1 рубль въ англійскомъ переплетѣ. Иногородные прилагаютъ за пересылку 25 копѣекъ на экземпляръ.

Оборъ отъ продажи первой книги назначенъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи.

Известия въ Туркестанѣ. А. П. Федченко. Томъ II-й: ч. I и V. Съ таблиц. Сиб. 1874.

Намъ дилѣ Петербургъ могъ видѣть во-общу азиатскую жизнь, воспроизведенную съ тщательнымъ талантомъ и въ необыкновенно разнообразіи кистей г. Верещагина. Одно-мѣнно съ этимъ подвигомъ искусства явилось печати и поданіе науки для того же са-моя края. Цѣлыхъ два года были посвящены А. Федченко на одно только изготовленіе къ пе-ни обширныхъ результатовъ своего путеше-ствія въ Туркестанъ; къ сожалѣнію, смерть оста-вила его работу въ самомъ началѣ. Общество любителей естествознанія въ Москвѣ взяло на-я продолжать дѣло покойнаго, и приступило издаванію его путешествія, насколько оказы-вается доступными къ разработкѣ оставшіеся матеріалы. Изъ четырехъ предположенныхъ автора томовъ могутъ быть выполнены только двѣ части. Общество начало со второго на, посвященнаго разработкѣ зоологическихъ спекцій, и въ настоящую минуту сдѣлано уже три выпуска изъ первой части: „Слизняки“, и три — изъ пятой части, посвященной насѣ-комъ: „Чешуекрылы“. Всѣхъ частей во вто-ромъ томѣ предположено шесть, и изъ нихъ пя-ти — въ семи отдѣлахъ. Третій томъ будетъ по-свѣщенъ ботаническимъ результатамъ экспеди-ціи, а четвертый — метеорологіи, крапнологіи и логіи края. Насколько важны для науки три-дѣльные тома, настолько интересенъ будетъ и въ-каждого первый томъ, уже поступившій въ-печать; изъ него самъ авторъ успѣлъ оконча-тельно отдѣлать пять главъ, содержащихъ въ-себя живописное путешествіе въ Коканскомъ хан-ствѣ, съ рисунками, великолепно выполненными-гравирующей и составляющими особый альбомъ. Имя словомъ, судя по первымъ выпускамъ, и-томъ видѣ, въ какомъ издаетъ Общество ма-териалы путешествія А. П. Федченко, его трудъ-иметь весьма почетное мѣсто въ современной-ропейской наукѣ и обогащаетъ ее массою но-выхъ данныхъ, собранныхъ рукою неутомимаго-добросовѣстнаго труженика.

Хронологическій сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ, отъ 1649—1873 г. Сост. и изд. В. О. Леванда. Сиб. 1874. Стр. 1158. Ц. 4 руб.

Хотя, какъ мы слышали, уже приступлено къ новому изданію „Полнаго Собранія Законовъ“, настоящее время почти недоступному для изобрѣтенія, но тѣмъ не менѣе подобный спе-ціальныи сборникъ сохранить свое значеніе и въ изслѣдователя, и для практики жизни до-вольно значительной части населенія Россіи. Въ этомъ сборникѣ предъ нашими глазами про-дѣтъ цѣлая панорама различныхъ положеній-рейскаго вопроса, начиная отъ указа 1649 г. жечь огнемъ безо всякаго милосердія за со-мнѣніе русскаго человѣка въ бусурманство, и-современныхъ намъ гуманнѣйшихъ попытокъ къ-улучшенію правъ евреевъ съ прочими христіан-скими населеніемъ страны. Это послѣднее об-щество подадо автору поводъ исключить въ-орникъ массу законоположеній, которая для-стоющаго царствованія не имѣла никакого от-ношенія къ еврейскому міру, и по нашему-мнѣнію, напрасно только увеличивая его объемъ, въ-какомъ было бы достаточно помѣстить одинъ-единственный, облегчающій участь евреевъ.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, сост. Н. Макаровымъ. Часть русско-французская. Сиб. 1874. стр. 774. Ц. 2 р.

Этимъ объемистымъ выпускомъ нашъ извѣст-ный лексикографъ г. Макаровъ завершаетъ на-чатое имъ дешовое изданіе въ прошедшемъ году, франко-русскій лексиконъ. Въ этомъ трудѣ г. Макарова замѣчательны и самыя качества тру-да, и необыкновенная дешевизна изданія. Имя въ виду недостатка подобнаго же словаря Рей-фа, онъ весьма добросовѣстно позаботился объ-избѣжанія ихъ, и въ то же время намѣлъ воз-можнымъ обогатить свое изданіе фразеологіею въ 20,000 примѣровъ для франко-русской части, а въ настоящей прибавилъ до 600 русскихъ словъ въ дополненіе полнаго словаря. Хотя въ настоя-щее время изученіе новѣйшихъ языковъ въ шко-лахъ отодвинулось назадъ, но тѣмъ не менѣе на-добно думать, что общество оцѣнитъ прекрасный трудъ г. Макарова и воспользуется имъ вполне.

Международная Научная Библиотека. Выпускъ 2-й: Гербертъ Спенсеръ. Изученіе социоло-гическое. Т. I-й Пер. съ англ. и р. И. А. Голосмита. Изданіе Редакціи журнала „Знаніе“. Стр. 305. Ц. 1 р. 75 к.

Мы уже указали въ прошедшемъ мѣсяцѣ на-новое литературное предпріятіе подъ фирмою „Международной Научной Библиотеки“, открыв-шейся изданіемъ труда Воджота. Новый трудъ Спенсера занялъ собою второй выпускъ „Биб-лиотеки“, и служить предисловіемъ къ давно-ожидаемому отъ автора „Основамъ социаль-ной науки“. Въ настоящемъ трудѣ авторъ ограни-чивается разборомъ условій, при которыхъ созда-лись и установились существующія въ человѣче-ствѣ отношенія къ фактамъ общественной жи-зни, и иллюстрируетъ примѣрами изъ англійскаго-быта всю неурядицу современныхъ социологи-ческихъ воззрѣній. Въ формѣ оживленной бесѣды, авторъ возражаетъ особенно противъ смѣшности, съ-которою обыкновенно рѣшаются всѣ социоло-гическія задачи, и требуетъ для нихъ такой же-строгости, какава необходима для каждой науки.

Опытъ статистическаго атласа Россійской Импе-ріи. А. Ильина. 45 хромофотографирован-ныхъ картъ. Сиб. 1874. Ц. 5 руб.

Новое изданіе картографическаго заведенія г. Ильина отличается, какъ и всегда, своимъ-изяществомъ и тщательностью. По своему раз-нообразію и размаху „Статистическій Атласъ“ займетъ, конечно, первое мѣсто въ ряду подоб-ныхъ изданій. 15 картъ посвящены географіи, этнографіи и политикѣ; остальные 30 раздѣляются-между вопросами о населеніи, сельско-хозяй-ственной промышленности и фабрично-заводской. Благодаря тщательному различію въ-густотѣ дѣлѣтъ, можно съ перваго взгляда опредѣлить-густоту или рѣдкость населенія, присутствіе и-степень присутствія той или другой промышлен-ности и т. д. Это — весьма важная вещь для-нагляднаго обученія статистикѣ и географіи въ-школахъ, и вѣдь хорошее справочное руко-водство.

ОБЪ ИЗДАНИИ
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ть КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) Безъ доставки на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) Съ доставкой по городской почтѣ 16 руб.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ И. Г. Соловьева 16 р.—2) Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

III.—Въ губерніи: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

IV.—Заграницею: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прибавляется: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р. — въ Бельгію, Нидерланды и Пидунайскія Княжества; в) 4 р. — во Францію и Дакію; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р. — въ Швейцарію; ф) 7 р. — въ Италію и Египтъ; г) 8 р. въ Америку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

А) Отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова, въ Сиб. Невск. пр. 30.

В) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ допущена выдача газетъ и журналовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступилъ въ продажу

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Сиб. 1873. Стр. 552. Съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Редакція „Вѣстника Европы“, подъ названіемъ „ГОДА“, слѣдила опыту особаго изданія, въ формѣ историко-политическаго обзрѣнія, какъ издаются давно подобныя обзрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежемѣсячными обзрѣніями журнала, исправленными въ новомъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣстѣ въ себѣ главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ Соединенными-Штатами, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обзрѣніе доводится до октября 1873 года.

Цѣна ТРИ рубля.

Для подписчиковъ „Вѣстника Европы“ — ДВА рубля, съ пересылкою въ губерніи.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невск. просп., 30.

AUG 30 1962

